

И.А.БУНИН

Новые материалы
Выпуск I

И.А.БУНИН

Новые материалы

Выпуск I

Mr. Byrnes

И.А. БУНИН

Новые материалы

ВЫПУСК I

Москва
Русский путь
2004

ББК 83.3 (2 Рос)6
Б-91

*Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 04-04-16103д*

Составители *О. Коростелев, Р. Дэвис*

Художник *Е. Вельчинский*

И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. — М.: Русский путь, 2004. 584 с., ил.

ISBN 5-85887-176-3

Сборник представляет собой подготовительные материалы к будущему академическому или хотя бы полному собранию сочинений Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953).

Основу первого выпуска составили материалы зарубежных хранилищ (Leeds Russian Archive, Hoover Institution Archives, Bakhmeteff Archive, отделы рукописей Британской библиотеки, а также библиотек Йельского, Редингского, Сассекского, Эдинбургского университетов). Впервые публикуются в полном объеме значительные корпуса переписки И.А. Бунина с Г.В. Адамовичем, В.Ф. Ходасевичем, Л.Ф. Зуровым, И.Ф. Наживиным, Г. Брандесом, С.А. Ционом, редакторами британского издательства Hogarth Press. Вводятся в научный оборот 25 интервью Бунина, затерянных в периодике 1902–1917 гг.

Издание иллюстрировано фотографиями Бунина и его окружения, хранящимися в Leeds Russian Archive, многие из которых публикуются впервые.

ББК 83.3 (2 Рос)6

© О. Коростелев, Р. Дэвис, составление, редакция, 2004
© Авторы статей, 2004
© Е. Вельчинский, оформление, 2004
© «Русский путь», 2004

Издание задумано как сборник подготовительных материалов для будущего академического или хотя бы полного собрания сочинений Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953).

Публикация рукописного и эпистолярного наследия Бунина началась вскоре после его кончины сперва В.Н. Буниной и знакомыми литераторами-эмигрантами (Г.П. Струве, Л.Ф. Зуров, Г.В. Адамович и др.), затем зарубежными славистами (М.Э. Грин, А. Зверс и др.) и отечественными исследователями (А.К. Бабореко, А.А. Нинов, Л.Н. Афонин, Р.М. Янгиров и др.).

За полвека сделано немало. Вышли несколько представительных собраний сочинений¹ и ряд ценных отдельных изданий текстов и материалов². О Бунине написаны десятки книг, а количество напечатанных работ о нем исчисляется тысячами³. Как в периодике, так и

¹ *Бунин И.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1956; *Бунин И.* Собрание сочинений: В 6 т. М., 1987–1988; *Бунин И.* Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Художественная литература, 1965–1967; *Бунин И.* Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1993–2000.

² *Бунин И.* Окаянные дни; Воспоминания; Статьи / Сост., предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1990; *Бунин И.* Великий дурман / Сост., вступ. ст. и примеч. О.Б. Василевской. М.: Совершенно секретно, 1997; *Бунин И.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Вступ. ст. О.Н. Михайлова; Коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998; *И.А. Бунин: pro et contra* / Сост. Б.В. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова; Коммент. Б.В. Аверина, М.Н. Виролайнен, Д. Риникера; Библиогр. Т.М. Двинятиной, А.Я. Лapidус. СПб.: РХГИ, 2001.

³ Опубликованные Т. М. Двинятиной и А. Я. Лapidус в книге «И.А. Бунин: pro et contra» материалы к библиографии о жизни и творчестве Бунина насчитывают 2229 позиций, и это, разумеется, далеко не окончательная цифра.

отдельными изданиями появлялись публикации архивных материалов¹.

Однако несделанного гораздо больше, необходимой базы для академического или хотя бы полного собрания сочинений Бунина пока не сложилось. Публикуемые работы чаще носят локальный характер, не претендуя на серьезные обобщения и выводы. До сих пор нет библиографии Бунина, не лучшим образом обстоят дела с текстологией. Дневники и письма Бунина опубликованы едва на треть. Не собраны воспоминания о Бунине и хотя бы основные прижизненные отзывы критики о его произведениях. Нет научной хроники жизни (соответственно, и имеющиеся биографии носят преимущественно популярный характер).

Напечатанная недавно библиография публикаций только переписки Бунина насчитывает без малого две сотни позиций (Письма И.А. Бунина и его корреспондентов: Библиография 1896—1997 / Сост. С.Н. Морозов // Российский литературоведческий журнал. 1999. № 12. С.197—213). Однако в каталоге одного лишь бунинского фонда в Русском архиве Лидса содержится несопоставимо большее количество неопубликованных донине материалов (см.: *Heywood Anthony J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov and Lopatina Collections / Edited by Richard D. Davies, with the assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. — XXXIV, 393 p.*). А ведь рукописи Бунина хранятся и во многих других архивах, как отечественных, так и зарубежных.

Настоящий сборник продолжает эту работу. На его страницах планируется впервые ввести в научный оборот архивные материалы, печатать обзоры архивных фондов, оригинальные статьи и исследования, библиографические материалы и т.д.

Публикации, вошедшие в первый выпуск, раскрывают новые или недостаточно освещенные стороны биографии и творчества Бунина. Основу выпуска составили материалы зарубежных хранилищ (Leeds Russian Archive, Hoover Institution Archives, Bakhmeteff Archive, отделы рукописей Британской библиотеки, а также библиотек Йельского, Редингского, Сассекского, Эдинбургского университетов). Впервые публикуются в полном объеме значительные корпуса переписки И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (публикация Олега Коростелева и Ричарда Дэвиса), В.Ф. Ходасевичем (публикация Джона Малмстада), печатается переписка Бунина и Г.Н. Кузнецовой с Л.Ф. Зуровым 1928—1929 гг. (публикация Ирины Белобровцевой и Ричарда Дэвиса), Бунина с Г. Брандесом (публикация Даниэля Ри-

¹ Приведем наиболее значительные: Иван Бунин / Ред. А.Н. Дубовиков и С.А. Макашин // Литературное наследство. Т. 84: В 2 кн. М., 1973; Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. Милицы Грин. Frankfurt am Main: Посев, 1977—1982; Письма Буниных к художнице Т. Логиновой-Муравьевой, 1936—1961. Париж, 1982; С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом / Под ред. Р. Дэвиса и В.А. Келдыша. М.: ИМЛИ РАН, 2002; Бунин И.А. Письма 1885—1904 гг. / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

никера), письма Бунина к С.А. Циону (публикация Жоржа Шерона), письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину 1919–1920 гг. (публикация Вима Кудениса и Ричарда Дэвиса), подробно рассматривается на архивном материале история взаимоотношений И.А. Бунина с лондонским издательством «Хогарт Пресс» (Андрей Рогачевский). Кроме того, печатается переписка В.Н. Буниной и Т.М. Ландау (публикация Екатерины Рогачевской) и посвященные Бунину письма Г.В. Адамовича, Т.А. Осоргиной-Бакуниной и Н.Б. Зайцевой-Соллогуб к Т.Н. Николеску (публикация Татьяны Николеску). Завершает выпуск материал, подготовленный Даниэлем Риникером, который вводит в научный оборот 25 затерянных в периодике и ни разу не перепечатывавшихся газетных выступлений Бунина 1902–1917 гг.

Издание иллюстрировано большим количеством фотографий Бунина и его окружения, хранящихся в Leeds Russian Archive, многие из которых публикуются впервые.

Сборник планируется как неперIODическое издание, выходящее по мере подготовки томов (ориентировочно — ежегодник). В ближайших выпусках — переписка И.А. Бунина с В.Н. Буниной, Б.Г. Пантелеймоновым, Н.Н. Берберовой, В.В. Рудневым, Андреем Седых, издательством «Петрополис», письма И.А. Бунина к М.В. Вишняку, а также статьи зарубежных и отечественных исследователей о жизни и творчестве Бунина.

Кроме того, готовится к печати полный текст дневников И.А. и В.Н. Буниных, а также записных книжек, мемуарных и иных записей.

Крупные корпуса писем в силу большого объема выйдут в рамках сборника отдельными выпусками: переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым, П.А. Нилусом, переписка И.А. и В.Н. Буниных с Б.К. и В.А. Зайцевыми, письма И.С. Шмелева к И.А. Бунину, письма В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой.

Отдельными выпусками предполагается издать и «Материалы к библиографии И.А. Бунина», а также сборники «Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические статьи, рецензии, эссе», «И. А. Бунин в воспоминаниях современников» и «И.А. Бунин: фотоальбом».

Среди авторов, принимающих участие в сборнике, Ирина Белобровцева (Таллин), Александр Галушкин (Москва), Татьяна Двинятина (СПб.), Ричард Дэвис (Лидс), Яков Клоц (Бостон), Олег Коростелев (Москва), Джон Малмстад (Гарвард), Сергей Морозов (Москва), Татьяна Николеску (Рим), Клер Ошар (Париж), Евгений Пономарев (СПб.), Андрей Рачинский (Париж), Вим Куденис (Лувен), Хелла Реезе (Гамбург), Даниэль Риникер (Базель), Екатерина Рогачевская (Лондон), Андрей Рогачевский (Глазго), Жорж Шерон (Лос-Анджелес), Максим Шраер (Бостон), Михил Элст (Брюссель).

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Бабореко.** — *Бабореко А.К.* И.А. Бунин: Материалы для биографии с 1870 по 1917. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1983.
- Белоусов И. Ушедшая Москва.** — *Белоусов И.А.* Ушедшая Москва: Воспоминания. М., 2002. (Русские мемуары. Москва и москвичи).
- Бунин И. Письма 1885–1904.** — *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 гг. / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
- Бунин И. Публицистика.** — *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Вступ. ст. О.Н. Михайлова; Коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998.
- Бунин И. Собр. соч.** — *Бунин И.А.* Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Художественная литература, 1965–1967.
- Вересаев В. Собр. соч.** — *Вересаев В.В.* Собрание сочинений: В 5 т. М.: Правда, 1961. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
- Горький М. Собр. соч.** — *Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1949–1956.
- Диаспора.** — Диаспора: Новые материалы. Париж: Atheneum, СПб.: Феникс, 2001. Вып.1–6.
- Зайцев Б. Собр. соч.** — *Зайцев Б.К.* Собрание сочинений: В 5 т. <Т.6–11 доп.> / Вступ. ст., сост. и примеч. Т.Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 1999–2001.
- И.А. Бунин: pro et contra.** — И.А. Бунин: pro et contra / Сост. Б.В. Аверина, Д. Риникера, К.В. Степанова; Коммент. Б.В. Аверина, М.Н. Виролайнен, Д. Риникера; Библиогр. Т.М. Двинятиной, А.Я. Лapidус. СПб.: РХГИ, 2001.
- Камер-фурьерский журнал.** — *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал / Подгот. текста, предисл. О.Р. Демидовой. М.: Эллис Лак, 2002.
- ЛЖТ** — Летопись жизни и творчества А.М. Горького: В 4 вып. М., 1958–1960.
- Литературное наследство.** — Литературное наследство. М., 1931. Т. 1–102.
Т. 72: Горький и Андреев. Неизданная переписка. М.: Наука, 1965.
Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. М.: Наука, 1973.
Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М.: Наука, 1988.
- Минувшее.** — Минувшее. Исторический альманах. Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 1986–1999. Вып.1–25.
- Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина.** — *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989.

- Нинов А. М. Горький и Ив. Бунин.** — *Нинов А.А. М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества.* Л.: Советский писатель, 1973.
- ОГЛМТ** — Орловский государственный литературный музей И.С. Тургенева (Орел).
- Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина.** — *Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина / Публ. и примеч. Ф.М. Иоффе и С.И. Доморацкой // Горьковские чтения 1958–1959.* М.: АН СССР, 1961. С. 5–126.
- РАЛ** — Русский архив в Лидсе / Leeds Russian Archive. University of Leeds.
- РГАЛИ** — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- С двух берегов.** — *С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом / Под ред. Р. Дэвиса и В.А. Келдыша.* М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Скиталец.** — *Скиталец <Петров С.Г.> Светлые лучи любви: Повести. Рассказы. Воспоминания.* М., 1989.
- Телешов Н. Записки писателя.** — *Телешов Н.Д. Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом.* М., 1953.
- Устами Буниных.** — *Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. Милицы Грин.* Frankfurt am Main: Посев, 1977–1982.
- Хроника.** — *Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 1–4.* М.; Paris: ЭКСМО; УМСА-Press, 1995–2002; *Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 1–4 (5–8).* М.; Paris: Русский путь; УМСА-Press, 2000–2002.
- Чехов А. ПСС.** — *Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т.* М.: Наука, 1974–1983.
- Чуковский К. Собр. соч.** — *Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т.* М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. Т. 1–7.
- VAR** — Bakhmeteff Archive. Columbia University.
- Beinecke** — Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University.
- Hoover** — Hoover Institution Archives. Stanford University.

ПЕРЕПИСКА И.А. И В.Н. БУНИНЫХ С Г.В. АДАМОВИЧЕМ (1926–1961)*

Публикация Олега Коростелева и Ричарда Дэвиса **

«Первый прозаик русского зарубежья» мало о ком из современников отзывался хорошо. Но с «первым критиком эмиграции» его связывали отношения, скорее, дружеские, во всяком случае уважительные, хотя Бунину доводилось ворчать на Адамовича, и полемизировать с ним, и высказывать свое недовольство как устно, так и в печати.

Собственно, и титулом этим — «лучший критик эмиграции» — наградил Адамовича именно Бунин¹. В сознании современников оба писателя принадлежали к «литературной аристократии», и эту свою общность оба прекрасно осознавали.

Для Адамовича, принадлежавшего к литературному поколению даже не детей, а, скорее, внуков, Бунин был живым классиком и авторитет его был непререкаем, хотя Адамович иной раз и позволял себе подтрунивать над классиком и даже иногда не соглашаться с ним, отстаивая вкусы и интересы своего поколения.

Постоянными пунктами расхождения оставались Блок и Анненский, которых Бунин не желал признавать, а для Адамовича они были кумирами. Но уже Достоевского Адамович защищал от нападок Бунина куда более вяло и во многом с позицией Бунина соглашался, провозгласив Достоевского «писателем для юношества». Зато оба полностью совпадали во взглядах на Льва Толстого.

Перу Адамовича принадлежат более трех десятков статей и рецензий, посвященных творчеству Бунина, не считая упоминаний и отзывов в обзорах². Бунин высказывался об Адамовиче в печати несопоставимо реже, хотя

* Тексты И.А. и В.Н. Буниных публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate.

** © Олег Коростелев, Richard Davies, 2004

¹ Литературное наследство. Т. 84. Кн. I. С. 679.

² О Буине // Звено. 1924. 11 февраля. № 54. С. 2; Литературные беседы <рец. на кн.: «Роза Иерихона»> // Звено. 1924. 10 ноября. № 93. С. 2; Литературные беседы

и полемизировал с ним в «Последних новостях», однако сам всегда ждал отзывов критика и даже, как видно из писем, настаивал на них, в переписке же с друзьями оценивал критическое дарование Адамовича весьма высоко (насколько Бунин вообще способен был высоко отзываться о ком бы то ни было из младших современников).

В России Адамович видел Бунина только однажды, весной 1917 г., и с этого начал свои «Воспоминания» о нем: «Впервые увидел я его в петербургском “Привале комедиантов”, на Марсовом Поле. Если не ошибаюсь, он только один раз там и был. Бунин стоял у стены, против входной двери, рассеянно и хмуро глядя по сторонам, всем своим видом показывая, что ничто ему тут не по душе. <...> Помню, у меня и в мыслях не было: подойти к нему, представиться, познакомиться»¹. Членам Цеха поэтов, особенно акмеистам, не положено было любить Бунина — Гумилев ревниво относился к возможным посторонним влияниям и всячески пытался уберечь от них своих питомцев. Настоящее знакомство произошло уже в эмиграции,

<рец. на пов. «Митина любовь»> // Звено. 1925. 13 июля. № 128. С. 2; Литературные беседы <рец. на кн. «Митина любовь»> // Звено. 1926. 31 января. № 157. С. 1–2; Литературные беседы <рец. на кн. «Солнечный удар»> // Звено. 1926. 26 декабря. № 204. С. 1–2; <рец. на кн. «Последнее свидание»> // Современные записки. 1927. № 32. С. 455–456; <рец. на «Жизнь Арсеньева» в «Современных записках»> // Последние новости. 1929. 10 января. № 2850. С. 3; <рец. на «Жизнь Арсеньева»> // Последние новости. 1929. 31 октября. № 3144. С. 3; Литературная неделя <рец. на «Жизнь Арсеньева»> // Иллюстрированная Россия. 1929. 7 декабря. № 50. С. 16; Литературная неделя <рец. на отдельное издание «Жизни Арсеньева»> // Иллюстрированная Россия. 1930. 1 марта. № 10. С. 14; Литературная неделя <рец. на «Божье древо»> // Иллюстрированная Россия. 1931. 16 мая. № 21. С. 21; <рец. на продолжение «Жизни Арсеньева» в «Современных записках»> // Последние новости. 1933. 1 июня. № 4453. С. 3; Лица и книги. I. Бунин // Современные записки. 1933. № 53. С. 324–334; <рец. на окончание «Жизни Арсеньева»> // Последние новости. 1933. 2 ноября. № 4607. С. 3; «9-го ноября» // Последние новости. 1933. 16 ноября. № 4621. С. 3; Перечитывая Бунина // Последние новости. 1934. 15 ноября. № 4984. С. 3; <рец. на «Освобождение Толстого»> // Последние новости. 1937. 23 сентября. № 6025. С. 3; Из мира литературы // Русские записки. 1938. № 12. С. 183–187; <рец. на «Лику»> // Последние новости. 1939. 4 мая. № 6611. С. 3; Бунин // Русский сборник. 1946. № 1. С. 5–7; <рец. на «Темные аллеи»> // Русские новости. 1947. 3 января. № 86; К вечеру И.А. Бунина // Русские новости. 1947. № 125. 24 октября. С. 4; Литературные заметки // Русские новости. 1948. 5 ноября; Бунин // Новое русское слово. 1950. 29 октября. № 14065. С. 8; <рец. на «Жизнь Арсеньева»> // Новое русское слово. 1952. 12 октября; Читая Бунина // Новое русское слово. 1953. 31 мая; Минута молчания // Новое русское слово. 1953. 17 ноября. № 15179. С. 3; Из разговоров с И.А. Буниным // Новое русское слово. 1954. 28 февраля (перепеч.: Новое русское слово. 1978. 14 мая); <рец. на «Петлистые уши»> // Новое русское слово. 1954. 31 октября; Бунин о чеховских пьесах // Новое русское слово. 1956. 19 февраля; <рец. на кн. В.Н. Буниной «Жизнь Бунина»> // Новое русское слово. 1958. 16 ноября. № 16677. С. 8; <рец. на кн. А.К. Бабореко «Бунин: Материалы для биографии»> // Русская мысль. 1968. 14 марта. № 2678. С. 4; Из старых тетрадей // Мосты. 1970. № 15. С. 150–171; Бунин-обличитель // Русская мысль. 1970. 22 октября. № 2813. С. 7 (перепеч.: Новое русское слово. 1970. 25 октября); Бунин: Воспоминания // Новый журнал. 1971. № 105. С. 115–137.

¹ Адамович Г. Бунин: Воспоминания // Новый журнал. 1971. № 105. С. 115.

в 1927 г., когда Адамович вполне сложился как критик и успел напечатать полдюжины статей о Бунине.

С первым, сугубо деловым, письмом Адамович обратился к Бунину по просьбе брата-генерала еще раньше, в 1926 г., а вскоре после знакомства завязалась и полноценная переписка. Назвать ее благостной никак нельзя, несмотря на внешне светский характер. Вспыльчивому Бунину то и дело не нравились какие-нибудь суждения Адамовича в отзывах на его книги или остроты в журнале «Числа», к которому Адамович имел самое непосредственное отношение. Бунин легко вспыхивал, посылал возмущенные письма, но вскоре успокаивался.

Самую серьезную обиду у Бунина вызвала статья «Лица и книги»¹, в которой Адамович имел неосторожность заявить, что, несмотря на близость к Толстому, отдельными чертами характера и творчества Бунин от него очень далек. По свидетельству Адамовича, на эту статью «Бунин жестоко обиделся. Если при встречах он и здоровался со мной, то даже руку подавал как-то небрежно, глядя в сторону, и только после присуждения ему Нобелевской премии, во всеобщем тогдашнем возбуждении и радости, добрые мои отношения с ним полностью восстановились и все улучшались, укреплялись до конца его жизни»².

Вплоть до конца 30-х гг. они обмениваются письмами лишь изредка, по тому или иному поводу. Видимо, обоим хватало личного общения — Адамович и Бунины жили неподалеку друг от друга в Париже или Ницце и достаточно часто встречались. Оживляется переписка во время войны, когда оба начали ощущать, как мир, к которому успели привыкнуть, стремительно меняется и от былого их круга остаются лишь единицы. Основная часть переписки приходится на военное и послевоенное время — наименее изученный период в истории эмиграции.

В письмах Бунин то и дело задирает Адамовича и подтрунивал над ним. Адамович на своеобразный юмор Бунина не обижался, заведомо относясь к нему как к живому классику с трудным характером и при этом интересному человеку, который даже в заведомо несправедливом запале умел быть обаятельным (это хорошо видно, например, в воспоминаниях Одоевцевой, Бахраха и др.). В ответных письмах Адамович иногда соглашался, иногда отшучивался и, лишь когда речь заходила о вещах для него серьезных, твердо стоял на своем.

В конце жизни Бунин серьезно болел, и на его письмах это заметно сказалось. Они становятся все более короткими, все менее связными, пишутся неуверенной рукой. Порой Бунин не пишет сам, а диктует письма Вере Николаевне либо делает небольшие приписки.

После смерти Бунина Адамович на протяжении восьми лет ведет переписку с Верой Николаевной, всячески ее поддерживает, убеждает сестру за воспоминания и настаивает, чтобы она довела работу до конца, а после того как первые фрагменты воспоминаний стали появляться в печати, за-

¹ Адамович Г. Лица и книги // Современные записки. 1933. № 53. С. 324–334.

² Адамович Г. Бунин: Воспоминания // Новый журнал. 1971. № 105. С. 120.

щищает от неблагожелательной критики. Приезжая из Манчестера в Париж, Адамович всякий раз считал своим долгом навестить вдову классика. Светские манеры Адамовича понравились В.Н. Буниной с первого знакомства, о чем она несколько раз упоминает в дневнике. В ее альбом 1 октября 1930 г. Адамович вписал свое стихотворение «Без отдыха дни и недели...», добавив: «Вере Николаевне Буниной преданный ей Г. Адамович» (РАЛ. MS.1067/843). Они обменивались письмами вплоть до кончины Веры Николаевны в 1961 г.

Вся сохранившаяся переписка насчитывает 147 посланий (49 из них адресовано И.А. Бунину, 63 — В.Н. Буниной, 35 — Адамовичу).

Адамович не вел архива и уничтожал практически все письма, к нему приходившие. Исключениями стали лишь некоторые из его адресантов — З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцев, М.А. Алданов. Их письма Адамович, к счастью, все же сберег. Одним из немногочисленных и едва ли не главных исключений был Бунин¹. Его письма сохранились (хотя и далеко не все) в архиве Адамовича и ныне находятся в Beinecke Rare Book and Manuscript Library (Georgii Adamovich Papers. Gen MSS 92. Box 1. Folder 5–7). К письмам В.Н. Буниной Адамович отнесся равнодушнее, хотя их общий приятель Бахрах отмечал «подлинный эпистолярный талант Веры Николаевны — письма она любила писать, писала их всегда подробно и даже “вдохновенно”»². В бумагах Адамовича сохранилось лишь одно письмо, написанное рукой В.Н. Буниной (да и то, видимо, лишь потому, что послание было совместным, Бунину было трудно писать, и он добавил от себя несколько строк), плюс еще одно — недописанное и неотправленное (вероятно, черновик) — отложилось в фонде В.Н. Буниной. Письма Адамовича сохранились гораздо более полно, хотя тоже не все, как видно из ответов Бунина. 49 писем Адамовича к И.А. Бунину и 63 письма к В.Н. Буниной находятся в Русском архиве в Лидсе, соответственно в фондах И.А. и В.Н. Буниных (MSS.1066–1067).

Некоторые фрагменты писем Бунина появились в печати уже через несколько лет после его смерти. Выбранные из писем отрывки, посвященные Чехову, напечатал сам Адамович в материале: *Бунин И.А. О Чехове* (Из писем Г.В. Адамовичу) // *Опыты*. 1956. № 6. С. 25–27. Вскоре после смерти Адамовича подборку из 20 писем опубликовал А. Зверс: *Письма И.А. Бунина к Г.В. Адамовичу* / Публ. проф. А. Зверса // *Новый журнал*. 1973. № 110. С. 158–175 (письма 7, 31, 40, 46, 48, 49, 51, 52, 53, 55, 56, 57, 59, 70, 72, 75, 77, 82, 85, 91 в нашей нумерации). Позже были напечатаны еще четыре письма: «В Ваш архив, дорогой поэт» (Из писем И.А. Бунина Г.В. Адамовичу) // *Наше наследие*. 1991. № 4. С. 136–137. Остальные письма Бунина и все письма Адамовича издаются впервые.

¹ См. письмо Адамовича Бунину от 28 июня 1948 г.: «Я очень люблю получать от Вас письма и мой «архив» только из них и состоит. Другие все летят в печку или в корзину» (№ 73 наст. публ.).

² *Бахрах А.* Бунин в халате. New York: Товарищество зарубежных писателей, 1979. С. 133.

Все письма публикуются по ксерокопиям, сверенным с оригиналами. Сохранены индивидуальные особенности авторского написания и пунктуации, за исключением дореволюционной орфографии. Все случаи вмешательства публикаторов в тексты писем (восстановленные конъектуры, ремарки и пояснения) — в угловых скобках. Авторские шрифтовые выделения в письмах (подчеркивание, разрядка и др.) даются курсивом. В тех случаях, когда послание отправлялось не в виде письма (телеграмма, открытка, записка, надпись на визитной карточке и др.), в угловых скобках указывается вид документа.

При подготовке писем к печати учтены примечания А. Зверса, Н.А. Богомолова, А.Б. Устинова. Общеизвестные имена (Трумэн, Черчилль, Георгий Иванов, Ремизов или Эренбург) не комментируются. Пользуясь случаем, хотим поблагодарить за разнообразную помощь, советы и консультации Татьяну Чеботареву (Нью-Йорк), Ирину Белобровцеву (Таллин) и Льва Мнухина (Москва).

Настоящей публикации любезно содействовали администрации Русского архива в Лидсе (University of Leeds) и Beinecke Rare Book and Manuscript Library (Yale University) и лично куратор последней Una Belau.

1

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

Весна 1926 г. Париж¹

75, rue de Rôme
Paris, 17^e.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Обращаюсь к Вам от имени своего брата², директора Русского Корпуса в Сараево, со следующей просьбой:

жена одного из его бывших воспитанников, г-жа Дашица Хововно перевела на сербский язык два Ваших рассказа, «Солнечный удар» и «Иду». Ей хотелось бы напечатать их в сербских газетах³, но ее смущает, что «все права сохранены». Брат поручает мне спросить Вас, не разрешите ли Вы г-же Хововно поместить переводы и если Вы ставите какие-либо условия, то каковы они.

Кроме того он пишет мне следующее: «если возьмешься, поклонись Бунину глубоко и скажи ему, что если и другим, как мне, кажется, что никто другой его понять лучше меня не может, то это значит, что он понял нас всех». Вы, вероятно, много слышите таких слов и Вас они, может быть, не интересуют. Я пишу Вам их только потому, что исполняю поручение.

Буду Вам крайне признателен за ответ.

Преданный Вам

Г. Адамович

¹ Это явно первое письмо Адамовича к Бунину, написанное еще до личного знакомства (познакомились они в 1927 г.). Датируется предположительно, на основа-

нии того, что в отеле по указанному адресу (75, rue de Rome, Paris, 17^e) Адамович жил весной 1926 года.

² Сводный брат Г. В. Адамовича (младший сын Виктора Михайловича Адамовича от первого брака, с писательницей Надеждой Александровной Лухмановой (урожд. Байковой; 1884—1907), генерал и военный писатель Борис Викторович Адамович (1870—1936), в эмиграции был директором Русского кадетского корпуса в Белграде. Подробнее о нем см.: *Трамбицкий Ю. А. Кексгольмец // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 81—87.*

³ Осуществился ли этот проект, не удалось установить.

2

Г. В. АДАМОВИЧ — И. А. БУНИНУ

31 июля 1927 или 1928 г. Ницца¹

31 июля

Villa Bayley, Avenue Gustave Nadaud, Cimiez
Nice

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич

Я пытался Вам несколько раз звонить, но не мог добиться. Когда к Вам можно приехать? Я свободен на будущей неделе в понедельник, вторник или четверг. Но не знаю, когда Вам удобнее и не хочу ехать наудачу. Поэтому буду от Вас ждать письма. Шлю Вам сердечный привет и целую руки Вере Николаевне и Галине Николаевне².

Преданный Вам

Г. Адамович

¹ Год указывается предположительно, на основании обращения «глубокоуважаемый», что свидетельствует о самом начале личного знакомства (у Адамовича по мере сближения с адресатом обращение «глубокоуважаемый» вскоре сменялось на «дорогой»).

² Г. Н. Кузнецовой.

3

Г. В. АДАМОВИЧ — И. А. БУНИНУ

10 мая 1929 г. Ницца

Ницца, 10 мая 29 г.

Многоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич

Я сегодня уезжаю в Париж. К моему большому и искреннему сожалению я так и не мог быть у Вас. На Страстной неделе не собрался, думал на

Пасху. А на первый день Пасхи заболел, и даже еще сейчас не совсем здоров. Я Вам звонил, но тщетно. У нас дома телефон не действует, а из города — невозможно дожидаться. Шлю Вам поздравление к празднику, хотя и позднее, — простите! Собираюсь вернуться в Ниццу в начале июля, и если позволите, тогда приеду. Как Вы путешествовали, довольны ли поездкой¹? Передайте, пожалуйста, мой самый сердечный привет Вере Николаевне и Галине Николаевне. Очень жалею, что мне не пришлось их и Вас видеть.

Преданный Вам

Г. Адамович

Р. С. Я написал статью о Зурове («Кадет»)² — и развел легкую полемику с Вами³. Вы мне говорили в Париже, что любите это. Поэтому я буду находиться в ожидании печатных обличений и опровержений с Вашей стороны.

¹ В феврале–апреле 1929 г. Бунины и Галина Кузнецова находились в Париже и вернулись в Грасс через Бордо, Биарриц и Лурд. Сохранилась запись Бунина: «Весной 1929 г. <...> уехали из Парижа с В<ерой> и Г<алей> в Biarritz. Останавливались в Бордо <...>. Были в огромном соборе <...> и в подземельи de la Tour Saint-Michel <...>, где 70 мумий» (РАЛ. MS.1066/443). Далее в записи Бунин привел большие выдержки из книги об этой башне: *Ferrus M. Les Momies de Saint-Michel. Paris, 1928* (обложка книги была приложена к записи — РАЛ. MS.1066/9615). У Г.Н. Кузнецовой путешествие вызвало неприятные ощущения, см. дневниковую запись, сделанную ей 2 мая 1929 г.: «...всего вспоминать не хочется. Было слишком много неприятного, главным образом из-за неровности И<вана> А<лексеевича>» (*Кузнецова Г. Грасский дневник. Вашингтон: Victor Kamkin, 1967. С. 97*).

² *Зуров Л. Кадет. Рига: Саламандра, 1928.*

³ В статье Адамович, в частности, писал: «Едва ли будет ошибкой сказать, что быструю популярность Зурову создал Бунин. Все знают, как строг Бунин в своих суждениях, как взыскателен в оценках, — и вот Бунин расхвалил Зурова, никому не ведомого юношу, напечатавшего два или три рассказа в каком-то русском журнальчике и недавно выпустившего отдельным изданием повесть “Кадет”. <...> Его наметил кандидатом в наши здешние зарубежные “звезды”, — посмотрим, есть ли основания эту кандидатуру поддержать.

Скажу сразу: их, на мой взгляд, немного. Зуров — даровитый человек. Но он — как бы это вернее сказать? — не на уровне времени. <...>

Волнение при чтении зуровской повести очень родственно впечатлению от некоторых романов Краснова, в частности, от “Двуглавого орла”. Зуров вообще близок Краснову, и *mentalité* их, приблизительно, одинакова. Но он тоньше, приятнее, вообще “приемлемее” его — не скажу талантливее, потому что у Краснова можно отрицать все что угодно, кроме настоящего незаурядного художественного дарования, погубленного безмерными претензиями автора и его общекультурной малограмотностью. <...>

Кроме “Кадета” в книге имеется несколько рассказов. <...> Это совсем слабые вещи, о которых правильнее всего промолчать.

Предчувствую вопрос: а Бунин? Как решаются вы с легким сердцем противоречить такому судье, — в его же деле, в его области? <...> крупные писатели часто выдвигали и поощряли не тех, кого надо было. Им внушали доверие ученики без творчества, добросовестные и послушные <...> они всегда читали только самих себя, — а не родственного себе просто не вмешали. Вероятно, таков и Бунин. Поэтому за ним и невозможно в его суждениях следовать. Он отрицает почти все чуж-

дое ему. Но при малейшей близости он способен наделить читаемого автора воображаемыми богатствами и восхититься там, где мы, никаких миражей не видя, лишь недоумеваем» (*Адамович Г.* Литературные заметки: О Леониде Зурове, авторе повести «Кадет» // Последние новости. 1929. 9 мая. № 2969. С. 3).

В архиве Зурова сохранилась вырезка со статьей Адамовича, которую Бунин послал Зурову со своими пометами на полях («Глупости!», «Очень глупо», «Правильно», «Вздор» и др.) и утешительным заключением: «В общем, не придавайте значения этой чепухе. “Собаки лают — значит едем” (татарская пословица)» (РАЛ. MS.1068/4974).

Позже Адамовичу случалось отзываться о Зурове и более одобрительно. Например, 17 июля 1958 г. он писал С.Ю. Прегель: «Читаю Зурова: *мне* он совершенно не интересен, но я не могу не видеть, что это талантливый и настоящий писатель» (*Адамович Г.* Одиночество и свобода / Сост., авт. предисл. и примеч. В. Крейд. М.: Республика, 1996. С. 404).

4

Г. В. АДАМОВИЧ — И. А. БУНИНУ

30 июня 1929 г. Париж

9, Boulevard Edgar Quinet
Paris XIV
30/VI-29 г.

Дорогой и многоуважаемый Иван Алексеевич

Я очень виноват перед Вами. Не сердитесь на меня. Мне Г. В. Иванов давно уже передал Вашу книгу¹. Я собрался Вас сразу же за нее поблагодарить, но потом решил сначала стихи Ваши прочесть, потом что-то мне помешало, — и вот до сих пор я Вам не написал.

Конечно, не трудно в таких случаях сочинить объяснения и придумать причину. Но мне *Вам* не хочется говорить неправду. Не было причины, — кроме беспорядочной жизни, от которой ничего вообще у меня не ладится. Позвольте хоть с опозданием поблагодарить Вас от всей души за память и внимание.

У меня нет права — и самонадеянности — писать Вам о Ваших стихах. Я перечел книгу несколько раз, — и перечту, вероятно, еще. Она мне не только доставила высокое наслаждение, но отчасти и дала как будто «ключ» ко всему остальному, что Вы пишете. Мне очень жаль, что Вы, по видимому, не хотите, чтобы я о ней писал².

Как Вы живете, дорогой Иван Алексеевич? Как Ваше здоровье, много ли Вы работаете? Здесь наступило полное окончание сезона, все литературные развлечения прекратились, и пора уезжать. Я скоро собираюсь в Ниццу.

Передайте, пожалуйста, мой искренний привет Вере Николаевне и Галине Николаевне. Еще раз со смущением прошу Вас не очень на

меня сердиться и верить моей признательности и самой глубокой преданности.

Искренно Вас уважающий

Г. Адамович

¹ Бунин И.А. Избранные стихи: 1900–1925. Париж: Современные записки, 1929.

² Отзыв Адамовича на это издание в печати не появился. К стихам Бунина Адамович относился весьма скептически и 28 сентября 1935 г. в процессе составления антологии эмигрантской поэзии «Якорь» сетовал в письме своему соредактору М.Л. Кантору: «Дурное впечатление создается не от *антологии*, а от самих *авторов*: много дурных стихов (Бальмонт! Бунин! и т.д.) — но что мы тут можем сделать!» (К истории русской зарубежной литературы. Как составлялась антология «Якорь» / Публ. и коммент. Г. Струве // Новый журнал. 1972. № 107. С. 251).

5

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

18 ноября 1929 г. Грасс

18.XI.29

Конечно, дорогой Георгий Викторович, Ваша заметка причинила мне некоторую грусть. Одно это чего стоит: «великокняжеский *эпизод*!» Потом — звезды, из которых я будто составил трехцветный флаг... Потом опять это упорное утверждение, будто бы цель «Арсеньева» — «плач о погибшей России»... И наконец, самое неожиданное: Ваше возмущение за революционеров¹. Господи, что Вам до них! И чем я виноват, что молодому Арсеньеву было многое в них несносно? И ужели это несносное выдуманно мною? И почему «нужно *и* их принимать, раз принимаешь Россию»? А что же Вы не принимаете большевиков, «Чайный Союз Русского народа», еврейские погромы? — Впрочем, все это длинная материя. Главное, что мне хотелось сказать Вам сейчас, это то, что все мы очень сочувствуем горю Вашей семьи², от души желаем, чтобы оно поскорее прошло, и что Вы все так очень милы и приятны мне. Обнимаю Вас и надеюсь, что на днях встретимся — мы, верно, скоро будем в Ницце. Привет всему Вашему дому от всех нас.

Ваш Ив. Бунин

¹ Рецензируя сороковую книгу «Современных записок», Адамович писал о новых главах «Жизни Арсеньева»: «...в последнем отрывке новой части действие внезапно перебрасывается из России на юг Франции и связывается с эпизодом из быта эмиграции: смертью и похоронами великого князя Николая Николаевича. По всей вероятности, это отступление является лишь вольностью в ходе повести, а не ее заключением. Похороны великого князя в качестве заключения всей “Жизни Арсеньева” — это было бы слишком неожиданно, слишком насильственно по отношению к главной линии замысла. Но как знать, согласится ли с этим автор? “Жизнь Арсеньева” — это долгий, протяжный “плач о погибшей России”, великолепная “отходная” всему тому,

что Бунин в России любил: укладу, строю, устоявшемуся спокойствию и картинному благолепию ее, — и что в прежнем облике никогда не удастся никакими силами воскресить: уж кто-кто может на этот счет обольщаться, только не Бунин <...> по силе одушевления “великокняжеский” эпизод, пожалуй, самый замечательный. Бунин вплетает в него описание южной зимней ночи, со стремительным мистралем и черно-вороненым небом, “в белых, синих и красных пылающих звездах”. Он как будто не жалеет никаких средств, чтобы дать картину обреченности и непрочности всего сущего в нашем мире и достигает высокого пафоса. Особняком стоят главы о русской революционной интеллигенции. Написаны они едко и блестяще, хочется сказать “антологически”. Бунин не любит Достоевского. Но при чтении этих страниц приходят на ум “Бесы” с забываемой политической вечеринкой в них, когда какая-то девица ежеминутно выскакивает, чтобы заявить о “страданиях несчастных студентов”. Тон и природа насмешки и там и здесь одинаковы. Эти главы “Жизни Арсеньева” сразу вызывают в сознании целый “вихрь” мыслей. Они по страстности своей никого не могут оставить равнодушными. Бунин коснулся в них темы чрезвычайно значительной в судьбах России и притом в наши дни чрезвычайно “болезненной”. Многое можно было бы ему возразить, но это требует и места и времени. Самое простое и короткое возражение такое: все эти непримиримые революционеры из харьковского статистического бюро — все это ведь плоть от плоти России, русские из русских. “Отрицание ее прошлого и настоящего” — как пишет Бунин, — этому несколько не противоречит, и приходится или принять всю Россию, какова бы она ни была, не только со “Словом о полку Игореве”, несказанной красотой которого Бунин так основательно в своем романе восхищается, но и с провинциальными революционными статистиками, которых он не совсем основательно презирает — или найти в себе силы спокойно и с учетом последствий от нее отречься» (*Адамович Г. «Современные записки»*. Кн. XL. Часть литературная // *Последние новости*. 1929. 31 октября. № 3144. С. 2).

² Осенью 1929 г. родную сестру Адамовича Ольгу разбил паралич. 8 ноября 1929 г. Адамович писал З. Н. Гиппиус: «У моей сестры случился паралич на почве сердечной болезни. Это очень серьезно, и если она поправится, будет очень долго. Она не говорит и, по-видимому, наполовину потеряла рассудок» (*Письма Г. В. Адамовича к З. Н. Гиппиус: 1925–1931 / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н. А. Богомолова // Диаспора*. Вып. 3. 2002. С. 528). После смерти матери (1933) Адамович заботился о сестре до ее кончины в 1952 г.

6

Г. В. АДАМОВИЧ — И. А. БУНИНУ

3 декабря 1929 г. Париж

9, Boulevard Edgar Quinet (XIV), Paris

3 декабря 1929

Дорогой Иван Алексеевич

Сердечно Вас благодарю за книгу¹. Мне ее переслали из Ниццы, откуда я уехал с неделю тому назад. Все хотел ответить Вам на Ваше письмо, но не знал, правду сказать, что и как. Я не думал, что моя заметка о «С<овременных> З<аписках>»² может Вас огорчить. Самое большое, я предполагал вызвать у Вас «неудовольствие», и скорей политическое, чем другое. Простите, если вышло не так. Намерения мои были самые лучшие, правда, — как и всегда впрочем. Но к одним только восторгам, без рассуждений и возражений, у меня душа не лежит, и, по-моему, они никому не нужны. Я ско-

рей даже ишу, к чему бы придраться. Мне, кстати, давно хотелось Вас спросить, хотя я и знал, что не получу ответа, — но это мой главный, или один из главных, вопросов к Вам: как Вы удержали в себе любовь и привязанность к «великодержавной» России, т. е. к власти, порядку ее, и вообще «нашему славному прошлому» — вместе с любовью к Льву Толстому, приняв в себя всю его анархическую «отраву»? Я об этом думал и не могу себе этого объяснить. Лично мне кажется, что Толстой гораздо сильнее всего «нашего славного прошлого», и выбирая Толстого, я все-таки от всякой русской славы, другой, против-толстовской, отказываюсь.

Насчет же нигилистов я, конечно, подпустил гражданского пафоса нарочно. Очень их уж обижают теперь, а были это, кажется, люди недалекие, но и неплохие, — как и вся Россия, хотелось бы мне сказать, если бы это не отдавало «афоризмом».

Когда Вы приедете в Париж, дорогой Иван Алексеевич? Мне очень жаль, что я не мог быть у Вас в этот приезд, но я никуда не выходил из дому, или почти никуда. Недели через три я приеду опять, ненадолго. Передайте, пожалуйста, мой поклон и привет Вере Николаевне и Галине Николаевне, которую искренно благодарю за милое письмо.

Преданный Вам
Г. Адамович

¹ Возможно, имеется в виду книга: *Бунин И.* Грамматика любви. Белград, 1929.

² См. примеч. 1 к № 5.

7

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

22 сентября 1930 г. Ницца

22 сентября 1930
Villa Bayley
Avenue Gustave Nadaud, Cimiez
Nice

Дорогой Иван Алексеевич

Я давно уже в здешних краях, но уезжал в горы и недели две, как вернулся. Очень бы хотел Вас видеть. Можно к Вам приехать? Если да, то когда, чтобы Вас не стеснить? Мне удобнее утром — из-за автокарного расписания. Буду очень благодарен за ответ. Как Вы живете? Примите мой самый сердечный привет. Целую руку Веры Николаевны и кланяюсь всем обитателям виллы Бельведер.

Преданный Вам
Г. Адамович

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

15 октября 1930 г. Грасс

15—X—30

Дорогой Георгий Викторович,

На днях вышлю Вам «Петра»¹, а сейчас (с большой благодарностью за Вашу любезность) возвращаю Катаева и Олешу². Катаев все тот же, каким я его знал³, — очень способный и пустой прохвост, порой даже очень глупый и плоский. Олешу не мог дочитать — угораздило же с такой пристальностью написать 200 страниц по такому ничтожному и противному поводу! А еще сообщаю Вам, что получил «Числа», и очень жалею, что участвую в них даже так косвенно — ответом на анкету⁴: в них оказалось не мало просто позорного. Как не стыдно Оцупу⁵ за Яновского⁶, за Талина⁷ и за того остряка⁸, что Кульмана называет Пульманом⁹, а меня язвит потомственным дворянством, как в блаженные времена Редьки и Коробки¹⁰ из «Русского Богатства»! А еще европейцы! <окончание строки густо зачеркнуто>

Ваш Ив. Бунин

¹ Судя по всему, роман Алексея Толстого «Петр I» Адамович давал читать Бунину по его просьбе вместе с другими книгами советских писателей, заслуживающими внимания по мнению Адамовича, в то время регулярно отзывавшегося о новинках советской беллетристики в «Последних новостях».

² За некоторое время до того Адамович писал об этих книгах: Зависть // Последние новости. 1929. 7 марта. № 2906. С. 3; Петр I // Последние новости. 1930. 8 мая. № 3333. С. 3; Рассказы В. Катаева // Последние новости. 1930. 31 июля. № 3417. С. 3; По советским журналам // Последние новости. 1930. 18 сентября. № 3466. С. 3.

³ О встречах с Валентином Катаевым в послереволюционной Одессе Бунин рассказал в «Окаянных днях» (запись 25 апреля 1919 г.): «Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: «За 100 тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...» (Бунин И. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1990. С. 121). Два письма Катаева 1919 г. хранятся в РАЛ (MS.1066/3185—3186).

⁴ Редакция «Чисел» обратилась к писателям с вопросом: «Переживает ли русская литература в настоящее время упадок?» Бунин, отвечая на анкету, писал: «Во всяком случае, упадка за последнее десятилетие, на мой взгляд, не произошло. Из видных писателей, как зарубежных, так и «советских», ни один, кажется, не утратил своего таланта, — напротив, почти все окрепли, выросли. А кроме того, здесь, за рубежом, появилось и несколько новых талантов, бесспорных по своим художественным качествам и весьма интересных в смысле влияния на них современности» (Числа. 1930. № 2/3. С. 318).

⁵ Николай Авдеевич Оцуп (1894—1958) редактировал «Числа» в 1930—1934 гг.

⁶ Бунина возмутил рассказ Василия Семеновича Яновского (1906—1989) о протестутках «Тринадцатые» (Числа. 1930. № 2/3. С. 129—147).

⁷ Имеется в виду отзыв Талина (наст. имя Семен Осипович Португейс; 1880–1944) о литературном вечере Бунина в Salle Gaveau 13 апреля 1930 г., на котором тот читал свои воспоминания. «В течение двух часов читал знаменитый русский писатель, Иван Бунин, из тетрадки злобную запись злобных чувств и злобных мыслей о больших, средних и малых деятелях русской литературы» (*Талин В.* Литератор И. А. Бунин об остальных // Числа. 1930. № 2/3. С. 303).

⁸ Речь идет о заметках под общим названием «Букет любителя прекрасного на грудь зарубежной словесности», посвященных выискиванию перлов в эмигрантской беллетристике. Их опубликовал в «Числах» Георгий Иванов за подписью «Любитель прекрасного». Бунину была посвящена заметка «Чья бы корова трещала»: «Настаиваем, что именно так надо выражаться, если не желаете заслуживать справедливого обвинения в покушении на русский язык и в подрывити священных устоев. Правда, прежде было принято думать, будто бы коровы мычат, но ныне вполне выяснилось, что это просто пошлая выдумка коверкающих родную речь инородцев и лиц податного сословия. Сомневающихся отсылаем к собранию стихов почетного академика и потомственного дворянина И. А. Бунина, где ясно сказано:

В кустарнике трещат коровы
И синие подснежники цветут»
(Числа. 1930. № 2/3. С. 315).

⁹ Кульман Николай Карлович (1871–1940) — филолог, литературовед, профессор Высших Бестужевских курсов и Женского педагогического института, с 1919 г. в эмиграции в Белграде, профессор русской литературы Белградского и Софийского университетов, с 1928 г. в Париже, профессор, затем декан русского отделения историко-филологического факультета Сорбонны, преподаватель Франко-русского института. В «Букете любителя прекрасного на грудь зарубежной словесности» ему была посвящена заметка «Кульмановские вагоны» (каламбур, вызванный созвучием с «пульмановскими вагонами» американского инженера Жоржа Пульмана (George Pullman; 1831–1897), создателя Pullman Sleeping Car Company).

¹⁰ Имеются в виду критики Николай Иванович Коробка (1872–1920) и А.Е. Редько (так подписывали свои совместные произведения Александр Мефодиевич Редько (1866–1933) с супругой Евгенией Исааковной), боровшиеся в начале века с упадочничеством в литературе.

9

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

26 октября 1930 г. Париж

26/X–1930
21, rue Vavin
Hotel Danemark
Paris, VI

Дорогой Иван Алексеевич

Я получил Ваше письмо уже здесь, в Париже. Благодарю Вас за него и за книги.

Я хотел Вам сам написать по получении «Чисел»¹, но узнал, что Вам писала Зин<аида> Ник<олаевна>² и получалось что-то комическое, в

роде «выражения сочувствия», в котором Вы не нуждаетесь. Кроме того, мне трудно выразить свои «мысли и чувства» по поводу «Чисел». Я к ним слишком близок, чтобы от них отречься, но многое в них для меня совершенно неприемлемо — в частности «Свободная» трибуна³. Но Талина⁴ я предпочитаю «любителю прекрасного» и друг<им>. Его злобствования «во имя идеала», хоть и сильно потрепанного, а там просто мелочность и неразумие. Эта ссора Ив<ана> Ив<ановича> с Ив<аном> Никифоровичем становится здешним литературным бедствием.

Относительно нападения на Вас — я думаю, что мне удастся обратить «Числа» на путь истинный. Они очень хотят быть передовым журналом и «переоценивать ценности», но не понимают, кого и что трогать можно, а кого нельзя.

Все это довольно невнятно, простите. Надеюсь видеть Вас в январе, если можно будет к Вам в Грасс приехать. Примите мой самый искренний и сердечный привет и пожелания хорошо и спокойно провести эту зиму.

Преданный Вам Г. Адамович

¹ Сдвоенный второй/третий номер «Чисел» вышел из печати в августе 1930 г.

² 10 октября 1930 г. Гиппиус писала Бунину: «Не думайте, что я “заодно” с численниками и сочувствую их тяжеловесному... полемизированью, или тому, что они “воображают быть” полемикой. Вы мою “личность знаете” (если не забыли), а потому, авось, поверите, что вторую книгу “Чисел” (насколько я ее одолела) сужу я по заслугам и оцениваю ровно во столько, сколько она стоит. Жаль, что <...> негде мне критической своей проникновенности (и беспощадности) показать» (цит. по текстологически весьма сомнительной публикации Т. Пахмусс: Из архива Мережковских. I. Письма З.Н. Гиппиус к И.А. Бунину // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Vol. 22. № 4. 1981. P. 447).

³ Заметки Любителя прекрасного сопровождалась редакционным послесловием: «Редакция “Чисел” в настоящем отделе свободной трибуны предоставляет место для соответствующих писем, заметок, независимо от их художественного или идейного направления».

⁴ О сложном отношении Адамовича к сотруднику «Последних новостей» и «Современных записок» В.П. Талину (другой постоянный псевдоним — Ст. Иванович) см. в его переписке с Гиппиус: *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by Temira Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P.339*; Письма Г.В. Адамовича к З.Н. Гиппиус. 1925–1931 / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А. Богомолова // *Диаспора*. Вып. 3. 2002. С. 451–453. См. также примеч. к статье Адамовича, возражающей Талину: *Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные беседы: «Звено» (1923–1928): В 2 кн. / Вступ. ст., сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1998. Кн. 2. С. 422–425.*

10

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

23 января 1931 г. Ницца

Villa Bayley
Avenue Gustave Nadaud, Cimiez
Nice
23 января 1931

Дорогой Иван Алексеевич

Я приехал в Ниццу и сразу заболел гриппом, две недели пролежал в постели. Благодарю Вас за письмо и за память. Очень бы хотел Вас видеть. Можно ли на будущей неделе — и если можно, то в какой день и час?

Передайте, пожалуйста, мой поклон и самый сердечный привет Вере Николаевне и всем обитателям виллы Бельведер.

Преданный Вам

Г. Адамович

11

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

18 января 1932 г. Ницца

Villa Bayley
Avenue Gustave Nadaud, Cimiez
Nice
18 января 1932

Дорогой Иван Алексеевич

Я, конечно, ни от кого ничего не «требовал» в той статье¹, на которую Вы обратили внимание. Я только выражал свое недоумение. Требовать было бы опасно (не говоря уж о том, что у меня нет на это права), п<отому> что толкание к «современности» может привести к боборыкинству.

Но меня удивляет какое-то невмешательство литературы (здешней) в то, что делается в мире. Шестов любит цитировать фразу Плотина, кажется: «Великая и последняя борьба идет за человеческую душу». Вот, что-то подобное происходит и сейчас... Мне кажется, что сейчас, пожалуй, только после войны, — человек вполне почувствовал свое одиночество: т. е. почувствовал пустоту, после исчезновения, или отхода христианства. Коммунизм, конечно, спасение от одиночества, хоть и грубое, но на *первое время* верное. А что предлагается вместо него? Это будто и в голову

никому не приходит. И никто не возражает на коммунизм и все «строительство», как на что-то серьезное, не случайное не только по русским условиям, но и общим, мировым. Не возражает, вообще, став на *их* точку зрения, приняв ее, *как возможную*.

Простите, я не могу исполнить Ваше желание получить «разъяснение» к тому, что я тогда написал. Все выходит не то, или надо было бы исписать двадцать листов. Если люди встречаются и говорят часто, то они каждую очередную беседу начинают уже как бы с «предпоследней главы», т. к. все остальное, вступительное и общеизлагающее, уже известно. А иначе беззавов не обойтись, или неясность остается неминуемо. Надеюсь, Вы на меня не сердитесь за последнюю фразу в той статье. Она давно уже была у меня в голове, а написал я ее с самыми лучшими и искренними чувствами.

Я в Ницце. Пробуду здесь еще недели две. Можно ли к Вам приехать?

Не откажите передать мой сердечный привет и поклон Вере Николаевне, Галине Николаевне и Зорову.

Преданный Вам

Г. Адамович

¹ Вероятно, Бунин принял на свой счет рассуждения Адамовича в статье «Мысли и сомнения (о литературе в эмиграции)»: «О, как много могла бы сказать русская литература *здесь* в ответ на то, что сказано *там*, если бы только она нашла в себе силы говорить! <...>

Литература не творится в торжестве и успехах. Не питается ими, во всяком случае.

И вот порой приходит в голову: были ли когда-нибудь для литературы условия такой чистоты, такой ответственности, как наши теперешние, — и неужели же мы их пропустим, ничего в них не поняв и не заметив? <...>

Неужели здешняя литература ничего не скажет о человеке, который слишком уж развит, слишком многое помнит, чтобы сливаться и соединяться с другими людьми на почве “наибольших удобств”, “наилучшего распределения материальных благ” и прочих дикарских приманок, — и который бережет не только книжное и сомнительное понятие “духовности”, но и скромную уединенную “душевность”, сейчас исчезающую, сейчас презираемую, почти уже совсем развенчанную, напрасно и легкомысленно, пожалуй... Люди всегда примыкают к победителям, по угодливости своей, всегда “толкают падающего”. Теперь в России — проблемы, завоевания, достижения, новые горизонты, массовые расцветы. Иностранная, а отчасти и эмигрантская, критика все это комментирует, с разной степенью почиттельности. Здесь — “запустение”. И на самом деле — заустение. Комментировать — будем откровенны, — почти нечего. Но неужели же это так и будет дальше? И неужели здесь, в оскудении и одиночестве, в оставленной судьбой и людьми, все-таки единственно-свободной и честной русской литературе никто не найдет слов, которые на веки веков станут “поперек горла” всем небрезгливым победителям и устроителям, останутся вечным укором, вечным упреком и отравой всех будущих коллективных спокойствий?

Есть в эмиграции замечательные писатели, замечательные люди. Не много, — но есть. Икс, например... Ему, кажется, жизнь сейчас открыла глаза на все. Но чем он занят? И как может быть, что никто не обратится к нему, как когда-то Тургенев к Толстому:

— Друг мой, великий писатель земли русской! Неужели же вы так-таки никогда обо всем этом ничего не напишете. Обо всем этом... вам-то, теперь-то уж ведь не надо объяснять, о чем!» (*Адамович Г.* Мысли и сомнения (о литературе в эмиграции) // Последние новости. 1932. 14 января. № 3949. С. 2).

12

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

10 февраля 1933 г. Грасс

<открытка с почтовым штемпелем: Grasse 10.II.33 Alpes-Maritimes>
Monsieur G. Adamovitch
Villa Bayley
Avenue G. Nadaud
Cimiez, Nice

Дорогой Георгий Викторович,
Где Вы? Почему от Вас ни слуху, ни духу? Звонил к Вам — ни гласа, ни послушания. Приедете ли к нам? И когда? Позвоните или напишите.

Ваш Ив. Бунин

Телефон — Grasse, 3–68.

Приезжайте, конечно, к завтраку (к 12, 12S) или часа в 4. Тогда пообедаете, уедете от нас в 10 вечера на Cannes, а оттуда поездом.

Г<алина> Н<иколаевна> спрашивает: нет ли у Вас советской беллетристики?

13

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

25 апреля 1933 г. Ницца

Nice
Villa Bayley, Av. Gustave Nadaud, Cimiez
25 апреля 1933

Дорогой Иван Алексеевич

Простите меня за мое возмутительное поведение. Я получил месяца полтора тому назад Ваше письмо, очень ему обрадовался — и уже собирался отвечать, как заболела моя мать¹ и я уехал в Ниццу. Потом вернулся ненадолго в Париж, а теперь я опять здесь, уже недели три. Оттого и не ответил Вам, что все хотел к Вам приехать, — хотя, конечно, это и не «уважительная» причина. Здесь у меня всякие домашние невзгоды и хлопоты.

Можно ли к Вам приехать? И если можно — то когда? Мне бы очень хотелось Вас повидать, — на будущей неделе — в конце — я уже собираюсь в Париж.

Всего доброго. Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон Вере Николаевне и Галине Николаевне, а также привет Зурову.

Преданный Вам искренно

Г. Адамович

¹ Мать Адамовича Елизавета Семеновна (урожд. Вейнберг) после долгой болезни скончалась 22 июля 1933 г.

14

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

26 апреля 1933 г. Грацс

26.IV.33

Дорогой Георгий Викторович,

Очень, очень рады Вас видеть, ждем. Только почему «в конце будущей недели»? Приезжайте *к завтраку* в субботу 29-го. Думаю, что Вы описались. Если же нет, назначьте на этой «будущей неделе» любой день. Ваше *молчание* примем за согласие приехать именно 29-го.

Amitié!¹

Ваш Ив. Бун.

¹ Дружески! (*франц.*).

15

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

10 ноября 1933 г. Париж

Paris, 10 ноября 1933

Дорогой Иван Алексеевич

Поздравляю Вас от всей души¹, от всего сердца — и *не нахожу слов*, чтобы сказать Вам, как я радуюсь.

Я Вас давно и искренно люблю, — не только как писателя. Думаю, что Вы это знаете. Мне было грустно слышать в последнее время, что Вы на меня «гневаетесь»². Поверьте, Вы для меня были единственным, о котором можно было писать правду (или то, что мне кажется правдой) — не унижая ее пустыми комплиментами.

Впрочем, все это сейчас Вам не интересно. Конечно, Вам — не до того. Шлю Вам низкий поклон — и если позволите — целую Вас с чувством са-

мого искреннего восхищения и преданности. Передайте, пожалуйста, мое поздравление дорогой и глубокоуважаемой Вере Николаевне, и сердечный привет Галине Николаевне и Л. Ф. Зурову.

Ваш Г. Адамович

¹ Адамович поздравлял Бунина с Нобелевской премией, известие о которой было получено 9 ноября 1933 г. Вскоре была опубликована его статья, посвященная этому событию, в которой Адамович назвал 9 ноября праздничным днем для всей русской эмиграции: *Адамович Г. «9-го ноября» // Последние новости. 1933. 16 ноября. № 4621. С. 3.*

² Бунин обиделся на Адамовича за статью «Лица и книги» (Современные записки. 1933. № 53. С. 324–334), в которой тот, отдав дань похвалам и восторгам, вновь выразил свое основное недоумение по поводу некоторых черт творчества и личности Бунина: «Бунин очень близок к Толстому. Он его очень глубоко ошутил. Но при этом в нем остался “страж порядка”, и не в каком-либо расплывчато-туманном смысле, а в хорошо знакомом, традиционно-российском, бессмертно-дворянском. Серная кислота ничего в душе Бунина не разъела, он ни в чем не усомнился. Иногда за некоторыми бунинскими фразами чувствуется этакий отрывистый, энергичный командирский басок: “здоровье государя императора!” А рядом, тут же, неукротимое, правдивое, чудное вдохновение, живая мысль, полные отзвуки стихиям. Не понимаю — ставлю только вопросительный знак. Как могло одно ужиться с другим? <...> вероятно, “стрела христианства”, пронзившая Толстого, прошла мимо него. Даже Чехова она задела, хотя воздействие Толстого на Чехова было не так непосредственно. Бунин же принял здоровье, крепость, первоначальную неразмышляющую доверчивость, — и отошел от того, чем все это в его учителе было испепелено» (*Адамович Г. Лица и книги // Современные записки. 1933. № 53. С. 332–334.*)

16

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

10 января 1934 г. Ницца

Villa Bayley
Avenue Gustave Nadaud, Cimiez
Nice
10 янв<аря> 1934

Дорогой Иван Алексеевич

Пересылаю Вам письмо брата¹ — я о нем Вам говорил. Буду очень благодарен, если Вы найдете минуту, чтобы ответить ему.

Всего хорошего. Желаю Вам от всей души спокойствия и здоровья. Недели через две с Вашего разрешения позвоню на Belvédère — на всякий случай.

Преданный Вам
Г. Адамович

¹ См. примеч. 2 к № 1. Сохранилось поздравительное письмо Б.В. Адамовича от 14 ноября 1933 г. с пометой Бунина: «Ответил 7.III.34. Послал портрет и “Избр<анные> стихи”» (РАЛ. MS.1066/1406).

17

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

10 февраля 1934 г. Париж

10 февраля 1934
26, rue de la Sablière
Paris, 14^e

Дорогой Иван Алексеевич

В таких случаях лучше всего писать, пожалуй, как можно проще.

Не удивляйтесь и не осуждайте меня слишком строго. Я хорошо знаю, что посылать это письмо не следовало бы. Но я верю, что у такого человека, как Вы, понятия «достоинства» или «пристойности» не могут быть высшими и решающими... Иначе Вы не могли бы быть тем, что Вы есть.

Ну, вот: мне крайне срочно, для того, чтобы выпутаться из очень скверного положения, нужно две тысячи франков. Если Вы можете мне их одолжить, я буду Вам бесконечно благодарен. У меня нет абсолютно никакой возможности достать их иначе, и я не знаю, что делать. Верну *точно* 31 марта: поверьте, что я Вас не «подведу».

Простите, Иван Алексеевич, за это неожиданное обращение. Мне правда очень стыдно попасть в число пристающих к Вам теперь людей. Но действительно, я не знаю, что делать.

Преданный Вам Г. Адамович

Если «да», пожалуйста, будьте так добры, пошлите по телеграфу: это очень важно.

Простите еще раз. Г. А.

<Помета на полях рукой Бунина:>

Послал 500 фр.

18

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

Март 1934 г. Париж¹

26, rue de la Sablière
Paris, XIV

Дорогой Иван Алексеевич

Мне опять надо просить у Вас прощения. На этот раз за то, что не сразу написал Вам и поблагодарил Вас. Это, поверьте, от общего моего смущения тем, что я к Вам обратился, и от состояния моих дел.

Спасибо большое. Я очень тронут Вашим отношением ко мне. Как бы я мог на Вас «рассердиться» вместо того, чтобы быть Вам благодарным! Сержусь я только на самого себя.

От всей души желаю Вам всего доброго, дорогой Иван Алексеевич, и прошу верить в мою самую искреннюю, глубокую и давнюю преданность Вам.

Г. Адамович

¹ Датируется предположительно по содержанию письма.

19

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

12 сентября 1934 г. Ницца

Villa Bayley
Av. Gustave Nadaud, Cimiez
Nice (A<Ipes->M<aritimes>)
12/IX—1934

Дорогой Иван Алексеевич

Простите, пожалуйста, что я так неаккуратен с возвращением моего долга. Никак не могу устроить свои дела. Мне очень неловко, что все это — по отношению именно к Вам. Уверен, что Вы это понимаете. Я несколько раз собирался Вам писать, — и потом откладывал. Надеюсь к концу лета исправить свои грехи — и еще надеюсь, что Вы не очень на меня сердитесь.

Как Вы живете, дорогой Иван Алексеевич, как Ваше здоровье? Пишу в Грасс, но не знаю, где Вы. Если можно, очень бы хотел Вас видеть. Я был в деревушке около Ниццы все это время, и вернулся в город недавно.

Передайте, пожалуйста, мой самый сердечный привет и поклон Вере Николаевне и всем обитателям Бельведера, — если только Вы в Бельведере.

Преданный Вам
Г. Адамович

20

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ
6 октября 1934 г. Ницца

<открытка с видом Ниццы, на почтовом штемпеле:
6.X.34>

Monsieur Bounine
Villa Belvédère
Grasse (A. M.)

Дорогой Иван Алексеевич
Я сегодня уезжаю в Париж. Очень жалею, что не могу быть у Вас.
Преданный Вам
Г. Адамович

21

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ
1 ноября 1934 г. Париж

Paris, XIV
26, rue de la Sablière
1 ноября 1934

Дорогой Иван Алексеевич
Конечно, я напишу о вышедших двух томах¹. Каплан² мне их только что передал. Думаю больше всего остановиться на исправлениях текста, которых по его словам мало. Вероятно, статья появится в четверг 15-го (8-го — о «Совр<еменных> записках»³).

Надеюсь, Вы на меня не в претензии за отзыв о книге Зайцева⁴. По моему, она «не на уровне темы» — и Вы к ней слишком снисходительны. Кстати, говоря с Вами в Ницце, я думал, что это *Борис З<айцев>*; не сомневаясь в этом, прочел всю книгу, — и все удивлялся, что автор потерял

всякое чувство слова и стиля! Даже отзыв начал: «новая книга Бориса Зайцева...» — и вдруг увидел, что это Кирилл. Скоро ли Вы приедете в Париж? Тут у всех настроение грустное. «Конец эмиграции»⁵.

Шлю Вам низкий поклон и самый сердечный привет, и целую руку
Вере Николаевне.

Преданный Вам

Г. Адамович

¹ Тома одиннадцатитомного собрания сочинений Бунина (Берлин: Петрополис, 1934–1936) выходили не по порядку. Первыми были напечатаны: «Деревня. Суходол. Подторжье» (1934. Т. 2) и «Митина любовь. Солнечный удар» (1934. Т. 7). Им Адамович посвятил статью «Перечитывая Бунина» (Последние новости. 1934. 15 ноября. № 4984. С. 3).

² Каплан Михаил Семенович (1894–1979) — владелец книжного дела «Дом книги» в Париже, парижский представитель издательства «Петрополис».

³ Адамович Г. «Современные записки». Кн. LVI. Часть литературная // Последние новости. 1934. 8 ноября. № 4977. С. 3.

⁴ О книге Кирилла Иосифовича Зайцева (1887–1975) «И. А. Бунин: Жизнь и творчество» (Берлин: Парабола, 1934) Адамович отозвался весьма скептически: «Нельзя же забывать — как это полностью забывает Зайцев — эпоху, в которую сложился писатель, нельзя забывать борьбу, которую выдержал он с господствовавшими тогда литературными течениями, и всю вообще сложнейшую сеть влияний, отталкиваний, притяжений и противодействий, которой окутана и опутана бывает творящая личность. Одно из двух — или углубленный, острый и смелый анализ духовного мира человека, как бы вырванного из среды, или воспроизведение той обстановки, в которой он работал. То есть: внутри или извне. На первое Зайцев не отважился, от второго уклонился. Мы не узнаем из его книги, почему Бунин оказался единственным из больших художников своей эпохи, не поддавшимся символическим и декадентским соблазнам; не узнаем и того, почему не по пути пришлось Бунину и с традиционным народничеством. По рассказу Зайцева можно только догадываться обо всем этом: нет фактов, нет имен, нет ни малейшей попытки дать “панораму времени”. <...> Отдельваясь расплывчато-лирическими фразами в характеристике основной творческой темы Бунина, он то и дело заставляет его решать всевозможные “проблемы”: проблему любви, проблему родины и даже... проблему Бога. Всякий, кто знает творчество Бунина и чувствителен к фальши, согласится, что одни только эти два слова “проблема Бога” — по самому стилистическому составу своему, по отзвуку и привкусу, уведат нас от бунинской простоты, от его чистоты и мудрости бесконечно далеко <...> Книга как будто написана наспех, “в один присест”. Отражается это и на языке, то сбивающемся на дурной жаргон новейшего газетного типа, то неряшливом до грубых ошибок» (Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1934. 18 октября. № 4956. С. 2).

⁵ Усложнение экономической ситуации во Франции в середине 1930-х гг. сказалось и на эмигрантской жизни. Во второй половине 1934 г. прекратилось издание «Чисел», «Встреч», и даже собрания «Зеленой лампы» в начавшемся сезоне 1934/35 г. не устраивались.

Г. В. АДАМОВИЧ — И. А. БУНИНУ

15 ноября 1934 г. Париж

26, rue de la Sablière

Paris, 14^e

15 ноября 1934

Дорогой Иван Алексеевич

Вероятно, Вы получите четверговый номер «Посл<едних> Новостей» раньше этого письма — и увидите, что я написал статью¹, не дожидаясь третьего тома². Причина «техническая». Я уже собрался писать — и не мог отложить по неимению другой темы.

Насчет изменений в тексте: я вполне с Вами согласен и всех этих выискиваний терпеть не могу. Но, начиная с Ваших издателей, меня все уговаривали именно этим заняться, — и если я об этом Вам написал, то лишь потому, что думал, что и *Вы этого хотите*. Тем лучше, если это не так. Конечно, от будущих «бунинистов» Вам не спастись: они до всего доищутся. Но я рад, что не попал в их число.

Конечно, статья моя вышла туманная и торопливая, и сегодня, ее перечитывая, я все думал: «не то и не так!». Но не знаю, вышло ли бы «то и так», если бы я мог писать ее хоть целую неделю. Вы самый трудный писатель для критики, и, может быть, я напрасно придрался к К. Зайцеву. Не так он и виноват, — хотя жаль все-таки, что, рассказывая о Вас, он разводит свои собственные красоты.

На Colonel Vonnet³ я почти не бываю. Был один раз, в воскресенье, на полчаса — со времени приезда в Париж. Так что «прислушиваться» не могу. Но мне кажется, что «шипения» там и нет. Они очень постарели, очень растеряны, — и если что прежде и было там против Вас, то теперь притупилось, стерлось и потонуло в невообразимой путанице их теперешних интересов и пристрастий. Кстати, там теперь обида на меня (за «Совр<еменные> записки»⁴) — и оттого я и не хожу туда, что не знаю, как мне на эту непонятную обиду «реагировать».

Всего хорошего, дорогой Иван Алексеевич. Шлю Вам низкий поклон и прошу простить, если «перечитывая Бунина» я сказал не совсем то, что сказать надо было.

Преданный Вам

Г. Адамович

¹ Адамович Г. Перечитывая Бунина // Последние новости. 1934. 15 ноября. № 4984. С. 3.

² Третий том собрания сочинений Бунина увидел свет через месяц после первых двух: «Древний человек» (1934. Т. 3).

³ Имеется в виду квартира Мережковских, в Париже живших по адресу: 11bis, avenue du Colonel Bonnet.

⁴ Вторая статья из задуманного Адамовичем цикла больших работ в «Современных записках» об эмигрантских писателях была посвящена Мережковскому. Несмотря на то что Адамович старался высказать свои мысли как можно более мягко (после смерти Мережковского он повторил те же выводы гораздо резче), Мережковский все же остался крайне недоволен статьей, которая уже начиналась не слишком-то лестно: «Его самая характерная черта — отвлеченность. Он почти всегда “вне” жизни, — и этим уничтожает возможность настоящего общения. В его присутствии, в особенности наедине, человеку обычного склада не совсем по себе: от бессилия до конца понять, — не слова, а их устремление, — до конца почувствовать и даже поверить до конца. <...> История литературы сохранит о Мережковском ослабленное, не полное представление. Казалось бы, он весь в своих книгах, — больше, чем кто-либо из наших современников, будучи больше любого из них литератором... Нет, по книгам трудно будет восстановить тон, понятие для Мережковского крайне важное» (Адамович Г. Люди и книги. II. Мережковский // Современные записки. 1934. № 56. С. 284–297). Вторая статья оказалась и последней, продолжать цикл Адамович не стал.

23

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

13 января 1939 г. Ницца

13 янв. 1939

Ницца

Дорогой Иван Алексеевич

Я сейчас прочел в «Посл<едних> Новостях» свою заметку о стихах Карамзиной¹ — и пришел в ужас от опечаток! Там есть фраза почти бессмысленная. Намерения мои были хорошие, но остальное — вне моей власти, если я не в Париже.

Книжку² я Вам привезу через 10 дней, — надеюсь, Вы еще не уедете!

Шлю Вам самый сердечный привет и крепко жму руку.

Ваш Г. Адамович

¹ В статье Адамовича «Литературные заметки» (Последние новости. 1939. 12 января. № 6499. С. 3) речь шла о сборнике М.В. Карамзиной «Стихи» (Нарва, 1939), а также о книгах стихов А. Ладинского «Пять чувств» (Париж, 1938) и С. Кирсанова «Дорога по радуге» (М., 1938). С Марией Владимировной Карамзиной (урожд. Максимова; 1900–1942) Бунин в 1935–1940 гг. активно переписывался и протезировал ей.

² Неясно, о каком издании идет речь. Возможно, имеется в виду выпущенная перед войной книга стихов Адамовича «На Западе» (Париж: Дом книги, 1939).

24

Г. В. АДАМОВИЧ — И. А. БУНИНУ

20 декабря 1939 г. Ницца

Nice

6, avenue Gustave Nadaud, Cimiez

20/XII—1939

Дорогой Иван Алексеевич

Можно к Вам приехать на будущей неделе — во вторник 26-го, в среду или в четверг?

Если у Вас еще не отпала охота меня видеть, напишите, будьте добры, когда Вам удобнее. Буду очень благодарен.

Послал только что Вам книгу¹, о которой Вам говорил, — думаю, Вам интересно будет ее прочесть. Помимо содержания, замечательна разница между тем, как хорошо (в среднем) писали прежде и как отвратительно стали писать теперь (Эренбург и другие). Многое просто невыносимо.

Пожалуйста, передайте мой сердечный привет Вере Николаевне и Галине Николаевне. Надеюсь скоро Вас видеть.

Ваш Г. Адамович

¹ Неясно, о каком издании идет речь.

25

Г. В. АДАМОВИЧ — И. А. БУНИНУ

26 августа 1940 г. Ницца

<на почтовом штемпеле дата: 26 августа 1940>

Monsieur Bounine

Villa Jeanette

Grasse (A. M.)

Дорогой Иван Алексеевич

Спасибо, буду непременно! Мы условились с Мих<аилом> Львовичем¹ встретиться в Café-Табас на площади, у остановки автокаров в 12 1/2.

Не утруждайте себя и не встречайте нас, мы доберемся и одни. Всего доброго. Не откажите передать искренний привет и поклон Вере Николаевне и Галине Николаевне.

Ваш Г. Адамович

¹ Кантор Михаил Львович (1884–1970) — адвокат, критик, поэт, секретарь, а с 1926 г. редактор «Звена», верный друг и соратник Адамовича, вместе с которым они редактировали журнал «Встречи» (1934) и составляли антологию «Якорь». Подробнее об их взаимоотношениях см. в публикациях переписки: «К истории русской зарубежной литературы: Как составлялась антология “Якорь”» / Публ. и коммент. Г. Струве // Новый журнал. 1972. № 107. С. 222–254; К истории русской зарубежной литературы. О парижском журнале «Встречи». С приложением переписки двух редакторов / Предисл. и коммент. Г. Струве // Новый журнал. 1973. № 110. С. 217–246; К истории «Звена»: Письма Г.В. Адамовича к М.Л. Кантору (1924–1927) // Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные беседы: «Звено» (1923–1928): В 2 кн. / Вступ. ст., сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1998. Кн. 2. С. 365–379.

26

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

26 марта 1941 г. Ницца

6, avenue Gustave Nadaud, Cimiez

Nice

26/III–1941

Дорогой Иван Алексеевич

Очень давно ничего о Вас не знаю. Как Вы живете — и что делаете?

Я Вас помню всегда, а в последние месяцы вспоминал особенно, перечитывая старые книжки «С<овременных> Записок» и там многое Ваше. Кстати, сейчас, «в свете текущих событий», как пишут в Москве, все по-другому читаешь и часто понимаешь по-другому. Что было хорошо, стало еще лучше, а что было плохо, стало совсем нестерпимо.

Приезжала в Ниццу из Lavandou Лида¹, сильно протрезвевшая и очень милая.

Кланяйтесь, пожалуйста, Вере Николаевне и всем Вашим. Если Вы когда-нибудь бываете в Ницце, вызовите меня — я очень хотел бы Вас видеть.

Ваш Г. Адамович

¹ Поэтесса Лидия Давыдовна Червинская (1907–1988) была одной из самых горячих приверженок «парижской ноты» Адамовича, и он протезировал ей, считая себя в какой-то мере ответственным за ее судьбу.

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

4 октября 1941 г. Ницца

<открытка с почтовым штемпелем: 4 oct.>

G. Adamovitch

14 avenue Fragonard

Nice

Bien chère Vera Nikolaevna,

Je vous adresse mes félicitations les plus sincères pour le jour de votre fête et vous souhaite de tout coeur, à vous et à Iv<an> A<lekseevich> du bonheur et de la santé. Voici toute une éternité que je ne vous ai pas vu! Comment allez-vous? Comment passez-vous votre temps? Quels sont vos projets, si vous en avez quelques-uns? Moi je voudrais aller à Paris — mais quand? L'avenir est tellement incertain. Ne me laissez pas sans vos nouvelles. J'ai souvent pensé à vous tous pendant ces derniers mois, et suis heureux de vous savoir au moins sains et saufs. Par le temps qui court — ou plutôt, le temps «qui courait» <sic!> — on n'est sûr de rien. Croyez à ma très fidèle amitié et ne m'oubliez pas auprès de I<van> A<lekseevich> et tous les vôtres. Bien à vous.

Georges A.

Перевод с французского:

Дорогая Вера Николаевна,

Шлю Вам мои самые искренние поздравления с именинами¹ и от всего сердца желаю Вам с И<ваном> А<лексеевичем> счастья и здоровья. Уже целую вечность я Вас не видел! Как Вы поживаете? Как проводите время? Каковы Ваши планы, если они у вас есть? Я хотел бы поехать в Париж — но когда? Будущее настолько неопределенно. Не оставляйте меня без ваших новостей. Я часто думал о вас всех в течение последних месяцев и я рад узнать, что вы, по крайней мере, живы и здоровы. По текущему времени, или скорее по времени, «которое текло», мы не можем быть ни в чем уверены. Уверяю Вас в моей верной дружбе и прошу передать привет от меня И<вану> А<лексеевичу> и всем Вашим. Всего доброго.

Георгий А.

¹ В 1941 г. В.Н. Буниной исполнилось 60 лет. Именины Веры, Надежды, Любви и Софии — 17/30 сентября.

28

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

10 апреля 1942 г. Ницца¹

14 avenue Fragonard
Пятница 10-го апр.

Дорогой Иван Алексеевич

Я не совсем здоров: отравился на Пасху крутым яйцом! Решил сегодня не ходить в Café de France, а посидеть на солнце на набережной. Только что — в 5 ч. веч. — вернулся домой, и нашел Ваше письмо. *Очень* жалею, что не видел Вас! Спасибо за память. Надеюсь, что если будете еще в Ницце, снова дадите знать. Как здоровье Веры Николаевны? Шлю Вам и всем Вашим самый сердечный привет.

Ваш Г. Адамович

¹ Год установлен предположительно по содержанию. 10 апреля выпадало на пятницу в 1942 г.

29

Г. В. АДАМОВИЧ — И. А. БУНИНУ

19 ноября 1942 г. Ницца

14 av. Fragonard, Nice
19/XI—1942

Дорогой Иван Алексеевич

Лида Червинская переслала мне письмо Арн<ольда> С<амсоновича> Блоха¹, которое я в свою очередь пересылаю Вам.

Как Вы увидите, дело касается Фельзена². Я давно уже думал, что с ним что-то произошло, т. к. после того, как он перебрался в Лион, от него не было известий. Теперь пришло подтверждение.

Дорогой Иван Алексеевич, я верю и надеюсь, что Вы не откажетесь написать письмо, которое, может быть, облегчит судьбу Фельзена³. Вы его знаете так же хорошо, как я. Больше мне нечего сказать.

Как Вы живете? Бываете ли когда-нибудь в Ницце? Шлю Вам и Вере Николаевне низкий поклон и привет. Читал недавно нью-йоркский журнал и восхищался Вами⁴ (а вообще-то журнал сероватый, и в теперешней неразберихе сидящий между двумя стульями⁵). До свидания. Надеюсь скоро Вас видеть.

Ваш Г. Адамович

¹ Арнольд Самсонович Блох — человек Монпарнаса, близкий друг Л.Д. Червинской. В.С. Варшавский в своей книге, вспоминая о парижских литераторах младшего поколения, заявил: «Нужно назвать еще А.С. Блоха, человека не написавшего ни одной строчки, но сыгравшего в возникновении “парижской школы” большую роль, чем многие поэты» (*Варшавский В.С. Незамеченное поколение.* Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956. С. 178).

² О последних годах жизни погибшего в концлагере Юрия Фельзена (наст. имя Николай Бернгардович Фрейденштейн; 1894—1943) см. в публ.: *Ливак Л. Материалы к биографии Юрия Фельзена // From the Other Shore: Russian Writers Abroad: Past and Present.* 2001. Vol. 1. С. 47—70.

О Фельзене вдова известного критика Людмила Вейдле 21 декабря 1983 г. писала В.С. Яновскому, исправляя неточности в его воспоминаниях: «Фельзен был арестован в Париже франц<узской> полицией и сидел в тюрьме Cherche-Midi. Когда был освобожден, то с помощью доктора Поповскова <видимо, Поповского> его удалось запрятать в женскую частную клинику под Парижем, а затем перевести в другую клинику в Passy.

В Лионе Н<иколай> Б<ернгардович> был арестован франц<узами> и длительное время был в тюрьме. Благодаря литерат<урным> франц<узским> связям моего мужа, и с большой помощью F<rançois> Mauriac'a, Фельзен был освобожден и скрывался в какой-то резистантской семье. Каким образом он вошел в контакт с группой людей для переправки в Швейцарию, я не знаю. На самой границе, в Анпесу он был арестован немцами и возвращен в Париж — и прямо в лагерь Drancu, откуда очень скоро отправлен в Германию» (цит. по: *Ливак Л. Материалы к биографии Юрия Фельзена.* С. 68—70).

³ По-видимому, Бунин откликнулся на эту просьбу. Сохранились открытки, посланные Фельзеном из Лиона 23 ноября и 5 декабря 1942 г., в которых он благодарит Бунина за поддержку (РАЛ. MS.1066/2549—2550).

⁴ Первый номер только что созданного в Нью-Йорке «Нового журнала» открывался рассказом Бунина «Руся» (Новый журнал. 1942. № 1. С. 8—27). Второй номер — рассказом «Натали» (Новый журнал. 1942. № 2. С. 5—37).

⁵ В первые годы существования «Новый журнал» печатал очень много публицистики, что вскоре стало смущать даже редакторов журнала. Роман Гуль позже считал одним из главных недостатков журнала военного периода «переполнение первых книг “Нового журнала” политически-злободневными статьями» (*Гуль Р. Двадцать пять лет «Нового журнала» // Гуль Р. Одвуконь.* Нью-Йорк: Мост, 1973. С. 166). 16 июня 1950 года М.М. Карпович писал новому сотруднику журнала В.Ф. Маркову: «“Политическая грызня” и мне надоела — и я стремлюсь расширить “культурно-литературный” отдел “Н<ового> ж<урнала>” за счет политики. “Староверы” уже упрекают журнал за то, что он недостаточно “актуален”. Но почему “культура” не актуальна? Одно из отвратительнейших явлений нашего времени есть “политизация” жизни. Отрицание автономии культуры — один из смертных грехов большевизма (как и всякого тоталитаризма). Борьба с этой “политизацией” — самая насущная и актуальная задача» (Собрание Жоржа Шерона. Лос-Анджелес). Избавиться от засилья политики журналу удалось лишь к середине 50-х гг. Основной идеологической линией журнала, которую пыталась проводить редакция из-за океана, было осуждение обоих полюсов тоталитаризма, как фашистского, так и советского, что в воюющей и поделенной на два лагеря Европе просоветски настроенному Адамовичу понять было трудно. В своей оценке «Нового журнала», как не выдерживающего уровень довоенных изданий, Адамович был не одинок. Несколькими годами спустя, 19 апреля 1951 г., Георгий Иванов писал М.М. Карповичу: «То, что в эмиграции возможны были “Современные записки”, и высота уровня, и количество выпущенных томов, — я считаю поразительным явлением. Теперь считаю “а как живо было дитятко”. Для “Нового журнала” — физически невозможен этот по-настоящему “великодержавный” уровень, но сами знаете — что по сравне-

нию с “Нов<ым> журналом” все решительно остальное» (Переписка Георгия Иванова / Публ. Веры Крейд и Вадима Крейда // Новый журнал. 1996. № 203–204. С. 174–175).

30

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

7 марта 1944 г. Грасс

7.3.44

Дорогой, милый друг, где Вы и что с Вами? Если погонят¹, куда двинетесь? Я повсюду шлю раздирательные мольбы о хотя бы *продлении* срока пребывания здесь — и валюсь с ног от каторжной работы по уборке дома и приготовлению чемоданов, совершенно не зная, куда деваться, если погонят.

Напишите словечко.

Обнимаю Вас от всей души,

Ваш Иван Бунин

В Париже у нас квартирка, но говорят, что для П<ариж> надо нем<ецкое> разрешение.

¹ После оккупации Приморских Альп немецкими войсками в середине февраля 1944 г. началась эвакуация иностранцев из непосредственно приморской зоны, в которую входили Ницца и Грасс. Бунины также готовились к эвакуации, но потом получили разрешение остаться в Грассе (РАЛ. MS.1067/414; Устами Буниных. Т. 3. С. 163–164).

31

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

8 марта 1944 г. Ницца

14 av. Fragonard

Nice

8 марта 44

Дорогой Иван Алексеевич

Спасибо, что вспомнили.

Я пока остаюсь в Ницце. Ехать некуда, не на что, не на чем. Подал прошение префекту, с приложением медицинских свидетельств. Сестра в параличе, а я при ней один. Надеюсь, что внемлют.

Никак не думал, что и у Вас волнения. Грасс ведь вне эвакуационной зоны. По-моему, все это вообще кончится ничем, и лучше всего ждать,

пока «образуется». Ницца пуста совсем, если говорить о знакомых и друзьях: на улицах все те же толпы. До свидания, дорогой Иван Алексеевич, — но когда это свидание будет? Где, как. Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет и поклон Вере Николаевне и всем Вашим. Я все чего-то жду, и сохну от нетерпения. Еще раз спасибо, что написали.

Ваш всегда

Г. Адамович

Простите за литературный комплимент «мимоходом»: на днях читал у Вас, как разговаривали Горький с Шаляпиным и Андреевым:

— Ты, Леонид

— Ты, Федор и т. д.¹

и восхитился не только меткостью этой детали, но и справедливостью презрения ко всему этому душевному складу, с дутым величием и фальшью. Только, по-моему, из них всех Горький был лучше других, хотя, вероятно, и не самый талантливый. Вот, совсем конец света настал, а литература все-таки — вещь интересная!

¹ Адамович имеет в виду статью Бунина «Перечитывая Куприна», начинавшуюся словами: «Перечитывая Куприна, думая, между прочим, о времени его славы, вспоминаю его отношение к ней. Другие — Горький, Андреев, Шаляпин — жили в непрестанном упоении своими славами, в непрерывном чувствовании их не только на людях, во всяких публичных собраниях, но и в гостях друг у друга, в отдельных кабинетах ресторанов, — сидели, говорили, курили с ужасной неестественностью, каждую минуту подчеркивали избранность своей компании и свою фальшивую дружбу этими к каждому слову прибавляемыми “ты, Алексей, ты, Леонид, ты, Федор...”. Куприн же, даже в те годы, когда едва ли уступал в российской славе не только Горькому, Андрееву, но и Шаляпину, нес ее так, как будто ровно ничего нового не случилось в его жизни» (Современные записки. 1938. № 67. С. 309). Впоследствии Бунин включил этот эпизод в главу «Куприн» (1938) своих «Воспоминаний» (Париж: Возрождение, 1950).

32

Г. В. АДАМОВИЧ — И. А. БУНИНУ

20 ноября 1944 г. Ницца

20/XI 1944

Nice

Дорогой Иван Алексеевич

Очень был рад получить от Вас несколько слов.

Как видите — я в Ницце. Собираюсь в Париж, но когда — еще не знаю. Хотел бы провести зиму здесь. А между тем, надо что-то делать, чем-то заняться: только чем и зачем? Жду письма от Кантора¹, кото-

рый туда поехал недели две тому назад и обещал обо всем меня осведомить.

Роговский² в Париже. Должен вернуться не сегодня завтра. Левин³ здесь, но все хворает и собирается делать операцию. Вот его адрес: 17, rue Berlioz, Mr Levin (не Levine). Шики⁴ где-то в центре Франции, уцелели. Знаете ли Вы, в какую историю попала Лида⁵? Очень за нее страшно. Приезжайте, дорогой Иван Алексеевич, в Ниццу, целый век я Вас не видел, а повидать очень бы хотел. Только, пожалуйста, предупредите. Если бы Вы приехали с ночевкой, хорошо было бы вместе пообедать. Сердечный привет и поклон Вере Николаевне.

Ваш Г. Адамович

¹ Переписка Адамовича с Кантором военных лет не сохранилась.

² Роговский Евгений Францевич (1888–1950) — до революции присяжный поверенный, член партии эсеров, в 1917 г. петроградский градоначальник, осенью 1918 г. товарищ председателя Уфимского Государственного совещания. В эмиграции — «бизнесмен, пользовавшийся репутацией афериста и спекулянта», по характеристике Е. Эткинда (Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 1. Иерусалим, 1992. С. 317). В 40-х гг. был директором Русского дома в Жуан-ле-Пен (Juan-les-Pins), курортном месте на Лазурном Берегу близ г. Антибы.

³ В адресных книжках Бунина это имя не встречается. Возможно, речь идет о коммерсанте и общественном деятеле Семене Яковлевиче Левине (1890–1958).

⁴ Имеются в виду общие знакомые Бунина и Адамовича — журналист и критик Александр Адольфович Шик (?–1968) с супругой.

⁵ В.С. Яновский в своих мемуарах упоминает «о “деле” Червинской во французском резистансе и суде над нею (после войны). Червинской поручили ответственное задание, посвятили в секрет, от которого зависела жизнь двух десятков детей. Тут вся ошибка не ее, а тех — вождей, руководителей! Поручать, в то время, Червинской, ответственные, практические задания — явное безумие!» (Яновский В.С. Поля Елисейские. Нью-Йорк: Серебряный век, 1983. С. 236–237). Под арестом Червинская провела довольно длительный срок. 30 сентября 1945 г. Н. Берберова писала М. Алданову: «Бедная Червинская до сих пор в тюрьме!» (Новое литературное обозрение. № 39. 1999. С. 149).

33

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

Начало третьей декады ноября 1944 г. Ницца¹

Дорогой друг, рад, что Вы не уехали — и потому, что надеюсь увидеть Вас наконец, и по той причине, что в Париже Вы уже замерзли бы — Париж уже начинает замерзать во льду, как «Фрам» Нансена². Надеюсь быть в Ницце во вторник 28-го утром и буду Вас ждать в кафе «Buffa» (знаете, конечно, — на углу Gambetta) от 12 до часу — с ночевкой приехать никак не могу, так что можем только позавтракать вместе; если же Вы в три часа не можете быть, — что будет ужасно жаль, — буду сидеть с

3-х до 4-х в кафе под казино — там, где мы не раз встречались. Видеть Вас ужасно хочется.

Сердечно обнимаю.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Известите обо мне Роговского, пожалуйста.

¹ Датируется по содержанию и связи с № 32.

² В 1890 г. норвежский путешественник Фритъоф Нансен (Nansen; 1861–1930) решил достичь Северного полюса, дрейфуя на судне вместе со льдом. В 1893–1896 гг. Нансен осуществил свой проект на специально построенном для этой цели судне «Фрам». Ход экспедиции широко освещался в мировой прессе.

34

Г. В. АДАМОВИЧ — И. А. БУНИНУ

20 декабря 1944 г. Ницца

20/XII—1944

Ницца

Дорогой Иван Алексеевич

Вот адрес Алданова:

109 West 84 Street, New York 24

Как Ваше здоровье? Надеюсь, что простуда была пустяшная и Вы уже совсем поправились. А писать я Вам собирался давно, сразу после нашего свидания, но помешали домашние дела: болезни, хлопоты и т. д. Моя те-тушка, В. С. Белей¹, у которой я жил, скончалась 16 декабря, и теперь я остался один с сестрой. Жизнь моя еще осложнилась, т. к. сестра моя в полупараличе и ее нельзя оставлять одну дома. А как я поеду в Париж? Будущее тревожит меня еще больше, чем прежде.

Но все это — мои личные дела. Писать я хотел Вам, конечно, о дру-гом: по поводу Вашей беседы с Роговским и Вашего «отталкивания» от него. Я понимаю, что Вас раздражает самый этот стиль: организация, плат-форма, кооптация; не знаю что еще. Но очень прошу Вас, не отказывай-тесь окончательно от участия в этом деле². Ваше имя, как Вы сами знаете, незаменимо, и Ваш отказ, который станет всем известен, может многих смутить. Между тем, дело скорей хорошее, и нельзя жить совсем в стороне от всего, что делается на свете. Нельзя — по практическим соображениям: куда-то, к какой-то из враждующих сил приткнуться надо, чтобы не по-гибнуть. «Друг мой, великий писатель земли русской»³, не поддавайтесь капризу, вызванному неприятным для Вас голосом или улыбкой, — не все ли равно, *кто* с Вами говорит, если приемлемо то, *о чем* он говорит? А что приемлемо, я уверен. Тут нет, во всем этом, ничего, кроме стремления ус-

троить нашу общую жизнь так, чтобы она была и менее трудна, и менее отвратительна, чем может оказаться.

А по существу Вы, конечно, глубоко правы: все это чепуха, и Ваши слова о каких-то там линиях бедра, из-за которых Вы поспорили бы с Львом Николаевичем, конечно, в тысячу раз важнее и содержательнее всех «организаций». Только вот, без чепухи нельзя существовать, и надо делать вид, что «организации» — тоже очень важная вещь. Во мне, очевидно, гораздо больше робости, чем в Вас: я стесняюсь, и когда мне Р<оговский> (нарицательный) говорит об организации, я слушаю с почтением, хотя скука это для меня такая, что хуже и представить нельзя. Вы прямо говорите, всем своим видом: не мели вздора! Но с той стороны, от «организаций» никогда Вас не поймут, и так как они искренно убеждены, что они соль земли, и делают самое высокое и полезное дело, то в результате ничего кроме «досадного недоразумения» не получится. И практически, недоразумение будет Вам во вред, и будет мешать Вам иметь возможность свободно думать и писать о том, почему бедро так непонятно-прекрасно, для чего Вы созданы.

Вот далось мне это бедро! Я очень жалею, что редко и мало вижу Вас и мало с Вами говорю. Вообще, на своем веку, мало с Вами говорил, а Бог знает, что еще будет и где мы окажемся. О бедре у меня свои соображения, которые, кстати, Вам едва ли были бы по душе. Но конечно, только об этом и стоит думать, говорить или писать, и обо всем, что «около», а остальное вздор. Еще мне хотелось бы поговорить о Пушкине, о котором была у нас тогда мимоходом речь. В сущности, он единственный *не-сумасшедший* из великих русских писателей, хотя неизвестно еще, что было бы, доживи он до старости. В Вас много от него, от «не дай мне Бог сойти с ума»⁴, и это Вас к нему притягивает. В Лермонтове будущее, почти необозримое русское сумасшествие гораздо ощутительнее.

Простите, дорогой Иван Алексеевич, за эту болтовню. Мне многое хотелось бы Вам сказать, а что именно — не могу определить точно. Знаете ли, что умер Штейгер? Я прочел это в «Русском Патриоте»⁵ и был этим очень огорчен. Еще из Парижа новость: у Одинца⁶ удар, и недолгая карьера кончилась.

До свидания. Желаю Вам от всей души спокойной и счастливой жизни. Мне, по авторскому беспокойству, очень бы хотелось когда-нибудь почитать Вам кое-что из того, что я сейчас пишу⁷ (хотя бы в защиту Франции) — но даже если бы Вы захотели слушать, когда и как это сделать! Нечего и мечтать. Я очень занят этим писанием, и как ни совестно признаться, очень его люблю, хотя чужой язык и связывает ужасно.

Ваш Г. Адамович

¹ Белей Вера Семеновна (урожд. Вейнберг, в замужестве Bayley; ?–1944) — тетка Адамовича, родная сестра его матери, вдова англичанина-миллионера, хозяйка виллы в Ницце, где жили мать и сестра Адамовича и куда он сам каждый год приезжал на лето. Муж Веры Семеновны, Николай Николаевич Белей (правильно было бы Бей-

ли, на английский манер, но в семье Адамовичей его имя произносили на французский лад, и, например, в справочнике «Весь Петербург» он значился как Беллей), был промышленником, директором Русского Общества электрических дорог и электрического освещения, председателем Общества костеобжигающих заводов. Семейству Белей принадлежала квартира в Петербурге (Почтамтская, 20, кв. 7, или Морская, 65), в которой Адамович с Ивановыми жили в 1922 г. перед эмиграцией.

² Судя по всему, Адамович предлагал Бунину примкнуть к «Groupe d'action des émigrés russes», сложившейся вокруг В.А. Маклакова во время немецкой оккупации. В июне 1944 г. группа выпустила декларацию, в которой с восхищением отзывалась о военных успехах советской власти и заявляла, что «после всего происшедшего эмиграция не может не признавать ее русской властью». После освобождения Франции группа приступила к организации Объединения русской эмиграции для сближения с советской Россией. Лидеры именно этой группы 12 февраля 1945 г. нанесли визит советскому послу А.Е. Богомолу на рю Гренелль. Учредительное собрание нового объединения состоялось 24 марта 1945 г., почетным председателем был выбран В.А. Маклаков, в правление вошли Е.Ф. Роговский, М.А. Кедров, В.В. Вырубов, А.Ф. Ступницкий, В.Е. Татаринев и другие, в большинстве своем вскоре ставшие, так же как и Адамович с Буниным, сотрудниками газеты «Русские новости».

³ Этими словами обратился к Толстому Тургенев в письме, написанном незадолго до смерти, 11 июля 1883 г.: «Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар Вам отсюда же, откуда все другое... Друг мой, великий писатель Русской земли — внимлите моей просьбе!»

⁴ Заглавная строка стихотворения (1833) А.С. Пушкина.

⁵ Автором сообщения о смерти в Швейцарии Анатолия Сергеевича Штейгера (1907–1944) был, видимо, Перикл Ставрович Ставров (1895–1955), в то время председатель Объединения русских писателей и поэтов в Париже: *Л. С. Поэт. Ан. Штейгер // Русский патриот. 1944. 2 декабря. № 6 (19). С. 6.*

⁶ Одинец Дмитрий Михайлович (1883–1950) — историк права, с начала 1920-х гг. в эмиграции в Польше, член Русского эвакуационного комитета (1921), сотрудник газеты «За свободу», затем во Франции, профессор Сорбонны и Русского народного университета, глава Тургеневской библиотеки (1925–1940), в годы Второй мировой войны — один из руководителей Союза русских патриотов, редактор газеты «Советский патриот» (1945–1948), в марте 1948 г. депортирован в советскую зону оккупации Германии, затем в Казань, преподаватель Казанского университета (1948–1950).

⁷ Речь идет о книге «L'Autre patrie», опубликованной три года спустя (Paris: Egloff, 1947).

35

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

11 февраля 1945 г. Ницца

11 февраля 45 г.

Ницца

Дорогой Иван Алексеевич

Спасибо за письмо.

Обижаться на Вас за Ваш короткий ответ мне и в голову не приходило, да и вообще я обидеться на Вас не способен.

Очень жаль, что Вы совсем забыли Ниццу. Надеюсь, здоровье Ваше лучше. Познер¹ мне говорил, что здесь будет Ваш вечер, но, по Вашему письму, это были, кажется, лишь его мечты. А о Толстом я у него читаю вовсе не доклад, но десятиминутное вступительное слово к какому-то собранию с музыкой и выступлением самого Познера². Должны между прочим играть «Крейцер<ову> сонату»³. Это уже не первый раз, что Толстого чествуют музыкой, которую он терпеть не мог и после которой, по его мнению, все должны в исступлении броситься друг на друга. Когда все это будет, не знаю.

Между прочим, мне пишет из Парижа Роговский, что о Вас был обстоятельный разговор с советскими властями. То же мне говорил здесь генерал Постовский⁴, только что из Парижа вернувшийся. Советское начальство Вас уважает, чтит, любит, ценит и очень довольно, что Вы оказались не в немецком стане. Оно все о всех знает, а о Вас знает больше, чем Вы думаете: расскажу при встрече.

До свидания, дорогой Иван Алексеевич. Слава Богу, стало тепло. Я через месяц собираюсь в Париж.

Ваш Г. Адамович

¹ Познер Соломон Владимирович (1876–1946) — издатель, общественный деятель, с 1922 г. в эмиграции, с 1923 г. во Франции, в 1924–1933 гг. секретарь Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. В начале 1945 г. избран членом правления Союза русских патриотов юга Франции, обратился от имени Союза к видным писателям-эмигрантам с предложением выступить в Ницце с литературными чтениями. Письма И.А. Бунина С.В. Познеру января–февраля 1945 г., написанные в ответ на это обращение, хранятся в архиве Соломона Познера, см.: *Кельнер В.Е., Познер В.* Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива Соломона Познера) // *Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры* (СПб.). 1994. Vol. I. № 1. С. 274. 24 февраля 1949 г. В.Н. Бунина записала в дневнике: «Ян сейчас вспомнил, как папаша Познер приезжал к нему с предложением выступить в “Союз Советских Патриотов”. Ян послал его туда же, куда и Гефтера» (РАЛ. MS.1067/423; Устами Буниных. Т. 3. С. 191).

² Союз русских патриотов юга Франции 4 марта 1945 г. устроил в Ницце собрание, посвященное памяти Л.Н. Толстого, на котором Адамович произнес вступительную речь. См.: *Русский патриот*. 1945. 10 марта. № 20. С. 4.

³ Т.Г. Сабанеева на собрании исполнила «Лунную сонату» Бетховена.

⁴ Генерал Владимир Иванович Постовский (1886–?) в то время был председателем ниццкого отдела Союза советских патриотов. Двумя годами позже, в ноябре 1947 г., арестован (*Русские новости*. 1947. 5 декабря. № 131. С. 5), депортирован в СССР и осужден по 58-й статье. Реабилитирован в 1958 г.

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

24 марта 1945 г. Ницца

14 avenue Fragonard

Nice

Суббота 24/III

Дорогой Иван Алексеевич

Роговский уехал в Париж, недели на две, и поручил устройство Вашего чтения¹ Кельберину² (Вы его, м<ожет> б<ыть>, помните по Парижу, — поэт, бывший муж Лиды, а теперь муж Наташи Оболенской).

Зал занят в дневные часы чуть ли не весь апрель. Посовещавшись с Кельбериним, мы решили, что можно устроить чтение и вечером, — правда? Вечер даже удобнее, т. к. тогда отпадает обязательность воскресенья и Вам придется ночевать в Ницце только одну ночь.

Итак, зал взят на 10 апреля, вторник, 8½ ч. вечера. (Salle Carlonia, rue Masagoni). Билеты уже заказаны. Если у Вас есть какие-либо возражения, будьте добры, сообщите мне как можно скорее. А молчание — «знак согласия».

Так как устраивать обед перед чтением не годится, то будет ужин, после вечера, в частном доме, где будет для Вас приготовлена и комната. К тому времени Роговский вернется и все возьмет в свои руки. Я собирался ехать числа 8–10-го в Париж, но задержусь на несколько дней, если Вам действительно угодно, чтобы я сказал короткое вступительное слово.

Вот, кажется, все.

До свидания. Надеюсь, что возражений от Вас никаких не последует — и кланяюсь низко Вере Николаевне и Вам.

Ваш Г. Адамович

«Частный дом» — большая вилла, где и кровать, и ужин, вероятно, будут хорошие.

¹ Литературный вечер И.А. Бунина был устроен ницким отделом Союза русских патриотов 10 апреля 1945 г. Вступительное слово на вечере произнес Адамович.

² Кельберин Лазарь Израилевич (1907–1975) — поэт «незамеченного поколения», критик, секретарь редакции журнала «Числа». Первым браком был женат на Л.Д. Червинской (в 1930–1936), вторым на Наталье Владимировне Оболенской (р. 1910) (всего был женат четыре раза).

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

25–30 марта 1945 г. Ницца¹

Дорогой Иван Алексеевич

Конечно, ничего политического — абсолютно ничего! — на Вашем вечере не будет. Зная Вас, я посоветовал даже на билетах не упоминать ни о демократии, ни о чем-либо другом.

Ваше желание иметь обратный билет, *place louée*², передам — и не сомневаюсь, что все будет сделано. Во всяком случае, к Вашему приезду я *проверю*, что действительно все сделано.

Думаю, что будет хорошо, если Вы предупредите о часе Вашего приезда, чтобы можно было Вас встретить — и устроить для Вас отдых перед чтением. Об этом еще сговоримся.

А что Вам читать — не решаюсь советовать. Вы спрашиваете, «повеселее или посерьезнее<>». По-моему, «посерьезнее». Публика от Вас многого ждет и будет разочарована, если Вы к ней отнесетесь не «серьезно». Два рассказа, минут по 30–40 каждый, или 1 рассказ и какие-нибудь воспоминания. (Если бы недавно не вспоминали тут Толстого³, было бы хорошо прочесть о Толстом — я ужасно люблю Ваши воспоминания о нем, особенно конец, а то, что они напечатаны⁴, не имеет значения. В них хорошо для чтения то, что они «серьезны» и поддержат характер вечера, который, по-моему, должен быть торжественный и возвышенный. Кстати, не прочтете ли Вы «Германа», — если не очень длинно?)

Мое «слово» будет длиться минут 10–15. Если начнем в 8 ¾, надо бы кончить в 10 ч. 30 — или немногим позже, имея в виду ужин. А на следующий день я еду в Париж.

Надеюсь, все сойдет удачно.

Ваш Г. Адамович

¹ Датируется по содержанию.

² забронированное место (*франц.*).

³ См. примеч. 2 к № 35.

⁴ Бунин несколько раз публиковал воспоминания о Толстом, наиболее подробно: *Бунин И.А. Освобождение Толстого*. Париж: YMCA-Press, 1937.

38

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

31 марта 1945 г. Ницца

<открытка, дата на почтовом штемпеле: 31 mars 1945>

14 avenue Fragonard

Nice

Дорогой Иван Алексеевич

Получил сегодня Ваше второе письмо.

Все будет сделано так, как Вы хотите. Только, пожалуйста, предупредите накануне, в котором часу Вы приедете — чтобы Вас встретить.

Спасибо за добрые слова.

Кланяюсь низко — и жду.

Ваш Г. А.

39

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

18 апреля 1945 г. Париж

Среда 18/IV—45

39, rue Pascal

chez M. Stavrov

Paris XIII

Дорогой Иван Алексеевич

Пишу Вам из Парижа. Ехать было тяжело, но все-таки лучше, чем я думал, — а если Вы поедете 1-м классом, то будет совсем хорошо. Разрешений никаких не спрашивают, да у меня их и не было. В полиции мне сказали, за n'a plus d'importance¹.

Видел кое-кого из парижан. Как я и предполагал, сведения Роговского о каком-то особом литературном редакторстве в будущих «Русск<их> новостях» не совсем точны. Редактором будет Ступницкий², хотя это еще и не окончательно установлено.

Здесь жара. «Старожилы не запомнят». Правда, температура как в июле, — а так как кроме метро сообщения нет, то это не Бог весть как приятно.

Дорогой Иван Алексеевич, хочу Вам обстоятельно сказать о деле, о котором я Вам говорил на ужине у Постовского³. Вы, верно, тогда меня рассеянно слушали, да и не до того было. Дело это — квартирное.

Если Вы действительно собираетесь осенью уехать в Ялту или в Нью-Йорк, но если при этом хотели бросить Вашу квартиру *совсем*, то, конечно, вопрос отпадает, т. к. тогда Вы можете за нее взять отступные, и довольно основательные. Но едва ли Вы бросите квартиру совсем, т. к. по возвращении в Париж не найдете ничего. Вот я и прошу Вас, будьте ко мне так добры, отдайте мне Вашу квартиру на время Вашего отсутствия, если только действительно Вы уедете (что будет мне, кстати сказать, ужасно жаль и что никакой квартирой меня не утешит). У меня, как Вы знаете, на руках больная сестра. Я осенью должен ее перевезти в Париж, а жить в отеле ей невозможно. Жилец я аккуратный во всех смыслах, а чтобы Вы не сомневались в моей кредитоспособности, я заплачу Вам вперед за все время Вашего отсутствия. Вообще согласен на все, заранее, а если пишу Вам об этом сейчас, то потому, что боюсь, что в Париже Вы кому-нибудь пообещаете квартиру до меня. Но, конечно, лучше останьтесь в Париже, где и так пусто и грустно, а без Вас будет совсем плохо. Париж, по моему первому впечатлению, очень изменился, и что-то из него как будто вылетело и едва ли вернется. То, да не то, совсем.

До свидания, дорогой Иван Алексеевич — и надеюсь свидания скорого. Передайте, пожалуйста, низкий поклон Вере Николаевне. Бумага такая, что я еле пишу.

Ваш Г. Адамович

<На полях:> Ставровы⁴ Вам очень кланяются и просят сказать, что ждут Вас с нетерпением.

¹ это теперь не важно (*франц.*).

² Ступницкий Арсений Федорович (1893–1951) — журналист, юрист, участник Белого движения, в эмиграции жил в Париже, сотрудник редакции газеты «Последние новости», после Второй мировой войны близок к движению советских патриотов, редактор газеты «Русские новости» (в 1945–1951).

³ Литературный вечер в Ницце 10 апреля 1945 г. завершился ужином у председателя ниццкого отдела Союза советских патриотов генерала В.И. Постовского, у которого Бунин и ночевал (дневниковые записи В.Н. Буниной за 7 и 28 апреля 1945 г. — РАЛ. MS.1067/416). За ужином, вероятно, Бунин и поделился с Адамовичем планами уехать из Франции «в Ялту или Нью-Йорк».

⁴ Марина Ивановна Ставрова и ее муж Перикл Ставрович Ставров (1895–1955) — поэт, прозаик, переводчик, мемуарист. В эмиграции с 1920 г., в Париже с 1926 г. Участник литературного объединения «Круг», член парижского Союза русских писателей и журналистов. В 1939–1944 гг. председатель Объединения русских писателей и поэтов во Франции; с 1949 г. член редколлегии издательства «Рифма». Вернувшись в апреле 1945 г. в освобожденный Париж, Адамович жил в квартире (39, rue Pascal, Paris 13^e) до начала 1947 г.

И. А. БУНИН — Г. В. АДАМОВИЧУ

28 октября 1945 г. Париж

28 октября 1945 г., г. Париж

Мой дорогой поэт и друг, извините, что невольно обманул Вас, не пошел с Вами пить водку на балу и немножко спорить насчет Вашего чтения¹, — я на лекциях всегда как-то шалею и в голове у меня идет чепуха, некий полусон, журчание... Так было и на этот раз, я все бормотал мысленно:

«О, если правда, что в ночи»²,
Оттуда, где плывет эстрада
(Вокруг которой и хрычи,
И молодые толкачи,
И голоногих дев услада)...
«О, если правда, что в ночи»
Я слышу слов твоих ключи, —
«Не правда, не читай, не надо» —
Не умиляйся, не журчи
Мне про Есенинскую «маму» —
И гений, данный Мандельштаму!

Все же мне бы очень хотелось повидать Вас и поговорить обо всем об этом, так что было бы очень хорошо, если бы милые Ставровы позвали Вас и меня как-нибудь на чашку чая. Обнимаю Вас и их.

Ваш Ив. Бунин

¹ 27 октября 1945 г. Адамович выступил с докладом «Четыре поэта (Ахматова, Есенин, Маяковский, Мандельштам)» на первом вечере литературного сборника «Встреча», состоявшемся в Salle des Sociétés Savantes. В газетном отчете сообщалось: «Состоявшаяся в прошлую субботу лекция Г. В. Адамовича <...> собрала многочисленную — и не только чисто литературную — аудиторию. Зал “Сосьете Савант” был переполнен <...> Г. Адамович отмечает естественность, непосредственность, простоту, роднящую Есенина с Пушкиным. Тема конечного возвращения на родину — мотив блудного сына — является единственной в русской поэзии. <...> Осип Мандельштам, как правильно отметил лектор, до сих пор недостаточно оценен» (-ий. На вечере Г. В. Адамовича: «Четыре поэта» // Русские новости. 1945. 2 ноября. № 25. С. 4). В тот же день Российское спортивное общество устраивало первый послевоенный праздник и бал в Salle Huyghens.

² Бунин пародирует стихотворение Адамовича, открывающееся строкой пушкинского «Заклинания» (1830): «О, если правда, что в ночи...» / Не правда. Не читай, не надо...» (впервые: Современные записки. 1937. № 64. С. 151).

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

8 мая 1946 г. Париж

39 rue Pascal
Paris 13
Gob. 40–28
8/V–46

Дорогой Иван Алексеевич

Помните, я говорил Вам о Ваших балетных поклонницах — сестрах Гржебиных¹, — которые очень хотели бы пригласить Вас к себе? Тогда это не состоялось — но если Вы свободны в понедельник, 13-го, вечером, они были бы счастливы видеть Вас у себя.

Живут они на Монпарнассе. В случае Вашего согласия буду Вас ждать в 8^{3/4} ч. веч. в *Café du Dôme*² — оттуда до них два шага.

Надеюсь, Вы известите меня — да или нет. Буду очень рад, если да, чтобы провести с Вами вечер, надеюсь приятный.

Ваш Г. Адамович

¹ У издателя Зиновия Исаевича Гржебина (1877–1929) было три дочери: Лия (домашнее имя Ляля; 1906–1989), Ирина (домашнее имя Буба или Бэби; 1907–1994) и Елена (Капа; 1909–1990). Наибольшую известность в качестве танцовщицы, хореографа и педагога получила Ирина, создавшая в Париже хореографическую школу русского балета и ансамбль «Русский балет Ирины Гржебиной». Балетная студия Ирины Гржебиной находилась по адресу: 11, rue Jules Chaplain. Подробнее о семье см.: *Гржебина Е.* З.И. Гржебин — издатель (по документам и воспоминаниям его дочери) // *Solanus*. 1987. Vol. I. P.4–40; — то же в кн.: *Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе.* Вып. 1. Иерусалим, 1992. С. 146–168; — то же в кн.: *Опыты: Эссе, публикации, рецензии, хроники.* СПб.; Париж, 1994. № 1. С. 177–206.

² *Café du Dôme* (108, Boulevard du Montparnasse) — одно из старейших кафе на перекрестке Вавен, открытое в самом начале XX в., еще до «Ротонды» (105, Boulevard du Montparnasse), появившейся в 1911 г. В 1924 г. к этим двум заведениям добавился бар *Le Select* (99, Boulevard du Montparnasse), а в 1927 г. — *Le Coupole* (102, Boulevard du Montparnasse). Эти заведения и были наиболее частым местом встреч русских «монпарно» вплоть до Второй мировой войны. Во всех четырех кафе Адамович бывал многократно, там и были написаны многие из его статей. После войны кафе были открыты вновь и существуют до сих пор, но былая атмосфера туда уже не вернулась.

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

10 июля 1946 г. Париж

39 rue Pascal
10 июля 46

Дорогой Иван Алексеевич

Я на днях уезжаю в Ниццу — и очень хотел бы Вас видеть. В субботу и воскресенье на Монпарнассе будет столпотворение — 14 июля!¹ — а вот понедельник день тихий. Не придете ли Вы посидеть в *Coupole*?² Будет Бродский³. Надеюсь, Вы свободны — и придете. Кстати, и «Доминик»⁴ открылся.

Ваш Г. Адамович

¹ 14 июля во Франции — национальный праздник, День взятия Бастилии, традиционно сопровождающийся всенародными гуляньями.

² *Le Coupole* (102, Boulevard du Montparnasse) — парижское кафе на перекрестке бульваров Распай и Монпарнас, основанное в 1927 г. и вновь открывшееся после войны.

³ Борис Бродский (1901–?) — журналист, в эмиграции сотрудник «Последних новостей», после войны «Русских новостей», в 1951 г. выслан из Франции с группой членов Союза советских патриотов.

⁴ Популярный в эмигрантской среде ресторан был открыт в 1927 г. театральным критиком Львом Адольфовичем Аронсоном (1893–1984) в одном из самых бойких мест Парижа, у легендарного перекрестка бульваров Распай и Монпарнас (19, rue Vréa). Во время войны Аронсон, которого чаще именовали по названию заведения Доминик, скрывался в «свободной зоне», но, как только представилась возможность, вернулся в Париж, и работа ресторана возобновилась. Подробнее см.: *Носик Борис*. «На бульваре Распай господин Доминик у руля» // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. IV. Иерусалим, 1995. С. 504–512.

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

29 сентября 1946 г. Ницца

Nice
14 av. Fragonard
29 сент. 46

Дорогая Вера Николаевна

Шлю Вам ко дню Вашего Ангела самые искренние поздравления и лучшие пожелания. Не откажите передать поздравления и низкий поклон

дорогому Ивану Алексеевичу. Надеюсь быть вскоре в Париже и найти Вас и его в добром здравии и хорошем расположении духа. Конечно, особенно радоваться нечему, но я все утешаю себя тем, что могло бы все быть и хуже. Это мудрость старинная и испытанная, которую я с годами все больше ценю.

Надеюсь, что Вы приятно проведете день Ваших именин и будете окружены друзьями и людьми, которые Вас любят.

Преданный Вам

Г. Адамович

44

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

11 декабря 1946 г. Париж

11 дек. 1946

39 rue Pascal

Paris 13^e

Дорогой Иван Алексеевич

С будущей недели в «Русск<их> Нов<остях>» будет «литературная страница» — дважды в месяц.

Каждый раз на этой странице будет одно стихотворение, — и так как стихами ведаю я, то я очень бы хотел, чтобы для открытия были стихи Ваши¹.

Не будете ли Вы добры — если согласны — прислать мне одно небольшое стихотворение? (Нигде еще не напечатанное, конечно.) Не знаю, говорил ли с Вами об этом Ступницкий. Он, кажется, у Вас вчера был.

О гонорарах ничего сказать не могу, но думаю, что торговаться с Вами редакция не станет.

Очень жалею, что не был в субботу на Монпарнассе. Никак не мог.
Ваш Г. Адамович

¹ 20 декабря 1946 г. в «Русских новостях» (№ 84. С. 4) было напечатано (без заглавия) стихотворение Бунина «Ночная прогулка» («Смотрит луна на поляны лесные...»). Позже было опубликовано еще одно стихотворение Бунина (тоже без заглавия) «Nel mezzo del camin di nostra vita» («Дни близ Неаполя в апреле...») (Русские новости. 1947. № 100. 2 мая. С. 6).

45

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

23 декабря 1946 г. Париж

Paris

23 дек. 46 г.

Дорогой Иван Алексеевич

Я сейчас говорил с Ириной Грэм¹. Она ждет нас в среду, 25-го, в 7½ ч. веч<ера> у себя.

Ваш Г. Адамович

¹ Русско-американская писательница итальянского происхождения Ирина Грэм (по мужу Graham; урожд. Sartini d'Albe; 1910–1996) родилась в Генуе, детство и юность провела в Харбине и Шанхае, где окончила школу и начала печататься. В середине 1930-х гг. вышла замуж за Томаса Грэма. В 1942 г. муж был интернирован японцами. В январе 1944 г. Ирина нашла его и провела с ним полтора года в концентрационном лагере. После войны была подругой Артура Лурье и пробовала писать либретто опер. В 1947 г. переехала в США, сменила десятки работ, затем до конца жизни была сотрудницей Толстовского фонда. На русском языке в конце 1940-х гг. печаталась в журнале «Новоселье» и, под разными псевдонимами, в эмигрантских и американских газетах.

20 декабря 1946 г. Ирина Грэм писала Бунину: «Слышала, что Вы замерзаете, сидите в шубе и готовы бежать на край света. Не согласитесь ли поужинать у меня, назначив любой удобный для Вас день? Одновременно пишу Адамовичу, Вы уж с ним сговоритесь, чтоб прийти вам вместе. Буду страшно счастлива видеть Вас <...>. Уезжаю в Нью-Йорк через месяц» (РАЛ. MS.1066/2859).

46

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

16 января 1947 г. Париж

16 янв. 47 г.

Из моего сборника «Жемчужины мировой литературы»:

1) *Высоко в горы вполз уж и лег там...*

М. Горький. Начало «Песни об уже и соколе» (которого уж, не будучи смертоносным гадом, все-таки насмерть укусил в сердце, — как раз в сердце, сквозь перья и костяной хлуп). Начало замечательное и в звуковом отношении: «вполз уж и лег там».

2) Из рассказа Горького «*Старуха Изергиль*»: «И тогда Данко вырвал из своей груди свое пылающее сердце.

И оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлете-

лась от света его и там, глубоко в лесу, пала она, эта злобная тьма, в *гнилой зев болота*.

— Идем! — крикнул Данко и бросился вперед, высоко держа свое горящее сердце и освещая им путь людям!»

Дорогому Г.В. Адамовичу на память от Ив. Бунина.

47

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

19 января 1947 г. Париж

39 rue Pascal

Paris 13^e

19 янв. 47

Дорогой Иван Алексеевич

Спасибо за цитаты из Горького, но жаль, что Вы не приписали ничего от себя — как Ваше здоровье.

А цитаты действительно замечательные. Но с Горького и не спрашивается, а вот у Гумилева я недавно нашел такую строчку:

Бродят бешеные волки по дороге скрипачей...¹

Причем все это надо понимать иносказательно, т.к. волки не волки и скрипачи не скрипачи.

Какой ужасный вздор, а ведь Гумилев был мэтром именно по части стиля.

Бахрах² мне говорил, что Вы уже выходите.

Скоро ли Вы едете на юг к Роговскому³?

До свидания.

Ваш Г. Адамович

¹ Из стихотворения Гумилева «Волшебная скрипка («Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка...»)» (1907), посвященного Валерию Брюсову.

² Близкий друг Адамовича Александр Васильевич Бахрах (1902–1985) в 1940–1944 гг. жил в доме Бунина в Грассе, в 1945–1949 гг. вместе с Адамовичем был постоянным сотрудником газеты «Русские новости».

³ Бунин собирался поехать на Лазурный берег в Русский дом в Жуан-ле-Пен (около Антиб), однако из-за состояния здоровья поездку пришлось отложить. Приехавший в Париж Роговский хотел сам отвезти Бунина в Русский дом. В письме к Цетлиной от 19 февраля 1947 г. В.Н. Бунина сообщает: «Роговский все еще здесь. Он ждал выздоровления И<вана> А<лексеевича>, чтобы его сопровождать» (Минувшее. Вып. 8. 1989. С. 313). В результате 16 марта Роговский отвез в Жуан-ле-Пен Тэффи, Бунин же приехал туда лишь 23 марта и прожил до начала июня 1947 г. Подробнее см.: Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными: 1939–1948 (2 часть) / Публ. Р. Дэвиса и Э. Хейбер // Диаспора. Вып. 2. 2001. С. 536–537.

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

20 января 1947 г. Париж

20. I. 47

Нет, дорогой мой, Бахрах распускает, как всегда, ложные слухи: я еще никуда не выхожу, все лежу в постели и от скуки, лежа, пишу кое-кому всякую чепуху (вроде той, что Вам послал, перелистывая Горького).

А читали ли Вы в «Сов<етском> Патр<иоте>» мысли великих людей о писательстве? На первом месте — М.И. Калинин, дальше — Гораций!¹ Ей-Богу!

Е. б. ж. (если буду жив), надеюсь уехать на юг к началу февраля. И, м<ожет> б<ыть>, все же увижу Вас до отъезда.

Неизменно любящий Вас

Ив. Б.

P. S. Что за строчка из Гумилева? Шутка, конечно?

¹ Подборку составляли высказывания М.И. Калинина, Н.С. Лескова, Горация, М.В. Ломоносова, Шота Руставели, В.Г. Белинского, М. Горького и Бюффона (Мысли и афоризмы: О литературном труде, языке и стиле // Советский патриот. 1947. 17 января. № 117. С. 4).

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

22 мая 1947 г. Жуан-ле-Пен

22.V.47

Что с Вами, мой дорогой поэт? «Радушие, благодушие и вежливость редакции “Ориона” дошли до того, что...»¹. Тон такой, точно эта редакция дошла чуть не до геркулесовых столпов! И почему Вы не поражаетесь «радушием, благодушием», напр<имер>, «Нового журнала», дошедшего до того, что я в нем уже лет пять и до последнего дня печатаюсь по этой самой теперь уже почему-то *преступной* старой орфографии? И откуда Вы взяли, что «редакция *склонилась*» (!!)) перед моим «*капризом* и к тому же несомненно мимолетным» — т.е. почему Вы думаете, что я «*капризничаю*? Побойтесь Бога! При чем тут «каприз»? Писал человек чуть не столетие грамотно — и вдруг оказалось, что он не перешел *ни с того ни с сего* на заборную орфографию только «по капризу»! (насчет которого Вы почему-то уверены, что он «мимолетный несомненно»). Что случилось? Россия вме-

сте с союзниками победила Германию: очень рад, но почему вследствие этого я вдруг должен был начать писать, как Михрютка?

Ваш Иван Бунин

¹ Бунин цитирует статью Адамовича, посвященную альманаху «Орион»: *Адамович Г.* Литературные заметки: «Орион». Молодые поэты // Русские новости. 1947. 16 мая. № 102. С. 6.

50

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

25 мая 1947 г. Париж

9, Boulevard Edgar Quinet

Paris, XIV

Воскресенье, 25-го мая 1947

Дорогой Иван Алексеевич

Я предчувствовал, конечно, Ваш гнев¹, но не предполагал его в таких размерах!

Поверьте, желания Вас раздражать или обижать у меня не было, а поспорить с Буниным или даже уличить его в «капризе» все-таки слишком занятно, чтоб от этого удержаться. Да и читателям интересно.

А в сущности, все это пустяки. Я сам предпочитаю орфографию старую, но сейчас это вопрос политический, а не орфографический, и в этом-то все и дело. Если бы я был редактором журнала, и Пушкин прислал бы мне стихи с требованием оставить «ѣ» и «ъ», я бы стихи ему вернул.

Конечно, старая орфография лучше. Но нет *никакой* надежды ее отстоять и Россию к ней вновь обратиться. *Никакой надежды*. Значит, не надо и упорствовать на позициях безнадежных, да и не таких уж и верных. С орфографией заодно мы можем при таком поведении погубить и многое другое, что нам много дороже. Вот почему я вернул бы Пушкину — и Вам, дорогой Иван Алексеевич, — стихи, ни минуты не колеблясь.

Надеюсь все-таки, что Вы на меня не очень сердитесь, и надеюсь на Ваше великодушие. Кстати, я так спутался с орфографией, что пишу сразу по обоим (или по обеим).

А вот вчера было собрание Союза Писателей вроде как с орфографическими раздорами! Зеелер² внес предложение исключить советских граждан, причем заявил, что «политика тут ни при чем». Ему резонно ответили, что непонятно, отчего он не исключает греков и персов — если политика ни при чем? Кончилось все таким криком, что чуть не дошло до драки. Зачем они этот вопрос подняли и зачем врать, что это «вне политики»? Зайцев молчал, но, кажется, понял, что они сами разваливают Союз³.

Слышал, что Вы скоро возвращаетесь, и очень этому рад. Впрочем, если Вы меня больше знать не желаете, то какая же мне от Вашего возвращения радость?

Ваш в угрызениях совести и раскаянии

Г. Адамович

¹ Речь о вызвавшей недовольство Бунина статье Адамовича, посвященной альманаху «Орион». См. примеч. 1 к № 49.

² Зеелер Владимир Феофилович (1874–1954) — общественно-политический деятель, журналист, юрист, член партии кадетов, городской голова Ростова-на-Дону (1917), министр внутренних дел в правительстве А.И. Деникина (1919–1920), с 1920 г. в эмиграции в Париже, один из руководителей Земгора, секретарь Союза русских адвокатов во Франции, один из организаторов (1921), затем генеральный секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов, член редколлегии газеты «Русская мысль» (с 1947 г.).

³ Имеется в виду собрание парижского Союза русских писателей и журналистов 24 мая 1947 г., на котором секретарь Союза Зеелер предложил «исключить из Союза всех членов его, имеющих советское гражданство <...> его осудили, главным образом, члены Союза, не-советские граждане: В.Н. Бунина, А. Вельмин (председательствующий на собрании), Корвин-Пиотровский, Л. Зуров, А. Шик, В. Малянтович, В. Варшавский с большой убедительностью выступали против попытки провести черту между русскими, советскими и не-советскими, проживающими за границей» (Покушение с негодными средствами // Русские новости. 1947. 30 мая. № 104. С. 5). Резолюция собрала 26 голосов «за» при 24 «против» и 2 воздержавшихся. Хотя по уставу для принятия подобной резолюции требовалось две трети голосов, непримиримые решили считать ее принятой, ограничившись простым большинством голосов. В знак протеста из Союза вышла большая группа писателей. Изменения в устав были внесены после выборов нового правления, на собрании 22 ноября 1947 г., после чего из членов Союза вышел еще ряд писателей, в их числе Г.В. Адамович, В.Н. Муромцева-Бунина, А.В. Бахрах, В.С. Варшавский, Л.Ф. Зуров, А.П. Ладинский, Ю.К. Терапиано, Г.И. Газданов. Через две недели письмом в правление о своем выходе из Союза заявил также И.А. Бунин. Подробнее см.: Русские новости. 1947. 13 июня. № 106; 5 декабря. № 131; 26 декабря. № 134; Русская мысль. 1947. 26 апреля. № 2; 29 ноября. № 33).

51

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

25–27 июня 1947 г. Париж

25 июня 1947 г.

Райское древо

В старой книге картинка: свивается зыбко по Древу,

Водит, тянется в воздухе плоской головкой своей,

Ищет жалом дрожащим нагую прекрасную Еву

Искушающий Змей.

И стройна, высока долу взором поникшая Ева,
И к ноге ее круглой склоняется гривою Лев,
И в короне Павлин громко кличет с цветущего Древа
О блаженном стыде искушаемых дев —

Ив. Бунин

Дорогой поэт, это к нашему вчерашнему «восточному» разговору у Ремизова, — стихи, написанные мною в 1916 г. и напечатанные в «Летописи» Горького¹.

Ваш скромный собрат по лире.

27 июня

P.S. Хотел послать Вам этот листок, но не нашел Вашего адреса. Нынче вечером узнаю у Марии Ивановны² и пошлю. А зачем? «Слаб в борьбе с тщеславием!» Это из дневников Толстого за 1910 год, которые как раз перечитываю. «Советское» издание — и представьте: все дневники напечатаны *по старой* орфографии³.

¹ Бунин приводит с разночтениями и без второй строфы собственное стихотворение, напечатанное в «Летописи» (1916. № 6. С. 65). Более поздняя редакция стихотворения напечатана в сб. «Весной, в Иудее» под названием «Искушение» и с датой 1952 г. (Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 87).

² М.И. Ставрова.

³ При публикации дневников Толстого в академическом Собрании сочинений старая орфография была сохранена: Толстой Л.Н. ПСС: В 90 т. М., 1934. Т. 58.

52

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

15 июля 1947 г. Париж

15.VII.47

Cher Monsieur et ami, очень благодарю Вас за Вашу отличную книгу¹, которую я начал, — за недосугом только начал, — читать с отменным удовольствием. С большой грустью слышу, что Вы скоро уезжаете и что мне, м<ожет> б<ыть>, не придется видеть Вас до Вашего отъезда. (Когда именно Вы уезжаете?) А есть о чем поговорить, — между прочим, и о двух Ваших статейках 1937 г., вчера найденных мною при разборе моего «архива»: это Ваши фельетоны об «Освобождении Толстого»² и о Чехове и Горьком³. Последнее — нечто поистине чудовищное. Недурно, конечно, и первое: хвала Ленину за его суждения о Толстом, — «как почти всегда у Ленина, ядовито-умные и насмешливо-меткие, — вспомните, напр<и-

мер>, его знаменитую фразу о рисовых котлетах⁴, — да, так и сказано: «знаменитую», т.е. на весь мир прогремевшую и совершенно убившую Толстого этими рисовыми котлетами; хвала Мережковскому за его тоже знаменитые, бесчисленные шашлыки на одном и том же вертеле, — «параллелизмы и тезисы от тезисов и антитезисов»⁵, т.е. нечто беспримечное по литературшине самой пошлейшей; хвалы Горькому за его воспоминания о Толстом⁶, лживость, топорная брехня которых достойна рваных ноздрей и каторги... Но второе, второе! Перечитайте этот фельетон, только сперва *всюду* обрежьте у себя волосы, чтобы они не стали у Вас дыбом!⁷ Впрочем, может быть, Вы и теперь, т.е. через десять лет, не откажетесь от этого фельетона? Нет, не могу верить! *В общем*, это, конечно, неопровержимо: «не обернется слива грушей», не расцветут «среди простенка» «цветы сухие как лучины, от естественной причины»; но ведь бывают же *исключения*...

Мой «безотчетно дорогой» поэт, — слова в кавычках взяты мною из надписи, которую сделал мне на своей книге «Звезды в аду» Мамченко⁸, — пожалуйста, не вздумайте обидеться на меня: «я человек очень нелепый и грубый, и душа у меня неизлечимо больна»⁹, как писал Ваш Горький Чехову. Неизменно любящий Вас

Ив. Б.

Р.С. Чехов ходил твердо, прямо, мерно. Как истый сын своего отца. И вдруг Т<олстой> *будто бы* сказал: «как барышня»¹⁰. О, Горький! О, у<еби> его м<ать>!

¹ Речь о книге: *Adamovitch G. L'Autre patrie. Paris: Egloff, 1947.*

² *Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1937. 23 сентября. № 6025. С. 3.*

³ *Адамович Г. Чехов и Горький // Последние новости. 1938. 17 февраля. № 6172. С. 3.*

⁴ В своем отзыве о книге Бунина «Освобождение Толстого» (Париж: YMCA-Press, 1937) Адамович писал о том, что Бунин спорит «даже с Лениным, но на этом долго не задерживается, а с презрением отшвыривает самоуверенные и довольно поверхностные статейки, почитающиеся в казенной русской критике образцом гениальности. (Поверхностные, но, как почти всегда у Ленина, ядовито-умные и насмешливо-метко написанные: вспомните, например, знаменитую фразу о “рисовых котлетках”» (*Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1937. 23 сентября. № 6025. С. 3.*)

⁵ Имеется в виду рассуждение Адамовича: «Мережковский назвал Толстого, в противоположность Достоевскому, “тайновидцем плоти”, отрицая за ним “тайновидение духа”. Тут сказала не только присущая Мережковскому склонность везде искать параллелизм и от тезиса и антитезы идти к синтезу, но и нечто гораздо более глубокое, более органическое. Все знают, что Мережковский не любит (в сущности, даже не выносит, сколько бы ни говорил о своем преклонении и уважении!) Толстого и боготворит Достоевского; все знают, что Бунин не выносит Достоевского и беспредельно чтит Толстого. Для Мережковского у Толстого “мало духа”. Не играя словами, можно было бы сказать, что он около Толстого задыхается от отсутствия того особого, пост-романтического, разреженного, ледящего

эфира, которым, как и многие люди его склада, он только и может дышать, и который в таком изобилии разлит у Достоевского» (*Адамович Г.* Литературные заметки // Последние новости. 1937. 23 сентября. № 6025. С. 3).

⁶ В своей статье Адамович писал: «Горьковские воспоминания о Толстом высоко оценены у нас почти всеми, — даже теми, кто вовсе не склонен признавать Горького великим художником. Как-то пришлось слышать от человека, в высшей степени взыскательного и в литературе известного, что эти воспоминания — “лучшее, что Горький написал”. Действительно, они очень картинны, очень искусны, — если даже грешат чрезмерным стремлением избавить Толстого от всякой “иконописности”. Бунин отзывается о них, как о “безмерно-лживых чуть ли не на каждом шагу” <...> Бунин с необычайной остротой чувствует всякую фальшь в рассказах о Толстом, и размашистый горьковский набросок для него так же неприемлем, вероятно, даже мучителен, как и попытки создать из Толстого “благостного старца”, изрекающего истины и своим “легендарным уходом давшего культурному миру незабываемый урок”. Бунина ужасает всякая риторика — и в этом отношении он так болезненно щепетилен, что иногда достаточно одного сомнительного слова, чтобы подорвать его доверие» (*Адамович Г.* Литературные заметки // Последние новости. 1937. 23 сентября. № 6025. С. 3).

⁷ В статье Адамовича, посвященной вышедшему в Москве сборнику «Чехов и Горький», Бунину могло не понравиться многое, в особенности ее завершение: «Мне хочется, в заключение, отметить отношение Горького к Бунину. До самых последних лет жизни он неизменно выделял его из всех современных русских писателей <...> Что же, хороший вкус! — скажут некоторые. Нет, не только хороший вкус. В тех обстоятельствах, при которых все это написано, — признак беспристрастия и даже благородства» (*Адамович Г.* Чехов и Горький // Последние новости. 1938. 17 февраля. № 6172. С. 3).

⁸ «Звезды в аду» (Париж, 1946) — послевоенный сборник Виктора Андреевича Мамченко (1901–1982), включавший стихи 1936–1946 гг.

⁹ Слова из письма Горького Чехову, написанного между 21 и 28 ноября 1898 г. См. примеч. 7 к № 53.

¹⁰ Бунин имеет в виду процитированные Адамовичем в статье слова Толстого о Чехове, приведенные Горьким в его воспоминаниях «Лев Толстой» (1919). У Горького: «Ах, какой милый, прекрасный человек: скромный, тихий, точно барышня. И ходит, как барышня».

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

16–18 июля 1947 г. Париж

16.VII.47

Это все для Вашего архива, мой любезный друг. Позавчера послал Вам несколько шутивное письмо (главным образом насчет Вашего фельетона 37 года «Чехов и Горький»), теперь пишу уже серьезнее.

Об одной брехне Горького на Толстого, будто Т<олстой> сказал про Чехова, что он, Чехов, «скромный, тихий, точно барышня, и ходит, как барышня»¹, я уже писал Вам. Почему это брехня? Потому, что, во-первых, Г<орький> всегда вкладывал в уста Т<олсто>го совершенно не свой-

ственный Т<олсто>му язык, вложил и тут, а во-вторых, потому, что такой «проницательный» человек, как Т<олстой>, никак не мог не видеть, что Ч<ехов>, ходивший именно как сын своего сурового отца-лавочника, высокий, широко<ко>стый, и на людях всегда бывший несколько суровым, сугубо сдержанным, ничуть не был похож на барышню (и, кстати сказать, никогда не «робел»). Это я Вам уже писал. Теперь прибавлю, почему именно нужна была Г<орько>му эта брехня, как и многие, многие другие брехни его: потому, что он всегда действовал в этих случаях очень расчетливо, — много раз противопоставлял свою силу, свой нахрап, свой «челкашизм» выдуманной им, Г<орьк>им, «тихости», бессильной «грусти» своего соперника, Чехова, раз даже сказал про него приблизительно так (пустив на свои глаза актерскую слезу, на которую он был такой мастер): «Глянешь иногда на Чехова — и подумаешь: *взять бы тебя, несчастного, на руки* и унести куда-нибудь подальше от всей пошлости, окружающей тебя». Видите, мол, каков Чехов — и каков я, *могущий «взять его на руки»*. *Вовсе недаром* кому-то писал Г<орький>, например, в 1913 г. про Чехова и про меня (то, что Вы цитируете в Вашем фельетоне): «Очень рекомендую вниманию Вашему Чехова и Бунина. Оба с изумительной силой чувствовали значение обыденного и прекрасно изображали его»². Видите, как опять ловко: так хвалит нас, что кому же придет в голову, что он роет нам с Ч<еховым> некоторую яму: Ч<ехов> и Б<унин>, мол, годны только на «чувствование *обыденного*», в то время, как он, Г<орький>, «сокол», «буревестник» и т.д. (Ловкость вроде той, которой так часто пользовалась в своих похвалах и Гиппиус. <Приписка на полях:> Напр<имер>, в таком роде: «Бунин *прекрасное неподвижное озеро*»³.) Ради прославления, утверждения своего челкашеского «романтизма» Г<орький> соврал, будто Толстой раз сказал ему нечто в таком роде: «Вы, конечно, не можете мне нравиться, потому, что Вы романтик»⁴. Опять ловкость, которую не поймут бесчисленные дураки, да и как же понять, как не поверить Горькому? Ведь как смело человек говорит: «Я Толстому не нравился...». А почему? «*Я романтик*».

18.VII.47

Вы писали, дорогой мой, еще так: Чехов и Г<орький> остались «парой», как Корнель и Расин, Вольтер и Руссо, Шиллер и Гете, Пушкин и Лермонтов, Толстой и Достоевский...⁵ Будь я Сагайдачный⁶, а вы — мой пленный татарин, я бы вас посадил за это на кол!

Вы *спокойно* выписывали первое письмо Г<орько>го к Чехову: «Хочу *что-то* написать вам, А<нтон> П<авлович>. Я беззаветно, искреннейше люблю вас *с младых ногтей моих*... Эх, *чорт возьми*, — жму вашу руку, руку художника и сердечного, грустного человека, должно быть, — да? Ваш та-

лант — дух чистый и ясный, но опутанный узами земли, подлыми узами будничной жизни... Пусть он рыдает, зов к небу и в рыданиях ясно слышен... Не обижайтесь на меня. Я — человек очень нелепый и грубый, а душа у меня неизлечимо больна, как, *впрочем, и следует быть душе человека думающего...*»⁷.

Ну, чем не Шиллер? И хорошего же Вы мнения о Чехове, — Вы вопросительно, неуверенно прибавляете: «Не *покорбило ли* Чехова хотя бы *чуть-чуть* это письмо?» — хотя от такого письма не Чехова, а даже свинью стошнило бы! Вы скажете: «но ведь Чехов столько раз превозносил Г<орького> и в письмах к нему самому, и к жене, и мало ли еще к кому, да и Толстой его хвалил...» Я не ожидал, что Вы столь доверчивы! Чехов однажды, прочитав известие о смерти Соловцова, написал при мне телеграмму соловцовской трупке в Киев вроде того, что это великая потеря для русского театра, смерть такого удивительного, замечательного актера, как Соловцов, и я как дурак воскликнул: «Ант<он> Павл<ович>, но давно ли вы говорили как раз про Соловцова...» — и он меня перебил: «Мало ли что пишется в письмах и телеграммах. Соловцов был очень пошлый актер, да ведь не могу же я это телеграфировать его театру!»⁸ И о Г<орьком> я много, много раз слышал от Чехова, глаз на глаз с ним, такой хохот, такие суждения, что до сих пор дивлюсь его хвалебным, даже до отвращения, письмам Г<орьком>у. А что писал Т<олстой> в своих дневниках о Г<орьком>!⁹

Мне уже очень надоело это письмо, но не могу не прибавить еще два слова, — о такой Вашей фразе: «Чеховской скромности, чеховской готовности *«распласться»* перед Толстым, сознания своего *ничтожества* перед ним, не было у Горького и в помине». Бог мой, имени не подберу такой дикой выдумке на Чехова! На кол, на кол собственными руками посадил бы Вас!

Нынче получил Ваше письмо¹⁰, ответ на мое предыдущее и очень благодарю Вас за него. Нет, книгу Вашу я действительно начал читать и она потому «отличная», что отличается большим благородством тона. В субботу поеду на Монпарнас и, м<ожет> б<ыть>, увижу Вас. Пока целую!

Ив. Б.

Р.С. Извините, что так грязно и такой дрожащей рукой пишу, — очень нездоровится.

¹ Из очерка Горького «Лев Толстой» (1919–1923) — *Горький М.* Собр. соч. Т. 16. С. 289.

² Ср. в письме Горького к неизвестному адресату от февраля 1913 г.: «Очень рекомендую вниманию вашему Чехова и Бунина, — не для подражания, конечно, а для изучения их приемов. Оба они с изумительной силою чувствовали значение обыденного и прекрасно изображали его» (М. Горький. Материалы и исследования / Под ред. В.А. Десницкого. Вып. 1. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. С. 344).

³ Имеется в виду статья Гиппиус, в которой речь шла о «трагедии *неподвижности*» (курсив Гиппиус) в творчестве Бунина: «Не то жаль, что течение литературы, движение, прошло мимо него, и что не понял он движения <...>. А, вот, понять, что он всего этого не понимает, — он мог бы; и мне жаль и обидно за Бунина, что такого простого понимания у него нет. Это изменило бы многое для него самого. По-новому увидел бы он, как прекрасно его широкое озеро» (*Крайний А.* Литературные размышления // Числа. 1930. № 1. С. 148–149).

⁴ Бунин по памяти передает свое впечатление от очерка Горького «Лев Толстой». В очерке Горький приводит два высказывания Толстого в свой адрес: «А рассказываете Вы лучше, чем пишете. Нет, Вы — романтик, сочинитель, уж сознайтесь!»; «Вы — романтик, а романтики должны быть монархистами, такими они и были всегда» (*Горький М.* Собр. соч. Т. 16. С. 306).

⁵ Адамович в статье писал: «Успех Чехова с тех пор расширился, а в особенности углубился. Ореол Горького чуть-чуть поблек, независимо даже от оценки его деятельности в последнее десятилетие <...> Но все-таки Чехов и Горький остались “парой”, одной из тех пар, к составлению которых склонно наше воображение: Корнель и Расин, Вольтер и Руссо, Шиллер и Гете, Пушкин и Лермонтов, Толстой и Достоевский» (*Адамович Г.* Чехов и Горький // Последние новости. 1938. 17 февраля. № 6172. С. 3).

⁶ Сагайдачный (Конашевич-Сагайдачный) Петр Кононович (?–1622) — украинский политический и военный деятель, гетман реестрового казачества.

⁷ Бунин дает неточную цитату. В своем первом письме Чехову, датированном концом октября 1898 г., Горький писал: «В.С. Миролубов сообщил мне, что Вы выразили желание получить мои книжки. Посылаю их и, пользуясь случаем, хочу что-то написать вам, Антон Павлович.

Собственно говоря — я хотел бы объяснить Вам в искреннейшей горячей любви, кою беззаветно питаю к Вам со времен молодых ногтей моих <...> Эх, чорт возьми, — жму руку Вашу, — руку художника и сердечного, грустного человека, должно быть, — да? <...>

Вы, может быть, тоже посмеетесь над моим письмом, ибо — чувствую, пишу ерунду, бессвязное и восторженное что-то, но это, видите ли, потому все так глупо, что исходит от сердца <...> Ваш талант — дух чистый и ясный, но опутанный узами земли — подлыми узами будничной жизни, и потому он тоскует. Пусть его рыдает — зов к небу и в рыданиях ясно слышен» (*Горький М.* ПСС. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1997. Т. 1. С. 283–284).

Последние процитированные Буниным фразы — из второго письма Горького Чехову, написанного между 21 и 28 ноября 1898 г.: «Не обижайтесь на меня, если я что-нибудь неладно сказал. Я человек очень нелепый и грубый, а душа у меня неизлечимо больна. Как, впрочем, и следует быть душе человека думающего...» (Там же. С. 292).

⁸ Соловцов Николай Николаевич (наст. фам. Федоров; 1857–1902) — актер, режиссер, антрепренер, создатель «Товарищества драматических артистов» (1891) в Киеве, с 1893 г. ставшего антрепризой Соловцова, одним из лучших провинциальных театров. В 10-м томе ПСС Чехова упомянутая телеграмма от января 1902 г. включена в раздел несохранившихся и найденных писем (№ 1396).

⁹ Отзывы Л. Н. Толстого о Горьком в дневниках, скорее, нейтральны, во всяком случае по сравнению с отзывами о многих других современниках.

¹⁰ См. письмо 54, которое Бунин получил на следующий день после того, как написал первую часть своего послания.

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

17 июля 1947 г. Париж

Paris, 17 июля 1947

Дорогой Иван Алексеевич

Я уезжаю в Ниццу в субботу или — самое позднее — в воскресенье. В субботу вечером, если не уеду, может быть, буду на Монпарнассе, хотя и не уверен в этом. А Вы не придете? Сегодня «прилетала» из Америки Женья Клебанова¹, вероятно придет тоже — а Вы ее, кажется, любите, да и все ее любят.

Насчет статей 1937 года о Вас и о ленинских «котлетках»: я очень оценил Ваш совет обрить голову перед тем, как перечесть их, — но перечесть их не могу, их у меня нет. От презрения и отвращения (верьте или не верьте — вполне искреннего) к своим писаниям, особенно газетным, я не то, что ничего не сохранял, но даже и вспомнить о них не могу без дрожи. Заранее согласен, что там есть чепуха и глупость. Но нет на свете человека, который бы еженедельно «высказывался» строк на триста по разным темам — и глупостей не наговорил бы! Такое уж это занятие, и недавно, читая Белинского, я утешался, что он еще хуже меня (простите, это тоже похоже на глупость — но честное слово хуже, глупее, плоше, только *страстнее*: а это, конечно, очень большое достоинство).

А «рисовая котлета» — сказано очень хорошо. Ведь ему надо было уязвить Толстого, а если бы он сказал «яичницу», то не получилось бы того тошнотворного привкуса, который в «рисовых котлетках» есть! Вообще Ленин писал иногда очень хорошо, и во всяком случае всегда лучше Троцкого, которого ему ставили в пример. Тот вроде Слонима², только развязнее.

А что насчет Вашего предположения, будто я могу на Вас «обидеться» — то никак не верю, чтобы сердцевед, психолог и знаток души мог такое предположить. Никогда и никак я на Вас обидеться не способен, а если бы обиделся, то это была бы глупость настоящая, много хуже тех, которые возмутили Вас в статьях. Пребываю же я еще в твердом рассудке. До свидания, дорогой Иван Алексеевич, желаю Вам всего, что можно и надо желать, — если не увидимся до моего отъезда.

Ваш Г. Адамович

Книгу мою Вы, конечно, не читали, о чем я сужу по эпитету «отличная». Она все что угодно, только не «отличная». Все-таки я очень бы хотел, чтобы Вы ее прочли — не подряд, а так, раскрыв где придется. Я часто думал о Вас, когда писал ее.

¹ Клебанова Евгения Максимовна (?–1975) — общая знакомая Адамовича и Буниных, работала в информационных и туристических агентствах.

² Слоним Марк Львович (1894–1976) — литературный критик, литературовед, редактор журнала «Воля России» (1922–1932), организатор и руководитель литературной группы «Кочевье» (с 1928), с 1941 г. преподаватель русской литературы в американских университетах. Адамович был о Слониме как о критике невысокого мнения и с удовольствием повторял пушечное каким-то остроумцем по его адресу определение: «Святополк-Мирский для бедных».

55

И. А. БУНИН — Г. В. АДАМОВИЧУ

4 ноября 1947 г. Париж

4 Ноября 1947 г.

Дорогой поэт, милый друг Егор Викторович. Не раз обижали Вы меня в моей молодости («Все луна светит и все гуляет Бунин-Арсеньев по саду...»¹) и не раз хотелось мне —

Монпарнассом погулять,
Девочек взором пострелять,
Руку в юбках их потешить,
Шаршуна с Пегаса спешить
И башку с широких плеч
Адамовичу отсесть,²

а меж тем не мешало мне все же любить Вас, и вот за такую верную любовь мою Вы наградили меня (и как раз в день моего рождения, 23 октября³) такими добрыми словами обо мне⁴. Очень был тронут ими и благодарю Вас за них от всей души.

Вместе с сим шлю Вам для просмотра (только на несколько дней!) статейку обо мне Степуна⁵. В ней есть строки, которые, м<ожет> б<ыть>, убедят Вас, что *вовсе не по глупости* не раз подымал я лапу не только на Блока, но даже и на Достоевского.

Ваш Ив. Бунин

¹ Бунин утрирует, в статьях Адамовича нет именно таких строк. Первые главы «Жизни Арсеньева» печатались, когда Бунину было 57 лет, так что упоминание о «молодости» — кокетливая шутка.

² Бунин переиначивает строки Пушкина из «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» (1833): «Братья дружною толпою / Выезжают погулять, / Серых уток пострелять, / Руку правую потешить, / Сорочина в поле спешить, / Иль башку с широких плеч / У татарина отсесть».

³ Бунин родился 10 октября 1870 г., то есть 22 октября по новому стилю. Считая своим днем рождения 23 октября, он, как и многие люди его поколения, ошибается в перерасчете дат старого и нового стиля.

⁴ В заметке, посвященной предстоящему литературному вечеру Бунина, Адамович писал: «В воскресенье, 26 октября — публичный вечер Ивана Алексеевича Бунина. Это — большой и редкий русский праздник, и надо, чтобы как можно больше русских собралось в этот вечер послушать рассказы Ивана Алексеевича, в его мастерском чтении, и выразить ему свою преданность, внимание и любовь. Иногда, вспоминая наших отцов и дедов, мы с завистью говорим: “подумайте, он слышал Тургенева” или “он беседовал с Тютчевым”. Когда-нибудь наши внуки скажут о ком-нибудь из нас — “он слышал Бунина”, и почувствуют ту же зависть. Мы привыкли считать, что все великое и замечательное безвозвратно ушло вместе с прошлым — и не умеем в полной мере ценить его, когда оно еще тут же, около нас. Читатель всегда в долгу перед писателем, а тем более перед таким писателем, как Бунин. Если расплатиться по счету и невозможно — чем были бы мы, в самом деле, без русской литературы! — то можно доказать свою благодарность, и в ближайшее воскресенье представляется простой и прекрасный случай сделать это. Надо быть на этом вечере не для Бунина. Нет, надо быть на нем для нас самих, — иначе по совести мы должны будем признать, что такие слова, как “творчество”, “культура” или “поэзия” для нас — пустой звук» (*Адамович Г.* К вечеру И. А. Бунина // Русские новости. 1947. № 125. 24 октября. С. 4).

⁵ Степун написал несколько статей и рецензий о Буине. Судя по всему, Адамовичу была послана статья Степуна «Ив. Бунин», в которой есть следующее рассуждение: «В его творческом облике всегда гармонически сочетались вера в свой творческий путь с полным отсутствием мелкой самоуверенности. Лишь этою верою в правду своего пути объяснимы многие из известных бунинских оценок инородных ему явлений (Достоевского, Блока и т.д.) <...> По отношению к Достоевскому и Блоку все его обвинения несправедливы и неверны, — думается, Бунин это и сам лучше всех нас подчас знает, — но по отношению к той угрозе духовной трезвости и подлинности, что таят в себе не Достоевский и Блок, а блок-достоевщина, страстные бунинские запальчивости, от которых не спрячешься и мимо которых не пройдешь, не только верны, но и справедливы» (*Степун Ф.* Ив. Бунин // Современные записки. 1934. № 54. С. 202).

56

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

8 ноября 1947 г. Париж

8.XI.1947

Дорогой автор, на стр. 324 Вашей L'Autre Patrie сказано, что у старого Толстого «Братья Карамазовы» были его последней настольной книгой («Son dernier livre de chevet»¹). Откуда Вы это взяли? Вот у меня лежит огромный том — его дневники 1910 года, совсем уж последние, в которых есть кое-что как раз об этих «Братьях» (до лубочной нарочитости выдуманных вообще, а в смысле несхожести друг с другом особенно): «12 окт<ября> 1910 г. Читал Достоевского «Бр<атя> К<арамазовы>». Какие-то шуточки, многословные и мало смешные, мешающие. Разговоры же невозможны, соверш<енно> неестественны». «18 окт<ября>. Читал Достоевского и удивлялся на его неряшливость, искусственность и выдуманность»².

Да, действительно это была одна из последних книг, читанных им. Но что может подумать читатель, читая *Ваши* строки? «Son dernier livre de chevet». Тон-то какой у Вас!

Целую Вас и прошу прощения.

Ив. Б.

¹ Его последняя настольная книга (*франц.*).

² Бунин неточно цитирует дневник Л. Толстого. У Толстого: «После обеда читал Достоевского. Хороши описания, хотя какие-то шуточки, многословные и мало смешные, мешают» (*Толстой Л.Н. ПСС: В 90 т. М., 1934. Т. 58. С. 117*).

57

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

16 ноября 1947 г. Париж

16.XI.47

Дорогой Гюрги Викторович, вот еще одна придирка, которую уже давно хотел сделать, да все забывал: на 259 стр. Вашей книги «une étonnante anecdote»¹ насчет Мережковского, Тургенева и Боборыкина² действительно нечто удивительное: как это Мережк<овский> мог быть у Тург<енева> в присутствии Боборыкина? Когда? Где? Сколько лет было тогда Мережковскому? Все это Мережк<овский> соврал. Я помню, что читал где-то эту историйку, эту «scène»³, но, кажется, могу *ручаться*, что Боб<орыкин> сказал, что он пишет «много и хорошо» вовсе не Тургеневу, а кому-то другому и вовсе не в присутствии мальчишки Мережковского. Плохо выдуманы были Мережковским и некоторые подробности этой «сцены»: не похоже на Тург<енева>, чтобы он *так* жаловался Боборыкину, — мог жаловаться, конечно, но *не в таких выражениях* и *не на то*, — и уж совсем ерунда, что Боб<орыкин> сказал ему «*maître*». И еще, главное: Бобор<ыкин> был очень умный человек, — уверяю Вас, не раз, а много раз я встречался с ним, будучи и сам довольно умен, — был очень жив, но никак не неврастеничен (а у Вас «*nerveusement*»!) и очень любил шутить, пошутил, разумеется, и в данном случае, а Мережковский сдуру принял его слова за чистую монету. Человек он был вообще чрезвычайно талантливый во многих и многих отношениях, на редкость образованный, говорун блестящий, запас наблюдений имел огромный в самых разнообразных слоях общества и русских и европейских и уж *не такой* «*médiocre*»⁴ как романист, как Вы думаете, и прежде всего по своей оригинальности...

С истинным почтением

Ив. Бунин.

¹ удивительный анекдот (франц.).

² С Петром Дмитриевичем Боборыкиным (1836–1921) Бунин был хорошо знаком с дореволюционных времен. В архиве Бунина сохранились написанные к нему в 1920–1921 гг. письма Боборыкина и его жены, С.А. Боборыкиной (РАЛ. MS.1066/1927–1939).

³ Бунин имеет в виду эпизод из книги Адамовича, который в русском переводе звучит так: «Однажды Петр Боборыкин, романист столь же плодовитый, сколь и посредственный, но в свое время известный, нанес визит Тургеневу, уже старому и больному. Завязалась беседа.

Тургенев сказал:

— Писать? Что писать и как? Я не могу больше написать и десяти строк, не чувствуя, как сюжет от меня ускользает... как все изменяет мне. Писать!

И он замолчал, этот мечтатель.

Боборыкин нервно поднял свой лорнет, опустил его, поднялся, хлопнул себя по ляжке и громко объявил:

— Что до меня, у меня все совсем наоборот, дорогой мэтр. Я пишу много и очень хорошо!» (*Adamovitch G. L'Autre patrie. Paris: Egloff, 1947. P.259.*)

⁴ посредственный (франц.).

58

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

31 декабря 1947 г. Париж

1bis avenue de Montespan

Paris, 16^e

31 дек. 1947

Дорогая Вера Николаевна

От всей души шлю Вам и дорогому Ивану Алексеевичу лучшие, самые искренние пожелания к Новому Году. Дай Бог, чтобы все у Вас было в этом году хорошо и Иван Алексеевич окреп и вернулся бы в Париж совсем здоровым. Очень рад был получить Вашу открытку, благодарю за память и поздравления.

В Париже с Вашего отъезда — перемен нет. Иду сегодня на reveillon¹ к Гржебиной², куда должны прийти и молодые поэты, да и не только молодые, — после ужина. Я все жажду развлечений, а на деле всегда получается скука — будет, вероятно, и сегодня так. Был третьего дня роскошный вечерний чай у Прегельши³, где Маковский что-то читал об Анненском⁴ к недовольству Ладинского⁵, нашедшего что это «несозвучно нашей динамической эпохе».

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Передайте, пожалуйста, низкий поклон Ивану Алексеевичу. Сестра моя тронута, что Вы о ней упомянули в своем письме.

Ваш Г. Адамович

¹ новогодний праздничный ужин (*франц.*).

² См. примеч. 1 к № 41.

³ Прегель Софья Юльевна (1904–1972) — литератор, издательница, мемуаристка. В эмиграции с 1922 г., с 1932 г. постоянно жила в Париже, в 1942 г. переехала в Нью-Йорк, в 1948 г. вернулась в Париж. Редактор-издатель журнала «Новоселье» (1942–1950), организатор и первый директор издательства «Рифма» (в 1957–1972).

⁴ Возможно, Сергей Константинович Маковский (1877–1962) читал у С. Ю. Прегель мемуарный очерк, вскоре опубликованный: *Маковский С.* Из воспоминаний об Иннокентии Анненском // *Новоселье*. 1949. № 39/41. С. 117–129 (в переработанном виде очерк вошел в книгу: *Маковский С.* Портреты современников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955).

⁵ Ладинский Антонин Петрович (1896–1961) — поэт, прозаик, журналист, участник Первой мировой войны и Белого движения, с 1920 г. в эмиграции в Египте, с 1924 г. в Париже, один из организаторов Союза молодых поэтов и писателей (1925), сотрудник редакции газеты «Последние новости», с 1944 г. член Союза русских патриотов, сотрудник редакции газеты «Советский патриот», в сентябре 1950 г. выслан из Франции, жил в Дрездене, в марте 1955 г. вернулся в СССР.

59

И. А. БУНИН — Г. В. АДАМОВИЧУ

10 января 1948 г. Жуан-ле-Пен

Villa Le Fournel,
Chemin du Fournel,
Juan-les-Pins, А.М.
10 Янв. 48 г.

Дорогой поэт (и прозаик? — говорят, что Вы теперь и Игорь Старк¹?), получил письмо от моего литературного радетеля Мих<аила> Гофмана², что будет продолжать стараться устроить мои 2 книги, бывшие у Ravois³, и что у Ravois нашли переводы их (переводы Priel'я⁴) превосходными. Alors, взять у Гофмана эти переводы следует *только* в том случае, если что-нибудь выйдет у Вашего издателя (на что я уже ничуть не надеюсь). Пишу об этом и Бахраку. Тем и кончаю деловую часть сего письма.

А не деловая вот такая:

Меня как громом поразило в последн<ем> № «Рус<ских> Новостей» сообщение о том, что Вы вскоре читаете лекцию о Блоке и Анненском⁵, — я затопал ногами и закричал на весь «Рус<ский> дом»: Как?! Опять?! Опять?! Затем восхитило начало стихотворения: «Кусты сирени и *свобода*⁶, равно как и первые строки рассказа Пришвина: «На краю поля стоит, *уши развесил* неисходимый казенный лес», и «буланка», действующая в этом рассказе далее, и «метель, ослепившая все глазастое поле и залепившая слух ушастому лесу»⁷, и многое, многое прочее. Вы совершенно правы были, когда писали, что Пришвин не уступает в мудрости Рабиндрана-

ту Тагору, а в изобразительности насчет птиц, зверей, насекомых, полей, лесов, рек и гор Брэму!⁸

Вот пока и все. Целую Вас и кланяюсь Вам.

Ив. Бунин,

Георгиевский Кавалер (немало знаков отличия получивший от *Гео́ргия Адамовича*).

¹ *Старк Игорь*. На край света: Рассказ // Русские новости. 1948. № 135. 2 января. С. 6. Объяснения Адамовича см. в ответном письме.

² Гофман Михаил Александрович (1906–1971) — литературный агент Бунина.

³ В 1945 г. Бунин заключил контракт с парижским издательством «Le Pavois» об издании четырех книг рассказов в переводе на французский. Подробнее о его взаимоотношениях с издательством см.: Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными: 1948–1952 (3 часть) / Публ. Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер // Диаспора. Вып. 3. 2001. С. 614.

⁴ Жарл Приэль (наст. имя Шарль Тремель; 1885–1965) — бретонский и французский писатель, переводчик.

⁵ 23 января 1948 г. в парижском Salle des Sociétés Savantes Адамович читал публичную лекцию «Два поэта — Иннокентий Анненский и Александр Блок», устроенную Объединением русских поэтов и писателей. Объявление о лекции Бунин прочитал в газете (Русские новости. 1948. 9 января. № 136. С. 5).

⁶ Бунин приводит первую строку стихотворения Корвина-Пиотровского «Весна на карусели» (1946), которое он прочитал в том же номере газеты (Русские новости. 1948. 9 января. № 136. С. 4). Позже стихотворение печаталось под названием «Карусель».

⁷ Из рассказа Пришвина «Волки-овцы», перепечатанного в газете с опечаткой в названии: «Волки-отцы» (Русские новости. 1948. № 136. 9 января. С. 4–5).

⁸ По всей видимости, Бунин имеет в виду вышедшую тремя неделями ранее статью Адамовича о «Избранном» Пришвина (Русские новости. 1947. 12 декабря. № 132. С. 4). Ни Тагора, ни Брэма Адамович в ней не упоминал, их имена Бунин, вероятно, приписал Адамовичу, позаимствовав из другого источника.

60

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

13 января 1948 г. Париж

1bis avenue de Montespan

Paris 16^e

13/1–1948

Дорогой Иван Алексеевич

Очень был рад Вашему письму, а особенно подписи — «георгиевский кавалер». Кажется мне, что Вы поправляетесь и набираетесь сил. Надеюсь, что к весне Вы станете совсем прежним.

С издательством я говорил. При всем их пиетете к Вам и Вашей славе, они хотели бы видеть рукопись прежде, чем дать твердый и точный

ответ. А рукопись у Гофмана, и Вы ставите условием не брать ее у него, пока не все решено. Я в недоумении: пока рукопись у Гофмана, я никакого решения добиться не могу. Как поступить? А опоздание вышло потому, что directeur littéraire издательства только на днях вернулся из-за границы.

Есть у меня к Вам другое дело.

Вчера ко мне обратился некий Roger Grenier¹, молодой француз, заведующий литературной частью в парижском радио. Он хотел бы устроить передачу, посвященную русской литературе. Программа еще не ясна. Будет, вероятно, Питоева² что-нибудь читать, затем какой-нибудь общий разговор с участием Бердяева и, вероятно, Ремизова. Я бы хотел, чтобы все это началось с Вас — и предложил ему, что я попрошу у Вас строк 30—50—100 (сколько хотите) о русской литературе вообще. По-моему, отказываться не надо: радио слушают все. Если Вы напишете по-русски, я переведу — и постараюсь точно. Пишите, о чем хотите, «взгляд и нечто» — но идея этого Grenier в том, чтобы наметилась связь между литературой классической и теперешней. Заплатят ли за это — не знаю, я забыл спросить, да как-то было и неудобно. Но если Вы согласны, пришлите поскорее: он хочет это сделать в конце января и скажет о Вас несколько слов.

Насчет Анненского и Блока. Есть у Брюсова хорошая строчка — «сами все знаем, молчи»³. Но я это делаю для дохода, а на Ан<ненского> и Бл<ока> придут сами собой все любители поэзии, а их столько, что я сам удивляюсь. Кроме того, у меня насчет Ан<не>нского чувство, что я по мере «ничтожных и жалких сил своих» должен его отстоять от забвения, которое нет-нет да и надвигается на него, если о нем не напоминать. А поэт он замечательный и — скажу по секрету — лучше Блока, который все-таки с годами вянет. Только у Блока был голос, а у этого какая-то прирожденная астма, и все свои чудеса он мог только пробормотать или прошептать. Простите, я ударился в «литературные заметки», по скверной привычке. Поговорите насчет Анненского с Жоржем Ивановым, он человек пропащий и легкомысленный, но в стихах понимает, — а собеседников у Вас в «Maison russe», верно, не много.

Игорь Старк — *не я*, клянусь. Стану я такую чушь писать. Это жена одного инженера, забыл фамилию, дама лет 30 с такой улыбкой и такими глазами, что вся наша редакция сошла с ума. Когда Вы приедете, я Вам ее представлю. Я ей только переделал конец и прибавил две строчки из Кузмина⁵, которые очень люблю.

До свиданья, дорогой Иван Алексеевич. Простите, что письмо вышло длинное и Вам надоест читать. Кроме того, я, верно, путаю *ъ* и *е*. Тоже не взыщите. Кланяюсь Вам низко и шлю сердечный поклон и привет Вере Николаевне.

Ваш Г. Адамович

¹ Роже Гренье (р. 1919) — французский прозаик, участник освобождения Парижа в 1944 г., протеже Альбера Камю, автор сценариев для радио, телевидения и кино, с 1964 г. печатается в издательстве Галлимар.

² Питоева Людмила Яковлевна (1895–1951) — актриса, на сцене с 1916 г., до войны в труппах под руководством своего мужа, режиссера, актера и театрального деятеля Жоржа (Георгия Ивановича) Питоева (Pitoëff; 1884–1939), в Швейцарии (1916–1922), затем во Франции.

³ Неточная цитата из стихотворения Брюсова «Каменщик» (1901). У Брюсова: «Знаем все сами, молчи».

⁴ Передача Radio Chaîne-Parisienne, посвященная русской литературе, прошла 15 февраля 1948 г. Кроме Адамовича, в ней приняли участие В.В. Вейдле, А.М. Ремизов и Б.Ф. Шлецер. Н.А. Бердяев от участия отказался. Вместо Питоевой произведения русских писателей (в переводе на французский язык С. Карского) читал Мишель Витольд. 16 февраля 1948 г. Пантелеймонов писал Бунину: «Слушали Ваше выступление по радио. Но гвоздь вечера был во французском чтении Ремизова. Спятил Алеша <Ремизов>. Сестра <Тэффи> говорит, что выговор переносим. Туш перед и после каждого выступления напоминал шванц-парад. Ремизов в полосатом трико, налеплен нос и Адамович представляет публике: Ремизов, Туго-Сраки русской литературы. Бум-бум в литавры, мальчишки визжат, алле-гоп, корифей проходит по литературной сцене раскорякой» (РАЛ. MS.1066/4391).

⁵ Рассказ Игоря Старка в газете завершался строками Кузмина «Быть может, это не любовь, / Но так похоже на блаженство...».

61

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

16 января 1948 г. Жуан-ле-Пен

16 Янв. 48 г.

Дорогой Георгий Викторович, очень благодарю за милое и длинное письмо — мне было особенно приятно, что оно длинное, а то Вы всегда уж слишком кратко пишете мне. Пишу Гофману — Михаил Александрович Hoffman, 75, rue Saint Martin, Paris, 9, Тел. Tri. 14–45 — прошу его, чтобы он передал Вам рукописи *двух* моих книг, если у него ничего не выйдет с другими издателями. Тронут, что Вы указали на меня Roger Grenier, хотел бы написать что-нибудь для радио, — реклама даже маленькая была бы все-таки на некоторую пользу мне, — но куда же мне сейчас написать что-нибудь даже мало-мальски приличное! Посему очень прошу: напишите строк 50 и выдайте за мое, а гонорар, если таковой будет, пожалуйста, возьмите себе. А если это Вам будет скучно делать, пожалуйста, не утруждайте себя.

Анненского очень хотел бы перечитать — где можно достать его книжечку или книжечки? Укажите, пожалуйста, к кому мне обратиться в Париже.

Прочитавши Старка, я, конечно, только руками развел на дурацкий слух, что это Вы.

Жорж мил и уныл¹ — бедность, даже на спирт нету, говорит². Она поправилась, написала новый роман³, нынче дала мне его читать. Я поправ-

ляюсь очень медленно. И тоже унываю: жить тут нам вдвоем выходит совсем недешево, надо немало прикупать питания, отдельно платить за дрова для камина — каждый день улетает в трубу франков полтораста...

Получили ли Вы копию моего ответа Марии Самойловне⁴?

Сердечно обнимаю Вас, В<ера> Н<иколаевна> Вам очень кланяется.
Ваш Ив. Б.

¹ Георгий Иванов и Одоевцева вместе с Буниным жили тогда в Русском доме в Juan-les-Pins (эпизоды общения с Буниным Одоевцева подробно описала в своих воспоминаниях: *Одоевцева И.* Избранное. М.: Согласие, 1998. С. 840–849). Ссора Георгия Иванова с Адамовичем еще не прекратилась, примирение произошло лишь несколько лет спустя, однако судьбой своих старых друзей Адамович продолжал постоянно интересоваться. См. подробнее: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды / Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публ. О.А. Коростелева // *Минувшее*. Вып. 21. 1997. С. 456–457.

² 2 февраля 1948 г. Бунин писал Тэффи: «Ивановы в ужаснейшем положении — всем в “Доме” уже должны, в кармане ни гроша. Он совсем барон из Горьковского “На дне”» (Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными: 1939–1948 (2 часть) / Публ. Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер // *Диаспора*. Вып. 2. 2001. С. 562).

³ Вероятно, имеется в виду роман Одоевцевой «Оставь надежду навсегда», первоначально увидевший свет в переводах. Впервые роман был опубликован в ее собственном французском переводе: «Laisse toute espérance» (Paris, 1948), на следующий год вышел на английском: «All Hope Abandon» (New York, 1949; F.Reed, tr.) и испанском: «Abandona toda esperanza» (Barcelona, 1949; Luis de Caralt, tr.). На русском языке была напечатана глава под названием «Карьера Ирмы Оглоблиной» (Возрождение. 1949. № 6. С. 58–82), отдельное издание появилось гораздо позже (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954).

⁴ Выход Бунина из Союза русских писателей и журналистов 11 декабря 1947 г. (вслед за В.Н. Буниной, вышедшей из Союза двумя неделями ранее, 22 ноября 1947 г.) привел к конфликту между ними и М.С. Цетлиной. Узнав об этом, Цетлина 20 декабря через Б. К. Зайцева отправила Буниным письмо в незапечатанном конверте. Получив письмо, Бунин 1 января 1948 г. написал ответ, разослав копии нескольким друзьям, в том числе Адамовичу (одновременно свой ответ Цетлиной написала и В.Н. Бунина). О подробностях инцидента см.: *Дубовиков А.Н.* Выход Бунина из парижского Союза писателей // *Литературное наследство*. Т. 84. Кн. 2. С. 398–407; *Пархомовский М.А.* Конфликт М.С. Цетлиной с И.А. Буниным и М.А. Алдановым // *Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе*. Т. 4. Иерусалим, 1995. С. 310–325.

62

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

7 февраля 1948 г. Жуан-ле-Пен

7.2.1948

Дорогой поэт, простите — дважды виноват: во-первых, не поздравил Вас с 24-ой годовщиной со дня смерти Василия Ильича¹, во вторых — отвечаю так поздно на Ваше милое письмо от 4 февраля². Виной тому моя

цветущая Гетевская старость и вот это американское перо, которым так трудно писать, ибо оно толстое и похоже на коготь:

Пишу как будто когтем...
Каким? (ты спросишь). Ох, тем,
Что дьяволом придуман
Дабы писал им Труман,
Подкупленный деньгами
Черчиля с Вишняками, —
Душитель демократии
Вышинского и братии... (Иннокентий Иванненский).

Гофман вот уже месяца три-четыре «ведет переговоры с крупными издательствами» насчет меня, — он так и мне писал не раз. Я такого позора еще никогда за всю жизнь не испытывал! Но что же я могу? Потерплю еще с год, потом повешусь...

Очень рад — Вы знаете, чему. Верю, что вышло «и туманно и достойно»³ — Вы это умеете! Тайну же этого пусть разгадывают потомки. А то что ж бы это было: у всех были тайны — у Грибоедова (см. Бахрака в «Рус<с>ких> Нов<остях>»⁴), у Некрасова и у многих других (тут надо прежде всего «Тайну трех» — Мережковский—Злобин—Гиппиус), у Пушкина (см. пошлейшее словоблудие Достоевского, недавно повторенное тем архи-словоблудом, коему отлично известны «замыслы творца» насчет России и, конечно, всех прочих стран на земле, — Вы отлично написали о нем на днях, довольно попортив, впрочем, свою статью первыми строками ее⁵)... да, так у всех были тайны, а у нас с Вами не было бы? Уже по одному этому не выдам ни себя ни Вас во веки веков.

Читали ли уже 17-ую кн<игу> «Нов<ого> Журнала». «Воскрешение Моцарта»⁶ удивительно: пришел на какую-то дачу кто-то без подштанников, промолчал и проспал три дня — и ушел куда-то... Вполне Моцарт! Гуль — Бог с ним, что и он был в числе доносчиков на меня Марье Самойловне! — очень, очень неплох⁷ — не хороши только кое-где всунутые штучки насчет «ужас, что я, Гуль, дерусь с собратьями по крови»: что до меня, то я всю жизнь грущу, что Авель не успел проломить башку Каину!⁸

Ваш Ив. Б.

¹ Имеется в виду 24-я годовщина со дня смерти В.И. Ленина.

² Письмо не сохранилось.

³ Судя по всему, в несохранившемся письме Адамович так отозвался о состоявшейся 7 февраля записи радиопередачи, на которой он прочитал небольшое выступление от лица Бунина (написанное, как видно из предыдущего письма Бунина, самим же Адамовичем).

⁴ Бунин имеет в виду рецензию Бахраха на книгу М.В. Нечкиной «А.С. Грибоедов и декабристы» (М., 1947): *Бахрах А.* Тайна Грибоедова // Русские новости. 1948. 30 января. № 139. С. 4.

⁵ В рецензии на книгу Бердяева «Русская идея» Адамович писал: «Если бы искать среди недавно вышедших русских книг такую, в которой действительно было бы “словам тесно, а мыслям простор”, то лучшего примера, чем “Русская идея” Бердяева, не найти <...> Словам в ней очень тесно. Изложить на двухстах пятидесяти страницах все то глубокое, двоящееся, тревожное, вдохновенное и противоречивое, что было продумано русскими людьми о самых важных проблемах бытия, было задачей почти неразрешимой. А может быть, еще труднее было сделать из всех этих суждений вывод, логически приемлемый, и хотя бы приблизительно выяснить — согласно выражению самого Бердяева — “то, что замыслил Творец о России”... Признаюсь откровенно и честно: внимательно прочтя “Русскую идею”, перечтя многие страницы этой книги по несколько раз, я все же не знаю, как и не знал раньше, в чем она, эта таинственная национальная наша идея. Да и существует ли она?» (Русские новости. 1948. 6 февраля. № 140. С. 4).

⁶ Рассказ «Воскрешение Моцарта» (Новый журнал. 1947. № 17. С. 60–82) был написан Н. Берберовой и вошел в ее книгу «Облегчение участи» (Париж: YMCA-Press, 1949).

⁷ Речь об автобиографическом произведении Гуля «Конь рыжий» (Новый журнал. 1946–1948. № 14–17, 19–20), очень понравившемся Бунину. Обычно не очень-то щедрый на похвалы, он неожиданно в частном письме отозвался о журнальном варианте «Коня рыжего» настолько лестно, что Гуль позже напечатал письмо в качестве предисловия к книжному изданию: «Все еще вспоминаю порой Ваш роман — столько в нем совершенно прекрасных страниц! Особенно приезд зимой в Пензу, потом какое-то место в Германии, потом как шла Ваша матушка из России, потом ее смерть и картины той местности, где она умерла, — эта последняя часть романа просто превосходна <...> Желаю Вашему Коню взять хороший приз и жму Вашу руку. Ив. Бунин» (Гуль Р. Конь рыжий. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 5).

⁸ Почти те же слова по поводу «Коня рыжего» написал Бунин и автору: «В его начале кое-что меня раздражало — именно вздохи о “братоубийственной войне”. Что же, надо покорно подставлять голову Каину? Я вздыхаю о другом — о том, что Авель не захотел или не успел проломить ему башку булыжником» (Гуль Р. Конь рыжий. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 5). Бунин и ранее высказывал схожие суждения в своей публицистике, см., например, его речь «Миссия русской эмиграции» (произнесена в Париже 16 февраля 1924 г. на вечере «Миссия русской эмиграции», впервые опубл.: Рувль. 1924. 3 апреля. № 1013. С. 5–6).

63

Г. В. АДАМОВИЧ — И. А. БУНИНУ

11 февраля 1948 г. Париж

1bis avenue de Montesperan
Paris, 16^c
11/II—48

Дорогой Иван Алексеевич

Спасибо за письмо, которое меня очень обрадовало. Не знаю, чем — но всем. Насчет Гофмана я плохо понял. Значит, оставить его пока в покое и не тормозить? Думаю, что он действительно какие-то переговоры ведет, иначе не стал бы упрямяться и рукописи отдал бы.

Передача по радио будет в воскресенье 15-го — и должна начаться с Вас. Я с Вейдле и Шлецером¹ устроил разговор перед «микрофоном» и так как было это без всякой репетиции, то вышла чепуха ужаснейшая — если у Вас там есть радио, то, надеюсь, услышите! Они меня перед тем разозлили, что я «недооцениваю» Достоевского — и я со злости наговорил Бог знает что о нем, а слушать будут 5 миллионов человек! Надо было, конечно, все это приготовить заранее, а не импровизировать, да еще по-французски. Все заносится на диски, а передаваться будет в воскресенье, в 8 ч. 50 м. вечера.

«Нового журнала» я не видел и даже не знаю, кто там высказался о воскресшем Моцарте. А что Гуль так хорош — верю, но с трудом. Никому кроме Вас не поверил бы.

Вера Николаевна была так добра, что выразила желание продать билеты на мой вечер², и Бахрах, кажется, уже послал их ей. Я очень тронут и благодарен. Но неужели можно в Juan что-нибудь продать? Во всяком случае, я не хотел бы доставлять Вере Николаевне никаких затруднений, пишу это совсем искренне. Да и вообще мне этот вечер — «поперек горла». Уговорил меня на него Рубинштейн³, а устраивать его я не способен решительно и не умею совершенно. Вот вечер Ставрова⁴ прошел удачно, и даже было много народа. Он между прочим читал свои стихи и сказал: «Простите, что я буду читать стихи, которые *все знают*». (Но ради Бога не передавайте никому моих сплетен, это я сообщаю Вам для развлечения, без всякого ехидства на Ставрова.) А я высказался о Бенедиктове⁵, который мне не нравится, но был все-таки очень талантлив, вроде И. Северянина. До свидания, дорогой Иван Алексеевич, поправляйтесь, пожалуйста, и возвращайтесь весной сюда.

Да, я забыл Вам написать, что едва ли радио что-нибудь будет платить. Бердяев отчасти из-за этого (будто бы) отказался участвовать. Мы считаемся «гостями» того француза, который будет нас представлять публице, а гостям платы не полагается.

Ваш Г. А.

Кланяюсь низко Вере Николаевне.

¹ Шлецер Борис Федорович (1884–1969) — музыкальный и литературный критик, философ, переводчик, журналист, с осени 1920 г. в эмиграции в Париже, сотрудник «Звена», «Современных записок», «Последних новостей», иностранной музыкальной периодики.

² Вечер Адамовича, посвященный Санкт-Петербургу, устраивался Объединением русских писателей и поэтов 2 марта 1948 г. в зале Русского музыкального общества за границей (далее — РМОЗ) по адресу: 5, rue Cardinal-Mercier, Paris 9^e.

³ Неустановленное лицо.

⁴ Литературный вечер П.С. Ставрова, устроенный Объединением русских писателей и поэтов, состоялся 7 февраля 1948 г. в зале РМОЗ. Адамович принял в нем участие.

⁵ О поэзии Владимира Григорьевича Бенедиктова (1807–1873) Адамович упоминал в печати очень редко, обычно ставя его рядом с не очень-то любимым Баль-

монтом. Одно из немногих упоминаний относится как раз к периоду написания письма: «Если верно, что из Пушкина вышла вся новая русская литература, то есть у Пушкина две строчки — “К морю” — от которых могли бы вести свою родословную Бенедиктов и Бальмонт:

...И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег».

(Адамович Г. Из записной книжки // Новоселье. 1949. № 39–41. С. 146).

64

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

Середина февраля 1948 г. Париж

Дорогая Вера Николаевна

Вот адрес С. Шифрина¹ — 8, Chateaubriand (фильмовая контора).

Кроме того:

Яков Влад<имирович> Компанеец² (Jacques Companeez) — 59, rue Spontini.

Он меня знает и билеты возьмет наверно. (*Tel: Pas 34–66*)

Если можно, было бы хорошо, чтобы Вы, в качестве главного директора вечера, спросили А.М. Элькан³: сколько у нее билетов и продала ли она что-нибудь, как обещала: — В.Р. Мартыновой⁴, А.С. Альперину⁵ и Райтфельду⁶, кинем<атографическому> деятелю, который живет в Hôtel California, на rue de Berri. Если не продала, им можно было бы послать билеты от Вас.

Простите за хлопоты и спасибо за доброе отношение.

Ваш Г. Адамович

Сегодня я понесу несколько билетов А. М. Рубинштейну.

¹ Шифрин Семен (1894–1985) — режиссер, продюсер.

² Компанеец Яков Владимирович (1906–1956) — французский сценарист русского происхождения.

³ Элькан Анна Морисовна (урожд. Абельман; ?–1962) — жена коллекционера картин, организатора петроградского издательства «Аквилон» Бернарда Веняминовича Элькана, хозяйка единственного в послевоенном Париже литературного салона, секретарь Объединения писателей и поэтов, председателем которого был тогда С. Маковский, занимавший две комнаты в большой квартире А.М. Элькан на улице Тильзит. С Адамовичем А.М. Элькан была знакома еще по Петербургу; см. ее воспоминания «Дом искусств» (Мосты. 1960. № 5. С. 289–298). Подробнее о ней см.: *Крейд Вадим*. Неточкин салон (О салоне Анны Элькан) // Русские евреи во Франции. Кн. 1. / Русское еврейство в зарубежье. Т. 3 (8). Иерусалим, 2001. С. 121–130.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ Альперин Абрам Самойлович (1881–1968) — юрист, помощник присяжного поверенного, общественный деятель, предприниматель, создатель и член правления Ростовского купеческого банка, заведующий табачными фабриками Асмоло-

ва и Кушнерева, заместитель председателя Донского общества помощи казакам (1918–1919), с 1919 г. в эмиграции в Париже, глава крупного табачного дела, основатель и один из директоров фабрики «Биотерапия», масон, в годы Второй мировой войны руководитель еврейского движения Сопrotивления в оккупированной зоне Франции, один из создателей (1946) и председатель (с 1947) Общества помощи русско-еврейской интеллигенции им. Тейтеля (Тейтелевского комитета).

⁶ Неустановленное лицо.

65

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

Середина февраля 1948 г. Париж

Дорогая Вера Николаевна

Вот имя и адрес дамы, которая, надеюсь, окажется хорошей клиенткой:

Ада Максимовна Пергамент¹ (Pergament)

rue Faidherbe, Savigny sur Orge (S. O.)

(Tél 108 à Savigny sur Orge)

Спасибо и простите за хлопоты.

Ваш Г. Адамович

¹ В адресных книжках Бунина А.М. Пергамент не значится.

66

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

18 февраля 1948 г. Жуан-ле-Пен

18 февр. 1948 г.

Дорогой потомок Батыя (которому все-таки далеко до Чингиз-Хана, прямой потомок которого, — люблю не меньше Толстого слово «который»! — слышно, будет скоро иметь свой «орган»¹ при ближайшем участии Руманова², Маковского и Бурова³, — видели объявление о его многотомных трудах в «Рус<ских> Новостях»⁴), благодарю Вас, — Вы знаете, за что, чего мы, к нашему великому сожалению, не поймали, слушая очень жалкий аппаратик, взятый на часок у одного нашего соседа по нашей богадельне, — поймали только некоторое бормотанье Ваше и еще кого-то, — благодарю и весьма сожалею, если Вы не получили за это никаких существенных вознаграждений. Благодарю и за Ваше, как всегда, очень милое письмо и за одну чудесную «сплетню» в

нем. Будьте здоровы и благополучны, принимайте «Forsex»⁵ — и пишите, пишите!

Ваш Ив. Б.

P.S. Из одного парижского письма узнал, что выступал с Вами еще и Ремизов («Туго-Сраки русской литературы»⁶), да еще по-французски!

¹ До Бунина дошли слухи о планировавшейся газете, в которой Адамович должен был стать главным редактором. Проект не осуществился.

² Руманов Аркадий Вениаминович (1878–1960) — журналист, до революции редактор петроградского отдела московской газеты «Русское слово», в эмиграции предприниматель, меценат.

³ Буров Александр Павлович (Бурд-Восходов; 1876–1967) — инженер, литератор, с 1918 г. в эмиграции в Берлине, помогал эмигрантским писателям.

⁴ С начала 1948 г. в «Русских новостях» печаталась реклама: «Ал. П. Буров / в марте выходит в свет / НОВАЯ ДЕСЯТАЯ КНИГА / Тяжко без Сталинградской России / в трех балладах <...>. В той же книге: / ПЛАЧ ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЫНЕ», далее перечислялись вышедшие, а также еще ненапечатанные книги Бурова.

⁵ Во французских фармацевтических справочниках тех лет средства под названием Forsex нет. Это либо шутка Бунина, либо официально незарегистрированный препарат, некий аналог виагры того времени.

⁶ См. примеч. 4 к № 60.

67

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

25 февраля 1948 г. Жуан-ле-Пен

<на почтовом штемпеле: 25.II.48 Juan-les-Pins Alpes-Maritimes>

Из журнала «Ленинград», № 1–2, 1946 г.

У кладбища *направо* <над строкой: какая точность!> *пылил* <над словом вопросительный знак> пустырь,

А за ним голубела река.

Ты сказал мне: «Офелия, иди в монастырь

Или замуж за дурака!»

Принцы только такое всегда <над каждым словом вопросительный знак> говорят,

Но <над словом вопросительный знак> я эту запомнила речь.

Пусть струится она сто веков подряд <строка дважды отчеркнута на полях и стоят два восклицательных знака>

Горностаевой мантией с плеч!

1909 г. Анна Ахматова.

Что ни слово, то глупость и пошлость! Один «пустырь» чего стоит! И эта вечная «Офелия», вечное «Ты мне сказал», вечный хамящий «принц»... И такую дуру прославили замечательной поэтессой!

А каким сукиным сыном оказался этот гусь с идиотской фамилией «Товий»²!

¹ Стихотворение Ахматовой из цикла «Читая Гамлета» впервые было напечатано в подборке «Стихи разных лет» (Ленинград. 1946. № 1–2. С. 13). Третья строка позже печаталась в другом варианте: «Ты сказал мне: “Ну что ж, иди в монастырь...”».

² Неустановленное лицо.

68

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

12 марта 1948 г. Париж

1bis avenue de Montespan
Paris, 16^e
12/III—1948

Дорогой Иван Алексеевич

Простите за долгое молчание. Но я не хотел Вам писать, ничего не сообщая о Вашем деле, — а узнал я кое-что только вчера.

Прежде всего — по поводу того, что я стал Вашим «агентом» и значит имею будто бы право на какие-то «проценты»¹. Уверен, что Вы это написали в шутку, — но на всякий случай сообщаю, что я понял Ваши слова именно как шутку. Надеюсь, значит, что всерьез такого разговора между нами никогда не будет.

Brice Pargain² был в продолжительном отсутствии. Сегодня он был в первый раз в «Nouvelle Revue Française» и я с ним говорил по телефону. Условился, что буду у него в среду, 17-го. После свидания немедленно Вам напишу.

Однако до этого я говорил о Вашей книге «в принципе» с Riegge Emmanuel³, директором моего издательства. По Вашему желанию я до разговора с Brice Pargain ничего ему определенно не предлагал, а только «зондировал почву», впрочем, уже во второй раз. Emmanuel мне сказал, что книгу Вашу, конечно, возьмет — и, по-видимому, возьмет, не читая. Он знает, что это сборник рассказов. Но у него набрано столько рукописей и они сейчас настолько стеснены в средствах (не только денежно), что он не может взять на себя никакого обязательства насчет срока выпуска книги. Это, конечно, не особенно должно Вам понравиться. Надеюсь, что дело устроится в «Nouvelle Revue Française». Но если нет: давать ли рукопись Emmanuel'ю — или не давать? Буду ждать Ваших указаний.

«Nathalie — petit roman»⁴: мне не нравится, и думаю не понравится издателю, кто бы он ни был. Лучше уж «Nathalie <—> nouvelle» suivie d'«Allées sombres»⁵ или что-нибудь в этом роде. Но я не спорю, а только выражаю свое мнение, впрочем, без спросу...

Как Ваше здоровье, дорогой Иван Алексеевич? Слышал, что Вы даже в Ниццу ездите завтракать, и очень обрадовался. От д-ра Беляева⁶ получил письмо с восторгами по поводу Ваших восторгов его сочинением. До свидания. Надеюсь, что Вы скоро прибудете в Париж.

Ваш Г. Адамович

¹ Судя по всему, Адамович предложил Бунину похлопотать о выпуске его книг на французском языке в издательстве «Egloff», незадолго до того выпустившем книгу Адамовича «L'Autre patrie».

² Brice Parain (1897–1971) — писатель, философ, переводчик, секретарь издательства Gallimard, член редколлегии журнала «Nouvelle Revue Française».

³ Пьер (наст. имя Ноэль Матье) Эммануэль (1916–1984) — французский поэт, участник Сопротивления, в 1945–1959 гг. сотрудник французского радио и телевидения, член Французской академии с 1968 г. (вышел из Академии в 1975 г.).

⁴ «Натали — маленький роман» (*франц.*). См. примеч. 3. к № 70.

⁵ «Натали — повесть», предваряющая «Темные аллеи» (*франц.*).

⁶ Беляев Борис Никандрович (1880–1956) — врач, в то время работавший в Русском доме в Жуан-ле-Пен. См. написанную ко второй годовщине со дня его смерти (15 мая 1956 г.) статью Адамовича «Памяти доктора Б.Н. Беляева (Б. Щербинского)» (Русская мысль. 1958. 22 мая).

69

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

12 марта 1948 г. Париж

12/III—48

Дорогая Вера Николаевна,

Благодарю Вас очень за письмо и деньги. Я правда тронут Вашим добрым отношением и не знаю, как это Вам удалось продать билеты за 1000 верст от Парижа! Спасибо большое. У меня и в мыслях не было затруднять Вас такими делами, я прекрасно знаю, что это и не легко, и достаточно противно. Вечер мой прошел хорошо¹. Т. е. о впечатлении публики — не знаю ничего: говорят всегда слова приятные, а что думают, неизвестно. Но с материальной стороны — лучше, чем я надеялся, и если бы не долги и всякие «дыры», которые надо затыкать, было бы совсем хорошо. В Париже — все по-старому. Вечера идут за вечерами, сегодня вот иду на Смоленского², а на днях был Раевский³. Расцвет поэзии невероятный. Весна у нас настала внезапно, и, слава Богу, можно не топить. Собираетесь ли Вы обратно в Париж? Без Вас и Ивана Алексеевича здесь «и скучно и грустно», да и руку пожать без опаски остается не многим.

Спасибо еще раз.

Ваш Г. Адамович

¹ См. примеч. 2 к № 63.

² Вечер стихов Владимира Алексеевича Смоленского (1901–1961) прошел 12 марта 1948 г. в зале РМОЗ.

³ Вечер Георгия Раевского (наст. фам.: Георгий Авдеевич Оцуп; 1897/1898–1963), устраивался Объединением русских писателей и поэтов 7 марта 1948 г. в зале РМОЗ.

70

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

27 марта 1948 г. Париж

1bis, avenue de Montespan
Paris, 16^e
27 марта 48

Дорогой Иван Алексеевич

Простите, что не написал Вам сразу после разговора с Brice Pargain. Но, в сущности, мне еще нечего Вам сообщить. Книгу Вашу¹ от Зелюка² он получил — и собирается ее читать. Кроме того, я отнес ему французский перевод, полученный мной от Гофмана. Нужен он ему потому, что решение издательства не зависит от него одного, а читает по-русски в N<ouvelle> R<evue> F<rançaise> он один. О всем дальнейшем Brice Pargain напишет Вам сам. Кстати, он тоже сказал — не сговариваясь со мной — что «petit roman» писать на книге нельзя³.

На днях был тут Марк Александрович⁴, кажется уже улетевший.

Читали ли Вы статью Тэффи о нашем друге Пантелеймонове в «Новоселье»⁵? Он доволен, а другие думают, что это издевательство. Есть там и рассуждения Оцупа обо мне⁶. Умно до того, что не все я в силах и понять.

До свидания, дорогой Иван Алексеевич. У нас весна и солнце, но еще холодно.

Низкий поклон Вере Николаевне.

Ваш Г. Адамович

¹ Бунин И. Темные аллеи. Париж: La Presse Française et Etrangère, 1946.

² Зелюк Орест Григорьевич (1888–1951) — издатель, журналист, сотрудник «Киевской мысли», «Одесских новостей», «Биржевых ведомостей», с 1920 г. в эмиграции в Константинополе, коммерческий редактор русско-французской газеты «Вечерняя пресса», с 1923 г. в Париже, владелец типографии «Франко-русская печать» («La Presse Française et Etrangère»).

³ В письме к Бунину от 12 апреля 1948 г. (РАЛ. MS.1066/4539) Парэн отказался от предложения издать «Темные аллеи» под названием «Nathalie — petit roman».

⁴ М.А. Алданов.

⁵ Тэффи опубликовала рецензию (Новоселье. 1948. № 37/38. С. 138–142) на книгу Бориса Григорьевича Пантелеймонова (1888–1950) «Зеленый шум» (Париж: Подорожник, 1947).

⁶ Имеется в виду статья о книге Адамовича «L'Autre patrie»: Оцуп Н. Под знаком Пушкина и Толстого // Новоселье. 1948. № 37/38. С. 130–137.

71

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

1 апреля 1948 г. Жуан-ле-Пен

1 Апр. 48 г.

Милый, дорогой поэт, получил Ваше письмо от 27 Марта — как всегда с удовольствием — даже при виде Вашего почерка. Спасибо, спасибо.

Взяли билеты — надеемся быть в Париже 24 апр<еля>.

Любящий Вас Ив. Б.

P.S. Да, О<цуп> мудр! Пишу Пантелею¹.

¹ В своем ответе Бунину от 3 апреля 1948 г. Пантелеймонов писал: «Дорогой Метр. Наконец-то от Вас письмо. Я думал, Вы зачитались “Новосельем” и робете писать мне» (РАЛ. MS.1066/4409).

72

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

18 июня 1948 г. Париж

18 Июня 1948 г.

В Ваш архив, дорогой поэт:

Чехов однажды, даря мне одну из своих книжек, надписал на ней:

«Милый Иван Алексеевич, я тоже когда-то писал стихи, написал два стихотворения; вот они:

I

Акулина Пантелевна!
Когда взята была Плевна,
Так солдаты отличались,
Даже турки удивлялись!

II

Шли однажды через мостик
Жирные китайцы,
Впереди их, задрав хвостик,
Поспешали зайцы.
Вдруг китайцы закричали:
«Стой! Лови! Ах, ах!»
Зайцы выше хвост задрали
И попрытались в кустах

А. Чехов¹!

Я люблю посылать Вам неожиданные письма, чтобы Вы думали: «А он, кажется, глуповат, этот старый Бунин!» Теперь Вы верно подумаете: «Что ж тут смешного — в этой плохой шутке Чехова?» Совершенно правильно: ровно нет ничего смешного. Но ведь все-таки это Чехов. И он сказал мне, даря книжку и смеясь: «Честное слово, это мои стихи, написанные мною в Таганроге, когда мне было лет восемь».

Книжка эта, вместе со множеством других моих книг, среди которых было не мало просто драгоценных начала прошлого столетия, погибла после нашего бегства из с. Васильевского в конце октября 1917 года.

Ваш старый Бунин

Р.С. Прочел в «Рус<ской> Мысли» очередной отрывок из книги Зайцева о Жуковском. На этот раз о путешествии по России Жуковского с Наследником престола, Александром II. Путешествовали так: «На станциях *подзакусывали* и дальше. Жуковский больше *действовал по пирожкам*»².

¹ О стихах, обстоятельствах публикации и пр. см. подробнее: *Чехов А.* ПСС. М., 1982. Т. 18. С. 8, 218–220. Насчет восьмилетнего возраста Чехов пошутил, если Бунин это не сочинил.

² Бунин не вполне точно цитирует зайцевскую биографию Жуковского, главы из которой под названием «Прощанье с Россией» прочитал в газете (Русская мысль. 1948. 11 июня. №98. С. 4–5): «На остановках подзакусывают и дальше. Спутники разделились на «чайстов» и «простоквашистов» — партии враждебные. Одна заказывала на станциях чай, другая простоквашу. Жуковский больше действовал по пирожкам, главное же, изнемогал от усталости». В книгу этот фрагмент вошел без изменений: *Зайцев Б.* Жуковский. Париж, 1951. С. 205.

73

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

22 июня 1948 г. Париж

Paris

22 июня 48

Дорогой Иван Алексеевич

Спасибо за стихи Чехова. Я очень люблю получать от Вас письма и мой «архив» только из них и состоит. Другие все летят в печку или в корзину. Нельзя ли стихи Чехова напечатать в газете¹? Хотя это и хуже Присмановой², но, как Вы пишете, — «все-таки Чехов!»

Из почтения к Вам пишу по старой орфографии. У Зайцева — о том, что Жуковский «больше действовал по пирожкам» — это, конечно, утонченность и штучки, а не безграмотность. Но я такие штучки терпеть не могу, и еще у Зайцева они туда-сюда, а вот у нашего Пантелея³ они совсем

плохи, вопреки мнению Тэффи. Всегда хочу сказать: не развязничай, держи себя прилично. Это, кстати, то, что мне нравится у Алданова, при всех необходимых «но»: самый благовоспитанный человек в мире, за что он и достоин памятника.

До свидания и надеюсь скоро Вас видеть.

Ваш Г. Адамович

¹ Стихи Чехова в «Русских новостях» опубликованы не были.

² С поэтессой Анной Присмановой (наст. имя Анна Семеновна (Симоновна) Присман; в замужестве Гингер; 1892–1960) и ее мужем А.С. Гингером Адамович после войны дружил и в печати, а также на вечерах отзывался об их стихах одобрително.

³ Б.Г. Пантелеймонов.

74

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

25 июня 1948 г. Париж

<на почтовом штемпеле: 25.VI.48>

Из дневника.

Вечер 24 июня 1948 г.

Прочел «Литературные заметки»¹ в газетке «Рускии Новости» <так!>.

«Коготок увяз — всей птичке пропасть».

«Андрей — простой, добродушный, *задумчивый* русский парень, пожалевший безоруженного врага... Найдем ли мы в <поставленные было в тексте «яти» зачеркнуты Буниным> своем сердце и уме сочувствие этому? Не будет преувеличением сказать, что эти вопросы — одни из самых важных среди тех, которые требуют от нас решения...» А главное — ведь до чего ново это в истории мировых войн! «Пожалел безоруженного врага»!!

«Не ходи по кособору — сапоги стопчешь!» (Совет Кузьмы Пруткова).

¹ Рецензируя первую книгу (1947) романа Михаила Семеновича Бубеннова (1909–1983) «Белая береза», Адамович подробно остановился на эпизоде, в котором советский солдат Андрей кормит лапшой пленного немецкого пилота, за что получает выговор от офицера (*Адамович Г. Литературные заметки // Русские новости. 1948. 25 июня*).

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

29 июня 1948 г. Париж

Paris, 29 июня 48

Дорогой Иван Алексеевич

Неприменно буду на Вашем чествовании¹. Спасибо за извещение². Только уйти мне надо будет до конца, т. к. в тот же вечер я должен быть у Оцупа³. Он звал меня две недели тому назад, и если я не пойду, обида будет на годы.

А предыдущее Ваше письмо меня действительно удивило. Одно из двух: или я не ясно написал (у меня нет под рукой газеты, чтобы перечесть) или Вы рассеянно читали мою статью.

Ново не то, что советский солдат накормил пленного кашей, а то, что это запрещено и что офицер солдата за это бранит. Все мои недоумения и вопросы обращены к тому — почему запрещается? что это дает? куда ведет? и т. д.

Если я вспомнил «Войну и мир», то именно потому, что там кормить кашей пленного можно, а теперь нельзя.

И конечно, по-моему, *можно и надо*, что я и пытался туманно выразить сквозь все поставленные мне преграды.

Продолжаю считать этот вопрос очень важным и, к сожалению, новым, — и, представьте себе, получил четыре сочувственных письма по этому поводу, а пятое Ваше насмешливое. Так что глас народа и общественная совесть на моей стороне.

Ваш Г. Адамович

¹ Чествование Бунина, организованное парижским ПЕН-клубом, состоялось 30 июня 1948 г. (66, rue Pierre Chagron, 8^e). На чествовании выступили: Зинаида Шаховская, Григорий Хмара и др. См. отчет: Русские новости. 1948. 9 июля.

² Экземпляр приглашения хранится в РАЛ MS.1066/3834.

³ Оцуп, видимо, устраивал частное собрание у себя дома. В периодике не сохранилось упоминаний об этом мероприятии.

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

29 сентября 1948 г. Ницца

Nice (A. M.)
14 av. Fragonard
29/IX—48

Дорогая Вера Николаевна

Примите мое самое сердечное поздравление ко дню Вашего Ангела. От души желаю Вам здоровья, спокойствия и, конечно, того, чтобы Иван Алексеевич наконец совсем поправился. На днях у меня тут был Пантелеймонов и обрадовал меня, сказав, что ему значительно лучше! Квартирu я для Вас искал и ищу, но, как я писал уже, затруднения в том, что надо бы задержать квартиру сейчас же, а не откладывать это на ноябрь—декабрь. Свою квартиру я, кажется, уступлю своему хозяину — если он мне за эту уступку заплатит. Но это еще мечты! Вам она не подошла бы, т. к. у меня свободна только одна комната, а в других живут старики-французы.

Здесь длится лето, и мне жалко уезжать в Париж. Но скоро, по-видимому, придется.

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Целую Вашу руку и прошу передать низкий поклон дорогому Ивану Алексеевичу. Простите, если где-нибудь у меня вместо «ъ» попало «е», или наоборот. Спутав две орфографии, я теперь пишу по обоим сразу!

Преданный Вам
Г. Адамович

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

29 января 1949 г. Жуан-ле-Пен

29 Янв. 49 г.

Дорогой Соплеменник (ибо в нашем роду был и татарин, — князь Буй-Горбунец), благодарю Вас, что Вы существуете, — что есть человек, сказавший Бицилли, что он несет ахинею насчет русского языка П<антелеймоно>ва¹, — и да простит Вам Аллах, что Вы считаете «великим мастером и волшебником» по русскому языку великого мошенника Р<емизова>, которого «человек, сколько-нибудь в литературе сведущий, человек с чутьем и слухом», — цитирую опять Вас, дорогой мой², — должен непременно

но повесить на первой осине за старые яйца, как это делают «за морем», по слову Пушкина:

Говорил царь с горем
Фрейлинам дворца:
«Вешают за морем
За два за яйца!»³

Кроме чудных «Рус<ских> Нов<остей>», получил я и «Новоселье», где пока успел прочесть только стихи и начало рассказа «В крепости», где князь Андрей Баршавский переживает под бомбами все то, что князь Андрей Болконский. Я, кстати сказать, опять перечитываю «Войну и Мир», — нашел в нишей библиотеке «Рус<ского> Дома», — и выписывал для Вас следующие строки:

«Прочесть письмо преосвященного к Государю должен был князь Василий, славившийся своим искусством чтения. Искусство чтения считалось в том, чтобы громко, певуче, между отчаянным завыванием и нежным ропотом, переливать слова *совершенно независимо от их значения*, так что совершенно случайно на одно слово попадало завывание, на другие — ропот...»⁴

Не находите ли Вы, что почти все русские поэты вот уже скоро полстолетия читают стихи в некотором роде, как кн<язь> Василий?

<окончание письма не сохранилось>

¹ В строенном 39–41 номере «Новоселья» среди прочего был опубликован рассказ В.С. Варшавского «В крепости» и статья П.М. Бицилли «Заметки о стиле Пантелеймонова». Разбирая этот номер «Новоселья», Адамович писал: «Б. Пантелеймонов нашел благодарную тему — жизнь и личность Менделеева, и рассказывает о нем со своей всегдашней, удивительной живостью и увлекательностью (никак не могу, однако, согласиться с соображениями о стиле Пантелеймонова, высказанными в тут же напечатанной статье П. Бицилли, никак не могу признать “особого очарования” в смешении настоящего времени с будущим или в том, что Бицилли называет “игнорированием здравого смысла”» (Адамович Г. Литературные заметки // Русские новости. 1949. № 191. 28 января. С. 4).

² Бунин имеет в виду рассуждение Адамовича из той же статьи: «Не спорят о Ремизове лишь в том смысле, что человек, сколько-нибудь в литературе сведущий, человек с чутьем и со слухом, знает Ремизову цену, знает, какой это мастер и порою какой волшебник. По душе ли он каждому из отдельных читателей или не по душе — вопрос третьестепенный: писатель, настолько своеобразный, и в своеобразии своем все чаще склоняющийся к диковинности и чудачеству, не может быть каждому по душе» (Адамович Г. Литературные заметки // Русские новости. 1949. № 191. 28 января. С. 4).

³ Бунин неточно цитирует начало второй строфы шуточного стихотворения Пушкина «Брови царя нахмура...» (1825). У Пушкина: «Говорил он с горем».

⁴ Цитату из «Войны и мира» (Т. 4. Ч. I) Бунин приводит, изменяя начальные фразы. У Толстого: «Письмо это почиталось образцом патриотического духовного красноречия. Прочесть его должен был сам князь Василий, славившийся своим искусством чтения. (Он же читывал и у императрицы.)». Подчеркивания в цитате принадлежат Бунину.

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

15 сентября 1949 г. Париж

15 Сент. 49 г.

Cher Maître, дорогой Егор Викторович, глубокоуважаемый брат Генерала, с большим удовольствием прочитал Ваши «Заметки» об Андрееве¹ — почти все совершенно правильно! *Почти* потому, что и «Семь повешенных» плохи — чего стоит одна эта «калоша, чернеющая на снегу» под занавес²! Да и многое прочее. Недаром Толстой, которому Андреев посвятил этот рассказ, прочитавши его, отчеркнул первые пять строк, написал на полях: «Хорошо», а дальше так: «Отсюда пошла до конца ерунда»³. Правильно сказали Вы и о времени, о тех идиотских, истерических годах, когда славились «Андреевы»⁴. Восхитился я, читая Вас, и собою: я и тогда, в эти самые годы, говорил об Андрееве и о прочих «Андреевых» именно то самое, что наконец говорите Вы теперь, и слыл за то чорт знает кем — как слыву теперь, говоря о всех Ваших Блоках. Но дойдет черед и до Блоков.

За всем тем целую Вас.

Ваш Сухово-Кобылин⁵.

¹ В статье о Леониде Андрееве, написанной к тридцатилетию его смерти, Адамович заметил, что в «Рассказе о семи повешенных» бросается в глаза «вкус к тремоло и оперным эффектам <...> Но сила этой вещи неподдельна» (*Адамович Г.* Литературные заметки: Леонид Андреев // Русские новости. 1949. 16 сентября).

² Имеется в виду предпоследнее предложение «Рассказа о семи повешенных» (1908) Л. Андреева: «И чернела в снегу потерянная Сергеем мокрая, стоптанная калоша».

³ Н.Н. Гусев привел еще более отрицательный отзыв Л. Толстого о рассказе Л. Андреева: «Отвратительно! Фальшь на каждом шагу! <...> Ему надо бы начать писать, как молодому, начинающему писателю, с самыми строгими к себе требованиями, и тогда из него могло бы выйти что-нибудь, — у него есть кое-что» (*Гусев Н.Н.* Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого: 1891–1910. М., 1960. С. 626).

⁴ Бунин имеет в виду следующий пассаж из статьи Адамовича: «Были годы, когда среди наших литературных критиков, почти поголовно влюбленных в Чехова, высказывалось суждение, что, конечно, как Чехов ни хорош, как ни обаятелен, однако куда же ему, певцу «безвременья» и «хмурых людей», до такого гиганта и титана, как Андреев» (*Адамович Г.* Литературные заметки: Леонид Андреев // Русские новости. 1949. 16 сентября).

⁵ Летом—осенью 1949 г. Бунин так же подписал еще несколько писем: Пантелеймонову от 7 июня 1949 г. и Тэффи (октябрь 1949 г.). Драматург Александр Васильевич Сухово-Кобылин (1817–1903) семью годами раньше Бунина был избран почетным академиком по разряду изящной словесности (с 1902).

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

19 сентября 1949 г. Ницца

14 avenue Fragonard

Nice

19 сентября 1949

Дорогой Иван Алексеевич

Спасибо за письмо. Очень был рад Вашему одобрению насчет Андреева. Я написал о нем¹ мягче, чем хотел бы, помня о Вадиме², который очень отца чтит и из-за него страдает.

А вот о Блоке, которого Вы в письме своем мимоходом задели, мне хочется кое-что Вам сказать, — если будет Ваша милость это «кое-что» прочесть.

Но это еще чуть-чуть по секрету. Я все больше и больше чувствую, что Вы в отношении своем к Блоку *почти* правы. Действительно, слова несносные. Дурной вкус, плохая риторика — все совершенно верно! Ходасевич когда-то мне сказал: «был Пушкин и был Блок, все остальное — между»³, и конечно есть в этом что-то глубоко не верное. Был, во-первых, Тютчев, для меня поэт совершенно божественный, первый из всех, был Некрасов, на которого фыркают только люди без всякого слуха к тому, что такое стихи. Блоку и до того, и до другого — далеко. Но вот что меня в Ваших словах и в Вашем постоянном отношении к Блоку смущает:

Вы когда-то писали, что у Вас на литературу «абсолютный слух». Я привык считать, что не только на литературу, но и на людей. Неужели же Вы не чувствуете, сквозь дурную, — согласен, дурную! — блоковскую литературу, какого качества это был человек и какая душа! Тут я никогда Вам не уступлю, и с Вами не соглашусь: можно смеяться над кем угодно, кого угодно высмеивать, но не Блока (по крайней мере, из наших современников). Всегда из этого получится фальшь, к которой слух даже не абсолютный болезненно чувствителен. Блок все-таки замечательный поэт, замечательное явление, несмотря на ужасный стиль, и именно потому, что в дыхании каждой его строчки душа его живет. Черт с ним с искусством, «как таковым», можно, значит, оставить в поэзии неизгладимый след, будучи даже плохим художником, каким, конечно, был Блок. Я удивляюсь всегда именно тому, что Вы — как будто *насквозь* людей видя — *тут* делаете какую-то страшную ошибку, которая в конечном счете против Вас же и обратится, если не теперь, то на «весах истории». Вся разница между Блоком и Андреевым в том, что Андреев был актером, а Блок им не был. И связан Блок вовсе не с Пушкиным, а с Толстым.

Простите, дорогой Иван Алексеевич, за эту попытку вступить в спор, из которого, впрочем, как из всех без исключения споров, ничего не получится. Как Ваше здоровье? Я через две недели рассчитываю быть в Париже и надеюсь посетить Вас в ближайший четверг, если четверги продолжают⁴. Передайте, пожалуйста, низкий поклон Вере Николаевне.

Ваш Г. Адамович

¹ См. примеч. 1 к № 78.

² Андреев Вадим Леонидович (1902/1903—1976), поэт, мемуарист, прозаик, с октября 1917 г. с отцом, Л.Н. Андреевым, жил в Финляндии, участник Белого движения, с 1922 г. в Берлине, участник литературной группы «Четыре плюс один» (1923—1924), с осени 1924 г. в Париже, один из организаторов Союза молодых поэтов и писателей (1925), участник литературного объединения «Кочевье» (с 1928), в 1940—1944 гг. жил на острове Олерон, участник французского Сопротивления, член Союза советских патриотов (с 1945), сотрудник редакторского отдела ООН в Нью-Йорке (с 1949), затем в Женеве (с 1959).

³ Адамович в своих статьях несколько раз воспроизводил этот запомнившийся ему эпизод: *Адамович Г. Памяти Блока // Последние новости. 1930. 13 ноября. № 3522. С. 3; Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1939. 24 августа. № 6723. С. 3; Адамович Г. Наследство Блока // Новый журнал. 1956. № 44. С. 73; наиболее подробно в «Table talk»: «Поздно вечером в кафе “Мюра”, вдвоем с Ходасевичем, только что расставшимся со своими партнерами-бриджистами.*

Он утомлен, нервен и как-то более лиричен, чем обычно. Разговор, конечно, о поэзии. Строчки Блока:

Будьте ж довольны жизнью своей,

Тише воды, ниже травы...

Ходасевич вздыхает, разводит руками.

— Да, что тут говорить!.. Был Пушкин и был Блок. Все остальное — между.

Эти его слова, — которые помню совершенно точно, — позднее я передал Алданову. Он был ими озадачен.

— Как? А Тютчев? А ваш же Некрасов? А, наконец, Лермонтов?

Но в каком-то смысле Ходасевич был прав, даже если в этом почти столетнем «между» были поэты и крупнее Блока» (*Адамович Г. Table talk // Новый журнал. 1961. № 64. С. 110*).

⁴ После войны Бунины устраивали званые четверги в своей парижской квартире.

80

И.А.БУНИН — Г.В.АДАМОВИЧУ

29 декабря 1949 г. Париж

29 Дек. 1949 г.

Адамович Георгий Викторович (1894), поэт, акмеист. До 1923 г. успел напечатать 2 сборника стихов: «Облака» и «Чистилище». В 1923 г. А<дамович> эмигрировал в Берлин и примкнул к резко враждебным СССР группировкам. Последние годы печатается в эмигрантском журнале «Благонамеренный». («Литературная энциклопедия», издательство Коммунистической Академии, 1930. Том первый, страница 651).

Вот, дорогой акмеист, что я прочел о Вас и переписал почти все по той орфографии, с которой Вы не пустили бы на порог даже Пушкина, как однажды Вы написали мне¹. Радуюсь, что Вы «успели» до 1923 г. напечатать 2 сборника стихов, а затем «примкнули» к нашему брату и основались в «Благонамеренном» будущего архиерея Иоанна Шаховского².

Пишу, находясь в большой грусти: прочел в последней «Тетради» «Возрождения» несколько ужасных для меня строк поэта Георгия Иванова:

«С тем, что Блок одно из поразительнейших явлений русской поэзии за все время ее существования, уж никто не спорит, а те, кто спорит, не в счет. Для них по выражению З. Гиппиус, *дверь поэзии закрыта навсегда...*»³

Строки эти, конечно, довольно странны: раз «никто не спорит», откуда же взялись «те, кто спорит»? Но эти «не в счет». «В счет» мое ужасное положение: Иванов и Гиппиус «навсегда закрыли дверь поэзии» для меня, несчастного спорщика!

И еще так говорит поэт Иванов: «С появлением символистов *унылый огород* реалистической литературы вдруг расцвел, как какой-то фантастический сад...» Тут опять оказался я в дураках: никак не думал, что была «унылым огородом» та литература, которой *при появлении* в ней символистов были «Вечерние огни» Фета, стихи Вл. Соловьева, Лесков, Гаршин, Чехов, «Смерть Ив<ана> Ильича», «Крейц<ерова> соната», «Хозяин и работник», «Воскресение» Толстого...

Ив. Б.

¹ См. письмо 50.

² Шаховской Дмитрий Алексеевич (1902–1989) — церковный деятель, литератор, с 1920 г. в эмиграции, издатель журнала «Благонамеренный» (Брюссель, 1926), постригся в монахи на Афоне (1926), рукоположен в священники (1927), с января 1946 г. в США, ведущий религиозной программы русского отдела радиостанции «Голос Америки» (1946–1986), епископ Бруклинский (с 1947), декан Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке (с 1948), архиепископ Иоанн Сан-Францисский и Западно-Американский (с 1961 г.), публиковал стихи под псевдонимом Странник.

³ Бунин цитирует статью Георгия Иванова «Блок и Гумилев» (Возрождение. 1949. № 6. С. 113–126).

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

7 января 1950 г. Париж

Paris, 7 янв. 1950
53, rue de Ponthieu

Дорогой Иван Алексеевич

Я рассчитывал быть у Вас в четверг, и потому не только не ответил на Ваше письмо, но и не поздравил Веру Николаевну и Вас с Новым Годом.

Делаю это с большим опозданием! Я как-то отвык от этого обычая, и не знаю, как Вы к нему относитесь. Искренно желаю Вам в этом году здоровья и благополучия.

Спасибо за выдержку из советской энциклопедии с моей биографией. Сведения самые точные и полные¹. Впрочем, я польщен, что они вообще обратили на меня внимание.

А о Георгии Иванове и Блоке — ответить я хотел бы много. Статьи его² я не читал, знаю только те строки, которые Вы приводите. Насчет Блока у меня много сомнений, пока еще тайных, — и я думаю, что Вы отчасти правы в своем отрицании его. Но все это касается стиля и подбора слов, а музыкальная сущность Блока для меня и до сих пор неотразима. И, вероятно, навсегда неотразимой и останется.

Будьте ж довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы...³

Мне всегда кажется, что в такие строки Вы просто не хотите вслушаться. Ведь как сказано, с какой единственной верностью тона! Расхождение с Вами, вероятно, в том, что Вы главным образом *вчитывались* в стихи, а мы прежде всего в них *вслушивались*, и за музыку до сих пор прощаем и безвкусию (у Блока несомненное) и невнятность. Из-за этого бывает много недоразумений. Вот мне лично представляется (вопреки Ходасевичу, который меня именно за это называл снобом⁴), что Некрасов — великий поэт. Слова у него все-таки плоские, а дыхание, ритм, музыка — такие, как <их> нет ни у кого. Если бы то, что промышал Некрасов, по-другому написать, это был бы самый большой русский поэт, и те студенты, которые на его похоронах (по рассказу Достоевского) кричали, что он «выше Пушкина»⁵, что-то верное в своей глупости все-таки чувствовали. Блок — это то же самое, хотя он и «пожиже», чем Некрасов, и испорчен всякими безднами и тайнами, со слов Мережковского. Как Вы над этим ни смеетесь, он связан больше всего с Толстым, и не с «Алешкой», а со Львом Ник<олаевичем>. Кстати, слышал уже довольно много о Вашей статье и очень бы хотел ее прочесть. Не знаю, с какой стороны Вы приняли за бедного Блока, но вообще-то думаю, что загрызть его трудно. «On mordra sur du granit»⁶, как говорил Наполеон о самом себе.

Простите, дорогой Иван Алексеевич, за этот полемический вздор. Может быть, и не совсем вздор. Еще простите за почерк: у меня испортилось стило и попалась скверная бумага. С газетой происходит что-то не менее темное и путанное, чем стихи Блока. И не денежно, а «идеологически», чему отчасти причиной наш общий друг Михаил Львович⁶. Но, даст Бог, «образуется»!

До свидания, дорогой Иван Алексеевич. Я скоро еду в Англию, но надеюсь до этого Вас видеть, и очень бы этого хотел.

Ваш Г. Адамович

¹ Ирония Адамовича касается в первую очередь полноты сведений в заметке: в Берлине он появился лишь проездом, а участие в журнале «Благонамеренный» (Брюссель, 1926) ограничилось помещением единственного стихотворения в первом из двух вышедших номеров журнала.

² См. примеч. 3 к № 80.

³ Из стихотворения Блока «Голос из хора» (1910–1914).

⁴ Свою рецензию на 65-й номер «Современных записок» Ходасевич завершил полемикой со статьей Адамовича «Некрасов» (Современные записки. 1937. № 65. С. 413–417): «Статья Г. Адамовича о Некрасове (к шестидесятилетию со дня смерти) вызывает невольное недоумение. В основе ее нет ничего неожиданного: свое пристрастие Адамович высказывал уже много раз. Однако в самом этом пристрастии чувствуется какая-то внутренняя “неувязка”. Очень уж слабо вяжется весь литературный облик Адамовича с культом Некрасова. Трудно отделаться от впечатления, что тут просто — прихоть, что автора “Чистилища” и поклонника Анненского тянет на Некрасова как на капусту. При этом целиком принять Некрасова Адамович все же не в силах. “Кто-то сказал, что в руках у него (у Некрасова. — В. Х.) была не кисть, а помело, — и что же, пожалуй, это верно!” “Он не пропел, в сущности, а промышал свои стихи, — не в силах схватить сознанием истинного содержания своей поэзии, постоянно размениваясь на рифмованные анекдоты и нравоучительные рассказы, будто какой-то Рембрандт, воспитанный передвижниками”. “Если вслушаться — это черновики... Конечно, только черновики, и при том такие, которых нельзя было бы очистить”. После таких и тому подобных оговорок от Некрасова остается не много, но Адамович с капризным упорством именуется Некрасова великим русским поэтом. Словно для того, чтобы себя самого убедить в значительности Некрасова, Адамович сближает его с Бодлером, но делает это “декларативно”, не приводя убедительных доказательств, — и сближение повисает в воздухе. В конце концов, да простит меня Адамович, его восторги перед Некрасовым напоминают мне анекдот о муже, у которого безобразная жена: всякий раз перед тем, как ее обнять, муж долго стоит у окна, смотрит в ночь и твердит самому себе “по системе Куз”: она не уродина, она не уродина, она не уродина...» (Возрождение. 1938. 25 февраля. № 4120. С. 9).

⁵ В главе «Дневника писателя» под названием «Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле» Достоевский писал: «Некрасов, действительно, был в высшей степени своеобразен и, действительно, приходил с “новым словом” <...> В этом смысле он, в ряду поэтов (то есть приходивших с “новым словом”), должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым. Когда я вслух выразил эту мысль, то произошел один маленький эпизод: один голос из толпы крикнул, что Некрасов был *выше* Пушкина и Лермонтова и что те были всего только “байронисты”. Несколькими голосами подхватили и крикнули: “Да, выше!” Я, впрочем, о высоте и о сравнительных размерах трех поэтов и не думал высказываться. Но вот что вышло потом: в “Биржевых ведомостях” г-н Скабичевский, в послании своем к молодежи по поводу значения Некрасова, рассказывая, что будто бы когда *кто-то* (то есть я), на могиле Некрасова, «вздумал сравнить имя его с именами Пушкина и Лермонтова, вы все (то есть вся учащаяся молодежь) в *один голос, хором* прокричали: “Он был выше, выше их”». Смее уверить г-на Скабичевского, что ему не так передали и что мне твердо помнится (надеюсь, я не ошибаюсь), что сначала крикнул всего один голос: “Выше, выше их”, и тут же прибавил, что Пушкин и Лермонтов были “байронисты”, — прибавка, которая гораздо свойственнее и естественнее одному голосу и мнению, чем *всем*, в один и тот же момент, то есть тысячному хору, — так что факт этот свидетельствует, конечно, скорее в пользу моего показания о том, как было это дело. И затем уже, сейчас после первого голоса, крикнуло еще несколько голосов, но всего только несколько, тысячного же хора я не слышал, повторяю это и надеюсь, что в этом не ошибаюсь» (*Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1877. Декабрь. Глава вторая. II). Плеханов, вспоминая этот эпизод, настаивал, что кричавших было много, поскольку на похоронах присутствовала большая

группа молодежи из «Земли и воли» во главе с самим Плехановым, и все землявильцы «дружно и громко закричали» <...> «он был выше Пушкина», и когда Достоевский, несколько растерявшийся, сказал с раздражением: «Не выше, но и не ниже Пушкина». — «Мы стояли на своем: «Выше, выше». Достоевский, очевидно, убедился, что нас не переговорит, и продолжал свою речь, уже не отзываясь на наши замечания» (*Плеханов Г.В. Год на родине: Полное собрание статей и речей 1917–1918 г.: В 2 т. Париж: Изд. Поволоцкого, 1921. Т. II. С. 255*).

⁶ Сломают зубы об этот гранит (*франц.*). В издании переписки Наполеона это высказывание встречается в несколько ином виде: «Les pamphlétaire, je suis destiné à être leur patûre, mais je redoute peu d'être leur victime: ils mordront sur du granit / дословный перевод: Памфлетисты — моя судьба быть их кормом, но я мало боюсь стать их жертвой: они будут грызть гранит» (*Congrespndance de Napoléon Ier. T.XXXII. Paris: Plon et Dumaine, 1870*). Это высказывание приводится в качестве эпиграфа к каждой книге четырехтомника антинаполеоновских воспоминаний: *Mémoires de Barras, Membre du Directoire. Publié <...> par George Duruy. T.I–IV. Paris: Hachette, 1895*, откуда Адамович, скорее всего, и позаимствовал фразу (в конце редакторского предисловия к первому тому встречается процитированный им вариант: «Barras <...> «mordra sur du granit»»).

⁷ М.Л. Кантор.

82

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

25 мая 1950 г. Париж

53, rue de Ponthieu
Paris, 8^e
25/V–1950

Дорогая Вера Николаевна

Простите, пожалуйста, что отвечаю с опозданием на Ваше письмо. Спасибо, что написали. Я был очень тронут Вашим вниманием.

Как здоровье Ивана Алексеевича? Слышал, что ему лучше, но еще будто бы он не совсем поправился. Передайте ему, пожалуйста, низкий поклон и пожелания поскорее поправиться. Все его парижские друзья постоянно Вас и его вспоминают и надеются в июне видеть Вас здесь.

Вы мне писали о «грандиозном» обеде для бедных в Русском Доме¹. Как раз в день получения Вашего письма я у Руманова встретился с Буровым, который мне сообщил, что деньги дал он. Впрочем, Вы это, вероятно, знаете. Кстати, Буров, как ни в чем не бывало, бросился меня обнимать и, кажется, был удивлен только моими словами, что с меня все его писания как с гуся вода². Зато когда я ему сообщил, что И<ван> А<лексеевич> идиотскую его книгу³ читал и всеми его выдумками наслаждался, он схватился за голову, завопил «ой, ой, ой!» и сел на пол. (Это *вполне* точно.) А *part cela*⁴, он мне менее противен, чем некоторые другие конфереры, которые сумасшедшими не притворяются.

Благодарю Вас, что справились у Веры Марковны⁵ о моей вышивке, или не знаю, как эту вещь назвать. Если она хочет ее купить, скажите ей — 1000 фр<анков>, а если дорого — то 800. Кажется, это цена не большая, т. к. *c'est fait a la main*⁶ и сделано во времена, когда дряни не делали. Кстати, кланяйтесь В<ере> М<арковне> от меня. Я мечтал бы летом приехать в Juan⁷, но не знаю, удастся ли.

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Желаю Вам сердечно сил, спокойствия, здоровья и, как обычно пишут, «всего, всего».

Искренно Ваш

Г. Адамович

P. S. Если В<ера> М<арковна> даст деньги, попросите ее их послать — или, если не очень трудно, пошлите сами. Бывают дни, когда почтальона с мандатом хочется обнять и расцеловать.

¹ «Обед для бедных» состоялся в саду «Русского дома» 8 мая 1950 г. В дневнике В.Н. Буниной читаем: «Было 26 человек <...>. Меню: закуски под водку, селедка, яйцо, картофель, борщ с мясом, сосисками и салом, телячьи котлеты с морковью под бешемелью, по два апельсина. Вино» (РАЛ. MS.1067/426).

² Взаимоотношения А.П. Бурова с Адамовичем, Оцупом и «Числами» легли в основу рассказа В. Набокова «Уста к устам». Подробный разбор их см. в книге С. Давыдова «"Тексты-матрешки" Владимира Набокова» (München: Verlag Otto Sagner, 1982. С.10–51). См. также письмо Адамовича Одоевцевой от 6 января 1956 г. и примеч. к нему: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды / Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее. Вып. 21. 1997. С. 423–425. Письма Адамовича А.П. Бурову готовятся нами к печати.

³ Незадолго до этого А. Буров опубликовал две книги: «Москва далекая» (Б/м, 1950) и «В царстве теней» (Париж, 1950). Какую из них имеет в виду Адамович, неясно.

⁴ помимо этого (*франц.*).

⁵ Вера Марковна Дория (Dauriat; урожд. Погребенская; 1891–1978) заведовала хозяйством в Русском доме.

⁶ это ручная работа (*франц.*).

⁷ Juan-les-Pins.

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

6 июня 1950 г. Париж

53, rue de Ponthieu

Paris, 8^e

6/VI—1950

Дорогая Вера Николаевна

Спасибо за письмо. Надеюсь, что здоровье Ивана Алексеевича продолжает улучшаться. Если Вам не трудно, *tenez moi au courant*¹. Вы пише-

те, что Алданов Вас тронул своим волнением и заботой. На расстоянии трогать трудно. Но поверьте, что я думаю о Вас и о дорогом Иване Алексеевиче не меньше кого-либо другого. (Не знаю больше никакой орфографии: то ъ, то е!)

Относительно моей прошивки и М^{ме} Дориа²: я не помню, какую цену я ей назначил. Вероятно, она права, если говорит 500! Это жалко, но что же делать — пусть берет и пришлет деньги! Кстати, кланяйтесь ей и скажите, что я мечтаю летом приехать в Жап (это правда, но едва ли я из Парижа выберусь). Сколько они летом будут брать?

Еще одна просьба.

Я теперь состою председателем Объединения писателей³ и хочу, чтобы в кассе его были бы хоть какие-нибудь деньги (сейчас в кассе 70 фр.). Мы решили написать 10 или 15 человекам письма с просьбой вносить заимообразно (?) по 500 или 1000 фр. в месяц, в течение полугода. Это даст какой-то «фонд», а то теперь нет на марки, не говоря уж о том, что люди вроде Чиннова⁴ умирают с голода. Как Вы думаете, можно ли послать такое письмо, от имени Правления, М^{ме} Доброй⁵ — и если можно, какой ее адрес? Может быть, Вы посоветуете еще кого-нибудь? Надо бы, конечно, таких людей, для которых 1000 фр. все равно, что для меня 10 фр. и со склонностью к покровительству искусствам. На отказ нарываться неприятно.

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Целую Ваши руки и шлю поклон и всякие самые искренние пожелания Ивану Алексеевичу.

Ваш Г. Адамович

¹ держите меня в курсе (*франц.*).

² См. примеч. 5 к № 82.

³ Председателем Объединения русских писателей и поэтов Адамович был два года: избран 12 мая 1950 г. на общем собрании на квартире А.М. Элькан, 6 июня 1952 г. на заседании правления передал свои функции Ю. К. Терапиано, оставшись членом правления.

Через несколько месяцев Объединение в честь 80-летия Бунина преподнесло ему памятный адрес за подписями Адамовича, Вейдле, Бахраха, Ремизова, Газданова, Варшавского, Анны Элькан и др.:

«Глубокоуважаемый, дорогой Иван Алексеевич,

“Объединение Русских Писателей во Франции” приносит Вам в день Вашего восьмидесятилетия свои сердечные поздравления и просит Вас принять низкий поклон.

Мы считаем Вас своим учителем и надеемся, что Вы разрешите нам назвать Вас нашим другом. Каждое Ваше слово — для нас свидетельство, что еще и в наши дни жива великая русская литература и не порвалась связь с ней. Чувствуют это все русские люди, и вероятно именно оттого Вы русским людям, знающим Вас лично или не знающим, так дороги. Мы желаем Вам от всей души еще многих лет работы и творчества, и уверены, что — говоря это — желаем добра и славы самой России.

Позвольте, глубокоуважаемый Иван Алексеевич, принести в этот торжественный день наше почтительное приветствие и глубокую благодарность от имени всех русских писателей и Вашему вернейшему другу, дорогой Вере Николаевне» (РАЛ. MSS 1066/1453).

⁴ Чиннов Игорь Владимирович (1909–1996) — поэт, с 1922 г. жил в Риге, участник литературной группы «На струге слов» (1929–1931), с 1944 г. в Германии, с

1947 г. во Франции, с 1953 г. в Мюнхене, сотрудник радиостанции «Свобода», с 1962 г. в США, преподавал в американских университетах. Период жизни во Франции (1947–1952) оказался в его биографии наименее обеспеченным.

⁵Добрая Любовь Германовна (урожд. Барац; 1873–1955) — меценатка.

84

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

10 июня 1951 г. Париж

10.VI.51

Дорогой собрат по лире,
Вот баллада «Уд Али» наконец кончена:
В корейскую войну, при виде уда
Али,
Куда глаза глядят китайцы уди-
рали.
В Индийском океане кошелот,
Почуявши его, как лакомое блюдо,
Стрелой взлетел на пароход,
Ощерив свой зубастый рот,
Но Аля в тот же миг, одним
движеньем уда,
На месте уложил морское
чудо-юдо!
На этом я и кончу свой рассказ.
О прочем — в следующий раз.¹
Ваш собрат по лире.

¹ Сохранился черновик «баллады» — РАЛ. MS.1066/57.

85

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

27 июня 1951 г. Париж

Среда. 27.VI.51

Дорогой собрат по лире!

Я послал Вам стихи о том, как арестован был немцем Аля Б<ах-рах>. И что случилось с этим немцем, когда он расстегнул штаны Али.

Вот *P.S.* к этим стихам (о том, как Аля использовал свой случай при аресте):

Впоследствии слетал он

В Холливуд —

И получил мильон за снимки

«Алин уд».

Надеюсь, что Вы навестите меня после заседания о газете вскоре.

Ваш собрат по лире.

86

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

10 июля 1951 г. Париж

10-го июля 1951

Глубокоуважаемый

Господин Адамович,

Как надо писать по новой орфографии? *Как произносится?* И поэтому надо писать не *ея* дом, а *ее* дом. Но почему же вы пишете *его* дом? Кто же произносит *его*, а не *ево*? Почему вы пишете *сегодня*, а не *севодня*? Почему пишете: «В доме были ворота кованного железа»? «На рассвете *сегодня*»? «Подняв на *него* глаза»? «Из *густого* тумана»? И так далее и так далее. В угоду кому опахабили русское правописание? Сталину? Ди-Пи¹? Ужели эти, мать их так, Ди-Пи, считающие себя принадлежащими к самому великому и к самому талантливому народу, не могут одолеть *яти* и *і* с точкой?

От скота нас Дарвин хочет

До людской поднять середины,

Ну, а Ленины хлопочут

Низвести нас до скотины².

Ни один народ не позволял себе такой низости к своему языку!

¹ От англ.: Displaced persons — перемещенные лица.

² Переиначенная Буниным строфа стихотворения А.К. Толстого «Послание к М.Н. Лонгинову о дарвинизме» (1872): «От скотов нас Дарвин хочет / До людской возвесть середины — / Нигилисты же хлопочут, / Чтоб мы сделались скотины».

87

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

18 октября 1951 г. Париж

18.X.1951

Дорогой поэт и зоил, во-первых, весьма прошу Вас подумать над этой картинкой¹: соединение с подобными существами настолько восхитительно, что раз испытав его, с ним уже во веки не расстанешься! La patrie, l'autre patrie² — все это вздор: настоящая наша родина, из которой выходит всякая тварь, — *эта*.

Во-вторых, о Володе: напишите о нем побольше, укажите, чем *все-таки* отличается *его* книга³ от великого множества, написанного о войне. Напишите прямо по-французски — и напечатайте на машинке. А я ухарски распишусь.

Целую Вас и жду в субботу.

Ваш Ив. Б.

¹ К листу приклеена вырезанная из модного журнала фотография девушки, рекламирующей белье.

² родина, другая родина (*франц.*). Бунин имеет в виду книгу: *Adamovitch G. L'autre patrie*. Paris: Egloff, 1947.

³ Речь идет об автобиографической повести Владимира Сергеевича Варшавского (1906–1978) «Семь лет» (Париж, 1950), главы из которой печатались в «Новоселье» в 1949–1950 гг.

88

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

13 августа 1952 г. Ницца

G. Adamovitch

c/o Mme Lesell

4, av. Emilia

Nice

13/VIII–52

Дорогой Иван Алексеевич

Шлю Вере Николаевне и Вам низкий поклон из Ниццы. Надеюсь, что все у Вас благополучно и что Вы хорошо себя чувствуете.

А еще хочу я Вам написать, что вчера я начал перечитывать «Жизнь Арсеньева» (для статьи¹) — и читаю ее с чувствами, которые трудно и как-то неловко мне Вам выразить. До чего все хорошо! Я сейчас, только что

прочел главы о Ростовцеве (начиная со стр. 80² и все, что дальше) — оттого и захотелось мне Вам написать. Как будто мало сказано, а сказано на деле так много, что невозможно не остановиться, чтобы «передохнуть» — и о России, и о всем, вообще. Простите, я не имею права делать Вам комплименты, но Вы действительно единственный писатель, который был у нас после Толстого, да и неизвестно, будет ли когда-нибудь такой еще.

Ваш Г. Адамович

¹ Рецензия Адамовича на новое издание «Жизни Арсеньева» была опубликована два месяца спустя: *Адамович Г. «Жизнь Арсеньева» // Новое русское слово. 1952. 12 октября. № 14778. С. 8.*

² Адамович ссылается на 3-ю главу 2-й книги издания: *Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.*

89

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

17 августа 1952 г. Париж

17 Авг. 52 г.

Дорогой друг, очень, очень благодарю Вас за Ваше письмо, очень рад, что «Арсеньев» Вам нравится. Целую Вас сердечно и прошу простить, что так кратко пишу — последнее время я особенно задыхаюсь и день, и ночь, слаб бесконечно.

Ваш Ив. Б.

90

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

16 октября 1952 г. Манчестер¹

Четверг 16/X—1952

G. Adamovitch

c/o Mrs Davies²

104, Ladybarn Road

Manchester 14

Дорогая Вера Николаевна

Очень давно ничего не знаю о Вас и Иване Алексеевиче. Как Вы живете? Как себя чувствует И<ван> А<лексеевич>? Будьте добры, напишите

мне несколько слов. Я не хочу Ивана Ал<ексееви>ча беспокоить, и потому прошу Вас, хотя знаю, что Вы и без писем достаточно заняты.

Здесь я живу тихо и мирно, очень мало кого вижу, да и видеть здесь в сущности некого.

Целую Вашу руку и шлю низкий поклон Вам и Ивану Алексеевичу, а также искренний привет Л<еониду> Ф<едорови>чу.

Сейчас читал в «Нов<ом> Р<усском> С<лове>» статейку Завалишина о «Розовом блеске» Ремизова³ и мысленно представлял себе комментарии к ним И<вана> А<лексееви>ча.

Ваш Г. Адамович

¹ В 1951 г. Адамович по рекомендации Б.И. Элькина получил в Англии место преподавателя русского языка и литературы и с 1951 по 1960 г. был лектором Манчестерского университета, приезжая во Францию на каникулы.

² Евгения Дэвис (Davies) — хозяйка первой (с января 1952 г. по май 1958 г.) манчестерской квартиры Адамовича (позже он снимал квартиру у ее зятя Майкла Т. Уайта и дочери Дуклиды Уайт).

³ *Завалишин Вяч.* В розовом блеске // Новое русское слово. 1952. 21 сентября. № 14757. С. 8. На хранящейся в архиве Бунина вырезке с рецензией Завалишина множество помет Бунина, выражающих его недовольство положениями и стилем критика.

91

И.А. И В.Н. БУНИНЫ — Г.В. АДАМОВИЧУ

20 октября 1952 г. Париж

<рукой В.Н. Буниной:>
20.X.52

Дорогой Георгий Викторович.

Очень были рады получить Вашу весточку.

Хорошо, что живете «тихо и мирно» и «мало кого» видите, это полезно для души.

Спасибо, что вспомнили о нас. Мы тоже живем довольно уединенно, но не скучаем. И<ван> А<лексеевич> только очень задыхается.

Недавно прочли Вашу статью¹ о И<ване> А<лексеевиче>. Мне было очень приятно читать ее. Вы очень тонко почувствовали в ней «Ж<изнь> А<рсеньева>», И<ван> А<лексеевич> сам Вам о ней напишет.

Вообще в настоящее время не только хвалят, а на мой слух очень тонко и проникновенно понимают это произведение, например, статья Саоновой — в Н<овом> Р<усском> С<лове>²

Это вступление.

Вероятно, вы уже знаете о кончине Тэффи³.

Я накануне по телефону от В<еры> Р<афаиловны>⁴ узнала, что Н<а-дежде> А<лександровне> очень плохо, что к ней никого не пускают, что положение очень серьезно, — хотят вызвать ее дочь из Лондона⁵. У меня не было надежды, а все-таки, когда в 5 вечера следующего дня та же В<ера> Р<афаиловна> сообщила эту страшную весть, то стало очень тяжело. Отчего несмотря на то, что, когда ожидаешь конца, и он приходит, испытываешь чувство неожиданности и удивления?

Я пошла к И<вану> А<лексеевичу> и сообщила ему это.

Он стал меня утешать, увидя мое лицо.

Я была на первой панихиде в тот же день в 8 ч. вечера. Народу было немного, только те, кого могли известить по телефону, то есть самые близкие люди.

Служил отец Олимп с Дарю⁶. Человек пять-шесть стояло в ее комнате. Остальные в передней. Когда кончилась панихида — мы остались. И я увидела, что в комнату вошел отец Александр Туринцев⁷ и Каллаш⁸. Н<а-дежда> А<лександровна> лежала на своем широком диване в белых простынях, по пояс открытая, поразило, что в черном платье. На груди икона. В руках отпуск. На лбу венчик. Возложил отец Олимп. Лицо спокойное, умное. Глаза хорошо закрыты. Она умерла после укола морфия, и Тамара Ив<ановна> Пант<елеймонова>⁹ думала, что она заснула. Сестра милосердия скоро поняла, что все кончено.

Отец Александр, надев эпитрахиль и с крестом в руках, отслужил вполголоса вторую панихиду, на которой присутствовали только пять-шесть близких. Служил проникновенно, поправил венчик, который спадал на глаза. А по окончании мы тихо поговорили о ушедшей, это было несказанно хорошо.

Дочь приехала только на второй день. Я была в день выноса, при мне отец Иоанн Церетелли¹⁰ положил ее в гроб. Народу было очень мало. Леня¹¹ был на второй панихиде и на отпевании. Народу было много тогда.

У нас в этот же день были вторые похороны. Умерла Е.Н. Куриленко¹², пироги сладкие русские Вы не раз у нас кушали.

Оставляю место для И<вана> А<лексеевича>

Храни Вас Бог.

Душевно Ваша В. Бунина.

P.S. В<ера> Р<афаиловна> очень страдает, — образовалось пустое место без Тэффи. Она обижена на Вас. Напишите сочувствие ей ласково. Она ведь очень добрая. А Тэффи называла свой «двор» — птичьим двором...

<рукой И.А. Бунина:>

Милый друг, я всегда любил татар и Вас давно люблю. Обнимаю и целую. И *очень* благодарю за прекрасную статью об «Арсеньеве». На этом и кончаю, задыхаюсь как ужасно.

Ваш Ив. Бунин.

<рукой В.Н. Буниной:>

Леня просит передать Вам дружеский привет. Он получил две замечательные гравюры Паскаля¹³. Когда вернетесь, посмотрите. Какие у него глаза!

В. Б.

¹ См. примеч. 1 к № 88.

² Сазонова Юлия Леонидовна (урожд. Слонимская; 1884–1957) — литератор, журналист, режиссер театра марионеток, сотрудница журнала «Аполлон», с октября 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Болгарии, Италии, с 1924 г. в Париже, руководитель Театра марионеток, сотрудник «Последних новостей», с 1940 г. в США, преподаватель Колумбийского университета (1942–1955), с 1955 г. вновь в Париже. О новом издании «Жизни Арсеньева» Сазонова отозвалась с восхищением: *Сазонова Ю. Жизнь Арсеньева // Новое русское слово. 1952. 28 сентября. № 14764. С. 8.*

³ Тэффи скончалась 6 октября 1952 г. в 4 часа дня. Ко времени написания письма В.Н. Буниной Адамович уже опубликовал некролог «Памяти Тэффи» (Новое русское слово. 1952. 17 октября. № 14783. С. 8).

⁴ Вера Рафаиловна Мартынова — общая знакомая Буниных, Тэффи и Адамовича.

⁵ Старшая дочь Тэффи Валерия Грабовская (Grabowska; урожд. Бучинская; 1892–1964) была сотрудницей польского правительства в изгнании, с которым уехала из Польши во Францию, затем в Португалию и в Англию, где поселилась до конца жизни.

⁶ Олимп Иоаннович Пальмин (1888–1956) служил в Св. Александро-Невском кафедральном соборе на рю Дарю в VIII аррондисмане Парижа.

⁷ Туринцев Александр Александрович (1896–1984) — настоятель Патриаршего Трехсвятительского подворья на рю Петель в XV аррондисмане Парижа.

⁸ Каллаш Мария Александровна (урожд. Новикова, псевд. Курдюмов; 1886–1955) — писательница, подруга Буниной и Тэффи.

⁹ Пантелеймонова Тамара Ивановна (урожд. Кристин; 1900–1979) — жена Б.Г. Пантелеймонова.

¹⁰ Иоанн Церетели (1875–1961) — протоиерей, настоятель храма Св. Александра Невского в Биаррице.

¹¹ Л.Ф. Зуров.

¹² Старая знакомая Буниной Екатерина Николаевна Куриленко скончалась в 1 час ночи 6 октября 1952 г. в день смерти Тэффи.

¹³ Возможно, речь идет о репродукциях новонайденного портрета Паскаля, атрибутированного художнику Филиппу де Шампеню (см.: *Moussalli U. Le Vrai visage de Pascal. Paris: Plon, 1952.*)

92

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

29 ноября 1952 г. Манчестер

Manchester 14
104, Ladybarn Road
29/XI–52

Дорогая Вера Николаевна

Спасибо за Ваше письмо, с подробностями о Тэффи — и простите, что до сих пор Вам не написал. У меня — затянувшийся грипп, и какое-то

такое состояние, что мне все трудно. Осенью, да при здешнем чудном климате — это явление обычное. Как Вы живете, как себя чувствуете? Если буду жив, собираюсь недели через 2 1/2 в Париж — и заранее радуюсь тому, что побываю у Вас. Целую Вашу руку и шлю самые искренние пожелания доброго здоровья и благополучия.

Преданный Вам

Г. Адамович

93

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

22 декабря 1952 г. Париж

22 Дек.

Поэт!

Слышал я недавно на одном вечере¹ о Пушкине, Тютчеве и Ходасевиче... Можно ли *всуге* произносить имя Тютчева? Я сидел, поникнув главою, вспоминая его строки:

Я к ней вошел в полночный час.

Она спала — луна сияла

В ее окно — и одеяла

Светился спущенный атлас.

Она лежала на спине,

Нагие раздвоивши груди —

И тихо, как вода в сосуде,

Стояла жизнь ее во сне².

«Комментарии излишни...»

А когда же Вы к нам придете? Позвонили бы: Aut 33—22.

Дядя Ваня.

¹ Возможно, одна из лекций, прочитанных В. Н. Ильиным в Русском научном институте: «Тютчев (биография и дух эпохи)» (28 ноября 1952 г.), «Метафизика и лирика в поэзии Тютчева» (21 декабря 1952 г.).

² Бунин приводит свое собственное стихотворение, написанное в 1898 г. (первые опубликовано: Последние новости. 1935. 31 октября. № 5334).

94

И.А. БУНИН — Г.В. АДАМОВИЧУ

23 апреля 1953 г. Париж

23 Апр. 53 г.

Дорогой Гюрги, — надеюсь, Вы знаете, что в древности так звали носящих имя Юрия и Георгия, — как поживаете, что делаете, что пишете? Прочли ли мои книжки¹ и восхитились ли ими и скоро ли выразите это восхищение печатно? Мне ведь это совершенно необходимо, ибо, ежели не будут они продаваться, я помру с голоду и лишу Вас наследства. Ужасно жалею, что дал Вам их, не поправив хоть наиболее идиотские опечатки! Напр<имер>: Жёлудь — вместо Жолудь (прозвище старичка водовоза в «Чаше жизни»), город Стрелец — вместо Стрелецк (вторая строка начала той же «Чаши»), страшно — вместо странно (высится отель в рассказе «Старый порт»)²... да мало ли что еще! Пожалуйста, обратите внимание на изумительное произведение — «Святые»...

За всем тем жду от Вас хоть коротенького письма и остаюсь весьма благосклонный к Вам

Ив. Бунин.

¹ Речь идет о двух сборниках Бунина, выпущенных издательством им. Чехова в 1953 г.: «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» и «Митина любовь. Солнечный удар». Статья Адамовича о них появилась месяц спустя: *Адамович Г.* Читая Бунина // Новое русское слово. 1953. 31 мая. № 15009. С. 8.

² Бунин обращает внимание Адамовича на опечатки в сборнике «Митина любовь. Солнечный удар» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 39, 91, 96).

95

Г.В. АДАМОВИЧ — И.А. БУНИНУ

25 апреля 1953 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
25/IV—1953

Дорогой Иван Алексеевич

Получил сейчас Ваше письмо — и спешу ответить.

Если я до сих пор не написал о Ваших книгах, то лишь потому, что у меня создалось впечатление, что торопиться с этим не надо. Вы как будто даже сомневались, должен ли я о Вас писать или не должен, говорили, что

будет писать Сазонова¹ — и вообще ни к какой спешке меня не понуждали. Так было и с «Арсеньевым», которого — т. е. статью о нем — я нарочно задержал на месяц или два².

По письму Вашему вижу, что это не так. Я только вчера послал в «Н<о-вое> Р<усское> Слово» статью о романе Яновского³ (которую прошу не читать, т. к. она Вас наверно возмутит и Вы меня еще больше возненавидите!). Книги Ваши я еще не совсем прочел, не все в них прочел, потому что читаю медленно, а Вас и бессмысленно читать иначе. Читаю действительно с восхищением, как Вы и предполагаете, и даже большим, чем Вы предполагаете. Между прочим, меня особенно поразил рассказ о мопасановском матросе⁴, и последняя Ваша фраза в нем⁵. По-французски есть хорошее слово «roignant»⁶, переводят его обыкновенно — «трогательно», но «трогательно» — отвратительно и совсем не то. А вот о Гоголе по рассказу Ясинского: я читал эту историю, без жилета, конечно, но с теми же словами «душевно рад... во всех отношениях»⁷ в книге Вересаева⁸, где собраны все рассказы современников о Гоголе. Не помню, кто именно рассказал об этом, но едва ли Ясинский, который мог знать это лишь с чужих слов. Насколько помню, книга Вересаева есть у Бахраха⁹, там вообще все так интересно (особенно рассказы Аксакова, отца, конечно), что нельзя оторваться.

Значит, я примусь писать о Вас на этой неделе, в конце, чтобы «переварить» все прочитанное, или, как говорит Крымов¹⁰, «переспать» с этим. Пишете ли Вы продолжение Ваших воспоминаний? Пожалуйста, напишите о Л. Андрееве, о том что «Толстой обличал пошлость». Это так хорошо, что я все это вспоминаю.

Простите, пожалуйста, если найдете где-нибудь «е» вместо «ѣ». Из уважения к Вам я пишу Вам по старой орфографии, которую, кстати, и люблю больше новой. Но я ее совсем забыл и наверно пишу с ошибками.

До свидания, дорогой Иван Алексеевич. По письму Вашему мне кажется, что Вы себя чувствуете недурно, и если это действительно так, желаю Вам от души, чтобы так и продолжалось, на общую радость. Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон Вере Николаевне.

Ваш Г. Адамович

¹ См. примеч. 2 к № 92.

² См. примеч. 1 к № 89.

³ *Адамович Г.* «Портативное бессмертье» // Новое русское слово. 1953. 24 мая. № 15002. С. 8.

⁴ Речь идет о рассказе Бунина «Бернар» (1929), который Адамович перечитывал в редакции 1952 г. в сборнике «Весной, в Иудее».

⁵ Бернар, умирая, сказал: «Думаю, что я был хороший моряк». Рассказ завершился словами повествователя: «Мне кажется, что я, как художник, заслужил право сказать о себе, в свои последние дни, нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар» (*Бунин И. А.* Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 95–96).

⁶ берущий за душу (*франц.*).

⁷ «Весьма приятно... душевно рад во всех смыслах» — слова Гоголя из рассказа Бунина «Жилет пана Михольского» (1932, 1936), начинавшегося словами: «Было это в Киеве, в сороковых годах прошлого века и рассказывалось многим киевлянам самим паном Михольским, а нам пересказано писателем Ясинским» (ранний вариант опубликован: Последние новости. 1932. 10 января. № 3945). В своих «Автобиографических заметках» Бунин привел этот эпизод, сопроводив словами: «Помню, как поразил меня рассказ моего гувернера о Гоголе» (*Бунин И.* Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1. С. 24).

⁸ Адамович имеет в виду книгу Викентия Викентьевича Вересаева (наст. фам. Смилович; 1867–1945) «Гоголь в жизни» (М., 1933). Вересаев приводит анекдот Иеронима Иеронимовича Ясинского (1850–1931) о Гоголе со слов Михольского из «Исторического вестника» (1891. № 6. С. 596). См.: *Вересаев В.* Гоголь в жизни. М.: Московский рабочий, 1990. С. 427–428.

⁹ 2 февраля 1952 г. Адамович писал Бахраху: «Гоголя я теперь читаю, т.е. не Гоголя, а книгу Вересаева о нем — целый клад и сокровище. Если у Вас ее нет, то стыдно известному библиофилу такой книги не приобрести» (Письма Георгия Адамовича А.В. Бахраху (1952–1953) / Публ. Вадима Крейда и Веры Крейд // Новый журнал. 1989. № 217. С. 41).

¹⁰ Крымов Владимир Пименович (1878–1968) — писатель, журналист, управляющий Товарищества «Нового времени» (с 1910), издатель журнала «Столица и усадьба» (1913–1917), с февраля 1917 г. в эмиграции в США, Англии, с 1921 г. в Германии, издатель газеты «Голос России» (1921), с 1933 г. во Франции.

96

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

23 августа 1953 г. Ницца

4, avenue Emilia
chez Mme Lesell
Nice
23 /VIII—53

Дорогая Вера Николаевна

Очень был рад получить Ваше письмо, хотя и с печальными известиями. О болезни Л<еонида> Ф<едоровича>¹ я знал. Знал и то, что он в клинике. Есть ли надежда, что он поправится? Электрошоки — модная сейчас вещь, но бывает, что организм плохо их выдерживает, и, по-моему, с ними надо быть очень осторожными. Я бы попробовал лечение во всяком случае безопасное — Christian Science². Не знаю, верить ли в это, или не верить. Я если и верю, то с оттенком «помоги моему неверию»³. Но я видел случаи — притом именно психические — когда медицина ничего не могла сделать, а они что-то все-таки сделали.

Конечно, я с большой охотой напишу о Л<еониде> Ф<едоровиче> статью⁴. Но будет это не раньше второй половины сентября, а я вернусь только к 10–12-му. Мне надо будет перечсть некоторые его повести и рассказы.

Спасибо за приглашение остановиться у Вас. Очень тронут, дорогая Вера Николаевна. Но я как кошка привыкаю к месту, да кроме того и не хочу обижать Фруэншу⁵. Нечего делать, буду терпеть ее причуды, а в сущности она старуха безобидная, хоть и сумасшедшая.

Передайте, пожалуйста, низкий поклон Ивану Алексеичу, пожелайте ему сил и здоровья. Надеюсь застать его недели через три в хорошем состоянии. Целую Вашу руку и прошу верить самым добрым моим и преданным чувствам.

Ваш Г. Адамович

Если это можно, передайте Л<еониду> Ф<едоровичу> самый дружеский привет и поклон.

¹ Начиная с середины 1950-х гг. у Л.Ф. Зурова периодически обострялась душевная болезнь. Первые признаки болезни впервые отмечены в дневнике В.Н. Буниной 8 января 1953 г. Судя по его страхам (забаррикадированная дверь, залепленная замочная скважина, разговоры шепотом и с оглядкой и т.п.), Зуров страдал манией преследования, проецируя гонения на свое детство. По всей видимости, болезнь была наследственной — его мать покончила жизнь самоубийством в 1905 г., когда будущему писателю было всего три года. После долгих уговоров Зуров согласился на лечение и 20 июля 1953 г. был отвезен в клинику, откуда 31 июля его перевезли в частную клинику к доктору Перону в Suresnes. Вначале он был помещен в комнату с решетками на окнах и посещения были запрещены, но с 14 августа В.Н. Бунина навещает его достаточно часто: 14, 15, 21, 28 августа и т.д. 10 ноября она приезжает рассказать ему о смерти И.А. Бунина (он уже знал об этом печальном событии от врачей и по телефону выразил желание поехать на похороны) и уговорить продолжить лечение. Лечение оказалось успешным, и 12 декабря 1953 г. Зуров возвращается. О его состоянии свидетельствует письмо В.Н. Буниной к Т. Логиновой-Муравьевой от 23 декабря 1953 г.: «Нужна я и для Лени: он вернулся домой 12 декабря. Таким милым, заботливым и добрым он никогда не был» (Письма Буниных к художнице Т. Логиновой-Муравьевой: 1936–1961. Париж, 1982. С. 132).

Зуров писал Степуну 1 февраля 1954 г.: «Летом врачи нашли у меня чрезвычайно острое переутомление всего организма (результат недоедания во время немецкой оккупации, когда я потерял 24 килограмма, напряженной работы над тремя книгами, бессонных ночей во время долгой болезни Ивана Алексеича). Целый год, как оказалось, я держался только на нервах. В клинике доктора взялись за меня очень серьезно. <...> Меня поставили на ноги, и 12 декабря я выписался» (РАЛ. 1068/3839).

В дальнейшем душевная болезнь Л.Ф. Зурова иногда возобновлялась. Один из острых приступов случился у него в 1964 г., когда СССР настойчиво, через нескольких эмиссаров (Л. Никулина, В. Ажаева, М. Алексеева и др.), требовал передачи бунинского архива. В фонде Л.Ф. Зурова (РАЛ. Ф.1068) сохранилось его письмо М.Э. Грин от 23 сентября 1964 г., свидетельствующее об обострении болезни. После инспирированного ею лечения Зуров писал ей 4 декабря: «Заболел я в конце августа. <...> Все это был бред — ночной кошмар, который я почему-то назвал расстройством детской памяти» (РАЛ. 1068/3032).

Об аналогичных явлениях рассказано и в воспоминаниях большой приятельницы Зурова Т.А. Величковой, написанных в 1970-е гг.: «Много лет назад он уже переживал период острой нервной депрессии. Не знаю, были ли тому причиной его старые ранения, или перенесенные в юности потрясения, или, может быть, наследственность. Благодаря лечению и уходу депрессия прошла бесследно. Но теперь болезнь вернулась. Она проявлялась особым образом. Зуров казался, как все-

гда, рассудительным в том, что касалось повседневной жизни, — разве что стал более нервным. Но его терзало то, что он считал своими “воспоминаниями” <...> однажды мы с ужасом услышали рассказ о мучительных видениях, какие бывают при кошмарах, когда человек хочет проснуться и не может, — хочет крикнуть — и нет голоса...» (РАЛ. 1068/5106).

² Секта, основанная Мэри Бейкер Эдди (1821–1910) в США в 1870-е гг. Одна из главных особенностей — отказ от медицины.

³ Мк 9, 24.

⁴ Статью Адамович написал несколькими месяцами позже: *Адамович Г.* Леонид Зуров // Новое русское слово. 1953. 29 ноября. № 15191. С. 8.

⁵ Квартирная хозяйка Адамовича в Париже (53, rue de Ponthieu) в 1950–1954 гг.

97

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

5 октября 1953 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
5/X–1953

Дорогая Вера Николаевна

Простите, что не написал Вам ко дню Вашего Ангела. Я был у Вас 28-го, а потом — 30-го — был в дороге, и как-то не собрался Вас поздравить. Делаю это хоть и с большим опозданием, но от всей души и с самыми искренними пожеланиями.

Как у Вас, как Иван Алексеевич? В последний раз, когда я его видел, он показался мне совсем бодрым, как был весной, и надеюсь, это не было впечатление случайное. Напишите мне, пожалуйста, буду очень благодарен.

Сегодня я послал в «Нов<ое> Р<усское> Слово» статью о Леон<иде> Ф<едоровиче>¹. Начал, как Вы и советовали, с того, что двадцать пять лет тому назад вышел его «Кадет». Не могу найти у себя адреса Гершуна (Colin)², а Вы ведь просили меня ему написать. Пришлите мне, пожалуйста, если у Вас этот адрес есть.

Когда будете у Л<еонида> Ф<едоровича>, передайте ему самый сердечный привет. Как он? Есть ли какая-нибудь перемена в его состоянии?³

Шлю Вам и Ивану Алексеевичу низкий поклон. Скажите, пожалуйста, И<вану> А<лексееви>чу, что, перелистывая тут «Дом в Пасси» Зайцева⁴, я нашел там такую фразу:

«Ее заражала хорошая погода на лице гостя».

По-моему, это перл много лучше, чем действие по пирожкам⁵.

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Буду ждать письма.

Ваш Г. Адамович

¹ См. примеч. 4 к № 96.

² Гершун-Колин Андрей Иванович (1892–1957) — литератор, философ, участник Белого движения, в эмиграции жил в Англии, один из организаторов «Центра писателей-беженцев» при английском ПЕН-клубе.

³ См. примеч. 1 к № 96.

⁴ См. главу «Возвращается ветер...»: «Ее положительно заражала хорошая погода на лице гостя» (*Зайцев Б.К.* Дом в Пасси. Берлин: Парабола, 1935. С. 52).

⁵ См. примеч. 2 к № 72.

98

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

21 октября 1953 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
21/X–1953

Дорогая Вера Николаевна

Ваше письмо меня слегка встревожило, и я просил Кантора Вам позвонить и узнать, как здоровье Ивана Алексеевича. Он позвонил не Вам — очевидно, не желая Вас беспокоить — а Бахраху, и сегодня пишет мне, что И<вану> А<лексееви>чу лучше, что все более или менее «вошло в колею». Если это действительно так, слава Богу! Но я был бы спокойнее, если бы сведения эти шли непосредственно от Вас.

Вчера получил письмо от Л.А. Полонской¹, которая сообщает, что Л<еониду> Ф<едорови>чу гораздо лучше². Очень рад за него и за Вас, но тоже с оговоркой: если это действительно так! Я знаю, что писать Вам некогда, что заняты Вы и без того целый день, а то и ночь. Но если напишете два слова, буду очень благодарен.

Гершуну-Колину я написал, прося его ответить или мне, или Вам, — как ему угодно.

Шлю Вам и Ивану Алексеевичу низкий поклон и самые искренние дружеские чувства. Надеюсь, что все у Вас хорошо, — насколько это возможно!

Ваш Г. Адамович

¹ Полонская Любовь Александровна (урожд. Ландау; 1893–1963) — сестра М.А. Алданова.

² См. примеч. 1 к № 96.

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

28 октября 1953 г. Манчестер

Manchester 14
104, Ladybarn Road
28/X–1953

Дорогая Вера Николаевна

Получил сегодня письмо от Гершуна-Колина. Он пишет, что уже сообщил Вам через Н.Е. Андреева¹ следующее: за подписчиков на книгу он никакого разрешения дать не может, но думает, что протестовать никто из них не будет².

По-моему, он несколько обижен, что Вы не обратились к нему сами. М<ожет> б<ыть>, я и ошибаюсь.

Как все у Вас? Как Иван Алексеевич?

Получил сегодня же письмо от С.Ю. Прегель с известием, что Л<ео-ниду> Ф<едоровичу> «гораздо лучше». Очень, очень радуюсь.

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Не оставляйте меня без известий.

Ваш Г. Адамович

¹ Андреев Николай Ефремович (1908–1982) — историк, литературовед, в эмиграции жил в Эстонии и в Праге, участник *Seminarium Kondakovianum* (с 1928), сотрудник (с 1931) и фактический директор (1939–1945) Института имени Кондакова, преподаватель Русского народного (свободного) университета, в 1945 г. арестован советскими спецслужбами, до 1947 г. находился в заключении в Берлине, после освобождения уехал в Англию, преподаватель Кембриджского университета (с 1947).

² Речь идет о подписке на роман Л.Ф. Зурова «Зимний дворец». Когда Зуров летом 1953 г. заболел, Бунина обратилась к подписчикам за разрешением тратить собранные деньги на лечение Зурова. В письмах к Буниной от 8 и 19 октября 1953 г. Н.Е. Андреев писал по этому поводу: «Что касается подписчиков, передавших деньги через меня <...>, то мы, конечно, просим эти взносы употребить на лечение Л.Ф. Гершуна я напишу или поговорю с ним по телефону»; «Я написал длинную “дипломатическую ноту” Андрею Ивановичу Гершуна. <...> О заболевании Л.Ф. я ему написал подробно, ссылаясь на Ваше письмо, и выразил мнение, что лечение идет на пользу» (РАЛ. MS.1067/1109–1110).

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

10 ноября 1953 г. Манчестер

Manchester
10/XI—53

Дорогая Вера Николаевна

Только что прочел в газете поразившее меня известие¹.

Всей душой с Вами, всеми мыслями с дорогим, незабвенным Иваном Алексеевичем. Вы знаете, как я его любил. Дай Вам Бог силы перенести Ваше горе. Все знавшие и любившие Ивана Алексеевича будут Вам вечно благодарны за все, что Вы для него сделали, за то, что Вы только для него жили и для него забыли себя. Простите за то, что не могу сейчас в ясных словах выразить всего того, что хотел бы Вам сказать. Целую Ваши руки с самой сердечной к Вам преданностью.

Ваш Г. Адамович

¹ Бунин скончался 8 ноября 1953 г. Сообщение о его смерти было опубликовано на следующий день (Новое русское слово. 1953. 9 ноября. № 15171. С. 1), а через день появился некролог: *Седых Андрей*. Памяти И.А. Бунина // Новое русское слово. 1953. № 15172. 10 ноября. С. 3). 17 ноября 1953 г. Адамович писал Бахраху из Манчестера: «Спасибо и за то, что известили меня о смерти И<вана> А<лексееви>ча. Я знал это еще до Вашего письма из газет. Видите, предчувствия мои меня не обманули. Я Вам говорил об этом, уезжая, и был почти уверен, что И<вана> А<лексеевича> больше не увижу. А Вы меня убеждали, что это мое воображение. Мне ужасно жаль его. Но это так ясно, что не стоит об этом и говорить. Ваша идея о сборнике — правильна. Что-то такое — “homage” <дань уважения (франц.)>, по возможности, коллективный — надо бы сделать. К сожалению, коллектив наш только довольно скудный, а из “того” лагеря — т.е. зайцевского — никого приглашать не надо бы, да, в сущности, и там никого нет. Чех<овское> изд<ательст>во вообще на ладан дышит, и еще неизвестно, прельстится ли оно этой идеей, мало “рентабельной”. Но это, как Вы верно рассудили, область и дело Алданова, и Вы хорошо сделали, что первому ему об этом написали. Кстати, неужели он не был на похоронах? Я был уверен, что он придет. Лида <Червинская> выражала желание, чтобы приехал и я. Но это невозможно, здесь в середине занятий надо для этого запрашивать чуть ли не министра. Я сразу написал — т.е. через день — небольшую заметку для “Н<ового> р<усского> слова” <см. примеч. 1 к № 101>. Глупо, как будто бы, но все-таки надо, и нечего себя отговаривать соображениями о суете сует. <...> Думая о похоронах И<вана> А<лексеевича>, по человеческой мелочности, я подумал о том, что Вы, вероятно, там кое с кем встретились. Напишите, произошло это или нет. Кто вообще был на похоронах? Были ли у В<еры> Н<иколаевны> деньги для них? Где И<вана> А<лексеевича> похоронили? Я ничего не знаю. Относительно денежных дел В<еры> Н<иколаевны> я думаю, на первых порах ей трудно не будет. Пожалуй, даже легче: то, что получил бы он, получит и она. А расходов меньше. Ну, а потом — on verra <увидим (франц.)>» (Письма Георгия Адамовича А.В. Бахраху (1952–1953) / Публ. Вадима Крейда и Веры Крейд // Новый журнал. 1989. № 217. С. 71–72).

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

7 декабря 1953 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
Angleterre
7/XII—53

Дорогая Вера Николаевна

Спасибо за Ваше письмо. Если подходит в данном случае слово «рад», я был очень рад ему. Спасибо и за добрый отзыв о моей заметке¹ памяти Ивана Алексеевича.

17-го — сороковой день. Я собираюсь быть в Париже 16-го ночью, раньше не могу. Будьте так добры, сообщите мне с «обратной почтой», где будет панихида (или, м<ожет> б<ыть>, обедня?), в котором часу. Если я буду в Париже, то хотел бы прийти непременно. А пишу «если», — потому, что я не плыву, а лечу, и значит в случае сильного тумана задержусь до следующего утра, когда сяду на пароход. Здесь все время туманы, а раньше как в среду днем я выехать не могу.

Вечер памяти И<вана> А<лексеевича>² — конечно, устроить надо бы, и именно дешевый, а не для скучающих дам. По-моему — лучше на Пасху, или около Пасхи, чем в ближайшее время. Это надо устроить хорошо, а не наспех — и именно с участием Марка Александровича³ и, если бы можно, Степуна, о котором И<ван> А<лексеевич> всегда отзывался с восхищением (что меня даже удивляло: я лично не совсем это восхищение разделяю). Ну, об этом есть еще время подумать.

Не знаю, передал ли Вам Бахрах или Люб<овь> Ал<ександров>на⁴ то, что произошло у меня со статьей о Л<еониде> Ф<едоровиче>⁵. Первый такой случай в моей жизни! Надеюсь, статья уже появилась. Но опоздание по моей вине, и очень это мне досадно.

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Буду ждать от Вас сообщения о 17-м. Кланяйтесь сердечно Л<еониду> Ф<едорови>чу, скажите ему, что я искренно рад его выздоровлению и тому, что он скоро будет дома⁶. От души желаю Вам здоровья и всего, что только можно Вам теперь пожелать.

Ваш Г. Адамович

¹ В некрологе Адамович писал: «Надо было бы, чтобы в эти дни смолкли все наши распри и раздоры: мы потеряли человека, который олицетворял лучшее, что у нас есть, — великую русскую литературу. / Для всех, лично знавших Ивана Алексеевича Бунина, кончина его — большое личное горе. Нельзя было не поддаться его обаянию, встречаясь с ним, и тут, насчет этого, среди друзей его разногласий не было.

Нелегко в нескольких словах определить, что именно в нем очаровывало: ум, но ведь не только ум, юмор, но не только юмор. Чудесная меткость каждого слова? Пожалуй. Но еще и что-то другое, какое-то сияние и сверкание одареннейшей, щедрой и сознающей свою щедрость природы, какой-то свет, от него исходивший. Для всех, лично знавших Ивана Алексеевича, мысль, что больше никогда его не увидишь, никогда больше с ним не поговоришь, о Толстом ли, которого он боготворил, о Блоке ли, которого он терпеть не мог, мысль эта кажется невозможной, ирреальной. / Да, было ясно, и давно уже было ясно, что Бунин умирает. Но столько в нем было жизни, что каждый раз, при встрече с ним, с новой силой верилось, что он справится с немощью, одолеет болезнь, встанет, и не сегодня-завтра опять выйдет из своей комнаты, как обычно притворно-хмурый, шутивно ворчащий на “вас, молодежь”, с очередной книжкой какого-нибудь журнала в руках, где обильные восклицательные и вопросительные знаки на полях должны бы<ли> выразить его читательское порицание или возмущение. Да, верилось или хотелось верить! Но в той, каждому, вероятно, знакомой точке ума, которая никогда никаким иллюзиям не уступает, сомнений не было: это самые последние вспышки, это конец, и его не отворать ничем. / И вот, конец настал. / Со смертью Бунина обрывается, или во всяком случае становится еще слабее, еще призрачнее, наша связь с прошлым. С его смертью делается как будто чуть-чуть холоднее в идущем прошлому на смену неведомом, чуждом, и — да простит мне тень Ивана Алексеевича, если я процитирую Блока — “страшном” мире. Пока он был жив, чувствовался в нашей литературе хозяин, и не то было существенно, что он покрикивал и сердито поглядывал вокруг, а то, что он еще в самом себе нес и берег исчезающий сейчас строй, порядок, смысл. Он как будто еще знал — притом не разумом вовсе, а всем своим существом, — что такое добро, что такое красота, что такое творчество. Ему это знание передано было по наследству, и он не мог ни в ценности, ни в законности наследства этого сомневаться. Он разводил руками, читая младших своих современников, не то что будучи не в силах понять их, а недоумевая и удивляясь, как мог бы зрячий удивляться слепому, не видящему лежащей перед ним дороги. В нем, в его книгах еще жила эпоха, которая навсегда, надо надеяться, останется русской славой и гордостью. / Оттого-то, прощаясь с Буниным, мы прощаемся со всем тем огромным, цельным, чудным, почти таинственным, что стояло за ним. Оттого-то и надо бы — ради нашей же чести — склониться над его могилой с единодушным сознанием, что это дни печальные и высокие, горестные и торжественные, и что все значение этой утраты мы лишь со временем полностью поймем» (*Адамович Г. Минута молчания // Новое русское слово. 1953. 17 ноября. № 15179. С. 3*).

² Вечер памяти Бунина был проведен совместно Объединением русских писателей и поэтов и Комитетом по увековечению памяти И.А. Бунина 11 апреля 1954 г. в Salle Chopin (8, rue Daru). Вечер под почетным председательством В.А. Маклакова открылся выступлением Адамовича. Материалы об устройстве вечера хранятся в РАЛ MS.1067/694—702.

³ М.А. Алданов на вечере не присутствовал, поскольку не смог приехать в Париж. На вечере А.А. Титовым было зачитано его письмо с призывом собрать и обработать все сохранившиеся у В.Н. Буниной архивные материалы (Русские новости. 1954. 16 апреля).

⁴ Л.А. Полонская.

⁵ См. примеч. 4 к № 96.

⁶ См. примеч. 1 к № 96.

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

21 января 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
21/1–54

Дорогая Вера Николаевна

Не принимайте мое молчание за «loin des yeux — loin du coeur»¹. Я часто Вас вспоминал, а написать все до сих пор не собрался. Как Вы живете? Слышал стороной, что у Вас что-то не ладится с предполагаемым (или предполагавшимся) вечером, да и из Чех<овского> Изд<ательст>ва до сих пор ничего нет. Что произошло с вечером и с Рогнедовым², точно не знаю, но Чех<овское> Изд<ательст>во, по-моему, только задерживает присылку контракта и чека, п<отому> что если они получили деньги, то кого же и издавать им, как не книгу И<вана> А<лексееви>ча³? Вероятно, задержка происходит по причинам чисто формальным: не было какого-нибудь решающего заседания, или что-нибудь в этом роде.

Получил сегодня письмо от Бурова, который «рвет и мечет», что Зайцев не был на его чествовании⁴. Я тоже не был, и на меня тоже сыпятся его горькие упреки — впрочем, с добавлением, что я должен искупить свой грех статьей о нем в «Н<овом> Р<усском> Слове». С Вейнбаумом⁵ он будто бы наладил мир, — но едва ли надолго.

Буду очень рад, и Вам признателен, если напишете несколько слов, дорогая Вера Николаевна. Как Ваше здоровье? Кланяйтесь, пожалуйста, Л<еоиду> Ф<едорови>чу и скажите ему, что книги его и вырезки из газет, которые Вы мне дали, вышлю на днях. Как он себя чувствует, продолжает ли поправляться и «входить в норму»? До Пасхи я в Париж не попаду, о чем искренно жалею. Целую Вашу руку и шлю самые сердечные пожелания.

Ваш Г. Адамович

¹ с глаз долой — из сердца вон (*франц.*).

² Рогнедов Александр Павлович (?–1958) — импресарио, предприниматель.

³ Книга вскоре была выпущена: *Бунин И.* Петлистые уши. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.

⁴ Чествование А.П. Бурова по случаю 50-летия его литературной деятельности состоялось в зале РМОЗ 26 декабря 1953 г. С речами выступили В.Н. Ильин, Ю.К. Терапиано, А.В. Руманов, П.С. Ставров и др.

⁵ Вейнбаум Марк Ефимович (1890–1973) — журналист, с 1913 г. жил в США, сотрудник (с 1914), затем редактор-издатель (с 1923) газеты «Новое русское слово».

Г. В. АДАМОВИЧ — В. Н. БУНИНОЙ

7 февраля 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
 Manchester 14
 7/II—54

Дорогая Вера Николаевна

Простите, что пишу карандашом. Где-то оставил свое стило, не могу найти. Спасибо, что написали о перенесении гроба Ивана Алексеевича¹. Мне очень жаль, что я не мог быть. Непременно поеду на кладбище, когда буду в Париже.

Но я вовсе не собираюсь выехать отсюда 20-го февраля, как Вам написал Гершун. Раньше конца марта не приеду, т. к. только 25 марта начнутся у нас пасхальные каникулы. Вероятно, он решил, что я сразу после лондонского вечера памяти И<вана> А<лексеевича>² и уеду. Кстати, не знаю, что это будет за вечер! Я самого Гершуна видел два раза в жизни, он недавно был в Манчестере, просил меня председательствовать, т. к. доклад хочет прочесть он сам. Я согласился, с тем что скажу по-французски несколько вступительных слов. Но что и как скажет Гершун — не знаю, он на меня произвел впечатление человека довольно развязного и самоуверенного. Надеюсь, что портрет И<вана> А<лексеевича> Вы ему послали. Музыка, по-моему, ни к чему, но Гершун непременно ее хочет. Будет, по его словам, человек 40, не больше: все писатели-эмигранты, разных национальностей.

Получил ли Л<еонид> Ф<едорович> «Древний путь»³? Я послал сразу, и заказным. Послал бы все книги и статьи вместе⁴, но не было подходящего конверта, а это ведь нужно было срочно. Как Вы живете, дорогая Вера Николаевна, как Ваше здоровье, силы, и дела? Судя по моим сведениям, с Чех<овским> Изд<ательст>вом все устроено, хотя с контрактом и чеком они и не торопятся. У меня с ними — возня и недоразумения, в которых дружеское участие принимает Марк Александрович. Кстати, я советовал Гершуну попросить у М<арка> А<лександровича> несколько строк для вечера: он ведь тоже — член этого клуба.

Кланяйтесь, пожалуйста, Леониду Федоровичу. Что идея о сборнике памяти И<вана> А<лексеевича>, о которой мы с Вами говорили? Алданов думает, что Бахрах должен был бы написать Александровой⁵, спросить ее мнение. Но, м<ожет> б<ыть>, Вы против этого? Инициатива была Бахраха, оттого М<арк> А<лександрович> о нем мне и писал.

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Шлю Вам самые сердечные и искренние пожелания.

Во всяком случае напишу Вам после вечера.

Ваш Г. А.

А что Рогнедов?

¹ 30 января 1954 г. на Русском кладбище Sainte-Geneviève-des-Bois состоялась церемония перенесения праха И.А. Бунина из временного склепа в постоянный (Русские новости. 1954. 5 февраля). 24 февраля Адамович писал Бахраху: «О перенесении гроба И<вана> А<лексеевича> мне писала В<ера> Н<иколаевна> — но в таких блаженно-поэтических тонах, что я никак не предполагал дурных последствий» (BAR Ms Coll Bacherac. Vox 1).

² Вечер памяти И.А. Бунина, организованный «Центром писателей-беженцев» и лондонским ПЕН-клубом, состоялся 19 февраля 1954 г. Адамович писал Бахраху 24 февраля 1954 г.: «Был на днях в Лондоне, на вечере памяти И<вана> А<лексеевича>. Ничего, могло быть много хуже. Я, как Вам известно, был президентом, произнес блестящую речь, но по-французски, а не по-английски. Все, кажется, были достаточно грамотны. Вчера был даже отчетик об этом вечере в “Manchester Guardian”, довольно неожиданно» (BAR. Ms Coll Bacherac. Vox 1). 7 марта 1954 г. Гершун-Колин прислал В.Н. Буниной подробный отчет: «Вечер в память усопшего Вашего мужа прошел с большим подъемом, при большом стечении русской, польской и английской публики. Хотя вечер был организован мною, председательствование было предложено мною Георгию Викторовичу Адамовичу, как большому знатоку русской литературы и другу покойного Бунина. Он предложение принял и специально приехал из Манчестера. Сказав несколько слов по-английски, Г<еоргий> В<икторович> продолжал свою речь по-французски. Почти все его понимали и очень оценили его речь. В.П. Белявина говорила о богоискательстве Бунина. Мг. R. Evans произнес речь об отражении бунинского творчества в восприятии тех англичан, которые либо по подлинникам, либо по переводам знакомы с его произведениями. Г-жа Fitz Lyon прочла переведенную ею на англ<ийский> язык статью М. Алданова о Бунине в “Le Monde”. Стихотворения покойного, специально переведенные в стихах г-жой F., были прочитаны декламаторшей, г-жей Crosland. Д.М. Леско пела романсы, под аккомпанемент гитары. Я же сделал подробный доклад о творчестве Бунина и прочел несколько отрывков по-русски и по-английски. Доклады и декламация заняли 2 часа, но все оставались до самого конца. Память покойного Ив<ана> Ал<ексеевича> была достойно почтена!» (РАЛ. MS.1067/2342).

³ «Древний путь» — роман Л.Ф. Зурова, впервые опубликованный в «Современных записках» (1933. № 51–52), затем вышедший отдельным изданием (Париж: Современные записки, 1933). Адамович писал о романе несколько раз, сначала в обзоре 51-го номера «Современных записок» (Последние новости. 1933. 2 марта. № 4362. С. 3), затем в рецензии на отдельное издание: *Адамович Г.* Литературные заметки // Последние новости. 1933. 30 ноября. № 4635. С. 3.

⁴ Судя по всему, Адамович возвращал книги и вырезки, присланные ему для статьи: *Адамович Г.* Леонид Зуров // Новое русское слово. 1953. 29 ноября. № 15191. С. 8.

⁵ Александрова Вера Александровна (урожд. Мордвинова, в замужестве Шварц; 1895–1966) — критик, литературовед, публицист, в январе 1922 г. эмигрировала с мужем, меньшевиком С. Шварцем, из Москвы в Берлин, в 1933 г. переехала в Париж, постоянный сотрудник «Социалистического вестника», с 1940 г. в США, сотрудник редакции журнала «Америка» (1946–1948), главный редактор издательства имени Чехова (1952–1956).

104

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

20 февраля 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
20/II—54

Дорогая Вера Николаевна

Вчера я был в Лондоне, на вечере памяти Ивана Алексеевича¹. Сошло лучше, чем я думал. Настроение было торжественное, на столе стоял портрет И<вана> А<лексеевича>, и если бы не дурацкая музыка в конце, было бы совсем хорошо. Певица должна была петь романсы на слова И<вана> А<лексеевича>, но пела другое, кончила частушками под гитару! Но Вы *не пишете* об этом Колину, он старался все сделать получше, и, кажется, сам был озадачен этим номером. Доклад он прочел не плохой, много читали из И<вана> А<лексеевича>, а какой-то молодой англичанин говорил (очень умно и верно) о том, *что* иностранцы могут понять у Бунина и *чего* не поймут. Он сам хорошо говорит по-русски. Было человек 50, всех национальностей и возрастов.

Как Вы живете, как Ваши дела? Алданов мне пишет о Ваших планах насчет устройства вечера памяти И<вана> А<лексеевича>. Когда это будет? Знаю, что Вы разошлись с Рогнедовым, и догадываюсь, из-за чего.

Напишите мне, если не трудно и не лень, дорогая Вера Николаевна. Кланяйтесь, пожалуйста, Л<еониду> Ф<едоровичу> и скажите, что книги его и вырезки вышлю завтра, пусть он на меня не сердится. «Древний путь», надеюсь, он получил давно.

Ваш Г. Адамович

¹ См. примеч. 2 к предыдущему письму.

105

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

25 февраля 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
25/II—54

Дорогая Вера Николаевна

Предыдущие наши письма «разминулись», а сегодня получил Ваше письмо от 24-го. Спасибо. Вы пишете, что вечер памяти Ивана Алексее-

вича будет между 10–15 апреля¹. Я *наверно* занят 12-го, а может быть и 11-го, если Червинская в этот день устраивает свой вечер². Я обещал ей свое участие еще полгода тому назад. Но это еще под сомнением, а вот 12-го — не могу ни в коем случае. Остальные дни — когда хотите. А кстати, я думаю: не лучше ли было бы отложить вечер на июнь? Это у меня мысль не по личным соображениям, а потому, что летом — все лучше, как-то светлее и торжественнее. Может быть, и Алданов тогда приехал бы. По-моему, было бы хорошо сделать с Алдановым так, если он согласен, конечно: поставить его имя на афишу, попросить его написать небольшую статью о И<ване> А<лексеевиче>, а на вечере сказать, что он приехать не мог, но прислал то, что хотел прочесть сам. Все *convenances*³ были бы соблюдены, и не думаю, чтобы М<арк> А<лександрович> мог от этого отказаться.

Он мне несколько раз писал о вечере в Реп-клубе⁴, будто бы я должен там его заменить. По-видимому, это отпадает, да и число — 17-е марта — для меня было бы невозможно. О лондонском вечере была третьего дня заметка в «Manchester Guardian» и, кажется, еще в «Times». Из того, что в вашей инициат<ивной> группе участвует Прегель, я понял, что Бахраху туда доступа нет⁵.

О книге Слонима (Достоевский) я с Вами вполне согласен, но для «Н<ового> Р<усского> Слова» слегка покривил душой⁶, хотя и написал, что без «интимностей» можно было и обойтись. Хуже всего его собственные размышления о любви — сплошная пошлятина! Но работал он над книгой, очевидно, долго, и многое перечел.

Пакет Л<еониду> Ф<едоровичу> послал вчера, заказным.

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Спасибо за добрые пожелания. Желаю и Вам от всей души благополучия и спокойствия, «покоя и воли» по Пушкину, всего того, что Вы всей своей жизнью заслужили. Кланяйтесь, пожалуйста, дружески Леон<иду> Фед<оровичу>.

Ваш Г. Адамович

¹ О вечере памяти И.А. Бунина, на котором выступал Адамович, см. примеч. 2 к № 101. Литературный вечер Л.Д. Червинской был перенесен на 28 июня 1954 г. и прошел в зале РМОЗ при участии Адамовича.

² В письме от 5 марта 1954 г. Адамович объяснялся с Червинской по поводу совпадения: «Получил вчера Ваше письмо. Вы спрашиваете, как могло случиться, что я дал согласие на один и тот же день и Вам, и Вере Ник<олаев>не.

Дело было совсем не так.

В<ера> Н<иколаевна> мне писала (довольно давно еще), что ее вечер будет в апреле. Я ответил: в любой день, — кроме 11-го (Вы) и 12-го (вечер у массонов). Она мне на это ответила сразу, что «крайне взволнована», но дело будто бы уладилось. Сейчас же по получении моего письма насчет 11-го, она позвонила Анне Степ<ановне>, и та ей сказала, что Вы зала еще не сняли. А у нее зал был снят и заплачено за него 17000. Поэтому она решила, что Вам нетрудно дату изменить, и просила Алю об этом с Вами поговорить.

Все это, однако, дело прошлое. Спорить, у кого «приоритет» — бесполезно. Удивительно все-таки, что при крайней редкости русских вечеров произошло такое совпадение!

Я думаю вот что: если бунинский вечер делается для сбора денег, то соседство с ним Вам очень повредит, и тогда лучше Вам отложить вечер на июнь. Если нет (а, кажется, В<ера> Н<иколаевна> делает именно дешевый вечер, “для души”), то выбирайте любой день, и близость другого вечера значения не имеет» (BAR Ms Coll Adamovich. Box 1).

³ приличия (*франц.*).

⁴ Вечер под названием «Homage a Ivan Bounine» состоялся 10 мая 1954 г. в Париже в помещении La maison internationale des P.E.N. Clubs (66, rue Pierre-Charon). Экземпляр пригласительного билета хранится в РАЛ MS.1067/703.

⁵ В начале 1950-х гг. у Бахраха и С.Ю. Прегель был роман, к началу 1954 г. завершившийся, к большому неудовольствию последней.

⁶ Имеется в виду рецензия на книгу М. Слонима «Три любви Достоевского» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953): *Адамович Г. Три любви Достоевского // Новое русское слово. 1954. 14 февраля. № 15268.*

106

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

6 марта 1954 г. Манчестер

Manchester
6/III—54

Дорогая Вера Николаевна

Мне очень досадно, что вышло совпадение с Лидиным вечером. Все-таки это удивительно: вечеров вообще ведь не много, вернее совсем нет, а оба оказались в один день!

Делать, конечно, нечего. Думаю, что Лида найдет и другой день, или перенесет вечер на июнь.

Из Ваших мыслей о программе вечера, я лично был бы против того, чтобы поэты читали стихи И<вана> А<лексеевича>. Никого нет для этого. Смоленский будет завывать, Терапиано¹ будет шептать — лучше обойтись без этого! Я читать стихи не хочу ни в коем случае, если до того будет мое «слово». Пусть читают артисты, и, кстати, Кедрова² читает хорошо. Вырубов³, по-моему, читает очень плохо — но раз Вы его пригласили, пусть читает! Хотя было бы лучше просить его прочесть прозу.

Конечно, было бы лучше, чтобы Алданов написал что-нибудь специально для вечера. Статья его в «Нов<ом> Журн<але>»⁴ — не совсем к такому случаю подходит. А не думаете ли Вы, что было бы хорошо просить и других «знатных людей» что-нибудь прислать, хотя бы несколько слов: Степуна, Кускову⁵, Карповича⁶ и др.?

Председательство Маклакова, конечно, крайне желательно. Надеюсь, он еще в состоянии сказать несколько слов.

Я знаю от Кантора, что Вы просили его участвовать. Он, вероятно, будет отказываться, но уступит — *si vous insistez*⁷.

Думаю быть в Париже недели через три. Насчет Цветаевой, я во многом с Вами согласен. Она была очень талантлива, но вместе с тем — и при несомненном уме! — была в ее голове какая-то вечно-институтская дурь⁸. Да и самомнения больше, чем полагается.

До свиданья, дорогая Вера Николаевна. Самое лучшее было бы прочесть на вечере что-нибудь из таких писаний И<вана> А<лексеевича>, которые никому неизвестны: напр<имер>, отрывки из дневника. Еще было бы хорошо, по-моему, просить Кедрову (но не Вырубова) прочесть последние две странички воспоминаний о Толстом — одно из самых замечательных, что И<ван> А<лексеевич> вообще написал⁹.

Кланяйтесь, пожалуйста, Л<еоиду> Ф<едоровичу>.

Ваш Г. Ад.

¹ Терапиано Юрий Константинович (1892–1980) — поэт, литературный критик. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе, с 1922 г. в Париже. Один из организаторов и первый председатель Союза молодых поэтов и писателей (1925), соредатор журналов «Новый дом» (1926–1927), «Новый корабль» (1927–1928), организатор литературного объединения «Перекресток» (1928), литературный обозреватель газеты «Русская мысль» (1955–1978).

² Лиля (Елизавета Николаевна) Кедрова (1910–2000) — актриса театра и кино, с 1917 г. в эмиграции в Париже, после окончания гимназии по приглашению В.М. Греч играла в составе «пражской труппы» МХТ, снималась в кино, жена французского режиссера Пьера Вальда.

³ Вырубов Александр Александрович (1882–1962) — актер МХТ, с 1922 в эмиграции в Берлине, вошел в «пражскую труппу» МХТ.

⁴ Алданов М. О Бунине // Новый журнал. 1953. № 35. С. 130–134.

⁵ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) — историк, журналист, сотрудник российского посольства в Вашингтоне (1917–1922), с 1923 г. жил в Нью-Йорке, преподавал русскую историю в Гарвардском университете (1927–1957), с 1943 г. соредатор, в 1945–1959 гг. главный редактор «Нового журнала».

⁶ Кускова Екатерина Дмитриевна (урожд. Есипова, в замужестве Прокопович; 1870–1958) — общественно-политический деятель и публицист, член редакций газеты «Наша жизнь», журналов «Без заглавия» и «Власть народа», одна из основателей Всероспомгола (1921), в 1922 г. выслана в Берлин, жила в Праге, член правления Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, сотрудник «Последних новостей», с 1939 г. в Женеве, сотрудник «Нового русского слова».

⁷ если вы настаите на своем (*франц.*).

⁸ Одна из первых записей в дневнике В.Н. Буниной, касающихся Адамовича, была посвящена Цветаевой. 6 августа 1929 г. Бунина записала: «Был Адамович, одет как херувимчик. Очень мил и приятен. Он считает Марину Цветаеву умнее Ходасевича, хотя Ходасевич никогда не скажет глупости, тогда как она — сколько угодно» (РАЛ. MS.1067/395; запись опубликована с купюрой: Устами Буниных. Т. 2. С. 208).

⁹ По-видимому, речь идет о конце очерка «Толстой» из «Воспоминаний» Бунина (Париж: Возрождение, 1950. С. 75–77), являвшегося последней редакцией очерка «О Толстом» (Современные записки. № 32. 1927; см. также: *Бунин И.* Освобождение Толстого. Париж: YMCA-Press, 1937. С. 88–90).

Г. В. АДАМОВИЧ — В. Н. БУНИНОЙ

20 марта 1954 г. Манчестер

Manchester
20/III—54

Дорогая Вера Николаевна

Надеюсь быть в Париже в четверг 25-го вечером. Значит — если все будет благополучно — приеду к Вам на заседание¹ в пятницу 26-го, часа в 4. A bientôt².

Ваш Г. Адамович

P.S. Вы ничего не пишете о Маклакове. По-моему, его председательство — крайне желательно, более всего другого.

¹ По-видимому, речь идет о заседании комитета по увековечению памяти И. А. Бунина.

² До скорого (*франц.*).

Г. В. АДАМОВИЧ — В. Н. БУНИНОЙ

8 мая 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
8/V—54

Дорогая Вера Николаевна

Как Вы живете? Как Ваше здоровье, как все у Вас? Целый век ничего о Вас не знаю. Буду очень благодарен и рад, если напишете несколько слов. Кланяйтесь, пожалуйста, очень Леониду Федоровичу. Совсем ли он уже вошел в обычную норму?¹ Сейчас читал статью Вейдле о И<ване> А<лексеи>еве<че> (в «Опытах»²). Хорошо и верно, но как-то косноязычно в начале, и чуть-чуть слишком «шикарно» под самый конец. Но *par le temps qui court*³ — Вейдле все-таки надо ценить.

До свидания. Напишите.

Ваш Г. Адамович

¹ См. примеч. 1 к № 96.

² Вейдле В. На смерть Бунина // Опыты. 1954. № 3. С. 80—93. В статье Вейдле писал: «Полдневная зрелость — ею определяется и само искусство Бунина, и место, принадлежащее ему в истории русской прозы. Поздние книги его — не увядание, а цветение; они сильнее и свежее ранних».

³ по нынешним временам (*франц.*).

109

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

5 июля 1954 г. Ницца

<открытка с видами Ниццы>

4, av. Emilia

c/o Lesell

Nice

5/VII—54

Дорогая Вера Николаевна, хотел проститься с Вами и Л<еонидом> Ф<едорови>чем накануне отъезда в Ниццу, звонил, звонил, но никто не ответил (около 5 ч. в пятницу). А позже зайти я не мог, т<ак> к<ак> был вечер Одоевцевой¹. Шлю Вам и Л<еониду> Ф<едоровичу> искренний привет и поклон, от души желаю всякого благополучия. Здесь я думаю пробыть до начала сентября.

Ваш Г. Адамович

¹ Литературный вечер Ирины Одоевцевой был устроен Объединением русских писателей и поэтов 2 июля 1954 г. в помещении РМОЗ. Адамович и Георгий Иванов выступали на вечере.

110

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

Сентябрь 1954 г. Ницца¹

Дорогая Вера Николаевна

Спасибо, что вспомнили. Очень был рад Вашему письму. Думаю быть в Париже на будущей неделе, и, конечно, Вам протелефонирую или просто зайду.

«Петлистых ушей» у меня нет. Я с радостью и охотой о книге напишу², но посылать мне ее не стоит: я могу уехать и раньше.

Книги Зайцева³ у меня тоже нет, и я ее не читал, хотя она есть у Алданова. Кстати, вопреки Вашему предположению, М<арк> Ал<ександрови>ч отзывается о ней крайне сдержанно. Зато читал я новую книгу Ремизова⁴, где одна фраза начинается так:

«Словесно-бездарный Толстой...»⁵. Алданов чуть не получил удара, когда я ему этот пассаж показал.

Здесь было дивное лето. Дивное — потому, что не жаркое. Я стараюсь набраться света и тепла в предвкушении манчестерской зимы.

До свидания, дорогая Вера Николаевна, и надеюсь, свидимся скоро!
Кланяйтесь, пожалуйста, дружески Леониду Федоровичу.
Ваш Г. Адамович

¹ Датируется по содержанию. Упомянутая книга Бунина вышла летом 1954 г.

² Рецензия на книгу вскоре была опубликована: *Адамович Г.* «Петлистые уши»: Новый сборник рассказов Бунина // Новое русское слово. 1954. 31 октября. № 15527. С. 8.

³ Возможно, имеется в виду издание: *Зайцев Б.* Чехов. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.

⁴ *Ремизов А.* Огонь вещей: Сны и предсонье. Париж: Оплешник, 1954.

⁵ В главе «Горичары» Ремизов писал: «Словесно-бездарный Толстой, растрепанный и неповоротливый — русский во французской упряжке (синтаксис) — работая над словом неизвестно как и почему, но с одной мыслью ясности, при своем гениальном гоголевском зрении изобразил жизнь в глубину и даль, касаясь незримого простому глазу задального» (*Ремизов А.* Огонь вещей. М.: Советская Россия, 1989. С. 59).

111

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

30 сентября 1954 г. Париж

Paris
30/IX—54

Дорогая Вера Николаевна

Хотя Вы и не празднуете в этом году день Вашего Ангела, хочу сказать Вам, что сегодня я мыслями с Вами и от всей души желаю Вам благополучия, спокойствия и тех радостей, которые для Вас еще возможны в жизни.

Ваш Г. Адамович

112

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

13 октября 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
13/X—54

Дорогая Вера Николаевна

Шлю низкий поклон и привет из Манчестера. Как Вы живете, что нового? Здесь я уже вошел в обычную «колею», будто и не уезжал. Одна моя студентка, кончившая в прошлом году, собирается писать «тэзу» об Иване Алексеевиче¹. Надеюсь, не напишет глупостей.

Буду очень рад, если как-нибудь получу от Вас несколько слов. Кланяйтесь, пожалуйста, Л<еониду> Фед<орови>чу. Как его дела и работа?

Кстати, что Вы думаете о книге Кир<илла> Зайцева об И<ване> А<лексеевиче>²? Насколько помню, книга плохая. Но другой — пока Вы не напишете свою³ — нет.

Ваш Г. Адамович

¹ Галина Шенбаум (Szenbaum; 1932–1982; по мужу Уиллеттс (Willetts) с 1958) — манчестерская студентка Адамовича (единственная из всех его студентов, свободно говорившая по-русски). Родилась в Пинске в семье польско-еврейского юриста, во время войны была с матерью в эвакуации в Омске, в 1946 г. репатриировалась в Польшу и после нескольких месяцев пребывания в австрийском лагере для перемещенных лиц выехала в Англию (см. письмо Гарри Уиллеттса к Ричарду Дэвису от 8 февраля 2003 г. — РАЛ). Училась на филологическом факультете (кафедры русского языка и литературы и английской литературы) Манчестерского университета в 1951–1956 гг., защитила магистерскую диссертацию: *Szenbaum H. Ivan Bunin: A Critical and Biographical Study. Manchester, 1956. 230 p.* Получив диплом, вела курс русского перевода на факультете современных языков Оксфордского университета. В середине января 1955 г. Галина Шенбаум встречалась с В.Н. Буниной в Париже и получила от нее информацию о жизни и творчестве Бунина, а также несколько его книг. Сохранились ее письма к В.Н. Буниной 1955–1956 гг. (РАЛ. MS.1067/7055–7061).

² См. примеч. 4 к № 21.

³ Сразу же после смерти Бунина Адамович начал уговаривать Веру Николаевну, чтобы она садилась за воспоминания о своем муже.

113

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

6 ноября 1954 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
6/XI–54

Дорогая Вера Николаевна

Спасибо большое за письмо, в частности за прилагательное «золотой» в обращении, очень меня тронувшее. Спасибо и за подробный рассказ о том, как все сошло у Вас 23-го¹. Мне уже писали об этом из Парижа, и все согласны, что было хорошо, так, как и надо было. Смущает и пугает меня только то, что Вы устроили все это «без копейки денег» (Ваши слова!) А как будет дальше? Что Вашингтон²? Что Чех<овское> Изд<ательств>во? Я кстати, думал, что вашингтонские деньги Вы давно получили (вернее, не давно, а этой осенью).

«Петлистые уши» я читал, все с тем же обычным, но каждый раз как будто новым восхищением — и послал, дней 10 назад, статью в «Н<овое>

Р<усское> Слово»³. Меня особенно поразила «Несрочная весна», которую я плохо помнил. Это написано так, что даже у И<вана> А<лексеевича> выделяется из всего другого. И еще — «Дело корнета Елагина»⁴: редкая для И<вана> А<лексеевича> тема, очень русская — «не судите, суд ничего в таких делах разобрать не может», как в «Воскресении»⁵, если бы даже Катюша была действительно виновата.

Пишу — почти уже кончаю — книгу об эмигрантской литературе для Чеховского Издательства⁶, без уверенности, что они ее издадут. На днях писал об Алданове⁷, скорей с удовольствием: о нем много можно сказать, есть за что «зацепиться». Теперь должен приняться за Зайцева, у которого именно этого «зацепиться» очень мало. Все гладко, все приятно, а говорить не о чем.

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Думаю, что это письмо Вы получите 8-го⁸. В этот день я, конечно, вспомню дорогого Ивана Алексеича, постараюсь за него помолиться, а вместе с ним вспомню и Вас.

Передайте, пожалуйста, самый дружеский поклон Леониду Федоровичу.

Ваш Г. Адамович

¹ 23 октября 1954 г. на парижской квартире Буниных состоялся организованный Верой Николаевной вечер памяти И.А. Бунина по случаю 84-летия со дня его рождения.

² В 1954 г. В.Н. Бунина с помощью парижского литературного агента Дженифер Брэдли смогла получить от американского правительства авторские отчисления за изданные в США переводы книг Бунина. Деньги были «заморожены» с конца 1940 г., поскольку Бунины проживали на оккупированной территории (гонорары за послевоенные американские издания Бунин получал исправно, а о деньгах, накопившихся за время войны, видимо, даже не подозревал). Первую часть денег (380 долларов) В.Н. Бунина получила в июне, а вторую (488 долларов) в середине ноября 1954 г. См. дневниковые записи В.Н. Буниной за 5 февраля, 13 июня и 19 сентября 1954 г. (MS.1067/501 и 431), а также письмо Дж. Брэдли от 5 ноября 1954 г. с приложением чека и извещения от государственной казны США (MS.1067/1493—1495).

³ К тому времени статья была уже опубликована: *Адамович Г.* «Петлистые уши»: Новый сборник рассказов Бунина // Новое русское слово. 1954. 31 октября. № 15527. С. 8.

⁴ *Бунин И.А.* Петлистые уши и другие рассказы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 155—198.

⁵ Именно таких слов в романе Толстого нет, но Нехлюдов в «Воскресении» несколько раз произносит похожие по смыслу фразы: «я считаю всякий суд не только бесполезным, но и безнравственным», «чувствуешь, что не имеешь права судить», и т.д.

⁶ Книга Адамовича «Одиночество и свобода» была выпущена два года спустя (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956). Подробности ее написания и издания см. в переписке Адамовича с редакторами издательства и друзьями: *Адамович Г.В.* Собрание сочинений: Одиночество и свобода / Сост., послесл. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. С. 309—346.

⁷ Речь о главах будущей книги («Алданов», «Зайцев»), которые Адамович порциями посылал редакторам издательства имени Чехова.

⁸ 8 ноября 1954 г. исполнялась годовщина со дня смерти Бунина.

114

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

4 февраля 1955 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
4/II—55

Дорогая Вера Николаевна

Я получил сегодня письмо от Люб<ови> Александровны¹. Она пишет, довольно неясно, о том, что я должен был быть перед отъездом у Вас, но не был, не позвонил и т. д. (только, пожалуйста, не говорите ей об этом, а то, как водится, начнутся разговоры, упреки и недовольство. Я с Вами откровенен, и потому пишу то, что есть. Но пусть это останется *entre nous*²).

А если быть вполне откровенным, должен сказать, что я совершенно не помню, что было перед моим отъездом из Парижа. Помню только, что, вернувшись из Нишцы позже, чем думал, я «замотался» и устал очень. А уверен твердо в том, что сознательно и умышленно я не мог в отношении Вас поступить плохо или хотя бы только не совсем корректно. Если это случилось, то значит как-то помимо меня. Простите. Я мог бы выдумать причину и объяснение, но не хочу. А сообщение Л<юбови> А<лександровны> было для меня полной неожиданностью. Надеюсь, Вы не очень все-таки на меня сердитесь.

Как Вы живете? Я сейчас нездоров — грипп с осложнением в глазах, — и мало бываю в Университете. Вчера мельком видел miss Шенбаум³, с гордостью пока-

<окончание письма утрачено>

¹ Л.А. Полонской.

² между нами (*франц.*).

³ См. примеч. 1 к № 112.

115

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

4 марта 1955 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
4/III—55

Дорогая Вера Николаевна

Спасибо большое за Ваше милое письмо. Отвечаю не сразу, ибо одолеваем немощами, особенно — глазными.

129

Надеюсь к концу месяца или в начале апреля быть в Париже, а то к здешним врачам у меня отношение еще более скептическое, чем к французским.

Ваше письмо — целый список смертей и болезней. Кантор пишет мне о том же, но правильно и мудро добавляет, что когда люди сами приближаются к неизбежной черте, то их сверстники и друзья исчезают все быстрее и быстрее. А человек не может ни примириться с этим, ни к этому привыкнуть! О бедной М.А. Каллаш я не знал¹. Очень ее жаль, у меня всегда была к ней симпатия (прежде всего — как к умному человеку), хотя я ее, в сущности, мало знал. Вот и Кнут умер², сравнительно еще молодой человек.

Ну, оставим этот мариолог, поговорим о другом.

Очень рад, что Вы работаете над книгой И<вана> А<лексеви>ча о Чехове³. Уверен, что книга будет замечательная, и, кстати, всегда, во всех книгах (или почти во всех) короткие записи, случайные заметки, воспоминания и т. д. интереснее большой и связной статьи. Я перечел Шестова о Чехове⁴. Не так хорошо, как мне казалось, — а чего я особенно не понимаю, это почему ею возмущается Зайцев. Конечно, елейного душка в статье нет, но и никаких «демонизмов» нет тоже. Кстати, я получил книгу Мочульского о Андрее Белом⁵, с предисловием Зайцева: сплошное лампадное масло (это издание У.М.С.А.).

Вот, прервал письмо: пришла Miss Szenbaum, и все спрашивает о писаниях И<вана> А<лексеви>ча. Она очень старается, и довольно понятлива. Не знаю, что у нее в конце концов из ее диссертации выйдет. Да и кто будет судить? Пошлют, по здешним правилам, какому-нибудь профессору, который, м<ожет> б<ыть>, сам мало о И<ване> А<лексеви>че знает!

До свидания, дорогая Вера Николаевна. От души желаю Вам всего доброго, и не унывать от всего, что видите вокруг. Когда-то в гимназии, на экзамене нам дали тему для сочинения «Жизнь — не шутка, жизнь — не радость», и в 18 лет мы если и соглашались с этим, то поневоле, а главное — чтобы не получить двойки. А со временем понимаешь, что это правда.

Кланяйтесь, пожалуйста, Леониду Федоровичу.

Ваш Г. Адамович

¹ М.А. Каллаш скончалась 26 февраля 1955 г. См. о ней примеч. 8 к № 92.

² Довид Кнут скончался 15 февраля 1955 г. в Тель-Авиве. Адамович откликнулся на его смерть статьей «Довид Кнут и П. Ставров» (Новое русское слово. 1955. 29 мая. № 15737. С. 8).

³ Книга вышла в том же году: *Бунин И. О Чехове*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

⁴ Имеется в виду статья Шестова о Чехове «Творчество из ничего», впервые опубликованная в сборнике «Начала и концы» (СПб., 1908). В эмиграции была перепечатана с предисловием Адамовича пять лет спустя после этого письма: *Адамович Г. По поводу статьи Шестова «Творчество из ничего» // Мосты. 1960. № 5. С. 117–120.*

⁵ Книга Константина Васильевича Мочульского (1892–1948) «Андрей Белый» вышла после его смерти (Париж: YMCA-Press, 1955) с предисловием Б. Зайцева под названием «Дух голубиный». Вскоре Адамович отозвался о ней в печати: *Адамович Г.* Книга Мочульского об Андрее Белом // Новое русское слово. 1955. 17 апреля. № 15695. С. 8.

116

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

29 мая 1955 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
29/V–55

Дорогая Вера Николаевна

Как Вы живете? Все ли у Вас хорошо и благополучно? Целый век ничего о Вас не знаю, впрочем по своей вине: уехавшему полагается писать первым!

Недели через три — или приблизительно — надеюсь быть в Париже. Но сегодня тут объявлена железнодорожная забастовка, и я боюсь, что она затянется.

Был ли у Вас, наконец, Кантор? Я ему передал еще на Пасхе Ваше «огорчение» по поводу его неуловимости.

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Если напишете, буду искренне рад, а если не хочется или некогда — надеюсь явиться к Вам по приезду. Шлю дружеский привет и поклон Леониду Федоровичу.

Ваш Г. Адамович

117

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

19 октября 1955 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
19/X–55

Дорогая Вера Николаевна

Посылаю несколько слов к Вашему собранию 23-го¹. Может быть, это не совсем то, что надо бы. Но бывает, что сядешь писать одно, а напишешь совсем другое.

Надеюсь, что собрание пройдет, как надо, хорошо, в соответствующем тоне и настроении — и даже уверен в этом.

Спасибо за парижские новости, впрочем не очень обильные. У нас здесь — совсем зима, что-то очень рано.

Были ли наконец вести от Л<еонида> Ф<едоровича>? Или он уже вернулся?² Я писал Кантору о 23-м числе. Не забудьте его позвать, он, кстати, мог бы и что-нибудь сказать.

До свидания, дорогая Вера Николаевна, — увы, не очень скорого! Искренне желаю Вам здоровья и всякого благополучия.

Ваш Г. Адамович

¹ 23 октября 1955 г. на парижской квартире Буниных состоялся вечер памяти И.А. Бунина, организованный Верой Николаевной. На вечере были зачитаны письма, присланные Адамовичем и Алдановым.

² 13 августа 1955 г. Л.Ф. Зуров уезжал в Антверпен, затем в Осло, Лилленхаммер, Лом, Трондхейм, Берген, Ньюкасл, Лондон, Эдинбург. 17 декабря, уже вернувшись в Париж, в письме к М.Э. Грин (РАЛ. 1068/2573) рассказал о поездке к Н.Е. Андрееву в Кембридж после Эдинбурга, где гостил у нее.

118

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

2 декабря 1955 г. Манчестер

Manchester
2/XII—55

Дорогая Вера Николаевна

Давно о Вас ничего не знаю. А может быть, это по моей вине: я никогда не помню, кто кому не ответил и кто виноват в перерыве переписки! Вероятно, я. Если это так, то простите. Я не совсем был здоров, да и дела много. А туманы здесь такие, что удивительно, что человек вообще может что-то делать и соображать.

Знаю, что было открытие памятника на могиле Ивана Алексеевича¹. Надеюсь его увидеть, если не теперь, то весной.

Я собираюсь недели через 2–3 быть в Париже, как обычно — на Рождество. Мне прислали из «Р<усской> Мысли» страничку об И<ване> А<лексеевиче> к его годовщине². Не Бог весть что, но намерения хорошие — и все-таки приятно видеть, что «Р<усская> М<ысль>» меняет курс³. А моя здешняя ученица, Галина, — которая была у Вас, — все еще трудится над своей диссертацией, никак не может кончить. Но пишет она недурно, и я думаю, что, сократив, работу ее можно будет здесь издать.

Значит, à bientôt, дорогая Вера Николаевна, — если ничего не случится непредвиденного. Завтра юбилей Даманской⁴, — будете ли Вы ее чествовать, или у Вас с ней разрыв? Если Л<еонид> Ф<едорович> вернулся, кланяйтесь ему, пожалуйста⁵.

Ваш Г. Адамович

¹ Памятник на могиле Бунина (Sainte-Geneviève-des-Bois), выполненный по проекту Альберта Александровича Бенуа (1888–1960), был освящен 8 ноября 1955 г. (во вторую годовщину смерти писателя).

² Номер «Русской мысли» со статьями Ю.К. Терапиано, В.Н. Сперанского и др., посвященными второй годовщине смерти Бунина, вышел 8 ноября 1955 г.

³ См. примеч. 3 к № 136.

⁴ 3 декабря 1955 г. Августа Филипповна Даманская (1875–1959) отмечала свой семидесятилетний юбилей (на самом деле ей исполнялось восемьдесят, но она скрывала свой возраст, сбрасывая десять лет). Адамович неспроста интересовался у Буниной их взаимоотношениями с Даманской. Месяцем раньше, 3 ноября 1955 г., шепетильный Алданов писал Адамовичу: «Я в последние три года отказался от участия в юбилеях трех вполне почтенных политических людей, только очень поправивших; не могу публично чествовать и Августу Филипповну, которая вдобавок не только слишком полевела, но и писала о “*пресловутых* зверствах” в СССР. Потом она мне в письме сообщила, что написала это “из озорства”, но зачем же чествовать “озорников”?» (BAR. Coll. Aldanov. Box 1).

⁵ См. примеч. 2 к № 117.

119

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

20 февраля 1956 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
20/II–56

Дорогая Вера Николаевна

Посылаю Вам на просмотр выдержки из писем Ивана Алексеевича, которые я послал в «Опыты»¹. Я об этом говорил Вам на вечере², в Консерватории. По-моему, они дополняют то, что есть в книге, а частью и совпадают с ней. Но о стихах Чехова в книге только упомянуто, а в письме — есть текст. Надеюсь, Вы не будете возражать против того, чтобы эти выдержки были напечатаны.

Статью о книге И<вана> А<лексеевича>³ я послал в «Нов<ое> Р<усское> Слово» дней десять назад. Т. к. была уже статья Слонима⁴, то я коснулся только одной темы, а именно — отношения И<вана> А<лексеевича> к пьесам Чехова. Слоним написал об этом совершенный вздор, притом вздор самоуверенный, чуть-чуть «свысока». Я оттого и вступил с ним в спор. Думаю, что статья уже появилась — или появится в ближайшее время.

У нас тут — Северный полюс, а дома здешние к этому не приспособлены. Кажется, в Париже — не лучше.

Как Вы живете, дорогая Вера Николаевна? Что нового? Как Ваши дела? В Париже, судя по письмам, — главная сенсация: вечер Оцупа⁵. Если Л<еонид> Фед<орович> был, очень был бы рад получить от него описание этого события.

Шлю Вам и Леониду Федоровичу самый сердечный привет и поклон.
Ваш Г. Адамович

¹ Бунин И.А. О Чехове (Из писем Г. В. Адамовичу) // Опыты. 1956. № 6. С. 25–27.

² Вероятно, имеется в виду литературный вечер, посвященный 75-летию со дня смерти Достоевского и 75-летию со дня рождения Блока, устроенный Объединением русских писателей в Париже 12 января 1956 г. в зале РМОЗ. Адамович произнес на вечере вступительное слово.

³ Адамович Г. Бунин о чеховских пьесах // Новое русское слово. 1956. 19 февраля. № 15576. С. 8.

⁴ Слоним М. Бунин о Чехове // Новое русское слово. 1956. 1 января. № 15527. С. 8.

⁵ 4 февраля 1956 г. на вечере литературно-художественной группы «Числа» Н. Оцуп выступил с докладом «Попытка обоснования нового литературного направления в свете французской и русской культуры».

120

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

1 мая 1956 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
1 мая 1956

Дорогая Вера Николаевна

Верно я уже не «дорогой, золотой», и даже не серебряный, а медный, чугунный, не знаю какой! Уехал и с Вами не попрощался. Не могу сам понять, как это вышло! В последние мои парижские дни была какая-то суета, и я ничего не успел сделать, что хотел. Простите! Хочешь одно, выходит другое, а у меня вся жизнь только из этого и состоит.

Если Вы на меня прогневались, то, надеюсь, положите гнев на милость. А может быть, и не заметили, что уехал: тоже бывает.

Видели ли Вы «Р<усскую> Мысль» в последнее время? Демократизация идет на всех парах, а что из этого получится — неизвестно! Водов¹ недавно с презрением писал о «наших черносотенцах» и всячески оправдывал февральскую революцию. Кантор мне сообщил, что это вызвало некую сенсацию, где — не знаю.

По слухам, вышла книга Глеба Струве об эмигр<антской> литературе (история)². Воображаю, что там написано! Он туп и зол, первое — от

Бога, а второе от чего — понять не могу. Я всегда вспоминаю, что Ив<ан> Ал<ексееви>ч говорил о «двух Глебах» — помните?

В Манчестере серо, холодно и было бы скучно, будь я к скуке склонен. Читал «Розанова» в Чех<овском> Изд<ательстве>ве, с предисловием Иваска³. Когда-то я его очень любил, а теперь — все меньше, хотя кое-где и кое в чем это писатель удивительный и исключительный. Но только в отдельных фразах, не в целом.

Ну, довольно болтать. Кланяйтесь, пожалуйста, Леониду Федоровичу. Продолжает ли он свои рассказы в духе тех, которые были в «Нов<ом> Ж<урнале>»⁴? Галина (Шенбаум) кончила диссертацию об И<ване> А<лексеевиче>, уже сдала ее и ждет разбора и суда. Вышло не плохо, и очень нарядно, с карточкой, которую Вы ей дали, на первой странице (И<ван> А<лексеевич> с Чеховым).

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Шлю Вам низкий поклон и самые искренние чувства.

Ваш Г. Адамович

¹ Водов Сергей Акимович (1898–1968) — журналист, участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Праге, член редколлегии журнала «Студенческие годы», с 1925 г. в Париже, секретарь Национального союза русской молодежи, сотрудник «Последних новостей», член редколлегии (с 1947), затем редактор (с 1954) газеты «Русская мысль».

² Струве Г. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.

³ Розанов В. Избранное / Сост. и предисл. Ю. Иваска. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.

⁴ В «Новом журнале» были опубликованы рассказы Зурова «Ксана» и «Гуси-лебеди» (1955. № 43. С. 20–32).

121

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

31 июля 1956 г. Ницца

4, avenue Emilia
chez Mme Lesell
Nice
31/VII–56

Дорогая Вера Николаевна

Я знаю, что виноват перед Вами и не пытаюсь оправдываться. А как случилось, что я вторично перед Вами оказываюсь в таком положении, — не знаю. «Что-то лежит роковое»¹: другого объяснения нет. Надеюсь, Вы положите гнев (если был гнев) на милость, а моя вечная преданность Вам

должна быть Вам известна. Так что простите и не считайте посещениями с бедным человеком, завертевшимся в круговороте сливок парижского общества.

Как Вы живете? Слышал, что Вы собираетесь куда-то к М^{ме} Конюс² (в Швейцарию?), и очень желаю Вам хорошо провести время и отдохнуть. Вы ведь давно из Парижа не выезжали! Здесь я уже недели две. Вижу, конечно, Марка Александровича, который здоров, но хандрит и киснет. Впрочем, был ободрен статьей Яконовского³, который назвал его «величайшим писателем XX века», не только русским, а вообще. Видел вчера В. Р. Мартынову, и по секрету хочу Вам сообщить, что она считает, что чем-то Вы ее обидели. А она сейчас такая жалкая, растерянная (и, по-моему, полусумасшедшая), что обижать ее не стоит, тем более что об Иване Алексеевиче она говорит с обожанием и даже слезами на глазах. Не думаю, чтобы Вы ее «обижали», но ей так кажется.

Галина Шенбаум — помните ее? — получила нужный ей «degree»⁴ за тезу об И<ване> А<лексееви>че, правда — очень недурную и обстоятельную. Я в своем официальном отзыве написал, что она была у Вас и пользовалась Вашей помощью. Ей хотелось бы, конечно, эту работу издать. Я плохо знаю английские книжные дела, не помню, кто был издателем И<вана> А<лексееви>ча. Может быть, его такая книга могла бы заинтересовать⁵?

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Надеюсь, Вам письмо перешлют, если Вы в отъезде. Где Леонид Федорович? Если с Вами, кланяйтесь, пожалуйста.

Ваш Г. Адамович

¹ Из стихотворения Некрасова «В больнице» (1855): «Братья-писатели! в нашей судьбе // Что-то лежит роковое».

² 12 августа 1956 г. Бунина и Зуров выехали из Парижа в Швейцарию, Вера Николаевна остановилась в Туне, а Зуров отправился в Бриенц, а потом путешествовал по другим городам. Встретились они в первой половине сентября у Татьяны Сергеевны Конюс (урожд. Рахманинова; 1907–1961), младшей дочери С. В. Рахманинова, жены Бориса Юльевича Конюса (?–1988), в Сенаре, усадьбе, построенной отцом на берегу Люцернского озера. 21 сентября 1956 г. оба выехали обратно в Париж (см. дневник Буниной — РАЛ. MS.1067/432, а также письмо Зурова Милице Грин от 15 сентября 1956 г. — РАЛ. MS.1068/2621). О Т. С. Конюс см.: *Зуров Л. Воспоминания // Новый журнал. 1962. № 69. С. 51–61.*

³ Яконовский Евгений Михайлович (1903–?) — прозаик, журналист, после Второй мировой войны — сотрудник парижской газеты «Русское воскресение». Адамович имеет в виду его статью, в которой Алданов был назван «мэтром русского романа, духовным наследником Толстого и величайшим русским писателем двадцатого века <...> одним из любимейших <...> авторов всех времен» (*Яконовский Е. Глазами читателя // Русское воскресение. 1956. № 56–57. 12 и 19 июля. С. 4.*)

⁴ градус (*англ.*), здесь: ученая степень.

⁵ Диссертация Галины Шенбаум не была опубликована (хранится в библиотеке Манчестерского университета).

122

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

30 сентября 1956 г. Париж

Paris
30/IX–56

Дорогая Вера Николаевна

Сегодня 30-е — и я знаю, что Вы теперь в этот день никого не принимаете.

Но мне хочется сказать Вам, что я вспоминаю Вас в день Вашего Ангела и от всей души желаю Вам благополучия, здоровья и удачи во всем.

Ваш Г. Адамович

P. S. Завтра я уезжаю в Англию. Самое позднее — послезавтра утром. Дружеский привет Леониду Федоровичу.

123

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

21 октября 1956 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
21/X–56

Дорогая Вера Николаевна

Стороной, не буду говорить от кого, я слышал, что Вы на меня обижены. Согласен, основания у Вас для этого есть. Но основания — внешние, пустые: «уехал, не заглянул» и т. д.

Моя покойная сестра постоянно мне говорила: «Ты разговариваешь со всеми, а когда приходишь домой или остаешься со мной один, то молчишь». Я всегда ей отвечал или думал: «Оттого я к тебе и отношусь не как ко “всем”, что могу с тобой молчать».

Конечно, это не то же самое, но что-то общее есть. У меня к Вам отношение, лишенное всякой официальности, натянутости и всего такого. Ну, не был — и не был! Не то чтобы действительно «не мог», а как-то не вышло, не пришлось (да, кстати, я и почти ни у кого не был в последнее свое пребывание в Париже). Но неужели это что-нибудь значит, может что-либо изменить? По-моему — нет. И я уверен, что и по-Вашему — нет.

Простите, что так длинно об этом пишу и даже как будто что-то Вам объясняю. «Если надо объяснять, то не надо объяснять»: одно из люби-

мых моих изречений (однофамильца Марка Ал<ександровича> — Григория Ландау)¹. Не сомневаюсь, что не надо. И был бы крайне огорчен, если бы это было хоть на 1/100 не так.

Как Вы живете? Я писал Вам ко дню Вашего Ангела, зная, что Вы в этот день никого не принимаете. Иначе пришел бы наверно.

Шлю Вам низкий поклон и, если положите гнев на милость, был бы чрезвычайно рад получить от Вас письмо. Как Леонид Федорович? Передайте ему, пожалуйста, самый сердечный привет.

Ваш Г. Адамович

¹ Афоризм Григория Адольфовича Ландау (1877—1941) из книги «Эпиграфы» (Берлин: Слово, 1927) дословно звучит так: «Если близкому человеку надо объяснять, то не надо объяснять».

124

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

24 ноября 1956 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
24/XI—56

Дорогая Вера Николаевна

Я совсем плохой корреспондент, но извиняться не стану, т.к., кажется, все мои письма начинаются с извинений. Выходит что-то вроде «простите, что я существую». Вы спрашивали адрес Гали Шенбаум: Miss Galina Szenbaum, Penley Hall Camp, near Wrexham (Denbs¹). Она, кстати, недавно вернулась из Москвы, т.к., по-видимому, собирается выйти замуж за нашего молодого лектора, который теперь в Москве секретарем британск<ого> посольства².

Спасибо за описание Вашего приема в день рождения Ивана Алексеевича. Хорошо, что прислал какие-то заметки Степун³, а то был бы опять Марк Ал<ександрович> да я. Степун, по-моему, чрезвычайно талантливый человек, один из «последних могижан», но меня всегда удивляло, что именно И<ван> А<лексеевич> его так ценит. Мне казалось, что И<вана> А<лексеевич>ча должно мутить от его слишком цветистого, слишком блестящего красноречия. (Знаете, как Толстой говорил о Ключевском: «профессор со штучками»⁴.)

Я не знал, что Мамченко⁵ и Злобин⁶ — столь лютые враги. Кто прав, кто виноват — неизвестно, но у меня инстинктивно больше доверия к Мамченко, да и то, что я видел в последние мои свидания с З<инаидой> Н<иколаевной> — в его пользу. Недели через 3—4 я собираюсь быть в Париже. У нас уже зима, а я ее терпеть не могу, особенно при здешних туманах. Значит, надеюсь, à bientôt!

Кланяйтесь, пожалуйста, Леониду Федоровичу. Буду очень рад видеть Вас и его, — впрочем, если Вы меня примете! До свидания, от души желаю Вам здоровья и благополучия.

Ваш Г. Адамович

¹ Denbighshire. По указанному адресу располагался польский военный госпиталь, в котором работал отец Галины Шенбаум после демобилизации (в 1939 г. он был призван в польскую армию, побывал в советском плену, затем в составе армии генерала Андерса воевал в Северной Африке и Италии).

² Harry Willetts (р.1922) — преподаватель Манчестерского университета в 1952–1955 гг., находился на дипломатической службе в Москве и в Лондоне в 1956–1960 гг., позже преподавал в Оксфорде, переводил на английский язык произведения Солженицына и др. Галина Шенбаум вышла за него замуж в 1958 г.

³ 21 октября 1956 г. Степун писал В.Н. Буниной: «Надеюсь, что мой набросок придет в день Вашего вечера, т.е. 23»; 1 ноября 1956 г.: «Очень рад, что мое письмо пришло еще вовремя, его специально возили на вокзал в воскресенье, рад и тому, что мой очерк дал то, что Вы от него ожидали» (РАЛ. MS.1067/6977–6978). Сохранилась машинопись предполагаемого очерка Степуна о личных встречах с И.А. Буниным (РАЛ. MS.1066/9026).

⁴ Ср. дневниковую запись Д.П. Маковицкого за 17 января 1905 г.: «Об “Истории” Ключевского <...> Л.Н. заметил, что это самая пустая книга — лекции профессора с шуточками» (У Толстого, 1904–1910. «Яснополяние записки» Д.П. Маковицкого // Литературное наследие. Т. 90. Кн. 1. М.: Наука, 1979. С. 138). Адамович ознакомился с этой записью, надо полагать, по изданию Н.Н. Гусева 1922 г.

⁵ Мамченко Виктор Андреевич (1901–1982) — поэт, журналист, с 1920 г. в эмиграции в Тунисе, с 1923 г. в Париже, один из организаторов Союза молодых поэтов и писателей (1925), участник объединения «Круг» (1935–1939), постоянный посетитель салона Мережковских и вечеров «Зеленой лампы», ученик З.Н. Гиппиус.

⁶ Злобин Владимир Ананьевич (1894–1967) — литератор, участник литературного кружка «Арион» (Петроград, 1918–1919), литературный секретарь З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского (с 1919), с декабря 1919 г. в эмиграции в Варшаве, в 1920 г. издатель и редактор газеты «Свобода», с ноября 1920 г. в Париже, секретарь собрания «Зеленой лампы» (1927–1939), соредатор журнала «Новый корабль» (1927–1928), член редколлегии журнала «Возрождение» (1958–1960).

125

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

17 февраля 1957 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
17/II–57

Дорогая Вера Николаевна

Как живете? Как все у Вас? Вопрос глупый, <потому> что на него трудно ответить, — если ничего особенного не произошло. Надеюсь, что все у Вас благополучно и что Вы и Л<еонид> Фед<орович> здоровы.

Из Парижа мне пишут мало. Кантор все не совсем еще поправился, один Аля Бахрах держит меня au courant¹ столичных новостей. Вот узнал, что Вера Ал<ексеевну> Зайцеву² разбил паралич, а сегодня это же подтвердил Алданов. О выздоровлении в ее возрасте думать трудно, да и вообще бесследно это не проходит никогда. Моей сестре не было 40 лет, когда у нее был удар, и на всю жизнь она осталась инвалидом. Уверен, что и Вы, хоть и в «холодках» с ними — все-таки бедного Б<ориса> К<онстантиновича> пожалели. Мне почти непрерывно пишут Ивановы (она)³ — чтобы что-нибудь для них сделать. Он будто бы совсем плох, денег нет, перевести их поближе к Парижу — нет больше надежды, т. к. Долгополов⁴ не соглашается на это ни за что! У нее явилась мысль, по моему, пустая: устроить сбор через «Figaro Littéraire» среди французов. Но ведь никто ничего не даст! Не говорю уж о том, что Г. Иванова никто во Франции не знает, сейчас ко всему русскому отношение враждебное, а в «Figaro» — хуже, чем где бы то ни было⁵. Еще была мысль — спектакль. Но трудно его устроить, да и кто будет устраивать? Кстати, теперь, верно, и для Зайцева будут сборы.

Читаете ли Вы роман Алданова⁶? По-моему — он снова в своей «портретно-исторической» области и многое очень хорошо. Сейчас прочел в «Н<овом> Мире», что «нужны не только книги Бунина, но и книги о Бунине»⁷. А какой-то Антонов в «Иностр<анной> Литературе» пишет о «встречах с Буниным»⁸ (я не читал, вижу в объявлении). Что это за Антонов? К статье приложена фотография — «в старости И.А. Бунин с женой на вилле Бельведер, в Грассе».

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Шлю сердечный привет Л<еониду> Ф<едоровичу>. Здесь все еще зима, туманы и холода.

Ваш Г. Адамович

¹ в курсе (*франц.*).

² Зайцева Вера Алексеевна (урожд. Орешникова, по первому мужу Смирнова; 1878–1965) — жена Б.К. Зайцева с 1912 г.

³ Письма Одоевцевой не сохранились, ответные письма Адамовича см.: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды / Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее. Вып. 21. 1997. С. 436–442.

⁴ Долгополов Николай Саввич (1879–1972) — врач, общественный деятель, до революции член партии народных социалистов, в Гражданскую министр здравоохранения в правительстве Деникина, в эмиграции видный деятель Земгора в Париже, после войны представитель в Европе русско-американских благотворительных учреждений, и в частности Литературного и Кулаевского фондов.

⁵ О том же Адамович написал Одоевцевой 11 февраля 1957 г.: «Я не думаю, чтобы сбор среди французов был возможен, т.е. при участии “Figaro Lit<téraire>”, “Nouvelles Lit<téraires>”. Читаете Вы “Fig<aro> Lit<téraire>”? Там сейчас ненависть и презрение ко всему русскому, они ни за что никакого письма не возьмут» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды / Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее. Вып. 21. 1997. С. 438–439).

⁶ Имеется в виду роман Алданова «Бред», печатавшийся в «Новом журнале» (1954–1957. № 38–42, 48).

⁷ В октябре 1956 г. «Новый мир» напечатал подборку писем Бунина. В предисловии к публикации А.К. Бабореко упомянул о том, что выступление Федина на II Всесоюзном съезде советских писателей аудитория трижды поддержала аплодисментами: 1) когда Федин назвал Бунина классиком, 2) когда заявил, что Бунина нельзя отчуждать от истории русской литературы и 3) когда выразил желание, чтобы читатели узнали все ценное из наследия Бунина (Из переписки И.А. Бунина / Публ. А.К. Бабореко // Новый мир. 1956. № 10. С. 197).

⁸ По поводу очерка В. Антонова о встречах с Буниным (Иностранная литература. 1956. № 9) см. язвительную реплику в «Новом мире»: «Журнал “Иностранная литература” совершил 2 открытия, связанных с именами известных писателей разных веков и народов. В свете этих открытий приходится, например, признать поколебленным доселе всеобщее убеждение, что Бунин скончался в 1953 г. Очерк В. Антонова, посвященный встречам с Буниным, иллюстрирован фото. Под фото, изображающим писателя, сидящего в обществе своей жены в саду виллы Бельведер, мы находим подпись: «Грас, 1955 г.» (Л.К. Два серьезных открытия // Новый мир. 1956. № 12. С. 277).

126

В.Н. БУНИНА — Г.В. АДАМОВИЧУ

19 февраля 1957 г. Париж

Париж, 19/II–57

Дорогой Георгий Викторович,

Как я рада Вашему письму! Я все последние дни думала о Вас, хотела написать, но боялась отнимать у Вас время на ответ.

Живем тихо. Впрочем, последнюю неделю три раза были на званных обедах. Работаем по утрам за письменным столом. Л<еонид> Ф<едорович> кончился <так!> свою вещь¹ и теперь — «последний удар кисти». Я тоже, надеюсь, в последний раз вношу новое в свою книгу². Сегодня идем на вернисаж Шаршуна³.

Л<еонид> Ф<едорович> поправился от синюзита⁴, но все же ему нужно вести правильный образ жизни, приходится дважды в день после еды отдыхать, минимум по часу. Это на него действует хорошо. У меня опять стал болеть позвонок. И тоже следует много лежать.

С Алей видаемся.

Болезнь Веры Алексеевны нас потрясла, я никогда не думала, что с этой стороны на нее грянет гром. Леня в тот же день был у них, и его даже допустила Наташа⁵ к ней, — впечатление тяжелое. Ломаю голову, откуда достать им денег, знаю, что это такое. Мне сказали, что мог бы достать денег Николай (Никуша) Набоков⁶, он с ними был дружен. Но как до него добраться, не ведаю. И кому лучше обратиться к нему?

Я молю Бога лишь об одном, хоть бы возвратилась к Вере речь... На Бориса смотреть страшно, как он изменился и долго ли хватит сил у Ната-

ши жить на два дома. Нужны большие средства даже на самую жизнь при такой больной. Это самый тяжелый конец, даже и при выздоровлении, — всегда будет висеть дамоклов меч...

Относительно Ивановы <так!> ничего не могу сказать, но все бывает вдруг <письмо не дописано или же окончание его не сохранилось>

¹ Имеется в виду повесть «Иван да Марья». См. письма Зурова к Милице Грин от 1 декабря 1956 г.: «А повесть будет большая. Во время перепечатки все видишь яснее», а также от 23 января 1957 г.: «...все еще печатаю повесть. <...> Скоро начну с величайшим удовольствием выбрасывать лишние места, сокращать. И сердце мое тогда успокоится» (РАЛ. 1068/2648).

² Книга вышла на следующий год: *Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина*; 1870—1906. Париж, 1958.

³ Выставка работ Сергея Шаршуна в галерее Дины Верни (36, рю Жакоб).

⁴ от франц.: sinusite, воспаление придаточных пазух носа.

⁵ Зайцева Наталья Борисовна (в замужестве Соллогуб; р. 1912) — дочь Б.К. и В.А. Зайцевых.

⁶ Набоков Николай Дмитриевич (1903—1978) — композитор, музыкальный критик, мемуарист, с апреля 1919 г. в эмиграции в Берлине, секретарь редакции журнала «Музыка» (1923), в середине 1920-х переехал в Париж, дебютировал как композитор в «Русских сезонах» С.П. Дягилева (1928), с 1933 г. в США, преподаватель Wells College (1936—1941) и консерватории Peabody в Балтиморе (1947—1952), генеральный секретарь Конгресса свободы культуры (с 1954).

127

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

2 марта 1957 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
2/III—57

Дорогая Вера Николаевна

Спасибо за письмо. Я очень тронут, что Вы мне написали. О смерти М<арка> А<лександрови>ча¹ я узнал накануне Вашего письма, от Веры Марковны. А ведь мог бы и не знать, если бы она мне не написала! Известие это меня поразило больше, чем могу я это высказать. М<арк> А<лександрович> всегда говорил о смерти (о «кондрашке»), но мне казалось, что он сам не верит в ее близость. Представьте себе, я его по-настоящему любил, — хотя, по-моему, вокруг него любви было мало. Было что-то вроде уважения, да и то со скрытой иронией, были всякие другие чувства, но любви было не много. Вероятно, и я бы относился к нему, как большинство, но за последние 3—4 года в Ницце я с ним сблизился, и меня трогала в нем его грусть и растерянность, при такой обманчивой общественной «солидности». Вот, пишу это и задумался: любил ли его Иван Алексеевич?

Я в этом не совсем уверен, хотя на словах это и было так. Его к Ив<ану> Ал<ексееви>чу очень тянуло, но это и понятно.

А все-таки человек — животное. Сначала мне казалась смерть М<арка> А<лександровича> невероятной, а не прошло и трех дней, я уже свыкаюсь с ней и она входит в сознание, как что-то приемлемое. Не могу выразить точно, но Вы, конечно, понимаете. Вот, получил даже письмо о «торжественном» собрании памяти М<арка> А<лександровича> (это тайна: у масонов²) и по привычке стал думать, что надо будет сказать. Я не люблю Ремизова, но один раз он написал вещь гениальную: «человек человеку — бревно»³. Именно бревно, а не волк.

В конце месяца я надеюсь быть в Париже. Не знаю, где Полонские, ни слова от них не было. Вероятно, они еще в Ницце.

До свидания. Шлю сердечный поклон и «лучшие чувства» (выражение Зайцева) Вам, дорогая Вера Николаевна, и Леониду Федоровичу. Кстати, как Вера Алексеевна и что значит, что он — по Вашим словам — «совсем плох»? Морально или физически? Я думаю, что на М<арка> А<лександровича> болезнь Веры Ал<ексеевны> очень подействовала, т. к. именно удара он всегда боялся и боялся остаться калекой⁴. Еще была у меня мысль: не блины ли? Он мне недавно писал, что ел их с друзьями и на масленице пойдет опять в русский ресторан⁵. Ему это было крайне опасно, особенно с водочкой, как он любил.

Ваш Г. Адамович

¹ М.А. Алданов умер в Ницце 25 февраля 1957 г.

² 1 июля 1957 г. в Париже состоялся вечер памяти Алданова, на котором Адамович выступил с докладом «Алданов — человек и писатель»; текст доклада напечатан в «Русской мысли» 1 августа 1957 г.; спустя несколько лет были опубликованы мемуарные очерки Адамовича об Алданове «Мои встречи с Алдановым» (Новый журнал. 1960. № 60. С. 107–115) и «Воспоминания» (Русская мысль. 1967. 15 апреля. С. 3–4).

³ Из повести Ремизова «Крестовые сестры» (1909–1910); отозвалось также в его романе «Канавы» («Плачущая канавы/Ров львиный»; 1914–1918).

⁴ 13 февраля 1957 г. Алданов писал Адамовичу: «Вам верно известно уже, что Веру Алексеевну Зайцеву, жену Бориса Константиновича, разбил удар, отнялась вся правая часть тела, потеряна способность речи. К ней никого не пускают. Что может случиться с человеком хуже, если не какой-нибудь рак! Даже нельзя желать «выздоровления» (Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Georgii Adamovich Papers. Gen MSS 92. Box 1. Folder 4).

⁵ См. в том же письме Алданова Адамовичу от 13 февраля 1957 г.: «Не так давно, хотя Масляная еще не наступила, мы с Масловским и Сабанеевым уже для поднятия настроения пили водку, ели блины» (Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Georgii Adamovich Papers. Gen MSS 92. Box 1. Folder 4).

128

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

19 мая 1957 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
19/V—57

Дорогая Вера Николаевна

Как живете, как себя чувствуете? У нас здесь такая глубокая осень и холод, что я совсем «скис». Вероятно, я в прошлой жизни был египтянином или негром, т. к. без солнца прихожу в уныние.

Недели через три или немного больше надеюсь быть в Париже. У нас теперь экзамены, и по новой литературе есть отдельная программа об Ив-
<ане> Ал<ексееви>че. Но кроме тезы Галины Шенбаум никакого другого пособия нет! Книга К. Зайцева гораздо хуже.

Кланяйтесь, пожалуйста, Леониду Федоровичу. Не попались ли Вам «мемуары» Любимова¹ в «Новом Мире»?² До чего хлестко, и какой он, в сущности, проходимец! Вранья — без конца, но читать интересно.

До свидания, дорогая Вера Николаевна, — и надеюсь, à bientôt³! Очень буду рад Вас и Л<еонида> Ф<едоровича> видеть.

Ваш Г. Адамович

¹ Любимов Лев Дмитриевич (1902–1976) — журналист, писатель. С 1919 г. в эмиграции в Германии, затем во Франции. После Второй мировой войны активный участник движения советских патриотов. В 1948 г. вернулся в СССР.

² Воспоминания Л.Д. Любимова «На чужбине» были опубликованы в журнале (Новый мир. 1957. № 2–4), а затем вышли отдельным изданием (М.: Советский писатель, 1963).

³ до скорого (*франц.*).

129

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

31 июля 1957 г. Ницца

4, avenue Emilia
chez Mme Heyligers
Nice
31/VII—57

Дорогая Вера Николаевна

Шлю Вам и Леониду Федоровичу поклон и привет из Ниццы. Все на месте: солнце, ежедневно безоблачное небо и т. д. Но я все настойчивее

себя спрашиваю: чего, собственно говоря, я каждый год сюда езжу? Сегодня — или вчера — должна приехать Любовь Александровна. А вообще-то здесь, по-моему, приезжих меньше, чем бывало. Как Вы живете? Читаю сейчас книгу Вишняка о «Современных Записках»¹. Ничего, в общем мягче, чем я думал, и даже не плохо написано. Многого я совсем не знал, в частности эпизода со Шмелевым из-за моей «глумливой» рецензии². Замечательно и письмо Ходасевича³, как матерьял для «человеческой комедии», фальшивое насквозь в своем напускном достоинстве. Не знаю, впрочем, видели ли Вы эту книгу.

Да, знаете ли Вы что-нибудь о Рогнедове? На алдановском вечере⁴ он пристал ко мне, чтобы я пришел к нему завтракать. Я пришел, в страшную жару, за два дня до отъезда, но меня к нему не пустили: у него был сердечный припадок и доктор сказал que c'est très grave⁵. С тех пор я ничего не знаю, и даже не мог ему написать, т. к. забыл адрес.

Вот и Кантор болен: тоже сердце. Доктора велели ему месяц лежать в постели. Я за него слегка встревожен, он ведь всегда был здоров и бодр. Значит — стал разваливаться.

Буду очень рад, дорогая Вера Николаевна, если напишете несколько слов. Был несколько раз в casino, но, как Чичиков, «претерпел много по несправедливости судьбы»⁶. Так что теперь сижу в унынии и ожидании, не зная чего и ждать. Пора бы образумиться, но бес в моем ребре сидит прочно и крепко.

Ваш Г. Адамович

¹ Вишняк М. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Блумингтон, 1957.

² Имеется в виду эпизод, когда Шмелев, прочитав в «Современных записках» рецензию Адамовича на собственную книгу, по словам Вишняка, письмом в редакцию потребовал «оградить его от несправедливых суждений рецензентов»: «Вышла новая книга Шмелева “Родное”, и о ней появился отзыв в 49-й кн. “Современных записок”, написанный известным литературным критиком Г.В. Адамовичем. В отзыве имелаась критическая часть, задевшая Шмелева, но была и очень положительная оценка, которая, видимо, привлекла к себе недостаточно внимания. <...> Мало сказать, что Шмелев остался неудовлетворен и недоволен. Он был возмущен. “<...>Весь тон рецензии глумливый и безответственный... По-видимому, редакция признала, что подобное допустимо?” <...> Оставляя в стороне вопрос, кто был более прав в оценке творчества Шмелева, надо признать, что его восприятие отзыва Адамовича было, во всяком случае, односторонним и — болезненным» (Вишняк М. «Современные записки»: Воспоминания редактора. 2-е изд. / Предисл., подгот. текста Л. Аллена. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1994. С. 135–136).

³ Вероятно, Адамович имеет в виду приведенные в книге Вишняка фрагменты крайне пессимистического письма Ходасевича к А.С. Тумаркину от 23 октября 1936 г. (Вишняк М. «Современные записки». С. 151–152).

⁴ См. примеч. 2 к № 127.

⁵ это очень серьезно (франц.).

⁶ Адамович по памяти цитирует «Мертвые души». Чичиков у Гоголя «испытал много на веку своем, претерпел на службе за правду, имел много неприятелей» (Гоголь Н.В. Мертвые души. Том первый. Гл. 1).

Г. В. АДАМОВИЧ — В. Н. БУНИНОЙ

30 октября 1957 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
30/X—57

Дорогая Вера Николаевна

Вот уже скоро будет месяц, как я уехал из Парижа! Здесь все как обычно: дождь, мгла, и скука, конечно, — для того, кто склонен скучать. Мне это состояние мало знакомо, и хотя это похоже на хвастовство или рисовку, это — правда. Вот сегодня получил с большим запозданием «Р<усскую> Мысль» и узнал о смерти Бурова¹. Еще один. Знаете ли Вы, что умер А. И. Гершун-Колин²? Как раз я собирался написать ему о Вашей книге, спросить его совета и мнения, а оказывается, его уже нет в живых! Кстати, о Вашей книге: мне пишет С<офия> Юльевна³, что не сомневается, что Вам «удастся собрать подписку». Не знаю, в какой форме она себе эту подписку представляет, но ее уверенность — хороший признак. Я писал на прошлой неделе Вейнбауму, насчет подписки — или чего-нибудь вроде — для «Самоубийства» Алданова⁴. Ответа еще нет, да, впрочем, он и вообще отвечает на письма не всегда.

Как Вы живете? Вернулся ли Леонид Федорович?⁵ Читал сегодня со студентами крошечный рассказ И<вана> А<лексеевича>, очень старый — «Костер»⁶, и удивлялся: как хорошо! А после стал читать Горького: невозможно! Ходули, да к тому же грошевые ходули, да и Андреев не лучше. А ведь они оба в то время считались «великими писателями». Впрочем, «На дне» — все-таки вещь замечательная, но рассказы ужасны.

До свидания, дорогая Вера Николаевна, — и, в сущности, довольно скорого, *sauf imprévu*⁷. Передайте самый сердечный поклон Л<еониду> Ф<едоровичу>, если он в Париже. Аля Бахрах, по-моему, «не в себе»: я ему очень давно не писал, а он решил, что я порвал с ним дипломатические сношения и прислал мне холодно-официальное письмо, с просьбой объяснить, в чем дело и, кажется, даже обращением «мноغوважаемый»⁸! Все на свете бывает.

Ваш Г. Адамович

¹ Сообщение о смерти Бурова было опубликовано в «Русской мысли» 23 октября 1957 г., в «Новом русском слове» неделей раньше, 16 октября 1957 года.

² О его смерти Адамович узнал из устного сообщения либо из английской прессы. Некролог в эмигрантской печати появился неделю спустя (Новое русское слово. 1957. 7 ноября. № 16203).

³ С. Ю. Прегель.

⁴ Роман Алданова «Самоубийство» был издан на следующий год (Нью-Йорк: Изд. Литературного фонда, 1958).

⁵ Зуров уезжал в Эдинбург, в гости к М.Э. Грин, вернулся 10 октября.

⁶ Рассказ Бунина «Костер» был впервые опубликован в восьмом номере журнала «Русская мысль» за 1901 г., в эмиграции перепечатан в «Последних новостях» (1932. 10 апреля. № 4036. С. 2).

⁷ если ничего непредвиденного не случится (*франц.*).

⁸ В сохранившейся переписке Адамовича с Бахрахом действительно есть большой перерыв: после письма Адамовича от 4 марта 1957 г. следующее датировано 10 июля 1961 г.

131

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

10 ноября 1957 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
10/XI—57

Дорогая Вера Николаевна

Очень был рад получить Ваше письмо и узнать, что все у Вас благополучно.

Конечно, я охотно напишу Барацу¹ о «подписке» на Вашу книгу. Но я не знаю, в какой форме это сделать:

1) от имени какого-нибудь «Комитета по изданию» или просто от себя лично?

2) надо ли указать сумму или просто так, «дайте, что хотите»? Может быть, лучше сказать, что установлены «паи» для издания — например, 50 тысяч каждый. Значит, возьмите один, два, три пая — по желанию!

Во всяком случае, адрес я дам Софии Юльевны. Можно бы прислать и мне сюда, но с разменом — выйдет большая потеря.

Буду ждать от Вас указаний. Кстати, я писал Вейнбауму о желательности издания «Самоубийства», но ответ получил довольно неопределенный. Он считает, что нужно 2 тысячи долларов. Жаль, что это совпало с Вашей книгой, т. к. «меценаты», в сущности, — одни и те же. По-моему, Вам — или, вернее, Вашим друзьям — надо бы образовать «Комитет», во главе, скажем, с В.В. Вырубовым², который считает себя другом Ивана Алексеевича. Он стар и довольно бестолков, но возможностей у него много, а помимо всего другого он — милейший человек, очень доброжелательный.

Кланяйтесь, пожалуйста, Леониду Федоровичу. Очень рад, что выходит его книга³. Где, когда? Недавно я о нем что-то читал очень хорошее,

но вот голова моя! — не могу вспомнить, где. Кажется, писал Андреев⁴. Вышла книга Яновского⁵, довольно сумбурная, — а он ждет (и даже требует) от меня «справедливой» статьи⁶, считая, что его замолчали и не поняли. Впрочем, в нем и правда есть «что-то».

Ваш Г. Адамович

¹ Барац Лев Германович (?–1961) — адвокат, журналист, директор киевского отделения Русского для внешней торговли банка, профессор Киевского коммерческого института, присяжный поверенный округа Киевской судебной палаты (1917), после революции в эмиграции в Берлине, доцент Русского научного института (с 1923), председатель культурно-просветительной комиссии Союза русских евреев в Германии, с 1926 г. профессор Франко-русского института социальных наук и Коммерческого института в Париже, с 1936 г. жил в Монте-Карло.

² Вырубов Василий Васильевич (1879–1963) — общественный деятель, издатель, племянник первого председателя Временного правительства князя Львова, в 1917 г. помощник начальника штаба по гражданской части Верховного главнокомандующего, в 1919 г. управляющий делами Русского политического совещания в Париже. См. некрологи, написанные Адамовичем: Памяти В.В. Вырубова // Русская мысль. 1963. 10 августа; Памяти бр. Вырубова // Вестник Объединения Русских лож Д. и П. Шотландского устава. 1964 (январь). № 12. С. 7.

³ *Зуров Л.* Марьянка. Париж, 1958.

⁴ Возможно, имеется в виду пространный положительный отзыв о творчестве Зурова в рецензии Н.Е. Андреева на книгу Г.П. Струве «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956): *Андреев Ник.* Литература в изгнании // Грани. 1956. № 33. С. 173–174.

⁵ Повесть В. Яновского «Челюсть эмигранта» была опубликована в «Новом журнале» (1957. № 49–50) и в том же году вышла отдельным изданием (Нью-Йорк: Диалог, 1957).

⁶ Адамович рецензировал отдельное издание повести: *Адамович Г.* «Челюсть эмигранта», повесть В. Яновского // Новое русское слово. 1957. 8 декабря. № 16234. С. 8.

132

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

17 ноября 1957 г. Манчестер

Manchester 14

17/XI–57

Дорогая Вера Николаевна

Одновременно с этим письмом пишу Барацу, по Вашим указаниям. Надеюсь, будет результат (впрочем, я его не знаю, значит, и надежда моя не очень твердая!)

Шлю Вам и Леониду Федоровичу поклон, привет и все прочее. К Рождеству — или немногим раньше — буду, вероятно, в Париже.

Ваш Г. Адамович

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

28 ноября 1957 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
Manchester 14
28/XI–57

Дорогая Вера Николаевна

Вчера я получил письмо от Бараца — о том, что он переводит С<о-
фии> Ю<льев>не 20 т<ысяч> франков на Вашу книгу. Он не очень рас-
щедрился, конечно, но пишет, что «должен рассчитывать». Вы, вероятно,
ждали от него большего! Все-таки я выразил ему в ответ «живейшую бла-
годарность».

Вы очень меня взволновали сообщением о смерти Сабанеева¹, хоть и
не проверенной. Это ведь — мой ниццкий друг и собеседник о музыке и о
вечности. Но, к счастью, это, по-видимому, слух не верный, т. к. *cela se*
*saugait*². Водов тоже что-то будто бы слышал, но подтверждения не полу-
чил. Вероятно, все-таки что-то с Сабанеевым было, если верить, что «нет
дыма...». Сейчас получил известие о смерти Добужинского³ и Ренникова⁴.
Серия продолжается.

Надеюсь, до скорого свидания! Что это с Л<еонидом> Ф<едорови-
чем>? Lumbago — болезнь скорей старческая, ему ею болеть рановато!
Впрочем, бывает и в 20 лет.

Ваш Г. Адамович

¹ Сабанеев Леонид Леонидович (1881–1968) — музыковед, композитор, с 1926 г.
в эмиграции во Франции, преподаватель Русской консерватории им. С.В. Рахма-
нинова, сотрудник «Современных записок» и «Нового журнала». Слух о его смер-
ти оказался ложным.

² это знали бы (*франц.*).

³ Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957) — график, живописец, сце-
нограф. Член объединений «Мир искусства», «Союз русских художников», «Новое
общество художников». С 1924 г. в эмиграции в Литве, работал в Рижском театре
(1925), затем в Париже в театре Никиты Балиева «Летучая мышь» (1926–1929). С
1929 г. ведущий художник Государственного литовского театра в Каунасе. В 1939 г.
переехал в Нью-Йорк, с начала 1950-х жил преимущественно в Европе.

⁴ А. Ренников (наст. имя Андрей Михайлович Селитренников; 1882–1957) —
литератор, журналист, редактор газеты «Заря России» (Ростов-на-Дону, 1919), с
марта 1920 г. в эмиграции в Белграде, основатель (вместе с М.А. Сувориным) газе-
ты «Новое время» (1921), вице-председатель Русского литературно-художествен-
ного общества (1922), с 1926 г. жил в Париже.

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

23 января 1958 г. Манчестер

104, Ladybarn Road
 Manchester 14
 23/I—58

Дорогая Вера Николаевна

Я как раз собирался писать Вам, а сегодня утром получил Ваше письмо. Спасибо, что спрашиваете о моем здоровье, очень тронут Вашим вниманием. Я до сих пор еще не пришел в «норму». Очевидно, после этого азиатского гриппа поправиться не легко, но в общем мне лучше и температура теперь нормальная. А в Париже я был совсем плох, оттого и не был у Вас перед отъездом: утром как будто ничего, к вечеру — много хуже, или наоборот. И так ежедневно.

Насчет «Самоубийства» и того, будет ли оно издано, не знаю ничего. Я написал Вейнбауму и Татьяне Марковне¹, что не хочу больше к этой затее иметь какое-либо отношение. «Затея», собственно говоря, была моя, но вызвала она такие бури, что мне она опостылела и опротивела. Вижу, что у Вас дело постепенно подвигается, и очень этому рад. 200 тысяч — это уже «quelque chose»².

Спасибо за описание маклаковского вечера³. Понимаю, что картина должна была быть грустная. Кстати, знаете ли Вы (но это, кажется, пока секрет), что мне поручили написать о Маклакове книгу⁴? Я согласился по соображениям корыстным, но немножко смущен: тема эта мне на 9/10 чуждая и энтузиазма у меня к ней мало (кроме отношения М<аклакова> к Толстому и его статей о нем, которые я очень люблю).

Шлю Вам, дорогая Вера Николаевна, самый искренний дружеский поклон и привет (Аля Бахрах пишет «теплый», а меня тошнит от этого слова). Так же и Л<еониду> Ф<едорови>чу. Надеюсь, что он уже совсем здоров после гриппа.

Ваш Г. Адамович

¹ Алданова Татьяна Марковна (урожд. Зайцева; 1893—1968) — жена М.А. Алданова, Адамович переписывался с ней по поводу издания «Самоубийства» (сохранившиеся письма см. в коллекции Алданова в архиве-библиотеке дома-музея Цветаевой).

² кое-что (*франц.*).

³ Вечер памяти В.А. Маклакова прошел 19 января 1958 г. в Salle Chopin. В.Н. Бунина входила в Комитет по организации чествования.

⁴ Несколькими месяцами позже в неподписанной заметке «Книга о Маклакове» газета «Новое русское слово» сообщала: «По инициативе В.В. Вырубова группа друзей и почитателей В.А. Маклакова обратилась к Г.В. Адамовичу с предложением написать книгу о личности и деятельности покойного. Г. Адамович уже приступил

к работе. Книга должна выйти в свет в первой половине будущего года» (Новое русское слово. 1958. 11 мая. № 16388. С. 3). Книга вышла на следующий год, как и было намечено: *Адамович Г.* Василий Алексеевич Маклаков: Политик, юрист, человек. Париж: Изд. друзей В.А. Маклакова, 1959.

135

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

10 апреля 1958 г. Ницца

Nice

10 апреля 1958

Христос Воскресе!

Дорогая Вера Николаевна, поздравляю Вас и Леонида Федоровича со Св. Праздником и шлю поклон и привет из Ниццы, куда уехал неожиданно¹.

Надеюсь на днях быть в Париже.

Искренне Ваш

Г. Адамович

¹ 11 апреля 1958 г. Адамович писал С.Ю. Прегель: «Шлю привет и поклон из Ниццы, куда меня неожиданно увезли в своем автомобиле друзья на следующий день после нашей встречи» (Письма Георгия Адамовича / Публ. и примеч. В. Крейда // Новый журнал. 1994. № 194. С. 292). В начале апреля 1958 г. Адамович сообщал Одоевцевой: «Я сейчас немного скрываюсь в Париже и никого не вижу, притворяюсь больным (впрочем, я и правда болен, и еле волочу ноги). А то у меня тут столько solliciteures <просительницы>, как обычно, вроде Неточки или Веры Ник<олаевны>, что на собственные развлечения нет ни времени, ни сил» (Эпизод сорокапятiletней дружбы-вражды / Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее. Вып. 21. 1997. С. 480).

136

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

25 октября 1958 г. Манчестер

3, Scarsdale Road

Victoria Park

c/o Mr. White¹

Manchester 14

25/X–58

Дорогая Вера Николаевна

Получил сегодня Ваше письмо (от 18-го октября, — не знаю, где оно блуждало!) и вместе с ним получил книгу². Спасибо.

Сделаю так, как Вы хотите, т. е. напишу о ней в «Н<овом> Р<усском> Слове»³. Но, по-моему, Ваша неприязнь к «Р<усской> Мысли» не совсем основательна, т. к. теперь это — не та газета, и весь дух в ней не тот⁴.

Пишу я Вам 25-го, в день именин Ивана Алексеевича. Сейчас 8 ч. вечера и я мысленно переносюсь к Вам, т. к. Вы пишете, что соберете в этот вечер друзей. Очень жалею, что могу перенестись только «мысленно».

Мне не Вы первая написали о том, как изменилась Одоевцева. Маковский со свойственным ему тактом сказал ей даже в лицо, что ее «нельзя узнать». А я этого не нахожу. По-моему, для своих лет она еще не дурна и даже привлекательна. Но что-то очень жалкое в ней действительно есть.

Вернулся ли Л<еонид> Федорович?⁵ Если вернулся, пожалуйста, передайте ему сердечный привет. Книга Ваша на вид очень красива, похожа на альбом. А что она хорошо написана, я почувствовал, перелистав ее и прочтя за et la⁶ несколько строчек.

До свидания, дорогая Вера Николаевна, — но, увы, еще не очень скорого!

Ваш Г. Адамович

P. S. Вы мне написали на прежний мой адрес, я только что это заметил: оттого и письмо задержалось. Новый — на верху письма.

¹ Уайт Майкл Теодор (White; наст. фам. Билый (Bily); 1911–?) — инженер, специалист по радио- и телеаппаратуре, хозяин второй (с октября 1958 по май 1959) манчестерской квартиры Адамовича. Родился в Корее от русских родителей. В Англию попал польским гражданином, сменив здесь польскую фамилию Билый (т. е. Белый) на английскую White. Натурализовался в 1952 г., женился на Дуклиде Дэвис в 1953 г.

² *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина; 1870–1906. Париж, 1958.

³ Адамович сдержал слово. Его рецензия на книгу Муромцевой-Буниной появилась три недели спустя: *Адамович Г.* «Жизнь Бунина» // Новое русское слово. 1958. 16 ноября. № 16677. С. 8.

⁴ «Русская мысль», возникшая в 1947 г. как противовес просоветским «Русским новостям», где сотрудничали в то время Бунин и Адамович, сразу же вступила в конфронтацию с оппозиционным печатным органом, что послужило еще одним поводом к ссоре Бунина с Зайцевым и Шмелевым, печатавшимися в «Русской мысли» с первых номеров. В.Н. Бунина не могла забыть возмущение Бунина отдельными публикациями «Русской мысли», на которые он вынужден был ответить печатно: *Бунин И.А.* К моим «Воспоминаниям» // Новое русское слово. 1953. 17 мая. № 14995. С. 8. В 1954 г. В.А. Лазаревского на посту главного редактора «Русской мысли» сменил С.А. Водов, после чего газета немного изменила идеологические установки. Начиная со следующего года Адамович стал ее постоянным автором.

⁵ До 20 октября Зуров находился в Эдинбурге.

⁶ тут и там (*франц.*).

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

5 ноября 1958 г. Манчестер

3, Scarsdale Road
Victoria Park
Manchester
5/XI–58

Дорогая Вера Николаевна
Спасибо за письмо.

Сейчас, par le même courier¹, посылаю Вейнбауму статью о Вашей книге. Появится она, вероятно, в воскресенье 16-го или, м<ожет> б<ыть>, 23-го. Написал я ее с лучшими чувствами, а придется ли она Вам по душе — не знаю.

Книгу я прочел «в один присест», столько в ней интересного.

А вот Пастернака не читал, и пока он не появится в русском оригинале, читать не стану².

До свидания. Искренний привет Леониду Федоровичу. Надеюсь видеть Вас на Рождество в добром здоровье и хорошем настроении. Очень рад, что книга расходуется. Вы должны бы *теперь же* приняться за вторую часть, а «русский народ скажет Вам спасибо сердечное»³ за нее наверно.

Ваш Г. Адамович

¹ обратной почтой (*франц.*).

² Речь идет о «Докторе Живаго», к тому времени полностью опубликованном только на иностранных языках. На русском языке первоначально появился фрагмент под названием «Из нового романа о 1905 г.» с предисловием Г.П. Струве (Новое русское слово. 1958. 5 октября. № 16635. С. 2–3), после чего на протяжении нескольких месяцев «Новое русское слово» ежедневно печатало роман с продолжением (с октября 1958 по январь 1959 г.). Отрывки из романа публиковались и в других эмигрантских изданиях: Новый журнал. 1958. № 54. С. 5–58; Наше общее дело (Мюнхен). 1958. 14, 28 ноября, 12 декабря; 1959. 9 января; Посев. 1959. № 46–49; Вестник РСХД. 1960. № 57. С. 43–44. Адамович прочитал роман Пастернака лишь несколько месяцев спустя и откликнулся на него довольно кислой рецензией (Новое русское слово. 1959. 5 июля. № 16908. С. 5, 8). По мнению некоторых эмигрантских критиков, он недостаточно высоко оценил роман: Струве Глеб. Г.В. Адамович и «Доктор Живаго» // Новое русское слово. 1959. 12 июля. № 16915. С. 8.

³ Измененные строки стихотворения Некрасова «Сеятелям» (1877). У Некрасова: «Сейте! Спасибо Вам скажет сердечное / Русский народ».

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

25 ноября 1958 г. *Манчестер*

3, Scarsdale Road
Victoria Park
с/o Mr. White
Manchester
25/XI—58

Дорогая Вера Николаевна

Спасибо за письмо. Очень рад, что моя статья о вашей книге пришлась Вам по душе. А относительно Вашего несогласия с последними строками¹, думаю, что произошло недоразумение. М<ожет> б<ыть>, я неясно в статье выразился? У меня нет ее под рукой, не могу проверить.

Никак я не хотел сказать, что Вы «стушевались» в том смысле, что никогда И<вану> А<лексеевичу> не противоречили, ни о чем с ним не спорили. Совсем нет. Я говорил только о духовной верности ему, о прочности и спокойствии Вашего союза с ним. Не случайно же я вспомнил не только С<офью> Андреевну, но и жену Пушкина. Та ведь как будто с ним не спорила, писать ему не мешала, — но не было главного, что было у Вас с И<ваном> А<лексееви>чем. Кстати, я думаю, что Зин<аида> Николаевна (Вы о ней упомянули) была хорошей женой для Мережковского. Она могла при всех кричать ему, что он «сел в лужу» или «понес околесицу» (было не раз в «Зел<еной> Лампе»!), но была ему другом в главном. У Пушкина, у Толстого — в конце жизни именно этого-то и не было.

Ну, обо всем этом писать долго, да и примеров разных слишком много. Софья Андреевна как будто боялась больше всего, что ее «не считают человеком». «Я ведь тоже человек, у меня своя жизнь, свои мысли» и т. д. А чем меньше человек о себе заботится и за себя боится, чем меньше себя отстаивает, свою «личность», тем больше этой его «личности» цена.

Адреса G. Reavey² я не знаю, с ним никогда не переписывался и видел-то его всего раз в жизни. Напишите Слониму или пошлите ему книги для передачи Reavey. Они вместе что-то сочиняли или издавали³, Слоним наверно его адрес знает.

Надеюсь довольно скоро — между 15–18 декабря <—> быть в Париже и предвкушаю Ваше обещание: утку. Но не надо утки, достаточно и котлет! Как Вам нравится Пастернак, т. е. то, что печатается в «Н<овом> Р<усском> С<лове>»⁴?

Мне он порядочно надоел, т. е. не он сам, а вакханалия и истерика вокруг него, от которой ему только вред⁵.

До свидания, дорогая Вера Николаевна, — и надеюсь, à bientôt! Шлю дружеский привет Леониду Федоровичу.

Ваш Г. Адамович

¹ Возражения В.Н. Буниной вызвало следующее рассуждение Адамовича: «Очень осторожно, хотя и без ложного самоуничижения, она пишет о том, как трудно быть женой “творческого человека” <...> К двум величайшим русским писателям, Пушкину и Толстому, судьба в этом отношении оказалась не совсем благосклонна. О Пушкине нечего и говорить, его жена была пустой, ветреной женщиной, мало что понимавшей. Софья Андреевна была, конечно, головой выше, и в первые десятилетия брака дала Толстому все, что может дать любовь, забота, дружба и верность, но последние годы были, как все знают, бесконечно тягостными. Читая книгу В.Н. Буниной, вспоминая, как умела она “штушевываться” перед мужем, всегда с ним соглашаться, всегда во всем ему потакать и все ему прощать, невольно думаешь: вот какая жена нужна была бы Толстому» (Адамович Г. «Жизнь Бунина» // Новое русское слово 1958. 16 ноября. № 16677. С. 8).

² Джордж Риви (Reavey; 1907–1976) — английский поэт, переводчик, с начала 1930-х жил в Париже, вместе с М. Слонимом возглавлял «Европейское литературное бюро» (Bureau Littéraire Européen), занимавшееся координацией изданий переводов современной русской литературы. См. специальный выпуск журнала, посвященный его памяти: The Journal of Beckett Studies. Vol. 2 (Spring, 1982). P. 1–8, passim.

³ Риви со Слонимом выпустили несколько изданий антологии советской литературы на европейских языках: Soviet Literature. An Anthology / Ed. and trans. by George Reavey & Marc Slonim. London: Wishart & Co., 1933; Soviet Literature. An Anthology / Ed. and transl. by George Reavey & Marc Slonim. New York: Covici, Friede, 1934; Anthologie de la littérature soviétique, 1918–1934. Paris: Gallimard, 1935. Scrittori sovietici. Raccolta antologica di prose e poesie. A cura di G. Reavey, M. Slonim, TA Spagnol, G. Prampolini. Milano, Mondadori, 1935.

⁴ См. примеч. 2 к предыдущему письму.

⁵ Шумиха вокруг «Доктора Живаго» продолжалась несколько лет, в эмиграции особенно усердствовало в этом «Новое русское слово», регулярно печатая о романе и его авторе статьи самого разного уровня. Перечень публикаций см. в библиографии Пастернака: Русские писатели. Поэты (советский период): Биобиблиографический указатель. Т. 18. СПб.: РНБ, 1995. С. 177–179, 279–281, 362–363.

139

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

12 августа 1959 г. Ницца

4, av. Emilia
chez Mme Heyligers
Nice
12/VIII–59

Дорогая Вера Николаевна

Спасибо за карточку. Очень рад был получить ее и узнать, что Вы не только отдыхаете, но и начали «Беседы с памятью»¹. Не бросайте их, а «спасибо сердечное» за них от «русского народа» Вам обеспечено. Я здесь уже

с месяц. Душно и жарко, как давно не бывало. Видел Злобина, plus jeune que jamais², а вчера получил несколько слов от Марии Самойловны³ из Cannes, которая пишет, что «медленно умирает от скуки». Не знаю, чем и как ее развлечь!

Надеюсь быть в Париже в середине сентября и провести там месяц, т. к. мой Манчестер в этом году начинается позже. Будьте здоровы, дорогая Вера Николаевна, отдыхайте от всех Ваших недомоганий и забот (о «ближних», знаю, что не о себе!). Я был совершенно очарован Венецией, где провел два дня, но жара была нестерпимая.

Ваш Г. Адамович

¹ Мемуарные очерки В.Н. Буниной «Беседы с памятью» на протяжении нескольких лет печатались в эмигрантской периодике (Новое русское слово. 1955. 7, 28 августа. № 15807, 15828. С. 2; Новый журнал. 1960–1962. № 59–60, 62–64, 67; Грани. 1962. № 52–53). Отдельное издание появилось гораздо позже, уже в России: *Муромцева-Булнина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью* / Сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1989.

² более молодого, чем когда-либо (*франц.*).

³ М.С. Цетлина.

140

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

28 февраля 1960 г. Манчестер

30, Denison Road
Victoria Park
Manchester
28/II–60

Дорогая Вера Николаевна

Благодарю Вас сердечно за письмо и доброжелательный отзыв о моей книге¹, — и простите, что отвечаю с большим опозданием. Вины моей в том нет. Вы написали на мой старый адрес, где я жил в прошлом году. Письмо там и залежалось, мне только на днях его доставили. А написано оно три недели тому назад!

Вы писали мне о свадьбе Олечки². А от Софии Юльевны я знаю, что чуть ли не накануне свадьбы умерла ее мать³. Знаю, как Вы были с ними дружны, и думал, что это на Вас должно было тяжело подействовать. Действительно, случай редкий и ужасный, тем более что Олечка, кажется, была недавно нервно больна. Напишите, если не трудно, отложили ли свадьбу и как вообще все это было.

Но вот в Вашем письме хорошее известие: то, что Ваша книга «куплена на корню» и, значит, Вы ее будете писать! Я очень, очень это-

му рад. Никто, кроме Вас, книгу эту написать не может и она нужна всем. Действительно «русский народ» скажет Вам за нее «спасибо сердечное», и хотя я знаю, что Вы не совсем себя хорошо чувствуете, все-таки пишите ее! Да, по-моему, она Вам и бодрости придаст, т. е. от сознания, что Вы делаете такое нужное дело. Ну, уговаривать Вас не к чему, и Вы можете мне ответить строчкой из Брюсова: «сами все знаем, молчи!»

Цвибак написал о моем «Маклакове» очень лестную рецензию в «Н<о-вом> Р<усском> С<лове>»⁴, а Татаринов в «Р<усской> М<ысли>»⁵ по-просту изложил ее содержание. Но он очень болен и писать ему, верно, трудно.

Надеюсь в конце марта быть в Париже. Шлю Вам, дорогая Вера Николаевна, и Л<еониду> Фед<орови>чу лучшие пожелания. Будьте здоровы, благополучны и довольны тем немногим, что жизнь нам еще дает (простите, неожиданно впал в «учительский» тон!).

Ваш Г. Адамович

¹ См. примеч. 4 к № 134.

² Свадьба Ольги Алексеевны Жировой (в замужестве Колар; 1933–1964) состоялась 11 февраля 1960 г.

³ Елена Николаевна Жирова (1903–1960) умерла 9 февраля.

⁴ *Седых Андрей*. В.А. Маклаков // Новое русское слово. 1960. 14 февраля. №17132. С. 2.

⁵ *Татаринов Вл.* В.А. Маклаков — политик, юрист, человек // Русская мысль. 1960. 25 февраля. № 1491. С. 6–7. Помимо названных, на книгу появились также рецензии Н. Арсеньева (Грани. 1960. № 45), А. Гольденвейзера (Новый журнал. 1960. № 59. С. 288–291), Е.А. Ефимовского (Возрождение. 1960. № 102. С. 106–117) и Дмитрия Мореншильдта (The Russian Review. 1961. Vol. 20. № 1 (January). P.90).

141

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

30 апреля 1960 г. Манчестер

30, Denison Road
Victoria Park
Manchester
30/IV–1960

Дорогая Вера Николаевна

Я звонил Вам перед отъездом, но не было ответа. Потом я говорил с Полонским и просил его передать Вам, что уезжаю раньше, чем предполагалось, и очень жалею, что Вас не повидал. Не знаю, исполнил ли он мое поручение. Я был в Париже только на пасхальной неделе, а думал про-

быть дольше. Надеюсь быть теперь в начале июня. Шлю Вам и Леониду Федоровичу низкий поклон, лучшие пожелания и все прочее. Как Ваша работа? Судя по тому, что Вы мне говорили, книга очень разрастается¹, — и это, конечно, хорошо, если только издатель Ваш не запротестует. Но, в сущности, он должен быть бы этому рад, — и не только он. Не отвечайте мне, дорогая Вера Николаевна, если это Вам не очень хочется или оторвет Вас от работы: я, право, в претензии не буду. Но если получу от Вас несколько строк, буду искренне рад.

Ваш Г. Адамович

¹ См. примеч. 1 к № 139.

142

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

18 мая 1960 г. Манчестер

30 Denison Road
Victoria Park
Manchester
18 мая 1960

Дорогая Вера Николаевна

Вы меня поздравили с днем Ангела, а я Вас не поблагодарил за внимание, — тем более мной оцененное, что больше ни от кого поздравлений и не было! Спасибо. Пишу Вам на бумаге тоже «именинной», т. е. той, которую мне в этот день поднесла моя здешняя русская хозяйка¹. Не могу сказать, что я от подарка в восторге, но есть какая-то хорошая пословица о «коне», которому, кажется, в зубы не смотрят.

Как Вы живете, как здоровье и работа? Надеюсь довольно скоро быть в Париже, т. е. между 5 и 10 июня, если ничего не помешает, и буду искренне рад Вас и Леонида Федоровича видеть (что не удалось в прошлый мой приезд).

Целую Вашу руку, шлю низкий поклон и лучшие пожелания.

Ваш Г. Адамович

¹ Дуклида Уайт (Duklida White; урожд. Дэвис (Davies); 1916–1988) — хозяйка третьей (с декабря 1959 по май 1961) манчестерской квартиры Адамовича. Уроженка Юзовки (ныне Донецк), в 1947–1979 гг. преподавательница Манчестерского университета.

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

12 июля 1960 г. Ницца

4, av. Emilia
chez Mme Heyligers
Nice
12/VII—1960

Дорогая Вера Николаевна

Получил Ваше письмо и par le même courier пишу Барацу. Его действительно стоит благодарить, т. к. он, кажется, единственный, кто дает деньги без просьб.

Вы спрашиваете о Венеции¹. Было очень пышно, нарядно, многолюдно, вроде какого-то парламента. Но по существу довольно сумбурно, «кто в лес, кто по дрова». Советские делегаты держались вежливо и любезно до крайности, хотя Слоним устроил маленькую перепалку из-за доклада Ермилова², по духу, конечно, вполне советского. Меня очаровал проф. Гудзий³, — кажется, Вы его знаете или с ним были в переписке?⁴ Умный, скромный, милый, и много рассказавший интересного. Было немало Толстых: мой доктор, Сергей⁵, Татьяна Альбертини⁶ и Никита⁷ (не знаю, чей он сын) из Стокгольма, болтавший совершенную чепуху. Зато Сергей, доктор, прочел доклад хороший, с защитой Софьи Андреевны, правда, вскользь, но верной. Говорили на всех языках мира, но переводчики из кабинок тут же все переводили, так что люди сидели в наушниках. К моему большому удовольствию, Глеб Струве к прениям приглашен не был и сидел в публике, в компании с Лоллием Львовым⁸.

Очень рад, Вера Николаевна, что Вы работаете над книгой и собираетесь теперь, в одиночестве, работать еще усерднее. Как бы Вас это ни утомляло, у Вас должна быть поддержка в сознании, что кроме Вас никто в мире написать такой книги не может. А нужна она всем, «всему культурному человечеству», как выразился бы тот же Слоним. Я боюсь только, что Ваша писательская энергия ослабеет от обилия материала и фактов, а ведь надо бы непременно довести книгу до самого конца!

Здесь, в Ницце, как всегда — жара, солнце, синее небо. За это я ее и люблю: нигде нет такой уверенности, что лето действительно будет летом. Даже в Италии было иногда серовато (я был после Венеции во Флоренции и в Риме).

До свидания, дорогая Вера Николаевна. Шлю Вам лучшие, самые искренние пожелания. Передавайте привет Л<еониду> Ф<едоровичу>, когда будете ему писать⁹.

Ваш Г. Адамович

¹ Адамович ездил в Италию на международный конгресс, посвященный 50-летию со дня кончины Л. Н. Толстого (проходил в Венеции с 29 июня по 2 июля 1960 г.). См. отзывы о нем: *Ананьин-Чарский Е. А.* Чествование Толстого в Венеции // Русская мысль. 1960. № 1554. 21 июля. С. 4; *Струве Г. П.* Дневник читателя: О Толстовской конференции в Венеции // Русская мысль. 1960. № 1565. С. 4–5; *Адамович Г. В.* По поводу Толстовского съезда в Венеции // Русская мысль. 1960. № 1566. С. 4–5.

² Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965) — советский литературовед и критик. Секретарь РАПП и СП СССР, главный редактор журналов «Молодая гвардия» (1926–1928), «Красная новь» (1932–1938) и «Литературной газеты» (1946–1950).

³ Гудзий Николай Каллиникович (1887–1965) — историк литературы, профессор МГУ (с 1922), зав. отделом древнерусской, затем русской литературы ИМЛИ (1938–1952), академик АН УССР (1945).

⁴ Сохранилось письмо Гудзика к В. Н. Буниной от 3 января 1959 г., в котором он благодарит ее за присылку экземпляра «Жизни Бунина», и черновик ответа Буниной от 11 февраля 1959 г. (РАЛ. MS.1067/2724–2725).

⁵ Толстой Сергей Михайлович (1912–1996) — внук Л. Н. Толстого.

⁶ Альбертини Татьяна Михайловна (урожд. Сухотина; 1905–1996) — дочь Т. Л. Толстой-Сухотиной (1864–1950), внучка Л. Н. Толстого.

⁷ Толстой Никита Львович (1902–1992) — внук Л. Н. Толстого.

⁸ Львов Лоллий Иванович (1888–1968) — журналист, литератор, с 1920 г. в эмиграции в Париже, член редколлегии газеты «Россия и славянство» (1928–1934), с 1945 г. в Мюнхене, сотрудник русской службы радиостанции «Свобода» и Института по изучению истории и культуры СССР.

⁹ Л. Ф. Зуров в то время отдыхал в Дании, затем в Сенаре, 12 сентября выехал в Париж.

144

Г. В. АДАМОВИЧ — В. Н. БУНИНОЙ

30 сентября 1960 г. Париж

<телеграмма>

Paris 216

40, rue Singer

30.09.1960

Regrettons veto envoyons felicitations baisers

Dijour. Adamovitch. Bacherac

Перевод с французского:

Сожаляем о запрете¹ шлем поздравления поцелуи

Дижур². Адамович. Бахрах

¹ Видимо, речь о том, что В. Н. Бунина решила на этот раз в день своих именин никого не принимать.

² Дижур Раиса Григорьевна — мать А. В. Бахраха.

Г.В. АДАМОВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

8 декабря 1960 г. Манчестер

30 Denison Road
Victoria Park
Manchester
8/XII—1960

Дорогая Вера Николаевна

Спасибо за письмо. Я был в Париже всего 1½ дня, но надеюсь вскоре быть опять, на рождественских каникулах, — и тогда побываю у Вас. На толстовском вечере¹ я видел издали Леон<ида> Федоровича, но только издали. А сущность речи Степуна, по-моему, верно резюмировал Кантор: «Толстой все напутал, мало что понял, а Степун все бы ему разъяснил». Это был именно мой кандидат, Вырубов ни за что не хотел его участия, но он меня очень разочаровал. Даже блеска его былого не осталось, совсем он слал.

Очень рад, что Вы продолжаете работать над своей книгой. Незачем Вам говорить то, что Вы знаете сами: книга всем нужна и никто в мире, кроме Вас, написать ее не может. А «спасибо сердечное» Вам от «русского народа» обеспечено.

Воспоминания Сергеенко² о Толстом я прочел еще в «Новом Мире»³, откуда они перепечатаны в «Н<овом> Р<усском> Слове»⁴. Редко мне что так нравилось! Только он переврал стихи Тютчева, такие, которые пере-вирать грех: не «божественной стыдливостью страданья», а «возвышенной»⁵. Едва ли Софья Андр<еевна> читала «божественной».

Целую Вашу руку, дорогая Вера Николаевна, шлю лучшие пожела-ния Вам и Леониду Федоровичу, и надеюсь — à bientôt!

Ваш Г. Адамович

¹ 3 декабря 1960 г. Комитет по организации чествования памяти Л.Н. Толстого устроил публичное собрание в парижском Salle Chopin-Royal под председательством Б.К. Зайцева. На собрании выступили Адамович, Ф.А. Степун и граф С.М. Толстой. Текст речи Адамовича вскоре был опубликован отдельной брошюрой: «Л.Н. Толстой» (Париж: Изд. В.Вырубова, 1960).

² Сергеенко Алексей Петрович (1886–1961) — сын автора книги «Как живет и работает гр. Л.Н. Толстой» П.А. Сергеенко (1854–1930). Его воспоминания вышли отдельной книгой: *Сергеенко А.П. Рассказы о Л.Н. Толстом: Из воспоминаний*. М.: Советский писатель, 1978.

³ *Сергеенко А. Встречи с Толстым* // Новый мир. 1960. № 9. С. 213–235.

⁴ *Сергеенко А. Встречи с Толстым* // Новое русское слово. 1960. 8–12 и 14 ноября. № 17410–17414, 17416. С. 2.

⁵ Речь идет о датированной 18 сентября 1909 г. главке «Стихотворение Тютчева» из воспоминаний Сергеенко (Новый мир. 1960. № 9. С. 227–229), в которой опи-

сывается реакция Толстого на чтение вслух С. А. Толстой стихотворения Тютчева «Осенний вечер» («Есть в светлости осенних вечеров...») (1830). О внесенной Н. А. Некрасовым поправке (вместо «Божественной» — «Возвышенной») см.: *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1957. С. 344.

146

Г. В. АДАМОВИЧ — В. Н. БУНИНОЙ

17 февраля 1961 г. Манчестер

30 Denison Road
Victoria Park
Manchester
17/II—1961

Дорогая Вера Николаевна

Простите, что отвечаю с некоторым опозданием. У меня было срочное дело.

Не обращайтесь на Аронсона¹. Это злой дурак, и ему следовало бы быть учителем гимназии, а не критиком: он ставит всем баллы, даже не всегда объясняя почему (верно, и сам не знает). Как ни сера газета, все-таки Вейнбаум мог бы найти в присяжные критики кого-нибудь другого.

О Ваших же «Беседах» я хочу сказать вот что.

Вы сами — писатель, и это чувствуется. Вы не можете быть иной, чем Вы есть, не можете окончательно «стушеваться» перед И<ваном> А<лексеевичем> и, вспоминая прошлое, многое пишете от себя (т. е. не «о себе», а именно «от себя»). Люди, которые ждут в «Беседах» одного только рассказа об И<ване> А<лексеевиче>, могут Вас за это критиковать, и, пожалуй, в их критике какая-то доля правды будет. Но, конечно, может быть и другое отношение: как к рассказу о Вашей *общей* с И<ваном> А<лексеевичем> жизни — и в этом случае Ваши «Беседы» дают очень много. Они прекрасно написаны, с настоящей, живой непосредственностью, и прекрасно восстанавливают то, о чем Вы вспоминаете.

Читая Вас, я не могу избавиться только от одного опасения: при таком размахе хватит ли у Вас энергии, терпения, желания довести рассказ до конца? Не знаю почему, но у меня всегда была и есть уверенность, что в жизни самое важное — последние годы, а не первые. Ваш Бунин — не совсем тот, которого знал я, и мне хотелось бы, чтобы Вы рассказали о Бунине «моем», дополнив то, что я о нем знаю и что в нем видел, тем, что от меня осталось скрыто.

Думаю, что когда Вы перейдете от путешествий к жизни городской и «оседлой», само собой Ваш рассказ станет более биографическим, т. к. Вас

от личности И<вана> А<лексеевича> перестанут отвлекать впечатления Ваши собственные.

Но еще раз: не обращайтесь на Аронсона² и Аронсонов. И даже на «литературоведов», которыми Вы — судя по Вашему письму — дорожите. Вот недавно я прочел в газете, что один такой «вед» читал доклад о Толстом — и «отметил его яркий художественный талант». Это дословно: «отметил»! И Аронсон мог «отметить», — значит, и Бог с ними!

Не понимаю, что значат Ваши слова: «это мне мстят». Кто мстит? Насколько знаю, Вами все (или почти все, — т. к. без «почти» не обходится ничего) дорожат, и все знают, что Вы в своих беседах делаете большое дело.

А вот, что Вы так и не пошли на Зайцева³ и никак не положили Вашего гнева на милость, этого я не понимаю! И не пойму. И это меня огорчает. Все мы кончаем жить — и надо бы кончить ее так, чтобы забыть все дурное и помнить только хорошее.

Простите за эти слова. Надеюсь, Вы почувствуете, что если я Вам их пишу, то от самых искренних и хороших, верных к Вам чувств.

Надеюсь, Вы здоровы, дорогая Вера Николаевна, и все у Вас благополучно. Сердечный привет Леониду Федоровичу.

Ваш Г. Адамович

¹ Аронсон Григорий Яковлевич (1887–1968) — общественно-политический деятель, журналист, в январе 1922 г. выслан из Советской России, обосновался в Берлине, член ЦК Бунда (в 1922–1951), генеральный секретарь «Орг-Юнион» (1926–1931), в 1940 г. переехал в США, сотрудник редакции «Нового русского слова» (в 1944–1957).

² Рецензируя очередной номер «Нового журнала», Аронсон не слишком лестно отозвался о «Беседах с памятью»: «Очередные главы путешествий В. Муромцевой-Буниной страдают длиннотами. Но поэтичны и яркие страницы, относящиеся к Палестине» (Аронсон Г. Новый журнал. Книга 62-ая // Новое русское слово. 1961. 22 января. № 17485. С. 8).

³ См. примеч. 1 к № 147. Трудно сказать, о каком именно мероприятии идет речь, В.Н. Бунина не присутствовала ни на одном из них.

Manchester
12/III–1961

Дорогая Вера Николаевна

Спасибо за письмо, а особенно за «золотого и бриллиантового». Я, наоборот, опасался, что мои замечания Вам будут не по душе. И о Зайцеве тоже. Весь шум, поднятый вокруг него¹, оправдан только тем, что из «стаи

славных» он действительно — последний. Не считать же Крымова² или Гребенщикова³.

Надеюсь дней через 10 быть в Париже и буду очень рад Вас видеть, хотя в Посту Вы, насколько помню, не в настроении принимать гостей. Но и Пасха — близко! Шлю лучшие пожелания, кланяйтесь Л<еоиду> Ф<едоровичу>.

Ваш Г. Адамович

¹ В феврале 1961 г. состоялось сразу несколько мероприятий, посвященных 80-летию со дня рождения Б.К. Зайцева и 60-летию его литературной деятельности. 18 февраля его чествовал парижский ПЕН-клуб (66, rue Pierre Charron), 19 февраля — редакция «Русской мысли» (ресторан «Доминик»), 26 февраля — Союз русских писателей и журналистов в Париже совместно с редакцией альманаха «Мосты» (зал РМОЗ). Кроме того, был выпущен номер «Русской мысли» (11 февраля) с материалами, посвященными юбилею (среди них была и статья Адамовича).

² См. примеч. 10 к № 95.

³ Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882–1964) — писатель, журналист, с 1920 г. в эмиграции: с 1921 г. в Париже, с 1924 г. в США.

ПЕРЕПИСКА
И.А. И В.Н. БУНИНЫХ С В.Ф. ХОДАСЕВИЧЕМ
(1926–1939)*

Вступительная статья, публикация и комментарии Джона Малмстада**

И.А. Бунин (1870–1953) и В.Ф. Ходасевич (1886–1939) познакомились в конце 1906 г. на квартире Б.К. Зайцева. Это было одно из тех мест в Москве, где встречались писатели двух ведущих (и часто враждующих) «лагерей» русской литературы того времени — неореалистов и символистов. (Не следует слишком упрощать сложившуюся тогда литературную ситуацию или схематизировать ее. Напомню, что символистское издательство «Скорпион» выпустило «Листопад» Бунина в 1901 г. и что он публиковался в «Северных Цветах» и в альманахах издательства «Шиповник», где участвовали и символисты и неореалисты. С другой стороны, первое выступление В.Я. Брюсова в массовой периодике, в газете «Южное обозрение» в 1899 г., было устроено через посредство Бунина.) Чисто приятельские отношения между Буниным и Ходасевичем продолжались, но виделись они крайне редко, как вспоминает В.Н. Муромцева-Бунина в мемуарах, впервые печатающихся в приложении к настоящей публикации.

В эмиграции писатели впервые встретились 12 января 1926 г. в Париже, на квартире М.М. Винавера¹. Впоследствии они довольно часто виделись во французской столице, а после переезда Буниных на юг Франции — и на Ривьере, куда Бунин настойчиво звал Ходасевича и Н.Н. Берберову летом 1927 г. Не все письма этого периода дошли до нас, как явствует из дневниковой записи В.Н. Муромцевой-Буниной за 20 августа 1926 г.: «Читала письмо Ходасевича (они в горячей переписке). Очень умное, но злое и ядовитое. Презирает всех и вся. И эс-эров, и Вишняка, и всех жен. Вообще плохо быть “женами”. Это какое-то позорное клеймо»². (У нас есть все-

* Тексты И.А. и В.Н. Буниных публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate.

** © John Malmstad, 2004

¹ Камер-фурьерский журнал. С. 79.

² Устами Буниных. Т. 2. С. 160.

го одно письмо 1926 г.) Их взгляды на вопросы литературы часто бывали противоположными, как это видно из их писем и статей (см., например, реакцию их на «Роман без вранья» Мариенгофа¹), что не мешало им дружить в эти годы.

Отношения между ними стали более прохладными после того, как в 1929 г. Ходасевич написал рецензию на «Избранные стихи» Бунина. (Переписка может служить достаточно очевидной иллюстрацией этому: ровно половина из написанных обоими писем относится к периоду от 1926 до середины августа 1929 г., когда и была опубликована рецензия Ходасевича; после этого количество писем начинает медленно, но неуклонно сокращаться.) Из письма Ходасевича к М.В. Вишняку от 12 августа 1929 г. мы знаем, что в этой рецензии он далеко не все написал, что на самом деле думал о стихотворном наследстве Бунина: «Берегите это письмо: со временем Вы получите за него бешеные деньги, когда человечество присудит мне титул *короля эфемизмов*. Представьте себе, что Вам пришлось бы писать похвальное слово Струве. Это как раз была бы та ситуация, в какой находился я, пишучи о Бунине. Результаты предвижу: стихотворцы меня проклянут за то, что я Бунина перехвалил; обыватели — за то, что недохвалил; Гиппиус — за то, что я припомнил, как она восхваляла Бунина; Бунин — за то, что я не провозгласил его римским папой. Сегодня ночью Истина придет ко мне в пижаме (она больше не ходит голой), разбудит и скажет:

— Владислав Фелицианович, вы сделали все, чтобы против меня не погрешить — и чтоб не обидеть почтенного старика. Он в своей жизни написал несколько сот дрянных стихотворений и с десяток хороших. Иные не написали и этого. Спите спокойно.

Я протяну руку, чтобы пощекотать красотку, но она исчезнет, — мне останется безмятежно спать до утра»².

Ходасевич начал свою рецензию похвалой бунинской прозе, а не поэзии: «Лет двенадцать тому назад в творчестве Бунина наступил расцвет, который по справедливости можно назвать и буйным, и пышным. После «Господина из Сан-Франциско» Бунин выдвинулся на первое место среди современных русских прозаиков. Ныне оно принадлежит ему по праву»³. Обунинской поэзии ничего подобного сказано не было. Бунину такого рода сдержанность в отношении к его поэзии, безусловно, пришлась не по душе. Особенно же его могло раздражать замечание Ходасевича о том, что он, Бунин, «хотя на краткий срок», но прикоснулся к символистскому течению; а в еще большей степени мнению Ходасевича о том, что, отвергнув ненавидимый им символизм в целом, «отбросив все его правды вместе с

¹ Ходасевич В. Цыганская власть // Возрождение. 1927. 23 июня. № 751; Бунин И. Самородки // Возрождение. 1927. 11 августа. № 800. В своей статье Бунин писал, что статья Ходасевича «прекрасная, но все же я совсем не согласен с основной ее мыслью». См.: Бунин И.А. Публицистика. С. 255. Это единственное упоминание взглядов Ходасевича в публицистике Бунина.

² Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 4. С. 512.

³ Ходасевич В. О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 августа. № 1535.

неправдами», Бунин «поставил перед собою ряд трудностей непреодолимых» и связал себя и свои стихи. Ходасевич от этого своего мнения никогда не отказывался, как это видно из его письма Бунину от 28 апреля 1934 г. В последующие годы Ходасевич опубликовал ряд рецензий, дающих высокую оценку достижениям Бунина в прозе; однако именно нежелание его признать подобную же высоту и за бунинской поэзией стало источником незаживающей обиды в душе старого писателя.

Литературные вкусы обоих во многом оставались несовместимыми (попытки Ходасевича примирить Бунина с символизмом успехом не увенчались), однако их объединяли приверженность русской культуре и восприятие исторических событий в России. Несмотря на то что отношения между ними так никогда и не вернулись к той близости, какую они имели в период 1926–1929 гг., остались между ними тем не менее сердечность и уважение друг к другу, о чем свидетельствуют письма. Бунин не только с большой охотой ссудил Ходасевича деньгами в пору, когда финансовое положение последнего было, как никогда, запутанным (см. его письмо от 17 апреля 1934 г. и ответ Ходасевича от 28 апреля), но и обе семьи продолжали видеться в Париже, писатели обменивались книгами. Ничто в их письмах не свидетельствует о враждебности, о которой упоминает Набоков в письме к жене от 30 января 1936 г., описывая за день перед этим имевший место обед с Буниным, после которого они зашли в кафе Мюра, одно из излюбленных мест Ходасевича: «Когда пришли в Кафе Мюра, где нас ждал толстый Алданов, было совсем весело. Там же я мельком повидался с Ходасевичем, очень пожелтевшим; Бунин его ненавидит»¹. Трудно сказать, насколько близок к истине был Набоков, который восторгался Ходасевичем более чем каким-либо иным современным поэтом. Однако остается фактом, что в течение четырех лет, предшествующих смерти Ходасевича 14 июня 1939 г., они виделись редко и по случаю, всегда окруженные множеством людей (литературные выступления-чтения, юбилеи, заседания пушкинского комитета и т.д.). Но до самого конца они не теряли связи, переписывались и дарили друг другу свои книги с обоюдными комплиментами.

Через три дня после смерти Ходасевича, 17 июня 1939 года, Марк Алданов писал Бунину: «Очень меня расстроила смерть Ходасевича. Мы когда-то были очень близки: лет 15 тому назад вместе редактировали литературный отдел “Дней” и тогда чуть не ежедневно подолгу сживали в кофейнях, — он все говорил, обычно умно, остроумно. Потом “Дни” кончились, он еще раньше ушел в “Посл<едние> Новости”, затем в “Возрождение”, и частые встречи наши прекратились, но отношения остались очень хорошие, и писал он обо мне всегда очень благосклонно. Почему он вдруг меня возненавидел года три тому назад... мне до сих пор непонятно...

¹ В.В. Набоков и И.А. Бунин: Переписка / Публ. Р. Дэвиса и М.Д. Шраера // С двух берегов. С. 176–177. Встреча состоялась не 28 января, как пишет Шраер в предисловии к публикации, а 29-го: «Веч<ером> в Murat (бридж; Алданов, Сирин)» (запись за этот день в «Камер-фурьерском журнале» Ходасевича. С. 270).

Очень рад тому, что недели две тому назад я к нему зашел. Говорили мы очень дружески, о старом не было сказано ни слова и он был очень мил. Последнее слово, которое я от него слышал, было: “еще раз спасибо” (я собрал для него в дни его болезни некоторую сумму денег). Видел его в гробу, спокойное лицо, легкая улыбка. Очень я расстроился. Человек он был очень талантливый и умный...»¹

Бунин, в свою очередь, оказался куда менее щедрым. В письме к Марии Владимировне Карамзиной из Beausoleil от 21 февраля 1939 г. он так писал об одной из последних рецензий Ходасевича: «Ходасевич, всегда тающий в себе некую кислую мину (“все знаю, все надоело!”). Заметку о Вас он написал (в фельетоне о разных сборниках стихов) — она (для того, кто знает эту его мину) неплоха»². Даже после смерти поэта он не намного подбрел, отозвавшись о нем в письме к Карамзиной от 25 июня 1939 г. фактически с осуждением, едва сдобренным бледненькой похвалой: «Ходасевича, конечно, жалко — все-таки он был не чета прочим, многим теперешним стихотворцам и критикам (хотя далеко не все понимал)»³.

Жена Бунина, как и следовало ожидать от женщины, перенесшей долгие страдания, была не в пример добрее. В 1930 г. Ходасевич оставил в ее альбоме свой автограф:

Ни каверзных молитв, ни жиденских статей
Писать в альбомы не рискую.
Итак — лишь руку, в память прошлых дней,
Почти безмолвно Вам целую.

*Владислав Ходасевич.
3 апр<еля> 1930.
Париж⁴.*

Несмотря на охлаждение отношений между ее мужем и Ходасевичем, она сохраняла к нему самое теплое расположение, о чем свидетельствуют ее воспоминания и следующая запись в дневнике: «Ходасевич сидел со мной <у Цетлиных>. Он, как всегда, оставил приятное впечатление. Ругал писателей, что они мало работают — “Только Тэффи и я трудимся, а остальные перепечатывают старые вещицы”. Это, конечно, зло, но злость мне в нем нравится»⁵. После его смерти она написала: «За это время скончался Ходасевич — “растерзан”, “разорван” желчный пузырь. Два огромных камня.

¹ Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. Милицы Грин // Новый журнал. 1965. № 80. С. 286–287. Алданов заходил к Ходасевичу 23 мая 1939 г.

² И.А. Бунин. Письма к М.В. Карамзиной 1937–1940 / Предисл. и публ. А.К. Бабореко / Литературное наследство. Т. 84. Кн. I. С. 678. Имеется в виду рецензия на «Ковчег» Карамзиной и другие сборники стихов: *Ходасевич В. Книги и люди* // Возрождение. 1939. 10 февраля. № 4170.

³ Там же. С. 683.

⁴ Альбом В.Н. Муромцевой-Буниной // РАЛ. MS.1067/ 843. На соседней странице альбома: «Человек вспоминает о Боге, когда хочет невозможного. За возможным он обращается к людям. Л. Шестов. Дорогой Вере Николаевне Буниной. Париж. 1930. 25/III».

⁵ Дневниковая запись В.Н. Буниной в ночь с 9 на 10 апреля 1932 г. (Устами Буниных. Т. 2. С. 268).

Доктора проглядели. Надо было несколько лет тому назад сделать операцию. — Жаль его очень. И рано он ушел. Нужен еще. Да и сделать мог еще много»¹.

* * *

Оригиналы писем Ходасевича к Бунину находятся в Leeds Russian Archive (MS.1066/3239–3260), писем Бунина к Ходасевичу — в Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University (фонд Н.Н. Берберовой). Все письма печатаются впервые по ксерокопиям с оригиналов с любезного содействия кураторов указанных архивов. Сохранены индивидуальные особенности авторского написания и пунктуации, за исключением старой орфографии. Восстановленные конъектуры и прочая редакторская правка даются в угловых скобках.

Считаю приятным долгом поблагодарить следующих архивистов и исследователей за ценную помощь при подготовке публикации: Richard Davies (Leeds Russian Archive, University of Leeds), Vincent Giroud (Beinecke Library, Yale University), В.Е. Гитин, О.А. Коростелев, А.В. Лавров, Robert Hughes и Michael Wachtel.

¹ Дневниковая запись В.Н. Буниной за 5 июля 1939 г. (Устами Буниных. Т. 3. С. 29).

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ*Начало апреля 1926 г. Париж*

Дорогой Владислав Фелицианович,

Еду, как всегда, в Ville Juiff, постараюсь быть у Вас точнее между 5 и 6½, если это Вам удобно.

Ваш Ив. Бунин.

Суббота.

Датируется предположительно. Имя Бунина впервые встречается в записи 12 января 1926 г. в так называемом «Камер-фурьерском журнале» Ходасевича. Оба они присутствовали на докладе Г.В. Адамовича на парижской квартире М.М. Винавера (Камер-фурьерский журнал. С. 79). На следующий день они с женами встречали вместе старый Новый год и до 5 апреля часто виделись друг с другом. 20 апреля 1926 г. Бунина оперировали в больнице в Villejuif под Парижем (см.: Устами Буниных. Т. 2. С. 154–155), после чего в начале мая он с женой уехал на юг Франции. В середине января 1927 г. в Villejuif в связи с камнями в печени оперировали и его жену (Устами Буниных. Т. 2. С. 164–165). Возможно, письмо относится к указанному месяцу, хотя более вероятно — к апрелю 1926 г. Ср. письмо З.Н. Гиппиус к Бунину от 27 апреля 1926 г.: «Я махнула рукой и на уру пишу в Жидовский город, авось дойдут мои и наши приветы» (Из архива Мережковских: I. Письма З.Н. Гиппиус к И.А. Бунину // Cahiers du monde russe et soviétique. 1981. Vol. 22. № 4. С. 439).

2

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

28 января 1927 г. Париж

Дорогой Иван Алексеевич,

Заезжал к Вам, чтобы поговорить об одном деле¹. — Не можете ли уделить мне несколько минут завтра, в субботу?² Если да, то сообщите мне, пожалуйста, пневматическим способом³, — когда и где? Вы меня очень обяжете.

Ваш Влад. Ходасевич.

Пятница.

28 янв. 27 г.

¹ Ср. «Камер-фурьерский журнал» за пятницу 28 января 1927 г.: «В Совр<емен-ные> Зап<иски> (Петришев, Алданов). В кафэ (Алданов). / [К Бунину]. [К Ме-режж<овским>]. В кафэ» (С. 98). Квадратные скобки обозначают, что Ходасевич не застал названного человека.

² Ср. «Камер-фурьерский журнал» за субботу 29 января 1927 г.: «За покупками. / Бунин — к телефону. / *К Наташе*» (С. 98). Подчеркивание обозначает, что Н.Н. Берберова была вместе с Ходасевичем.

³ «Carte pneumatique» («pneu», «пневматичка» на языке многих русских пари-жан) — письмо, отправленное при помощи сжатого воздуха по пневматической го-родской почте в Париже, пользовавшейся большой популярностью у тех, кто не располагал телефоном.

3

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

23 марта 1927 г. Париж

Дорогой Владислав Фелицианович, мне очень нужно видеть Вас по-скорее или хотя бы поговорить с Вами по телефону. Не можете ли позво-нить ко мне *нынче* в 7¼, в 7½ вечера? Или, по крайней мере, завтра в пер-вом часу?¹ Лучше — нынче.

Ваш Ив. Бунин.

Среда

Открытка с пометой: «*Pneu!*». Штемпели: 23.3.27. Ходасевич проставил «23 марта 927». Адрес: 14, rue Lamblardie. Paris XII.

¹ Ср. «Камер-фурьерский журнал» за четверг 24 марта 1927 г.: «К Бунину» (С.102).

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ
и Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ
Конец мая 1927 г. Грасс

Дорогие Ходасевичи¹,
привет и настойчивый зов: приезжайте, приезжайте жить лето в Грассе²! Найдем Вам квартиру комнаты в 2-3 с кухней буквально за гроши!
Ваши Бунины.

Датируется по содержанию (см. след. письмо). Почтовая открытка. Штемпель: «Grasse. Cité des parfums. Station climatique». Почтовый штемпель неразборчив.

¹ Ходасевич и его третья (гражданская) жена, писательница Нина Николаевна Берберова (1901–1993).

² Вилла Бельведер (Villa Belvédère) в Грассе (Grasse, Alpes Maritimes) на Лазурном Берегу недалеко от Канн (Cannes) была основной южной резиденцией Буниных с начала мая 1925 г. до сентября 1939 г., за исключением периода 1938–1939 гг., когда они жили в Beausoleil (Босолей), недалеко от Монако.

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ И Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ
Начало июня 1927 г. Париж

14, rue Lamblardie,
Paris (12^e)

Дорогой Иван Алексеевич,

Ваша открытка имела большой успех: мы таки да, решили ехать в Грасс. К сожалению, это будет не так скоро, а именно в середине июля. Приисканием квартиры не смеем Вас затруднять. Мы люди легкие, проживем 2 дня в отеле и подыщем квартиру. *Но:* буде Вы, как старожил, вероятно, знаете в Грассе все и всех, то: ежели услышите или, гуляя, увидите нечто, состоящее из 2-х комнат и кухни, + нечто палисадоподобное и стоящее мало, и свободное с 15–20 июля, — узнайте, во имя Аполлона, Меркурия и Плутона, сколько именно сие стоит и черкните нам. Этим, право, очень обяжете.

В Париже все очень обыкновенно. Музыка играет, штандарт скачет¹, Павел Николаевич очень потолстел и все играет на скрипке². А если сказать правду, то мы этого ничего не видим, потому что в последнее время сидим дома. Я прочитал столько Юшкевича³, что голова идет кругом. А писать только что начал...⁴ Но тут Берберова выхватывает перо, толкает меня, я лечу на пол и уже из-под стола шлю сердечный привет Вам и Вере Николаевне. Спасибо за память и будьте здоровы.

Ваш Влад<ислав> Ходасевич

<приписка Н.Н. Берберовой:>

Дорогой Иван Алексеевич,

спасибо, что вспомнили о нас, а мы-то обрадовались. Вот — решили кинуться в Грасс. Здесь жить тоже превосходно, хотя хаос, толчея, последние огни «Лампы»⁵ и прочее. Вы, наверное, ходите уже босиком, счастливые! Я же пока что пишу грустные рассказы, хоть и живу весело. Написала бы Вам больше и «пикантнее», но, к сожалению, еще не умею писать без линеек (это — бумага Ходасевича). Принялась было ее линовать, но он запретил и сказал, что «неприлично». Ну, Вы поймете!

А лето, может быть, будет очень хорошее: так мне хочется — я не видела лета по-настоящему пять лет! Привет В<ере> Н<иколаевне>. Жму Вашу руку. Н.Б.

¹ Ср. «Ревизор» (I, II), где почтмейстер цитирует письмо поручика: «Жизнь моя, милый друг, течет <...> в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...».

² Ср. «Ревизор» (I, I), где городничий цитирует письмо с известиями о предстоящем приезде ревизора: «Иван Кириллович очень потолстел и всё играет на скрипке...». Редактор газеты «Последние новости» Павел Николаевич Милюков (1859–1943) действительно любил играть на скрипке. Ср. также письмо Ходасевича к М.М. Карповичу от 19 марта 1932 г.: «Ничего нового о Париже сообщить не могу <...> Действительно, Павел Николаевич очень потолстел и все играет на скрипке, — а Муратов скачет» (Vladislav Khodasevich to Mikhail Karpovich. Six Letters (1923–1932) / Edit. by Robert Hughes and John Malmstad // Oxford Slavonic Papers. New Series. Vol. XIX. 1986. P.154).

³ Юшкевич Семен Соломонович (1869–1927) — прозаик, драматург, журналист, постоянный автор горьковских сборников «Знание»; в эмиграции с 1920 г. Скончался в Париже 12 февраля 1927 г. См. дневниковую запись В.Н. Буниной от 13 февраля 1927 г.: «Вчера известие о смерти Сем. С. Юшкевича, сегодня о С.А. Иванове. Это уже слишком тяжело! Оба скончались от сердца, оба были накануне в нашем доме» (Устами Буниных. Т. 2. С. 165); и запись от 15 февраля: «Газеты очень слабо отозвались на смерть Юшкевича. Я думала, что его смерть будет событием в нашей зарубежной жизни» (Устами Буниных. Т. 2. С. 166). 15 февраля и Бунин и Ходасевич присутствовали на выносе тела Юшкевича, а затем на завтраке «Возрождения» (Камер-фурьерский журнал. С. 99). Ср. заметку И.А. Бунина «Памяти Юшкевича» // Возрождение. 1927. 15 февраля. № 623; перепечатана в кн.: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. С. 236.

⁴ Имеется в виду вступительная статья Ходасевича «С. Юшкевич»: *Юшкевич Семен*. Посмертные произведения. Париж, 1927. С. 41–81. Там же были статьи Петра Нилуса, Андрея Левинсона и Ст. Ивановича.

⁵ Литературно-философское общество «Зеленая лампа», возникшее по инициативе З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского и Ходасевича. И он и Мережковский открывали докладами первое заседание 5 февраля 1927 г. См.: Зеленой лампа: Беседы I–III // *Терапиано Ю.* Встречи: 1926–1971. М., 2002. С. 305–309. Ср. «Камер-фурьерский журнал» за субботу 4 июня 1927 г.: «В Зел<еную> Лампу (Адамович, Мережковские, Г. Иванов, Одоевцева, Бахтин, Муратов, Вишняк, Блох, Вейдле, Фохт, Каплун)» (С. 106). Бунин никогда не бывал на заседаниях «Зеленой лампы», а Ходасевич, вскоре усомнившись в уместности заседаний общества при сложившихся обстоятельствах эмиграции, все реже участвовал в них. В 1929 г. он формально вышел из общества (см. письмо Гиппиус от 26 сентября 1929 г. и ответ Ходасевича от 10 октября: *Ливак Леонид*. Критическое хозяйство Владислава Ходасевича // Диаспора. Вып. 4. 2002. С. 395–399).

6

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

Начало июня 1927 г. Грасс

Дорогой Владислав Фелицианович, если Вы еще не бросили мечту о юге, повидайте Илью Исидоровича Фондаминского¹ — он сейчас в Париже и может дать Вам ценные указания. Вашу руку жму, у Н<ины> Н<иколаевны> целую.

Ваш Ив. Бунин.

Датируется по содержанию. Почтовая открытка, на которой отпечатано только «Grasse». Адрес: 14 rue Lamblardie. Paris. 12.

¹ Фондаминский (Фундаминский) И.И. (псевд. Бунаков; 1880–1942) — общественный и политический деятель (правый эсер), соредатор «Современных записок», публицист, историк; погиб в Освенциме. Весной 1925 г. он помог Буниним устроиться на вилле Бельведер, а весной и летом 1927 г. провел у них там много времени. В последующие годы часто жил на своей собственной квартире при вилле Бельведер. Ходасевич не виделся с ним в Париже в это время (см. письмо Ходасевича от 15 июня 1927 г.).

7

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

Середина июня 1927 г. Грасс

Милый друг, очень обрадован Вашим письмом. Боюсь одного: ветхозаветно-ревнивые Мережковские¹ будут Вам ругать Грасс и тянуть Вас к себе в Le Cannet². Не слушайте их. Здесь Вы будете на высоте 400 метров, будете иметь прохладные ночи и мало mosquitos, меж тем как в Le Cannet совсем другой колленкор... Весьма целую Вас и передаю поклоны Веры, Фондаминского и Кузнецовой (которая тоже живет у нас).

Ив. Бунин

Датируется по содержанию. Почтовая открытка со штемпелем: Grasse. 13 (?). <VI.27>. Адрес: 14, rue Lamblardie. Paris XII.

¹ Зинаида Николаевна Гиппиус (в замуж. Мережковская; 1869–1945) и Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) в это время жили на Villa Tranquille в Le Cannet (Ле Каннэ), пригороде Канн.

² Ходасевич и Берберова уехали из Парижа утром 19 июля 1927 г., ночевали в Авиньоне и на следующий день приехали в Канн в 2½ ч. дня. В.А. Злобин, секретарь Мережковских, встретил их на вокзале, и вместе с ним они поехали в Ле Каннэ, где оставались до 21 сентября в Villa Eden-Parc, avenue Gambetta. Ср. письмо Гиппиус к Г.В. Адамовичу от 19 июля 1927 г.: «Завтра приедут Ходасевичи (у меня, увы, кончился с ним медовый месяц прошлогодней переписки), Володя <Злобин> нанял им квартиру где-то на выселках, куда скачи не доскачешь, ни оттуда никуда. Хотя “Eden”. (Здесь все Eden’ы)» (Intellect and Ideas in Action: Selected Correspon-

dence of Zinaida Hippus / Comp. by Temira Pachmuss. München, 1972. P. 350). См. также письмо Гиппиус к Ходасевичу от 5 июля 1927 г.: *Гиппиус Зинаида*. Письма к Берберовой и Ходасевичу / Edited by Erika Freiberger Sheikholeslami. Ann Arbor: Ardis, 1978. С. 78–79. Ходасевич и Берберова часто виделись летом с Мережковскими. См. и письмо Гиппиус Адамовичу от 27 июля: «Ходасевич<и> на “выселках”. Видимся далеко не каждый день. Да и какие “пиры Платона” с Ходасевичами? О чем разговаривать?» (Intellect and Ideas in Action. P. 357).

8

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

15 июня 1927 г. Париж

Дорогой Иван Алексеевич,

я собирался Вам писать, — а тут Семенов¹ мне прочитал Вашу открытку касательно Буткевича². Я тотчас произвел расследование и пишу Вам на сей счет *вместо Семенова*. По канцелярским причинам, о которых скучно писать, деньги (88 фр. 50 сент.) были посланы Буткевичу только 21-го мая³. Но почему он их до сих пор не получил — непонятно. Пусть он справится на почте. Деньги посланы обыкновенным почтовым переводом, 21 мая, на талоне пометка: *Compte débité 781-81*. Талон я держал в собственных руках. Если по справке Буткевича денег не окажется, пусть он тотчас напишет мне, и будет наведена справка на почте здесь.

Едем мы непременно (тьфу, тьфу, тьфу) во второй половине июля, но не в Грасс, ибо доктор Голованов⁴ запретил мне: 1) жить в холмистом месте, 2) часто ездить в автобусе, но велел сидеть у моря. Все дело в том, что окончательно сгнившие кишки мои требуют покоя, отсутствия тряски и нехождения по неровностям. Следственно, мы приезжаем, поселяемся в отеле и ищем пристанища в Канн.

А живем мы тихо и уединенно, почти никого не видим. Я много хворал, много писал Юшкевича⁵ <так> — и теперь нахожусь в довольно упадочном состоянии. Вся надежда — отдохнуть, уехав отсюда. Другое дело — Нина Николаевна, которая день и ночь сочиняет и предается творчеству.

Фондаминского я не видел, ибо его сперва *еще* не было, а теперь *уже* нет. Ну, будьте здоровы и благополучны. Уповаю, что скоро увидимся и будем видеться часто. Будьте здоровы. Вере Николаевне целую руку.

Ваш Владислав Ходасевич.

Привет Галине Николаевне. Берберова всем кланяется.

15 июня 927.

Париж.

¹ Семенов Юрий Федорович (1873–1947) — общественный и политический деятель, журналист; в эмиграции с 1920 г.; редактор газеты «Возрождение» в 1927–

1940 г., постоянным сотрудником которой являлся Ходасевич. Ср. «Камер-фурьерский журнал» за вторник 14 и среду 15 июня 1927 г.: «В Возрождение» (С. 106).

² Буткевич Борис Васильевич (1895–1931; псевд.: Борис Бета) — прозаик, поэт, опубликовал несколько рассказов в «Возрождении», «Новом доме» и «Числах», которые вызвали интерес Бунина, Гиппиус, Ходасевича и др. Позднее Ходасевич писал о нем: «<...> одареннейший беллетрист Буткевич, умер буквально с голоду в марсельской больнице» (*Ходасевич В.* О смерти Поплавского // *Возрождение.* 1935. 17 октября. № 3788).

³ Имеется в виду выплата гонорара за рассказ Буткевича «Ева и Адам», опубликованный в «Возрождении» (1927. 4 апреля. № 671).

⁴ Голованов Михаил Константинович — врач, бесплатно лечивший Ходасевича.

⁵ См. № 5.

9

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

6 августа 1927 г. Le Cannel

Дорогой Иван Алексеевич,

— все как водится: поглядела вчера Берберова¹, как ездят люди по тихому морю — и ее укачало *на молу!* После сего она объявила, что может посещать только такие острова, на которые можно добраться сухим путем (на таком острове губернатором был Санхо Панса). А раз не едет Берберова, не еду и я². Не сердитесь и примите пожелания по части хорошей прогулки.

Вере Николаевне привет, равно и молодежи обоего пола.

Ваш В.Х.

P.S. Берберова кланяется, а сама написать не смеет.

Получил я деньги из «Возрождения»: жалованье прислали, а гонорар построчный забыли³.

6 авг. 927.

¹ Ср. «Камер-фурьерский журнал» за пятницу 5 августа 1927 г.: «В Cannes. На почту. Гулял. В кафэ (Мережковские). С ними гуляли» (С. 109).

² По-видимому, Ходасевич и Берберова были приглашены Буниными на морскую экскурсию на один из островов вблизи Канн. Ср. «Камер-фурьерский журнал» за субботу 6 августа 1927 г.: «В Cannes. К парикмахеру. В кафэ (Мережк<овские>). С ними гуляли» (С. 109).

³ Начиная с 1927 г. и до своей смерти в 1939 г. Ходасевич вел литературный отдел газеты «Возрождение». Имеется в виду гонорар либо за рецензию «Об одной книге» (Возрождение. 1927. 21 июля. № 779), либо за статью о Госиздате «Книжное кладбище» (Возрождение. 1927. 4 августа. № 793).

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

14 ноября 1927 г. Париж¹

14 ноября 927.

Глубокопочитаемый Иван Андреевич, (если же, паче чаяния, Антонович или Александрович — прошу извинения: человек я не привыкший обращаться среди г.г. литераторов, имена и другие инициалы знаю, вытвердил, — а полностью, с отчествами, — не осведомлен). А я — тот самый «М.», лично Вам вполне неизвестный, которого первый литературный опыт Вы изволили удостоить внимания и, смею сказать, лестного сочувствия². Под влиянием признательности и пишу Вам тотчас по прочтении, из «Королевской Таверны», что на Королевской же улице³.

По происхождению я — коллежский советник, по образованию — сотрудник Департамента Полиции, как то проникновенно угадал г. Талин⁴, общий друг наш с Вами и друг нашего друга А.М. Пешкова⁵ — с чем и поздравляю всю компанию. Les maris de mon mari sont mes maris⁶, как сказал, помнится, Адамович (Г.В.)⁷. А лет мне 76. Женат 3-м браком.

Итак, теперь, когда мы, так сказать, познакомились, позвольте сообщить, что ничего любопытного сообщить о житии своем не имею. Надеюсь, что Вы не пробудете в благовонном городе Грассе слишком долго. Пожалуйста, передайте мои приветствия Вере Николаевне, с которою имел честь встречаться.

Когда я сделаю литературную карьеру, я Вас не забуду. (Сия несколько горделивая фраза мною заимствована из письма тоже начинающего писателя Ладинского⁸ — к Гиппиус (З.Н.). Повторяю ее, ибо так, вероятно, принято изъясняться среди уважающих себя литераторов.)

Честь имею быть Ваш покорный слуга и почитатель —

Феоктист Петрович Мушкин

(Мушкин, а не Пушкин: одна буква разницы). Адрес — 14, rue Lamblardie, Paris (12e). Третья жена моя шлет самые сердечные приветствия. Я тоже. Галине Николаевне — тоже.

¹ Над текстом письма Бунин проставил дату: «В.Ф. Ходасевич 19.X. 1927 г.», а над подписью: «(Ходасевич)». Шутливая «мистификация», мастером которых был Ходасевич, не отмечена в «Камер-фурьерском журнале» за понедельник 14 ноября 1927 г. «К Ховину. В Возрождение. В ресторан (Вейдле, 2 Ульпе). В кафэ (2 Ульпе, Л. Берберов)» (С. 114).

² См. примеч. 5. Отзыв Бунина до нас не дошел.

³ *Taverne Royale*, на *rue Royale*, одно из любимых парижских кафе Ходасевича.

⁴ Талин В.И. (наст. имя: Семён Осипович (Иосифович) Португейс; 1880 или 1881–1944; др. пост. псевд.: Ст. Иванович) — журналист, публицист, постоянный сотрудник газеты «Последние новости». Для Ходасевича Талин — подчеркнуто политическое имя и олицетворение беспринципной «левой» политики, связанной для него с «Последними новостями».

⁵ Настоящее имя Максима Горького (1868–1936). 20 октября 1927 г. Ходасевич за подписью «М.» напечатал в «Возрождении» (№ 870) статью «Максим Горький и СССР», в которой высмеивал постоянные обещания Горького вернуться в СССР и его упорное пребывание за границей по состоянию его «здоровья». В ответ на страницах «Последних новостей» (№ 2405, 23 октября) были опубликованы издевательские «Заметки журналиста (Бей его, я его знаю)» В.И. Талина, в которых он намекал на авторство Ходасевича. 27 октября «М.» ответил ему в статье «Нравственность г. Талина» («Возрождение». № 877), которая кончалась так: «Наконец, если уж говорить о “сыске”, то куда ближе нас подходит к этому делу г. Талин, старающийся расследовать, кто мог и кто не мог написать нашу статью <...>. Попытки г. “Талина” (*который ни одну свою статью не решился подписать своей настоящей фамилией*) намекнуть на то, кто именно “скрылся” под этой буквой, — поистине мерзки». См. также письмо М.А. Осоргина к Горькому от 30 октября 1927 г.: М. Горький и М.А. Осоргин. Переписка / Вступ. ст., публ. и примеч. И.А. Бочаровой // С двух берегов. С. 456, 510–511. К этому времени отношения Ходасевича с Горьким окончательно расстроились по политическим причинам.

⁶ «Мужья моего мужа — мои мужья». Обыгрывается знаменитое французское выражение «Les amis de nos amis sont nos amis» («Друзья наших друзей — наши друзья»). Иронический намек на сексуальные склонности Г.В. Адамовича, о котором 3 июня 1925 г. Ходасевич написал М.М. Карповичу из Парижа: «Георгий Адамович — действительно, гумилевский мальчик способностей стихотворных не лишен, но вместо души и мозга у него небольшая резиновая губочка, сильно уже потрепанная и много служившая, извините, для подмывания. Поэтому он — сноб, эстет, скептик. К несчастью, кажется, и дрянь. К тому же — мужелюб, конечно — пассивный» (Vladislav Khodasevich to Mikhail Karpovich: Six Letters (1923–1932). P.144). Ср. «Содомович», персонаж романа «Пнин» Набокова.

⁷ Адамович Георгий Викторович (1892–1972) — поэт, постоянный критик «Последних новостей». В это время была в разгаре полемика, которую Ходасевич вел с ним о роли пушкинской традиции и о судьбе литературы в изгнании; см., например: Ходасевич В. «Бесы» // Возрождение. 1927. 11 апреля. № 678.

⁸ Ладинский Антонин Петрович (1896–1961) — прозаик, поэт, журналист, переводчик; один из организаторов парижского «Союза молодых поэтов и писателей» (1925). 4 августа 1927 г. Гиппиус писала Г.В. Адамовичу: «Все майг’ы, под-метры и ниже выпускают книги. И вы, и Ходасевич, и Ладинский, и даже Рошин... все сразу! А Бунин — громадный роман, полный нового вдохновения» (Intellect and Ideas in Action. С. 359), а 12 августа 1927 г. писала ему же: «Ладинский вне себя от “воображения”... Впрочем, что от него было ждать?» (С. 365).

11

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

16 ноября 1927 г. Грасс

16—XI—27.

Дорогой Феокист Петрович, весьма благодарю Вас за Вашу благодарность, страшно завидую, что Вы окопались в Королевской Таверне, низко кланяюсь супруге Вашей, которая, надеюсь, тоже в сей таверне, — от себя и ото всего моего убежища!

Ваш Ив. Б.

Открытка с портретом Бунина.

12

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

8 декабря 1927 г. Грасс

Дорогой Владислав Фелицианович, очень, очень благодарю за книгу¹, сердечно обнимаю Вас, приветствую автора идущих сосен!

Ваш Ив. Бунин

8—XII—27.

Открытка с видом «St.-Vallier de Thiey (A<Ipes> M<aritimes>) <...> Chapelle Ste.-Luce (XV siècle)». С пометой Бунина: «Это Вам не Lamblardie!». Почтовый штемпель: Grasse. 9.12.27. Адрес: 14, rue Lamblardie. Paris XII.

¹ Имеется в виду «Собрание стихов» Ходасевича, выпущенное в ноябре 1927 г. парижским издательством при газете «Возрождение». В Русском архиве в Лидсе сохранился экземпляр с надписью: «Дорогому Ивану Алексеичу Бунину с искренною любовью. Владислав Ходасевич. 1927, 20 ноября. Париж» (MS.1066/10555).

13

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

Между 19 февраля—5 апреля 1928 г. Париж¹

Дорогой Иван Алексеич,

мне Нина Ник<олаевна> сказала, что Вы увидите нынче Сполайковича². Будьте благодетелем, поговорите с ним посуровее о моих делах. — Уж очень бы надо мне отдохнуть, пописать «для себя» и дать отдых Берберовой, т.е. опять-таки дать ей возможность работать серьезней. — Ну, да Вы все это сами знаете. Только, пожалуйста, завяжите себе узелок на память. Всего хорошего.

Ваш Владислав Ходасевич

Привет Вере Никол<аевне>.

Суббота.

Пневматическое письмо со штемпелем: 2.<?>. Адрес: 1, rue Jacques Offenbach. Paris (16e). Постоянный парижский адрес Буниных с сентября 1920 г.

¹ 18 февраля 1928 г. Бунины приехали в Париж из Грасса, куда вернулись 5 апреля.

² Неустановленное лицо. Поскольку фамилия сербская (был такой сербский посланник в Петербурге в 1910-е гг. и в революционную эпоху), Ходасевич, по-видимому, здесь напоминает Бунину об обещании помочь ему получить субсидию от сербского правительства (см. след. письмо). В 1933 г. Бунин ходатайствовал перед сербами о субсидии и для Тэффи (Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными // Диаспора. Вып. 1. 2001. С. 392–394).

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

19 октября 1928 г. Булонь-сюр-Сен

10bis, rue des 4 Cheminées,
Boulogne s/ Seine.

Дорогой Иван Алексеевич, я заглох, но это не значит, что я забыл Вас. Просто — хотел сперва узнать свой собственный адрес, а уж потом написать Вам. Все это время провели мы в судорожных поисках квартиры и денег. Теперь первое закончено хорошо, поселились в Boulogne, в ¼ часа ходьбы от P<or>te de St. Cloud¹. Второе — деньги — ну, сами понимаете. Впрочем — живы.

С сербами все еще туманно. «Пенсии» пока не дали². Борис³ говорит — надо ехать самому. А самого, кажется, позовут, особенно если Вы понажмете, когда поедете⁴. Но до тех пор еще времени много. А пока — спасибо за участие и за доброе отношение. Очень хорошо вспоминаю, как Вы посещали нас летом⁵.

За хлопотами «обывательскими» как-то не видел я здешней литературы. Впрочем, ее и не было, кажется: тишь, гладь, «сезон» еще не начался. Поэтому и нет у меня литературных соображений, которыми стоило бы делиться. Сам пописываю статейки, но думаю больше о гвоздях, костылях, штепселях и крюках.

Пожалуйста, передайте Вере Николаевне, что данные мне статьи храню, как зеницу ока, но еще не сделал из них выписок⁶. Когда сделаю — верну тотчас. Этим и заканчивается сие послание, не слишком содержательное. Цель его была проста — послать Вам привет и адрес.

Крепко жму Вашу руку. Низкие поклоны Вере Николаевне и Галине Николаевне. Если Рошин у Вас — и ему поклон⁷.

Всего хорошего. Пожелайте мне не попадаться на глаза Бальмонту, и чтоб тень Врхлицкого не пришла с того света читать мне свои стихи в подлиннике⁸.

Ваш В. Ходасевич.

Берберова умчалась в город за покупками. Уходя, велела послать ее приветствия. Посылаю.

19 октября 1928 г. Ходасевич отметил в «Камер-фурьерском журнале» (С.131), что написал письмо Бунину.

¹ 16 октября 1928 г. Ходасевич и Берберова переехали из центра Парижа в юго-западное его предместье Булонь (Boulogne).

² 3 сентября 1928 г. сербский лингвист Александр Белич (1876–1960), председатель Сербской академии наук, был в гостях у Буниных в Грассе. В.Н. Бунина записала в свой дневник: «Русских он знает, но писателей — мало. <...> Мы дали ему стихи Ходасевича. Ян спрашивал, нельзя ли устроить ему субсидию. Оказывается,

субсидии не зависят от Державной комиссии, где Белич председательствует. Стихи Ходасевича не понравились: — “в нем есть двойственность”» (Устами Буниных. Т. 2. С. 181–182). Ходасевич, в отличие от других писателей (Куприна, Амфитеатрова, Мережковского, Гиппиус, Ремизова и др.) «пенсии» от Сербского королевства так и не получил.

³ Зайцев Борис Константинович (1881–1972) — прозаик, переводчик; в эмиграции с 1922 г. Участник первого съезда русских писателей и журналистов за рубежом, который происходил в Белграде с 25 по 30 сентября 1928 г. (присутствовали Гиппиус, Мережковский, Куприн, Чириков и мн. др.). Один из самых старых друзей Ходасевича по Москве.

⁴ Бунин не ездил в Белград.

⁵ С 3 июля по середине сентября 1928 г. Ходасевич и Берберова жили с В.В. Вейдле и его будущей женой в пансионе, на окраине Juan-les-Pins (Жуан-ле-Пен), курорта на Ривьере рядом с Антибом и недалеко от Канн. Они были в гостях у Буниных в Грассе 17 июля, а Ходасевич и 13 сентября; Бунины, или Бунин с Кузнецовой, гостили у них 4 раза (30 июля, 8 и 30 августа, 7 сентября).

⁶ См. дневниковую запись В.Н. Буниной от 19 сентября 1928 г.: «Ходасевич попросил у меня ту статью Гиппиус, где она писала об Яне, как о большом писателе, о большой личности и издевалась над критиками, которые называют его описателем» (Устами Буниных. Т. 2. С. 183). В своей рецензии на «Избранные стихи» Бунина (Париж, 1929) Ходасевич писал: «...на самой заре эмигрантской литературы, один из авторитетных ее голосов, голос З.Н. Гиппиус, в похвалах Бунину взял наиболее высокую ноту (я разумею статьи в бурцевском “Общем Деле”» (О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 августа. № 1535). Имеются в виду «Тайна зеркала. Ив. Бунин» и «Бесстрашная любовь. Русский народ и Иван Бунин» // Общее дело. 1921. 16 мая. № 304; 23 октября. № 463.

⁷ Рошин Николай (наст. имя: Николай Яковлевич Федоров; 1892 или 1896–1956) — прозаик, критик, постоянный сотрудник «Возрождения»; с 1926 г. подолгу жил у Буниных и в Париже и в Грассе. См. дневниковую запись В.Н. Буниной от 20 августа 1926 г.: «Неожиданно приехал Рошин. <...> Рошину будет полезно пожить с Яном» (Устами Буниных. Т. 2. С. 160). В 1946 г. вернулся в СССР. См. его очерк: Литературный уголок (Вилла «Бельведер») // Сегодня (Рига). 1929. 1 января. № 1; перепеч. с сокращениями: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 436–439. Его прозвище в доме Буниных — «Капитан». 7 декабря 1934 г. Бунин и Ходасевич были на вечере Рошина в Париже (26, av. de Токуо).

⁸ Врхлицкий Ярослав (Vrchlický; наст. имя Эмиль Фрида; 1853–1912) — чешский поэт, драматург и переводчик. Имеется в виду рецензия Ходасевича: Стихи Врхлицкого. Ярослав Врхлицкий. Избранные стихи. Перевод К.Д. Бальмонта. Изд. Славянской библиотеки Министерства иностранных дел. Прага, 1928 // Возрождение. 1928. 18 октября. № 1234. В частности, Ходасевич писал: «<...> стихи его глубоко посредственны. Сопоставляя их с оценкою Яна Рокиты <автор предисловия к книге>, можно бы предположить, что тут — вина переводчика, сказавшего сей великий подлинник. Но сам Ян Рокита прямо заявляет, что переводы К.Д. Бальмонта “точные” и исполнены “с любовью, поэтическим вдохновением <...>”. Следовательно, К.Д. Бальмонта мы никак не можем подозревать в том, что он “испортил” Врхлицкого. <...> Неизмеримо легче обогатить чешскую литературу переводами с русского, нежели литературу российскую — переводами с чешского».

19 декабря 1927 г. Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) писал Бунину: «Так мало возможностей наслаждаться Русским чтением, и я совсем утопаю в книгах Польских, Чешских и Сербских» (С двух берегов. С. 56–57).

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

25 октября 1928 г. Грасс

25—X—28.

Дорогой Владислав Фелицианович,
спасибо за письмо, рад, что устроились, с новосельем! (Спасибо большое и за Врхлицкого!)

От Белича получил письмо: «книгами, подобными книге Ходасевича о Пушкине, издательство белградское не очень воодушевляется», — предпочитает беллетристику¹. Я в ответ спросил: почему же оно воодушевилось сразу двумя томами о Наполеоне Мережковского (кои уже куплены и будут изданы в первую голову²). Пишет еще Белич, что хотят издать «Евгения Онегина» с комментариями и введением, за коим обратятся к Вам³.

Сердечно приветствуем Вас с Н<иной> Н<иколаевной>.

Ваш Ив. Бунин.

¹ Белич — см. предыдущее письмо, примеч. 2. «Практическим результатом съезда <русских писателей в Белграде в 1928 г.> был интерес, проявленный в Югославии, к изданию произведений зарубежных русских писателей. На средства, ассигнованные правительством, была при сербской Академии наук учреждена особая издательская комиссия, которая стала, под общим названием “Русская библиотека”, выпускать ранее не изданные произведения зарубежных русских писателей. В этой серии вышли новые книги Бунина, Куприна, Мережковского, Шмелева, Ремизова, Гиппиус, Бальмонта, Амфитеатрова, Тэффи, Чирикова, Северянина и др. (молодых писателей это издательство почти не издавало)» (*Струве Глеб*. Русская литература в изгнании. 3-е изд. Париж; М., 1996. С. 139). Для полного списка книг, выпущенных белградским издательством, см.: *Джурич Остоя*, Русская литературная Сербия, 1920—1941: Писатели, кружки и издания <на сербском языке>. Белград, 1990. С. 197—202). Ходасевич, по-видимому, предложил Беличу и издательской комиссии субсидировать написание биографии Пушкина, о которой он мечтал с 1921 г., а затем и издать ее в «Русской библиотеке». Как видно, предложение не было принято.

² Имеется в виду: *Мережковский Д.С.* Наполеон. Т. I: Наполеон человек. Белград, 1929 («Русская библиотека», книга 1) и Наполеон. Т. II. Белград, 1929 («Русская библиотека», книга 2).

³ Издание «Евгения Онегина» под редакцией Ходасевича и с его предисловием, но без комментариев было выпущено не сербской комиссией, а издательством «Петрополис» в Брюсселе в 1937 г.

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ И Н.Н. БЕРБЕРОВА — И.А. БУНИНУ
19 ноября 1928 г. Булонь-сюр-Сен

10bis, rue des 4 Cheminées,
Boulogne s/ Seine.

Милый Иван Алексеевич,

еще раз спасибо за память и заботу, которые меня трогают самым настоящим образом. Я не поблагодарил Вас раньше, потому что получил Ваше письмо уже полубольной, а потом и вовсе слег: какие-то нелады во чреве. Только час тому назад впервые сполз с постели¹.

Ну, что ж? Онегин так Онегин. Хорошо бы хоть Онегин: и работа чистая, и хоть какая-нибудь денюга. А ковыряться в Пушкине я готов в любую минуту жития моего. Разумеется, моя книга была бы — извините — полезнее, ибо Онегина многие уже читали. Но — начальству виднее.

Вот так штука! Это письмо было прервано какими-то делами, — а на другой день я опять слег и лежал, чуть приподымаясь для писания статей — почти две недели!² И оказалось у меня не чрево (или — чрево само собой), а *подагра*! Ломало и кололо меня на все лады. Вчера встал, ибо вынь да положь статью о Вяземском³. Впрочем, мне и полегчало. Сегодня даже выходил на улицу, был в кафэ⁴ — Боже, какой блеск и роскошь!

Люди меня посещали: Зайцевы⁵, Вольфсоны⁶, Вишняки⁷, Цетлин⁸, Алданов⁹. Ну, ничего — все живут-поживают. Событий нет, а какие есть — мелочь, писать не стоит.

Передайте, пожалуйста, г-же Кузнецовой, если ее встретите, что как только критик отмечает произведение молодого автора, сей последний тотчас бросается писать ему благодарственное письмо¹⁰. А я не получил такого письма. Правда, я сам *никогда* рассылкой подобных вещей не занимался — за то из меня ничего и не вышло! Скажите ей все это строго, чтобы помнила.

Уверен, что Вы на меня сердитесь за статью о Блоке¹¹. Пожалуйста, не сердитесь, давайте помиримся. Вы Блока недооцениваете¹², — ну, как я не ем устриц. Будьте здоровы, спасибо. Поклонитесь В<ере> Н<иколаевне> и поцелуйте у нее ручку от меня.

Ваш В. Ходасевич
19 нояб. 928.

<приписка Н.Н. Берберовой:>

Дорогие Вера Николаевна и Иван Алексеевич!

Сердечно Вам кланяюсь и вспоминаю Вас много. Приезжайте сюда скорее — здесь превосходно. Все это время жили очень шумно — целыми

днями что-то приколачивали. Сейчас пишу, читаю, шью, готовлю, лечу, убираю, ношусь по городу, рву написанное и выдумываю новое. Как видите — жизнь моя течет, как сказал Омар Хаям¹³. Целую Гал<ину> Н<и>колаевну>.

Ваша Берберова

¹ Судя по записям в «Камер-фурьерском журнале», Ходасевич начал письмо 9 ноября, а закончил его десятью днями позднее. 1 и 2 ноября он записал: «Весь день дома»; 3–6 «Весь день в постели»; а 7 и 8 опять «Весь день дома». Доктор Голованов был у него 6-го. Ходасевич встал 9-го: «За покупками. В кафэ» (С. 132).

² 13–17 ноября Ходасевич записал «Весь день в постели» в «Камер-фурьерском журнале», а 18-го: «Встал» (С. 132). Доктор Н. К. Адамова была у него 13-го.

³ Имеется в виду статья: *Ходасевич В.* Шастливый Вяземский. 1878 — 10 (22) ноября — 1928 // Возрождение. 1928. 22 ноября. № 1269.

⁴ См. запись за понедельник 19 ноября 1928 г. в «Камер-фурьерском журнале»: «В Тау<егне> Royal (Муратов, Вейдле)» (С. 132).

⁵ Зайцевы — Б. К. Зайцев и его жена Вера Алексеевна (урожд. Орешникова, по первому мужу Смирнова; 1878 или 1879–1965), давнишние (по Москве) и близкие друзья Ходасевича. Они были у Ходасевича вечером 10 ноября 1928 г.

⁶ Вольсоны — Марк Карлович, банковский служащий, и его жена Эрна Сигизмундовна, парижские друзья Ходасевича; погибли в Освенциме. Они были у Ходасевича вечером 10 ноября 1928 г.

⁷ Вишняки — Марк Вениаминович (1883–1975), общественный и политический деятель, соредактор и секретарь журнала «Современные записки», и его жена Мария Абрамовна. Оставил воспоминания о Ходасевиче: *Вишняк М. В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. Indiana University Publications, 1957 (Slavic and East European Series. Vol. 7); перепеч.: СПб.; Дюссельдорф, 1993. Они были у Ходасевича вечером 16 ноября 1928 г.

⁸ Цетлин Михаил Осипович (1882–1945) — поэт, критик, журналист; в молодости принадлежал к эсеровским кругам; вместе с женой вел литературный салон в Париже; редактор отдела поэзии журнала «Современные записки» (1920–1940). См. рецензию Ходасевича на его книгу «Декабристы» (Возрождение. 1933. 27 июля. № 2977). Он был у Ходасевича 11 ноября 1928 г.

⁹ Алданов Марк (наст. имя Марк Александрович Ландау; 1886–1957) — прозаик, критик. Он был у Ходасевича вечером 16 ноября 1928 г.

¹⁰ В рецензии на 36-ю книгу «Современных записок» Ходасевич заметил: «Поэзия представлена стихами четырех молодых авторов. Стихотворение Г. Кузнецовой нам кажется наиболее удачным» (Возрождение. 1928. 27 сентября. № 1213).

¹¹ Имеется в виду статья Ходасевича «Большевизм Блока (Беглые мысли)», в которой он писал о личности Блока, «самого замечательного из русских поэтов XX столетия (и вообще одного из самых больших наших поэтов). <...> “Блок примкнул к большевикам”: вот самое ходячее мнение — и самое ложное, какое только можно себе представить» (*Ходасевич В.* Большевик Блока (Беглые мысли) // Возрождение. 1928. 15 ноября. № 1262). В «Окаянных днях» (запись от 6 февраля 1918 г.) Бунин писал: «Блок открыто присоединился к большевикам. <...> Песенка-то вообще не хитрая» (*Бунин И. А.* Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А. К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1990. С. 67).

¹² Об остро отрицательном отношении Бунина к Блоку см. главы «Автобиографические заметки» и «Третий Толстой» в его «Воспоминаниях» (Париж, 1950. С. 43–46, 212–222; этих пассажей нет в тексте, напечатанном в девятом томе (1967) советского собр. соч. Бунина, в котором О. Н. Михайлов публикует текст «Воспоминаний» с невероятным количеством пропусков, главным образом — неуказанных); о Блоке см. также: Устами Буниных. Т. 2. С. 34, 41–42, 93. Ср. запись Галины

Кузнецовой от 8 июля 1927 г.: «Вечером читала И.А. у него в кабинете стихи Блока и слушала, как И. А. громил символистов. <...> Он кричал, например, вчера о Блоке: “Лакей с лютней, выйди вон!”, чем заставил меня искренне расхохотаться, после чего стал смеяться и сам» (Грасский дневник. С. 28). Об отношении Бунина к Блоку пишет и Н.Н. Берберова в своей автобиографии: «Всю жизнь Блок был для него <Бунина> раной, и весь символизм, мимо которого он прошел, чем-то противным, идиотским, ничтожным, к которому он был либо глух, либо остроно враждебен» (Берберова Н. Курсив мой. М., 1996. С. 296). Ф.А. Степун, как и Ходасевич, не смог примирить Бунина с творчеством Блока; 22 февраля 1952 г. он писал ему: «О Блоке я с вами, милый друг, спорить не могу. Ваша страстность мне не под силу» (Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину // С двух берегов. С. 134).

¹³ См. статью об издании Омара Хайяма в новом переводе И.И. Тхоржевского: Ходасевич В. Нечаянная пародия // Возрождение. 1928. 26 апреля. № 1059.

17

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

3 декабря 1928 г. Грасс

3.XII.28.

Дорогой (подагрический, а значит уже маститый) Поэт, спасибо за письмецо — получать письма в деревне есть большое вообще удовольствие, от людей же, приятных уму и сердцу, — сугубое. Извините, что отвечаю так поздно, — все то да се... Впрочем, о том, что Вы соглашаетесь на Онегина, сообщил в Белград немедленно, хотя из оногo Белграда что-то ничего пока не видно и не слышно — пишут оттуда только Мережковским, и притом весьма лестно¹. Надеюсь однако, что и Вам когда-нибудь напишут. Надеюсь и на то, что Вы уже вполне здоровы и опять сидите в кафэ, где такой «блеск и роскошь».

Спасибо и милой Н<ине> Н<иколаевне> за приписку. Только на нее мы все-таки немного в обиде: что же она такие чудесные новости сообщает только одной З<инаиде> Н<иколаевне>? Хоть бы словечко написала нам о Бажанове²! Главное — какой он из себя?

За Блока же, по своей старческой мудрости, я совсем на Вас не сердился. Много видел я на своем веку — Надсон, Бальмонт, Брюсов, Скиталец... — многое «не дооценивал»³... А кстати: как Вы думаете — что бы сказал Александр Сергеевич покойный об оноm Блоке?⁴ Боюсь, что очень матерно⁵, не взирая на то, что сей «печальный глупец» совсем не лишен был дарования⁶.

Все мы Вам обоим дружественно кланяемся. Г-жа Кузнецова, хотя и с порядочным опозданием (по робости исключительно) и при моей помощи, усердно благодарит Вас. Adors — до свидания, до 1 февраля!⁷

Ваш Ив. Бунин

¹ Ср. дневниковую запись В.Н. Буниной от 20 октября 1928 г.: «Были вчера у Мережковских. Оба сияют и довольны. Вероятно, денег привезли <из Югославии> больше, чем ожидали. <...> Ордена красивые. И Д<митрий> С<ергеевич> все повторял, что, кроме него, такой орден только еще у одного сербского писателя, а про Немировича и не упомянул» (Устами Буниных. Т. 2. С. 183–184).

² Бажанов Борис Георгиевич (1900–1983) — с августа 1923 г. по конец 1925 г. помощник Сталина, секретарь Политбюро ЦК. В 1928 г. бежал из СССР за границу, в 1929–1930 гг. опубликовал мемуары о быте и нравах советской партийной элиты. Вечером 22 ноября и 1 декабря 1928 г. он был в гостях у Ходасевича и Берберовой. Ходасевич виделся с ним в конторе «Возрождения» и в парижских кафе в 1929–1930 гг. 9 декабря 1928 г. Гиппиус писала Ходасевичу: «Целую Нину, крайне и снова благодарю ее за письмо, им очень восхищался и Бунин» (*Гиппиус Зинаида*. Письма к Берберовой и Ходасевичу / Edited by Erika Freiberger Sheikholeslami. Ann Arbor: Ardis, 1978. С. 94).

³ «...почему так высоко превознесены были Чернышевский со своим романом, Омелевский, Златовратский, Засодимский, Надсон, Короленко, Скиталец, Горький?» (*Бунин И.А.* Литературные заметки // Слово. 1922. 28 августа. № 10; перепеч.: *Бунин И.* Публицистика. С. 146–147); «...а приехав из Петербурга в Москву, сделал еще много знакомств: с Златовратским, Эртеlem, Чеховым, Бальмонтом, Брюсовым, Емельяновым-Коханским, Коневским, Добролюбовым, Лохвицкой» (*Бунин И.А.* Записная книжка // Иллюстрированная Россия. 1930. 17 мая. № 21; перепеч.: *Бунин И.* Публицистика. С. 323). В своих «Автобиографических заметках» Бунин пишет о В. Я. Брюсове и о Бальмонте с презрением (Воспоминания. С. 23–32).

⁴ Ср. дневниковую запись В.Н. Буниной от 14 августа 1921 г.: «Пришло известие о смерти Блока, <...> Милюков написал о нем, что он “общепризнанный наследник Пушкина”. Пушкин и Блок?» (Устами Буниных. Т. 2. С. 52).

⁵ Ср. воспоминания Н.Н. Берберовой: «Однажды Г.В. Иванов и я, будучи в гостях у Бунина, вынули с полки томик стихов о Прекрасной Даме, он был весь испещрен нецензурными ругательствами, такими словами, которые когда-то назывались “заборными”. Это был комментарий Бунина к первому тому Блока. Даже Г.В. Иванов смутился. “Забудем это”, — шепнула я ему» (*Берберова Н.* Курсив мой. С. 296).

⁶ Ср. дневниковую запись В.Н. Буниной от 1 сентября 1922 г.: «Сегодня она <З.Н. Гиппиус> говорит Яну: “Вот вы всех в одну кучу валите — Блока, Кусикова и т.д.” — “Бог с вами, — возражает Ян, — вы как на мертвого. Я всегда выделял и выделяю Блока, всегда говорю, что Блок сделан из настоящего теста”» (Устами Буниных. Т. 2. С. 92–93). В «Окаянных днях» (запись от 6 февраля 1918 г.) Бунин назвал Блока «человеком глупым» (М., 1990. С. 67).

⁷ Бунины собирались приехать в Париж из Грасса 1 февраля 1929 г., но из-за «крушения поезда на главной магистрали» они с Кузнецовой должны были ночевать в Дижоне и прибыли в столицу только 2-го (Устами Буниных. Т. 2. С. 196–197).

18

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

11 января 1929 г. Булонь-сюр-Сен

10bis, rue des 4 Cheminées,
Boulogne s/ Seine.

Дорогой Иван Алексеевич.

дело было так: вздумал я с Вами спорить по поводу Блока и того, что бы о нем сказал Пушкин. И написал Вам длиннущее письмо, но такое

«умное» и «глубокое», что почему-то вдруг стало смешно — и я его разорвал. Уж лучше пускай нас Господь Бог рассудит, — а писать Вам я предпочитаю письма, а не статьи.

Потом я хворал, писал, играл в карты. А теперь хочу поздравить Вас с прошедшими праздниками и пожелать всего лучшего в грядущем Новом Году. Кроме того, я впал в лирику: послезавтра писательский бал¹ — а Вас не будет, и Вера Николаевна не будет продавать книг, которых никто не покупает. Это прискорбно. Напишите, когда приедете, мне искренно и по-человечески хочется Вас повидать².

Сербы прислали мне письмо, весьма невразумительное. Я запросил разъяснений, но ответа еще не получил и вряд ли скоро получу: они там государственно переворачиваются.

Здесь нет никаких потрясающих событий, если не считать того, что Гофман, наш общий друг, вывел меня из себя, как Вы, вероятно, заметили³.

А за сим — будьте здоровы. Баба моя велела Вам всем усиленно кланяться. Передайте и мои приветствия дамам, а Вас обнимаю.

Ваш В. Ходасевич.

Да! Еще велел Вам поклониться Вейдле. Летом он Вами пленился персонально⁴, а теперь носится с «Жизнью Арсеньева»⁵ и произносит громкие слова⁶, что порождает во мне жгучее чувство зависти и ревности.

В самом ли деле Вы будете писать Лермонтова⁷ — или это только кажется? Слухи здесь противоречивые. А я решил писать Державина⁸ — с эпиграфом: Гром победы раздавайся⁹. Идея будет такая: был серьезный человек Гавр<иил> Романович, а потом пошли декаденты и развинченные выродки, разные Пушкины, Лермонтовы и прочие. Каково?

Датируется по содержанию. Над текстом письма Бунин написал: «1928?»

¹ См. «Камер-фурьерский журнал» за воскресенье 13 января 1929 г.: «Гулял, в кафэ. / Вейдле. / На бал писателей (Цетлины, Зайцевы, Алдановы, Бахрах, Сураварди, Серов, Терешкович, Аминады, Берберовы (5), Маклаков, Добужинский...). В кафэ (Бахрах, Сураварди, Серов)» (С.135).

² После приезда Буниных в Париж 2 февраля 1929 г. Ходасевич ужинал с ним 12-го, а 14-го «Вечером» Бунины, Кузнецова. С ними в кафэ (Камер-фурьерский журнал. С. 136).

³ Гофман Модест Людвигович (1887–1959) — литературовед, пушкинист; в 1922 г. был командирован Академией наук в Париж, где остался в эмиграции. В 37-й книге «Современных записок», вышедшей в декабре 1928 г., Ходасевич опубликовал статью «В спорах о Пушкине» (С. 275–294; с датой: 1928, июнь). В ней он отвечал на критику, которой Гофман и П.Е. Щеголев подвергли его работы о Пушкине. Продолжая спор, 3 января 1929 г. Гофман опубликовал статью «Споры о Пушкине» в «Последних новостях» (№ 2843), в свою очередь, вызвавшую новые возражения: *Ходасевич В.* Конец одной полемики // Возрождение. 1929. 10 января. № 1318. В конце концов, эта ссора привела к разбирательству третейским судом в апреле 1929 г. См. комментарий Роберта Хьюза в кн.: *Ходасевич Владислав.* Пушкин и поэты его времени. Т. 2: Статьи, рецензии, заметки 1925–1934 гг. Berkeley, 2001. С. 516–517. Ср. дневниковую запись В.Н. Буниной от 1 января 1929 г.: «Ян спросил: “Зачем писатель зачеркивает? Затем, что хочет уничтожить. А потом — веяние Гофмана, Щеголева — стараются восстановить варианты. От этого повеситься надо!”» (Устами Буниных. Т. 2. С. 192).

⁴ Вейдле Владимир Васильевич (1895—1979) — литературный критик, искусствовед, поэт, мемуарист; близкий друг Ходасевича. Автор «итоговой статьи» «Поэзия Ходасевича» (Современные записки. 1928. № 34. С. 452—469), вскоре вышедшей отдельной брошюрой (Париж, 1928); перепеч.: Русская литература. 1989. № 2. С. 144—163. Летом 1928 г. Вейдле виделся с Буниным, когда вместе с Ходасевичем жил на Ривьере (см. примеч.5 к № 14).

⁵ Первая часть романа «Жизнь Арсеньева» была опубликована в «Современных записках» в 1928 г. (№ 34, 35 и 37) и в 1929 г. (№ 40), а затем вышла отдельной книгой: *Бунин И.* Истоки дней. Париж: изд. «Современные записки», 1930. Продолжение романа также было опубликовано в «Современных записках» (1933. № 52—53).

⁶ Рецензируя очередной номер «Современных записок», Вейдле назвал роман «одной из лучших книг» Бунина: «“Жизнь Арсеньева” написана целиком в тоне восклицательном, высоком, как величественная, полная ужаса, восторга и печали, повествующая, но и прославляющая ода. <...> Ни в русской, да и ни в какой другой литературе <...> не знаю с чем сравнить это повествовательное песнопение, этот гимн благодарности молодости, миру и себе, т.е. позволению творить, полученному свыше, возможности и предчувствию творчества» (*Вейдле В.* «Современные записки». XXXVII // Возрождение. 1929. 10 января. № 1318). Ср. запись Галины Кузнецовой от 12 января 1929 г.: «Мы говорили о рецензиях на “Жизнь Арсеньева” и, в частности, о рецензии Вейдле, написавшего, что это произведение есть какой-то восторженный гимн жизни, красоте мира, самому себе, и сравнившего его с Одой» (Грасский дневник. С. 97).

⁷ «Вчера было письмо от Фондаминского. Очень интересное начинание — издавать биографии-романы. Предлагают и Яну. Пока согласились: Алланов — Александр I, Цетлин — Декабристы, Ходасевич — Пушкин, Зайцев — Тургенев. Яну предлагали Толстого, Чехова, Мопассана, но он согласился на Лермонтова» (дневниковая запись В.Н. Буниной 10/23 декабря 1928 г.; Устами Буниных. Т. 2. С. 189). Биография Лермонтова Буниным написана не была.

⁸ Ходасевич начал писать биографию Державина 30 января 1929 г. и закончил работу над ней 6 января 1931 г. Издательство «Современные записки» выпустило ее отдельной книгой в 1931 г.

⁹ «Гром победы раздавайся» — песня для кадрили с хорами, слова Державина, музыка Козловского, написана для праздника, данного Потемкиным в апреле 1791 г. по случаю взятия Измаила. Позднее исполнялась как официальная. В книге Ходасевича эпиграфа нет.

19

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

14 января 1929 г. Грасс

1/14 янв. 29 г.

Дорогой Владислав Фелицианович,

Как всегда, был оч^{ень} рад Вашему письму. *Чрезвычайно* сожалею, что изорвали письмо-статью — и прочел бы и ответил (несмотря на всю мою неискренность в этом роде) с большим удовольствием. Значит, этот спор — до личного свидания, коего тоже очень хочу. Сейчас спешу написать Вам только два словечка вот по какому поводу: не знаете ли, не помните ли, *когда* умер драматург Найденов!? А в ожидании ответа, если по-

зволите, целую Вас. Mettez-moi aux pieds de Madame². А Вейдле, пожалуйста, передайте мой самый сердечный привет, у меня к нему большое благодарное чувство — я все-таки не избалован умными словами читателей и критиков. А на Адамовича я слегка сердит: помилуйте, уж будто бы я только и сделал в этом самом «Арсеньеве», что «воспел хвалу *матушке* России, о которой, покойнице, лучше все-таки (при всех ее грехах) доброе слово молвить в конце концов»!³

Ваш Ив. Бунин

¹ Найдёнов (наст. фам. Алексеев) Сергей Александрович (1868–1922) — драматург, член товарищества «Знание». Бунин с ним познакомился в 1901 г.; сблизившись, они вместе ездили на юг России, а в конце 1903–начале 1904 г. — во Францию и Италию. Бунин так о нем отзывался: «Тяжелый человек, но до чего прекрасный, редкого благородства» (*Муромцева-Булнина В.Н.* Беседы с памятью // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 189). Заболев туберкулезом в 1909 г., он переехал из Москвы в Ялту, где и умер.

² Положите меня у ног Мадам (*франц.*).

³ Рецензируя 37-ю книгу «Современных записок», Адамович писал о новых главах «Жизни Арсеньева»: «В сущности, эти прекрасные, иногда необыкновенно прекрасные главы представляют собой “плач об исчезнувшей России” <...> Бунин как будто “пропел отходную” старой России. Можно не все в ней любить, не обо всем с сожалением вспоминать. <...> Но все-таки было бы обидно за “матушку Русь”, если бы над развалинами и обломками ее, над “останками Руси великой” никто даже и не помянул ее достойным поминовением. Бунин <...> этот свой долг любви и верности исполнил. <...> Бунин тоже немало “покритиковал” в свое время старую русскую жизнь, а вот когда пришел час проститься с ней, нашел для нее только добрые слова, как бы ото всех благодаря ее за то, что она, плохо ли, хорошо, все-таки всем давала» (*Адамович Г.* «Современные записки». Книга XXXVII. Часть литературная // Последние новости. 1929. 10 января. № 2850; перепеч. в кн.: *Адамович Георгий.* Литературные заметки. Кн. 1. СПб., 2002. С. 128–129).

20

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

28 января 1929 г. Булонь-сюр-Сен

Дорогой Иван Алексеевич,

м<ожет> б<ыть>, это письмо уже не застанет Вас в Грассе¹. Но не мог ответить, пока не «исчерпал источников» — о Найденове. И — ничего не добился. Никто не знает. А мне самому — то кажется, будто он умер в 1921, то — в 1923 году². А может быть — и то, и другое не верно. Простите мое окаянство. Надеюсь Вас вскоре увидеть, а потому ограничиваюсь приветствиями.

Сердечно Ваш

В. Ходасевич

28 янв. 929.

Почтовая открытка. Почтовый штампель: Paris. 29.I.1929. Адрес: Villa Belvédère. Grasse (A<lpes> M<aritimes>).

¹ Бунины вместе с Кузнецовой уехали из Грасса 31 января 1929 г.

² См. примеч. 1 к № 19.

21

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ
и Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ

11 февраля 1929 г. Париж

Милые Ходасевичи, мы приехали, долго искали убежища, меняли отели, наконец устроились (до 23 февр<аля>) в Pension «Chez soi», 7, rue des Vauches, Paris XVI (Тел. Auteuil 38—01)¹. Надеемся видеть Вас или нынче у Зайцевых² или завтра — ведь Вы, Владислав Фелицианович, верно, уже извещены, что завтра мы (Алданов, Цетлин, Фондаминский и я) с Вами обедаем³. Сборы у меня в 7½ часов.

Ваш Ив. Бунин

Понедельник⁴.

Пневматическое письмо (carte pneumatique) со штампелем: Paris. 11.2.29. Адрес: 10 bis, rue des 4 Cheminées. Boulogne s/Seine.

¹ «В Париже <...> 2 часа ездили, нашли <комнаты> лишь в International» (дневниковая запись В.Н. Буниной от 2 февраля 1929 г.), а 6-го: «Переезжаем на рю дю Бош, где жили Михайловы. Берем пока комнаты» (Устами Буниных. Т. 2. С. 197).

² «Вечером <...> к Зайцевым. Было человек 25. Боря читал “Анну”. Я кончила бы на предпоследней главе. <...> Мы уехали раньше всех. Верочка была недовольна» (дневниковая запись В.Н. Буниной от 11 февраля 1929 г.; Устами Буниных. Т. 2. С. 198). Ходасевич и Берберова не могли быть у Зайцевых, поскольку они должны были идти на лекцию Вейдле.

³ См. «Камер-фурьерский журнал» за 12 февраля 1929 г.: «К Бунину (Алданов, Муратов, Цетлин, Зайцев, Фондаминский). С ними в ресторан» (С. 136). По-видимому, обсуждалась новая серия биографий-романов (см. примеч. 7 к № 18).

⁴ 11 февраля 1929 г. приходилось на понедельник.

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

4 апреля 1929 г. Париж

Дорогой Владислав Фелицианович, решили с Зайцевым и Алдановым, что наш «писательский» обед будет у меня, в понедельник 8-го (желательно очень начать часов в 7, в 7¼). Известите, можете ли в этот день?¹

Ваш Ив. Бунин

1, rue Jacques Offenbach.

Paris XVI. Телеф<он> Auteuil 16–25.

Пневматическое письмо со штемпелями: Paris. 4.4.29; 4 AVR<IL> 1929. Адрес: 10 bis, rue des 4 Cheminées. Boulogne s/Seine.

¹ См. № 23.

23. В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

5 апреля 1929 г. Булонь-сюр-Сен

Дорогой Иван Алексеевич,
спасибо, явлюсь в понедельник в 7.¹ Следовательно — до понедельника.

Всеобщие приветствия.

Ваш В. Ходасевич.

Пятница.

Пневматическое письмо с штемпелем: Paris. 6.4.29. Адрес: 1, rue Jacques Offenbach. Paris (16e).

¹ См. «Камер-фурьерский журнал» за понедельник, 8 апреля 1929 г.: «В Возр<ождение> (Вейдле). С ним в кафэ. К Бунину (писат<ельский> обед: Зайцев, Бунин, Алданов, Цетлин, Д<он>-Аминадо)» (С. 139). 17 апреля Ходасевич и Берберова были у Цетлиных на вечере Бунина.

24

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ
и Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ
24 апреля 1929 г. Париж

Дорогие Ходасевичи,
Уезжаем раньше, чем предполагали, — завтра утром. Очень жалеем,
что не можем быть у Вас, шлем поклон и целуем.
Ваш Ив. Бунин.

Среда. 24 апр. 29 г.

25

В.Н. БУНИНА — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ
и Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ
8 мая 1929 г. Грасс

Христос Воскресе!¹
С праздником!
Желаем успехов, здоровья и радостей.
Читали и хвалили Державина².

Сами еще не живем. После парижской суеты, после третьеклассного
трехдневного путешествия ангина, да еще у Яна! Намучились все³. Теперь
он встал. Стало спокойно⁴, есть надежда приняться за работу.

В. Бун<ина>.

А как Вам понравилось, что три стихотворения Гал<ины> слили в
«П<оследних> Н<овостях>» в одно!!!...⁵ Прямо для Аминадо⁶!

Открытка с видом: Sur la Côte d'Azur. La Cueillette du Jasmin. Почтовый штемпель: Grasse. 8.V.29. Адрес: Mr. et Mme Khodocevitich <так!>. 10 bis rue des Quatre Cheminées. Boulogne s/Seine.

¹ В 1929 г. русская Пасха приходилась на 5 мая. «Вчера в 12 ч. мы с ИлИс'ом <Ильей Исидоровичем Фондаминским> разговлялись скромно в кухне. Ян уже спал. Я подарила каждому по шоколадному яичку, влитому в скорлупу с раскрашенной физиономией» (дневниковая запись В.Н. Буниной 5 мая 1929 г.; Устами Буниных. Т. 2. С. 202).

² «Державин» Ходасевича был напечатан в «Современных записках» в 1929–1930 гг. (№ 39–43). Отрывки из него были опубликованы и в «Возрождении», в том числе «Солдатчина» в № 1433 от 5 мая 1929 г.

³ Ср. запись Галины Кузнецовой 2 мая 1929 г.: «Последний месяц в Париже, вечер И. А., наш отъезд и болезнь И. А. совершенно истомили меня, и я только сегодня, на пятый день по приезде сюда, более или менее начинаю видеть то, что за окнами <...> Из нашего сложного путешествия в Грасс через Биарриц в памяти моей всплывает

только некоторое, всего вспоминать не хочется. <...> В Грассе И. А. в первый же день слег. У него оказалась ангина» (Грасский дневник. С. 100—101).

⁴ «Завтракали в кабинете с Яном. Я всегда испытываю счастье, когда он после болезни начинает жить нормальной жизнью» (дневниковая запись В. Н. Буниной 6 мая 1929 г.; Устами Буниных. Т. 2. С. 202).

⁵ В газете под рубрикой «Стихотворение» (Последние новости. 1929. 5 мая. № 2965) были напечатаны без отбивок три стихотворения Кузнецовой: «Застыла ночь над облаком ветвей...»; «Опять на взгорьях тонкая трава...»; «Я возвращалась в сумерки. Над садом...». Ср. запись Галины Кузнецовой от 6 мая 1929 г.: «Мои стихи в “Новостях” напечатаны слитыми (три, как одно), отчего получается бессмыслица» (Грасский дневник. С. 103).

⁶ Дон-Аминадо (наст. имя: Аминад (Арнольд-Аминодав) Петрович (Пейсахович) Шполянский; 1888—1957) — поэт-сатирик, прозаик, драматург, мемуарист; в 1920 г. из Одессы эмигрировал через Константинополь в Париж.

26

И. А. БУНИН — В. Ф. ХОДАСЕВИЧУ

25 августа 1929 г. Грасс

Дорогой Владислав Фелицианович,

Был ужасно занят — простите же великодушно, что с таким опозданием благодарю Вас за статью¹, за поддержку нашей с «Совр<еменными> Зап<исками>» «коммерции»². Конечно, во многом не согласен с Вами, да ведь где же это видано, чтобы автор бывал согласен с критиком!

Как Вас Бог милует? Ужели так и просидите все лето в Париже?³ Весьма сожалеем, что не покупаемся вместе, и во всем виним Нину Николаевну, почему-то столь невзлюбившую юг. С большим укором шлю ей поклон и с грустью жму Вашу руку: теперь увидимся, верно, не раньше ноября!⁴

Ваш Ив. Бунин

Датируется по пометке Ходасевича в левом верхнем углу: «Получил 27 авг<уста> 929».

¹ Ходасевич написал о книге Бунина «Избранные стихи», выпущенной издательством «Современные записки» в 1929 г.: *Ходасевич В.* О поэзии Бунина // Возрождение. 1929. 15 августа. № 1535. — перепеч. во втором томе собрания сочинений Ходасевича в четырех томах (М., 1996. С. 181—188).

² «Ходасевич написал З. Н. <Гиппиус>, что Ян очень доволен его рецензией. Я передала ей письмо Яна, в котором он благодарит “за поддержку коммерции”. Она очень удивилась» (дневниковая запись В. Н. Буниной 2 сентября 1929 г.; Устами Буниных. Т. 2. С. 208—209). См. также запись 12 декабря 1929 г.: «З. Н., видимо, хочет видеть Зурова. <...> Затем, оказывается, Ходасевич обижен на Яна, что он недоволен его статьей, что он называет его “символистом”. Затем еще обижен за то, что Ян пишет о символистах» (Там же. С. 213).

³ Ходасевич никуда не уезжал из Парижа летом 1929 г.

⁴ Бунины с Кузнецовой и Л. Ф. Зуровым приехали в Париж из Грасса только 1 февраля 1930 г.

27

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ
и Н.Н. БЕРБЕРОВОЙ
24 апреля 1930 г. Париж

Милые Ходасевичи, очень благодарим, будем¹. Привет.
Ваш Ив. Бунин.

Пневматическое письмо со штемпелем: 24.IV.1930. Paris. Адрес: 10 bis rue des 4 Cheminées. Boulogne s/Seine.

¹ Ср. «Камер-фурьерский журнал» за вторник 29 апреля 1930 г.: «В Табас (Бунин). / Вечером> Бунины, Кузнецова, Зуров, Цетлин, Вишняки» (С. 157). В пятницу 4 апреля 1930 г. Бунины с Кузнецовой и Л.Ф. Зуровым были на «юбилее» Ходасевича (25 лет литературной деятельности). «Хочу записать о юбилее Ходасевича. <...> Юбиляр явился поздно, когда все были в сборе. Как всегда, изыщен, немного насмешлив и, как редко, доволен. Аплодисменты. Грациозный поклон. Рукопожатие. Наконец, расселись. Стол с букетом цветов, с массой закусок» (дневниковая запись В.Н. Буниной 5 апреля 1930 г.; Устами Буниных. Т. 2. С. 217). В воскресенье 13 апреля Ходасевич и Берберова были на вечере Бунина. 12 мая Бунины уехали из Парижа обратно в Грасс.

28

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ
1 апреля 1931 г. Грасс

Дорогой Владислав Фелицианович, простужен, даже лежал немного. Посему простите, что так поздно благодарю Вас за Державина¹. А благодарю очень — с удовольствием залягу вот-вот перечитывать. Завидую, как хорошо вышла обложка.

Сердечно обнимаю Вас, кланяюсь Н<ине> Н<иколаевне>.
Ваш Ив. Бунин

1 Апр.

В правом нижнем углу письма Ходасевич проставил «1931».

¹ «Державин» Ходасевича вышел 14 марта 1931 г. в издательстве «Современные записки».

В. Ф. ХОДАСЕВИЧ — И. А. БУНИНУ

18 апреля 1931 г. Париж

Дорогой Иван Алексеевич,

очень благодарю Вас за книгу¹. Прочитал ее не только с удовольствием, но, думается, и с пользой, потому что она наводит на некоторые мысли, которые, впрочем, еще бродят в моей голове довольно бесформенно. Мечтаю однако же привести их в некоторый порядок, а затем изложить печатно²: по нашим временам бесплатно мыслить никак нельзя.

Зима, слава Богу, кончается. Устал я от нее изрядно, но конкретных бед не было — и то хорошо. Теперь у меня только две мечты: съездить в деревню³ да еще чтобы человечество, в лице испанцев, не слишком быстро двигалось по пути прогресса⁴.

Желаю Вам всего самого хорошего. Привет Вере Николаевне. Берберова кланяется.

Ваш В. Ходасевич

18 апр. 931.

¹ Сборник рассказов Бунина 1923—1930 гг. «Божье дерево» (Париж: изд-во «Современные записки», 1931).

² Ходасевич читал «Божье дерево» 16 апреля 1931 г. Он начал писать рецензию на него 25-го и закончил ее 28-го (Камер-фурьерский журнал. С. 358). Рецензия была опубликована в газете «Возрождение» (1931. 30 апреля. № 2158).

³ С июня 1930 г. Ходасевич часто ездил работать в Arthies, под Парижем, где снимал комнату в русском пансионе (chez Ярко).

⁴ 14 апреля 1931 г. в Испании была свергнута монархия, что положило начало Испанской республике (и Гражданской войне 1936—1939 гг.).

И. А. БУНИН — В. Ф. ХОДАСЕВИЧУ

2 мая 1931 г. Грасс

Очень благодарю¹, дорогой Владислав Фелицианович! Поклон и сердечный привет от всех нас Вам и Нине Николаевне!

Ив. Бунин

2.V.1931.

Открытка с видом Лазурного Берега. Адрес: 10 bis, rue des 4 Cheminées. Boulogne s/Seine.

¹ Видимо, за рецензию; см. примеч. 2 к № 29.

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

12 октября 1931 г. Булонь-сюр-Сен

Дорогой Иван Алексеевич, в «Возр<ождении>» заводится новая рубрика, в кот<орой>, между прочим, будут печататься *сводки* из отзывов о нов<ых> книгах. «Божье древо» намечено одним из первых, но так как затея эта родилась недавно, то, разумеется, материала теперь уже не собрать. Поэтому — не пришлете ли Вы мне сами такую сводку, в виде наиболее выразительных цитат из критич<еских> статей и заметок? Из Степуна («С<овременные> З<аписки>»)¹ и А. Савельева («Руль»)² можете не брать — они у меня имеются, я сам сделаю выборку. Очень хотелось бы получить эту штуку *поскорее*.

Я слышал, что Вы прихварываете и грустите. Из сочувствий, разумеется, шубу не сошьешь, да и в качестве горчичника она никуда не годится. А все-таки жму Вашу руку очень крепко и очень любовно. Дай Вам Бог всего хорошего.

Ваш В. Ходасевич.

Привет Вере Николаевне.

12 окт. 931.

Почтовая открытка со штемпелем: Paris. 12.X.1931. Адрес: Villa Belvédère, Grasse (A<lpes> M<aritimes>) Обратный адрес: 10bis, rue des 4 Cheminées, Boulogne s/Seine.

¹ Рецензия Федора Степуна (1884—1965) на «Божье древо» была опубликована в 1931 г. в 46-й книге «Современных записок» (С. 486—489). «Днем Ф. А. <Степун> заходил прощаться и читал нам свою статью об И.А., критику на «Божье древо». <...> Видно было, что ему самому хотелось знать наше мнение <...> Статья интересная, хотя маленькие измышления есть. И.А. остался доволен» (дневниковая записка Галины Кузнецовой 22 апреля 1931 г.; Грасский дневник. С. 216).

² А. Савельев (наст. имя: Савелий Григорьевич Шерман; 1894—после 1946) — общественный деятель, литературный критик, с 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Берлине, в 1933 г. переехал в Париж. Ходасевич имеет в виду рецензию: *Савельев А.* Иван Бунин. Божье древо. Париж, 1931 // Руль. 1931. 6 марта. № 3173.

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

15 октября 1931 г. Грасс

Дорогой Владислав Фелицианович, очень, очень благодарю Вас за доброе, милое письмо. Посылаю Вам несколько статей, — простите, что не цитаты из них: не знаю, какова именно цель нового отдела «Возрожде-

ния» и, значит, каковы должны быть размеры и характер цитат. Посылаю кое-что и о «Тени птицы»¹, — м<ожет> б<ыть>, и это понадобится?

Сердечно обнимаю Вас, дорогой друг, кланяюсь Нине Николаевне. Будьте здоровы и благополучны.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Когда Вам эти заметки будут не нужны, сделайте одолжение, верните мне их.

15.X.31.

P.P.S. Очень хорошо написали Вы о премии². Только есть одно «смягчающее обстоятельство»: семья покойного в плохом положении³.

¹ Сборник рассказов Бунина 1907–1911 гг. «Тень птицы» (Париж: изд-во «Современные записки», 1931).

² В статье о Нобелевской премии Ходасевич, в частности, писал: «Будем откровенны: каждую осень, когда присуждается литературная премия Нобеля, мы, русские, испытываем чувство обиды, которое не увеличивается с каждым разом только потому, что ему, в сущности, уже некуда увеличиваться. Слишком наболев, оно давно уже притупилось и постепенно переходит в чувство привычного, но глубокого недоумения. Как, в самом деле, не удивляться? Интерес к нашей литературе сейчас очень велик во всем мире, несмотря даже на то, что он не всегда правильно ориентирован. Последние десятилетия явственно отмечены русским влиянием на передовые течения других европейских литератур. И при всем том — именно только русскому писателю нобелевская премия не была присуждена никогда, ни разу! <...> В этом году наше горестное недоумение несколько тягостней, чем обычно, ибо к нему примешано чувство разочарования. Ни от кого не тайна, что уже несколько месяцев ходили довольно упорные слухи о предстоящем присуждении премии одному из русских писателей-эмигрантов» (*Ходасевич В.* Премия Нобеля // *Возрождение*. 1931. 11 октября. № 2322). Ср. дневниковую запись Галины Кузнецовой 9 октября 1931 г.: «И. А. сам принес и прочел нам найденную им во французской газете заметку о том, что Нобелевская премия в этом году назначается секретарю шведской Академии, поэту, умершему в апреле этого года. Расстройство его — для него это удар, т.к. он больше всех надеялся на премию <...> “Если же в этом году, когда за меня было 7 профессоров с разных концов мира, и сам Массарик, глава одного правительства, вмешался в это — не дали премии — дело кончено!”» (Грасский дневник. С. 221); и запись 10 октября: «Настроение грустное. И. А. расстроен. <...> “Видно, надо смириться, — говорит И. А., — остаться тут на всю зиму, работать, писать. Вот и денег совсем нет. Что же делать!”» (С.222).

³ Ходасевич так закончил свою статью о Нобелевской премии: «Литературная премия за 1931 год присуждена шведской академией шведскому поэту Эрику Акселю Карлфельду <обычно — Карлфельдт; 1864–1931>, то есть как раз автору, язык которого столь же мало распространен, как русский, да к тому же еще и поэту, то есть писателю в значительной степени непереводимому <...> и вряд ли кому-либо известному за пределами его родины. <...> В присуждении премии Карлфельду есть еще одна сторона, не касающаяся России, но довольно своеобразно рисующая психологическую обстановку этого события. Дело в том, что Карлфельд, бывший неприменный секретарь шведской академии, умер в апреле месяце этого года. <...> не следует упускать из виду, что как ни лестно получение нобелевской премии, она все же не есть ни орден, ни чин, ни звание, а просто известная денежная сумма, которая живому писателю дает возможность плодотворно и независимо работать в будущем, а мертвому не дает ничего».

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

19 октября 1931 г. Булонь-сюр-Сен

19 окт. 931.

Возвращаю Вам вырезки, дорогой Иван Алексеевич. «Тень птицы» пока меня не касается, а задерживать не решаюсь. О «Божьем древе» я использовал все¹, кроме Полякова-Литовцева². Он, разумеется, прав, что хвалит книгу, но он ее хвалит так безвкусно и глупо, что читать тошно. Заглавия не сумел привести точно! Его статейка — образчик того пошлого репортажа, который у нас сходит за критику.

<окончание письма утрачено>

¹ «Заметки читателя» (Возрождение. 1931. 23 октября. № 2333) Ходасевич под-писал псевдонимом «Гинт», приведя в своем разборе критических откликов на «Бо-жье древо» отрывки из статьи 1928 г. Ю.И. Айхенвальда для контекста, а затем мнен-ия А. Савельева («Рულъ»), Кирилла Зайцева («Россия и славянство»), Г.В. Адамо-вича («Иллюстрированная Россия») и Ф.А. Степуна («Современные записки»).

² С. Литовцев (наст. имя Соломон Львович Поляков; 1875–1945) — журналист, прозаик, поэт, драматург, переводчик. Ходасевич имеет в виду его рецензию: *Ли-товцев С.* «Древо Божье» // Последние новости. 1931. 9 апреля. № 3669.

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

18 июля 1933 г. Грасс

Грех Вам, *cher maître*¹, — что я-то знать Вас не хочу! Я в Париже был на пять минут², был совсем задержан, сердце свое все время чувствовал так, что только бодрился, а втайне поминутно думал: ой, вот-вот помру! Да и стеснял-ся навязываться, слать пневматичку о своем приезде, надеялся, что все-таки где-нибудь в кафе встретимся... Очень благодарю Вас за добрые слова обо мне в письме к Гале³, — «поощрение нужно артисту, как канифоль смычку»⁴, и Вы меня очень обрадовали. Сердечно обнимаю и целую Вас.

Ваш Ив. Бунин.

Ходасевич отметил в верхнем левом углу: «Получил 20 июля 933».

¹ Дорогой мэтр (*франц.*). См. дневниковую запись В.Н. Буниной от 6/7 июля 1928 г.: «Ян спросил Берберову: — Ну, а как мэтр? И она совершенно серьезно от-ветила: “Мэтр и т.д.”» (Устами Буниных. Т. 2. С. 180).

² Бунин уехал из Грасса 8 июня 1933 г. и вернулся туда из Парижа в начале июля.

³ Галина Кузнецова.

⁴ Ср.: «Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необхо-дима канифоль смычку виртуоза» (Козьма Прутков. «Мысли и афоризмы», 73).

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

16 апреля 1934 г. Булонь-сюр-Сен

46, av<enue> Victor Hugo,
Boulogne s/Seine¹.

Дорогой Иван Алексеевич,

из бриджа, назначенного сперва на 17, потом на 30 марта, потом на 13 апреля — *ничего* не вышло². Мария Самойловна³, вернувшись в Париж, объявила мне (уже 10 числа!), что «дело расстроилось» по вине г-жи Шик⁴. Кульман⁵, продававший билеты, в самый день бриджа нечаянно обнаружил, что даже помещение не было снято и что владельцы клуба *не подозревали*, что у них будет происходить этот бридж! Ни г-жа Шик, ни М<ария> С<амойловна>, по совету которых я отказался устраивать лекцию ради бриджа, не предложили мне никакой помощи и даже не обещали устроить что-нибудь когда-нибудь, хоть осенью! «Расстроилось», «Вам не повезло» — и прощайте, выкручивайтесь, как знаете. А ведь дело началось в первых числах января. За это время я что-нибудь мог устроить. Меня же оставили без гроша накануне того терма⁶, ради которого я решился на всю эту грустную и тягостную затею. — Всего этого не стал бы я Вам рассказывать, если бы М<ария> С<амойловна> не сообщила мне в виде утешения, что взяла с Вас двести франков, как если бы Вы участвовали в бридже. Я ей ответил, что напрасно она это сделала и что эти деньги я Вам возвращу, ибо Вы писатель, а не читатель, в бридж не играете и в Париж не собираетесь.

С М<арией> С<амойловной> я не виделся, но денег она мне не прислала. Сообщите, пожалуйста, не отослала ли она их Вам. Если Вы их получили, то, значит, мы с Вами в расчете, а я самым простым, дружеским и сердечным образом благодарю Вас за добрую волю мне помочь. Если же Вы денег не получили, то, значит, М<ария> С<амойловна> их решила удержать, ибо как раз 200 франков я ей должен. В этом случае я их Вам верну сам, а с ней буду в расчете. По правде сказать, я бы рад был, если бы оказалось, что Вы денег не получили: это значило бы, что Вы уплатили мой долг Марии Самойловне. Я сейчас в катастрофическом положении, могут выселить из квартиры, хозяин *части* денег не берет. Где же еще взять 200 фр<анков> для М<арии> С<амойловны> — а отдать при нынешних обстоятельствах необходимо (хотя она подсадила меня покрупнее). Поэтому, если бы я оказался должен Вам, то это для меня куда легче, ибо Вы — свой человек. Итак — ответьте поскорее, а я Вам деньги пришлю не скоро.

О себе ничего не сообщаю: сами видите, каковы дела. Крепко жму руку. Не вздумайте на меня сердиться за возврат денег. Я говорю с Вами на

чистоту и очень любовно. Поклон Вере Николаевне, попросите, чтоб она, как всегда, за меня перед Вами заступилась. Жена моя кланяется⁷.

Ваш В. Ходасевич.

16 апр. 1934.

В верхнем правом углу рукою Бунина вписано: «Послал 18.IV.34 800 фр.». См. № 36.

¹ 29 декабря 1932 г. Ходасевич переехал на 46, Avenue Victor Hugo в Булони, где жил до самой смерти.

² См. письмо Алданова к В. Н. Буниной от 26 февраля 1934 г.: «Устраиваем мостик в пользу Ходасевича. Запрашивает меня о возможности своего чтения в Париже Сиринов. Вечера Ремизова, Шмелева. Всем очень трудно. <...> Для Мережковского Марья Самойловна устраивает продажу книги с автографами» (Письма М. А. Алданова к И. А. и В. Н. Буниным / Публ. Милицы Грин // Новый журнал. 1965. № 80. С. 285). Ср.: «Время от времени он <Фондаминский> также устраивал “бриджы” и “чай”, на которых немолодые дамы, приятельницы его жены, играли в карты, отчисляя деньги в пользу писателей — Мережковского, Ремизова, Ходасевича» (*Берберова Н.* Курсив мой. С. 346).

³ Цетлина М. С. (урожд. Тумаркина; в первом браке Авксентьева; 1882–1976) — жена М. О. Цетлина, издатель, общественный деятель, член Комитета помощи русским литераторам и ученым во Франции, в благотворительной работе которого и В. Н. Бунина принимала активное участие.

⁴ По-видимому, жена Исаака Яковлевича Шика, партнера Ходасевича по бриджу.

⁵ Кульман Николай Карлович (1871–1940) — филолог-славист, историк литературы; воспитатель сербского короля Александра, профессор русской литературы в Белграде, затем профессор Сорбонны. «1930 год, 4 апреля. Юбилей Ходасевича — двадцать пять лет литературной деятельности. <...> Самое трудное было объединить “левый” сектор эмигрантской печати с “правым” <...> Помню, проф. Н. К. Кульман (представитель “правого” сектора) в витеватской речи объявил, что лучшее создание юбиляра — Пигмалиона — это его Галатей. Галатей же сидела ни жива ни мертва от волнения, чтобы все было если и не так, как на юбилее Зайцева, то по крайней мере *как у людей*» (*Берберова Н.* Курсив мой. С. 460). Кульман и его жена Наталья Ивановна часто гостили у Буниных в Грассе, на вилле Бельведер.

⁶ От франц. «teinte», срок платежа за квартиру.

⁷ Марголина Ольга Борисовна (1890–1942) — четвертая жена Ходасевича. Совместная их жизнь — с воскресенья 8 октября 1933 г.: «Вечером переезд Оли» (Камер-фурьерский журнал. С. 221). Поженились они, по-видимому, 10 октября. Племянница Алданова; погибла в концлагере. О ней см. в воспоминаниях Н. Н. Берберовой «Курсив мой». Бунин познакомился с ней 24 декабря 1932 г. в Café Murat (Камер-фурьерский журнал. С. 205)

36

И. А. БУНИН — В. Ф. ХОДАСЕВИЧУ

17 апреля 1934 г. Грасс

Дорогой, милый друг, *очень* огорчен Вашим положением. *Очень* прошу Вас — позвольте предложить Вам 800 франков. Те 200 фр., что я дал М<арии> С<амойловне>, остались у нее, и пусть так и будет (как уплата

Вашего долга *ей*), дабы составила круглая цифра Вашего долга *мне* — 1000 франков. А к этому позвольте присоединить еще и другую усердную просьбу: вернуть мне все эти деньги *только тогда*, когда явится полная, легкая возможность к тому, и ко всему этому делу в целом отнестись просто, совершенно просто, вполне веря, что я движим самыми лучшими чувствами к Вам. Сердечно обнимаю Вас, кланяюсь Вашей жене. В<ера> Н<иколаевна> кланяется Вам обоим.

Ваш Ив. Бунин.

17.IV.34.

37

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

28 апреля 1934 г. Булонь-сюр-Сен

28 апр. 934.

Дорогой Иван Алексеевич,

я Вас благодарил в каком-то наглом тоне, ибо писал в квартире сестры, за несколько минут до закрытия почты, раздерганный всякими хлопотами¹. Будем считать, что то был черновик. Теперь, уплатив деньги хозяину, обретя кров, настрочив и напечатав очередной (бездарный) фельетон, откусив нос Бурцеву² — почиваю от дел и благодарю Вас уже начисто. Ощущаю к тому настоящую душевную потребность, ибо Вы не только выручили меня из беды, но и человечески порадовали: участием, теплотой, простотой, даже поспешностью, которую Вы проявили дважды.

Должен сказать, что в ту памятную эпоху, когда Париж был мучительно озабочен распределением Ваших денег³, я не раз высказывал смелую мысль о том, что не худо бы оставить что-нибудь и для Бунина («Пусть хоть один сможет спокойно работать». — «А зачем ему теперь работать?» — Это не анекдот, а факт). Поэтому заявляю: не скоро и не сразу (да, над Вами не каплет), но долг верну⁴.

Вчера получил я польский журнал с моею статьей о Вас⁵. Сводится она к тому, что в стихах заняли Вы позицию оборонительную, пассивную, упорствуя против символизма и в этом упорстве отвергая правды символизма, чтобы не разделить ни в чем его заблуждения. Но в прозе, где символисты не сделали ничего (тут изруганы Мережковский, Зина, Брюсов и Сологуб, как прозаики), — Вы совершенно самостоятельно сделали *один* то, что надо было бы сделать символистам и на что оказались они неспособны: речь идет о претворении формы в содержание... Словом — попури из четырех моих статей, которые Вы знаете⁶. — Если Ваше бюро не при-

слало Вам эту статью — черкните, я вышлю, хотя очень страшно, если Вы вздумаете в нее заглянуть: там то и дело встречается слово *rozognie*: Бунин *rozognie* делает то, *rozognie* — это; меж тем никаких позорных поступков я Вам не приписываю⁷. Наоборот — сам Алданов нашел бы, что комплиментов достаточно: Достоевский и Толстой помянуты. Бульше о русском писателе не скажешь.

За сим — приветствия и рукопожатия Вам, целование руки Вере Николаевне.

Ваш В. Ходасевич

Жена кланяется.

¹ Письмо, в котором Ходасевич поблагодарил Бунина за присылку 800 франков, не сохранилось. Ходасевич заходил «к Жене», т. е. Евгении Фелициановне Нидермиллер (1876–1960), своей старшей сестре, и 19 и 20 апреля 1934 г.

² В статье «Домыслы В. Л. Бурцева» (Возрождение. 1933. 30 ноября. № 3103; 7 декабря. № 3110) Ходасевич критиковал «вполне сумбурную статью» Владимира Львовича Бурцева (1862–1942) «Изучайте Пушкина!», опубликованную в его же газете «Общее дело»: «Помимо сумбурности изложения, отличается она тем, что верные факты и мысли, в ней содержащиеся, — не новы, а новые — не верны». В. Л. Бурцев напечатал «Мой ответ Ходасевичу» в номере «Общего дела» от 18 марта 1934 г., который, в свою очередь, вызвал ответную реплику: *Ходасевич В.* Неблагодарный // *Возрождение.* 1934. 26 апреля. № 3249.

³ Об истории присуждения Нобелевской премии Бунину в 1933 г. (стало известно 9 ноября) см.: *Марченко Т. В.* Неизвестные страницы бунинской нобелианы: (по материалам архива Шведской академии) // *Известия АН. Серия литературы и языка.* 1997. Т. 56. № 6. С. 23–35; *Блох А. М.* Советский Союз в интерьере Нобелевских премий: Факты. Документы. Размышления. Комментарии / Под ред. А. И. Мелуа. СПб., 2001. Ходасевич присутствовал и на приеме Бунина в редакции «Возрождения» 16 ноября, и на чествовании его 10 дней спустя. Ср. дневниковую запись В. Н. Буниной 9 ноября 1934 г.: «Ровно год, как раздался звонок из Стокгольма и все завертелось. Кутерьма пошла, и до сих пор мы не обрели покоя. Слава, деньги, поздравления, восторги, зависть, требования, обиды, радость, что можно помочь, огорчение, разочарование, бессилие, лесть — вот чувства, которые или мы испытывали, или окружающие» (Устами Буниных. Т. 3. С. 12). По поручению Бунина «комитет под председ^ательством» проф. Н. К. Кульмана распределил по отдельным писателям, учреждениям, организациям эмигрантским десятую часть» премии (*Зайцев Б. К.* Другая Вера. Повесть временных лет // *Зайцев Б.* Золотой узор. Роман. Повести. М., 1991. С. 412).

⁴ Бунин отметил этот абзац жирной линией и «NB».

⁵ *Chodasewicz Władysław.* Iwan Bunin // *Przegląd Współczesny* (Kraków). 1934. № 144. S. 3–16.

⁶ Имеются в виду следующие публикации Ходасевича: статья «О поэзии Бунина» (Возрождение. 1929. 15 августа. № 1535), рецензия на «Божье древо» (Возрождение. 1931. 30 апреля. № 2158), заметки о «Жизни Арсеньева» (Возрождение. 1933. 22 июня. № 2942; 9 ноября. № 3082) и статья «О Буinine» (Возрождение. 1933. 16 ноября. № 3089). См. также статью «Бунин. Собрание сочинений» (Возрождение. 1934. 29 ноября. № 3466).

⁷ В польском слово «*rozognie*» значит: с виду, на вид.

38

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

8 мая 1934 г. Грасс

Дорогой друг, очень благодарю Вас за хорошее Ваше письмо. Польскую свою критику на счет меня, пожалуйста, пришлите — я ее не получил от «Argus»¹.

Поклон супруге, обнимаю Вас.

Ваш Ив. Бунин

Почтовое письмо (carte-lettre) со штемпелями: Cannes. 8.5.34 и Boulogne. 10.V.1934. Адрес: 46, Av. Victor Hugo. Boulogne s/Seine.

¹ Свыше 100 газетных вырезок со статьями о Бунине за 1933–1934 гг., собранные агентством «Argus de la Presse», находятся в фонде Бунина в Русском архиве в Лидсе (MS.1066/9154–9219).

39

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

20 мая 1934 г. Булонь-сюр-Сен

46, av<enue> Victor Hugo,

Boulogne s/Seine

Дорогой Иван Алексеевич,

сейчас получил письмо из Польши. Спрашивают, где добыть Вашу биографию, а я забыл и никаких книг под рукою нет. В новом издании Брокгауза? В Венгеровской «Рус<ской> литературе XX века»¹? Где еще? Сообщите, сделайте милость.

В частности, прочитав мою статью о Вас, поляки вывели заключение, что в таком великом человеке должна же быть польская кровь. А если не в Вас, то хотя бы в Вере Николаевне. Они что-то такое слышали и требуют от меня точных сведений. Помогите, пожалуйста.

Обнимаю Вас, Вере Николаевне *padam do nog*².

Władysław Chodasewicz

20 мая 934.

¹ Имеется в виду автобиографическая заметка Бунина 1915 г. в кн.: Русская литература XX века. Т. II. Вып. 7 / Под ред. С.А. Венгерова. М., 1915. С. 331–341.

² припадаю к ногам (*польск.*)

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

28 мая 1934 г. Грасс

Дорогой друг, получил польск<ий> журнал с Вашей статьей — оч<ень> благодарю. Завтра вышлю Вам биограф<ическую> заметку. Конечно, я поляк и даже вдвойне: Каспрович покойный был женат на Буниной¹.

Ваш Ив. Б.

Открытка с видом: «Ile de Port-Crós». Почтовый штемпель: Grasse. 28.V.34. Адрес: 46, av. Victor Hugo. Boulogne s/Seine.

¹ Kasprowicz Jan (1860—1926) — польский поэт, филолог-романист, переводчик, ректор Львовского университета.

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

11 октября 1934 г. Булонь-сюр-Сен

46, av<enue> Victor Hugo,

Boulogne s/Seine.

11 окт. 934.

Дорогой Иван Алексеевич,

простите, пожалуйста, что возвращаю Вам автобиографию не только с благодарностью, но и с опозданием. Дело в том, что я послал ее Ледницкому¹, он ее несколько задержал, а потом, когда случилось несчастье с его отцом², мне некоторое время неловко было его тревожить. Он очень огорчен и, кажется, вообще выбит из колеи³.

Жаль, что, зайдя в café Murat, Вы не извлекли меня из подвала. На другой день Алдановы⁴ мне сказали, что Вы уезжаете, через несколько часов, — это было неверно, но я уже не стал Вас разыскивать. Говорят, Вы собираетесь переселиться в Париж? Правда ли?⁵ Я думаю — парижане от этого выиграют, а Вы проиграете. Следственно — приезжайте, ибо я, кажется, наконец, решил в жизни блюсти свои выгоды, а не чужие. Из этого Вы, в свою очередь, можете заключить, что я поумнел. А с умным человеком поговорить любопытно: лишний резон Вам приехать сюда.

Жму руку.

Ваш В. Ходасевич.

Всяческие приветствия Вере Николаевне.

¹ Lednicki Waślaw (1891–1967) — польский славист, пушкинист, профессор Брюссельского и Ягеллонского (Краков) университетов; член редколлегии краковского ежесемейника «Przegląd Współczesny»; с августа 1940 г. в США, где стал профессором Калифорнийского университета в Беркли. См. его: Reminiscences. The Adventures of a Modern Gil Blas during the Last War. The Hague—Paris, 1971. О его отношениях с Ходасевичем: *Ледницкий В.* Литературные заметки и воспоминания. I. «Тяжелая лира» // *Опыты* (Нью-Йорк). 1953. № 2. С. 159–162; *Янгиров Рашит.* Пушкин и пушкинисты: По материалам из чешских архивов // *Новое литературное обозрение*. 1999. № 37. С. 213–214, 216. Ходасевич высоко расценил польское издание «Медного всадника» (Варшава, 1931; пер. Ю. Тувима), снабженное специальным исследованием Ледницкого: *Ходасевич В.Ф.* «Медный всадник» у поляков // *Возрождение*. 1932. 10 марта. № 2473. Ходасевич впервые встретился с ним в Париже 30 октября 1932 г.

² «Из Варшавы сообщают: Александр Ледницкий, до революции известный московский адвокат, теперь президент “польской секции международной дружбы” — покончил с собой в ночь на 11 августа вследствие нападок, которым подвергался в прессе за участие в одном франко-польском деле, касающемся ткацкого производства» (Самоубийство А.Р. Ледницкого // *Возрождение*. 1934. 12 августа. № 3357). См. также: «Как умер А.Р. Ледницкий». Подпись: «W» <Władysław Chodasewicz?» // *Возрождение*. 1934. 14 августа. № 3359. А.Р. Ледницкий выбросился из окна.

³ 22 августа 1934 г. «состоялась дуэль на пистолетах в казарме конного полка между Игнатием Матушевским, бывш<им> министром <финансов> и главным редактором “Газета Польска”, и В.А. Ледницким, профессором Львовского университета, стрелявшим с Матушевским, защищая память своего отца А.Р. Ледницкого. Матушевский легко ранен» (Дуэль сына Ледницкого // *Возрождение*. 1934. 23 августа. № 3368. С. 1).

⁴ Марк Алданов и его жена, Татьяна Марковна (урожд. Зайцева; 1893–1968). Ходасевич виделся с ними вечером 7 октября 1934 г. на докладе Кирилла Зайцева о съезде писателей в Москве (Камер-фурьерский журнал. С. 243). Оттуда они пошли в кафе Mugar, одно из любимых кафе Ходасевича после 1930 г. (83, rue d’Auteuil), куда Ходасевич заходил два раза и в предыдущий день (днем и вечером для бриджа).

⁵ Бунины продолжали жить в Грассе, возвращаясь, как раньше, в Париж каждый год только на несколько месяцев или недель.

42. В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

Вторая половина октября 1934 г. Булонь-сюр-Сен

46, av<enu> Victor Hugo,
Boulogne s/Seine.

Дорогой Иван Алексеевич,

пишу Вам по делу, для меня очень важному, и хочу затруднить Вас просьбою. Прочтите прилагаемую прокламацию¹ (ей-Богу, не я писал! даже читаю ее со стыдом и ужасом!) — и Вы поймете, в чем дело. Это для меня сейчас единственная надежда кончить «Пушкина» и вообще уцелеть на земном шаре². Однако — прокламацию надо *подписать*. С этой просьбою я к Вам и обращаюсь. Одновременно пишу о том же Николаю Карловичу³. Еще предположены только две подписи: Алда-

нова и (м<ожет> б<ыть>) Маклакова⁴. Так вот — согласны Вы подписать сие или нет?

Жду ответа Вашего и надеюсь, что будет он положительный. Без Вас все дело придется похерить.

Ваш В. Ходасевич

Привет Вере Николаевне.

Датируется по содержанию и ответу Бунина (см. № 43). Бунин проставил «1934 год?».

¹ Анонс («"Пушкин" В.Ф. Ходасевича») о биографии Пушкина, которую Ходасевич должен был закончить к пушкинскому юбилею 1937 г., подписанный В.Н. Коковцовым, В.А. Маклаковым, И.А. Буниным, Н.К. Кульманом и М.А. Алдановым, был напечатан в газете «Возрождение» (1935. 17 января. № 3515). Полный текст см.: В.Ф. Ходасевич и И.Н. Голенищев-Кутузов. Переписка / Публ. Джона Малмстада // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 221–222. Ходасевич послал копии прокламации своим друзьям и знакомым, в том числе Голенищеву-Кутузову, с просьбой распространять их.

² См. заключение прокламации: «Однако тяжелые условия зарубежной литературной жизни в настоящее время таковы, что начатая В.Ф. Ходасевичем работа может быть завершена только в том случае, если заранее будет обеспечена хотя бы некоторая часть ее издания. С этой целью уже теперь должна быть объявлена предварительная подписка на книгу, которая появится в свет в течение 1936 г., в издательстве "Петрополис" — "Дом книги"». Книга так и не была закончена. См.: *Сурат Ирина*. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994. С. 92–94.

³ Н.К. Кульман — см. примеч.5 к № 35.

⁴ Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — общественный и политический деятель, публицист, юрист; с 1924 г. председатель Русского эмигрантского комитета при Лиге Наций. Ходасевич заходил к нему в субботу 17 ноября 1934 г., а к В.Н. Коковцову — в пятницу 23 ноября.

43

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

27 октября 1934 г. Грасс

Дорогой Владислав Фелицианович,

Весьма рад подписаться под воззванием — дай Бог в добрый час. Буду, конечно, и подписчиком на «Пушкина».

Обнимаю Вас и надеюсь вскоре увидеть — собираюсь на днях в Париж¹.

Ваш Ив. Бунин

27.X.34.

¹ 29 ноября 1934 г. Ходасевич встретился с Буниным, который был проездом в Париже по пути в Бельгию. Они виделись и в январе 1935 г. после возвращения Бунина оттуда, и 5 апреля 1935 г. на заседании пушкинского комитета в Париже.

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

2 ноября 1935 г. Париж

Иван Алексеевич, милый, еще вчера я был уверен, что пойду сегодня на Ваш вечер¹, а нынче встал, поглядел на небо — нет! Чувствую, что не могу раскланиваться, отвечать на вопросы о том, как я поживаю (ибо я *живу*, в крайнем случае *доживаю*, а не *поживаю*) — да и вообще слишком многого уже не могу².

Вы сами знаете, как я люблю Ваши писания, как научаюсь ценить их все больше. Но видеть и слышать все прочее нет моих сил. Поэтому — не сердитесь и простите.

Ваш В. Ходасевич

Вере Николаевне целую руку, даже обе, ибо я человек добропамятный.

2 ноября 35.

¹ На втором вечере «Современных записок» 2 ноября 1935 г. в зале Musée Social (5, rue Las-Cases) Бунин читал отрывки из своих новых произведений.

² Ср. «Камер-фурьерский журнал» за субботу 2 ноября 1935 г.: «Вечером» в Murat x (Фельзен, Милочка — бридж x) (С. 265).

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

Май 1936 г. Grasse

Villa «Belvédère»,
Grasse, A<Ipes> M<aritimes>

Дорогой Владислав Фелицианович,

Усердно прошу Вас — не поставьте мне в вину, что не навестил Вас, будучи в Париже. Вы знаете, как я люблю и ценю Вас, и поверите, что для меня Ваша болезнь — большое огорчение, — видит Бог, что говорю сухую правду. Не навестил же я Вас по той причине, что буквально *все* время в Париже валялся в постели с 12 часов дня до вечера: *ровно* в 12 начиналась у меня та болезнь, что посещает меня раз в год или в два года — нестерпимая, все растущая боль в правом глазу, в виске и брови — и длилась до вечера, утоляемая одуряющими пирамидонами, аспиринами, кофеинами. Сюда я приехал вдребезги разбитый, с отравленным и ослабленным сердцем — видите, как ковыряю пером. Обнимаю Вас от всей души и желаю скорейшего выздоровления. Кланяюсь Ольге Борисовне¹.

Ваш Ив. Бунин.

Датируется предположительно. Бунин был в Париже с 25 апреля по 6 мая 1936 г. и не виделся с Ходасевичем, который к этому времени почти все время хворал. Письмо не могло быть написано после 21 сентября; см. запись В.Н. Буниной в это день: «Последний день на Бельведере» (Устами Буниных. Т. 3. С. 21; Бунины вернулись туда только после смерти Ходасевича).

¹ О.Б. Марголина — см. примеч. 7 к № 35.

46

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — В.Н. БУНИНОЙ

Начало ноября 1936 г. Булонь-сюр-Сен¹

46, av. Victor Hugo,
Boulogne s/Seine.

Дорогая Вера Николаевна,
большое спасибо Вам за согласие помочь в этом тягостном деле².
Вот билеты.

Три из них, с надписью: «пригласительный» — для Вас, И.А. и Зурова
(Л.Ф.).³

Шесть — I ряда, по 15 fr. «minimum» — без всяких помет.

Шесть — IV ряда — с пометкой карандашом: 10 fr.

Четыре — IX ряда — с пометкой карандашом: 5 fr.

За сим — поручаю себя молитвам Вашим.

Ваш В.Х.

Ольга Борисовна кланяется.

¹ Датируется по содержанию.

² Вера Николаевна часто принимала участие в продаже билетов на вечера русских писателей (например, на вечер Сирина-Набокова 8 февраля 1936 г. и на четвертый вечер «Современных записок» 24 января 1937 г., когда Ходасевич выступил со вступительным словом о творчестве Сирина, а Набоков читал свои новые произведения — см. письмо В.В. Набокова к Буниной от 6 декабря 1936 г.: С двух берегов. С. 200). На этот раз она, по-видимому, согласилась продавать билеты на вечер Ходасевича 14 ноября 1936 г. в Salle du Musée Social в Париже, где он читал свои воспоминания о Максиме Горьком.

³ И Л.Ф. Зуров, и В.Н. Бунина были в многолюдной аудитории на чтении Ходасевича 14 ноября, но не Бунин (Камер-фурьерский журнал. С. 287).

47

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

28 апреля 1937 г. Париж

Получил Вашу книгу¹, дорогой Владислав Фелицианович, очень благодарю и кланяюсь Вам с супругою.

Ваш Ив. Бунин.

28.IV.37.

Почтовая открытка со штемпелем: Paris. 28.IV.1937. Адрес: 46, Av. Victor Hugo. Boulogne s/Seine.

¹ *Ходасевич В.* О Пушкине. Берлин: Петрополис, 1937. Книга была подготовлена Ходасевичем к пушкинскому юбилею 1937 г. вместо биографии поэта, которой он так и не написал. Она является сильно переработанным изданием книги «Поэтическое хозяйство Пушкина» (Л., 1924), которое, как считал Ходасевич, было испорчено издательством «Мысль».

48

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

6 августа 1937 г. Булонь-сюр-Сен

Спасибо за книгу¹, дорогой Иван Алексеевич. 18 числа поеду на дачу и возьму ее с собою². А до тех пор буду еще ловить свой хвост, изображать театрального критика и т<ому> подобное³.

Низко кланяюсь Вере Николаевне.

Ваш В. Х.

6 авг. 937.

¹ *Бунин И.* Освобождение Толстого. Париж: YMCA-Press, 1937. Рецензия Ходасевича: Возрождение. 1937. 1 октября. № 4099. 21 июня 1937 г. Ходасевич так писал Н. Н. Берберовой по поводу отрывков из книги о Толстом, опубликованных в «Русских записках» (1937. № 1): «Какие ужасы пишет Бунин о Толстом! Ох, уж эти мыслики» (Минувшее. Вып. 5. 1988. С. 313). В рецензии Ходасевич обмолвился только о слишком «тезисном» характере книги.

² В среду 18 августа, в 4 часа дня, Ходасевич уехал в Baillon под Парижем, откуда он вернулся 30 августа в Париж на один день.

³ Гастрольная поездка Московского Художественного театра в Париж, приуроченная к международной выставке, состоялась в августе 1937 г. Ходасевич был на трех постановках: 7, 9 и 11 августа. См. его рецензии: Художественный театр. Вечер первый. «Враги» М. Горького. Второй вечер. «Любовь Яровая» К. Тренева (Возрождение. 1937. 13 августа. № 4091); Художественный театр. Третий вечер. «Анна Каренина» (Возрождение. 1937. 20 августа. № 4092). См. также его «Послесловие» (Возрождение. 17 сентября. № 4096) о сезоне и советской реакции на критику у

эмигрантской прессе: «Пир кончился бедой. Наша зарубежная встреча с Художественным театром кончилась тем, что В.И. Немирович-Данченко и артист Хмелев, вернувшись в Москву, стали печатно жаловаться на “белоэмигрантскую” (хорошо еще, что не “белобандитскую”) публику и критику, которые будто бы встретили театр озлобленными нападками, ибо в его лице хотели свести политические счета с советской властью». На эти «обвинения» Ходасевич отвечает. См. также: Перед занавесом «художественников»: Беседа с И.А. Буниным Лоллия Львова // Иллюстрированная Россия. 1937. № 34. 14 августа. С. 15–16.

49

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

12 февраля 1939 г. Париж

Дорогой Владислав Фелицианович, Г<алина> Н<иколаевна Кузнецова> и я очень благодарим Вас за приглашение¹. Но, увы, я завтра уезжаю на юг. Сердечно обнимаю Вас.

Ваш Ив. Б.

12.II.39.

Открытка с видом «Col de la Cayolle. Route des Alpes de la Cayolle. Vallée du Bachelard». Адрес: 46, Av. Victor Hugo. Boulogne s/Seine. Почтового штемпеля нет.

¹ Приглашение на вечер Ходасевича 15 февраля 1939 г. (оказавшийся последним) в Париже (26, avenue de Tokyo). Ходасевич читал поэму С. Черниковского «Свадьба Эльки» в собственном переводе.

50

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

24 марта 1939 г. Босолей

25, Av<enue> de Villaine
Beausoleil, A<lpes> M<aritimes>

Дорогой Владислав Фелицианович,

Вы на днях получите (или уже получили) от моего нового издателя, Я.Н. Блоха¹, мою новую книжку («Лика», от имени Гликерия) и может случиться, что Вы просмотрите ее, а может быть, и отзоветесь о ней до того, как я сам пошлю ее Вам (в начале апреля). Так вот, на этот случай, будьте добры не поставьте мне в вину пошлое слово, которое Вы увидите на титульном листе, — «роман»²: это слово оказалось на нем без моего ведома, по милости издателя (и повергло меня в такое бешенство, на которое способна только «гневливая порода поэтов», очень часто выходящая

из себя по пустякам). Помнится, Вы бранили Зурова за такое же слово, оказавшееся на обложке его «Древнего пути»³. Не браните же меня.

Сердечно приветствую Вас и Вашу милую (действительно милую, ласковую) жену.

Ваш Ив. Бунин

24. III. 1939.

¹ Блох Яков Ноевич (1892–1968) — издатель, журналист; основатель и секретарь правления книжного кооператива, впоследствии издательства «Петрополис» (Пг.; Берлин; Брюссель, 1917–1939).

² На обложке книги значилось: И.А. Бунин. ЛИКА. Однако на титульном листе: И.А. Бунин. Жизнь Арсеньева. Роман. II. Лика. «Лика» — пятая книга «Жизни Арсеньева».

³ В рецензии на «Древний путь» Л.Ф. Зурова (Возрождение. 1934. 11 января. № 3145) Ходасевич не критиковал его за слово «роман», а, наоборот, связал его с «тою традицией русского реалистического романа, которая на наших глазах выродилась и омертвела в последних писаниях Горького и напротив — как бы переросла самое себя в «Жизни Арсеньева»». Однако в рецензии на «Поле» Зурова Ходасевич писал: «После «Любви второй» В. Яновского, «Писем о Лермонтове» Ю. Фельзена и «Романа с кокаином» М. Агеева, Издательская коллегия Парижского Объединения Писателей выпустило «Поле» Леонида Зурова: четвертый выпуск предпринятой серии романов. Нельзя не заметить, однако, что этот подзаголовок не слишком подходит к перечисленным книгам. <...> «Поле» Зурова ни с какой стороны на роман не похоже» (Возрождение. 1938. 29 апреля. № 4129).

51

В.Ф. ХОДАСЕВИЧ — И.А. БУНИНУ

28 марта 1939 г. Булонь-сюр-Сен

Дорогой Иван Алексеевич,

помнится, я и Зурова не «бранил» за слово «роман», а лишь рассуждал на тему о том, что такое роман и что — повесть. По поводу же Вашей книжки я бы в такие рассуждения не пустился, потому что с тех пор узнал жульнические навыки наших милых издателей. Уж если Берберовой на биографии Чайковского надписал «роман»¹ — так чего ж Вы хотите? На следующем издании «Митиной любви»² наверное будет бандероль: «Только для взрослых. Половая жизнь молодого человека».

Я со дня на день собирался позвонить по телефону на Вашу квартиру, чтобы узнать Ваш нынешний адрес³. Теперь узнал его из Вашего письма и посылаю Вам свою книжку⁴, в которой тот же «Петрополис» наляпал чудовищное количество опечаток. Я был бы ими до крайности угнетен, если бы еще больше не угнетал меня мой собственный живот, из-за которого послезавтра ложусь на испытание в клинику⁵. Уже два месяца я еле волочу ноги и большую часть времени провожу в постели. Вероятно,

в клинике и буду читать Вашу «Лику», которую, впрочем, Блох мне еще не прислал⁶.

Всего Вам хорошего. Простите, что пишу на машинке. Но так Вам легче читать, а мне — писать. Ольга Борисовна сердечно благодарит за привет и комплименты. Шлет такие же.

Ваш В. Ходасевич

Если Вера Николаевна еще на юге, целую ей руку.

28 марта 1939.

¹ На обложке книги Н.Н. Берберовой «Чайковский» (Берлин: Петрополис, 1936) стоит «Роман», а на титульном листе подзаголовок: «История одинокой жизни». В своей рецензии Ходасевич писал: «“В этой книге вовсе нет вымысла”, говорит в предисловии автор, перечислив источники, которыми он пользовался. Таким образом, перед нами отнюдь не роман, а именно биография, но биография художественная, то есть автором творчески увиденная и проработанная <...> Вот почему ее книга, не будучи романом, читается, как роман, и, будучи лишена вымысла, возбуждает воображение, как вымысел» (Возрождение. 1936. 21 мая. № 4005).

² Бунин И.А. Митина любовь. Париж, 1925.

³ В это время Бунины находились на Ривьере: Villa Dominante, Beausoleil. В июне 1939 г. они ликвидировали свою квартиру в Beausoleil⁷ и вернулись в Грасс, в Villa Belvédère, на несколько месяцев.

⁴ Ходасевич В.Ф. Некрополь. Воспоминания. Брюссель, 1939. Последняя прижизненная книга Ходасевича.

⁵ 29 марта 1938 г. Ходасевич пошел «К Очану» (врачу), а с 26 мая по 7 июня он находился в больнице.

⁶ Если Ходасевич получил роман, он был слишком болен, чтобы писать рецензию на него. После 28 марта 1939 г. в «Возрождении» были напечатаны только его воспоминания «Диск» (7 апреля. № 4178; 14 апреля. № 4179) и краткий некролог «Памяти Ованеса Туманяна» (28 апреля. № 4181).

52

И.А. БУНИН — В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ

30 марта 1939 г. Босолей

Очень благодарю за книгу, дорогой Владислав Фелицианович. Опечатки, конечно, горе, но издана в сто раз лучше, чем моя, смотрю с завистью. Пожалуйста, поправляйтесь, пора Вам перестать хворать.

Ваш Ив. Б.

Открытка с видом Монте Карло. Почтовый штемпель: 30.III.39. Monte Carlo. Адрес: 46, Av. Victor Hugo. Boulogne s/Seine.

Приложение I

В.Н. Муромцева-Бунина Воспоминания о В.Ф. Ходасевиче

«Написала свои воспоминания о Ходасевиче», — сообщила М.С. Цетлиной В.Н. Муромцева-Бунина в письме от 5 сентября 1940 г. с юга Франции¹. Они, по-видимому, должны были войти в цикл ее очерков «Беседы с памятью», но очерк остался незавершенным и не был опубликован. Лишь первые три абзаца воспоминаний о Ходасевиче попали в раздел «Наши встречи» отдельного издания, где они были напечатаны в сильно переработанном виде².

Незаконченные воспоминания о Ходасевиче существуют в двух вариантах. Первый, машинопись с правкой от руки, находится в Русском архиве в Лидсе (MS.1067/16). Там же (MS.1067/17) находится и второй, значительно расширенный и поправленный вариант первоначального текста. Этот второй вариант, также представляющий собой машинопись с рукописной правкой, публикуется здесь впервые.

Самые существенные места, вычеркнутые из первоначального текста второго варианта, даны в тексте в квадратных скобках или, в случае замены слова другими, — в примечаниях.

¹ Новое о Буниных / Публ. Н. Винокур // Минувшее. Вып. 8. 1989. С. 289.

² Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 262–263. «Наши встречи» впервые были опубликованы в «Новом журнале» (1960. Кн. 59).

ХОДАСЕВИЧ

Я увидела его, вернее, услышала впервые у Зайцевых на литературном вечере в самом начале ноября 1906 года, в очень памятный день моей жизни, — я в этот вечер в первый раз разговаривала с И.А. Буниным.

Квартира небольшая, народу много, стояли даже в передней. Из кабинета доносилось глухое невнятное чтение Вересаева. После него читал свои стихи Бунин, рассказ Зайцев, затем [только что вылупившиеся] поэты — Койранский, Муни, Стражев, Кречетов, — одни нараспев гнусавили, другие бодро пропели свои «песни». Самый юный был Ходасевич, по виду совсем мальчик, но уже женатый да еще на красавице высокой, стройной, которую все называли «Мариной», носившей иногда золотую корону на своих светло-гладких волосах. Он последний пропел с придыханиями несколько стихов, одно с эпитафией из Сологуба: «Елkich с шишкой на носу...» И не только от его стихов, но и от придыханий мне почудилось в этом мальчике какое-то «обещание» — я выделила его.

После чтений^а все двинулись в столовую, очень тесную, с раздвинутым столом, с бутылками, самоваром, [чашками, стаканами] и обильной [простой] холодной закуской.

Ходасевич, несмотря на свою юность, держался независимо и отпустил своим мягким, чуть вкрадчивым голосом, освещая умным, слегка насмешливым взглядом свое некрасивое лицо, несколько ядовитых замечаний во время спора — что лучше Москва или Петербург, откуда недавно приехал Бунин.

О Ходасевиче уже сложилось мнение, что он умен, насмешлив и зол, хотя за глаза его все называли «Владей», братом известного в Москве адвоката, мужем красавицы Марины.

Сам о себе он, шутя, говорил: «Я рябчик чуть с душком из первоклассного ресторана».

Встречала я его в Художественном Кружке. Слышала еще раз весной того же сезона на вечере поэтов, когда выступали не только московские, но и петербургские. Запомнился из них Маковский [своей типично петербургской наружностью].

Несколько лет мы не видались с Ходасевичем. Мы много путешествовали, жили в деревне. Дошел слух, что он разошелся с женой, стал увлекаться игрой в карты, носил голубые галоши.

[Вероятно] В 11 или 12 году, перед отъездом на Капри, мы по делам были в издательстве «Антик», и там заведующим литературного отдела оказался Ходасевич.

Он очень жаловался на то, что у него нет^б возможности уехать за границу, пожить в теплом месте, — он болен, кашляет, может быть, у него что-либо «серьезное».

— Я просил дать мне переводы, гарантировать за них сто рублей в месяц, которые я здесь зарабатываю, но издатели [не хотят] делают мне комплименты за них, за мой язык, а заказы давать отказываются. [а рисковать я боюсь.]

Правда, он был худ, желт и поминутно кашлял.

Нужно было составить проект договора между Буниным и издательством. Ходасевич сел, попробовал набросать его, но ничего не вышло, попытался прийти к нему на помощь и Бунин, но тоже деловой бумаги не получилось.

— Нет, Иван Алексеевич, пусть кто-нибудь другой составит^с, и мы пришлем Вам для подписи. Вот видите, каковы мы, а брат настаивает, чтобы я стал адвокатом, — хорош был бы! — сказал он с усмешкой^д.

В ту пору Ходасевич очень много переводил на русский язык польских писателей.

[Так] Через год встретились мы с ним у его свояченицы, Л.И. Рыбаковой, сестры Георгия Чулкова, — он был теперь вторично женат. [на сестре литератора Георгия Чулкова] Он поразил нас своей нервностью; рас-

сказывал, между прочим, что, когда его пасынок что-нибудь нечаянно ронял, с ним чуть ни делался припадок...

Потом мы опять несколько лет не видались. В первой половине 1918 года, когда писатели и поэты стали выступать в Москве за деньги, — до тех пор все публичные выступления их были бесплатными, и только с приходом к власти большевиков, когда они начали не доедать, они стали этим способом зарабатывать.

Не помню, где это происходило. Но помню партер, сцену, и на сцене полукругом сидящих писателей, среди которых Толстой, Новиков (не Прибой), Ходасевич... И я глазам своим не поверила: вместо некрасивого мальчика Влади, я увидела интересную наружность возмужалого Ходасевича, — изменена прическа, заострены черты лица. [Такой перемены во внешности я за всю мою жизнь встретила всего два раза.]

Рядом со мной в партере сидел писатель Зайцев^с. Я сообщила ему мое изумление и спросила его, кого из этих писателей он ценит выше всех?

— Самый талантливый Толстой, самый лучший человек Новиков, самый умный Ходасевич.

И опять прошло несколько лет. И вот встреча уже в Париже, у гостеприимных Осоргиных. Ходасевич с Берберовой незадолго перед тем приехали из Сорренто.

За годы эмиграции^с мы встречались не очень часто, но всякий раз много разговаривали, впрочем, чаще я слушала его.

В нем мне многое нравилось, — даже его внешность, ее изящество, чисто польское, грациозность движений. Когда, например, он вошел в тот маленький ресторан, где мы его чествовали по случаю его серебряной свадьбы с литературой, вероятно, не я одна запомнила его поклон, улыбку, жест рукой. Нравилась мне в нем и [насмешка] его насмешливость, когда он бывал в хорошем настроении; нравилась острота ума, даже его беспощадность [— хотя последнее, конечно, и от лукавого или от болезни], с какой он подчас обрушивался на кого-нибудь, — нравилось не самое содержание его обличений, а та искренность, с которой он говорил^h.

Я порой не соглашалась с ним, оспаривала его, но никогда не ссорилась. [Мы, например, с ним совершенно расходились в оценке Ек.П. Пешковой и ее сына Максима, он знал об этом, но никаких выпадов против меня не делал.]

Мне нравилось его слушать, а потому я вступала с ним в спор редко. Нравилось, повторяю, то, что он с предельной искренностью говорил то, что думает. [а это меня всегда подкупает, ибо большинство думают одно, а говорят другое.]

То он зайдет к нам в Париже, и, не застав Ивана Алексеевича, остается со мной и битых два часа доказывает, что в эмиграции все есть, кроме редакторов, то с увлечением, гуляя по грасскому саду, рассказывает, что не только Некрасов, но даже Пушкин передергивал в карты, то говорит,

что стихи нужно петь, а не читать, то, сидя в кафэ Мюра, возмущается повальным писанием пьес: тут мы с ним вполне сходимся, [находя, что не каждый писатель может быть «une bonne a tout faire» или как печатали в газетах Киева или Одессы объявления о найме прислуги «одну за все»] то на балу, с веселым смехом, повествует, как молодые дамы решили этот самый бал бойкотировать только потому, что их на заседание пригласила не хозяйка квартиры, где оно происходило, а другие устроители, и они обиделись:

— Я вчера, по вашей просьбе, чуть не целый вечер уговаривал хоть приехать на него. Ничего не подействовало. [Ведь у них как — теннис, автомобиль, бридж, портнихи, и по несколько раз в день звонки по телефону друг к другу, и если что решат, чего-нибудь не делать, то никак не уломаешь] Вы видите, ни одна не приехала. Многие из них на Монпарнасе бывают и там угощают писателей водкой, а здесь, когда единственный раз из их угощения мог быть прок, [не захотели,] их нет, и страдать будут голодные люди, которым они якобы сочувствуют! Но тут даже и сердиться нельзя, говорил он, юмористически разводя руками. Мы [с Вами] для них ничто.

На обедах он был приятным собеседником, [хотя и] но трудным гостем, — многого не ел, например, всего того, что живет в воде.

За пятнадцать лет эмиграции я много слышала его мнений о литературных произведениях, о писателях и поэтах. Часто эти мнения были несправедливые, спорные¹, может быть, и очень пристрастные, но он верил в то, что говорил. Я думаю, что объективного дара критики он не имел. То, что не было созвучным его душе, его природе, ему не нравилось, и оценивал он это с трудом, так сказать, против себя. [если это, действительно, значительно] Будучи горожанином, проводившим в детстве лето на даче под Москвой в Останкине, [его, подростка, больше манили дачные балы, чем чисто деревенские развлечения, — сужу по его [стихам] произведениям] он, судя по его стихам, не любил, не знал природы, а потому с трудом понимал людей, живущих с ней одной жизнью, и писатели такого типа были чужды его душе.

Положение его среди эмигрантских писателей было не совсем обычное: он не был слит ни со старшим ни с младшим поколением и не только по своему промежуточному возрасту, но по всему своему характеру, по своей структуре, умственной и душевной¹.

В деловых отношениях [со мной] он был приятен. Я несколько раз помогала в устройстве его вечеров. [Один раз на меня выпала доля вести и дипломатические переговоры, и все обошлось, он понял все с полслова, и мне не пришлось испытывать никакой неловкости.] Но я знаю, что иногда он бывал и нестерпим. Думаю, что это происходило главным образом из-за его болезни. Я это поняла, когда мне написали из Парижа, что его желчный пузырь «был истерзан». [а я знаю это состояние при задержании

желчи, это раздражение, эту невозможность остановиться в ссоре] Конечно, это не оправдывает человека, это только объясняет некоторые его выходы, поэтому, вероятно, те, кто помирились с ним перед смертью его, были счастливы, поняли, что он был настоящим человеком.

Много я с ним вела бесед о писателях «Объединения» [которых мы оба любим]. Он ценил тех, кто работает. Порицал даже одаренных, близких ему, за не напряженную [жизнь и] работу:

— Нельзя писать два стихотворения в год!

Каждый даровитый писатель ему был интересен [и каждого он более или менее знал]. На Монпарнасе он держался просто и весело. Некоторых любил. На литературных вечерах «Объединения» [во время чтения] слушал внимательно, иногда серьезно возражал, ставя порой кого следует на место.

Звание поэта, писателя ценил высоко, хотел, чтобы и другие даже и к младшему поколению относились с уважением, [его всегда возмущало пренебрежительное отношение к «Монпарнасу». В свою очередь он] но и от писателей требовал, чтобы они были на известном уровне. Любил он классифицировать: этот больше поэт, этот больше беллетрист (если в одном писателе совмещались и поэт и прозаик).

Он легко признавался в своих слабостях:

— Знаете, о таком-то я мог бы гораздо больше написать, но я устал, мне все надоело и я сказал о нем только два слова. Теперь жалею.

Однажды я с одним моим другом художником зашла в кафэ «Select» на Champs Elysées. Мы спустились [вниз] в нижнее помещение, сели за угловой столик, и через [несколько секунд] минуту появилась [тонкая] [изящная] прямая фигура Ходасевича с лукавой улыбкой на тонких губах. Мы весело поздоровались, пригласили его присесть к нам, и часа два провели в оживленной беседе. На этот раз он ни на кого не обрушивался, разговор шел о Москве, о семье Корш, с которой художник в родстве. Потом Ходасевич стал говорить о себе:

— Я в Париже инкогнито, [уехал отдыхать] отдыхаю в Версале. Стало скучно. Очень приятно бродить по [Парижу] городу, когда никто не знает, что ты тут. И вдруг неожиданная встреча, как, например, с вами.

— А на днях я [тоже неожиданно] внезапно заглянул домой, хотелось застать врасплох, посмотреть, как живет одна Берберова... Застал ее за столом с книгами... Она, знаете, настоящая курсистка! Рукописи, книги, суждение — и [она] счастлива, довольна...

Едва ли многим известно, что он принимал участие в том, чтобы снять кандидатуру Горького на звание нобелевского лауреата. Он читал мне копию письма, посланного им, кажется, Эммануилу Людвиговичу Нобелю о том, что сделал Горький после своего вступления в партию коммунистов, о его посещении Соловков. В этом послании было кое-что новое даже и для меня. Думаю, что эта копия его хранится в его архиве.

За все эти годы я никогда не слышала ни единой примирительной нотки его к большевикам.

Меня всегда удивляло, как он мог жить там. Не могу понять, что его привлекало к Горькому. Уж очень они разные были люди. Разве общая [неподдельная] любовь к литературе, и даже не любовь, а, так сказать, общее литературное бытие: [то есть] для обоих жизнь вне литературы, вне ее интересов не существовала, хотя понимали и чувствовали они литературу по-разному. Кроме того, у Ходасевича был большой интерес вообще к человеку, [как к таковому] и не только к личности его, а, так сказать, к явлению, а Горький ни на кого собственно не был похож и давал большой материал для любознательности.

Последнее мое общение с Ходасевичем при его жизни было чтение его книги воспоминаний: для меня это было некоторым откровением, проникновением в его личность: я почувствовала, что Ходасевич был очень человечен, а я особенно ценю это свойство в людях.

[Хотела после [этого] этой книги писать ему, но так и не написала.]

^a *было*: литературной части

^b *было*: ему не хотят дать

^c *было*: оставьте

^d *было*: юмором

^e *было*: большой мой друг

^f *было*: провал на

^g *было*: последние пятнадцать лет

^h *было*: хотел доказать свою правоту

ⁱ *было*: оспаримые <так!>, но почти

^j *было*: <не только> потому, что он несколько моложе самых из них младших, но и по своему устремлению, по своей, я бы сказала, легкости, а для младшего поколения он был взросл и опять не только по возрасту, а культурой и всем своим бытием.

Приложение II

Письмо В.Ф. Ходасевича Л.Ф. Зурову

27 марта 1936 г. Булонь-сюр-Сен¹

27 марта 936.

Милый Леонид Федорович,

спасибо за книжку. Только сегодня прочел. По-видимому, она была еще очень зеленая и много выиграла от правки², за которую тоже благодарю (т.е. за то, что не поленились ее сделать в моем экземпляре). Главное

дело, однако, не в том, как написана эта книга, а в том чувстве, которым она живет и которое в ней так хорошо, трогательно. Дай Бог Вам здоровья и успехов.

Поклон Буниным.
Сердечно Ваш
В. Ходасевич

¹ Почтовый штемпель: Boulogne-Billancourt. 28.3.36; Grasse. 29.III.36. Адрес: Monsieur L. Zouloff. Villa Belvédère. Grasse (A.M). Письмо хранится в Русском архиве в Лидсе (MS.1068/3314).

² По-видимому, имеются в виду или повесть «Отчина», опубликованная отдельным изданием в 1928 г. в Риге, или рассказ из сборника Зурова «Кадет», который был издан там же в 1928 г.

ПЕРЕПИСКА
И.А. БУНИНА С Г. БРАНДЕСОМ
(1922—1925)*

Публикация Даниэля Риникера с участием Бориса Вайля и Ричарда Дэвиса.
Вступительная заметка и примечания Даниэля Риникера **

Отношения Бунина с датским литературным критиком Георгом Брандесом (1842—1927) не были ни близкими, ни продолжительными. Они никогда не встречались лично, и их переписка, которая, по-видимому, сохранилась полностью, состоит всего лишь из двух писем Бунина и четырех Брандеса, написанных в течение неполных четырех лет. Как видно из публикуемых писем, история отношений русского эмигранта с его датским корреспондентом была предельно прозаична и никогда не выходила за рамки сугубо профессионального общения писателя с критиком: в первой половине 20-х гг. Бунин поручал издательствам посылать Брандесу выпущенные ими переводы своих книг на немецкий и французский языки. Датский критик откликался на эти присылки благодарственными письмами, а Бунин, в свою очередь, благодарил датчанина за лестные отзывы о своих произведениях. Тем не менее этот, казалось бы, малозначительный и обыденный эпизод все же проливает дополнительный свет на литературную позицию Бунина периода эмиграции.

Когда Бунин впервые вступил в контакт с Брандесом, престарелый датский критик был для современников уже явным анахронизмом, реликтом бесповоротно ушедшей литературной эпохи, идеологические установки и эстетические вкусы которой давно безнадежно устарели и представляли уже тогда, скорее, историко-литературный интерес. Характерны в этой связи слова Сергея Маковского, написанные им в 50-е гг.: «Георг Брандес умер четверть века назад, давно пережив свою славу, достигнув того большого возраста, когда смерть писателя, если писатель не мировой гений, вызывает недоумение: как — умер? только теперь? На восемьдесят шестом году жизни знаменитый датский критик давно

* Тексты И.А. Бунина публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate.

** © Daniel Riniker, Richard Davies, Борис Вайль, 2004

не был властителем дум. Но он был им долго. И для русских читателей также»¹.

Действительно, в конце XIX — начале XX в. Брандес пользовался в России огромным влиянием и популярностью. Вместе с И. Тэнном он стоял у истоков культурно-исторической школы, которая сыграла в русской науке видную роль и которой многим был обязан и первый историк русской литературы начала XX в. С.А. Венгеров. Брандес олицетворял тогда для современников новое слово в критике, способное освежить и оплодотворить русскую критическую методологию. П. Перцов, например, в частном письме 1893 г. среди прочих ссылаясь и на Брандеса, декларируя, что русским критикам «пора перестать делать доморощенные аллюры и относиться к авторам с кондачка, пора оставить свои гувернерские приемы и принять западноевропейский метод. Нам нужно учиться не у Добролюбова и Писарева, даже не у Белинского (те были хороши в свое время), а у Брандеса, Тэна, Бурже, Леметра, Ренана, критиков Англии и Америки»². Это был именно тот ракурс, в котором воспринимал Брандеса и молодой Бунин. В его юношеских письмах мы находим следы того, что он не только внимательно читал работы датского критика³, но и рекомендовал их для чтения В. Пашенко, «умственным развитием» которой он занимался по образцу передовых людей 60-х гг. XIX в.⁴

Однако авторитету Брандеса в России не суждено было долго оставаться непоколебимым. Для протагонистов Серебряного века позитивизм датского критика стал своего рода «красной тряпкой». Показательно, например, возмущение молодого Л. Шестова при чтении критических суждений Брандеса о Шекспире, вызвавшее появление его первой работы «Шекспир и его критик Брандес»⁵, или негодование А. Белого по поводу Ницше, «снисходительно замеченного господином Брандесом»⁶.

¹ *Маковский С.К.* Портреты современников. На Парнасе «Серебряного века». Художественная критика. Стихи. М., 2000. С. 75.

² Цит. по: *Лавров А.В.* Литератор Перцов // Перцов П.П. Литературные воспоминания 1890–1902 гг. М., 2002. С. 14. Сходным образом упоминает о Брандесе и Мережковский в своей лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (см.: *Мережковский Д.С.* Эстетика и критика: В 2 т. Т. I. М.: Искусство, 1994. С. 157).

³ См.: *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 15. Не исключено, что неподписанная заметка в постоянной рубрике «Орловского вестника» «Литература и печать», в которой обильно цитировалась статья Брандеса о Л. Толстом, принадлежит юному Бунину (см.: *Литература и печать // Орловский вестник.* 1889. № 126. 22 сентября. С. 3).

⁴ См.: *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 122.

⁵ Ср. воспоминания Шестова: «И вот я вижу в витрине книгу Брандеса о Шекспире. Я ее покупаю, читаю, и гнев снова распаляется во мне. Брандес был тогда крупной личностью. Он открыл Ницше, он поддерживал связь со Стюартом Миллем и т.д. Но это был род „под Тэна“, маленький Тэн, конечно, не лишенный некоторого таланта. Но читал он, не углубляясь, и скользил по поверхности вещей. „Мы чувствуем с Гамлетом“, „испытываем с Шекспиром“ и т.д. Словом, Шекспир не мешал ему спать» (цит. по: *Фондан Б.* Разговоры с Львом Шестовым // Антология «Нового журнала». М., 2002. С. 411).

⁶ *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1994. С. 61.

Бунин, однако, с подчеркнутой демонстративностью оставался верен Брандесу на протяжении всей жизни. В 1912 г. противопоставление «идейной критики» продажной и крикливой шумихе бульварной прессы подкрепляется Буниным ссылкой на авторитет Брандеса (см. № 8 в нашей публикации интервью Бунина в наст. изд.). В эмиграции же Бунин не преминул выслать Брандесу свои книги, которые наконец-то были переведены на европейские языки, и его уверения в том, что отклик критика доставил ему «большую радость», ибо его «теплые слова <...> не исходят от человека», который был бы писателю «безразличен» (см. № 3), звучат убедительно и искренне.

Однако одним лишь пиететом по отношению к бывшему «властителю дум» не объясняется ни желание Бунина познакомить Брандеса со своими произведениями, ни то обстоятельство, что он счел возможным и нужным сделать комплименты датского критика, высказанные им в частных письмах, достойным гласности, опубликовав их в эмигрантской периодической печати и превратив их тем самым в «литературный факт». Скорее всего, это был вполне обдуманый и даже расчетливый шаг в кампании, которую писатель и его близкое окружение начали разворачивать в первой половине 20-х гг., когда Бунин узнал, что у него есть реальные шансы стать первым русским писателем, удостоенным Нобелевской премии по литературе¹. Тогда Бунин прилагал немало усилий, чтобы привлечь внимание влиятельных европейских критиков и писателей на свое творчество. Направление этой кампании прослеживается совершенно отчетливо: она была обращена к представителям литературного мира Скандинавии, к лицам, имевшим какое-либо отношение к Нобелевскому комитету, и к лауреатам Нобелевской премии прошлых лет². В 1933 г. старания, как известно, увенчались успехом.

С этой точки зрения обращение Бунина к Брандесу, по-видимому, ни к чему не привело: Брандес вскоре умер, да и последнее письмо от него (№ 5) ясно показало Бунину, что датский критик очень слабо представлял себе, кто такой Иван Бунин и какие у него отношения с советской властью. Возможно, это даже несколько задело Бунина, так как у Брандеса была возможность при желании побольше узнать о своем корреспонденте: французскому изданию «Господина из Сан-Франциско», которое Бунин послал Брандесу (см. примеч. 1 к № 1), было предпослано письмо Бунина к французскому издателю, в котором писатель подробно останавливался на событиях 1917–1920 гг.: «Я покинул Москву в мае 1918 года, жил на юге России, переходившем из рук в руки „белых“ и „красных“, а затем эмигрировал за границу — в феврале 1920 года, испив полную чашу несказанных страданий и напрасных надежд, что христианский мир наконец прозреет, ужаснется своему бессердечью и протянет нам руку помощи во имя Бога, человечности и собственной безопасности»³.

¹ См. письма Бунина к шведскому слависту С. Агреллу (Ersbok 1965/1966. Lund, 1967. P. 3–28; публ. К. Дравинса).

² См., например, письма Т. Манна Бунину (С двух берегов. С. 370–386).

³ Цит. по: Новый журнал. 1972. № 107. С. 164.

Опубликовав выдержки из письма Брандеса в газете «Возрождение»¹, Бунин, хотя и ответил критику еще раз любезным письмом, все же больше к некогда знаменитому датчанину не обращался. Это не значило, впрочем, что Бунин потерял уважение к кумиру своей молодости. Незадолго до смерти он повторно опубликовал последнее письмо Брандеса, полагая, что похвала из таких уст не может не способствовать коммерческому успеху нового издания «Митиной любви» (подробнее см. комментарии к № 5).

Французские оригиналы писем Бунина и Брандеса с переводом на русский язык, выполненным Н. Риникер, публикуются впервые. При жизни Бунина фрагменты двух писем Брандеса к нему печатались в русском переводе в эмигрантских газетах (см. № 2 и 5). Все орфографические, грамматические и стилистические особенности французских оригиналов сохранены.

Автор благодарит Т. Гладкову (Париж), Е. Рогачевскую (Лондон), С. Савицкого (Санкт-Петербург), J. Belleil (Paris), J. Bowles (Edinburgh), N. Hearn (Oxford) за ценные указания и University of Leeds (Великобритания) и Det Kongelige Bibliotek (Копенгаген, Дания) за содействие настоящей публикации.

¹ Публикация отрывка из письма Брандеса в русском переводе сопровождалась следующим комментарием редакции: «Интересно, что знаменитый скандинавский писатель не считает нужным умолчать о своем отношении к большевикам, хотя политические настроения И.А. Бунина, судя по тексту письма, ему неизвестны» (Возрождение. 1925. 13 декабря. № 194. С. 4).

1

Г. БРАНДЕС — И.А. БУНИНУ

4 сентября 1922 г. Копенгаген

Copenhague 4 Septembre 22

Monsieur et cher confrère

Vous m'avez fait l'honneur de me faire parvenir vos deux livres dans une langue que je comprends. Malheureusement je ne suis pas en état de vous lire en langue Russe.

Vous avez deux cordes sur votre arc, la corde qui nous révèle la misère humaine, spécialement la tristesse du village Russe, et la corde qui donne des tons plus variés, demi gais, demi tristes. Vous savez peindre la vie locale et la vie universelle.

Agréez, cher Monsieur et confrère, l'expression de mon admiration et de ma reconnaissance.

Georg Brandes

Перевод с французского:

Копенгаген, 4 сентября 22

Милостивый государь, дорогой собрат,

Вы оказали мне честь, распорядившись прислать мне две Ваших книги на языке, который я понимаю¹. Я, к сожалению, не в состоянии читать Вас по-русски.

У Вашей лиры две струны: одна говорит нам о человеческом несчастье, в частности о тоске русской деревни, тона другой звучат более разнообразно, порою весело, порою печально. Вы умеете описать жизнь и в малом, и в мировом масштабе.

Позвольте выразить Вам, милостивый государь и дорогой собрат, мое восхищение и мою признательность.

Георг Брандес

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/1967).

¹ Имеются в виду издания: *Bounine I. Le monsieur de San-Francisco*: Nouvelles. Traduit par Maurice <Maurice Donzel>. Paris: Bossard, 1922; *Bounine I. Le village*: Roman. Traduit par Maurice <Maurice Donzel>. Paris: Bossard, 1922.

2

Г. БРАНДЕС — И.А. БУНИНУ

14 марта 1923 г. Копенгаген

Copenhague ce 14 mars 23

Monsieur et cher confrère

Déjà au mois d'Août vous avez eu la complaisance de m'envoyer deux de vos livres le Monsieur de San-Francisco et le Village. Il y a une semaine vous m'avez envoyé le premier de ces livres en Allemand, j'ai relu la première nouvelle et la dernière. Il m'a paru que les deux autres ne se trouvaient pas dans l'édition française. Je ne puis pas le vérifier dans ce moment; je reçois par la poste tous les jours une cinquantaine de lettres, de journaux et de livres. Il me faut longtemps pour retrouver quelque chose.

Cela aussi est la seule cause pour laquelle vous n'avez pas reçu un mot de remerciement et de reconnaissance.

Aujourd'hui j'ai hâte de vous dire, combien je me suis senti impressionné par vos œuvres. Vous êtes un écrivain de race et un grand artiste. Vous avez le cœur qui saigne de commisération, l'esprit vif et satirique, l'imagination vivante et [exacte] l'observation exacte, les meilleurs dons d'un romancier et d'un nouvelliste.

Je me rejouis que vous connaissez mon nom. J'ai écrit beaucoup d'années; mais très peu de mes travaux est traduit, et toujours de la façon la plus misérable. Celui qui écrit en Danois écrit dans l'eau. Je vous félicite d'appartenir à une grande littérature et d'avoir trouvé des traducteurs, dignes de vous.

Croyez, Monsieur et cher confrère, à mes sentiments les meilleurs.

Georges Brandès

Перевод с французского:

Копенгаген, 14 марта 23

Милостивый государь, дорогой собрат,
еще в августе Вы любезно прислали мне две Ваших книги, *Monsieur de San-Francisco*¹ и *le Village*². Неделю назад Вы прислали мне первую из этих книг в немецком переводе³; я прочел в ней первый и последний рассказы⁴. Мне показалось, что другие два рассказа не входили во французское издание⁵. Сейчас проверить этого я не могу: каждый день я получаю по почте с полсотни писем, газет и книг. Мне требуется много времени, чтобы отыскать что-либо.

Это и является единственной причиной, по которой Вы еще не получили от меня ни слова благодарности и признательности.

Теперь же я просто не могу удержаться, чтобы не сказать Вам, какое сильное впечатление произвели на меня Ваши произведения. Вы большой художник и в Вас чувствуется писательская порода. Вам дано сердце, кропотливее сострадание, ум острый и сатирический, живое [и тонкое] воображение и тонкая наблюдательность — свойства, необходимые автору романов и рассказов.

Мне приятно, что Вам известно мое имя. Я пишу уже много лет, но лишь малая часть моих работ переводилась, причем, как правило, — самым жалким образом. Кто пишет по-датски, стучится в глухую стену. Я поздравляю Вас с тем, что Вы принадлежите к великой литературе и что Вам удалось найти переводчиков, Вас достойных.

Примите уверения, милостивый государь и дорогой собрат, в моих наилучших чувствах.

Георг Брандес

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/1968).

Отрывок из этого письма Брандеса в русском переводе вместе с другими материалами был опубликован под общим заголовком «Русская культура на Западе» в газете «Дни» (1923. 1 апреля. № 128. С. 10).

¹ Господин из Сан-Франциско (*франц.*). См. примеч. 1 к № 1.

² Деревня (*франц.*). См. примеч. 1 к № 1.

³ Имеется в виду издание: *Bunin I. Der Herr aus San Francisco: Novellen. Übersetzung von Käthe Rosenberg. Berlin: S. Fischer, 1922.*

⁴ Первым рассказом в немецком сборнике шел «Der Herr aus San Francisco» («Господин из Сан-Франциско»), а последним — «Brüder» («Братья»).

⁵ Кроме вышеуказанных рассказов в немецкое издание вошли также «Kasimir Stanislawowitsch» («Казимир Станиславович») и «Am Wege» («При дороге»). Оба рассказа отсутствуют во французском издании (см. примеч. 1 к № 1).

И.А. БУНИН — Г. БРАНДЕСУ

27 марта 1923 г. Париж

1, rue Jacques Offenbach, Paris XVI
27–III–1923

Monsieur et cher Confrère,

J'ai reçu avec grande joie votre lettre. Vos bonnes paroles sur mes livres ne viennent pas de quelqu'un qui me soit indifférent. Non, dès ma jeunesse j'ai appris à connaître et à apprécier hautement votre œuvre critique qui vous fait un des maîtres incontestés de l'opinion publique européenne. Vous n'ignorez pas qu'il existe en Russie deux différentes traductions de vos œuvres complètes et votre influence en Russie a été très grande. Et vous avez été un des premiers en Europe à comprendre et à apprécier la littérature russe. Je vous remercie chaleureusement, Monsieur et cher Confrère, et vous prie de croire à mes sincères sentiments.

Votre dévoué

Ivan Bounine

Перевод с французского:

1, rue Jacques Offenbach, Paris XVI
27 III 1923

Милостивый государь, дорогой собрат,

Ваше письмо доставило мне большую радость. Ваши теплые слова о моих книгах не исходят от человека, который был бы мне безразличен. Напротив, еще в молодости я узнал и высоко оценил Ваши критические труды, делающие Вас одним из авторитетнейших выразителей общественного мнения в Европе. Вам должно быть известно, что в России собрание Ваших сочинений было переведено дважды¹ и что Ваше влияние в России было очень велико. Вы были также одним из первых в Европе, кто понял и по достоинству оценил русскую литературу². Я горячо благодарю Вас, милостивый государь и дорогой собрат, и уверяю Вас в искренности моих чувств.

Преданный Вам,

Иван Бунин

Публикуется по автографу (Архив Георга Брандеса. Рукописный отдел Королевской библиотеки, Копенгаген).

¹ Бунин, скорее всего, имеет в виду следующие издания: *Брандес Г.* Собрание сочинений: В 12 т. С портретом автора и вступительной статьей. Перевод с датско-

го под редакцией М.В. Лучицкой. Киев, 1902–1903 (Библиотека избранных критиков); *Брандес Г.* Собрание сочинений: В 20 т. С портретом автора и вступительной статьей. Перевод с датского М. В. Лучицкой. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1906–1914.

² Брандесу принадлежат, среди прочих, литературные характеристики И. Тургенева, Ф. Достоевского, Л. Толстого и М. Горького. См. подробнее: *Шарыпкин Д.М.* Творчество Георга Брандеса по русским источникам и материалам // Русские источники для истории зарубежных литератур. Л., 1980. С. 184–232.

4

Г. БРАНДЕС — И.А. БУНИНУ

2 октября 1925 г. Копенгаген

Copenhague ce 2 octobre 25

Monsieur et cher confrère

Pardonnez moi que je n'ai pas présente votre adresse a Paris. J'ai besoin de vous remercier de la traduction Mitjas Liebe que je viens de recevoir et qui me montre sous un nouvel aspect votre connaissance du cœur humain. L'histoire par vous racontée est l'histoire de presque tout homme. Nous commençons par la naïveté et finissons par l'expérience.

Je voudrais pouvoir vous serrer la main.

Georges Brandès

Перевод с французского:

Копенгаген, 2 октября 25

Милостивый государь, дорогой собрат,

прошу простить меня за то, что не имею под рукой Вашего парижского адреса. Считаю своим долгом поблагодарить Вас за перевод Mitjas Liebe¹, который я только что получил и в котором Вы, как знаток человеческого сердца, предстали передо мной с новой стороны. История, Вами рассказанная, есть история почти каждого человека. Наивными мы начинаем, а кончаем умудренными опытом.

Крепко жму Вашу руку,

Георг Брандес

Публикуется по автографу (почтовая открытка) (РАЛ. MS.1066/1969). Адрес: Herrn Ivan Bunin von der russischen Academie, S. Fischer Verlag, Berlin <Берлин, издательство С. Фишер, г. Ивану Бунину, члену Российской Академии наук>.

¹ Митина любовь (*нем.*). Имеется в виду издание: *Bunin I.* Mitjas Liebe. Übertragung von Käthe Rosenberg. Berlin: S. Fischer, 1925.

Г. БРАНДЕС — И.А. БУНИНУ

29 ноября 1925 г. Копенгаген

Copenhagen
(adresse suffisante)
29 novembre 25

Monsieur et très cher confrère

Vous avez eu la bonté de me faire parvenir votre *Sacrement de l'amour*. J'avais parcouru le même livre, il y a quelque temps, en Allemand *Mitjas Liebe*. Je ne dois pas l'avoir lu avec l'attention que ce roman excellent mérite. A présent après l'avoir relu en Français j'en suis tout ému. Je suis frappé de la finesse de cet analyse d'un amour juvénile, et je sens le besoin de vous en témoigner mon admiration. Vous n'en avez pas besoin, mais c'est moi qui ne puis pas retenir ce témoignage. Vous vivez — je le vois — dans le département des Alpes maritimes, mais je ne connais pas la ville Grasse où vous paraissez avoir votre domicile. Il m'a paru plus sûr de m'adresser à votre éditeur.

L'Académie Russe m'avait invité aux fêtes du deuxième centenaire de cette Académie. Peut-être aurais-je eu la chance de vous y voir. Mais je ne pouvais pas recevoir cette invitation. Différents actes du gouvernement Russe qui n'étaient pas d'accord avec mes convictions politiques m'ont conseillé de me tenir à l'écart.

Bien à vous

Georges Brandès

Перевод с французского:

Копенгаген
(этого достаточно)
29 ноября 25

Милостивый государь, дорогой собрат,

Вы любезно распорядились прислать мне Вашу книгу *Sacrement de l'amour*¹. Я ознакомился с этой книгой некоторое время тому назад в немецком переводе — *Mitjas Liebe*². Едва ли я прочел ее тогда с должным вниманием, которого заслуживает этот великолепный роман. Теперь же, перечитав его по-французски, я глубоко взволнован. Меня поразила тонкость Вашего анализа юношеской любви, и я чувствую потребность выразить Вам свое восхищение. Вы в нем не нуждаетесь, но я не могу не сообщить Вам об этом. Вы живете — как я вижу — в департаменте Приморских Альп, но я не знаю города Грасс, где, по-видимому, Вы поселились³. Мне показалось надежнее послать письмо на адрес Вашего издателя⁴.

Русская академия пригласила меня на торжества, посвященные двухсотлетию этой академии⁵. Быть может, я имел бы возможность Вас там встретить. Но я не мог принять это приглашение. Некоторые действия русского правительства, противоречащие моим политическим убеждениям, побудили меня уклониться от участия в этих торжествах.

Желаю Вам всех благ,
Георг Брандес

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/1970).

Это последнее письмо Брандеса к Бунину было дважды опубликовано в русском переводе с незначительными разночтениями: впервые — сразу после получения письма, с примечанием редакции (Письмо Георга Брандеса Ив. Бунину // *Возрождение*. 1925. № 194. 13 декабря. С. 4), второй раз — незадолго до смерти Бунина, с его собственными публицистическими комментариями (*Бунин И.А. Письмо Георга Брандеса // Новое русское слово*. 1953. № 14939. 22 марта. С. 3; *Бунин И. Публицистика*. С. 463–464).

Бунин послал письмо Брандеса в редакцию «Нового русского слова» 14 марта 1953 г., где оно и появилось незамедлительно. Номер, в котором письмо было напечатано, однако, по каким-то причинам не дошел до Бунина, и он счел необходимым в очередном письме от 5 апреля, т.е. уже после газетной публикации, изложить редактору причину, по которой он пожелал напечатать письмо Брандеса 25-летней давности: «Огорчен, что Вы не напечатали мое о Брандесе („Письмо Г. Брандеса“): ведь я хотел напечатать это *не ради тщеславия*, а как рекламу моей книге „Митина любовь“, чтобы она лучше продавалась» (цит. по: *Новый журнал*. 1978. № 133. С. 188). Редактор «Нового русского слова» М.Е. Вейнбаум ответил Бунину 10 апреля 1953 г.: «Посылаю Вам страницу от 22 марта с письмом Брандеса. Как видите, я не только напечатал его, а поставил на видном месте» (РАЛ. MS.1066/5751).

¹ Тайнство любви (*франц.*). Имеется в виду издание: *Bounine I. Le sacrement de l'amour. Traduit du russe par Dumesnil de Gramont. Paris: Stock, 1925.*

² См. примеч. 1 к № 4.

³ Начиная с 1923 г. чета Буниных проводила большую часть года в Грассе, на юге Франции. С апреля 1925 г. по сентябрь 1939 г. Бунины снимали там виллу Belvédère.

⁴ Конверт письма Брандеса не сохранился. Можно предположить, что критик послал его, как и № 4, на адрес издателя Бунина, в данном случае, в издательство Stock.

⁵ Празднование 200-летия Академии наук СССР проходило с 5 по 14 сентября 1925 г. в Ленинграде и Москве. Программу празднования см.: *Природа*. 1925. № 7/9. Стлб. 248–250.

6

И.А. БУНИН — Г. БРАНДЕСУ
25 декабря 1925 г. Париж

33, rue de Lubeck,
Paris XVI

Cher et très honoré Confrère,
Excusez moi d'avoir si longtemps tardé à vous répondre. J'ai été en voyage pendant tout ce dernier temps. Moi aussi j'aurais été très heureux de vous connaître

et de vous dire de vive voix combien votre appréciation de mon œuvre m'est précieuse et combien j'anime ma pensée au contact d'une sensibilité littéraire telle que la vôtre. Mais comment aurions nous pu nous rencontrer au pays des soviets? Les bouleversements bolchevistes ont fait de moi un émigré dès l'année 1920. Seule une Russie libre me permettra de retourner dans ma patrie. Mais je ne perds pas l'espoir que vous, mon cher Confrère, vous reviendrez un jour dans cette France que vous aimiez tant naguère et que j'aurais ici le plaisir de serrer votre main et de vous redire toute ma sympathie admirative.

Votre dévoué

Ivan Bounine

25–XII–1925

Перевод с французского:

33, rue de Lubeck,
Paris XVI

Дорогой, многоуважаемый собрат,
простите, что отвечаю Вам с таким опозданием. Все последнее время я был в отъезде¹. Я тоже был бы счастлив познакомиться с Вами и сказать Вам лично, как дорого мне Ваше мнение о моем творчестве и как вдохновляет мое воображение общение с таким тонким ценителем литературы, каким являетесь Вы. Но как же могли бы мы встретиться с Вами в стране Советов? Большевистский переворот сделал меня изгнанником еще в 1920 г. Только свободная Россия позволит мне вернуться когда-либо в мое отечество. Однако я не оставляю надежды, мой дорогой собрат, что Вы когда-нибудь приедете во Францию, которую Вы так давно любите, и что Вы доставите мне удовольствие пожать Вам руку и уже лично выразить Вам мое восхищение.

Преданный Вам,

Иван Бунин

25 XII 1925

Публикуется по автографу (Архив Георга Брандеса. Рукописный отдел Королевской библиотеки, Копенгаген).

¹ В 1925 г. Бунины провели почти целый год на юге Франции. В Париж они вернулись лишь 21 декабря (см.: Устами Буниных. Т. 2. С. 152). Письмо Брандеса от 29 ноября (№ 5) Бунин, однако, получил и прочел еще в Грассе, ибо выдержки из него, посланные писателем в редакцию газеты «Возрождение», появились в печати 13 декабря 1925 г., то есть за неделю до возвращения Бунина в Париж.

«ПРЕДЧУВСТВИЕ МНЕ ПОДСКАЗЫВАЕТ,
ЧТО Я НЕДОЛГИЙ ГОСТЬ»:
ПЕРЕПИСКА И.А. БУНИНА И Г.Н. КУЗНЕЦОВОЙ
С Л.Ф. ЗУРОВЫМ
(1928—1929)*

Вступительная статья Ирины Белобровцевой.
Публикация Ирины Белобровцевой и Ричарда Дэвиса**.

Настоящая публикация, охватывая период заочного знакомства И.А. Бунина с Леонидом Федоровичем Зуровым (1902—1971) — переписка начинается после присылки Зуровым своей первой книги «Кадет» и обрывается за три недели до его приезда в Грасс по приглашению Бунина, — представляет собой первую часть корпуса письменных свидетельств их отношений¹.

В исследовательских трудах, справочниках и энциклопедиях, касающихся литературы русского зарубежья, роль Зурова в жизни Бунина освещается зачастую предвзято и некомпетентно². Возможно, это отчасти вызвано его ролью наследника богатейшего архива семьи Буниных, который отошел к нему по завещанию В.Н. Буниной. Этот факт представляется как некая случайность: «После ее <В.Н. Буниной> кончины все бумаги и дневники Буниных *попали* к Зурову»³. Более того, из публикации в публикацию и из работы в работу кочует непонятного происхождения утверждение о продаже Зуровым бунинского архива⁴, не имеющее ничего общего с реальностью: архивы Буниных и самого Зурова, соглас-

* Тексты И.А. и В.Н. Буниных публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate. Тексты Л.Ф. Зурова публикуются с разрешения The Leonid Zurov Estate.

** © Ирина Белобровцева, Richard Davies, 2004

¹ Частично переписка Бунина с Зуровым была опубликована М.Э. Грин в «Новом журнале» (1971. № 105. С. 225—231).

² Так Зуров часто называется «другом и секретарем Бунина» (см., например: Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой / Публ. Д. Бетеа // Минувшее. Вып. 5. 1988. С. 255), хотя первое определение удивило бы обоих, а второе неверно по сути.

³ Новое о Буниных / Публ. Н. Винокур // Минувшее. Вып. 8. 1989. С. 290 (курсив здесь и далее мой).

⁴ Ср.: «Впоследствии он <Зуров> *продал* дневники проф. Эдинбургского ун-та Милице Грин» (там же); или: «Архив Буниных *был продан* Зуровым *за ничтожную сумму* Милице Грин, профессору Эдинбургского университета» (*Голубева Л. И.А. Бунин и Л.Ф. Зуров. История отношений // Вопросы литературы. 1998. № 4. С. 372*).

но его завещанию, унаследовала преподаватель Эдинбургского университета Милица Эдуардовна Грин (1912–1998). В 1980-х — начале 1990-х гг. она партиями передала архивы Лидскому университету в Великобритании¹. Пестрят неточностями и имеющиеся на сегодняшний день биографии Зурова, в которых исследователи и журналисты спешат отметить прежде всего «шоковые» черты — взрывчатый характер и душевную болезнь.

Отлично знавшая Зурова М. Грин пыталась восстановить подлинный облик Зурова и суть их взаимоотношений с Буниным². В ее архиве сохранился черновик письма в редакции газет и журналов, в начале которого излагается повод, вынудивший ее взяться за перо: «В последнее время в печати неоднократно появляются выдержки из писем И.А.Б. различным корреспондентам с яростными нападками на Л.Ф.З.». Объяснив напряженность в их отношениях сложной обстановкой в доме Буниных, материальными тяготами и общеизвестной несдержанностью Бунина, М. Грин дает лаконичную и убедительную характеристику Зурова, поддержанную всей его жизнью: «Человек он был нелегкий, но благородный, предан был Буниным абсолютно». К сожалению, обращение не было дописано, черновик обрывается на красноречивой фразе: «И все же не только Вера Николаевна, но и сам Иван Алексеевич сознавали, что Зуров единственный из их непосредственного окружения верный...»³

Творчество Зурова, в свое время вызвавшее более чем сочувственные оценки таких тонких ценителей литературы и критиков старшего поколения, как Г. Адамович, Ю. Айхенвальд, М. Алданов, А. Амфитеатов, и ровесников Зурова В. Варшавского, Ю. Терапиано, Ю. Фельзена и др., изучено пока что явно недостаточно. Подзаголовок единственного посвященного ему литературоведческого труда, докторской диссертации американского исследователя Либора Брома⁴, «Малым писателям-эмигрантам — забытым героям русской литературы», справедлив и в отношении его собственной работы, до сих пор не известной русскому литературоведению. Между тем настало время для взвешенного и беспристрастного изучения,

¹ См.: *Heywood Anthony J. Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina Collections / Edited by Richard D. Davies with the Assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. P.XXVIII.*

² В этом стремлении ее поддерживал и знакомец Зурова с середины 1930-х гг. преподаватель Кембриджского университета Н.Е. Андреев, выступавший против нападков на Зурова в книге А. Бахраха «Бунин в халате. По памяти, по записям» (1979) в своих статьях «По касательной» (Новое русское слово. 1979. 4 ноября. № 25031. С. 2; 1980. 24 февраля. № 25127. С. 2) и «"Бунин в халате" Александра Бахраха» (Русская мысль. 1979. 15 ноября. № 3282. С. 6), а также в некрологах о Зурове (Новый журнал. 1971. № 105. С. 274–276 (в том же номере журнала опубликована его статья о переизданной книге Зурова «"Отчина" и ее автор». С. 139–147); Русская мысль. 1971. 7 октября. № 2863. С. 8; Новое русское слово. 1971. 10 октября. № 22398. С. 5).

³ РАЛ. MS.1065/1531.

⁴ *Brom Libor. Leonid Zurov. Ivan Bunin's Protégés. Vol. 1. Fresno, California, 1973.* Написана на основе бесед с Зуровым.

на основе богатого архивного фонда, жизни, творчества и места Зурова в истории русской литературы и культуры XX в.

Многое в облике и творчестве Леонида Федоровича Зурова, уроженца г. Остров Псковской губернии, напрямую объяснимо событиями его детства и ранней юности. Пятилетним мальчиком он остался без матери, а очень скоро и без воспитывавшей его после материнской смерти бабушки (обе покончили жизнь самоубийством). Из 5-го класса реального училища, 16-летним подростком попал на Гражданскую войну, в Островский стрелковый полк Северо-Западной армии. Испытав в ее составе обнадеживающие победы и сокрушительные поражения, будучи дважды ранен¹, Зуров (одновременно со своим отцом, также добровольно служившим в Северо-Западной армии) оказался на территории Эстонии, где армия была разоружена. Эпидемия тифа унесла жизнь его отца, уполномоченного Красного Креста, не миновала болезнь и самого Зурова (он болел тифом дважды). Из эстонской его жизни достоверно известно только то, что весной—летом 1920 г. он служил санитаром в 5-м Русском госпитале Таллина². Оправившись после болезни, он переехал в Ригу, завершил школьное образование и даже поступил в Пражский политехникум, однако слабое здоровье вынудило его вернуться в Латвию.

Зуров разделил судьбу многих молодых эмигрантов: работал где приходилось (маляром, чернорабочим городской управы на понтонном мосту, рабочим на кинематографической фабрике), был членом Общества русского студенчества в Латвии, участвовал в издании рукописного студенческого альманаха «На рубеже» (1922)³. Под именем Зурова в альманахе помещены краткое вступление с призывом помнить о «милой святой Родине», рассказ «Вечерний звон» и стихотворение «Павшим». В нем-то, наивном и художественно незначительном, отражается проблема, по-видимому, мучительно переживаемая Зуровым в эти годы, — тела павших в Гражданскую войну русских воинов не были как следует захоронены, на месте некоторых могил предполагалось построить дачи. Зуров делает доклад об этом на общем собрании Общества русского студенчества, и собрание берет на себя задачу по перенесению праха павших русских воинов в братскую могилу. С 1925 г. в рижской газете «Слово» появляются его статьи, посвященные главным образом памяти погибших воинов⁴, Гражданской

¹ 6 сентября 1922 г. Особый комитет по делам русских эмигрантов Латвии выдал Зурову справку, подтверждающую это обстоятельство: «Особый комитет настоящим удостоверяет, что предъявитель сего есть действительно русский эмигрант Леонид Зуров, 20 лет и что он во время нахождения в добровольческой армии ген. Юденича был два раза ранен в левую руку и правое предплечье» (РАЛ. MS.1068/1605).

² См. справки и удостоверения от 21 и 22 мая 1920 г., а также от 1 июня 1920 г. (РАЛ. MS.1068/1600—1602).

³ РАЛ. MS.1068/5.

⁴ См., например: «Говор могил. На Покровском кладбище» (Слово. 1925. 28 декабря. № 38) и «Могилы, которые необходимо перенести на Братское кладбище» (Слово. 1926. 16 июля. № 208).

войне¹ и быту русских деревень Латвии. Сотрудничает Зуров и в журнале «Перезвоны», где некоторое время исполняет обязанности секретаря и инкассатора (т.е. собирает деньги с подписчиков по русским деревням), служит секретарем в иллюстрированном «Новом журнале».

Воспринимая участие в Гражданской войне как наиболее важное событие своей жизни, Зуров ставит перед собой задачу стать летописцем Северо-Западной армии. Он собирает воспоминания воинов, их документы, ведет свои мемуарные записи². О том, насколько аккуратно и точно он использует собранные материалы, можно судить по отзыву героя очерка «Даниловы», опубликованного Зуровым в альманахе «Белое дело» (1927. № 2). Сохранился оттиск очерка с инскриптом: «На добрую память А.И. Куприну. 2-го Островского стрелкового полка старшего унтер-офицера Леонида Зурова». За очерком и следует упомянутый отзыв полковника Данилова: «Все написанное в сей книге соратником Леонидом Зуровым о 12-ом Темницком Гренадерском полку — правда.

В основу им обработанного легли мои личные крепко врезавшиеся в память воспоминания, рассказы участников боевых дней и немногие уцелевшие книжки донесений и дневники, что хранятся у меня в виде документов.

Для настоящего русского солдата нет границы предела доблести, отваги и настоящего героизма. Часть, понимающая и уважающая своих командиров, управляемая настоящими воинами-патриотами, может делать лихие дела³.

¹ «Этап в Нарве» (Слово. 1926. 21 ноября. № 336), «Плевок» (Слово. 1926. 19 декабря. № 364; позже вошел в книгу «Кадет»); «Напоминание. (1918–1928)» (Слово. 1928. 2 сентября. № 967); «Герой» (Слово. 1929. 6 января. № 1015).

² Об этом свидетельствует, например, его письмо к М. Грин от 31 января 1957 г.: «Я Вам писал, что мы с Верой Николаевной (в прошлом году) были в гостях у князя Урусова! Там я познакомился с полковником Исаевым. Он мне кое-что рассказал (необходимое для повести). Я проверял себя. Так ли, правильно ли я написал жизнь офицера. Недавно полковника Исаева похоронили» (РАЛ. MS.1068/2656).

24 сентября 1961 г. М. Грин в Эдинбурге записывает с его слов содержание архива: «Среди исторических материалов — 1918 г. — то, что записал после бесед с однополчанами, участниками Северо-Западной армии. Там 2-3 тетради: Темлицкий полк, Даниловский отряд (рассказ полковника Алексея Даниловича Данилова о наступлении на Петербург).

Подаренные мне воспоминания пулеметчика Северо-Западной армии о наступлении на Петербург. Очень цельный дневник, которым я никогда не пользовался. <...> Письма офицеров в 19–20 гг., писанные на фронте Северо-Западной армии, адресованные Ливену. Часть Ливеновского архива» (РАЛ. MS.1068/5259). Зуров хорошо понимал значимость этой своей деятельности и писал: «Весь материал о 1918 г. — северо-запад России — это материал единственный, страшной русской истории, который я старался спасти — собрав эти материалы. Ни в каких архивах об этом нет» (РАЛ. MS.1068/5260). М. Грин учла это и после разбора архива Зурова изыскала возможность все относящееся к истории Северо-Западной армии доставить А.И. Солженицыну, который, в свою очередь, передал эти материалы в Библиотеку-фонд «Русское зарубежье» (Москва) (об этом см. список переданных материалов, переписку и др. материалы — РЛ. MS.1068/5263–5276).

³ РЛ. MS.1068/25.

В 1928 г. рижское издательство «Саламандра» издает сразу две книги Зурова, которые можно рассматривать как логическое завершение интересующих его тем. «Кадет» включал заглавную повесть и несколько рассказов, посвященных в основном Гражданской войне¹. Жанр «Отчины» автор определил как очерки, однако, скорее, ее можно назвать исторической поэмой об осаде Пскова и Печерского монастыря войском Стефана Батория. Любовь Зурова к истории родного края сказалась и в оформлении «Отчины»: в рукописной библиотеке Псково-Печерского монастыря он сделал «зарисовки букв, концовок, водяных знаков и кожаных тиснений»² и изукрасил ими свою книгу.

Восторженный поклонник творчества Бунина, Зуров посылает ему во Францию свою первую книгу и через некоторое время получает его похвальный отзыв. Читая повесть и рассказы Зурова, Бунин не мог не заметить старательного ученичества молодого автора, не мог не узнать свой строй фразы и свое цепкое внимание к деталям. Вот пятнадцатилетний герой повести «Кадет» Митя Соломин в родном имении на своих последних каникулах. Лето 1917 года. «Все было хорошо в этом мире: и солнце, и дождь, словно освеживший воду, и черноухий фокстерьер, что метался на мостках, лалял, клал на доску палку и просил с ним поиграть, и прыгающий на берегу золотистый стреноженный жеребенок»³. И в моменты растущего напряжения Зуров, как и Бунин, пускал в ход почти бесстрастную интонацию, так что напряжение только росло, как, например, в сцене, где главная героиня со смешным прозвищем Куний мех собирает Митю и его друга Лагина, свалившихся с ног от усталости, не зная, что это их последняя встреча, потому что ее с отцом расстреляют красные: «Она принесла оставшийся в доме хлеб и начала делать для кадет бутерброды. Вспомнила, что у нее осталась еще плитка шоколада, принесла и ее. Неожиданно подумала, что все это она готовится для их ухода, что, возможно, они уйдут уже навсегда, что Митю могут убить или ранить, как Лагина. Она вспомнила вечер на волж-

¹ В разное время Зуров по-разному высказывался об автобиографичности «Кадета»: ср. «Из моих вещей мне ближе всего “Отчина”. “Древний путь”, конечно, “Поле”. Меньше “Кадет”, хотя в нем много личного» (РАЛ. MS.1068/3207); и «Добавлю, что “Кадет” вовсе не автобиография, не передача автором истории своей, а серьезно проведенная творческая работа над материалом — устными рассказами, записанными от оставшихся в живых после/?/> Яр<ославского> восст<ания> и переработанными творчески автором и добавленными им» (РАЛ. MS.1068/724). Однако и повесть, и рассказы дебютного сборника безусловно автобиографичны, доказательством тому — возраст главных героев, вчерашних подростков (кадет Митя Соломин и его двоюродный брат, лицеист Степа Субботин в «Кадете»; 15-летний вольноопределяющийся Львов по прозвищу Львенок — автобиографический антропоним в русском переводе, ср. Леонид — в рассказе «Город»; 15-летние же герои рассказа «Плевок» Сергей и Виктор), прибалтийские города Рига и Нарва как место действия в «Кадете» и рассказе «Студент Вова», эпидемия тифа, поразившая Северо-Западную армию в Эстонии, которые перевешивают утверждение Зурова о том, что повесть написана не на основе его биографии, потому что он никогда не учился в кадетском корпусе и не был в Ярославле.

² Зуров Л. Отчина. Рига: Саламандра, 1928. С. 5.

³ Зуров Л. Кадет. Рига: Саламандра, 1928. С. 8.

ской набережной и неожиданно заплакала. Ее слезы капали на оберточную бумагу и хлеб. Ей стало жаль своих тонких девичьих рук, которые целовал Митя, всю себя, которую Митя любил, она подошла к трюмо, и пожелтевшее от сумерек стекло отразило ее заплаканные глаза, перекинутую через плечо косу и узкие полудетские плечи»¹.

Зуров и Бунин начали обмениваться письмами, но в переписку «из двух углов» неожиданно влился третий голос — жившей в семье Буниных Г.Н. Кузнецовой. Именно она, будучи поверхностно знакома с Зуровым еще с начала 1920-х гг., когда оба они учились в Чехословакии, написала, по решению обитателей виллы Бельведер, ответ на его первое письмо. Однако ее участие в переписке не ограничивалось ролью «связной» — по всей видимости, Кузнецова, считавшая себя ученицей Бунина, также уловила в дебютной книге Зурова знакомые интонации и захотела увидеть в нем, человеке ее поколения, связанного с нею общими воспоминаниями об учебе в Праге, единомышленника.

Она мягко, тактично, но и наставительно рассказывает в письмах Зурову о «молодом» русском литературном Париже, и из этих рассказов вычитываются два подтекста. Первый — романтический, «вообрази — я здесь одна, / Никто меня не понимает». Второй — превентивный: Кузнецова пытается предостеречь молодого провинциала от надежды на некое цеховое братство, дружелюбие, понимание; дает ему понять, что особый статус — человека, живущего у Бунина, ученика Бунина — способен вызвать лишь раздражение у других молодых литераторов².

Приехав по приглашению и с помощью Бунина во Францию, Зуров достаточно долго сомневался в том, что останется там, говорил о намере-

¹ Зуров Л. Кадет. Рига: Саламандра, 1928. С. 60–61.

² Факт приезда Зурова 23 ноября 1929 г. был сразу замечен в литературных кругах русского Парижа и, по-видимому, статус вновь прибывшего живо обсуждался, как это имело место и в случае с Кузнецовой. Свидетельством тому может служить известная по дневниковой записи Буниной от 13 февраля 1930 г. иронически-доброжелательная характеристика Дон-Аминадо «Дети Ванюшины» (РАЛ. MS.1067/398). С другой стороны, репутация ученика Бунина, которая поначалу помогала общению Зурова с литературными кругами русского зарубежья, с течением времени стала стереотипом, мешающим восприятию особенностей его собственного творчества (см. об этом: *Белобровцева И., Рогачевский А.* В тени Бунина. Александр Амфитеатров о Леониде Зурове // Вторая проза: Сборник статей / Редакторы И. Белобровцева, С. Доценко, Г. Левинтон, Т. Цивьян. Таллин: TRU Kirjastus, 2004). На эти мысли наводит также спор литературных критиков о сущности творчества Зурова, отголоски которого явственно слышатся в размышлениях по этому поводу К. Зайцева: «...он ученик Бунина, в такой мере в частности, усвоивший манеру его письма, что порой Зуров пишет просто бунинской прозой. <...> Как правильно сказал на этих днях Ходасевич, в отношении Зурова естественно встает вопрос: кто перед нами: подражатель Бунина или его ученик? С полной уверенностью можно сказать вместе с нашим пронизательным критиком: ученик. Но к этому можно прибавить — ученик, который идет своим собственным путем и который на наших глазах слагается в личность очень значительную и в своей значительности имеющую все шансы стать репрезентативной для молодой русской литературы (*Зайцев К.* «Древний путь» Л. Зурова // *Россия и славянство.* 1934. 1 февраля. № 228. С. 3).

нии вернуться в Латвию. Его можно было понять: не зная языка, он был лишен возможности каких бы то ни было контактов с французской интеллигенцией. В то же время, в отличие от других литераторов своего поколения, испытавших на своем творчестве сильное воздействие французской литературы¹, Зуров в этих контактах и не нуждался. По справедливому замечанию В. Варшавского, он был «редчайшим исключением»² в своем поколении, поскольку, по примеру старших прозаиков, был эмигрантом лишь территориально, оставаясь, как писатель, в кругу двух важнейших для себя русских тем: древней истории России и истории Гражданской войны. Этому были посвящены почти все последующие публикации и книги Зурова.

Несмотря на колебания и сомнения, Зуров жил во Франции с 1929 г. до самой смерти в 1971 г., причем большую часть этого времени — с Буниными. Жизнь в одном доме редко отливается в письма, тем не менее сохранилось немало записок и писем (оба не раз уезжали), которые писали друг другу Бунин и Зуров в последующие годы. Сложная история взаимоотношений в переписке, правда, не прочитывается, но она восстанавливаема благодаря нескольким синхронным источникам, в частности дневнику В.Н. Буниной, имеющему неопределимое значение для фактографии любого события в доме Буниных.

* * *

Тексты печатаются по новой орфографии с сохранением стилистических особенностей подлинников.

Ценную помощь при подготовке публикации оказали: Т. Гладкова (Париж), М. Климова (Прага), Л. Мнухин (Москва), И. Лукка (Хельсинки), Е. Пономарев (Санкт-Петербург), Б. Равдин (Рига), Д. и Н. Риникеры (Прага/Базель), W. Janik (Лондон), Н. Sullivan (Urbana-Champaign, USA).

К сожалению, не удалось установить контакт с владельцами прав интеллектуальной собственности на письма Г.Н. Кузнецовой (по этому поводу см. справку В. Кантора и Г. Суперфина в публикации: Федор Степун. Русские письма / Публ. В.К. Кантора // Вестник Европы. XXI век. 2001. № 3. С. 186).

¹ См. об этом: *Livak L. How it was done in Paris: Russian Émigré Literature and French Modernism. Madison: University of Wisconsin Press, 2003.*

² «Исключения, конечно, были. Так, в этом смысле нельзя назвать “эмигрантским писателем” Леонида Зурова. Он всегда писал о России, о русских полях и озерах, о народе на войне и в революции. Древние стихии народной жизни он чувствовал даже глубже, чем кто-либо из старших писателей, разумеется, кроме Бунина» (*Варшавский В.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 183). Ему вторила и Кузнецова в «Грасском дневнике»: «Л<еня> еще, сам того не зная, счастливей всех, потому что у него еще есть его любовь к псковским озерам, мужикам, избам и церковкам, и он мечтает о них с каким-то даже остервенением. А мы все прочие? Я ведь видела парижскую жизнь, знаю парижских поэтов. Кто это сказал, что наше раздавленное поколение присутствует при собственных предсмертных корчах?» (*Кузнецова Г.* Грасский дневник. Вашингтон: Victor Kamkin, 1967. С. 247. Запись за 31 января 1932).

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

7 декабря 1928 г. Грасс

Villa Belvédère,
Grasse, A<lpes> M<aritimes>,
France
7—XII—1928

Очень занят, только теперь прочел Вашу книжку¹ — и с большой радостью. Очень, очень много хорошего, а местами прямо прекрасного. Много получаю произведений молодых писателей — и не могу читать: все как будто честь честью, а на деле все «подделки под художество», как говорил Толстой². У Вас же основа настоящая. Кое-где портит дело излишество подробностей, излишняя живописность, не везде чист и прост язык, не нравятся мне такие слова, как «сырь», «гармонь», «тяжелое тело города»³ и т.п. Да все это, Бог даст, пройдет, если только Вы будете (и можете) работать.

Кто Вы? Сколько Вам лет? Что Вы делаете? Давно ли пишете? Какие у Вас планы?

Напишите мне, если можно, коротенькое, но точное письмо. Пришлите маленькую карточку⁴.

От души желаю Вам успеха.

Простите, что пишу без обращения — не знаю Вашего отчества.

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/6103).

¹ Речь идет о первой книге Зурова «Кадет» (Рига: Саламандра, 1928) (в дальнейшем — Кадет), куда, кроме заглавной повести, вошли рассказы «Город», «Плевок», «Студент Вова», «Смерть князя Даниила», «О городе и крепостице Санктпитербург», «Последний поход», «Тот уголок земли...».

В дневниковой записи Кузнецовой за 23 сентября 1928 г. можно прочесть «предысторию» этого письма: «Некий Леонид Зуров вчера прислал И<вану> А<лексеевичу> книжку „Кадет“. Читать ее взялась первая я. Способный человек. И близко все, о чем он пишет» (*Кузнецова Г. Грасский дневник. Вашингтон, 1967. С. 75; в дальнейшем — Грасский дневник*).

О высокой оценке Буниным книги «Кадет» свидетельствует также дневниковая запись Кузнецовой за 13 декабря 1928: «Вчера, когда мы одни гуляли вечером, он <Бунин> бранил рошинский роман <см. примеч. 3 к № 32>, ему дали прочесть две главы — и говорил, что никто в сущности не умел написать войну по-настоящему. Отчасти тронул ее правильно Зуров» (*Грасский дневник. С. 86*).

² Бунин часто приводит эту фразу, не всегда со ссылкой на Толстого, в своих высказываниях о современной литературе. Она заимствована им (и переименована) из предисловия Толстого к роману В. фон Поленца «Крестьянин» (1894): «Роман этот не есть одна из тех подделок под художественные произведения, которые в таком огромном количестве производятся в наше время, а настоящее художественное произведение». Ср. его отзыв о первой книге Зурова в газете «Россия и славянство» (см. примеч. 1 к № 4): «подлинный, настоящий художественный талант, — именно художественный, а не литературный только, как это чаще всего бывает».

³ Бунин цитирует неудачные, с его точки зрения, слова и выражения по указанному в примеч. 1 изданию: «Тяжелое тело города» и «сырь» взяты из одного и того же абзаца рассказа «Город» (Кадет. С. 96); «гармонь» — из рассказа «Плевок» (Кадет. С. 109).

⁴ Присланная по просьбе Бунина фотография сохранилась (РАЛ. MS.1068/4097). Она воспроизводится в наст. изд. О получении фотографии и впечатлении, производимом ею, см. примеч. 13 к № 2, а также № 3 и примеч. 3 к нему.

2

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

17 декабря 1929 г. Рига

Рига, 17 декабря 1928 года

Глубокоуважаемый

Иван Алексеевич!

Ваше письмо — большая радость.

Я эмигрант. Моя родина — город Остров Псковской губернии. 16-летним реалистом в 1918 году я ушел добровольцем в С<еверо>-З<ападную> Армию¹, был два раза ранен², потерял отца³ и в 20-м году очутился в Риге. В 22-м году, окончив гимназию⁴, поступил в Пражский Политехнический институт⁵, но через полтора года, по совету врача, должен был прервать образование.

В Риге был рабочим, репетитором, маляром⁶, секретарем журнала «ПЕРЕЗВОНЫ»⁷ и т.д.

Теперь я живу на незначительный литературный заработок. Материальная нужда меня не пугает. Привык. Думаю, что если не погиб за эти годы, то с помощью Божией пробьюсь.

В России я помещал в рукописном ученическом журнальчике свои первые рассказы⁸. Начал писать с 1925 года, работал с большими перерывами при очень тяжелых материальных обстоятельствах.

Этот год для меня очень важен. Я почувствовал, что для меня литературный труд — все.

Недавно окончил очерки «ОТЧИНА»⁹. Писал их по обещанию¹⁰. Думаю отказаться от исторических тем. Начал повесть из времен молодого псковского добровольчества¹¹. Думаю ее окончить к весне (хотя это очень маленький срок для серьезной работы). Мечтаю весной вырваться из города в уезд, к границе¹².

Благодарю Вас за радость, которую Вы мне доставили Вашим письмом и сердечным отношением к моей работе.

Преданный Вам

Л.Зуров

Вслед за письмом высылаю книжку «ОТЧИНА»¹³.

Рига, Суворовская ул. 17, кв. 9.

Леонид Федорович ЗУРОВ.

Публикуется по авторизованной машинописи (в дальнейшем — АМ) (подпись — автограф) (РАЛ. MS.1068/2038).

¹ Северо-Западная армия (до июля 1919 г. носила название Северная армия) была сформирована на основе Северного корпуса в июне 1919 г. К октябрю 1918 г. ее численность составляла до 18 000 человек. Под командованием генерала Н.Н. Юденича участвовала в «походе на Петроград» и была разбита Красной армией. Войска перешли границу с Эстонией, после чего армия была разоружена и интернирована. В течение 1919–1920 гг. Северо-Западная армия была ликвидирована (официально она прекратила деятельность 22 февраля 1920 г.). Часть личного состава вернулась в Россию, часть осталась в Эстонии в статусе беженцев. Большое число воинов Северо-Западной армии погибло в результате эпидемии тифа. Генерал Н.Н. Юденич (1862–1933), один из руководителей белогвардейского движения на Северо-Западе России. В качестве военного министра входил в состав образованного в Таллине в августе 1919 г. Северо-Западного правительства под руководством С.Г. Лианозова. В 1920 г. эмигрировал в Великобританию, позже — во Францию. 28 декабря 1926 г. Николай Ульянов писал Зурову как бывшему сослуживцу-однополчанину по Островскому полку армии Юденича: «Читая иногда рижскую газету “Слово”, встречал Вашу фамилию, но сомневался, думал, что однофамилец, но вот в одном из ноябрьских номеров газеты “Слово” читаю Ваше произведение “Нарвский этап” <Зуров Л. Этап в Нарве // Слово. 1926. 21 ноября. № 336>, а главное — примечание газеты к этому рассказу — итак, Вы подающий надежды писатель, с чем от души позвольте поздравить Вас и пожелать на этом поприще успеха

и славы. Теперь я уже не сомневаюсь, что Вы тот Леня Зуров, что был пулеметчиком при 3 роте Островского полка, а еще раньше реалист Островского реального училища» (РАЛ. MS.1068/3908).

² См. выданное Зурову 27 октября 1919 г. свидетельство врачебной комиссии на эстонском языке. Осмотрев Зурова, комиссия нашла, что движения его левой руки ограничены вследствие ранения и на основании соответствующего приказа отпраздновала его в 30-дневный отпуск (РАЛ. MS.1068/1597).

³ Отец Зурова, Федор Максимович Зуров (?–1920) был купцом второй гильдии. Как писал Зуров в «Автобиографических заметках», «род отца, Зуравы, по семейным преданиям, древнего происхождения» (РАЛ. MS.1068/758). «Отец — единственный сын — никогда не служил, все время занимался охотой, на своей земле и в лесах, ездил охотиться на Кавказ, был первый в губернии по стрельбе влет» (РАЛ. MS.1068/759). Вместе с сыном осенью 1918 г. добровольно пошел служить в Северо-Западную армию (ср. в «Автобиографических заметках»: «В 1918 году я вместе с отцом <...> вступил в Северо-Западную армию, чтобы наступать на Петербург с лозунгом “За Учредительное собрание”» — РАЛ. MS.1068/771). В 1919 г. вместе с армией перешел границу между Россией и Эстонией. Ф.М. Зуров служил представителем Красного Креста в Нарве, в январе 1920 г. заразился тифом и умер в военном госпитале в Азери.

⁴ См. выданное Зурову 17 июня 1922 г. свидетельство: «Леонид Федорович Зуров, родившийся 5 апреля 1902, обучавшийся ранее в Островском реальном училище, поступил в сентябре 1920 по свидетельству в III класс Рижской Городской Русской средней школы и посещал ее до 13 июня 1922 г.» (РАЛ. MS.1068/1504).

⁵ В имматрикуляционном листе Пражского политехнического института (Česká vysoká škola technická v Praze) от 6 октября 1922 г. значится, что Зуров был принят на отделение архитектуры и наземных сооружений на 1922/23 учебный год (РАЛ. MS.1068/1608). В зачетной книжке оценки проставлены только за два семестра, т.е. один учебный год (РАЛ. 1068/1610).

⁶ Ср. «Автобиографические заметки»: «Вернувшись из Праги, работал на Кинематографической фабрике (перфорировал пленки), в типографии — печатал кинематографические билеты и объявления и афиши, работал со студентами и расклеивал афиши» (РАЛ. MS.1068/77).

⁷ Русский литературно-художественный журнал «Перезвоны» в Латвии просуществовал с 1925 по 1929 г. (всего 43 номера). Выпускало журнал издательство «Саламандра», то самое, где увидели свет две первые книги Зурова. В «Перезвонах» публиковались лучшие литературные силы русского зарубежья: Алданов, Бунин, Зайцев, Куприн, Ремизов, Тэффи, Ходасевич и др. Зуров, по его словам, был в редакции «Перезвонов» не только секретарем, но и инкассатором, т.е. собирал выручку за журнал и деньги с подписчиков в латышской провинции. В «Перезвонах» опубликованы очерки и рассказы Зурова «О городе и крепостице Санктпетербург» (1926. № 24. С. 741–746), «Московское» (1927. № 28. С. 896–897), «Тот уголок земли» (1927. № 32. С. 997–999), «Выручка» (1927. № 35. С. 1114–1120).

⁸ Сведений об упомянутых первых рассказах Зурова нет.

⁹ *Зуров Л.* Отчина. Рига: Саламандра, 1928 (в дальнейшем — Отчина). Основная тема повести — псковское пограничье, охрана российских рубежей, описание штурма Пскова и его чудесного спасения Богоматерью во время нашествия на Русь польского короля Стефана Батория.

¹⁰ См. № 6.

¹¹ По-видимому, речь идет о романе «Древний путь», который был завершен лишь несколько лет спустя и вышел в издании «Современных записок» в 1934 г.

¹² См. № 9 и примеч. 2 к нему.

¹³ Факт получения книги упомянут Буниной в дневниковой записи за 27 декабря 1928 г.: «Пришла книжка Зурова “Отчина”. Это историческое описание Псково-Печерского монастыря. Он весной работал в монастырской библиотеке, сделал зарисовки букв, концовок, водяных знаков и кожаных тиснений. В этой библиотеке он обнаружил заброшенную икону с рисунками обители конца царствования Ал<ек>

сея> Михайловича и богатую киноарными буквами рукописную книгу XVII века государева дьяка Мисюря Мунейхина. Названа его книга “Отчина”. Написана просто, сжато, с древними словами. Молодец. Значит, у него серьезные задания. Хорошо, что он религиозен. Он в письме сообщил Яну, что ему было 16 лет, когда он стал добровольцем, значит, ему 26. Был в Праге (Г<алина> <Кузнецова> вспомнила его), но доктор посоветовал уехать отсюда из-за здоровья, — он был дважды ранен. Служил в «Перезвонах» секретарем. Прислал свою крохотную фотографию. Лицо приятное, хотя, вероятно, он человек самолюбивый и с характером. Г<алина> написала ему письмо <№ 3>» (РАЛ. MS.1067/392; Устами Буниных. Т. 2. С. 189–190).

3

Г.Н. КУЗНЕЦОВА — Л.Ф. ЗУРОВУ

24 декабря 1928 г. Грасс

24 декабря 1928 г.
Вилла Бельведер
Грасс.

Многоуважаемый Леонид Федорович!

Сегодня получили Ваше письмо, и я решила написать Вам, тем более что и раньше собиралась сделать это. Я живу у Буниных¹. Вы, быть может, встречали мое имя в «Последних новостях», где я печатаюсь около двух лет, или в «Современных записках»². Но, кроме того, мы с Вами встречались и раньше, в Праге, в Свободарне. Взглянув на Вашу фотографию, я тотчас узнала Вас, да вспомнила и фамилию, которая и раньше казалась мне знакомой. Вы, вероятно, вспомнили бы меня, если бы увидели, мы даже, кажется, были с Вами знакомы, во всяком случае, раскланивались³. Там меня знали как Галину Николаевну Петрову, теперь же я печатаюсь под своей девичьей фамилией⁴.

Но все это не важно. Главное то, что я хотела сказать Вам по поводу Вашей книги.

Я начала ее с первой вещи⁵, и она меня сразу захватила. Все хорошо, все правильно и все по-своему. Очень хороша сцена над рекой, на скамейке, и этот падающий снег, который исчезает, коснувшись воды, и барки, и стрельба, и Ярославль — от всего этого веет настоящей (а не поддельной, сусальной) старой Русью, немного грустной. И любовь хороша тем, что по-своему. Куний Мех — Аня совсем живая, и хорошо, что она, проводив Митю, встает и идет по лестнице, шагая, по-детски, через ступеньку⁶. Это все доказывает, что Вы представляете себе все то, что пишете. Есть еще рассказ, кажется, «Город» — у меня нет под рукой книжки — он по-настоящему трогателен, особенно то, как юнкера и Львенок выходят из ресторана и потом стоят у забора катка⁷. Иван Алексеевич говорил мне, что этот рассказ его очень тронул, а он строг и редко хвалит. Хвалил он еще и рассказ о Пушки-

не, говорил, что заметил его еще в «Перезвонах»⁸. Он и правда хорош и главным образом каким-то простым, правдивым духом старого времени, почувствованного, однако, Вами, как настоящее. Вообще, это замечательно, что Вас интересуют такие вещи, т.е. история, хотя и я не знаю, всегда ли и все ли правильно исторически. О недостатках, конечно, тоже можно бы сказать кое-что. Но, во-первых, о них пока просто не хочется думать, т<ак> к<ак> книга в общем радуется талантливостью, да и пишете Вы недавно — я тоже, между прочим, пишу столько же, сколько и Вы — а, во-вторых, не знаю, как Вы относитесь к критике. Я знаю очень многих писателей, которые не терпят слова возражения. Сама к ним не принадлежу.

В общем же я очень рада за Вас. Мало людей, которые пишут из «настоящих» побуждений, а Вы, по-моему, к ним принадлежите. Напишите, как Вы живете, есть ли у Вас какой-нибудь литературный круг, как Вы работаете — вообще в какой «атмосфере» живете.

От души желаю Вам всего лучшего.

Галина Кузнецова

Публикуется по АМ (правка и подпись — автограф) (РАЛ. MS.1068/3371).

¹ Кузнецова жила в семье Буниных с 1927 г.

² К этому времени Кузнецова печаталась в журналах «Звено» (стихотворение «...И я уйду с земли в такой же дряхлый день...» // Звено. 1926. № 162. 7 марта. С. 8; рассказ «Синие горы» // Звено. 1927. № 4. 1 октября. С. 206–226; стихотворение «Прованс» // Звено. 1928. № 1. 1 января. С. 39), «Современные записки» (далее СЗ): стихотворение «Полдень» // СЗ. 1928. № XXXVI. С. 185), в газете «Последние Новости» (далее ПН): «Стихотворение» // ПН. 1928. 5 мая. № 2965. С. 3; «Восьмистишия» // ПН. 1928. 12 июня. № 2636. С. 3; «Олесь» // ПН. 1928. 17 июня. № 2643. С. 4–5; «Стихотворения. Голос из могилы. Новая песня» // ПН. 1928. 15 июля. № 2671. С. 3; «Дом на горе» // ПН. 1928. 14 августа. № 2701. С. 4; «Золотой Рог» // ПН. 1928. 4 сентября. № 2722. С. 2–3; 5 сентября. № 2723. С. 2–3.

³ Ср. дневниковую запись Кузнецовой за 24 декабря 1928 г.: «Пришло письмо от Зурова, автора „Кадета“. Взглянув на маленькую фотографию, приложенную к нему, сейчас же стала вспоминать что-то и в конце концов вспомнила высокого, худого мальчика с улыбающимся лицом и светлыми волосами, появившегося на некоторое время в Свободарне (студенческое общежитие, где в основном жили русские студенты-эмигранты), в Праге, и куда-то затем исчезнувшего. Это и есть Зуров. Мы даже были знакомы, во всяком случае, раскланивались. Письмо его произвело хорошее впечатление. Оно написано на машинке и просто, кратко и сдержанно, хотя он, должно быть, ног под собой не чувствует от радости — сам Б<унин> похвалил! Я написала ему письмо <№ 3>, после всеобщего обсуждения. Он как бы мой «земляк» по студенческим временам в Праге, во-вторых, по чему-то родственному в писаниях» (Грасский дневник. С. 90). Общежитие Свободарня находится до сих пор в северо-восточной части Праги Либен.

⁴ В 1918 г. Кузнецова вышла замуж за офицера Белой армии Дмитрия Михайловича Петрова и вскоре вместе с ним оказалась в эмиграции в Константинополе, затем в Праге. После переезда в Париж в 1924 г. Петров работал таксистом. В том же году Кузнецова впервые подписалась своей девичьей фамилией в журнале «Студенческие годы» (см. примеч. 4 к № 6), но брак с Петровым окончательно распался, по-видимому, лишь после знакомства с Буниным в 1926 г. Впоследствии Петров эмигрировал в Бразилию.

⁵ Книга «Кадет» открывается заглавной повестью.

⁶ Кадет. С. 28.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ Имеется в виду рассказ «Тот уголок земли...» (см. примеч. 7 к № 2).

4

Г.Н. КУЗНЕЦОВА — Л.Ф. ЗУРОВУ

15 января 1929 г. Грасс

15 января

Грас.

Ваша «Отчина» понравилась нам всем, и Вы, вероятно, уже получили номер газеты «Россия и славянство» с заметкой Ивана Алексеевича о Вас¹. Думаю, это доставит Вам еще большую радость. Вы, должно быть, правы, говоря, что те, кто в душе чисто и беззлобно прост — получает². Во всяком случае, хочется верить в это.

Что значит «по обещанию»? Как это вышло, если это не нескромно³? В «Отчине» много хорошего, лучше же всего тот поэтический дух, которым проникнута вся книга. И конец хорош. Вы упоминаете «Муромцева», это, кажется, предок жены И<вана> А<лексеевича> — она интересуется им⁴.

Почему, собственно, Вы основались в Риге? Или это вышло случайно? Чувствую, что Прага не оставила в Вас приятных воспоминаний. Впрочем, я сама была принуждена покинуть ее полубольная, по совету врача. Когда Вы уехали оттуда?

Лукаш ничего не рассказывал нам о Риге⁵. Я с ним даже не знакома. Скажу только, что люди холодны не только в Риге — это, кажется, всюду. Какие и где Вы читали мои стихи? Я мало печатала и печатаю. Теперь же около двух лет печатаю почти исключительно прозу — набралась бы целая книжка⁶ — но не хочу спешить. Многое меня не удовлетворяет. Учусь, конечно, у Ивана Алексеевича, но в среде «молодых» стою совсем одиноко. Статья Рошина⁷ отчасти рисует нашу жизнь, но только «отчасти». Он немного «переложил» красок, и получилась экзотика. А без нее было бы лучше. Впрочем, нельзя подходить с большими требованиями к газетной статье⁸.

Праздников у нас тоже не было. Мы сейчас втроем в полупустом доме, который стоит среди диких садов-террас. Позади начинаются Альпы. Темнеет в пятом часу. Холодно. Сами топим печи, никого подолгу не видим. Наши гости — письма.

Иван Алексеевич и Вера Николаевна Вам кланяются. Вы не так уж бойтесь его. Он — чудесный человек.

Кладу Вам сюда два рассказа⁹ — не потому, что считаю лучшими, а просто потому, что других под рукой нет — надо выписывать из Парижа.

Шлю Вам сердечный привет.

Галина Кузнецова

За «Золотой Рог» некоторые меня бранили (идеологически)¹⁰, но я написала только то, что видела и что было очень типично для Конст<антинопо>ля того времени.

Мне пишите лучше рукой.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/3372). Год установлен по содержанию.

¹ Имеется в виду печатный отзыв Бунина: «Недавно я, совсем неожиданно, испытал большую радость: прочел книжку нового молодого русского писателя, Леонида Зурова, изданную в Риге и состоящую из повести „Кадет“ и нескольких небольших рассказов: подлинный, настоящий художественный талант, — именно художественный, а не литературный только, как это чаще всего бывает, — много, по-моему, обещающий при всей своей молодости. Поспешил что-нибудь узнать об авторе этой книжки. Узнал, что ему всего двадцать шестой год, что родился и рос он в Псковском краю, шестнадцати лет ушел добровольцем в Северо-Западную Армию, был два раза ранен, потом попал в Ригу, где был рабочим, репетитором, маляром, секретарем журнала „Перезвоны“, а теперь живет на свой скудный литературный заработок; что писать он начал всего три года тому назад, работая с большими перерывами, при очень тяжелых материальных обстоятельствах... На днях я с еще большей радостью прочел его новую книжку „Отчина“. Он мне пишет (в ответ на мое письмо о первой его книжке), что „Отчину“ он писал „по обещанию“. И в предисловии к ней говорит: „Это результат моей работы в Псково-Печерском монастыре, в его рукописной библиотеке, весной 1928 года...“ Уже одно это прекрасно. Но прекрасна и сама книжка, — на нее надо обратить особенное внимание. Дай Бог всяческого благополучия молодому дарованию» (*Бунин И. Леонид Зуров // Россия и славянство. 1929. 12 января. № 7. С. 3*).

² По-видимому, Кузнецова отвечает на утраченное письмо Зурова, в котором он повторил кое-что из № 2. См. ниже примеч. 8, а также дневниковую запись Кузнецовой за 14 января 1928 г.: «Он пишет сдержанно, начинает словами: „Многоуважаемая Галина Николаевна! Я очень хорошо помню Вас, стихи Галины Кузнецовой и Свободарню — большую тюрьму с маленькими кельями...“» (*Грасский дневник. С. 94–95*).

³ См. № 2 и объяснение в № 6.

⁴ Впервые Васиан Муромцев упоминается в эпиграфе к части «Отчины», названной «Игумен Корнилий», где о нем говорится как об умертвленном по приказу Ивана Грозного вместе с игуменом Печерского монастыря Корнилием (С. 27). Второй раз — в XV главе той же части, где «созидателем» городской стены и церкви назван Пафнутий Заболоцкий, «духовный сын игумена Корнилия и старца Васиана Муромцева (С. 44). В третий раз — в финале части «Игумен Корнилий», где приведена запись в синодиках об убитых опальных людях, завершающаяся именами игумена Корнилия и старца Васиана Муромцева (С. 58). В записях Буниной «Наша родословная» самый ранний из упомянутых предков — ее прапрапрадед Никита Алексеевич Муромцев, который жил во второй половине XVIII в. (РАЛ. MS.1067/510–514).

⁵ Писатель Иван Созонтович Лукаш (1892–1940) в 1927 г. перебрался из Риги в Париж.

⁶ Сборник рассказов Кузнецовой «Утро» вышел в Париже в 1930 г. в издательстве «Современных записок». В него вошли рассказы «Утро», «Кунак», «В пути», «Синие горы», «Бахчисарай», «Олесь», «Золотой рог», «Дом на горе», «Ночлег», «Номер 43», «Последняя повесть», «Осень».

⁷ Николай Рошин — псевдоним писателя Николая Яковлевича Федорова (1896–1956). Периодически жил у Буниных в Грассе с 1924 г. (до приезда Зурова в 1929 г., затем приехал изредка). Имел шуточные прозвища Капитан и Пекка (иногда Пэка/Пэкка).

⁸ Речь идет о фельетоне: *Рошин Н.* Литературный уголок. Вилла «Бельведер» // Сегодня. 1929. 1 января. № 1. С. 4. См. ту же дневниковую запись Кузнецовой за 14 января 1929 г.: «Он <Зуров> прочел статью Рошина о вилле Бельведер и представил себе все в преувеличенно экзотическом виде, как там рошинским „бойким“ пером описано. „Сегодня читал статью Ник. Рошина и видел всех вас. Очень хороша там пальма, а если закрыть глаза, то можно представить и море. А о вашем море, солнце и ветре хорошо мечтать в розовые морозные дни...“» (Грасский дневник. С. 95). Рошин достаточно подробно передает распорядок дня жителей виллы Бельведер и, в частности, пишет: «После обеда короткий отдых и — опять работа с небольшим и необязательным перерывом на чай. Чай накрывается в саду, под огромной пальмой, в густой, стрелчатой по краям, тени». В газете воспроизводится фотография Буниных, Кузнецовой и Рошина «под „чайной пальмой“ в Бельведере».

⁹ Вложение не сохранилось, но из № 6 ясно, что один из рассказов — «Золотой рог» (см. примеч. 2 к № 3), а второй — вошедший впоследствии в сборник «Утро» «Кунак».

¹⁰ Сведений о критике рассказа нет.

5

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

Январь 1929 г. Грасс

Очень благодарю Вас, дорогой, и за письмо¹, и за «Отчину» — она очень хороша. Дай Бог Вам всего доброго.

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (самодельная открытка с портретом Бунина, снятого в Одессе в апреле 1919 г. — РАЛ. MS.1066/6186) (РАЛ. MS.1066/6104). (Открытка воспроизводится в наст. изд.) Датируется предположительно по неотчетливому почтовому штемпелю и по сопоставлению с № 4. Адрес на открытках Бунина и на сохранившихся конвертах его писем: Souvorovskaja 17, 9. Riga (Latvija) / Суворовская, 17, кв. 9. Рига (Латвия).

¹ № 2.

6

Л.Ф. ЗУРОВ — Г.Н. КУЗНЕЦОВОЙ

Вторая половина января 1929 г. Рига

Январь 1929 г.

Многоуважаемая
Галина Николаевна!

Спасибо за Ваше письмо¹. Оно доставило мне много счастья и радости. Большое счастье!

И как странно — во сне я видел, что на подоконник, а окно было открыто и с улицы лился теплый золотистый свет (такого не бывает в жизни), села черно-синяя птица. А я подошел и взял ее в руки. Она была доверчива, легка, с глазами яркими и любопытными. И оттого, что я почувствовал ее в ладонях, теплую и дружелюбную, мне стало хорошо, как в детстве.

Днем после службы в соборе ко мне подошел Белоцветов² и сказал, что Иван Алексеевич написал заметку о моих работах³. На следующий день я получил Ваше письмо и дорогие для меня строки. Все это радостно и чудесно.

Спасибо за Ваши рассказы. Ваши стихи я читал в «Студенческих годах»⁴, а некоторые из них слышал от мичмана Петрова⁵. Мы жили тогда [без кабинок] в холодном коридоре Свободарни.

Ваши рассказы читаю впервые. И «Золотой Рог», и «Кунак» мне очень понравились. У Вас хороший и простой язык, Вы так хорошо видите. Временами, особенно в «Кунаке», у Вас мужской язык. Желая от души счастья и хорошей работы. Хотелось бы поскорее увидеть Вашу книгу. И заранее радуюсь.

В Праге было очень тяжело. В 1924 году после госпиталя и летнего отдыха я покинул ее, чтобы очутиться около родных полей. К Латвии отошел кусок нашей Псковской губернии⁶. И близость России меня укрепила лучше всех докторов.

«Отчину» я обещал Владычице Печорской, Покровительнице моей земли. Ее икона часто заходила к нам. Я ее помню ребенком.

Вернувшись летом из обители в Ригу, я не мог найти летописного отрывка «Повесть о приходе... Стефана Абатура на богоспасаемый град Псков»⁷. Я искал ее везде, но ни в библиотеках, ни в летописцах не обнаружил. Вечером я долго думал о своей незаконченной работе и отчаивался. Утром я зашел в антиквариат знакомого купца. Там грудями лежали на полках и столах разрозненные русские книги. Я случайно раскрыл одну из них, и первое, что мне бросилось в глаза, — «Повесть о приходе».

Старец Васиан Муромцев, ученик Корнилия, часто упоминается в древнем синодике Печерского монастыря. Он либо из новгородских, либо из псковских бояр. С ним переписывался Курбский.

Читал «Жизнь Арсеньева»⁸. Волновался до дрожи, до слез. Хочется стать лучше и чище. Спасибо Ивану Алексеевичу. У него большое сердце. Я рад за Вас. Ведь Вы близ него. Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет Вере Николаевне. Спасибо.

<Л. Зуров>

P.S. Кладу в письмо вырезку из «Огонька»⁹, снимок Печерского монастыря и свою фотографию (после тифозной эпидемии и расформирования армии)¹⁰.

Публикуется по авторизованной машинописной копии (в дальнейшем — АМК) (дата и правка — автограф). РАЛ. MS.1068/3365). Датируется по сопоставлению с № 4.

¹ № 4.

² Белоцетов Николай Алексеевич (1863–1935) — ответственный редактор акционерного общества печатного дела «Саламандра», издававшего газету «Слово» и журнал «Перезвонь». В этом издательстве вышли в свет книги Зурова «Кадет» и «Отчина».

³ См. примеч. 1 к № 4.

⁴ Кузнецова дебютировала как поэт в пражском журнале «Студенческие годы». Там под именем Галины Петровой она опубликовала стихотворения «У царственных могил» (1922. № 1. С. 4), «В вас слита грация небрежного каприза...» (1922. № 3–4. С. 14), «Ты такой теперь стал рассеянный...» (1923. № 1. С. 17), «Астры» (1923. № 4. С. 17), «На катке» (1924. № 1. С. 7). Последнее по времени публикации стихотворение «Парижские этюды» (1924. № 6. С. 1) появилось под именем Галина Кузнецова (Петрова).

⁵ См. примеч. 4 к № 3.

⁶ Латвии по мирному договору 1920 г. с Советской Россией отошли Пыталовский и Палкинский районы Псковской области.

⁷ «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», рассказывающая о героической обороне Пскова во время Ливонской войны, была написана по горячим следам событий, в 1580-х гг. жителем города Пскова, иконописцем Василием.

⁸ Ко времени написания № 6 кн. 1–3 романа Бунина «Жизнь Арсеньева» печатались в № XXXIV, XXXV, XXXVII «Современных записок» за 1928 г. Кн. 4 появилась позже, в 1929 г. в № XL журнала.

⁹ В № 44 петербургского журнала «Огонек» (воскресное приложение к газете «Биржевые ведомости») за 28 октября 1912 г. опубликован фотопортрет, выполненный С.Г. Смирновым по поручению журнала к 25-летию юбилею литературной деятельности Бунина. Сохранилась присланная Зуровым вырезка с характерной пометой Бунина начала 1950-х гг.: «очень непохож! Ив. Б.» (РАЛ. MS.1066/7846).

¹⁰ Упомянутые фотографии в архивах Бунина и Зурова не сохранились.

7

Г.Н. КУЗНЕЦОВА — Л.Ф. ЗУРОВУ

8 февраля 1929 г. Париж

8 февраля
Париж

Милый Леонид Федорович!

Не отвечала так долго потому, что мы переезжали в Париж. Здесь мы должны пробыть до 1 мая¹, если, конечно, все будет хорошо, и затем вернемся в Грас, как обычно.

Ваше письмо² нас очень тронуло. Мы много говорили о Вас с И<ваном> А<лексеевичем>. Он, вероятно, напишет Вам, когда немного опрашивается — переезд его утомил.

Каковы Ваши дальнейшие планы? Думаете ли Вы оставаться в Риге и дальше, что вообще предполагаете делать в будущем?³

Если у Вас есть хороший рассказ — посылайте его в «Совр<еменные> записки». Лучше будет, если Вы пришлете его сначала нам. Редактор «С<овременных> з<аписок>» несколько месяцев в год живет с нами на Бельведер⁴, и мы хорошо знаем вкусы и требования журнала. Я с ним о Вас говорила — он расспрашивал с интересом. Говорил очень дружественно о Вас и Куприн.

Что Вы теперь делаете? Пишете большую вещь?

Рада, что Вам нравится моя проза. Спасибо за добрые пожелания. Кладу сюда листок со стихами⁵ и мой первый рассказ⁶. Если в нем нет крепости — он все же мне мил, как всякий первенец.

За «Отчину» благодарю.

Наши Вам шлют сердечный привет. Я — тоже. Пишу кратко, т<ак> к<ак> устала от хлопот, связанных с переселением.

Храни Вас Бог.

Галина Кузнецова

Адрес наш до 21-го: 7, rue des Bauches⁷, Paris XVI. Постоянно можно писать на «Посл<едние> новости»: мне — «Les Dernières Nouvelles», 26 rue Buffault. Paris IX.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/3373). Год установлен по содержанию.

¹ Бунины и Кузнецова приехали в Париж 2 февраля 1929 г. (дневниковая запись Буниной за ту же дату — РАЛ. MS.1067/395). В Грасс они вернулись 28 апреля (см. № 17).

² № 6.

³ Текст «Каковы ~ в будущем?» — подчеркнут Зуровым.

⁴ Имеется в виду Илья Исидорович Фондаминский (1880–1942), часто бывавший у Буниных в Грассе. См. также № 17.

⁵ Сохранилась вырезка с циклом Кузнецовой «Прованс» («Спокойная и грустная отрада...», «О, как сегодня ночь смутна, бледна!..», «Колоколов протяжный разговор...») (Современные записки. 1927. № XXXIII. С. 221–222) (РАЛ. MS.1068/3373а).

⁶ Судя по № 9, это рассказ «След на снегу».

⁷ 6 февраля 1929 г. Бунина записала в дневнике: «Переезжаем на рю дю Бош, где жили Михайловы <друзья Буниных>. Берем пока комнаты» (РАЛ. MS.1067/395).

8

Г.Н. КУЗНЕЦОВА — Л.Ф. ЗУРОВУ

1 марта 1929 г. Париж

1 марта
Париж

Милый Леонид Федорович!

Все собиралась написать Вам, да за временем не угонишься! Мы переебрались и живем теперь окончательно на *1, rue Jacques Offenbach, Париж XVI*, куда и прошу писать, если придет охота. Я послала Вам письмо еще с rue des Bauches¹ — не знаю, получено ли оно Вами?

У нас стоят холода, несмотря на календарь — пора бы, кажется, и честь знать! Мы от переездов несколько ошалели, а Иван Алексеевич вообще чувствует себя не очень хорошо.

В Париже я пробую приобщиться к общей литературной жизни, но из этого немного выходит. Была на двух собраниях «молодых»² — и грустно мне стало. Все то, что я люблю, что мне важно и дорого в первую голову — там даже не упоминается. Говорят другим языком, мыслят, очевидно, совсем иначе. Упрекают за то, что у всех «тяга к богу», не обращают внимания на чистоту языка. При мне на «вечере устной рецензии» критиковали только что вышедший роман молодой писательницы Городецкой — «Несквозная нить» — и никто не задумался над заглавием: что оно, в сущности, значит? И можно ли так сказать по-русски? Конечно, критика была очень суровая, бесцеремонная, с отсутствием всякого плана и логики³.

Я оббега́ла взглядом лица и думала — какие все они странные, невыразительные, непривлекательные! Да, очень, очень одиноко я себя чувствую среди них.

Как Вы живете? Как движется Ваша повесть? Все-таки, несмотря ни на что, надо писать, хотя бы для себя, работать, делать свое дело и повторять про себя: «Господи, благослови мой малый труд!..» Так учил меня один человек — и я часто говорю себе это и напоминаю себе об этом, когда падаю духом или устаю. Сейчас ничего не пишу. Тут трудно работать. В половине марта выйдет книжка «Совр<еменных> записок», где будут мои стихи⁴. Шлю Вам сердечный привет. Как Вам работается, живется? Пишите.

Галина Кузнецова

Иван Алексеевич передает Вам привет и благодарит за присланный Вами портрет — он ему понравился — и вырезку⁵.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/3374). Год установлен по содержанию.

¹ У Кузнецовой «Voches» — пренебрежительное прозвище немцев (*франц.*) (описка — исправлена по № 7).

² Собрания Союза молодых поэтов и писателей состоялись 9 и 23 февраля 1929 г., а 15 февраля члены союза выступали в Студенческом клубе при Русском студенческом христианском движении (Хроника. Т. 1. С. 530, 533, 536).

³ Роман Н.Д. Городецкой (1901–1985) «Несквозная нить» вышел в парижском изд-ве Паскаль в 1929 г. С «устной рецензией» романа выступил Н.Г. Рейзини 28 февраля 1929 г. на вечере «Кочевья» (Хроника. Т. 1. С. 538).

⁴ См. № 14 и примеч. 8 к нему.

⁵ См. № 6 и примеч. 9 и 10 к нему.

Л.Ф. ЗУРОВ — Г.Н. КУЗНЕЦОВОЙ

6 марта 1929 г. Рига

Рига, 6-го марта 1929 г.

Многоуважаемая

Галина Николаевна,

Простите меня, что я так долго не отвечал на Ваше письмо¹. Думал написать рассказ и отправить его вместе с письмом, но рассказа не кончил, в срок не ответил, и мне, право, стыдно.

У нас<с> тут не весело. На родине начинается голод. Часть дерев<ен>ь двинулась на новые места в Сибирь². Близ границы тоже недоедают. Мужики продали запасы клевера и пьют денатурат. Наступает тяжелая весна.

Спасибо за «След на снегу» и стихи³. Строго и хорошо. Очень хорошо «Спокойная и грустная отрада»⁴.

Вы пишете о собраниях молодых. Их можно только пожалеть. Я не знаю, чем они живут и какому богу молятся, но мне кажется, что, рассуждая о быте, они не любят его и не чувствуют. Нельзя с маху ломать. Можно сломаться.

Одиночество — дар. И мне кажется, что в одиночестве можно сильнее всего любить и чувствовать. Это как бедность, если только она не озлобляет. Как хороша «Смиренная молитва»⁵. Спасибо. Моя повесть постепенно обрастает, но я еще не знаю, когда ее окончу. Много пишу для себя. Рассказы есть, но они мне самому не нравятся. Пусть — дойдут. Живу, не задумываясь о завтрашнем дне. Летом, взяв аванс, поеду в Латгалию⁶ и буду там бродить по деревням. К осени вернусь и крепко засяду за работу. А что дальше? — Господь знает. Так жил до сих пор. В самые тяжелые дни легко писалось. Конечно, здесь безлюдье⁷, но ведь рядом Россия. Прага меня в свое время замучила; рабочие кварталы и дым крематориума, что по пути в Страшницу⁸, до сих пор не могу вспомнить без содрогания.

Мой сердечный привет Ивану Алексеевичу и Вере Николаевне. Как его здоровье? Передайте ему мою глубокую⁹ благодарность. Письмо от Константина Зайцева с предложением сотрудничать в «России и славянстве» я получил¹⁰. Как только сделаю хороший рассказ или отрывок, сразу же пошлю в Париж, а то боюсь осрамиться. Как Вы поживаете? Мой поклон Куприну, Шмелеву¹¹ и Ладыженскому¹².

Публикуется по АМК (РАЛ. MS.1068/3366).

¹ № 7. Зуров отвечает и на № 8.

² По-видимому, Зуров пересказывает газетную заметку «Положение Псковского края (Сообщение из г. Острова)»: «Все больше и больше делается нищета в Ост-

ровском р-не. В Грибулевской вол. в деревнях Новое и Старое Житва крестьяне распродают все свое имущество и уезжают в Сибирь» (Слово. 1929. 24 февраля. № 1022. С. 2). Сюжет письма нашел отражение также в статье «Нерадостные вести» (Слово. 1929. 10 марта. № 1024. С. 11. Подп.: Л. З.), где излагается беседа с рижским профессором В.К. Трофимовым, который говорит о предвестниках голода в Латгалии и печальном положении в Псковской области: «Мы знаем, как пустеет Псковский край, находящийся по ту сторону границы, как снимаются и уходят деревни в Сибирь». См. также № 15 и примеч. 10 к нему.

³ См. № 7.

⁴ См. примеч. 5 к № 7.

⁵ Выходные данные не установлены.

⁶ Район на юге Латвии, граничащий с СССР.

⁷ У Зурова — безлюдия.

⁸ Рабочие кварталы находились в восточной части Праги Жижкове, а старый крематорий неподалеку в районе Страшница, напротив знаменитого Ольшанского кладбища.

⁹ У Зурова: благокую.

¹⁰ Кирилл Иосифович Зайцев (1887–1975) — правовед, историк культуры, богослов, издатель. В 1920-х гг. жил во Франции и Чехословакии, соредатор журнала «Жизнь и вера», член редакционного комитета парижской газеты «Россия и славянство» (1928–1934), в которой была опубликована статья Бунина о первой книге Зурова (см. № 4 и примеч. 1 к нему), впоследствии принял монашество под именем Константин. Сохранилось упомянутое письмо Зайцева от 21 января 1929 г. (РАЛ. MS.1068/3954).

¹¹ Очевидно, Шмелев одним из первых (наряду с автором статьи о «Кадете» Ю. Айхенвальдом) заметил и отметил книги Зурова. Во всяком случае, именно после его письма Зуровым заинтересовался Амфитеатров, которому Шмелев писал: «Зуров — даровитый, м<ожет> б<ыть>, добрая «смена». По-моему — лучший и надежнейший из молодых. Я ему сегодня напишу, чтобы послал Вам две свои книжечки: «Кадеты» и «Отчизна» <так!>. Д<олжен> б<ыть> из него толк. Я ему отписал. Обласкайте и Вы, *надо*. Он — настоящий, по-видимому, а не из «старателей», не из — «вприглядку» пишущих, избравших литературу, как будто бы «легкую» работу. Впрочем — у кого спинка гибкая, глазки играют, голосок поет, — они ничего, могут перышком наскрипеть. У иных и поту много. Но радости не дают. Лук-каш — талантлив, но вывихиваться любит. Дитя нервного века, хотя этому *дитя* уже 37 л<ет> или около. Очень горяч и<?> слезлив — с пылом и вывертом. Ск<олько> раз говорил ему: не горячитесь, не «наказывайте»-ка себя! Нет спокойствия! А у Зурова — *есть*. Увидите. Зуров — культурен, с заквасом от... предков? И мальчишка ведь. Я ему посоветовал — читать и учиться у классиков. *Чи-тать* и... глядеть в себя, спрашивать душу свою — чего хочет? Зуров любит родное и отдает себя за него. У него — дар. Надо его сохранить — Зурова-то. Зовут его Леонид Федорович» (письмо И.С. Шмелева А. В. Амфитеатрову от 18 февраля 1929 г. // Amfiteatrov Collection, Lilly Library, Indiana University, Bloomington, США). Сохранилось письмо Зурова Шмелеву от 28 августа 1929 г. из Риги: «Служу чернорабочим городской управы на понтонном мосту. Несколько дней грузил камни, мыл понтоны, а теперь переведен на новую должность — работаю с водолазом (качаю воздушный насос, вытаскиваю якоря, кручу лебедку и помогаю одеваться водолазу). Ночью меняли понтоны (работал 16 часов), вернулся домой, свалился, как убитый, во сне видел лебедку, краны, плоты и все время качало, как на воде. Работать буду до первых морозов, до ноября, чтобы зимою окончательно засесть за повесть. <...> К зиме я заработаю на свой литературный труд и оденусь. Как ценишь во время работы свободное время» (РАЛ. MS.1068/3800).

¹² Имеется в виду Владимир Николаевич Ладыженский (1859–1932), поэт и прозаик, в 1919 г. эмигрировавший во Францию. Сотрудничал в газетах «Возрождение» и «Вечернее время», в журнале «Современные записки». Зуров мог

заочно познакомиться с Ладыженским во время своей работы секретарем рижского журнала «Перезвоны», где Ладыженский напечатал рецензии на книги Бунина «Митина любовь» (1926. № 13) и «Солнечный удар» (1927. № 36). Ладыженский был также автором двух рецензий на первые книги Зурова: Дети в революции (По поводу книги «Кадет» Л.Зурова) // Слово. 1929. 6 января. № 1015. С. 8; Л.Зуров: Отчина // Слово. 1929. 3 марта. № 1023. С. 8. (См. также некролог Ладыженского, напечатанный Куприным 31 января 1932 г. в газете «Возрождение»).

10

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

9 марта 1929 г. Париж

1, Rue Jacques Offenbach
Paris XVI
9—III—29

Милый Леонид Федорович, слава Богу, рука у меня оказалась легкая: нынче о Вас сразу два фельетона (и даже немножко местами пристрастных)¹. Порадуйтесь им — и тотчас же постарайтесь о них забыть, чтобы по-прежнему, не спеша и не переоценивая своих молодых сил, еще весьма нуждающихся в развитии всяческом, работать только над тем, чего Ваша душа просит, а не над тем, за что могут похвалить. По этому поводу написал бы Вам, м<ожет> б<ыть>, полнее, да думаю, что Вы и так поймете меня; кроме того, чувствую себя весьма слабо: нынче в первый раз поднялся с постели после семидневного гриппа.

Целую Вас и желаю всего доброго. Спасибо за вырезку, которую Вы прислали мне в январе (мой портрет в «Бирж<евых> вед<омостях>»²).

Любящий Вас
Ив. Бунин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/6105).

¹ Имеются в виду статьи: *Амфитеатров Ал.* Души полные и души опустошенные // *Возрождение.* 1929. 9 марта; *Зайцев К.* Леонид Зуров // *Россия и славянство.* 1929. 9 марта.

² См. конец № 6 и примеч. 9 к нему.

Г.Н. КУЗНЕЦОВА — Л.Ф. ЗУРОВУ

9 марта 1929 г. Париж

9 марта
Париж

Милый Леонид Федорович!

Сегодня сразу — Ваше письмо¹ и в газетах два хвалебных фельетона о Вас². От души рада за Вас — Вы представляетесь мне достойным всего этого. И знаете, какая мысль часто является теперь мне?

В этом всем есть все-таки что-то необычное. К книгам и писателям вообще такое равнодушие, что часто и талантливые пребывают в забвении. С Вами же случилось так, что, помимо воздействия Вашего таланта, есть как бы еще и какое-то иное, высшее воздействие... И вот я невольно все чаще начинаю думать о том, что есть какая-то таинственная связь между Вашим успехом и тем обетом, который Вы дали³.

Все это нисколько не исключает Ваших личных качеств — наоборот, только усиляет их. Только оставайтесь и дальше таким же. Не ждите ничего особенного, пишите не какие-то «особенные» рассказы, а то, что Вам хочется, что *надо*.

Ив<ан> Ал<ексеевич> был болен гриппом, встал только сегодня. В<ера> Н<иколаевна> тоже болела, и я одна оставалась на ногах все это время. Спасибо Вам за присылку фотографий — они мне знакомы и некоторые из снятых были со мной в добрых отношениях⁴.

Здесь уже начинается весна, и меня опять начинает тянуть на юг, где уже, наверное, цветут деревья. Я ничего не пишу — жизнь здесь очень суетливая — и огорчаюсь этим. Получила книгу Вашего друга Перфильева. Только зачем он взял такой несерьезный псевдоним? Посоветуйте ему подписываться просто своей фамилией. Я ему напишу⁵.

Еще раз радуюсь за Вас!

В<ера> Н<иколаевна> тоже передает Вам поздравление и говорит, чтобы Вы оставались таким, как есть.

Храни Вас Бог.

Галина Кузнецова

Очень хорош Печерский монастырь⁶ — он напоминает мне немного нашу Киевскую лавру, дорогую мне по воспоминаниям детства⁷.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/3375). Год установлен по содержанию.

¹ № 9.

² См. примеч. 1 к № 10.

³ См. № 6.

⁴ Очевидно, Зуров, увлекавшийся фотографией, послал Кузнецовой фотоснимки, сделанные в Чехословакии.

⁵ Имеется в виду изданная под псевдонимом «Александр Ли» книга стихов Александра Михайловича Перфильева (1895–1973) «Снежная месса: Стихи 1924–1925» (Рига: Пресса, 1926). См. также конец № 14. О Перфильеве см. также: *Абызов Ю., Тименчик Р.* История одной мистификации // Даугава (Рига). 1990. № 9. С. 118–127.

⁶ См. конец № 6.

⁷ О детстве и юности Кузнецовой в Киеве см. ее письмо к А.К. Бабореко от 8 ноября 1971, приведенное им во вступительной статье к изданию: *Кузнецова Г.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М.: Московский рабочий, 1995. С. 5.

12

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

13 марта 1929 г. Рига

13-го марта 1929 г.

Спасибо, глубокоуважаемый Иван Алексеевич, за Ваше сердечное письмо¹. Очень обрадовался. С помощью Божьей буду серьезно и честно работать, следуя Вашим советам. Желаю Вам здоровья и хорошей работы. Храни Вас Господь. Спасибо.

Преданный Вам

Л. Зуров

Публикуется по авторизованной рукописной копии (РАЛ. MS.1068/2040). Сохранились также черновик этого письма, датированный 13 марта 1929 г., и неполная АМК (на бланке акционерного общества печатного дела «Саламандра»), ошибочно датированная 14 марта 1929 г. — т.е. датой № 13 (РАЛ. MS.1068/2039, 2041).

¹ № 10.

13

Л.Ф. ЗУРОВ — Г.Н. КУЗНЕЦОВОЙ

14 марта 1929 г. Рига

Г. Кузнецовой
Rigā, 14.III.1929 g.

Опять радость. Правда, в жизни много радостного и хорошего. Я так благодарен Вам за родное ко мне отношение. Семья Буниных и Вы для меня связаны неразрывно — словно одно сердце. Я от всей души Вам радостно желаю встретить весну. Ивану Алексеевичу и Вере Николаевне —

поскорее выздороветь и набраться сил, а Вам отдохнуть и вволю поработать.

Перфильев очень милый человек¹. Ему тяжело живется. Иногда он бедствует и с трудом зарабатывает кусок хлеба, чтобы прокормить тещу, жену и ребенка. Еще хочу Вас попросить (если это Вас не затруднит). Я узнал, что в Париже бедствует директор Островского Реального Училища Николай Константинович Штемберг. Его сын погиб в Белой Армии, а семья осталась в Киеве². Может быть, что-либо можно сделать для него. Это человек, воспитавший многих, что погибли потом в Белой Армии.

Публикуется по АМК (на бланке акционерного общества печатного дела «Саламандра») (РАЛ. MS.1068/3367).

¹ См. № 11 и примеч. 5 к нему.

² Дальнейшая судьба Штемберга и его семьи не установлена.

14

Г.Н. КУЗНЕЦОВА — Л.Ф. ЗУРОВУ

26 марта 1929 г. Париж

26 марта

Париж

Милый Леонид Федорович!

Спасибо Вам за «Молитву» и за те чувства, с которыми Вы писали мне письмо¹. Не отвечала Вам, потому что не было тихой минуты, а писать невнимательно не хотелось.

Я постоянно радуюсь за Вас и часто говорю о Вас со многими знакомыми, писателями и не писателями. Недавно у нас был князь Ливен² и говорил Ив<ану> Ал<ексеевичу> о Вас. Пришел он в то время, когда у нас были гости (приехавший из Германии Степун с женой, знаете, тот, что в «Совр<еменных> зап<исках>»³), и потому Ив<ан> Ал<ексеевич> говорил с ним сравнительно недолго. Мы были рады, что у Вас все-таки есть постоянная поддержка в Риге. Он очень хорошо отзывался о Вас.

Как Ваша работа? Подвигается ли повесть? Как рассказ? Я говорила о Вас с Алдановым⁴, дала ему обе ваши книги, и он потом очень хвалил Вас и просил передать Вам привет.

Наша жизнь здесь, для меня в частности, тяжела, т<ак> к<ак> мы приезжали на краткий срок, все хотят видеть Ив<ана> Ал<ексеевича>, и у нас целый день парад (или же мы едем куда-нибудь). Приводит это к тому, что мы все переутомлены ужасно, а о работе нечего и думать. Я временами просто ложусь с смертным утомлением в душе и отказываюсь идти куда

бы то ни было. А уже весна. Почки налились на кашта<на>х, Париж прекрасен. Да некогда на него посмотреть. Эти дни — торжество. Хоронят маршала Фоша⁵.

Фамилию и адрес директора Ост<ровского> уч<илища>⁶ я передала В<ере> Н<иколаевне> — но она недоумевает, куда его можно «отнести». Ведь все «помощи» распределены по разным благотворительным учреждениям. Во всяком случае, что-нибудь попытаемся сделать⁷.

О Вас сейчас говорят довольно много. Конечно, есть и такие, которым Вы не нравитесь. Но это неизбежно. Вообще же все это — суета сует. Счастье и жизнь совсем не в том. Уже вышла новая книжка «<Современных> записок». Когда получу оттиски, pošлю Вам мои стихи, напечатанные в ней⁸. Сейчас же посылаю маленькую любительскую фотографию, снятую еще в Грасе с нас троих на тропинке, ведущей к villa Belvédère⁹. Немного неудачно вышел только И<ван> А<лексеевич>. Узнаете ли Вы меня? Хотела послать Вам фотографию побольше, да не нашлось под рукой.

Есть ли у Вас еще «Кадет»? Мне хотелось бы иметь собственную книгу. Если найдется — пришлите, если же это хлопотно — ничего, достану и здесь.

Я ничего здесь не пишу. Одна надежда на Грас. Вообще чувствую себя не очень хорошо.

Пишите, милый, если захочется. И не именуйте меня «многоуважаемой» — я тоже отношусь к Вам по-родному.

Ваша

Г. Кузнецова

Получил ли Перфильев мое письмо? Передайте ему поклон.

Наши Вам кланяются. И<ван> А<лексеевич> к Вам чудесно относится.

Недавно у нас были гости, «молодые» писатели и поэты — человек 30¹⁰. Я жалела, что Вас не было среди них.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1068/3376). Год установлен по содержанию.

¹ После черновика № 12 карандашом переписан «Печерский канон», по-видимому, присланный вместе с № 13. «К кому возопию, Владычице,/ к кому прибегну в горести моей,/ аще не к тебе, Царице небесная;/ кто плач мой и вздыхание мое примет,/ аще не Ты пренепорочная,/ надеждо христиан и прибежище нам грешным;/ кто паче Тебе в несчастиях защитит,/ услыши стенание мое,/ и приклони ухо Твое ко мне, Владычице мати Бога моего,/ и не презри требующего Твоея помощи,/ и не отрини мене грешного:/ вразуми и научи мя, Царице небесная;/ не отступи от мене, раба твоего, Владычице,/ за роптание мое./ Буди мне мать и покровительница!/ Вручаю себе милостивому покрову Твоему,/ аще токмо восхощещи устрои о мне,/ приведи мя грешного к тихой и безмятежной жизни,/ да плачусь о грехах моих./ Увы мне, к кому прибегну повинный аз,/ токмо к Тебе, упованию и прибежищу грешных,/ в надежде на неизреченную милость Твою и

щедроты;/ кое ли слово за преступление мое изреши возмогу,/ к величеству славы Твоя;/ О Владычице Царице небесная,/ ты ми упование и прибежище,/ покров и заступление и помощь!/ Царице моя преблагая/ и пребыстрая заступница,/ покрой своим ходатайством мое преступление,/ защити меня от врагов видимых и невидимых,/ умягчи сердца злых человек, восстающих на мя./ О мати Господа моего творца,/ Ты корень девства,/ и неувядаемый цвет чистоты!/ О Богородительнице,/ Ты подаждь ми помощь, немощному сердцем:/ едино бо Твое, и с Тобою Твоего Сына и Бога нашего,/ имею заступление,/ и Твоим пречудным заступлением да оправдан буду/ и избавлюся от всякия беды и напасти/ вседетельными Твоими молитвами,/ всечистая и непорочная,/ преславная Божия Матерь Мария./ Радуйся благодатная,/ радуйся обрадованная,/ радуйся преблагословенная./ Господь с Тобою».

² Князь Анатолий Павлович Ливен (1872–1937), генерал-майор, руководитель т.н. ливенского добровольческого отряда в Латвии в период Гражданской войны, позже переименованного в 5-ю Ливенскую дивизию. После окончания Гражданской войны — председатель Общества взаимопомощи военнослужащих в Латвии. Член редколлегии альманаха «Белое дело», редактор периодического издания «Служба связи Ливенцев и Северо-Западников», выходившего в свет в Данциге. Зуров был знаком с Ливеном по Риге, более того, Ливен был одним из членов суда чести, рассматривавшего 14 марта 1926 г. «дело по оскорблению студента Л.Ф. Зурова поручиком Малюшиным». В бумагах Зурова сохранилось удостоверение о том, что «суд чести, рассмотрев дело, вынес постановление, которое объявлено сторонам и приведено ими в исполнение. Одновременно сообщено сторонам место, где хранится подлинный протокол заседания суда чести» (РАЛ. MS.1068/1614). Судя по письму Кузнецовой, Ливен был дружелюбно настроен по отношению к Зурову, т.е. решение суда, видимо, было вынесено в его пользу. Кн. Ливен и его отряд упомянуты в повести Зурова «Кадет»: «Запись добровольцев в отряд св. Князя Ливена...» (С. 84).

³ После приезда в Германию на „философском корабле“ осенью 1922 г. Федор Августович Степун (1884–1965) печатался почти в каждом номере «Современных записок», начиная с № XIV за 1923 г. В марте 1929 г. он читал доклады «Задачи социализма» и «Религиозный смысл революции» в Париже (Хроника. Т. 1. С. 546, 549–550).

⁴ Следов расположения Марка Алданова (М.А. Ландау; 1886–1957) к раннему творчеству Зурова не сохранилось.

⁵ Маршал Фердинанд Фош (1851–1929) — французский военный деятель, маршал Франции (1918), член Французской академии (1918). Во время Первой мировой войны — командующий армией (1917–1918), затем начальник Генштаба Франции и Верховный главнокомандующий вооруженными силами Антанты. В 1918–1920 гг. один из организаторов вооруженной интервенции в Советскую Россию. Фош умер 20 марта 1929 г., и его торжественные похороны в церкви Инвалидов состоялись 26 марта, в день написания № 14.

⁶ См. № 13 и примеч. 2 к нему.

⁷ На протяжении всего эмигрантского периода Бунина принимала самое непосредственное участие в работе ряда благотворительных организаций, как, например, Комитет помощи русским литераторам (писателям) и ученым во Франции, о котором, возможно, здесь идет речь.

⁸ В № XXXVIII «Современных записок» (1929) были напечатаны стихи Кузнецовой «Горы», «Деревенская месса», «И вот уже над кровлями тусклей...», «В чаше балок вползает по блокам...».

⁹ Фотография сохранилась (РАЛ. MS.1066/6695) и воспроизводится в наст. изд.

¹⁰ 22 марта 1929 г. Бунина записала в дневнике: «У нас гости „молодежь“» (РАЛ. MS.1067/395).

Л. Ф. ЗУРОВ — Г. Н. КУЗНЕЦОВОЙ

27 апреля 1929 г. Рига

Рига, 27 апреля 1929 г.

Глубокоуважаемая Галина Николаевна,

Поздравляю Вас с Праздником Пасхи¹ и желаю Вам светло и радостно его встретить, а с весной с легким и чистым сердцем приняться за свою работу.

Читал в «Современных записках» Ваши стихи².

Они очень хороши.

Мне так совестно, что в ответ на Ваше письмо от 26-го марта я послал маленькую записку³. Я две недели валялся в постели, потом решил, что поправился, пошел в издательство, послал Вам книжку⁴, а вечером снова был принужден засесть на полторы недели. За это время совсем не работал, а лишь делал заметки. Энергии не было — словно наполовину кто-то вычерпал силу. В Ригу вернулся князь Ливен. Он рассказывал, что видел Вас всех в Париже⁵. Я, право, ему позавидовал. Я пишу и не знаю, застанет ли мое письмо Вас в Париже⁶. Почему-то думаю, что Вы встречаете Пасху в Грассе. Если в Грассе, то я радуюсь за Вас. Парижский шум схлынул, тревоги отпали и можно присесть у себя в комнате, улыбнуться и легко вздохнуть. Все на месте, можно открыть окно, и в него вольется медленно деревенская тишь.

Надеюсь, что утомление прошло. Деревня хорошо успокаивает.

Ивану Алексеевичу и Вере Николаевне низко кланяюсь.

Дай Бог Вам всем здоровья и силы для работы. Я ожидаю, когда выйдет <книга> стихов Ивана Алексеевича⁷. У меня есть одна первая (приложение к «Ниве»)⁸. Она у меня с 1920 года. Если у Вас нет такой, то я Вам ее пришлю на память, а взамен прошу прислать книгу стихов Ивана Алексеевича, как только она выйдет⁹. Спасибо за фотографию. Передайте, пожалуйста, мой привет Алданову.

Завтра я уезжаю на неделю к Советской границе. Получил командировку для обследования нескольких русских деревень для устройства там питательного пункта¹⁰. Пасху встречаю в деревне. Пасха — мокрая. В озерах стоит еще лед, ручьи провалились, распутица страшная. Вчера был снежный мятель. Знаю, что сердце заболит, когда увижу лес на той стороне. Летом буду работать на питательном пункте. За этот год, после выпуска книг¹¹, здорово устал. А в таком состоянии боюсь браться за серьезную работу (что-то удерживает). За лето постараюсь отдохнуть, сосредоточиться и осень <ю> целиком уйти на работу.

Л. Зуров

Публикуется по АМК (обращение и подпись — автограф) (РАЛ. MS.1068/3368).

¹ В 1929 г. Пасха выпала на 5 мая.

² См. № 14 и примеч. 8 к нему.

³ Не сохранилась.

⁴ «Кадет» (см. конец № 14).

⁶ См. № 14 и примеч. 2 к нему.

⁶ Не застало. Бунины и Кузнецова вернулись в Грасс 28 апреля 1929 г. (см. № 17).

⁷ У Зурова — Алексея.

⁸ Приложением к журналу «Нива» в 1915 г. вышло шеститомное собрание сочинений Бунина, в котором стихотворения занимали первый, второй и отчасти шестой тома. Возможно, имеется в виду первый том («одна первая»).

⁹ «Избранные стихи» Бунина вышли в издательстве «Современных записок» в начале мая 1929 г.

¹⁰ Весной 1929 г. Зуров был в Латгалии, недалеко от границы. В газете «Слово» опубликованы две его статьи под криптонимом Л. З.: Нерадостные вести (Латгалия) // Слово. 10 марта. № 1024; Вести из Латгалии // Слово. 19 мая. № 1034.

¹¹ «Кадет» и «Отчина».

16

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

27 апреля 1929 г. Рига

Рига, 27-го апреля 1929 г.

Глубокоуважаемый

Иван Алексеевич,

Поздравляю Вас и Веру Николаевну с Праздником Святой Пасхи.

От всего сердца желаю Вам радости, здоровья и работы.

Л. Зуров

Публикуется по АМК (подпись — автограф) (РАЛ. MS.1068/2042).

17

Г.Н. КУЗНЕЦОВА — Л.Ф. ЗУРОВУ

30 апреля 1929 г. Грасс

30 апреля 1929 г.

Грасс

Милый Леонид Федорович!

Пишу Вам уже из Грасса, куда приехали третьего дня. В дороге И<ван> А<лексеевич> простудился и по приезде тотчас лег в постель. Приезд поэтому вышел невеселый, к чему надо прибавить страшное утомление пос-

ледних дней в Париже и разочарование здесь: зимой были большие холода и все пальмы и эвкалипты перемерзли. Листья у них совершенно сухие, вид жалкий, и вообще юг точно после пожара — даже оливки в некоторых местах совсем порыжели. Мне грустно смотреть на все это. Я так любила и нашу пальму перед дачей, и маленькие апельсиновые деревья в саду — все они тоже сожжены морозом. Но все-таки много прелести: соловьи, поющие всю ночь, крик лягушек, волшебная, совсем особенная тишина, безлюдье вокруг, — все виллы пусты, а над нами уже никого нет. В этом году, правда, я точно после болезни сама, пьяна от утомления и как-то бесчувственна, а все-таки хоть глухо, да чую, что хорошо.

В Париже было тяжело. Одиноко в литературном кругу «сверстников», да и ничего я не писала, ничего не делала. Не знаю и сейчас, буду ли, смогу ли писать. Как-то все мне грустно.

Спасибо Вам за книжку¹. Огорчилась, узнав, что Вы были больны. Как теперь? Я взамен книжки посылаю Вам рецензию о ней, вырванную из послед<ней> книжки «Воли России». Подписи нет, но должно быть — М. Слоним².

Да, теперь официальное поручение: редактор «Совр<еменных> записок» просит Вас прислать рассказ³. Рада передать Вам это. Как Ваша повесть? Двигается?

Больших карточек, удачных, у меня нет. Как-то нелепо меня все снимали. Себя настоящей никогда не вижу. Посылаю эту — все-таки она, кажется, что-то передает больше, чем другие. Снята в прошлом году⁴.

Когда придет багаж — пришлю также стихи, бывшие в последней книжке «С<овременных> записок». А может быть, Вы их уже видели?⁵

У нас сад полон цветущих ирисов, готовится множество роз. Да, хорошо все, только душа грустна. Можно мне попросить Вас об одном? Помолитесь, как-нибудь, за меня.

Всего Вам счастливого.

Галина К.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/3377).

¹ «Кадет» (см. № 14–15).

² Речь идет об обзоре, включавшем главку «Сборник рассказов Зурова»: Литературная хроника // Воля России. 1929. № 3. С. 142. Марк Львович Слоним (1894–1976) был редактором литературного отдела журнала.

³ Имеется в виду И. И. Фондаминский, которому Кузнецова показывала № 15 (дневниковая запись за 3 мая 1929 г. — Грасский дневник. С. 99). См. также № 7 (примеч. 4) и 21. Зуров, по-видимому, не воспользовался предложенной ему возможностью и его рассказы в «Современных записках» не публиковались.

⁴ К письму приложен фотопортрет Кузнецовой с надписью: «Милому Леониду Федоровичу на память. Галина Кузнецова. 30 апр<еля> 1929 г. Грас» (РАЛ. MS.1068/3378). Портрет воспроизводится в наст. изд.

⁵ Судя по № 15, Зуров действительно уже прочел стихи Кузнецовой в «Современных записках». Их письма, как говорили русские эмигранты, «перекрестились» (ср. № 18).

18

Г.Н. КУЗНЕЦОВА — Л.Ф. ЗУРОВУ

4 мая 1929 г. Грасс

4 мая
Грасс

Спасибо за поздравление, милый Леонид Федорович. Как жаль, что Вы болели! Письмо Ваше¹ пришло вчера. Мы очень утомлены болезнью И<вана> А<лексеевича>. Сегодня ему лучше, надеюсь, скоро поправится. Получили ли Вы мое заказное письмо с фотографией, посланное уже отсюда?² Сейчас здесь чудесно. Соловьи, цветы, запущенный пустой сад.

Привет Вам от всех.

Г. К.

Публикуется по автографу (открытка с видом леса в Le Cannet) (РАЛ. MS.1068/3379). Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ № 15.

² № 17.

19

Г.Н. КУЗНЕЦОВА — Л.Ф. ЗУРОВУ

30 мая 1929 г. Грасс

30 мая
Грасс

Милый Леонид Федорович!

Что-то давно нет от Вас вестей. Мы уже начинаем даже слегка беспокоиться. Послала Вам письмо (заказное) с карточкой и отзывом о Вас «Воли России»¹, потом И<ван> А<лексеевич> тоже послал Вам фельетон Адамовича о Вас² — получили ли? Нам кажется, что нет³.

И<ван> А<лексеевич> говорит, что Вы «донудитесь» по деревням подле границы России до чего-нибудь нехорошего.

У нас чудесный май, розы, черешни, солнце. Я читаю, перевожу с французского и ничего особенного не пишу, что меня огорчает. Ведь у нас лето — пора рабочая.

Напишите же о себе, как Вам ездилось и получили ли Вы наши письма. Сердечный Вам привет от всех нас —

Г. Кузнецова

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/3380). Год установлен по содержанию.

¹ № 17.

² Имеется в виду статья: *Адамович Г.* Литературные заметки: О Леониде Зурове, авторе повести «Кадет» // *Последние новости.* 1929. 9 мая. № 2969. С. 3.

³ Сохранился конверт, в котором, возможно, Бунин 13 мая 1929 г. (дата на почтовом штемпеле) отправил Зурову вырезку со статьей Адамовича (РАЛ. MS.1066/6106).

20

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

6 июня 1929 г. Рига

Рига, 6-го июня 1929 г.

Глубокоуважаемый

Иван Алексеевич!

Сердечное спасибо за присланный Вами фельетон, а особенно за строки на его полях¹.

Все на добро, и обиды, и радости.

За эти дни я видел от Вас столько хорошего и сердечного. Спасибо. Храни Вас Господь.

Л. Зуров

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/2043). Сохранилась также АМК с вариантом конца: вместо «Спасибо. Храни Вас Господь» — «Желаю Вам здоровья и радости. Вслед за письмом высылаю в Грасс две Ваши книги» (РАЛ. MS.1068/2044).

¹ См. № 19 и примеч. 2 к нему. На сохранившейся вырезке, кроме единственной положительной пометы («Правильно»), все остальные выдержаны в обычном для Бунина в этом «жанре» стиле («Глупости!», «Очень глупо», «Вздор. “Смерть <князя> Даниила” оч<ень> хороша», «“Отчину”, очевидно, не читал», «А эти подражают друг другу, Достоевскому, Белому, Ремизову...»). Бунин заключает свои замечания обращением к Зурову: «В общем, не придавайте значения этой чепухе. “Собаки лают — значит, едем” (татарская пословица)» (РАЛ. MS.1068/4974).

21

Г.Н. КУЗНЕЦОВА — Л.Ф. ЗУРОВУ

19 июня 1929 г. Грасс

19 июня

Милый Леонид Федорович!

Хотела ответить Вам раньше, да была очень занята чтением. У нас живет один из редакторов «Современных» записок», И.И. Фундаминс-

кий¹, ему постоянно присылают книги по истории 19-го века в России, т<ак> к<ак> он собирается писать статью об Империи², и вот я воспользовалась случаем и читала, что можно, запоем, чуть не месяц³. Сейчас приток книг временно приостановился, и я немного освободилась.

И<ван> А<лексеевич> собирается послать Вам книгу стихов⁴, я только все забываю ему напомнить перед отходом на почту, но как-никак — Вы ее получите. Если у Вас есть та старая книга его, о которой Вы писали⁵, — пришлите ее, мне очень интересно посмотреть. А я непременно напомню И<вану> А<лексеевичу>, и мы пошлем Вам новую⁶.

Очень рада, что Вы чувствуете, что повесть у Вас «созрела»⁷. Но как хорошо было бы, если бы Вы и ее писали с тем прекрасным художественным беспристрастием, которое есть у Вас в «Кадете». Там этот матрос, который сдает родителям Митю со словами «Возьмите вашего пашенка!», только усиляет общую картину⁸. Я хочу сказать, как Вы, вероятно, понимаете, что самое прекрасное всегда правдиво. Но я верю, что Вы это отлично чувствуете.

Я за это время написала только один маленький рассказ и несколько стихотворений⁹. Но, кажется, во мне что-то ломается. Рассказ какой-то другой, «другие» и стихи...

Между прочим, сейчас очень увлекаюсь философией Шестова. Вышла в издательстве «Современных» зап<исок> его книга «На весах Иова». Как бы я хотела, чтобы Вы прочли ее! Она «ядовитая» в некоторых отношениях, но как все это нужно для души, которая ищет...¹⁰

Мы живем в этом году почти по-монастырски уединенно. Никто у нас не бывает, и мы целые дни сидим по своим комнатам и занимаемся. И<ван> А<лексеевич> уже давно здоров, сидит и пишет целые дни¹¹.

Лето в этом году пока не очень жаркое, и я радуюсь. Собираем с И.И. Фондаминским черешни с двух довольно высоких деревьев, кухарка варит варенье... Прекрасные — каждый раз новые — ночи. Луна, на горизонте блестят огни Канн. Там море. Иногда тянет туда. Когда очень устаю от занятий, выхожу и брожу по пустым садам вокруг. Очень странно вспоминать, что была война, была какая-то жизнь «в миру»... Все чудесно пахнет, в низком вишеннике над головой красные точки вишен, и так прекрасно сквозит небо между ветвями...

Напишите еще до отъезда в провинцию.

Шлем Вам общий привет. Спасибо за карточку¹².

Вы очень возмужали.

Галина К.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/3381). Год и место установлены по содержанию.

¹ Так иногда писали фамилию И.И. Фондаминского.

² Под псевдонимом «И. Бунаков» Фондаминский печатал в «Современных записках» серию статей «Пути России». Упомянутая Кузнецовой статья вышла лишь в 1932 г., когда Фондаминский возобновил серию после 5-летнего перерыва: Пути

России. Империя // Современные записки. 1932. № XLVIII. С. 304–333; № XLIX. С. 289–317; № L. С. 361–380.

³ См. дневниковые записи Кузнецовой за 2 и 5 мая и 4 июня 1929 г. по поводу ее чтения воспоминаний Сушковой и Тютчевой (Грасский дневник. С. 97–98, 102, 105).

⁴ См. примеч. 9 к № 15.

⁵ См. № 15 и примеч. 8 к нему.

⁶ Сохранился конверт заказного письма с печатным вложением, в котором, возможно, Бунин 22 июня 1929 г. (дата на почтовом штемпеле) отправил Зурову экземпляр книги (РАЛ. MS.1066/6107).

⁷ По-видимому, Кузнецова откликается на несохранившееся письмо Зурова. См. также ниже по поводу присланной «карточки». См. также примеч. 11 к № 2.

⁸ Кадет. С. 65.

⁹ Не установлено, о каких произведениях идет речь, но в дневниковых записях за 6 и 20 мая 1929 г. Кузнецова пишет: «Мои стихи в “<Последних> новостях” напечатаны слитными (три как одно), отчего получается бессмыслица» (подробнее об этом см. примеч. 5 к № 25 публикации переписки Буниных с Ходасевичем в наст. изд.); «Пишу об Айседоре Дункан. Не нравится» (Грасский дневник. С. 100, 103).

¹⁰ Шестов Л. На весах Иова. Париж: «Современные записки», 1929. Выдающийся русский философ Лев Шестов (Лев Исаакович Шварцман; 1866–1938) считал свою философию экзистенциальной, однако стройной системы идей не создал, будучи противником всякой систематичности. Это нашло прямое отражение в его книге «Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)» (1905), вызвавшей множество споров. Книгу составляют 168 фрагментов со свободными переходами автора от темы к теме. В результате был создан жанр афористической философской прозы, блестяще развитый В.В. Розановым. Шестов значительную часть жизни прожил за границей. В 1914 г. из-за войны был вынужден вернуться в Россию, но в 1920 г. эмигрировал и до самой смерти жил во Франции. Автор работ о творчестве писателей (Шекспира, Толстого, Достоевского, Чехова, Мережковского, Сологуба) и философов (Парменида, Плотина, Мартина Лютера, Паскаля, Гуссерля и др.). Книга «На весах Иова» посвящена утверждению высшей ценности мистической этики, которую Шестов противопоставлял этическому рационализму. Любую этическую систему, не одухотворенную идеей бессмертия души, видящую в морали самоцель, Шестов в книге «На весах Иова» объявлял ничтожной.

¹¹ В дневниковой записи за 12 июня 1929 г. Кузнецова сообщает: «И<ван> А<лексеевич> все пишет варианты начала четвертой книги «<Жизни Арсеньева>», и я уже начинаю смотреть на него почти с набожным изумлением его терпению и упорству — ведь это длится уже с месяц, если не больше, и до сих пор еще нет ни кусочка для перепечатывания!» (Грасский дневник. С. 107). О завершении работы над 4-й книгой романа читаем в записи Кузнецовой за 31 июля 1929 г. (Грасский дневник. С. 117).

¹² Не установлено, о какой фотографии идет речь.

22

Г.Н. КУЗНЕЦОВА — Л.Ф. ЗУРОВУ

27 июля 1929 г. Грас

27 июля

Присланная Вами книжка стихов¹, милый Леонид Федорович, получена. Я ее тотчас передала И<вану> А<лексеевичу>, т<ак> к<ак> он болезненно относится к своим первым стихам и рад был бы, по его словам,

все это уничтожить, чтобы никто не мог читать их². Он не хотел даже, чтобы я читала их, хотя когда-то они у меня были. Он спрятал книгу у себя. Две другие книги тоже пришли³. Он был тронут.

Я думала, что Вас уже нет в Риге, и даже сомневалась — писать ли? Но ведь Вам, вероятно, перешлют? В этом году я много читаю и мало пишу. Между прочим, читаете ли Вы по-французски⁴? Если да, при случае прочтите Пруста. Это замечательный писатель, хотя сначала немного трудный. Но зато он открывает новую дорогу в искусстве. Мы все очень им заняты. Вообще сейчас русская литература, кроме двух-трех — очень отстала. Мне и писать как-то мало хочется потому, главным образом, что сначала интересно узнать, чего уже достигли в мире. Я делаю много выписок, кое-что перевожу⁵.

Было несколько жарких дней. Жару я переношу плохо, перестаю спать. Однако сейчас лучше. Как Вам живется? Впрочем, я за Вас не боюсь. У Вас правильный «курс». Иван Алексеевич и Вера Николаевна шлют Вам сердечный привет. Я тоже. Храни Вас Бог.

Галина К.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/3382). Год и место установлены по содержанию.

¹ См. № 21 и примеч. 8 к № 15.

² Сохранился блок страниц, вырванный из 1-го тома собрания сочинений Бунина 1915 г. (см. примеч. 8 к № 15) с характерной для Бунина надписью: «Все зачеркнутое нигде не перепечатывать. Незачеркнутое перепечатывать в исправленном мною здесь виде — и все располагая в хронологическом порядке» (РАЛ. MS.1066/905).

³ Ср. преамбулу к примечаниям к № 20. Возможно, одной из этих книг был том «Рассказов» Бунина (СПб.: Знание, 1902). Сохранились страницы этой книги с инскриптом Зурова (РАЛ. MS.1066/900).

⁴ Судя по дневниковой записи Буниной за 2 августа 1930 г. («Начал Скобарь <прозвище Зурова> читать по-французски — РАЛ. MS.1067/398), Зуров до этого не владел французским языком.

⁵ Дневники Буниной и Кузнецовой за лето 1929 г., а также записные книжки Буниной свидетельствуют о степени их интереса к Марселю Прусту (1871–1922). Бунина, например, утверждала в записи за 2 декабря 1929 г.: «Встреча с Proust'ом дала мне очень много, многое в моей душе созвучно ему. Это будет этап в моей жизни» (РАЛ. MS.1067/395). Обе читали по-французски его многотомный роман «A la recherche du temps perdu» («В поисках утраченного времени») (1913–1927), а также критическую и биографическую литературу о нем. Сохранились фрагменты перевода Пруста, выполненного Кузнецовой (РАЛ. MS.1067/323–326).

23

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

13 августа 1929 г. Грасс

Большое спасибо, дорогой Леонид Федорович, за присланные книги¹, Вы меня этим очень тронули.

Прочитали «Смерть Бориса»², нам всем очень понравилось.

Дай Вам Бог всего хорошего, обнимаю Вас.

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ. MS.1066/6108). Датируется по почтовому штемпелю.

¹ См. начало № 22.

² Рассказ Зурова «Смерть Бориса» был впервые опубликован в газете «Россия и славянство» (1929. 27 июля. № 35).

24

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

8 сентября 1929 г. Грасс

Villa Belvédère

Grasse, A<lpes> M<aritimes>

France

8 августа¹ 1929 г.

Дорогой Леонид Федорович,

Уже давно думаю вот что: хорошо ли Вам сидеть весь век в провинции? Не следует ли пожить в Париже? Вы почти в России и возле России настоящей — все это прекрасно, да недостаточно ли (до поры до времени)? Не пора ли расширить круг наблюдений, впечатлений и прочая, прочая? Нужды Вы, по-видимому, не боитесь, работы, даже черной, тоже, да и не все ли равно, где именно терпеть и то, и другое?² Следовательно: почему бы Вам не переехать в этот самый Париж?

Визу достанем. Все дело в подъемных, в средствах на переезд. Но думаю, что и тут кое-что сделаем: выхлопочем, например, небольшую сумму из Парижского «Комитета помощи писателям»³...

Подумайте об этом и напишите мне. Напишите и о том, что пишете, и что думаете делать с написанным, если таковое имеется.

Ваш

Ив. Бунин

9 авг<уста>¹. Как нарочно — сейчас Ваше письмо к Гал<ине> Ник<олаевне>⁴. Оно еще более утверждает меня в моих⁵ мыслях насчет Вас.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/6109). Месяц установлен по сопоставлению с № 25.

¹ Описка (ср. к концу № 25: «И<ван> А<лексеевич> тоже пишет Вам»).

² Ср. приведенное в примеч. 11 к № 9 письмо Зурова к Шмелеву.

³ Комитет помощи русским литераторам (писателям) и ученым во Франции.

⁴ См. начало № 25.

⁵ У Бунина описка: моей.

25

Г.Н. КУЗНЕЦОВА — Л.Ф. ЗУРОВУ

9 сентября 1929 г. Грасс

9 сентября

Грасс

Милый Леонид Федорович!

Обрадовалась, получивши сегодня Ваше письмо¹. Вы давно не писали мне. А я часто о Вас думаю и беспокоюсь. Мы как-то тут говорили о том, как Вам жить дальше, и все сходились на том, что пора «в люди» и, прибавлю от себя, «в кислоты», разумея при этом то, что делает металл благороднее путем выжигания. Ведь у Вас, конечно, множество неправильных представлений о литературных людях, о литературном круге вообще. И все это Вам надо узнать и огорчиться, и разочароваться, и стать еще сильнее...

Простите меня, если пишу так «поучительно». Но я ведь уже через это все прошла. И думаю, необходимо Вам оставлять провинцию. Вы так работаете там, что можете работать и здесь. А думаю, работа тут найдется.

Я вполне понимаю Ваше удерживание себя при печатаньи. Побуждения самые настоящие и мне тоже знакомые. Я иногда пишу, пишу и все долой — а печатать можно было бы много. За лето напечатала только два рассказа².

Как-то вспомнила зимний визит князя Ливена³. Мы были все так измучены — И<ван> А<лексеевич> еще только вставал с постели после гриппа, а у меня была тысяча личных неприятностей — что восприняли этот визит как-то тупо. Да и были гости, приехавшие из Берлина⁴. Если бы это было в более спокойную минуту, я бы побольше расспросила его о Вас, а тут было неудобно.

У нас очень жаркий — изнуряюще жаркий сентябрь. Ночи душные, москиты не дают спать, я иногда встаю и выхожу в соседнюю комнату — пустую — и смотрю на ночной сад. В саду у нас — ежи. Это напоминает детство. На этот раз я утомилась зноем, блеском, непрестанной духотой. Ужасно хочется прохлады и хоть немного затененного света. Купание в море не приносит большого облегчения, потому что ехать до моря почти

час в душном переполненном автобусе. Да и купаться я люблю не на пляже, где народу множество и от мячей, собак и детей деваться некуда. Хорошо было купаться в Черном море, в Болгарии — какая хрустально-зеленая, глубокая вода и как прелестно плавать в ней!⁵

Напишите нам тотчас, как получите эти письма — И<ван> А<лексе-евич> тоже пишет Вам⁶ — хотя бы совсем кратко, что Вы думаете о переезде. Мы будем в Париже в ноябре или декабре⁷.

Спасибо за фотографии. Псылаю и Вам в отплату. В августе были здесь (на Ривьере) Зайцевы⁸, сейчас Тэффи⁹, и все лето живут Мережковские¹⁰.

Но весь этот люд мало радует. Живу с книгами.

Прислала бы Вам последний рассказ — да нет лишнего экземпляра. Придется выписывать. Есть ли у Вас в Риге приятные знакомые? Я дивлюсь на то, как вообще мало милых людей в мире...

Привет Вам сердечный

Галина К.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/3383). Год установлен по содержанию.

¹ Не сохранилось.

² Не установлено, о каких рассказах Кузнецовой идет речь.

³ О визите кн. Ливена см. № 14.

⁴ О приезде в Париж проживающего в Дрездене (а не в Берлине) Ф.А. Степуна с женой см. № 14.

⁵ Не установлено, когда Кузнецова побывала в Болгарии.

⁶ № 24.

⁷ Ср. № 28 и примеч. 2 к нему.

⁸ Судя по дневнику Буниной, Бунины в августе—сентябре 1929 г. мало общались с остановившимися в Ницше Б.К. и В.А. Зайцевыми.

⁹ О приезде Тэффи (Надежда Александровна Бучинская, урожд. Лохвицкая; 1872—1952) и Павла Андреевича Тикстона (1873—1935) на юг Франции в конце августа 1929 г. см.: Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными, 1920—1939 // Диаспора. Вып. 1. 2001. С. 381—383.

¹⁰ В дневнике Буниной за лето 1929 г. зафиксированы многочисленные встречи с З.Н. Гиппиус (1869—1945) и Д.С. Мережковским (1865—1941).

26

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

15 сентября 1929 г. Рига

15-го сентября 1929 г.

Большое спасибо, глубокоуважаемый Иван Алексеевич.

Вчера получил Ваше письмо¹. Очень соблазнительна для меня поездка в Париж. Работы я не боюсь, если она дает возможность заниматься литературным трудом. В настоящее время я ничего не пишу. Сильно ус-

таю². Повесть еще окончательно не сделана. На это мне необходимо два месяца ежедневной работы.

Даст Бог, окончив ее, смогу поехать в Париж и привезу с собой готовую рукопись³.

Мысль, что впереди литературный труд, а за ним поездка в Париж, дает мне новую силу. Спасибо.

Мой сердечный привет Вере Николаевне и Галине Николаевне.

Преданный Вам

Л. Зуров

P.S. Одно меня заставляет задумываться — смогу ли я по приезде достать работу, а именно такую, чтобы иметь время от времени возможность прекращать ее для литературных занятий.

Зарабатываю я сейчас 580 франков (5800 рублей), из которых 2000 руб. откладываю ежемесячно. Комната с отоплением и освещением — (мы живем втроем⁴) — 800 рублей (80 фр<анков>). Обед — 35 рублей (3,5 фран<ков>).

Сейчас отправляюсь на работу. Простите за плохое письмо.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/2045). Сохранился также АМК с разностями:

«Большое спасибо, глубокоуважаемый Иван Алексеевич.

Правда, очень соблазнительна для меня поездка в Париж. И работы я не боюсь, если она дает возможность заниматься литературным трудом. В настоящее время я ничего не пишу. Сильно устаю. Мечтаю о том времени, когда окончательно засяду за письменный стол. Повесть еще не сделана, на это мне необходимо полтора месяца ежедневной работы — ноябрь и часть декабря.

Даст Бог, окончив ее, я смогу поехать в Париж и привезу с собой готовую рукопись. А сейчас я словно на перепутьи — больно покидать старые места, а сердце волнует путь. Продолжаю работать на понтонном мосту. И мысль, что впереди литературный труд, а за ним возможна поездка в Париж, даст мне новую силу. Спасибо. <Подпись> Одно меня заставляет задуматься — смогу ли я по приезде достать работу, и именно такую, чтобы иметь время от времени возможность прекращать ее для литературных занятий. Может быть, Вам любопытно знать, сколько мне здесь стоит жизнь. Комната с отоплением и с освещением (мы живем втроем) — 800 р., по Вашему — 80 франков. Обед — 25 р. т.е. 2,5 фр<анка>. Зарабатываю я сейчас 550 фр<анков> (5500 р.), из которых откладываю ежемесячно 2500 р. на дальнейшее существование» (РАЛ. MS.1068/2046).

¹ № 24.

² Ср. приведенное в примеч. 11 к № 24 письмо Зурова к Шмелеву.

³ Никакой готовой рукописи, по объему соответствующей повести, Зуров во Францию не привез. См. также примеч. 11 к № 2.

⁴ В дневниковой записи за 14 мая 1931 г. Бунин кратко передает рассказ Зурова о его рижской жизни и друзьях: «Он сказал, что ближе всех с Котомкиным и Толстым <художник А.С. Толстой>, но любит их по-разному. Толстой, пожалуй, тоньше, хотя в некоторых отношениях Котомкин лучше разбирается. Вспоминал, как они жили в Риге. В одной комнате втроем, а иногда вчетвером, комната немного больше Галиной» (РАЛ. MS.1067/403). В 1939 г. Д.И. Котомкин приезжал в Париж и встречался с Зуровым (см. об этом в письме Зурову его приятеля В. Александрова от 23 декабря 1939 г. — РАЛ. MS.1068/1879).

И. А. БУНИН — Л. Ф. ЗУРОВУ

2 октября 1929 г. *Грасс*

Адрес: Monsieur Bounine, Villa Belvédère, Grasse, A<Ipes> M<aritimes>, France

2 октября 1929 г.

Милый Леонид Федорович, из Вашего письма ко мне¹ заключил, что Вы и хотите приехать в Париж, и немножко побаиваетесь: как я, мол, там устроюсь, как буду обходиться без языка и пр. Заключение мое, м<о-жет> б<ыть>, и неправильно, но все-таки хочу Вам сказать: не бойтесь! Язык — вздор, множество не знающих его все-таки устроились в Париже, работают и т.д. Устройтесь и Вы, работу тоже найдете, надеюсь, — мы, по крайней мере, приложим к тому все усилия. А главное — в молодости *все* полезно, даже всякие передряги. В молодости нужно рисковать.

Из письма же Вашего к Гале узнал, что Вы приблизительно на днях (т.е. числа 10-го окт<ября>) кончаете свою черную работу и садитесь приблизительно на месяц за работу литературную. Но не проживете ли Вы за этот месяц все свои сбережения? А если так, что же у Вас останется в кармане на дорогу и на первое время, на первые дни в Париже? Вообще очень жалею, что не знаю *точно* состояние Вашей «кассы» и прошу: немедленно напишите мне (если можно, письмом *экспрессом*) о Ваших денежных делах и соображениях с полной откровенностью. Затем: напишите, *когда именно* выходит Ваш грузовой пароход? Точно ли установлена дата этого выхода, или она может и изменена быть (как нередко случается это с грузовиками) — и *сколько времени* будете Вы в пути до Руана²? Все это мне нужно знать в силу нескольких причин. Между прочим и потому, чтобы сообразить, к какому именно сроку нужно выхлопотать Вам хоть малую толику денег из «Комитета помощи писателям».

Я написал о Вас Кириллу Иосифовичу Зайцеву — т.е. о том, чтобы он взял на себя устройство Вам визы и вообще вступил с Вами в переписку насчет всего этого дела Вашего приезда во Францию³. Он долго не отвечал, и я подумал: не лучше ли обратиться к более энергичному и быстрому человеку? — и написал вчера некоему Владимиру Феофиловичу Зеелеру⁴, служащему в парижском «Земгоре»⁵ (на всякий случай его адрес: Monsieur Zeeler, «Zemgor», 33, rue de Prony, Paris 17). А нынче получил от Зайцева письмо, что он в эту переписку уже вступил с Вами⁶. Что ж, может быть, на нем и остановимся. Но подчеркиваю: может быть. И посему ставлю Вас в известность и насчет Зеелера.

И еще вопрос: знаете ли Вы, что человек, *просто* приехавший во Францию, не имеет права на работу (во всяком случае, в Париже) и что, стало быть, надо получить визу *с правом на работу* (без чего не берут, например, на фабрики)? Может быть, это относится *только* к фабрикам, а не к частной работе, — например, малярной. Но *на всякий случай* ставлю Вас в известность и на этот счет. На всякий, повторяю, случай имейте и *это* в виду при Вашей переписке с Зайцевым или Зеелером.

На днях напишу Вам точно — кто именно будет «вести» Ваше дело — Зайцев или Зеелер.

Пока до свидания. Ответьте же мне скорее.

Ваш

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/6110).

¹ № 26. Бунин ссылается также на несохранившееся письмо Зурова к Кузнецовой (см. ниже в письме).

² См. № 29 и 31.

³ О К.И. Зайцеве см. примеч. 10 к письму № 9.

⁴ Зеелер Владимир Феофилович (1874–1954) — многолетний генеральный секретарь Союза русских писателей и журналистов в Париже.

⁵ Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор) был учрежден во Франции в 1921 г. под председательством кн. Г.Е. Львова (1861–1925), как некое продолжение дореволюционных Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов.

⁶ Упомянутое письмо не сохранилось среди писем К.И. Зайцева к Бунину в РАЛ (MS.1066/5999–6034).

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

6 октября 1929 г. Грасс

Villa Belvédère,
Grasse, A<lpes> M<aritimes>
France
6 окт<ября> 1929 г.

Милый Леонид Федорович, посылаю Вам письмо Владимира Феофиловича Зеелера, которое я получил нынче¹. Вы увидите из него, какой оборот принимает дело. Зеелер пишет, чтобы я решил, как же поступить. Но я и ему, и Вам пишу: решить должны Вы сами. Я же могу высказать только свое мнение: по-моему, история с контрактом — дело затяжное и Вам не подходящее. Вам нужна жизнь в Париже, возле Парижа, а тут что же выходит? Кабала, глушь, шахты или леса... Я бы на Вашем месте пошел

бы на риск — просто добыл бы себе через Зеелера визу на въезд и приехал бы, а там посмотрел бы, что Бог даст. А может быть, и нашли бы какую-нибудь частную (т.е. не требующую санкции Министерства Труда) работу? А может быть, получили бы *впоследствии* и *законное* право работать где угодно и что угодно? Ведь сам же Зеелер пишет, что это «не невозможно», хотя и очень трудно. Повторяю — решите, как поступить, сами. Если решите рискнуть, выхлопочите визу только на въезд во Францию — и приезжайте на первое время к нам, на villa Belvédère, в Grasse. Почти все шансы за то, что мы пробудем здесь до 1 января². Вот Вы и поживете с нами, т.е. в гостях у нас, некоторое время, отдохнете, поработаете литературно, а затем поедете в Париж и будете искать там устроить себя как-нибудь. А может быть, Вам и повезет? Если же не повезет, — ну что ж, уедете опять в Ригу, только и всего. А некоторую денежную помощь, еще раз говорю, мы Вам непременно устроим.

Таков мой план. Во всяком случае, я Вас *очень* прошу не отказываться от нашего приглашения приехать в Грас, если вообще решите ехать во Францию, — т.е. не спорить со мной, не церемониться и т.д. — Напишите мне и Зеелеру свое решение.

Будьте пока здоровы и благополучны. Все Вам кланяюсь.

Ваш

Ив. Бунин

P.S. Кирилл Иосифович Зайцев пишет мне³, что он готов вместе с Зеелером хлопотать за Вас. Напишите и Зайцеву⁴.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/6111).

¹ Письмо Зеелера Бунину, датированное 3 октября 1929 г., написано на бланке Земгора:

«Дорогой Иван Алексеевич,

вчера вечером получил Ваше письмо о Зурове. Конечно, рад сделать все возможное, чтобы дать возможность приехать ему из Риги в Париж. Но вот какие обстоятельства нужно иметь в виду прежде, чем принимать те или другие уже реальные меры к осуществлению полученного от Вас задания.

Об этом пишу сейчас же Вам, чтобы получить от Вас решение довольно сложного вопроса.

1) Можно попытаться (я это сделаю с охотой и с вероятным расчетом на успех) получить визу для въезда во Францию через Министерство иностранных дел. Если виза будет дана, то времени на это потребуется не так уж много, но, получив такую визу, Зуров получит в то же время на границе Франции штемпель на своем паспорте, который лишит его права заниматься во Франции каким бы то ни было трудом. *Конечно, литературным трудом ему никто не возбранит заниматься или вообще чем бы то ни было, что не требовало бы санкции Министерства труда* <подчеркнуто здесь и далее, скорее всего, Буниным>. И здесь уже получить это право на работу будет если и не совсем невозможно, то во всяком случае чрезвычайно трудно. Это один путь.

2) Другой путь: получить контракт на работу во Франции. *Либо на какой-нибудь завод, либо на работы горные, дорожные, лесные и т.д.* Контракт от 6 до 9 месяцев. И

выполнить его нужно будет. Зато получается возможность не затрачивать собственных средств на проезд во Францию (авансируется предпринимателем) и после отбытия контракта полная свобода подыскания труда. Но сейчас как раз время, когда Министерство труда *не так скоро визирует контракты* и потому этот последний путь может отнять и месяц, и больше времени. Если бы контракт такой был визирован, Зурову нужно было бы из Риги проехать в Ревель, войти в одну из формирующихся там через наше Представительство групп и с этой последней приехать во Францию.

Вот два пути. В зависимости от Вашего решения, которое получу от Вас, и приступлю к осуществлению того, на чем порешите.

Значит, жду теперь от Вас скорого ответа. А пока будьте здоровы. Сердечный привет и лучшие пожелания.

Крепко жму Вашу руку.

В. Зеелер» (РАЛ. MS.1066/6040).

Обстоятельства, касающиеся «второго пути», отчеркнуты И.А. Буниным на полях, и его рукой сделана приписка: «Это, по-моему, никуда не годится». Разумеется, тяжелый физический труд не оставлял бы Зурову возможностей заниматься литературой.

² Бунины и Кузнецова уехали из Грасса вместе с Зуровым 31 января 1930 г. (дневниковая запись Буниной за 1 февраля 1930 г. — РАЛ. MS.1067/398; Устами Буниных. Т. 2. С. 216).

³ Как и предыдущее письмо К.И. Зайцева (см. примеч. 6 к № 27), это письмо не сохранилось.

⁴ Бунина прокомментировала в дневниковой записи за 8 декабря 1929 г. результат обращения Бунина с одной и той же просьбой к двум лицам: «Глупо было обращаться в два места к Зеелеру и Зайцеву, Зурову Зеелер выхлопотал визу вечную, а Зайцев временную, которая и покрыла первую» (РАЛ. MS.1067/395). В письме от 5 декабря 1929 г., т.е. написанном уже после приезда Зурова во Францию, Зеелер объясняет это недоразумение: «Вы ли, сам ли Зуров, но пошли в этом деле почему-то двумя путями: обратились ко мне и одновременно к К.И. Зайцеву. Я не знал об этом, не знал, вероятно, и Зайцев, что я занят тем же вопросом переезда Зурова во Францию. Отсюда и получилась “перепутаница”, от которой и придется немало хлопот иметь Зурову» (РАЛ. MS.1066/6041). Далее из письма следует, что оба просителя, хотя и в разное время, обратились к представителю русских эмигрантов во Франции, бывшему российскому послу Василию Алексеевичу Маклакову (1869–1957), который, в соответствии с просьбой обратившегося к нему позднее Зайцева, написал ходатайство в Министерство иностранных дел о визе на два месяца. Для Зурова это означало, как писал Зеелер, что ему придется подавать прошение о продлении времени пребывания во Франции еще на 6 месяцев. В свою очередь Зеелер обещал проследить, чтобы оно было удовлетворено, предлагал Бунину написать «сертификат о том, что Зуров хорошей “моралите и лойалите”» <morality, loyalty — нравственность, лояльность/благонадежность (*франц.*)> и сообщал, что для облегчения выдачи вида на жительство он посылает удостоверение Союза <письмо написано на бланке Союза русских литераторов и журналистов в Париже> и просит Зурова, «чтобы меня покрыть», прислать прошение о принятии его в Союз. Одновременно Зеелер предлагает прислать и просьбу Зурова о выдаче ему ссуды «в возможном размере. Денег нет в кассе, но что-нибудь постараюсь сделать, наскребем где-нибудь — немного, но все же кое-что...» (РАЛ. MS.1066/6041).

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

7 октября 1929 г. Рига

Рига, 7-го октября 1929 г.

Глубокоуважаемый

Иван Алексеевич!

Сегодня получил Ваше письмо¹. Большое спасибо.

Работу я кончаю 14 октября. Состояние моей «кассы» к 14-му — 350 франков (за квартиру я уже уплатил за месяц вперед и оделся). За месяц я проживу 300 франков — 50 останется. Продаю фотографический аппарат, он даст мне 250 франков. Этих денег хватит на оплату морской поездки.

Пароходы очень часто идут из Латвии в Бельгию и сравнительно редко в Руан. Матрос, с которым я работаю в одной партии, дал слово, что устроит меня на пароход за 200 франков. Но ни парохода, ни капитана я еще не знаю.

К 14-му все это будет точно известно.

Необходимо будет мне до отъезда получить латвийскую обратную годовую визу, продлить свой эмигрантский паспорт² и получить разрешение на право жительства, чтобы на всякий случай сохранить связь с Латвией.

На все это (за исключением латвийской выездной визы) я заработаю, а на первые дни в Париже и на французскую визу у меня денег нет. Даст Бог, в Париже в первые же дни я устроюсь на работу.

От Зайцева я только вчера получил письмо³ и сегодня же отвечаю ему и запрашиваю относительно рабочей визы. Работы я, Иван Алексеевич, не боюсь, только бы хватило сил, а рисковать привык. Нужно все испробовать. Как долго я пробуду во Франции — знает один Бог, но почему-то предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость. И вот за это недолгое время нужно многому научиться и многое услышать.

Если сильно меня притиснет, если начну задыхаться, то, заработав, пушусь обратно. Я знаю, что жизнь во Франции очень тяжела, об этом мне говорят все, но мне, молодому, необходим литературный воздух Парижа.

Больше всего меня радует встреча с Вами.

Мой сердечный привет Вере Николаевне и Галине Николаевне. Храни Вас Бог. Спасибо.

Преданный Вам

Л. Зуров

Как только узнаю подробности относительно парохода, немедленно же напишу Вам.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/2047).

¹ № 27.

² Речь идет о выдаваемом Лигой Наций «нансеновском паспорте» (см. также № 33), который заменял для многих русских эмигрантов недействительные старые российские паспорта. Паспорт назван по фамилии верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев, знаменитого норвежского исследователя Арктики Фригьофа Нансена (1861—1930).

³ Сохранилось только более позднее письмо К.И. Зайцева к Зурову (см. № 35 и примеч. 1 и 2 к нему).

30

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

10 октября 1929 г. Грасс

10 окт. 29

Дорогой Леонид Федорович, получил Ваше письмо от 7 окт<ября>. Не знаю, как Вы решите дело *после того*, как получите мое последнее письмо, посланное Вам мною на днях вместе с письмом Зеелера¹. Но так как возможно, что даже и оно не остановит Вас все-таки «рискнуть», т.е. поехать во Францию, — а я лично продолжаю думать, что рискнуть *следует*, — то посылаю Вам шестьсот франков²: Вы возвратите мне их, когда, по приезде во Францию, получите пособие из «Комитета помощи писателям» или заработаете что-нибудь, — словом, когда будете иметь возможность к тому (причем, конечно, Вы сможете возвращать мне их по частям³). Думаю, что без этих денег Вам слишком будет трудно выбраться. Кроме того, твердо повторяю наше приглашение: приезжайте на первое время к нам. «Это Вам сделает хорошо», как говорят французы⁴, *во всех отношениях* — между прочим, и в том, что от нас Вы многое узнаете о Париже, будете иметь некоторое представление о нем, прежде чем явитесь в него. Что до путешествия на пароходе, то мне это дело не очень нравится: когда-то он еще будет, а главное — *сколько времени* будете Вы на нем мотаться до Руана! Может быть, *теперь* (т.е. имея в кармане эти 600 фр<анков>) Вам хватит на проезд по железной дороге?

Итак, надеюсь — до свидания. Во всяком случае, решайте что-нибудь и сноситесь с Зеелером *поскорее*, дабы не проживаться в Риге даром и пораньше застать нас в Грассе (имеющем для Вас, повторяю, то преимущество, что Вы сможете в нем спокойно поработать литературно).

Ваш

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/6112). Место написания установлено по содержанию.

¹ № 28.

² На конверте № 30 обозначена ценность письма — 620 франков, эквивалент 5 фунтов стерлингов, посланных Буниным Зурову. См. также № 32 и 33.

³ См. № 33 и примеч. 2 к нему.

⁴ Буквальный перевод французского выражения «Cela vous fera du bien».

31

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

14 октября 1929 г. Рига

Рига, 14-го октября 1929 г.

Глубокоуважаемый

Иван Алексеевич!

Сердечно благодарю Вас за приглашение¹ и доброе участие в моей судьбе. Если даст Бог, все будет благополучно, получив визу, я выеду в конце ноября месяца во Францию и через неделю увижу всех Вас.

Ваше письмо доставило мне много радости и счастья.

Зайцеву и В.Ф. Зеелеру я ответил, попросив их выхлопотать мне простую визу на въезд во Францию².

Черную работу кончил. Начал работать над повестью.

Пароход идет до берегов Франции пять суток. На днях меня познакомят с моряками и от них я точно узнаю, когда уходит один из грузовиков и фамилию капитана.

Желаю Вам здоровья и радости. Спасибо за все.

Мой сердечный привет Вере Николаевне и Галине Николаевне.

Преданный Вам

Л. Зуров

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/2049).

¹ № 28.

² Сохранились АМК писем Зурова к Зайцеву и Зеелеру от 14 октября 1929 г. (РАЛ. MS.1068/3951 и 3962).

Г.Н. КУЗНЕЦОВА — Л.Ф. ЗУРОВУ

18 октября 1929 г. Грасс

18 октября

Грасс

Милый Леонид Федорович!

Не писала Вам, чтобы не мешать переписке с И<ваном> А<лексеевичем>. На прошлой неделе он послал Вам 5 английских фунтов (или 620 фр<анков>¹). Надеюсь, Вы их уже получили. Сегодня пришло Ваше письмо 14 <октября>², но в нем еще ничего об этом нет. Если Вы решите ехать пароходом, тогда придется проезжать все-таки через Париж, если же поездом — можно прямо на Канн. Но все это Вам самому виднее.

Уже прохладно, хотя еще цветут розы и гелиотроп в саду. Холода начнутся в ноябре. Помните, что здесь после захода солнца всегда очень холодно, невзирая ни на какой юг.

Думаю, что жизнь здесь пользу Вам принесет, что бы ни было дальше. Сейчас нас в доме четверо — живет также Рошин, пишет роман³. Нашу виллу в шутку называют «Монастырем, или виллой муз».

Конечно, Вас ждет много разочарований в Париже. Но к этому уж надо быть готовым!

Спасибо Вам за карточки. Они очень хороши, и мне очень жаль Вашего аппарата⁴. У нас есть свой, но снимаем мы неважно.

Сегодня с утра дождь и пение птиц в саду. Тут есть места удивительной красоты — видеть их впервые — большое наслаждение.

Сердечный привет от всего Бельведера!

Г. К.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/3384). Год установлен по содержанию.

¹ См. № 30.

² № 31.

³ Об отъезде Рошина из Грасса после появления там Зурова Кузнецова писала 14 января 1930 г.: «Р<ошин> уехал. О нем мало жалеют в доме. Прожил он какой-то картонной фигурой, тенью, никому не открываясь, употребляя только привычные, неизменные, на несколько случаев фразы. Называли его то “капитан”, то “Пэка” <...> В<ера> Н<иколаевна> играла с ним целые вечера в карты. Со мной он держался то в позиции всегда готового на интрижку “ухажера”, то не замечал вовсе. А уезжал растроганный, с красным лицом и внезапно распухшими, увлажненными глазами. Отчего? Очевидно, все-таки покидал какой-то “дом”, хотя климат этого дома был ему всегда тяжел» (Грасский дневник. С. 127). Единственный роман Рошина, «Белая сирень», вышел в Париже в 1936 г. в издательстве газеты «Возрождение».

⁴ См. № 29.

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

21 октября 1929 г. Рига

Рига, 21-го октября 1929 г.

Глубокоуважаемый

Иван Алексеевич!

Ваше письмо и вложенные в него 5 фунтов стерлингов я получил¹. Большое спасибо. Меня очень тронули Ваши заботы. В настоящее время я уже выхлопотал новый нансеновский заграничный паспорт, годовое разрешение на право жительства в Латвии и полугодовую визу (обратную и выездную).

Я просил, чтобы мне дали ее на год, но префектура больше, чем на полугодовой срок, визы никому из проживающих в Латвии нансенистов не дает.

Если в ближайшее время не удастся устроиться на пароход, то в начале ноября (если к этому времени получу французскую визу) я думаю выехать во Францию по железной дороге (Польша — Австрия — Италия). Билет до Канн стоит 580 франков. Деньги, посланные Вами, я не потрачу до поездки и, будучи во Франции, постараюсь вернуть их Вам в самом не продолжительном времени².

Простите, что так долго не писал Вам. Думал, что к этому сроку узнаю о пароходе. Спасибо, Иван Алексеевич. Храни Вас Бог.

Мой сердечный привет Вере Николаевне и Галине Николаевне.

Преданный Вам

Л.Зуров

Письма Зеелеру и Зайцеву я отправил 14-го и теперь живу в ожидании французской визы.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/2051).

¹ № 30.

² В «Автобиографических заметках» Зурова сообщается: «<...> приехав в Грасс, тут же дал И.А. Б<унину> 5 ф<унтов>, которые он прислал мне летом...» (РАЛ. MS.1068/777).

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

25 октября 1929 г. Грасс

25.X.29

Получил нынче, милый Леонид Федорович, Ваше письмо от 21 окт<ября>. Очень рад, что дело наконец тронулось. Нынче же получил письмо и от Зеелера¹ насчет Вас — пишет, что будет стараться достать Вам визу возможно скорее.

Почему Вы хотите ехать (если поедете по железной дороге) через Австрию — Италию? Разве это лучше, то есть быстрее и дешевле? Знаете ли Вы, что есть такой путь: Рига — Берлин, затем (без пересадки) Берлин — Страсбург и (опять без пересадки) Страсбург — Cannes? (Я только спрашиваю, ибо точно не знаю, как лучше. Но на всякий случай справьтесь)².

Из Cannes до нас, то есть до Grasse, всего 17 километров. Не думал, что так дорого стоит проезд по железной дороге. Боюсь теперь, что денег Вам не хватит. Может, займете у кого-нибудь в Риге? Постараемся устроить так, чтобы Вы смогли возратить этот заем тотчас же по приезде сюда. О долге мне не беспокойтесь: вернете, когда хоть немного оперитесь.

Вот пока и все.

Нажимайте понастойчивей письмами на Зеелера и Зайцева насчет ускорения визы.

Ваш

Ив. Бунин

P.S. Писать нам всем на конвертах надо: “Monsieur такой-то”. То, что я пишу на обороте своих конвертов, — “Exp. Bounine и т.д.”, значит: *expéditeur*, т.е. отправитель.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/6113). Место написания установлено по содержанию.

¹ Не сохранилось.

² В итоге Зуров выбрал маршрут по советам Бунина (см. № 35).

Л.Ф. ЗУРОВ — И.А. БУНИНУ

5 ноября 1929 г. Рига

Рига, 5 ноября 1929 года

Глубокоуважаемый

Иван Алексеевич!

Только что получил ответ от В.Ф. Зеелера. Он пишет, что Министерство Иностранных Дел в письме от 29-го октября сообщает: «посланнику французскому в Риге предложено обратить особое внимание на просьбу <Вашу> о визе во Францию»¹.

В субботу я получил письмо от К.И. Зайцева², в котором он переслал копию ответа из Министерства, присланную Маклаковым³.

Ministère
des
Affaires Etrangères
Copie

Le Ministère des Affaires Etrangères a l'honneur de faire connaître à M. Maklakoff, en réponse à sa communication du 18 de ce mois, que le Ministre de France a Riga à été autorisé, sous les réserves d'usage, à viser pour un séjour en France strictement limité à deux mois le passeport de M. Léonide Zoureff lorsque celui-ci lui en fera la demande.

Paris, le 24 octobre 1929.

Monsieur V. Maklakoff⁴.

Вчера я был у французского консула. Виза из Франции, к моему глубокому сожалению, еще не получена, и секретарь мне посоветовал зайти в конце этой недели. Билет: Рига — Берлин — Страсбург — Канны стоит 680 франков. Помимо французской и латвийской виз необходимо взять две транзитные — литовскую и немецкую. Денег на проезд и визы у меня хватит.

Большое спасибо, Иван Алексеевич, за Ваши добрые советы и заботы. Желаю Вам счастья и радости.

Преданный

Л. Зуров

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1068/2053). Сохранилась также АМК с дополнительным последним предложением: «Как только получу французскую визу — немедленно извещу Вас о дне выезда» (РАЛ. MS.1068/2054).

¹ Сохранилось письмо Зеелера Зурову от 31 октября 1929 г. (РАЛ. MS.1068/3963).

² Сохранились письмо Зайцева Зурову от 29 октября 1929 г. и ответ Зурова ему от 31 октября 1929 г. (РАЛ. MS.1068/3956 и 3952).

³ См. примеч. 4 к № 28.

⁴ Перевод с французского: «Министерство иностранных дел имеет честь довести до сведения г-на Маклакова в ответ на его сообщение от 18-го числа сего месяца, что посол Франции в Риге уполномочен, соблюдая обычные условия, завизировать паспорт г-на Леонида Зурова для пребывания во Франции на срок, строго ограниченный двумя месяцами, когда последний обратится к нему с заявлением по этому поводу».

36

И.А. БУНИН — Л.Ф. ЗУРОВУ

9 ноября 1929 г. Грасс

Villa Belvédère
Grasse (Alpes Maritimes)
9.XI.29

Очень рад, дорогой Леонид Федорович, что с визой дело почти кончено, — нынче получили Ваши письма от 5 ноября¹. Итак, ждем Вас и желаем доброго пути. Известите нас заранее, когда именно выезжаете и когда (в какое число и в какой час) будете в Cannes: мы выедем туда встретить Вас — если, конечно, поезд Ваш приходит не ночью. Обнимаю Вас и извиняюсь за краткость — у меня ужасный насморк и голова весьма мутна.

Ваш

Ив. Бунин

P.S. Одевайтесь потеплее, не надейтесь на юг — зимой у нас холодно. (Даже в домах и не только таких бедных, как наш, но и в богатых — почти нигде не топят.)

Если почему-либо не встретим Вас, — если, например, письмо Ваше придет позднее Вашего приезда, — то вот к Вашему сведению: из Cannes в Grasse можно приехать или по железной дороге (поезд отходит с того же вокзала, на который Вы приедете), или с автокаром² — автокары эти идут к нам с *площади* перед Каннским вокзалом *каждые 30 минут*. А если ехать по железн<ой> дороге, то нужно брать билет Grasse — *Ville*³, ибо с *нашего* вокзала нужно еще подняться *в город* по фуникулеру. Автокары удобнее: Вас привезут тогда *прямо* в город. Только помните, когда будете спрашивать, как идти к нам: надо спрашивать *Villa* Belvédère, ибо есть еще у нас *Hôtel* Belvédère, в стороне прямо противоположной от нас.

Проезд в автокаре стоит 5 франков, железн<ая> дорога чуть-чуть дешевле. Вещи автокары берут к себе на крышу.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/6114).

¹ № 35 и несохранившееся письмо к Кузнецовой (см. начало № 37).

² Autocar — автобус (франц.)

³ Город (франц.)

37

Г. Н. КУЗНЕЦОВА — Л. Ф. ЗУРОВУ

9 ноября 1929 г. Грасс

9 ноября

Письмо Ваше¹ получили сегодня. Все, очевидно, идет хорошо, и мы за Вас рады. Напишите же о дне приезда и о поезде.

Шлю привет. До свидания².

Г. К.

Публикуется по автографу (открытка с видом порта в Монте-Карло) (РАЛ. MS.1068/3385). Год и место написания установлены по почтовому штемпелю.

¹ Сохранилось только письмо Зурова к Бунину (№ 36).

² О приезде Зурова в Грасс 23 ноября 1929 г. см. дневниковые записи Буниной и Кузнецовой за ту же дату:

«Утром шум. Я кончала молитву. Вышла в переднюю: вижу высокий молодой человек с чемоданом и Капитан. Значит, Зуров приехал, как и думали — приедет неожиданно. Сразу бросилось в глаза, что на карточке он не похож — узкое лицо, менее красивое, нос длиннее, глаза уже и меньше — но приятные. <...> Ян вышел на шум, в очках, и знакомство состоялось. <...> Зуров вспыхнул, вытянулся по-военному, просто сдержанно поздоровался. <...> Зуров привез каравай черного мужицкого хлеба, коробку килек, сала, антоновских яблок, клюквы и нам по маленькой корзиночке, с которыми дети ходят по грибы, по ягоды. Впечатление приятное, простое, сдержанное. Много рассказывал о Латгалии (части б<ывшей> Псков<ской> губ<ернии>), где он бродил последние годы. Народ наш он знает, любит, но не идеализирует. За обедом пили водку под кильки. Потом все говорили о народе, о литературе. <...> Зуров слушал внимательно, местами хорошо улыбался. Вообще улыбка его красит. У него хорошая кожа, густые брови, белые зубы, красивое очертание губ, хотя рот мал» (РАЛ. MS.1067/395; Устами Буниных. Т. 2. С. 211–212); «Приехал Зуров. Целый день провели с ним. Всем понравился. <...> Первые впечатления очень хорошие. З<уров> рядом с капитаном <Рошиным>, несмотря на крупность, очень выигрывает. Губы, подбородок, очень тонкие, нервные. Руки огрубели от работы, но пальцы тонкие. Когда И<ван> А<лексеевич> первый раз вышел к нему, он стал, вытянулся перед ним, как на смотру. Приехал он в 10 ч. утра с двумя чемоданами, привез русский черный хлеб, антоновских яблок, липового меду, вяленой баранины и плетенку клюквы, а нам с В<ерой> Н<иколаевной> по русскому лукошку. От всего этого веет древлянами и печенегами, а хлеб вызвал даже крики изумления у нашей Камий <Camille — кухарка Буниных>. Да и мне было странно смотреть на него, когда он лежал передо мной на столе, чуть не железного цвета, какой-то обломок лаврского колокола!» (Грасский дневник. С. 120).

ПИСЬМА
И.А. БУНИНА К С.А. ЦИОНУ
(1940—1947)*

Публикация Жоржа Шерона.

Подготовка текста Александра Тюрина и Ричарда Дэвиса.

Комментарии Олега Коростелева и Магнуса Юнггрена**

Военные годы Бунин провел безвыездно на юге Франции, в Грассе. В это трудное для него время Бунину приходила материальная помощь из нейтральной Швеции. С 1940 по 1947 г. ряд шведских организаций и частных лиц поддерживали Бунина деньгами и продовольственными посылками. Организовывал и координировал помощь политический деятель, журналист и переводчик Сергей Анатольевич Цион (1874—1947).

До революции Цион был членом РСДРП, участником свеаборгского восстания 1906 года. После подавления восстания уехал в Англию и стал журналистом. Вернулся в Россию в 1917 г., был сотрудником Керенского, но после прихода к власти большевиков вновь эмигрировал, на этот раз в Швецию. Ярм антибольшевиком он оставался до конца своих дней. В архиве Бунина сохранилось лишь два письма Циона Бунину, оба более раннего периода, 1936 г. В этих письмах Цион, будучи секретарем Шведско-русского общества друзей русской культуры имени Бунина, просил Бунина прислать его книги в библиотеку общества.

Свидетельства того, что они были заочно знакомы еще раньше, сохранились в переписке Бунина с другими адресатами, например в письме Ф.А. Степуна от 21 ноября 1934 г.: «Сейчас пишу по конкретному поводу, точнее по чужому поручению. Дело в том, что в Стокгольме прослышали, что Ты приезжаешь на празднество вручения литературной премии брату по перу Пиранделло, и потому всполошились, возмечтали, чтобы Ты прочел в обществе имени Бунина 2—3 Твоих рассказа. Писал мне об этом моржеобразный Цион, просил со слезой, чтобы я походатайствовал перед Тобю об исполнении просьбы. Вот я и ходатайствую»¹. Бунин наверняка

* Тексты И.А. и В.Н. Буниных публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate.

** © George Cheron, Richard Davies, Олег Коростелев, Magnus Ljunggren, Александр Тюрин, 2004.

¹ Письма Ф.А. Степуна И.А. Бунину / Публ. и примеч. Р. Дэвиса и К. Хуфена // С двух берегов. С. 110.

встречался с Ционом в Стокгольме в 1933 г., но произошло ли знакомство именно тогда — неизвестно.

К сожалению, Цион не оставил не только воспоминаний, но даже и самых общих сведений о своей непростой биографии. А следы его многогранной деятельности встречаются порой в самых неожиданных местах. К примеру, в 1906 г. в стокгольмской газете он опубликовал репортаж о землетрясении в Сан-Франциско. В 1930 г. Цион издавал на шведском языке «новую иллюстрированную рабочую газету» «Русские новости» (выходила она в виде ежемесячника тиражом 10 000 экземпляров под лозунгом «Правду о Советском Союзе шведскому народу!» и большое внимание уделяла антирелигиозной кампании и гонениям на церковь в СССР).

1940-е гг. были для Бунина очень важным временем в творческом плане: он заканчивал писать сборник рассказов под названием «Темные аллеи». В письмах Циону Бунин рассказывал о своей книге и интересовался возможностями ее издания в Швеции. Однако надежды Бунина оказались нереальными. Издательство Геберс, сделавшее так много для подкрепления его репутации в Швеции в начале 1930-х гг., находилось в тяжелом финансовом положении. Умер самый способный переводчик Бунина на шведский язык, профессор Лундского университета Сигурд Агрелл (1881—1937)¹, а переводчица Рут Ведин Ротштейн (1898—1962) ушла в преподавательскую деятельность. При всем желании помогать Бунину у Циона не было подобно опыта литературного перевода, притом с родного русского на неродной шведский, а также не было необходимого общественного положения и связей. Тем не менее, как свидетельствуют благодарственные письма Бунина, в чисто благотворительном плане усилия Циона время от времени имели некоторый, пусть и скромный, успех.

* * *

Письма Бунина сохранились в бумагах Б.И. Николаевского — Hoover Institution Archives. Nicolaeusky Collection. Box 13 (S.A. Tzion). Приносим свою благодарность Гуверовскому институту за содействие настоящей публикации.

Письма публикуются впервые по ксерокопиям с оригиналов и печатаются по современной орфографии, однако сохранены авторские индивидуальные особенности. Мелкие неправильности французского написания устранены. Восстановленные конъектуры, пропущенные слова и прочие редакторские вмешательства в текст даются в угловых скобках. Авторские шрифтовые выделения в письмах даются курсивом.

¹ Именно Агрелл играл главную роль в выдвижении Бунина на Нобелевскую премию от шведской стороны. См. об этом: *Марченко Т.В.* Неизвестные страницы бунинской нобелианы: (по материалам архива Шведской академии) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 6. С. 23—35; *Юнгрен М.* Русские писатели в борьбе за Нобелевскую премию // На рубеже веков. Российско-скандинавский литературный диалог / Под ред. М.М. Одесской и Т.А. Чесноковой. М.: РГГУ, 2001. С. 5—15; *Блох А.М.* Советский Союз в интерьере Нобелевских премий: Факты. Документы. Размышления. Комментарии / Под ред. А.И. Мелуа. СПб., 2001.

1

17 ноября 1940 г. Грасс

Villa Jeannette
Route Napoléon
Grasse, A<lpes> M<aritimes>.

Mon cher compatriote, j'ai un<e> prière a vous faire. Comme vous savez, j'ai reçu le Prix Nobel depuis longtemps, dont le reste est perdu a l'étranger. Dans les circonstances de la vie actuelle je n'ai aucun revenu. En un mot, je suis très, très pauvre — a la limite de la famine complète.

Aidez-moi — ayez la bonté de prier vos amis bons et riches de m'envoyer quelques sommes¹.

Je serre votre main très cordialement.

Ivan Bunin.

(Jean de Bounine)

17.XI.40

Перевод с французского:

Дорогой мой соотечественник, у меня к Вам просьба. Как Вы знаете, я получил Нобелевскую премию уже давно, которая полностью развеялась на чужбине. При обстоятельствах настоящей жизни у меня нет никакого дохода. Короче говоря, я очень, очень беден — почти голодаю.

Помогите мне — будьте добры, попросите Ваших хороших и богатых друзей прислать мне какие-то суммы.

Я очень сердечно жму Вашу руку.

Иван Бунин

17.XI.40

¹ Обращаясь с просьбой, Бунин был настроен скептически и 20 ноября 1940 г. записал в дневнике: «Послал заказн<ой> exgrès Геберу и exgrès Сиону. Прошу устроить мне денежн<ую> помощь у богатых шведов. Ничего, конечно, из этого не выйдет» (РАЛ. MS.1066/532). Нильс Гебер (Geber; 1878–1937) — шведский издатель, выпустивший в начале 1930-х гг. шесть книг Бунина.

2

27 декабря 1940 г. Грасс¹

Villa Jeannette

Grasse, A<lpes> M<aritimes>.

Cher Monsieur, je n'ai pas reçu votre carte du 3/XII, mais je suis en possession de celle datée du 12/XII — et je vous suis *trus* reconnaissant pour toutes vos démarches en ma faveur.

J'ai également reçu une lettre très aimable de Mme M. Stiernstedt². L'argent qu'elle m'a envoyé ne m'est pas encore parvenu³ (il ne faudrait pas oublier que d'après mon passeport français — *je me nomme Jean de Bounine*). Dans les banques françaises je n'ai pas de comptes. — Dans quelques jours je vous adresserai quelques petites nouvelles inédites⁴.

Je vous serre bien cordialement la main et vous adresse mes meilleurs vœux pour le Nouvel An.

Votre dévoué

Ivan Bunin.

Перевод с французского:

Дорогой господин, я не получил Вашу открытку от 3/XII, но у меня есть открытка, которая датирована 12/XII, и я *очень* признателен за все Ваши хлопоты в мою пользу.

Я также получил очень милое письмо от госпожи Stiernstedt. Деньги, которые она мне послала, еще не пришли (непременно не забудьте, что по французскому паспорту *меня зовут Jean de Bounine*). Во французских банках у меня нет счетов. — Через несколько дней я Вам направлю несколько неопубликованных маленьких рассказов.

И.А. Бунин. Москва, 1907 г.

К. Ф. Ш. Р. Б.

МОСКВА
КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ

*В. Н. и И. А.
Бунины
1907 г.*

И.А. Бунин и В.Н. Муромцева-Бунина. Москва, 1907 г.

КЪ 25-ЛЕТЬЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Специальный снимок, по поручению «Огонька», С. Г. Смирнова.

1912 г.

Писатель, почетный академик, И. А. Бунин за рабочим столом.

Литературная деятельность И. А. Бунина проходила без особого блеска и шума успеха. Годы ровного, неторопливого, но все-таки доминантного по жизневолному облику и достоинствам творчества вывели молодого еще сравнительно поэта и балетриста на

верхи современной русской словесности. 25-летие своей работы И. А. Бунин встречает уже почетным академиком — рядкой в заветный ряд писателей! Москва, где он живет, чествует 28 октября своего юбиара пышными банкетами.

*очень
не по-
ХОЖЕ!
Ив. Б.*

Фотопортрет И.А. Бунина работы С.Г. Смирнова, опубликованный в петербургском журнале «Огонек» (1912. 28 октября. № 44). На снимке рукой Бунина дата 1912 г. и надпись начала 1950-х гг.: «Очень не похоже! Ив<ан> Б<унин>».

Венчание И.А. и В.Н. Буниных.
Париж, 24 ноября 1922 г.

*Спасибо
И. А. Бунину
на добрую
память
Л. Зуров
Рига 1928*

Л.Ф. Зуров. Рига, 1928 г.
Надпись Зурова
на обороте фотографии,
подаренной И.А. Бунину:
«Глубокоуважаемому И.А. Бунину.
На добрую память. Л. Зуров.
Рига 1928».

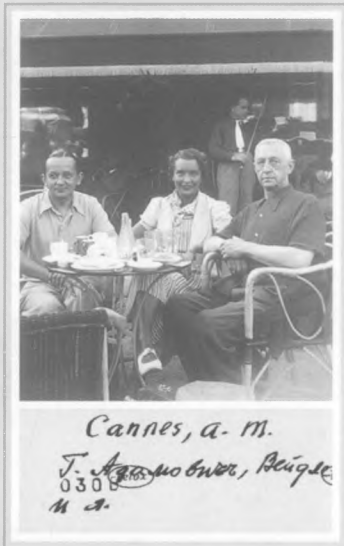
И.А. Бунин. Париж, 1927 г.

И.А. Бунин и Г.В. Адамович.
Грасс, 1930-е гг.

Л.Ф. Зуров, Г.Н. Кузнецова,
И.А. Бунин, Г.В. Адамович,
В.Н. Бунина. Грасс, 1930-е гг.

Г.В. Адамович,
Л.В. Вейдле (Барановская), И.А. Бунин.
Канны, 1920-е гг.
На обороте фотографии надпись
рукой Бунина: «Cannes, А-М. Г. Адамович,
Вейдле и я».

Открытка с портретом Г.Н. Кузнецовой, посланная Л.Ф. Зурову. Грасс, 30 апреля 1929 г.
 Обратная сторона открытки. Надпись рукой Г.Н. Кузнецовой: «Милому Леониду Федоровичу на память – Галина Кузнецова. 30 апр<еля> 1929 г. Грас».

Г.Н. Кузнецова, И.А. Бунин и В.Н. Бунина. Грасс, 1929 г.
 Надпись на фотографии рукой Бунина: «Галина, я, Вера».

Л.Ф. Зуров. 1920-е гг.

Открытка с портретом Бунина, адресованная Л.Ф. Зурову. Январь 1929 г.
 Обратная сторона открытки. Надпись рукой Бунина: «Очень благодарю Вас, дорогой, и за письмо, и за „Отчину“ — она очень хороша. Дай Бог Вам всего доброго. Ив<ан> Бун<ин>».

Т.М. Алданова, М.А. Алданов, В.Н. Бунина,
И.А. Бунин, Г.Н. Кузнецова. Грасс, 1930-е гг.

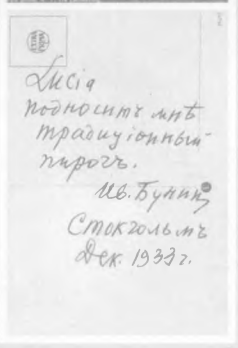
М.А. Алданов, Л.Ф. Зуров, Т.М. Алданова,
В.Н. Бунина, И.А. Бунин. Грасс, 1930-е гг.

Л.Ф. Зуров, Г.Н. Кузнецова, И.А. Бунин,
М.А. Алданов, Т.М. Алданова. Грасс, 1930-е гг.

В.Н. Бунина, С.Б. Шессин, И.А. Бунин,
артистка Анна Лиза Берг в роли св. Люции.
Стокгольм, 1933 г.

Открытка
с портретом артистки
Анны Лизы Берг
в роли св. Люции.
Стокгольм,
декабрь 1933 г.
Оборотная сторона
открытки с надписью
рукой Бунина: «Lucia
подносит мне
традиционный пирог.
Ив<ан> Бунин.
Стокгольм.
Дек<абрь> 1933».

Нобелевская церемония. Стокгольм, 10 декабря 1933 г.
Надписи на фотографии рукой Бунина: «Шведский король вручает
мне диплом Нобелевской премии. Вечер 10 дек<абря> 1933 г.
Ив<ан> Бунин»; «Ингрид, теперь датская королева»;
«Наследник».

И.А. Бунин. Париж, осень 1945 г.

Я сердечно жму Вашу руку и посылаю Вам мои лучшие пожелания к Новому году.
Искренне Ваш,
Иван Бунин

¹ Датируется по почтовому штемпелю. В дневнике Бунин 30 декабря 1940 г. записал (абзац отмечен на полях красным карандашом): «27-го — экспрессы в Швецию — Циону и M-me Stiernstedt» (РАЛ. MS.1066/532).

² Stiernstedt Marika (1875–1954) — шведская писательница польско-французского происхождения (мать — урожденная графиня Цехановецка; Ciechanowiecka). В 1935 г. опубликовала в Стокгольме книгу «Ryskt. En resa re egen hand hösten 1934» («Русское. Самостоятельное осеннее путешествие 1934 года») с резкой критикой большевизма и сталинизма. Ее письмо Бунину от 11 декабря 1940 г. (РАЛ. MS.1066/5326). В архиве Марики Шернстедт сохранились три послания от Бунина. Открытка от 28 декабря 1940 г. является ответом на упомянутое письмо, 2 января 1941 г. Бунин посылает ей свой портрет с благодарностью за «рождественский подарок» — 1000 франков, 1 июня 1941 г. благодарит «за любезное письмо и подарок» (Рукописный отдел библиотеки Упсальского университета. Фонд Шернстедт. Ед. хр. 13).

³ 2 января 1941 г. Бунин записал в дневнике: «Ходил с Г<алиной> в город за покупками и в банк (1000 фр<анков> из Швеции). Послал благодарств<енную> открытку (заказную) M-me Marika Stiernstedt, приславшей эти деньги» (РАЛ. MS.1066/532).

⁴ Спустя два месяца, 28 февраля 1941 г., Бунин записал в дневнике (абзац отмечен на полях красным карандашом): «Послал Циону для перевода: Кавказ, Степу, В Париже, Три рубля, Про обезьяну» (РАЛ. MS.1066/533).

3

31 января 1941 г. Грасс

Villa Jeannette
Grasse, A<lpes> M<aritimes>.
En russe¹
31.I.41

Cher Monsieur Cyon,

Я получил из Стокг<ольма> (не знаю откуда — А.В. Radiotjänst² — что это такое? Радио?) 889 фр<анков>. Это, конечно, благодаря Вашим добрым заботам, и я благодарю Вас от всей души. Положение наше ухудшается с каждым днем (холод, голод и страшная дороговизна) — тем более тронут я Вами. Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

Ив. Бунин

P.S. Я написал целую книгу новых рассказов³. Но они все о любви, т. е. совсем несовременны — не до любви теперь людям. Я обещал Вам

послать что-нибудь из них для перевода, но, подумав, решил не беспокоить Вас напрасно — никому не интересно это теперь, повторяю.

¹ На русском (*франц.*). Помета рукой Бунина здесь и в нескольких посланиях далее, предписывавшаяся цензурой по условиям военного времени.

² Шведское радио (*швед.*). 30 января 1941 г. Бунин пометил в дневнике: «889 фр<анков> из Швеции — там читали что-то мое для радио» и добавил 31 января 1941 г.: «Послал ехр<гès>-rescom<mandé> Циону» (РАЛ. MS.1066/532).

³ Речь идет о книге «Темные аллеи», которая впервые была напечатана в Америке (Нью-Йорк: Новая земля, 1943), а в полном виде вышла лишь после войны (Париж: La Presse française et étrangère — О. Zeluck, 1946).

4

22 апреля 1941 г. Грасс

Villa Jeannette

Grasse, A<lpes> M<aritimes>.

22.IV.41¹

Воистину Воскресе, дорогой Сергей Анатольевич! Получил Ваше письмо и опять благодарю Вас и прошу передать мою благодарность Госпоже Stiernstedt за Ваши переводы. Удивлен чрезвычайно — даже «Степа» не подходит к шведской скромности!² Ужели шведы никогда не читают, напр<имер>, Мопассана?

От Кюнтцеля³ я не получил еще ни копейки — думаю, что он и не посылал ничего. Не получено ничего и за Ваши переводы. Рукописи не годившихся рассказов оставьте у себя. Что до нашего материального положения, то оно, конечно, еще ухудшилось — такая нищета и голод, что, когда думаешь, что дальше будет, хочется повеситься. И все и всюду форменно сошли с ума в смысле скудости. Сердечно обнимаю Вас.

Ваш Ив. Бунин

P.S. А в России меня издают в сотнях тысяч экз<емпляров> — и все бесплатно⁴.

¹ 23 апреля 1941 г. Бунин пометил в дневнике: «Вчера — заказную открытку Циону» (РАЛ. MS.1066/533).

² В рассказе «Степа» из «Темных аллей» молодой купец обесчестил молодую девушку и бросил ее.

³ Кюнтцель Ханс (Hans Küntzel; 1894–1992) — директор издательства Gebers после смерти Нильса Гебера (в 1937–1959).

⁴ Последнее к тому времени советское издание Бунина вышло в 1928 г. Книги Бунина стали вновь выходить в СССР только после его смерти. Лишь перевод «Песни о Гайавате» пять раз перепечатывался еще при жизни Бунина, и сохранился экземпляр издания 1935 г. Лендетгиза с надписью Бунина на обложке: «Напечатано без моего ведома и спроса и без копейки гонорара. Ив. Бунин» (РАЛ. MS.1066/10280).

5

31 мая 1941 г. Грасс

Villa Jeannette

Grasse, A<lpes> M<aritimes>.

En russe

31.V.41¹

Дорогой Сергей Анатольевич, получил письма от Вас и г-жи Marika Stiernstedt, равно как и подарок. Еще раз сердечно благодарю Вас и ее. Пересмотрю свой запас рассказов и, м<ожет> б<ыть>, выберу еще что-нибудь для перевода, по Вашему и ее указанию. Доверенность Вам вышлю на днях. Писатель Зуров жил у меня с конца 1929 г. в Грассе и в Париже целых 7 лет, теперь живет опять у меня.

Будьте добры, сообщите мне, где теперь находится (и ее адрес) Марта Людвиговна Нобель-Олейникова², и отошло ли ее финляндское имение к России или нет. Наша жизнь стала еще более нищей и голодной, мы с женой худы до безобразия. Крепко жму Вашу дружескую руку.

Ваш Ив. Бунин

¹ 2 июня 1941 г. Бунин пометил в дневнике (абзац отмечен красным карандашом на полях): «Вчера послал заказн<ую> открытку Циону» (РАЛ. MS.1066/533).

² Нобель-Олейникова Марта Людвиговна (Märta Helena Nobel-Oleinikoff, 1881–1973) — дочь Людвиг Эммануиловича Нобеля (1831–1888), предпринимателя, создателя Механического завода в Санкт-Петербурге (1862), основателя в Баку самой крупной нефтяной компании дореволюционной России. Вышла замуж за врача, специалиста по инфекционным болезням, приват-доцента Г.П. Олейникова (1864–1937). Окончила Женский медицинский институт в Санкт-Петербурге, работала ассистентом в факультетской хирургической клинике, выстроенной на ее собственные деньги, затем руководила рентгеновским кабинетом клиники. С 1914 г. — старший врач лазарета при Народном доме Эммануила Нобеля. После революции уехала из России, жила с мужем в Финляндии, затем в Швеции. Адрес ее Бунину удалось получить, в его дневнике есть запись от 23 декабря 1941 г.: «Завтра пошлю avion'ы recom<mandés> Марте Людв<иговне> Нобель-Олейниковой и M-me Wicander» (РАЛ. MS.1066/533).

6

25 ноября 1941 г. Грасс¹

Villa Jeannette

Grasse, A<lpes> M<aritimes>.

Дорогой Сергей Анатольевич, я в *совершенной* нищете — голод, холод, на жену прямо страшно смотреть — так жутко худа — и налоги, налоги! Пожалуйста, помогите — обратитесь, сделайте милость, к наследнику моего издателя²: неужели у него нет ни гроша для меня за мои книги? Если есть — а не может же не быть, вот Осоргин постоянно печатается в Шве-

ции³ и зарабатывает — пусть немедля пришет, я совершенно погибаю. Простите за беспокойство и примите мой сердечный привет.

Ив. Бунин

¹ Датируется по почтовому штемпелю. 25 ноября 1941 г. Бунин пометил в дневнике: «Послал av<ion>-gesom<mandé> Суон'у» (РАЛ. MS.1066/534).

² Судя по всему, Бунин получил известие о том, что Нильс Гебер в 1937 г. скончался, потому и просил обратиться к его наследнику. Просьба Бунина и хлопоты Циона возымели действие, уже 17 декабря 1941 г. Бунин записал в дневнике: «1800 из Швеции (от насл<едника> Геберса)» (РАЛ. MS.1066/534).

³ До Второй мировой войны пять книг Осоргина были опубликованы шведским издательством «Tiden» («Время»). В 1932 г. вышла книга «Сивцев Вражек» (переводчики Daniel Brick, Josef Riwkin), переизданная в 1936 г. За ней последовали «Свидетель истории» (1935), «Книга о концах» (1936) и «Вольный каменщик» (1938), «Происшествия зеленого мира» (1940). Переводили их на шведский язык эмигранты из Одессы Иосиф Ривкин и его сестра Есфирь (Josef Riwkin, Ester Riwkin).

7

2 января 1942 г. Грасс¹

Grasse, A<lps> M<aritimes>.

Дорогой Сергей Анатольевич, поздравляю Вас с Новым годом и очень благодарю за неизменную заботу обо мне. Издатель прислал мне 1 800 фр<анков> — гроши по нашей теперешней дороговизне, но и на том спасибо. По адресам, указанным Вами, напишу (прося, конечно, в долг, до окончания войны), но не надеюсь, что из этого выйдет что-нибудь: слишком бессердечны стали все!

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив. Б.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

8

19 января 1942 г. Грасс

En russe

Villa Jeannette

Grasse, A<lps> M<aritimes>.

France

19 янв. 1942 г.

Дорогой Сергей Анатольевич, я обратился по Вашему совету к г-же Véra Wicander¹, и она прислала мне телеграмму, что выслала мне *по теле-*

графу же некоторую сумму. Но с тех пор прошло уже *десять* дней и до сих пор телеграф не доставил мне ничего.

Вы называли еще г-жу Véra Sager², Stomigatan³ 18 — кто она? русская? и есть ли надежда, что она поможет мне? Напишите, следует ли и ей написать? Дороговизна у нас страшная, голод и холод растет — будь деньги, купил бы хоть дров, но купить не на что, а холод в доме такой, что, повторяю, нет сил держать пера в распухшей и потрескавшейся руке.

Сердечно приветствую Вас.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Было бы, например, большим спасением есть лук и чеснок. Но фунт чесноку стоит 100 фр<анков>, лук тоже!

¹ Vera Wicander (урожд. Козьма; 1885–1977) — жена Карла-Августа Викандера (Carl-August Wicander; 1887–1952), крупного промышленника, владельца Hagsund'a, до революции жившего в России («Пробки Викандера»). 20 января 1942 г. Бунин записал в дневнике: «Я *послал* авионы — Сиону и *M-me* Wicander, — телеграмма от нее о высылке денег по телеграфу была еще 10-го, а денег нет до сих пор. С неделю тому получил по телеграфу от Марты Людвиг<овны> 3 тысячи» (РАЛ. MS.1066/534).

² Vera Sager (урожд. Бриннер; 1895–1988) — дочь русского дипломата в Стокгольме (родственница кинозвезды Юла Бриннера), жена шведского дипломата Leo Sager'a.

³ Бунин неверно указал адрес, надо: Sturegatan.

9

21 февраля 1942 г. Грасс

En russe

21 февр. 1942 г.

Villa Jeannette, Grasse, A<lpes> M<aritimes>.

Дорогой Сергей Анатольевич, получил за последнее время три Ваших письма — от 24 янв<аря>, 30 янв<аря> и 5 февр<аля>. Простите, что отвечаю не сразу — трудно было (и есть) взяться за перо: во-первых, без топки в доме так дьявольски холодно (особенно последний месяц, когда у нас даже при солнце не тает снег, очень нередкий гость в нынешнем году), что весь день сидишь в меховых (еще из России привезенных) перчатках, а у меня и без того стала леденеть, мертветь и кипеть мурашками правая рука (от задержки кровообращения, по причине такой гнусной и нищей пищи, которой даже и сам св. Антоний¹ не знал), во-вторых, от этой же пищи, начинаю терять всякую волю и решимость сесть за письменный стол, — все больше лежу, как лежат теперь у нас очень, очень многие — и слабею зрением, — в России эта голодная болезнь на-

зывается «куриной слепотой», а в-третьих — новая беда: уже совсем на нет сошла моя несчастная Вера Николаевна от жесточайшего малокровия да вдобавок еще тяжело заболела с месяц тому назад спазмами в желудке, и вот пошли врачи, всякие исследования, просвечивания — и мои новые горести, страхи, хлопоты... Что у нее, еще неизвестно, сейчас она в Ницце (куда и я поеду послезавтра), я отвез ее на новые врачебные испытания, пока же врачи предполагают язву в желудке: вероятно, отравилась теми истинно страшными даже на вид ржавыми и закостеневшими в морской соли рыбками, что мы иногда покупаем как некоторое острое дополнение к гнилым «земляным грушам»², коими мы почти исключительно питаемся за последнее время, иногда просто вареными в голой воде, иногда же поджаренными на какой-то сальной мерзости, называемой вежеталином³, каковой вежеталин и эти «груши» добываются у нас теперь уже по записям, по карточкам и в бесконечном стоянии в очередях с пяти, с шести часов утра: Ривьера теперь — унылая пустыня, оживляемая только оазисами отелей, кафе и ресторанов для богатых людей, которые тайком и мясо, и макароны едят, и папиросы курят, платя за 20 штук «Caroral ordinaire»⁴ 60 и 70 франков, ибо законно выдается нам на 10 дней всего 40 штук этого черного горлодера, прежде продававшегося в табачных лавках за 2 франка пакет — в эти 20 штук, — вот еще одно тяжкое мучение для меня: не могу писать без куренья, всю жизнь писал с папиросой в руках, а вот теперь даже «Капораля» нет, ибо ведь это издательство над курильщиком — 4 папиросы в сутки, — равно как и над пьющими вино, — а кто во Франции не пил вина буквально с колыбели? — получающими теперь *один* литр ординера⁵ на неделю (хотя еще имеющими возможность, — если угодно, — находить кое-где, иногда, как редкость, вино с ярлыком, — например, бордо или бургонское, прежде продававшееся за 5 франков бутылка, а теперь 60, 80, 100). Повторяю: Вы вообще *не можете* себе представить нашу жизнь, да и я сам испытываю в первый раз за все свое земное существование (и еще до сих пор с великим удивлением), как же это так случилось, что стали чем-то сказочным для нас чай, кофе, варенье, настоящий сахар, белый хлеб, сыр, масло коровье, масло прованское, яйца, мясо, рыба, — даже рыба, хотя перед нами целое Средиземное море, — что мы (и мы сами и наши знакомые) со смехом и стыдом рассказываем друг другу, что вот нынче нам снилась во сне ветчина, а вчера колбаса!* Представьте же себе при всем этом, каково жить теперь у нас всякому больному человеку, а с язвой в желудке особенно. И что было бы, если бы у меня не было возможности добывать для В<еры> Н<иколаевны> великими правдами и неправдами то кусочек масла, то горсть рису, то пучок макарон, то пакетик бискви-

* Картофель (даже самый дурной) у нас теперь на вес золота; маслины, апельсины и лимоны — великая и очень дорогая редкость.

тов? А ведь возможность эта (так же, как возможность купить дров для кухни, заплатить часть налогов и квартирной платы и т.д.) явилась у меня *благодаря Вам*: ведь это *Вы* указали мне Викандера⁶ и говорили с ним, *Вы* хлопотали в Ноб<елевском> Комитете и в Шведск<ой> Академии... Никогда не забуду, дорогой Сергей Анатольевич, всего этого, как и всех Ваших хлопот в прошлом году, признателен Вам до глубины души. От Викандера я получил около 10 тысяч франков, от шведского консула в Марселе 3 тысячи⁷ (он известил меня, что для меня у него имеется 6 тысяч, но прислал пока 3, написав, что остальное будет высылать мне «по мере моих нужд», ставя меня таким образом в очень грустное и постыдное положение — сообщать ему о моих «нуждах»). Эти полочки прямо спасли меня и прежде всего по отношению к В<ере> Н<иколаевне>, — спасли во всяком случае до поры до времени: половина полученного уже ушла из моих рук, — одно леченье чего стоит по нынешним временам! — но все же я, как говорится, «воспрянул духом». Страшно, что будет месяца через два, ну, да что ж о том думать!

То, что *Вы* пишете о Зурове и о художнике Толстом⁸, для меня никак не подходит, — как я могу *через Зурова* просить что-нибудь у *какого-то Толстого*! Не приходится говорить и о парижских издателях. С ними — и самыми лучшими — у меня были хорошие дела, они издали в свое время чуть не десять моих книг⁹, но мало ли что было! Теперь мы имеем право посылать в Париж только одни открытки о своем здоровье или нездоровье, больше ровно ничего¹⁰. Посылать книгу для перевода через Швейцарию тоже дело неподходящее, да и кому нужны сейчас во Франции какие-то русские рассказы, не говоря уже о том, что скоро у нас не будет бумаги даже для газет? Не до издания русских рассказов теперь и Америке, из которой вообще всякая помощь мне теперь кончена¹¹. Пишу в немецкую Швейцарию, прося знакомых поискать мне там издателя¹², — это единственная моя надежда, но очень слабая: и Швейцарии не до чтения теперь! Напишу и во французскую, Екатерине Дмитриевне¹³, но она что-то давно, давно молчит, — месяца два тому назад сообщила мне о своих тяжелых болезнях, а с тех пор вестей от нее нет (что меня очень беспокоит), — это во-первых, а во-вторых, и Женеве я сейчас нужен, как собаке пятая нога. Что до г-жи Загер, то писать ей не буду, не могу — уж слишком тяжело и стыдно обивать еще один порог, да она, верно, уже слышала, что мне помогли, и может даже возмутиться: вот, мол, бесстыжий и ненасытный человек, получил уже целую «уйму» денег и опять лезет!

Обнимаю Вас сердечно.

Преданный вам Ив. Бунин

P.S. Все-таки я никак не могу понять, почему ни наследник моего прежнего шведского издателя, ни какой-либо другой издатель не нахо-

дит никакого интереса издать какую-нибудь мою новую книгу, — ведь все-таки я шведский «лауреат» и пишу довольно занятно, — например, мою книгу о Толстом, с большим успехом изданную три года тому назад в Париже и по-русски, и по-французски («*La Délivrance de Tolstoï*», *Éditions Nouvelle Revue Française*¹⁴), или мои новые рассказы (часть которых Вы знаете и которые ничуть не менее «приличны» для шведской публики, чем все мои прежние, изданные в Швеции, и легко могут быть «смягчены» мною). Вот уже два доктора сказали мне, что и В<е>ра Н<иколаевна>, — все равно, что бы у нее ни обнаружилось, — и я с моей мертвечей рукой и все усиливающейся «куриной слепотой» должны бы были поехать на поправление в Савойю или в Овернь хоть на месяц, — во Франции еще есть места, где еще всего вволю — и масла, и сыров, и баранины, и молока... И мы бы непременно поехали, если бы нашелся такой издатель. На всякий случай посылаю Вам книгу о Толстом, дайте ее, пожалуйста, какому-нибудь издателю, — просмотрите и, если найдете хоть сколько-нибудь полезным, дайте — на всякий случай. Если угодно, можно и сократить ее немного. В ней, помимо всего прочего, много просто новых сведений о Толстом, много черт его, еще никому не известных. Кое-что — 2–3 главы, думаю — можно напечатать и в журналах.

Ив. Б.

¹ Ср. выражение «сидеть на пище Святого Антония».

² Земляная груша, или топинамбур, — многолетнее кормовое клубненосное растение.

³ «Végétaline» широко рекламировалась в довоенной Франции как замена сливочного масла в кухне («*La Végétaline pour la cuisine vaut le beurre*» — лозунг на популярных по сей день у коллекционеров афишах работы именитых художников).

⁴ *Caporal ordinaire* — дешевые французские сигареты.

⁵ (*vin ordinaire* (франц.) — немарочное столовое вино.

⁶ См. примеч. 1 к № 8. В дневнике Бунина есть запись от 17 февраля 1942 г.: «Послал *avion-geomandé* мужу Веры *Wicander*» (РАЛ. MS.1066/534).

⁷ В архиве Шведской академии хранится машинописная копия благодарственного письма Бунина от 9 февраля 1942 г. к шведскому консулу в Марселе. 1 апреля 1942 г. Бунин пометил в дневнике: «2946 от шведского консула из Марсея» (РАЛ. MS.1066/535).

⁸ Старый друг Зурова по Риге Александр Толстой с конца 1938 г. оказался в Норвегии, и может быть, речь шла о связи с нейтральной Швецией через оккупированную Норвегию. Сохранившиеся письма Толстого к Зурову не проливают света на этот вопрос, ибо последнее из них относится к октябрю 1939 г. (РАЛ. MS.1068/3900).

⁹ В 1920-е — 1930-е гг. в Париже вышли следующие книги Бунина: «*Le Monsieur de San Francisco*» (1922), «*Le Village*» (1922/1934), «*Le Calice de la vie*» (1923), «*Le Sacrement de l'amour*» (1925), «*La Nuit*» (1929), «*L'Affaire du cornette Elaguine*» (1934), «*A la Source des jours*» (1935), «*Elle*» (1938), «*La Délivrance de Tolstoï*» (1939).

¹⁰ По законам военного времени из свободной зоны в оккупированный Париж разрешено было отправлять только открытки с напечатанным текстом в виде маленькой анкеты.

¹¹ После вступления США в войну в декабре 1941 г. связь через Португалию и Испанию была прервана.

¹² Речь идет об обращении Бунина к часто бывавшему в Швейцарии Я.Я. Гандшину: «чтобы он поискал мне издателя в немецкой Швейцарии» (дневниковая запись за 17 февраля 1942 г. РАЛ. MS.1066/534). 20 февраля 1942 г. проживающая в Каннах А.Н. Гандшина написала Буниной о получении открытки от Бунина и о том, что «Яша напишет в Германию <так.!?>» (РАЛ. MS.1067/2294). Попытки найти швейцарского издателя не имели результатов. О более ранних надеждах издаться в Швейцарии по-французски Бунин писал в дневнике 8 октября 1941: «Какой-то швейцар<ский> издатель <...> хочет издать на франц<узском> языке мою новую книгу. Вот было бы счастье!» (РАЛ. MS.1066/534).

¹³ Кускова Екатерина Дмитриевна (урожд. Есипова; в замужестве Прокопович; 1870–1958) — журналистка, общественно-политическая деятельница. После высылки из России в июне 1922 г. жила в Праге, с 1939 г. в Женеве. Бунин состоял с ней в переписке — см. письма Кусковой от 1930–1952 гг. (РАЛ. MS.1066/3460–3491).

¹⁴ Главы из книги Бунина «Освобождение Толстого» были впервые напечатаны в «Современных записках» (1937. № 63. С. 246–263) и «Русских записках» (1937. № 1. С. 93–129), в том же году вышло отдельное издание (Париж: YMCA-Press, 1937). Французский перевод М.Л. Слонима вышел в 1939 г.

10

30 апреля 1942 г. Грасс

En russe

Villa Jeannette

Grasse, A<lpes> M<aritimes>.

Le 30 avril 1942

Дорогой Сергей Анатольевич, получил Ваше (как всегда, сердечное) письмо от 16 Апр<еля>. Я Вам тотчас же ответил открыткой-avion на Ваше предыдущее письмо, прося Вас известить меня, в какой форме я должен дать Вам доверенность: Вы этой открытки, значит, не получили. Теперь посылаю Вам доверенность, составленную в меру моего умения. Думаю, что она годится. Совсем не надеюсь, что кто-нибудь возьмет мою книгу, но «попытка не пытка», — мне все равно нечего терять. Очень благодарю Вас за лестный отзыв о книге¹ — и немножко дивлюсь: где же Вы нашли ее русский текст? Что до французского текста, то пишу г-же Mahler² в Швейцарию, спрашиваю ее, послала ли она Вам книгу по-французски? Если послала, то, очевидно, тоже не дошла — и pošлю Вам от себя. Французских рецензий³ у меня нет — все осталось в Париже. А как мы живем, не хочется и говорить. Вера Ник<олаевна> все лечится, ей как будто немного лучше, но питать ее, увы, не на что, и она все худеет и слабеет. Сердечный привет Вам от нее. Я горячо жму Вашу руку.

Ваш Ив. Бунин.

A Monsieur Serge de Cyon
Kungsklippan, 22
Stockholm
Suède

De la part de Monsieur Jean de Bounine (Ivan Bounine)
Villa Jeannette
Grasse, A<Ipes> M<aritimes>.

Cher Monsieur et Ami,

Permettez-moi de Vous autoriser par la présente de mener avec les éditeurs suèdois les pourparlers relatifs à la publication de mes livres en traduction suédoise faite par Vos soins. Je Vous autorise également de signer en mon lieu et place des contrats avec les dits éditeurs en m'avisant de leur contenu et de défendre pour le mieux mes intérêts en cette occasion.

Je Vous prie d'agréer, cher Monsieur Cyon, l'expression de mes sentiments les meilleurs.

Le 30 avril 1942

Grasse, A<Ipes> M<aritimes>.

Vu pour légalisation de la signature du Mr Jean de Bounine
Jean de Bounine (Ivan Bounine, Prix Nobel)

Ci-contre

Grasse,

Le 30 avril 1942

Le Maire

Pour le Maire l'adjoint Délégué

Stamp de la ville de Grasse, Alpes Maritimes

Riktighetan av avskripten fran orijinalet vidimeras⁴

Перевод с французского:

Господину Циону

Кунгсклиппан 22

Стокгольм

Швеция

Со стороны господина Ивана Бунина

Вилла «Жаннет»

Грасс, А.М.

Разрешите мне настоящим письмом уполномочить Вас вести с шведскими издателями переговоры, касающиеся публикации моих книг в

шведском переводе, устроенном Вашими усилиями. Я также уполномочиваю Вас расписываться за меня на договорах с данными издателями, известив меня о содержании договоров, и защищать, как можете, все мои интересы.

Я Вас прошу, дорогой господин Цион, принять мои самые лучшие пожелания.

Заверяю подпись господина Ивана Бунина (Лауреат Нобелевской премии)

Здесь

Грасс

30 апреля 1942

Мэр

Подпись уполномоченного заместителя мэра

Печать города Грасс, Приморские Альпы

¹ Речь, видимо, идет о книге «Освобождение Толстого», которую Бунин сам послал Циону (см. № 9).

² В военные годы и после войны Бунина переписывалась с преподающей славянскую филологию в Базельском университете Эльзой (Елизаветой) Эдуардовной Малер (1882–1970) (о ней см. письмо Буниной к М.С. Цетлиной от 15 декабря 1940 г. — Минувшее. Вып. 8. 1989. С. 294–295), но в сохранившихся письмах от Малер — обращение Бунина к ней не упоминается (РАЛ. MS.1067/4087–4126).

³ Видимо, Цион просил Бунина прислать французские рецензии на его книги для переговоров с издателями.

⁴ Подлинность копии с оригинала подтверждается (*швед.*).

11

2 мая 1942 г. Грасс

Villa Jeannette

Grasse, A<lpes> M<aritimes>.

En russe

2.V.42

Дорогой Сергей Анатольевич, вчера послал Вам *заказным avion*’ом письмо с доверенностью¹ моей на Ваше имя, засвидетельствованной в мэрии. Нынче получил Ваш *avion* и рад, что французский текст дошел до Вас. Повторяю, что французских рецензий у меня нет здесь — все осталось в Париже. Скажу только, что в них говорилось, что в моей книге «превосходно» дано о Толстом все: его жизнь, учение, живой образ... А вот из письма поистине знаменитого писателя André Gide от 11 сент<ября> прошлого года из Ниццы: «*Mon cher Ivan Bounine, j’ai lu votre livre sur Tolston avec une attention soutenue et très vive: vous entrez dans l’être même de Tolstoi plus*

avant qu'aucun autre...»² Если нужно, сократите кое-что в моей книге при переводе.

Сердечно Ваш
Ив. Бунин

¹ См. № 10.

² «Мой дорогой Иван Бунин! Я прочитал вашу книгу о Толстом с большим вниманием и интересом: Вы глубже, чем кто-либо другой, уловили самую суть мировоззрения Толстого...» (*франц.*). Бунин достаточно произвольно сочетает и меняет фразы из письма Жида от 11 сентября 1941 г. (РАЛ. MS.1066/2775). Ср. также запись Андре Жида в дневнике от 10 сентября 1941 г.: «С большим интересом читаю книгу Бунина о Толстом. Он его прекрасно объясняет» (*Gide Andre. Journal 1939–1942. Paris, 1946. P. 155. Цит. по: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 384*). О взаимоотношениях Бунина с Андре Жидом см.: *Адамович Г. Table talk // Новый журнал. 1961. № 66. С. 85–87; Бунин в споре с Андре Жидом / Публ. А.К. Бабореко // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 380–387; Бахрах А. Бунин в халате. Bayville, 1979. С.34–38.*

12

10 июня 1942 г. Грасс

10.VI.42

Дорогой Сергей Анатольевич, мне все более и более стыдно, что Вы хлопчете обо мне и к тому же даром. Я Кюнцеля понимаю, кому сейчас нужен Толстой! (Не понимаю только того, почему он не хочет взять книгу моих новых рассказов. Что шведы были бы ими шокированы, это, конечно, вздор). Во всяком случае паки и паки благодарю Вас, что переводите. Написать Марике не могу решиться. Какое же может она дать предисловие? Представлять шведской публике меня, нобелевского лауреата, — уже ли есть смысл? Если же она просто поможет устроить книгу, буду очень ей признателен.

Обнимаю Вас, дорогой друг.

Ив. Б.

13

20 января 1943 г. Грасс

20.I.43

Cher Ami,

Voici un bien long temps que je reste sans avoir de vos nouvelles. Où êtes-vous et comment allez-vous? Écrivez-moi deux mots, je vous prie. Quant a nous

vous pouvez imaginer notre situation! Je suis dans l'impossibilité totale de correspondre avec mes éditeurs américains!

Votre très dévoué

Ivan Bounine.

Ville Jeannette

Grasse, A<lpes> M<aritimes>.

France

Перевод с французского:

Дорогой друг,

Уже довольно давно я не имею от Вас никаких новостей. Где Вы и как Вы? Прошу Вас, напишите мне два слова. Что касается нас, то Вы можете представить наше положение! У меня сейчас нет никакой возможности переписываться с моими американскими издателями!

Искренне Ваш,

Иван Бунин

14

5 августа 1943 г. Грасс

En russe

5.8.1943

Дорогой Друг, где Вы? Писал Вам зимой два раза — видно, письма не дошли. Пишу опять — наудачу. Надеюсь, что Вы благополучны. А мы гибнем и гибнем. Нищета предельная, голод полный. Есть Шведское Консульство во Франции — Consulat Royal de Suède, Cahor (Lot), France. Узнал, что оно кое-кому из шведов помогает посылками. И так как я в некотором роде тоже швед — ибо Prix Nobel — то нельзя ли и мне получать такие посылки (продовольственные) — за плату, разумеется? Мысль безумная — знаю — но «утопающий»... и т.д.

Обнимаю Вас сердечно и все еще не теряю надежды, что вдруг получу от Вас два-три слова.

Ваш Ив. Бунин

Villa «Jeannette»

Grasse, A<lpes> M<aritimes>¹.

¹ Цион послал перевод № 14 на шведский язык в Шведскую академию, которая 23 сентября 1943 г. решила выплатить Бунину 1500 франков (Архив Шведской академии, Стокгольм). Возможно, благодаря хлопотам Циона Бунин уже получил го-

раздо более крупную сумму осенью 1942 г.; 3 июля 1943 г., производя расчеты в дневнике, Бунин записал: «13.XI.42 получил из Швеции 8600 с чем-то» (РАЛ. MS.1066/535).

15

14 декабря 1943 г. Грасс

Villa Jeannette
Grasse, A<Ipes> M<aritimes>.
En russe
14.XII.43

Mon cher traducteur et ami¹, на этих днях я получил 16 коробок рыбных консервов — из Португалии. Думаю, что это по приказу из Швеции и благодаря Вашим добрым заботам обо мне. Паки и паки сердечно благодарю Вас — и поздравляю с наступающими праздниками, к чему присоединяется и жена моя.

Преданный Вам
Ivan Bounine,
Ив. Бунин

¹ Мой дорогой переводчик и друг (*франц.*).

16

10 января 1944 г. Грасс

Villa Jeannette
Grasse, A<Ipes> M<aritimes>.
En russe
10.I.1944

Cher ami, получил Вашу открытку от 12 декабря. Писал Вам уже давно, что получил, благодаря Вам, 1500 фр<анков> и 1900 фр<анков>. То, что мне отправлено, как Вы пишете, 15 дек<абря> (приблиз<ительно> 3800 фр<анков>), еще не получил. То, что Вы ничего не берете себе за перевод, меня очень мучит — *я не могу допустить, чтобы Вы работали для меня даром*. Вы спрашиваете: посылки или деньги? Отвечаю: то, что Вам удобнее и надежнее. Из посылок получил (как уже писал Вам¹) 16 коробочек рыбок (из Португалии — очевидно, от Вас). Затем на днях: три коробочки томатного соуса, тоже из Португалии (от кого? от Вас тоже?) и, наконец, довольно большую посылку от Шведск<ого> Кр<асного> Креста² из Мар-

селя (тоже не знаю, благодаря кому? очевидно, Вам). Что послал Wicander, не знаю.

Обнимаю и поздравляю с Новым годом.

Ваш Ив. Бунин

Холодно! Очень страдаю от болей в руках — ревматизм.

¹ См. № 15.

² 4 января 1944 г. Бунин записал в дневнике: Ездил на вокзал P<aris—>L<yons—>M<arseilles> — Псылка от Шведск<ого> Кр<асного> Креста» (РАЛ. MS.1066/535). В следующие недели Бунин еще несколько раз получал посылки, фиксируя это в дневнике — 27 января 1944 г.: «Получил 2 шведск<ие> посылки — 50 кило картошек и посылку от какого-то Beskow'a из Швеции»; 11 февраля 1944 г.: «Получил посылку Шведск<ого> Кр<асного> Креста» (РАЛ. MS.1066/535).

17

27 июля 1944 г. Грасс

Villa Jeannette

Grasse, A<Ipes> M<aritimes>.

27.7.1944

Cher ami, reçu aujourd'hui votre carte du 5.7. je suis desolé — je vous ai envoyé depuis le 5 février deux cartes et une lettre¹. J'ai reçu tout — trois colis de la Croix Rouge, 3 000 fr<an>cs — etc. Je vous écris aujourd'hui en détail et je vous embrasse très cordialement.

Votre dévoué

Ivan Bounine

Перевод с французского:

Дорогой друг,

Сегодня я получил Вашу открытку от пятого июля. Я расстроен — после пятого февраля я Вам послал две открытки и письмо. Я получил все — три посылки от Красного Креста, 3000 франков и пр. Я Вам напишу сегодня же подробнее и дружески обнимаю Вас.

Преданный Вам

Иван Бунин

¹ Эти послания не сохранились.

31 августа 1945 г. Париж

1, Rue Jacques Offenbach
En russe
31.VIII.1945

Дорогой Сергей Анатольевич, уже давно получил Вашу *carte postale*¹ и тотчас ответил. Но с тех пор от Вас ни слова — верно, Вы не получили моей открытки? М<ожет> б<ыть>, Вас нет в городе — где-нибудь отдыхаете? Пишу на этот раз заказным и повторяю то, что писал уже Вам. Рад был очень вести от Вас; спрашивал, как Ваше здоровье и вообще как Вы живете и что делаете; от Gebers никаких денег *не* получал; давняя посылка пропала; получил извещение из Стокгольма (от Nisse Johannison Citypalatset²) от 30 июня, что мне послана еще посылка, но это извещение переслали мне из Грасса, куда, конечно, пошла и посылка — и где, очевидно, она и осталась, несмотря на мое письмо в Марсель в Croix Rouge Suèdoise³, что я теперь в Париже⁴; помогите, дорогой, получить деньги от Gebers'a; у меня целых две книги новых рассказов⁵, еще не изданных; рад был бы переводу их в Швеции.

Обнимаю Вас
Ваш Ив. Бунин.

¹ почтовую открытку (*франц.*).

² Citypalatset (Дворец города (*швед.*)) — торговый центр в Стокгольме, в котором находилась контора лесоторговца Н. Йоханнисона.

³ Шведский Красный Крест (*франц.*).

⁴ Бунин вернулся из Грасса в Париж 3 мая 1945 г.

⁵ В то время «Темные аллеи» еще не были напечатаны в полном виде. Под второй книгой рассказов Бунин, вероятно, имел в виду рассказы, не вошедшие в сокращенное издание (Нью-Йорк: Новая земля, 1943).

12 сентября 1945 г. Париж

12.IX.1945
1, Rue Jacques Offenbach
Paris 16-e

Дорогой Сергей Анатольевич, получил Ваше письмо от 7/IX.45 со всеми отчетами и квитанциями, снова и снова горячо благодарю Вас за все заботы обо мне! Позавчера послал Вам новую доверенность заказным авионом.

Чрезвычайно огорчен Вашими болезнями, дай Бог, чтобы грудная жаба не беспокоила Вас и операция, если она будет, прошла благополуч-

но! Очень грустно и то, что Вы нуждаетесь. Мои дела тоже очень плохи. В июне я устроил в Париже вечер¹ чтения моих новых рассказов, затем продал одному новому франц<узскому> издательству четыре моих книги (три старых, для переиздания, и одну новую, ту, о которой я Вам писал, — общее заглавие ее, т. е. рассказов, ее составляющих, — «Темные аллеи»²): и то, и другое дало мне заработок, который мог бы считаться не плохим в прежнее время, но не теперь, когда жизнь здесь очень дорога и не может обойтись, кроме того, без черной биржи, а на черной бирже пакет самых скверных папирос, стоивших прежде 1 фр<анк> 75 сантимов, стоит 100 фр<анков>, кило масла 600 фр<анков>, селедка — 120 фр<анков>, кило мяса — 400 фр<анков> и т.д. прибавьте к этому, что я начал выплачивать свои долги, а у меня их 91 тысяча франков! (за одну виллу в Грассе, на которой я жил, и хозяйка которой англичанка³ жила в годы войны в Англии, 61 тысяча!). Как видите, я буду страшно рад, если Вы мне устроите новые издания моих книг на шведском языке (*с отчислением, конечно, некоторого процента в Вашу пользу за Ваши хлопоты*). Вы мне прислали отчет Gebers'a от 27 мая 1944 г., по которому мне причитается 286 крон*: я этих денег не получал, да думаю, что *сейчас*, при таком низком официальном курсе на кроны, мне и не нужно их посылать — лучше подождать, не правда ли? Пусть эти кроны пока полежат в Швеции. (Напишите мне, разделяете ли Вы мое мнение насчет этого). Напишите еще, пожалуйста, можете ли Вы устроить перевод⁴ моей новой книги («Темные аллеи»)? Я сам ни Gebers'у, ни другому издателю не буду предлагать ни переизданий, ни издания новой книги: прошу Вас (как сказано выше) войти в сношение по этому делу, если это Вас не затруднит. А насчет издания меня в Швеции *на русском языке* — я этого что-то не понял: для кого *эти* издания — для Швеции или для посылки в Россию? И на каких условиях? И т.д.

Сердечно Ваш
Ив. Бунин

P.S. Вы пишете, что рукопись можно послать с пароходом из Sète'a. Но Густав Нобель⁵, кажется, в Париже — м<ожет> б<ыть>, лучше через него? (Как и все прочее?)

¹ Закрытый вечер Бунина, на котором он прочел свои последние произведения, состоялся 19 июня 1945 г. в Salle Chopin-Pleyel (Советский патриот. 1945. 29 июня).

² Сохранился заключенный в 1945 г. договор с Пьером Кайе (Caillé), владельцем парижского изд-ва «Editions du Pavois» об издании книг «La Calice de la vie», «La <так?> Cornette Elaguine», «Le Monsieur de San Francisco» и «Les Allées sombres» (РАЛ. MS.1066/2093). Эти издания не состоялись, и «Темные аллеи» так и не появились на французском языке при жизни Бунина. (Подробнее об этом см.: Диаспора. Вып. 3. 2002. С. 614).

* Вы пишете еще о каких-то 190 кронах: это особо?

³ С конца сентября 1939 г. до своего возвращения в Париж в конце апреля 1945 г. Бунины жили на вилле Жанетт, принадлежавшей англичанке, уехавшей в начале войны на родину. Вернувшись после войны из Англии, она «потребовала заплатить все *в один месяц*, между 20 ноября и 15 декабря!» (письмо Бунина к Алданову от 14 ноября 1945 г. — Новый журнал. 1983. № 150. С. 187).

⁴ После 1933 г. до смерти Бунина на шведском вышла лишь одна его книга — «Митина любовь. Чаша жизни», второе издание перевода Сигурда Агрелла (Sigurd Agrell). Осуществил это издание в 1950 г. не «Gebbers», а «Tiden».

⁵ Нобель Густав Людвигович (Gustaf Oscar Ludvig Nobel; 1886—1955) — купец, младший (восемнадцатый) сын Людвига Нобеля (брата Альфреда).

20

5 октября 1945 г. Париж

1, Rue Jacques Offenbach
Paris 16-e
En russe
5.X.45

Дорогой Сергей Анатольевич, уже очень давно послал Вам заказными авионами два письма, в одном из которых была доверенность на Ваше имя!: получили ли Вы письма? И есть ли надежда на переиздание моих книг по-шведски?

23 октября, т. е. через 18 дней, *мне исполнится 75 лет*: может быть, следует дать в шведские газеты заметки об этом² — для оживления интереса ко мне (и для некоторой материальной помощи мне)? — Недели 3 тому назад получил от Gebbers'a около 200 крон, за кои мне выдали — страшно и стыдно сказать! — всего 2 400 фр<анков>! Не надо было посылать, надо было подождать более благоприятного случая!

Как Ваше здоровье? Жду известий от Вас и сердечно приветствую.

Bien a Vous

J. Bounine.

¹ См. начало № 19.

² Цион исполнил просьбу и 24 октября 1945 г. к юбилею Бунина опубликовал статью о нем в газете, которая выходила под разными названиями в двух городах — «Härnösands Posten» и «Solleftee Bladet». Текст статьи ниже приводится целиком (перевод со шведского М. Линдстром):

Ивану Бунину 75 лет, он празднует в нищете

23 октября Ивану Бунину исполнилось 75 лет. Он единственный из уцелевших великих русских писателей после смерти Дмитрия Мережковского, скончавшегося во время войны. К сожалению, имя Ивана Бунина не стало в Швеции популярным, несмотря на то, что его собрание сочинений, вышедшее после присуждения Нобелевской премии, распродано. Как человек Бунин застенчив и скромный. К тем, кому удастся войти в его доверие и стать его другом, он навсегда сохраняет дружеское отношение. Во время войны Бунин после бегства из Парижа потерял все свои сбережения, а также все свои рукописи, нуждался и терпел лишения.

На Ривьере, где ему удалось снять дом у одной англичанки, уехавшей в Англию, часто случались дни, когда у Бунина не было даже хлеба и дров, чтобы отапливать комнату, в которой он жил с женой. Бунин, имевший ранее большой доход от своих книг и своего состояния, стоически перенес все испытания. Единственный раз он обратился к миру с жалобой, когда заболела его жена — у нее открылась язва из-за очень плохого питания, какого не знал даже святой Антоний. Тогда, как известно, Шведская Академия с помощью Шведского Красного Креста заступилась и спасла Бунина и его семью от гибели.

Сейчас он снова живет в Париже и написал новую книгу «Темные аллеи», вышедшую во французском издательстве, готовится и новая книга. Но материально Бунину еще очень трудно. Несмотря на все потери и трудности, Бунин философски относится к человечеству и происходящим событиям и не допускает ненависти в своем сердце к тем, кто его всего лишил.

21

8 октября 1945 г. Париж

1, Rue Jacques Offenbach
Paris 16-e
8 окт. 45

Дорогой Сергей Анатольевич, получил Ваше письмо от 26 сент<ября>. Опять и опять благодарю Вас за все Ваши заботы обо мне. Простите, что послал Вам доверенность для новых переговоров насчет переиздания моих книг по-шведски, хотя я тут не виноват: ведь Вы сами просили меня прислать Вам ее. То, что Кюнцель не желает переиздавать *сейчас* <меня>, как писателя-эмигранта, очень странно — вот в Москве продолжают издавать меня и сейчас, — я только на днях прочел в московской «Литературн<ой> газете» об еще одном новом издании моих избранных произведений¹ (что делается, как и прежде, без всякой платы мне). Но Бог с ним, с Кюнцелем; сделайте одолжение, пришлите адрес другого шведского издателя, — есть какой-то крупный и старинный шведский издатель², который когда-то ко мне сам обращался и которого я забыл фамилию: я сам ему напишу, раз Кюнцель отказался.

Ваш Ив. Б.

Напишу и Кюнцелю, чтобы он *официально* отказался.

¹ См.: План Гослитиздата. Беседа с директором издательства Ф. Головенченко // Литературная газета. 1945. № 29 (1140). 7 июля. С. 1: «Кроме собраний сочинений план этого года предусматривает выпуск 14 однотомников <...>; а также сборники избранных произведений Боратынского, Брюсова, Бунина, Кольцова, Маяковского, Рылеева, Тютчева, Фонвизина». 11 октября 1945 г. Бунин писал то же самое Алданову, добавляя: «Было в “советских” газетах (весной) еще известие, что выходит академическое издание моих сочинений» (Новый журнал. 1983. № 150. С. 182–183). Историю предполагаемого переиздания избранных дореволюционных произведений Бунина (а потом и некоторых его недавних произведений) в СССР можно

проследить по публикации его послевоенной переписки с Н. Д. Телешовым: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 624–638.

² Имеется в виду шведский издатель Карл Отто Боньер (Karl Otto Bonnier; 1856–1941), директор издательства Bonniers, отец Тора Боньера (Tor Bonnier; 1883–1976), унаследовавшего издательство.

22

15 октября 1945 г. Париж

1, Rue Jacques Offenbach
Paris 16-e
15.X.45

Дорогой Сергей Анатольевич, получил Вашу открытку от 10 окт<ября>. Недавно ответил Вам на Ваше письмо о Кюнцеле¹: не хочет переиздавать — ну, и не надо. В некоторой связи с этим мне кажутся и заметки о моем 75-летию, о которых я Вас просил²: м<ожет> б<ыть>, шведские газеты смотрят теперь на меня так же, как Кюнцель, и потому не беспокойтесь и о заметках: не стоит их давать. Повторяю только просьбу сообщить мне как-нибудь, когда будет свободная минута, название и адрес самого крупного шведского издательства, название которого я забыл³. Österling⁴ я написал.

Сердечно жму Вашу руку.

Ваш Ив Бунин

¹ См. № 21.

² См. примеч. 2 к № 20.

³ См. примеч. 2 к № 21.

⁴ Anders Österling (1884–1981) — шведский поэт, долголетний член Нобелевского комитета Шведской академии, активно поддерживавший кандидатуру Бунина при присуждении Нобелевской премии. 10 ноября 1933 г. он представил нового лауреата шведским читателям, опубликовав большую статью о Бунине в газете «Svenska Dagbladet».

23

5 ноября 1945 г. Париж

5.XI.45. Париж

Дорогой, добрый друг Сергей Анатольевич, получил Ваши письма от 20 и 29 окт<ября> и вырезки¹ — за все горячо, от всей души благодарю. Вера Ник<олаевна> шлет Вам тоже свою благодарность и сердечный привет. Недели три тому назад получил посылку Шведск<ого> Кр<асного> Креста, которая шла несколько месяцев, — застревала в Барселоне. Если, благо-

даря Вам, получу еще, буду, конечно, очень рад. Что до денег, о которых Вы пишете, что Вам, может быть, удастся собрать, то лучше всего поберегите их пока у себя, — скоро курсы улучшатся. Beskow'y² посылаю заказной авион. Наведу справки, можно ли послать что-нибудь из моих рукописей при помощи Густава Нобеля. Только что пришло письмо от Кюнцеля:

«Monsieur Bunin, voici notre sanction que vous avez toutes les libertés de disposer en Suède des droits de vos œuvres. För Hugo Gebers Förlag A.B. Göran Z. Haeggström»³ (и еще чья-то неразборчивая подпись рукой). Насчет издательства Bonniers⁴ подумаю — неловко самому навязываться, но, м<о-жет> б<ыть>, напишу.

Как мы провели день моего рождения? Да очень буднично, — в Париже, слава Богу, о нем не знали. Теперь узнали — из американских газет — и в № «Рус<ских> нов<остей>», который выйдет в четверг 8 ноября, будет об этом напечатано⁵. Вышлю Вам этот № и постараюсь достать № 1⁶.

Дружески обнимаю Вас, дорогой мой.
Ваш Ив. Бунин.

¹ Цион послал вырезки своих статей из шведских газет о 75-летию Бунина, сохранившиеся в архиве (РАЛ. MS.1066/9558–9561).

² Natanael Beskow (1865–1953) — шведский писатель и педагог, автор эссе на религиозные темы, игравший важную роль в экуменическом движении.

³ «Господин Бунин, вот подтверждение, что Вы совершенно свободны распоряжаться в Швеции всеми правами относительно Ваших произведений. От А<кцио-нерного> О<бщества> издательства Хьюго Геберса — Йоран Хэггстрем» (франц.). Göran Z. Haeggström (род. 1914) был директором издательства «Almqvist & Wiksell/Gebers» в 1944–1974 гг. Оригинал письма сохранился (РАЛ. MS.1066/2746).

⁴ См. примеч. 2 к № 21.

⁵ См. газетное сообщение об этом: И.А. Бунин: К его 75-летию // Русские новости. 1945. 9 ноября. № 26.

⁶ Первый номер газеты «Русские новости» вышел 18 мая 1945 г. и был посвящен памяти П.Н. Милюкова. Трудно сказать, что именно в нем заинтересовало Циона, возможно, он просто хотел иметь полный комплект газеты, выходившей под тем же названием, под каким он выпускал газету в Швеции пятнадцатью годами раньше.

24

14 февраля 1946 г. Париж

1, Rue Jacques Offenbach
Paris 16-e
14.2.46

Дорогой Сергей Анатольевич, я почти полтора месяца пролежал в постели, начиналось воспаление легких¹ — и ничего не помню: не помню, извещал ли Вас, что получил «cadeau»² от г-жи Olga Lindbom³ — пять тысяч шестьсот шестьдесят шесть франков. На всякий случай — извещаю.

Что это? Откуда эти деньги и за что? Напишите. Это, конечно, Вы устроили? Обнимаю, благодарю. Больше не могу писать, еще очень слаб!

Ваш Ivan Bounine.

Как Вы поживаете?

¹ 20 декабря 1945 г. Бунин писал Алданову: «<...> в первый раз после трех недель в постели (очень порядочный грипп, чуть не воспаление легких) собрался с силами сесть в кресло»; а 26 декабря сообщил: «Я все еще болен, редко и с большим трудом выхожу, — все еще бронхит и ужасная одышка, слабость». Судя по его письму к Алданову от 26 февраля 1946 г., Бунин начал поправляться только в конце февраля (Новый журнал. 1983. № 150. С. 187, 189; 1983. № 152. С. 159).

² подарок (*франц.*).

³ Olga Lindbom (1890–1972) — гражданская жена и сотрудница Циона, работала в службе Социальной помощи церкви, помогая бездомным и нуждающимся.

25

21 апреля 1946 г. Париж

1, Rue Jacques Offenbach

Paris 16

21.IV.46

Дорогой Сергей Анатольевич, с Праздником!¹ Сердечно обнимаю Вас, В<ера> Н<иколаевна> шлет Вам свой привет.

Как поживаете? Здоровы ли Вы? Не помню, писал ли я Вам о себе: я месяца три был тяжело болен, начиналось воспаление легких²; я сейчас еще слаб ужасно. Не по мне парижский климат!

Ваш всегда

Ив. Бунин.

¹ Бунин пишет в день Пасхи.

² См. № 24.

26

5 августа 1946 г. Париж

5 авг. 1946 г.

Дорогой Сергей Анатольевич, получил Вашу открытку от 22 июля, получил Вашу открытку и от 11 июня и тотчас на нее ответил — тоже открыткой, которая, значит, до Вас не дошла¹. Я был очень рад, что болезнь Ваша прошла благополучно, и очень тронут Вашими новыми заботами обо мне. Не беспокойте себя, дорогой друг, — я кое-как верчусь. У меня расширение легких и затяжной бронхит, отчего я очень задыхаюсь при ходь-

бе, должен был бы, конечно, поехать хоть на месяц на какой-нибудь курорт, где эти болезни облегчаются, если не вылечиваются, но средств у меня на это нет, да что ж делать, все-таки, повторяю, мы кое-как живем. Можно было бы стать даже богатым, — мне уже твердо предлагали возвратиться в Россию, издаваться там², — но я на это не решился — слишком стар для того, чтобы столь резко ломать жизнь!

Книга моя по-французски еще не вышла, по-русски — тоже³. Посылаю Вам несколько рассказов в корректурных листах — если подойдет какой-нибудь из них для перевода*, буду доволен, но, раз Вы еще очень слабы после болезни и нуждаетесь, сделайте одолжение не торопиться с высылкой мне гонорара, если таковой будет (равно как и с переводом тех 50 крон, о которых Вы пишете): сосчитаемся, когда Вам будет материально легче.

Сердечно обнимаю Вас и передаю привет моей жены.

Ваш Ив. Бунин.

¹ Открытка не сохранилась.

² Предложения эти, по-видимому, исходили от сотрудников советского посольства, с которыми Бунин вступал в контакт после возвращения из Грасса в Париж в апреле 1945 г. Вопреки предположениям Н.Н. Берберовой, Г.П. Струве и некоторых современных исследователей, Бунин не мог принять участие в нашумевшем визите группы видных эмигрантов во главе с В.А. Маклаковым к советскому послу А.Е. Богомолу 12 февраля 1945 года, поскольку в то время находился в Грассе. О визите см.: *Будницкий О.В.* Попытка примирения // *Диаспора*. Вып. 1. 2001. С. 179–240. Однако осенью 1945 г. Бунин все же посетил посольство и имел беседу с А.Е. Богомолым, ни к чему, в сущности, не приведшую. Но слухи об остром желании Бунина вернуться на родину еще года два широко бытовали в эмиграции и породили целую литературу как противников, так и сторонников этой версии. См., в частности: *Bethea D.* 1944–1953: Ivan Bunin and the Time of Troubles in Russian Emigré Literature // *Slavic review*. 1984 (spring). Vol. 43. № 1. P. 1–16.

³ Речь идет о книге «Темные аллеи» (см. примеч. 3 к № 3), которая вышла в конце ноября 1946 (см. дневниковую запись Буниной за 2 декабря 1946 — РАЛ. MS.1067/416; Устами Буниных. Т. 3. С. 184). О несостоявшемся издании на французском языке см. примеч. 2 к № 19.

27

8 ноября 1946 г. Париж

8.XI.46

Дорогой Сергей Анатольевич,

Очень Вас благодарю — получил и поздравление¹, и 5 000. Концы «Дубков» и «Красавицы»² я Вам, очевидно, не дослал. Но «Дурочка» другое дело: она именно так и кончается — насчет улыбки ребенка³. На днях моя книга «Темные аллеи», в которую входят все эти рассказы, выйдет и

* Делайте какие угодно купюры.

по-русски, и по-французски (а вскоре и по-английски⁴) — тогда немедля пошлю ее Вам. Кроме того, поищу что-нибудь рождественское.

Желаю Вам, дорогой друг, здоровья — все-таки это самое главное, испытываю это на себе: мое дело совсем плохо — бронхит мой не проходит, задыхаюсь при ходьбе ужасно, доктора говорят, что мне необходимо уехать на юг месяца на 3, на 4, но об этом я и думать не могу: чтобы прожить в условиях приличных на юге такой срок, надобно истратить при теперешнем франке не меньше ста тысяч! (Один проезд туда и назад — от Парижа до Cannes и обратно — в спальном вагоне 2-го класса стоит теперь почти 10 тысяч.)

А меж тем дом наш опять не топят, началась поистине ужасная парижская зима, гриппы...

Сердечно обнимаю Вас, жена Вам шлет привет.

Ваш Ив. Бунин

¹ По-видимому, Цион поздравил Бунина с днем рождения 10/22 октября.

² «Дубки» (1943), «Красавица» (1940) — рассказы из книги «Темные аллеи», посланные Буниным Циону для перевода.

³ Рассказ «Дурочка» (1940) из книги «Темные аллеи» заканчивался абзацем: «Он был урод. У него было большое, плоское темя в кабаньей шерстке, носик расплющенный, с широкими ноздрями, глазки ореховые и очень блестящие. Но когда он улыбался, он был очень мил».

⁴ В английском переводе книга вышла лишь через три года: *Bunin Ivan. Dark Avenues and Other Stories* / Translated by R. Hare. London: Lehmann, 1949.

28

12 ноября 1946 г. Париж¹

12 ноября

Дорогой Сергей Анатольевич,

Saxon & Lindströms Förlag издало книжку², о которой Вы пишете, самовольно, но мы тогда были в Стокгольме и подняли маленький скандал, и издательство что-то заплатило мне. Вы говорите: не предложить ли ему мою новую книгу (которую Вы по ошибке называете «Осенние вечера», а она называется «Темные аллеи»). Не знаю, дорогой друг, Вам виднее, что это за издательство. Мне казалось — оно плохое. Не обратиться ли к Бонье³?

Сердечно обнимаю Вас.

Ваш Ив. Б.

Концы «Дубков» и «Красавицы» еще не нашел.

¹ Год установлен по содержанию.

² В 1933 г. издательство «Saxon & Lindströms» выпустило книгу Бунина под названием «Зеркало и другие рассказы» («Spegeln och andra noveller») в переводе на шведский Давида Белина (David Belin).

³ См. примеч. 4 к № 23.

29

18 октября 1946 г. Париж

1, Rue Jacques Offenbach
Paris 16
18.X.46

Дорогой Сергей Анатольевич, благодарю за приятное известие насчет моего рассказа¹. Уезжать мы никуда не собирались и не собираемся. Здоровье мое все хуже, я все больше задыхаюсь от расширения легких, очень боюсь парижской зимы без топки и с гриппами, должен был бы непременно уехать на юг или в горы, но я так беден, что и думать об этом не смею. И все-таки «домой» я не поеду ни за какие деньги. Как Ваше здоровье? Судя по Вашей открытке, Вы, слава Богу, сейчас благополучны как будто. Сердечно обнимаю Вас, В<ера> Н<иколаевна> Вам кланяется.

Ваш Ив. Бунин

¹ См. начало № 34 и примеч. 2 к нему.

30

10 января 1947 г. Париж

1, Rue Jacques Offenbach
Paris 16
10.I.47

Дорогой Сергей Анатольевич, простите поздний ответ, я опять пролежал недели две в постели и сейчас еще страшно слаб. Очень благодарю — посылку получил. Что до «Темных аллей», то текст их и по-французски, и по-английски такой же, как по-русски. Не подходит для Швеции? Ну и не надо. Хотя ведь можно было бы выбрать много рассказов вполне «приличных», а в некоторых сделать купюры...

Шлю Вам сердечный привет от себя и В<еры> Н<иколаевны>.

Ваш Ив. Бунин

31

7 февраля 1947 г. Париж

7.2.1947

Дорогой Сергей Анатольевич, я второй месяц в постели, очень простужен, гибну от кашля и т.д., поэтому простите, что так поздно отвечаю

на Ваше письмо от 14 дек<абря>. Благодарю Вас за все Ваши заботы и переводы. Посылку давно получил — будьте добры передать мою сердечную благодарность тем двум дамам¹, которые ее послали. «Темн<ые> аллеи» по-французски набраны, но еще не вышли из-за отсутствия бумаги, по-английски еще только переводятся. Но все равно — тексты и по-французски, и по-английски вполне те же, что и в русском издании — и Франция, и Англия смелее Швеции! «Молодая любовь» — хорошее заглавие². Сделайте сборник как хотите, но если он все же не годится для Швеции, что ж делать! Не хотят, не надо.

Сердечно Ваш
Ив. Бунин

¹ Не удалось установить, о ком идет речь.

² См. также № 34.

32

3 мая 1947 г. Жуан-ле-Пен

Villa Le Fournel
Chemin du Fournel
Juan-les-Pins, A<lpes> M<aritimes>.
France
3.V.47

Дорогой Сергей Анатольевич, я больше трех месяцев лежал в постели в Париже — было острое малокровие. Теперь я (до начала июня) на юге¹, поправляюсь, но очень медленно, слаб еще настолько, что вот едва пишу эти строки. Как Вы? Как здоровье? Напишите.

Сердечно Ваш
Ив. Бунин

P.S. «Темные аллеи» давно набраны и во Франции, и в Англии, но еще не вышли — нет бумаги². На днях продал эту книгу в Америку³.

¹ Весной 1947 г. Бунины провели два с половиной месяца (с 23 марта до начала июня) в Русском доме в Жуан-ле-Пен на Лазурном берегу.

² Об английском издании см. примеч. 4 к № 27. О несостоявшемся издании на французском языке см. № 19 и 27.

³ 23 февраля 1947 г. Бунин сообщил Алданову: «<...> какой-то америк<анский> издатель “Б. Г. Танко” или “Танько” желает издать “Темн<ые> аллеи” с авансом в 200 долларов» (Новый журнал. 1983. № 152. С. 171–172). Сохранился контракт нью-йоркского издательства «Rockport Press», подписанный 22 апреля 1947 г. Я. М. Цвибаком от имени Бунина и редактором издательства Борисом де Танко (РАЛ. MS.1066/4770). Предполагаемое издание не состоялось.

33

14 мая 1947 г. Жуан-ле-Пен

Villa Le Fournel

Juan-les-Pins, A<Ipes> M<aritimes>.

14.V.1947

Дорогой друг, очень, очень благодарю Вас за известие о деньгах, за Ваши неизменные заботы обо мне и *очень прошу Вас передать мою глубокую благодарность Нобелевскому фонду*¹. Ваше известие — большое утешение для меня — я совершенно разорен своей болезнью и *дикой* дороговизной жизни во Франции. *Подержите деньги пока у себя* — я скоро напишу Вам, как с ними поступить. Я еще очень слаб, но *к концу мая* возвращаюсь в Париж: жить здесь дольше мне уже не по средствам (почти прожил все, что получил авансом от американского издателя, купившего мои «Темные аллеи»²). Сердечно обнимаю Вас, дай Бог Вам здоровья!

Ваш Ив. Бунин.

¹ Нобелевский фонд (Nobelstiftelsen) — независимая от Шведской академии организация, распределяющая нобелевские деньги и организовывающая церемонии вручения премий.

² См. примеч. 3 к № 32.

34

23 июня 1947 г. Париж

23 июня 1947 г.

Дорогой Сергей Анатольевич, получил Вашу открытку от 20 июня. Как же эта госпожа не поняла, в чем дело?¹ Впрочем, и Вы, может быть, не поняли? *Если примет, возьмите с нее расписку в получении и пришлите мне заказным, пожалуйста.*

Очень благодарю, что Вы пристроили «Ворона»² и послали «Пароход Саратов» в Осло³. Вы пишете, что в начале июля увидите «с одним издателем». Это насчет издания книгой «Темных аллеи»? Определить, за какую сумму можно отдать их, не могу — не знаю теперешних условий шведских. Конечно, нужно, чтобы издатель платил с каждого проданного экземпляра, с его обложечной цены, не менее 10% и чтобы он дал приличный аванс — какой именно, не могу сказать, повторяю. Чем больше — тем лучше — торгуйтесь!

По-французски «Темн<ые> аллеи» все еще не вышли — набраны, исправлены, но задерживаются из-за недостатка бумаги. Все же обещает издательство вот-вот выпустить.

Вы мне когда-то — уже давно — прислали предполагаемое содержание «Темных аллей» для шведского издания и предполагаемое название этого сборника: «Молодая любовь»⁴, или «Чистый понедельник»⁵, или «Трактир на воде»⁶. По-моему, «Чистый понедельник» будет непонятно или скучно шведам, «Трактир на воде» тоже не заманчиво. «Молодая любовь» — ничего себе; но почему не назвать как русское издание и как будет озаглавлен сборник и во Франции, и в Англии, и в Америке (я туда тоже продал «Темные аллеи» недавно), и в Германии (там желает издать мюнхенский издатель Franz Ehrenwirth⁷) — т.е. именно: «Темн<ые> аллеи»? Это и красиво, и поэтично. *Очень стою за это именно название сборника.*

Что до предполагаемого Вами содержания сборника, то, по-моему, характер его нарушает «Обезьяна»⁸ — ведь весь сборник *о любви*, а «Обезьяна» совсем не к стати в нем. *Неприменно надо выкинуть и те 3 рассказа*, что Вы называете «Нормандскими легендами»: эти легенды тоже совсем «из другой оперы», кроме того, они не «нормандские», а «провансальские», а главное — *они не мои*: это только моя передача народных провансальских легенд, вольный перевод их⁹. Затем: годится ли для благочестивой Швеции «Антигона»? сомневаюсь. «Неприлична» и неинтересна и «Кума»¹⁰. *Взамен всего этого* возьмите из «Темных аллей» какие-нибудь другие рассказы.

Как всегда, горячо желаю Вам здоровья, дорогой друг.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Да, вот еще что: что это за рассказ «Молодая любовь»? Откуда он? Не вижу такого в «Темных аллеях».

Как я отношусь «к текущим событиям»¹¹? Это трудно сказать в письме!

¹ Не удалось установить, о ком идет речь.

² Шведским библиографам известна лишь одна публикация бунинского рассказа в переводе Циона — в 1947 г. рассказ «Чистый понедельник» был напечатан в журнале под названием «Den vita mendagen» (All Världens Berättare. 1947. № 2). Возможно, Циону удалось опубликовать свой перевод «Ворона» (а может быть, и еще каких-то упоминаемых в письмах Бунина рассказов) в провинциальной печати.

³ Обстоятельства обращения Циона в Норвегию не установлены, но ср. примеч. 8 к № 9.

⁴ Судя по всему, придуманное Ционом «тематическое» заглавие для предполагаемого сборника. См. об этом ниже, в постскрипуме Бунина к письму.

⁵ «Чистый понедельник» (1944) — рассказ из сборника «Темные аллеи».

⁶ Т.е. «Речной трактир» (1943) — рассказ из сборника «Темные аллеи».

⁷ О несостоявшемся немецком издании см.: Диаспора. Вып. 2. 2001. С. 540.

⁸ Рассказ «Про обезьяну»/«Молодость и старость» (1936).

⁹ Речь идет о трех из шести основанных на произведениях Фредерика Мистрала (1830—1914) «Провансальских пересказов», напечатанных в 1931 г. в газете «Последние новости» (7 января. № 3577; 28 июня. № 3749; 25 декабря. № 3929): «Звезды», «Мэтр всех мэтров», «Тараскон», «Юный пилигрим», «Волхвы», «Святочный вечер».

¹⁰ «Антигона» (1940), «Кума» (1943) — рассказы из сборника «Темные аллеи».

¹¹ Из контекста неясно, какие именно события имел в виду Цион. Возможно, речь шла о расколе в парижском Союзе русских писателей и журналистов. См. о нем. примеч. 3 к письму Адамовича Бунину от 25 мая 1947 г. (наст. изд.).

ПИСЬМА
И.Ф. НАЖИВИНА К И.А. БУНИНУ
(1919–1920)*

Публикация Вима Кудениса и Ричарда Дэвиса **

История взаимоотношений Бунина и Наживина в общих чертах уже описана нами в предисловии к публикации: И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка / Предисл. В. Кудениса. Письма Наживина — публ. и примеч. Р. Дэвиса и В. Кудениса. Письма Бунина — публ. и примеч. Н.Н. Примочкиной и Р. Дэвиса // *С двух берегов*. С. 277–326. Биография Наживина была дана в предисловии к другой публикации того же сборника: М. Горький и И.Ф. Наживин. Переписка / Вступ. ст., публ. и примеч. Н.Н. Примочкиной // *С двух берегов*. С. 617–664. См. также другие работы о Наживине: *Куденис В.* Иван Наживин в Бельгии // *Российский литературоведческий журнал*. 1994. № 4. С. 196–199; — то же: Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П. Чельшева, Д.М. Шаховского. М.: Наследие, 1994. Т. 2. С. 265–271; *Куденис В.* Похождения русского клеветника Ивана Наживина в Бельгии // *Slavica Gandensia*. 1994. Vol. 21. S. 67–75; *Трущенко Е.Ф.* Наживин Иван Федорович // *Писатели русского зарубежья*: В 3 ч. / Гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: ИНИОН, 1994. Ч. 2. С. 139–143; — то же: *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940*. <Т. 1:> Писатели русского зарубежья. М.: РОССПЭН, 1997. С. 280–282; *Трущенко Е.Ф.* Наживин Иван Федорович // *Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции, первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь* / Под общ. ред. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997. С. 446–448; *Полякова С.Г.* Наживин Иван Федорович // *Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь*. Т. 4. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 216–218; *Coudenys W.* Onedelachtbaren! Het weerspannige leven van Ivan Nazjivin, Rus, schrijver en emigrant <Неглубокоуважаемые! Спорная жизнь Ивана Наживина, русского писателя и эмигранта>. Antwerpen, 1999; *Coudenys W.* Een Russische pulpschrijver in Belgische

* Письма И.Ф. Наживина публикуются с разрешения Vera da Vinci (West).

** © Wim Coudenys, Richard Davies, 2004

ballingschap. Ivan Nazjivin: de biografie van een onuitstaanbare vent // *Biografie Bulletin*. 1997/1. S. 54–60; *Coudenys W.* De twee Ivans of Het Schandaal // *Tijdschrift voor Slavische Literatuur*. 1999. Vol. 23. S. 13–22.

В сборнике «С двух берегов» были опубликованы 20 писем Наживина Бунину 1920–1922 гг. Здесь публикуются еще семь писем Наживина Бунину, также хранящиеся в Русском архиве в Лидсе (РАЛ. MS. 1066/3977–3983). Письма на первый взгляд вполне бытовые, однако в них так или иначе отразились существенные нюансы событий той эпохи: жизнь на юге России после бегства из революционных столиц, отъезд в эмиграцию и попытки вжиться в новую ситуацию.

Письма печатаются впервые по оригиналам. Сохранены индивидуальные особенности авторского написания и пунктуации, за исключением старой орфографии. Восстановленные конъектуры и прочая редакторская правка даются в угловых скобках.

Ценную помощь при подготовке публикации оказали М. Климова и Й. Вацек (Прага).

1

1 февраля 1919 г. Одесса

Уважаемый Иван Алексеевич,

Сейчас уезжаю за семьей¹. Удастся ли пробраться назад, не знаю; если удастся — поеду на Кубань работать². Пожалуйста, поберегите хорошенько мою рукопись — это для меня дороже денег. Это — конец моего двухтомного труда, воспоминаний³. Еще раз умоляю Вас: пишите записки. Только попробуйте — Вы увидите, что это так увлекательно, что никакая работа не в состоянии отвлечь от записок; стоит только начать⁴.

Если удастся вернуться, думаю дать ряд рефератов о нашей революции. Сердечно жму Вашу руку. Низко кланяюсь Вашей жене⁵.

Уважающий Вас

Ив. Наживин

1 февр. 1919 г.

Публикуется по автографу: РАЛ. MS.1066/3977. Отправлено внутри Одессы.

¹ Семья Наживина состояла из жены Анны Ефимовны (урожд. Зусман; 1877–1954) и четверых детей: Ольга (1907–1965), Елена (1909–1986), Лев (1912–1974) и Вера (1914–1997). Наживин оставил их у своего шурина в Казатине, отправляясь искать жилье на юге России.

² Опасения Наживина оправдались — из Казатина в Одессу он добирался более 4 дней (вместо 10 часов в обычных обстоятельствах). К тому же надо было достать пропуска у всех местных правителей, т.е. петлюровцев на Украине, революционных комендантов около Одессы, французских оккупационных войск в самой Одессе. Остаться в Одессе Наживин не намеревался, потому что был уверен, что будет легче жить на Кубани, оккупированной армией А.И. Деникина. Он и Буниным советовал устроиться там (см. дневниковую запись В.Н. Буниной за 30 декабря 1918/12 января 1919 г. — РАЛ. MS.1067/353; Устами Буниных. Т. 1. С. 204). Вернувшись-

таки в Одессу, Наживин сразу поехал дальше, в Геленджик (см. № 2), где жил до войны, так как в Одессе вспыхнула эпидемия сыпного тифа.

³ Речь идет о книге «Накануне» (Вена: Русское творчество, 1923), охватывающей период с 1910 г. до Февральской революции 1917 г., и о «Записках о революции» (Вена: Русь, 1921), описывающих события с февраля 1917 г. до отъезда Наживина из России в начале 1920 г.

⁴ Сам Наживин постоянно вел дневник, который либо издавал как таковой: «Красные маки: Мой дневник» (М.: Зеленая палочка, 1912); либо брал как основу томов своей автобиографии: «Моя исповедь» (М.: Зеленая палочка, 1912), «Среди потухших маяков: Из записок беженца» (Берлин: Икар, 1922) (а также указанные в примеч. 3 книги) или использовал в сборниках афоризмов: «Вечерние облака: Книга тихого раздумья» (М.: И.Н. Кушнерев, 1916), «Интимное: Книга тихого раздумья» (Берлин: Икар, 1922).

⁵ У Наживина описка: сестре.

2

Осень 1919 г. Геленджик

Дорогой Иван Алексеевич, — Все поджидал от Вас письма, но ничего нет. Я по-прежнему усиленно стремлюсь за границу работать и отдыхать одновременно. Думаем затевать там большое издательское дело: в России это кончено, видимо, надолго: те серенькие книжечки, которые здесь с таким великим трудом выпускаются, конечно, не дело. Как Вы думаете теперь о поездке туда? Вероятно, как и все, испытываете большие валютные затруднения. Мы их, кажется, обойдем, взяв с собой большое количество товаров, которые вывезти нам, кажется, разрешат. Если бы Вы были поближе и с Вами легче было бы сноситься, и Вас легко можно было <бы> взять в компанию. Сперва думали мы ехать чрез Одессу, но потом, как видится, придется ехать на Константинополь—Триест или Марсель. Только бы скорее добраться туда и заняться делом. Там П.И. Бирюков и Н.А. Рубакин уже наладили небольшое издательство¹, но все это довольно кустарно, — надо ставить большую машину.

Посылаю Вам для Вашего сборника или журнала еще один свой рассказ «Великий Магистр Ордена Архистратига Михаила»²: «буду рад, коли понравится, — не понравится, смолчу...»³. Но тогда возвратите его мне.

Жду от Вас весточки, а пока сердечно приветствую Вас. Ужасно тяжело думать, что впереди у нас здесь столько еще всяких передраг: дело упорно не налаживается.

Ваш Ив. Наживин

Геленджик

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/3978). Датируется по содержанию.

¹ Уже 28 ноября 1917 г. Наживин справлялся у библиографа Николая Александровича Рубакина (1862–1946) о возможности переехать в Швейцарию и основать

там издательство (ОР РГБ. Ф. 358. Оп. 256. Ед. хр. 45). С подобной просьбой он обратился и в Кремль, к Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу (1873–1955), который предложил Наживину ехать в Берлин в качестве помощника дипломата Адольфа Абрамовича Иоффе (1883–1927). От этого предложения Наживин отказался, ибо он стремился как раз в Швейцарию, где жил с женой в начале века. Как и Н.А. Рубакин, толстовец и биограф Толстого Павел Иванович Бирюков (1860–1931) долго жил в Швейцарии. Сведения об упомянутом издательстве не обнаружены. Планы Наживина не осуществились.

² Неизвестный рассказ Наживина, по-видимому, предлагался Бунину для одесской газеты «Южное слово», редактором литературного отдела которой тот стал в октябре 1919 г.

³ Цитата из посвящения поэмы Н.А. Некрасова «Коробейники» (1861).

3

14 апреля 1920 г. Прага

Praha.

Hôtel Excelsior,

№ 45,

J. Nagivine.

14/IV.1920

Мой адрес *до осени* (е<сли> б<уду> ж<ив>):

Bad Königswart,

(bei Marienbad),

Villa Franz Hauschka

Все поджидал от Вас ответа, дорогой Иван Алексеевич, но так как его все нет, то посылаю это письмо на имя г. Цетлина: может быть, Вы застряли где в пути...¹

Я до осени устроился в Чехословакии, наняв квартирку *a la campagne*², из 4 комнат. С едой здесь слабовато, но жить можно. Кажется, найдется и заработок. Во всяком случае здесь организуется большое чешское книгоиздательство для печатания русских книг. Капитал соберут, кажется, до 25.000.000 крон на это дело или, по-старому, 2.500.000, что весьма солидно, конечно. Издатели просили меня известить Вас, а чрез Вас и других писателей, меньшего калибра, чтобы Вы не торопились с контрактами на Ваши сочинения: чрез неделю все сконструируется и дело начнется. Платить, видимо, собираются прилично, — им не хочется, чтобы русские писатели ушли в немецкие руки. Обо всем этом и поставляю Вас в известность³.

А Вас почтительнейше прошу черкнуть мне, переслали ли Вы в «Грядущую Россию» мою «Вечную сказку» и «Жен» и что из этого вышло⁴. И вообще было бы весьма интересно узнать, какие перспективы открываются для нас в Париже. Особенно интересуют меня подробности о том деле, о котором писал гр. А.Н. Толстой⁵.

Надеюсь, Вы хорошо устроились и Ваши большие слезы, папаша, текшие от Одессы до Вены, пообсохли. Дай Вам Бог всего доброго. Сердечный привет Вере Николаевне.

Ваш Ив. Наживин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/3979). Наживины переехали из Белграда в Прагу в марте 1920 г. Семью Наживин устроил в Бад-Кёнигсварте (Königswart, недалеко от курорта Мариенбад (Mariánské Lázně)).

¹ Бунины приехали из Белграда в Париж 28 марта 1920 г. и остановились первое время у устроивших их приезд Михаила Осиповича (1882—1945) и Марии Самойловны (1882—1976) Цетлиных на rue de la Faisanderie.

² за городом (*франц.*).

³ Наживин надеялся, что Карел Крамарж (1860—1937), бывший министр-президент Чехословацкой Республики (1919) и бескомпромиссный антикоммунист, поможет ему создать издательство. Несмотря на глубокую веру Крамаржа в Белое движение (его проект русской конституции был частично опубликован: Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1920. С. 263—287) и на то, что он помогал Наживину с семьей (см. об этом в № 7), он отказался предоставить ему финансовые средства для литературных и политических изданий (см. письмо Крамаржа Наживину от 26 февраля 1920 г. — РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 77).

⁴ К этому времени журнал «Грядущая Россия» (Париж, 1920) уже прекратил свое существование (вышло только два номера). Пьеса Наживина «Вечная сказка» так и осталась неопубликованной и никогда не ставилась (о ней см. также № 4—5). Под «Женами», по-видимому, имеется в виду отрывок из книги воспоминаний Наживина «Милые тени» (Харбин: М. В. Зайцев, 1938), над которой он работал на протяжении почти 20 лет, публикуя отдельные фрагменты в сборниках «Каменная баба» (Берлин: Детинец, 1921), «Интимное» (Берлин: Икар, 1922) и «Перед катастрофой» (Мюнхен: Детинец, 1922).

⁵ А. Н. Толстой, Бунин и Куприн были главными участниками кооперативного издательства «Русская Земля» (Париж, 1920—1921), которым руководил деятель Земгора Тихон Иванович Полнер (1864—1935). С Толстым Наживин был знаком по сотрудничеству в Осваге на юге России в 1919—1920 гг. Письма Толстого к Наживину хранятся в РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 2. Ед. хр. 34; опубликовано два письма (1922, 1924): Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. / Вступ. ст., состав, подгот. текстов и коммент. А. М. Крюковой. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. С. 331—333; Т. 2. С. 8—9.

4

4 мая 1920 г. Бад-Кёнигсварт

4/V.1920

Дорогой Иван Алексеевич, — рад был получить Вашу открытку. Ради Христа, при оказии пошлите мне пьесу¹, раз ее напечатать нельзя, но, конечно, только заказной.

Здесь издательство наладилось уже. Дело солидное, с миллионами. Завтра выезжаю в Прагу толковать окончательно и тогда напишу и Вам. У меня они уже взяли мою книгу о революции в более полном, чем Вы знаете, виде

и будут печатать ее сразу по-русски, и по-чешски². Отношение к нам, русским людям и писателям, прекрасное, но — насколько я почувствовал, не знаю, верно ли... — ищут людей солидных, национально настроенных и с сектой «жидовствующих» едва ли будут много разговаривать*. Но, повторяю, это мое впечатление только, может быть, и ошибочное...

Самое лучшее Вам приехать по получении моего извещения лично. Встретят Вас, как должно, но надо знать, куда заявиться. С газетами обеими здешними³ — *entre nous soit dit!*⁴ — будьте поаккуратнее: что-то подозрительно пахнет... И вообще, не будете же Вы сидеть лето в Вашем фазаннике⁵!

Здесь, где я живу — это окрестности знаменитых Мариенбада, Карлсбада, Франценбада и пр., — очень хорошо, а особенно в этих чудесных немецких отелях. Вот бы Вам сюда на лето с Верой Николаевной собраться! Только с хлебом слабовато, но и то устраиваемся. С Прагой сообщение удобное, в час езды. Если сойдетесь, то не будете же за глаза печататься. И чудесно здесь для здоровья... Приезжайте.

Мой адрес:

Villa Fr<anz> Hauschka,
Bad Königswart,
(bei Marienbad),
Böhmen (т.е. Богемия).

Билет надо брать до станции Königswart. В отелях пока пусто.

Привет Вере Николаевне. Радуюсь, что поправились...

Ваш Ив. Наживин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/3980).

¹ См. примеч. 4 к № 3.

² Поскольку план создания издательства не осуществился (см. примеч. 3 к № 3), упомянутые издания не состоялись. Книга Наживина «Записки о революции» вышла на русском языке в венском издательстве «Русь» в 1921 г., а перевод на чешский язык старого приятеля Наживина Яромира Долежала (1883–1965) вышел под названием «*Rudá mlha na Rusi: Zápiski z revoluce*» («Красный туман над Россией: Записки о революции») в Праге в 1923 г.

³ В 1919–1920 гг. в Праге выходили газеты «Голос народа» и «Русское дело».

⁴ между нами говоря (*франц.*).

⁵ Намек на адрес Цетлиных в Париже (см. примеч. 1 к № 3): *faisanderie* — фазанник (*франц.*).

⁶ В апреле 1920 г., за несколько дней до чехословацких выборов, в чешской газете «*Narodné Listy*» появилась статья Наживина «Письмо чешскому народу», в которой он присоединялся к реакционным и панславистским идеям Крамаржа. Наживин также выразил убеждение, что евреи должны воздержаться от любого вмешательства в русскую политику. На письмо Наживина откликнулся в парижском еженедельнике «Еврейская трибуна» кадет Иван Ильич Петрункевич (1844–1928).

* Получил письмо от П. Н. Милюкова, который указывает, между прочим, что моя точка зрения на еврейский вопрос мне «здесь» очень повредила⁶. Замечательно!

На основании сведений, предоставленных Петрункевичем, бывший лидер кадетской партии и министр иностранных дел Павел Николаевич Милюков (1859–1943), а вслед за ним другой видный кадет и бывший посол России во Франции Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) отвергли предложение Наживина сотрудничать в начавшей выходить 27 апреля 1920 г. и впоследствии редактируемой Милюковым газете «Последние новости» (об этом см. недатированное письмо Милюкова Наживину и письмо Маклакова Наживину от 7 мая 1920 г. — РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 81, 88).

5

8 июня 1920 г. Бад-Кёнигсварт

8/VI.1920.
Königswart

Дорогой Иван Алексеевич, — большое спасибо за рукопись «Вечной сказки». Радуюсь, что осенью — (е<сли> б<уду> ж<ив>) — увижу ее на сцене... Ведь 9 лет работы!..¹

Так как Вы не отвечаете на письма, даже на деловые, то с большими слезами пишу Вам это, вероятно, последнее письмо, серьезность которого Вы, надеюсь, оцените в полной мере.

Я получил письма от В.А. Маклакова и П.Н. Милюкова, в которых оба определенно пишут мне, что мои выступления по еврейскому вопросу определенно повредили мне «здесь» — т.е., видимо, в кругах левой русской эмиграции². Здесь, за границей, существует целая серия «русских» газет, которые *искажают* лик России, фальсифицируют российское общественное мнение и уже начали травлю П. Н. Врангеля³. С великой радостью отметил я себе, что Вашего имени *нет* среди сотрудников «Последних известий»⁴ и вообще я не слышу, чтобы Вы выступали в каком-либо из этих подленьких листочков. Честь Вам и слава, хотя и понимаю, что — голодно... С другой стороны, по совету В.А. Маклакова, чтобы напечатать мой материал по революции, я обратился в «Slowo», к Гессену⁵. Почтенный г. Гессен, просмотрев один мой том, пишет мне, что так нельзя писать о революции, как пишу я, что надо освещать причины страданий русского народа (конечно, причины эти Столыпин, камарилья, неответственное министерство, черта оседлости и все, что полагается по забитому трафарету) и что, говоря о последних наших <событиях?> так, как говорю я (*и Вы*), мы «внушим пренебрежение к народу»! Дальше идти некуда: на защиту бедного русского народа от свирепого владимирского мужика, Ивана Федорова⁶, выступает г. Иосель Гессен!.. Доколе же терпеть, о, Господи!..

Вы знаете, я *не антисемит ни на иоту*, и я готов это сказать с высоты Arc de Triomphe⁷ всем, urbi et orbi⁸, но я полагаю, что вместе со многими уродствами «старого режима» умерло и то нестерпимое уродство, что от

имени русского народа его защитниками, вождями и истолкователями преимущественно выступали Айзенштадты и Гильденштерны. Я не хочу лишить и их права голоса, но с этой их «naglesse impostigible»⁹ должно быть покончено. В Белграде¹⁰ Вы не раз восклицали: «О, евреи, это сила!..». Не спорю, но сила их только в нашей слабости и разобщенности, от нас зависит, и без большого труда даже, если не совсем сломить эту злую силу, то, по крайней мере, внести сильное противодействие в ее зловерное «планетарное» действо¹¹, мы должны дать голос здесь и настоящей, русской, кондовой и нисколько не черносотенной, но просто отрезвевшей и практичной России, мы должны помочь тем людям, которые, как П. Н. Врангель, борются и умирают за эту Россию, за нас.

Не думайте, что это обычное газетное краснобайство: «Мы должны поднять гордо наше знамя...» и ни с места. Нет, я уже говорю об этом и с П. Н. Врангелем, и с С. Д. Сазоновым¹², и с В. А. Маклаковым, и с П. Б. Струве¹³, и со всеми, кого это может заинтересовать. Конечно, современная почтовая разруха и эта всеобщая лень очень тормозят дело, но надо уметь настаивать на своем. Если у П. Н. Вр<ангеля> дела хоть немного поправятся — а я верю, что да, — то я получу сырья, сколько угодно, на это дело, получу средства, но надо теперь же, и помимо этого источника, изыскивать средства и объединять русских протрезвевших людей для общего дела на Россию. Батюшка, Иван Алексеевич, мы должны делать, мы должны помогать, ибо и на нашей совести греха много. И не забывайте: кому много дано, с того много и спросится — и не как-то там мистически, на Страшном суде, а здесь, на земле, в России и *очень реально* спросится: а где ты был и что ты делал, боярин орловский, Иван Бунин, в то время, как прозор Янкель Фейльзендуфт продавал твою черноземную Русь? И мы должны будем держать ответ, ибо — не знаю, как для Вас, а для меня несомненно, — на страшном пожарище нашем, в страшных и долгих страданиях, но встанет русская, кондовая Россия. Это *неизбежно*, как рок, и к этому страшному суду над нашим греховным прошлым мы должны быть готовы...

Видайтесь же с русскими людьми в Париже, стоваривайте их для великого национального дела, изыскивайте и Вы там средства. Они есть. И подумайте: с одной стороны будет говорить Иван Бунин, а с другой — Борух Зильбершатц, хотя и член С. Р. Д. П. К. О. Н. П. С., но все же далеко не Бунин, — кого же послушают? И ведь Бунин никак не останется один — наша рать пока молчит, но она очень велика и сильна теперь... Вот затевается какой-то всероссийский съезд в Париже¹⁴ — я боюсь, что опять заголосят тут бабушки, дедушки, племяннички и все прихвостни Великого Дурмана¹⁵. И как было бы хорошо *lancer*¹⁶ русский, серьезный, честный орган до съезда, хоть за несколько дней, хотя 2–3 №№ его выпустить...

Приезжайте к нам на слет соколов в Прагу¹⁷, повидаемся с Крамаржем — это очень влиятельный человек и большой друг России — переговорим, что делать и как быть. Может быть, до чего-нибудь и подумаем-

ся — мож<ет> б<ыть>, при его посредстве толкнем и то русское издательство, которое здесь так медленно налаживается¹⁸. Не капризничайте и не кисните, как в Белграде, а отряхнитесь маленько и за работу... И чтобы Вам здесь, в этих чудесных Bad'ax¹⁹, полечиться — ведь здесь заново чело- века налаживают... Не будете же Вы глотать пыль все лето в Вашем фазаннике...²⁰

Если не ответите — это письмо последнее. А пока привет Вере Нико- лаевне и будьте здоровы.

Ваш Ив. Наживин

P.S. — А я недавно перечитывал Ваш «Весенний вечер», и вдруг мне открылось ужасное: ведь Вас почти невозможно переводить!²¹ Получится такая абракадабра, что подумают, писал сумасшедший. Это ужасно.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/3981).

¹ См. примеч. 4 к № 3.

² См. примеч. 6 к № 4.

³ Петр Николаевич Врангель (1887–1928) был назначен главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России 22 марта 1920 г., а на следующий день его предшественник, А.И. Деникин, уехал с семьей в Англию. Разногласия между Врангелем и Деникиным со временем только усиливались и нашли отражение в эмигрантской прессе.

⁴ Возможно, описка Наживина и имеется в виду парижская газета «Последние новости», первый номер которой вышел 27 апреля 1920 г. (газета под названием «Последние известия» выходила в 1920–1922 гг. в Ревеле).

⁵ Издательство «Слово» (в немецкой транскрипции «Slow») было основано Иосифом Владимировичем Гессеном (1865–1943) в Берлине в 1920 г. 16 ноября 1920 г. «Слово» начало выпускать газету «Руль», а в 1921 г. серию сборников воспоминаний и документов под редакцией Гессена «Архив русской революции» (22 т. 1921–1937).

⁶ Так как Наживин вырос у своей бабушки во Владимирской губернии, он считал себя владимирцем, но, в отличие от своих владимирских родственников, крестьянином никогда не был. Однако Бунин в своей статье писал, что Наживин «крестьянин по рождению» (*Бунин И.* Заметки («Был и, слава Богу, еще есть...») // Южное слово. 1919. 21 ноября. № 67).

⁷ Триумфальная арка (*франц.*).

⁸ городу и миру (*лат.*).

⁹ наглость непостижимая (*выдуманный оборот, составленный из частей французских и русских слов*).

¹⁰ Бунины и Наживины оказались одновременно в Белграде в марте 1920 г.

¹¹ Намек на многократно цитируемое Буниным в своих статьях (в частности, в «Великом Дурмане» — см. примеч. 15) высказывание Горького в статье «Советская Россия и народы мира» о «планетарном деле» революции (Коммунистический интернационал. 1919. 1 мая. № 1).

¹² Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — дипломат, министр иностранных дел (1910–1916), глава внешнеполитического ведомства в правительствах А.В. Колчака и А.И. Деникина, член Русского политического совещания и Русской политической делегации в Париже.

¹³ С апреля 1920 г. Петр Бернгардович Струве (1870–1944) возглавлял Управление внешних сношений правительства П.Н. Врангеля в Крыму.

¹⁴ В 1920 г. Владимир Львович Бурцев (1862–1942) выдвинул идею об организации всех русских за границей в единый союз. Обсуждался созыв съезда Русского национального объединения, который состоялся в июне 1921 г. Собрались, однако, только представители умеренных группировок (правые кадеты, некоторые социалисты и беспартийные центристы). На съезде был избран Национальный комитет под председательством Антона Владимировича Карташева (1875–1960). Среди членов комитета были Бунин, Бурцев, Гессен, Куприн, В. Д. Набоков и П. Б. Струве.

¹⁵ «Великий дурман» — статья Бунина, опубликованная 7 декабря 1919 г. в одесской газете «Южное слово». Наживин воспользовался ее заглавием, чтобы охарактеризовать свое отношение к революционному пафосу. В письмах к Бунину Наживин часто ссылался на его высказывания, чтобы показать близость их взглядов.

¹⁶ выпустить (*франц.*).

¹⁷ Соколы — молодежное общественно-спортивное движение в Чехословакии (с 1862 г.). VII слет Соколов в Праге состоялся 26–30 июня 1920 г. Через несколько месяцев, 16 января 1921 г., было основано гимнастическое общество «Русский Сокол» в Праге, положившее начало русскому сокольству за рубежом. В 1922–1927 гг. русские эмигранты создали подобные организации также в Югославии, Франции, Болгарии, Латвии, Польше, Китае и США.

¹⁸ См. № 3 и примеч. 3 к нему.

¹⁹ курортах (*нем.*).

²⁰ См. примеч. 5 к № 4.

²¹ Несмотря на распространенное мнение о «непереводимости» бунинской прозы, рассказ «Весенний вечер» (1915) в переводе на французский язык Мориса Донзеля вошел под названием «Un soir de printemps» в сборник *Le Monsieur de San Francisco*: Nouvelles. Paris: Bossard, 1922.

6

Начало сентября 1920 г. Бад-Кёнигсварт

Iv. Naschiwin
Königswart (bei Marienbad),
I. S. R.
Böhmen¹

Дорогой Иван Алексеевич, — Магеровский² пишет мне из Праги, что Вы дважды писали мне, но ответа от меня не получили. Вероятно, Вы писали «по старому режиму» простые письма, ибо заказные еще не пропадают даже в странах социалистических. Недавно с удивлением увидел Ваше имя в списке сотрудников «Русск<ого> голоса», который выходит здесь под редакцией Ашкинази³: мне подумалось, что в газете, где иронизируют и посмеиваются над Врангелем, Ивану Бунину не место. Во всяком случае и Вам, и Куприну следовало бы или снять свои имена, или потребовать от Ашкинази публичного и печатного заявления, что с прежней редакцией он общего ничего не имеет. Чем тяжелее положение России, тем строже должны мы быть. И это украшение хорошим именем сомнительного предприятия тем более излишне, что не будете же Вы, в самом деле, работать там, да еще и бесплатно (ибо деньжонок у них нет).

У нас здесь никаких издательских затей нет, а то, что есть, до такой степени слабо, что противно и говорить: больше болтовни, чем дела. В Белграде какой-то А. Г. Иоль-де-Монклар затеял издательство, но что из этого выйдет, не знаю⁴. Я видел его газеты, — ничего, прилично, с хорошим духом, но очень бедно. Я *очень, очень* прошу Вас взять у Толстого моих «Жен»⁵ и послать их ему. Адрес его: Белград, ул. Краля Милана, 69, редакция «Русской газеты». Пожалуйста, сделайте, хотя и совестно мне утруждать Вас.

Я получил личное приглашение от ген. П. Н. Врангеля прибыть в Крым на работу, что и думаю сделать⁶. Меня глубоко трогают эти герои... Семью хочу отправить в Юго-Славию, к Люблянам⁷, где очень сытно и жизнь дешевле, а сам — туда чрез Триест. Если что нужно там Вам или Вере Николаевне, напишите, с удовольствием сделаю. Мне пишут оттуда, что подъем духа там удивительный, но и жизнь удивительная: корова, например, стоит 2.500.000—3.000.000 р.!

Зарплата нет совсем. С Гессеном все разладилось: ему, как кадету, да еще чистокровно русскому, все хочется еще лукавить и защищать народ. Но слава Богу, удалось призанять, и теперь ребятам обеспечен целый год скромной жизни. На днях американцы обещали дать денег на издание моих записок о революции. Может, и дадут, чем черт не шутит⁸.

Пожалуйста, напишите, как Вы там вывертываетесь (кстати: *qu'est ce que c'est que*⁹ *Povolozky & Co?*)¹⁰ и что думаете о будущем. Сюда, в Прагу, приехала советская миссия с ист<инно>-русским прис<ажным> пов<еренным> Гиллерсоном во главе¹¹ и всех видных общественных работников манит в Россию, под сень советских струй, обещая и рай, и любовь, и блаженство, не говоря о полном прощении. Многие очень соблазняются.

Сердечный привет Вере Николаевне и Вам. Будьте здоровы. И черкните закрытое и заказное.

Ваш Ив. Наживин

Публикуется по автографу (РАЛ. MS. 1066/3982). Датируется по сопоставлению с № 7.

¹ Слова «Iv. Naschiwin» и «Vöhmen» вписаны Буниным.

² Лев Флорианович Магеровский (1896—1986) работал в системе связи белых войск во время Гражданской войны. Поселившись в Праге, в 1920—1937 гг. он руководил телеграфным агентством «Руссунион», которое обеспечивало связь с Советской Россией, и был также сотрудником Русского заграничного исторического архива.

³ Судя по № 7, Наживин ошибся в названии газеты, речь идет о газете «Русское дело» (см. также примеч. 3 к № 4), в списке сотрудников которой фигурировали Бунин и Куприн. Зигфрид-Иосиф Григорьевич Ашкинази (1880—1939), бывший театральным и художественным критик петербургских журналов «Образование» и «Новый журнал для всех», эмигрировал в 1920 г. на Подкарпатскую Русь, где сотрудничал в ужгородской еженедельной газете «Русская земля» (1919—1938). В газете «Русское дело» Ашкинази вел отдел политики. (О нем см.: *Reyes R. Cardiel. Siegfried Askinas: Sociólogo de México. México: Secretaria de Educación Pública, 1975.*)

⁴ А. Г. Иоль-де-Монклар начал выпускать «орган независимой мысли» «Русская газета» в Белграде 6 мая 1920 г., но уже 16 ноября 1920 г. газета прекратила свое существование, и вместе с ней исчез и Иоль-де-Монклар (см. *Бунин Остоја*. Руска литерарна Србија: 1920–1941 (писци, кружоци и издања). Горњи Милановац-Београд, 1990. С. 243). Возможно, то обстоятельство, что газета печаталась в «Русской типографии», навело Наживина на необоснованное предположение, что Иоль-де-Монклар открыл и издательство.

⁵ См. примеч. 4 к № 3.

⁶ См. письма Наживина от 11 и 21 сентября и <октября> 1920 г. о его несостоявшейся поездке в Крым (С двух берегов. С. 283–286).

⁷ См. письмо Наживина от 11 сентября 1920 г. о его решении устроить семью не в Югославии, а в Австрии (С двух берегов. С. 283).

⁸ В мае 1920 г. в Берлине открылось отделение американского Фонда помощи нуждающимся литераторам и ученым, от которого Наживин получил 3000 немецких марок (РГАЛИ. Ф. 1570. Оп. 1. Ед. хр. 1, 12). Об издании «Записок о революции» см. примеч. 2 к № 4.

⁹ что такое (*франц.*).

¹⁰ В издательстве Якова Евграфовича Поволоцкого (Povolozky; 1882–1945) в 1921 г. вышел сборник рассказов Наживина «Осени поздней цветы запоздалые».

¹¹ После выборов в апреле 1920 г. чехословацкое правительство подписало мирный договор с РСФСР, и граница открылась для советских миссий. Летом 1920 г. в Прагу прибыла из Москвы возглавляемая петроградским адвокатом Арнольдом Исидоровичем Гиллерсоном (1864–1925) миссия Красного Креста. Наживин относился особенно отрицательно к Гиллерсону, потому что тот отказался содействовать ему в получении оставшихся в России рукописей (см.: *Наживин И.* Среди потухших маяков: Из записок беженца. Берлин: Икар, 1922. С. 155–158).

7

7 сентября 1920 г. Бад-Кёнигсварт

Königswart (bei Marienbad),

I.S.R.

7/IX.1920

Дорогой Иван Алексеевич, — очень был рад получить от Вас письмо прямо, а не чрез Магеровского, как обыкновенно. Известие о Вашем недопомогании¹ меня искренно огорчает — ох, как Вы еще понадобится! Большевики подышают, но это только полдела, как говорят мужики: сколько на их место охотников среди тех, кто вкусил от царских погребов, автомобилей, дворцов и пр.! Штурм России и власти будет жестокий со стороны всей этой сволочи, и я буквально *болею* сердцем, видя как разрознены и вялы патриоты, люди трезвые, люди дела. Посмотрите: орут Гольдберги, Канайльгерухи, Фейльзендуфты, скоро завилает, видимо, лисьим хвостиком Тихон Полнер², а где же железные голоса кондовых русских и прямых, не лукавящих людей? Их не слышно... (Кстати, о «Русск<ом> деле»: *теперь* оно ведется хорошо, но раньше это был сплошной кабак. Жаль, что Ашкинази не заявил о своем отмежевании от прохвостов, которые предшествовали ему...³).

Вашу просьбу о присылке рассказов⁴ исполняю не совсем точно: посылаю не избранные (ибо избирать и не из чего: все осталось в Москве)⁵, как Вы пишете, а просто очередной том⁶. И, простите, Ваша просьба вообще меня несколько удивила: Вы же старый и стреляный волк. Что значит «избранные» и «первый сорт»? Как это все можно отличить? Вы читали, конечно, отзывы «критики» о «Войне и мире», когда она только что печаталась: борзописцы с грязью смешали эту «стряпню сиятельного автора». Да и ближе у нас с Вами пример есть: рассказы Ивана Бунина были не первый сорт, это была так еще недавно лишь злостная болтовня человека в фуражке с красным околышем — так?⁷ А теперь? Я только что опять и опять перечитывал «Весенний вечер»⁸ (а о «Господ<ине> из С<ан>-Ф<ранциско>» даже статью написал — для себя, ибо печатать мне негде⁹) и прямо опять ужаснулся: ведь это было менэ-тэкэл-фарес¹⁰ на шумном революционном пиру, это было несомненно избранное, несомненный первый сорт, а все свистали. И никакой серьезный писатель не скажет серьезно, что у него первый сорт, и «избранное» делает только — время*. Я недавно подсчитывал, что я за свою жизнь настряпал: к моему бесконечному удивлению оказалось, что у меня вышло больше 120 изданий!.. Готовя полное собрание сочинений¹¹, я безжалостно истреблял эту стряпню часто целыми томами, но то, что осталось, это то, что нравится мне и никак не понравится Тихону Полнеру (которого я лично не знаю, но не люблю, ибо все, что я о нем читал и слышал, отталкивает меня: это «род лукавый и прелюбодейный»¹² кадетов, которые в частности могут быть и милыми очень людьми¹³, но в стаде своем, вместе, как политики, противны...). Так что то, что я посылаю Вам, мне нравится, но никаких уступок из написанного я делать не буду: еже писах, писах. Писатель, как моряк, никогда не должен спускать своего андреевского флага: и тонет, а все на своем стоит... И опять посмотрите: о «Женах»¹⁴ Вы писали мне, например, что кое-что там Вам понравилось, но конца Вы принять не можете — так? А конец-то для меня главное, в нем-то весь и сок. А если я не подчеркнул этого, не назвал рассказа «Рок» или «Пешки», то только потому, что вообще я перестал подчеркивать. Я слишком много писал курсивом, когда «толстовствовал» — довольно!¹⁵ Так что посылаю на волю Божию и —

Буду рад, если понравится,

Не понравится — смолчу¹⁶.

Вам понравится, а на Тихона — наплевать. И только одно прошу принять во внимание, голубчик: *дубликатов*, за отсутствием машины, нет у меня и утрата рукописей была бы большим огорчением для меня. Mon verre n'est pas grand, mais je l'aime quand-même...¹⁷

* Да и то скверно: бездарное «Что делать?» Чернышевского, бессильный Шевченко, омерзительный Скиталец — вот как иногда оно отбирает!..

Главнокомандующему я отписал, что приеду, как только устрою детвору: не могу же я бросить их на голод и холод. И учиться им надо — не хочу, чтобы были революционными лоботрясами, хочу честных, серьезных, умелых работников... И в своем ответе ему я круто указал, что он ошибки Деникина склонен повторять. Только что с *литературными* поручениями проехал в Берлин генерал фон Дрейер¹⁸ — как будто мы, уже сидящие здесь, не могли бы при деньгах сделать все это лучше! Генералам место на фронте, а газеты — дело наше... Из литературных неприятностей могу еще указать на «Воспоминания Горького о Л. Н. Толстом», которые я только что в отрывках читал в немецких газетах, читал, рыча от ярости и отвращения¹⁹. Ну, что же это за сукин сын! Что это за актеришка!.. А вокруг — ура...²⁰ Что это, «избранное», «первый сорт»? А из личных неприятностей — все никак не могу напечатать своих «Записок». Это очень тяжело... Зарплата тоже нет совсем. Если бы не помог Крамарж займом, пропал бы я с ребятами, как мошки. Да и эта помощь только отсрочка. О будущем вообще жутко и думать. Черт знает, может быть, лучше было бы хоть во Владимире остаться, что ли. У себя и помирать легче, говорят. Засевшая в Праге большевистская миссия²¹ усиленно заманивает всех нас, беженцев, домой, в Россию, и многие с горя пошли на удочку: голод не тетка.

Ну, будьте здоровы. Привет Вере Николаевне.

Ваш Ив. Наживин

P.S. — Да, Главнокомандующему я писал, что время нам здесь заговорить громко, и что если он согласен на это, то пусть во главу дела они поставят Вас²².

— Если материал не подойдет, сюда его *не* возвращайте — я напишу потом как с ним поступить.

Публикуется по автографу (РАЛ. MS.1066/3983).

¹ В. Н. Бунина упоминает о нездоровье Бунина в дневниковой записи от 22 августа 1920 г. (РАЛ. MS.1067/367; Устами Буниных. Т. 2. С. 16).

² См. примеч. 5 к № 3.

³ См. примеч. 3 к № 6.

⁴ Судя по всему, Бунин обратился к Наживину от имени парижского издательства «Русская земля» с предложением издать сборник его рассказов (С двух берегов. С. 283–284 и след.).

⁵ См. примеч. 11 к № 6.

⁶ Возможно, объявленная «Русской землей» в 1921 г., но не изданная книга «Новые рассказы» (о ее составе см. письма Наживина от <октября> 1920 г. и 12 февраля 1921 г. — С двух берегов. С. 285, 289). (Также была объявлена, но не издана книга Наживина «Сказка про больного петуха».)

⁷ Наживин намекает на ненависть, которую он питал к Бунину до знакомства с ним: «Вот, <...> Иван Алексеевич, как я раньше вас ненавидел, имени вашего слышать не мог, и все за народ наш, а теперь низко кланяюсь вам» (дневниковая запись В. Н. Буниной за 30 декабря 1918/12 января 1919 г. — РАЛ. MS.1067/353; Устами Буниных. Т. 1. С. 205).

⁸ См. приписку к № 5.

⁹ Насколько известно, статья Наживина не сохранилась.

¹⁰ Часто приводимая Наживиним библейская цитата (Дан. 5: 25), в частности использованная им как название романа «Менэ... Тэкэл... Фарес» (М.: И. Н. Кушнерев, 1907).

¹¹ Наживин обозначил шесть из вышедших в 1911–1917 гг. книг томами (1, 4–8) своего «Собрания сочинений».

¹² Мф. 12: 39.

¹³ У Наживина описка: любви.

¹⁴ См. примеч. 4 к № 3.

¹⁵ В 1900-е гг. Наживин был убежденным толстовцем, но после смерти Толстого в 1910 г. он изменил свои взгляды и начал резко критиковать Толстого за «наивность» его идей. О периоде своего «толстовствования» Наживин оставил ряд воспоминаний: В Ясной Поляне // Северный край. 1901. № 308; В Ясной Поляне // Русь. 1909. 3 февраля; Из воспоминаний о Л. Н. Толстом // Русская мысль. 1907. № 3. С. 1–16 (под псевдонимом Ив. Булановский); О Льве Николаевиче: Из личных воспоминаний // Международный толстовский альманах. М., 1909. С. 161–185 (переизд. в сб.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 384–396); Из жизни Л. Н. Толстого. М., 1911; Моя исповедь. М., 1912. С. 401–495; Неопалимая купина. Тяньцзинь, 1936 (шведский и финский переводы вышли в 1927–1928 гг.).

¹⁶ См. примеч. 3 к № 2.

¹⁷ Мой стакан невелик, но тем не менее я его люблю (*франц.*). Неточная цитата из драматической поэмы Альфреда де Мюссе (Alfred de Musset; 1810–1857) «Уста и чаша» («La Coupe et les lèvres») (1832): «Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre» («Мой стакан невелик, но я пью из своего стакана»). Возможно, цитата была знакома Наживину по «Запискам охотника» И. С. Тургенева, где она приводится в оригинале (без указания автора) в рассказе «Гамлет Шигровского уезда».

¹⁸ Дрейер Владимир Николаевич фон (1876–1967) — генерал-майор Генерального штаба, автор воспоминаний о своей военной карьере и о Гражданской войне: Крестный путь во имя Родины: Двухлетняя война красного севера с белым югом 1919–1920 гг. Берлин, 1921; На закате империи: Воспоминания автора с его юных кадетских лет до самого крушения Российской империи. Мадрид, 1965.

¹⁹ Под названием «Erinnerungen an Lew Nikolajewitsch Tolstoj» воспоминания Горького вышли отдельным изданием на немецком языке в Мюнхене в 1920 г. и в отрывках в газете «Vorwärts» (1920. 28 июля) и в журналах «Der Neue Merkur» (1920/21. № 4) и «Das literarische Echo» (1920/21. № 23).

²⁰ См. публикацию Н. Н. Примочкиной писем Наживина к Горькому: С двух берегов. С. 617–664.

²¹ См. примеч. 11 к № 6.

²² Ср. дневниковую запись В. Н. Буниной от 26 августа 1920 г.: «Телеграмма от Струве. Вызывает Яна и Карташева в Севастополь» (РАЛ. MS.1067/367; Устами Буниных. Т. 2. С. 16).

Андрей Рогачевский*
И.А. БУНИН И «ХОГАРТ ПРЕСС»**

История взаимоотношений И.А. Бунина с лондонским издательством «Хогарт Пресс» («The Hogarth Press») еще ни разу не излагалась с какой бы то ни было степенью полноты. Из трех выпущенных издательством бунинских книг («The Gentleman from San Francisco and Other Stories», 1922; «The Well of Days», 1933; «Grammar of Love», 1935) внимание исследователей до сегодняшнего дня привлекала главным образом одна — первая, причем неоднократно¹. Между тем, если не считать переизданий и идентичных сборников рассказов, по различным причинам появившихся под разными заглавиями, на долю «Хогарт Пресс» приходится приблизительно половина от общего числа книг Бунина, опубликованных по-английски в межвоенный период². Обращение к архивам Редингского, Сассекского, Лидского и Эдинбургского университетов, а также к материалам, хранящимся в Отделе рукописей Британской библиотеки, помогает детально воссоздать (в ряде случаев — уточнить) обстоятельства выхода в свет вышеупомянутых трех книг, а также рассказать о неудавшейся попытке «Хогарт Пресс» выпустить в Великобритании сборник «The Elaghin Affair and Other Stories» (1935), о чем ранее не было известно.

* © Андрей Рогачевский, 2004

** Письма Бунина публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate.

¹ См.: *Olson Stanley B.* The History of the Hogarth Press 1917–1923: A Biographical Study, with Critical Discussion of Selected Publications. PhD thesis, Royal Holloway College, University of London, 1972. P. 291–299; *Fetzer Leland.* The Bunin–Koteliansky–Lawrence–Woolf Version of «The Gentleman from San Francisco» // *The Virginia Woolf Quarterly.* 1973. (Summer). P. 31–46; *Willis John H.* Leonard and Virginia Woolf as Publishers: The Hogarth Press, 1917–1941. Charlottesville and London, 1992. P. 92–96; *Казнина О.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 366–372.

² См.: *The Literatures of the World in English Translation: A Bibliography.* Vol. II: The Slavic Literatures / Ed. by Richard C. Lewanski, Lucia G. Lewanski and Maya Deriugin. New York, 1971. P. 208–210; *Fetzer Leland.* Ivan Bunin in English, 1916–1983: A Checklist // *Russian Literature Triquarterly.* 1988. № 21. P. 223–224, 227.

В книгу «The Gentleman from San Francisco and Other Stories» (1922) вошли четыре бунинских рассказа: «Господин из Сан-Франциско», «Легкое дыхание», «Казимир Станиславович» и «Сын». Идея перевода этих произведений на английский принадлежала эмигранту из России Самуилу Соломоновичу Котелянскому (1880, Острополь — 1955, Лондон), водившему знакомство со многими видными британскими писателями. Английским языком Котелянский владел сносно, но не в совершенстве, и кое-кто из этих писателей помогал ему править его художественные переводы с русского, которые потом обычно выходили с указанием соавторства (несмотря на то, что «соавторы» Котелянского в подавляющем большинстве случаев русского не знали вовсе). Таким способом Котелянский опубликовал двадцать с лишним книг¹. В данном случае с просьбой о помощи при переводе первого рассказа он обратился к известному романисту Дэвиду Герберту Лоуренсу (D.H. Lawrence, 1885—1930), а при переводе оставшихся трех — к журналисту и издателю Ленарду Вулфу (Leonard Woolf, 1880—1969), совладельцу «Хогарт Пресс». «Господин из Сан-Франциско» сначала появился в январском номере нью-йоркского журнала «The Dial» за 1922 г., а в мае того же года (в заметно отредактированном виде, с разночтениями по 139 пунктам) — под одной обложкой с другими тремя рассказами². Считается, что редактором книжного варианта перевода «Господина из Сан-Франциско», улучшенного по сравнению с журнальным, был Ленард Вулф³.

Впрочем, даже журнальная версия перевода «Господина из Сан-Франциско» произвела на многих большое впечатление. В частности, писательница Кэтрин Мансфилд (Katherine Mansfield, 1888—1923), на творческую манеру которой оказал влияние А.П. Чехов (чьи письма она переводила совместно с Котелянским)⁴, так отзывалась о «Господине из Сан-Францис-

¹ Полную библиографию см.: The Quest for Ranim: D.H. Lawrence's Letters to S.S. Koteliensky, 1914 to 1930 / Ed. by George J. Zytaruk. Montreal and London, 1970. P. 407—410. О Котелянском существует обширная литература, см. хотя бы: *Beatrice <Campbell>*, *Lady Glenavy*. Today We Will Only Gossip. London, 1964; *Conroy G.L.* A Study of the Life and Works of S.S. Koteliensky, with Particular Reference to Unpublished Correspondence in the Alexander Turnbull Library. MA dissertation, the Victoria University of Wellington, 1977; *Carswell John*. Lives and Letters: A.R. Orage, Beatrice Hastings, Katherine Mansfield, John Middleton Murry, S.S. Koteliensky, 1906—1957. London and Boston, 1978; *Sarton May*. A World of Light: Portraits and Celebrations. New York, 1988. P. 175—188; *Rogachevskii A.* Samuel Koteliensky and the Bloomsbury Circle (Roger Fry, E. M. Forster, Mr and Mrs John Maynard Keynes and the Woolfs) // Forum for Modern Language Studies. 2000. Vol. XXXVI. № 4. P. 368—385; *Казнина О.* С.С. Котелянский (1880—1955) и английские писатели // Русские евреи в Великобритании / Под ред. М. Пархомовского и А. Рогачевского. Иерусалим, 2000. С. 146—166.

¹² Тираж издания составил «около 1000 экземпляров» (*Woolmer J. Howard*. A Checklist of the Hogarth Press, 1917—1938. London, 1976. P. 36).

³ См. *Fetzer Leland*. The Bunin—Koteliensky—Lawrence—Woolf Version of «The Gentleman from San Francisco». P. 42—43.

⁴ Полный список переводов, осуществленных Мансфилд в сотрудничестве с Котелянским, см.: *Mantz Ruth Elvish*. The Critical Bibliography of Katherine Mansfield. New York, 1968. P. 66—67, 92—93.

ко» в письме Котелянскому от 13 января 1922 г.: «Как блестяще переведен рассказ Бунина в “The Dial”! Трудно вообразить, что кто-нибудь мог бы выполнить перевод еще лучше, и я, как и все остальные, глубоко благодарна за возможность ознакомиться с этим произведением. У Бунина огромный талант, это несомненно»¹. Книжная же версия подвигла рецензента газеты «Таймс» на то, чтобы четыре из пяти отведенных на всю книгу абзацев посвятить исключительно «Господину из Сан-Франциско», о котором говорилось, что это «наиболее значительный рассказ в сборнике», что он «поистине выдающийся (really great)», и «остальные три рассказа <...> в сравнении с ним сильно проигрывают», но что «Бунин, несомненно, один из самых крупных русских писателей среди тех, кто стал нам доступен в переводах»².

Небезынтересно, что столь полюбившийся читателям и критикам рассказ «Господин из Сан-Франциско» в версии Котелянского—Лоуренса—Вулфа не является аутентичным. Как установил Леланд Фетцер, выбранный для перевода текст — это произвольная компиляция двух разных редакций, появившихся в сборнике «Слово» (1915. № 5) и в книге «Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915—16 гг.» (М.: Книгоиздательство писателей, 1916) соответственно³. Неизвестно, одобрил бы Бунин то, что получилось в результате, если бы перевод был предварительно прислан ему на авторизацию. Он, однако, узнал о выходе книги в «Хогарт Пресс» лишь

¹ The Letters and Journals of Katherine Mansfield: A Selection / Ed. by C.K. Stead. London, 1977. P. 172—173. Мансфилд, однако, продолжала: «И все-таки, мне кажется, что рассказ какой-то ограниченный. В Бунине есть нечто тяжелое, негибкое, сепаратное, что его самого восхищает. Но ему не следует этим восхищаться. Жаль, что эти качества ему присущи. Из-за них ему не стать подлинно великим писателем. Нежность — опасное слово, но я осмелюсь тут его употребить. Бунину не хватает нежности — а она должна быть, *несмотря ни на что*» (там же).

² The Times. 1922. 17 May. P. 16. Рецензия не подписана. Трудно согласиться с предположением О.А. Казниной, будто автором публикации был критик Джон Миддлтон Марри (John Middleton Murry; 1889—1957), с которым Мансфилд находилась в длительной любовной связи (см.: Казнина О. Русские в Англии. С. 169—170). Относительно много внимания в рецензии уделено сравнительному анализу оригинала и перевода, тогда как Марри русским языком не владел. Ошибочно атрибутирует Казнина и анонимную рецензию на сборник рассказов Бунина «Господин из Сан-Франциско» (Париж: Русская земля, 1921), вышедшую в литературном приложении к «Таймс» 18 августа 1921 г. Она принадлежит не Марри, как утверждает Казнина (там же), а писателю и переводчику Карлу Эрику Бехгоферу-Робертсу (Carl Eric Béchhofer Roberts; 1894—1949), выучившему русский в Первую мировую войну, а в Гражданскую войну служившему в британской военной миссии на юге России. (Имена авторов анонимных рецензий в литературном приложении к «Таймс» за 1902—1990 гг. недавно были «рассекречены» в электронной базе данных The Times Literary Supplement Centenary Archive — http://www.the-tls.co.uk/centenary_archive/main.asp).

³ Возможно, именно это имел в виду Глеб Петрович Струве (1898—1985), когда в своей рецензии на переиздание сборника, предпринятое в 1934 г., отмечал элегантность «тройного» перевода, но тут же оговаривался, указывая, что «переводчики подчас слишком свободно обращаются с оригиналом» (*Struve Gleb. Ivan Bunin // The Observer. 1934. 25 February*).

постфактум, и с того момента его преимущественно заботила не столько текстология, сколько проблема получения гонорара.

О существовании «The Gentleman from San Francisco» Бунину стало известно в середине мая 1922 г. от Мансфилд, которая лечилась от туберкулеза в Париже у известного специалиста по легочным болезням Ивана Ивановича Манухина (1882—1930)¹, и от Джона Миддлтона Марри, который в тот момент тоже оказался в Париже². Мансфилд, Марри и Бунин встретились на квартире у доктора Манухина. Там же присутствовала и чета Мережковских (Манухин был лечащим врачом Зинаиды Гиппиус). Вот как Мансфилд описывает реакцию Бунина в письме Котелянскому из Парижа³ от 25 мая 1922 г.:

Он был очень удивлен тем, что не получил ничего за рассказ, помещенный в «The Dial», и что с ним никак не проконсультировались по поводу английского перевода его рассказов. <...> Можешь ты написать ему и объяснить? Мне кажется, это принесло бы ему большое облегчение. Понимаешь, они тебя не знают, а бедность их озлобила (made them resentful). Зинаида Гиппиус (которую я терпеть не могу) встряла (chipped in), чтобы сообщить, что ты получил 500 долларов за американские права на постановку ее пьесы и сказал ей, будто из этих денег ей не полагается ни цента. Но речь о Бунине. Он очень достойный человек, необыкновенно достойный (awfully decent), и даже он и Манухин верят тому, что рассказала Гиппиус⁴.

Из следующего письма Мансфилд Котелянскому, датированного 29 мая, можно понять, что Котелянский отрицал правдивость поступивших от Гиппиус сведений (хотя он и в самом деле перевел ее пьесу 1914 г. «Зеленое кольцо» и выпустил перевод в 1920 г. в Лондоне в издательстве C. W. Daniel)⁵. Ус-

¹ К Манухину Мансфилд обратилась при посредничестве того же Котелянского, который раздобыл для нее адрес врача.

² Не лишним будет указать попутно, что при помощи Марри Котелянский перевел некоторые произведения Чехова (The Bet and Other Stories. London and Dublin: Maunsel and Co., 1915), Достоевского (Pages from the Journal of an Author. London: Maunsel and Co., 1916), Куприна (The River of Life and Other Stories. Boston: Luce, 1916), Льва Шестова (Anton Tchekhov and Other Essays. London: Maunsel and Co., 1916) и др.

³ А не «по возвращении в Англию», как безосновательно утверждает О. Казнина (Русские в Англии. С. 370).

⁴ Dickinson John W. Katherine Mansfield and S.S. Koteliensky: Some Unpublished Letters // Revue de Littérature Comparée. 1971. № 45. P. 93. Любопытно, что Бунин тоже высоко ценил Мансфилд. Редко о ком отзывавшийся благосклонно, в открытке Г.П. Струве от 3 ноября 1931 г. он так охарактеризовал писательницу: «Какая прелесть, какой удивительный человек она была!» (Струве Г. Из переписки с И.А. Буниным: К 100-летию со дня его рождения (10/22—X—1870) // Annali dell'Istituto Universitario Orientale (Napoli), Sezione Slava. 1968. № XI. S. 7).

⁵ На этот раз Мансфилд писала следующее: «Неужели ты хотя бы на секунду вообразил себе, что я поверила рассказу Гиппиус? <...> Трудно понять, как кто бы то ни было, увидев ее, может ей верить. Она насквозь фальшива — ее щеки, лоснящиеся от румян, даже ее дыхание, сладкое и нежное. Она ужасная женщина (bad

тановить, кто в этой истории был прав, кто виноват и каков был истинный размер гонорара, пока не представляется возможным. В случае с Буниным, однако, все совершенно очевидно, хотя ранее по этому шекотливому вопросу исследователями и высказывалось несколько противоречащих друг другу и в равной мере неверных суждений, начиная с утверждения, будто «Бунину заплатили столь щедро, что <...> <издатель> навсегда остался в убытке»¹, и заканчивая фразой: «если Бунин что-то и получил от “Хогарт Пресс”, то какую-то условную сумму»².

Прежде всего следует отметить, что Бунину от издания «Хогарт Пресс» гонорар не полагался, потому что в то время между Великобританией и Россией не существовало договора о взаимной защите авторских прав (хотя дебаты о желательности заключения такого договора и предварительная работа по его подписанию велись в начале и середине 1910-х гг.)³. К тому же Россия не входила в международную Бернскую конвенцию по охране интеллектуальной собственности⁴. В подобной ситуации Бунину не оставалось ничего иного, кроме как смиренно взывать к доброй воле издателей⁵. В

woman), и это прямо-таки inferнально, что ты из-за нее волнуешься. За один вечер я пообшались с ней достаточно, чтобы написать целую книгу о ней и этом крошечном Дмитрие М<ережковском>, который вслушивается в каждое слово, наклоняясь вперед и прикладывая руку к уху, словно подозрительный маленький аптекарь, опирающийся о прилавок. Эти двое, однако, будут жить вечно. Случись кораблекрушение, она и Дмитрий окажутся в первой спасательной шлюпке. <...> Я ее никогда не забуду» (*Dickinson John W.* Op. cit. P. 93–94).

¹ *Olson Stanley B.* Op. cit. P. 294, 310–311.

² *Казнина О.* Русские в Англии. С. 372.

³ См., например: *Pilenko A.* Literary Copyright: Necessity of Anglo-Russian Convention // *The Times Russian Supplement.* 1913. № 2, 28 March. P. 38; статью без подписи под названием «Negotiating a Treaty» // *Ibid.* 1915. № 12, 28 June. P. 11; *Pring S. W.* Some Problems of the Translator: To the Editor of «The Times» // *Ibid.* 1915. № 14, 30 October. P. 9; *Malcolm James A.* To the Editor of «Times» // *Ibid.* 1915. № 15, 17 December. P. 11.

⁴ О. Казнина, однако, утверждает, что Россия подписала международную конвенцию по авторским правам в 1911 г. (см.: *Казнина О.* Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину // *С двух берегов.* С. 367).

⁵ Подобные истории случались нередко, что Бунина прямо-таки бесило. В частности, узнав о выходе в издательстве «Славия» (Slavia) неавторизованного итальянского перевода «Деревни» (*Bunin I.* Campagna: Romanzo / Prima versione integrale dal russo e note di Valentina Dolghin Badoglio, con prefazione di Renato Poggioli, Torino, 1930), Бунин отреагировал на это в письме А.В. Амфитеатрову от 30 июня 1930 г. следующим образом: «Как им не грех грабить меня, нишего, даже не сообщив мне ничего об этом грабеже!» (Amfiteatrov MSS., Manuscripts Department, Lilly Library, Indiana University, Bloomington, Indiana). Выяснилось, однако, что, переведя «Деревню» с дореволюционного московского издания, «Славия» не нарушила авторских прав Бунина и ничего ему не должна (согласно существовавшему международному законодательству, копирайт на то, что публиковалось в дореволюционной России, не распространялся на заграницу). Бунин мог «только просить их, не заплатят ли хоть теперь что-нибудь, — именно просить, ибо требовать ничего нельзя» (письмо Бунина к Амфитеатрову от 5 июля 1930 г.; Lilly Library). В качестве жеста доброй воли «Славия» предложила Бунину символическую сумму в 200 лир (что по тогдашнему курсу приблизительно равнялось 10,5 доллара США), от которых он гордо отказался (см. письма Бунина Амфитеатрову от 7 и 9 августа 1930 г.; Lilly Library).

данном конкретном случае за Бунина — по совету Котелянского, изложенному в письме от 27 мая 1922 г. к проживавшей в Лондоне давней знакомой Бунина Ариадне Тырковой-Вильямс (1869—1962)¹ — просил не кто иной, как ее муж, Харолд Вильямс (1876—1928), в описываемый период занимавший пост редактора иностранного отдела «Таймс»². В ответном письме Вильямсу от 5 июня 1922 г. Ленард Вулф пояснял, что обращался к Бунину еще до выхода «The Gentleman from San Francisco», предлагая скромное вознаграждение, но ответа не получил. Издатель обещал попробовать еще раз. Как явствует из более позднего письма Вулфа Вильямсу, от 5 июля того же года, и эта попытка не увенчалась успехом³. Тогда Бунин написал Вулфу сам. В ответ «Хогарт Пресс» предложило следующие условия: пять фунтов стерлингов в качестве аванса плюс десять процентов от продажи книги в Великобритании с того момента, когда она начнет приносить доход⁴. Бунин эти условия принял в письме Вулфу от 17 августа 1922 г.:

91, rue de Tours
Amboise (Indre et Loire)
France

Monsieur,

J'ai bien reçu votre lettre du 25 juillet 1922 dont j'accepte toutes les conditions incluses. Ayez la bonté de bien vouloir m'envoyer les honoraires dont vous parlez — et recevez mes salutations distingués,

J. Bounine /J. A. Bunin/

P.S. Ayez la bonté de bien vouloir m'envoyer aussi 10 ou 5 exemplaires de «Gentl<eman> from S. Francisco»⁵.

¹ Текст письма приводится О. Казниной в кн. «Русские в Англии» (С. 371).

² Об отношениях Бунина с Тырковой-Вильямс см.: *Янгиров Р.* «Вы — друг старый и верный...»: Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс // *Минувшее*. Вып. 15. 1994. С. 168—171; *Казнина О.* Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину. С. 331—345. В письме от 16 мая 1922 г. Бунин просил Тыркову-Вильямс посодействовать в получении денежного вознаграждения от «Хогарт Пресс» за публикацию *The Gentleman from San Francisco* (*Янгиров Р.* «Вы — друг старый и верный...». С. 177). Ответное письмо Тырковой-Вильямс от 17 мая см.: *Казнина О.* Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину. С. 351.

³ См. фонд Х. Вильямс в Отделе рукописей Британской библиотеки (ADD. MS.54441. P. 15, 127). О. Казнина (Русские в Англии. С. 411) ошибочно утверждает, что письма Вулфа от 5 июня и 5 июля 1922 г. адресованы Тырковой-Вильямс.

⁴ См. письмо Бунина Тырковой-Вильямс от 7 августа 1922 г. (*Янгиров Р.* «Вы — друг старый и верный...». С. 181—182).

⁵ «Сударь, я получил Ваше письмо от 25 июля 1922 и принимаю все содержащиеся в нем условия. Сделайте одолжение, соизвольте же переслать мне гонорар, о котором Вы говорите. С совершеннейшим почтением, И. Бунин. P. S. Сделайте одолжение, соизвольте также переслать мне 10 или 5 экземпляров “Gosp<одина> из С<ан>-Франциско”» (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading. MS 2750, file no. 38). При публикации французских писем Бунина наиболее явные ошибки (преимущественно орфографические) здесь и в дальнейшем исправлены без оговорок.

По тем временам пять фунтов были достаточно внушительной суммой¹. Необходимо к тому же учитывать, что фунт стерлингов являлся едва ли не самой устойчивой валютой в Западной Европе. Так, в 1905 г. Великобритания приняла «Закон о чужестранцах» (The Aliens Act), согласно которому наличие пяти фунтов в кармане новоприбывшего иммигранта обеспечивало тому беспрепятственный допуск в страну². Даже шестьдесят лет спустя пять фунтов могли составлять недельную заработную плату молодого неквалифицированного рабочего или служащего³. Что же касается прибыльности сборника бунинских рассказов, в течение первых восьми месяцев после его издания было продано 387 экземпляров, а к концу февраля 1924 г. — уже 693, и книга начала приносить издательству доход⁴. Этому способствовало и то, что права на американское издание книги были проданы Томасу Зелцеру (Thomas Seltzer, 1875—1943) за 10 фунтов 15 шиллингов и 3 пенса⁵. Зелцер, выпустив «Господина из Сан-Франциско» в свет 10 января 1923 г. тиражом чуть более 1000 экземпляров, за три месяца распродал как минимум 800 из них и выразил сожаление, что Вулф и Котелянский не закрепили за собой право на издание всех произведений Бунина по-английски⁶. Похоже, что за это американское издание, по условиям договора с Вулфом и по более общим, уже указанным выше причинам (распространявшимся и на США), Бунин ничего не получил, по крайней мере от Вулфа, в связи с чем в очередном письме Тырковой-Вильямс назвал Вулфа и Зелцера «мерзавцами»⁷ — без особых на то оснований.

Между тем торговля лондонским изданием потихоньку продолжалась, а значит, Бунину периодически поступали десятипроцентные отчисления. Так, в апреле 1931 г. он получил чек на 2 фунта 10 шиллингов и 10 пенсов за

¹ Для любопытствующих отметим, что, согласно газете «Таймс» от 7 августа 1922 г., на первой неделе этого месяца один фунт стерлингов приблизительно равнялся четырем с половиной долларам США, пятидесяти четырем французским франкам и девяноста шести итальянским лирам.

² *Bevan Vaughan. The Development of British Immigration Law.* London: Croom Helm, 1986. P. 71. Одна лондонская дама, работодателя которой в середине тридцатых годов положили ей недельную зарплату в три фунта десять шиллингов, вспоминала впоследствии, что «чувствовала себя богачкой» (*Alexander Tania. A Little of All These: An Estonian Childhood.* London: Jonathan Cape, 1987. P. 130).

³ Сейчас этих денег хватит разве что на пару кружек пива.

⁴ *Willis John H. Leonard and Virginia Woolf as Publishers.* P. 95. Согласно бухгалтерским отчетам «Хогарт Пресс», к 1930 г. чистая прибыль от реализации «The Gentleman from San Francisco» достигла 17 фунтов 6 пенсов (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, Accumulative profit and loss book 1927—37).

⁵ См. письмо Вулфа Котелянскому от 30 декабря 1922 г. (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 38).

⁶ См. письмо Зелцера Вулфу от 10 апреля 1923 г. (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 38).

⁷ См.: *Янгиров Р.* «Вы — друг старый и верный...». С. 184—185. За первую публикацию перевода «Господина из Сан-Франциско» в «The Dial» Бунину тоже ничего не полагалось, как следует из датированного октябрём 1922 г. письма от издателя журнала Скофилда Тейера (Scofield Thayer; 1889—1982) к редактору журнала Гилберту Селдесу (Gilbert Vivian Seldes; 1893—1970), см.: *Fetzer Leland. The Bunin—Koteliansky—Lawrence—Woolf Version of «The Gentleman from San Francisco».* P. 37.

продажу еще 127 экземпляров «Господина из Сан-Франциско»¹. По случаю присуждения Бунину Нобелевской премии² сборник решено было переиздать, причем Котелянский настаивал на коллекционном издании тиражом 300 экземпляров, с иллюстрациями какого-нибудь известного художника и по цене 3, а то и 5 фунтов за экземпляр, тогда как Вулф говорил, что коллекционные издания сейчас не раскупаются, и склонялся к тому, чтобы осуществить новое издание книги более или менее в том виде, в каком она была выпущена первоначально³.

Переиздание появилось в середине февраля 1934 г. тиражом 1200 экземпляров, и Бунин почти сразу же, через посредничество своего парижского литературного агента Уильяма Брэдли (William Aspenwall Bradley; 1878—1939), заявил протест. В ответном письме, составленном в достаточно энергичных выражениях, Вулф напоминал Брэдли об условиях сделки 1922 г.; о том, что копирайт английского перевода Бунину не принадлежит и принадлежать не может; о том, что Вулф все это время начислял Бунину обусловленный процент от реализации; и даже что однажды, услышав, что Бунин болен и сильно нуждается, послал ему чек на якобы причитающиеся тому 5 фунтов стерлингов, хотя издательство тогда задолжало Бунину лишь несколько шиллингов. В заключение Вулф указывал, что переиздание является его неотъемлемым правом, и предлагал продолжать выплачивать Бунину 10 процентов от дохода за проданные экземпляры⁴. Судя по тому, что 13 апреля 1934 г. «Хогарт Пресс» отправило Бунину чек на 3 фунта 8 шиллингов и 1 пенс в качестве выплаты за «Господина из Сан-Франциско»⁵, Бунин принял аргументы Вулфа и, так сказать, смирился с судьбой. К этому моменту разошлось более 400 экземпляров книги (включая 121 по предварительному заказу)⁶, а доход издательству, судя по ежегодным бухгалтерским отчетам, сохранившимся в университете Сассекса, она начала приносить лишь с 1936 г.⁷

¹ См. письмо секретаря «Хогарт Пресс» Бунину от 17 апреля 1931 г. (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 38).

² Поздравительное письмо Вулфа Бунину от 21 ноября 1933 г. см.: the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40.

³ См. письмо Котелянского Вулфу от 25 ноября 1933 г. и ответ Вулфа от 27 ноября 1933 г. (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 38). Любопытно, что Котелянский говорит тут о своем нежелании платить Бунину за републикацию хоть что-либо, тогда как Вулф твердо заявляет, что обязан выплатить автору гонорар, как это имело место и при первом издании.

⁴ См. письмо Брэдли от 2 марта 1934 г., адресованное секретарше «Хогарт Пресс» Маргарет Уэст (Margaret West), и ответ Вулфа от 5 марта (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 38).

⁵ См. the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 38.

⁶ См. the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, the Monthly and yearly sales sheet in the Accumulative profit and loss book 1927—37.

⁷ В 1935/36 финансовом году этот доход составил 1 фунт 1 шиллинг и 4 пенса; в 1936/37 — 3 фунта 18 шиллингов и 3 пенса; в 1937/38 — 2 фунта 13 шиллингов и 5 пенсов; а в 1938/39 — 1 фунт 4 шиллинга и 3 с половиной пенса (the Archives of the Hogarth Press at the University of Sussex, Annual accounts, Profit and loss book).

Но не будем забегать вперед. Почти за год до републикации «Господина из Сан-Франциско», а именно 21 марта 1933 г., «Хогарт Пресс» выпустило в свет английскую версию первых четырех книг «Жизни Арсеньева» под заглавием «The Well of Days». Инициатором издания как будто выступил сам Бунин, 17 октября 1931 г. обратившийся к Вирджинии Вулф из Грасса (с виллы «Бельведер») со следующим предложением:

Madame,

Je me permets de vous proposer mon dernier livre «La jeunesse d'Arseniev» pour «The Hogarth Press».

Agréer, Madame, mes sentiments les plus distingués.

Ivan Bounine (Ivan Bunin)

P.S. Comme traducteurs je vous propose MM. Hamish Milles <sic> et G. Struve (Paris)¹.

Г.П. Струве, однако, в сопроводительных примечаниях к письмам Бунина того периода, помещенным в итальянском журнале, сообщал:

Возможно, что я сам предложил Бунину взяться за этот перевод в сотрудничестве с моим приятелем Хэмишем Майлзом (Hamish Miles, <1894–1937>), который работал в одном из крупных лондонских издательств (Jonathan Cape, Ltd.) и был известен как переводчик современных французских писателей, в частности много переводивший тогда популярного в Англии Андрэ Моруа. Майлз русского языка не знал, и речь шла о том, чтобы я перевел роман на английский, а Майлз «отредактировал» его: хотя я и владел свободно английским языком, я несколько отвык от него за десять лет жизни на континенте <...> Я не

¹ Сударыня, позвольте мне предложить «Хогарт Пресс» мою последнюю книгу «Юность Арсеньева». Примите, сударыня, уверения в моих самых дружеских чувствах. Иван Бунин. P.S. В качестве переводчиков предлагаю Вам господ Хэмиша Майлза и Г. Струве (Париж). (The Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40.) К письму Бунин приложил список своих книг, вышедших в переводе на английский; вырезку из «Dagens Nyheter» с анонсом шведского перевода «Жизни Арсеньева» и положительными откликами на него; а также со следующим отзывом Марка Алданова о романе: «A propos de “La jeunesse d'Arseniev” M. M. Aldanov, un romancier et critique des plus éminents russes a dit: “Je pense que “La jeunesse d'Arseniev” occupe par sa force et sa beauté la première place parmi les oeuvres de Bounine; par cela il est également dit quelle place importante ce roman occupera dans la littérature russe et mondiale”» / «По поводу “Юности Арсеньева” г-н М. Алданов, один из самых известных русских романистов и критиков, сказал: “Думаю, “Юность Арсеньева” по своей силе и красоте первенствует среди произведений Бунина, что одновременно указывает на то, какое важное место этот роман займет в русской и мировой литературе”». Это не вполне точное переложение фрагмента из рецензии Алданова на «Жизнь Арсеньева»: «Думаю, что “Жизнь Арсеньева” занимает первое место среди его книг. Этим сказано, какое высокое место она занимает в русской литературе» (Современные записки. 1930. XLII. С. 523).

хотел поэтому браться за эту ответственную работу без чьей-то помощи. Майлз охотно откликнулся на мое предложение¹.

Как видим, Струве действовал, в сущности, по методу Котелянского². Вера Николаевна Бунина же, ничтоже сумняшеся, записывала в дневнике от 20 ноября 1931 г.: «Как, должно быть, Глеб способен к языкам, если он, не зная английского языка с детства, живя не в Англии, переводит на английский язык книги и берется за “Арсеньева”. Завидую этой способности»³.

Как бы там ни было, по исходящей от Струве информации, именно Майлзу «принадлежала идея предложить перевод издательству “Hogarth Press”»⁴. Издательство проявило интерес и попросило выслать книгу на прочтение. 22 октября того же года Бунин писал Вулфу из Грасса:

Cher Monsieur,

Je vous remercie beaucoup pour votre aimable lettre. Je vous envoie «La jeunesse d’Arseniev» en Suédois et en Russe.

Bien a vous

Ivan Bounine

(Ivan Bunin)

P.S. En russe mon roman porte comme titre: «La source des jours» (J’aime mieux ça que «La jeunesse d’Arseniev»). Si vous pouvez, voulez-vous bien m’écrire *en français*?⁵

¹ Струве Г. Из переписки с И.А. Буниным. S. 1–2. Струве изучал историю в Оксфордском университете в 1919–1922 гг., но с 1922 по 1924 г. жил в Германии, а затем, до 1932 г., — во Франции.

² В 1932 г. издательство Hutchinson выпустило еще один совместный перевод Майлза и Струве — на сей раз с французского: *Gay Court Life: France in the Eighteenth Century* / by Lucienne Ercole; translated from the French by Gleb Struve and Hamish Miles. London, 1932.

³ РАЛ. MS.1067/403.

⁴ Струве Г. Из переписки с И.А. Буниным. S. 2.

⁵ Милостивый государь, я очень благодарен Вам за Ваше любезное письмо. По-сылаю Вам «Юность Арсеньева» по-шведски и по-русски. Искренне Ваш, Иван Бунин. P.S. По-русски мой роман называется «Истоки дней» (что мне нравится больше, чем «Юность Арсеньева»). Если можно, пожалуйста, пишите мне *по-французски* (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40). Бунин придавал переводу заглавия большое значение, как свидетельствует его письмо Струве от 2 декабря 1931 г.: «по-итальянски <книга> называется “Юность Арсеньева”, по-шведски так же. Мне *очень* не нравится эта “юность”, да еще в соединении со словом, вполне непонятным для иностранца: “Что <за> Арсеньев такой? “ Как заглавие книги, лежащей перед критиком или в окне магазина, эта “Юность Арсеньева” чепуха. <...> Я лично все-таки стоял бы за “Истоки дней” (буде найдете хорошее английское слово, означающее эти *истоки*)» (Струве Г. Из переписки с И.А. Буниным. S. 12). Подобрать подходящее выражение, однако, было непросто. Бунин сам это понимал: «Кстати, я не знаю, как это перевести: the fountain, я думаю, не годится, ибо нужно найти слово, означающее не *источник*, а *начало реки*, именно *исток* ее, *верховье*» (Струве Г. Из переписки с И.А. Буниным.

Таким образом, Бунин отправил Вулфам первое отдельное издание романа по-русски — «Жизнь Арсеньева: Истоки дней» (Париж: Современные записки, 1930) и его шведский перевод — «Arsenjevs ungdom» (Stockholm: Hugo Gebers, 1931), осуществленный Рут Ведин Ротштейн (Ruth Wedin Rothstein; 1898–1962)¹. Внутренние рецензии были обычной издательской практикой, но многое зависело от того, к кому попадет предложенный текст, и окончательный исход вовсе не был предрешен заранее. Об этом свидетельствует следующая дневниковая запись В.Н. Буниной от 2 ноября того же года: «Письма: 1) от Глеба Струве, пишет насчет Вирджинии Вулф. Как будто есть надежда, что отнесется со вниманием, если, конечно, русские книги в ее издательстве не читает Святополк Окаянный»². Струве опасался, что внутреннюю рецензию может написать проживавший в Лондоне литературный критик Д.П. Святополк-Мирский (1890–1939), при участии которого в 1924 г. «Хогарт Пресс» выпустило «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» («The Life of the Archpriest Avvakum, by Himself»; Translated from Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D.S. Mirsky). Мирский был известен своими левыми взглядами вообще (в первой половине 1931 г. он вступил в Коммунистическую партию Великобритании, а в сентябре 1932 г. возвратился в СССР) и нелюбовью к Бунину в частности³. О том, что его контак-

S. 11). Буквальный перевод на английский, *The Source of Days*, ставил читателя в затруднение своей бессмысленностью, на что сотрудник «Хогарт Пресс» Джон Лемманн (John F. Lehmann; 1907–1987) указал в письме Брэдли от 16 декабря 1931 г. (см. the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40). Не устраивал такой вариант и Бунина, о чем он известил Струве письмом от 11 декабря 1931: «Должен сознаться, огорчен: разве *The Source* то же, что по-русски “истоки”? Это ключ, родник, но никак истоки, ни верховье реки. Лучше уж было бы просто взять “Начало” — “Начало дней”. Но все равно, — оставим пока так. Потом можно и переменить» (Струве Г. Из переписки с И.А. Буниным. S. 12–13). По предложению Майлза, решено было остановиться на слове *well*, означающем одновременно «колодец», «источник», «родник» и «фонтан». Согласно открытке, посланной Струве в конце февраля 1932, Бунин отреагировал так: «Well, кажется, неплохо, если не главный смысл этого слова “колодезь”» (Струве Г. Из переписки с И.А. Буниным. S. 15).

¹ Не лишним будет упомянуть, что сохранилось по меньшей мере одно письмо Бунина к «Рут Ивановне» от 11 июля 1933 г.; его текст см.: *Jaugelis Georg*. Корреспонденция русских писателей с лундскими славистами: I. 20 писем Ивана Алексеевича Бунина // *Slavica Lundensia*. I, 1973. S. 135; см. также РАЛ. MS.1066/4845. Кое-какие сведения о Ведин-Ротштейн можно почерпнуть в статье: *Юнггрен М.* Русские писатели в борьбе за Нобелевскую премию // *На рубеже веков: Российско-скандинавский литературный диалог* / Под ред. М.М. Одесской и Т.А. Чесноковой, М.: РГГУ, 2001. С. 5–15.

² Устами Буниных. Т. 2. С. 255.

³ Так, в книге *Contemporary Russian literature, 1881–1925* (London: Routledge, 1926) Святополк-Мирский называл Бунина одним из «самых непримиримых антибольшевиков. <...> Рассказы, содержащиеся в его последней книге (“Роза Иерихона”, 1924), не свидетельствуют о каком-либо развитии и редко достигают уровня ранних произведений. <...> когда Бунин переносит действие своих рассказов из знакомых и домашних реалий Елецкого уезда на Цейлон, в Палестину или даже в Одессу, стиль его теряет в силе и выразительности. В экзотических рассказах Бунин

ты с «Хогарт Пресс» сохранялись и в начале 1930-х гг., свидетельствует объявление издательства от февраля 1932 г. о намерении выпустить брошюру Мирского «Literature and Films in Soviet Russia» в серии «Day to Day Pamphlets» («Брошюры на каждый день»)¹. Тем не менее «Жизнь Арсеньева» досталась на отзыв не Мирскому, а писателю, журналисту и искусствоведу Реймонду Мортимеру (Raymond Mortimer; 1895–1980) — знакомому Майлза, в соавторстве с которым Мортимер выпустил роман «The Oxford Circus: A Novel of Oxford and Youth» (London: J. Lane, 1922). Сравнивая книгу Бунина с мемуарами французского литератора Альфонса де Ламартина (Alphonse de Lamartine; 1790–1869), Мортимер писал:

Не знаю, почему Бунин решил назваться Арсеньевым, так как книга, кажется, чисто автобиографическая. Это длинные воспоминания о жизни в русской провинции пятьдесят лет тому назад, написанные с мягким лиризмом, столь восхищающим в произведениях Тургенева и Гончарова. Книга насквозь проникнута подростковой ностальгией, на которую дополнительно накладывается ностальгия стареющего эмигранта. <...> Автор — христианин, отнюдь не симпатизирующий Советской России, но он не навязывает своих мнений и не подвергает нападкам нынешнюю систему. Ум автора не бросается в глаза, в книге мало психологических наблюдений, персонажи прорисованы смутно (все это, несомненно, сделано намеренно). Книга не то чтобы потрясает, но она мне необыкновенно понравилась. Тон ее всюду выдержан блестяще, и хотя трудно выделить какой-нибудь отрывок особо, выбрасывать тоже практически ничего не хочется. Думаю, книга непременно должна быть опубликована в Англии. Вряд ли ее ожидает сенсационный успех, но распродаваться она будет долго и стабильно².

оказывается несостоятелен, особенно когда старается быть поэтичным: красота его поэзии вдруг превращается в мишуру. Чтобы избежать несостоятельности при описании иностранной (и даже русской городской) жизни, Бунину приходится безжалостно подавлять свои лирические наклонности. Он вынужден быть смелым и резким, идя на риск упрощенности» (*Мирский Д. С.* История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. С. 604, 608; в оригинале последние строки звучат еще жестче: Bunin must mercilessly keep down his lyrical proclivities. He must be bald and terse at the hazard of becoming cheap). Репутация Мирского в бунинском кругу в описываемый период была очень низкой. Вот что, например, сообщал 17 января 1930 г. Вере Николаевне Буниной публицист и автор исторических романов Марк Александрович Алданов (наст. фам. Ландау; 1886–1957), при Буниных игравший роль как бы «ученого еврея» при губернаторе: «Теперь в смысле англ<ийских> и америк<анских> переводов будет верно еще труднее из-за той сводки, которую поместил Святополк-Мирский в “Брит<анской> Энциклопедии” <...> этот господин всем нам сделал много зла: в Англии он считается первым авторитетом по русской литературе!!» (University of Edinburgh Library, Special Collections, Gen. 565 (7)). Ср. гораздо менее трезвую оценку критических отзывов Мирского о Бунине: *Казни-на О.* Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину. С. 332, 341–342.

¹ *Willis John H.* Leonard and Virginia Woolf as Publishers. P. 374.

² The Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40.

В результате решение о публикации «Жизни Арсеньева» по-английски было принято, о чем Леманн уведомил Бунина в письме от 12 ноября 1931 г. В качестве переводчика, однако, вместо Струве и Майлза Леманн рекомендовал некоего Макса Истмана и просил Бунина помочь его разыскать¹.

Бунин ответил Леманну из Грасса 16 ноября 1931 года:

Cher Monsieur,

Je me hâte de vous bien remercier — je suis très heureux que vous avez trouvé mon roman «La source des jours» comme un livre intéressant pour vos Editions. Vous avez raison — la traduction de ce livre doit être la meilleure possible parce que c'est un poème, sa vocalisation et son vocabulaire ne sont pas ordinaires. Je vous ai proposé comme traducteurs Mr Hamish Miles (critique anglais, traducteur) et M.G. Struve (poète russe, Paris), mais vous préférez Mr Max Eastman. Alors j'ai écrit a mes amis de Paris et de Londres les priant de le trouver. Quant au contrat voulez-vous bien l'adresser a mon représentant: Mr W.A. Bradley, 5, rue Saint-Louis-en l'Ile, Paris 4.

Veuillez agréer, cher monsieur, mes sentiments les meilleurs pour vous et pour Mme & Mr Woolf.

Bien a vous

Ivan Bounine (Bunin)

P.S. Je ne connais pas, moi, Mr Max Eastman. Quels livres russes il a traduit?²

Одним из тех лиц, которым Бунин отправил запрос об Истмане, оказался и Алданов. 19 ноября, со своего парижского адреса (156, avenue de Versailles), Алданов послал Бунину открытку следующего содержания:

Дорогой Иван Алексеевич.

<...> сердечно поздравляю с устройством англ<ийского> издания «Арсеньева» — дай Бог настоящего, т.е. денежного успеха.

Насколько мне известно, Max Eastman если не большевик, то большевизан. Какое-то отношение он имеет к Троцкому: не то его

¹ См. РАЛ. MS 1066/3613.

² Милостивый государь, спешу поблагодарить Вас — я чрезвычайно рад, что мой роман «Истоки дней» заинтересовал Ваше издательство. Вы правы — перевод книги должен быть как можно лучше, потому что это поэма, ее вокализация и словарь необычны. В качестве переводчиков я предлагал Вам господ Хэмиша Майлза (английский критик и переводчик) и Г. Струве (русский поэт, Париж), но Вы предпочитаете г-на Макса Истмана. Итак, я написал моим друзьям в Париж и в Лондон, прося разыскать его. Насчет контракта обратитесь, пожалуйста, к моему представителю Mr W.A. Bradley, 5, rue Saint-Louis-en l'Ile, Paris 4. Примите, милостивый государь, уверения в моих самых лучших чувствах к Вам и к г-же и г-ну Вулфам. Искренне Ваш, Иван Бунин. P.S. Сам я не знаком с г-ном Максом Истманом. Какие русские книги он перевел? (The Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40.)

переводил, не то его восхвалял. Больше я ничего о нем не знаю. <...> Со всем тем, если издатель настаивает на Eastman'е, то не отказываться же из-за этого от книги — переводил ведь Вас и Морис, уже не большевикан, а настоящий коммунист¹. Это не так страшно.

Мои исторические романы переводил A<lfred> E<dward> Chamot <Альфред Эдвард Шамо; 1855–1934 — *A. P.*> (21 Grove Park, Denmark Hill, London S.E. 5). В большинстве рецензий (но были и исключения) его перевод хвалили. Думаю, что он с радостью взялся бы за перевод «Арсеньева». Но вообще рискованно навязывать издателю *своего* переводчика. <...>²

Американский поэт и журналист Макс Форрестер Истман (Max Forrester Eastman, 1883–1969) действительно был знаком с Троцким, писал о нем и переводил его³. Леманн, будучи близок англоязычным леворадикальным кругам, наверняка неоднократно слышал имя Истмана в связи с Россией и потому-то и предложил его Бунину. Не исключено, что Леманн также принимал во внимание то обстоятельство, что известность переводчика в США могла существенно поспособствовать продаже прав на американское издание (которое, кстати сказать, и появилось в 1934 г. в издательстве Alfred A. Knopf). По части известности, разумеется, Глеб Струве соперничать с Истманом не мог. Возможность заработка начинала уплывать от будущего историка эмигрантской литературы. Атмосфера тех дней за-

¹ Имеется в виду Морис Донзель (Maurice Donzel; 1883–1937), печатавшийся также под псевдонимом Парижанин; в его переводе французское издательство Editions Bossard в 1922 г. выпустило, в частности, того же «Господина из Сан-Франциско» (письма Донзеля Бунину хранятся в РАЛ. MS.1066/2294–2304). Экземпляр этой книги Бунин послал Тырковой-Вильямс в начале января 1922 г., прося устроить рецензию. Основываясь на фразе из письма Тырковой-Вильямс Бунину от 11 января 1922 г. («муж даст эту книжку англ<ийскому> романисту, который состоит литературным редактором книжной фирмы, печатающей переводы Чехова»), Казнина предполагает, что тут подразумевается Ленард Вулф (см.: *Казнина О.* Письма А.В. Тырковой-Вильямс И.А. Бунину. С. 332, 349, 360). Не говоря уже о том, что Вулфа вряд ли можно назвать романистом (основными его занятиями были политика и журналистика), множественное число в словосочетании «переводы Чехова» никак не может относиться к «Хогарт Пресс», потому что к началу 1922 г. издательство выпустило лишь один чеховский перевод — *The note-books of Anton Tchekhov, together with reminiscences of Tchekhov by Maxim Gorky / Transl. by S.S. Koteliensky and Leonard Woolf.* London, 1921. Не берусь, впрочем, предлагать альтернативную кандидатуру: в описываемый период переводы Чехова в Великобритании с большей или меньшей степенью регулярности выпускались несколькими издательствами — например, Duckworth, Heinemann, Hendersons, Kegan Paul, и, пожалуй, чаще других — Chatto & Windus.

² University of Edinburgh Library, Special Collections, Gen. 565 (3), 262/17. С вопросами об Истмане Бунин также обратился к В.В. Набокову, см.: С двух берегов. С. 197–199, 214–215.

³ См., например: *Eastman Max.* Leon Trotsky: The Portrait of a Youth. London: Faber & Gwyer, 1926; *Eastman Max.* Einstein, Trotsky, Hemingway, Freud and Other Great Companions: Critical Memoirs of Some Famous Friends. New York: Collier Books, 1962; *Trotsky L.* The Real Situation in Russia / Translated & edited by Max Eastman. London: Allen & Unwin, 1928.

фиксирована в краткой дневниковой записи Веры Николаевны Буниной от 20 ноября: «Истман — переводчик, которого ищут Вульф для книги Яна, оказывается, друг Троцкого. Глеб очень восстает против него»¹.

Позиция самого Бунина, в соответствии с советами, полученными от Алданова, была гибкой. Бунин откровенно признавался в письме Струве от 20 ноября:

Настаивать на том, чтобы взяли переводчиком именно Вас, я не мог, — очень еще боюсь, как бы дело не расстроилось. <...> что же мне все-таки делать, если «Hogarth Press» будет настаивать на Eastman'е? Ведь издательство мне может сказать, «Это не Ваше дело, *какого* именно переводчика мы берем, — это Вас не касается. Eastman пишет о Ленине, он друг Троцкого, но это еще не значит, что он большевик и за большевизм. А если бы даже он и был таким, зачем Вы вмешиваете *политику* в дело перевода?»².

Тем не менее десять дней спустя Бунин послал Струве еще одну открытку, где говорил о желательности того, чтобы Уильям Брэдли, пользуясь своим правом бунинского литературного агента, вновь обратился в «Хогарт Пресс» и «сказал бы, что и это очень неудобно — то, что <Истман> в Америке... что для Бунина будут очень долги и затруднительны сношения с ним (а сношения необходимы, ибо найдется немало слов в “Арсеньеве” почти никакому иностранцу непонятных)...»³.

Между тем уже 25 ноября вопрос решился к удовлетворению Струве и Майлза. В этот день Ленард Вулф написал Майлзу, прося того приняться за перевод, поскольку Истмана то ли не удалось разыскать, то ли он был перегружен работой и от сотрудничества с «Хогарт Пресс» отказался⁴. Параллельно Леманн вел переговоры с Брэдли о размерах бунинского гонорара. Издательство первоначально предлагало аванс в 20 фунтов стерлингов из расчета десятипроцентных отчислений с продажи первых двух тысяч экземпляров и пятнадцатипроцентных — в случае, если удастся продать еще больше. Со своей стороны, Брэдли высказался в пользу единовременной (и не облагаемой налогом) выплаты в обмен на передачу «Хогарт Пресс» прав на издание книги на территории Британской империи. В том случае, если книга будет выпущена и в США, 10 процентов от гонорара за американское издание должно было поступить «Хогарт Пресс», а 90 процентов — Бунину. Леманн отнесся к этой идее положительно. Единовременная выплата составила 35 фунтов стерлингов⁵.

¹ РАЛ. MS 1067/403.

² Струве Г. Из переписки с И.А. Буниным. S. 8–9. Возможно, речь идет о книге Истмана «Marx, Lenin and the Science of Revolution» (London: Allen & Unwin, 1926).

³ Струве Г. Из переписки с И.А. Буниным. S. 11.

⁴ The Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40.

⁵ См. письма Леманна Брэдли от 23 и 27 ноября 1931 г., письма Брэдли Леманну от 26 ноября и 3 декабря 1931 г. (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40), а также письмо Брэдли Бунину от 30 ноября 1931 г. (РАЛ. MS.1066/1963).

4 декабря 1931 года, все с того же французского адреса, Бунин писал Леманну:

Cher Monsieur,

J'ai reçu les lettres de Mr. Bradley et de M. Zetlin¹ et je vous remercie beaucoup — vous et Mme et Mr Woolf. J'ai répondu déjà a Mr. Bradley. Je suis très content que la question de la traduction est décidée en faveur de Mr H. Miles et M G. Struve.

Bien a vous

Ivan Bounine²

Бунин был не в восторге от условий договора, но не мог ничего сделать. В письме Струве от 11 декабря он сообщал: «А знаете, сколько я взял? Никогда еще так не брал! 35 фунтов — чохом, оптом — и *никаких больше процентов никогда!*»³. Бунин наверняка бы огорчился еще больше, если бы узнал, что, в результате переговоров с Леманном и Вулфом, Майлз и Струве получили за свою работу по 30 фунтов на брата — т.е. каждый почти столько же, сколько сам Бунин за оригинальное произведение!⁴

Впрочем, с американской частью договора Бунин явно не прогадал. 10 ноября 1933 г. издательство «Alfred A. Knopf», вознамерившееся выпустить «The Well of Days» в США, перечислило «Хогарт Пресс» аванс в 50 фунтов стерлингов из расчета десятипроцентных отчислений с продажи первых двух тысяч экземпляров, и пятнадцатипроцентных — в случае, если удастся продать еще больше⁵. 90 процентов от этой суммы причиталось Бунину. Благодаря тому что Бунин недавно стал нобелевским лауреатом, за первые пол-

¹ Имеется в виду писатель и издатель Михаил Осипович Цетлин (1882–1945); по всей вероятности, речь идет о выдаче им разрешения на публикацию английского перевода «Жизни Арсеньева», впервые вышедшего в виде книги в издательстве «Современные записки», к которому Цетлин имел некоторое отношение; среди известных нам писем Цетлина Бунину (см. РАЛ. MS 1066/5640–5650) ничего подходящего не обнаружено.

² Милостивый государь, я получил письма от г-на Брэдли и г-на Цетлина и очень Вас благодарю — Вас и г-жу и г-на Вульф. Я уже ответил г-ну Брэдли. Я очень доволен тем, что вопрос о переводе разрешился в пользу господ Х. Майлза и Г. Струве. Искренне Ваш, Иван Бунин. (The Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40.)

³ *Струве Г.* Из переписки с И.А. Буниным. S. 13.

⁴ См. письма Леманна Майлзу от 1 января 1932 г., Майлза Леманну от 3 января 1932 г., Вулфа Майлзу от 5 января 1932 г. (ошибочно датированное Вулфом 5 января 1931 г.), а также расписку Струве в получении 10 фунтов стерлингов 13 февраля 1932 г., уведомление секретаря «Хогарт Пресс» об отправке Струве 20 фунтов стерлингов 25 мая 1932 г. и извещение о том, что, по получении рукописи перевода 18 ноября 1932 г., Струве был выдан чек на имя Майлза на оставшуюся сумму в 30 фунтов стерлингов (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40).

⁵ См. соответствующее письмо европейского представителя Alfred A. Knopf с 1930 по 1949 г. Реймонда Уильяма Постгейта (Raymond William Postgate, 1896–1971) к Маргарет Уэст (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40).

года после выхода книги (январь—июнь 1934 г.) разошлось 2511 экземпляров, а за следующие — 114¹. В архиве «Хогарт Пресс» сохранилась датированная 31 мая 1935 г. расписка секретаря из офиса Брэдли в получении 7 фунтов 11 шиллингов и 6 пенсов — бунинской части гонорара за экземпляры «The Well of Days», распроданные в США с 1 июля по 31 декабря 1934 г.

Британское издание, выпущенное до присуждения Нобелевской премии, поначалу расходилось более вяло. Книга вышла в марте 1933 г. тиражом 1200 экземпляров. Несмотря на положительные отзывы в прессе², за первые полгода удалось распространить лишь 465 экземпляров. Благодаря присуждению Нобелевской премии, за следующие полгода было распродано 643 экземпляра (случай почти уникальный, т.к. обычно в практике «Хогарт Пресс» показатели за второе полугодие были заметно ниже показателей за первое)³. Неудивительно, что, согласно отчетности за 1934/35 финансовый год, «The Well of Days» принес 33 фунта 15 шиллингов и 10 пенсов дохода, в следующем финансовом году — 10 фунтов 15 шиллингов и 11,5 пенса, а в 1936/37 г. — 9 фунтов 14 шиллингов и 11 пенсов⁴. Ожидания

¹ Книга пользовалась спросом и позже: в 1935 г. было раскуплено 66 экземпляров, в 1936 г. — 47, в 1937 г. — 21, а в 1938 г. — 19 (см. the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, MS 2750, file no. 40).

² В рецензии переводчика, романиста и историка Р.Д. Шарка (Richard Derek Charque; 1899—1959), помещенной в «The Times Literary Supplement» от 23 марта 1933 г., о Бунине говорилось как о самом заметном (the most noted) писателе-эмигранте; статья же Э. Гарнетта (Edward Garnett; 1868—1937) — мужа известной переводчицы с русского Констанс Гарнетт — в газете «The Manchester Guardian» (от 7 апреля 1933 г.) без обиняков называлась «Русский гений» (следует учитывать, что британцы обычно достаточно сдержанны при раздаче превосходных эпитетов и степеней). Бунину, впрочем, отзыв «The Times Literary Supplement» не понравился. Ознакомившись с текстом Шарка, Бунин писал Струве 26 марта того же года: «разъясните хоть немного, хоть издательству (если нельзя идиотам-критикам) смысл моей книги — т.е. что она отнюдь не автобиография сына Обломова! Нынче получил через Bradley'я вырезку из литературного приложения к «Times» и истинно ахнул: что *пишут* дураки, сукины дети!» (Струве Г. Из переписки с И.А. Буниным. С. 18). Шарк, однако, нигде не утверждал, что «Жизнь Арсеньева» — это автобиография сына Обломова. В самом начале рецензии он указывал на автобиографический характер книги, а в самом конце сравнил потрепаный халат Арсеньева-отца с халатом Обломова, говоря, что оба халата как бы символизируют образ жизни, характерный для ушедшей эпохи. В целом Шарк демонстрирует вполне адекватное понимание «Жизни Арсеньева», что явствует из следующих высказываний: «лирическая меланхолия и осознание того, что человек смертен, неизменно наполняют описание припоминаемых событий и переживаний <...>; персонажи, с которыми мы знакомимся, хотя временами прорисованы и нечетко, оставляют впечатление некоей тревожной интимности благодаря атмосфере восхищения и сожаления, в которой они изображены». Гарнетт писал в аналогичном ключе: книга «остаётся в памяти благодаря пронизывающей ее красивой атмосфере»; «в <каких-нибудь> шести строках писатель может воссоздать целый рой образов»; «магическая свежесть и полнота юношеских чувств повсюду сопряжены с особым поэтическим чувством пейзажа и страстной глубиной восприимчивости».

³ См. the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, the Monthly and yearly sales sheet in the Accumulative profit and loss book 1927—37.

⁴ См. the Archives of the Hogarth Press at the University of Sussex, Annual accounts, Profit and loss book.

Реймонда Мортимера насчет долгой и стабильной распродажи «Жизни Арсеньева» полностью оправдались.

Немалую роль в финансовом успехе «Жизни Арсеньева» сыграл удачный «экспорт» ее британского издания в США. Бывали и обратные примеры «экспорта» американских переводных изданий в Соединенное Королевство (зачастую менее успешные, поскольку британская публика обычно отторгала неизбежные в таких переводах «американизмы» — при этом снисходительно относясь к аналогичным «американизмам» в оригинальных произведениях из американской жизни). В подобных случаях «Хогарт Пресс» выступало не инициатором публикации, а как бы всего лишь партнером какого-нибудь американского издательства по распространению той или иной книги в Великобритании. История со сборниками рассказов, озаглавленными «Грамматика любви» и «Дело корнета Елагина», — из этого разряда.

«Grammar of Love» представляла собой сборник рассказов Бунина («Солнечный удар», «Ида», «Метеор», «В ночном море», «Неизвестный друг», «Прекраснейшая солнца», «Товарищ Дозорный», «История с чемоданом», «Игнат», «При дороге»), переведенный выходцем из России Джоном Курносом (John Cournos; 1881–1966) — американцем, долгое время жившим в Великобритании¹. Изначально книга была выпущена в 1934 г. в США в издательстве «Смит и Хаас» («Harrison Smith & Robert Haas»). 24 июля 1934 г. Брэдли обратился к Вулфу с предложением приобрести британские права на книгу². Ознакомившись с гранками американского изда-

¹ О Курносе см. его *Autobiography* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1935), а также: *Тиханов Г.* Бахтины в Англии: Дополнения к биографии Н.М. Бахтина и к истории рецепции М.М. Бахтина // *Тыняновский сборник*. Вып. 10. М., 1998. С. 596; *Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian—English Life, 1890—1939*. Oxford, 2000. P. 334.

² Этому письму предшествовал комический эпизод, недурно иллюстрирующий бунинскую манеру обращения с литературными агентами и издателями. Недовольный тем, как Брэдли представляет его интересы (в письме к Струве от 12 февраля 1934 г. Бунин назвал Брэдли «ни к черту не годным бездельником», см.: *Струве Г.* Из переписки с И.А. Буниным. S. 24), Бунин попросил об оказании посреднических услуг новообразованное агентство Марка Слонима (1894–1976) Bureau Littéraire Européen, о чем уведомил Вулфа — отвечая на его запрос от 1 февраля 1934 г. о том, не хочет ли Бунин предложить «Хогарт Пресс» что-нибудь еще из числа произведений, пока не опубликованных в Великобритании — в следующем письме от 6 февраля 1934 г., отправленном с виллы Бельведер: «Monsieur, J'ai reçu votre aimable lettre et je vous prie de l'adresser a mon représentant littéraire: Monsieur Marc Slonim, Bureau Littéraire Européen, 13, rue Bonaparte, Paris 6. Veuillez agréer, Monsieur, l'expression de mes sentiments distingués, Ivan Bounine (Ivan Bunin)» / «Сударь, я получил Ваше любезное письмо и прошу Вас обратиться к моему литературному агенту, господину Марку Слониму, Европейское литературное бюро, 13, rue Bonaparte, Paris 6. Примите, сударь, уверения в моих дружеских чувствах. Иван Бунин» (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, file no. 39). Согласно письму к Струве от 26 марта 1934 г., Бунин предполагал, что со Слонимом издатели станут «вести *предварительную* переписку, условия заключать с Брэдли» (*Струве Г.* Из переписки с И.А. Буниным. S. 26). Вулф, однако, принял извещение Бунина в том смысле, что от услуг Брэдли Бунин полностью отказался. Это вызвало обиженную реакцию Брэдли, который в письме Маргарет Уэст от 22 февраля 1934 г. довольно-таки раздраженно заявлял, что он по-прежнему представляет ин-

ния, Вулф согласился издать сборник в Великобритании, о чем известил Брэдли 6 августа того же года. «Хогарт Пресс» закупило у «Смит и Хаас» 1500 экземпляров наборных листов на общую сумму 250 долларов 60 центов и выпустило книгу в свет в марте 1935 г. Гонорар Бунина по сравнению с прежними изданиями несколько повысился: писатель получил аванс 25 фунтов стерлингов из расчета пятнадцатипроцентных отчислений с продажи первых полутора тысяч экземпляров, и двадцатипроцентных — в случае, если удастся продать еще больше¹.

Критика приняла книгу не вполне благосклонно — так, рецензия Р.Д. Шарка в «The Times Literary Supplement» от 7 марта 1935 г. отмечала недостатки перевода и сопоставляла Бунина с Чеховым — не в пользу Бунина, чей лиризм был назван «натужным» (forced) и чья манера в целом была охарактеризована как «безыскусный романтизм» (artless romanticism). Лишь два последних рассказа в сборнике удостоились высокой оценки за якобы типичный для лучших бунинских произведений «особенный сплав мрачного натурализма с поэтическим и субъективным психологизмом» (the

тересы Бунина (см. the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, file no. 40). Нечего и говорить, что Бунин вел себя вопреки общепринятым правилам, не только прибегая к услугам одновременно нескольких литературных импрессарио, по существу ведущих одни и те же дела (разграничение обязанностей шло в основном по географическому признаку: согласно письму Слонима Бунину от 18 октября 1934 г. (см. РАЛ. MS.1066/5239), в компетенцию Слонима входила защита авторских прав Бунина «во всех европейских и заокеанских странах», кроме Великобритании, Швеции и США), — но и обращаясь к издателям напрямую и даже прося переводчиков пристраивать свои книги. Так, от имени и по поручению Бунина в феврале 1934 г. Струве вел переговоры об отдельной публикации пятой книги «Жизни Арсеньева» и/или «Суходола» и «Митиной любви» в «Хогарт Пресс», за что, как становится очевидным из письма Бунина Струве от 15 марта 1934 г., Бунину «порядочно влетело от <...> парижских агентов: “не путайтесь, пожалуйста, в наши дела, не имеете никакого права поручать кому бы то ни было, кроме нас, вести переговоры о Вас с издателями!” Что ж, правильно» (Струве Г. Из переписки с И.А. Буниным. S. 25) — и это при том, что в «Письме в редакцию» парижских «Последних новостей» от 14 января 1934 г., в котором Бунин объявлял о подключении к своим литературным делам агентства Слонима, недвусмысленно указывалось: «Некоторые переводчики, ранее обращавшиеся ко мне, получили от меня <...> те или иные обещания о предоставлении им права перевода моих произведений. Эти мои обещания теперь недействительны без формального закрепления их через моего вышеназванного представителя». Видимо, в своих отношениях с издателями Бунин руководствовался двумя основными принципами: 1) if you don't ask, you don't get (не попросишь — не получишь) и 2) if you want to do something right, do it yourself (если хочешь сделать что-то как следует, делай это сам). В процитированном выше письме Слонима от 18 октября 1934 г., адресованном Бунину, говорится: «Вы сохраняете за собою право вести переговоры об издании переводов Ваших произведений на иностранные языки, с тем, однако, что о переговорах этих мое Бюро должно быть своевременно поставлено в известность и что самые соглашения должны быть заключаемы при моем участии» (РАЛ. MS.1066/5239). «Сводка переводов произведений И.А. Бунина, по странам, на 14 июня 1934 г.» (РАЛ. MS.1066/5240) испещрена пометами писателя: «устроено мною», «тоже», «тоже», «это опять устроил лично я...».

¹ См. письмо Брэдли Маргарет Уэст от 8 ноября 1934 г. (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, file no. 39).

peculiar mingling of a grimly naturalistic theme with a poetical and subjective psychology). Анонимный рецензент в «The Times» от 8 марта 1935 г. тоже упрекал Бунина в подражательстве Чехову («удачное подражательство которому невозможно») и также обнаруживал преимущество двух последних рассказов в сборнике перед остальными. О недостатках других рассказов говорилось, например: «в некоторых случаях тема неясна и неточно обозначена, а краткие лирические излияния автора выглядят довольно бессмысленно» (in some cases the theme is vague and ill-defined, and the author's little bursts of lyrical writing appear to have little meaning).

По причине ли отсутствия энтузиазма у критиков, или потому, что краткий всплеск интереса к Бунину, стимулированный Нобелевской премией, уже угас, «Grammar of Love» в Великобритании распродавалась довольно медленно. За первые шесть месяцев с момента издания книги разошлось только 412 экземпляров¹, и даже в отчете за 1937/38 финансовый год сборник значится в разделе «убытки»².

Сборники рассказов вообще, как правило, раскупаются хуже, чем романы, а посему «Хогарт Пресс» предпочло бы получить от Бунина какой-нибудь новый роман³. В феврале или марте 1934 г. Струве известил издательство о том, что Бунин работает над продолжением «Жизни Арсеньева»⁴. Эта информация была подтверждена и год спустя в переписке секретарш Уильяма Брэдли и «Хогарт Пресс»⁵. Между тем издательство «Alfred A. Knopf», при посредничестве Брэдли, предложило «Хогарт Пресс» приобрести британские права на выпуск еще одного сборника рассказов Бунина под заголовком «The Elaghin Affair and Other Stories», куда вошли следующие произведения: «Дело Корнета Елагина», «Казимир Станиславович», «Мордовский сарафан», «Страшный рассказ», «Темир-Аксак-Хан», «Крик», «Звезда любви», «Преображение», «Сверчок», «Далекое», «Цикады», «Ночь отречения», «Третьи петухи», «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее», «Суходол». Перевод был осуществлен книготорговцем и писателем Бернардом Герни (Bernard Guilbert Guerneу; 1894–1979), переводившим также Гоголя, Тургенева, Мережковского, Горького, Куприна, Замятина и др. Из письма менеджера «Хогарт Пресс» к Брэдли от 1 января 1935 г. и письма В. Скрябиной к Маргарет Уэст от 5 февраля того же года явствует, что британское издательство отнеслось к идее с интересом и даже предложило Бунину условия, аналогичные тем, которые писатель принял в связи с выходом лондонского издания «Grammar of Love»⁶. «Knopf», однако, запросило от 260 до 300 долла-

¹ См. the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, the Monthly and yearly sales sheet in the Accumulative profit and loss book 1927–37.

² См. the Archives of the Hogarth Press at the University of Sussex, annual accounts, profit and loss book.

³ См. письмо Маргарет Уэст Марку Слоному от 9 февраля 1934 г. (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, file no. 39).

⁴ Струве Г. Из переписки с И.А. Буниным. S. 25.

⁵ См. письмо В. Скрябиной к Маргарет Уэст от 5 февраля 1935 г. (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, file no. 590).

⁶ См. the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, file no. 590.

ров США за изготовление одной тысячи наборных листов («Хогарт Пресс» было согласно заплатить только 50 фунтов, что по тогдашнему обменному курсу составляло приблизительно 244 доллара), да еще предлагало британцам выплатить часть гонорара переводчику, а именно 168 долларов (при том, что качеством перевода «Хогарт Пресс» было недовольно и требовало внести изменения). В результате предполагаемые расходы «Хогарт Пресс» должны были намного превысить ожидаемый доход — нельзя сказать, что Бунин был автором бестселлеров в западном смысле слова, да к тому же «Хогарт Пресс» только что напечатало «Grammar of Love» (принятую читателями без энтузиазма) и было явно заинтриговано сообщениями о том, что вот-вот появится продолжение «Жизни Арсеньева» (в переписке агентства Брэдли и «Хогарт Пресс» фигурирующее под рабочим названием «Она»¹). Чтобы не перенасытить британский рынок Буниным себе в убыток, издательство в конечном итоге предпочло отказаться от сотрудничества с «Кноpf» и «The Elaghin Affair» в Британии не выпускать².

Увы, продолжение «Жизни Арсеньева» — «Лица» — вышло в Брюсселе, в издательстве «Петрополис», лишь в 1939 г., а значит, с 1935 по 1939 г. вести деловые переговоры между Буниным и «Хогарт Пресс» о выпуске нового романа не имело смысла. Этот период может быть охарактеризован бунинским высказыванием об отношениях с «Хогарт Пресс», сделанным еще в июне 1934 г.: «С “Hogarth Press” я не “расплевался” — просто не вижу с их стороны никакого шага ко мне»³. Начавшаяся вскоре Вторая мировая война, самоубийство Вирджинии Вулф (1941) и состоявшаяся в 1946 г. продажа «Хогарт Пресс» издательству «Чатто и Уиндас» («Chatto & Windus») привели к тому, что контакты «Хогарт Пресс» с Буниным не получили продолжения. Тем не менее бывший сотрудник Вулфов, а с 1938 г. — и партнер Ленарда по «Хогарт Пресс» Джон Леманн, основав собственное издательство, после войны выпустил бунинские «Темные аллеи» и воспоминания⁴. Но это уже совсем другая история⁵.

¹ Французский перевод позже вышел также под названием «Она»: *Bunin I. Elle: Roman / Traduit par Maurice Parigianine. Paris: Stock, 1938.*

² См. письма менеджера «Хогарт Пресс» к Брэдли от 6 и 20 февраля, 26 марта и 5 и 12 апреля 1935 г. (the Archives of the Hogarth Press at the University of Reading, file no. 590).

³ *Струве Г.* Из переписки с И.А. Буниным. С. 28.

⁴ См.: *Dark Avenues and Other Stories / Trans. by R. Hare, London: John Lehmann, 1949; Memories and Portraits / Trans. by V. Traill and R. Chancellor, London: John Lehmann, 1951.* Экземпляр контракта на издание «Темных аллеи» (от 19 июня 1946 г.; Бунину было предложено 50 фунтов стерлингов аванса из расчета десятипроцентных отчислений с продажи первых трех тысяч экземпляров, и пятнадцатипроцентных — в случае, если удастся продать еще больше) хранится в РАЛ (MS 1066/3614).

⁵ Автор благодарит Екатерину Рогачевскую, Гвенелль Ларденуа, Ричарда Дэвиса и Магнуса Юнггрена за помощь в подготовке данного материала, а также Отдел рукописей Британской библиотеки и архивы Редингского, Сассекского, Лидского и Эдинбургского университетов за содействие публикации.

ПО СЛЕДАМ ПАРИЖСКОЙ КОМАНДИРОВКИ

Из писем Г.В. Адамовича, Т.А. Осоргиной-Бакуниной
и Н.Б. Зайцевой-Соллогуб

Публикация Татьяны Николеску*

Слова, произнесенные А. Твардовским с трибуны писательского съезда (первого после смерти Сталина): «Бунин — по времени последний из классиков русской литературы, чей опыт мы не имеем права забывать», а затем повторенные в его предисловии к Собранию сочинений в 9 томах (1965 г.), сняли многие из еще существовавших препятствий, и бунинские произведения стали доступны широкому читателю в Советском Союзе. Заодно стали доступны и некоторые архивы, материалы до тех пор неизвестные: какие-то из них были щедро подарены Верой Николаевной Муромцевой-Буниной и использованы А. Бабореко в его книге (одной из первых книг о Бунине, вышедших в СССР). Конец 1960-х гг. в советском литературоведении был отмечен многими публикациями и статьями о Бунине в журналах и альманахах («Новый мир», «Вопросы литературы»), появлением монографий (О. Михайлова, В. Афанасьева, А. Волкова, Т. Бонами). Разные по своему литературоведческому уровню, они внесли, так или иначе, полезный вклад в буниноведение. Но везде очень бегло и односторонне рассматривался эмигрантский период, который советские исследователи трактовали как время упадка бунинского таланта. Когда я начала внимательно изучать творчество Бунина, эта точка зрения показалась мне неприемлемой, поскольку она противоречила фактам, и мне захотелось написать о нем монографию.

Написать книгу о Бунине было очень заманчиво. Еще в довоенные годы мне довелось познакомиться со многими его произведениями, преимущественно по парижским изданиям. В то время в Бухаресте, где я жила, существовала частная, домашняя русская библиотека, которую содержала интеллигентная пожилая дама. Там можно было найти много ценных изданий, приобретенных еще до революции, либо в 1920–1930-е гг., когда общение с Францией было свободным. В основном это были книги рус-

* © Татьяна Николеску, 2004

ских классиков. О советской литературе в Румынии тогда знали мало, поскольку книги из СССР почти не поступали из-за «железного занавеса».

Русская литература занимала важное место в культурной жизни Румынии XIX и начала XX в. Особенно много переводились и были широко известны произведения Достоевского и Толстого. Не последнюю роль сыграл в этом пример Франции. Румынская культура, румынский писательский мир во многом ориентировались на французскую культуру.

Меньше был знаком румынский читатель с писателями предреволюционных лет. Например, Андрей Белый долгие годы оставался неизвестным. Первые румынские переводы рассказов Бунина появились в 1916–1917 гг. (среди них «Господин из Сан-Франциско», «Легкое дыхание»), одновременно стали печататься в известных литературных журналах небольшие статьи о русском писателе. Более широко румынские читатели познакомились с бунинскими произведениями в начале 1920-х гг. И опять же, думается, не без влияния примера Франции, где начали печатать и в журналах, и отдельными изданиями, иногда повторными, переводы «Деревни», ряда рассказов («Господин из Сан-Франциско», «Сны Чанга», «Грамматика любви» и т.д.) и новелл («Суходол», «Митина любовь», «Игнат» и др.). И в Румынии бунинским рассказам открыли дорогу журналы; лишь в 1926 г. под названием «Чаша жизни» вышел первый не очень объемный сборник, состоявший в основном из уже известных румынскому читателю произведений («Господин из Сан-Франциско», «Легкое дыхание», «Аглая», «Последнее свидание» и др.). Нельзя сказать, что Бунину повезло в те годы с румынскими переводчиками. Большинство из них не обладали достаточным мастерством для передачи тонкого и неподражаемого бунинского стиля. В лучшую сторону выделялся лишь сборник, вышедший в 1936 г. под заглавием «Новеллы». Переводчиком тут выступала Лучия Деметриус, в то время молодая, начинающая писательница, ставшая затем довольно известной литературной фигурой. Если подвести какой-то итог этому периоду в распространении произведений Бунина в Румынии, то можно отметить, что переводчики предпочитали в основном краткие тексты и в особенности рассказы о любви («Солнечный удар», «Последнее свидание», «Сын», «Игнат» и др.).

Новая волна интереса к творчеству Бунина отнесится к 1960-м гг. Румыния была уже страной социалистического лагеря, и на этот раз сказались отношение к писателю в Советском Союзе. В эти годы были переведены все главные произведения писателя (в центре стояли «Деревня» и «Суходол», но теперь переводчики обратили внимание также и на ранние рассказы, и на цикл «Темные аллеи», и, конечно, на роман «Жизнь Арсеньева»). Однако важно не столько количество переводов, сколько их художественный уровень. По установленной в те годы системе в переводах обычно участвовало два человека: знаток языка, отвечающий за точность перевода, а также писатель, стремящийся передать все литературные достоинства текста. Так, в переводе романа «Жизнь Арсеньева» принимал участие известный писатель Штефан Аугустин Дойнаш, а переводы некоторых рассказов из «Темных аллеи» принадлежат одной из лучших переводчиц — Валерии Садовяну.

Таким образом, была создана основа для историко-литературного восприятия личности русского писателя. К этому времени мне тоже посчастливилось заниматься переводами из Бунина, а кроме того, написать несколько статей: о его поэтическом творчестве, о крестьянской теме в его прозе, о художественных особенностях его поздних рассказов. Отроческие читательские увлечения приняли осознанный, целенаправленный характер, и родилась мысль написать монографию о Бунине. В какой-то мере она была подсказана во время написания предыдущей книги — о Толстом. Книга Бунина «Освобождение Толстого» не только глубоко взволновала меня, но и вызвала желание написать что-то подобное об авторе, глубже понять и объяснить личность Бунина и значение его творчества, показать трагизм судьбы этого глубоко русского писателя, вынужденного провести последние три десятилетия своей жизни на чужбине.

Изучение первого этапа творческого пути писателя, дореволюционного, требовало, кроме ознакомления с журнальной и газетной критикой (что прекрасно обеспечила работа в Ленинке), и обращения к архивам, в первую очередь к переписке Бунина. Письма дореволюционных лет сохранились в основном в России. В 1960—1970-е гг. многое уже активно печаталось российскими исследователями (А. Бабореко, О. Михайлов, С. Гольдин и др.), но оставалось немало и не вошедшего в научный обиход. Что-то можно было найти в рукописном отделе Ленинки (письма П. Гайдебурова) и в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (письма к А. Коринфскому). Часть писем брата Юлия Алексеевича, а также самого Бунина к нему или к Телешову, находились в архиве Института мировой литературы им. Горького, где отзывчивая и милая Людмила Кирилловна Куванова позволяла продолжать работать даже после закрытия архива. А ведь работа требовала много времени: ксероксов не было, все переписывалось от руки. Но наиболее осязаемые результаты дала поездка в Орел. В музее им. Тургенева хранились письма Бунина, много газетных вырезок, частично присланных Верой Николаевной, некоторые рукописи, в том числе и не напечатанные, подшивка газеты «Орловский вестник», ряд дневниковых записей. Всем этим заведовал необыкновенный человек — Александр Иванович Понятовский, энтузиаст, готовый всегда и всем помочь. Он жил там же, при музее, и жил этим музеем, полностью отдавая своей работе.

Работа в этих библиотеках и архивных фондах дала богатый материал, открывавший много нового для иностранного читателя (т. е. румынского), к которому обращалась моя книга. Однако мне это не казалось достаточным. Нельзя было восстановить творчество Бунина во всем его значении, не представив полную и объективную картину его развития в эмиграции, а монографии, вышедшие в СССР, страдали предвзятостью. Хочу уточнить: основным побуждением было вовсе не желание полемизировать, опровергать или утверждать свой приоритет, а глубокое убеждение, что пример Бунина — это редкий случай таланта, сохранившего свою свежесть и блеск вопреки возрасту и отсутствию непосредственного контакта с изображаемой действительностью. Произведения Бунина доказывают, что тоска по родине, своеобразный поиск утраченного времени могут оказаться мощным поэтическим стимулом.

Кроме того, я поставила себе задачу восстановить по мере возможностей то литературное и человеческое окружение, тот воздух, краски, запахи, в которых его произведения родились. И для этого казалось необходимым (даже если это трудно было осуществить) поехать туда, где писатель провел годы своей эмиграции.

Задача облегчалась тем, что я проживала в Румынии, работала в Бухарестском университете, была членом Союза румынских писателей и в период «либерализации» (пришедшийся на конец 1960-х) смогла получить в начале января 1970 г. короткую командировку в Париж для написания задуманной книги.

В те годы еще можно было найти людей, которые помнили Бунина. О том, что в Париже до сих пор живут Борис Зайцев, Леонид Зуров, я знала, но общих знакомых с ними у меня не было. Кроме того, меня привлекала мысль, что в Париже мне, быть может, удастся восстановить в какой-то мере атмосферу эпохи, литературной жизни при помощи журналов и газет — русских и французских.

Именно поэтому первый парижский «поход» был предпринят в Национальную библиотеку и увенчался неожиданным успехом. Один из сотрудников, увидев мои «требования», посоветовал поговорить с Татьяной Алексеевной Осоргиной, которая отвечала в библиотеке за славянское отделение и в то время как раз составляла библиографию русских писателей-эмигрантов. Долголетний опыт работы в разных архивах неоднократно доказывал, что очень важно найти такое «ключевое лицо», которое может дать первые указания, а потом уже клубок сам разматается. Татьяна Алексеевна Осоргина была не только очень опытным библиографом, но вообще весьма образованным человеком, хорошо знавшим литературную жизнь русской эмиграции и из книг, и в особенности из личного общения и опыта. Бунина она, конечно, лично знала, но о нем как человеке отзывалась сдержанно, говорила о его холодности, высокомерности и противопоставляла ему Куприна, который, по ее словам, был «очень добрым».

Благодаря Т.А. Осоргиной я познакомилась с Натальей Борисовной Зайцевой-Соллогуб, с которой у нее были тесные дружеские отношения.

Знакомство с Натальей Борисовной во многом облегчило мою работу и, самое главное (за что я ей навсегда осталась благодарна), дало мне возможность как-то осязаемо почувствовать последнее дыхание жизни и мира русской литературной эмиграции, как сейчас принято говорить, «первой волны». Незабываемы те несколько посещений ее дома (тогда семья жила, если я не ошибаюсь, на авеню дю Шале), беседы с ней, а также с ее отцом, Борисом Константиновичем Зайцевым.

Считаю большим, даже исключительным счастьем, что мне довелось слушать рассказы, воспоминания Зайцева о Бунине и о жизни русских писателей в Париже. Несмотря на свои преклонные годы и на некоторую глухоту, Зайцев прекрасно сохранил память, иногда вплоть до мельчайших подробностей (например, о склонности Бунина «крепко» выражаться, в чем мне до того уже пришлось удостовериться, прочитав некоторые письма, сохранявшиеся в архиве Тургеневского музея в Орле). Рассказы Бориса

Константиновича были очень интересными, живыми, в них переплетались чисто личные оценки с общими комментариями. О таланте Бунина он высказывался в «превосходной степени», без малейших критических замечаний, что так редко бывает, когда писатель говорит о своем коллеге. Называл его все время «Иван», и тем самым как бы стирались годы двадцатилетней разлуки после смерти Бунина и в разговор входила какая-то нота близости, я посмею сказать, даже нежности. И она продолжала существовать, соединяясь с грустью, когда Зайцев перешел к рассказу о той размолвке, которая произошла в 1947 г., в связи с расколом в парижском «Союзе русских писателей и журналистов». Это уже было в прошлом, стало достоянием истории, теперь же в 1970 г. в голосе рассказчика звучала безмерная грусть об утрате друга и глубокое мудрое сожаление о том, что житейские бури развели их. «Голубиный дух» — так назвал Зайцев другого русского писателя-эмигранта, своего современника и друга Константина Мочульского, но эти же слова мне хотелось бы сказать и о самом Борисе Константиновиче, вспоминая то давнее посещение и разговор с ним. В нем было столько светлого, доброжелательного, с такой доброй милой улыбкой говорил он о слабостях людей, например о жажде славы (даже если и скрываемой) у Бунина, о кокетничании Зинаиды Гиппиус. Не осуждал, а, скорее, извинял. Редко можно найти такую гармонию между личностью автора и стилем его произведений. Тонкость, светлость лирического стиля Зайцева полностью соответствует его человеческой личности.

Беседы с Борисом Константиновичем продолжались разговорами с Натальей Борисовной; ее практические, конкретные советы были особенно полезны. Милая, очень приятная в общении, готовая помочь, она очень хорошо знала писательскую эмиграцию, сама тоже занималась некоторыми архивами (Замятина, если я не ошибаюсь) и по-человечески заботилась о тех писателях, которые нуждались в ее поддержке, как, например, Зуров. Конечно, с Зуровым, прожившим столько лет в доме Буниных, очень хотелось познакомиться, хотя бы побывать в квартире, где умер писатель. Однако Наталья Борисовна мне отсоветовала добиваться встречи с Зуровым, объяснив, что он нездоров, что вообще человек он трудный для общения. И действительно, телефонный разговор с ним подтвердил все ее предупреждения.

Ее же рекомендация сыграла положительную роль, когда я обратилась к Г. В. Адамовичу. К моему великому сожалению, мне не довелось лично беседовать с ним, так как он уезжал из Парижа, но его письма в ответ на мои вопросы были очень интересны. Один из ведущих критиков в эмиграции, он был человеком близким Бунину, часто встречался с ним в самые разные периоды жизни во Франции. Судя по отзывам, которые он посвятил бунинским произведениям, думается, что он глубже других понял и оценил личность и значение писателя.

Наталья Борисовна сообщила мне и адрес Галины Кузнецовой. После предварительной переписки я на обратном пути домой в Бухарест остановилась в Мюнхене и на Айнмиллерштрассе нашла квартиру, где жили Галина Кузнецова и Маргарита Степун. Кузнецовой тогда было уже семьдесят лет, но меня поразили свежесть ее лица, милая, приветливая улыбка, жен-

ственность всего ее облика — она была еще привлекательной, даже красивой. (Такой же красотой, вопреки возрасту, поразила меня Елена Сергеевна Булгакова, с которой я познакомилась за несколько месяцев до ее смерти.)

Ехала я с надеждой узнать не о романе с Буниным (такие интимные темы не должны быть достоянием литературоведения, тем более принимая во внимание всю сложность отношений), а услышать от близкого человека, притом писательницы, как работал, о чем думал Бунин-писатель в поздние годы своей жизни. Недоумение, а затем разочарование были итогом этой встречи.

Во-первых, мы ни на минуту не остались вдвоем, все время при нашем разговоре присутствовала Маргарита Степун. И насколько была приятна, даже очаровательна Галина Кузнецова, настолько мне показалась неприятной нескладная какая-то, костлявая, мужеподобная Маргарита Степун.

Во-вторых, после формальных вопросов «Как доехали?», «Устали?» и т. д., освоившись немного и бегло оглядев комнату, в которой мы сидели, я была поражена полным отсутствием какого-либо намека на Бунина. Среди множества фотографий не было ни одной фотографии Бунина или его окружения, ни одной его книги. Галина Кузнецова как очень гостеприимная хозяйка угостила меня обильным по-русски завтраком, однако даже не затронула в разговоре тему моей книги, хотя прекрасно знала причину моего визита. Наоборот, явно избегала ее, разговор не выходил из тесных рамок светских приличий. У меня сложилось ощущение, что набор тем был продиктован присутствием строгого цензора — Маргариты Степун. Поэтому, прочитав недавно в книге Ренэ Герра сетование на то, что он не нашел после смерти Галины Кузнецовой любовных писем Бунина к ней, я невольно подумала, что они давно были уничтожены.

Некоторым утешением мне стал подаренный Галиной Кузнецовой на прощание «Грасский дневник». Из этой на редкость тонкой, строгой и, я бы сказала, целомудренной книги, я многое поняла о жизни и творчестве Бунина, автора «Солнечного удара» и «Темных аллей».

К этим незабываемым встречам и беседам пребывание в Париже добавило многочисленные и очень интересные сведения, полученные в библиотеках при знакомстве с большим количеством печатных материалов. В Национальной библиотеке я могла познакомиться не только с эмигрантскими, но и французскими, немецкими, английскими изданиями. Это позволило мне дать в книге широкую панораму того, что можно было бы назвать «европейской перспективой» бунинского творчества.

Знакомство из первых источников с тем, что составляло во всей своей сложности творческий период эмиграции, привело меня к мысли о том, что широко бытовавшее мнение об «упадке» бунинского таланта в эмиграции должно быть опровергнуто. Доказательству этого тезиса посвящена последняя глава моей монографии «Ivan Bunin» (Bukuresti, 1971). В то время он прозвучал несколько неожиданно, но, думается, что и сегодня не потерял своего значения.

Письма публикуются по оригиналам, хранящимся в частном собрании и предназначенным для передачи в РГАЛИ.

Г. В. АДАМОВИЧ — Т. Н. НИКОЛЕСКУ

24 июня 1969 г. Париж

Madame Tatiana Nicolescu
Str. Nanu Muscel 17
Bucuresti 6
Roumanie

Paris 8^e
7, rue Fréd<eric> Bastiat
24 июня 1969

Многоуважаемая Татьяна Николаевна

Простите, что отвечаю на Ваше письмо с опозданием. Я был не совсем здоров, а кроме того очень занят. «Одиночество и свобода» я постараюсь Вам на днях послать (если найду оставшиеся у меня экземпляры).

Вот краткие ответы на Ваши вопросы:

1) Был ли у Бунина интерес к французской литературной жизни и к отдельным франц<узским> писателям?

Бунин *очень плохо* знал франц<узский> язык, говорил с трудом, не все понимал¹. Поэтому общения с франц<узскими> писателями было у него мало, да и то лишь после Нобел<евской> премии². Во время войны он не раз встречался с Жидом, в Грассе и в Ницце, — но всегда находились переводчики. Как-то в Грассе я завтракал у него вместе с А. Жидом. Был долгий разговор о Толстом (которого боготворил Бунин) и Достоевском

(любимце Жида)³. Но с писаниями Жида Бунин был мало знаком⁴. Высоко ставил Мориака⁵, который платил ему тем же. Из писателей XIX века особенно ценил Флобера, отчасти и Мопассана⁶. Пробовал читать М. Пруста⁷, и очень им восхищался, хотя<, > по-моему<, > очень многое должно было остаться ему непонятно из-за незнания языка. Может быть<, > помогала ему Вера Николаевна⁸? Не знаю.

2) Отношение Б<унина> к эмигрантской поэзии и вообще литературе?

К поэзии относился холодно, — отчасти м<ожет> б<ыть> потому, что знал, как холодно относятся к его собственной поэзии молодые эмигранты. Ненавидел Блока и считал, что все молод<ые> эмигранты находятся под его влиянием. В разговорах о новой поэзии всегда бывал ироничен.

Насчет молод<ых> эмигр<антских> прозаиков не могу ничего вспомнить точно. Сирина-Набокова терпеть не мог, хотя признавал его талант. Зуров? Это вопрос довольно спорный (вопреки письмам Веры Ник<олаевны>, напечатанным в № 3 «Нового мира»), и мне не хочется его касаться. Неизменно положительно отзывался об Алданове, с которым был очень дружен.

3) Философские течения в русск<ой> эмиграции?

Бунин никакого интереса к ним не проявлял — как и к философии вообще. Исключение, пожалуй<, > одно — Лев Шестов. Но и его он любил не как философа, а как человека, часто у него бывал, т. к. был с ним в свойстве. Ценил Ф. Степуна, но тоже скорей как собеседника (в Грассе), чем как писателя⁹.

Вот, кажется, все. Конечно, в личном разговоре я мог бы сказать Вам много больше.

Искренне желаю успеха в Вашей работе.

С уважением

Георгий Адамович

Бунин считал «Темные аллеи» лучшей своей книгой. А Жид прочел ее в переводе и нашел, что это рассказы среднего качества. Он особенно ценил «Деревню». Бунина это удивило и огорчило. Помню, что он сказал: «Ну, что с француза спрашивать!».

¹ О том, что Бунин не владел в достаточной мере французским языком, и это затрудняло его общение, говорят и другие мемуаристы (*Зензинов В.* Записи // Новый журнал. 1965. Кн.81. С.294; *Бахрах А.* По памяти, по записям // Мосты. 1966. Кн.12. С.286).

² До революции Бунин на Западе был почти неизвестен, внимание критики и читателей он привлек после нескольких переводов на французский язык в начале 1920-х гг. («Деревня», «Господин из Сан-Франциско», «Чаша жизни» и др.). После присуждения Нобелевской премии, естественно, количество переводов, а также выступлений критиков (французских, немецких, итальянских, английских, американских и др.) выросло лавинообразно.

³ Андре Жид познакомился с творчеством Бунина, прочитав в переводе повесть «Деревня» в 1922 г. См. его письмо Роже Мартен дю Гару от 12 июля 1922 г.: «...читаю “Деревню” Бунина с радостью и удивлением» (*Andre Gide—Roger Martin du Gard*

Correspondance, 1913—1934. Paris, 1968. P. 185). 4 августа 1922 г. Андре Жид записал в дневнике: «"Деревня" замечательна» (Journal 1939—1949. Paris, 1954. P. 738). Осенью 1941 г. Андре Жид несколько раз встречался с Буниным и при первой встрече произвел «очень приятное впечатление: тонок, умен». Но впечатление испортилось, когда Жид назвал Толстого «asiatique» и восхитился стихами Пастернака (Устами Буниных. Т. 3. С. 109). По всей вероятности, Г. Адамович имеет в виду именно эту встречу (28 августа 1941 г.). Сам Жид признавал, что они с Буниным «не соглашались ни в чем», что у них «очень разные литературные вкусы», но в то же время французский писатель ценил «неколебимость» Бунина, так как «в искусстве великие творцы должны быть каждый сам по себе, каждый самостоятельной личностью» (Le Figaro. 1950. 23 octobre). Подлинной, глубокой дружбы между ними не было; но Жид относился к Бунину с большой симпатией и в трудные минуты старался ему помочь (см.: *Бахрах А.* По памяти, по записям // *Мосты.* 1966. Кн. 12. С. 287; Устами Буниных. Т. 3. С. 102).

⁴ Бунин в дневниках называет такие произведения, как «La porte étroite», «L'école des femmes», находя последнее «скучным, пресным, незначительным» (Устами Буниных. Т. 3. С. 116), вспоминает о лекциях А. Жида о Достоевском в театре «Vieux Colombier».

⁵ В предисловии к переводу романа «Волчица» Бунин назвал Мориака «одним из самых замечательных — и едва ли не самым замечательным из современных французских писателей» (цит. по: *Бунин И. А.* Собр. соч. М., 1967. Т. 9. С. 469). В. Зензинов в своих воспоминаниях также отмечает это пристрастие Бунина к произведениям Мориака. И сам Бунин в одном из интервью по случаю Нобелевской премии говорил: «Как только вижу книгу Мориака на витрине книжного магазина, сразу ее покупаю... я очень, очень ценю его произведения» (Le Jour. 1933. 29 novembre).

⁶ Бунину принадлежит статья «Конец Мопассана» (Последние новости. 1927. 4 ноября. № 2783). Галина Кузнецова, рассказывая о чтениях вслух на вилле «Бельведер», называет среди авторов Мопассана (*Кузнецова Г.* Грасский дневник. Вашингтон: Victor Kamkin, 1967. С. 48; далее: Грасский дневник, с указанием страницы). Некоторые французские критики (Андре Делакур, Эдмонд Жалу и др.) находили родственные черты между Буниным и Мопассаном. Флобера современники также указывают в ряду французских писателей, которых высоко ценил Бунин.

⁷ В интервью газете «Le Jour» Бунин, в частности, заявил, что его весьма привлекает своеобразная манера письма Марселя Пруста (Le Jour. 1933. 29 novembre).

⁸ Галина Кузнецова вспоминает, что она перевела Пруста для Бунина (Грасский дневник. С. 112).

⁹ Отголоски этих бесед сохранились в дневниках Бунина (см.: Устами Буниных. Т. 3).

2

Г. В. АДАМОВИЧ — Т. Н. НИКОЛЕСКУ

24 августа 1969 г. Ницца

Nice

24 авг<уста> 1969

(сейчас я в Ницце, но мой

парижский адрес действителен всегда)

Многоуважаемая Татьяна... (простите великодушно, не могу вспомнить Ваше отчество, а первого Вашего письма у меня с собой нет).

Очень рад, что моя книга, «Один<очество> и свобода», оказалась для Вас полезна. Конечно, у меня есть и другие книги, в частности «Комментарии», вышедшие после «Од<иночества> и св<ободы>», но у меня осталось мало экземпляров и прислать их Вам я не могу.

Отвечу вкратце на Ваши вопросы.

1) Был ли Бунин человеком озлобленным?

Нет, «озлобленный» — не то слово. Он помнил, что в до-революционный период оставался в тени, по сравнению с Горьким, Л. Андреевым и другими. Позднее он взял над ними «реванш», и м<ожет> б<ыть> оттого отзывался о прежних своих соперниках с раздражением. Даже о Блоке. В сущности, беспрекословно он преклонялся только перед Толстым. О Чехове говорил с любовью, но едва ли ставил его выше себя.

Отчего я назвал его человеком веселым? Он бывал весел в кругу друзей и был неподражаемым рассказчиком, вспоминая разного рода мелочи, и подражал людям, о которых вспоминал. Вообще, он бывал обаятелен, когда хотел этого, но мог быть и очень резок с теми, кого не любил.

2) Признавала ли эмигрант<ская> литер<атурная> молодежь Бунина своим учителем?

Едва ли. Его уважали, ценили, но учителем считали лишь очень немногие. Молодежь читала новых западных писателей, которых Б<унин> не знал. Молодежь скорее училась у прежних «модернистов», которых Б<унин> терпеть не мог. Допускаю, что как прозаик он мог быть учителем. Но *не как поэт*. Стихов его молодежь не любила, Б<унин> это знал и это его огорчало. Теперь в России, кажется, высоко ценятся и его стихи. Но, например, Ахматова (в Париже, в 1964 году) отзывалась о них очень холодно. А он сам был очень высокого мнения о своей поэзии.

3) Кого он ценил из советских писателей?

Помню его восторженный отзыв о Паустовском. Еще и о Твардовском, авторе «Василия Теркина». Признавал большой талант Ал. Толстого, но презирал его как человека. Над Пастернаком издевался, считал его идиотом. Кое-что нравилось ему у Вал. Катаева, которого он знал совсем еще молодым, в Одессе. Но вообще-то за сов<етской> литературой он не следил, и читал отрывочно, то, что попадет на глаза.

Вот, кажется, все. Искренне желаю успеха в работе и всего лучшего.

Георгий Адамович

Н.Б. СОЛЛОГУБ¹ — Т.Н. НИКОЛЕСКУ

23 февраля 1971 г. Париж

Madame T. Nicolescu
Str. Dr. Nanu Muscel 17
Bucuresti 6
Roumanie
Париж 23 февраля 1971 г.

Дорогая Татьяна Николаевна

Простите меня, пожалуйста, что до сих пор не ответила Вам на Ваше милое письмо.

Мы долго с папой обсуждали, что именно из его ранних рассказов подойдет для Вас — и пока решали, пока я сняла и сделала фотокопию, прошло много времени². Фотокопия у меня уже лежит больше 2-х недель. И сегодня я, наконец, решилась сесть, написать — и завтра отправлю Вам заказным. Я думаю, что «Студент Бенедиктов» и «Люди Божии» (из книги «Река Времени») подойдут — а м<ожет> б<ыть> как раз и нет? Если не подойдет, или слишком поздно, пришлите нам, пожалуйста, обратно этот текст — т. к. «Студент Б<енедиктов>» напечатан в сборнике, кот<орый> давно разошелся («Люди Божии» не так важно — эта книга у нас есть). Надеюсь, что у Вас все в порядке, все здоровы.

25-го апреля женится наш младший сын. Хотя мы и очень рады, и невеста нам очень нравится, все же грустно, что дети выросли, и мы останемся одни.

Папе на днях было 90 лет, шумно и хорошо отпраздновали этот день. Он молодец — но, конечно, силы убывают...

Целую Вас и желаю Вам и Вашей семье всего хорошего.

Ваша Н. Соллогуб

¹ Наталья Борисовна Соллогуб (урожд. Зайцева) — дочь Б.К. Зайцева, жена (с 1932) графа Андрея Владимировича Соллогуба (1906–1996), доктора экономики, крупного специалиста в области банковского дела. Свои публикации она подписывала Зайцева-Соллогуб.

² Речь идет об «Антологии русской новеллы XIX–XX веков» (переводы на русский язык), которую я готовила к печати и где очень хотела поместить произведения Б. Зайцева. Ввиду личного знакомства с автором мне казалось естественным, чтобы выбор был сделан им самим. К сожалению, его ответ пришел, когда книга отправилась в набор и включить что-то уже не было возможности.

Т.А. ОСОРГИНА — Т.Н. НИКОЛЕСКУ

26 января 1975 г. Париж

26.1.75.

Дорогая Татьяна Николаевна.

Получила Ваше письмо, оно было для меня неожиданным. Да, действительно, давно ничего о Вас не знала, думала время от времени о том, что с Вами происходит. Но я всегда думаю, что нельзя же писать после одной или двух встреч всю жизнь. А я о себе стараюсь не напоминать.

Спасибо за поздравление. Желаю и Вам тоже хорошего Нового Года. А наш общий «ангел» был вчера. Но вот какая странная вещь: Вы о нем помните, но едете на полтора года в Москву¹; а я о нем не помню, но в Москву не еду!

Но это только шутка. Писать мне можно было и оттуда, я Вас судить ни за какие Ваши действия не собираюсь.

Бунинские тома «Литер<атурного> наследства» видала, конечно, но специально их не рассматривала.

Я все еще здорова. До сих пор продолжала работать в Нац<иональ-ной> Библ<иотеке> по два дня в неделю, заканчивая проверку тамошних русских периодических коллекций. Теперь работа совсем подошла к концу и через месяц или два я туда ходить больше не буду. Главные силы употребляю теперь на серию библиографий, посвященных писателям и философам, кот<орые> жили между двумя войнами во Франции². Первый выпуск был посвящен сочинениям моего мужа (я бы хотела быть вторым номером, но моя рукопись была готова, а у других еще нет), теперь вышла библиография Шестова; и еще несколько ждут очереди, в том числе Ремизов и Бердяев³. Мы берем пока только тех, которыми в Москве не интересуются; таким образом Бунин и Бальмонт отодвинуты на второй план⁴. Не знаю еще, как поступим, может быть, займемся только тем, что ими было опубликовано в эмиграции.

Борис Константинович, действительно, умер⁵. И умер очень для него счастливо; был болен всего одни сутки. Ночью у него сделалось кровоизлияние, был без сознания и через сутки умер. Я его видала за неделю до этого, пила с ним чай и говорили мы о разных берлинских публикациях 20-х годов. Он поразил меня своей памятью и совершенно здравыми рассуждениями. Дочь с семьей живет сейчас в другом месте; ведь тот дом был им предоставлен от работы ее мужа. Ну а как он вышел в отставку, так и право на дом кончилось. Оба сына у них женаты и есть уже трое внуков.

А мой каталог периодических изданий эмиграции⁶ пока застрял: нет денег для печатания. Очень меня это огорчает. А вот кстати (в связи с биб-

лиографиями) хочу Вас спросить; знаете ли Вы периодическое издание под названием: *Revista Fundatiilos Regale, Bucarest*? Когда оно началось и продолжает ли выходить? Если можете мне сообщить, буду благодарна.

Ну а если Вам что-нибудь нужно, тоже с удовольствием наведу справки.

Жму Вашу руку и желаю всего хорошего. А как Ваши семейные?

Т. Осоргина

¹ В тот год я один семестр преподавала в МГУ как приглашенный профессор.

² Имеется в виду серия библиографий «Écrivains russes en France», которую с 1973 г. выпускает парижский «Institut d'études slaves» (к настоящему времени вышло более сорока томов). Серия была открыта библиографией М.А. Осоргина: *Bibliographie des œuvres de Michel Ossorguine / Établie par N. Barmache, D.M. Fiene et T. Ossorguine. Paris: Institut d'études slaves, 1973.*

³ В тот год вышла первая часть двухтомной библиографии Шестова: *Bibliographie des œuvres de Léon Chestov / Établie par Nathalie Baranoff. Paris: Institut d'études slaves, 1975.* Вторая часть вышла тремя годами позже: *Bibliographie des œuvres de Léon Chestov / Établie par Nathalie Baranoff. Paris: Institut d'études slaves, 1978.* Тогда же увидела свет библиография Ремизова: *Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany; Sous la direction de T. Ossorguine. Paris: Institut d'études slaves, 1978,* а также первая часть библиографии Бердяева: *Bibliographie des œuvres de Nicolas Berdiaev / Établie par Tamara Klepinine; introduction de Pierre Pascal. Paris: Institut d'études slaves, 1978.*

⁴ В результате библиографии Бунина и Бальмонта так и не появились в парижской «желтой» серии, как, впрочем, и в любой другой в России или эмиграции. Расчеты на интерес в Москве оказались преувеличенными.

⁵ Б. К. Зайцев скончался 28 января 1972 г.

⁶ Книга вышла в следующем году: *Ossorguine-Bakounine T. L'emigration russe en Europe: Catalogue collectif des periodiques en langue russe. 1855–1940. Paris: Institut d'études slaves, 1976.*

⁷ Этот румынский журнал (в переводе «Журнал королевского фонда»), посвященный в основном литературе и искусству, выступал с подчеркнuto эстетских позиций и был закрыт после утверждения социалистического режима. В нем печатались и переводы русских писателей (например, Блока) или религиозно-философских мыслителей (Шестова). Т.А. Осоргина интересовалась судьбой журнала для своих библиографических исследований.

«ЖАЛЬ, ЧТО ТАК РАНО
КОНЧИЛИСЬ НАШИ БАБЬИ ВЕЧЕРА»
(Из переписки В.Н. Буниной и Т.М. Ландау)*

Публикация Екатерины Рогачевской**

Переписка И.А. Бунина с его верным другом и постоянным корреспондентом М.А. Алдановым (наст. фамилия Ландау; 1889–1957) известна исследователям и широкому читателю — отдельные фрагменты ее не раз публиковались в отрывках и извлечениях¹. Письма Алданова и его жены И.А. Бунину и В.Н. Буниной хранятся в Отделе рукописей библиотеки Эдинбургского университета (Великобритания; Gen 565²), куда они были переданы наследником Буниных писателем Л.Ф. Зуровым. Этот фонд охватывает период с 1921 по 1959 г. Письма Буниных Алданову и некоторые

* Письма публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate.

** © Екатерина Рогачевская, 2004

¹ Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. М.Э. Грин // Новый журнал. 1965. № 80. С. 258–287; 1965. № 81. С. 110–147; *Fedoulova R. Lettres d'Ivan Bunin a Mark Aldanov* // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, 1981. № 22. P. 471–488; 1982. № 23. P. 469–500; Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1983. № 150. С. 159–191; 1983. № 152. С. 153–191; 1983. № 153. С. 134–172; 1984. № 154. С. 97–108; 1984. № 155. С. 131–146; 1984. № 156. С. 141–163; «Этому человеку я верю больше всех на земле». Из переписки И.А. Бунина и М.А. Алданова / Вступ., публ., подгот. текста и примеч. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 3. С. 115–156; 40 лет назад скончался Иван Бунин. А 60 лет назад он стал нобелевским лауреатом / Публ. О. Коростелева // Независимая газета. 1993. 9 ноября. № 214. С. 7.

² Письма хранятся в 11 папках под одним шифром и распределяются по папкам следующим образом: Gen 565 (1) 265/17 35 писем, 4 открытки Бунину, 1921–1925; Gen 565 (2) 262/17 45 писем, 10 открыток Бунину, 1926–1931; Gen 565 (3) 262/17 44 письма, 21 открытка Бунину, 1932–1939; Gen 565 (4) 262/17 44 письма, 5 открыток Бунину, 1940–1946; Gen 565 (5) 262/17 43 письма, 5 открыток, 1 телеграмма Бунину, 1947–1949; Gen 565 (6) 262/17 59 писем, 1 открытка, 1 телеграмма Бунину, 1950–1953; Gen 565 (7) 42 письма, 6 открыток Буниной, 1921–1932; Gen 565 (8) 50 писем, 8 открыток Буниной, 1933–1953; Gen 565 (9) 62 письма, 4 открытки, 2 телеграммы Буниной, 1954–1957; Gen 565 (10) 14 писем, 3 открытки Буниной от Т.М. Ландау, 1929?–1959?; Gen 565 (11) 3 письма Бунину (одно — отрывок письма от неизвестного корреспондента из Америки).

машинописные копии алдановских писем Буниным составляют часть алдановского фонда Бахметевского архива Колумбийского университета (США; фонд М.А. Алданова¹). О передаче своего архива этому хранилищу Алданов договорился еще при жизни. Условия передачи на хранение своей переписки с Буниными М. Алданов обсуждал с Верой Николаевной после смерти И.А. Бунина². К сожалению, вся довоенная часть архива Алданова, как он сам неоднократно сообщал своим корреспондентам, попала в руки гестапо и погибла во время Второй мировой войны. Таким образом, мы располагаем только письмами Алданова до 1941 г., и лишь с 1941 г. сохранилась двухсторонняя переписка³. Алданов писал отдельно как Ивану Алексеевичу, так и Вере Николаевне. Независимо от «своих» (как между собой называли мужей жены) вели переписку и Вера Николаевна и Татьяна Марковна Ландау (урожд. Зайцева; 1893⁴—1968). Переписка эта сохранилась лишь во фрагментах, поскольку этим письмам, видимо, не придавалось особого значения, и те «женские» письма, которые уцелели среди «писательских», сохранились случайно. Несмотря на то что эти фрагменты не составляют целостной картины, они могут служить ценным дополнительным материалом для реконструкции жизни Буниных и русской эмиграции в целом. Письма 1–7, 10, 12, 13, 14, 17, 20–27 сверены по рукописным оригиналам, письма 8, 9, 11, 15, 16, 18, 19 — по копии с микрофильма.

Первое письмо Татьяны Марковны отправлено из Парижа почти сразу после переезда Алдановых из Берлина в Париж. В декабре 1940 г. Алданову и его жене удалось бежать в Америку, где они и провели все военные годы. В 1946–1950 гг. Алдановы приезжали во Францию несколько раз и останавливались на различные сроки, а с 1950 г. поселились в Ницце. Татьяна Марковна переселилась в Париж уже после смерти мужа в 1957 г. Бунины же жили в начале 1920-х в Париже, но в 1925–1928 гг. все больше и больше времени проводили на юге. Переехав в Грасс окончательно в 1928 г., они вернулись в Париж только после окончания войны, весной 1945 г.

Выражаю благодарность И.З. Белобровцевой, Р. Дэвису, Л.А. Мнухиной, А. Рогачевскому за ценные дополнения к комментариям, а также администрациям библиотеки Эдинбургского университета и Бахметевского архива Колумбийского университета за содействие настоящей публикации.

¹ Публикуемые здесь письма В.Н. Буниной хранятся в коробке № 3 Алдановского фонда Бахметевского архива Колумбийского университета.

² Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / Публ. М.Э. Грин // Новый журнал. 1965. № 81. С. 144.

³ См., например, письмо Алданова Вере Николаевне от 7 декабря 1953 г.: «У меня есть письма только с 1940 года, все старое досталось немцам. Да и между 1942-ым и 1945 годом письма ведь не доходили. Иван Алексеевич писал пером, без копий. Значит, его писем ко мне за двадцать лет с начала эмиграции и до войны больше нигде нет. Это огромная потеря. Не знаю, сохраняли ли Вы мои письма».

⁴ Благодарим Л.А. Мнухина за любезно предоставленную информацию о годе рождения Т.М. Ландау.

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

3 сентября 1925 г. Париж¹

3 сентября

Дорогая Вера Николаевна,

Теперь я Вам уже не так скоро ответила, тут уж не взыщите, времени не было: как только приехала², началась стирка, уборка — знаете наши обычные занятия. Т.е. извините, Вы ведь теперь дама — временная дама. Вы, пожалуй, даже не знаете, что такое плита или тряпка? Люба³ недавно вернулась из Chaville⁴. Неудивительно, что она Вам не ответила. Она и мне за месяц не удосужилась даже открытку послать. Она теперь буквально мученица, хотя я ей очень завидую. Но смотрю на нее прямо с ужасом: ни минуты покоя, ребенок⁵ всю ночь кричит, они его по очереди на руках носят, чтоб укачать — не дай Бог никому. Я еще никого не видала. Люба видела Осоргину⁶, кот<орая> вчера только вернулась. В Париже пусто, хотя уже холодно, тоскливо, мне так не хотелось возвращаться! Как это Вы ухитрились с Иваном Алексеевичем быть в хорошем настроении? С чего это Вы? Мы этим не грешим, наоборот. Если Вам так весело, пишите, может быть, и на нас повлияете. Сердечный привет Ивану Алексеевичу и Вам.

Т. Ландау.

<приписка М.А. Алданова:>

Дорогая Вера Николаевна, Иван Алексеевич. Шлем сердечный привет. «Дни» появятся только 15 сентября⁷. Я заказал рецензию о «Мит<и>

ной> любви»⁸ Даманской⁹, а сегодня получил письмо от Степуна. Он нам выделяет о Мите целый подвал^{10*}. Авг<уста> Филипп<овна> придет в ярость. Она ненавидит Степуна. Ну, да устроимся. Не забывайте нас.

Ваш М. Ландау.

¹ Год установлен по содержанию.

² В августе 1925 г. Ландау отдыхали в Руане (см. письмо Алданова В.Н. Буниной от 22 августа 1925). Видимо, в письме речь идет о возвращении после отдыха.

³ Любовь Александровна Полонская (урожд. Ландау; 1893–1963), сестра Алданова. Далее в письмах ее также называют Люба.

⁴ Chaville — небольшой город недалеко от Парижа в департаменте Hauts-de-Seine, в регионе Ile-de-France.

⁵ Речь идет о рождении Александра Яковлевича Полонского (1925–1990), сына сестры Алданова Любви Александровны и юриста, журналиста и библиофила Якова Борисовича Полонского (1892–1951). 13 июня 1925 г. Алданов писал Бунину об этом событии в своей ироничной манере: «Сестра моя немного на Вас дуется, что ни Вы, ни Вера Николаевна не написали ей после радостного события (одним несчастным на свете больше)». В дальнейшем А.Я. Полонский фигурирует в переписке под своим домашним именем — Ляля.

⁶ Имеется в виду Рери (Рахель или Роза Григорьевна) Осоргина (урожд. Гинцберг; 1885–1957), общественный деятель и журналистка, дочь известного еврейского философа Ахад-Гаама (Ушера Исаевича Гинцберга; 1856–1927) и первая жена писателя М.А. Осоргина (1878–1942), после развода с которым (видимо, в 1924 г.) стала жить гражданским браком с Н.В. Макеевым. Р.Г. Осоргина получила образование в Италии, где и познакомилась с Осоргиным (о ее ранних годах см.: *Елина Н.* Из студенческих лет Нехи Перельман // Русское еврейство в Зарубежье. Вып. 1 (6). Иерусалим, 1998. С. 14–25), а последние 20 лет своей жизни провела в Израиле, где и умерла. В.Н. Бунина и Т.М. Ландау дружили с Осоргиной и переписывались до самой ее смерти. В своих письмах они называли ее Рери. Письма Осоргиной Вере Николаевне хранятся в РАЛ. MS.1067/5706–5815.

⁷ «Дни» — газета, выходящая с октября 1922 г. по июнь 1925 г. в Берлине, а с сентября 1925 г. по июнь 1928 г. в Париже. До лета 1924 г. М. Алданов был редактором литературного отдела «Дней». В связи с переездом весной 1924 г. из Берлина в Париж ему пришлось отказаться от своих обязанностей (см. письмо Алданова Бунину от 24 июля 1924 г.). Тем не менее Алданов сохранил большое влияние в редакции газеты. С переездом редакции в Париж Алданов вновь принял на себя обязанности редактора литературного отдела (о возможности стать редактором Алданов писал Вере Николаевне 28 августа 1925 г. Тогда предполагалось, что газета выйдет уже 1 сентября). В письме речь идет о первом номере газеты, вышедшем в Париже (на газете дата — 16 сентября). С 1928 г. газета стала выходить как еженедельный, а затем и двухнедельный журнал под редакцией А.Ф. Керенского.

⁸ Повесть Бунина «Митина любовь» вышла в Париже в издательстве «Русская земля» в 1925 г.

⁹ Даманская Августа Филипповна (1875–1959) — писательница, журналистка, переводчица. Ее рецензия на роман Бунина появилась в «Днях» (1926. 24 января. № 912).

¹⁰ Степун Федор Августович (1884–1965) — философ, писатель, литературный критик. Поскольку с 1923 г. он являлся руководителем художественного отдела журнала «Современные записки», то речь идет о его согласии поместить в своем издании рецензию на «Митину любовь». Рецензия Ф. Степуна вышла в «Современных записках» (1926. № 27. С. 323–325).

* <На полях:> Не сомневаюсь, что подвал Степуна будет очень лестный. Другого мы не пропустим.

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

14 июля 1927 г. Париж

<Приписка Татьяны Марковны к письму Алданова Вере Николаевне от 14 июля 1927 г. Год приводится по содержанию письма Алданова:¹>

Дорогая Вера Николаевна.

Только что у меня была Рери², говорили о Вас, часто Вас вспоминали, жаль, что в этом году так рано кончились наши бабьи вечера³. Веру Алексеевну⁴ редко вижу: она худеет и целый день бегаёт для этого по Булонскому лесу⁵. Я предпочитаю худеть дома, на диване. Надеюсь скоро повидаться с Верой (моей)⁶, думаю, что мы поедём с ними в Vittel⁷. О Лондоне я уже позабыла, не знаю, что Вам и писать об этом, а жилось мне там очень, очень хорошо.

Крепко целую Вас, кланяюсь Ивану Алексеевичу, не забывайте нас.

Т. Ландау.

¹ В эту публикацию не включены те приписки Татьяны Марковны, где она просто передавала приветы, благодарила или «кланялась».

² См. примеч. 6 к № 1.

³ 2 февраля 1926 г. Вера Николаевна писала в своем дневнике: «Ян с Борисом <Зайцевым>, Ландау и Осоргиным ушли обедать. Мы — жены — не знали, поэтому наш бабий вечер не этот раз не вышел» (Устами Буниных. Т. 2. С. 153).

⁴ Вера Алексеевна Зайцева (урожд. Орешникова, по первому мужу Смирнова; 1878—1965) — жена писателя Бориса Константиновича Зайцева (1881—1972). Дружба «двух Вер» началась еще в России, задолго до эмиграции.

⁵ Из писем В.А. Зайцевой видно, что в то время она была озабочена своим весом. См. письмо Вере Николаевне от 15 августа 1925 г.: «Как провели голодный день? Утром взвесились — было 77.400, а вечером 77 ровно (после голода)» (*Зайцев Б.К. Другая Вера // Новый Журнал. 1969. № 95. С. 193*). В августе 1928 г. Вера Алексеевна писала: «Во мне теперь 68 кило, и я бегаю прытко» (Там же. 1969. № 96. С. 104). И по Булонскому лесу Вера Алексеевна бегала не случайно. В другом своем письме подруге Вере Буниной 13 июля 1927 г. она писала: «Мне нравится Париж летом, особенно в Булонском лесу и у нас в квартире» (Там же. 1969. № 95. С. 197).

⁶ Вера Марковна Хаскелл (Haskell, урожд. Зайцева) в 1926 г. вышла замуж за балетного критика и исследователя балета, автора книги «The Russian Genius in Ballet», впоследствии директора Королевской Школы балета Арнольда Хаскелла (Arnold Haskell; 1903—1980). В письме Бунину от 18 июля 1925 г. Алданов писал: «У нас семейная радость: сестра Татьяны Марковны Вера, к <отор>ую Вы знаете, выходит замуж за влюбившегося в нее молодого англичанина Гэзкеля, студента Кеймбриджского У<ниверсите>та. Чего на свете не бывает!» Свадьба состоялась летом 1926 г., о чем Алданов писал Бунину 7 июля 1926 г.: «Из-за свадьбы я, как водится, перед богатыми людьми притворился богатым человеком (как Вы говорите, “задавался на макаронны”) и “теперь плачу безумству дань”». Татьяна Марковна сделала приписку к письму Марка Александровича: «Дорогие Вера Николаевна, Иван Алексеевич. Очень, очень благодарим Вас за телеграмму, Вера была очень тронута, но отвечать лично пока, кажется, еще не собирается: ей не до того. Она теперь Ваша соседка в Ницце, откуда едет на Корсику. Крепко целую Веру Николаевну, сердечный привет. Т. Ландау». После замужества Вера Марковна жила в Лондоне, где ее часто навещала сестра (см. далее в письме: «О Лондоне я уже позабыла...»). Сестры

также любили отдыхать вместе, о чем и Алданов, и Татьяна Марковна неоднократно писали своим корреспондентам.

⁷ Vittel — водный курорт на северо-западе Франции.

3

Т. М. ЛАНДАУ — В. Н. БУНИНОЙ

10 мая 1928 г. Париж¹

10 мая

Дорогая Вера Николаевна.

Сердечно благодарю Вас за письмо и пожелания². Очень рада, что мой деспот часто Вас видит и благодаря Вам не скучает³. К сожалению, он мало пользуется своим пребыванием в таком чудном месте и, по-видимому, там тоже только работает. Здесь тоже мало нового. Самая жгучая новость исходит из rue Claude Lorrain⁴: их хозяйка, знаменитая Шассиха, сбежала, бросив мужа, дом и жильцов. Вначале там было праздничное и растерянное настроение, как в первое время революции, потом жильцы точно сорвались с цепи, начали шуметь и мешать друг другу, отдельные квартиры стали отпадать, государственный строй расшатался, наблюдались случаи самосудов, и теперь, по моим наблюдениям, все только мечтают о возвращении и торжественном въезде Шассихи на белом коне.

Помимо этого все по-прежнему. На днях было, очевидно, закрытие сезона у Аминадо⁵, где было и пение, и игра на гитаре. Имею свежие сведения о Вере, мама вернулась и рассказывает чудеса про их маленького⁶, у Веры же много хлопот и забот с кормлением, она вся в это ушла, советует-ся в Любой, п<отому> ч<то> у меня на этот счет опыта нет. Буду очень рада провести лето поблизости с Вами, это зависит от Вас и от пансиона, кот<орый> Вы нам найдете. Крепко Вас целую, передавайте мой сердечный привет Ивану Алексеевичу и Галине Николаевне.

Ваша Т. Л.

¹ Год установлен по содержанию.

² 9 мая у Татьяны Марковны был день рождения. См. также № 18.

³ В мае 1928 г. Алданов навещал Буниных в Грассе, о чем см. дневниковые записи Веры Николаевны (Устами Буниных. Т. 2. С. 178).

⁴ Вероятно, речь идет о доме, где жили Б.К. и В.А. Зайцевы, снимавшие квартиру на этой улице, в 16-м аррондисмане.

⁵ Шполянский Аминад Петрович (1888–1957) — журналист, литератор, писавший под псевдонимом Дон Аминадо.

⁶ Речь идет о рождении Франсиса Хаскелла (Francis James Herbert Haskell; 1928–2000), сына Веры Зайцевой и Арнольда Хаскелла, впоследствии профессора истории искусств в Оксфордском университете, автора известной книги об искусстве и культуре барокко «Patrons and Painters: A Study of the Relations between Art and Society in the Age of Baroque» (1963).

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

22 июля 1929 г. Париж¹

22 июля

Дорогая Вера Николаевна.

У нас все еще не выяснилось, куда и когда мы едем². С моим мужем надо вообще говорить гороху наевшись, а никто, кроме меня, с ним вообще не выдержал бы. Теперь он капризничает и вообще не хочет ехать, посылает меня одну. Ну, да что говорить, сами за писателем, понимаете. Насчет денег за «Ключ»³ именно, что Вашими устами... пока что Вам никакого могоарыча еще не полагается...

Теперь я хотела Вас спросить серьезно о чем-то. Мне сказали, что Вы давно уже с Рери переписываетесь⁴ о том, что Вам известно. Я бы хотела знать, насколько это правда, т.е. что именно она знает. Я об этом уже достаточно слышала, мне ее было страшно жалко, и я все думала, что с ней будет, когда она узнает. Потом выяснилось, что она что-то знает. Но теперь она опять, как всегда, не грустна — жалуется только на отсутствие денег. Я с ней всегда сижу как на иголках, все боюсь проговориться. Поэтому очень прошу Вас сказать мне, что она из всей этой истории знает, Вы ведь знаете, что я к ней хорошо отношусь. Вас обоих она теперь перевозит до небес.

Крепко Вас целую, сердечный привет Галине Николаевне и Вашему.

Т. Ландау

¹ Год установлен по содержанию.

² Ср. письмо Алданова Вере Николаевне от 18 июня 1929 г.: «На юг, к сожалению, не поеду. Если вообще поедем куда-нибудь (в конце июля), то поближе, скорее всего в Pouliguen, — там была Вера Алексеевна в прошлом году. Впрочем, мы об отдыхе пока не думаем» (Pouliguen — курорт в районе Loire-Atlantique).

³ Роман Алданова «Ключ» печатался в «Современных записках» (1928. № 35–36; 1929. № 38–40), а затем был выпущен отдельным изданием (Берлин: Слово, 1930). Видимо, в письме речь идет о гонораре за эту книгу.

⁴ Поскольку большинство хранящихся в РАЛ писем Р.Г. Осоргиной не датировано, мы не смогли выяснить, о чем идет речь в этом письме Татьяны Марковны. Выяснение этого потребует дополнительного исследования переписки Веры Николаевны и Рахили Григорьевны. Предположительно речь идет о личных взаимоотношениях Осоргиной с Makeевым (см. примеч. 6 к № 1).

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

30 августа 1929 г. Париж¹

Madame Bounine
Villa «Belvédère»
Grasse
(Alpes-Maritimes)

Дорогая Вера Николаевна.

Простите, что мало пишу Вам. Вчера скончался мой шурин², от матери³ его мы пока скрываем. Моему отцу тоже гораздо хуже, он ничего уже не сознает и совершенно не может двигаться⁴. Вот мои парижские новости.

Целую Вас крепко, привет всем.

Т. Ландау

¹ Открытка, датируется по почтовому штемпелю.

² По-видимому, речь о брате Алданова, скончавшемся в Варшаве (Татьяне Марковне на самом деле он приходился деверем). Перед смертью он болел, и Алдановы посылали в Варшаву деньги. См. об этом письма Алданова Вере Николаевне (18 июня 1929 г.) и Ивану Алексеевичу (21 сентября 1929 г. и 8 декабря 1929 г.). В письме от 21 сентября Алданов писал: «Это для меня очень большая потеря — вся моя жизнь до эмиграции прошла с братом (мы учились в одном классе гимназии), и человек он был истинно прекрасный. В газете “Сегодня” был помещен — правда, с ошибками — некролог».

³ Предположительно Софья Иоанновна Зайцева, сестра отца Татьяны Марковны.

⁴ Зайцев Марк Иоаннович (Иванович) (1863 — 3 декабря 1930 г.) — сахарозаводчик из Киева. До кончины в 1930 г. Марк Иванович долго болел, видимо, был парализован. Поскольку Алдановы жили рядом с родителями Татьяны Марковны, Марк Александрович нередко в этот период жаловался на тяжелую обстановку в доме. В письме от 8 декабря 1930 г. Алданов писал Бунину: «Известия о кончине бедной кузины Веры Николаевны мы получили (от Зайцевых) как раз в день похорон моего дяди = тестя, поэтому я не мог быть на панихиде. Очень были поражены. Моему дяде хоть было 67 лет — немного, но ведь и не молодость, как у нее. Да, очень тяжело. Примите, дорогая Вера Николаевна, самый искренний привет, самое сердечное сочувствие. Таня Вам напишет позже — теперь в доме еще суматоха: остались от дяди крохи, которые, конечно, идут целиком Анне Григорьевне (моей теще), и теперь семья выясняет (приехали и брат, и сестра Тани), как ей устроить жизнь — жить ли дальше ей на той же квартире, сдавая часть ее, или переехать в пансион. Впрочем, А<нна> Гр<игорьевна> предпочитает первое».

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

28 сентября 1929 г. Париж¹

28 сентября

Дорогая Вера Николаевна.

Поздравляю Вас с именинами и крепко целую. Не отвечала вам до сих пор, п<отому> ч<то> решительно нечего писать. Почти никого не вижу. У нас слава Богу без перемен, и на том спасибо. Иногда вижу Зайцевых и Рери, каждая шпыняет другую, и все-таки ходят друг к другу. Рери очень плохо себя чувствует, жалуется на слабость, плохо «смотрит». Мы по-прежнему ни о чем прямо не говорим. Если она действительно так себе все представляет, как Вы пишете, то можно только ей позавидовать. Вот уж действительно обернула! И если она все же жалуется, что бы с ней было, если б она узнала, как все произошло в действительности. Об этом, впрочем, уж не говорят, так что вряд ли она узнает что-либо новое². Как Ваше здоровье, Вас всех?

Ведь Лапинский³, кажется, по нервным болезням?

Целую Вас крепко, всем поклон.

Таня.

<приписка М.А. Алданова:>

Дорогая именинница.

На этот раз только приписываю. Сердечно вас поздравляю, желаю всего, всего лучшего и также сердечно благодарю вас за Ваше письмо. На юг — увы — поехать не могу. Увидимся не раньше, чем в Париже⁴.

Ваш МЛ.

¹ Датируется по содержанию.

² Все содержание этого письма связано с № 4.

³ Лапинский Михаил Никитович (1862—1947) — профессор, врач, ученый-невропатолог. В эмиграции обосновался в Загребе, где организовал при местном университете медицинский факультет, на котором открыл кафедру и клинику нервных и душевных болезней. 14 февраля 1921 г. он был утвержден профессором кафедры, возглавлял ее в течение 25 лет. (См. о нем: *Архангельский Г.В.* Выдающийся российский невролог М.Н. Лапинский // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1996. Т. 96. № 1; а также проект «Российские ученые и инженеры-эмигранты (1920—1950-е годы)»: <http://www.ihst.ru/projects/emigrants/content.htm>). В связи с этим замечание Т.М. Ландау не очень понятно, но вполне вероятно, что Лапинский какое-то время находился во Франции.

⁴ Речь, видимо, идет о ежегодных «зимних» поездках Буниных в Париж.

Т. М. ЛАНДАУ — В. Н. БУНИНОЙ

11 января 1933 г. Париж¹

11 января

Дорогая Вера Николаевна.

Вас тоже еще раз сердечно поздравляю с Новым Годом. Всего, всего Вам хорошего. Вы, должно быть, уже знаете все подробности нашего вечера у Вольфсонов². Было довольно приятно, жаль только, что Аминадо нас оттуда потащил на бал Кр<асного> Креста³. К сожалению, у Ивана Алексеевича год начался неудачно, но, кажется, уже все прошло, правда?⁴ Я даже не знала, когда они именно уехали. Узнала к большому своему удовольствию, что Вы все собираетесь переехать в Париж? Давно пора. К чему бороться с течением? Все мы кончим Парижем, и это не так уж плохо⁵. Я, впрочем, в «городе» уже давно не была. Сiju в Auteuil⁶, где хоть нет искушений, ничего не хочется. А то в городе все так дешево, распродажи, а купить ничего нельзя. Подождите, в будущем году, когда Вы расстанетесь с лоном природы, Вы в свою очередь проникнетесь этими мелкобуржуазными настроениями.

Пока, до свидания, сердечно целую Вас и кланяюсь всему дому.

Ваша Т. Ландау

¹ Датируется по содержанию.² Марк Карлович и Эрна Сигизмундовна Вольфсоны погибли во время войны в Освенциме. О встрече Нового года у Вольфсонов Алданов писал Вере Николаевне в письме от 13 января 1932 г.: «Мы Н<овый> Год встречали вскладчину у Вольфсонов, были Ходасевичи, Вишняки. Засиделись до 5 часов, было очень приятно. Выпил 5 рюмок водки и полбутылки шампанского, на следующий день хотел этим похвастать в “Посл<едних> Нов<остях>” (да, работал и на Н<овый> Год, не то что некоторые), но оказалось, что у Гронского компания из 9 человек выпила 22 бутылки водки, вина, шампанского и ликеров!!!» Вероятно, Алдановы встречали Новый год у Вольфсонов два раза подряд.³ Имеется в виду бал Политического Красного Креста и благотворительный новогодний концерт, состоявшийся 31 декабря 1932 г. (см.: Хроника. Т. 2. С. 364).⁴ Бунин и Кузнецова встречали 1933 г. вместе в Париже. Вера Николаевна и Зуров оставались в Грассе.⁵ Алданов в письмах к Буниным не раз выражал желание переехать на «лоно природы» и писал, что в Париже его держат не только литературная деятельность и работа, но и жена. Например, в письме Бунину от 10 сентября 1933 г. он писал: «Если бы я был одиноким человеком, сейчас бросил бы Париж и уехал в Ваши края, где и жил бы на 1000 франков в месяц, вырабатывая их статьями».⁶ Auteuil — район на западе Парижа, в 16-м аррондисмане.

В.Н. БУНИНА — Т.М. ЛАНДАУ

29 июня 1945 г. Париж

29.VI.1945

Дорогая Татьяна Марковна,

Наконец, я нашла в себе силы, чтобы написать Вам, поблагодарить Вас за милую память. Вы очень тронули меня своей посылкой, особенно тем, что Вы первая их всех моих друзей решили побаловать меня. И прямо спасли. Она из Грасса гналась за нами и попала к праздникам¹, когда мы только что приехали в Париж и еще не успели освоиться с новыми обычаями «нашего маленького городка»² — могла угощать чаем и кофею гостей после пятилетней разлуки. Впрочем, у нас были и кулич, и пасха, и крашеные яйца, чего не было уже целых четыре года! Все сделали Ляля³ и Б.С. Нилус⁴.

Сборы в Грассе, уборка Jeannette⁵, хлопоты по переезду, сам переезд, приезд, встречи с друзьями, говенье (мы приехали в Париж на Страстной), долгие службы, Светлая ночь, праздники, метро, разборка вещей дома, всякие пакеты, записи, «радиасион»⁶ — все меня очень утомили, и от моего грасского бодрого настроения, неутомимости и энергии осталось немного. Мой вид стал пугать. Сзади — восемнадцать лет, а о лице и писать не хочется... Там Серов⁷ и нашел, что у меня очень устало сердце, давление 10/6. Это, конечно, мало. Кое-что прописал, запретил метро, рекомендовал питаться и отдыхать. И то, и другое очень нелегко. Но первое еще кое-как возможно благодаря Вам с милым Марком Александровичем и другим друзьям. Второе труднее — *f_{emme} de m_{énage}*⁸ нет. С нами опять живет Ляля, много помогает, но она тоже, пожалуй, еще даже больше нездорова, чем я, после всего того, что ей пришлось пережить⁹, но все же вдвоем легче. Стараюсь отдыхать днем, но все же стирка утомляет сильно, и всего прачке не отдашь — держат иной раз более трех недель! Плохо очень с мясом, а мы еще из-за переезда потеряли право на получение «американского», и имели в месяц по крохотному кусочку. Сегодня купила какой-то «лесив»¹⁰ 75 фр<анков> кило!

Однако же я понемногу прихожу в себя, вид лучше, сил больше, правда, метро почти не пользуюсь. В гости хожу редко, у некоторых еще до сих пор не была.

Прошел и вечер «моего»¹¹. Прошел хорошо. Удачно во всех отношениях. Читал «Чистый понедельник» и «Генрих»¹².

На вечере видела «далеко не всех» — кого уж нет, а те далече, но все же человек сто было знакомых из четырехсот. Знаете ли Вы, что у бедной Фенички¹³ отрезали палец указательный на правой руке. Как теперь ей массировать? Страдала она, по-видимому, очень. Десять раз резали.

От Рери имею два письма¹⁴. Рана ее так и не заживает, хотя чувствует-ся, что она к ней привыкла.

Ваших видаю¹⁵. Старшее поколение изменилось мало. А Лялю¹⁶ не узнать. Даже за нашу разлуку он стал другим. Утерять прелесть первой юности, стал красивым молодым человеком. Увлекается геологией. Очень мил, но у них «отцы и дети» при взаимном обожании. До конца я его еще не поняла. Редко вижу и не вполне его чувствую.

Ни с кем из парижан часто не вижусь, кроме Б.С. Нилус, с которой живем на одной площадке, реже — с Н.И. Михельсон¹⁷, ибо записаны в одной молочной.

У меня новое занятие — преподаю русский язык одному ученому физику, морскому офицеру, которому пришлось бежать через Испанию в Англию¹⁸. Он уже говорит по-русски, читаем с ним «Детство» и «Отрочество». Приходится учить его по новой орфографии...¹⁹ Платит хорошо и пока доволен. Я повторяю грамматику Кульмана²⁰. Вспомнила и о залогах и видах. Узнала, что, по Кульману, только три залога — действительный, страдательный и средний, вмещающий в себя остальные все. Бедная Наталья Ивановна очень подалась. Горе ее безутешно. Забывается лишь в работе над лекциями мужа²¹. Морально ей *очень трудно*. Вот бы кому следовало устроить посылочку. Я думаю, Фонд²² мог бы ей послать.

О Гале и Марге пришла весть, что они живы, но после разрушения города двенадцать дней не могли выбраться оттуда²³. Борис же с Наташей с августа месяца где-то в деревне, в замке у друзей²⁴.

Уже поздно. Пора спать. Дружески обнимаю Вас, моя милая. Воображаю, как Вы соскучились по Вере!²⁵

«Мой» целует Вашу руку. Леонид Федорович²⁶ кланяется.

Ваша В. Б.

<На первой странице над датой приписка:>

За это время, пока лежало письмо у меня на столе, хотела написать и к «Вашему», да не успела, нам выдали по посылке в 14 фунтов и по паре ботинок! Вот спасибо. Пируем!

¹ Бунины приехали в Париж 3 мая 1945 г. (Устами Буниных. Т. 3. С. 181; Диаспора. Вып. 2. 2001. С. 523).

² Так, с аллюзией на рассказы Н.А. Тэффи, называли русские эмигранты парижскую колонию.

³ Жирова Елена Николаевна (урожд. Лишина; 1903–1960) — знакомая Буниных; была замужем сначала за Алексеем Матвеевичем Жировым (1898–1982), а потом некоторое время — за Н. Рошиным (наст. имя Николай Яковлевич Федоров; 1896–1956). Долгое время жила с дочерью Олечкой (Ольга Алексеевна Колар; 1933–1964) у Буниных сначала на юге, а потом в Париже. К моменту приезда Буниных в Париж Жирова с дочерью уже жили на квартире на улице Жака Оффенбаха.

⁴ Нилус Берта Соломоновна (урожд. Липовская; 1884–1979) — вдова друга Буниных художника П.А. Нилуса (1868–1943).

⁵ Вилла «Жанет», где во время войны жили Бунины.

⁶ от *франц.* radiation — вычеркивание из списков.

⁷ Серов Сергей Михеевич (1884–1960) — врач.

⁸ домработница (*франц.*).

⁹ Е.Н. Жирова вынуждена была во время немецкой оккупации служить у немцев, за «сотрудничество» с оккупантами она впоследствии была арестована французскими властями. См. запись В.Н. Буниной в дневнике: «Открытка от Капитана <Н. Рошина>: “Горько пришлось только несчастной Е.Н. Жировой. Схватили, ос-тригли, посадили в тюрьму и — самое тяжелое — что ее нельзя сейчас выпустить — ее “досье” потеряно”. Виню себя, что не дала ей знать, чтобы она ни в коем случае к немцам не поступала. Правда, ее положение, когда она взяла это место счетовода, было трагическое. В кармане ни гроша, муж пропал, содержательница пансиона ей написала, что если к 15 июня не будет внесено за Олечку 1500 фр., она берет ей билет до Парижа и отправляет к матери» (Устами Буниных. Т. 3. С. 173).

¹⁰ Lessive (*франц.*) — стиральный порошок.

¹¹ Закрытый вечер Бунина, на котором он читал свои новые произведения, состоялся 19 июня 1945 г.

¹² Рассказы из сборника «Темные аллеи».

¹³ Фанни Самойловна Шлезингер (ум. 1959), приятельница Веры Николаевны, судя по тексту письма, массажистка. Алдановы, видимо, также были хорошо знакомы с «Феничкой». О приятном обеде у Фенички, на который, кроме Алдановых, были приглашены Зензинов, Фондаминский, Лихошерстов и Вишняки, Алданов упоминает в письме Бунину от 31 марта 1936 г.

¹⁴ В это время Р.Г. Осоргина уже жила в Палестине, куда переехала, видимо, в 1936 г., поскольку в своей открытке от 14 апреля 1936 г. Алданов сообщает Буниным ее иерусалимский адрес.

¹⁵ Имеются в виду Л.А. и Я.Б. Полонские, которые во время войны жили в Ницце и часто общались с Буниными.

¹⁶ А.Я. Полонский.

¹⁷ Наталья Игнатьевна Михельсон, знакомая Буниных; принимала участие в организации вечеров, сборе денег для нуждающихся писателей.

¹⁸ Неустановленное лицо.

¹⁹ Как известно, эмигранты старшего поколения до конца придерживались старой орфографии и очень неохотно соглашались печататься по новой орфографии. Бунин был очень недоволен, когда Чеховское издательство стало настаивать на публикации его сочинения в новой орфографии (см. об этом письмо Алданова Вере Николаевне от 14 сентября 1951 г.).

²⁰ Имеется в виду «Элементарно-практическая грамматика русского языка» Н.К. Кульмана (1871–1940), известного филолога, профессора Софийского университета, впоследствии преподававшего в Богословском институте Св. Сергия и читавшего лекции в Сорбонне. Кульман был также хорошим знакомым Буниных. «Грамматика» предназначалась для средних учебных заведений и высших начальных училищ. Первым изданием книга вышла в Петербурге (Я. Багмаков и Ко) в 1913 г. и неоднократно переиздавалась, в том числе и за границей (см., например, парижское издание YMCA-Press, 1949).

²¹ Кульман Наталья Ивановна — вдова Н.К. Кульмана.

²² Видимо, имеется в виду Литературный фонд или Фонд помощи русским писателям и ученым (Fund for the Relief of Russian Writers and Scientists in Exile), учрежденный в Нью-Йорке еще в 1918 г. и помогавший писателям безвозмездными ссудами и посылками.

²³ Галина Николаевна Кузнецова покинула Грасс вместе с сестрой Ф.А. Степуна Маргаритой (Маргой) Августовной Степун (1897–1972), с которой и жила впоследствии. В начале войны Кузнецова и Степун некоторое время жили в Грассе с Буниными, но в мае 1943 г. переехали в Мюнхен. Зимой 1945 г. они находились в Дрездене, который подвергся массовой бомбардировке силами союзников 13–14 февраля 1945 г.

²⁴ Борис Константинович Зайцев и его дочь Наташа (Наталья Борисовна Зайцева, в замужестве Соллогуб; p.1912).

²⁵ Имеется в виду сестра Татьяны Марковны Вера Марковна. Поскольку сестры были довольно близки и часто общались до войны, Вера Николаевна предполагает, что они должны были очень скучать во время разлуки, вызванной отъездом Алдановых в Америку во время войны.

²⁶ Л.Ф. Зуров.

9

В.Н. БУНИНА — Т.М. ЛАНДАУ

28 октября 1945 г. Париж

28 октября 1945 г.

Милая и дорогая Татьяна Марковна,

Очень виновата, что так долго не отвечала на Ваше милое письмо. Но я хотела узнать адрес Фенички¹, который я не знала. Мне сказали, что она скоро приезжает в Париж. Стала ждать. Не сразу и с ней увидалась — так теперь трудно куда бы то ни было выбраться. Сiju иной раз по неделям дома, никого не видя, кроме тех, с кем или непрерывно общаюсь, или с кем имею деловые отношения. Наконец, повидалась и с Феничкой. Очень измученное, похудевшее лицо, изуродованная рука, но сама стала милее, чувствуется, что она много перестрадала. Теперь она живет у Михельсон² — 27 Boulevard de Ves-sières³, спит в комнате для прислуги, а день проводит у них. Квартира Михельсона была вся разгромлена — все почти увезено. Но теперь несколько комнат обставлены, и хорошо. Пустой остается их огромный салон. Мадам Михельсон еще в полутрауре по своей матери, которая скончалась еще в По. Серж женился на француженке, стал отцом, написал книгу о русской литературе³, работает в каком-то синема. Влихие годы стал поэтом, писал и прозу, очень изысканную, в стиле французских трудно читаемых писателей довоенной эпохи, где обнаружил большую образованность, тонкое понимание музыки, так что для него эти шесть лет прошли не даром. Думаю, что он пойдет далеко.

Очень благодарим мы и Вас, и милого Макса Александровича⁴ за телеграмму, поздравления, за милые дружеские письма и за все Ваши заботы о нас. Очень Вы нас ими трогаете.

Были как-то в Русском театре. Смотрели и Лилю Кедрову⁵, которая была гениальна в миниатюре «Шарманка», где она изображала уличную певичку так, что жутко было, и в пьесе «Мое семейство» Грибоедова⁶, где она тоже была очень мила и талантлива. Действительно, она <актриса>⁷ «милостью Божьей». Я ходила к ней за кулисы, и она была очень <привет>лива и мила. Совсем не похожа на обычных актрис. В <ней есть> какая-то простота истинных талантов, какая была в Марии Николаевне Ермо-

ловой, хотя они, кроме «милости Божьей», ничем друг на друга не похожи. Хорошо пела русские песни, частушки ее кузина Наташа Кедрова⁸, которая очень напоминала настоящую бабу в своем деревенском костюме. Был на этом спектакле сам Богомолов⁹, сидел в четвертом ряду. Я видела его издали, как он разговаривал с одной нашей общей знакомой. По внешности он мне понравился: высокий, в очках, лысеющий, с острым приятным лицом. Возмущался, по словам нашей знакомой, что русский язык очень в эмиграции загрязнен: «например, говорят “камионы” вместо грузовики!». Сказал, что купил книгу Бунина: «Вот у него язык не загрязнен...» Жена его хорошенькая, скорее похожа на эмигрантку, чем на советскую женщину. Темные волосы до плеч, правильные черты лица, стройная тонкая фигура.

Я, к сожалению, не видела Вашей Веры. Но «мой» провел с ней у Полонских целый вечер. Говорит, что она «мила, интересна и что она окрепла физически, а может быть, и духовно...»

Рери все никак не соберусь ответить. Уж очень трудно выбрать время для «переписки с друзьями». Так много хочется сказать, передать, а времени совсем нет. Даже и фам де менаж нам давала много свободы, я уже не говорю о прислуге. А тут, когда ты «одна за все» плюс еще твои личные дела и хоть минимальная «светская жизнь», ты совсем лишена возможности письменно общаться с теми, о ком так хочется все же знать. Да и с парижанами видаемся редко. Вчера вот «на встрече» со многими встретились впервые, а ведь мы уже полгода здесь! Той парижской жизни, которую мы вели до войны, мы уже вести не в состоянии. Что же делать, поведем другую. Может быть, и она даст нам что-нибудь незабываемое, как дала нам довоенная эмиграция.

Похоронили Зинаиду Николаевну¹⁰. Злобин — наследник¹¹. Живет один.

Обнимаю, целую Вас всех, мои дорогие друзья.

Ваша В. Бунина

¹ См. примеч. 13 к № 8.

² См. примеч. 17 к № 8.

³ Видимо, имеется в виду книга: *Michelson Serge. Les Grands Prosateurs Russes. Paris: La jeune Parque, 1946.*

⁴ Вера Николаевна иногда называла Алданова «Максом Александровичем».

⁵ Кедрова Елизавета Николаевна (1910–2000) — известная актриса, дочь Николая Николаевича Кедрова (1871–1940), музыканта, руководителя вокального квартета, в котором участвовал и его брат К.Н. Кедров. 12 октября 1939 г. Алданов писал Бунину: «Был у Н.Н. Кедрова — вот там война незаметна! Отец и дочь поют романсы». Вера Николаевна описывает свои впечатления от вечера юмора в «Русском театре», который шел в театре 7 и 20 октября 1945 г.

⁶ Вера Николаевна неточно указывает название одной из ранних пьес А.С. Грибоедова, написанной (1817–1818) в соавторстве с Н.И. Хмельницким и Шаховским. Комедия называется «Своя семья, или Замужняя невеста», ее представления в Париже состоялись 21 октября, 3 и 4 ноября 1945 г.

⁷ Здесь и ниже в угловых скобках восстановлены механические утраты.

⁸ Вероятно, имеется в виду певица Наталия Николаевна Вечор (?–1982). В таком случае Вера Николаевна ошибается, называя Наташу кузиной Лили Кедровой, т.к. Н.Н. Вечор (по мужу Кедрова) была женой брата Е.Н. Кедровой Николая Николаевича Кедрова (1905–1981). См. упоминания о ней: *Лосский Б.Н.* В Русском Париже // *Минувшее*. Вып. 21. 1997. С. 45.

⁹ Александр Ефремович Богомолов (1900–1969) — посол СССР во Франции (1944–1950). О его дипломатической деятельности см.: *Минувшее*. Вып. 7. 1989. С. 470.

¹⁰ Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) скончалась 9 сентября и была похоронена 13 сентября. См. об этом также: *Устами Буниных*. Т. 3. С. 178–180.

¹¹ Владимир Ананьевич Злобин (1894–1967) — поэт, критик, секретарь и душеприказчик Мережковских.

10

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

26 мая 1946 г. Нью-Йорк¹

26 мая

Дорогая Вера Николаевна.

Простите, что так давно Вам не писала, но Вы все от Марка Александровича о нас уже знаете. Впрочем, нечего и знать. Событий никаких, каждый день как другой, по крайней мере, у нас. Теперь многие уезжают в Париж и приезжают оттуда, а я все сижу и сижу. Марья Самойловна² скоро это сделает. На днях видели Долгополова³, кот<орый> рассказывал очень много интересного о Франции. Не разберешь, каждый рассказывает по-своему. От Рери давно ничего не получала, но она писала, что хворает. У нее что-то с сердцем, и у них там очень нервное беспокойное состояние⁴. Кого Вы видите? Есть ли еще что-либо напоминающее нашу прежнюю парижскую жизнь? Бывают ли вечера, собрания? Здесь этого вполне достаточно. Где бы мы ни очутились, найдется местный «Las-Caze»⁵. Напишите, как Ваше и Ивана Алексеевича здоровье. Лето все останетесь в Париже?

Целую Вас, желаю всего, всего хорошего. Сердечный привет Ивану Алексеевичу.

Ваша Т. Ландау.

¹ Датируется по содержанию.

² Цетлина Марья Самойловна (урожд. Тумаркина; 1882–1976) — общественная деятельница, меценатка.

³ Долгополов Николай Саввич (1879–1972) — врач-педиатр, председатель Земгора и американских благотворительных фондов, основатель дома престарелых в Кормей-ан-Паризи.

⁴ Видимо, имеется в виду политическая ситуация в Палестине.

⁵ Вероятно, Татьяна Марковна имеет в виду зал в Париже (5, rue Las-Cases), где проводились литературные вечера русской эмиграции.

В.Н. БУНИНА — Т.М. ЛАНДАУ

7 июля 1946 г. Париж

7 июля 1946 года

Милая и дорогая Татьяна Марковна.

Прошу прощения за мое долгое молчание. Я уже объясняла М<арку> А<лександровичу> причину его, повторяться скучно. Но лучше поздно, чем никогда.

Очень нас порадовала Марья Самойловна, что вы скоро будете с нами. Счастлива за вас, что Вы отдохнете от Вашей Америки и поживете хотя и в новом, но все же Париже.

Марья Самойловна произвела на всех нас очень хорошее впечатление. Таких женщин здесь или очень мало или совсем нет. Поражает в ней спокойствие, уверенность в завтрашнем дне, благонастроенность, она мне напомнила шведских дам, когда мы были в Стокгольме, — людей, не переживших ни войн, ни революций. Мы все стали не совсем такими, какими были: у большинства чувствуются пережитые страдания, некоторое изменение и к миру, и даже к «светской жизни». Мы почти перестали ходить в гости. Мне кажется странным пойти днем «на чашку чая», сидеть за столом с милыми знакомыми и плести ерунду. Когда приглашают, всегда нахожу предлог, чтобы отказаться. С друзьями общаться приятно, но и это удается редко за неимением времени и сил. В кафэ не ходим, в театрах не бываем, в синема почти не заглядываем. Много читаем. Большинство мало спит. Я часто бывала на беседах, лекциях духовного содержания. Слушала бедного Мочульского¹ о Достоевском, когда И<ван> А<лексеевич> стал уже поправляться. Очень интересный цикл прочел он о нем. Но, к большому нашему горю, он серьезно болен, сейчас в санатории. Что-то с горлом, говорят, дело его плохо, но от него, конечно, скрывают. Слушала Арсеньева², который нас всех прямо пленил. Слушала и Бердяева³, интересно и только. Слушала и отца-Лосского⁴, очаровательный человек, большой ученый, но читает так тихо, что я при своем плохом слухе не все усваивала, даже сидя в первом ряду. Видела фильм: избрание патриарха и Смерть, похороны Патриарха Сергия⁵. Сильное впечатление. Интересен народ, отдельные лица. Совсем забыла, что меня удивило — это подушки целой горой на постели у Патриарха в его келье. Мелочь, а очень характерная. А главное, это уже вызывает удивление, как это так вплотную было забыто. Поразили ризы, их блеск, богатство. Почувствовалось, что там нельзя владык по плечу трепать, как это у нас в эмиграции делают, там «чина почитай».

Сегодня вечер — 25-летие Союза писателей. Зайцев будет читать о Павле Николаевиче⁶: «Милюков в Союзе». Тэффи⁷ — о Бальмонте. Зее-

лер⁸ скажет вступительное слово. Остальные писатели и поэты прочтут свои произведения во главе с И<ваном> А<лексеевичем>. На каждого полагается 10 минут. Слава Богу, сегодня прохладно, а то в прошлом году было нестерпимо жарко на вечере И<вана> А<лексеевича>⁹.

Лето странное, больше похоже на осень. Только дня три было нестерпимо жарко, а со вчерашнего дня опять стало прохладно. Можно идти в костюме.

На юге, где мы жили, есть совсем нечего. Кило сахара, по слухам, доходит до 1000 франков, масло — до 800 фр<анков>, да его всегда трудно там доставать.

Мы никуда не поедем. Везде и дорого, и голодно. Уж лучше дома. Наташа Зайцева уехала с ребенком¹⁰ к одним знакомым нашей Ляли, которые держат пансион в чудном замке, и где Ляля с Олечкой¹¹ в прошлом году отдыхали шесть недель. Зайцевы никуда тоже не поедут. Но многие уезжают, несмотря на то, что самый дешевый пансион 250 фр<анков> в день и еще нужно кое-что прикупать.

И<ван> А<лексеевич> шлет Вам дружеский привет. Я крепко целую и жду.

Ваша В. Бунина

¹ Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) — литературовед, критик, преподавал в Богословском институте имени Св. Сергия. Речь идет о его лекции «Жизнь и творчество Достоевского», состоявшейся 2 апреля 1946 г. в Обществе духовной культуры.

² Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977) — философ, историк, доктор богословия. После войны до 1948 г. жил в Париже, читал лекции в Католическом институте. Скорее всего, здесь имеется в виду его лекция, прочитанная в Обществе духовной культуры 25 марта 1946 г., «Проблемы религиозного и мистического опыта».

³ Николай Александрович Бердяев (1874–1948) читал 26 мая в Обществе духовной культуры лекцию «Формы безбожия в современном мире».

⁴ Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) — философ, историк философии, отец философа и богослова Владимира Николаевича Лосского (1903–1958) и искусствоведа Бориса Николаевича Лосского (1905–2001). В начале 1946 г. Н.О. Лосский читал в Обществе духовной культуры лекцию «Абсолютные ценности по Достоевскому» (10 января) и цикл лекций «Основные течения русской философской мысли» (по понедельникам — 14, 21, 28 января).

⁵ 17 мая 1946 г. состоялось торжественное собрание, посвященное памяти Патриарха Московского и всея Руси (с 1943 г., после восстановления в СССР института патриархии, с 1937 г. — местоблюстителя патриаршего престола) Сергия (в миру Ивана Николаевича Страгородского, 1867–1944). Патриарх Сергий был похоронен 18 мая 1944 г. в Богоявленском патриаршем соборе в Москве. Согласно его воле, митрополит Ленинградский Алексий был назначен местоблюстителем патриархии, а 31 января 1945 г. был избран патриархом Поместным собором. На собрании, на котором присутствовала Вера Николаевна, показывали фильм о похоронах патриарха Сергия и об избрании патриархом Алексия I.

⁶ Павел Николаевич Милюков (1859–1943) был председателем парижского Союза писателей и журналистов с 1922 г.

⁷ Тэффи Надежда Александровна (наст. фамилия Лохвицкая, в замужестве — Бучинская, 1872–1952) — писательница-юмористка.

⁸ Зеелер Владимир Феофилович (1874—1954) — журналист, секретарь Союза писателей и журналистов в Париже.

⁹ См. примеч. 11 к № 8.

¹⁰ В письме М.С. Цетлиной от 25 июня 1945 г. Вера Николаевна писала: «Наташа родила сына. Пока было решено назвать Михаилом» (*Винокур Н.* Новое о Буниных // *Минувшее*. Вып. 8. 1992. С. 302).

¹¹ См. примеч. 3 к № 8.

12

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

16 февраля 1948 г. Ницца¹

16.02

Дорогая Вера Николаевна,

Спасибо за милое письмо. Мне очень жаль, что я Вас до сих пор не видела. Надеюсь все же повидать Вас и Ивана Алексеевича перед отъездом². У меня была надежда, что Вы соберетесь к нам в Ниццу? Я вполне разделяю Ваше раздражение по поводу этой истории с Марьей Самойловной. Все, что Вы мне пишете о Зайцевых, тоже очень грустно, и у меня пропала всякая охота со всеми встречаться³. Относительно «Нового Журнала» я с Вами несогласна. У меня — увы — нет такого уж влияния на моего, но на этот раз я и не попробую влиять на него, чтобы он остался в «Новом Журнале»⁴. Бог с ним, с «Новым Журналом». Потеряют наших «мужиков», как говорит Вера Алексеевна⁵, зато приобрели Берберову⁶, пусть ее и печатают.

Но как же Вы пополните дефицит в 20.000 долларов?⁷ Довольно чувствительная потеря! Разве что большевики вознаградят Вас как потерпевших⁸. Требуйте с них 40.000, никак не меньше. А в общем, не стоит даже очень и огорчаться, до того все это глупо и противно.

Целую Вас, передайте мой сердечный привет Ивану Алексеевичу, всего хорошего.

Ваша Т. Ландау

¹ Датируется по содержанию.

² Алдановы жили в Ницце с осени 1947 по весну 1948 г.

³ Речь идет об известном письме М.С. Цетлиной Буниным, где она рвала с ними отношения из-за их выхода из Союза писателей и которое она послала открытым, приложив к своему письму Б.К. и В.А. Зайцевым. Таким образом письмо было предано огласке раньше, чем оно попало к адресатам, что и послужило причиной разрыва отношений между Буниными с одной стороны и Цетлиной и Зайцевыми с другой. Алданов и его жена в этом конфликте безоговорочно приняли сторону Буниных. Подробнее об этом см.: *Дубовиков А.Н.* Выход Бунина из Парижского Союза писателей // *Литературное наследство*. Т. 84. Кн. 2. С. 398—407; *Пархомовский М.* Конфликт М.С. Цетлиной с И.А. Буниным и М.А. Алдановым // *Евреи в культуре русского зарубежья*. Т. 4. Иерусалим, 1996. С. 310—325.

⁴ Конфликт с Цетлиной повлек за собой выход Бунина и Алданова из «Нового журнала».

⁵ В.А. Зайцева.

⁶ Берберова Нина Николаевна (1901–1993) — писательница, мемуаристка, начала сотрудничать в «Новом журнале» в 1948 г. (с № 17), после выхода из него Бунина и Алданова в связи с конфликтом с Цетлиной.

⁷ Возможно, речь идет о слухах, что Цетлина содержала Буниных на свои деньги, посылая им из Америки огромные суммы. Эту же цифру обыгрывает и Алданов в своем письме Бунину от 22 мая 1948 г.: «Если к этим 66 долл<арам> добавить 50 от Гутнера и 50 от Литер<атурного> Фонда, то выйдет, что Ваш убыток от ссоры с Марьей Самойловной, которая ежегодно переводила Вам двадцать тысяч долларов своих денег, составляет в этом году уже не 20.000 долларов, а только 19.834. Мы с Цвибаком все “ищем женщину”, т.е. богатую даму, которая устроит бридж в Вашу пользу». Какая доля шутки и правды есть в этих высказываниях, пока не вполне ясно.

⁸ Намек на большевиков связан, по-видимому, с тем, что причиной выхода Буниных из Союза писателей все считали исключение из Союза тех, кто взял советские паспорта. Несмотря на то что Бунин отрицал это, сторонников такой версии до сих пор много.

13

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

13 мая 1950 г. Нью-Йорк¹

13 мая

Дорогая Вера Николаевна,

Спасибо большое за Ваше поздравление и память². Очень было приятно, что Вы меня не забыли. Известие, что у Ивана Алексеевича опять повторилась его болезнь, нас очень огорчило. Надеюсь, что будет лучше. Мы скоро приезжаем, хотим вас видеть. Простите, что мало пишу. Я очень устала от хлопот перед отъездом, скоро поговорим³. Целую Вас. Сердечный привет и наилучшие пожелания Ивану Алексеевичу. Еще раз спасибо.

Ваша Т. Ландау

<приписка М.А. Алданова:>

Дорогие друзья, спасибо.

Писать уж не стоит. Через несколько дней буду у Вас.

Обнимаю <подпись>

¹ Датируется по содержанию.

² Видимо, Татьяна Марковна благодарит Веру Николаевну за поздравление с днем рождения.

³ Марк Александрович и Татьяна Марковна приехали во Францию в конце мая 1950 г.

Т. М. ЛАНДАУ — В. Н. БУНИНОЙ,
М. А. АЛДАНОВ — И. А. И В. Н. БУНИНЫМ
5 сентября 1950 г. Ницца¹

05.09.

Дорогая Вера Николаевна,

Сердечно Вас поздравляю с благополучным исходом операции². Слава Богу, надеюсь, что все и дальше пойдет хорошо. Спасибо, что Вы находите время нас каждый день извещать. Только что пришла Ваша открытка, кот<орая> привела меня в восторг перед Иваном Алексеевичем: меня уже несколько раз оперировали, и ни разу после этого не хотелось ни cantal'a³, ни тем менее курить. Молодец Иван Алексеевич! Теперь Вы можете наконец и о себе подумать, воображаю, как Вы измучены! Надеюсь, выздоровление пойдет скоро, целую Вас обоих (можно и И<вана> А<лексеевича> по случаю операции?). Всего хорошего!

Ваша Т. Ландау

<далее на машинке приписка М. А. Алданова:>

Дорогие друзья, Вы не можете (а, впрочем, можете) себе представить, как нас обрадовала эта телеграмма! Я сейчас побежал на почту, чтобы телеграфировать Вам (надеюсь, получили?), а затем зашел в винный магазин и купил бутылку шампанского, хотя мне строго запрещено пить. К обеду из Монте-Карло приехал Ляля, очень обрадовался телеграмме, и мы с ним выпили всю бутылку, и даже Таня, которая никогда вина не пьет, выпила полбокала. Вы догадываетесь, за кого и за что был тост. Слава Богу. Но Вы мне не ответили на вопрос моего последнего письма: что же это было — в дополнение к простату? Что теперь говорят врачи? Продолжаются ли боли? Кажется, в первое время после операции боли еще не исчезают. Сколько надо лежать? Какой был наркоз?

Вчера получил первый ответ на мои письма. Лунц⁴ пишет: «Через несколько дней, как только вернусь в Нью-Йорк, pošлю Вам деньги для Ивана Алексеевича». Цифры не называет. Он где-то в горах. От других пока ответа не получил, но это естественно, никого в Нью-Йорке нет. Я поместил в «Н<овом> Р<усском> Слове» статью о Бальзаке и Бланки (ужасные печатки)⁵, за которую на меня могли незаслуженно обидеться «фанатические поклонники февральской революции» вроде Вишняка⁶, но я ни к кому из них не обращался.

Целую Вас обоих. Сердечно благодарю и Наталью Владимировну. Им обоим⁷ и всем наш самый сердечный привет.

Ваш <подпись>

¹ Датируется по содержанию.

² Операция Бунина состоялась 4 сентября (Устами Буниных. Т. 3. С. 200).

³ Cantal — сорт французского сыра.

⁴ Лунц Григорий Максимович — книгопродавец-букинист, хороший знакомый Алданова.

⁵ Имеется в виду статья М. А. Алданова «Два понимания революции (Бальзак, Бланки)», которая публиковалась в четырех номерах газеты «Новое русское слово» от 3, 4, 5 и 8 августа 1950 г.

⁶ Вишняк Марк Вениаминович (1883—1977) — юрист, эсер, общественный деятель, публицист.

⁷ Имеются в виду писательница Наталья Владимировна Кодрянская (1901—1983) и ее муж Исаак Вениаминович Кодрянский (1894—1980), представитель фирмы лампочек «Tungsten», меценат.

15

В. Н. БУНИНА — Т. М. ЛАНДАУ

11 октября 1951 г. Париж

11/10 51

Дорогая Татьяна Марковна,

Спасибо за поздравление¹, поблагодарите за письмо милого Марка Александровича. У нас плохо: лечение йодом и серой вызвало у моего большое сердечное ослабление. Пульс бывает 120 и очень слабый. Кроме того, м<ожет> б<ыть>, он получил грипп, который ходил по Парижу (вирус), причем т не поднимается и, если это так, то йод был очень вреден. Он очень ослаб и исхудал. Я провожу с ним ночи. Спит плохо. Пьет мало. Если будут силы, буду держать Вас в курсе. Если трудно будет писать, известим Полонских.

Приезжал Кодрянский², в субботу уплывает в Нью-Йорк.

От Николая Романовича³ была телеграмма, спрашивал, нужно ли перевести аванс за «Ж<изнь> Арс<еньева>»⁴. Ответили, что все скажет Кодрянский. Это будет выгоднее.

«Воспоминания» в Америке по-английски идут хорошо⁵. В месяце продано 1200 экз<емпляров>.

Обнимаем, целуем вас обоих.

Л<еонид> Ф<едорович> шлет сердечный привет, он очень озабочен и много помогает.

Ваша В. Бунина.

¹ Вероятно, с именинами.

² См. примеч. 7 к № 14.

³ Николай Романович Вреден (1901—1955) — литератор, издатель. В последние годы жизни работал в издательстве имени Чехова. Когда Алданов познакомился с

ним в 1951 г., он так написал Бунину о Вредене (16 июля 1951 г.): «...сын лейб-медика, в ранней юности перед самой революцией ставший гардемаринком, бежавший тогда в Америку и завоевавший себе с годами огромное положение в американском литературно-издательском мире. Человек он прекрасный, умный, образованный».

⁴ *Бунин И.* Жизнь Арсеньева. Первое полное издание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

⁵ «Воспоминания» И.А. Бунина вышли в переводе на английский язык в 1951 г.: *Memories and portraits / Translated by Vera Traill and Robin Chancellor.* Garden City, N.Y., Doubleday, 1951.

16

В.Н. БУНИНА — Т.М. ЛАНДАУ

24 сентября 1952 г. Париж

24 сентября 1952

<приписка сверху:>

Спасибо за поздравление: оно первое¹.

Дорогая Татьяна Марковна.

Получила сегодня письмо от Вашего и хочу ответить Вам, т.к. его теперь не поймаете, а Вы передадите ему содержание при случае.

1) Давление мое невелико, но соответствие между верхним и нижним не вполне нормально, но я принадлежу к людям с низким давлением — раньше выше 14 не поднималось, а теперь 16/10. Зернов² думает, что это от сильного нервного переживания, как и увеличение печени. И если бы мы куда-нибудь поехали, то болезнь Олечки³ все равно на мне отразилась бы. Я Бога благословляю, что мы были в Париже, без меня ей было бы хуже, а теперь она почти здорова. Осталась лишь быстрая утомляемость от разговоров.

2) Теперь почему мы никуда не могли поехать:

а) Денег всех мы до сих пор не получили⁴, а я в долгах — опять уже заняла 30.000 фр<анков> и еще нужно занимать. Почему теперь медлят, не понимаю, а мы заказали уже электрическую нагревалку для ванны, это обойдется в 60.000 фр<анков>.

б) Представьте деньги налицо: поехать возможно — куда? Вам могу объяснить. Ведь мой должен иметь возле себя удобное судно⁵. Как с этим быть? Везти с собой? Или иметь рядом очень близко cabinet de toilette со всеми удобствами, но это можно иметь за бешеные деньги.

с) Его неожиданные заболевания. Он на днях перенес в легкой степени грипп, и опять был Зернов. Он уже дня четыре в постели.

д) И как его перевезти? Везде комнаты в верхнем этаже. Значит, все равно будет сидеть безвыходно в своей берлоге.

Обуद्धем годе думая, если будет возможно, снять виллу в месте, где есть доктор. Но разве можно все предвидеть...

Некоторые мне не советуют И<вана> А<лексеевича> куда-нибудь везти... Он мечтает о Монте Карло. Я не возражаю.

Боголепов⁶ как раз составлял первую антологию, пишется, что он профессор, вторую составляет Иваск⁷, а кто третью — забыла, кажется, Марков⁸ (?).

Нас тоже удивило, что Осоргин продолжает традицию Чехова, «как раз наоборот».

Не знаю еще, буду ли обращаться в Од<есское> Зем<лячество>⁹. И Полякову¹⁰ не стану писать. Бог даст, обойдемся и без них. Они прекрасно знают, кто лишен, так как матери Ляли¹¹ как-то прислали на этом основании посылку. Видимо, там помогают *своим*. А уж И<вана> А<лексеевича> поднимать на это совсем не стоит. По воробьям из пушек. И дадут-то всего 10–20 д<олларов>, а всяких унижений не оберешься. Из парижского одесского обещали хлопотать 2000 fr., да тоже что<-то> не дают.

Поздравляю с окончанием «Вашим» философской книги¹². Очень хотелось бы прочесть ее. Прислали бы в рукописи, и я, прочтя, возвратила бы в сохранности. Впрочем, это мечты.

Завидую, что Ваш побывает и в Венеции, и на Капри¹³, «где мы были так счастливы», не сознавая этого. Много дала бы я побывать на этом чудном острове, где кончается пядь земли нам известная, где мы пережили столько несказанно прекрасных дней и даже ночей за пенным исти¹⁴. Иной раз кажется, было ли все это? И уже скольких нет из тех, кто делили наши досуги. А сколько там было написано моим! И как быстро, весело и легко творил он. Когда мы в последний раз приезжали на Капри, то, поднимаясь в коляске с парохода по дороге с апельсиновыми садами, я почувствовала, что мы приехали домой... Но как всякий «дом» теперь для нас ничего не существует, осталась лишь память о нем.

Простите за длинное послание.

Слышала, что у Фенички было хорошо, сытно, вкусно по-домашнему. Она поправилась.

Люб<овь> А<лександровну> видела раз. Разве Ляля опять на юге? Думаю, что они оба пережили тяжелые дни из-за смерти их со-квартиранта Штернфельда, так же всех поразившей, как и смерть Якова Борисовича¹⁵. Мы вас обоих обнимаем.

Л<еонид> Ф<едорович> шлет привет.

Ваша В. Бунина

¹ Речь идет о поздравлении с именинами в письме Алданова от 23 сентября 1952 г. Поскольку Алданов собирался уезжать в Италию, он поздравил Веру Николаевну от себя и от жены заранее.

² Зернов Владимир Михайлович (1904–1990) — парижский врач, лечивший Бунина в 1948–1953 гг.

³ М.Э. Грин комментирует упоминание Веры Николаевны о болезни Олечки и сообщает, что у последней было в это время нервное расстройство (Устами Буниных. Т. 3. С. 205, 215).

⁴ Речь, видимо, идет о гонораре за «Жизнь Арсеньева» от Чеховского издательства, поскольку в письме Вере Николаевне от 7 июля 1952 г. Алданов писал, что от Чеховского издательства они получат более миллиона франков. В это же время ожидалось получение очередной субсидии от бизнесмена Атрана, который несколько лет поддерживал Бунина материально. В том же письме Алданов сообщает, что после смерти Атрана большая часть его состояния перешла Фонду его имени, поэтому выплаты будут продолжаться и, таким образом, Бунины будут обеспечены еще почти на год.

⁵ Бунин страдал геморроидальными кровотечениями.

⁶ Имеется в виду антология А. Боголепова «Русская лирика от Жуковского до Бунина» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952).

⁷ Иваск Юрий Павлович (1907–1986) — поэт, критик, литературовед. Речь идет о его антологии русской зарубежной поэзии «На Западе» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953).

⁸ Марков Владимир Федорович (р.1920) — литературовед, критик, поэт. Имеется в виду составленная им антология «Приглушенные голоса: Поэзия за железным занавесом» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952).

⁹ Одесское землячество — общество помощи тем эмигрантам, кто так или иначе имел отношение к Одессе. Вера Николаевна хотела обратиться в это землячество с просьбой о материальной помощи Олечке Жировой, родственники которой родились в Одессе. По этому поводу Алданов писал Вере Николаевне 23 сентября 1952 г.: «Очень меня удивило, что Поляков сам не заговорил с Вами об Олечке, я просил его узнать у Вас подробности об ее одесских связях и т.д. <...> Я советовал бы Вам сделать так: напишите Александру Абрамовичу все *точно*, какая связь с Одессой, и вложите просьбу о помощи ей, но непременно за подписью Ивана Алексеевича. Так как имени-отчества председателя Вейнберга я не знаю, то можно было бы адресовать именно председателю или же назвать его доктором, но подпись Ивана Алексеевича необходима для успеха. Ал<ександр> Абр<амович> передаст и от себя, надеюсь, поддержит». Слова Веры Николаевны о том, что она раздумывает, обратиться ли ей за помощью, как раз и являются ответом на совет Алданова.

¹⁰ Поляков Александр Абрамович (1879–1971) — журналист. В тот период, о котором идет речь, работал в газете «Новое Русское Слово» и жил в Америке. Поскольку французское отделение землячества (председатель Д.Л. Гликберг) помогало почти исключительно пожилым людям, Вера Николаевна хотела обратиться в нью-йоркское отделение Одесского землячества, в чем Поляков, видимо, мог способствовать.

¹¹ Мария Карловна Лишина (1878–1966). Сохранились ее письма к В.Н. Буниной (РАЛ. MS.1067/3878–3900).

¹² Имеется в виду книга Алданова «Ульмская ночь», вышедшая в Нью-Йорке в издательстве им. Чехова в 1953 г.

¹³ После окончания книги Алданов, как он сам писал в письме Вере Николаевне от 23 сентября 1952 г., решил «побаловать себя» десятидневной поездкой в Италию.

¹⁴ Бунины были на Капри в 1912–1913 гг.

¹⁵ Яков Борисович Полонский неожиданно тяжело заболел в середине ноября 1951 г. и 28 ноября скончался. См. запись В.Н. Буниной в дневнике 1 декабря 1951 г.: «Вчера хоронили Я.Б. Полонского. Сгорел в одну неделю от болезни сердца» (Устами Буниных. Т. 3. С. 204).

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

14 декабря 1952 г. Ницца¹

14.12

Дорогая Вера Николаевна,

Большое спасибо Вам за письмо. Очень интересно было узнать, что и Вы в свое время вывихнули руку. Но если в 15 лет это продолжалось 6 недель, сколько же это будет длиться у меня! У меня плечо не перевязано, но ноет, хожу к русской массажистке, кот<орая> говорит, что мускулы «atrophiés»², но будто бы это может пройти.

Очень огорчены были болезнью Фенички. Конечно, это очень серьезная болезнь, очень ее жаль. От Рери у меня уже очень давно не было писем, м<ожет> б<ыть>, больна и она. Почему же Вы пригласили такого странного маляра? Он хоть дешевле других? Меня этим не удивишь: оба раза, когда мы были в Нью-Йорке, хозяин перекрашивал квартиру. У нас и у жильца там сундуков и ящиков штук двадцать. Маляры были негры, порто-риканцы <так!> и итальянцы. Пели, галдели. Мужчины (мой и жилец) сбежали из дома, а я забилась в кухню, пока они и туда не пришли. М<ожет> б<ыть>, это скоро предстоит опять, мы еще не знаем, продлят ли нам визу и на этот раз. Простите, что кончаю письмо, рука очень устала. Целую вас, сердечный привет Ивану Алексеевичу, кланяйтесь, пожалуйста, Леониду Федоровичу.

Ваша Т. Ландау

¹ Датируется по содержанию. См., например, письма Алданова Буниным от 19 ноября 1952 г., в котором он рассказывает о несчастном случае, и 14 декабря 1952 г., где сообщает, что из-за вывихнутой руки Татьяны Марковны они не могут приехать из Ниццы в Париж. В этом письме Алданова также упоминается ремонт у Буниных и болезнь Фенички.

² атрофированы (*франц.*).

В.Н. БУНИНА — Т.М. ЛАНДАУ

10 мая 1953 г. Париж

10.V.53

Дорогая Татьяна Марковна,

Только сегодня вспомнила, что вчера был Ваш Новый Год. Поздравляем с прошедшим днем рождения и желаем здоровья, успехов, словом,

«ни пуха, ни пера», а главное, чтобы Ваша будущая старость была бы легче нашей.

Последние дни были очень тревожные: у «моего» опять его «любимая» болезнь, раз по семи мне приходилось выносить... А у меня, как на грех, печень взыгралась: пришлось приглашать Зернова. Посадил на строгую диету, дал два лекарства, запретил утомляться... и всякую тяжелую работу, пока не пройдет. Меня клонит в сон, но не всегда удается поспать. F<emte> de m<énage> приходит только 3 раза в неделю. Хорошо, что Л<еонид> Ф<едорович> вернулся, он помогает. Последние два дня у меня прошла тупая, ноющая боль вверху печени. Надеюсь, вывернулась.

Кончаю архив¹. И много читаю и делаю выписки из Чехова² и все больше и больше восхищаюсь этим замечательным писателем и человеком с необыкновенным чувством достоинства, умом и твердым характером и большой ответственностью. Книпер, конечно, была от лукавого, тут обострилась его болезнь, и он несколько свихнулся, потерял свою сдержанность, почитайте его письма к ней — это не Чехов пишет.

Когда мы вас увидим?

Целуем и обнимаем вас.

Л<еонид> Ф<едорович> шлет поздравление вам.

Привет. Ваша В. Бунина

Получила письмо от Рери.

¹ В это время И.А. Бунин вел переговоры о передаче своего архива Колумбийскому университету или другим организациям, и речь идет о разборе архива Верой Николаевной (см., например, письмо М.А. Алданова И.А. Бунину от 12 марта 1953 г.: «Я не знаю, скоро ли он <Карпович> Вам ответит об архиве, но надеюсь, что он в Харварде справится. Можно даже пока не посылать им каталога: достаточно сказать, что там много рукописей, разночтений и переписка с разными известными людьми. Не следует откладывать дела, оно потребует немало времени, американцы, вопреки своей репутации, *все* делают медленно, а деньги Вам понадобятся скоро. (Вы говорили, что осталось 150.000 фр<анков> и ожидается 750 долларов). Я посоветовал бы Вам продиктовать еще другое письмо о том же — Сазоновой. У нее большие знакомства, она могла бы найти ход в разные учреждения, и я вижу, что она Вам предана»). См. также: *Heywood Anthony J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov and Lopatina Collections / Edited by Richard D. Davies, with the assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. P. XXVIII.*

² Эти выписки И.А. Бунин использовал в работе над книгой «О Чехове», вышедшей в издательстве им. Чехова в 1955 г.

В. Н. БУНИНА — Т. М. ЛАНДАУ

24 августа 1953 г. Париж

24 августа 1953 г.

Дорогая Татьяна Марковна.

Только что прилетело письмо (от 20 авг<уста>) от «Вашего» «моему», которое меня встревожило¹. Что собственно с Вами, какие боли? У меня года два были боли в области позвоночника от недостатка кальция, теперь прошли — я вовремя захватила. Запускать, по словам Зернова, рискованно, как вообще всякую болезнь.

Сейчас говорила по телефону с Петей Струве². Он сегодня виделся с доктором Перроном, у которого лечится Л<еонид> Ф<едорович>. Перрон сказал, Л<еониду> Ф<едоровичу> лучше шоксов пока не применять, находит, что пока не нужно его лечить шоками.

Я была у Л<еонида> Ф<едоровича> дважды³ — возили друзья, от нас через лес 4 километра, путь приятный. Парк, в котором разбросаны дома разных размеров, очень хорош. Находится на берегу Сены. Воздух превосходный, зеленый луг, столетние деревья. Есть и кедр ливанский. Второе лето я изредко дышу там свежим воздухом.

Л<еонид> Ф<едорович> радуется, когда к нему приходишь. Он тихий, не сглазить, никаких неприятностей персоналу не доставляет, сон хороший, аппетит нормальный, всем доволен, недостает ему только фруктов, конечно, я привожу их. Главное его занятие — писание, исписывает много бумаги. Обо всем расспрашивает, всем посылает привет, интересуется, кто где проводит лето. Послал как-то «моему» папирос, вернее дал денег на покупку хороших турецких папирос: «Хочу Ивану Алексеичу доставить удовольствие». Но порой сбивается на бред: ему кажется, что его знали многие, когда он был ребенком, есть и другие «поньки».

«Мой» не радуется: задыхается. Приглашала Петю Струве и к нему. Он советует аэрозоль: взять аппарат в аптеке и вдыхать какие-то снадобья.

Сегодня взяла последние деньги из банка и завтра возьму этот аппарат к себе: залог 5000 фр<анков> и 1500 f. за десять дней + лекарства. Может быть, и поможет. Ослабел очень от потери крови. Нервен донельзя.

Уж месяц живем в долг. Ждем деньги из четырех мест. Но почта хорошо сравнительно ходит только воздушная. Из Германии письмо шло 20 дней. «Русские Новости»⁴ вчера пришли к нам от 7 августа! Шли две недели!

Скажите «Вашему», что скончался Н. Д. Зелинский⁵ на девяносто третьем году жизни. Я знала его близко, он бывал у нас. Читал на курсах⁶ органическую химию и задавал нам задачи в лабораториях на разных курсах.

Он — одна из постоянных связей прошлой моей жизни. От последней жены у него остался сын. Их у него было три. Два после 50-ти лет... А как он любил первую! И как он горевал после ее смерти.

Люб<ови> Алекс<андровне> звоню ежедневно: никто не подходит. Не пойму, куда она уехала. Ляля поехал на юг один, и она получила от него письмо: вот все, что я знаю.

Ляля с Олечкой в лагере близ Биарриц, 20 дней сидели без денег. Пришлось наконец, послать отцу⁷ по телеграфу. На почте денег до сих пор не принимают, как и заказных писем.

Вернулись Михайловы⁸, он был у нас, но «мой» не принял его, так плохо себя чувствовал. Возвращались на автобусе, ехали 18 часов, лицо И<вана> А<лексеевича> стало красным.

В<ера> Раф<аиловна>⁹ летит на днях в Ниццу. Сегодня зашли проститься.

Ждем Б.С. Нилус из Виши, тоже нанимают автомобиль.

Какие были операции у Вредена¹⁰?

Если увидите Кодрянских, сообщите то, что я пишу Вам о Л<еои-де> Ф<едоровиче>. Я не знаю, долго ли она пробудет в Нью-Йорке. Надеюсь, что Ис<аак> Вен<иаминович>¹¹ в океане поправился.

Обнимаю Вас обоих.

Ваша В. Бунина

¹ В письме Ивану Алексеевичу Алданов 20 августа 1953 г. писал: «У меня только огорчения. Болеет Татьяна Марковна, ее давние боли участились, теперь каждый день, а лечиться здесь она не хочет! Это совершенно меня расстраивает».

² Струве Петр Алексеевич (1925–1968) — протоиерей и доктор медицины.

³ О болезни Л.Ф. Зурова см. примеч. 1 к № 96 переписки Буниных с Адамовичем в наст. изд.

⁴ «Русские новости» — еженедельная газета, выходившая в Париже с мая 1945 г. по ноябрь 1970 г. (редактором до 1951 г. был А.Ф. Ступницкий, затем М. Бисноватый). Бунин печатался в ней.

⁵ Зелинский Николай Дмитриевич (1861–1953) — русский химик-органик, один из основоположников органического катализа и нефтехимии. Один из организаторов Института органической химии АН СССР.

⁶ Вера Николаевна училась на Высших женских курсах, организованных в 1900 г. В своих неопубликованных воспоминаниях она называет их еще «Коллективными курсами при Обществе гувернанток и учительниц».

⁷ Алексей Матвеевич Жиров (см. примеч. 3 к № 8). В самом начале войны Бунины недолго жили на ферме Жирова, но потом вернулись в Грасс, где и оставались в течение всей войны.

⁸ Павел Александрович и Эмма Михайловы — знакомые Буниных (см. о них: Диаспора. Вып. 2. 2001. С. 485).

⁹ Мартынова Вера Рафаиловна — знакомая Буниных. Она часто упоминается в переписке Веры Николаевны в контексте распространения билетов на различные вечера (Диаспора. Вып. 1. 2001. С. 380).

¹⁰ См. примеч. 3 к № 15.

¹¹ См. примеч. 2 к № 14.

20

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

6 января 1954 г. Ницца

<Приписка Татьяны Марковны от руки на обороте письма М.А. Алданова В.Н. Буниной от 6 января 1954 г.:>

Дорогая Вера Николаевна,

Большое спасибо за все, что Вы пишете о маме¹. Я ей это передам, и она тоже очень тронута и просит Вас горячо поблагодарить. Доктор *надеется*, что зрение вернется, но поправка будет во всяком случае очень медленной². Конечно, глаза очень болят, и она почти все время лежит в темноте. Хуже всего, что она не может читать, она раньше только это и делала. Конечно, у нас теперь очень тоскливо. Очень рада, что Леонид Федорович поправился и вернулся домой³. Передайте ему мой сердечный привет. Целую Вас, еще спасибо.

Ваша Т. Ландау

¹ Анна Григорьевна Зайцева (1871—1959).

² Из письма Алданова Вере Николаевне от 31 декабря 1953 г. известно, что его теща Анна Григорьевна неправильно включила газовую колонку, отчего в квартире произошел взрыв. От взрыва разбилось стекло и его мелкие осколки попали Анне Григорьевне в оба глаза.

³ Л.Ф. Зуров вернулся домой после лечения в клинике 12 декабря 1953 г.

21

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

2 июня 1955 г. Ницца¹

2 июня

Madame Bounine

1 Rue Jacque Offenbach

Paris 16

Дорогая Вера Николаевна.

Спасибо большое за милое письмо. Я бы очень хотела, чтобы «мой» сидел с заломленным картузом, вместо того, чтобы подвергнуть нас такому страху. Я Любе об этом писала: у него сейчас же после операции² ослабел пульс, давление, ему давали кислород, вливали в вену физиол<огический> раствор. К вечеру состояние улучшилось, сегодня врачи им вполне довольны, хотя он и киснет. Мужчины, знаете, гораздо хуже переносят неудобства, неприятности, чем мы. Не спал он всю ночь, но сегодня ему

сделают укол и дадут снотворное. Еще спасибо, целую Вас, сердечный привет Л<еониду> Ф<едоровичу> и Вам от нас обоих.

Ваша Т. Ландау

¹ Датируется по почтовому штемпелю на открытке с обратным адресом: М. Aldanov, 16 Av. G. Clemenceau, Nice.

² В записке Вере Николаевне от 30 мая 1955 г. Алданов писал: «Дорогой друг, Вера Николаевна. Согласно Вашему желанию, сообщаю Вам о дне операции. Она состоится в среду, 1 июня, в 11 утра. К вечеру моя сестра, верно, уже получит телеграмму. Вы у нее можете узнать, пожалуйста, сообщите Василию Алексеевичу по телефону. Спасибо. Обнимаем Вас. Сердечный привет Леониду Федоровичу. Ваш М. Л.»

22

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

12 октября 1956 г. Ницца

<Приписка Татьяны Марковны на письме М. А. Алданова В. Н. Буниной от 12 октября 1956 года:>

Дорогая Вера Николаевна.

Хочу еще различно Вас поздравить с именинами: меня не было дома, когда мой писал Вам. Адрес Пери: P.O.B 1486, Jerusalem, Israel.

Она будет очень рада Вашему письму, все болеет. Я и не знала, что дочь Фенички выходит замуж¹, она, кажется, уже не так молода? Феничка должна быть очень рада.

Всего хорошего Вам и Леониду Федоровичу, сердечный привет.

Ваша Т. Ландау

¹ Татьяна Шлезингер вышла замуж за Макса Арнольда (оба врачи). Имя Татьяны Шлезингер упоминается в бумагах Веры Николаевны Буниной 5 января 1957 г. (РАЛ. MS.1067/6673).

23

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

28 февраля 1958 г. Ницца¹

28.02

Дорогая Вера Николаевна.

Спасибо за письмо и за память. Все мы знаем, что это такое. За этот год прибавилось нашего полку². Надежда Михайловна³ мне раз написала. Все-таки у нее Леночка, внуки. Я здесь совсем одна, со своими старуха-

ми⁴, с кот<орыми> много хлопот. Зайцевы мне тоже написали, бедная Вера Алексеевна левой рукой⁵. Я даже ни о чем их не спрашиваю. Ведь поправиться она не может?

Читала, что Вы окончили и сдали Вашу книгу⁶. Вот молодец! Как Вам живется? Как здоровье? Еще раз спасибо, всего хорошего Вам и Л<еони-ду> Ф<едоровичу>.

Ваша Т. Алданова

¹ Датируется по содержанию.

² Имеется в виду вдовство. Алданов скончался 25 февраля 1957 г.

³ Вероятно, речь о Надежде Михайловне Шполянской, жене Дона Аминадо (А.П. Шполянского), также скончавшегося в 1957 г.

⁴ Имеются в виду мать Татьяны Марковны Анна Григорьевна и ее няня Нина Дмитриевна (1868–1959). После смерти Алданова Татьяна Марковна еще некоторое время жила в Ницце и только после смерти матери и няни переехала в Париж. См. последующие письма.

⁵ Вера Алексеевна Зайцева была парализована.

⁶ *Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина; 1870–1906. Париж, 1958.*

24

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

9 ноября 1958 г. Ницца¹

09 ноября

Дорогая Вера Николаевна,

Сердечно благодарю Вас за книгу и за милую подпись². Мне будет чрезвычайно интересно ее прочесть, я очень мало знаю о жизни Ивана Алексеевича в России. Для биографов она есть и будет прямо клад. Вы много потрудились!

Очень хотела бы и Вам послать «Самоубийство», кот<орое> на днях вышло³. Я его еще не получила, но, Вы знаете, в Америке в этом смысле не щедры. Мне полагается только один экземпляр.

Хотела бы с Вами повидаться, но не могу никуда уехать. Думаю о Вас сегодня и крепко обнимаю.

Сердечный привет Леониду Федоровичу.

Ваша Т. Алданова.

¹ Датируется по содержанию.

² Речь о книге «Жизнь Бунина».

³ «Самоубийство» — последний роман М.А. Алданова. Печатался в газете «Новое русское слово» с декабря 1956 г. по май 1957 г. и отдельным изданием вышел уже после смерти автора (Нью-Йорк: Изд-во Литературного фонда, 1958).

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

1 марта 1959 г. Ницца¹

1 марта

Дорогая Вера Николаевна.

Сердечное Вам спасибо. Я очень тронута, что Вы не забываете меня. Как Вы себя чувствуете? И по каким признакам решили делать анализ крови? Я тоже очень сдала. Так устала, что по утрам с трудом заставляю себя встать. Мне действительно живется трудно. Вижу только моих старух, кот<орые> требуют все больше ухода. А я ведь сама стара.

Я удивляюсь, что в письмах из России не боятся сказать, что любят романы Алданова. Один наш молодой кузен², служащий в О.Н.У.³, был в России, и в Киеве видел в городской библиотеке «Ключ». Но ведь там действие происходит до революции. Я не вижу, как решились бы издать другие его вещи, если так травят Пастернака⁴. Читаете ли Вы в «Русской Мысли» Яновского⁵? Там сказано, что Зайцева помнят, на Бунина большой спрос (это понятно), а о Марке Алданове собеседница автора никогда не слышала. Нет, до России еще далеко.

Что же мне писать о М<арке> А<лександровиче>? Что Вы? Никакого писательского дара у меня нет. Письма другое дело. Да я никогда и не могла бы взяться за это. Вы совсем другое дело, и у Вас действительно есть талант. Что же могли бы выдумать о М<арке> А<лександровиче>? 2/3 своей жизни он, по собственному выражению, провел в библиотеках. Не знаю, почему Люба смущалась передать разбор рукописей Софье Юльевне⁶. Это трудное дело и очень неблагодарное. Зайцевы мне изредка пишут. Я не представляла себе, что В<еру> А<лексеевну> только три раза в неделю водят по квартире и не знала, что правая часть парализована до сих пор. Очень тяжело, а Б<орису> К<онстантиновичу> и Наташе честь и слава.

Целую Вас, дорогая. Еще спасибо.

Сердечный привет Л<еониду> Ф<едоровичу>.

Ваша Т. Алданова

¹ Датируется по содержанию.

² Не удалось установить, кого имеет в виду Татьяна Марковна.

³ Organisation des Nations Unies (франц.) — Организация Объединенных Наций.

⁴ Кампания, организованная советскими властями в связи с присуждением Б.Л. Пастернаку Нобелевской премии.

⁵ Имеется в виду серия статей Е.Я. Яновского «Две недели на родине», публиковавшаяся в «Русской мысли» с конца января по середину марта 1959 г.

⁶ Прегель Софья Юльевна (1897–1972) — поэт, директор издательства «Рифма» (в 1957–1972).

26

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

28 сентября 1959 г. Ницца¹

28 сентября

Дорогая Вера Николаевна,

Сердечно поздравляю Вас с именинами. Желаю всего хорошего.

Я была в августе в Париже, но только два дня и по невеселому поводу, приезжала похоронить маму. Не знаю, знаете ли Вы, что она умерла? А через две недели умерла и моя няня. У меня теперь нет здесь никого, очень хотела бы переехать в Париж.

Только на днях прочла рецензию Гуля о Вашей книге — очень лестную². Прочла в газете, что Галина Николаевна переехала в Женеву³. Заезжала ли она в Париж?

Целую Вас, всего хорошего. Сердечный привет Леониду Федоровичу.
Ваша Т. Алданова

P.S. Если Вы случайно знаете имя-отчество жены д<окто>ра Коварского⁴, сообщите, пожалуйста, она мне писала.

¹ Датируется по содержанию.

² Гуль Роман Борисович (1896—1986) — писатель, редактор «Нового журнала». Его рецензия на книгу Веры Николаевны «Жизнь Бунина» была опубликована в «Новом журнале» (1959. № 59. С. 295—297). В том же номере была опубликована и рецензия М. Карповича на роман Алданова «Самоубийство» (С. 297—300).

³ Галина Николаевна Кузнецова, по ее словам, «в 1955 г. поступила на работу в ООН, где и прослужила в издательском отделе корректором семь лет. В 59-м году наш русский отдел, в уменьшенном составе (В. Андреева, М.А. Степун и меня) переехали в Женеву» (цит. по: *Бабореко А.К.* Галина Кузнецова // Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. М.: Московский рабочий, 1995. С. 7).

⁴ Коварский Илья Николаевич (1880—1962) — доктор, эсер, общественный деятель, глава Общества российских врачей в Нью-Йорке, член корпорации «Нового Журнала», основатель издательства «Родник». Его жена — Лидия Антоновна Коварская (урожд. Налон-Домбровская, 1874—1965) — педагог, писательница.

27

Т.М. ЛАНДАУ — В.Н. БУНИНОЙ

3 октября 1959 г. Ницца¹

03 октября

Дорогая Вера Николаевна,

Спасибо за письмо. Я и не знала, что Вы были в Швейцарии². Гостили у Павловских³?

Мама до прошлого года держалась молодцом. А потом все вдруг пришло сразу: сердце, воспаление легких, в конечном счете зрение. Ей было 88 лет, а Нине Дмитриевне 91. Это, собственно, было главной их болезнью.

Конечно, я бы очень хотела уехать поскорее в Париж, как ни трудно там найти комнату. Меня задерживает распродажа книг М<арка> А<лександровича>. Все идет очень медленно и плохо. Куда мне против книгопродавцев! А взять мне с собой много невымыслимо.

Я знаю, что и у Вас скоро годовщина⁴. Думаю о Вас и желаю бодрости и здоровья. Обнимаю Вас и сердечно кланяюсь Леониду Федоровичу и благодарю его.

Ваша Т. Алданова.

¹ Датируется по содержанию.

² Большую часть сентября и начало октября 1959 г. Вера Николаевна провела в Швейцарии, где гостила у дочери С.В. Рахманинова Т.С. Конюс в Люцерне. В начале октября Вера Николаевна поехала в Лозанну, где останавливалась в гостинице и встречалась с Павловскими.

³ Михаил Наумович Павловский (ум. после 1962 г.), знакомый Буниных. Одно время собирался издавать новую русскую газету в Париже (см. об этом: Диаспора. Вып. 3. 2002. С. 551).

⁴ Бунин умер 8 ноября 1953 г.

«ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕДНИХ ГОДОВ — НЕ ПРОГРЕССИВНОЕ, А РЕГРЕССИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ...»

Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917)

Предисловие, подготовка текста и примечания Даниэля Риникера*

1

Настоящая публикация продолжает дело, начатое еще в 60-е и 70-е гг. прошлого века советскими литературоведами А. Ниновым, А. Бабореко, И. Газер и др.¹ Хотя отдельные фрагменты публикуемых здесь интервью, ответов И.А. Бунина на анкеты и писем в редакции, помещенных на страницах дореволюционной периодической печати России, и цитировались в ряде работ², предлагаемые вниманию читателей материалы в научный оборот все же не вошли. До сих пор принято ссылаться только на те бунинские интервью, которые были включены в широко известные под-

* © Daniel Riniker, 2004

¹ См.: *Нинев А.А.* К автобиографии И. Бунина // *Новый мир.* 1965. № 10. С. 222–230; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 532–548; *Литературное наследство.* Т. 84. Кн. 1. С. 355–380.

Следует, однако, иметь в виду, что пользоваться этими подборками, и это относится в первую очередь к текстам, помещенным в девятом томе Собрания сочинений, нужно с большой осторожностью, так как они изобилуют купюрами, чаще всего даже не обозначенными.

Это предостережение можно отнести ко всему девятому тому, который в текстологическом отношении не может служить надежной базой для серьезной филологической работы. См. в этой связи стенограмму речи А. Твардовского при обсуждении девятого тома Собрания сочинений Бунина в издательстве «Художественная литература» 5 апреля 1968 г., дополненную по записям А. Саакянц и переданную А. Бабореко в Музей И.С. Тургенева (ОГЛМТ. Ф. 14. № 18533 оф.), и воспоминания А. Бабореко (*Бабореко А.К.* Дороги и звоны. М., 1993. С. 113–115).

Отметим также, что источник одного из интервью в упомянутом издании указан неверно: интервью, помещенное на стр. 545–547, было напечатано не в газете «Вечерняя Москва» (*Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 615), которая в то время еще не существовала, а в «Вечерних известиях» (1913. № 172. 4 мая. С. 3).

² См., например: *Бабореко*; *Русская литература конца XIX — начала XX в.: 1908–1917.* М., 1972; *Marullo Th. G.* Ivan Bunin. Russian Requiem, 1885–1920: A Portrait from Letters, Diaries, and Fiction. Chicago, 1993.

борки, указанные в примеч. 1. Отдельные же, вырванные из контекста цитаты из публикуемых здесь текстов, попавшие в поле зрения некоторых исследователей, нуждаются по целому ряду причин в развернутых комментариях. Следует сразу же оговориться, что данная подборка ни в коем случае не претендует на исчерпывающую полноту: можно с уверенностью сказать, что, как только начнется серьезная разработка бунинской библиографии¹, будет обнаружено еще немало подобных газетных выступлений писателя, появившихся в дореволюционной и эмигрантской прессе.

Обращение к дореволюционному периоду жизни Бунина является в настоящий момент и закономерным, и своевременным². В последние годы публиковались почти исключительно малодоступные и разрозненные тексты из периодики русского зарубежья или же до сих пор неизвестные архивные материалы эмигрантского периода. Так, в 1998 г. вышел целый том бунинской публицистики, позволяющий проследить эволюцию Бунина-публициста с 1918 по 1953 г., хотя, к сожалению, и не с той полнотой, к которой стремились составители³. Архивные публикации последних лет, прежде всего писем или переписки с современниками, существенно дополняют наши знания об эмигрантском периоде жизни Бунина и о литературном процессе русского зарубежья в целом⁴. Такое направление научных интересов обусловлено, естественно, недавней невозможностью непред-

¹ В самой полной на сегодняшний день библиографии литературы о Бунине жизненная критика представлена, к сожалению, довольно скудно (см.: *Двинутина Т.М., Липидус А.Я.* Иван Алексеевич Бунин: Литература о жизни и творчестве: Материалы к библиографии (1892–1999) // *И.А. Бунин: pro et contra.* С. 847–1011). А в библиографии бунинских писем учтена лишь незначительная часть писем писателя в редакции дореволюционных и эмигрантских газет и журналов (см.: *Морозов С.Н.* Письма И.А. Бунина и его корреспондентов: Библиография 1896–1997 // *Российский литературоведческий журнал.* 1999. № 12. С. 197–213).

² Весомый вклад в изучение «русского периода» жизни Бунина обещает внести издание многотомного собрания его дореволюционных писем, первый том которого вышел в 2003 г. (см.: *Бунин И.* Письма 1885–1904).

³ Хорошее впечатление, производимое большим и ценным трудом составителей тома бунинской публицистики, омрачается, помимо фрагментарности комментариев, в первую очередь тем, что по совершенно непонятным причинам главный публицистический цикл Бунина, «Окаянные дни», не вошел в этот том. Аргументация О. Михайлова, согласно которой «Окаянные дни» не вошли в книгу, «так как несколько раз» переиздавались «в последние годы в России» (*Бунин И.* Публицистика. С. 5), неубедительна, потому что *газетный* вариант «Окаянных дней», опубликованный в 1925–1927 гг. в парижском «Возрождении», никогда не переиздавался и существенно отличается от текста, включенного Буниным в 1935 г. в десятый том берлинского Собрания сочинений. А ведь только этот текст, порой с учетом позднейшей авторской правки, многократно издавался в последние годы в России.

Что касается жанров интервью, ответов на анкеты и т.п. эмигрантского периода жизни Бунина, то они представлены в томе бунинской публицистики лишь фрагментарно.

⁴ См., например, переписку Бунина с Тэффи, опубликованную Р. Дэвисом и Э. Хейбер (Диаспора. Вып. 1. 2001. С. 348–421; Вып. 2. 2001. С. 477–584; Вып. 3. 2002. С. 536–626).

взятого изучения жизни и творчества Бунина в эмиграции, тем, что большинство работ советских исследователей было втиснуто в прокрустово ложе «1870–1917», что, кстати сказать, повлияло также на изучение творчества Бунина на Западе¹.

Теперь же, когда порой довольно экзальтированный ажиотаж вокруг «возвращенной» литературы спал, думается, пришло время попытаться осмыслить творчество и жизненный путь Бунина в целом, не считаясь ни с какими хронологическими ограничениями и идеологическими или конъюнктурными соображениями. Ведь в одинаковой степени вредны и бессмысленны для серьезного изучения рассуждения о том, что Бунин в силу своего социального происхождения чего-то не понимал и не принимал, равно как и кликушеские восторги по поводу того, что Иван Алексеевич все предвидел и предугадал и своей непреклонностью и принципиальностью спас какую-то мифическую русскую национальную честь². Показательнее всего в этом отношении то, что некоторым из пишущих о Бунине со стажем удалось без зазрения совести переключать от одной концепции к другой всего лишь за какие-нибудь пять лет³.

«Истоки дней» Бунина, этого реалиста «реально не существующего мира»⁴, как и всего старшего поколения русской эмиграции, следует, несомненно, искать в литературном процессе дореволюционной России. На рубеже веков эти писатели вошли в литературу, тогда же формировались их эстетические вкусы, определялись их идеологические позиции и скла-

¹ См., например: *Elbel A. Die Erzählungen Ivan Bunins 1890–1917: Eine systematische Studie über Form und Gehalt.* Giessen, 1975 (Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas 10).

² Кажется, что не в последнюю очередь эта идеологическая перегруженность «буниноведения» все еще является существенным препятствием для серьезного научного изучения Бунина и в России, и на Западе. С одной стороны, о Бунине пишет поразительно большое количество полупрофессионалов и непрофессионалов, в силу чего время от времени появляются всякого рода сенсационные сообщения, публикуются «совершенно секретные» материалы сомнительного происхождения и достоинства, что в конце концов просто засоряет научное пространство. А с другой стороны, бросается в глаза, что многие видные российские и западные литературоведы почти демонстративно обходят творчество Бунина своим вниманием, что, по-видимому, и побудило американского исследователя констатировать тот печальный факт, что «Иван Бунин является, вне всякого сомнения, самым великим русским писателем, которого никто не читает» <Ivan Bunin is undoubtedly the greatest Russian writer whom no one reads> (*Wachtel A.B. The Great Unread // American Scholar.* 1994. Vol. 63. № 1. P. 151).

³ Пальма первенства среди быстро приспосабливающих свои взгляды к новым веяниям принадлежит, пожалуй, В. Кочетову. Ср. две его вступительные заметки, одинаково озаглавленные, но заметно отличающиеся друг от друга: *Кочетов В.П. Неистовый Бунин // Литературное обозрение.* 1989. № 4. С. 96–98; *Кочетов В.П. Неистовый Бунин // Бунин И.А. Окаянные дни.* М., 1990. (Библиотека журнала «Литературное обозрение»). С. 3–9. Сопоставление новых работ главного буниноведа советского времени О. Михайлова с тем, что он писал еще не так давно, также приводит к весьма красноречивым выводам.

⁴ *Лотман Ю.М. Два устных рассказа Бунина: (К проблеме «Бунин и Достоевский»)* // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. Таллинн, 1993. С. 181.

дывались их литературные репутации¹. Все это относится и к Ивану Бунину, эмигрантский период жизни и творчества которого невозможно осмыслить и понять без учета всего того, что было до его отъезда из России в 1920 г. Публикуемые здесь материалы подтверждают это с предельной наглядностью.

2

Появление в русской периодической печати на рубеже веков такого сугубо газетного жанра, как интервью, преобладающего в настоящей подборке, следует рассматривать как вполне логический и закономерный этап в эволюции русской журналистики, которая с наступлением Серебряного века стала все более проницаемой для западного влияния. Если с 1860-х гг. в России ежемесячный «толстый журнал» был безусловно доминирующей формой русской периодики, являясь главной трибуной для литературного, общественного и политического дискурсов, то с конца 90-х гг. с журналом начинает все более успешно соперничать газета. Несмотря на вынужденную сжатость и вместе с тем неизбежную поверхностность, на повышенную, по сравнению с журналом, злободневность и недолговечность отдельного газетного номера, газета в России первоначально фактически «копировала все составляющие толстого журнала»². Однако расстояние между журналом и газетой все более увеличивалось, и уже скоро выявилось принципиальное различие между этими двумя формами периодической печати: повышенная частотность появления, возможность быстрого реагирования на актуальные события, обязанность информировать читательскую аудиторию об обыденных и даже низменных происшествиях каждодневной жизни, никогда не попадавших на страницы идейно выдержанных толстых журналов, и особенно завоевание гораздо большего числа читателей³ не могли не сказаться на характере российских газет.

¹ Под «литературной репутацией» здесь понимается не только реакция внешних интерпретаторов отдельных произведений или всего творчества какого-либо писателя, как это характерно для классической работы И. Розанова (см.: *Розанов И.Н. Литературные репутации: Работы разных лет.* М., 1990. С. 16–108), но, вслед за Н. Богомоловым, и обратное воздействие реакций литературной общественности на творчество и поведение писателя (см.: *Богомолов Н.А. Литературная репутация и эпоха* // Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 57).

Ср. также определение этого термина, принадлежащее А. Рейтблату: «Те представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели). Литературная репутация в свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя» (*Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи.* М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 51).

² *Иванова Е.В. Литературная критика начала XX века в газетах и журналах* // *Критика начала XX века.* М., 2002. С. 6.

³ По подсчетам А. Рейтבלата, тираж общих и литературных газет в России с 1890 по 1900 г. вырос с 65 до 900 тысяч экземпляров (см.: *Рейтблат А.И. «Роман литературного краха»* // *Новое литературное обозрение.* 1997. № 25. С. 105).

Интервью было как раз одним из тех газетных жанров, которые знаменовали собой явный разрыв с традициями русского толстого журнала. Для периодической печати России конца XIX — начала XX в. интервью было неслыханным новшеством, пришедшим с Запада, и явно ассоциировалось для современников с «желтизной», бульварным тоном, безыдейностью и даже продажностью. Очень характерны в этой связи воспоминания А. Кугеля (*Ното novus*), связывающего появление интервью в России с именем петербургского журналиста В. Протопопова:

Старик Суворин однажды выразился, что это <интервью. — *Д. Р.*> пошлейшая форма газетного изложения. Я глубоко с этим согласен. Несмотря на то, что западная — преимущественно англо-американская и французская пресса — пестрела интервью, придающими, уже самой формой своей, газете оттенок «желтизны», — русская печать, даже в лице наиболее мелких органов, все еще держалась добрых традиций и интервью не знала. «Петербургская газета» распалась на две части: в одной печатались в литературном отношении хорошие статьи, — в другой подбирались материал хроники по вкусу невзыскательного, уличного читателя. Но статьи, в общем, были действительно хорошо написаны и отмечены индивидуальностью авторов. Конкурировать с авторами этих статей Протопопов не мог, и потому он осторожно, но настойчиво привил к газете интервью. Этот род искажения чужих слов, мыслей и мнений, обычно сугубо перевернутых репортером, «оживлял» газету пестротой популярных имен. Газета делала рекламу интервьюируемым. Интервьюируемые делали рекламу газете. Шло обоюдное обучение по ланкастерскому методу, а публика глотала чепуху, потому что чепуха приписывалась известному лицу. Все, что было в газетном мире истинно литературного, с нескрываемою брезгливостью относилось к этому новшеству¹.

Как видно, отрицательное отношение к интервью у современников имело несколько причин: во-первых, сама достоверность сообщаемой информации подвергалась сомнению. Читатель не мог быть уверен, что слова интервьюируемого правильно переданы журналистом, так как отношение к тексту интервью тогда было принципиально иное, чем сегодня. Не было еще юридического понятия «авторизованного текста» интервью, который перед публикацией должен быть представлен интервьюируемому лицу в письменном виде, чтобы тот мог его изменить, сократить или дополнить по собственному усмотрению. Если в других жанрах авторская подпись служила читателю определенной гарантией того, что он действительно имел перед собой подлинный и неискаженный текст данного автора (цензурные сокращения или изменения, конечно, здесь не в счет), то текст интервью, формальным автором которого выступал журналист, не обладал таким статусом достоверности, так как интенции интервьюируе-

¹ Кугель А. Р. (*Ното novus*) Литературные воспоминания: (1882–1896 гг.). М.; Пг., 1923. С. 70.

мого лица не были защищены ни от цензурного, ни от журналистского произвола. А так как журналисты бульварных изданий при передаче чужих слов беззастенчиво пользовались этой юридической неопределенностью, вплоть до явных перевертываний и откровенной лжи, доверие публики к интервью уже скоро было сильно подорвано. Об этом свидетельствует, например, письмо Леонида Андреева 1908 г. в редакцию газеты, в котором он открещивается от всех текстов, якобы передающих его слова, но не удостоверенных его собственной подписью:

В последнее время появился ряд статей, в которых даются сведения о моей жизни и приводятся как бы подлинные отзывы мои о разных событиях и людях.

Вынужден заявить печатно, что раз и навсегда я снимаю с себя всякую ответственность за подобные статьи. Очень часто они появляются без ведома моего и согласия: и почти всегда искажают факты до неузнаваемости. Также искажаются и отзывы мои: в одних случаях крайняя неточность и произвольность передачи, в других же — авторы статей просто-напросто свои мысли и взгляды приписывают мне. Убедительно прошу читателей считаться только с тем, что подписано моим именем. *Леонид Андреев*¹.

Из этого следует, что и бунинские интервью, в том числе и те, которые публикуются в настоящей подборке, ни в коем случае не следует воспринимать как «канонические» бунинские тексты, что, например, вполне возможно по отношению к его письмам в редакции газет (№ 17, 20) или — хотя и в меньшей степени — к ответам Бунина на анкеты². Так, например, интервью № 6 настоящей публикации не только изобилует многими неточностями (искажены имена некоторых персонажей бунинской «Деревни», жанр ряда произведений Бунина определен неправильно и т.д.), но содержит и самоопределение писателя («сам являюсь помещиком средней полосы России»), явно не принадлежащее Бунину. Совершенно очевидно, что Бунин в 1912 г., т.е. в период, когда он всячески защищался от нападок со стороны критиков и собратьев по перу, упрекавших его в «барской точке зрения» на деревню и народ, ни за что не назвал бы себя «помещиком», и в публичных выступлениях он именно подчеркивал, что сам никогда не владел землей (ср. № 10 настоящей публикации).

Новый газетный жанр угрожал, однако, не только достоверности печатного слова. Даже если высказывания собеседника были точно записаны журналистом и опубликованы без искажения, уже сама форма интервью шла

¹ Андреев Л.Н. Письмо в редакцию // Речь. 1908. № 300. 7 декабря. С. 4.

² С одной стороны, вполне заслуживают доверия и могут считаться бунинскими текстами те ответы Бунина на анкеты, которые он дал, по всей очевидности, в письменной форме (№ 3, 16, 25 настоящей публикации); с другой стороны — к откликам, которые были записаны журналистами, скорее всего, со слов писателя (№ 8, 19, 21), следует отнести те же оговорки, что и к текстам бунинских интервью.

вразрез с главной чертой русского толстого журнала, классическое определение которого дал В. Короленко в некрологе Н. Михайловскому:

Русский ежемесячник — не просто сборник статей, не складочное место иной раз совершенно противоположных мнений, не обозрение во французском смысле. К какому бы направлению он ни принадлежал, — он стремится дать некоторое идейное целое, отражающее известную систему воззрений, единую и стройную. Нападки на эту якобы «доктринерскую узость» составляют издавна общее место нашей реакционной печати. И однако — такова сила вешей, которую передовая журналистика ставит перед собой совершенно сознательно и которая является несознательным законом для печати реакционной: мы помним несколько попыток основания журналов «без направления» или «терпимых ко всем направлениям». Все они кончались жалкими неудачами...¹

Жанр интервью самой сутью своей как раз разрушал эту «единую и стройную систему воззрений» печатного издания. Журналист мог только производить отбор интервьюируемых лиц и своими вопросами придавать беседе определенное направление, но он не был властен над идейным содержанием высказываний собеседника, которые, если принять этот жанр всерьез, не подлежат исправлению со стороны редакции в желаемом ей смысле и могут быть дискредитированы только *post factum*: редакционными комментариями, возражениями, насмешками и т.п. Интервью давало право голоса *чужому*, не связанному с редакцией лицу, которому идейное направление издания могло быть совершенно чуждо. А такая «полифония» как раз не входила в задачи, которые ставил себе толстый журнал в России.

Поэтому и неудивительно, что этот новый для российской прессы жанр был принят далеко не во всех газетах. Степень распространения жанра интервью по отдельным газетам дореволюционной России можно выразить в следующей формуле: чем сильнее газетная редакция была привержена традиционализму, причем независимо от того, тяготела ли она в политическом плане к либеральному или консервативному лагерю, тем враждебнее было отношение газеты к жанру интервью. И наоборот: чем меньше редакция дорожила «добрыми традициями», чем бойче был общий тон газеты, чем сильнее была ее установка на броскость изложения и сенсационность сообщаемой информации, тем охотнее такая газета помещала на своих полосах беседы с разными знаменитостями. При этом ошутимую роль играло и чисто географическое местонахождение газеты: если в Москве и Петербурге жанр интервью пришелся по вкусу в первую очередь газетам бульварного типа, то в Одессе, являвшейся наряду с Киевом и — хотя и в меньшей степени — с Харьковом важнейшим центром провинциальной периодической печати, им не пренебрегала и либеральная пресса,

¹ *Короленко В.Г.* Николай Константинович Михайловский // Русское богатство. 1904. № 2. С. V.

тон которой заметно отличался от подобных столичных изданий в сторону занимательности и даже легковесности¹. Так, в каждой из трех больших либеральных газет Одессы первой половины 1910-х гг. — «Одесские новости», «Одесский листок» и «Южная мысль» — интервью было такой же обязательной составной частью ежедневного газетного номера, как и передовая статья, фельетон или местная хроника.

Этим обстоятельством и объясняется то, что в настоящей подборке так широко представлены интервью Бунина именно газетам Одессы, где писатель с конца XIX в. почти ежегодно подолгу гостил. Личные и профессиональные связи с газетным миром были у писателя и в Москве, и в Петербурге. В столицах, однако, самые влиятельные и серьезные либеральные газеты, как «Русские ведомости»² или «Речь», явно ориентированные на традиции классического толстого журнала³, не признавали жанра интервью и только в исключительных случаях печатали короткие записи высказываний политических деятелей по поводу самых жгучих вопросов современности.

Приблизительно такое же отношение наблюдалось в России и к жанру газетной и журнальной анкеты, которая, по сути, представляет собой мини-интервью, состоящее чаще всего из одного только вопроса, задаваемого сразу нескольким лицам. У этого жанра, впрочем, было гораздо больше шансов получить право гражданства и в серьезных изданиях. Ведь ан-

¹ Ср. в этой связи ироническое отношение Чехова к одесским репортерам, засвидетельствованное Буниным (см.: Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись. Нью-Йорк, 1955. С. 63). Пренебрежительное отношение проявляли современники в начале века и к Корнею Чуковскому, начавшему свой литературный путь в одесских газетах; подробнее см.: Иванова Е.В. Неизвестный Чуковский // Чуковский К. Собр. соч. Т. 6. С. 13—14.

² Интересная иллюстрация осторожного отношения серьезной столичной газеты к жанру интервью содержится в переписке М. Осоргина с М. Горьким: в 1913 г. многолетний корреспондент «Русских ведомостей» обратился к Горькому с целью взять у него интервью по поводу объявленной в связи с 300-летием дома Романовых политической амнистии (см. подробнее № 17 настоящей публикации). В своем обращении Осоргин употреблял именно слово «интервью», хотя с самого начала он не собирался публиковать беседу с Горьким в форме чередующихся вопросов и ответов, а намеревался их «вставить в статью, <которая, конечно>, еще <не на> не написанную. <...> Характера данного Вами интервью <по форме> она носить также не будет» (Бочарова И.А. М. Горький и М.А. Осоргин: Переписка // С двух берегов. С. 426). Иными словами, позиция другого, в данном случае Горького, хотя и представляла повышенный интерес для газеты, но не могла быть выражена сама по себе, а нуждалась для этого в обрамлении корреспондентской статьей. При этом не важно, соглашался ли корреспондент с мнением собеседника или спорил с ним, приводил ли он его в подтверждение или в опровержение чьих-то положений: точка зрения постороннего лица обязательно должна была быть поставлена как подчиненный элемент в текст, принадлежащий причастному к редакции автору, чтобы не нарушать идейную монолитность издания.

³ Ср.: «Из тридцати ежедневных номеров <“Русских ведомостей”>. — Д. Р.> можно сделать толстый журнал, многоуважаемый ежемесячник, под редакцией непреклонного, седобородого Розенберга, и читать его на покое, при уютной лампе под зеленым абажуром» (Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М., 1994. С. 597).

кета могла бы, при достаточно большом числе участников, более или менее репрезентативно отражать общественное мнение (ср., например, № 3 настоящей публикации), жалобами на отсутствие которого пестрели все передовые издания дореволюционной России. Газеты, однако, и среди них особенно петербургские «Биржевые ведомости», сами испортили репутацию жанру анкеты тем, что предлагали участникам преимущественно малосерьезные или даже откровенно пустяковые вопросы. Именно такая точка зрения на жанр анкеты выражена в письме Горького 1912 г. к жене А. Амфитеатрова:

На Руси святой что-то происходит, всё анкеты пошли — «надо ли строить Студенческий дом»? «Надо ли жениться?» «Что лучше — жизнь али смерть?»

Отвечаю на все вопросы — не надо! И дом — не надо, и жениться — не надо, и смерть — не надо, ничего не надо! Идите в баню и парьтесь хорошо, парьтесь!¹

Из представленных в настоящей подборке жанров только письма в редакции газет и журналов были для русской журналистики вполне привычной и узаконенной традицией формой публичного обращения писателя к читательской аудитории, одинаково принятой во всех дореволюционных периодических изданиях. В творчестве Бунина эта жанровая разновидность выступлений в периодической печати, игравшая заметную роль в процессе формирования литературной репутации писателей на рубеже веков, восходит, естественно, к гораздо более раннему времени, чем интервью. Ибо в данном случае, в отличие от интервью и анкет, активность исходит не от печатного органа, а от самого писателя, принимающего решение обратиться по тому или иному поводу к общественности. Как явствует из опубликованных ранних писем Бунина, не все обращения молодого и еще малоизвестного писателя к публике, посланные в редакции периодических изданий для публикации, действительно появились в печати². Первое известное письмо Бунина в редакцию напечатано 13 апреля 1894 г. в «Полтавских губернских ведомостях»³, в то время как первое интервью писателя относится к концу 1902 г. (см. № 1 настоящей публикации), т.е. ко времени, когда Бунин уже приобрел определенную известность как писатель.

3

В воспоминаниях М.К. Куприной-Иорданской есть запись о ее первой встрече с Куприным в 1901 г., состоявшейся при посредстве Бунина. Куприн тогда рассказывал будущей жене о своем посещении А.П. Чехова в Ялте:

¹ Литературное наследство. Т. 95. С. 469.

² См.: Бунин И. Письма 1885—1904. С. 238.

³ См. там же. С. 186.

Как-то утром я пришел к Антону Павловичу, — продолжал Куприн, — и застал у него издателя одного бульварного листка, который просил Чехова принять сотрудника его газеты.

«Что вам стоит, дорогой Антон Павлович, сказать ему всего несколько слов — сообщить краткое содержание вашей новой пьесы», — убеждал Чехова издатель, искательно глядя на него и прижимая руку к сердцу.

«Никаких интервью я никому не даю», — с несвойственной ему резкостью ответил Чехов.

С разочарованным видом издатель вынужден был удалиться.

«Вы, конечно, знаете, Александр Иванович, — после ухода издателя сказал Антон Павлович, — как в наших газетах пишутся “беседы с писателями”...»

Сейчас могу продемонстрировать вам, как это делается, — предложил я Антону Павловичу:

«Знаменитый писатель радушно принял нас, сидя на шелковом канapé в своем роскошном кабинете стилия Луи Каторз Пятнадцатый. Он подробно говорил с нами о своей новой пьесе. “В одном из главных действующих лиц, — сказал он нам, — вы легко узнаете известного общественного деятеля Титькина. Героиня пьесы Аглая Петровна, фамилии ее я вам не назову, вы догадаетесь, о ком идет речь, если я скажу вам, что она красивая, богатая женщина, щедрая меценатка — покровительница литературы и изящных искусств”. — “Эту роль вы, наверное, поручите любимице публики, нашей несравненной артистке Кусиной-Пусиной?” — спросили мы. “Конечно”, — подтвердил нашу догадку знаменитый писатель.

Когда мы прощались, он тепло жал нам руку...»

«Общественный деятель Титькин и несравненная Кузина-Пусина — это удачно», — смеялся над моей пародией Антон Павлович.

— Да, ловко, — заметил Бунин, — впрочем, неудивительно, что ты так хорошо знаешь этот литературный жанр. Тебе ведь в провинциальных газетках часто приходилось в нем практиковаться, — не удержался от небольшой колкости Иван Алексеевич¹.

Эта сценка примечательна сразу в нескольких отношениях: во-первых, в ней отражен критический взгляд на жанр интервью, даже категорический отказ кому бы то ни было давать интервью, исходящий от Чехова, писателя, чей авторитет для Бунина в вопросах литературной этики оставался на протяжении всей жизни неизменно высоким. Во-вторых, в пародии Куприна на интервью знаменитого писателя провинциальной газете налицо все упомянутые выше характеристики, делавшие этот газетный жанр в глазах представителей традиционной русской периодической печати презренным и неприемлемым: пошлость, крикливость, безграмотность («Луи Каторз <т.е. Четырнадцатый> Пятнадцатый»), беззастенчивая реклама, поданная под видом объективной информации, и неуверенность

¹ Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости: Воспоминания о А.И. Куприне. М., 1960. С. 10–11.

интервьюируемого в правильной передаче журналистом его высказываний. Для нас, однако, особенно примечательна заключительная колкость Бунина, имевшая своей целью сконфузить растерявшегося провинциала Куприна перед молодой столичной барышней, приемной дочерью издательницы журнала «Мир божий»: очевидно, что Бунин разделял точку зрения на интервью как на пошлый, низкий жанр¹.

Однако и самому Бунину провинциальный газетный мир дореволюционной России был знаком не понаслышке: с 1889 по 1892 г. он сотрудничал в «Орловском вестнике»² (в 1890–1891 гг. Бунин неоднократно ув-

¹ Показательно в этой связи, что вкуче с предшествовавшей этой колкости злой шуткой Бунина над Куприным бунинские издательства над коллегой складываются в стройный ряд, в котором последовательно использованы следующие оппозиции: столица — провинция, журнал — газета, высокая литература — низкие жанры периодической печати, хороший вкус — пошлость, идейность — продажность и т. д.

² Ввиду того что сотрудничество молодого Бунина в «Орловском вестнике» явно еще недостаточно изучено, позволим себе привести здесь полностью три его театральные рецензии, появившиеся в октябре 1890 г., на которые, кажется, еще не было обращено внимание исследователей. В этих ранних образцах газетных выступлений, несмотря на местами еще неуклюжую манеру изложения и некоторые стилистические погрешности, уже налицо все признаки, характерные и для зрелого Бунина-публициста: полемический запал, переходящий часто от критики отрицательного явления в нападение на конкретных, прямо названных в тексте лиц и переплетающийся со страстным отстаиванием оскорбленного чувства собственного достоинства; злое высмеивание слабых сторон противника посредством влечения «чужого слова» в собственный текст; ссылка на авторитетные тексты и авторитетных авторов, противопоставляющихся объектам нападения, за которыми отрицается художественное и тем самым и моральное право соприкасаться с этими авторитетными ценностями; противопоставление себя царящей в окружающем мире пошлости, часто признанной в настоящем за передовое и образцовое, вследствие чего возникает образ автора как одинокого, в силу своей принципиальности и стойкости, защитника вечных и непреходящих ценностей, неподвластного минутным увлечениям толпы. Дополнительный интерес эти театральные рецензии представляют в свете высказываний зрелого Бунина о его неприятии театра и сценической условности (см., например, № 14 настоящей публикации).

«В понедельник, первого октября, состоялся первый дебют антрепренерши нашего театра А. П. Маринкович. Она выступила в роли Марии Стюарт, в трагедии Шиллера того же названия, и во время исполнения была прерываема несколько раз аплодисментами. Но аплодисменты эти, по нашему мнению, еще не доказывали, что пьеса шла вполне удачно. Мы более склонны объяснить их действием на публику самой сущности роли несчастной Стюарт. Правда, в г-же Маринкович была заметна опытная актриса, так что можно было почти наверное сказать, что в других ролях она бывала даже сильна, но что касается данного спектакля, то он прошел, как говорится, “так себе”, но никак не удачно, потому что многие из остальных исполнителей были прямо-таки слабы. Выходило то, чего и следовало ожидать, т. е. публика слышала только “чтение” пьесы, чтение — местами даже плохое, напыщенное и деланное. Лучшие силы труппы — г. Виноградский, г-жа Виноградская и г. Житов, были на этот раз в ролях очень небольших, так что от них и нельзя было требовать многого, хотя г. Житов, как актер очень разнообразный, был, по обыкновению, очень недурен и прост. Г. Дубровский, тоже по обыкновению, был неприятен, вследствие своих провинциальных актерских замашек. Мы думаем, что теперь умному актеру можно было бы отрешиться от этих понижений голоса то до зловещего шепота, то до замогильного тона, от этих неестественно-резких движе-

лекался даже авантюрной мыслью раздобыть деньги на покупку провинциальных газет³), в 1894—1895 гг. он был близок к редакции «Полтавских губернских ведомостей», фактическими руководителями которых стали

ний, будто бы выражающих сильное волнение в драматических местах. Г. Бредов, по-прежнему, рисовался своею наружностью, часто даже в ущерб роли, отчего у него и происходил, по большей части, деланность. Глядя на его сцены, можно подумать, что он фат до мозга костей. Очень может быть, что все это у него происходит невольно, но ведь каждый актер должен всеми силами стараться отрешаться от таких недостатков, помнить, что он должен “переродиться” каждый спектакль и что поэтому какая-нибудь постоянная замашка, привычка, не должны иметь места на сцене. Мы посоветовали бы г. Бредову больше вдумываться в роли, отрешиться от своей порывистой, шеголеватой поступки и “повадки” кавалерийского юнкера, от фатоватого растягивания слов и т.п. Так, напр<имер>, играя в среду, 3 октября, роль князя в драме Шпажинского “В забытой усадьбе”, г. Бредов воплотил совсем не то, что хотел выставить автор в лице князя. У г. Бредова получился, вследствие его замашек, заезжий петербургский хлыщ-князек, но никак не серьезный, интеллигентный и честный человек, который действительно утомился и искренно пострадал в жизни. А ведь играл г. Бредов, против обыкновения, даже горячо и, видимо, со старанием. Значит, следует только посерьезнее обратить внимание на свое дело, и есть шансы, что оно пойдет успешнее. Мы надеемся на это, и потому г. Бредов пусть простит нам нашу откровенность относительно его игры. В заключение не можем не сказать о водевилях, которые ставятся у нас. Выбор их, по-прежнему, очень неприятен. Ставятся до сих пор вещи, уже устаревшие, с пением и плясками. Так, напр<имер>, в понедельник был поставлен: “Ямщики, или как гуляет староста Семен Иванович”, где всегда неприятно действуют на человека, мало-мальски понимающего, якобы русские “парни”, которые еще более становятся неестественными, когда их играют господа, подобные г-же Радович и г. Похилевич. Г-жа Радович удостоивается всегда очень дружных аплодисментов, но мы думаем, что они вовсе не заслуженны: она чересчур пересаливает в бойкости и игривости. Впрочем, елещкая публика довольна, и это понятно: ведь слышали же мы из райка и с амфитеатра шумные требования “Комаринского” после четвертого акта “Марии Стюарт”, где подписывается ей смертный приговор...» (И. Б-н. <Бунин И.А. > Корреспонденции: Из Ельца // Орловский вестник. 1890. № 250. 7 октября. С. 2).

«Каковы нравы существуют еще до сих пор в некоторых уездных городах и какие иногда заезжают туда антрепренеры и антрепренерши, — можно отчасти судить по следующему случаю, бывшему с человеком, пишущим эти строки. Несмотря на то, что случай этот носит интимный характер, все-таки имеет некоторое общественное значение, так что считаю позволительным передать его подробности. Являюсь я 14 октября в кассу нашего театра, подаю деньги и прошу билет. Кассир взглядывает на меня и заявляет, что вряд ли мне можно выдать билет. — “Почему это?” — спрашиваю я. — “Да видите ли... Как ваша фамилия?” — “Вам-то какое дело?” — возражаю я. — “Да такое, — отвечает мне, — что если вы Б<уни>н, который плохо написал недавно про наш театр в ‘Орлов<ском> вестн<ике>’, то г-жа Маринкович не приказала вам давать билет и велела никогда больше не пускать вас...” Публика у кассы хохочет, я не знаю, что после такого заявления делать... “Да позвольте, — говорю я наконец, — это невозможно; вы вряд ли даже имеете право не выдать билета”. — “Я пойду спросу у них”, — возражает кассир и скрывается. Жду минут десять результата... Наконец кассир является и говорит, что “сегодня пустить велено”. Я прихожу в фойе, но там снова попадаю на историю: является антрепренерша г-жа Маринкович, садится около меня и усиленно-громко начинает рассказывать публике, что в Ельце оказался театральный рецензент, пишущий ужасно “глупо и нахально” про ее театр и т.д... Каковы нравы? После такой истории неловко даже высказывать какое-либо мнение о спектакле, бывшем в этот вечер: некоторые могут сделать за-

тогда старший брат Бунина Юлий и его единомышленники-сослуживцы (см. примеч. 26 к № 12), а в 1898—1900 гг. Бунин принимал деятельное участие в редактировании одесского «Южного обозрения» (см. примеч. 23 к

ключение о пристрастности отзыва, но утешаемся, во-первых, тем, что почти всякому понятно, насколько эта история не оскорбительна, а только забавна, характерна, а во-вторых — тем, что интеллигентная часть елецкой публики может судить, насколько отзыв правдив или нет. Спектакль вышел, как нарочно, очень неудачным. Ставили “Комедию о Забаве Путятишне и Василисе Микулишне”, соч<инение> Буренина, и публика, т.е. “раек”, балконы и амфитеатр, только потому осталась довольна, что эта комедия — хотя и несерьезная, но очень эффектная, живая и вообще сценичная. Что же касается до исполнения, то на этот раз положительно ни про кого из гг. артистов нельзя сказать доброго слова. Дело в том, что комедия написана белыми стихами, взята из древнерусской жизни, и потому понятно, что никто не сумел говорить просто и естественно и верно передать тип. Даже г. Виноградский был слаб: он начинает все более впадать в шарж и утрировать комичность положений. Мы искренно сожалеем об этом, хотя и убеждены в том, что г. Виноградский может оставить свои “чужачества”. Стоит только не подделываться под тон публики и помнить, что в провинции больше, чем где-либо, гибнет талантов, именно из-за этого угождения низшей и большей по количеству публике... Да и не один он грешен в этом: напр<имер>, очень многие прямо-таки возмутились балаганною сценою князя с ордынскими послами-татарами, которые почему-то кричали все время дикими фальцетами...» (И. Б-н. <Бунин И.А.> Корреспонденции: Из Ельца // Орловский вестник. 1890. № 263. 20 октября. С. 2).

«В понедельник в нашем театре была поставлена драма Писемского “Горькая судьбина”, с участием, в качестве любителя, Д.П. Лаухина, пользующегося большою симпатиею елецкой публики. На афише, по обыкновению, обращалось особенное внимание еще и на то, что “роль Лизаветы исполнит г-жа Маринкович”, но, к сожалению, исполнение драмы от этого ничего особенного не выиграло. Правда, драма прошла даже очень недурно, но что касается собственно г-жи Маринкович, то она была сносна — и только, в ней было слишком мало этого, как говорится, крестьянского, народного духу. По нашему мнению, ей следовало бы играть только в пьесах современных, взятых из жизни более или менее высшего класса общества, но никак не в исторических или народных. Выделялись только трое: гг. Лаухин, Житов и Виноградский, и из них больше всего г. Лаухин в роли Анания. Не говоря уже о том, что каждая фраза выходила у него просто, естественно, не по-актерски, — он был даже очень типичен. Каков он в других ролях, мы не знаем, но если бы нас спросили о таланте г. Лаухина на основании того, что дал он в роли Анания, мы категорически утверждали бы, что талант у него несомненный. Портили впечатление только г-жа Волкова и г. Похилевич, первая — в роли Матрены, а второй — в двух ролях: понятого и стряпчего. Г. Похилевича, как говорится, надо видеть, чтобы вполне оценить. Мы, напр<имер>, при всем желании привыкнуть к его непривычным выходкам на сцене (манеры, подмигиванье, гримасы), все-таки каждый раз не можем удержаться, чтобы не сказать, что пускать г. Похилевича на сцену — значит прямо-таки возмущать публику. Что он, напр<имер>, выделял в роли понятого!.. Неужели нельзя было плевать поменьше и поприличнее раскрывать рот?..

В заключение — об афишах нашего театра. Вот, напр<имер>, афиша на понедельник (орфография подлинника): “с участием А.П. Маринкович и Д.П. Лаухина представлено будет в 1 раз ‘Горькая судьбина’ драма Писемского. Это лучшее и выдающееся произведение нашей драматической литературы ‘Горькая судьбина’ Писемского. Трагедия взята автором прямо из жизни, при чем действие ее происходит в Чухломском уезде...” и т.д. Елец ли берет пример с Орла в этом отношении, или Орел с Ельца — неизвестно. Во всяком случае, это и безграмотно, и нескромно! Г-жа Маринкович играет теперь часто, так что пора бы перестать писать

№ 12). Правда, все эти газеты не были бульварными и не печатали на своих страницах интервью. «Орловский вестник» был заурядным провинциальным изданием, придерживавшимся умеренно либеральных взглядов¹, про «Полтавские губернские ведомости» Юлий Бунин впоследствии вспоминал, что они вели их «в очень прогрессивном духе»²; сам Бунин пытался поднять литературный отдел «Южного обозрения» на возможно более высокий уровень, привлекая к сотрудничеству знакомых литераторов: как маститых, так и только начинающих столичных прозаиков и поэтов. Именно благодаря Бунину Валерий Брюсов, для которого в то время вход в столичные журналы был еще закрыт, впервые получил возможность выступить в периодической печати³.

Такое начало литературной деятельности, связанное с мелкой журналистикой, было вообще очень характерно для писателей бунинского поколения, выходцев из провинции, вступивших в литературу на рубеже веков (М. Горький, Скиталец, А. Куприн, Л. Андреев и др.), что и отличает их биографии не только от предшественников классической русской литературы, писателей-дворян XIX в., но и от сменивших их самих поэтов-символистов, которые в большинстве своем происходили из высококультурных и обеспеченных столичных семей⁴, получали блестящее образование, сво-

о своем участии так громко. А что касается “Горькой судьбины”, то она, право, не нуждается теперь в таких “критических разборах”...» (<Бунин И.А.> Корреспонденции: Из Ельца // Орловский вестник. 1890. № 270. 28 октября. С. 2–3).

³ См.: Бунин И. Письма 1885–1904. С. 51, 63.

¹ См., например: Кондратенко А.И. Бунин — сотрудник «Орловского вестника» // И. А. Бунин и мировой литературный процесс: Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя: 20–22 сентября 2000 г. Орел, 2000. С. 106–112.

² Бунин Ю.А. «Третий элемент» в земстве 90-х годов: Воспоминания // Заря. 1914. № 1. 5 января. С. 17.

³ См.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 440; Брюсов В. Я. Дневники 1891–1910. М., 1927. (Записи прошлого). С. 62, 74.

⁴ Примечательно, что Бунин неоднократно останавливался на родословной В. Брюсова, происхождение которого как раз не было типично для русских символистов. См., например, выписки Бунина из автобиографии Брюсова для «Русской литературы XX века» С. Венгерова — подготовительные материалы для ненаписанной Буниным статьи о Брюсове (см. примеч. 13 к № 23): «В лубочной “Русской” литературе XX века» Венгерова есть автобиография Брюсова. Вот суть ее.

Родился Брюсов в 1873 г. Дед его по отцу был крепостным, потом откупился у барина, был в Москве печником, торговал пробками, “во время Крымской кампании посчастливилось” — наживал, купил каменный дом, умирая, оставил более 200.000 р.; “не без труда подписывал свое имя”; Дед по матери — лебедянский мещанин, арендовал помещику имения — и писал стихи, романы, драмы, басни, “неустанно исписывал груды бумаги”; “сын^{ов}ья и дочери подсмеивались над ним”, но и он умер с уверенностью, что когда-нибудь <<>Россия поставит после имен Державина, Крылова и Пушкина равное им его имя”; Отец продолжал торговлю пробками и усердно самообразовывался. Лет десяти Брюсов [будущий поэт] был отдан в гимназию, где все его товарищи “писали стихи”, и весной тоже начал писать, “мечтал стать великим”, ибо еще в раннем детстве учился сперва хорошо, но с третьего класса <<>забросил учение ради удовольствий, не совсем невинных”, [неразб.] ибо “лет 12 узнал продажную любовь, [а] заглянул в об-

бодно говорили на нескольких европейских языках¹ и не были вынуждены в юные годы зарабатывать себе на жизнь журналистским трудом².

ласть кафе-шантанов и ‚веселых‘ домов<“>, “сблизился с любителями кутежей” и <“>девицами Тверского бульвара”, потом, будучи “взят” из этой гимназии по предложению начальства, не одобрявшего<?> такого<?> поведения, перешел в другую, где и кончил курс, хотя и “нисколько не переменил жизни”, [а затем, провед пять лет в университете на филологическом курсе одолел и в] а затем одолел и университет, — довольно поздно, впрочем, [двадц] в 26 лет [уже женатым]. Писать Брюсов начал еще в гимназии<, > где, по его словам, “все” его товарищи писали стихи, подражал сперва Некрасову, потом Надсону, потом Лермонтову и Пушкину [а узнав 20-ти семнадцати] и, наконец, [познакомившись] познакомился с поэзией франц<узских> символистов, с Верленом, Малларме и Рембо [стал и сам вообразить и захотел и сам стать символистом впадал весьма <неразб.>], что и послужило началом [все в начале] (нам известно, довольно печальным) его известности. В [18]94 г. серия его стихов была напечатана в сборнике “Рус<ские> символисты”, а в 95 г. [он] внук печника уже стал “знаменит”» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 984 оф. Л. 1—1 об.; ср. также: *Бунин И.* Публицистика. С. 314; *Бунин И.А.* Воспоминания. Париж, 1950. С. 37). Ср. также «Литературные заметки» Д. Тальникова (об отношениях Бунина к Тальникову см. подробнее примеч. 13 к № 24), посвященные венгровской «Истории русской литературы» и носящие явные следы бунинского влияния: *Тальников <Шпитальников> Д.Л.* Литературные заметки // Современный мир. 1915. № 10. С. 121—140; ср. также: *Дон-Аминадо.* Указ. соч. С. 569.

Участие в Крымской кампании, кстати сказать, сильно подорвало благосостояние отца самого Бунина.

¹ В доказательство того, что Бунин якобы хорошо владел французским языком, А. Бабореко прибегнул к некорректной манипуляции цитатами из письма В. Муромцевой-Буниной к брату от 13 апреля 1934 г. (см.: *Бабореко А.К.* И.А. Бунин о переводах // Мастерство перевода: 1966. М., 1968. С. 381). На самом деле из этого письма сделанный вывод никак не следует: «Ты интересуешься французским языком. Вернее, как мы им владеем. К сожалению, всегда говорим по-русски. По-французски — только с тем, с кем имеем дела. Знакомых французов, с которыми мы общались бы часто, мы не имеем. Я говорю свободно, но не первоклассно, как, например, Маня, читаю как по-русски, могу написать письмо. Но, конечно, языка не знаю, как скажем, знают его те, кто прошел здесь школу. Но у тех хромает русский язык. <...> Ян знает хуже меня язык. Он говорит правильно, но количество слов у него ограничено. Нет практики. Может написать деловое письмо. Читает книги. Конечно, мы все лентяи. Есть русские, которые так и не научились ни говорить, ни читать. Бывает и так: одни говорят, а другие читают, но мало кто умеет писать. <...> Ян много читал вслух в прежние годы. Настоящего французского выговора у нас ни у кого нет. Но русский акцент приятен по сравнению с немецким или английским» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 3216/5 оф.). О плохом французском языке Бунина — конечно, по сравнению с теми русскими эмигрантами, которые с детства знали французский язык и владели им в совершенстве — свидетельствуют и многие авторы воспоминаний (см., например: *Даманская А.Ф.* На экране моей памяти // Новый журнал. 1996. № 202. С. 172).

Знания английского языка, который автор прославленного перевода «Песни о Гайавате» изучал в молодости, были, судя по всему, только пассивными. В письме к А. Тырковой от 27 января 1925 г., в преддверии своей поездки в Англию, Бунин признался: «Я ни звука по-английски» («Вы — друг старый и верный...»: Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / Публ. Р. Янгирова // Минувшее. Вып. 15. 1994. С. 189). Ср. также анекдотический случай ломаного произношения Буниным английских слов в общении с носителями языка (см.: *Казнина О.А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 376).

Если сегодня мы не ассоциируем образ Бунина с газетной поденщиной, то не только потому, что его дальнейший творческий путь заслонил для нас начало его литературной деятельности¹. Мелкая журналистика не связывается прежде всего с той литературной репутацией, которую Бунин, начиная с 1900-х гг., стал себе создавать и одним из важнейших составляющих которой являлось отрицательное отношение писателя к современно-

Примечателен в этом отношении, конечно, не столько сам факт недостаточного владения Бунина иностранными языками, хотя это было, повторяем, характерно для целого поколения русских писателей начала века (Горький, например, за семь лет пребывания на Капри так и не выучил итальянский), сколько то обстоятельство, что Бунин неоднократно упрекал своих современников в плохом знании иностранных языков, с которых они переводят. См., например, дневниковую запись от 27 октября 1916 г.: «Прочел первую книгу “Сев<ерных> сборников” Шиповника. Якобсен скучен. Переводы с датского — Блока, со шведского — Городецкого, Бонча, Сологуба. Какие скоты пошли писатели! Откуда эти знания языков?» (РАЛ. MS.1066/513; см. также: *Бунин И.А.* Воспоминания. Париж, 1950. С. 27–29).

² Сам Бунин часто сетовал на то, что он не получил хорошего образования и что он слишком рано был вынужден зарабатывать себе на хлеб газетным трудом вместо того, чтобы учиться. Делал он это, однако, не публично, а только в тесном кругу близких ему людей. См., например, слова Бунина, записанные его племянником в 1911 г. в Нюрнберге: «И<ван> А<лексеевич> стал говорить о том, что всегда, когда он видит прекрасное, у него является ужасное сожаление, что он так убого и плохо прожил столько лет, что у него совершенно пропали самые лучшие, самые нежные годы, когда все так живо воспринимается и остается потом на всю жизнь. А я тратил силы и молодость — на что? Страшно вспомнить теперь, сколько времени пропало зря, даром! Разве я так <бы> писал, если бы я в юности жил иначе, если бы я больше учился, больше работал над собой, если бы я родился не в Бутырках, а здесь, если бы у меня в молодости не было такой нужды. Восемнадцатилетним мальчиком я был уже фактическим редактором “О<рловского> в<естника>”, где я писал передовицы о постановлениях Святейшего Сената, о вдових домах и быках-производителях, а мне надо было учиться и учиться по целым дням! А то: феодал И<ван> Б<унин>! Вам бы, сукиным детям, быть таким феодалом! Ну, да что говорить! Плакать не поможет» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 7456/1 оф. Л.41, 43).

Ср. также жестокие, но не лишённые пронизательности слова Анны Ахматовой: «Бунин не мог простить человечеству, что кончил четыре класса гимназии» (*Сергеев А.* Портреты // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 323).

¹ Современникам в начале века о газетном прошлом Бунина было, однако, хорошо известно: газета «Крымский курьер», например, перепечатывая в августе 1902 г. письмо Бунина в редакцию московской газеты «Курьер» (с протестом писателя против изложения в «Одесских новостях» бывшего с ним инцидента на пароходе «Св. Николай»; см. подробнее: *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 414; *Гурьянова Н.М.* Инцидент И.А. Бунина у Чеховых в Ялте и Гурзуфе // Чеховские чтения в Ялте: Чехов и XX век: Сборник научных трудов. Вып. 9. М., 1997. С. 161–168), снабдила это письмо комментарием, напомнив писателю о неписанных журналистских законах, которых он, бывший газетный сотрудник, не мог не знать: «Среди газетной братии, к которой принадлежит и г. Бунин, принято за правило: если в данной газете появилось сообщение, задевающее какое-либо лицо и содержащее неверные сведения, дающие неправильное освещение действительного факта и т.д. — то затронутое лицо с опровержением обращается именно в эту же газету, — и только в случае ее отказа печатать опровержение — обращается в другие газеты» (цит. по: *Гурьянова Н.М.* Указ. соч. С. 167).

му литературному процессу и, как яркое знамение времени, к пошлому газетному миру. Речь Бунина 1913 г. на юбилее «Русских ведомостей» представляет собой своеобразный манифест писателя, в котором позиция Бунина, как это для него вообще характерно, обозначена, с одной стороны, только «ex negativo», а с другой — ориентирована на прямо названную в тексте традицию в русской литературе:

Трудно учесть это воздействие, каждодневное воздействие всякой газеты; но несомненно, что оно огромно, а у нас и за последнее время — особенно. Наша читающая масса еще малокультурна; газета для нее еще в новинку и действует на умы резко. А потребность в газете растет с каждым днем; растет и число газет и распространение их. А мы — еще далеко не европейцы; мы еще не чувствуем в той мере, как европеец, грани между печатным словом истинным литературным и так называемым бульварным; да у нас еще и не обозначилась как следует эта грань. «Нам печатный лист все еще кажется святым», — сказал Пушкин, и мы еще должны помнить эти слова. У нас не редкость, что не только газета, претендующая быть литературным органом, но порой и журнал уделяет столько же места и столько же серьезности при разборе «Хаджи-Мурата», как при разборе произведения, недалеко ушедшего от какого-нибудь «Разбойника Чуркина». Мы еще не совсем понимаем, что такое реклама, — мы как провинциал: видим вывеску — «центральный магазин» — и полагаем, что этот магазин и впрямь центральный. Подумайте же, что значит для нас газета в то время, когда мы с такой быстротой европеизируемся, демократизируемся, порождаем буржуазию, пролетариат, выходим на улицу, начинаем жить сложной, пестрой жизнью и все более входим во вкус газеты, подпадаем под ее влияние! А ведь писатель испытывает влияние двойное, — власть и газеты, и толпы. Много ли тех, что могут противиться этой власти, жажде нравиться толпе, жажде вырвать у нее славу, даже хотя бы скандальную? Таких стойких всегда было мало, а у нас, теперь, особенно мало, да иначе и быть не может: ведь и писатель наш малокультурен, он не менее нервирован сменой событий и настроений и столь же мало подготовлен к нашей новой, ломающейся жизни <...>¹

Бунин в подкрепление своих слов ссылается на авторитет Л. Толстого, который в «Предисловии к роману В. фон Поленца «Крестьянин»» ставил всю «будущность просвещения образованного класса нашего европейского мира»² в прямую зависимость от роли газет, журналов и критики, долженствующих руководить читательским спросом и направлять интерес публики на достойные художественные произведения. Высказанный в этом предисловии взгляд Толстого на критику оказал, несомненно, огромное

¹ Пятидесятилетний юбилей газеты «Русские ведомости»: (1863–1913). М., 1915. С. 27–28.

² *Толстой Л.Н.* Предисловие к роману В. фон Поленца «Крестьянин» // *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 34. М., 1952. С. 273.

влияние на Бунина¹, за которым уже к марту 1910 г., т.е. еще до полемики, разгоревшейся в периодической печати вокруг «Деревни» (первая часть которой появилась в 1910 г. в мартовской книжке журнала «Современный мир»), в литературных кругах закрепилась слава «противника критики» (см. № 4 настоящей публикации).

Как и Толстой, Бунин считал, что в успехе символистов (а позже и акмеистов и футуристов) не в последнюю очередь повинна газетная и журнальная критика, в погоне за новизной сбивающая с толку и писателей, и читателей:

Осведомление читателя — это желательно. Но современные критики — я не называю имен — поступают иначе. Они точно помпой стараются выкачивать из произведения идею. Они пристегивают к тому или иному произведению серьезнейшие вопросы, которых писатель и не имел в виду — богоискательство, богоборчество, нищезанятие, мифотворчество и т.д. А после этой критики писатель начинает делать вид, что он действительно все это имел в виду. И, вместо литературы, получается мудрость. Мы мудры. Мы очень мудры. Затем, благодаря критикам, мы очень гениальны. За последние десять лет критика создала столько «гениев», сколько не могли дать до того два-три столетия. А в действительности есть несколько талантливых людей, но до гениальности — далеко².

Ср. у Толстого:

Последним словом философии в наше время признается безнравственная, грубая, напыщенная, бессвязная болтовня Ницше; бессмысленный, искусственный набор слов, соединенных размером и рифмой, разных декадентских стихотворений считается поэзией высшего разбора; <...> Ответить на важнейший в наше время вопрос ищущего образования юноши образованного сословия или человека из народа, ищущего просвещения, может только настоящая критика, — не та критика, которая существует теперь и которая поставляет себе задачей восхвалять произведения, получившие известность, и под эти произведения придумывать оправдывающие их туманные философско-эстетические теории, и не та критика, которая занимается тем, чтобы более или менее остроумно осмеивать плохие

¹ Бунин весьма часто ссылался в своих критических суждениях на предисловие Толстого к роману фон Поленца, не всегда указывая при этом источник (см., например, его отзыв о С. Городецком для Академии наук; ср. примеч. 5 к № 5. См. также письмо Бунина к Н. Клецову от 23 января 1912 г., цитированное в примеч. 4 к № 6).

Интересно отметить в этой связи, что отрицательные суждения Л. Толстого о поэтическом даровании Некрасова, А.К. Толстого, Майкова и Полонского, высказанные им в том же предисловии, были в 1902 г. публично оспорены Буниным (см.: Отжил ли Некрасов? // Новости дня. 1902. № 7023. 27 декабря; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 359).

² *Бедовый* <Рабинович А.Х.> Каждый день // Одесский листок. 1910. № 64. 19 марта. С. 4.; см. № 5 настоящей публикации.

или чужого лагеря произведения, и еще менее та критика, которая процветала и процветает у нас и задается целью по типам, изображаемым у нескольких писателей, определять направление движения всего общества или вообще *по поводу* литературных произведений высказывать свои экономические и политические мысли¹.

Парадоксальность или, точнее, определенная непоследовательность бунинской позиции заключается в том, что писатель не отказал пошлomu газетному миру напрочь, не удалился в башню из слоновой кости, ограничившись сотрудничеством в уважаемых газетах образца «Русских ведомостей»². Наоборот, Бунин выступал и в «пошлом» жанре интервью, от

¹ Толстой Л. Н. Указ. соч. С. 275–276.

Чрезвычайно важным для понимания эволюции литературной позиции Бунина является то обстоятельство, что до революции писатель в своих публичных выступлениях не присоединялся к толстовскому отрицанию критики, высказывающей «свои экономические и политические мысли» *«по поводу* литературных произведений». Бунин неоднократно выступал против неверного истолкования своих (см., например, № 6, 10 настоящей публикации) и чужих (см. № 2, 5, 22, 23, 24 настоящей публикации) произведений критикой, но протестовал он не против идейной критики, как таковой, а лишь «против искажения критиками моего мировоззрения, моих подлинных взглядов» (см. № 10).

Однако в частной сфере Бунин еще задолго до революции высказывался гораздо более определенно; ср. его слова, записанные племянником Бунина в 1912 г. на Капри: «Сколько раз я ни пытался говорить с ним <Горьким. — Д. Р.> о литературе, из этого никогда ничего не выходило. Я никогда от него путного слова не слышал и ничего не вынес из этих бесед. Каждому из нас, писателей, хочется как-то вылезти из своей шкуры, взглянуть на свое произведение чужими глазами. Мне прежде всего хочется знать, где у меня перевыражено, где невыражено, где я наговорил глупостей, пошлостей, мне прежде всего хочется знать, хорошо ли я пишу, или говенно, меня интересует мое ремесло, а вовсе не то, какие две главных линии были в русской истории... На... мне все это нужно! Ты слышал, что он понес вчера, когда я прочитал рассказ? О Петре Вел<иком> и Иване Карамазове и о “мудрейшем змие” Вас. Вас. Розанов и т. д., или же о Стеньке Разине, Пугачеве, или протоппе Аввакуме и т. д., т. е. о тех людях и некоторых деятелях, о которых мы знаем только из книг и, конечно, представляем их неверно и т. д.

О литературе можно было говорить только с Чеховым» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 7456/1 оф. Л. 166 об.).

Уже в эмиграции Бунин объявил публично о своем неприятии литературоцентристского дискурса русской интеллигенции, непосредственным источником чего опять же могло послужить толстовское предисловие: «Вообще, литературный подход к жизни просто отравил нас. Что, например, сделали мы с той громадной и разнообразнейшей жизнью, которой жила Россия последнее столетие? Разбили, разделили ее на десятилетия — двадцатые, тридцатые, сороковые, шестидесятые годы — и каждое десятилетие определили его *литературным* героем: Чацкий, Онегин, Печорин, Базаров... Это ли не курам на смех, особенно ежели вспомнить, что героям этим было одному “ошьмнадцать” лет, другому девятнадцать, третьему, самому старшему, двадцать!» (Бунин И. А. Собр. соч.: В 11 т. Т. 10. Берлин, 1935. С. 123–124; такой структурой, отраженной даже в оглавлении, обладала, например, «История русской интеллигенции» Д. Овсяннико-Куликовского).

² Ср. также бунинскую характеристику «Русских ведомостей», «одного из самых благородных органов печати во всей Европе», которую писатель дал в своей речи

чего, как мы видели, наотрез отказывался Чехов, имя Бунина мелькает и в легковесных одесских газетах, и даже в московских «Вечерних известиях»¹. Более того, Бунин именно пользовался газетами, чтобы оказывать определенное воздействие на современный литературный процесс, уничтожая на газетных полосах своих литературных противников, хвалебно отзываясь о достойных, на его взгляд, авторах и произведениях и даже откровенно рекламируя собственные произведения и литературные начинания². Это рас-

1913 г.: «Приветствую “Русские ведомости” с благодарностью за то, что дали они русской литературе и за их отношение к ней. Не останавливаюсь на том, что непосредственно прошло через “Русские ведомости” и осталось в этой литературе: столбцы их украшались именами бесспорными — именами Толстого, Чернышевского, Салтыкова, Глеба Успенского, Чехова, Короленко. Отмечу только то, что имена эти были не случайными на этих столбцах, что они не терялись в пестром списке других имен, что до последнего времени окружены они были именами, если и меньшими, то всегда приблизительно того же порядка и ценности определенной, устойчивой, а не созданной теми или иными обстоятельностью» (Пятидесятилетний юбилей газеты «Русские ведомости»: (1863—1913). М., 1915. С. 27). Интересно отметить в этой связи, что сам Бунин, в отличие, например, от Горького и Брюсова, в «Русских ведомостях» никогда не печатался, за исключением письма в редакцию (см. № 20 настоящей публикации).

¹ Ср. характеристику «Вечерки» современником: газета «шумная и не очень уважаемая, но имевшая большой тиражный успех» (*Дон-Аминадо*. Указ. соч. С. 624).

Справедливости ради следует, однако, подчеркнуть, что частотность газетных выступлений Бунина в качестве интервьюируемого была на порядок ниже, чем, например, у Андреева, Куприна или Арцыбашева, и что он, по-видимому, все же избегал откровенно бульварных изданий, как «Московский листок» или «Синий журнал».

Можно указать и на случай, когда газете невозможно было опубликовать ответ Бунина из-за цензурных препятствий: так, в конце 1914 г., в связи с военными событиями, А. Измайлов от лица «Биржевых ведомостей» обратился, среди прочих, и к Бунину с вопросом: «Следует ли отказаться от елки и от встречи Нового года» (см.: Биржевые ведомости. 1914. № 14556. 15 декабря. С. 4 (Утренний выпуск); № 14584. 31 декабря. С. 4 (Утренний выпуск)), на что писатель ответил: «Глубокоуважаемый Александр Алексеевич, простите — не могу ответить на вопрос “Биржевых ведомостей” в нескольких словах и сгоряча. Вопрос великий, без преувеличения, — чтобы ответить на него достойно, не кошунственно, нужно после долгого поста думать и писать целый год и забыть о всяческих цензурах. Твердо знаю, что нынешнее Рождество может быть не последним кровавым Рождеством, знаю, что человечество живет еще Ветхим Заветом, что люди еще слишком звери — *теперь* это доказано с небывалой, ужасающей очевидностью, — но есть и тысячи “но”, радостных и утешительных, не говоря уже о голосе сердца. Не могу позволить себе с легким духом пророчествовать о судьбах мира, где за последнее столетие все же совершаются беспрецедентные в истории политические, социальные и научные катастрофы. Да и мыслимо ли, не будучи Исайей, пророчествовать в такие дни, когда во всяком мало-мальски человеческом сердце идут такие приливы и отливы, смелны надежд и скорби <...> дальше следуют автоцитаты — начальные строки стихотворений “Сон” (“Царь! Вот твой сон: блистал перед тобою...”) и “День гнева (Апокалипсис, VI)”. — Д.Р.>» (цит. по: Письма Л. Андреева и И. Бунина / Публ. И. Газер // Вопросы литературы. 1969. № 7. С. 192).

² Эта непоследовательность бунинской позиции не прошла незамеченной и для самих газет. После бунинской речи на юбилее «Русских ведомостей» некоторые газетные редакции, по-видимому, приняли меры против своего хулигана: «Бунин

хождение между словом и делом было обусловлено, главным образом, тем промежуточным, неопределенным, а в начале писательского пути — даже шатким, положением, которое занимал Бунин в русской литературе конца XIX — начала XX в.

4

Оглядываясь на жизненный и творческий путь Бунина, даже вдумчивые и осторожные исследователи склонны несколько упрощать и выпрямлять его сложную писательскую эволюцию, что неизбежно приводит к искажению историко-литературной перспективы и фактов:

...ранний и какой-то необыкновенно легкий литературный дебют, быстрое завоевание известности и материального благополучия, по большей части сочувственные отзывы критики, ободряющие слова Чехова, Толстого, Короленко, две Пушкинские премии Российской академии наук, а затем и избрание почетным академиком¹.

Такая картина прямого и безоблачного писательского пути наверх, вплоть до высот нобелевских лавров, однако, не соответствует действительности и отражает, скорее, ту версию, которую сам Бунин предлагал современникам и потомству². Эта бунинская версия собственной биографии и

горячо и страстно громил газеты за то, что они вмешиваются в частную жизнь писателей, пишут о них, рекламируют одних и низвергают других, создают шум...

Слушал я эту страстную речь Бунина и вспоминал, что не далее, как в субботу, в портфеле нашей редакции я видел интервью:

“И.А. Бунин о самом себе, о протесте Горького и о Достоевском”...» (*Молот* <Павчинский Э.И.> Московский день // Раннее утро. 1913. № 231. 8 октября. С. 6). Это интервью Бунина так и не появилось на страницах «Раннего утра», о чем современный исследователь не может не сожалеть.

¹ Бройтман С.Н., Магомедова Д.М. Иван Бунин // Русская литература рубежа веков: (1890-е — начало 1920-х годов): В 2 кн. Кн. 1. М., 2000. С. 540. Авторы, однако, тут же справедливо оговариваются, что эта легкость была только кажущейся и что «при более внимательном изучении его пути в литературе возникает ощущение внутреннего драматизма, связанного и с взаимоотношениями Бунина с писателями-современниками, с читателями, а в позднейшие времена — и с историками русской литературы, как в России, так и на Западе» (Там же).

² Вторым слабым местом «буниноведения», помимо его идеологической перегруженности (см. примеч. 8), является не критическое отношение к автохарактеристикам Бунина и к его историко-литературным схемам, доходящее у многих авторов до апологетических филиппик, лишенных всякой научной ценности, не говоря уже о методологической откровенности.

Кажется, что это «принятие мира» по Бунину, отдельные черты которого, кстати сказать, превосходно вписывались в официальный советский литературоведческий дискурс, является и одной из главных причин того, что исследования, посвященные Бунину, так часто выливаются в форму монографии о «жизни и творчестве» писателя. Ведь сам Бунин придал своей биографии качество повышенной нарративности, постоянно вовлекая ее в сферу литературы и извлекая из нее материал для литературного творчества. Поэтому по-своему даже правы те методоло-

творческого пути, с течением времени все усложнявшаяся и модифицировавшаяся, обладает некоторыми устойчивыми чертами, которые сложились уже к первой половине 1900-х гг. К их числу в качестве важнейших составляющих принадлежат: самостоятельность и последовательность творческой эволюции; раннее признание таланта и значительности творчества авторитетными для Бунина лицами и инстанциями при одновременном отрицании этих качеств теми, которые объявляются Буниным либо некомпетентными («кретинами», по терминологии бунинских «Воспоминаний»), либо небеспристрастными; «несвоевременность» собственной персоны и творчества («слишком поздно родился я»¹), которая транспонируется писателем на уровень «классического», т.е. вневременного или надвременного. Это строительство литературной репутации и писательского образа, еще до революции, но особенно впоследствии, в период эмиграции, превратилось в грандиозный литературный проект, в своеобразное «сотворение Бунина».

Бунинское «жизнетворчество» особенно бросается в глаза при рассмотрении раннего периода его литературной деятельности, конец которого приходится на первые годы нового столетия. Для начального этапа бунинской биографии как раз в высшей степени не характерны те качества, которые он позже сам себе приписывал, и наоборот, очевидна именно несамостоятельность молодого Бунина, проявлявшаяся в его постоянных, порою даже отчаянных, поисках авторитетов и наставителей, которые указали бы ему верный путь как в жизни, так и в литературе². Исторически сильно опоздавшему недорослю, своевольно бросившему гимназию, как некогда и его отец, Бунину посчастливилось в том, что его старший брат

гически беспомощные биографы писателя, которые цитируют в своих книгах отрывки из «Жизни Арсеньева» при описании детских и юношеских лет Ивана Бунина, ибо сам писатель превратил себя в персонаж метатекста русской (нео)-классической литературы, несмотря на все его протесты против жанрового определения «Жизни Арсеньева» как автобиографии. Жалеть следует только о том, что не у всех авторов хватает смелости и самокритики признать, что во время написания их опусов на них накатило «полнобуниние» (*Рощин М. М.* Иван Бунин. М., 2000. (ЖЗЛ 789). С. 6). Не тривиальный, а, скорее, уже трагический характер носит примеривание бунинской личины на собственное лицо в воспоминаниях А. Бабореко, отдавшего всю жизнь изучению биографии писателя (см.: *Бабореко А. К.* Дороги и звонки. М., 1993).

Не может поэтому удивлять, что и российское кино наконец-то открыло для себя Бунина-человека («Дневник его жены» А. Учителя), тем более, что из Бунина, особенно прибегая к — мягко говоря — недобросовестной манипуляции цитатами, как это себе позволила автор сценария Дуня Смирнова, можно сделать просто идеальную фигуру для проекции коллективных комплексов постсоветской России (подробнее см.: *Riniker D.* «Das Tagebuch seiner Frau» — eine arge Verfälschung: Iwan Bunin als filmische Karikatur // *Neue Zürcher Zeitung.* 2001. № 15. 19. Januar. S. 68).

¹ *Бунин И. А.* Воспоминания. Париж, 1950. С. 55.

² К этому следует добавить, что и психическая организация молодого Бунина была очень лабильна, так что такие сильные душевные потрясения, как его сложный роман с В. Пашенко или несчастливый брак с А. Цакни, приводили писателя на край самоубийства. См.: *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 160, 290–293; *Бабореко.* С. 46.

Юлий был сослан в родовое имение за революционную деятельность и стал вторым домашним учителем брата (см. примеч. 11 к № 12), предопределившим и его раннее увлечение народничеством (см. примеч. 21 к № 12), сменившееся впоследствии толстовством (см. примеч. 13 к № 6). Ту роль, которую Юлий Бунин сыграл в умственном и нравственном становлении и развитии будущего писателя, вряд ли возможно переоценить, и старший брат навсегда остался для Бунина одним из очень немногих по-настоящему близких людей¹.

Если эти первые мировоззренческие ориентиры, вкуче с социальным происхождением², семейным фоном и даже некоторыми чертами бытового поведения самого писателя, носили яркий отпечаток уходящего века, то были в процессе самоопределения Бунина и другие, противоположные влияния и тенденции, свидетельствующие о том, что он был в определенном смысле даже очень типичным сыном своего времени, периода рубежа веков. Неудовлетворенность молодого Бунина народничеством и толстовством, этими двумя главными интеллигентскими религиями России второй половины XIX в., явный интерес к художественной практике и человеческому облику представителей «нового» искусства, предпочтение области эстетики общественной и политической проблематике и порой демонстративное нежелание касаться в своих произведениях актуальных вопросов современности³ являются характерными чертами уже нового, XX столетия, эпохи модерн.

¹ Ср., например, газетный отчет о праздновании 25-летнего юбилея литературной деятельности Бунина в 1912 г.: «Далее следовали приветствия от родных — Муромцевых и брата Ю.А. Бунина, у которого И<ван> А<лексеевич> поцеловал руку, так как больше всех И<ван> А<лексеевич> обязан брату в развитии своего писательского таланта» (Чествование И.А. Бунина // Московская газета. 1912. № 218. 29 октября. С. 2). По-видимому, эта же сцена передана другой газетой следующим образом: «Ю.А. Бунин сказал несколько поздравительных слов и расплакался, вслед за ним заплакал и Бунин» (День. 1912. № 28. 29 октября. С. 2).

² Дворянское происхождение Бунина, которое и сам писатель неизменно подчеркивал в автобиографических текстах и выступлениях (ср. также примеч. 4 к № 12), стало уже рано, особенно после появления «Антоновских яблок» в 1900 г., неотъемлемой частью бунинской литературной репутации. Ср., например, пародию Куприна на бунинский рассказ: «Ночной ветер ворвался в окно и шелестит листьями шестой книги дворянских родов» (*Куприн А.И.* Пирог с груздями: (Из кислых рассказов) // Жупел: Журнал художественной сатиры. 1906. № 3. С. 7); сам Бунин в позднейших воспоминаниях передавал слова Горького при их первой встрече в 1899 г. следующим образом: «Вы же последний писатель от дворянства, той культуры, которая дала миру Пушкина и Толстого!» (*Бунин И.А.* Воспоминания. Париж, 1950. С. 122).

Свое неприятие чеховской драматургии, о котором Бунин до революции лишь упомянул (см.: *Бунин И.А.* О Чехове // Русское слово. 1914. № 151. 2 июля. С. 2–3), он обосновывал в эмиграции главным образом тем, что Чехов писал пьесы «из дворянского быта, которого он не знал» (*Бунин И. А.* О Чехове: Незаконченная рукопись. Нью-Йорк, 1955. С. 115), противопоставляя Чехову самого себя, который именно «рос в “оскудевшем” дворянском гнезде» (Там же. С. 215).

³ Так, литературная позиция Бунина после революции 1905 г. определялась А. Амфитеатровым как «своего рода эстетическая эмиграция» (*Амфитеатров А.В.* Литературные впечатления: <Рец. на кн.: Милицына Е. Рассказы. Т. 1 и 2. СПб., 1910; Бунин И.А. Деревня. М., 1910; Родионов И.А. Наше преступление: (Не бред,

Поэтому говорить о стройной и последовательной жизненной и литературной эволюции начинающего писателя не приходится. Дело, однако, не в том, что Бунин просто задним числом ретушировал отдельные факты своей биографии, хотя таких примеров можно было бы привести множество. Как писатель XX в., Бунин слил творчество с биографией воедино, создавая одно нераздельное художественное целое, как это сформулировал Федор Степун в 1913 г. в качестве необходимого условия для современного искусства:

Большое и серьезное искусство возможно потому лишь там, где художник творит не только свои творения, но прежде всего себя самого, как величайшее из всех своих художественных произведений. <...> Лишь в радикальном отказе современных художников от господствующего в их среде профессионально-артистического *дилетантизма жизни*, лишь в устремлении к *судьбе в биографии и житию в жизни*, видим мы путь подлинного освобождения современной русской литературы из-под угнетающей ее власти неосмысленного факта и теоретической бессмыслицы¹.

5

Выразительным документом, характеризующим ранний этап литературной деятельности Бунина, является следующее признание писателя 1895 г.:

Федоров, Величко, Михеев, Шуф, Лебедев, редакции, адресный стол, знакомые... потом вечер в редакции «Нового слова» на редакционном собрании — Кривенко, Скабичевский, Воронцов, Ольхин, г-жа Попова, Рубакины, Тимирязевы etc. — и со всеми нужно поговорить, ибо все «благодетели»².

а быть). 6-е изд. СПб., 1910» // Современник. 1911. № 2. С. 282), что в устах политического эмигранта звучало отнюдь не комплиментом; ср. также его оценку Бунина в письме Горькому 1912: «Ювелир Ваш излюбленный, вышиватель петухов на полотенцах И.А. Бунин рядом <с Иваном Вольным. — Д.Р.> ма-а-аленький, глуу-упенький, сла-а-абенький» (Литературное наследство. Т. 95. С. 395).

По отношению к некоторым бунинским произведениям позволительно говорить и о вполне сознательном эпатаже. Так, например, стихотворение «Донник» носило несомненно провокационный характер, что подтверждается возмущенными откликами рецензентов народнического направления. Наконец, всеобщее негодование вызвало следующее место из ранней редакции путевого очерка «Тень птицы», реакции на которое Бунин, естественно, также предвосхищал заранее: «Ах, никогда-то я не чувствовал любви к ней <России. — Д.Р.> и, верно, так и не пойму, что такое любовь к родине, которая будто бы присуща всякому человеческому сердцу! Я хорошо знаю, что можно любить тот или иной уклад жизни, что можно отдать все силы на созидание его... Но при чем тут родина? Если русская революция волнует меня все-таки более, чем персидская, я могу только сожалеть об этом» (Бунин И. Собр. соч. Т. 3. С. 428). Это место Бунин снял лишь в пореволюционных изданиях.

¹ Степун Ф.А. О некоторых отрицательных сторонах современной литературы // Северные записки. 1913. № 10. С. 133.

² Бунин И. Письма 1885–1904. С. 213–214. Фамилия адресата, некоей замужней Марьи Васильевны, с которой Бунин, очевидно, имел интимную связь, не установлена. Эта Марья Васильевна упоминается также в «донжуанском списке» Бунина (см.: РАЛ. MS.1066/567).

Это письмо молодого автора, провинциала, попавшего в столичные литературные круги, который очень отчетливо и болезненно ощущает свою маргинальность, отчужденность и, главное, зависимость от окружающей его социальной среды. Но в то же самое время это признание весьма честолюбивого начинающего писателя, уже успевшего сделать первые шаги на своем поприще и приехавшего в Санкт-Петербург, чтобы установить личные связи в литературном мире и наконец-то войти в большую литературу¹.

Ибо в 1895 г. Бунин, хотя и печатался уже в таких маститых столичных журналах, как «Вестник Европы» (см. примеч. 18 к № 12), «Мир божий» (см. примеч. 1 к № 15) и «Русское богатство» (см. примеч. 19 к № 12), был все еще только начинающим писателем, подающим надежды, но не более², и в поисках издателя своих произведений он был вынужден обращаться тогда даже к А.С. Суворину³, фигуре в высшей степени одиозной в тех кругах, в которых вращался молодой Бунин. Его первый сборник стихов, вышедший в провинции в самом конце 1891 г., в качестве бесплатного приложения к «Орловскому вестнику», прошел фактически незамеченным литературной общественностью, несмотря на то что удостоился некоторых рецензий в столичной печати. Позднейшее утверждение Бунина, что все отклики, кроме одного (в журнале «Артист»), на его «первую книжку стихов, чисто юношеских, не в меру интимных», «были весьма сочувственны»⁴, не следует принимать на веру, так как писатель, будучи в ту пору уже почетным членом Академии наук, предпочел умолчать о разгромном отзыве на этот сборник, который ему, как показывают его ранние письма, был хорошо известен и который он вряд ли успел позабыть, тем более что его стихи сопоставлялись тогда с лирикой Анны Буниной, родством с которой Бунин весьма гордился (ср. примеч. 5 к № 12):

...в 3-й книге «Наблюдателя» ругают меня как собаку, но, по счастью для меня, опять глупо. Говорят, что вся книга состоит из слез, что я пове-

¹ Эти первые уроки установления личных связей в литературном мире, которые такому гордому и самолюбивому характеру, как Бунин, дались не легко, писатель крепко запомнил на всю жизнь. Своему одесскому другу, художнику Нилусу, который пытался под его влиянием начать вторую карьеру как прозаик и драматург, Бунин в 1912 г. передал этот опыт в следующих выразительных словах: «Думаю, что, вообще, не будучи ни с кем знакомым, не бывая толком ни в Москве, ни в Питере, надлежит даже гению влачить самое говенное существование» (РАЛ. MS.1066/4102).

² Опять же вопреки более поздним уверениям Бунина, что редакции и издательства его «рассказов, кажется, совсем никогда» «не возвращали» (*Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 526), ранние письма писателя свидетельствуют об обратном: в 1898 г. Бунин возмущенно сообщал брату об отказе А. Давыдовой напечатать «Велгу» в «Мире божьем»: «Я нашел письмо от Давыдовой. Эта гнусная м<...> пишет мне: «Получили мы Вашу рукопись, Ив<ан> Ал<ексеевич>, и, откровенно говоря, удивились. Была обещана *повесть* или *рассказ* — и вдруг северная легенда (,Велга'), да еще побывавшая во ,Всходах'. Странно. (Sic!) Посылаем вам ее обратно. До свиданья. Желаю всего хорошего. А. Давыдова». Каково!» (*Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 264).

³ См.: *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 212.

⁴ *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 261.

ствую в каждом стихотворении о своих муках, о своей мировой скорби и т.д. Где это у меня? А оканчивается рецензия так: «Мы не знаем, родня ли г. Бунин знаменитой поэтессе екатерининских времен Анне Петровне Буниной, которой за ее вирши дали лиру с бриллиантами, но можем уверить г. Бунина, что теперь лиры не дают даже и не за бунинские стихи»... Передаю не буквально, но смысл таков. Прочти. И странно — это говорит «Наблюдатель», в котором была напечатана почти 1/3 моей книжки!.. Ну да черт с ними!¹

Разочарование в периодических изданиях и издательствах — в данном случае в журнале «Наблюдатель», опубликовавшем отрицательную рецензию, несмотря на то, что Бунин в нем регулярно печатался, — явление симптоматическое, проходящее красной нитью почти через всю литературную деятельность писателя. Так, когда ему удалось стать постоянным сотрудником журнала «Новое слово», О. Попова, издавшая и первый сборник его прозаических произведений, продала журнал легальным марксистам, и Бунину пришлось отказаться от сотрудничества². Потом Бунин неоднократно пользовался возможностью издавать свои книги в «Библиотеке» журнала «Детское чтение», но амбициозному писателю, конечно, не мог понравиться ярлык «автора для детей и юношества», от которого он впоследствии всячески пытался избавиться³.

Повышенный интерес в связи с бунинскими «мытарствами» по редакциям и издательствам, которые Бунин как факт своей творческой биографии уже в 1911 г. отрицал вообще⁴, представляет история выпуска поэтического сборника «Листопад» символистским издательством «Скорпион» и развитие отношений писателя с Брюсовым. Как уже было отмечено выше, именно благодаря Бунину Брюсов впервые получил возможность печататься в периодических изданиях, и Бунин в 1900 г. воспользовался знакомством с ним, чтобы опубликовать сборник стихотворений в новом московском издательстве⁵. Это являлось с обеих сторон вполне расчетливым шагом, выгоды которого перевешивали несовместимость эстетических и мировоззренческих позиций. Для Бунина это был его первый «не-детский», выпущенный в столице издательством с высокими художественными требованиями стихотворный сборник, к которому критика хотя и могла относиться по-разному, но который она должна была принять наконец-то все-

¹ Бунин И. Письма 1885–1904. С. 155; письмо к В. Пашенко от 29 марта 1892 г. Бунин неточно цитирует неподписанную рецензию, появившуюся в журнале «Наблюдатель» (1892. № 3. Отд. II. С. 28–31).

² См.: Бунин И. Письма 1885–1904. С. 232–234.

³ Так, брата Юлия, состоявшего фактическим редактором журнала «Вестник воспитания», Бунин попросил в 1899 г. похлопотать насчет рецензии на перевод «Песни о Гайавате» и сразу же добавил: «Да смотри, если рецензент напишет, что вот, мол, вышла книга для детей — зачеркни» (Бунин И. Письма 1885–1904. С. 275). Ср. также письмо Бунина к В. Миролюбову по поводу рецензии Златовратского, цитированное в примеч. 10 к № 6.

⁴ См.: Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 526.

⁵ См.: Брюсов В.Я. Указ. соч. С. 90.

рвез¹. А символистский «Скорпион», издавая не-символиста Бунина, мог тем самым элегантно отвести все упреки в узкой кружковщине и идейной нетерпимости, о чем он и не преминул объявить в издательском каталоге: «Деятельность “Скорпиона” не ограничивается одной областью нового искусства. Так, им издано первое обширное собрание стихов Ив. Бунина “Листопад”, где ясно выразилась тонкая и чуткая душа этого поэта — мечтателя и наблюдателя природы»².

Позднейшая бунинская легенда о том, что после выпуска «Листопада» «Скорпионом» он «вскоре почел за благо удалиться из этого литературного лабаза»³, опровергается опубликованными письмами: писатель не только хотел выпустить и другие свои книги в символистском издательстве⁴, в чем «Скорпион» ему отказал, но даже боялся не попасть в альманах «Северные цветы», о чем писал Брюсову: «Я очень огорчен Вами. За что, Валерий Яковлевич? Почему я исключен из “Северных цветов”? Что-то произошло между мной и Вами или, вернее, между Вами и мной. Прекрасно, — это Ваше дело — относиться ко мне так или иначе. Но неужели между нами ничего не осталось как между художниками? Вы, конечно, отлично знаете, что с моей стороны этого нет. Я, вникнув в Вашу книгу, за последнее время отношусь к Вам как к поэту с еще большим уважением, чем прежде; Вы знаете также, что ко всем вам я питаю очень большое расположение как к товарищам, к немногим товарищам, дорогим мне по настроениям и единомыслию во многом»⁵. Как видно из опубликованной переписки, охлаждение между ними исходило от Брюсова⁶, а не от Бунина, который еще все-

¹ Снисходительный тон рецензий на его книги сильно задевал Бунина, на что он жаловался, например, брату в 1898 г.: «В “Сыне отечества” Скабичевский (не фельетон, а в рецензии) говорит, что как поэт я талантливее беллетриста, но тоже снисходительно. Беда, как Богданович покровительственно» (*Бунин И. Письма 1885–1904. С. 265*). А Петр Пильский писал еще в 1908 г., что до недавнего времени критики над Буниным просто «смеялись» (цит. по: *Пильский П.М. О критике: (Мечты и парадоксы) // Пильский П.М. Критические статьи. Т. 1. СПб., 1910. С. 156*).

² Каталог <книгоиздательства «Скорпион»>. М., 1902. С. 7.

³ *Бунин И.* Публицистика. С. 313.

⁴ См., например, письмо Бунина к С. Полякову от 1 сентября 1901 г.: «Очень рекомендую Вам купить “Песнь о Гайавате” — это замечательная кни<ига> и, благодаря рекоменд<ации> М<инистерства> н<ародного> пр<освещения> для всяких учебн<ых> зав<едений>, идет очень хорошо» (*Бунин И. Письма 1885–1904. С. 388*).

⁵ *Бунин И. Письма 1885–1904. С. 355.* Появление в «Северных цветах» Чехова, участие которого громко афишировалось в газетных объявлениях «Скорпиона» и вызывало недоумение критики (см., например: *Измайлов А.А. Литературные заметки // Биржевые ведомости. 1901. № 140. 26 мая. С. 2; № 141. 27 мая. С. 2*), состоялось по личной инициативе Бунина. Чехов неоднократно в письмах жаловался Бунину на поведение издательства (см.: *Чехов А. ПСС. Т. 9. С. 228; Т. 10. С. 13*), и Бунину пришлось выступать посредником между Чеховым и «Скорпионом» (см.: *Бунин И. Письма 1885–1904. С. 366–367, 372*). Об этом эпизоде Бунин вспоминал впоследствии и в своей книге о Чехове (см.: *Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись. Нью-Йорк, 1955. С. 59–60, 74–76*).

⁶ См. ответ Брюсова на цитированное письмо Бунина (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 455–456).

ми силами пытался сохранить добрые отношения с вождем старших символистов. Брюсов записывал в сентябре 1901 г.:

Приехал в Москву Бунин и пришел ко мне. <...> На скорпионовском вторнике я с ним опять поговорил крупно, сказал, что все его писания ни на что не нужны, главное, скучны и т.д. Он проявлял великодушие и всячески славил мои стихи¹.

В 1903 г., рецензируя бунинские «Новые стихотворения» (см. также примеч. 20 к № 1), которые тот первоначально также предполагал выпустить в «Скорпионе», Брюсов окончательно разорвал отношения с Буниным, объявив без обиняков, что бунинская лирика — «это вчерашний день литературы»². Впоследствии Брюсов, хотя еще высказывался в печати о поэзии Бунина, характеризуя его как запоздавшего, эпигонского парнасца на русской почве³, все же больше не вступал с Буниным в открытую полемику, а предпочитал, по-видимому, действовать исподтишка⁴. В 1910-е гг., когда Брюсов заведовал литературным отделом «Русской мысли», у писателей восстановились холодные, чисто деловые отношения⁵, но обида на Брюсова осталась у Бунина на всю жизнь, что показывают его эмигрантская публицистика и позднейшие воспоминания (ср. также примеч. 31). Интересный случай скрытой полемики Бунина с Брюсовым содержится и в настоящей публикации: бунинские высказывания по поводу Первой балканской войны и его суждения о турках (см. № 13), ка-

¹ Брюсов В.Я. Указ соч. С. 106.

² Аврелий <Брюсов В.Я.> <Рец. на кн.: Бунин И.А. Новые стихотворения. М., 1902> // Новый путь. 1903. № 1. С. 194.

³ См.: Брюсов В.Я. Новые сборники стихов // Весы. 1907. № 1. С. 69–73; Брюсов В.Я. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // Печать и революция. 1922. № 7. С. 38–68.

⁴ Бунина особенно возмущало, что издательская рецензия Сергея Соловьева (см.: Соловьев С.М. <Рец. на кн.: Бунин И.А. Том третий: Стихотворения 1903–1906 г. СПб., 1906> // Золотое руно. 1907. № 1. С. 89) была ему продиктована Брюсовым, в чем Соловьев признался в частном письме к Бунину (см.: Бунин И. Публицистика. С. 313–314; РАЛ. MS.1066/554). Хотя нам не известно это письмо Соловьева, такая версия представляется вполне вероятной: сам Соловьев вспоминал, что у него была «вражда к Бунину, которую я впоследствии изливал на страницах журналов, выходя за пределы объективности и правды» (Соловьев С.М. Воспоминания. М., 2003. (Россия в мемуарах). С. 370). Тот факт, что Брюсов действительно заказывал рецензии Соловьеву, также засвидетельствован им самим: «Брюсов зашел ко мне и, не застав, оставил мне сборник “Знания” с запиской, где просил <...> разругать книгу и кончал словами: “Пора указать Горькому и К^о их настоящее место”» (цит. по: Лавров А.В. «Продолжатель рода» — Сергей Соловьев // Соловьев С.М. Воспоминания. М., 2003. (Россия в мемуарах). С. 11).

⁵ См.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 461–470.

В 1912 г., во время празднования 25-летнего юбилея литературной деятельности Бунина в Москве, Брюсова не было в городе, что особо отмечалось современниками: «Брюсов, открывший своими стихами российское декадентство, счел даже нужным на юбилейные дни уехать из Москвы, — дабы избежать неловкости, — и ограничился холодной и краткой телеграммой» (цит. по: Бабореко. С. 200).

жется, направлены не в последнюю очередь против Брюсова, который незадолго до появления бунинского интервью читал реферат в московском Литературно-художественном кружке, интерпретируя начавшуюся войну как неизбежное столкновение рас, современный крестовый поход в защиту христианской культуры¹.

Позднее Бунин старался представить факт издания «Листопада» «Скорпионом» как незначительный и случайный эпизод, как своего рода поэтическую вольность и юношескую легкомысленность, что вслед за ним повторяют и большинство исследователей². Представляется, что на самом деле неудавшееся сближение с Брюсовым и издательством «Скорпион» было сознательной попыткой Бунина повысить свой литературный «рейтинг», избавиться от обидного для его самолюбия и творческих амбиций ярлыка «детского» писателя и установить связи с теми литературными кругами³, эстетические принципы которых Бунин хотя до конца и не разделял, но серьезность и оправданность художественных устремлений которых он очень хорошо понимал (ср. примеч. 19 к № 12).

Современным наблюдателям, конечно, не было дано знать сложность творческих исканий Бунина во всех подробностях, но они все же выражали свое удивление, когда им казалось, что публичные выступления Бунина уж слишком расходятся с тем, что они видели собственными глазами:

Бунин смеется над декадансом и символизмом, насадителями которых были у нас в России журнал «Весы» и книгоиздательство «Скорпион».

А было время, когда сам Бунин был близок к тому сообществу поэтов, которое группировалось около этих изданий.

Помню, лет 10–12 тому назад, сотрудники «Весов» и «Скорпиона» собирались по вторникам в зале Большой Московской гостиницы, и я, слу-

¹ См.: Русское слово. 1912. № 263. 14 ноября. С. 5. В газетном отчете сообщалось также о том, что с возражениями Брюсову выступал, среди прочих, и Ю.А. Бунин.

² Ю. Мальцев, например, опровергая измышления об идейной близости Бунина с Горьким, категорически утверждает: «Бунин, чуждый всякой политике и политической борьбе, всегда относился с большим безразличием к тому, где печататься: он публиковался и в народнических журналах, и в декадентских альманахах, и в марксистских сборниках, а позже, в эмиграции, как в социалистических эмигрантских изданиях, так и в монархических» (*Мальцев Ю.В. Иван Бунин: 1870–1953. Франкфурт-на-Майне; М., 1994. С. 73*).

³ Как и Горькому, Бунин посвящал символистам отдельные произведения, которые он впоследствии, при переизданиях, печатал уже без посвящений. В сборнике «Листопад», например, имелись посвящения Брюсову и Бальмонту, что специально отмечалось современной критикой (см., например: *Кораблев В.Н.* <Рец. на кн.: Бунин И.А. Листопад: Стихотворения. М., 1901> // Литературный вестник. 1901. № 5. С. 32–34). Сам Бунин в анонимной рецензии высмеивал страсть к посвящениям у А. Коринфского (см.: <*Бунин И.А.*> <Рец. на кн.: Коринфский А.А. Тени жизни: Стихотворения 1895–1896 гг. СПб., 1897; *Коринфский А.А.* Вольная птица и другие рассказы. СПб., 1897> // Новое слово. 1897. № 6 (март). Отд. II. С. 56–58; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 328–330); сходным образом высказывался и Потапенко — по адресу самого Бунина (см.: *Неизвестный <Потапенко И.Н.>* Журнальные заметки // Россия. 1900. № 556. 10 ноября. С. 2).

чайный посетитель ресторана, встречал сегодняшнего хулителя символизма в дружном обществе Брюсова, Бальмонта, Балтрушайтиса, Полякова и др. пионеров русского литературного модерна.

К чему далеко ходить в поисках того, что сам Бунин принимал живое участие в исканиях новых литературных откровений, — сборник его стихотворений «Листопад», за который Академия наук присудила Бунину Пушкинскую премию, издан декадентским книгоиздательством «Скорпион», которое и приоткрыло перед ним двери в академию¹.

6

Таким образом, к осени 1901 г., после отказа «Скорпиона» выпускать другие книги Бунина, писатель был вынужден искать нового издателя и с этой целью в октябре 1901 г. обратился к Горькому². Сам Горький сильно сомневался в том, следует ли «Знанию» издавать Бунина, и предоставил решение К. Пятницкому:

Я все думаю — следует ли «Знанию» ставить свою марку на произведениях индифферентных людей? Хорошо пахнут «Антоновские яблоки» — да! Но — они пахнут отнюдь не демократично, — не правда ли? <...> Ах, Бунин! И хочется, и колется, и эстетика болит, и логика не велит!

Скажите ваше решающее слово, друг мой добрый и умный! Против «Гайаваты» ничего не имею, но рассказы — смущают³.

В 1902 г. Бунин все-таки сделался «знаниевцем» и с тех пор стал восприниматься широкой публикой как писатель, «принадлежащий к литературной группе, в рядах которой числятся: Ан. Чехов, М. Горький, Л. Андреев, Скиталец»⁴, или, как на известной карикатуре художника Коки, как «подмаксимок»⁵. Как видно, Горький прекрасно отдавал себе отчет в том,

¹ Саддукей <Кара-Мурза С.> Академик // Московская газета. 1913. № 278. 14 октября. С. 3.

² См.: Архив А.М. Горького. Т. 4: Письма к К.П. Пятницкому. М., 1954. С. 42; Бунин И. Письма 1885–1904. С. 390.

³ Архив А.М. Горького. Т. 4: Письма к К.П. Пятницкому. М., 1954. С. 53.

⁴ С-ков. У И.А. Бунина: (Интервью) // Киевская газета. 1902. № 328. 27 ноября. С. 3; см. № 1 настоящей публикации.

⁵ Говоря в эмиграции о «подмаксимках», Бунин указывал на Л. Андреева, Скитальца и прочих, «нестерпимо» подражавших Горькому в манере одевания (см.: Бунин И. Публицистика. С. 414). На самом деле, на шарже художника Коки (Н.И. Фидели) под большим грибом с лицом Горького изображены три маленьких грибка — Л. Андреев, Скиталец и сам Бунин.

Бунина стали причислять к «подмаксимкам» именно из-за того, что он печатался в «Знании», а не из-за внешних атрибутов, как другие фигуры из окружения Горького: «Я заметил, что Горький при первом своем появлении в Москве обратил на себя внимание своим костюмом, слишком демократическим по тогдашнему времени, и находились люди, которые говорили, что Горький рекламирует себя, тем более, — этот необычайный для столичных жителей костюм нашел себе подража-

что переход Бунина в «Знание» был не столько решением в пользу определенных идеологических и эстетических принципов, сколько перебежкой в другой, во многих отношениях противоположный литературный лагерь, который, однако, роднил с символистами неэпигонский характер и актуальность творческих исканий его участников.

Но в отличие от символистов, а позже и футуристов, творчество которых массовому читателю всегда оставалось чуждо и входило в его поле зрения лишь в виде газетных передержек и издевательств, например, над известным брюсовским моностихом, популярность Максима Горького и Леонида Андреева в первые годы XX в. во всех (грамотных) слоях населения была совершенно ошеломляющей, и то внимание, которое им уделяли средства массовой информации, т. е. главным образом газеты и иллюстрированные журналы, вполне сопоставимо с ажиотажем вокруг протагонистов современной поп-культуры¹. Принадлежность к литературному окружению Горького и Андреева была для Бунина с этой точки зрения, несомненно, выгодна, так как отношение рецензентов к книгам издательского товарищества «Знание» было совершенно иное, чем к томикам, вышедшим в «Библиотеке „Детского чтения“», не говоря уже о том, что «Знание» могло платить своим авторам небывалые в истории русской литературы гонорары. В результате именно с 1902 г. имя Бунина стало известным и за пределами узколитературных кругов и — как прямое следствие — в периодической печати появились и первые интервью Бунина².

В этих ранних газетных выступлениях совершенно отчетливо отразилось отношение к Бунину со стороны широкой читательской аудитории

телей: не говоря о Скитальце, Андреев, Шаляпин нарядились в поддевки русского покроя и натянули сапоги с высокими голенищами.

Тогда всю эту компанию, одевавшуюся под Горького, называли «подмаксимками»» (*Белусов И. А.* Максим Горький среди литераторов // М. Горький в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М., 1981. (Литературные мемуары). С. 158). Сам Бунин внешне заметно выделялся из этой среды, что часто подчеркивается в воспоминаниях современников: в Москве у Горького «частыми гостями бывали писатели, художники, артисты. Например, <...> *щеголевато одетый* и скупой на слова И. Бунин <...>» (*Арабидзе В. О.* Грузинские дружинники и Максим Горький // Там же. С. 222; курсив мой. — *Д. Р.*). Именно поэтому кажется правдоподобным, что манера «подмаксимков» одеваться и держаться действительно стала мишенью публичных бунинских издевательств еще до революции (см., например: *Бунин И.* Публицистика. С. 414).

¹ Владимир Немирович-Данченко вспоминал впоследствии, что Горький во время их первого знакомства, в начале 1900 г., «уже шел по горе своей славы, но имя его еще не было истрепано репортерами и интервьюерами, фотографий его не было совсем, только катилась молва о каком-то босяке громадного литературного таланта» (*Немирович-Данченко В. И.* Рождение театра: Воспоминания, статьи, заметки, письма. М., 1989. С. 301).

² Ср. в этой связи также дневниковую запись Брюсова 1894 г.: «В «Новостях Дня» появилось интервью со мною. Конечно, это мне далеко не противно. Идем вперед» (*Брюсов В. Я.* Дневники 1891–1910. М., 1927. (Записи прошлого). С. 18).

Возможно, что в дальнейшем будут обнаружены еще более ранние бунинские интервью, но уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что их будет очень немного.

(см. № 1 настоящей публикации¹): «довольно известный писатель», «довольно популярный поэт», о существовании книг которого журналист даже не подозревает, был интересен газете не сам по себе, а лишь как лицо, близко знающее Горького, Шаляпина и Андреева (чтение рассказа которого было «гвоздем» студенческого вечера в Киеве) и располагающее свежей и достоверной информацией о них. Свое положение «подмаксимка» на фоне громкой славы других знаньецев Бунин воспринимал очень болезненно²,

¹ Весьма характерно, что это интервью было перепечатано в другой газете под заголовком «М. Горький и Л. Андреев» (Одесский листок. 1902. № 308. 29 ноября. С. 1); ссылка на Бунина как источник информации задержалась только в редакционном вступлении.

В 1910-е гг., когда Бунин стал уже самостоятельной величиной в литературе, перепечатки его интервью в других газетах, как правило, имели в заголовке ссылку на имя Бунина (например, «Академик Бунин о войне» и т.п.), однако и тогда изредка случалось, что информация, источником которой служил Бунин, была для газеты, очевидно, гораздо важнее, чем его собственная персона: так, перепечатка интервью 1912 г. (*А. Ар. <Аренберг А. А.> У И. А. Бунина // Одесские новости. 1912. № 8659. 1 марта. С. 3; Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 542–545*) в другой газете была озаглавлена: «У М. Горького» (Сибирская жизнь. 1912. № 60. 14 марта. С. 3–4).

² Обида и тревога по поводу восходящей звезды Леонида Андреева явно слышны были уже в 1901 г., когда Бунин обратился к издателю «Журнала для всех» В. Миролубову по поводу гонорара: «Против 12½ коп. ничего не имею, но что же укорять меня за них, если Вы даже начинающим, напр<имер>, Л. Андрееву, очень талантливому, но все же начинающему, платили столько же?» (*Бунин И. Письма 1885–1904. С. 383*). Николай Пушешников уже в советское время записал в своем дневнике: «Отношения И<вана> А<лексеевича>, Г<орького> и Андреева друг <к> другу. Волки» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 7456/4 оф. Л. 168).

Однако, как показывают позднейшие воспоминания К. Чуковского, Бунину до поры до времени приходилось соперничать за внимание публики не только с Горьким и Андреевым: «Огромный зал, наполненный толпой. Человек семьсот, а пожалуй, и больше. Студенты с огневыми глазами и множество наэлектризованных дам.

Все томится страстным ожиданием. Наготове тысячи ладоней, чтобы грянуть аплодисментами, чуть только на сцене появится он.

«Он» — это Семен Юшкевич, любимый писатель, автор сердцещипательного «Леона Дрея» и других столь же бурных творений, которые не то чтобы очень талантливы, но насыщены горячей тематикой. Знаменитым он стал с той поры, как его повести, рассказы и очерки стали печататься в горьковских сборниках «Знание», рядом с Горьким, Куприным и Леонидом Андреевым.

Сейчас он, постоянный обитатель Одессы, появится здесь, перед киевской публикой и самолично прочтет свой только что написанный рассказ. <...> Вместо него на эстраде возникает какой-то растерянный, дрожащий, щеголевато одетый юнец и голосом, похожим на рыдание, сообщает об ужасной катастрофе: любимый писатель прислал телеграмму, что из-за внезапной простуды он не может сегодня порадовать Киев своим драгоценным присутствием.

В зале раздается общий стон. Вздохи разочарования и скорби.

Когда они немного затихают, незнакомец торопится утешить толпу:

— В этом зале присутствует другой беллетрист, тоже участвующий в сборниках «Знание», — Иван Алексеевич Бунин, который любезно согласился выступить здесь перед вами с чтением своих произведений.

Публика угрюмо молчит. Юноша завершает свою грустную речь неожиданно бодрым басом:

— Желаящие могут получить свои деньги обратно.

что наложило неизгладимый отпечаток на весь дальнейший путь писателя в литературе.

В «Знании», или, для широкой публики, «в группе Горького», Бунин оставался ровно столько, сколько ему это было нужно: пока он не добился избрания себя почетным академиком по разряду изящной словесности Российской Академии наук и пока он не заставил всю литературную общественность со вниманием относиться к своему творчеству, попав повестью «Деревня» в самый нерв литературного процесса дореволюционной России, в сердцевину споров вокруг «народа», интеллигенции и их взаимоотношений. Как четверть века спустя присуждение Нобелевской премии, избрание в почетные академики в конце 1909 г. было для Бунина своего рода «вещественным знаком несомненных отношений», официальным признанием его художественных заслуг и вознесением на самый верх литературной иерархии. И оба раза эти почести и знаки отличия доставили Бунину к тому же чувство глубокого *личного* удовлетворения: Нобелевскую премию писатель принимал не в последнюю очередь как своеобразную грамоту первому писателю русского зарубежья, в то время как дореволюционные академические лавры должны были возместить Бунину те обиды, которые он испытывал и как «подмаксимок», и как мишень для издевательств со стороны символистов.

Но если принятие Нобелевской премии само по себе не было проблематично и ничего предосудительного для современников в себе не заключало¹, наоборот, рядовой русский эмигрант воспринимал выбор Шведской академии «как личную радость, как личное торжество»², то принятие зва-

Желающих оказывается великое множество. Все, молодые и старые, словно в зале случился пожар, — давя и толкая друг друга, кидаются безоглядно к дверям. Каждый жаждет получить поскорее свои рубли и копейки, куда не закроется касса.

В это время на сцене появляется Бунин с неподвижным, обиженным и гордым лицом. Не подходя к столику, он останавливается у левого края и долго ждет, когда кончится постыдное бегство ошалелой толпы.

Оставшиеся в зале — человек полтора — шумно устремляются к передним местам.

Бунин продолжает стоять все в той же застывшей позе — бледный, худой и надменный. <...> Кончилось тем, что какой-то желторотый студент, желая блеснуть своим знанием поэзии Бунина, обратился к нему с громкой просьбой, чтобы он прочитал: «Каменщик, каменщик в фартуке белом», не догадываясь, что это стихотворение Брюсова.

То было новой обидой для Бунина. Он даже не взглянул на обидчика и горделиво поступью удалился со сцены» (*Чуковский К. И.* Дневник: (1930–1969). 2-е изд., испр. М., 1997. С. 411–413).

¹ Были, конечно, и в среде русских эмигрантов резко отрицательные реакции на присуждение Бунину Нобелевской премии, однако они крайне редко высказывались во всеуслышание, как, например, в романе Наживина «Неглубокоуважаемые». Директор Тургеневской библиотеки С. Г. Сватиков писал автору романа по этому поводу в 1935 г.: «А вот сколь Вы ни облаяли Бунина, а правда о нем (тщательно скрываемая, ибо он “наша гордость”) гораздо хуже всякой Вашей беллетристики» (цит. по: *Куденис В.* Предисловие: И. А. Бунин и И. Ф. Наживин: Переписка // С двух берегов. С. 280).

² *Железная маска <Цвибак Я. М.>* Парижский блокнот // Иллюстрированная Россия. 1933. № 48 (446). 25 ноября. С. 14.

ния почетного академика вызывало у современников удивление и далеко не всеми было встречено с одобрением:

г. Бунин был избран и зачем-то сел в ту самую академию, откуда был изгнан как политический преступник Максим Горький и где отказались быть членами А.П. Чехов и В.Г. Короленко¹.

Как и получение Нобелевской премии (ср. также предисловие к публикации переписки Бунина с Г. Брандесом в наст. изд.), избрание в академию вряд ли было неожиданным сюрпризом для писателя, но являлось результатом целеустремленных действий Бунина². В книге «О Чехове» имеются любопытные воспоминания Бунина о его пребывании в Ялте в 1900 г., во время приезда Художественного театра, засвидетельствованные почти дословно В.Н. Муромцевой уже в 1920 г.³:

И вот среди всего этого оживления подошел ко мне известный в Москве адвокат, Иван Николаевич Сахаров, один из тех, кто всегда вертится около актеров, писателей, художников, и сказал:

— Иван Алексеевич, уезжайте отсюда...

— Почему? — удивился я.

— Вам, конечно, очень тяжело здесь среди таких знаменитостей, как Горький, например...

¹ *Амфитеатров А.В.* Литературные впечатления: <Рец. на кн.: Милицына Е. Рассказы. Т. 1 и 2. СПб., 1910; Бунин И.А. Деревня. М., 1910; Родионов И.А. Наше преступление: (Не бред, а быль). 6-е изд. СПб., 1910> // Современник. 1911. № 2. С. 282.

² Возможно, что готовящееся издание бунинских писем поможет детально реконструировать историю его избрания в почетные академики.

В высшей степени интересны также рассуждения академика П. Боборыкина в статье 1912 г., посвященной 25-летию литературной деятельности Бунина: «В выборах моего молодого собрата я не мог участвовать, даже и при желании».

Избирательный порядок в “разряде изящной словесности” был изменен уже давно, и как-то “под шумок”. По крайней мере, я что-то не помню, чтобы эта перемена была предметом коллегиальных обсуждений.

Прежний порядок, установленный при учреждении “разряда”, давал и *отсутствующим* почетным академикам возможность участвовать в выборах, в первой их фазе. Каждый академик ставил на особой записке два имени на каждого кандидата. <...> Теперь три академика должны предварительно *рекомендовать* X или Z, а в выборах шарами участвуют *только* живущие в Петербурге.

Эта система чревата разными неудобствами. Ею объясняется отчасти и то, что вот уже несколько лет как число академиков не пополняется, а также и то, что несколько писателей, *несомненно достойных этого звания*, все еще находятся “под спудом”.

С этой системой нетрудно дойти и до французских порядков, т.е. до делания *визитов* претендентами на кресло “бессмертного” тем академикам, которых они считают самыми влиятельными» (*Боборыкин П.Д.* Молодой юбиляр // Русское слово. 1912. № 248. 27 октября. С. 3).

³ См.: РАЛ. MS.1067/367.

— Нисколько, — сказал я сухо, — у меня иной путь, чем у Горького, буду академиком... и неизвестно, кто кого переживет... Он с глупой улыбкой, пожав плечами, отошел¹.

Бунин медленно, но верно шел к своей цели, что иногда озадачивало даже людей расположенных к нему, как, например, А. Чехова, получившего от Бунина в 1901 г. сборник «Листопад» для представления в Академию наук на соискание Пушкинской премии и с некоторым недоумением обратившегося по этому поводу к академику А.Ф. Кони: «Сегодня я получил от поэта И.А. Бунина книгу стихов с просьбой послать ее на Пушкинскую премию. Будьте добры, научите меня, как это сделать, по какому адресу послать. Сам я когда-то получил премию, но книжек своих не посылал. Простите, пожалуйста, что беспокою Вас такими пустяками»².

В свете всего этого становится понятна и позднейшая запись Горького, который, по-видимому, только задним числом по-настоящему понял, что Бунин до поры до времени *пользовался* им, его популярностью и его издательством, чтобы самому постепенно выдвигаться в первые ряды литературы:

Талантливейший художник русский, прекрасный знаток души каждого слова, он — сухой, «недобрый» человек, людей любит умом, к себе — до смешного бережлив. Цену себе знает, даже несколько преувеличивает себя в своих глазах, требовательно честолюбив, капризен в отношении к близким ему, умеет жестоко пользоваться ими.

Сколько интересного можно рассказать о нем!³

7

Одно из центральных мест не только в предлагаемых в настоящей публикации вниманию читателей газетных выступлениях Бунина, но и во всей бунинской публицистике до- и пореволюционной эпохи занимает, безусловно, фигура М. Горького. Отношения двух писателей до революции, на основе обширного фактографического материала, стали предметом специального исследования А. Нинова еще в 70-е гг. прошлого века (см. список условных сокращений). Выводы этой работы, документальная часть которой сохранила относительную ценность до сих пор, были, однако, предопределены самой эпохой. Довольно странное впечатление производит то

¹ Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись. Нью-Йорк, 1955. С. 65.

² Чехов А. ПСС. Т. 10. С. 22.

³ Цит. по: Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 92. Сходным образом высказывался и другой современник Бунина, К. Чуковский: «Читаю Бунина “Освобождение Толстого”. Один злой человек, догадавшийся, что доброта высшее благо, пишет о другом злом человеке, безумно жаждавшем источать из себя доброту. Толстой был до помрачения вспылчив, честолюбив, самолюбив, заносчив, Бунин — завистлив, обидчив, злопамятен» (Чуковский К.И. Дневник: (1930—1969). 2-е изд., испр. М., 1997. С. 411).

обстоятельство, что и в новейших работах все еще повторяется версия, выдвинутая А. Ниновым, но, как это всегда бывает, в гораздо менее дифференцированной форме: «Между писателями довольно скоро <после знакомства Бунина с Горьким в 1899 г. — Д. Р.> установились самые дружеские отношения, которые сохранятся таковыми на протяжении почти двадцати лет, вплоть до революции 1917 г.»¹. Не только архивные материалы, но еще в советское время опубликованные письма явно опровергают эту легенду, которая, совершенно независимо от идеологических предпосылок, неприемлема с научной точки зрения потому, что она непозволительно упрощает запутанные отношения Бунина и Горького. Живучесть этой легенды является лишь симптоматическим выражением тех трудностей, которые до сих пор представляет собой фигура Максима Горького для российского литературоведения.

Бунин, однако, сам существенно облегчил советским и постсоветским исследователям задачу представить его отношения с Горьким в нужном, розовом свете. При желании можно даже из материалов настоящей публикации сделать внушительную подборку удачно выбранных цитат, подтверждающую версию о нежной дружбе двух писателей и почтительном отношении Бунина к Алексею Максимовичу. На самом деле Бунин и до революции неоднократно высказывался о Горьком резко отрицательно, но делал он это не публично, а только в частных письмах, в дневнике и устно — в тесном кругу наиболее близких ему людей. Точно так же можно при сопоставлении публичных высказываний до- и пореволюционного времени найти немало взаимоисключающих утверждений, оценок и т.п., так как самой отличительной чертой бунинской публицистики эмигрантского периода является как раз стремление сделать достоянием гласности то, что раньше относилось исключительно к частной сфере². Поэтому и следует остерегаться попыток некритического обращения к бунинской публицистике³, когда публичные высказывания Бунина принимаются за чистую мо-

¹ Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003. С. 52.

² При этом следует учесть, что Бунин прекрасно знал, что люди его близкого окружения (прежде всего Николай Пушешников и Вера Муромцева) записывали за ним почти любое более или менее значительное высказывание, с явным намерением когда-нибудь сделать эти записи достоянием потомства (ср. также примеч. 13 к № 24). Страсть позднего Бунина к разного рода «эккерманам» (Кузнецова, Зуров, Бахрах и др.), фиксирующим каждое, порой совершенно очевидно стилизованное слово мэтра, не подлежит сомнению и является составной частью целого комплекса усилий писателя повлиять на свою посмертную литературную репутацию.

³ Так, в недавнем шаляпинском сборнике (Проблемы наследия Ф.И. Шаляпина: Материалы научной конференции «Шаляпинские собрания»: (К 125-летию со дня рождения великого певца). М., 1999) сразу в двух статьях рассматриваются взаимоотношения Горького с Шаляпиным (см.: *Ревякина И.А.* Ф. Шаляпин в гостях у Горького на о. Капри: (Встречи и впечатления); *Ковалева Г.Н.* Новые материалы к истории взаимоотношений Шаляпина и Горького в 1911 г.) в связи с инцидентом «коленипреклонения» певца перед царем; при этом исследователи приходят к прямо противоположным выводам: И. Ревякина считает, что эта история сказалась на отношении Горького к Шаляпину, в то время как Г. Ковалева утверждает, что после объяснения певца с писателем на о. Капри их отношения даже упрочились, в дока-

нету и не учитывается, что выступления в печати любого писателя являются сообщениями, предназначенными одновременно максимальному числу адресатов — это и те лица, о которых непосредственно идет речь в этих текстах, и другие участники литературного процесса (писатели, издатели, критики, рецензенты и т. д.)¹, и совокупность всех потенциальных читателей-современников, и даже все грядущие реципиенты творчества писателя.

Уже ранние письма Бунина содержат ряд критических высказываний по адресу Горького, которые писатель впоследствии будет повторять и в эмиграции. С самого начала Бунину больше всего претило босяцкое ампула Горького, поза человека из народа, подчеркнутая грубость поведения, речевая манера, страсть к гиперболам вплоть до внешних атрибутов (одежда, прическа и т. д.): «Горький же, между нами, по-моему, отчасти прикидывается таким грубым, ломается, и удивляюсь, как этого не понимают

зательство этого ссылаясь на интервью, данное Буниным в 1912 г. «Одесским новостям» (*А. Ар. <Аренберг А. А.> У И. А. Бунина // Одесские новости. 1912. № 8659. 1 марта. С. 3; Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 542–545*). Не предлагая собственного решения этого вопроса, все же позволим себе отметить, что это бунинское интервью стало предметом обсуждения в переписке Амфитеатрова с Горьким, и последний, не конкретизируя свое недовольство, заметил: «“Интервью” Бунина — не порадовало меня. “Близкие друзья — наиболее неделикатны”, — гласит пословица, очевидно — ассирийская» (*Литературное наследство. Т. 95. С. 388*). Это может служить дополнительной иллюстрацией того, что нельзя обращаться к публицистическим текстам без учета диалектики публичной и частной сфер.

¹ При изучении разных источников можно обнаружить множество доказательств того, что бунинские интервью в русской периодической печати внимательно читались современниками: Горький, например, узнав из газетного интервью, что Бунин написал произведение, долженствующее появиться в очередном сборнике «Знания» (см.: *А. Ар. <Аренберг А. А.> У И. А. Бунина // Одесские новости. 1911. № 8515. 8 сентября. С. 4; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. 369*), сообщил об этом Миролубову (см.: *Горький М. Собр. соч. Т. 29. С. 188*), который впоследствии упрекал Бунина за то, что он не выполнил своего обещания (см.: *Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 370*); автобиографические сведения, которые Бунин сообщил журналисту в преддверии 25-летнего юбилея своей литературной деятельности (см.: *Аз <Зелюк О. Г.> Наши беседы: У академика И. А. Бунина // Одесский листок. 1912. № 207. 6 сентября. С. 2; № 12 настоящей публикации*), послужили В. Кранихфельду источником информации при написании юбилейной статьи (см.: *Кранихфельд В. П. Литературные отклики: И. А. Бунин // Современный мир. 1912. № 11. С. 341–355*); а Н. Лернер высмеивал завывшее самомнение Бунина, проявившееся среди прочего в многочисленных упоминаниях собственного юбилея (см.: *Т. <Тамарин А. А. (?)> У академика Бунина: (Беседа) // Южная мысль. 1912. № 307. 6 сентября. С. 5; № 11 настоящей публикации; Аз <Зелюк О. Г.> Наши беседы: У академика И. А. Бунина // Одесский листок. 1912. № 207. 6 сентября. С. 2; № 12 настоящей публикации*): «Бедный Иван Бунин! Он покорно доехал в Москву, где его ожидали такие неприятности, и лишь в тихой интимной беседе с одесскими репортерами, людьми сдержанными и молчаливыми, вполне понимавшими чувства и настроения именитого гостя, грустно пожаловался на свою долю» (*Дед Книговед <Лернер Н. О.> Нарцисс: О «почетном академике» И. Бунине // Журнал журналов. 1916. № 22. С. 14*).

К этому следует еще добавить, что бунинские интервью, как правило, перепечатывались другими газетами.

многие»¹. Все эти качества были знаковым выражением того, чем молодой Горький покори́л Россию: в восприятии русской интеллигенции он был воплощением того, чего она больше всего жаждала и чего ей больше всего не хватало — Горький был носителем «подлинных» знаний о народе, долгожданным «лучом света из темного царства»². И именно это, а вовсе не, как принято считать, позднейшие политические разногласия, стали камнем преткновения во взаимоотношениях Бунина с Горьким, так как каждый из них претендовал на то, что его знания, оценка и изображение русского народа являются объективными и правдивыми (ср. также примеч. 17 к № 6). С другой стороны, именно это и сближало двух писателей, когда они сходились в воззрениях: Бунин был Горькому искренно благодарен за поддержку, которую тот ему оказывал, когда критика упрекала автора «Деревни» и последовавших за ней крестьянских рассказов в сословных предрассудках и тенденциозном искажении действительности³; и сам он вряд ли кривил душой, когда защищал Горького от нападков по поводу «Двух душ» (см. № 24 настоящей публикации), так как современное состояние и перспективы на будущее русского народа оценивались и им самим отнюдь не оптимистически.

В силу того что Бунин и Горький являлись конкурентами, претендующими на одно и то же место — носителя «подлинных» знаний о русском народе, — Бунину впоследствии и необходимо было всячески пошатнуть авторитет Горького именно как знатока народа, который обманом занял неподобающее ему место в истории русской литературы:

А дальше уже нечто ужасное по литературшине, по дурному тону, по лживости, по лубку, — дальше Скиталец, Горький, тот самый Горький, который на моих глазах, в течение целых двадцати лет, буквально ни разу, ни единого дня не был в деревне, не был даже в уездном городе, если исключить один месяц в Арзамасе, и даже после восьмилетнего пребывания на Капри шагу не сделал, возвратясь в Россию, дальше Москвы, а все пишет да пишет на героический лад о русском народе, ушибая критика и читателя своей наигранной внушительностью, своим литературным басом, своей «красочностью»...⁴

¹ Бунин И. Письма 1885–1904. С. 321 (письмо к Телешову от 16 июля 1900 г.); ср.: Там же. С. 322.

² Сходным образом Бунин впоследствии будет интерпретировать и стратегию вхождения в русскую литературу крестьянских поэтов, и прежде всего С. Есенина (см.: Бунин И. А. Воспоминания. Париж, 1950. С. 16–20).

³ Именно этим обстоятельством объясняется, скорее всего, и утверждение Бунина в его своеобразном некрологе Горькому, что именно в период их встреч на Капри они «сошлись очень близко. Это было время, когда он был наиболее приятен мне» (Бунин И. Публицистика. С. 415). Однако и тогда эта бунинская близость с Горьким была весьма относительна, что явствует из записей племянника и других источников: «И<ван> А<лексеевич> жалеет, что сюда <на о. Капри в 1912 г. — Д. Р.> приехал. С Г<орьким> он чувствует себя не легко. Г<орький> часто бывает угрюм и раздражителен» (ОГЛИМТ. Ф. 14. № 7456/1 оф. Л.191 об.); ср. также: *Бабореко*. С. 177–181.

⁴ Бунин И. Публицистика. С. 58.

Поэтому в личные отношения Бунина к Горькому уже очень рано заралась фальшь, которая должна была скрыть и бунинское раздражение к «боссяку» и знатоку народа, и его зависть к прогремевшему на всю страну «буревестнику». Даже в первых бунинских интервью то и дело проскакивают эти нотки скрытого раздражения, когда он, например, по горячим следам рассказывает о премьере «На дне» в Художественном театре: «“Дно” нравится автору гораздо больше, чем “Мещане”, он вообще возлагает на свою новую пьесу большие надежды, так что овации приняты были им как нечто “в порядке вещей”», хотя Бунин тут же добавляет, что «ничего художественнее нельзя себе представить»¹. Эти свежие свидетельские показания особенно ценны потому, что премьера горьковской пьесы станет впоследствии, в период эмиграции, одним из «странствующих мотивов» бунинской публицистики и мемуаристики (ср.: «Пьесы Горького мне никогда не нравились. Они были всегда сугубо, нарочито претенциозны и поучительны»²), в том числе и в форме устных импровизаций, засвидетельствованных современниками — так же, как, например, и литературный вечер с участием Скитальца.

8

В интервью, которое в конце 1902 г. Бунин дал в Одессе молодому К. Чуковскому, следующее место заслуживает особого внимания:

Коснулись газетных ошибок и вспомнили о Скитальце.

Про него вот все пишут: босьяк, босьяк. А он никогда босьяком и не был. Он сначала был артистом в малорусской труппе, потом лет десять сотрудничал в самарской газете, потом жил довольно обеспеченной жизнью в Москве, — и никогда ни на какие исключительные положения не претендовал³.

Хотя в газетном тексте второй абзац графически не оформлен как прямая речь (возможно, потому, что сам Чуковский таким образом выражал свое согласие с точкой зрения собеседника, ср. примеч. 30 к № 2), не может быть сомнений в том, что это страстное разоблачение автобиографического мифа Скитальца принадлежит именно Бунину. Дело не только в том, что цитированный отрывок даже чисто стилистически сильно напоминает бунинскую

¹ Чуковский К.И. Наши гости // Одесские новости. 1902. № 5843. 28 декабря. С. 3; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 360; курсив мой. — Д. Р.

² Бунин И. Публицистика. С. 428. Как и в случае с Горьким, отношения Бунина к Художественному театру, да и к театру вообще, были очень сложны, и не в последнюю очередь потому, что многие современники были обязаны своей громкой славой именно постановкам Художественного театра. Точно так же, как и о Горьком, Бунин до и после революции высказывался о Художественном театре и его протagonистах прямо противоположным образом; см., например, позднейшую запись Бунина: «”Великий артист, великий режиссер Станиславский...” Теперь ведь так пишут. А он был глуповат и довольно бездарен» (РАЛ. MS.1066/550); см. также № 16 настоящей публикации.

³ Чуковский К.И. Наши гости // Одесские новости. 1902. № 5844. 29 декабря. С. 3; см. № 2 настоящей публикации.

дикцию; гораздо важнее, что в нем совершенно точно отражено бунинское восприятие Скитальца в качестве сниженного образа Горького, широко тиражировавшегося периодической печатью, и в первую очередь газетами. Скиталец был для Бунина именно вторичным и несопоставимым по степени талантливости и оригинальности двойником Горького, «подмаксимком» *par excellence*, творческое поведение которого не только всегда было явно ориентировано на Горького, но и вся литературная карьера которого была почти исключительно делом рук последнего¹.

Поэтому вполне закономерно, что впоследствии, уже в эмиграции, Бунин будет точно так же разоблачать автобиографический миф Горького, как он в начале века обрушивался на его эпигона:

О Горьком, как это ни удивительно, до сих пор никто не имеет точного представления. Сказочна вообще судьба этого человека. Вот уже целых 35 лет мировой славы, совершенно беспримерной по незаслуженности, основанной на безмерно счастливом для ее носителя стечении не только политических, но и весьма многих других обстоятельств, — например, полной неосведомленности публики в его биографии. <...> Чрезвычайно помогла Горькому и его биография. Но опять: потрудился ли кто-нибудь точно узнать эту биографию? Все знают: «босьяк, поднялся со дна моря народного...» Но никто, кажется, не знает довольно знаменательных строк, напечатанных в словаре Брокгауза <...>²

¹ О роли Горького в литературной судьбе Скитальца см. его мемуарный очерк «Максим Горький» (*Скиталец*. С. 416–478); Горький настаивал и на сохранении газетного псевдонима «Скиталец» в качестве литературного имени: «Псевдоним ни в коем случае изменять нельзя, об этом усиленно прошу. Это очень важно для меня, Петрову безразлично, для всех — тоже безразлично. Пускай, кто хочет, смеется, потом я попытаюсь заставить задуматься над такой штукой, как Скиталец, — не Петров, а вообще скиталец» (М. Горький: Материалы и исследования. Т. 3. М., 1941. С. 44).

² *Бунин И.* Публицистика. С. 327. Отметим, что ссылка Бунина на такой «малоизвестный» источник, как словарь Брокгауза, не прошла ему даром: «Вообще, знания того, о чем никто не знает, Бунин обнаружил бездну. Сенсационнейшее место его чтения относится к Горькому. Мы узнали, что этот бездарный автор “Песни о Соколе”, “Буревестника” и тому подобных омерзительных произведений сразу же произвел на Бунина невыносимо отталкивающее впечатление. Почему Горький снискал себе своим творчеством мировую славу, Бунин отказывается понимать. Он процитировал вот этого “Сокола” и было в самом деле непонятно: люди, что ли, с ума сошли, что читают такую бездарь и восхваляют такую бездарность? Весь мир обманул Горький, но, конечно, его, Бунина, не обманешь. Бунин знает, отчего Горькому удалось обмануть весь мир. Дело в том, что Горький присвоил себе фальшивый паспорт босьяка, перекаати-поле. Этот фальшивый паспорт и помог ему сделать такую головокружительную карьеру. А между тем... А между тем никто не знает, что происхождения Горький отнюдь не пролетарского, а самого что ни на есть буржуазного. Никто не знает, но он, Бунин, знает. Сам читал, в словаре Брокгауза читал. Как это никто до сих пор не разоблачил фальшивку Горького, давая ему беспощинно-безданно наживать громадные проценты литературной славы на свой фальшивый паспорт — Бунин не понимает. Всеобщее затмение умов, за исключением Бунина, без которого наличность этого затмения никем не могла бы быть зарегистрированной...» (*Талин В. И.* <*Португейс С. И.*> Литератор И. А. Бунин об остальных // Числа. 1930. № 2/3. С. 306–307).

Как видно, со Скитальцем Бунин мог себе уже до революции публично позволить то, что по отношению к Горькому для него стало возможным только в эмиграции. Именно в силу того, что Скиталец был явно вторичной литературной фигурой¹, в отличие от Горького ничем не угрожавшей бунинскому авторитету и тому месту в русской литературе, на которое претендовал Бунин, писателю не было нужды детально останавливаться на Скитальце, не говоря уже о том, что никакую былую дружбу с ним Бунину отрицать не приходилось, в то время как его переписка с Горьким, сильно компрометировавшая высказывания Бунина-эмигранта, впервые была опубликована в СССР еще при жизни Бунина², в самый пик популярности лауреата Нобелевской премии. Скиталец так и остался в бунинской публицистике персонажем эпизодическим и второстепенным, с именем которого неизменно связывается один и тот же эпизод³ — совместное участие в музыкально-литературном вечере в пользу переселенцев Челябинского пункта и Общества вспомоществования учащимся женщинам в Москве 12 декабря 1902 г. в Большом зале Московского благородного собрания. Вечер этот окончился скандалом: после чтения Скитальца полиция прервала выступления, газета «Курьер», опубликовавшая сочувственный отчет о вечере и текст стихотворения Скитальца «Гусляр»⁴, была приостановлена, а Леонид Андреев, как официальный устроитель вечера, привлечен к суду. Обращение к воспоминаниям участников этого вечера, к газетам того времени и архивным материалам позволяет не только детально восстановить ход событий, но и довольно четко проследить направленность тех изменений, которые разные авторы вносили в свои воспоминания задним числом.

Сам виновник инцидента, Скиталец, вспоминал об этих событиях следующим образом (повествование ведется в третьем лице):

Образчиком таких вечеров был большой музыкально-вокально-литературный вечер, окончившийся несколько печально благодаря слишком экспансивному поведению собравшейся в огромном количестве публики. <...> Однажды с утра к нему <Скитальцу. — Д. Р.> забежал композитор Сахновский, писавший в «Курьере» музыкально-вокальные рецензии и таким образом немножко примыкавший к литературе. <...> И на этот раз, несмотря на грузность своей атлетической фигуры, Сахновский бомбой влетел к писателю и еще от порога заговорил:

¹ См. в этой связи воспоминания П. Пильского: «Скиталец всегда был курьезен и ничтожен. Одевался как Горький, носил поддевку, высокие сапоги, картуз, вместе с Горьким появлялся в общественных местах и в театре, и его иронически называли “Подмаксимком”. Серьезно к нему никто не относился» (*Пильский П. М. Затуманившийся мир*. Рига, 1929. С. 140–141).

² См.: *Касторский С. М.* Горький и И. Бунин // *М. Горький: Материалы и исследования*. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 383–460.

³ Бунин претендовал также и на авторство остроты о Скитальце как о «тигре из мехового магазина» (см.: *Бунин И.* Публицистика. С. 275; *Пильский П. М.* Затуманившийся мир. Рига, 1929. С. 139–140, 147–148).

⁴ См.: *Курьер*. 1902. № 344. 13 декабря. С. 2–3.

— Енот! Я к тебе по экстренному делу! — «Енот» было его любимым ходовым словечком. — Так что, енот, не сердись! Видал афишу?

— Какую афишу?

— Вот енот! Да ты газет не читаешь? Сегодня в Благородном собрании состоится литературный вечер в пользу Высших курсов с участием знаменитых артистов, а также и всей «Среды»! Ответственным организатором под афишей подписан Леонид Андреев, а в числе почетных распорядителей — я! Будут читать свои произведения Андреев, Телешов, Найденов, Бунин, и, конечно, твое имя также поставлено в программе. <...> В программе просто поставлено «чтение». Что хочешь, то и читай! Но, конечно, рукопись в цензуру представить необходимо. Имей в виду, что участвующих двадцать человек. Выбери какое-нибудь боевое стихотворение покороче. Зато уж на бис надо непременно новое.

— Но у меня нет новых стихов!

— Ах, енот! Неужто так-таки ничего?

— Есть одно, начерно написано.

Поэт показал листок, испещренный пометками.

— Давай сюда! <...>

Вечер заканчивали: оставалось выступление Бунина, Телешова и С<китальца>.

— Боялся я, цензура не пропустит твой новый стих, — отдуваясь, сказал Сахновский, — но устроил так: театральному цензору, еноту, сказал, что стих твой уже разрешен цензурой и завтра выйдет в газете, а в редакцию правильно сообщил, что стих разрешен театральной цензурой. Ну, и в шляпе дело!

— Не вышло бы чего? — возразил поэт.

Но Сахновский только рукой махнул:

— Еноты!

— Боюсь! Брр! — нервничал Иван Бунин, одетый в парадный костюм с какими-то особенными манжетами. — Сейчас мой выход, но столько публики, что страх берет!

— Шесть тысяч человек! — вставил Сахновский.

— Выходи лучше ты, а я после тебя! — попросил Бунин С<китальца>.

— Напрасно боишься, — шутил тот. — Вот посмотри, какие я сорву аплодисменты!

И вышел.

Сначала все шло как по маслу. Поэта встретили дружные аплодисменты. Голос чтеца гремел. Прочитанное коротенькое стихотворение вызвало взрыв несмолкаемых аплодисментов. Публика не отпускала чтеца, требуя «биса».

На бис поэт прочел стихотворение «Гусляр», которое буквально ошеломило публику: раздались не аплодисменты, а оглушительный грохот, от которого, казалось, сотряслись стены Колонного зала. Стук, крик, рев — все слилось в страшный гул двинувшейся куда-то шеститысячной толпы.

А она ринулась к эстраде, на которой давно уже не было чтеца. Происходило что-то небывалое в Благородном собрании, нечто близкое к междоусобию и «беспорядкам».

Ни устроители вечера, ни сам автор и теще никак ничего подобного не ожидали и не учитывали. Никто не предвидел, что у тогдашней публики могло быть такое настроение, что разрешенные цензурой стихи, ничего «политического» в себе не заключающие, могли, однако, подействовать как искра, брошенная в порох.

В зале погасли все люстры за исключением нескольких лампочек. Вошел наряд полиции. Вечер был прекращен.

Наутро, как бы в насмешку, в «Курьере» появились опять те же стихи, которые накануне причинили столько неприятных хлопот московской полиции. Раздраженное и отчасти напуганное градоначальство навсегда закрыло эту, до тех пор вполне лояльную, газету¹.

Версия Скитальца сильно искажает действительный ход событий, причем не только в силу того, что эти воспоминания были написаны им гораздо позднее, а прежде всего потому, что он всячески пытался снять с себя ответственность за возникший скандал и изобразить все случившееся как стечение случайных, не зависевших от него обстоятельств, для чего, в частности, использовал и повествование в третьем лице (остальные мемуарные очерки Скитальца написаны от первого лица).

Как явствует из афиши этого вечера², в литературной его части планировались выступления Л. Андреева (рассказ «Иностранец»), А. Вербицкой (рассказ «Ошибка»), И. Бунина (рассказ «На край света»), Н. Телешова (рассказ «С Богом»), С. Найденова (сцены из неназванной драмы, имелась в виду пьеса «Жильцы»; см. примеч. 13 к № 2) и Скитальца (стихотворения «Гусляр» и «Долго я шел без дороги»). Программа претерпела, однако, некоторые изменения: чтение Вербицкой не состоялось из-за болезни писательницы³, а Телешов читал вместо рассказа «С Богом» «Песнь о трех юношах»⁴. Действительно ли Бунин пропустил Скитальца вперед и сам, таким образом, не выступал вообще на этом вечере, или же чтение рассказа «На край света» в исполнении автора все-таки состоялось, согласно программе — в первом отделении вечера, перед антрактом, решить сегодня трудно, так как в доступных нам газетных отчетах имя Бунина не упоминается. Телешов, вспоминая этот вечер, однако, называет в числе участников и Бунина, читавшего рассказ «На край света»⁵, так что газеты могли и просто не обратить на Бунина внимание: рассказ «На край света», опубликованный в 1895 г., писатель читал до этого на подобных вечерах неоднократно и, таким образом, не мог привлечь внимание публики новизной. К тому же имя Бунина, читал ли он на самом деле или нет, в любом случае затерялось бы среди участников, ибо в центре внимания стояли другие: «Особенно сильные овации достались на долю Л. Андреева и г. Скитальца»⁶.

¹ *Скиталец*. С. 547–549.

² Воспроизведение афиши вечера см.: Литературное наследство. Т. 72. С. 171.

³ См.: На литературно-музыкальном вечере // *Курьер*. 1902. № 344. 13 декабря. С. 3.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ См.: *Телешов Н.* Записки писателя. С. 46.

⁶ На литературно-музыкальном вечере // *Курьер*. 1902. № 344. 13 декабря. С. 2.

Во всех других отношениях фактическая сторона рассказа Скитальца, однако, не выдерживает критики: версия о том, что чтение его якобы только в черновике существовавшего стихотворения «Гусяря» состоялось лишь из-за бесцеремонности Сахновского и его плутовства с театральной цензурой — очевидная выдумка с целью обелить себя. Во-первых, о «Гусяре» было предварительно объявлено на афише, носящей цензурное разрешение от 3 декабря 1902 г., т.е. программа выступлений была утверждена почти за десять дней до вечера. А во-вторых, это стихотворение было предварительно разрешено к публичному чтению попечителем Московского учебного округа, как об этом и было доложено Третьему отделению¹.

Кроме того, все другие источники указывают на иную последовательность прочитанных Скитальцем стихотворений: сначала он прочел «Гусяря», а потом, на бис, «Нет, я не с вами», которое до этого уже было опубликовано в первом томе его «Рассказов и песней», выпущенном «Знанием» в 1902 г., и которое начинается следующим образом: «Нет, я не с вами: своим напрасно / И лицемерно меня зовете. / Я ненавижу глубоко, страстно / Всех вас: вы — жабы в гнилом болоте!» Как можно судить по газетным материалам и воспоминаниям современников, инцидент со Скитальцем не являлся, таким образом, следствием недоразумений и действий третьих лиц, а был результатом провокационного выступления поэта, сознательно решившегося на эпатаж, как это десять лет спустя будут делать и футуристы, которые так же, как и Скиталец, будут использовать в этих целях и внешние атрибуты (в частности, одежду):

Последнего <Скитальца. — Д. Р.> принимали положительно с энтузиазмом. Из-за аплодисментов писатель долго не мог начать чтение своего «Гусяря», печатаемого сегодня в «Курьере»; когда же он прочел его, — то поднялась такая буря восторгов, какую редко проявляет даже наша экспансивная молодежь.

Буря эта превратилась в настоящий ураган, когда г. Скиталец на бис прочел стихотворение, начинавшееся так:

«Нет, я не с вами! Напрасно вы меня своим зовете».

Стены благородного собрания, вероятно, в первый раз слышали такие песни и никогда не видели исполнителя в столь простом костюме, как г. Скиталец. На улице всех исполнителей ждала густая толпа, и г. Скитальцу снова устроили овации².

Довольно курьезны, кстати сказать, разноречивые сведения о численности аудитории в разных источниках: если данные, приводимые Скитальцем («шесть тысяч»), явно завышены, то немножко в другую сторону перестаралась газета «Русское слово», боявшаяся, очевидно, административных

¹ См.: За кулисами охраны: Документы из архива Партии социалистов-революционеров // Былое: Сборник по истории русского освободительного движения. № 14. Париж, 1912. С. 198.

² На литературно-музыкальном вечере // Курьер. 1902. № 344. 13 декабря. С. 2.

кар («Вечер “литераторов” <...> против всякого ожидания, не заинтересовал москвичей. Публики собралось немного»¹), в то время как все очевидцы единодушно говорят о переполненном зале: Третье отделение исходило из цифры 800 присутствовавших², сам Бунин говорил о трехтысячной толпе³.

В эмигрантской публицистике Бунина воспоминания об этом вечере являются лишь маленьким эпизодом в грандиозной картине⁴, рисующей аномалии дореволюционного литературного процесса, на участников которого недвусмысленно возлагается нравственная ответственность не только за дальнейшее развитие русской литературы, но и за те исторические катаклизмы, которые впоследствии потрясли Россию:

Помню один литературный вечер в Московском Благородном собрании. На ту самую эстраду, на которой некогда, в Пушкинские дни, венчали лавровым венком Тургенева, вышел перед трехтысячной толпой Скиталец в черной блузе и огромном белом галстуке а la Кузьма <так!> Прутков, гаркнул на всю залу: «Вы — жабы в гнилом болоте!» — и вся зала буквально застонала, захлебнулась от такого восторга, которого не удостоился даже Достоевский после речи о Пушкине... Сам Скиталец, и то был удивлен и долго не знал потом, что с собой делать. Пошли мы после вечера в Большой Московский, спросил себе Скиталец тарелку шей и тарелку зернистой икры, — ей-Богу, я не шучу, — хлебнул по ложке того и другого, утерся — *и бросил салфетку в щи:*

— «Ну его к черту, не хочу! Уж очень велик аплодисмент сорвал!»⁵

В этих целях Бунин противопоставляет современным писателям целый ряд классических имен: Пушкин, Тургенев, Достоевский и даже Козьма Прутков, который часто фигурирует у Бунина в качестве классического образца обличения и высмеивания российского бахвальства и самодурства. Но, как это нередко бывает у Бунина, несмотря на все однозначные выводы, которые писатель навязывает своим читателям, изумительна точность словесной передачи, которая в данном случае, тридцать лет спустя, никак не может быть объяснена случайным совпадением: так, Бунин в цитированном тексте приводит слова Скитальца: «Уж очень велик *аплодисмент сорвал!*», а сам Скиталец вспоминает собственную реплику Бунину: «Вот посмотри, какие я *сорву аплодисменты!*»

¹ Русское слово. 1902. № 343. 13 декабря. С. 4.

² См.: За кулисами охраны: Документы из архива Партии социалистов-революционеров // Былое: Сборник по истории русского освободительного движения. № 14. Париж, 1912. С. 198.

³ См.: Бунин И. Публицистика. С. 118.

⁴ Ср. также фрагмент из эмигрантского архива Бунина (РАЛ. MS.1066/366), который В.Н. Бунина приводит в своей книге (*Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина*. С. 187–188). Наверху машинописной копии этого текста имеется рукописная помета Бунина: «К Мережковским!».

⁵ Бунин И. Публицистика. С. 118–119; ср.: Там же. С. 428; *Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина*. С. 214, 218.

К началу 1910-х гг., после избрания в почетные академики и с появлением «Деревни» и крестьянских рассказов, когда Бунин наконец-то сам превратился в заметную и самостоятельную фигуру в литературе, представляющую интерес и для широкой публики, его выступления в прессе, в которой он до тех пор в качестве интервьюируемого появлялся только эпизодически, стали учащаться, достигнув своего пика в 1912—1913 гг. При этом и тон бунинских интервью заметно меняется, становясь все более уверенным, авторитетным и даже безапелляционным. Все чаще писатель со страниц газет обрушивается с резкой критикой на писателей-современников, сначала на символистов, позже и на акмеистов, и особенно на футуристов. Если Бунин поначалу довольствовался намеками, для современников, впрочем, совершенно прозрачными¹, и не называл прямо имен тех, против которых была направлена его критика, то с 1913—1914 гг. Бунин сбросил и этот фиговый лист и стал высмеивать и критиковать открыто называемых им по имени современников, как, например, К. Бальмонта, И. Северянина и др. (см., например, № 22 настоящей публикации).

¹ Так, знаменитая речь на юбилее «Русских ведомостей» в 1913 г., благодаря характеристикам и цитатам, которые использовал Бунин, превратилась, по сути, в критику совершенно конкретных лиц, хотя писатель в ней не назвал не одного имени из тех, против кого она была направлена. И именно эти слишком прозрачные намеки и плохо завуалированную персональную критику многие современники ставили Бунину в упрек: «Не называя имен, он <Бунин. — Д. Р.>, однако, слишком очевидно для всех направил острие своего кинжала на вполне определенных лиц. Говоря о том, что “Русские Ведомости” не следовали примеру других газет и не занимались досадной болтовней о частной жизни прибегающих к услугам рекламы писателей, И.А. Бунин ясно для всех намекал на Леонида Андреева. Получил свой удар и Арцыбашев наравне с Вербицкой. Отмечены были и некультурность выпада Горького против Достоевского и “мистические туманы” богостроителей Мережковского и Гиппиус» (*Изгоев <Ланде> А.С. Праздник русской интеллигенции: Письмо из Москвы // Одесский листок. 1913. № 238. 10 октября. С. 2*). В некоторых случаях такие упреки, по-видимому, возымели действие, ибо Бунин при напечатании своей речи в 1915 г. в шестом томе Собрания сочинений (см.: *Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М., 1915. (Приложение к журналу «Нива»).* С. 314—319) и в юбилейном сборнике «Русских ведомостей» (см.: *Пятидесятилетний юбилей газеты «Русские ведомости»: (1863—1913). М., 1915. С. 27—30*) некоторые места исправил. Так, один журналист возмущался, что Бунин в своей речи вспоминал «всеми забытую, давно уже сланную в архив “новую мозговую линию”, когда-то открытую А.Л. Волынским <...> Но, Боже мой, как это было давно и как мимолетно, и неужели у поэта для посрамления уродливости нынешней литературы не нашлось более веского аргумента, чем этот заплесневевший, обросший мохом философский курьез 90-х годов» (*Саддукей <Кара-Мурза С.> Академик // Московская газета. 1913. № 278. 14 октября. С. 3*). И действительно, в газетном отчете о речи Бунина, который по ошибке попал и в девятый том советского собрания сочинений писателя (см.: *Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 528—531*), такая ссылка на Волынского, снятая впоследствии Буниным, имеется: «Он <писатель последних лет. — Д. Р.> попал в струю тех течений, что шли с Запада, и охмелел от них, и внезапно крикнул, что и он декадент, что и он символист, что у него — “новая мозговая линия”, что он требует в искусстве самой коренной ломки всего существующего и самых новейших форм его» (*Русские ведомости. 1913. № 231. 8 октября. С. 4*).

На этом фоне особенно бросается в глаза, что Бунин в то же самое время еще всеми силами пытался сохранить видимость дружеских отношений с Горьким, причем как перед литературной общественностью, так и перед самим Горьким. Характерен, например, эпизод 1913 г., когда московская газета «Утро России» обратилась за разъяснением слухов о скором возвращении Горького в Россию именно к Бунину, считая его «единственным представителем литературной Москвы, с которым Максима Горького связывает многолетняя дружба и переписка»¹, хотя сам Бунин не обладал никакой информацией о намерениях Горького (подробнее см. № 17). Бунин охарактеризовал свои отношения с Горьким в письме к брату в 1911 г. следующим образом:

А что до Красноперого <Горького. — Д. Р.>, то необходимость ходить к нему выбивает из интимной тихой жизни, при которой я только и могу работать, мучиться тем, что совершенно не о чем говорить, а говорить надо, имитировать дружбу, которой нету, — все это так тревожит меня, как я и не ожидал. Да и скверно мы встретились: чувствовало мое сердце, что энтузиазму этой «дружбы» приходит конец, — так оно и оказалось, никогда еще не встречались мы с ним на Капри так сухо и фальшиво, как теперь!²

Бунин, как только представилась возможность, первым делом избавился от зависимости от Горького и издательского товарищества «Знание», не испортив при этом личных отношений с Горьким: в 1910 г., выпустив очередной том своих сочинений не в «Знании», а в издательстве «Общая польза», Бунин одновременно счел нужным публично объявить, что «из «Знания» я не ушел и уходить не думаю»³. При этом возникновение в Петербурге и Москве в 1911–1912 гг. издательств на товарищеских началах Бунин воспринял восторженно и не упускал возможности публично рекламировать «Книгоиздательство писателей в Москве», в пайщики которого он вступил (см., например, № 9, 11, 12 настоящей публикации). Замечательна оговорка Бунина, многое разъясняющая в его мотивах и упованиях на новое издательство: «Как это ни странно, но факт, что материальная зависимость влияет и на психику писателя. Он подчиняется и приспосабливается к характеру издательства, а с тем вместе и к требованиям текущего дня, к его мимолетным злобам. Таким образом, в угоду элементам случайного и скоро преходящего вкуса писатель принужден насиловать свою индивидуальность»⁴. Случаи устранения Буниным таких следов «подчинения» и «приспособления» к характеру издательства при переиздании произведений немедленно обратили на себя внимание критики:

¹ Возвращается ли М. Горький в Россию? // Утро России. 1913. № 154. 5 июля. С. 4; см. № 17 настоящей публикации.

² Цит. по: *Бабореко*. С. 177.

³ *К-ский*. О новой повести И. А. Бунина // Одесский листок. 1910. № 58. 12 марта. С. 3; Новый мир. 1965. № 10. С. 224.

⁴ *С-ов* <Белюсов И. А. ?> Литературная кооперация // Московская газета. 1912. № 190. 14 мая. С. 4; см. № 9 настоящей публикации.

Но так как иная корректурная поправка, сделанная автором, может сказать больше, чем десятки гладко написанных и не требующих исправления страниц, то на указанной авторской правке не мешает остановиться.

Рассказ «Новая дорога» написан в 1901 г., и в первых его изданиях вопрос читался так:

«Какой стране принадлежу я, русский интеллигент-пролетарий, одиноко скитающийся по родным краям?»

В последнем издании (1912 г.) Бунин сократил фразу, и здесь она читается:

«Какой стране принадлежу я, одиноко скитающийся?»

Автор признал неудачной свою попытку самоопределения и исключил ее из нового издания своих старых рассказов.

«Русский интеллигент-пролетарий».

Много лет носил он это звание, — звание, в котором и поныне пребывают наиболее близкие ему по духу писатели-сверстники, и, наконец, отказался от него. Имел ли Бунин право на это звание или он самовольно присвоил его себе?¹

Словосочетание «интеллигентный пролетарий», которое, возможно, генетически восходит к «мыслящему пролетариату» Писарева², было на рубеже веков ходким штампом для (само-)определения работников умственного труда³. С бунинским дворянским апломбом (ср. примеч. 48) оно увязывалось, однако, довольно плохо и являлось, скорее всего, реверансом в сторону Горького и марксистски настроенных кругов⁴, в чем Бунин, конечно, отдавал себе отчет. И лишь в 1912 г., когда том с этим рассказом был переиздан уже не в «Знании», Бунин вычеркнул это выражение.

Тем не менее в 1912—1913 гг. Бунин пытался привлечь и Горького к сотрудничеству в «Книгоиздательстве писателей в Москве». Единственная книга Горького, выпущенная московским издательством, горьковские итальянские «Сказки», появилась там именно благодаря инициативе Бунина, который для этого потратил немало энергии. Первоначально Горький был

¹ *Кранихфельд В.П.* Литературные отклики: И.А. Бунин // Современный мир. 1912. № 11. С. 342—343.

² Ср. как определял «мыслящий пролетариат» сам Писарев: «представител<и> образованной массы, добывающ<ие> себе хлеб разнообразною умственной работою» (*Писарев Д.И.* Сочинения: В 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 529).

³ Ср., например, употребление этого словосочетания у Вл. Немировича-Данченко при отказе принять денежный долг от Саввы Морозова: «Пожалуйста, пусть десять рублей будут за вами; все-таки довольно любопытно, что мне, так сказать, интеллигентному пролетарию, миллионер Морозов состоит должником» (*Немирович-Данченко Вл.И.* Рождение театра: Воспоминания, статьи, заметки, письма. М., 1989. С. 125).

⁴ О журнале «Жизнь», в котором в 1901 г. «Новая дорога» впервые появилась, Горький писал в своем первом письме к Бунину: «Не можете ли Вы, забыв статью Изгоева, прочитать статью Михайловского о “Жизни” и “Начале” и затем принять участие в “Жизни”? В “Жизни” марксисты не столь жестокие, как в “Начале”, — доказательство апрельская книга. Давайте работать в одном органе!» (Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 11).

склонен печатать свои сказки в петербургском «Товарищеском издательстве писателей» (о нем см. примеч. 3 к № 9), куда его звал В. Муйжель¹. Бунин узнал об этом от А. Черемнова², которому Горький писал о своем намерении. К сожалению, нам неизвестно, когда именно Бунин узнал о планах Горького отдать свои сказки в петербургское издательство, так как письма Черемнова к Бунину от 14 и 21 мая 1912 г. не вошли в бунинский том Литературного наследства, а его письмо от 29 мая напечатано с купюрами. Но и из опубликованных материалов явствует, что 30 мая 1912 г. Бунин сообщил Черемнову о нежизнеспособности петербургского издательства³, о чем тот немедленно поставил в известность Горького⁴. Горький в своем ответе поблагодарил Черемнова за это «сведение, очень ценное для меня»⁵.

Как бы то ни было, сообщил ли Бунин Черемнову в конце мая 1912 г. о финансовых трудностях петербургского издательства с расчетом на то, чтобы Горькому это стало известно, или нет, 6 июля Бунин уже сам написал Горькому и взял быка за рога: «Слышу от Александра Сергеевича <Черемнова. — Д.Р.>, что Вы хотели питерскому издательству дать свои итальянские сказки. Как бы рад я был, если бы Вы передумали — дело мало надежное: кто же там остался? А московское, д<олжно> б<ыть>, пойдет»⁶. Горький дал свое согласие, на что Бунин ему ответил: «Сто раз спасибо, что идете к нам. Я, получив Ваше письмо, „заскакал и обрадовался“ и мгновенно сообщил о Ваших „сказках“ Вересаеву и всему нашему „правлению“. <...> Значит, в сентябре и выпустим в свет?»⁷ Интересно сопоставить бунинский ответ, слащавость тона которого настораживает, с письмом Бунина Клестову от 25 августа 1912 г., носящим скорее заговорщицкий характер:

Горькому я уже писал о нашем деле — просто сообщал ему — и прибавил: «Слышал, что хотите питерскому т<оварищест>ву дать „Сказки“ — не лучше ли было предложить московскому?» Вчера письмо от него: *предлагает «Сказки», просит сообщить условия и дать ответ скорей.*

Не сомневаюсь, что и в сборник пойдет с удовольствием. Сообщает, что как раз сейчас пишет вещичку, и прибавляет: «кажется, удачно».

Да ведь надо обо всем этом писать Горькому не нам, а редактору⁸.

В. Вересаев, который тогда занимал должность редактора «Книгоиздательства писателей в Москве», действительно по поручению Бунина незамедлительно связался с Горьким⁹.

¹ См.: Архив А.М. Горького. Т. 7: Письма к писателям и И.П. Ладыжникову. М., 1959. С. 107, 284.

² См.: Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 63.

³ См.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 642.

⁴ См.: Архив А.М. Горького. Т. 7: Письма к писателям и И.П. Ладыжникову. С. 284.

⁵ См. там же. С. 107.

⁶ Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 63.

⁷ Там же. С. 66.

⁸ Цит. по: Вопросы литературы. 1969. № 7. С. 184.

⁹ См.: Архив А.М. Горького. Т. 7: Письма к писателям и И.П. Ладыжникову. С. 284.

Мотивы Бунина для привлечения Горького к сотрудничеству в новом издательстве не следует, однако, искать в том, что Бунин высоко ценил литературные качества его «сказок», хотя, по-видимому, в глаза Горькому Бунин высказывался именно в этом духе; ср. письмо Горького к Е. Пешковой: «Пишу „сказки“, Бунин очень хвалит и Коцюбинский, а я им верю, оба — люди со вкусом»¹. Такая оценка прямо опровергается записью племянника Бунина: «Г<орький> читал нам свои Итальянск<ие> сказки — Ив<ан> А<лексеевич> приходит в бешенство, что он пишет „фрукт“ вместо „фруктов“, „апельсин“ вместо „апельсинов“. Не чувствует р<усского> языка»². Бунин обратился к Горькому, чтобы заручиться его все еще громким именем, которое придало бы новому издательству, придерживавшемуся подчеркнуто антимодернистской позиции, дополнительный вес и авторитет, которых ему явно не хватало. А. Черемнов, например, узнав от Бунина о московском издательстве, высказался довольно скептически: «И что за компания у вас организовалась? Юлия Алексеевича <Бунина. — Д.Р.> я не беру в расчет — он не беллетрист. Телешов и Вересаев — два почтенных имени, но три ласточки <т.е. эти двое вместе с И. Буниным. — Д.Р.> весны не делают. А далее идут у вас все прекрасные незнакомцы, с большими, вероятно, именами на Сивцевом Вражке и Вшивой горке, но далеко не столь популярные за пределами этих мест»³. Это обстоятельство подчеркивал и редактор издательства Вересаев в своем обращении к Горькому: «Мы были бы этому очень рады, и Ваше имя на одной из первых выпущенных нами книг сослужило бы издательству нашему большую службу»⁴.

Надежды Бунина, однако, не сбылись: «Сказки» так и остались единственной книгой Горького в «Книгоиздательстве писателей в Москве», хотя тот сначала не только собирался печататься в первом сборнике «Слово»⁵, но и выпустить другие свои книги в новом издательстве⁶. Когда же возникли разногласия между Буниным и Вересаевым по поводу характера предполагаемых сборников (подробнее см. примеч. 10 к № 9), Горький недвусмысленно встал на точку зрения последнего и взял свое обещание вступить в пайщики издательства назад⁷. Сам Горький, по-видимому, хорошо понимал, что Бунин, который больше всех хлопотал о привлечении его в новое издательство, вел с ним двойную игру, на что он и жаловался И. Ладыжникову: «Относительно Т<оварищества> писа-издателей: они от меня скрыли, что Клестов у них, хотя И.А. Бунин знает мое отношение к этому человеку»⁸. Это, безусловно, осознал и Бунин, который писал Клестову 23 июля 1913 г.: «Конечно, у Горького тоже есть материал для новых томов, и из-

¹ Архив А.М. Горького. Т. 9: Письма к Е.П. Пешковой 1906–1932. М., 1966. С. 131.

² ОГЛМТ. Ф. 14. № 7456/2 оф. Л.41 об.

³ Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 640.

⁴ Архив А. М. Горького. Т. 7: Письма к писателям и И.П. Ладыжникову. С. 284.

⁵ См.: Переписка А. М. Горького и И. А. Бунина. С. 68.

⁶ См.: Архив А.М. Горького. Т. 7: Письма к писателям и И.П. Ладыжникову. С. 114.

⁷ Там же. С. 115.

⁸ Там же. С. 208.

дать их было бы особенно важно теперь — думаю, что он-таки приедет осенью в Россию. Но опять-таки — Горький сам не будет кланяться. А я писать не стану, не желаю опять нарваться на скандал»¹.

В период Первой мировой войны Горький и Бунин в последний раз сотрудничали в одном литературном органе, в петроградском журнале «Летопись». Если их оценка текущего момента, на фоне того патриотического психоза, который охватил страну, в какой-то мере совпадала и оба они смотрели в будущее далеко не оптимистически, то от их близких личных отношений осталась одна лишь видимость, которую они пытались поддерживать до окончательного разрыва в 1917 г. друг перед другом, но вряд ли сами перед собой. Горький писал Бунину 24 февраля 1916 г.:

Вы только знайте, что Ваши стихи, Ваша проза — для «Летописи» и для меня — праздник. Это не пустое слово. Я Вас люблю — не смейтесь, пожалуйста. Я люблю читать Ваши вещи, думать и говорить о Вас. В моей очень светлой и очень тяжелой жизни Вы — м<ожет> б<ыть>, и даже на верное — самое лучшее, самое значительное. Знали бы Вы, с каким трепетом читал я «Человека из С<ан>-Ф<ранциско>», с каким восторгом вот эти стихи. Ведь Вы для меня великий поэт, первый поэт наших дней².

Реакция Бунина на это письмо известна по записи его племянника:

Нынче И<ван> А<лексеевич> получил письмо от Горького. Г<орький> пишет, что читал «Человека из С<ан>-Франциско» с трепетом восторга. И<ван> А<лексеевич> сказал: «Он всех читает с трепетом восторга. И И. Вольного, и Чапыгина, и Подьячева! Обо всех он как-то говорит одним и тем же тоном, как будто они величины равные. И Лев Толстой, и Иван Вольный!.. Читал „с трепетом“, а даже путает название!»³

Горький как человек, писатель и общественный деятель навсегда остался для Бунина открытой раной, о чем свидетельствуют не только вся эмигрантская публицистика и мемуаристика писателя, но и многочисленные бунинские записи, даже самых последних месяцев и недель, в которых он постоянно возвращался к тем больным местам и неразрешенным вопросам своей жизни, которые мучили его больше всего и не давали ему покоя до самой смерти. Ибо Бунин прекрасно понимал, что оценка его собственного творчества, его места в русской литературе и даже его личности будет для потомства неразрывно связана с фигурой Максима Горького. В ночь с 17 на 18 августа 1953 г. Бунин записал:

«Песни мстителя» Бальмонта, нечто несказанное по буйному кретинизму, по низости самого низкого мерзавца и подхалима, <перед> я про-

¹ Цит. по: Вопросы литературы. 1969. № 7. С. 186.

² Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 85.

³ ОГЛМТ. Ф. 14. № 7456/5 оф. Л. 45.

чел только недавно — лет пять тому назад, здесь, в Париже. Знай я эти «Песни» раньше, <при жизни Бальмонта,> я бы никогда на порог <его> к себе не пустил Бальмонта ни в России, ни в эмиграции.

А Горький? И о нем я узнал многое, многое только теперь¹.

10

Бунин виртуозно использовал свои выступления в периодической печати, чтобы создать себе определенную литературную репутацию. Если до революции писатель предпочитал в этих целях жанр газетного интервью, то в эмиграции ведущим жанром бунинской публицистики станет газетный фельетон, сменившийся впоследствии мемуарным очерком. Подспудной мотивацией, общим источником, питавшим и дореволюционную, и эмигрантскую публицистику писателя, являлось недовольство Бунина расхожими мнениями о нем и его творчестве, разделявшимися большинством читательской аудитории. Поэтому выступления Бунина в периодической печати и пропитаны так часто агрессивным, отрицательным пафосом и носят ярко выраженный полемический характер. Годы изгнания с особенной силой и наглядностью обнаружили эту черту бунинской публицистики, которая, за исключением самых первых лет эмиграции, была посвящена почти исключительно дореволюционным событиям. Это и понятно, ибо первую волну русских эмигрантов роднили прежде всего их исторический опыт и общее прошлое, которое было оборвано и аннулировано революцией. А так как любая революция является в первую очередь тотальным отрицанием коллективного прошлого во имя утопического будущего, это прошлое — по обе стороны баррикад — приобретает исключительный, по сути дела, сакральный статус и неизбежно занимает центральное место в дискурсе и победителей, и «бывших людей».

Поэтому изучение эмигрантского периода жизни и творчества Бунина неизменно заставляет обращаться к дореволюционным текстам и к дореволюционному контексту, тем более что в эмигрантских текстах Бунина дореволюционный субстрат нередко присутствует в закодированном виде. Так, в 1911 г. Виктор Муйжель откликнулся на бунинскую «Деревню» серией статей, озаглавленной «На господском положении»². Сопоставляя произведение Бунина с нашумевшим романом И. Родионова «Наше преступление», Муйжель утверждал, что и Бунин, и Родионов, несмотря на то что первый из них — бывший знаньевец, а другой — откровенный реакционер, одинаково ложно изображают деревню, ибо оба они — брезгливые бары, не знающие и не желающие узнать правду о мужике. О Бунине Муйжель, в частности, писал:

Прежде всего, книга эта ошибочно называется «Деревней». Деревни, в прямом и точном значении этого слова, тут нет. Нет ее внутренней, —

¹ РАЛ. MS.1066/594.

² См.: Муйжель В.В. Деревенские заметки: «На господском положении» // Живое слово. 1911. № 9. 2 мая. С. 1; № 10. 9 мая. С. 1; № 11. 16 мая. С. 2.

боюсь сказать, что нет и внешней даже, — жизни, нет характера ее своеобразных взаимоотношений, — есть только отношение ее и к ней мира внешнего, недеревенского... <...> И не мчался ли другой <т.е. Бунин. — Д.Р.> в сверкающих электрическим светом вагонах экспресса по Курской или Орловской губ<ерниям> <...> Он не был в деревне. Не из приема письма, где все проходит сквозь призму двух мещан — лавочника Тихона и его брата Кузьмы, это видно, а из того, что в книге, названной автором «Деревней», нет деревни, нет ее сложных, глубоких взаимоотношений, нет корня, которым так глубоко и прочно сидит она в земле¹.

К этой рецензии Муйжеля Бунин, претендовавший как раз на подлинное знание и объективное изображение деревни, постоянно возвращался, никогда не называя при этом автора по имени. Так, в газетном интервью 1911 г. Бунин жаловался на несправедливые упреки критики, недвусмысленно отсылая к цитированной рецензии Муйжеля:

Некоторые критики упрекали меня, будто я не знаю деревни, что я не касаюсь взаимоотношений мужика и барина и т.д.

В деревне прошла моя жизнь, следовательно, я имею возможность видеть ее своими глазами на месте, а не из окна экспресса...²

Совершенно неожиданным образом, пародийно обыгрывая нападки Муйжеля сорокалетней давности, писатель возвращается к образу столичного экспресса, «московского поезда» в своих позднейших «Воспоминаниях»: это Воронеж Бунин видел лишь «из окна экспресса», а не русскую деревню; в деревне Бунин бывал не только проездом, русскую деревню Бунин знал досконально, ибо в ней он вырос:

Я родился в Воронеже, прожил в нем целых три года, и, кроме того, провел однажды целую ночь, но Воронеж мне совсем неизвестен, ибо в ту ночь, что провел я в нем, я его не мог видеть: приглашен был воронежским студенческим землячеством читать на благотворительном вечере в пользу этого землячества, приехал в темные зимние сумерки, в метель, на вокзале был встречен с шампанским, немало угощался и на вечере и перед рассветом был снова отвезен на вокзал к московскому поезду уже совсем хмельной. А те три года, что я прожил в Воронеже, были моим младенчеством.

Из Воронежа родители увезли меня в свое орловское имение. Вот с этой поры я и начинаю помнить себя. Там прошло мое детство, отрочество³.

¹ Муйжель В. В. Деревенские заметки: «На господском положении» // Живое слово. 1911. № 10. 9 мая. С. 1.

² У академика И. А. Бунина: (Беседа) // Московская весть. 1911. № 3. 12 сентября. С. 4; Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 536; ср. также № 10 настоящей публикации.

³ Бунин И. А. Воспоминания. Париж, 1950. С. 9.

Ввиду полемического запала бунинских интервью, в которых писатель опровергал несправедливые, на его взгляд, упреки и пытался оказывать влияние на литературную критику, кажется вполне закономерным и логичным тот факт, что Бунин в конце концов просто модифицировал правила игры и выбрал себе еще более подходящую жанровую разновидность: автоинтервью, в которых он не только мог отвечать, но и сам себе задавать вопросы. Два образца этого жанра, от первого до последнего слова написанные и потом тщательно исправленные самим Буниным, приводит А. Бахрах в своей книге¹:

У И.А. Бунина

Иван Алексеевич встретил <нас> как всегда приветливо и на вопрос, как он себя чувствует теперь, после тяжелой болезни, перенесенной им в конце лета, ответил бодро:

— Ничего, теперь, слава Богу, поправился. А то совсем было помирал и очень досадовал, думал: сколько еще интересного будет впереди, конгрессы, забастовки, войны, — а ты помрешь и ничего не будешь знать, потому что в Сент-Женевьев дю Буа всегда все мирно, спокойно, радио нет, соседи-покойники неразговорчивы... Теперь, как видите, опять затеял вечер. Давно ли, кажется, был мой вечер прошлогодний, а вот уже опять октябрь и день моего рождения! Невольно вспомнишь мудрую строчку поэтессы Присмановой: «Зачем так быстро время воду возит!».

— Вы, И<ван> А<лексеевич>, будете читать свои литературные воспоминания?

— Да, кое-что автобиографическое. Ведь 23 октября есть день моего рождения, вот я и решил угостить всех тех, кого приглашаю в этот день к 9 часам вечера в Русское Музыкальное общество, 26, авеню Нью-Йорк, угостить отрывочными рассказами о своей писательской жизни, за невозможностью приветствовать их шампанским. Чем богат, тем и рад, как говорится. А ведь все мое богатство состоит теперь только в воспоминаниях <...>²

Это богатство, однако, и тяготило своего владельца. Ибо, как писал Дон-Аминадо, «если, вызвав из огорченной, нелицемерной памяти эти отрывки воспоминаний, делишься ими вслух, то, вероятно, как говорит Бунин, в силу потребности рассказать их по-своему»³.

* * *

Во всех публикуемых и процитированных текстах старая орфография заменена на новую, пунктуация приближена к современной норме. Написание имен собственных унифицировано. Исправления явных опечаток или описок не оговариваются. Фактические ошибки и стилистические особен-

¹ См.: Бахрах А.В. Бунин в халате: По памяти, по записям. Bayville, 1979. С. 164–167.

² Там же. С. 166–167.

³ Дон-Аминадо. Указ. соч. С. 505.

ности публикуемых текстов оставлены без изменений. Все способы графического выделения текста (курсив, разрядка, подчеркивание и т.п.) воспроизводятся унифицированно *курсивом*. Остальные редакционные изменения или добавления (раскрытие сокращенных слов, обозначение фактических ошибок и т.д.) даются в угловых скобках. Все даты до 1 февраля 1918 г. указаны по старому стилю.

Чтобы не перегружать научный аппарат общедоступной информацией, пришлось отказаться от включения биографических справок об упоминаемых в публикуемых текстах лицах, кроме наименее известных широкому кругу читателей. В единичных случаях указана дополнительная справочная литература.

Автор сердечно благодарит указанные в примечаниях учреждения за предоставление доступа к публикуемым и цитируемым материалам. За ценные указания и библиографическую поддержку я глубоко признателен И. Бочаровой (Москва), Т. Прыткиной (Санкт-Петербург), L. Pitman (London).

Эта публикация не вышла бы в свет без помощи и поддержки, которую мне на всех стадиях подготовки текстов к печати и работы над комментариями компетентно и терпеливо оказывали R. Davies (Leeds) и N. Riniker (Praha).

На днях Киев посетил и выступил чтецом на студенческом вечере¹ один из молодых, довольно видных писателей нашего времени, принадлежащий к литературной группе, в рядах которой числятся: Ан. Чехов, М. Горький, Л. Андреев, Скиталец — И.А. Бунин, автор целого ряда рассказов и стихотворений, помещавшихся на страницах лучших наших журналов².

Воспользовавшись кратковременным пребыванием поэта в Киеве, мы поинтересовались узнать его взгляды на современные литературные вопросы и с этой целью решили, как говорится, «проинтервьюировать» петербургского <так!> гостя.

В 5 часов вечера, в воскресенье³, мы были у поэта, в квартире проф. И.В. Луцицкого⁴. И.А. Бунин пригласил нас в кабинет. Заняв места, мы приготовились к «атаке». Начался разговор с шаблонных вопросов: откуда писатель прибыл, сколько раз был в Киеве, как ему нравится город⁵.

— Я только что из Москвы; виделся там с Горьким⁶ и получил от него приглашение посетить его в Нижнем Новгороде⁷, куда автор «Мещан» скоро уезжает⁸.

И разговор завязался о Горьком.

— Да вам, вероятно, неизвестно о декламаторском таланте нашего писателя, — сказал г. Бунин. — Мы и сами не предполагали его до чтения пьесы «На дне», которую Горький лично прочел в одном из наших литературных собраний⁹. Таких собраний у нас несколько¹⁰, и одни из них — «понедельники»¹¹ — происходят у Леонида Андреева. Там собирается весь наш кружок, в том числе и Шаляпин¹². Сюда впервые Горький привез свою рукопись и заявил себя весьма талантливым чтецом.

— А скажите, Иван Алексеевич, как вам нравятся «Мещане» и чем объясняется неудовлетворенность автора постановкой пьесы на московской сцене¹³?

— Что касается меня лично, то «Мещан» я нахожу пьесой замечательной, умной, интересной. А вот большая публика, так та меня поражает своей странностью: она способна 5 часов сряду слушать музыку, а посмотреть серьезную пьесу у нее терпения не хватает. Так и «Микаэль Крамер» провалился¹⁴. На этот же раз, при первой постановке пьесы, публика вдобавок была так взвинчена слухами об архихудожественной отделке нового театра, что ожидала чего-то особенного от этого первого спектакля, к которому и предъявила чрезмерные требования¹⁵. Зато «На дне», могу предсказать, будет иметь успех несомненный¹⁶.

— Скоро ли появится в печати эта пьеса?

— Да, скоро, очень скоро. Уже готовы даже обложки книги. Выйдет пьеса в одной книге с «Мещанами» и составит, таким образом, 6-й том сочинений Горького¹⁷.

Далее разговор зашел о близком Горькому лице, г. Шаляпине.

— Возмущаются, — заметил Иван Алексеевич, — тем, что Шаляпин назначил огромные цены на свой бенефис¹⁸. А того не хотят знать, сколько благотворительствует этот артист. Да и цены высоки только на первые ряды и ложи¹⁹, так как Шаляпин знает, что посетители этих мест — гг. Карзинкины, Морозовы²⁰ — вышвыривают деньги.

— Скажите, Иван Алексеевич, как Л. Андреев, что его здоровье, почему он не был в Киеве на студенческом вечере?

— Андреев чувствует некоторое недомогание²¹. Впрочем, ведь обещание свое он отчасти выполнил: прислал рассказ «Иностранец», который и был прочитан артистом Булатовым²² на вечере. Вы слышали, знаете этот рассказ?

— Да.

— «Иностранец» скоро появится в печати. Кажется, в декабрьской книжке «Русского богатства»²³.

Печатается по: С-ков. У И.А. Бунина: (Интервью) // Киевская газета. 1902. № 328. 27 ноября. С. 3.

На сегодняшний день это самое раннее из выявленных интервью Бунина.

¹ 23 ноября 1902 г. в зале Купеческого собрания в Киеве состоялся студенческий вечер в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира. Согласно газетному отчету, «гвоздем вечера» было чтение нового рассказа Л. Андреева «Иностранец»; далее было отмечено, что «довольно популярный поэт Бунин прочел несколько своих стихотворений, вызвав единодушный восторг публики» (Студенческий вечер // Киевская газета. 1902. № 326. 25 ноября. С. 2).

² К этому времени, помимо многочисленных журнальных и газетных публикаций и отдельных изданий перевода «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло, Бунин выпустил уже целый ряд сборников оригинальных произведений: Стихотворения 1887–1891 гг. Орел, 1891 (Приложение к газете «Орловский вестник»); «На край

света» и другие рассказы. СПб., 1897; На край света. Кастрюк: Рассказы. СПб., 1897 (Народная и детская библиотека); Под открытым небом: Стихотворения. М., 1898 (Библиотека «Детского чтения»); Стихи и рассказы. М., 1900 (Библиотека «Детского чтения»); Листопад: Стихотворения. М., 1901; Полевые цветы: Сборник стихотворений и рассказов для юношества. М., 1901; Велга: Северная легенда. М., 1901; Рассказы. Т. 1. СПб., 1902; Новые стихотворения. М., 1902.

³ Т.е. 24 ноября 1902 г.

⁴ Лучицкий Иван Васильевич (1845—1918) — историк, либеральный политический деятель. Один из редакторов «Сборника в пользу недостаточных студентов университета св. Владимира», изданного в 1895 г. в Петербурге.

⁵ См. в этой связи письмо Бунина А.М. Федорову 1897 г.: «Похлопочите насчет Киева. Клянусь Вам, нет лучше города на земле! Люди, кажется, дрянь, но сам город, — нечто упоительно милое и изящное» (*Бунин И. Письма 1885—1904*. С. 238).

⁶ В ноябре 1902 г. Бунин часто встречался с Горьким в Москве. Так, 5 ноября Бунин и Горький присутствовали на премьере «Власти тьмы» Л.Н. Толстого в Художественном театре (см.: ЛЖТ. Вып. 1. С. 410; *Бабореко*. С. 86); ср. также дневниковую запись В. Брюсова: «Юргис Балтрушайтис был в понедельник у Андреева. Там были все великие: Скиталец, Горький, Шалапин, Бунин etc...» (*Брюсов В.Я. Дневники 1891—1910*. М., 1927. (Записи прошлого). С. 123).

⁷ Бунин воспользовался этим приглашением лишь в следующем году; он посетил Горького в Нижнем Новгороде, по-видимому, в конце мая (см.: *Бунин И. Письма 1885—1904*. С. 427—428) и в октябре 1903 г. (см.: *Бабореко*. С. 91).

⁸ Горький вернулся в Нижний Новгород 6 декабря 1902 г.; 11 декабря он отправился обратно в Москву (см.: ЛЖТ. Вып. 1. С. 416—417).

⁹ Чтение «На дне» в исполнении автора состоялось 29 сентября 1902 г. на квартире у Леонида Андреева в Москве; см. записку Л. Андреева Бунину того же дня: «Приехал Максимыч и сегодня вечером читает у меня свою драму. Приходи обязательнейше и скажи о том же Юлию <старшему брату Бунина, Ю.А. Бунину. — Д.Р.>. Будет Шалапин!» (Литературное наследство. Т. 72. С. 498; см. также: *Телешов Н. Записки писателя*. С. 102—103; *Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина*. С. 211).

Вопреки утверждениям некоторых мемуаристов, это не было первым публичным чтением пьесы «На дне»: впервые Горький читал свою пьесу 6 сентября 1902 г. в помещении Общества любителей искусства и литературы в Москве перед артистами Художественного театра (см.: ЛЖТ. Вып. 1. С. 398—399).

¹⁰ На рубеже веков Бунин принимал активное участие в литературной жизни Москвы, Одессы и Санкт-Петербурга, посещая литературные и художественные кружки самых разных направлений.

Говоря о литературных собраниях, Бунин, несомненно, в первую очередь имел в виду заседания московской литературной «Среды» (1899—1916), происходившие в то время в доме писателя Н.Д. Телешова (см., например: *Телешов Н. Записки писателя*. С. 23—24, 37—69 и др.; *Белоусов И. Ушедшая Москва*. С. 232—248 и др.; *Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина*. С. 184—187; *Белый А. Начало века*. М., 1990. (Литературные воспоминания). С. 402—404; *Вересаев В. Собр. соч.* Т. 4. С. 438—439, 470; Т. 5. С. 398—400; *Зайцев Б. Собр. соч.* Т. 6. С. 24, 39, 50; *Скиталец*. С. 540—551). В письме Шалапину от 13 ноября 1901 г. Бунин так характеризовал собрания «Среды»: «Дорогой Федор Иванович, позволь тебе напомнить, по общей просьбе моих товарищей, к которой, конечно, от всей души присоединяюсь и я, — о твоём обещании посетить наш *завтрашний* вечер. Мы, т.е. небольшая компания пишущих, собираемся так еженедельно (по средам) на квартире Ник<олая> Дмитр<иевича> Телешова (Чистые пруды, дом Терехова) для небольших чтений, разговоров и скромной выпивки, и все будем чрезвычайно рады тебе» (*Бунин И. Письма 1885—1904*. С. 392); см. также примеч. 10 к № 11.

Кроме того, в Москве Бунин в то время бывал и в Литературно-художественном кружке (о нем см., например: *Телешов Н. Записки писателя*. С. 24—33; *Зайцев Б. Собр. соч.* Т. 6. С. 36—41; *Белый А. Указ. соч.* С. 231—239; *Вересаев В. Собр. соч.* Т. 4.

С. 349—355), на вечерах в доме Рыбаковых, «где собирались “декаденты” и “декадентки”, с Бальмонтом во главе» (*Муромцева-Булнина В. Жизнь Бунина. С. 211*; см. также мемуарный очерк Б. Зайцева «Молодость — Иван Бунин»; *Зайцев Б. Собр. соч. Т. 6. С. 45—46*), на литературных вечерах у Брюсова, на редакционных «вторниках» издательства «Скорпион» (см.: *Брюсов В.Я. Указ. соч. С. 59, 90, 106*) и др.

¹¹ На «понедельники» Леонид Андреев приглашал наиболее близких себе по литературно-эстетическим взглядам писателей-участников «Среды», которая к тому времени представляла уже довольно многолюдное и внутренне разнородное литературное объединение.

Исследователи по-разному датируют возникновение андреевских «понедельников»: А. Нинов, ссылаясь на неопубликованные воспоминания Ю.А. Бунина, приурочивает их к сезону 1901/02 г. (см.: *Нинев А. М. Горький и Ив. Бунин. С. 149*), а В. Шакуров, опираясь на письмо И. А. Белоусова к Е. П. Гославскому от 9 октября 1902 г., к 1902/03 г. (см.: *Шакуров В.А. Леонид Андреев и «Среда» // Романтизм: (Теория, история, критика). Казань, 1976. С. 169*).

¹² Присутствие певца на литературном вечере у Л. Андреева 11 ноября 1902 г. указано предположительно в «Летописи жизни и творчества Ф.И. Шаляпина» (см.: *Летопись жизни и творчества Ф.И. Шаляпина: В 2 кн. 2-е изд., доп. Кн. 1: 1873—1909. М., 1988. С. 231*).

¹³ Горький не раз называл «Мещан» скучной пьесой и в частной переписке — см., например, письма Л. Андрееву (*Литературное наследство. Т. 72. С. 162*) и К. Пятницкому (*Горький М. Собр. соч. Т. 28. С. 272*), — и публично; об исполнении Художественного театра, однако, он отзывался положительно: «<“>по-моему, скучища страшная. Я был на репетиции — тоска. Высидеть трудно”. <...> При этом Горький признает, что исполнение артистами Художественного театра превосходно» (*Соломин С. <Стецкий С.Я.> М. Горький о «Мещанах» М. Горького // Биржевые ведомости. 1902. № 297. 31 октября. С. 2*).

¹⁴ Премьера пьесы Г. Гауптмана «Микаэль Крамер» в Художественном театре состоялась 27 октября 1901 г. Газетные рецензии были довольно сдержанны: «“Микаэль Крамер” по самому своему существу вряд ли способен иметь в театре шумный успех. <...> Говорили, что К.С. Станиславский, сделавший чудо в “Штокмане”, делает в “Крамере” второе чудо, и сулили триумф. Этого не получилось вчера. Был успех, приличный, достаточный, может быть, — даже прочный. Но ничего общего с той восторженной бурей, какую не раз видел зрительный зал Художественного театра» (*Новости дня. 1901. № 6601. 28 октября. С. 2*).

¹⁵ Первый сезон Художественного театра в Камергерском переулке, в собственном помещении, перестроенном на средства С.Т. Морозова и оформленном по проекту Ф.О. Шехтеля, открылся 25 октября 1902 г. московской премьерой «Мещан». Критика отзывалась о спектакле разочарованно: «Художественный театр открылся вчера очень торжественно, но не очень успешно.

Для тройного торжества — дебюта Горького, новоселья и начала сезона — энтузиазма и шума не хватило. Был только скромный, так называемый “средний” успех. И рукоплескали больше вообще, за прошлые заслуги, чем за данный спектакль. Это чувствовалось. <...> Зрительная зала была заметно разочарована. Даже самые непреклонные поклонники этого театра в антрактах несколько смущенно улыбались, восторгались робко и хвалили с оговорками. Все ждали большего. Ждали от союза Художественного театра с пьесой Максима Горького впечатлений ослепительно ярких и захватывающе сильных. Их не было. Моментами прокрадывался злейший враг спектакля — тягучая скука. Сцена переставала, как в 3-м акте, владеть залом; внимание впадало в дрему. <...> На сцене пьеса Горького показалась менее интересной, чем при первом знакомстве с нею через книгу. Она побледнела содержанием, сузилась в своем общем большом смысле, который выходит далеко за рамки “мещанского жанра”, а здесь был в них замкнут крепко-накрепко. То, что в “Мещанах” сильнее всего, что дало им тьму поклонников, эти мощные звуки настраивающейся жизни — звучали слабо, глушимые деталями жанра, иногда от-

личными, правдивыми, иногда утрированными или мелочными, иногда — и лживыми или неприятными. И нужного впечатления не было. Аккорд не прозвучал и не отдался в сердцах» (В Художественном театре // Новости дня. 1902. № 6962. 26 октября. С. 2).

¹⁶ Премьера «На дне» в Художественном театре состоялась 18 декабря 1902 г. Предсказание Бунина оправдалось вполне: «Художественный театр пережил вчера один из прекраснейших своих вечеров. Он навсегда останется золотой строкою в летописи этого театра.

Пьеса Максима Горького имела успех, для обозначения размеров которого приходится употреблять самые сильные выражения. Успех колоссальный, совершенно исключительный. И его одинаково заслужили и самая пьеса, и ее сценическое воплощение.

Конечно, громадная популярность автора не осталась без доли влияния, придала успеху особенную яркость. И когда, после первого же действия, показавшись на подмостках Горький, зрительная зала встретила своего любимца беспримерною овацией. И каждое появление автора на сцене вызывало эту восторженную бурю, все нарастающую в силе. А Горький, одетый в свой обычный костюм, стоял перед воспламененною толпою смущенный, робкий, с растерянною улыбкою, с растерянными глазами, нервно подергивая руками, нервно поправляя падающие на лоб пряди русых волос, стараясь уйти поскорее с этих тысяч впивающихся в него глаз. Особенно сильны были овации после 3-го акта, когда актеры отошли назад и оставили автора одного на авансцене, и по окончании спектакля. Десятки раз раздвигался занавес, и стон стоял в зале, не желавшей расхотиться. <...> Давно уже не приходило сидеть в Художественном театре с таким большим удовольствием, с таким неомраченным художественным удовлетворением. И если у “Мешан” театр многое отнял, то “Дну” многое прибавил, и Горькому уже не придется любезно брать на себя чужую вину...» (Новости дня. 1902. № 7016. 19 декабря. С. 3–4).

Бунин поделился свежими впечатлениями о премьере горьковской пьесы в интервью Корнею Чуковскому (см. № 2 настоящей публикации): «“Дно” нравится автору гораздо больше, чем “Мещане”, он вообще возлагает на свою новую пьесу большие надежды, так что овации приняты были им как нечто “в порядке вещей”, сам он после постановки пьесы был сумрачен, печален и замкнут, хотя исполнение очаровало его. Ничего художественнее нельзя себе представить. Артисты превзошли самих себя. Особенно хорош был Москвин в роли “странника”» (*Чуковский К. И. Наши гости // Одесские новости. 1902. № 5843. 28 декабря. С. 3; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 360; Чуковский К. Собр. соч. Т. 6. С. 289*). Подробнее см. предисловие к настоящей публикации.

¹⁷ Шестой том Собрания сочинений Горького издательства «Знание», содержащий пьесы «Мещане» и «На дне», вышел лишь в сентябре 1903 г.. Утверждение Бунина о том, что обложки этого тома были готовы уже в ноябре 1902 г., позволяет предположить, что «Знание» специально задержало его выпуск, чтобы не повредить коммерческому успеху отдельных изданий «На дне», которые вышли в декабре 1902 г. за границей и в январе 1903 г. в России (*Горький М. На дне жизни: Картины. Четыре акта. Мюнхен, 1902; Горький М. На дне: Картины. Четыре акта. СПб., 1903*).

¹⁸ 3 декабря 1902 г. на сцене Большого театра в Москве в бенефис Шаляпина шла опера А. Бойто «Мефистофель» (см.: *Летопись жизни и творчества Ф. И. Шаляпина. Кн. 1. С. 233–234*). После спектакля писатели преподнесли певцу приветственный адрес, подписанный Л. Андреевым, Буниным, Горьким, Скитальцем, Телешовым, Чириковым и др. (*Бунин И. Письма 1885–1904. С. 454–455; воспроизведение адреса см.: Литературное наследство. Т. 72. С. 167*), а поклонники — множество подарков, среди которых, как отмечали газеты, была и «шкатулка с двумя грандиозными флаконами новых духов под названием “Шаляпин”» (Бенефис Ф.И. Шаляпина // Русское слово. 1902. № 334. 4 декабря. С. 3).

Высокие цены на бенефис Шаляпина горячо обсуждались в прессе: «Вокруг шаляпинского бенефиса было поднято слишком много шума, к существу самого

художественного праздника имеющего очень мало отношения. Непомерно взвинченные цены, загородившие вход на праздник тем, у кого не водятся бешеных денег; газетная возня с этими сверхценами, психопатические негодования по поводу упреков за них, кликушеские выкрики “*poli tangere!*” <“не трогать!” — *лат.*> <...> Все это окружило бенефис Ф.И. Шалапина малосимпатичною атмосферою. Досадный звон торжища на торжестве искусства» (Сегодняшнее торжество // *Новости дня*. 1902. № 7000. 3 декабря. С. 3).

Скиталец, вспоминая шалапинский бенефис, приводит в своих мемуарах куплеты, которые распевались тогда в Москве от имени Шалапина:

Я на первый бенефис
Сто рублей за вход назначил,
Москвичей я одурачил:
Деньги все ко мне стеклись!
Мой великий друг Максим
Заседал в бесплатной ложе,
“Полугорьких” двое тоже
Заседали вместе с ним! (*Скиталец*. С. 604).

Под «полугорькими» подразумевались, очевидно, Скиталец и Л. Андреев (см.: *Литературное наследство*. Т. 72. С. 164; по поводу ложи Горького см. также письмо О.Л. Книппер-Чеховой А.П. Чехову от 4 декабря 1902 г. и его ответ от 9 декабря: Ольга Леонардовна Книппер-Чехова: В 2 ч. Ч. 1. М., 1972. С. 137–138, 143).

¹⁹ Ср.: «Афиша на бенефис Ф. И. Шалапина вышла с анонсом о том, что “все билеты проданы”. Между прочим, афиша дает некоторый материал и для толков относительно цен. Цены на ложи бенуара и бельэтажа возвышены в десять раз против обычно возвышенных оперных цен в Большом театре; ложи 2-го яруса — в пять раз; на ложи остальных ярусов — в четыре и три раза. Цена кресел ближайших рядов возвышена в четыре раза, дальнейших рядов — в три раза. Равно в три раза возвышены цены и всех остальных мест, только цена на задние места галереи возвышена в два раза против обычно возвышенных цен. <...> При указанной расценке сбор должен достигнуть 15 тыс. руб.» (*Новости дня*. 1902. № 6990. 23 ноября. С. 3).

²⁰ Бунин называет представителей крупных торгово-промышленных и купеческих династий — Савву и Сергея Тимофеевичей Морозовых и Александра Андреевича Карзинкина, известных мещанов дореволюционной России.

Карзинкин вместе с Н.Д. Телешовым, женатым на сестре Карзинкина, Елене Андреевне, принимал деятельное участие в издании бунинского сборника «Новых стихотворений», вышедшего ранее, в 1902 г., в Москве (см. переписку Бунина с Телешовым: *Литературное наследство*. Т. 84. Кн. 1. С. 534–548). О Карзинкине см. также позднейшее воспоминания Бунина: «Я получил от него <Чехова. — *Д.Р.*> коротенькое письмо: упрек, что я не послал ему своих “Новых стихотворений”, которые были изданы А.А. Карзинкиным — большим любителем поэзии и моим другом — в старинном стиле» (*Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись*. Нью-Йорк, 1955. С. 92).

²¹ «Некоторое недомогание» Андреева — явный эвфемизм Бунина. Авторское чтение рассказа «Иностранец» на студенческом вечере в Киеве было сорвано властями: на запрос генерал-губернатора Киева Ф.Ф. Трепова о благонадежности Андреева московский обер-полицеймейстер Д.Ф. Трепов ответил 17 ноября 1902 г. телеграммой: «Андреев неблагонадежен» (*Литературное наследство*. Т. 72. С. 203; телеграмма воспроизведена на стр. 205).

²² См. характеристику сценического амплуа артиста Ивана Федоровича Булатова: «И.Ф. Булатов — фат и любовник — старый знакомый одесской публики, и о нем много распространяться не приходится. Блестящий исполнитель так называемых салонных ролей. <...> Карьера г. Булатова, кроме Москвы, где он служил у

Корша, протекала в крупнейших городах России — 5 сезонов в Киеве, 3 в Одессе, в Новочеркасске, в Ростове, в Риге» (*Ч-ов*. Труппа Д.И. Басманова: (Окончание) // Одесский листок. 1912. № 207. 6 сентября. С. 5).

²³ Рассказ Леонида Андреева «Иностранец» действительно был опубликован в декабрьском номере журнала «Русское богатство» за 1902 г. (Отд. I. С. 51–64; см. также примеч. 31 к № 2).

Печатается по: *Чуковский К.И.* Наши гости // Одесские новости. 1902. № 5844. 29 декабря. С. 3.

Это вторая часть интервью, опубликованного в «Одесских новостях» в двух следовавших друг за другом номерах. Первая его часть, переизданная с купюрами в бунинском томе Литературного наследства (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 360–362) и недавно, в полном виде, в новом собрании сочинений Чуковского (*Чуковский К.* Собр. соч. Т. 6. С. 288–291), здесь не воспроизводится. Интервью отражает беседу Корнея Чуковского с И. Буниным, С. Найденовым и А. Федоровым.

Печатается с любезного разрешения Е.Ц. Чуковской.

2

IV

Спрашиваю С.А. Найденова¹.

— Зачем Вы приехали сюда?

Смеется.

— Жениться, — говорит, — хочу. Невесту приехал среди одесситок выискать себе получше.

Слышите, mesdemoiselles²? Примите это к сведению...

— С<ергей> А<лександрович>, конечно, шутит³, — пояснил г. Бунин. — Мы приехали отдохнуть после московской сутолоки⁴. Эта зима была особенно бурной. Горьковская пьеса⁵, бенефис Шаляпина⁶, вечный нервный подъем⁷, — вот мы и приехали в Одессу, чтобы здесь забраться в какую-нибудь глушь, куда-нибудь к морю и работать, работать, работать⁸.

Конечно, я при этом спросил:

— А какого рода Ваша теперешняя работа?

— С.А. Найденов будет писать новую свою пьесу⁹, а я закончу свои переводы. Я перевожу теперь «Каина» и «Манфреда»¹⁰.

— А разве г. Найденов уже совершенно закончил новую пьесу «Жильцы»¹¹? — продолжал я свой катехизис.

— О, да, — ответил автор «Детей Ванюшина»¹². — Она уже почти совершенно закончена. Так, разве две-три черточки. Пьеса пойдет осенью в Художественном театре. Великим постом начнутся репетиции...¹³ Теперь у меня есть в виду еще один любопытный сюжет — из жизни культурного скита. Я сам, в бытность свою в Уфе — затеял было устроить такой скит, но потерпел неудачу¹⁴, — ну, так вот меня и прельщает этот сюжет¹⁵.

Распрашивать о более детальных подробностях я счел не совсем деликатным, и разговор перешел на менее щекотливые темы.

— Правда ли, — спросил я, — что Шаляпин пишет теперь пьесу, как об этом было оповещено в некоторых газетах¹⁶?

Собеседники улыбнулись.

— Что за вздор! Ничего подобного. Дело началось таким образом. У нас в Москве имеется общество беллетристов. Называется оно «Среда»¹⁷. Там у нас происходят самые интимные беседы, непринужденные, простые, свободные. Читаются рефераты, ведутся споры, не обходится, конечно, и без шутки. Вот Ф<едор> И<ванович> и решил завести особую книгу для наших, как он говорил, «глупостей».

— И скоро заполнилась эта книга «глупостей»?..

— Шаляпин написал в эту книгу свое шутовское произведение — пьесу, где действующими лицами являются разные неодушевленные предметы¹⁸. Шутка эта предназначена была исключительно для «тесного круга» его друзей, но про нее каким-то образом проведали злодеи-газетчики, и в результате сенсационное известие: «Ф. И. Шаляпин написал пьесу из жизни оперных хористов»...

V

В комнату вошел А. М. Федоров¹⁹ — и наша литературная беседа оживилась. Заговорили о петербургских «литераторах-хлыстах» — Мережковском и Розанове с братией их²⁰, и вдруг вспомнили, что есть нечто более важное, значительное и драгоценное, стоящее выше минутной моды, нечто дорогое и близкое всем нам, всегда, и вчера, и сегодня — вспомнили Чехова.

— Я слышал, что он все хворает, — заметил я.

— Нет, теперь ему значительно лучше. Я недавно читал письмо, которое он прислал своей сестре Марии Павловне — оно полно бодрости и веселья²¹. Вообще, о Чехове составилось совершенно неправильное представление как о холодном, наблюдающем, «постороннем» человеке, — это задушевнейшая, открытая натура, чуждая всякой лжи и притворства, артистически чуткая и восприимчивая, — сказал г. Бунин. — В прошлом году я гостил у него с художником П. А. Нилусом²² — так мы за все время нашего пребывания только и делали, что хохотали²³. Говорят, когда Антон Павлович был гимназистом — не было такого веселого и беззаботного мальчика<, как он>²⁴.

— Беззаботного! — удивился я. — Неужели и теперь в его смехе есть беззаботность? Откуда же берется трагический дух его рассказов? Откуда это серьезное и благоговейное отношение к жизни, как к чему-то огромному, значительному и торжественному?

— Видите ли, это слишком сложная натура для того, чтобы ее можно было определить каким-нибудь одним словом. Его отношения к людям проникновенны и глубоки. Он вкладывает слишком много сердца в каждое

самомалейшее отношение, он необычайно требователен и к себе, и к другим, но все это тонет у него в художественной роскоши его большого характера, в его вдумчивой и нежной любви ко всякому проявлению жизни.

У г. Федорова случайно оказалось письмо Чехова по поводу новой, еще не вышедшей в свет драмы А<лександра> М<итрофановича> — «Стихия»...²⁵ Замечая, что эта драма нравится ему больше других произведений нашего поэта, Чехов говорит относительно одной героини в пьесе: талантливый человек не может быть холодным...²⁶

Сам он, которого не так давно Н.К. Михайловский называл «художественным аппаратом», холодно изображающим все, что ни попадаетея ему на глаза²⁷, всю свою жизнь опровергает это свое определение талантливого человека...

VI

Тут разговор принял хаотический характер.

Коснулись газетных ошибок и вспомнили о Скитальце.

Про него вот все пишут: босяк, босяк²⁸. А он никогда босяком и не был. Он сначала был артистом в малорусской труппе, потом лет десять сотрудником в самарской газете²⁹, потом жил довольно обеспеченной жизнью в Москве, — и никогда ни на какие исключительные положения не претендовал³⁰.

Боже мой, о чем только мы не говорили. Говорили и о новом рассказе Андреева, что он совсем не типичен для андреевского творчества³¹, и о том, что г. Найденову теперь 33 года³², и о том, что пьеса Тимковского «Сильные и слабые», хорошо задуманная, — выполнена очень примитивно³³, и о том, что Одесса необычайно красивый, но дорогой город, — так что, когда я, просидевши в гостях у наших гостей около 2-х часов, возвращался домой — я не мог не пожалеть о том, что мой катехизис, по необходимости, должен быть так несистематичен и разнообразен.

Печатается по: *Чуковский К.И.* Наши гости // Одесские новости. 1902. № 5844. 29 декабря. С. 3.

Это вторая часть интервью, опубликованного в «Одесских новостях» в двух следовавших друг за другом номерах. Первая его часть, переизданная с купюрами в бунинском томе Литературного наследства (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 360–362) и недавно, в полном виде, в новом собрании сочинений Чуковского (*Чуковский К.* Собр. соч. Т. 6. С. 288–291), здесь не воспроизводится. Интервью отражает беседу Корнея Чуковского с И. Буниным, С. Найденовым и А. Федоровым.

Печатается с любезного разрешения Е.Ц. Чуковской.

¹ Найденов <Алексеев> Сергей Александрович (1868–1922) — драматург. В начале века — близкий друг Бунина (Чехов называл их шуточно «Бунин и Бабурин», ср. повесть И.С. Тургенева «Пунин и Бабурин»). О Найденове см.: *Казакова Н.А., Литвинова Л.С.* Найдёнов // Русские писатели: Биографический словарь. Т. 4: М–П. М., 1999. С. 222–225.

² барышни (франц.).

³ У этой «шутки», скорее всего, была и вполне серьезная подоплека: «В первую зиму своей славы Найденев был холост, одинок <...> Иногда жаловался на одиночество, на то, что ему уже много лет и что надо жениться, пока не ушла слава: внезапной славе своей он плохо верил и боялся, что она может изменить ему» (*Скиталец*. С. 570–571).

⁴ Бунин и Найденев выехали из Москвы 23 декабря (см.: *Новости дня*. 1902. № 7021. 24 декабря. С. 2; *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 418).

⁵ См. примеч. 16 к № 1.

⁶ См. примеч. 18 к № 1.

⁷ Возможно, в этих словах содержится намек на инцидент, имевший место 12 декабря 1902 г. в Большом зале Благородного собрания в Москве на литературно-музыкальном вечере в пользу переселенцев Челябинского пункта и Общества вспомоществования учащимся женщинам в Москве. После того как Скиталец прочел стихотворение «Гусяр» и на бис — «Нет, я не с вами...», полиция потребовала прекращения выступлений; газета «Курьер», опубликовавшая об этом вечере сочувственный отчет (На литературно-музыкальном вечере // *Курьер*. 1902. № 344. 13 декабря. С. 2–3) и текст стихотворения Скитальца «Гусяр» (Там же. С. 3), была приостановлена на два месяца, а Леонид Андреев, как устроитель вечера, привлечен к суду (см.: *Литературное наследство*. Т. 72. С. 169, 172; *Скиталец*. С. 547–549; *Телешов Н.* Записки писателя. С. 46–49; *Муромцева-Булнина В.* Жизнь Бунина. С. 214, 218; *Бунин И.* Публицистика. С. 118–119, 428). Подробнее см. предисловие к настоящей публикации.

⁸ Этот план не был осуществлен. После шумных дней, проведенных в Одессе (см.: *Муромцева-Булнина В.* Жизнь Бунина. С. 215–216; *Чехов А.* ПСС. Т. 11. С. 111), Бунин и Найденев собирались посетить А. П. Чехова в Ялте (см.: *Чехов А.* ПСС. Т. 11. С. 120, 128; *Хозяйка чеховского дома: Воспоминания.* Письма. 2-е изд., доп. Симферополь, 1969. С. 131). Однако в январе 1903 г. Бунин в Одессе заболел (см.: *Одесские новости*. № 5857. 13 января. С. 2; *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 419, 421), в феврале он должен был навестить больную мать в Новочеркаске (см.: *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 422; В. Н. Муромцева-Булнина утверждает, очевидно со слов самого Бунина, что заболела не мать, а сестра Бунина, Мария Алексеевна; см.: *Муромцева-Булнина В.* Жизнь Бунина. С. 216–218), после чего он вернулся в Москву. В марте Бунин посетил Чехова в Ялте (см.: *Чехова М. П.* Письма к брату А. П. Чехову. М., 1954. С. 215), откуда он с А. М. Федоровым в начале апреля уплыл в Одессу. 9 апреля 1903 г. Бунин отправился в Константинополь (см.: *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 423; *Устами Буниных*. Т. 1. С. 40).

⁹ Не совсем ясно, о каком замысле Найденева здесь идет речь. Дальнейшая реплика Найденева как будто отсылает к его пьесе «Культурный скит» (см. примеч. 15). Возможно, однако, что имеется в виду пьеса «Богатый человек» (в черновом варианте она была озаглавлена «Деньги»), содержание которой Вл. Немирович-Данченко излагал в письме к А. П. Чехову следующим образом: «В центре пьесы (“Деньги”) купец Купоросов (!), живет в старо-дворянском доме, скучает, хочет быть интеллигентным, поэтому учится петь (надевает костюм Фауста), собирает артельщиков для “слияния”, но самодурствует. Влюбляется в учительницу сельской школы, но и тут самодурничает. Если бы это было написано очень талантливо, то вышла бы одна из слабых пьес Островского, а пока это ниже пьес покойного Федотова» (*Ежегодник Московского Художественного театра: 1944 год*. Т. 1. М., 1946. С. 159). «Богатый человек» не был поставлен Художественным театром (Там же. С. 159–160), премьера состоялась в театре Корша 7 ноября 1903 г.

¹⁰ Обстоятельства (см. примеч. 8; *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 421) помешали Бунину работать над переводами произведений Байрона «Манфред» и «Каин», первыми редакциями которых писатель долго оставался недоволен (см.: *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 417–418, 429). Перевод «Манфреда» вышел в издательстве товарищества «Знание» в октябре 1903 г. (дозволено цензурой 30 сентября, на титуль-

ном листе указано 1904; *Байрон Дж. Г. Манфред*: Драматическая поэма. С английского. Перевод Ив.А. Бунина. СПб., 1904), а мистерия Байрона «Каин» в переводе Бунина появилась лишь в 1905 г. в журнале «Правда» (*Байрон Дж. Г. Каин*: Мистерия. Перевод с английского Ив.А. Бунина // Правда. 1905. № 2. С. 1–22; № 3. С. 1–24; № 4. С. 1–19). Подробнее см.: *Бунин И.* Письма 1885–1904 (по указателю); *Нунан А. М. Горький и Ив. Бунин.* С. 210–212.

¹¹ Заглавие новой пьесы Найденова Чуковский, вероятно, узнал из газет: «Найденовым написаны не две новых пьесы, а одна, состоящая из двух частей. Общее заглавие — “Жильцы”; 1-я часть — “Блудный сын”, 2-я часть — “Жильцы”. Пьеса пойдет в Художественном театре не ранее конца января» (Новости дня. 1902. № 7003. 6 декабря. С. 3). См. также примеч. 13.

¹² «Дети Ванюшина» (1901) — самая известная пьеса Найденова, выигравшая приз на конкурсе суворинского театра Литературно-художественного общества в Петербурге и сразу сделавшая до тех пор совершенно неизвестного автора знаменитым на всю страну. В.Н. Муромцева-Бунина вспоминала, что «вся Россия ставила его пьесу. Я думаю, что все, бывавшие в театрах, пересмотрели “Детей Ванюшина”. Много пьеса эта вызывала разговоров, споров, рефератов...» (*Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 230). Бунин присутствовал на московской премьере «Детей Ванюшина» 14 декабря 1901 г. в театре Корша (см.: *Бабореко.* С. 84).

¹³ Пьеса Найденова под заглавием «Жильцы» была принята Художественным театром для постановки еще летом 1902 г. с условием, что автор ее переработает; см. письмо Вл. Немировича-Данченко Чехову от 25 августа 1902 г.: «Мы ее <пьесу “Жильцы”>. — Д. Р.> взяли, но — скажу тебе по секрету — очень боюсь, что мы с ней запутаемся. Во-первых, в этом году ее ни в каком случае нельзя ставить, т<ак> к<ак> это опять подонки — только этажом выше, в мелированных комнатах. Сговорились с автором, что пьеса пойдет только в будущем сезоне. Во-вторых, ему надо <бы> еще много поработать с этой пьесой. Очень уж она жидкая, эскизная. <...> Сюжет хороший и, повторяю, написан правдиво, но читать скучно. <...> Найденов счастлив, что мы взяли пьесу и готов работать над ней» (Ежегодник Московского Художественного театра: 1944 год. Т. 1. М., 1946. С. 146–147).

Ответ, данный Найденовым в интервью Чуковскому, явно не согласуется с мнением Немировича-Данченко, который в те же дни (26 декабря 1902 г.) сообщал Чехову, что Найденов уехал из Москвы и «хочет что-то делать со своими “Жильцами”» (Там же. С. 149). Впоследствии Найденов разделил свой замысел на две самостоятельные двухактные пьесы под заглавиями «Блудный сын» (другое название «Кто он?»; см.: *Казакова Н.А.* «Маленькая пьеса» С.А. Найденова: («Блудный сын») // Жанры в историко-литературном процессе. Вологда, 1985. С. 101–115) и «Номер тринадцатый» (другие черновые варианты заглавия — «Жители» и «Жители “Европы”»). Премьера «Блудного сына» в Художественном театре (вместе с «Иваном Миронычем» Е.Н. Чирикова) состоялась 28 января 1905 г.; пьеса «Номер тринадцатый» не была поставлена Художественным театром, она шла в театре Корша в 1903 г.

¹⁴ В 1893 г. Найденов, прервав свой ангажемент в провинциальном театре, уехал в село Васильево Уфимской губернии и поселился в толстовской колонии.

¹⁵ Найденов, очевидно, говорит о своей неопубликованной пьесе «Культурный скит», над которой писатель работал в 1901 г. (см.: *Казакова Н.А.* Пьеса С.А. Найденова «Культурный скит» и искания драматургии конца XIX века // Проблемы реализма. Вып. 7. Вологда, 1980. С. 90–107). Ср. дневниковую запись Найденова: «Мне нужно было написать внутренний процесс толстовцев, т.е. как они постепенно пришли к заключению, что толстовская идея неприложима. Психология их разочарования — вот главная идея драмы» (цит. по: *Найденов С.А.* «Свежим и живым мне кажется то недавнее время...» / Публ. Н.А. Казаковой // Звезда. 1978. № 8. С. 142).

¹⁶ Ср.: «Ф. И. Шалапин написал повесть из жизни оперных хористов, жизнь которых наш бас так хорошо изучил, будучи сам долгое время хористом. Лица, чи-

тавшие эту повесть, отзываются о ней с большой похвалой» (Новости дня. 1902. № 7007. 10 декабря. С. 3).

¹⁷ См. примеч. 10 к № 1.

¹⁸ Возможно, имеется в виду шуточная трагедия с комментариями «Григорий на камне», записанная Шалапиным 2 октября 1902 г. в альбом «Капустник» литературного кружка «Среда» (см.: Летопись жизни и творчества Ф. И. Шалапина. Кн. 1. С. 230).

¹⁹ Федоров Александр Митрофанович (1868–1949) — прозаик, поэт, драматург, переводчик, мемуарист. Близкий друг Бунина в начале его литературной деятельности. См. также примеч. 4 к № 13.

²⁰ Это прозрачный намек на Религиозно-философские собрания в Петербурге (1901–1903), среди учредителей которых, кроме Д. В. Filosofova, В. А. Тернавцева и В. С. Миролубова, были и Д. С. Мережковский и В. В. Розанов.

Непосредственным поводом для обсуждения Религиозно-философских собраний могло послужить появление первого номера журнала «Новый путь» (1903. № 1), который вышел во второй половине декабря 1902 г. (цензурное разрешение от 15 декабря). В журнале регулярно печатались «Записки Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге» со стенографическими отчетами заседаний. Мережковский и Розанов являлись постоянными сотрудниками «Нового пути» (в первом номере журнала напечатано начало работы Мережковского «Судьба Гоголя» и статья Розанова «Мимходом: Из случайных впечатлений»). Кроме того, у Бунина были и личные счеты с «Новым путем»: в первом номере журнала Брюсов под псевдонимом «Аврелий» опубликовал разгромную рецензию на бунинский сборник «Новые стихотворения» (см. также предисловие к настоящей публикации). Бунин писал Телешову 9 февраля 1903 г. из Новочеркасска: «Что значит присутствие на них <“Среда”>. — Д. Р.> Брюсова, этого высокомерного болвана, так нагло отделавшего меня в “Новом пути” под фамилией “Аврелий” (Валерий)?» (Бунин И. Письма 1885–1904. С. 422). Брат Бунина Юлий выступил на «Среде» с подробным критическим обзором «Нового пути» (см.: Нинов А. М. Горький и Ив. Бунин. С. 189–190).

Об интересе Розанова и Мережковского к хлыстовству см.: Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 179–218.

²¹ Возможно, имеется в виду письмо от 10 декабря 1902 г., которое Чехов послал из Ялты М. П. Чеховой в Москву (Чехов А. ПСС. Т. 11. С. 86–87), где Бунин мог его читать перед отъездом в Одессу.

За эту реплику М. П. Чехова упрекала Бунина в частном письме: «Вы знамениты, но зачем Вы хотите увековечить и мое имя? См. “Одесские новости”. Больше не буду давать Вам читать писем брата» (Хозяйка чеховского дома: Воспоминания. Письма. 2-е изд., доп. Симферополь, 1969. С. 131).

²² Нилус Петр Александрович (1869–1943) — художник, член Южнорусского товарищества художников в Одессе. Под непосредственным влиянием Бунина Нилус стал писать и художественную прозу. См. также: Бунин И. Публицистика. С. 449–450; Кедда А. А. Нилус Пётр Александрович // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М—П. М., 1999. С. 333–335; Бажинев И. Д. Бунин и Нилус // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 424–435.

²³ Бунин и Нилус приехали в Ялту в начале апреля 1902 г. Не закончив портрета Чехова, Нилус вернулся в Одессу, когда в Ялту привезли больную О. Л. Книппер-Чехову (см.: Бабореко. С. 85; Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина. С. 207–208; Устами Буниных. Т. 1. С. 39).

Нилус оставил воспоминания о своем пребывании у А. П. Чехова в Ялте: «Мое писание портрета было неудачно. А<нтон> П<авлович> был не совсем здоров, встревожен, ждал в Ялту больную жену. Сеансы были коротенькие — полчаса, час. Всякий, кто знает, как пишутся портреты, как много иной раз нужно времени, спокойствия, чтобы войти в работу, тот поймет мое неловкое положение. Окончилось тем, что сеансы нужно было прервать».

Приехала жена А<нтон> П<авлович>. Она была так слаба, что ее снесли с пархода в экипаж на носилках. Я уехал и только несколько лет спустя, уже после смерти А<нтон> П<авлович>, почел своим долгом, как мог, закончить начатое по наброску и фотографиям.

Во время сеансов почти всегда бывал И.А. Бунин. Разговор шел обо всем: и о литературе, и о критиках, об издателях и о том, как нужно писать. О ценах на землю, о будущности “открыток”, которые тогда стали входить в моду, о революции, о новом читателе и о том, как нужно себя держать с приятелем, приехав на извозчике, желая уклониться от платежа... <...> Во время сеансов, чтобы не утомлять А<нтон> П<авлович>, я просил его делать то, что ему угодно. Он обыкновенно просматривал газеты и пил кефир.

— Иван Алексеевич, — не раз говаривал А<нтон> П<авлович>, когда бывал Бунин, — прочтите что-нибудь из Чехова.

Бунин превосходно читал маленькие рассказы Чехова. Первым смеялся А<нтон> П<авлович> своему вымыслу живым человеческим смехом» (*Нилус П.А. О Чехове // Речь. 1914. № 177 (2846). 2 июля. С. 4; см. также: Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись. Нью-Йорк, 1955. С. 85–87; Телешов Н. Записки писателя. С. 167).*

²⁴ Эту черту молодого Чехова Бунин будет подчеркивать и в дальнейшем в своих воспоминаниях. Уже в первом мемуарном очерке, законченном в октябре 1904 г., Бунин, ссылаясь на рассказы матери и братьев Чехова, отметил, что «в детстве “Антоша” был неистощим на выдумки, которые заставляли хохотать до слез даже сурового в ту пору Павла Егоровича! <...> В юности, — в те счастливые дни, когда ему доставляло удовольствие проектировать такие произведения, как “Искусственное разведение ежей, — руководство для сельских хозяев”, — это спокойствие как бы потонуло в пышном расцвете прирожденной Чехову жизнерадостности: все, кто знали его в эту пору, говорят о неотразимом очаровании его веселости, красоты его открытого, простого, но ярко одухотворенного лица и его лучистых, честных глаз» (*Бунин И.А. О Чехове // Сборник товарищества «Знание» за 1904 год. Кн. 3. СПб., 1905. С. 254–255).*

²⁵ «Стихия» была опубликована вместе с другими пьесами Федорова в начале 1903 г. (*Федоров А.М. Обыкновенная женщина. Стихия. Старый дом. Бурелом. СПб., 1903).*

²⁶ Имеется в виду письмо Чехова к Федорову от 20 октября 1902 г., в котором Чехов, однако, утверждал как раз обратное: «“Стихия” произвела на меня сильное впечатление. Это интересная, совсем новая, живая вещь, делающая честь Вашему таланту. Пожалуй, это лучшая Ваша пьеса. Когда увидимся, поговорим обстоятельней, в письме же не передашь всего. В пьесе мне все понравилось, и то, о чем я буду сейчас говорить, не есть недостатки: это только мое мнение, которое, быть может, изменится после того, как мы увидимся и поговорим. Во-первых, название “Стихия” недостаточно просто, в нем чувствуется претенциозность. Кое-где ползает мастерство, а не искусство; так, подделка под декаданс, не французский и не бельгийский, а российский декаданс, напр<имер> хоть страницы 112–113. Лидия художница, очень талантлива, а потому и холодна, у Вас же она кое-где истерична, истерична в своем страдании, в манерах. Что Арина Ивановна пьет, это очень хорошо; она у Вас удалась вполне; только прискучает кабачками фаршированными и синими баклажанами, кушаньями, кстати сказать, для русского уха безразлично скучными, неинтересными» (*Чехов А. ПСС. Т. 11. С. 63. См. также письмо Чехова к жене от 22 февраля 1903 г.; там же. С. 159).*

Чехов передал пьесу по просьбе Федорова Вл.И. Немировичу-Данченко. Художественный театр, однако, не принял «Стихию» для постановки (см.: *Холмянская О.А. Художественный театр выбирает репертуар: Письма Вл.И. Немировича-Данченко к А.М. Федорову // Встречи с прошлым. Вып. 1. 2-е изд., доп. М., 1972. С. 97).*

²⁷ Имеется в виду широко известное определение творческого метода Чехова в статье Н.К. Михайловского «Об отцах и детях и о господине Чехове»: «При всей

своей талантливости г. Чехов не писатель, самостоятельно разбирающийся в своем материале и сортирующий его с точки зрения какой-нибудь общей идеи, а какой-то почти механический аппарат. <...> Что попадет на глаза, то он и изобразит с одинаково “холодной кровью” (Михайловский Н. К. Письма о разных разностях: IX. Об отцах и детях и о господине Чехове // Русские ведомости. 1890. № 104. 18 апреля. С. 3).

В своих многочисленных работах о Чехове Чуковский — как и Бунин — неизменно говорил о том, что чеховское творчество было совершенно не понято современниками («Двадцать лет непонимания» — лучшее заглавие для статей и рецензий о Чехове, печатавшихся в современной ему журналистике»; Чуковский К. Собр. соч. Т. 4. С. 273). И в этом непонимании, по мнению Чуковского, цитированное выше высказывание Н. К. Михайловского, самого влиятельного критика старшего поколения, который «обнаружил полную неспособность понять стройную и многогосложную систему художественных образов Чехова» (Чуковский К. Собр. соч. Т. 4. С. 301), сыграло не последнюю роль. Текст данного интервью и ранние дневниковые записи (см.: Чуковский К. И. Дневник: 1901–1929. 2-е изд., испр. М., 1997. С. 16), однако, показывают, что в молодости Чуковский судил о Чехове именно под влиянием Михайловского.

²⁸ Общая обличительная направленность творчества Скитальца, социальное происхождение писателя и автобиографичность его произведений постоянно подчеркивались в отзывах критики начала века: «Основной, однако, тон поэзии Скитальца сумрачный и гневный. В нем чувствуется накопившаяся долгими годами обида и боль за себя и за тех, кто остался на “дне морском” <...> В повести “Сквозь строй”, — по-видимому, заключающей много автобиографического, это “дно” предвосходно обрисовано, и можно видеть, какие силы таятся там. Понемногу они поднимаются наверх и в лице М. Горького и Скитальца пролагают дорогу другим» (А. Б. <Богданович А. И.> <Рец. на кн.: Скиталец. Рассказы и песни. Т. 1. СПб., 1902> // Мир божий. 1902. № 5. Отд. II. С. 111; см. также: Коробка Н. И. Из жизни и литературы: Рассказы Скитальца // Образование. 1902. № 9. Отд. II. С. 40–60).

²⁹ Скиталец сотрудничал в «Самарской газете» с 1897 по 1900 г.

³⁰ Можно предположить, что это разоблачение автобиографического мифа Скитальца, даже стилистически сильно напоминающее бунинскую дикицию, принадлежит именно Бунину. Подробнее см. предисловие к настоящей публикации.

Сам Чуковский также неизменно отрицательно относился к творчеству Скитальца: «поэт Скиталец только по ошибке называется Скиталец, а на самом деле он Сиделец, и поэзия его сидельческая» (Чуковский К. Собр. соч. Т. 6. С. 191). Возможно, что Чуковский это место в интервью преднамеренно графически не выделил как «чужую речь», тем самым выражая свое согласие с мнением собеседника о творческом поведении Скитальца.

³¹ В декабре 1902 г., кроме рассказа «Иностранец» (см. примеч. 23 к № 1), вышло еще два новых произведения Леонида Андреева: «В тумане» (Журнал для всех. 1902. № 12. Стлб. 1411–1450) и «Предстояла кража: Эскиз» (Курьер. 1902. № 356. 25 декабря. С. 3). Так как «В тумане» после андреевской «Бездны» вряд ли могло произвести на современников впечатление чего-то принципиально нового, а рождественский рассказ «Предстояла кража» прошел фактически незамеченным, можно с высокой долей вероятности предположить, что речь здесь идет именно об «Иностранце». См. также отзыв Горького об этом рассказе в письме к С. П. Боголюбову: «Леонид написал рассказ, позволяющий думать, что сей Леонид желает идти по новой тропе» (Литературное наследство. Т. 72. С. 414).

³² На самом деле Найденову было тогда 34 года, он родился 14 сентября 1868 г.

³³ Тимковский Николай Иванович (1863–1922) — прозаик, драматург, публицист; один из основателей и активный участник «Среды». Непосредственным поводом для обсуждения произведения Тимковского послужил, по-видимому, выход пьесы «Сильные и слабые» отдельным изданием (Тимковский Н. И. Сильные и слабые: Пьеса в 4 актах. <М., 1902>).

См. также мемуарный очерк В. Вересаева «Туча и Зорька»: «Года два-три пьеса “Сильные и слабые” давала Николаю Ивановичу хорошие деньги. <...> Но — оказался он автором одного произведения. <...> Он писал драму за драмой. Из уважения к автору “Сильных и слабых” драму ставили. Она выдерживала три-четыре представления и снималась с репертуара. Иные пьесы и прямо отвергались. Имя Николая Ивановича становилось нарицательным для серой драматургической бездарности» (*Вересаев В.* Собр. соч. Т. 4. С. 439–440).

Печатается по: *В. <Василевский Л.М.??>* Среди писателей // Одесские новости. 1910. № 8065. 14 марта. С. 5.

3

Жизнь политическая и общественная, искусство и литература — все в России пребывает теперь в таком печальном или постыдном положении, что слишком трудно и тяжело говорить об этом.

Позвольте уклониться от ответа на ваш вопрос.

Печатается по: На пороге Нового года: (Какие благопожелания шлют России на 1910 год) // Огонек. 1910. № 1. 1 января. <С. 19>.

Ответ Бунина — часть большой новогодней анкеты. Редакция журнала обратилась к более чем 200 лицам, чтобы дать репрезентативный срез общественного мнения, которое, как говорится в редакционной заметке, является «величайш<ей> из сил, управляющих историей» (Там же. <С. 14>).

Журнал опубликовал более 150 ответов, разместив их под разными рубриками («дипломатический корпус», «члены Государственного совета», «члены Государственной думы», «общественные деятели», «беллетристы», «драматурги», «публицисты», «художники», «артисты», «композиторы», «юристы», «ученые» и т.д.). Ответы И. Бунина, С. Городецкого, И. Гриневской, К. Льдова <В.-К.Н. Розенблюма>, Д. Ратгауза, К. Фофанова и Т. Щепкиной-Куперник составили рубрику «поэты».

На фоне ответов подавляющего большинства участников, хотя и выражающих глубокую неудовлетворенность сложившейся политической и общественной ситуацией в России, но все же оптимистически уповающих на перемены к лучшему в будущем, отклик Бунина выделяется своей лаконичностью и пессимизмом.

4

Волнуется литературная братия. Еще не затихли разговоры о съезде писателей¹, как возникла новая острая тема для горячих толков и споров.

Мы говорим о конфликте, инициатором которого является литературный критик К. Чуковский². Событие это, само по себе, не имеет, быть может, широкого общественного значения, но тем не менее в нем много элементов, глубоко затрагивающих литературно-издательскую среду. Пожалуй, много в этом неожиданно всплывшем вопросе касается и интересов читательского мира. Скажем даже больше, в столкновении, разыгравшемся сначала в стенах редакции газеты «Речь», а затем перенесенном на более широкую арену всероссийской печати, читатели не могут ограничиться второстепенной ролью — зрителей...

На днях в нашей редакции³ собралось несколько литераторов, среди которых находились известные писатели И.А. Бунин и С.С. Юшкевич⁴. И тотчас же заговорили о злободневном вопросе.

— Грустная, неприятная история, — говорил И<ван> А<лексеевич> своим тихим размеренным голосом, в котором, однако, явно отражалось внутреннее волнение. — Мы все знаем «Современный мир», и никто из нас не посмеет заподозрить этот журнал в недобросовестном зазывании публики...

— Но чем же вы объясните факт, что из обещанных известными литераторами произведений появилась в журнале лишь незначительная часть? — спросил один из местных литераторов.

— Это роковое стечение обстоятельств. Я уверен, что если мы разберемся во всех деталях, то главная вина будет на стороне литераторов, которые дали обещание окрестить свои произведения... и в конце концов не сдержали своего слова. Поймите, гг., трагическое положение издателя, в данном случае Иорданского, человека безусловно честного. Авансы розданы...⁵

Кто-то прерывает:

— Вот тут, очевидно, допущена первая ошибка... Нельзя объявлять произведения автора, не получив от него, по крайней мере, части рукописи...

— Господа, — вмешался С.С. Юшкевич, — я не вижу во всей этой истории ничего трагического. «Современный мир» не дал Арцыбашева и Тана⁶, но зато дал равноценного Вересаева⁷, которого публика не менее любит и читает. На мой взгляд, тут вопрос о виновности издателя или писателя даже рискованно ставить. Кого, в самом деле, винить? Издатель заботится об интересах своего журнала. Все объявленные «Современным миром» имена не являются для него новыми. Это постоянные его участники, почти ежегодно помещающие на его страницах свои произведения. Неужели издатель не должен был доверять своим постоянным сотрудникам?⁸ Выдача авансов ввиду этого не представляет ничего странного. Что касается авторов, то мы забываем, что процесс творчества далеко не всегда поддается учету. Автор мог обещать к известному сроку закончить свое произведение, но тысячи сложных внутренних причин могли помешать ему выполнить свое обещание...⁹

— Однако авторов, не исполнивших своего обещания, оказалось довольно много? — замечает кто-то.

— Вот в этом-то и заключается все роковое стечение обстоятельств, — с живостью ответил И.А. Бунин. — Но повторяю, кто знает Иорданского, тот ни на минуту не заподозрит его в чем-либо корыстном... Выражение Чуковского о том, что журнал обещал много и этого, «конечно, не исполнил»¹⁰, заключает в себе явно намеренное желание уязвить или оскорбить, опираясь именно на это роковое стечение обстоятельств.

Разговор течет быстро и непосредственно. Инцидент рассматривается со всех сторон. Обсуждаются меры, которые следовало бы принять во избежание подобных печальных недоразумений. Кто-то высказывает мысль, что вся история возгорелась, вероятно, на почве всегдашних конфликтов между писателями и критиками. И беседа сосредоточивается на больном вопросе о критике или, вернее, о критиках.

— Говорят, что и вы противник критики? — обращается один из местных литераторов к И.А. Бунину.

— Да, к сожалению, она причиняет много зла, в том виде, по крайней мере, в каком мы знаем ее сейчас. Критика — это творчество, а не система мелких, злобных придинок. Белинский был художник, и потому он был так чуток к душе других художников-писателей.

С этим соглашается и С.С. Юшкевич.

— Нелепо, — говорит он, — когда молодой человек в возрасте 22—25 лет вдруг начинает отчитывать Льва Толстого¹¹. В этом возрасте еще только изучаешь жизнь и напитываешься впечатлениями. Конечно, встречаются исключения, как, напр<имер>, Добролюбов, но ведь это гений, у которого был дар проникновения и пророчества. Его час жизни равнялся году, если не годам прозябания среднего человека. И может быть, потому он так быстро сгорел, что жизнь его горела таким ярким пламенем...¹²

— Позвольте, но нельзя ведь без критики, — замечает один из присутствующих. — Гении редки, а публика, масса нуждается в руководительстве. Вот вам наглядный пример. Одна местная общественная библиотека собрала статистический материал, иллюстрирующий отношение читателей к писателям. И что же? Вербицкая¹³ стоит далеко впереди даже Л. Толстого¹⁴. Так неужели не нужны руководители, которые бы направляли читательскую массу туда, где она может извлечь для себя действительную пользу?

— Да, это так, но ведь у нас сейчас нет ни Белинского, ни Добролюбова, — заметил С.С. Юшкевич.

— Гениальная критика так же редка, как гениальные писатели. Но разве нельзя представить себе критика среднего таланта, но вполне добросовестного, проникнутого сознанием своего ответственного положения и желанием содействовать исканиям читателя и направлять его?

— Против такого критика никто из нас ничего иметь не будет, — ответил И.А. Бунин. — Пусть работа скромная, но все же она искренняя и полезная. Но ведь, к сожалению, сейчас таких скромных и преданных своему делу критиков вы найдете, может быть, несколько человек. Преобладает же критик, которого больше интересуют не произведения писателя, не тайна его творчества, а личность его, и притом нередко те стороны, которые говорят нам о слабости человека... Разве же это критика? А между тем сколько зла причиняет она не только молодым, но и более окрепшим писателям? И плохо тем из них, которые не умеют вовремя уберечь себя от ее разлагающего влияния.

Так волновался маленький литературный муравейник, волновался, все же не решив существенного вопроса, как очистить литературный мир от плевел, слишком уже засоривших в последнее время как-никак все же пышную русскую литературную ниву.

Печатается по: В. <Василевский Л. М. ?> Среди писателей // Одесские новости. 1910. № 8065. 14 марта. С. 5.

¹ Речь идет о спорах вокруг Второго всероссийского съезда писателей и журналистов, проходившего с 22 по 29 апреля 1910 г. в Санкт-Петербурге. Когда Министерство внутренних дел в январе 1910 г. разрешило проведение съезда, исключив при этом из представленной к утверждению программы вопрос «о правовом положении печати и драматической цензуре», между членами организационного комитета съезда возникла острая полемика. Григорий Константинович Градовский высказывался за проведение съезда, считая, что об изъятии пункта о правовом положении печати, «конечно, нельзя не пожалеть; но дело это поправимое, может быть, даже и для нынешнего съезда, а тем более для последующих съездов, когда они упрочатся и войдут в правильную колею» (*Градовский Г. К.* Съезд писателей // Биржевые ведомости. 1910. № 11528. 23 января. С. 1 (Утренний выпуск); см. также: *Градовский Г. К.* Разрушители съезда писателей // Биржевые ведомости. 1910. № 11565. 14 февраля. С. 1 (Утренний выпуск); *Градовский Г. К.* К съезду писателей: (Ответ г. Милокову) // Биржевые ведомости. 1910. № 11573. 19 февраля. С. 1 (Утренний выпуск); к этой позиции примыкал и редактор журнала «Современный мир» Николай Иванович Иорданский; см.: *Иорданский Н. И.* Политическое обозрение: Вне закона // Современный мир. 1910. № 3. Отд. II. С. 125–135; *Иорданский Н. И.* Съезд литературной демократии // Современный мир. 1910. № 5. Отд. II. С. 108–111). Противоположный взгляд отстаивал П. Н. Милоков в газете «Речь», призывая литераторов и органы печати бойкотировать съезд, коль скоро власти запретили обсуждение самого жгучего профессионального вопроса (см.: *Милоков П. Н.* Писательский съезд и г. Градовский // Речь. 1910. № 45 (1283). 15 февраля. С. 2). Позиция кадетской газеты была поддержана и другими органами печати, в том числе журналами «Вестник Европы» и «Русское богатство» (см., например: *Пешехонов А. В.* «Гамлетовский» вопрос // Русские ведомости. 1910. № 29. 6 февраля. С. 1–2). В результате большинство столичных изданий и литературных организаций отказались от участия в съезде.

Столкновение между газетой «Речь» и журналом «Современный мир» нашло свое продолжение в скандале, который разгорелся вокруг заметки К. И. Чуковского, напечатанной в «Речи» 7 марта 1910; см. примеч. 2.

В этой связи любопытен эпизод в переписке М. Горького с А. Амфитеатовым: последний упрекнул Горького за телеграмму, посланную писательскому съезду, на что Горький ответил: «"Съезду литераторов" не я посылал телеграмму, а — Бунин Иван и Мария Федоровна <...> "Съезд" прислал на Капри телеграмму сам, первый, и в телеграмме той наименовал меня изменником или же изгнанником, а может быть — извергом. Разве можно понять телеграмму? Но отвечать на нее — необходимо, так требуют благовоспитанность с культурностью, вежливость и прочее» (Литературное наследство. Т. 95. С. 210). М. Ф. Андреева писала Амфитеатову по этому поводу: «Относительно телеграммы он <Горький. — Д. Р.> зря на меня кивает — правда, что послала ее, в ответ на съездовское приветствие, я — по совету И. А. Бунина. Но телеграмма была от них такая, что не ответить — значило бы быть очень здорово грубым, и сам А<лексей> М<аксимович> тоже, будь он сам здесь, ответил бы» (там же).

² Имеется в виду инцидент, вызванный газетной заметкой К. Чуковского «Литературные стружки». В ней Чуковский обратил внимание на то, что некий журнал — речь шла о «Современном мире» — в объявлении о подписке на 1909 г. обещал чи-

тателям целый ряд литературных произведений («Микробы» Л. Андреева, «Маскарад» М. Арцыбашева, «Уездный город» А. Куприна, «Пятна» С. Сергеева-Ценского, «Призрак» С. Юшкевича, неназванный рассказ Д. Мамина-Сибиряка), но «1909 год благополучно миновал, а упомянутый орган ни одного из обещанных произведений, конечно, не напечатал. То, что во всякой торгашеской среде считалось бы делом весьма зазорным, то для нашей журналистики — обычай, почти что правило поведения. Лишь бы “убеждения” были честные! Ведь честные “убеждения” у нас все еще дороже честных дел!» (Чуковский К. И. Литературные стружки // Речь. 1910. № 64 (1302). 7 марта. С. 2). Уже до этой заметки Чуковский в нескольких статьях нападал как на отдельных сотрудников, так и на общее направление «Современного мира» (см.: Об Арцыбашеве // Чуковский К. Собр. соч. Т. 7. С. 455–458; Русская литература <в 1909 году>: Куда мы пришли? // Чуковский К. Собр. соч. Т. 7. С. 459–471; Паровые демократы: («Современный мир») // Речь. 1910. № 33 (1271). 3 февраля. С. 2–3; последняя статья являлась ответом на: Ларский И. Паровые националисты // Современный мир. 1910. № 1. Отд. II. С. 32–46).

Реакция «Современного мира» не заставила себя долго ждать. 9 марта М.П. Арцыбашев и В.П. Кранихфельд передали редактору «Речи» И.В. Гессену письмо Н.И. Иорданского, которое газета опубликовала полностью: «М<илостивый> г<о-сударь>. За последнее время в вашей газете помещен ряд фельетонов К. Чуковского, направленных против “Современного мира”. Пока эти фельетоны, хотя и в форме, выходящей за пределы литературного приличия, являлись только выражением его мнений о художественной и идейной ценности журнала, редакция “Современного мира” имела полное основание отнестись к выходкам К. Чуковского только как к печальному факту вторжения в серьезную прессу уличных приемов полемики.

Но последний фельетон, напечатанный в воскресенье, 7 марта, выходит из области литературы и затрагивает личную честь руководителей журнала, предъявляя им обвинение в заведомом обмане читателей и подписчиков. А так как статьи К. Чуковского имеют ценность и значение лишь поскольку они покрываются партийным положением вашей газеты, то ответственность за их форму и содержание падает непосредственно на вас, как на фактического руководителя газеты.

Я утверждаю, что обвинения К. Чуковского заведомо ложны, и он, как человек, причастный литературе, не мог не знать этого: из названных им рассказов произведения Арцыбашева и Сергеева-Ценского были напечатаны своевременно, хотя заглавия их и были изменены, но это произошло по желанию авторов. Рассказы Куприна, С. Юшкевича и Л. Андреева не появились в журнале по вине самих авторов, что первые два не откажутся подтвердить, а последний письмом в редакции газет (между прочим, и «Речи» <см.: Андреев Л. Н. Письмо в редакцию // Речь. 1909. № 299. 31 октября. С. 5. — Д.Р.>) принял на себя ответственность перед читателями и подписчиками журнала.

Таким образом, означенный фельетон К. Чуковского является заведомой недобросовестностью, объясняемой только желанием задеть честь руководителей журнала, и это побуждает меня требовать, чтобы редакция “Речи” немедленно поместила на страницах газеты следующее заявление:

“Редакция ‘Речи’, поместив в № от 7 марта заметку К. Чуковского, содержащую обвинение руководителей журнала ‘Современный мир’ в недобросовестности, была введена автором статьи в заблуждение. Произведения гг. Арцыбашева и Сергеева-Ценского в действительности были помещены в журнале, и если заглавия их изменены, то это произошло по желанию самих авторов. Л. Андреев, как известно, печатно извинился перед подписчиками журнала и его редакцией в том, что не может в текущем году выполнить своих обязательств. Куприн и С. Юшкевич заключили с редакцией определенные условия, и если не выполнили их, то вина в этом не может лежать на журнале и объясняется условиями их творчества. Таким образом, редакция журнала сделала все, что от нее зависело, для выполнения объявленного проспекта, и обвинения К. Чуковского являются недобросовестными.

Выражая свое сожаление по поводу этого факта, редакция ‚Речи‘ приносит свое искреннее извинение перед руководителями журнала ‚Современный мир‘”.

Я надеюсь, что это справедливое мое требование будет исполнено; в противном случае я буду принужден искать другого способа удовлетворения и уполномочиваю М. П. Арцыбашева и В. П. Кранихфельда передать вам свой вызов. Готовый к услугам *Ник. Иорданский*» (Речь. 1910. № 68 (1306). 11 марта. С. 2).

Письмо Иорданского «Речь» комментировала следующим образом: «Редакция „Речи“ подробно обсудила содержание письма г. Иорданского, остановилась детально на всех его требованиях и по ее поручению этим господам было послано письмо следующего содержания:

“Гг. М. П. Арцыбашеву и В. П. Кранихфельду. Милостивые государи. На переданное мне вами письмо Н. И. Иорданского прошу вас сообщить ему, что требуемое им заявление не может быть напечатано на страницах ‚Речи‘, ибо уже из самого содержания этого заявления, составленного г. Иорданским, явствует, что ни о какой недобросовестности, дающей право требовать извинения, здесь не может быть и речи. Если же редакция ‚Современного мира‘ для восстановления своей чести желает объяснить читателям ‚Речи‘, почему она оказалась не в состоянии выполнить данные ею своим читателям обещания, то ‚Речь‘ готова предоставить место для соответствующего письма в редакцию, при условии, конечно, что оно будет составлено с соблюдением литературных приличий, от которых г. Иорданский, к сожалению, позволил себе отступить в письме ко мне.

Отказываясь от напечатания предлагаемого заявления, я, вместе с тем, с глубоким возмущением отказываюсь и от ‚вызова‘, так как считаю драку на дуэли унижительной для своего человеческого достоинства и не могушей выяснить вопроса о добросовестности. Единственным способом для разрешения этого вопроса, соответствующим давно установившимся традициям прогрессивной печати, я признаю третейский суд в той ли форме, какой он установлен съездом писателей, или по специальному на этот случай избранию. И. Гессен”.

Казалось бы, что тот выход, который дает редакция “Речи”, является единственно возможным, единственно достойным людей, сколько-нибудь уважающих звание человека и литератора, но тактика скандала продолжается. В ответ на письмо И. Гессену присылается послание, полное брани и угроз физическим воздействием, вместе с отказом от какого бы то ни было третейского суда. К г. Иорданскому поспешил присоединиться г. Арцыбашев, тоже наполнивший особое письмо отборной руганью.

Что прибавлять к этим фактам? Они говорят сами за себя. Мы можем предать их только гласности и отдать на суд прежде всего товарищей г. Иорданского и общественного мнения» (там же).

День спустя в «Речи» появилось «Письмо к читателям» К. Чуковского, в котором тот, еще расширив перечень обещанных «Современным миром», но не напечатанных им произведений («Рыба» и «Олени» Тана, «Мистерия» Гусева-Оренбургского, неназванный рассказ Потапенко), упрекнул редакцию журнала в том, что она переваливает свою вину на сотрудников, и выразил «удивление, почему же, несмотря на это, редактор названного журнала посылает секундантов не к своим сотрудникам, обвиняемым им же самим, а к И. В. Гессену, который ни в коем случае не виноват, что редакция “Современного мира” не выполняет формальных своих обязательств?» (*Чуковский К. И.* Письмо к читателям // Речь. 1910. № 69 (1307). 12 марта. С. 2).

Вскоре и сами писатели, названные Чуковским, вмешались в конфликт и опровергли обвинения Чуковского в адрес журнала (см.: *Тан <Богораз> В. Г.* Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. 1910. № 11614. 15 марта. С. 3 (Вечерний выпуск); *Юшкевич С. С.* <Письмо в редакцию> // Одесские новости. 1910. № 8066. 16 марта. С. 3; *Куприн А. И.* Письмо к издательнице журнала «Современный мир» //

Новая Русь. 1910. № 85. 28 марта. С. 4; *Ибе*. У М.П. Арцыбашева // Биржевые ведомости. 1910. № 11639. 31 марта. С. 6 (Утренний выпуск); К читателям: (По поводу обвинений газеты «Речь») // Современный мир. 1910. № 4. Отд. II. С. 120–130). На письмо Куприна Чуковский в свою очередь ответил открытым письмом (Речь. 1910. № 96 (1334). 8 апреля. С. 2; см. также: *Венгеров С.А.* Письмо в редакцию // Речь. 1910. № 97 (1335). 9 апреля. С. 2; *Чуковский К.И.* Письмо в редакцию // Речь. 1910. № 98 (1336). 10 апреля. С. 3).

На экстренном заседании сотрудников «Современного мира» было принято решение обратиться к третейскому суду, от которого Иорданский первоначально отказался. «Речь» приняла это предложение с условием, что и поведение редакции журнала будет предметом обсуждения суда (см.: С кем судиться? // Речь. 1910. № 76 (1314). 19 марта. С. 2). Суд чести в составе К.К. Арсеньева, Н.Ф. Анненского, С.А. Венгерова, Г.К. Градовского и В.Д. Кузьмина-Караваева единогласно признал: «1) Что в статье К.И. Чуковского, напечатанной в “Речи” 7-го марта, несомненно, заключалось обвинение редакции “Современного мира” в сознательном и намеренном обмане подписчиков, не взятое назад, а скорее — вновь подчеркнутое во второй статье того же автора;

2) что для такого обвинения случайное, не зависевшее от редакции “Современного мира” неисполнение некоторых данных ею обещаний, — не давало никаких оснований;

3) что редакция “Речи”, поместив вышеупомянутую статью без всякой проверки ее содержания и даже без приведения в известность, какого журнала она касается, поступила крайне неосмотрительно, тем более, что и ей случалось не исполнять данных при подписке обещаний;

4) что Н.И. Иорданский, не испытав ни одного из средств, с помощью которых может быть восстановлена истина и доказана неосновательность обвинения, и прямо обратясь к редакции “Речи” с требованием или напечатать опровержение, как по содержанию, так и по форме неприемлемое для уважающей себя газеты, или принять вызов на дуэль, поступил несогласно с добрыми литературными нравами и с действительными интересами печати;

5) что столь же неправильно поступил и В.П. Кранихфельд, передавая И.В. Гессену вызов Н.И. Иорданского;

6) что еще менее может быть оправдано письмо Н.И. Иорданского И.В. Гессену от 10-го марта, заключающее в себе, кроме ряда обидных выражений, слова, которые могли быть и были поняты, как угроза физическим воздействием;

7) что соглашаясь на передачу дела третейскому суду не иначе, как под условием рассмотрения его судом во всей его полноте, редакция “Речи” нисколько не уклонялась от третейского суда, а наоборот, старалась направить дело на единственный путь, где оно могло получить правильное разрешение, и

8) что обеими сторонами допущены, к сожалению, отступления от принципа, в силу которого участвующие в деле лица должны, во время судебного разбирательства, воздерживаться от всяких публичных заявлений по существу рассматриваемого судом дела» (Решение суда чести по делу «Современного мира» и «Речи» // Современный мир. 1910. № 5. Отд. II. С. 135).

Инцидент этот, естественно, подробно освещался и широко обсуждался в российской печати; см., например: *Седой <Соколовский И.Л.>* Дневник журналиста: CDXXVIII. Еще о литературном хулиганстве // Одесские новости. 1910. № 8066. 16 марта. С. 3; *Бедовый <Рабинович А.Х.>* Каждый день: Инцидент Чуковский—Куприн // Одесский листок. 1910. № 84. 13 апреля. С. 5; *Калий <Селитренников А.М.>* Олимп // Одесский листок. 1910. № 94. 25 апреля. С. 3.

³ Редакция «Одесских новостей» была расположена по адресу: Екатерининская улица, 8 (см.: Одесса: Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом «Одесский уезд» на 1911 год. Одесса, 1911. <Отд. I.> Стлб. 324).

⁴ Юшкевич Семен Соломонович (1868–1927) — прозаик, драматург. В.Н. Мухомцева-Булнина вспоминает, что именно «ранней весной» 1910 г. они с мужем «бли-

же познакомились с Семеном Соломоновичем Юшкевичем» (*Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина. С. 477*), и приводит слова Бунина: «Юшкевич нравится мне <...>, — он всегда несет и с Дона и с моря, но человек талантливый, живой, органический» (там же. С. 407–408; см. также: *Бунин И. Публицистика. С. 236; Бахрах А.В. Бунин в халате. М., 2000. С. 102–103*).

⁵ На этом вопросе останавливался и А.И. Куприн в своем вышеупомянутом открытом письме М.К. Куприной-Иорданской: «Хуже всего, что он <Чуковский. — Д.Р.> сам отлично знал про ту нелепую систему авансов, которую установили мы, теперешние авторы, и которой журналы, с лишениями для себя, должны были подчиниться. Я — один из первых в числе этих авторов, и потому мне особенно обидно и стыдно за ту незаслуженную выходку, которой Ваш журнал подвергся из-за нашей вины» (цит. по: К читателям: (По поводу обвинений газеты «Речь») // *Современный мир. 1910. № 4. Отд. II. С. 125*).

Так строил свою линию защиты и Чуковский перед судом чести: «В устных объяснениях своих перед судом г. Чуковский утверждал, что цель его заключалась вовсе не в обвинении “Современного мира”, а в раскрытии опасного и вредного обычая, укоренившегося в нашей журналистике и являющегося одним из выражений наблюдаемого у нас противоречия между словами и делами (противоречия, на которое указывается в заключительной фразе статьи о честных убеждениях и честных делах)» (Решение суда чести по делу «Современного мира» и «Речи» // *Современный мир. 1910. № 5. Отд. II. С. 127*).

⁶ Неточность Юшкевича: вместо обещанного в объявлении о подписке на 1909 г. рассказа «Маскарад» М.П. Арцыбашева и «Очерков полярной охоты: (Олени, Рыба)» В.Г. Тана «Современный мир» напечатал рассказ Арцыбашева «Старая история» (1909. № 12) и произведения Тана «В пустыне: Рассказ» (1909. № 1) и «Жертвы дракона: Роман из первобытной жизни человечества» (1909. № 9–12).

⁷ В 1909 г. в «Современном мире» была напечатана повесть В.В. Вересаева «К жизни» (№ 1–3).

⁸ Ср. заявление суда чести о том, что, поскольку речь шла о постоянных сотрудниках, «редакция журнала действовала добросовестно, с полной верой в серьезность обещаний, данных ей сотрудниками и повторенных ею в объявлении о подписке» (Решение суда чести по делу «Современного мира» и «Речи» // *Современный мир. 1910. № 5. Отд. II. С. 130*). Одновременно указывалось, однако, и на то, что вопрос этот следовало бы разработать подробнее, но что это выходит за пределы компетенции суда.

⁹ Ср. и письмо в редакцию Юшкевича, в котором он объясняет, почему его обещанный редакцией рассказ так и не появился на страницах «Современного мира»: «Рассказ “Призрак” был, действительно, обещан мною журналу, начал писать его, тема расширилась и написалась пьеса “Miserege”. Журналу я выразил сожаление за невольное невыполнение обещания и предложил Кранихфельду рассказ “Дерибасовская” для 1910 года» (Одесские новости. 1910. № 8066. 16 марта. С. 3).

¹⁰ В решении суда чести специально отмечалось, что слово «конечно» свидетельствует о том, что заметку Чуковского нужно рассматривать как «тяжкое обвинение» редакции «Современного мира», и цитировалось оправдательное письмо Чуковского по этому поводу: «Если бы было названо имя “Современного мира”, то можно было бы понять так: “Современный мир” всегда обманывает своих подписчиков и теперь, *конечно*, обманул. Но так как имя журнала не было названо, то надлежит понимать так: для нашей журналистики это обычай, почти правило поведения, и теперь, раз я привожу список таких-то и таких-то вещей, то, конечно, для подтверждения этого правила. Здесь “конечно” относится к факту, к явлению, а не к лицам, — к поведению журналов, а не журнала» (Решение суда чести по делу «Современного мира» и «Речи» // *Современный мир. 1910. № 5. С. 127*). Это объяснение Чуковского суд признал необидительным.

¹¹ Возможно, что это дополнительный камень в огород Чуковского, родившегося в 1882 г. Ср., например, как В.Г. Короленко излагал Л.Н. Толстому статью Чу-

ковского «Толстой как художественный гений» (Ежемесячное литературное и популярно-научное приложение к журналу «Нива». 1908. № 9. Стлб. 75–104; Чуковский К. Собр. соч. Т. 7. С. 350–368): «Один молодой критик говорит <...> что у Голя, Достоевского есть типы, а у вас будто бы нет типов. Я с этим, конечно, не согласен, во-первых, потому что и типы есть, но кое-что есть в этом и правды» (Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1989. С. 310–311).

¹² Николай Александрович Добролюбов умер в 1861 г. на 26-м году жизни.

¹³ Вербицкая Анастасия Алексеевна (урожд. Зяблова; 1861–1928) — очень популярная в начале века писательница, прозаик и драматург. К. Чуковский в своей статье о Вербицкой приводит некоторые цифры: «Оказывается, что сочинения г-жи Вербицкой разошлись за десять лет в 500 000 экземпляров, что, покуда мы тут сидели и от скуки бранили “Анатэму”, — эти милые “Ключи счастья” за четыре, кажется, месяца достигли “тиража” в 30 000 экз.» (Чуковский К. Собр. соч. Т. 7. С. 101).

¹⁴ Сведения эти, возможно, почерпнуты из следующего газетного отчета: «В библиотеке О<бщест>ва взаимопомощи торгов<ых> агентов выдача книг по авторам выразилась в 1909 г. в следующей таблице: Амфитеатров 1.985, Вербицкая 828, Толстой Л. Н. 736, Гамсун Кн. 685, сб. “Знание” 635, сб. “Шиповник” 606, Достоевский 475, Тургенев 472, Золя 406, Шпильгаген 353, Дюма 312, сб. “Земля” 300, Куприн 290, Шибишевский 287 и т. д.» (Одесские новости. 1910. № 8064. 13 марта. С. 3).

5

Сегодня почетный академик Ив. А. Бунин уезжает из Одессы за границу¹.

Вчера я имел случай беседовать с писателем о современной критике и критиках.

По мнению Ив<ана> Ал<ексеевича>, наступит время, когда общество не будет нуждаться в критике литературных произведений.

Оно само будет хорошо разбираться в том, что художественно, правдиво, красиво, идейно.

Из этого не следует, что не будет критиков.

Кому захочется написать свое мнение о том или ином произведении, тот и напишет...

Это будет всегда.

— Есть много читателей газет, — сказал я, — не имеющих возможности ни следить за журнальной литературой, ни разбираться в новинках, наводняющих книжный рынок. Таким читателям критика нужна. Она рекомендует им лучшие произведения. Дает краткий пересказ содержания произведения. Популяризирует заслуживающую внимания хорошую книжку. Иные читатели без критического фельетона газеты и не знали бы о существовании тех или иных авторов.

— Против такой критики, — заметил Ив<ан> Ал<ексеевич>, — ничего нельзя иметь. Она сводит свою роль к информации. Осведомление читателя — это желательно². Но современные критики — я не называю имен — поступают иначе. Они точно помпой стараются выкачивать из произведения идею. Они пристегивают к тому или иному произведению

серьезнейшие вопросы, которых писатель и не имел в виду — богоискательство, богоборчество, нищезанство, мифотворчество и т.д.³ А после этой критики писатель начинает делать вид, что он действительно все это имел в виду. И, вместо литературы, получается мудрость. Мы мудры. Мы очень мудры. Затем, благодаря критикам, мы очень гениальны. За последние десять лет критика создала столько «гениев», сколько не могли дать до того два-три столетия. А в действительности есть несколько талантливых людей, но до гениальности — далеко.

Речь зашла о том, какие критики в последнее время выдвинулись. Заговорили и о газетных критиках. Я упомянул Чуковского, Пильского⁴.

— Опять-таки, не называя имен, — сказал Ив<ан> Ал<ексеевич>, — приходится отметить, что критиков не всегда выдвигает талант. Иногда это простая случайность. Волею судеб или благодаря нахальству критик шумит, кричит... Растет слава какого-нибудь писателя — и критик-выскачка старается отметить заслуги его и сказать это громче всех, чтобы самому выдвинуться. Потом — слава этого писателя падает, и тот же критик, что раньше бешено его хвалил, с таким же бешенством старается всех перекричать:

— У-лю-лю!.. Ату его!..

Нарастание славы некоторых писателей и падение ее — имена вам известны⁵ — подтверждает сказанное.

Ив.Ал. Бунин придерживается того мнения, что иные критики — небескорыстны... Иначе не было бы бешеной рекламы и такой же травли.

Писатель высказал еще свой взгляд о задачах честной критики, на что она должна обращать внимание, но об этом — в другой раз⁶.

— Вопрос о критиках — больной вопрос. И видно — так было всегда. Еще Гете сказал, что он любит всех животных, кроме критиков и рецензентов...⁷ Должно быть, и тогда они давали себя чувствовать! — закончил свою речь Ив<ан> Ал<ексеевич>.

Печатается по: *Бедовый <Рабинович А.Х.> Каждый день // Одесский листок. 1910. № 64. 19 марта. С. 4.*

Высказанный здесь Буниным взгляд на критику и критиков вызвал ряд откликов в местной прессе. Так, одесская черносотенная газета «Русская речь», поместившая к тому же издательскую заметку (см.: *Пессимист. Маленький фельетон // Русская речь. 1910. № 1326. 18 мая. С. 3–4*) по поводу более поздней беседы Бунина с сотрудником «Одесских новостей» (Одесские новости. 1910. № 8117. 16 мая. С. 3; *Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 532–534*; Бунин реагировал на эту заметку в письме к Нилусу от 10 июня 1910; см.: РАЛ. MS.1066/4080; *Русская литература. 1979. № 2. С. 147*), писала в ответ на публикуемое интервью: «Гишпанский еврей Бен-Израиль Бедовый беседовал с академиком Буниным.

Да-с, так и пишет: “я, дескать, имел случай беседовать с писателем”.

Ишь ты! Неужели он не имел этого случая раньше? <...> Да, так об академике Буине. Он выразил мнение, что когда-нибудь настанет время, когда читатели сами, без помощи критиков, будут разбираться в том, что художественно, идейно, красиво...

Комплимент современным читателям!

О критиках Бунин невысокого мнения. Не говоря уже о том, что они искажают смысл произведения, навязывая ему такие идеи, о которых писатель и не думал, Бунин попросту заподозривает некоторых критиков *в небескорысти* <так!>...

Что делать, сэр! Болезнь века!

Без “хапен-зи-гевезен” в знаменитости не пролезешь.

А не рассуждает ли г. Бунин по данным собственного опыта?» (*Пессимист*. Маленький фельетон // Русская речь. 1910. № 1278. 20 марта. С. 3).

21 марта литературный критик «Одесского листка» еще раз излагал взгляды Бунина на современную критику, приводя примеры из собственного журналистского опыта (см.: *Александровский И. В.* Записки: О критиках // Одесский листок. 1910. № 66. 21 марта. С. 3). Цитируя эту газетную заметку, А. Бабореко в своих «Материалах» допустил досадную ошибку: рассказ Александровского о том, как «некоторые из господ читателей осыпали» его «строгими нотациями» за то, что он нелестно отзывался о произведениях Леонида Андреева, приписывается самому Бунину (см.: *Бабореко*. С. 147). Эта ошибка потом перешла и в работы компилятивного характера (см.: *Роцин М. М.* Иван Бунин. М., 2000. (ЖЗЛ 789). С. 76; *Marullo Th. G.* Ivan Bunin. Russian Requiem, 1885–1920: A Portrait from Letters, Diaries, and Fiction. Chicago, 1993. P. 126).

¹ Таким образом, можно точно установить, когда именно Бунин с В.Н. Муромцевой отправились за границу. До сих пор указывалось лишь приблизительно, что это было в «20-х числах марта 1910» (*Бабореко*. С. 149).

Возвратившись из поездки, Бунин подробно рассказывал в газетных интервью об этом заграничном путешествии по Западной Европе и северной Африке и о пребывании на Капри, откуда он вернулся через Афины, Смирну и Константинополь в Одессу (см.: *А. Ар.* <*Аренберг А. А.*> У И.А. Бунина // Одесские новости. 1910. № 8117. 16 мая. С. 3; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 532–534; *И. М-ч.* <*Мавич И.*> У И.А. Бунина: О поездке писателя-академика в Центр<альную> Африку и об его встречах // Утро России. 1910. № 153. 22 мая. С. 4; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 363–364). См. также: *Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 476–480; Устами Буниных. Т. 1. С. 90–92; *Бабореко*. С. 149–151; указанная в последнем из источников дата прибытия Бунина в Одессу «18 мая ст<арого> ст<илия>» также явно не соответствует действительности, так как вышеупомянутое интервью Бунина «Одесским новостям» появилось уже 16 мая. Следовательно, Бунин прибыл в Одессу не позднее 15 мая 1910 г.

² Ср. в этой связи заметку Бунина 1898 г., в которой излагается программа «Литературного дневника» в газете «Южное обозрение», который писатель в дальнейшем вел, однако, только эпизодически: «”Дневник” претендует, главным образом, не на критику, а на то, чтобы осведомлять читателя насчет того, что есть в книжках журналов заметного, нового, дать возможность тому, кто не следит за всеми журналами, быть все-таки в курсе дела, следовательно, не всегда говорит только о художественном материале, а вообще об интересном и полезном» (*Чубаров И.* <*Бунин И. А.*> Литературное обозрение: <Рец. на: Книжки «Недели». 1898. № 9> // Южное обозрение. 1898. № 594. 24 сентября. С. 2; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 331).

³ Бунин перечисляет важнейшие для теории и практики русского символизма понятия.

⁴ Пильский Петр Моисеевич (1876–1941) — критик, публицист, беллетрист.

Ссылка журналиста на Чуковского и Пильского, как на наиболее известных газетных критиков, не являлась случайностью, поскольку современники, как отметила Е. Иванова в комментариях к шестому тому собрания сочинений Чуковского, часто объединяли эти два имени, как, например, в статье В. Шебуева 1908 г. «Господа Чукопильские» (см.: *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 6. С. 558).

⁵ Учитывая, что полемический запал данного интервью направлен главным образом против символистов, точнее, против тех критиков, которые, по мнению Бу-

нина, навязывают авторам символистские идеи и концепции и тем самым сбивают их с пути, можно с высокой долей вероятности предположить, что Бунин, говоря о писательской славе и падении ее, намекает здесь в первую очередь на Сергея Митрофановича Городецкого (ср.: «Такого быстрого возрастания славы не знал еще ни один русский поэт»; *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 6. С. 478). Первый сборник Городецкого «Ярь: Стихи лирические и лиро-эпические», по поводу которого Сергей Соловьев замечал, что его автор обладает «даром мифотворчества» (Золотое руно. 1907. № 2. С. 89), был восторженно принят символистами (например, Вячеславом Ивановым; см.: Критическое обозрение. 1907. № 2). Следующие книги Городецкого, однако, вызвали и в символистских кругах отрицательную оценку (см., например: *Блок А.А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 650); ср. также оценку, которую дал Городецкому А. Белый: «Городецкий — мифотворец по заказу; сказал Иванов: “Творите”. И “затворил”» (Перевал. 1907. № 8/9. С. 103; цит. по: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 350).

В пользу этого предположения говорит и написанный Буниным для Академии наук уничтожительный отзыв о сочинениях Городецкого: «Всякого порицания заслуживает этот молодой представитель “новой” поэзии, а уж никак не поощрения и санкции. Не он важен: важна школа, воспитавшая его. А ведь он один из первых учеников в этой школе. У него есть даже известность, — правда, почти не выходящая за пределы литературных кружков и *понятная только в силу того беспримерного падения, до которого дошла современная критика*, но известность довольно громкая» (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 344; курсив мой. — *Д.Р.*). Разряд изящной словесности Академии наук обратился к Бунину с просьбой рецензировать сборники Городецкого 16 февраля 1910 г., т.е. незадолго до публикуемого здесь интервью (см.: *Кулябко Е.С.* И.А. Бунин и Академия наук // Русская литература. 1967. № 4. С. 175).

Резкие выпады против Городецкого, не названного по имени, содержатся и в речи Бунина, произнесенной в 1913 г. на банкете в честь 50-летия газеты «Русские ведомости» (см.: Пятидесятилетний юбилей газеты «Русские ведомости»: (1863–1913). М., 1915. С. 27–30; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 316–322; см. также № 20 и предисловие к настоящей публикации).

Возможно, что яд бунинского высказывания предназначался также и К. Чуковскому, самому знаменитому в то время «газетному» критику, статьи которого нередко вызвали бурную полемику (см. подробнее: *Иванова Е.В.* Годы известности Чуковского-критика // *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 7. С. 12–19; ср. также примеч. 2 к № 4). Чуковский посвятил первому сборнику Городецкого восторженный отзыв (см.: *Чуковский К.И.* О Сергее Городецком // Свобода и жизнь. 1906. № 15. 3 декабря. С. 3; *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 6. С. 423–427). Уже в советское время Чуковский вспоминал: «Когда я написал трескучую и моветонную статью о Сергее Городецком, появилась эпиграмма:

Сергей воспел стихами “Ярь”,
Корней покрыл его хвалою.
Поверьте, други, вас бы встарь
Одною высекли лозою»
(*Чуковский К.И.* Дневник: 1930–1969.
2-е изд., испр. М., 1997. С. 398).

⁶ Изложение взглядов Бунина на задачи «честной критики» в ежедневных фельетонах А. Рабиновича в «Одесском листке» обнаружить не удалось. Имя Бунина упоминается журналистом в дальнейшем всего один раз: в юмористическом фельетоне с использованием цитат из газетного интервью, данного Буниным «Одесским новостям» (см.: *А.Ар.* <Аренберг А.А.> У И.А. Бунина // Одесские новости. 1910. № 8294. 15 декабря. С. 2; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 364–366): «Естественно, я обратился к академику:

Он раскрыл большую книгу, тщательно скрывал от меня, что это календарь, и мельком, будто мимоходом скользя взором по печатному, охотно поделился со мной сведениями:

— Видите ли, декабрь один из замечательных месяцев. В этом месяце бывает подписка на газеты. В этом месяце появляются на газетной простыне имена, чтобы в феврале исчезнуть. Хотя публика отлично знает предподписочные трюки, но ее все же стараются подцепить “именами”, пролетающими, как метеор. За этот месяц наш шар земной несется в пространстве с наибольшей скоростью. Средняя быстрота хода земного шара равняется сотне тысяч верст за час, но в декабре она увеличивается еще почти на три тысячи верст.

— Поэтому теперь тепло и иных меховщиков ожидают банкротства?

— На этот вопрос я вам отвечу только по возвращении из поездки на Дальний Восток, куда я поеду на пароходе Добровольного флота. Маршрут мой приблизительно таков: Порт-Саид, Египет, Индия, Япония. Вот когда я вернусь из Японии и закончу произведение об интеллигенции обеих столиц размером “Деревни”...

Тут только я убедился, что попал к академику, но не к тому, кто мне был нужен.

Преодо мной сидел академик А.И. <так!> Бунин, а его специальность — стихи, проза, но не циклоны и антициклоны» (*Бедовый <Рабинович А. Х. > Каждый день // Одесский листок. 1910. № 289. 16 декабря. С. 4.*)

⁷ Подобную цитату в Полном собрании сочинений и писем Гете обнаружить не удалось. Самым известным высказыванием Гете о рецензентах, ставшим крылатым выражением в немецком языке, является заключительная строка стихотворения «Rezensent» («Рецензент»): «Schlagt ihn tot, den Hund! Es ist ein Rezensent» («Убейте его, собаку! Он рецензент»).

6

Вчера я посетил прибывшего в Одессу И.А. Бунина¹.

Писатель встретил меня в уютном номере Лондонской гост<иницы>², освещенном предсумеречными лучами солнца.

Завязалась непринужденная беседа. Писатель только что приехал из-за границы³. О толках, вызванных его последней повестью <так!> «Ночной разговор», И.А. Бунин ничего не знает, но он предполагал различными различными обостренными суждения на этот счет, так как в «Ночном разговоре» краски еще гуще, нежели в «Деревне»⁴.

На мои вопросы: неужели все в деревне так безотраднo и почему И.А. Бунин не развил тех новых веяний, о которых говорится в «Деревне»⁵, писатель ответил подробно.

— Я пишу то, что вижу, — сказал он. — Я вырос в деревне⁶, сам являюсь помещиком средней полосы России и в своих сочинениях изображаю наблюденную правду. Я полагаю, что уже прошла та пора, когда о мужике говорили, а иногда и нужно было говорить, его идеализируя. О деревне пока у нас было написано очень мало трезвого. Кающиеся дворяне, разночинцы принесли в литературу прикрашенность Антона Горемыки⁷. Лучшими знатоками крестьянства были Николай Успенский и Эртель, но первый погубил свой талант⁸, а у второго замечается кое-что от идеализации Тургенева⁹. Я не говорю о Златовратском¹⁰, этом миннезингере народа.

Надломленная душа Глеба Успенского не ко всему в деревне могла подойти объективно¹¹, а Л.Н. Толстой искал в народе философского смысла правды, а не быта¹².

Далее И.А. Бунин упомянул о своем увлечении в молодости толстовством, о попытке «опрошения» с целью лучше слиться с народом¹³. Писатель указал, между прочим, что критики часто поступают несправедливо, обвиняя его в отсутствии положительных типов¹⁴ — они есть и в «Деревне». Степан <так!> Ильич, Кузьма, его брат, и женщина, именуемая «Молодка» <так!>. Вольно же подходить к героям повести с стремлением все уложить на соответствующую полочку и видеть в Степане <так!> Ильиче — кулака¹⁵.

На вопрос о том, как отразились на настроении крестьянства последствия закона 9 ноября¹⁶ — писатель ответил: «Никак». И.А. Бунин уверен, что в средней России многие даже не знают о существовании этого закона.

Говоря о сфере своих наблюдений, автор «Ночного разговора» сообщил, что впечатления, вынесенные им из общения с крестьянством средней России, судя по литературным данным и слышанному, не находятся в контрасте с существующим на севере и юге. Материал писателя поэтому не имеет областного значения¹⁷. Возвратившись к последней повести И.А. Бунина, я спросил, полагает ли автор возможной такую расправу, какая была произведена над барином, убитым собственным ребенком как орудием, по отношению к своему брату крестьянину¹⁸. Несколько подумав, мой собеседник ответил, что такая форма жестокости, пожалуй, — не может быть допустима к представителю своего класса, хотя вообще в жестокостях мужики не щадят друг друга.

Разговор перешел к путешествию, последним пунктом которого явился наш город. Писатель вообще очень много изъездил стран. Остались непосещенными лишь Америка и Австралия. В первую, впрочем, поэта не тянет. И.А. Бунин возвратился сейчас из четырехмесячной поездки в Германию и Швейцарию и на остров Капри. Некоторое время прожил он во Флоренции¹⁹, и более всего — на Капри²⁰. Часто встречался И.А. Бунин с М. Горьким²¹. Оба писателя очень много работали²². Горький, по замечанию моего собеседника, не из тех людей, что жалуется, но, несомненно, разлука с родиной и разрыв с живыми впечатлениями русской действительности тяжелы для него, как для человека и как для художника.

И.А. Бунин сообщил, что последний рассказ М. Горького «Три дня» только что закончен и появится в новом журнале «Заветы», вероятно, в апреле²³.

Беседа естественно перешла к собственным литературным трудам И.А. Бунина. Писатель собирается издать сборник своих рассказов²⁴, куда войдут уже напечатанные произведения: «Сто восемь»²⁵, «Сила»²⁶, «Ночной разговор»²⁷, «Хорошая жизнь»²⁸. В выходящем на днях 38 сборнике «Знания» появится повесть <так!> И.А. Бунина «Захар Воробьев»²⁹. В но-

вом журнале «Заветы» будет напечатана повесть «Веселый двор»³⁰ — в ней, между прочим, заметил И.А. Бунин, выведен положительный тип мужика³¹. В апрельской или майской книге «Вестника Европы» появится рассказ <так!> «Суходол»³², посвященный взаимоотношениям народа и помещиков³³. Последней написанной И.А. Буниным на Капри вещью была повесть «Грушка», еще находящаяся в портфеле писателя³⁴.

Писатель предполагает провести в Одессе, которую любит и знает, всю весну, а скорее всего и лето («Надо поработать», — говорит он). Если И.А. Бунин останется на лето, то поселится на одном из Фонтанов — поближе к морю³⁵.

Печатается по: *Н.П. <Пересветов Н.А.> Наши беседы: У И.А. Бунина // Одесский листок. 1912. № 50. 1 марта. С. 2.*

¹ 29 февраля 1912 г. Бунин прибыл в Одессу из-за границы (см. примеч. 3) и дал всем трем большим либеральным газетам Одессы интервью, которые появились одновременно, 1 марта (см.: *Ард. <Ходоровский А. С.> У академика Ив.А. Бунина: (Беседа) // Южная мысль. 1912. № 151. 1 марта. С. 3 (см. № 7 настоящей публикации); А.Ар. <Аренберг А.А.> У И.А. Бунина // Одесские новости. 1912. № 8659. 1 марта. С. 3; Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 542–545).*

² Лондонская гостиница была расположена по адресу: Николаевский бульвар, 11 (см.: *Одесса: Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом «Одесский уезд» на 1911 год. Одесса, 1911. <Отд. II.> Стлб. 36).*

³ Бунин выехал из Петербурга через Германию (Берлин, Нюрнберг) и Швейцарию (Люцерн, Гёшенен) в Италию (Генуа, Флоренция, Неаполь), обосновался на острове Капри, где он провел зиму, уезжая ненадолго в Неаполь, Поццуоли, Помпею и Сорренто. Покинув Капри весной 1912 г., Бунин возвратился в Одессу по маршруту Неаполь, Бриндизи, Корфу, Патрас, Афины, Константинополь (см.: *Бабореко. С. 176–183; Устами Буниных. Т. 1. С. 115–116).*

⁴ Рассказ Бунина «Ночной разговор», написанный 19–23 декабря 1911 г. на Капри (см.: *Бунин И. Собр. соч. Т. 3. С. 481*), появился в феврале 1912 г. в первом Художественно-литературном сборнике петербургского «Издательского товарищества писателей» (С. 75–100). Уже до выхода сборника газеты вкратце передавали содержание рассказа и сообщали о чтении автором «Ночного разговора» у Максима Горького на Капри 22 декабря 1911 г. (см.: *Утро России. 1912. № 17. 21 января. С. 6; Одесский листок. 1912. № 19. 24 января. С. 6; Сибирская жизнь. 1912. № 46. 26 февраля. С. 4; рассказ в этих газетных заметках именуется «Деревенский разговор»).*

Первую известную нам рецензию на «Ночной разговор» написал Н.С. Клецов, который, кстати сказать, и заведовал новым петербургским издательством, опубликовавшим рассказ. При этом Бунин фактически продиктовал Клецову этот отзыв, во многом перекликающийся и с публикуемым здесь интервью. В частном письме Клецову от 23 января 1912 г. Бунин, обсуждая характер готовящегося сборника, писал: «Без гвоздей, говорите, идет? Да пожалуй и при желании нельзя теперь идти на прежних гвоздях. Раскусывает помаленьку публика, что это за гвозди. Тем более не к лицу издателям-писателям гнаться за гвоздями — нужно художество прежде всего, тенденциозное, нетенденциозное, но только искреннее, серьезное. Ибо мастеровщины, подделок под художество, лубка, дурного тона, мнимой значительности — девать стало некуда.

Ругать меня будут? Да что ж, я за похвалами никогда не гонялся. А брань невежд и борзописцев меня не трогает. Им ли говорить о моих изображениях народа? Они о папуасах имеют больше понятия, чем о народе, о России, о природе даже. <...>

Нет объективного творчества? Да, конечно, все относительно. (Думаю о себе, однако, что я объективен.) И деревню воспринимаю я по-своему. Но ведь и Толстой, и Гл. Успенский, и Эртель, — только их изображения деревни считаю я ценными, — воспринимали по-своему. Важно прежде всего — знать. А я — знаю. И, быть может, как никто из теперь пишущих. Важно и восприятие иметь настоящее. Есть у меня и этого доля» (цит. по: *Бабореко А. К.* Из переписки И. А. Бунина // *Новый мир.* 1956. № 10. С. 209–210; письмо ошибочно датировано публикатором 1910 г.).

Ср. рецензию Клестова: «В сборнике нет “гвоздей”, нет т<ак> н<азываемых> громких имен, под прикрытием которых вошло в обычай для оправдания расходов брать “на затычку” всяческий литературный хлам <...> Мужики в новом рассказе И. Бунина (“Ночной разговор”) так же одичали и озверели, как и в нашумевшей того же автора повести “Деревня”. Идиотизм сельской жизни — вот что можно сказать о мужиках и деревне Ив. Бунина. “Ночной разговор”, несомненно, вызовет много толков в печати и в обществе. Опять будут говорить о “субъективной правде” Бунина, об одностороннем воспроизведении деревни, но вряд ли кто станет отрицать, что Ив. Бунин действительно *знает* народ, как, пожалуй, никто из ныне пишущих о народе; вряд ли кто станет отрицать, что Бунин искренен и правдив.

“Ночной разговор” написан превосходным русским языком, точным, образным, сильным. Нет этого неприятного нагромождения народных выражений и слов, чем так любят щеголять многие пишущие о народе, ошибочно полагая, что чем больше они запишут “подслушанных” разговоров — тем лучше» (*К-ов Н.* <*Клестов Н. С.*> Литературно-критические заметки: О художественно-литературном сборнике т<овариществ>ва писателей // *Столичная молва.* 1912. № 231. 27 февраля. С. 5).

Продиктованную Клестову рецензию вкупе с газетными интервью (ср. также примеч. 12) следует рассматривать, таким образом, как попытку Бунина повлиять на восприятие его рассказа критикой, как своего рода «предварительный удар», долженствующий направить критические суждения в желательное для автора русло, чтобы не повторились те кривотолки, которые, по мнению Бунина, вызвала его «Деревня» в 1910–1911 г. (ср. и письмо Бунина Клестову от 24 декабря 1911 г.; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 3. С. 481). Бунин живо интересовался реакциями на свой «Ночной разговор» и запрашивал Клестова 4 марта 1912 г. из Одессы: «Напишите, как дела? И очень ли бранят меня за мужиков?» (Письма Л. Андреева и И. Бунина / Публ. И. Газер // *Вопросы литературы.* 1969. № 7. С. 183).

Широко обсуждаться в печати бунинский рассказ начал лишь с марта 1912 г., т. е. уже после публикуемого здесь интервью (см., например: *Игнатов И. Н.* Литературные отголоски // *Русские ведомости.* 1912. № 63. 16 марта. С. 3; *Вяткин Г. А.* <Рец. на: Первый сборник Издательского товарищества писателей. СПб., 1912> // *Сибирская жизнь.* 1912. № 79. 8 апреля. С. 6; *Коробка Н. И.* Литературное обозрение: Сборник писателей // *Запросы жизни.* 1912. № 15. 13 апреля. Стлб. 923–928; *Колтоновская Е. А.* Новости литературы: О деревне: (Легенда о шоколадном мужике и ее крушение) // *Новый журнал для всех.* 1912. № 4. Стлб. 99–106; *Редько А. М.* Из литературных впечатлений // *Русское богатство.* 1912. № 4. Отд. II. С. 126–143; *Икар <Ивинский Б. И.>* <Рец. на: Первый сборник Издательского товарищества писателей. СПб., 1912> // *Раннее утро.* 1912. № 132 (7736). 9 июня. С. 5; *Васильев Ю.* «Товарищеский сборник» // *Путь.* 1912. № 6. С. 48–54; *Рославлев А. С.* Издательство писателей // *Оренбургский край.* 1912. № 149. 7 июля. С. 2; *Дерман А. Б.* <Рец. на: Первый сборник Издательского товарищества писателей. СПб., 1912> // *Заветы.* 1912. № 4 (июль). Отд. II. С. 176–179).

Отмечая высокие художественные достоинства рассказа Бунина (см., например: *Безобразов П. В.* Звери // *Одесский листок.* 1912. № 49. 29 февраля. С. 2; *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Литературные беседы // *Речь.* 1912. № 115 (2069). 28 апреля. С. 3), критика все же в основном считала «Ночной разговор» вслед за «Деревней» произведением тенденциозным, изображающим мужика и русскую действительность в искаженном виде. Львов-Рогачевский писал, что Бунин в своем рассказе превратил «жизнь 80 миллионов в одно сплошное черное пятно. Это какое-то народниче-

ство наизнанку» (Современный мир. 1912. № 3. С. 328). Критиковалась и структура рассказа: «Лучше бы этого слушающего и поучающегося мальчика вовсе не было, а был бы один ночной разговор, и эта дивная вещь стала бы своего рода перлом» (Ардов Т. <Тардов В.Г.> Новые литературные явления // Утро России. 1912. № 58. 12 марта. С. 2). Резко отрицательные отзывы реакционной печати имели характер личных нападок: «Ив. Бунин, в почетной роли шабес-гоя, не только харкает в душу народа, но еще и *коверкает* народную речь» (Бурнакин А.А. Литературные заметки: Сомнение и надежды // Новое время. 1912. № 12928. 9 марта. С. 6).

В письме Горькому от 6 июля 1912 г. Бунин подводил итоги отзывам критики о своих деревенских рассказах: «Да и критики в гроб вгоняют безвременно: кучу вырезок получаю чуть не каждый день, и по крайней мере треть из них — преподлая: густо кадят, но и врут на меня, якобы жестокосердного, как на мертвого. Надежда слабая только на сборник рассказов — будучи собраны в книгу, м<ожет> б<ыть>, мягче они покажутся» (Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 63).

⁵ Сам Бунин говорил в газетном интервью по поводу фигуры Дениски: «Определение “мечтатель” совершенно не подходит к этому персонажу... Это тип нового человека в деревне, тип, заключающий в себе черты и цинизма и застенчивости вместе...» (К-ский. О новой повести И.А. Бунина // Одесский листок. 1910. № 58. 12 марта. С. 3; Новый мир. 1965. № 10. С. 224).

На вопросе о новых веяниях в «Деревне» подробно останавливался Д. Тальников (о нем см. также примеч. 13 к № 24) в своем ответе Н. Геккеру, упрекавшему Бунина в том, что он в «Деревне» выдает «фальсифицированную жизнь» за правду и действительность, не замечая обновления деревни (см.: Н.Г. <Геккер Н.Л.> Литературные заметки: М. Горький о народе // Одесские новости. 1911. № 8358. 3 марта. С. 2); «Начиная с Ломоносова и Щепкина, деревня русская — даже крепостная, зачумленная — “выводит из народа столько славных, то и знай” — столько бодрых, энергичных, талантливых, но ведь общая физиономия деревни от этого не меняется что-то. Бунин в своем герое Кузьме тоже отразил этот — далеко не новый — тип талантливого самоучки-искателя, но ведь от этого основной фон его “Деревни” ничуть не изменился. Разве могут эти одинокие прекрасные цветы, вырастающие на почве темной забитой деревни, опровергнуть фактом своего появления из народных масс ту мысль, что в деревне сейчас очень неблагоприятно, тяжело, что мужик en masse <в массе — франц.> невежественен, туп, забит?» (Тальников Д. <Шпитальников Д.Л.> О чизе, дятле и свободном человеке: Заметки читателя // Одесские новости. 1911. № 8364. 10 марта. С. 2; см. также: Александровский И.В. Записки: «Деревня» // Одесский листок. 1910. № 68. 24 марта. С. 3; Александровский И.В. Литературные характеристики: «Деревня» // Одесский листок. 1910. № 243. 24 октября. С. 2).

⁶ Детство (1873–1883) Бунин провел на хуторе Бутырки Елецкого уезда Орловской губернии.

⁷ «Антон Горемыка» — пьеса А.Ф. Писемского (1821–1881).

⁸ Успенский Николай Васильевич (1837–1889) — писатель-разночинец. Интерес к судьбе Николая Успенского не оставлял Бунина в течение всей жизни. В молодости Бунин занимался сбором биографических материалов о покончившем с собой писателе (см.: Бунин И. Письма 1885–1904. С. 207–208, 209) и посвятил ему ряд статей (К будущей биографии Н.В. Успенского // Орловский вестник. 1890. № 125. 31 мая. С. 2–3; Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 495–501; Забытый человек // Русская жизнь. 1892. № 333. 8 декабря. С. 2; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 310–313). Как было доказано, приписываемая Бунину статья 1889 г. «Талант, выброшенный на улицу: По поводу самоубийства Н.В. Успенского» (см.: Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 552; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 309, 314) принадлежит не Бунину, а И.А. Баталину (см.: Аксельрод В.И. Это не Бунин! // Русская литература. 1974. № 3. С. 220). О Михайлов, к сожалению, повторяет свою ошибку тридцатилетней давности до сих пор (см.: Михайлов О.Н. Жизнь Бунина: Лишь слову жизнь дана... М., 2001. С. 53).

О Н. В. Успенском см. также: *Бунин И.* Публицистика (по указателю); Иван Бунин во Франции: Дневник Я. Б. Полонского / Публ. Е. Г. Эткинда // *Время и мы.* 1980. № 56. С. 300.

⁹ Эртель Александр Иванович (1855–1908) — прозаик. Свои впечатления о знакомстве с Эртелем в 1896 г. Бунин передал в письме к брату: «Эртель мне чрезвычайно понравился. Был со мной очень ласков, говорил, что он знает меня и что я очень заинтересовал его своими очерками в “Рус<ском> богатстве”, что они с Михайловским нынче летом много говорили про меня и т. д.» (*Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 223); см. также: *Бабореко А. К.* Бунин и Эртель // *Русская литература.* 1961. № 4. С. 150–151.

В мемуарном очерке эмигрантского периода «Эртель» (Последние новости. 1929. № 2885. 14 февраля. С. 2–3; *Бунин И.* Публицистика. С. 286–294), вошедшем с незначительными исправлениями и в книгу «Воспоминания» (Париж, 1950. С. 171–183), отсутствуют критические ноты в оценке писателя, биографию и духовную эволюцию которого Бунин явно примерял к себе самому.

¹⁰ Златовратский Николай Николаевич (1845–1911) — писатель-народник. Личные отношения Бунина со Златовратским складывались неудачно. В 1901 г. Златовратский опубликовал рецензию на два ранних сборника Бунина (*Оранский Н.* <*Златовратский Н. Н.*> <Рец. на кн.: Бунин И. А. «На край света» и другие рассказы. СПб., 1897; Бунин И. А. Стихи и рассказы. М., 1901 (Библиотека «Детского чтения») >) // *Журнал для всех.* 1901. № 12. Стлб. 1533), по поводу которой Бунин жаловался издателю журнала В. С. Миролубову, по-видимому, еще не подозревая, кто скрывается под псевдонимом: «Прошу Вас как-нибудь заглянуть ошибку г. Оранского, — напечатать, что ли, поправку — ошибку, возмутительную принципиально. Оранский напечатал у Вас заметку о двух моих книжках, о “Стихах и рассказах” и о “На край света”, отнеся их обе к числу книг для детей. Не говорю уже о том, что Оранский с необыкновенной снисходительностью толкует обо мне, точно мне не 30 лет, а 10 и точно я вчера начал печататься, — странно то, что он, видимо, не читал “На край света”. Если уж он такой малосведущий человек в маленькой истории литературы последних лет, если он не видал ни одного из рассказов “На край света”, когда они печатались в толстых журналах, если он не заметил, что книга издана пять лет тому назад и на ней вовсе не значит, что это издание для детей, почему он не прочитал ее, прежде чем поощрять меня? В “На край света” вторым рассказом идет очень большой рассказ “На даче”, изображающий толстовцев, полный интеллигентных споров и всего прочего, решительно дикого для детей. Почему же Оранский не рекомендовал и этот рассказ маленьким читателям? Одним словом, разъяснять всю эту ошибку мне нет охоты, но должен сказать Вам, что я очень обижен “Журналом для всех” и очень огорчен, встретив еще раз яркий пример той репортерской распушенности, которая царит у нас в “критике”» (*Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 395). См. также примеч. 29 к № 12; *Бунин И.* Публицистика (по указателю); *Бахрах А. В.* Бунин в халате. М., 2000. С. 103–104.

¹¹ В своих эмигрантских статьях Бунин уже не говорит о недостающей Г. Успенскому объективности в изображении деревни, но подчеркивает особенности восприятия его творчества русской интеллигенцией: «А вот Глеб Успенский, художник истинный, Божьей милостью. Сколько замечательных и поучительных характеристик народа! <...> Но, повторяю, из него брали только нужное для революционной мельницы» (*Бунин И.* Публицистика. С. 122; см. также: *Газер И. С.* И. Бунин и Глеб Успенский // *Вопросы русской литературы.* Вып. 1. Львов, 1966. С. 33–39).

¹² Бунин вернулся к этой теме полгода спустя в очередном газетном интервью: «Ни в какой стране нет такого разительного противоречия между культурной и некультурной массой, как у нас.

Да иначе у нас и быть не могло. Ибо в России никогда не существовало подлинного серьезного изучения народа.

Возьмите “Антон Горемыку”, про которого еще тогда было сказано, что это не русский народ.

Равным образом и у Тургенева не было полного изображения народной действительности. Он жил преимущественно за границей, преследовал специальную цель показать, что и у раба живая душа.

Литературная деятельность Златовратского носила явно прикрашенный характер, давала идеализацию мужика.

Кем действительно было много сделано в смысле изучения народа, это Гл. Успенский. Г. Успенский — огромный талант, огромный художник и крупный человек. Но он, как сам говорил, собирал лишь материал для постройки здания о народе, но планомерного художественного целого произведения не создал.

Тот же Гл. Успенский по поводу упреков в том, что литература заполнена мужиком, горячо уверял, что на самом деле это далеко не так. О мужике пишут чрезвычайно мало.

Толстой писал о народе с известной точки зрения, именно с религиозной, как о трудовом народе, которым держится весь мир» (Московская газета. 1912. № 200. 23 июля. С. 2; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 372).

¹³ Увлечение толстовством относится к 1893—1894 гг., времени пребывания Бунина в Полтаве. Бунин учился бондарному ремеслу, посещал толстовские колонии, занимался распространением книжной продукции издательства «Посредник». В начале января 1894 г. Бунин лично познакомился с Л.Н. Толстым, с которым до того уже переписывался эпизодически (см.: *Бунин И.* Письма 1885—1904. С. 31, 177, 182). Отзвуком бунинской попытки опрощения явился рассказ «На даче».

См. также воспоминания М.К. Куприной-Иорданской: «С Буниным я была в хороших, приятельских отношениях. Мы познакомились, когда я только что перешла в последний, педагогический класс гимназии и начала считаться взрослой, а Иван Алексеевич недавно приехал с Кавказа из толстовской колонии. У него не было еще той корректной манеры держать себя, которую он усвоил позднее. В первое посещение нашего дома он явился в виде толстовца — в голубой русской рубашке и высоких сапогах, что заметно не понравилось моей матери, которая его сразу невзлюбила. <...> В следующую зиму, приехав в Петербург, Иван Алексеевич уже больше не изображал из себя народника и не убеждал меня стать сельской учительницей. Полоса увлечения толстовством прошла» (*Куприна-Иорданская М.К.* Годы молодости: Воспоминания о А.И. Куприне. М., 1960. С. 11—12).

В «Освобождении Толстого» Бунин так вспоминал о периоде своего толстовства: «Позднее, страстно мечтая о чистой, здоровой, “доброй” жизни среди природы, собственными трудами, в простой одежде, главное же, опять-таки от влюбленности в Толстого, как художника, я стал толстовцем, — конечно, не без тайной надежды, что это даст мне наконец уже как бы несколько законное право увидеть его и даже, может быть, войти в число людей, приближенных к нему» (*Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 51; см. также: *Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 138—139, 144; *Бабореко.* С. 42—43; *Кучеровский Н.М.* «Мундир толстовства»: (Молодой И.А. Бунин и толстовство) // Из истории русской литературы XX века. Калуга, 1966. С. 110—131; *Антохин Г.В.* Друзья Л.Н. Толстого Г.А. Русанов и Г.В. Чертков. Воронеж, 1983. С. 104—117).

¹⁴ Ср., например: «Бесконечным одиночеством, апатией и проклятием веет от каждого уголка в деревне, от каждой деревенской фигуры, точно тоска, которую она не в силах скрыть в своих чахлах домишках, выползала из ее гнилых и темных углов, из рваных, холодных зипунов и все давила, все обессиливала, как зимние студеные сумерки. И надо всем беспощадно царит голодная мечта о хлебе, о водке, о наживе. Все враги друг другу, завистники, сплетники. С горечью и злобой язвят и срывают на других свое сердце. Учиняют зверские истории. Подличают, ненавидят и вырождаются».

О вырождении деревни вопиет каждая страница этой повести еще более, чем о злобе и подлости мужиков.

Гниет деревня! Гниют домишки, кресты на погосте и кости в земле. Гниют живьем старики и малые дети. Гниют от голодухи, нищеты и болезней: оспы, тифа,

скарлатины и крупа. <...> И так же, как болезни среди детишек, свирепствуют среди взрослых дурновцев “скотская лень”, суеверия и дикость. И пуше всего — безверие, тупое и равнодушное. Никто не верит ни себе — своим мыслям, своим словам, — ни другому. Не верят чужому горю, чужому отчаянию, а свое равнодушие топят в вине. Равнодушно переносят бедность, смерть, унижения; равнодушно идут на преступления. <...> каждый рвется вон из этого царства нужды и смерти и, мечтая о наживе, мечтает о ней, прежде всего, как о средстве приобщения к городу. Этой тягой в город живет и Тихон, продающий в конце концов Дурновку и, перед отъездом, выдающий замуж свою любовницу, овдовевшую солдатку, за глупого, хилого и безземельного парня Дениску. Оба — и жених, и невеста — ненавидят друг друга, но обоим надоело мыкаться в батраках, оба жадны и готовы на всякую гнусность из-за денег и с радостью принимают предложение Тихона. Описанием этой пьяной, угарной свадьбы и заканчивается повесть Бунина.

На этом гнетущем фоне Бунин выводит много отдельных интересных фигур. Кроме Тихона Ильича, нарисованного с глубоким знанием души и быта Цыбукиных, ярко выделяются деревенский знахарь Чугунок, лукавый и добродушный, обирающий простоватых баб; странник Макарка, поражающий даже Тихона своим умом, цинизмом и наглостью; пьяный мечтатель Серый и целый ряд мелких бесстыжих и беспутных пропойц. Но бунинская деревня совершенно не знает Липы, не знает Хрыминых и Костюковых, призывавших обывателей чеховского “Оврага” “под светлые знамена труда и справедливости на земле”. В противовес деревне Решетникова, Тургенева и Успенского, она рисует все сплошь в безотрадных и отвратительных красках. Самые дельные и разумные здесь те, на которых рассчитана была “ставка на сильных”» (*Войтоловский Л. Н.* Новая повесть И. А. Бунина «Деревня» // Киевская мысль. 1910. № 328. 27 ноября. С. 2).

¹⁵ См., например, статью В. Воровского, посвященную «Деревне»: «Новая деревня, — т. е., собственно говоря, та переходная форма деревенского быта, которая существует сейчас, нечто промежуточное между разрушающейся старой крепостнической деревней и складывающейся будущей, буржуазной, — совершенно не прельщает людей с родственной Бунину психикой. Она чужда им, неприятна, антипатична. Они видят в ней *только* упадок и вырождение, не замечая элементов *новой* жизни. Наблюдая разложение старых нравов, падение господствовавшей морали, крушение прежних, установившихся понятий, т. е. *отрицательные* явления, они не в состоянии, с своей точки зрения, увидеть и оценить зародыши нового уклада деревенской жизни, новой этики, новой идеологии. Вернее, они замечают это новое, но только у той части деревни, которая в своем развитии приближается к *их*, т. е. буржуазному, обществу. Ведь Тихон Ильич тоже *новый* человек: его кулацкий быт, его психику, вообще весь его духовный облик автор рисует с полным пониманием и большой наблюдательностью: ибо этот тип уже определенно сложился и проявил себя ярко и характерно. Другая же часть деревни, та, на которой строится благополучие Тихонов Ильичей, пока еще находится в стадии брожения и не так легко поддается наблюдению художника, особенно же художника с бунинской психикой» (*Орловский П.* <Воровский В. В.> Литературные наброски // Мысль. 1911. № 4. С. 68–69). Сохранился экземпляр статьи Воровского с рукописными пометами Бунина (см.: *Нинов А. М.* Горький и Ив. Бунин. С. 440).

¹⁶ Царский указ от 9 ноября 1906 г. («закон Столыпина»), по которому крестьяне получили возможность выхода из поземельной общины, ознаменовал собой начало столыпинских аграрных реформ.

¹⁷ Кажется вероятным, что эта реплика Бунина является ответом на критику Горького, которую тот высказал после чтения Буниным «Веселого двора» на Капри. Ср. письмо Бунина брату от 4 января 1912 г.: «Под Новый год читал у Горького. Все очень хвалили, сам Горький — сдержанно, намекнул, что России я не знаю, ибо наши места — не типичны, “гиблые места”... Думаю, что Горький полагает, что касаться матерей, души русского народа — это его специальность» (цит. по: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 472–473).

¹⁸ Неточность журналиста: в «Ночном разговоре» рассказывается, как отец ребенка, убитого пулей при попытке смирить мужицкий бунт, избил детским трупом барина: «Чего только не натворили мужики! Все в лоск, вдребезги разнесли, барина этого самого в закуту загнали, затолкли, а мужик этот, отец-то этого ребенка, прибежал туда с этим самым ребенком, задохнулся, очумел от горя — и давай барина по голове этим ребенком мертвым охаживать! Сгреб за ножки — и давай бузовать. А тут другие навалились и, значит, миром-соброром и прикончили» (*Бунин И.* Собр. соч. Т. 3. С. 273–274).

¹⁹ Бунин останавливался во Флоренции проездом всего на двое суток в конце октября 1911 г. (см.: *Бабореко.* С. 177); ср. также примеч. 3.

²⁰ Бунин пробыл на Капри с 1 ноября 1911 г. по 17 февраля (см.: *Бабореко.* С. 177, 183), либо по 16 февраля 1912 г. (см.: ЛЖТ. Вып. 2. С. 255); ср. также примеч. 3.

²¹ См.: ЛЖТ. Вып. 2. С. 227–255; *Бабореко.* С. 177–183; *Нинев А. М.* Горький и Ив. Бунин. С. 412–425.

Видимость близких и теплых отношений с Горьким, поддерживаемая Буниным в публичных высказываниях, в том числе и в многочисленных газетных интервью (см. № 1, 7, 11, 17, 24 настоящей публикации; *Чуковский К. И.* Наши гости // *Одесские новости.* 1902. № 5843. 28 декабря. С. 3; *Литературное наследство.* Т. 84. Кн. 1. С. 360–362; *К-ский.* У И. А. Бунина: Беседа // *Одесский листок.* 1910. № 49. 2 марта. С. 3; *Литературное наследство.* Т. 84. Кн. 1. С. 362–363; У И. А. Бунина // *Одесские новости.* 1910. № 8117. 16 мая. С. 3; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 532–534; *И. М. ч. <Мавич И.>* У И. А. Бунина: О поездке писателя-академика в Центр<альную> Африку и об его встречах // *Утро России.* 1910. № 153. 22 мая. С. 4; *Литературное наследство.* Т. 84. Кн. 1. С. 363–364; *Отъезд И. А. Бунина* // *Одесские новости.* 1910. № 8295. 16 декабря. С. 3; *Литературное наследство.* Т. 84. Кн. 1. С. 367–368; *А. Ар. <Аренберг А. А.>* У И. А. Бунина // *Одесские новости.* 1911. № 8515. 8 сентября. С. 4; *Литературное наследство.* Т. 84. Кн. 1. С. 369–370; У академика И. А. Бунина: Беседа // *Московская вест.* 1911. № 3. 12 сентября. С. 4; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 536–538; *А. Ар. <Аренберг А. А.>* У И. А. Бунина // *Одесские новости.* 1912. № 8659. 1 марта. С. 3; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 542–545; *А. <Аренберг А. А. ?>* У И. А. Бунина // *Одесские новости.* 1912. № 8816. 6 сентября. С. 3; *Литературное наследство.* Т. 84. Кн. 1. С. 373–374; *Л. Фл. <Флауменбаум Л. З.>* На литературные темы: (Беседа с И. Буниным) // *Южная мысль.* 1913. № 491. 17 апреля. С. 2; *Литературное наследство.* Т. 84. Кн. 1. С. 375–377; *Влад. К.* Да здравствует жизнь! (Беседа с И. А. Буниным) // *Вечерние известия.* 1913. № 172. 4 мая. С. 3; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 545–547; *Фрид С. Б.* И. А. Бунин о новой литературе // *Биржевые ведомости.* 1916. № 15498. 14 апреля. С. 3 (Вечерний выпуск); *Литературное наследство.* Т. 84. Кн. 1. С. 378–380; *Аргус.* У И. А. Бунина // *Одесские новости.* 1916. № 10046. 26 апреля. С. 3; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 547–548), опровергается письмами Бунина и свидетельствами его окружения (письма и дневники жены и племянника). Подробнее об этом см. предисловие к настоящей публикации.

²² Ср. письмо Бунина Е. И. Буковецкому от 19 ноября 1911: «Изредка бываем у Горького — он все за работой, да и мы очень много сидим: Вера и племянник переводят, я правил прежние рассказы — то есть сокращал, выкидывал молодые пошлости и глупости — для нового, дополненного издания первого тома» (цит. по: *Бабореко.* С. 178; имеется в виду издание: *Бунин И. А.* Перевал: Рассказы 1892–1902 г. 4-е изд., испр. и доп. М., 1912).

²³ Свое решение Горький впоследствии изменил и передал уже отправленную в редакцию нового журнала «Заветы» повесть «Три дня» в «Вестник Европы» (1912. № 4. С. 61–90; № 5. С. 3–46; см.: *Горький М.* Собр. соч. Т. 29. С. 229). В другом интервью, данном в тот же день сотруднику «Одесских новостей», Бунин подробнее говорил о повести Горького: «Повесть же “Три дня” будет напечатана в новом журнале “Заветы”, который, при ближайшем участии Чернова, начнет выходить в апреле. Фабула повести такова: купеческая семья, во главе которой стоит старик с крепкой волей. Она жаждет свободной жизни, жизни трудовой, настоящей, куль-

туртрегерской. И вот, когда отец умирает, начинается свойственное русской натуре колебание, энергия ослабевает и мечты остаются мечтами. Сказывается русская натура, неумение жить по-настоящему, как живут наши западные соседи» (*А. Ар. <Аренберг А. А.> У И. А. Бунина // Одесские новости. 1912. № 8659. 1 марта. С. 3; Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 544; в Собрании сочинений текст интервью напечатан с купюрами*).

В первой, апрельской, книге «Заветов» был напечатан рассказ Горького «Рождение человека: (Из воспоминаний “проходящего”», открывавший журнал (Отд. I. С. 5–15). Больше Горький в «Заветах» не печатался (подробнее об этом см.: Литературное наследство. Т. 95. С. 586–587, 596–607, 708–719; Переписка А. М. Горького и И. А. Бунина. С. 64, 67; ср. также примеч. 7 к № 7).

²⁴ Имеется в виду сборник «Суходол: Повести и рассказы 1911–1912 г.», вышедший в конце сентября 1912 г. и ставший первой книгой, выпущенной «Книгоиздательством писателей в Москве» (о нем см. № 9).

Сборник был посвящен «Петру Александровичу Нилусу в знак верной дружбы» и содержал следующие произведения: «Суходол», «Захар Воробьев», «Сто восемь», «Ночной разговор», «Сила», «Хорошая жизнь», «Сверчок», «Веселый двор», «Игнат». Ср. письмо Бунина Нилусу от 4 июля 1912 г.: «Почти набран том моих новых рассказов. Как его озаглавить? В нем все только о Руси — о мужиках да “господах”. “Смерть”, “Крик” оставил для другого тома, если Бог даст его. Как озаглавить? Придумай! “Русь”? “Наша душа”? Или просто — “Повести и рассказы”?» (РАЛ. MS.1066/4104; Русская литература. 1979. № 2. С. 149; ответ Нилуса см. там же; ср. также примеч. 16 к № 9).

²⁵ Впервые: Русское слово. 1911. № 187. 14 августа. С. 3–4.

В эмиграции Бунин опубликовал этот рассказ в переработанном виде под заглавием «Древний человек». См. в этой связи письмо М. Горького 1930 г.: «Прилагаю рассказ Бунина “Древний человек”, это — новая редакция рассказа “100 лет” <так!>, написанного на Капри в 910 году <так!>. Интересно бы сравнить оба текста. Мне кажется, что редакция 30 г. очень изменена и — к худшему. Апология мешанства как “смысла жизни” и мешанина как преподобного угодника Действительности, это становится основным и любимейшим занятием “мыслящей” эмиграции» (Архив А. М. Горького. Т. 11: Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966. С. 244; на самом деле рассказ «Сто восемь» Бунин написал в 1911 г. в Глотове).

²⁶ Впервые: Русское слово. 1911. № 214. 18 сентября. С. 3.

²⁷ См. примеч. 4.

²⁸ Впервые: Современный мир. 1912. № 1. С. 57–78.

²⁹ 38-й сборник товарищества «Знание», в котором впервые был напечатан рассказ «Захар Воробьев», вышел в марте 1912 г.

³⁰ Повесть «Веселый двор», которую Бунин первоначально хотел отдать в «Вестник Европы» (см.: *Бунин И. Собр. соч. Т. 3. С. 482*), была послана в редакцию «Заветов» М. Горьким (см.: ЛЖТ. Вып. 2. С. 252; ср. также: Литературное наследство. Т. 95. С. 599; *Бабореко. С. 180*) и появилась в первом, апрельском, номере журнала (Отд. I. С. 20–61).

³¹ Под «положительным типом мужика», очевидно, подразумевается фигура Анисьи; см., например, рецензию Ю. И. Айхенвальда: «И вот, когда про все это читаешь у Бунина, то не только беспредельную жалость чувствуешь и болит сердце, болит совесть, но и бесспорным становится, что, пусть сколько угодно свидетельствует о себе автор: “Я не люблю, о Русь, твоей несмелой, тысячелетней рабской нищеты”, — он все-таки не может не любить Анисьи, он не может не испытывать к ней самой жалостливой нежности, и невольно в свою как будто бесстрастную манеру, в свое эпически-невозмутимое повествование, в эти безжалостные подробности объективного рассказа он вплетает нити-нервы своего острого сочувствия, быть может, даже — заглуженное отчаяние» (*Айхенвальд Ю. И. Литературные наброски: <Рец. на кн.: Бунин И. А. Суходол: Повести и рассказы 1911–1912 г. М., 1912> // Речь. 1912. № 305 (2259). 6 ноября. С. 2*).

³² «Суходол» появился в апрельском номере журнала «Вестник Европы» (С. 3–60).

³³ В более раннем газетном интервью Бунин гораздо подробнее говорил о замысле «Суходола», называемого им то «повестью», то «романом»: «В моем новом произведении “Суходол” рисуется картина жизни следующего (после мужиков и мешан “Деревни”) представителя русского народа — дворянства.

Книга о русском дворянстве, как это ни странно, далеко не дописана, работа исследования этой среды не вполне закончена.

Мы знаем дворян Тургенева, Толстого. По ним нельзя судить о русском дворянстве в массе, так как и Тургенев, и Толстой изображают верхний слой, редкие оазисы культуры.

Мне думается, что жизнь большинства дворян России было гораздо проще и душа их была более типична для русского, чем ее описывают Толстой и Тургенев.

После произведений Толстого и Тургенева существует пробел в художественной литературе о дворянах: нельзя же считаться с книгой Атавы, — которая рассматривает дворянство со стороны его экономического “оскудения”, как с художественным произведением.

Мне кажется, что быт и душа русских дворян те же, что и у мужика; все различие обуславливается лишь материальным превосходством дворянского сословия.

Нигде в иной стране жизнь дворян и мужиков так тесно, близко не связана, как у нас.

Душа у тех и других, я считаю, одинаково русская.

Выявить вот эти черты деревенской мужицкой жизни, как доминирующие в картине русского поместного сословия, я и ставлю своей задачей в своих произведениях.

На фоне романа я стремлюсь дать художественное изображение развития дворянства в связи с мужиком и при малом различии в их психике» (У академика И.А. Бунина: Беседа // Московская весть. 1911. № 3. 12 сентября. С. 4; Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 536–537).

³⁴ Имеется в виду повесть «Игнат», которая в черновиках носила заглавия «Грушка» и «Любовь» (см.: Бунин И. Собр. соч. Т. 4. С. 465). Бунин сообщал Нилусу 7 февраля 1912 г. с Капри: «Я написал еще рассказ — развратный» (РАЛ. MS.1066/4099; Устами Буниных. Т. 1. С. 116).

Упоминание о том, что «Игнат» находится еще в портфеле писателя, по-видимому, вызвано тем, что Бунин испытывал определенные затруднения с публикацией своей повести: сначала он предлагал ее В. Брюсову для «Русской мысли», однако гонорар, затребованный автором, оказался для журнала слишком высок (см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 462–465). А ввиду того, что редакция газеты «Русское слово», в которой «Игнат» впервые появился (№ 162. 14 июля. С. 1; № 164. 17 июля. С. 2; № 165. 18 июля. С. 2; № 166. 19 июля. С. 1; № 167. 20 июля. С. 3), находила в рукописи «некоторую рискованность положений и описаний» (цит. по: Бунин И. Собр. соч. Т. 4. С. 465; см. также письмо Бунина Клестову от 25 июля 1912 г.: Вопросы литературы. 1969. № 7. С. 184–185), публикация затянулась надолго и Бунин был вынужден существенно править текст своей повести (черновые варианты см.: Бунин И. Собр. соч. Т. 4. С. 466–470).

Интересно отметить, что Бунин берег заглавие «Любовь» и для других замыслов: «И.А. Бунин работает в настоящее время над большою повестью, которая будет называться “Любовь”. Вещь обещает быть интересной, автор расширяет сферу своего творчества из жизни современной деревни и разрабатывает в новом произведении проблему крестьянской любви.

Действие происходит в барской усадьбе, но любовь описывается в среде мужиков, а не господ. Героem сельского романа является пастух, а героиней — горничная, служащая в усадьбе у господ.

Главное внимание автора сосредоточено на яркой обрисовке индивидуальных характеров действующих лиц, преимущественно женского.

Особенности характера женщины и приводят в развитии любовной страсти к драматическим коллизиям, завершающимся в конце концов сценою убийства.

Действие развивается с известными промежутками во времени между отдельными картинами повести» (Новая повесть И. Бунина // Московская газета. 1912. № 190. 14 мая. С. 5; см. также: Х. И. Бунин о поэзии // Московская газета. 1912. № 217. 22 октября. С. 5; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 538–539). Некоторые сюжетные линии этого замысла Бунин впоследствии использовал в рассказе «При дороге», который, как свидетельствует дневниковая запись Бунина от 28 мая 1912 г., он обдумывал как раз в эти дни: «Коля <племянник Бунина Н. Пушешников. — Д. Р.> говорил о босяках, которые перегоняют скотину, покупаемую мешанами на ярмарках. Я подумал: хорошо написать вечер, большую дорогу, одинокую мужицкую избу; босяк — знаменитый писатель (Н. Успенский или Левитов)...» (Устами Буниных. Т. 1. С. 123).

«Любовь» было также одним из черновых заглавий рассказа «Сны Чанга» (см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 120).

³⁵ Отказавшись от плана съездить весной 1912 г. в Японию (см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 608; *Бабореко.* С. 179, 183–184; *А.Ар.* <Аренберг А.А.> У И.А. Бунина // Одесские новости. 1912. № 8659. 1 марта. С. 3; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 545), Бунин запрашивал своих одесских друзей П. Нилуса и Е. Буковецкого об их планах на лето (см.: РАЛ. MS.1066/4098–4099) и был намерен снять дачу под Одессой. Возможно, опасения В.Н. Муромцевой, высказанные ею в письме Юлию Бунину, что «дач может и не оказаться» (цит. по: *Бабореко.* С. 183), оправдались.

Весной 1912 г. Бунин выступал с чтением своих новых произведений в Киеве (см.: *Бабореко.* С. 184) и в Москве на «Среде» (см.: Устами Буниных. Т. 1. С. 116; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 3. С. 482–483; *С.Ф.* «Веселый двор»: Новая повесть Ив. Бунина // Столичная молва. 1912. № 242. 4 мая. С. 4; *Басманов Д.И.* «Веселый двор» И.А. Бунина: (Письмо из Москвы) // Одесский листок. 1912. № 106. 8 мая. С. 2). Вторую половину мая и весь июнь писатель провел в Глотове, в имении Васильевское, принадлежавшем его двоюродной сестре С.Н. Пушешниковой; с начала июля до середины августа он гостил у А.С. Черемнова в имении Клеевка в Витебской губернии. Конец августа писатель провел в Крыму, откуда он в начале сентября приехал в Одессу (см.: *Бабореко.* С. 184–198; Устами Буниных. Т. 1. С. 117–131).

7

Вчера прибыл в Одессу из Италии известный писатель-акад<емик> Ив.Ал. Бунин¹.

И<ван>А<лексеевич> провел в Италии свыше четырех месяцев². Жил писатель на о<строве> Капри, где, как известно, постоянно проживает Максим Горький³.

— Не думайте, что я там отдыхал, — сказал нам вчера в беседе И<ван>А<лексеевич>. — Наоборот, на Капри я работал даже больше, чем в России. За короткое время написал целый ряд вещей⁴. Очаровательная природа о<строва> Капри удивительно располагает к работе.

— Стало быть, с Горьким вы виделись часто?⁵ Как чувствует себя сейчас писатель?

— Превосходно. Он тоже во время моего пребывания на о<строве> Капри много работал. Между прочим, он написал большую вещь⁶, которая пойдет в новом московском журнале «Заветы»⁷. Замыслил Горький и еще одну большую литературную работу⁸.

— Каково, по вашим наблюдениям, отношение публики к нашей молодой литературе в Европе?

— За границей по-прежнему больше всего увлекаются титанами русской литературы. Как и раньше, всеобщим кумиром является Лев Толстой. Лихорадочно следят за каждой новой книжкой о нем. В особенности огромный интерес вызывают посмертные произведения Толстого⁹. Когда вышли его письма (полностью) в заграничном издании¹⁰, они брались нарасхват. В новых произведениях молодых писателей за границей, как и у нас, по-видимому, чувствуют упадок настроения, отсутствие духа живого...

— А в наших писательских кругах продолжает сильно чувствоваться этот упадок настроения?

— Подробно на этот вопрос мне трудно ответить, так как я много времени провожу за границей. Судя по письмам, получаемым мною¹¹, упадок продолжается. Писатели еще не оправились от общей придавленности, родившейся, благодаря известным условиям, несколько лет тому назад...¹²

— Не объясняете ли вы этим и упадок фантазии в творчестве писателей?

— Как вам сказать... Если вы говорите о фантазии настоящей, красивой, естественной, рожденной от цветов земли, то упадок ее несомненный факт. *Поэтического* вымысла, фантазии Толстого, Флобера¹³ — нет. На смену пришла вымученная, искусственная выдумка Сологуба¹⁴ etc. *Такой* фантазии даже очень много. Конечно, она — продукт общего упадка настроения. Думаю, что продлится все это недолго. Скоро придет новая, живая струя в литературу, и мы снова обогатимся шедеврами...

От общих разговоров о литературе беседа с писателем перешла вскоре на тему о взаимоотношениях между критиками и критикуемыми.

— Вот, между прочим, сегодня у нас в суде рассматривалось дело Мормонэ-Соломонов¹⁵... — пробовали мы рассказать.

— Ах, я знаю, знаю, — перебил нас писатель. — Это интересное принципиальное дело. Лично я нахожу, что отношения между критиками и критикуемыми действительно ненормальны. Критики наши слишком неделикатны и часто говорят об артисте, писателе, художнике непозволительно резко. С другой стороны, болезненно самолюбивы и критикуемые. По-моему, все же осторожнее, деликатнее должны были бы быть критики.

Что касается данного случая, то мне по этому поводу высказаться трудно, я знаю худ<ожника> Соломонова¹⁶. Когда он давал о Мормонэ свой отзыв, им, вероятно, руководило искреннее убеждение, что произведение Мормонэ скопировано. Возможно только, что он допустил несколько резкий отзыв. В этом случае напрасно все же г. Мормонэ обратился к уголовному суду. Ведь все можно было разрешить проще...

В заключение писатель сообщил нам о своих ближайших планах.

— Собираюсь я писать еще очень много в ближайшее время. В Одессе я пробуду неделю, а затем еду в Москву¹⁷. Лето собираюсь провести у моря, т<ак> к<ак> почти ежегодно приходится жить в деревне, — теперь хочется некоторой перемены обстановки. Весьма возможно, что я поселюсь где-нибудь под Одессой. Сюда усиленно приглашают меня проживающие в Одессе друзья-писатели. Одесский климат, кстати, был бы очень полезен для моего здоровья...¹⁸

Печатается по: *Ард. <Ходоровский А.С.> У академика Ив.А. Бунина: Беседа // Южная мысль. 1912. № 151. 1 марта. С. 3.*

¹ См. примеч. 1 к № 6.

² В Италии Бунин провел неполных четыре месяца — с конца октября 1911 г. по вторую половину февраля 1912 г.; см. также примеч. 3 к № 6.

³ М. Горький жил на Капри с 1906 по 1913 г.

⁴ Во время пребывания на Капри зимой 1911/12 г. Буниным были завершены или написаны целиком следующие прозаические произведения: «Суходол», «Хорошая жизнь», «Сверчок», «Смерть Моисея» (более позднее заглавие — «Смерть пророка»), «Ночной разговор», «Веселый двор», «Захар Воробьев», «Игнат».

⁵ См. примеч. 21 к № 6.

⁶ См. примеч. 23 к № 6.

⁷ «Заветы» — журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1912 по 1914 г.

Бунин называет «Заветы» «московским журналом» потому, что первоначально планировалось начать издание журнала в Москве, а затем перевести редакцию в Петербург, как сообщал Горькому В.С. Миролюбов 12 января 1912 г. (см.: М. Горький: Материалы и исследования. Т. 3. Л., 1941. С. 90; ср. также примеч. 23 к № 6).

⁸ Скорее всего, Бунин говорит о замысле повести Горького «Детство»; см. также: *А.Ар. <Аренберг А.А.> У И.А. Бунина // Одесские новости. 1912. № 8659. 1 марта. С. 3; Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 544.*

⁹ Бунин прочел на Капри только что вышедшее издание посмертных сочинений Толстого (*Толстой Л.Н. Посмертные художественные произведения: В 3 т. / Под ред. В.Г. Черткова. Авториз. изд. Изд-ва «Свободное слово» В. и А. Чертковых. Берлин, 1911–1912*). Ср. отзыв Бунина о первых двух томах в письме П. Нилусу и Е. Буковецкому от 8 января 1912 г.: «Ужли Вы так сошли с ума на гравюрах, что и не читали двух томов Толстого? А если да — то что скажете? Я порою не нахожу слов для выражения телячьего восторга! В русских изданиях страсть сколько выпущено — я читал берлинские» (РАЛ. MS.1066/4097).

Н.А. Пушешников, сопровождавший чету Буниных в заграничном путешествии, записал в своем дневнике в феврале 1912 г.: «Он <Бунин. — Д.Р.> принес от Горького только что вышедшую книгу «Посмертных сочинений Л. Толстого», в которой напечатан «Хаджи Мурат» <т.е. третий том названного издания. — Д.Р.>. Став в раскрытых дверях, соединявших мою комнату <...> с комнатой Веры Николаевны, он начал было читать вступление к «Хаджи Мурату»: «Я возвращался домой полями», — но от волнения остановился, закурил папироску и опять на словах «Сладко и вяло заснувшего там шмеля» остановился и сказал: «Как можно так писать! Это литература! Да и вообще: после Толстого всем надо бросить писать!»» (цит. по: *Бабореко А.К. И.А. Бунин на Капри: (По неопубликованным письмам) // В большой семье: Проза. Стихи. Литературная критика. Смоленск, 1960. С. 246*).

¹⁰ Возможно, имеется в виду одно из следующих изданий: Переписка Л. Н. Толстого. Лондон, 1911; *Tolstoi L. Briefe, 1848–1910. Gesammelt und herausgegeben von P. A. Sergejenko. Autorisierte vollständige Ausgabe. Berlin, 1911.*

Не исключено, однако, что журналист сделал контаминацию из высказываний Бунина о «Посмертных художественных произведениях» (см. письмо Бунина Ни-

лусу и Буковецкому, цитированное в примеч. 9) и о «Письмах» Толстого. Бунин, скорее всего, пользовался изданием писем Толстого в трех томах, вышедшим в 1910–1912 г. в Москве под редакцией П.А. Сергеенко.

¹¹ См., например, письмо Телешова Бунину от 24 декабря 1911 г. (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 603–604).

¹² Ср. и интервью Бунина 1911 г.: «Последние годы навяли на общество ужасный пессимизм, и все теперь рисуется ему в мрачных красках. Между тем логика говорит за то, что продолжение прежнего немислимо и что неминуемо наступление просвета...» (А.Ар. <Аренберг А.А.> У И.А. Бунина // Одесские новости. 1911. № 8515. 8 сентября. С. 4; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 369).

¹³ См. примеч. 43 к № 12.

¹⁴ Отношение Бунина к творчеству и личности Сологуба, с которым писатель познакомился в 1895 г., было неизменно отрицательным. О Сологубе, однако, известно гораздо меньше высказываний и суждений Бунина, чем о других писателях-символистах, как, например, о Брюсове или Бальмонте, что главным образом обусловлено тем, что Бунин никогда близко не общался с Сологубом и встречался с ним только эпизодически; ср. также газетное интервью Бунина 1910 г.: «Одно лишь с несомненной и чрезвычайной ясностью вырисовывается — это резкий поворот симпатий как литературных, так и читательских кругов в сторону реализма. Вот вам маленький, но характерный фактец. Незлобин потребовал от Сологуба, чтобы тот вытравил из своего “Мелкого беса” все места, отдающие мистицизмом...» (А.Ар. <Аренберг А.А.> У И.А. Бунина // Одесские новости. 1910. № 8294. 15 декабря. С. 2; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 366; см. также: *Лавров А.В.* И. Бунин в переписке с Ф. Сологубом: К истории издания сборников «Земля» // Русская литература. 1996. № 3. С. 181–187; Устами Буниных. Т. 1. С. 142, 154, 157; *Бунин И.* Публицистика. С. 304–305). «Итоговый» приговор Сологубу Бунин произнесет в «Воспоминаниях», в своем обзоре «кунсткамеры» русской литературы начала века: «автор “Тихих мальчиков”, потом “Мелкого беса”, иначе говоря, патологического Передонова, певец смерти и “отца” своего дьявола, каменно неподвижный и молчаливый Сологуб, — “кирпич в сюртуке”, по определению Розанова» (Бунин И.А. Воспоминания. Париж, 1950. С. 41).

¹⁵ Имеется в виду судебное разбирательство между Иосифом Ивановичем Мормонэ (о нем см.: *Барковская О.М., Афанасьев В.А.* Товарищество южнорусских художников: Биобиблиографический справочник. Одесса, 2000. С. 179–180), скульптором итальянского происхождения, преподававшим в одесском Художественном училище, и художником Михаилом Исааковичем Соломоновым (о нем см. там же. С. 276–277). В ходе бурного обсуждения этого дела в местных газетах оказалось, что сложные отношения Мормонэ с одесской прессой имели длинную предысторию, своими корнями уходящую в конец XIX в.

Непосредственным поводом для судебной жалобы Мормонэ на Соломонова послужил газетный отчет последнего о XXI выставке Товарищества южнорусских художников, в котором Мормонэ усмотрел клевету, порочащую его профессиональную честь. Соломонов писал, что «статуи и статуэтки г. Мормонэ — сплошные академические изделия, в которых нет и капли художественного творчества, нет души ваятеля, холодного, безучастного ко всему, что он лепит. А лепит он ради механического процесса лепки, что видно по его фигуре женщины (Эвридика, 183), отличной целиком, как и многие части других фигур его, непосредственно с модели (смотрите руки его больших фигур)» (Одесские новости. 1910. № 8235. 9 октября. С. 3).

Мормонэ протестовал письмом в редакцию: «Я обвиняюсь в том, что творчество подменяю ремеслом, отливая непосредственно с модели свои произведения (форму там, где нужно творить). Если бы это обвинение касалось только меня, я бы пренебрег им. Характер моих работ могут установить художественные жюри и свидетели моего творчества, которых могу назвать поименно. Здесь дело касается не только меня, но и корпорации, к которой я принадлежу, и это меня обязывает потребовать г. Соломонова к ответу. Полагаю, что, проверив справедливость моих

слов, г. Соломонов сочтет своим нравственным долгом печатно отказаться от несправедливо взведенного на меня обвинения. Если г. Соломонов в течение 3 недель не даст мне должного удовлетворения, то я привлеку его к суду чести. Если г. Соломонов откажется от суда чести, то я принужден буду прибегнуть к суду коронному» (Одесские новости. 1910. № 8242. 17 октября. С. 4).

Соломонов, в свою очередь, откликнулся на вызов Мормонэ письмом под заглавием «Вынужденный ответ», в котором, между прочим, заявил: «Прежде всего — не обвинял я г. Мормонэ в чем-либо предосудительном, можем задеть честь и достоинство его, как человека, а по искреннему убеждению, как художник и критик, *оценивал* его работы по процессу творчества, которое находил чисто механическим, так как, судя по выставленным им фигурам, нахожу их отлитыми непосредственно с модели (напр<имер>, статью “Эвридики” и руки “Гончара” и некоторые другие). <...> Г. Мормонэ, очевидно, полагает, что можно менять свои взгляды и убеждения по резолюции суда чести, а если не суда чести, как он грозит, то страха ради суда коронного, так же легко, как он меняет свои резцы под давлением тяжести глины. Oh, que non!.. <О, если бы так! — франц.>

А затем, предоставляю г. Мормонэ доказывать справедливость своих слов какими ему угодно способами и с своей стороны готов дать объяснения лицам, которых он укажет, а от дальнейшей полемики в прессе отказываюсь» (Одесские новости. 1910. № 8254. 31 октября. С. 5).

В следующем письме в редакцию Мормонэ потребовал от Соломонова в двухнедельный срок назвать двух компетентных лиц с его стороны, чтобы создать суд чести для разрешения их спора (см.: Одесский листок. 1910. № 288. 15 декабря. С. 3). Так как Соломонов, очевидно, не реагировал на ультиматум Мормонэ, тот подал на него жалобу в суд за клевету в печати.

Бунин, несомненно, был хорошо осведомлен об этом деле, так как на судебном процессе, состоявшемся 29 февраля 1912 г. в переполненном зале Одесского окружного суда, в числе свидетелей и экспертов выступали близко знакомые ему лица — художники В. Х. Заузе, П. А. Нилус и писатель А. М. Федоров. Выслушав мнения свидетелей и экспертов о том, что по отношению к скульптуре Мормонэ «Эвридика», моделью для которой художнику служила собственная жена, нельзя говорить о «формовке» (т.е. о непосредственной отливке с модели, считающейся среди художников позорным способом работы, равносильным плагиату), так как скульптура эта сначала была излеплена, а только потом отлита, суд принял аргументацию истца, подтвердил клеветнический характер статьи Соломонова и приговорил его к двум неделям ареста при полиции за оклеветание Мормонэ в печати (см.: Дело об обиженном скульпторе: Окружной суд // Южная мысль. 1912. № 151. 1 марта. С. 5; Дело Мормонэ с Соломоновым // Одесский листок. 1912. № 50. 1 марта. С. 5).

Этим инцидент, однако, не исчерпался. Одесская газета «Южная мысль» выступила с комментариями к вынесенному приговору, открыто называя Мормонэ бездарным плагиатором, прибегающим к уголовному суду, чтобы заткнуть рот свободной критике (см.: *Камышников Л. М.* Покушение на свободу критики // Южная мысль. 1912. № 151. 1 марта. С. 3). На следующий день последовала первая часть анкеты, посвященной этому вопросу, в которой приняли участие И. Бунин, С. Юшкевич и П. Нилус (см. № 8 настоящей публикации). Мормонэ ответил очередным письмом в редакцию (Южная мысль. 1912. № 153. 3 марта. С. 3), в котором оправдывал свои действия. Между прочим, он выразил сожаление о том, что Соломонов не согласился на его предложение обратиться к третейскому суду. Рядом с этим письмом было напечатано продолжение газетной анкеты, в которой художник В. А. Издебский свидетельствовал, что он тщетно пытался склонить Мормонэ к третейскому суду. Комментируя это заявление Издебского, заведующий редактор «Южной мысли» Л. М. Камышников открыто обвинил Мормонэ во лжи.

День спустя «Южная мысль» опубликовала последнюю часть анкеты, в которую вошла и перепечатка статьи журналиста «Одесского листка» Н. Москвича (*Москвич Н. Н.* Скромные речи: Скульптор-рецидивист // Одесский листок. 1912. № 52.

3 марта. С. 2; Южная мысль. 1912. № 154. 4 марта. С. 4). Н. Москвич припомнил Мормонэ, как в 1897 г. он уличал скульптора в том, что голова его статуи П.И. Чайковского представляла собой плагиат произведения И.Я. Гинцбурга (см.: *Москвич Н.Н.* Постные речи // Одесский листок. 1897. № 52. 25 февраля. С. 3). Мормонэ оправдывался тогда следующим письмом в газету: «Удивляюсь той смелости, с какой г. Москвич утверждает, будто я похитил голову композитора Чайковского у скульптора Ильи Яковлевича Гинцбурга. Нелепость взводимого на меня обвинения заставляет меня думать, что г. Москвич написал свою заметку, или совершенно не думая о том, что пишет, или же по внушению моих недоброжелателей. Г. Москвич оскорбляет меня не только как художника, но и как честного человека. Справедливость того, что я не похищал головы Чайковского у Гинцбурга, как смело выражается г. Москвич, могут подтвердить сведущие лица, которые видели, как я лепил фигуру Чайковского. Лица эти — гг. Кишиневский и Боски. Если г. Москвич не сообщит мне лично или письменно, от кого он почерпнул ложные обо мне сведения, то я принужден буду привлечь его к суду, дабы оградить себя от незаслуженных оскорблений» (Новороссийский телеграф. 1897. № 7063. 28 февраля. С. 3; см. также: *Москвич Н.Н.* Обессатиренная мораль // Одесский листок. 1897. № 56. 1 марта. С. 3; *Москвич Н.Н.* За неделю // Одесский листок. 1897. № 64. 9 марта. С. 2–3).

После напоминания этой старой истории Мормонэ был вынужден послать очередные письма в редакции «Одесского листка» и «Южной мысли» и объяснить свои действия 15-летней давности ссылкой на собственную незрелость и заказной характер тогдашней работы. При этом Мормонэ признался в том, что он тогда действительно «придерживался характера головы Чайковского работы Гинцбурга» (*Мормонэ И.И.* Открытое письмо г. Москвичу // Южная мысль. 1912. № 157. 8 марта. С. 5), что в 1897 г. он отрицал.

После такого публичного позора Мормонэ группа художников, и среди них друзья Бунина П. Нилус, Е. Буковецкий, В. Куровский, К. Констанди, сочла необходимым послать коллективное письмо в редакции одесских газет с уверением, что Мормонэ «и как художник, и как человек, не потерял в наших глазах того уважения, которым он пользовался как художник и человек до этого печального дела» (Южная мысль. 1912. № 161. 13 марта. С. 5; Одесский листок. 1912. № 60. 13 марта. С. 6). Камышников в своем комментарии к этому коллективному письму признал, что пора оставить Мормонэ в покое, но при этом прибавил, что коллективное письмо художников производит «крайне неприятное впечатление своей партийной узостью и кружковой нетерпимостью к печатному слову, к свободной критической мысли» (*Камышников Л.М.* Защитникам // Южная мысль. 1912. № 161. 13 марта. С. 5).

Судебное дело Мормонэ—Соломонова тянулось до 1914 г., когда наконец Сенатом была отклонена кассационная жалоба Мормонэ и признано, что статья Соломонова не носила клеветнического характера (см.: Художественная критика: Дело И. Мормонэ и М. Соломонова // Одесские новости. 1912. № 8839. 4 октября. С. 5; Дело скульптора И. Мормонэ и художника М. Соломонова: (Судебная палата) // Одесские новости. 1913. № 9139. 1 октября. С. 7; Дело И. Мормонэ с М. Соломоновым // Одесский листок. 1914. № 33. 5 февраля. С. 5).

¹⁶ В 1899 г. Бунин подружился с одесскими художниками, членами Южнорусского товарищества художников (см.: *Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 176–178; *Бабореко.* С. 67–69; *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 334), в выставках которого участвовал и Соломонов. К тому же Соломонов, который с 1908 г. проживал в основном в Петербурге, оформлял обложки книг для «Московского книгоиздательства» (см.: *Барковская О.М., Афанасьев В.А.* Указ. соч. С. 276–277).

¹⁷ Бунин, однако, задержался в Одессе дольше, чем предполагал; ср. письмо Телешову от 10 марта 1912 г.: «Когда я в Москву? Да рано еще, у вас холод. А я нездоров. Вожусь с докторами — почки что-то» (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 610).

¹⁸ См. примеч. 35 к № 6.

В дополнение к напечатанному во вчерашнем номере «Южн<ой> мысли» мнению акад<емика> И.А. Бунина¹ приводим высказанный им в беседе с нами взгляд на существо затронутого вопроса.

— Сейчас представление о критике у широкой публики в России чрезвычайно запутано. С трудом отличают чистую, искреннюю, идейную критику от ее суррогата. К критике известного писателя относятся с таким же доверием, как и к критике никому не ведомого дилетанта. Совершенно не то наблюдается за границей, где одна критика чиста, идейна, а другая ушла в *publicité*². Но зато там публика уже умеет отличать одну критику от другой; знает, как отнестись к статье Брандеса³ и какого-нибудь газетного критика бульварной прессы. У нас же публика не знает, что может и чего не должен писать критик.

Применительно к делу Мормонэ-Соломонова было бы чрезвычайно интересно, если бы последовали соображения группы художников и критиков и если бы вопрос был разрешен с принципиальной, а не уголовной стороны, как это сделано в данном случае. Такой *моральный* суд мог бы несколько осветить запутанный у нас в России вопрос о взаимоотношениях между критикой и критикуемыми, с одной стороны, и об отношениях публики к критике — с другой.

Печатается по: А.А. <Ходоровский А.С.> Покушение на свободу критики: Наша анкета // Южная мысль. 1912. № 152. 2 марта. С. 5.

Газета «Южная мысль» проводила анкету среди представителей литературного и художественного мира Одессы по поводу инцидента Мормонэ-Соломонова (см. примеч. 15 к № 7). В первой части этой анкеты, помимо ответа Бунина, также помещены отклики С. Юшкевича и П. Нилуса.

¹ См. № 7 настоящей публикации.

² рекламу (*франц.*).

Ср. воспоминания Вл. Гиляровского «Москва газетная»: «С. Л. Кегульский первый ввел <в газете “Новости дня”>. — Д. Р.> практикуемые давно уже на Западе “публиците”, то есть рекламы в тексте за большую плату» (*Гиляровский В.А. Сочинения: В 4 т. Т. 3. М., 1967. С. 82*).

³ Брандес Георг (1842–1927) — датский литературный критик. Переписка Бунина с Брандесом публикуется в наст. изд.

В среде выдающихся представителей современной изящной литературы, чьи имена принадлежат к наиболее популярным, происходит характерное явление.

Оно выражается в сильном стремлении эмансипироваться при изданиях своих произведений от материальной зависимости со стороны част-

ных предпринимателей. Это движение выливается в форму литературной кооперации¹.

Первый почин² в таком направлении положен петербургскими писателями, выступившими уже с несколькими изданиями под фирмой «Издательского товарищества писателей»³.

Теперь и московские писатели, независимо от петербургских, объединились с аналогичною целью — самостоятельного издания своих книг на товарищеских паевых началах⁴.

В состав новой литературно-кооперативной организации в качестве членов-учредителей вошли виднейшие беллетристы в Москве: И.А. Бунин, В.В. Вересаев-Смилович, Н.Д. Телешов, Б.К. Зайцев, С.А. Найденов, И.С. Шмелев, С.Д. Разумовский, И.А. Белоусов, Ю.А. Бунин, при участии А.А. Карзинкина⁵.

Официальными представителями издательского т<оварищест>ва являются С.Д. Разумовский (Махалов) и Д.Я. Голубев⁶.

По поводу выяснения общественных элементов новой организации мы беседовали с некоторыми из участников ее.

Важное значение литературной кооперации глубоко сознается всеми участниками этого в высшей степени симпатичного дела.

Прежде всего, писатели много выиграют в материальном отношении. И опыт петербургского т<оварищест>ва, и далеко не оптимистические, объективные, трезвые расчеты показывают, что на долю писателей при товарищеском способе издательства придется гораздо более, чем получают ныне писатели даже с именами⁷.

Но что важнее всего, новая издательская форма является важным фактором для самого творчества и для развития литературы.

— В настоящее время, — говорит И.А. Бунин, — писатель поставлен в случайную зависимость от издателя.

Как это ни странно, но факт, что материальная зависимость влияет и на психику писателя. Он подчиняется и приспособляется к характеру издательства, а с тем вместе и к требованиям текущего дня, к его мимолетным злобам. Таким образом, в угоду элементам случайного и скоро преходящего вкуса писатель принужден насиловать свою индивидуальность.

Я несколько лет, — прибавил И<ван> А<лексеевич>, — высказывался против вредной кабалы частных предпринимателей⁸ и только теперь удалось собрать товарищей на почве этой идеи.

Новое издательство намерено теперь же, не откладывая дела в долгий ящик, приступить к деятельности.

С общего согласия редактировать присылаемые рукописи поручено В.В. Вересаеву⁹. Пока издательство оставляет в стороне вопрос о такой форме деятельности, как выпуск сборников¹⁰ и т.п., а займется исключительно изданием книг собраний сочинений различных авторов¹¹.

Причем издательство принимает на себя долг выкупить у частных книгоиздателей, приобретших права на некоторые произведения писателей—членов т<оварищест>ва, эти издания¹².

В первую очередь предположено выпустить собрание сочинений И.А. Бунина¹³, и к осени должен выйти новый том его произведений¹⁴. Сюда войдут: повесть «Суходол», рассказы «Веселый двор», «Ночной разговор», «Захар Воробьев», «Хорошая жизнь», «Сверчок», «Сила», «Сто во семь»¹⁵, «Крик», «Смерть»¹⁶ и новая повесть «Любовь»¹⁷.

Кроме того, намечены к изданию: томы рассказов Н.Д. Телешова¹⁸, книга произведений Б.К. Зайцева¹⁹ и И.С. Шмелева²⁰, книга новых произведений, приготавливаемая В.В. Вересаевым²¹, и др. авторов²².

Печатается по: *С-ов <Белюсов И.А. ?>* Литературная кооперация // Московская газета. 1912. № 190. 14 мая. С. 4.

О «Книгоиздательстве писателей в Москве» Бунин высказывался и в ряде других газетных интервью: *Т. <Тамарин А.А. (?)>* У академика Бунина: Беседа // Южная мысль. 1912. № 307. 6 сентября. С. 5 (см. № 11 настоящей публикации); *Аз <Зелюк О.Г.>* Наши беседы: У академика И.А. Бунина // Одесский листок. 1912. № 207. 6 сентября. С. 2 (см. № 12 настоящей публикации); *А. <Аренберг А.А. ?>* У И.А. Бунина // Одесские новости. 1912. № 8816. 6 сентября. С. 3; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 373.

¹ Ср. и аргументацию Юлия Бунина в историческом обзоре товарищеских издательств: «Одною из наиболее надежных форм обеспечения независимого и самостоятельного существования работников печати является, несомненно, товарищеское издательство, осуществляемое или отдельными кружками деятелей прессы, или целыми литературными организациями. Принцип кооперации в среде журналистов должен сыграть такую же благотворную роль, какую он играет в прочих профессиональных группах» (*Бунин Ю.А.* Товарищеские издательства // Журналист. 1914. № 3. Стлб. 6).

² Ю. Бунин относит первые попытки изданий на товарищеских началах к гораздо более раннему времени, связывая их преимущественно с московским литературным кружком «Среда»: «В Обществе деятелей периодической печати и литературы вопрос о собственном издательстве поднимался неоднократно, но, к сожалению, он до сих пор остался нерешенным. <...> Более 10 лет тому назад в этом кружке <“Среда” — Д. Р.>, тогда еще сравнительно небольшом, но заключающем в себе лучших молодых писателей (Горький, Леонид Андреев, Вересаев, Телешов, И. Бунин, Чириков и др.), возникла мысль об издании товарищеских сборников и альманахов. Самая идея сборников и альманахов впервые зародилась в “Среде”. К изданию сборников мы приступили без всяких денежных средств и весной 1902 года выпустили “Книгу рассказов и стихов”. Хотя сборник состоял из произведений, ранее печатавшихся в журналах, успех его превзошел все наши ожидания. Он разошелся очень быстро и принес свыше 700 руб. чистого дохода. Несмотря на это, дальнейшее издание сборников оказалось для “Среды”, взятой в целом, неосуществимым. Затруднения встретились, главным образом, с финансовой стороны ввиду того, что с появлением сборников т<оварищест>ва “Знание” гонорары писателей повысились до громадных размеров и большинство авторов желали получать авансы.

Чтобы не расставаться с мыслью об издании собственных сборников, “Среда” вступила в переговоры с т<оварищест>вом “Знание” с просьбою взять на себя хозяйственную сторону дела и на сборниках проставлять лишь имя “Среды”. Переговоры не привели, однако, к результатам, по-видимому, по той причине, что собственные сборники “Знания” и без того наполнялись почти исключительно про-

изведениями членов “Среды”. Еще затруднительнее было осуществить предложение кружка художников издавать сборники, в которых наряду с произведениями членов “Среды” помещались бы воспроизведения картин этих художников.

Прошло 5 лет со времени издания нашего первого сборника и различные попытки в этом роде ни к чему не приводили, пока в начале 1907 г. член “Среды” Н.А. Крашенинников, прекращая издание своего двухнедельного журнала “Новое Слово”, не предложил группе отдельных членов нашего кружка издавать “товарищеские сборники” с участием в прибылях издания. Сборники стали выходить, но вскоре прекратились, главным образом потому, что постоянно чувствовалась затруднительность определения норм авторского гонорара, в особенности ввиду того, что в наше время литературные репутации быстро меняются и учесть все эти перемены без различного рода недоразумений гораздо труднее и шекотливее среди товарищей, чем постороннему предпринимателю-коммерсанту.

Несмотря на все эти неудачи, наши попытки не пропали даром. Прошло со времени издания сборников “Новое Слово” еще 5 лет, и в 1912 г. группа членов той же “Среды” учредила на прочных основаниях “Книгоиздательство писателей в Москве” (Там же. Стлб. 6–7). См. также: *Телешов Н.* Записки писателя. С. 54–56; *Белоусов И.* Ушедшая Москва. С. 293–294.

³ Подробнее см.: *Голубева О.Д.* Издательское товарищество писателей (1911–1914) // Книга: Исследования и материалы. Вып. 8. М., 1963. С. 410–430. Ср. также примеч. 7 к № 11.

Кроме Первого сборника петербургского Издательского товарищества писателей, в котором был напечатан рассказ Бунина «Ночной разговор» (см. примеч. 4 к № 6), в первый год существования издательства вышли в свет и сборники рассказов И.С. Шмелева, Г.А. Яблочкова и Б.А. Верхоузинского.

⁴ Учредительное собрание «Книгоиздательства писателей в Москве» состоялось 22 марта 1912 г. Подробнее см.: *Голубева О.Д.* Книгоиздательство писателей в Москве (1912–1923 гг.) // Книга: Исследования и материалы. Вып. 10. М., 1965. С. 192–193.

⁵ О нем см. примеч. 20 к № 1.

⁶ В первый месяц своего существования издательство официально называлось «Торговый дом Д. Голубева, С. Махалова и К^о» (см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 640; *Белоусов И.* Ушедшая Москва. С. 294).

⁷ Н. Телешов в своих воспоминаниях изложил коммерческий принцип «Книгоиздательства писателей в Москве»: «Издательство берет на себя весь риск по изданию, а поступающий доход в первую очередь идет целиком на погашение расходов по напечатанной книге и по бумаге. В этом случае издательство удерживает в свою пользу на расходы по конторе, помещению, налогам и проч. только десять процентов с номинальной цены каждого экземпляра; весь же остальной доход идет автору, который в конечном счете, за вычетом производственных затрат, получает до сорока процентов с номинала каждого экземпляра книги. И все последующие издания производятся на тех же основаниях. Члены товарищества не пользуются никакими преимуществами по изданию своих книг; права их в этом отношении ничем не отличаются от прав посторонних лиц» (*Телешов Н.* Записки писателя. С. 55).

⁸ См., например, письмо Бунина Клестову от 6 декабря 1911 г.: «Вы затеваете хорошее дело, ибо издатели, и правда, развратились до последнего, развращая и писателей, — меньших, слабейших, конечно, — да и вообще, столь плохи стали дела в литературном мире, что давно, давно пора писателям подумать хотя бы о некоторой объединенности, подтянутости и осмысленности своего существования, своей работы, своего быта. <...> выдумывание всяческих проблем, и половых, и иных — надоело до чертиков, пора писателям о душе подумать — и говорить только то, что она велит вкупе со здравым смыслом и велениями порядочности, благородства, совести и т.д. — да пора и экономически объединиться. <...> Одно могу сказать — желаю всяческих успехов, обещаю тесно примкнуть к делу, буде оно разовьется и разовьется в формах для меня приемлемых» (цит. по: *Бабореко*. С. 179).

⁹ См. примеч. 8 к № 11.

¹⁰ Вопрос о выпуске совместных сборников привел к прямому столкновению между Вересаевым и Буниным, которые с самого начала придерживались противоположных взглядов на идеологическое направление нового издательства. Вересаев занимал максималистскую позицию и добивался жесткой редактур, уполномоченной отклонить всякие «антиобщественные, антихудожественные и антижизненные» произведения; Бунин же хотел, как вспоминает Н. Клевостов, «найти такую среднюю, “извилистую” линию, которая при постоянной тенденции к максимуму требований, предъявляемых к книге, давала бы возможность делать некоторые отступления от этого максимума». Поэтому писатели по-разному относились и к совместным сборникам: Вересаев считал такую затею преждевременной и хотел предварительно выработать общую издательскую программу. Бунин же особенно настаивал на выпуске сборников и был даже готов ради этого на снижение собственного гонорара. В обоих вопросах бунинская линия взяла верх, что привело в дальнейшем к длительным трениям внутри издательства, в первую очередь между Буниным и Вересаевым (подробнее см.: *Голубева О.Д.* Книгоиздательство писателей в Москве (1912–1923 гг.) // Книга: Исследования и материалы. Вып. 10. М., 1965. С. 192–220; цитата из воспоминаний Клевостова находится на стр. 194). Ср. также письмо Вересаева Горькому от 8 ноября 1912 г. и его ответ (Архив А.М. Горького. Т. 7: Письма к писателям и И.П. Ладыжникову. М., 1959. С. 286, 115).

¹¹ «Книгоиздательство писателей в Москве» выпустило собрания сочинений Б. Зайцева, А. Серафимовича, С. Сергеева-Ценского, И. Сургучева, Н. Телешова, Н. Тимковского, А. Толстого, К. Тренева и И. Шмелева.

¹² О.Д. Голубева отмечает, что сначала Книгоиздательство не столько издавало, сколько распространяло под новыми обложками остатки тиража старых книг, выкупленных авторами товарищества у других издательств (см.: *Голубева О.Д.* Книгоиздательство писателей в Москве (1912–1923 гг.) // Книга: Исследования и материалы. Вып. 10. М., 1965. С. 195).

Ср. письмо Бунина Нилусу от 20 октября 1912 г.: «Совершил сложное дело — выкупил 4 книги у “Моск<овского> к<нигоиздательст>ва”, передал в “Книгоизд<ательство> писателей”» (РАЛ. MS.1066/4108; Русская литература. 1979. № 2. С. 150). В 1912 г. «Книгоиздательство писателей в Москве» переиздало четыре книги Бунина, остатки тиража «Московского книгоиздательства», под новыми обложками: «Дервня: Повесть. Изд. 2-е», «Перевал: Рассказы 1892–1902 г. Изд. 4-е, испр. и доп.», «Рассказы и стихотворения 1907–1910 г. Изд. 2-е, доп.», «Стихотворения 1903–1906 г. Манфред Байрона. Изд. 2-е, доп.».

¹³ В «Книгоиздательстве писателей в Москве» собрание сочинений Бунина не выходило. Сборники новых произведений, выпущенные молодым издательством, не были нумерованы, что позволило бы считать их продолжением собрания сочинений Бунина, изданного «Знанием». В мае 1913 г. писатель заключил контракт с издательским товариществом «А.Ф. Маркс», которое решило выпустить Полное собрание сочинений Бунина в качестве приложения к журналу «Нива». Оно вышло в 1915 г. в шести томах (см.: Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 72; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 611).

¹⁴ См. примеч. 24 к № 6.

¹⁵ См. примеч. 25 к № 6.

¹⁶ Рассказы «Крик» и «Смерть пророка» (первоначальное заглавие — «Смерть Моисея») не были включены Буниным в сборник «Суходол». Они вошли в следующий сборник писателя, выпущенный в 1913 г. «Книгоиздательством писателей в Москве» — «Иоанн Рыдалец: Рассказы и стихи 1912–1913 г.» (ср. также письмо Бунина Нилусу, цитированное в примеч. 24 к № 6).

¹⁷ См. примеч. 34 к № 6.

¹⁸ Так как не все планы издательства осуществились (см. также примеч. 19 и 21), затруднительно сказать, о каких сборниках рассказов Телешова идет речь; в частных письмах Бунин упоминал также одну книгу Телешова, вместе с «Суходолом», «Чело-

веком из ресторана» Шмелева (см. примеч. 20) и томом Б. Зайцева, как готовящуюся к изданию (см.: Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 63; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 642). Указанную в бунинском томе Литературного наследства книгу Телешова «"Домой" и другие рассказы», вышедшую в 1912 г. в «Книгоиздательстве писателей в Москве» (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 642), нам не удалось разыскать. Возможно, под этим названием новое издательство распространяло нераспроданный тираж более ранней книги Телешова (см. примеч. 12).

¹⁹ Скорее всего, Бунин имеет в виду роман Б. Зайцева «Дальний край», о котором говорится и в другом газетном интервью (см.: А. <Аренберг А.А. ?> У И.А. Бунина // Одесские новости. 1912. № 8816. 6 сентября. С. 3; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 373). Этот роман был, однако, опубликован в издательстве К.Ф. Некрасова в Ярославле (сведения о том, что «Книгоиздательство писателей в Москве» в 1913 г. выпустило роман Зайцева «Дальний край» (см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 642), ошибочны). Зайцев писал И.А. Новикову 18 сентября 1913 г.: «С «Книгоиздательством» писателей» я разошелся совсем. Вещь моя в альманахе будет, но книги — нет, 4-й том уже отдал Некрасову, а для романа они не согласились на мои условия (аванс) и я тоже отдам Некрасову» (Зайцев Б. Собр. соч. Т. 10. С. 108). После закрытия издательства Некрасова в 1916 г. Зайцев продолжил выпуск собрания своих сочинений в «Книгоиздательстве писателей в Москве» (см.: Зайцев Б. Собр. соч. Т. 10. С. 146–147).

²⁰ В октябре 1912 г. в «Книгоиздательстве писателей в Москве» вышел сборник рассказов Шмелева «Человек из ресторана. Патока», составивший третий том собрания сочинений писателя.

²¹ Вересаев, хотя и состоял членом-вкладчиком нового издательства, все же в основном предпочитал издавать свои произведения на собственные деньги, пользуясь только складом издательства (см.: Голубева О.Д. Книгоиздательство писателей в Москве (1912–1923 гг.) // Книга: Исследования и материалы. Вып. 10. М., 1965. С. 203). Поэтому и неясно, о какой «книге новых произведений, приготовляемой Вересаевым», говорит Бунин; возможно, имеется в виду цикл «Рассказы о войне», опубликованный в 1913 г. в четвертом томе Полного собрания сочинений Вересаева, выпущенного издательством Маркса, или же о второй части «Живой жизни» — «Аполлон и Дионис» (Современный мир. 1914. № 2–5, 11; отрывок под названием «Аполлон, бог живой жизни» входил в первый сборник «Слово»).

²² Например: Новиков И.А. Рассказы: (1905–1912 г.). М., 1912.

10

Вправе ли критик касаться личности писателя, рассматривая продукты его творчества сквозь призму социальной принадлежности автора к определенному классу?

На почве этого вопроса создается исконная тяжба между двумя воинствующими сторонами литературы: писателем и критиком.

Пожелания писателя формулированы еще Гете, который хотел, чтобы «читатель меня, себя и целый мир забыл и жил бы только в книге моей»¹.

На что возражал «неистовый» Белинский: «Приняв это требование на веру и безусловно, критик только и делал бы, что кланялся в пояс то тому, то другому поэту, ибо все имеет свою причину и основание — даже эгоизм, дурное направление, самое невежество поэта, — то... естественно, что творчество поэта, будь оно только талантливо, является с этой точки зрения достойным безусловной похвалы»².

В особенности это «противоречие интересов» обострилось и углубилось между писателями и критиками в настоящее время.

И ныне здравствующие беллетристы часто поднимают знамя протеста в защиту писательской неприкосновенности против дерзаний современной критики.

Так, художественная деятельность И.А. Бунина с изображением жизни народа в темных тонах вызвала ряд нападков со стороны известных наших критиков по адресу самого писателя³.

По этому поводу И.А. Бунин заявляет:

— Критики обвиняют меня в сгущении красок в моих изображениях деревни. По их мнению, пессимистический характер моих произведений о мужике вытекает из того, что я сам барин⁴.

Я хотел бы раз навсегда рассеять подозрение, что никогда в жизни не владел землей и не занимался хозяйством. Равным образом никогда не стремился к собственности.

Я люблю народ и с меньшим сочувствием отношусь к борьбе за народные права, чем те, которые бросают мне в лицо «барина»⁵.

А что касается моего отношения к дворянству, это можно увидеть хотя бы из моей повести «Суходол», где помещичья среда изображается далеко не в розовых, оптимистических красках⁶.

Я протестую, — говорит автор «Деревни», — против искажения критиками моего мировоззрения, моих подлинных взглядов, тем более, что подобные наветы совершенно не соответствуют действительности.

Печатается по: Писатели и критики: И.А. Бунин протестует против обвинения его в «барской» точке зрения на деревню // Московская газета. 1912. № 191. 21 мая. С. 2.

¹ Цитата из стихотворения Гете «Herbst» («Осень»), входящего в цикл «Vier Jahreszeiten» («Четыре времени года»): «Welchen Leser ich wünsche? Den unbefangenen, der mich, / Sich und die Welt vergißt und in dem Buche nur lebt».

² Неточная цитата из работы Белинского «Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая» (Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. М., 1981. С. 252).

³ В письме А. Черемнову от 30 мая 1912 г. Бунин называет возмущившего его критика, чья статья появилась незадолго до публикуемой здесь газетной заметки: «Запуган я критиками. Есть милостивые, но есть и свирепые: начинают во здравие: “дивно, красочно, сильно...” и т.д. и т.д. А в конце: “а все-таки барин, погромами запуган...” Больше всех, кажется, Амфитеатров старается: на днях написал в “Одесских новостях”, что я “головой выше и Горького, и Андреева, и Куприна”, но... но совсем не имею любви. Вот и угоди тут!» (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 642).

В упомянутой Буниным статье Амфитеатров писал по поводу «Веселого двора»: «Во всех толстейших двух томах полного собрания сочинений Засодимского не наберется столько художественного блеска, виртуозной образности, тонкой прощательной наблюдательности деталей, как на одной странице И.А. Бунина. Но — читаю Засодимского, слышу о народе от человека из народа, читаю Бунина — барин стоит где-то сбоку от народа, присматривается к нему внимательно, с научным любопытством, чужими, часто брезгливыми, насилующими себя во имя “долга” глазами, пишет наблюденное в книжку... и все, может быть, и правда, но — не

тепло душе от правды его. И не потому, что она — “может быть, обух для тебя”, а потому что — “то же бы ты слово, да не так бы молвил!”.

Вон — в первой книжке нового журнала “Заветы” рядом напечатаны деревенские рассказы И.А. Бунина и начинающего молодого автора И. Вольного. В обоих правда, и как будто одна и та же правда. Но, когда вы читаете неумелого и неуклюжего, плохо правленного Ивана Вольного, вы чувствуете, что захватил вас и душит мукою своего страшного человеческого документ, что автор имеет возможность и право писать свою правду именно так грубо и будто обухом колота, потому что каждое слово его своим хребтом куплено и выношено, каждый эпизод потоками трудового пота и жаркою сердечною кровью облит. <...> Правда же г. Бунина — правда писателя, спокойно прочитавшего несколько “человеческих документов” и спокойно же и шегольской извлекающего из них несравненно умелую рукою обобщения и типы — “возведения в перл создания”. <...> эстетической любви к отчизне г. Бунин далеко не чужд, напротив, может быть, его артистическая натура, по преимуществу, соткана из нее. Но той — первой — демократической любви печали и гнева — нет в нем ни капельки, и потому-то он, когда виртуозно пишет деревню, холоден... нет, даже не холоден, потому что до совершенного холода та, первая, любовь его не допускает, — а чуть тепел: “ни холоден, ни горяч... о, если бы ты был холоден или горяч!..” И г. Бунин отлично знает этот пробел в своей литературной силе и иногда, напрягая свои виртуозные средства, старается искусственно достигнуть недостающей ему беспокойной любви печали и гнева. Но выходит из этих покушений только тот результат, что он “в спокойном духе горячится”, и тогда теряет присущее ему обаяние искренности... <...> Бунин — один из всех их <т.е. Горького, Куприна, Андреева. — Д.Р.> — почти не может быть совершенно плох: как образец ровной виртуозной силы, он головою выше всех названных” (*Амфитеатров А.В. Записная книжка // Одесские новости. 1912. № 8724. 19 мая. С. 2*).

⁴ Особенно возмутил Бунина цикл статей В. Муйжеля, озаглавленный «На господском положении», в котором тот сопоставлял «Деревню» с «Нашим преступлением» И. Родионова и, между прочим, писал: «Прежде всего, книга эта ошибочно называется “Деревней”. Деревни, в прямом и точном значении этого слова, тут нет. Нет ее внутренней, — боюсь сказать, что нет и внешней даже, — жизни, нет характера ее своеобразных взаимоотношений, — есть только отношение ее и к ней мира внешнего, недеревенского... <...> И не мчался ли другой <т.е. Бунин. — Д.Р.> в сверкающих электрическим светом вагонах экспресса по Курской или Орловской губ<ерниям> <...> Он не был в деревне. Не из приема письма, где все проходит сквозь призму двух мешан — лавочника Тихона и его брата Кузьмы, это видно, а из того, что в книге, названной автором “Деревней”, нет деревни, нет ее сложных, глубоких взаимоотношений, нет корня, которым так глубоко и прочно сидит она в земле. Есть внешность деревни — мужики, бабы, избы, ребята, гуси, лошади, дорога, станция, гулянья, базары — все, что можно видеть, не вылезая из тарантаса, смотреть, запечатлеть зрительной памятью художника-красочника. <...> Как в кинематографе — четко, ясно, до иллюзии живо и до безнадежности плоско, нарисованно — проходят перед читателем все эти избы, гуси, деревни, мужики, похожие на Некрасова, девочки с ребятами на руках... И даже самая драма деревенская — не общественная, не характерная для деревенских взаимоотношений, простая семейная, жены, отравившей мужа, — таинственная драма, в которую не смог, а может быть, просто “по господскому положению” не захотел заглянуть Бунин — проходит перед читателем так же красочно и так же плоско, кинематографически, как и все...

Это номер “Пате-журнала”, посвященный деревне. Чрезвычайно много внешне — характерной, типичной, яркой — и ни малейшего углубления, ни малейшего любопытства к внутренним причинам, обусловившим и мужика в разорванной на ленты рубахе, и трагически-загадочную Молодую, и таинственно равнодушного, спокойно озлобленного Серого.

“На господском положении”, вот чем объясняется то странное обстоятельство, что два, стоящие на противоположных сторонах, человека оказались стоящими

рядом. <...> Вам <т.е. Бунину и Родионову. — Д. Р.> неинтересно это, ибо не вашими выхоленными господскими руками, с отточенными розовыми ногтями, разбирать кровавую ткань внутренней мужицкой жизни. <...> Он <Бунин. — Д. Р.> стал присматриваться — правда, из окна вагона — и увидел, а увидев, брезгливо сморщился и с негодованием и тоской (спасибо, что хоть с тоской, а не так, как Родионов — со злостью) отвернулся, махнув рукой на всех, кто хочет видеть в мужике человека, как он сам.

И не в этой ли тоске, несомненной в книге Бунина, разгадка сравнительно слабого успеха его книги в сравнении с книгой Родионова? (*Муйжель В. В. Деревенские заметки: «На господском положении» // Живое слово. 1911. № 10. 9 мая. С. 1; № 11. 16 мая. С. 2).*

Бунин неоднократно возвращался в своих публичных выступлениях к этой рецензии Муйжеля, не называя при этом автора по имени; подробнее см. предисловие к настоящей публикации.

⁵ Ср. в этой связи заявление Бунина в газетном интервью 1912 г.: «Теперь тяготее больше всего к социал-демократии, хотя сторонюсь всякой партийности» (И. А. Бунин // *Голос Москвы. 1912. № 245. 24 октября. С. 4; Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 541).*

⁶ См. примеч. 33 к № 6.

11

В Одессе в настоящее время гостит писатель Ив. Бунин, только что вернувшийся из деревни, где он провел все лето¹.

В ответ на наше предложение высказать свое мнение о новейших течениях в литературе и о новых произведениях последнего времени, академик И. Бунин сказал:

— К сожалению, ничего нового по этому поводу я вам не скажу, так как в настоящее время в литературе такой застой, какого я не запомню. Ничего выдающегося, о чем стоило бы говорить, — совершенно нет. Зато с удовольствием могу отметить тот отрадный факт, что публика перестала интересоваться порнографией. Модернизм также в упадке. Возвращение к реализму идет по всему фронту, и этому я очень рад².

О видных писателях за последнее время ничего не слышно. Где Андреев, Куприн? Что они делают?³ С Горьким я нахожусь в постоянной переписке. В последнем письме он сообщает мне, что написал новую повесть «Большая любовь», над которой работал почти все лето⁴. Своевременно закончить эту повесть Горький не мог, т<ак> к<ак> часто в течение лета болел. У бедняги проявляется туберкулез, который был у него в зачаточном состоянии⁵.

В Москве образовалось на товарищеских началах «Книгоиздательство писателей»⁶, которое ничего общего с петербургским книгоиздательством не имеет⁷. Участвуют в нем я, Телешов, Шмелев, Вересаев, Найденов, Зайцев и др. Редактировать издания будет Вересаев⁸. Первой книжкой выйдут мои произведения под заглавием «Суходол» (повести и рассказы 1911–12 гг.)⁹.

В Москве возобновляются «среды», на которые приглашены молодые участники¹⁰. В Москву я уеду отсюда¹¹. В конце октября там собира-

ются чувствовать меня по поводу моей 25-летней литературной деятельности¹².

В деревне я работал над большой повестью из жизни интеллигенции¹³, написал много стихов¹⁴ о путешествии своем в Нубию¹⁵ и на Цейлон¹⁶.

В общем чувствую себя теперь неважно. Лето мало мне дало. А впереди предстоит много работы.

Печатается по: Т. <Тамарин А.А.(?)> У академика Бунина: Беседа // Южная мысль. 1912. № 307. 6 сентября. С. 5.

6 сентября 1912 г., в преддверии празднования 25-летия литературной деятельности Бунина, во всех трех больших либеральных газетах Одессы появились интервью с писателем (см.: *Аз <Зелюк О.Г.>* Наши беседы: У академика И.А. Бунина // Одесский листок. 1912. № 207. 6 сентября. С. 2 (№ 12 настоящей публикации); *А. <Аренберг А.А.?)>* У И. А. Бунина // Одесские новости. 1912. № 8816. 6 сентября. С. 3; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 373).

¹ См. примеч. 35 к № 6.

² Почти так же отзывался Бунин о современной литературе уже в конце 1910 г.: «Настоящая зима в области литературы оказалась на редкость бесцветной. В прошлом году говорили, по крайней мере, много о порнографии; теперь же даже и о порнографии перестали говорить. Одно лишь с несомненной и чрезвычайной ясностью вырисовывается, — это резкий поворот симпатий как литературных, так и читательских кругов в сторону реализма» (*А. Ар. <Аренберг А.А.>* У И.А. Бунина // Одесские новости. 1910. № 8294. 15 декабря. С. 2; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 366; см. также: *А. <Аренберг А.А.?)>* У И.А. Бунина // Одесские новости. 1912. № 8816. 6 сентября. С. 3; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 373). Однако уже скоро, когда Бунину станет ясно, что «застой» в литературе кончился, о новых литературных течениях и писателях он будет говорить гораздо менее спокойно (см., например, № 22 настоящей публикации).

Сходным образом оценивался тогда текущий момент литературной жизни и другими; ср., например, суждение З. Гиппиус, высказанное ею фактически одновременно с Буниным: «Литературное однообразие огорчает и лишает сил. Чувствуешь, что и сам должен быть однообразен, если хочешь оставаться правдивым. Читаю одну книгу за другой, и все кажется, что перечитываю. Волей-неволей и писать приходится то, что уже писал. Какая была бы радость встретить свежую мысль, молодое слово. Но не встретишь. И поднимается порою несправедливая, огульная ненависть к “современной литературе”» (*Крайний А. <Гиппиус З.Н.>* Беллетристические воды // Русская мысль. 1912. № 8. Отд. III. С. 25).

³ В середине 1912 г. в прессе действительно наступило некоторое затишье вокруг Леонида Андреева. Его роман «Сашка Жегулев» живо обсуждался в конце 1911 — начале 1912 г., а премьеры его пьес «Екатерина Ивановна» и «Профессор Сторицын», вызвавшие бурную дискуссию в печати, состоялись лишь в конце 1912 г.

Куприн проводил весну и лето 1912 г. в Западной Европе (Франция, Италия) и в это время фактически не печатался.

Бунин писал Горькому 6 июля 1912 г.: «Прочих литературных новостей могу сообщить Вам мало: про Андреева ни слуху ни духу, хотя, верно, пишет он тайком что-нибудь <...> Где Куприн? Не на Капри ли сохраняется? Мария Федоровна писала, что был слух, будто он на Капри едет. Прочитал я недавно 7-й том его — очень уж легко читается» (Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 63). Скорее всего, именно впечатления от чтения седьмого тома Куприна отражены в дневниковой записи от 21 мая 1912: «Перечитываю Куприна. Какая пошлая легкость рассказа, какой дешевый бойкий язык, какой дурной и совершенно не самостоятельный тон» (Устами Буниных. Т. 1. С. 120).

⁴ Около 18 августа 1912 г. Горький извещал Бунина о работе над повестью «Большая любовь», которую он собирался посвятить ему. Письмо снабжено Буниным пометой «Получено 25 августа 1912 г. в Москве» (Переписка А. М. Горького и И. А. Бунина. С. 66, 116). В следующем письме к Бунину Горький писал, что, если «Большая любовь» «окажется интересной и небольшой — предложу ее предполагаемым В<икентием> В<икентьевичем> <Вересаевым. — Д. Р.> сборникам» (Там же. С. 68). Задуманная как продолжение цикла произведений об окурловщине повесть «Большая любовь», отрывки из которой печатались в разных периодических изданиях в 1912—1913 гг., не была закончена Горьким.

⁵ В интервью, которое Бунин в тот же день дал сотруднику «Одесских новостей», он также говорил о здоровье Горького: «Настроение у него <Горького. — Д. Р.>, по-видимому, бодрое, хотя минувшим летом он был серьезно болен. Снова появилось кровохарканье, сопровождавшееся бронхитом. Теперь здоровье его, кажется, поправилось. Он, по крайней мере, о нем ничем не пишет. Да и о кровохаркании и бронхите я узнал не от него, а от жены его, которая писала мне об этом» (А. <Аренберг А. А. ?> У И. А. Бунина // Одесские новости. 1912. № 8816. 6 сентября. С. 3; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 373). Ср. в этой связи письмо Бунина Горькому от 12 августа 1912 г.: «Очень, очень огорчило нас всех известие о Вашей болезни, да не хотелось верить и не верится, что было что-нибудь серьезное. Чем более когонибудь любишь, тем более не веришь в его несчастья» (Переписка А. М. Горького и И. А. Бунина. С. 65). Горький ответил в середине августа: «Нездоровье мое, понемножку, откашливается, был серьезный бронхит, штука для моих легких вредная» (Там же. С. 67). В следующем письме к Бунину, написанном несколько дней спустя, Горький действительно больше не говорит о своем здоровье (Там же. С. 68).

⁶ Подробнее см. № 9.

⁷ Имеется в виду петербургское «Издательское товарищество писателей» (см. примеч. 3 к № 9). Предложение петербургского издательства объединиться с «Книгоиздательством писателей в Москве» было отклонено москвичами, чтобы не обременять собственное начинание чужими долгами. Впоследствии большинство членов петербургского «Издательского товарищества писателей» перешли в московское издательство, что окончательно подорвало петербургское предприятие, ликвидированное в 1914 г. (см.: Голубева О. Д. Книгоиздательство писателей в Москве (1912—1923 гг.) // Книга: Исследования и материалы. Вып. 10. М., 1965. С. 192—193). Бунин писал А. Черемнову 30 мая 1912 г.: «Думаю, что в Питере дело пропало, там только перессорились все и никто из писателей не внес ни единой копейки. А в Москве, дай Бог не слезить, дело стоит прочно: и деньги есть, и организация солидная» (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 642).

⁸ При вступлении в «Книгоиздательство писателей в Москве» вопрос о редакции имел для Бунина решающее значение. 22 марта 1912 г. он писал Клецову: «Я буду участником и сотрудником издательства *только при хорошем редакторе*. Пока стою только за Телешова, за брата Юлия (уж извините эту скромность) или Вересаева» (цит. по: Вопросы литературы. 1969. № 7. С. 183—184).

Вересаев был председателем правления и редактором нового издательства с 1912 по 1914 г. У Бунина за это время не раз возникали острые столкновения с ним (подробнее см.: Голубева О. Д. Книгоиздательство писателей в Москве (1912—1923 гг.) // Книга: Исследования и материалы. Вып. 10. М., 1965. С. 192—220; ср. также примеч. 10 к № 9). Под редакцией Бунина, занимавшего эту должность в 1914 г., «Книгоиздательство писателей в Москве» выпустило несколько книг и четвертый сборник «Слово».

⁹ См. примеч. 24 к № 6.

¹⁰ Молодая «Среда» конституировалась в начале 1911 г. (см.: «Среда» в воскресенье // Столичная молва. 1911. № 162. 10 января. С. 3; Вяткин Г. А. Столичные письма // Сибирская жизнь. 1911. № 18. 23 января. С. 2). Ср. воспоминания Н. Телешова: «Начиная с 1909 года, характер “Сред” коренным образом изменился. Собирались стали уже не у меня и не в частных квартирах товарищей, а в

Литературно-художественном кружке, на Большой Дмитровке <...> Здесь было отведено “Среде” хорошее помещение. Во главе этих собраний стал Юлий Бунин. В первую же зиму число участников настолько выросло благодаря молодым поэтам и молодым писателям, что большой запасный зал кружка еле вмещал желающих. <...> Старой “Среды”, в сущности, уже более не существовало. Жива была новая, или молодая, “Среда”, многочисленная, деятельная, в которой старые основатели “Сред” бывали скорее как гости» (*Телешов Н.* Записки писателя. С. 57, 60; см. также: *Белоусов И.* Ушедшая Москва. С. 268–277).

¹¹ Установить точную дату отъезда Бунина из Одессы в Москву затруднительно. Горькому Бунин писал 28 сентября 1912 г. из Москвы: «Я только позавчера о**б**ъ-явился в Москву» (Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 68); А. Бабореко приводит в своих «Материалах» цитату из письма Бунина Белоусову от 23 сентября 1912 г.: «Нынче еду в Москву» (*Бабореко.* С. 198).

¹² Празднование 25-летнего юбилея литературной деятельности Бунина в октябре 1912 г. в Москве, широко освещавшееся центральной и провинциальной прессой, продолжалось несколько дней: 24 октября в Литературно-художественном кружке состоялось торжественное собрание «Среды», посвященное Бунину, на следующий день писатель чествовал Московский женский клуб, 26 октября — Общество деятелей периодической печати и литературы в зале Политехнического музея, днем позже — Общество любителей российской словесности, а утром 28 октября в большом зале Лоскутной гостиницы, где остановился писатель, Бунин принимал делегации различных организаций и органов печати. Вечером 28 октября торжества закончились многолюдным парадным банкетом в Литературно-художественном кружке (см., например: Юбилей И.А. Бунина // Русское слово. 1912. № 246. 25 октября. С. 6; № 247. 26 октября. С. 7; № 248. 27 октября. С. 6; № 249. 28 октября. С. 6; № 250. 30 октября. С. 6–7; *Бабореко.* С. 198–200). См. также предисловие, примеч. 1 на с. 438.

¹³ Сведения о том, что Бунин приступает к работе над повестью или романом из жизни интеллигенции, проникали в печать с 1910 г. (см.: *А.Ар.* <Аренберг А.А.> У И.А. Бунина // Одесские новости. 1910. № 8294. 15 декабря. С. 2; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 366; *Александровский И.В.* Литература и театр в 1910 году // Одесский листок. 1911. № 1. 1 января. С. 4; Одесский листок. 1911. № 189. 17 августа. С. 4; *А.Аренберг А.А.* У И.А. Бунина // Одесские новости. 1912. № 8816. 6 сентября. С. 3; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 373; ср. также примеч. 6 к № 5). В 1912 г. Бунин даже называл журналистам рабочее заглавие своего замысла — «Зима» (см.: На отдыхе: Писатели и художники // Московская газета. 1912. № 192. 28 мая. С. 5; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 371). Будущая повесть (или роман) об интеллигенции мыслилась Буниным как третья и завершающая часть, после «Деревни» и «Суходола», трилогии о современной России, изображающей крестьянство, дворянство и интеллигенцию (см.: У академика И. А. Бунина: Беседа // Московская весть. 1911. № 3. 12 сентября. С. 4; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 537).

Третья часть этой трилогии, однако, так и не была написана. В.Н. Муромцева-Бунина писала А.К. Бабореко по этому поводу 18 апреля 1959 г.: «Относительно “неоконченного” романа не знаю. Он не давал мне переписывать, но говорил, что в Москве остался неоконченный роман листов в шесть или повесть» (цит. по: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 371). Ср. также примеч. 10 к № 22.

¹⁴ 12 августа 1912 г. Бунин писал П. Нилусу из Клеевки: «Думаю о поэмах в стихах. М<ожет> б<ыть>, напишу. Мелких написал штук 20. И больше ничего» (РАЛ. MS.1066/4106; Русская литература. 1979. № 2. С. 150). А в дневнике Бунин записал в тот же день: «С необыкновенной легкостью пишу все последнее время стихи. Иногда по несколько стихотворений в один день, почти без помарок» (Устами Буниных. Т. 1. С. 131; см. также: *Х. И.* Бунин о поэзии // Московская газета. 1912. № 217. 22 октября. С. 5; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 538). В печати стихотворения Бунина этого периода появились с авторской датировкой между 23 июля и 24 августа 1912 г.

¹⁵ См. примеч. 27 к № 12. Возможно, имеется в виду стихотворение «Потомки пророка», написанное в августе 1912 г.

¹⁶ См. примеч. 27 к № 12. Неясно, какие стихотворения о Цейлоне, написанные летом 1912 г., Бунин имеет в виду. Стихотворение и стихотворный цикл, озаглавленные Буниным «Цейлон», появились лишь в 1915–1916 гг. (Вестник Европы. 1915. № 12; 1916. № 10).

12

В последних числах октября исполняется 25-летие литературной деятельности известного писателя, академика И. А. Бунина. Воспользовавшись его пребыванием в Одессе¹, мы обратились к И<вану> А<лексеевичу> с просьбой сообщить нам некоторые сведения из своей жизни и писательской деятельности.

Писатель принял нас весьма приветливо.

— Более или менее полные биографические сведения, — заметил И<ван> А<лексеевич>, — в беглой беседе я затрудняюсь дать. Но если вы настаиваете, то извольте. Я их вам представлю в общем, кратком виде. Я родился 10 октября 1870 г. в Воронеже. Мать — рожденная Чубарова², отец — помещик Воронежской и Орловской губерний, Алексей Николаевич Бунин³, оба старинных дворянских фамилий⁴. По отцу нахожусь в родстве с поэтессой Анной Петровной Буниной⁵ и поэтом Жуковским (незаконным сыном Бунина и турчанки Сальмы)⁶. Детство провел в Воронеже⁷ и в деревне, в Орловской губ<ернии>⁸. Учился сперва дома под руководством домашнего учителя⁹, затем в Елецкой гимназии¹⁰, после которой посвятил себя исключительно самообразованию и литературе¹¹.

— Ваши первые литературные опыты?

— Первый литературный опыт — стихи, написанные на девятом году¹². Дебютировал в печати стихами в «Родине»¹³, в мае 1887 г.¹⁴, затем стал печататься в «Книжках недели»¹⁵ П. А. Гайдебурова¹⁶, «Северном вестнике»¹⁷, «Вестнике Европы»¹⁸ и в «Русском богатстве»¹⁹, где начал рассказом «Танька» в 1893 г.²⁰ Был в то время страстным народником²¹, пережил — немного позднее — увлечение и толстовским учением²².

Довольно долго жил на юге России²³, даже иногда странствовал по ней пешком²⁴. Одно время работал по статистике в полтавском земстве²⁵, где брат мой, Юлий, был заведующим статистическим бюро²⁶. С 1895 г. живу частью в Москве и Петербурге, частью в деревне, частью за границей, предпринимая иногда и большие путешествия. Был несколько раз в Египте, в Сирии и Палестине, в Нубии, на северо-западном побережье Африки, на Цейлоне и т. д.²⁷ Получал от Академии наук Пушкинские премии за оригинальные стихи и переводы²⁸. В 1909 г. избран ею почетным академиком²⁹.

— Какие из прозаиков и поэтов производили на вас в юности наибольшее впечатление?

— Затрудняюсь сказать. То Шиллер³⁰, то Гете³¹, то Гораций³², то Лермонтов³³, то Шекспир³⁴, то Байрон³⁵, то Гоголь³⁶, то Толстой...³⁷ Недолго — даже Достоевский, которого моя натура теперь прямо не приемлет³⁸. Навсегда же кумирами моими остались Гете, Гомер³⁹, Пушкин⁴⁰, «Гамлет»⁴¹ Шекспира, Данте⁴², Флобер⁴³ и Толстой, Толстой — величайший и несравненный во всем...⁴⁴

— Когда предполагается празднование вашего 25-летнего юбилея?

— Юбилей мой предполагают праздновать в конце октября этого года в Москве⁴⁵.

— Как провели вы лето и над чем работали?

— Лето нынешнее провел в деревне, частью в Орловской губернии, частью на севере Витебской⁴⁶. Писал много стихов⁴⁷, работал и по беллетристике...⁴⁸

— Что нового в литературном мире?

— Весной этого года образовалось товарищеское издательство в Москве («Книгоиздательство писателей»)⁴⁹, куда и я примкнул. Участниками товарищества состоят: Вересаев, Телешов, Найденов, Шмелев, Юшкевич, Зайцев и др. Первую книгу товарищество выпускает в начале текущего сентября. Это книга моих повестей и рассказов («Суходол. Повести и рассказы 1911—1912 г.»)⁵⁰, в которую вошли: «Суходол», «Захар Воробьев», «Сто восемь»⁵¹, «Ночной разговор», «Сила», «Хорошая жизнь», «Сверчок», «Веселый двор» и «Игнат». В сентябре же выйдут у нас «Сказки» М. Горького⁵² и том новых рассказов Шмелева⁵³. Осенью предполагается выпустить альманах...⁵⁴

Печатается по: *Аз <Зелюк О.Г.>* Наши беседы: У академика И.А. Бунина // Одесский листок. 1912. № 207. 6 сентября. С. 2.

С О.Г. Зелюком (о нем см. подробнее: *Равдин Б., Флейшман Л., Абызов Ю.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. 3: Конец демократии. Stanford, 1997. (Stanford Slavic Studies 15). С. 223—224) судьба сводила Бунина и в дальнейшем (см. также № 24 настоящей публикации). Зелюк, которого Бунин в своих дневниках называет то «Орестом Григор<ьевичем> Зеленюком (?)», то «Зелюником, что ли», собирался в 1919 г. в Одессе издать сборник рассказов Бунина, о чем свидетельствует дневник писателя: «Хочет взять “Господ<ина> из Сан-Фр<анциско>”, все рассказы этой книги за гроши. Да, евреи тем и побеждают, что они смело перешагивают через те пределы, перешагнуть которые кажется неправдоподобностью» (РАЛ. MS.1066/516). В 1946 г. Зелюк осуществил во Франции русскоязычное издание «Темных аллея» (подробнее см.: *Reese H.* Ein Meisterwerk im Zwielicht: Ivan Bunins narrative Kurzprosa-Verknüpfung “Temnye allei” zwischen Akzeptanz und Ablehnung — eine Genrestudie. München, 2003. (Slavistische Beiträge 424). S. 285—286, 296; ср. также: РАЛ. MS.1066/534).

¹ См. примеч. 35 к № 6.

² А. Бабореко, опираясь на сведения, полученные им от В.Н. Муромцевой-Буниной, указал, что мать писателя, Людмила Александровна, урожд. Чубарова, умершая в 1910 г., родилась в 1835 г. в Озерках (см.: *Бабореко.* С. 7). Ю. Гончаров, досконально исследовавший историю рода Буниных, не нашел сведений, которые подтвердили бы это (см.: *Гончаров Ю.Д.* Вспоминая Паустовского. Предки Бунина. Воронеж, 1972. С. 166).

Девичью фамилию матери Бунин иногда использовал в молодости в качестве псевдонима.

³ Об Алексее Николаевиче Бунине (1827–1906) см. подробнее: *Гончаров Ю. Д.* Указ соч. С. 150–165; *Бабореко. С. 7.*

⁴ Ссылка на дворянское происхождение присутствует уже в самых ранних биографических справках Бунина о себе (см., например: *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 210–211). Тем любопытнее выводы, к которым пришел исследователь бунинской генеалогии: «Бунин удивляет тем, что на первый взгляд воспринимается как странность, противоречие: за всю свою долгую жизнь он так и не сделал ни одной серьезной попытки углубленно заняться своей родословной. <...> Бунин действительно мало знал о прошлом своей семьи.

История рода, даже близких предков, была известна Бунину не столько документально, фактически, сколько в самых общих чертах, и тоже больше “поэтически”, — по устным семейным преданиям, семейному фольклору. Именно беззаботностью Бунина по части своей генеалогии и объясняется то, что даже в автобиографических записках, имея перед собой специальную цель — рассказать о своих фамильных предшественниках, Бунин так мало, так неконкретно сообщил о своем деде, о прадеде, почти ничего не смог сказать о Чубаровых, из которых происходила его мать Людмила Александровна, а касаясь более ранних предков, ограничился лишь тем, что добросовестно, не выходя за рамки текста, переписал то, что в самом приблизительном виде и крайне сбивчиво сообщал о роде Буниных официальный печатный справочник» (*Гончаров Ю. Д.* Указ. соч. С. 82–83).

⁵ Об Анне Петровне Буниной (1774–1829) см. подробнее: *Бабореко А. К.* Бунина Анна Петровна // Русские писатели: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 362–363; *Бунин И.* Публицистика. С. 373–377; *Бунин И. А.* Воспоминания. Париж, 1950. С. 164–170; РAL. MS.1066/558.

⁶ В. А. Жуковский был сыном помещика Тульской губернии А. И. Бунина и взятой в плен при штурме Бендер в 1770 г. турчанки Сальхи, получившей при крещении имя Е. Д. Турчанинова.

⁷ До 1873 г. Бунины жили в Воронеже, на Дворянской улице, где и родился писатель.

⁸ См. примеч. 6 к № 6.

⁹ Домашним учителем в доме Буниных был Николай Осипович (Иосифович) Ромашков, послуживший прототипом Баскакова в «Жизни Арсеньева». В письме А. Коринфскому 1895 г. Бунин подробно останавливается на характеристике своего домашнего учителя: «Как я выучился читать, право, не помню, но правильно учиться я начал только тогда, когда ко мне пригласили гувернера, студента Московского университета, некоего Н. О. Ромашкова, человека странного, вспыльчивого, неуживчивого, но очень талантливого — и в живописи, и в музыке, и в литературе. Он владел многими языками — английским, французским, немецким и знал даже восточные, так как воспитывался в Лазаревском институте, много видел на своем веку, и вероятно, его увлекательные рассказы в зимние вечера, когда метели буквально до верхушек заносили вишеник нашего сада на горе, и то, что первыми моими книгами для чтения были “Английские поэты” (издания Гербея) и “Одиссея” Гомера, пробудили во мне страсть к стихотворству, плодом чего явилось несколько младенческих виршей» (*Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 210–211; см. также: *Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 36–37).

¹⁰ В 1881 г. Бунин поступил в елецкую гимназию, третий класс которой он был вынужден повторить. С рождественских каникул 1885/86 г. Бунин в гимназию больше не вернулся (см.: *Бабореко. С. 9–14; Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 41–62; Устами Буниных. Т. 1. С. 17–22; *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 10; *Крюкова Н. Г.* Неизвестные документы о гимназическом периоде жизни И. А. Бунина // Вопросы литературы. 1998. № 1. С. 380–381).

¹¹ С 1886 по начало 1889 г. Бунин жил у родителей в Озерках, где он под руководством старшего брата Юлия (1857–1921; о нем см.: *Сачков В. Н.* Бунин Юлий Алек-

сеевич // Русские писатели: Биографический словарь. Т. 1: А—Г. М., 1989. С. 362), сосланного за революционную деятельность в родовое поместье, занимался самообразованием. В это время были написаны и первые опубликованные произведения Бунина (подробнее см.: *Бабореко*. С. 14—18, *Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина*. С. 62—90).

¹² В.Н. Муромцева-Бунина свидетельствовала: «Лет восьми Ваня написал стихи — о каких-то духах в горной долине, в месячную ночь. Он говорил мне, что видит ее до сих пор» (*Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина*. С. 35).

¹³ «Родина» — еженедельный журнал, издававшийся с 1879 по 1917 г. в Санкт-Петербурге. Бунин печатался в нем в 1887—1888 гг. В 1888 г. издатель «Книжек “Недели”» П. Гайдебуров (см. примеч. 16) советовал Бунину прекратить сотрудничество в «Родине»: «Сегодня я совершенно случайно увидел номер “Родины” (журнала, мною не получаемого) и в нем Ваше стихотворение. Так как у Вас есть — как я писал Вам и раньше — несомненные задатки поэтического творчества, то позвольте мне предостеречь Вас от участия в изданиях такого литературного качества, как “Родина”. Это не только помешает Вашей литературной репутации, но и невыгодно отзовется на развитии Вашего дарования» (цит. по: *Бунин И. Письма 1885—1904*. С. 469—470). Бунин, однако, и в 1901 г. сообщал брату, что послал стихи в «Родину», которые, однако, там не были напечатаны (см.: *Бунин И. Письма 1885—1904*. С. 350, 636).

¹⁴ Первым напечатанным произведением Бунина было стихотворение «Над могилой С.Я. Надсона», опубликованное в феврале 1887 г. в журнале «Родина» (Родина. 1887. № 8. 22 февраля. Стлб. 228—229). Сам Бунин, однако, начиная еще с 1895 г., указывал, как он это делает и в публикуемом интервью, что его литературный дебют состоялся в мае 1887 г. (см., например: *Бунин И. Письма 1885—1904*. С. 211, 360; *Бунин И. Собр. соч.* Т. 9. С. 526), т.е. отсылал к стихотворению «Деревенский нищий», опубликованному в том же журнале три месяца спустя (Родина. 1887. № 20. 17 мая. Стлб. 611—612). В 1915 г. в Полном собрании сочинений писателя снабдил стихотворение «Деревенский нищий» указанием «Первое напечатанное стихотворение» (*Бунин И. А. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М., 1915*. (Приложение к журналу «Нива»). С. 4). В разных источниках этот подзаголовок ошибочно отнесен комментаторами к публикации в «Родине» 1887 г. (см., например: *Бунин И. Собр. соч.* Т. 1. С. 525).

¹⁵ «Книжки “Недели”» — журнал, выходивший с 1878 по 1902 г. под разными названиями в Санкт-Петербурге. С 1885 по 1901 г. — литературное приложение к еженедельной газете «Неделя».

Юлий Бунин рассказывал В. Муромцевой, что во время его пребывания в Озерах (см. примеч. 11) они «выписали журнал “Неделя” и “Книжки Недели”, редактором которых был Гайдебуров, и Ваня самостоятельно оценивал ту или другую статью, то или иное произведение литературы. Я старался не подавлять его авторитетом, заставляя его развивать мысль для доказательства правоты своих суждений и вкуса» (*Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина*. С. 63).

Дебютировал Бунин в «Книжках “Недели”» в сентябре 1888 г. тремя стихотворениями: «За днями серыми и темными ночами...», «Когда вечернею порою...» и «Прости мне, милый друг!.. Те скорбные мгновенья...» (Книжки «Недели». 1888. № 9. С. 1—2 (4-я пагинация)). В.Н. Бунина пишет, что «очень поддержало его <Бунина. — Д.Р.> дух письмо Гайдебурова, взявшего три стихотворения для “Книжек Недели”. Это уже не “Родина”!.. Там печатались знаменитые писатели и поэты...» (*Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина*. С. 84).

Ср. и характеристику, данную «Книжкам “Недели”» Буниным в 1898 г. в газете «Южное обозрение»: «“Неделя” и ее книжки давно уже не имеют такого значения, какое они имели при покойном редакторе-издателе ее, П.А. Гайдебурове. Прежде “Неделя” интересно и серьезно отзывалась на вопросы политической и общественной жизни, а в книжках ее помещались произведения таких литераторов, как Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, Гл. Успенский, Кот Мурлыка, Лесков. Теперь “Не-

деля” по общественным и политическим вопросам отделяется общими местами <...>, а “Книжки Недели” дают сочинения писателей, известных только потому, что они пишут довольно много, давно, прилично и чрезвычайно серо» (*Чубаров И.* <Бунин И. А. > Литературный дневник: <Рец. на: Книжки «Недели». 1898. № 9> // Южное обозрение. 1898. № 594. 24 сентября. С. 2; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 331; отметим в этой связи, что в комментариях к этой публикации (Там же. С. 334. Примеч. 1) ошибочно указано, что Бунин начал печататься в «Книжках» в 1891 г.).

¹⁶ Гайдебуров Павел Александрович (1841–1893) — редактор «Недели» и «Книжек “Недели”» с 1876 г., публицист, прозаик, драматург. О Гайдебурове Бунин вспоминал впоследствии всегда очень тепло: «Я послал стихи в “Неделю” и никогда не забуду того восторга и радости, с которыми я читал одобрительные письма покойного П. А. Гайдебурова, отнесшегося ко мне с отеческой заботливостью и сердечностью» (*Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 211; см. также: *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 260).

¹⁷ О журнале «Северный вестник» (СПб., 1885–1898) см. подробнее: *Иванова Е. В.* «Северный вестник» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX–начала XX века (1890–1904): Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 91–128.

Бунин дебютировал в «Северном вестнике» в 1889 г. стихотворением «Далеко на море...» (Северный вестник. 1889. № 7. Отд. I. С. 88), т.е. еще до того, как Аким Волынский <Х.Л. Флексер> стал фактическим руководителем и идеологом журнала. В январе 1892 г. Волынский отказался напечатать в «Северном вестнике» присланные Буниным стихотворения (см.: *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 515).

¹⁸ О журнале «Вестник Европы» (СПб., 1866–1918) см. подробнее: *Никитина М. А.* «Вестник Европы» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века (1890–1904): Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 4–43; *Никитина М. А.* «Вестник Европы» // Русская литература и журналистика начала XX века (1905–1917): Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 4–25.

Бунин дебютировал в «Вестнике Европы» в 1893 г. стихотворным циклом «Песни о весне»: <I. Свежеют с каждым днем и молодеют сосны...; II. Бушует полая вода...; III. Догорел апрельский поздний вечер...; IV. То разрастаясь, то невнятно...; V. Еще от дома на дворе...> (Вестник Европы. 1893. № 7. С. 362–365). «Вестнику Европы» предложил эти стихи, присланные ему Буниным, А. М. Жемчужников, предварительно указав молодому поэту некоторые слабые места, которые Бунин по его совету исправил (см.: *Путь.* 1912. № 12. С. 35–37; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 261–262). Об участии Жемчужникова в своей писательской судьбе Бунин всегда помнил с благодарностью (см., например: *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 261) и посвятил его творчеству большой аналитический очерк (*Бунин И. А.* Поэт-гуманист: По поводу 50-летнего юбилея литературной деятельности А. М. Жемчужникова // Вестник воспитания. 1900. № 3. С. 76–93).

¹⁹ «Русское богатство» — журнал народнического направления, издававшийся с 1879 по 1918 г. в Санкт-Петербурге. См. характеристику, данную Буниным «Русскому богатству» в 1898 г.: «Нельзя не обратить внимание на симпатичное отношение “Русского богатства” к молодым писателям, в то время как большинство наших журналов заботится главным образом о том, чтобы приобрести для журнала и для читателей произведения “имен”, почти не заботясь о том, под чем эти имена подписаны. Это и легко и приятно, а главное, освобождает от лишних забот: никому из читателей не придет в голову обвинять издателей и редакторов за плохие произведения, подписанные хорошими именами. Имена и должны отвечать за каждую свою строку.

“Русское богатство”, однако, только выигрывает от своего гостеприимства, так как там не редкость встретить свежее художественное произведение, подписанное неизвестным или малоизвестным именем, которое, однако, порой внушает надеж-

ды на то, что это имя со временем будет известным» (*Чубаров И.* <Бунин И. А.> Литературный дневник: <Рец. на: Русское богатство. 1898. № 9> // Южное обозрение. 1898. № 624. 26 октября. С. 3; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 332; ср. также: *Бунин И.* Письма 1885—1904. С. 177).

С переходом в журнал «Новое слово» (см. примеч. 2 к № 15) сотрудничество Бунина в «Русском богатстве» стало эпизодическим, а впоследствии отношение писателя к журналу сделалось резко отрицательным. Ср., например, высказывание Бунина, записанное его племянником в 1911 г.: «И<ван> А<лексеевич> лег на диван просматривать новую книжку журнала “Русск<ое> богатство”. Он сказал, что читать здесь нечего и все так плохо, что читать совершенно невозможно. Говорил, что не понимает, отчего это происходит и отчего нет писателей.

— Неужто нет писателей? — сказал он. — Нет! Это не потому. В других журналах все же встречаются хорошие вещи. Ни в одном журнале нет такой серой и скучной беллетристики, как в “Русском богатстве”. И этот серый тон придали журналу Михайловский и Короленко. Сам Короленко. И как будто хороший писатель и отдельные вещи у него есть прекрасные, а между тем в литературе он понимает мало и вкусы его не всегда безупречны. В сущности говоря, он и Мих<айловский> погубили журнал тем, что придали ему слишком определенную политическую народническую физиономию. Все эти разговоры о каком-то самобытном пути, по которому Р<оссия> пойдет в отличие от европейского Запада, все эти разговоры об исконных мужицких началах и о том, что мужичок скажет какое-то свое последнее мудрое слово — в то время, когда мир бешено мечется вперед по пути развития техники — все это чепуха, которая только тормозит дело.

Писатель, дорожащий своей карьерой и оригинальностью, сюда уже не идет, потому что это значит погубить себя навеки. В конце концов и Г<орький> сделает то же со сборниками З<нания> (да и сделал уже), их вот-вот перестанут читать. Затем он рассказал, что как-то раз, зайдя к Короленко, он застал его за чтением стихотворения, присланного в редакцию Р<усского> б<огатства> для напечатания. <—> Этим стихотворением восхищался настолько, что прочел его мне два раза со слезами восторга. Потом это стихотворение было напечатано в Р<усском> б<огатстве>. Это была провинциальная пошлость. Главная беда журнала — это его провинциализм. Т<олстой> и Д<остоевский> не даром боролись с Ч<ернышевским> и Д<обролюбовым> за направление “Современника”, отстаивая его от окончательного обрусения и провинциализма. В этом их большая заслуга. Я всегда твердо шекспировское: “Недалеко ушла от глупости домоседская мудрость”. Если бы не они,> наша литература давно бы превратилась в мелкую, жалкую, чисто местную литературу. Я не декадент и не выношу их вычурности, их юродства и пошлости, но считаю, что во многом они делают полезное дело. Ни Эреида, ни Лек<онт> де Лиль, ни Бодлер не вяжутся с Р<усским> б<огатством> — а это вершина поэтического искусства последнего времени. А декаденты их перетаскивают к нам! Их темы, стиль вносят в наш быт новые чувства, обогащают нас...» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 7456/1 оф. Л. 14, 16; ср. также: *Бунин И.* Публицистика. С. 286, 296).

²⁰ Рассказ, позднее названный Буниным «Танька» (в журнальной редакции героиню звали Настька), писатель послал в «Русское богатство» по совету Л.Я. Ставровского (см.: *Бунин И.* Письма 1885—1904. С. 525). Рассказ был напечатан под заглавием «Деревенский эскиз» в четвертом номере за 1893 г. (С. 1—13).

Заглавием, данным рассказу редакцией, Бунин остался недоволен. В апреле 1894 г. он писал И. Белоусову: «Еще хотел прислать Вам оттиск из апрельской книги “Рус<ского> богатства” — мой “Деревенский эскиз”. (Не правда ли, дурацкое заглавие?)» (*Бунин И.* Письма 1885—1904. С. 186; оттиск рассказа Бунин послал и Л.Н. Толстому; см. там же. С. 182).

Ср. и запись Бунина эмигрантского периода: «У Короленки: “Эскиз из дорожного альбома”. И это к рассказу “Река играет”, где столько пьяных, диких мужиков! И никакого “дорожного альбома” у него не было. И подзаголовки других рассказов: “Очерк”, “Очерк с натуры” — и т.д.» (РАЛ. MS.1066/551).

²¹ Истоки увлечения Бунина народничеством следует, несомненно, искать в постоянном общении с братом Юлием, бывшим активным деятелем «Черного передела», оказавшим на младшего брата огромное влияние (см. подробнее: *Кучеровский Н. М.* Братья Бунины (Начало литературной деятельности И. А. Бунина) // Из истории русской литературы XX века. Калуга, 1966. С. 85–109).

С появлением в печати «Деревенского эскиза» (см. примеч. 20) Бунин, как прозаик, выступал почти исключительно в изданиях народнического направления: сначала в «Русском богатстве» (см. примеч. 19), затем в «Новом слове» (см. примеч. 2 к № 15). О народнических симпатиях молодого Бунина свидетельствуют также журнальные редакции рассказов, опубликованных в первой половине 1890-х гг., которые писатель впоследствии существенно правил (зачеркнутые Буниным места частично приводятся в комментариях ко второму тому Собрания сочинений).

Признание Бунина в публикуемом интервью, которое он повторил и в других газетных выступлениях (см., например: *И. А. Бунин // Голос Москвы.* 1912. № 245. 24 октября. С. 4; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 541), является лишним доказательством того, что изображение народнических кругов и отношения к ним молодого Арсеньева ни в коем случае не отражает идеологической позиции самого Бунина 1890-х гг.

²² См. примеч. 13 к № 6.

²³ С 1892 по начало 1895 г. Бунин жил в основном в Полтаве (см.: *Бабореко.* С. 35–49; *Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 124–144; Устами Буниных. Т. 1. С. 23–26; ср. также примеч. 25), а с 1898 по весну 1900 г. в Одессе, принимая активное участие в редактировании газеты «Южное обозрение» (см.: *Бабореко.* С. 67–79; *Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 171–180; Устами Буниных. Т. 1. С. 33–35).

²⁴ Весной 1889 г. Бунин в одиночку странствовал по Крыму (см.: *Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 101–103; *Бунин И.* Письма 1885–1904. С. 24–27), а во время пребывания в Полтаве много путешествовал по Украине (см.: *Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 132, 139–140; *Бабореко.* С. 42, 45; Устами Буниных. Т. 1. С. 24–26).

²⁵ Бунин работал в статистическом бюро губернской земской управы в Полтаве временно уже весной 1892 г. С осени того же года, перебравшись на постоянное жительство в Полтаву, он стал служить в земской управе, где занимал, среди прочих, и должность библиотекаря (см.: *Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 130).

²⁶ Юлий Бунин поселился в Полтаве в 1890 г., с 1893 г. он заведовал статистическим бюро губернской земской управы. В воспоминаниях об этом времени Ю. Бунин пишет: «В течение 8 лет я состоял статистиком полтавского губ<ернского> земства, а последние три года я был заведующим статистическим бюро. При мне было введено новое земское положение, построенное на сословно-бюрократических началах, и состав гласных был далеко не из прогрессивных; и все же земская жизнь в это время приняла очень широкий размах и развивалась в самых разнообразных направлениях, особенно после голода и холеры 1891–1892 гг. Тогда вообще во всей России начала подниматься волна общественного настроения. Мы, представители “третьего элемента”, с особой энергией отдались земской работе, стараясь проводить ее в духе народнических идеалов, которым большинство из нас служило в молодости. Без преувеличения могу сказать, что в те годы не только земская, но и почти вся общественная жизнь Полтавы направлялась земским “третьим элементом”. По нашей инициативе была открыта публичная библиотека, учреждено общество содействия физическому воспитанию, при нашем участии велись народные чтения и публичные лекции, создалось потребительское общество и т.д. В течение 1894–95 гг. — как это ни странно теперь покажется — в наших руках были “Полтавские губернские ведомости”, которые мы вели в очень прогрессивном духе (через год их у нас, впрочем, отняли). Затем мы стали во главе вновь возникшей тогда газеты “Хуторянин”. Усилиями “третьего элемента” в Полтаве было положено начало народному дому и памятнику Котляревскому. Наконец, был организован так называемый “Интеллигентный клуб”, существовавший, конечно, неофициально.

Мы, статистики, заводили сношения с статистическими учреждениями и других губерний, и, между прочим, по инициативе полтавского статистического бюро при всероссийских съездах естествоиспытателей и врачей была учреждена подсекция статистики.

Идейная жизнь в описываемое мною время была также полна интереса в Полтаве. В ней жили наиболее видные “толстовцы” (Файнерман, братья АLEXИНЫ и др.). С середины 90-х годов как во всей России, так и у нас, в Полтаве, начало получать широкое распространение марксистское направление. Вместе с тем росло и крепло “украинофильство”, игравшее в Малороссии большую роль. Полтавские “украинцы” завели тогда сношения со многими местностями, в том числе и с Галицией.

К сказанному надо добавить, что мы, представители “третьего элемента”, жили дружной семьей, руководствовались в своих профессиональных и общественных работах началами коллегиальности и товарищества. Со многими из моих тогдашних сослуживцев у меня до сих пор сохранились дружеские и сердечные отношения» («Третий элемент» в земстве 90-х годов: Воспоминания Ю.А. Бунина // Заря. 1914. № 1. 5 января. С. 17). См. также воспоминания Л. Женжурист (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 236–246).

²⁷ Бунин говорит о трех продолжительных заграничных путешествиях в 1907, 1910 (см. примеч. 1 к № 5) и 1910–1911 гг.

В апреле—мае 1907 г. Бунин с В.Н. Муромцевой предприняли поездку за границу, ознаменовавшую начало их совместной жизни. Маршрут их пролегал через Киев, Одессу, Константинополь, Афины, Александрию, Порт-Саид, Яффу, Иерусалим, Вифлеем, Хеврон, Иерихон, Бейрут, Баальбек, Дамаск, Тивериаду, Назарет, Хайфу, Каир, Константинополь и через Одессу и Киев обратно в Москву (см.: *Бабореко*. С. 107–115; *Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 292–366; Устами Буниных. Т. 1. С. 55–68). Дату их отъезда из Москвы, 10 апреля, В.Н. Бунина ежегодно отмечала в своем дневнике до конца жизни. Это путешествие отразилось в цикле очерков «Тень птицы» и во многих стихотворениях Бунина.

С декабря 1910 по апрель 1911 г. Бунин с В. Муромцевой проехали из Одессы через Константинополь, Бейрут, Порт-Саид, Каир, Луксор, Асуан и, минуя Фивы, обратно в Порт-Саид, где они сели на пароход и отправились дальше на Цейлон. Отказавшись от плана доехать до Японии, с Цейлона они вернулись в Одессу (см.: *Бабореко*. С. 157–165; Устами Буниных. Т. 1. С. 94–104). Впечатления от поездки на Цейлон нашли отражение в путевом дневнике «Воды многие» и в рассказах и стихотворениях Бунина.

²⁸ Бунин дважды был награжден половинной Пушкинской премией Академии наук: в 1903 г. за сборник «Листопад» и перевод «Песни о Гайавате» (см.: *Голенищев-Кутузов А.А.* <Отзыв на: Бунин И.А. Листопад: Стихотворения. М., 1901; Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате. Перевод с английского И.А. Бунина. М., 1899>) // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1905. Т. 78. № 1. С. 59–62), совместно с П.И. Вейнбергом, и в 1909 г. за третий и четвертый тома Собрания сочинений — вопреки рекомендации рецензента (см.: *К.Р.* <*Романов К.К.*> <Отзыв на: Бунин И.А. Том третий: Стихотворения 1903–1906 г. СПб., 1906; Бунин И.А. Том четвертый: Стихотворения 1907 г. Годива: Поэма Теннисона. Из «Золотой легенды» Лонгфелло. Каин: Мистерия Байрона. СПб., 1908>) // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1911. Т. 89. № 6. С. 30–55), совместно с А.И. Куприным.

Указания на то, что Бунин якобы трижды получил Пушкинскую премию (см., например: *Бабореко*. С. 139), вызваны, возможно, тем, что Бунин трижды получил золотую медаль А.С. Пушкина за отзывы о книгах, представленных в Академию наук (см.: *Кулябко Е.С.* И.А. Бунин и Академия наук // Русская литература. 1967. № 4. С. 179). Ошибочные сведения о трех пушкинских премиях, полученных Буниным, нередко встречаются, однако, и в критических статьях дореволюционного периода; см., например: *Измайлов А.А.* И.А. Бунин и Н.Н. Златовратский: (По телефону из Петербурга) // Русское слово. 1909. № 252. 3 ноября. С. 2; *Ауслендер С.А.*

<Рец. на кн.: Бунин И.А. Том шестой: Стихотворения 1907—1909 г. Рассказы. СПб., 1910> // Речь. 1910. № 209 (1447). 2 августа. С. 3; *Измайлов А.А.* Ранняя осень: (Поэзия и проза И.А. Бунина) // Новое слово. 1910. № 10. С. 32—36.

²⁹ Бунин был избран в почетные академики по разряду изящной словесности 1 ноября 1909 г., одновременно с Н.Н. Златовратским. Кандидатуру Бунина выдвинули академики Н.А. Котляревский, Д.Н. Овсянко-Куликовский и К.К. Арсеньев в апреле 1909 г. (см.: *Кулябко Е.С.* Указ. соч. С. 174). Сам Бунин писал Клецову в 1912 г., что его кандидатуру предлагал, помимо Котляревского и Овсянко-Куликовского, также А.Ф. Кони (см.: *Вопросы литературы.* 1969. № 7. С. 185).

В.Н. Бунина писала А. Бабореко 18 ноября 1957 г., что вместе с Буниным избрали тогда не Куприна, а «Златовратского... что очень огорчило Ивана Алексеевича. Ведь по таланту Златовратского нельзя было сравнить с Куприным, хотя в какие-то годы он имел большой успех» (цит. по: *Бабореко.* С. 141—142).

Разительный контраст между двумя новыми академиками широко обсуждался и в периодической печати: «У нас два новых литературных академика: Н. Златовратский и И. Бунин. Оба избрания в литературных сферах находят “по заслугам”. У Н. Златовратского все в прошлом, в истории литературы, и там глубоко заложены корни, переплетенные с корнями “деревенских устоев”. У И. Бунина еще все в будущем и он является самым молодым из академиков. Имя Златовратского давно не появлялось в литературе под каким-либо новым его произведением. Может быть, он и писал за это время, но ничего не опубликовывал. Зашатались “деревенские устои” — замолк и он и точно отошел от жизни на позицию молчаливого созерцателя. Это *молчание Златовратского* глубоко по своему содержанию. Изменив себе, он мог бы написать “по-новому”, но он этого не сделал, да и не мог сделать, сочтвшись в неразрывной связи с прошлым. Академия оценила глубокое трагическое *молчание Златовратского*, присоединимся и мы к этой оценке, в корне расходясь с чаяниями автора “Скитальца”. Заключительная глава этого произведения озаглавлена так: “конец Русанова”. Этот конец Русанова и был, собственно, концом самого Златовратского» (*Бруснян В.В.* Литературная хроника // *Новый журнал для всех.* 1910. № 15 (1). Стлб. 140). См. также примеч. 10 к № 6 и предисловие к настоящей публикации.

³⁰ Об увлечении Шиллером свидетельствуют юношеские переводы Бунина с немецкого языка (см.: *Литературное наследство.* Т. 84. Кн. 1. С. 206—207; ср. также: *Бунин И.* Письма 1885—1904. С. 40—41). О влиянии Шиллера на себя в молодости Бунин говорил не раз (см.: *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 259, 526).

³¹ Бунин всю жизнь восхитился творчеством и личностью Гете. В ранней молодости он пытался заново перевести «Лесного царя» (см.: *Литературное наследство.* Т. 84. Кн. 1. С. 207—208), «канонический» русский текст которого принадлежит его «предку» Жуковскому (см. примеч. 6). Если в молодости Бунин, по-видимому, в первую очередь привлекал Гете периода «бури и натиска» (см.: *Бунин И.* Письма 1885—1904. С. 69), то в более зрелые годы он пытался «развенчать» любовь, изображенную молодым Гете («Ведь все влюбленные на манер Вертера — это эротоманы»; *Устами Буниных.* Т. 1. С. 181), что является и одним из главных составляющих гетевского подтекста в романе «Жизнь Арсеньева».

³² Ср. дневниковую запись Бунина от 19 августа 1923 г.: «Lassus maris et viarum, — устав от моря и путей. Гораций. Как хорошо!» (*Устами Буниных.* Т. 2. С. 115). Бунин неточно цитирует седьмой стих шестой оды из Второй книги од Горация: «Отдохну я там от тревог военных суши и моря» (перевод Т.Ф. Церетели).

³³ О юношеском увлечении Лермонтовым, нашедшем впоследствии отражение и в «Жизни Арсеньева», Бунин сам писал в «Автобиографической заметке» для «Русской литературы XX века» С. Венгерова: «Писал я в отрочестве сперва легко, так как подражал то одному, то другому, — больше всего Лермонтову, отчасти Пушкину, которому подражал даже в почерке» (*Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 259). Лермонтовские реминисценции действительно проходят красной нитью через всю юношескую поэзию Бунина (см. подробнее: *Динесман Т.Г.* По страницам ранних по-

этических тетрадей Бунина // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 127–132). Так, первое опубликованное стихотворение Бунина «Над могилой С.Я. Надсона» (см. примеч. 14) имело в рукописи эпиграф из «Смерти поэта» Лермонтова (см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 468). В дальнейшем интерес Бунина к Лермонтову не ослабевал, несмотря на признание им слабых сторон ранних лермонтовских произведений (см.: *Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина*. С. 98; Устами Буниных. Т. 3. С. 168). Есть свидетельства, что Бунин даже собирался написать книгу о Лермонтове, трагическая судьба которого все больше привлекала его внимание (см.: Устами Буниных. Т. 2. С. 189; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 357). Ср. также примеч. 26 к № 22.

³⁴ С творчеством Шекспира, который оставался для Бунина в течение всей жизни одним из непрекращаемых литературных авторитетов, писатель познакомился уже в отрочестве: «Читал я тогда что попало: и старые и новые журналы, и Лермонтова, и Жуковского, и Шиллера, и Веневитинова, и Тургенева, и Маколея, и Шекспира, и Белинского...» (*Бунин И. Собр. соч.* Т. 9. С. 259). Особый интерес представляет комментарий Бунина к известной оценке творчества Шекспира Л. Толстым: «Вот он <Толстой. — Д.Р.> иногда хвалит Мопассана, Куприна, Семенова, меня... Отчего хвалит? Оттого, что он смотрит на нас, как на детей, которые, подражая взрослым, тоже делают то то, то другое вроде взрослых: воюют, путешествуют, строят дома, могут и писать, издавать журналы... Наши повести, рассказы, романы для него именно такие детские игры, и поэтому он, в сущности, одними глазами глядит и на Мопассана, и на Семенова. Вот Шекспир — другое дело. Это уже взрослый, и он уже раздражает его, пишет все не так, как надо, не по-толстовски...» (*Бунин И. Публицистика*. С. 382). Об интересе Бунина к «Гамлету» см. примеч. 41.

³⁵ С произведениями Байрона Бунин познакомился еще в детстве по антологии «Английские поэты» в издании Гербеля (см., например: *Бунин И. Собр. соч.* Т. 9. С. 258). Увлечение Байроном отражено, в первую очередь, в переводах Бунина: еще в юности он перевел стихотворение Байрона (см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 201–202), а впоследствии переводы «Каина», «Манфреда» (см. также примеч. 10 к № 2) и «Неба и земли», наряду с «Песней о Гайавате» Лонгфелло, позволили Бунину гордо заявить (и заодно изящно замкнуть генеалогический круг): «Я хороший стихотворец и, — простите! простите! — замечательный переводчик (не хуже Василия Афанасьевича Бунина, ставшего волею судьбы Василием Андреевичем Жуковским)» (РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 55, 100).

³⁶ Сложным было отношение писателя к творчеству Гоголя. Известно множество его резко отрицательных высказываний о Гоголе (см., например: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 343, 346; Устами Буниных. Т. 3. С. 132, 171). Когда впоследствии в «Жизни Арсеньева» Бунин писал о восхищении «Старосветскими помещиками» и «Страшной мезьей», тут же добавляя, как «уже различала, угадывала моя детская душа, что хорошо, что дурно, что лучше и что хуже, что нужно и что не нужно ей! К одному я был холоден и забывчив, другое ловил с восторгом, со страстью, навсегда запоминая, закрепляя за собой, — и чаще всего действовал при этом с удивительной верностью чутья и вкуса» (*Бунин И. Собр. соч.* Т. 6. С. 39), он, кажется, вполне сознательно затушевывал то влияние Гоголя, автора «Мертвых душ», которое отчетливо прослеживается в его юношеских очерках из деревенской жизни.

³⁷ Первое письмо, посланное Буниным Л. Толстому, было вызвано тем впечатлением, которое «Крейцера соната» и послесловие к ней произвели на девятнадцатилетнего юношу (см.: *Бунин И. Письма 1885–1904*. С. 31). Восторженные оценки произведений Толстого, повторяемые Буниным до конца жизни, содержатся уже в самых ранних его письмах: «Читаю “Войну и мир” и в некоторых местах прихожу в неистовый восторг. Что за прелесть, напр<имер>, эта Наташа! Великое мастерство! Просто благоговение какое-то чувствую к Толстому!» (*Бунин И. Письма 1885–1904*. С. 35). Ср. и интервью, данное Буниным в 1902 г. К. Чуковскому: «Мне жутко бывать у Толстого, потому что он такой громадный, такой требовательный к

человеку. Смотрит на него и будто чего-то требует. И в каждом слове у него заметна эта давящая сторона характера. Как-то в прошлом году прохожу я по Арбату, смотрю — в темноте Толстой. — Здравствуйте, Иван Алексеевич. Почему вас не видать? — Я растерялся как школьник. Просто не знаю, куда шапку свою девать. — Боюсь я бывать у вас, — признаюсь ему чистосердечно... — Нельзя людей бояться, нельзя, — повторил настойчиво и убежденно Л<ев> Н<иколаевич> и торопливо исчез в потемках, оставив во мне подавленное и робкое ощущение» (*Чуковский К. И.* Наши гости // *Одесские новости*. 1902. № 5843. 28 декабря. С. 3; *Литературное наследство*. Т. 84. Кн. 1. С. 360—361; *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 6. С. 291). Ср. также примеч. 13 к № 6.

³⁸ Это, пожалуй, единственный случай, когда Бунин говорит о своем юношеском увлечении Достоевским, отрицательное отношение к которому широко известно и подчеркивается самим писателем также в публикуемом интервью. С приближением драматических событий русской истории интерес Бунина к Достоевскому возрастал, что нашло свое отражение в рассказе «Петлистые уши» и во множестве статей эмигрантского периода, неотъемлемым компонентом которых стала ссылка на «Бесов». История осмысления Буниными «петербургского текста» русской литературы и, в частности, творчества и личности Достоевского, который, по проницательному замечанию Ю. Лотмана, «мешал» Бунину, был «чуж<им> дом<ом> на своей земле» (*Лотман Ю. М.* Два устных рассказа Бунина: (К проблеме «Бунин и Достоевский») // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. Таллинн, 1993. С. 172), восходит, как свидетельствует данное интервью, к гораздо более раннему времени, чем принято считать. Ср. и запись племянника Бунина 1911 г.: «И<ван> А<лексеевич> говорил, что несмотря на то, что город <Петербург>. — *Д. Р.*» прекрасен — жить в нем невозможно, и не мудрено, что у Достоевского рождались в голове такие кошмары. Кто-то сказал, что самое выдающее<ся> здесь — это отвратительная погода» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 7456/1 оф. Л. 12).

³⁹ «Одиссею» Гомера Бунин неоднократно упоминал среди первых прочитанных им книг, подвинувших его к собственным творческим опытам: «Чтение английских поэтов, а потом Гомера (в переводе) пробудили во мне в эту пору страсть к стихотворству» (*Бунин И.* Письма 1885—1904. С. 360; см. также: *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 526). Ср. и позднейшую запись Бунина: «Одиссей, Итака...»

Какой-то [будто-бы странствующий<?>] Одиссей! Почему, зачем вошел он в мою жизнь с детства, навсегда — как множество прочих (Дон-Кихот, Гамлет, Авраам, Исаак, Чичиков, Чацкий — и т. д. и т. д.)?

А потом случилось нечто уже совсем странное: первая моя жена была гречанка Цакни, род которой был с Итаки, а дядя — Ираклиди (от Геракла)! Чего только не было в моей жизни!» (РАЛ. MS.1066/593).

⁴⁰ Изучение сохранившихся тетрадей с юношескими стихотворными опытами Бунина показывает хронологическую последовательность смены увлечений Лермонтовым и Пушкиным (см. подробнее: *Динесман Т. Г.* По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина // *Литературное наследство*. Т. 84. Кн. 2. С. 127—136). В эмиграции, на вопрос анкеты, посвященной Пушкину, Бунин ответил: «Подражал ли я ему <Пушкину>. — *Д. Р.*»? Но кто же из нас не подражал? Конечно, подражал и я, — в самой ранней молодости подражал даже в почерке» (*Бунин И.* Публицистика. С. 205) и перечислил те стихотворения, которые были им написаны либо в подражание Пушкину, либо возникли из желания «написать что-нибудь по-пушкински, что-нибудь прекрасное, свободное, стройное» (там же).

⁴¹ Бунин интересовался «Гамлетом» настолько серьезно, что не раз собирался перевести эту пьесу Шекспира. В. Н. Бунина пишет, что в 1889 г. Бунин начал «переводить “Гамлета”, хотя Гамлет не был его любимым героем. И никогда он этого перевода не кончил» (*Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 89). В 1908 г. Бунин обратился к Станиславскому: «В газетах много пишут о том, что Художественный театр задумывает ставить Шекспира. Если в этом есть хотя доля правды, будьте добры иметь меня в виду как переводчика, — равно как и при постановке “Сарда-

напаля” Байрона, буде таковая осуществится: перевод у меня наполовину готов» (На родной земле: Литературно-художественный сборник. Орел, 1958. С. 306; ответ Станиславского см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 461; ср. также: Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 42). Племянник Бунина записал: «”Гамлет”: И<ван> А<лексеевич> очень любил это произведение Ш<експира>. Он не говорил, что собирается перевести эту вещь, но потому, что — на длительном протяжении времени — он, видно было, думал о ней, иногда покупал книги о Г<амлете> и читал, мне казалось, что он хочет ближе подойти к этой пьесе и, м<ожет> б<ыть>, даже перевести ее на р<усский> язык» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 9076 оф. Л. 8). Ср. также примеч. 2 к № 16.

В эмиграции Бунин будет говорить о своем увлечении «Гамлетом» в юные годы несколько иначе: «он <”Гамлет”. — Д.Р.> никак не был в числе произведений, близких мне, я чувствовал в нем тогда только художественную красоту. Но вот он случайно попался мне под руку... Я немедля взялся за работу, и она скоро чрезвычайно увлекла меня, стала радовать даже просто сама по себе, возбуждать своей трудностью, все растущим желанием как-то присвоить себе эту красоту» (цит. по: *Бабореко А.К.* И.А. Бунин о переводах // Мастерство перевода: 1966. М., 1968. С. 375).

⁴² Преклонение перед Данте, непосредственно отразившееся в творчестве Бунина (см., например, стихотворение «Nel mezzo del cammin di nostra vita», рассказ «Качели», записи писателя (РАЛ. MS.1066/548)), было омрачено раздражением, вызывавшимся у Бунина преувеличенными, по его мнению, восторгами по отношению к итальянскому поэту, которые выражали современники писателя и, в первую очередь, Б. Зайцев. Ср. записанные В. Муромцевой слова Бунина, сказанные еще до революции: «И тут же начал говорить, что ему <Бунину. — Д.Р.> так надоели любители Италии, которые стали бредить треченто, кватроченто, что “я вот-вот возненавижу Фра-Анжелико, Джотто и даже самое Беатриче вместе с Данте...”» (*Муромцева-Бунина В.* Жизнь Бунина. С. 428). Еще большей резкостью отличались высказывания Бунина последних лет жизни, направленные непосредственно против Б. Зайцева (см.: РАЛ. MS.1066/715; MS.1067/427).

⁴³ Сам Бунин относил начало своего увлечения Флобером, сохранившееся до старости, к первой половине 1890-х гг. (см.: *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 261). Б. Зайцев свидетельствует, что Бунин собирался сделать перевод «Искушения св. Антония» (выполненный впоследствии самим Зайцевым) для нового собрания сочинений Флобера, но потом отказался (см.: *Зайцев Б.* Собр. соч. Т. 9. С. 341). Сохранился и незаконченный перевод В. Муромцевой этого произведения Флобера. Бунин сам редактировал перевод жены «Сентиментального воспитания» (т.е. «Воспитания чувств»), выпущенный в 1915 г. издательством «Шиповник». Ср. и запись Н. Пушешникова: «”Иродиада” Флобера. И<ван> А<лексеевич> хотел перевести на р<усский> язык и даже начинал переводить. Фраза его была *тверже*, короче. Но этот слишком близкий к оригиналу язык вызывал в нем сомнения<,> по видимому чего-то не хватало в такой передаче. В конце концов он бросил переводить. “Я чувствую, что лучше сделать (чем Тургенев) нельзя”» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 9076 оф. Л. 9 об.).

⁴⁴ Этот перечень бунинских литературных кумиров, который остается фактически неизменным до конца жизни писателя, интересен тем, что в нем отсутствуют современники (все-таки Лев Толстой, тогда уже скончавшийся, был для Бунина представителем другой эпохи, к которой он сам уже не принадлежал) и, следовательно, в него не попал и Чехов.

Заслуживает внимания, что в эмиграции эти же имена, дополненные еще некоторыми бунинскими «родственниками», появляются почти в таком же составе еще раз; при этом Бунин считал, что этот ряд имен имеет свое продолжение и завершение в нем самом: «И никому-то даже и в голову не пришло задаться вопросом, право, довольно серьезным и сложным: да почему же это были (или, по крайности, казались, именовались) “реакционерами” Гете, Шиллер, Андре Шенье, Вальтер

Скотт, Диккенс, Тэн, Флобер, Мопассан, Державин, Батюшков, Жуковский, Карамзин, Пушкин, Гоголь, Аксаковы, Киреевские, Тютчев, Фет, Майков, Достоевский, Лесков, гр. А.К. Толстой, Л. Толстой, Гончаров, Писемский, Островский, Ключевский, даже и Тургенев, не раз не угождавший “молодежи” — и почему так высоко превознесены были Чернышевский со своим романом, Оммулевский, Златовратский, Засодимский, Надсон, Короленко, Скиталец, Горький?» (Бунин И. Публицистика. С. 146–147). Бунин сам ответил на этот вопрос в другой статье: «А воспоминание, — употребляю это слово, конечно, не в будничном смысле, — живущее в крови, тайно связующее нас с десятками и сотнями поколений наших отцов, живших, а не только существовавших, воспоминание это, религиозно звучащее во всем нашем существе, и есть поэзия, священнейшее наследие наше, и оно-то и делает поэтов, сновидцев, священнослужителей слова, приобщающих нас к великой церкви живших и умерших. Оттого-то так часто и бывают истинные поэты так называемыми “консерваторами”, то есть хранителями, приверженцами прошлого. Оттого-то и рождает их только быт, вино старое. И оттого-то так и священны для них традиции, и оттого-то они и враги насильственных ломок священной растущего древа жизни» (Бунин И. Публицистика. С. 168–169).

⁴⁵ См. примеч. 12 к № 11.

⁴⁶ См. примеч. 35 к № 6.

⁴⁷ См. примеч. 14 к № 11.

⁴⁸ Скорее всего, Бунин имеет в виду задуманную им повесть из жизни интеллигенции (подробнее см. примеч. 13 к № 11). К тому же как раз весной и летом 1912 г. Бунин записывал в своем дневнике собственные наблюдения и рассказы третьих лиц, которые он впоследствии использовал при написании художественных произведений (ср., например, «Пыль», «При дороге», «Жертва» («Илья-пророк») и Устами Буниных. Т. 1. С. 117, 123, 126).

⁴⁹ Подробнее см. № 9.

⁵⁰ См. примеч. 24 к № 6.

⁵¹ См. примеч. 25 к № 6.

⁵² «Сказки» Горького (т.е. часть горьковских «Сказок об Италии») вышли в «Книгоиздательстве писателей в Москве» в ноябре 1912 г. (на титульном листе указан 1913 г.).

Подробнее о роли Бунина в привлечении Горького к сотрудничеству в «Книгоиздательстве писателей в Москве» см. предисловие к настоящей публикации.

⁵³ См. примеч. 20 к № 9.

⁵⁴ Имеются в виду сборники «Слово» (Сб. 1–8. М., 1913–1918); первый сборник, в котором был опубликован рассказ Бунина «При дороге», вышел, однако, лишь в октябре 1913 г. См. также: примеч. 10 к № 9; Келдыш В.А. Сборники «Слово» // Русская литература и журналистика начала XX века (1905–1917): Большевицкие и общедемократические издания. М., 1984. С. 280–308.

13

Писатель-академик, москвич <так!> И.А. Бунин много путешествовал по ближневосточным странам, на которых ныне, ввиду кровавых событий, сосредоточено всеобщее внимание¹.

Древние провинции Малой Азии, классическая Греция и в особенности столица Турции, Стамбул, манили к себе писателя и хорошо им изучены за время многократных посещений².

Путевые впечатления, картины восточного загадочного быта нашли поэтическое отражение в его «Тени птицы»³.

Поэтому из современных писателей, так близко, воочию соприкасавшихся с различными народностями, подвластными Турции, следует считать И. Бунина да еще А.М. Федорова⁴.

Вот почему интересно будет привести мнение о происходящих на Балканах событиях, принадлежащее не военному, не политическому деятелю⁵, а писателю, художнику. Тем более, что русская литература всегда отличалась исключительною чуткостью и гуманным отношением.

— Не касаясь происходящей войны как таковой, — сказал в беседе с нашим сотрудником И.А. Бунин, — я могу рассказать только о своих личных впечатлениях, вынесенных от встреч с турками.

Балканский вопрос настолько старый, запутанный и сложный, что не в краткой беседе его можно исчерпать.

На основании собственных наблюдений и всего того, что приходилось слышать, кажется, что приписываемая туркам жажда крови и обвинения их в особенных зверствах довольно преувеличены.

Что касается знаменитой армянской резни, то все мы знаем, как и кем она была устроена⁶.

Встречаясь с турецкими офицерами, солдатами и просто рабочими, я всегда выносил самое лучшее впечатление. Народ мягкий, доверчивый, стремящийся к культуре⁷.

Такие же мнения я слышал и от других лиц.

Например, от афонских русских монахов я постоянно слышал самые добрые отзывы о турках.

Наконец, в Палестине, в этой колыбели христианства, казалось бы, должно существовать вполне естественное раздражение и предубеждение против турок, так как в их власти находятся главные святыни христианства.

И все-таки я слышал от православного духовенства жалобы и нарекания на греков, арабов и др., за исключением только турок.

Равным образом таковыми же были мои наблюдения и в Египте.

Это, конечно, не значит, что я желаю им победы в происходящей войне.

Я вообще никому не желаю победы, потому что я противник всякой войны. Я против того, чтобы один народ хватал за горло другого.

Печатается по: Ст. Энъ. Русский академик о войне: Беседа с И.А. Буниным // Раннее утро. 1912. № 242 (7846). 20 октября. С. 5.

¹ Речь идет о начале Первой Балканской войны (1912–1913).

² Кроме вышеупомянутых путешествий (см. примеч. 8 к № 2, примеч. 1 к № 5, примеч. 3 к № 6, примеч. 27 к № 12), в апреле 1909 г. Бунин побывал еще в Афинах и Константинополе по дороге с Капри в Одессу (см.: *Бабореко*. С. 135; *Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина*. С. 444–445).

³ «Тень птицы» — цикл путевых очерков, озаглавленный Буниным по названию первого из них, посвященного посещению Константинополя в 1907 г. (см. примеч. 27 к № 12; В.Н. Бунина считает, что в бунинском очерке «все из впечатлений

его пребывания в Константинополе в 1903 году»; *Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина. С. 225*). Позднее этот цикл публиковался Буниным также и под заглавием «Храм солнца».

⁴ О Федорове см. примеч. 19 к № 2. «Восточное амплуа» Федорова, у которого, как и у Бунина, есть переводы из Саади (см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 223), сонет «Гробница Рахили» (Современный мир. 1909. № 8. Отд. I. С. 182) и путевые очерки о Палестине, со временем заметно раздражало Бунина. Когда Телешов сообщил Бунину, что Федоров предлагает путевой очерк о Палестине для сборника «Друкарь», в котором Бунин как раз собирался опубликовать свою «Иудею», он советовал Телешову отказать Федорову: «верно, плохи эти Вифлеемы и Гробницы — спешная, неискренняя работа; попроси-ка простой рассказ; и не бойся — в другое место не отдаст, нету его, этого другого места, хоть и торопит он с ответом» (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 586–587; ср. также письмо Бунина Нилусу от 23 января 1911 г.; РАЛ. MS.1066/4089).

В «шуточном портрете» Федорова 1916 г. отмечалось, между прочим, что этот «Вице-Бунин» так же, как и настоящий, плавает по морям, но Бунина все же «переплыть» не может (*Флит Б.Д. (Незнакомец)* Галерея современников: Шуточные портреты // Журнал журналов. 1916. № 16. С. 12).

⁵ До появления публикуемой здесь заметки о ситуации на Балканах на страницах газеты высказывались как раз военные и политики; см.: Военные о войне: По телефону от нашего с<анкт>-петербургского корреспонд<ента> // Раннее утро. 1912. № 222 (7824). 27 сентября. С. 3; В.А. Маклаков о Балканах: Беседа // Раннее утро. 1912. № 224 (7826). 29 сентября. С. 2.

⁶ Имеются в виду события, предшествовавшие геноциду 1915 г.: скорее всего, подавление в 1909 г. младотурками волнений в Адане, когда правительственными войсками было убито около 30 000 армян.

⁷ Сходные оценки содержатся и в «Тени птицы»: «Сколько красивых, умных и энергичных мужских лиц, особенно среди турок из престолярства, из провинций, с берегов моря! Сколько гордых и приветливых глаз!» (*Бунин И. Собр. соч. Т. 3. С. 324*).

В. Н. Бунина пишет, вспоминая их пребывание в Константинополе в 1907 г., что Бунин «восхищается всем турецким, а византийское его раздражает» (*Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина. С. 305*).

14

И.А. Бунин, юбилей которого с такой торжественностью празднуется интеллигентной Москвой¹, чуть не единственный из наших писателей, прошедший мимо театра, не отдавший ему дани.

На вопрос о причинах этого явления И<ван> А<лексеевич> ответил так:

— Я отвык от театра, — сказал он. — Я редко бываю в Москве, редко бываю в театре.

Далее И<ван> А<лексеевич> сказал, что, конечно, у него бывали моменты сильных сценических впечатлений. Он очень любит Художественный театр².

Но беда в том, что талантливый писатель, по его словам, знает «закулисы» театра, оборотную его сторону, замечает всякую фальшь, условность.

И.А. Бунин — враг всяких кривляний в театре, и его коробят такие слова, как «сборное действо», «хоровод»³. Он признает стилизацию только в ее благородном смысле, напр<имер> стилизацию Флобера в «Саламбо»⁴.

А нарочитая погоня за стилизацией возмущает писателя⁵.

В Одессе Бунин видел «Эдипа» в постановке Рейнгардта — зрелище ему не понравилось⁶.

Он нашел его грубым, свидетельствующим о том, что мы перестали чувствовать любовь, страсть, радость жизни.

Бунину очень хотелось бы написать пьесу. Театр влечет его сжатостью своей формы. Он мечтает о большой, глубокой трагедии из жизни Будды...⁷

Но пока эти мечты остаются мечтами.

Печатается по: *И. Бунин о театре: Из бесед // Вечерние известия газеты «Коммерсант». 1912. № 21. 26 октября. С. 3.*

Данная заметка повторяет в сжатом виде более пространное интервью Бунина, помещенное в журнале «Рампа и жизнь» (*Ю. С. <Соболев Ю. В.> У И. А. Бунина // Рампа и жизнь. 1912. № 44. 28 октября. С. 5; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 374–375*), местами дословно совпадая с ним, и отражает, скорее всего, одну и ту же беседу Бунина с разными лицами. Публикация газетной заметки в настоящем издании обусловлена, во-первых, тем, что она появилась раньше журнального интервью и, следовательно, не может быть кратким изложением уже появившегося в печати текста, что являлось распространенной практикой в дореволюционной журналистике. А во-вторых, публикуемая здесь заметка позволяет установить, что писатель, вопреки предположениям комментаторов бунинского тома Литературного наследства, смотрел постановку «Царя Эдипа» Макса Рейнгардта в апреле 1912 г. в Одессе, а не годом раньше за границей (см.: *Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 375*).

¹ См. примеч. 12 к № 11.

² Подробнее см. № 16 настоящей публикации.

³ Бунин намекает на символистские теории драмы, в первую очередь на терминологию В. Иванова, который стремился посредством обновления античной трагедии создать новое синкретическое искусство, способное вернуть театру его изначальную религиозно-преобразовательную функцию. Ср.: «Театр должен окончательно раскрыть свою динамическую сущность; итак, он должен перестать быть “театром” в смысле только “зрелища”. <...> Мы хотим собраться, чтобы творить — “деять” — соборно, а не созерцать только <...> Довольно лицедейства, мы хотим действия. Толпа зрителей должна слиться в хоровое тело, подобное мистической общине стародавних “оргий” и “мистерий”» (*Иванов В. И. Предчувствия и предвестия: Новая органическая эпоха и театр будущего // Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 44*).

⁴ Об отношении Бунина к Флоберу см. примеч. 43 к № 12.

⁵ Говоря о «нарочитой погоне за стилизацией», Бунин, судя по контексту, отсылает в первую очередь к драматургии таких авторов, как Ф. Сологуб, М. Кузмин, А. Ремизов, Г. Чулков, Л. Зиновьева-Аннибал и В. Иванов.

⁶ Театр Макса Рейнгардта <Гольдмана> гастролитировал в Одессе с пьесой Софокла «Царь Эдип» в обработке Гуго фон Гофманстала с 14 по 18 апреля 1912 г. (см.: *И. А. <Александровский И. В.> Царь Эдип // Одесский листок. 1912. № 88. 15 апреля. С. 4; Александровский И. В. Театральные заметки // Одесский листок. 1912. № 89. 17 апреля. С. 6*).

⁷ Бунин, по-видимому, неоднократно приступал к написанию драмы еще в начале своей писательской карьеры (см.: *Бунин И. Письма 1885–1904. С. 36, 318, 411*); рукописи, однако, не сохранились.

В интервью, помещенном в журнале «Рампа и жизнь», более подробно говорится о замысле писателя: «Часто мне хотелось написать что-нибудь для сцены. Влек-

ла меня и самая форма. Ведь в драме, в ее стремительном, сильном, сжатом диалоге так многое можно сказать в немногих словах. Тут приходится как бы концентрировать мысль, сжимать ее в точные формы. А это ведь так увлекательно. Вот и сонет поэтому излюбленная моя форма. А как хорошо было бы написать трагедию... <...> Тут такой простор для широчайших обобщений, тут так много влекущего. Ведь тут можно дать картину мощных страстей; люди, история, философия, религия — все может быть взято в такой яркой форме... Сколько заманчивого, например, в мысли о трагедии из жизни Будды. Только вот одно останавливает: условности сцены, с которыми надо постоянно считаться...» (*Ю.С. <Соболев Ю.В.> У И.А. Бунина // Рампа и жизнь. 1912. № 44. 28 октября. С. 5; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 374–375; см. также: Фрид С.Б. И.А. Бунин о новой литературе // Биржевые ведомости. 1916. № 15498. 14 апреля. С. 3 (Вечерний выпуск); Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 380).*

Возможно, именно этот замысел пьесы о Будде имел в виду Горький, когда 15 февраля 1912 г. писал В. Качалову: «И Бунина Ивана тоже заставим пьесу писать, я уже говорил с ним: у него есть превосходная тема, и с Вашими указаниями он бы в месяц славную вещь сделал» (*Горький М. Собр. соч. Т. 29. С. 228*).

15

— Д.Н. Мамин-Сибиряк, — говорит И<ван> А<лексеевич>, — оригинальный, самобытный талант, чрезвычайно умный, с оттенком скептицизма.

В то же время замечательно нежной души человек.

Встречались мы с ним в редакции «Мира божьего»¹, а еще раньше в редакции народнического журнала «Новое слово»².

Он отличался удивительно красивой внешностью: здоровый, крепкий, так что теперь — то было не так давно — мне странно читать, что у него «седая голова на исхудалой шее»³.

Настолько это описание не вяжется с сохранившимся в моей памяти образом покойного.

Крупный талант, не использовавший до конца своих сил, не сказавший своего последнего слова!

Печатается по: Из воспоминаний // Раннее утро. 1912. № 255 (7859). 4 ноября. С. 4.

Прощальные слова Бунина (также как и Н.Д. Телешова) о Д.Н. Мамине-Сибиряке, скончавшемся 2 ноября 1912 г., напечатаны в день похорон писателя.

Сходную двойственную оценку не до конца реализовавшему свой талант Мамину-Сибиряку Бунин дал уже в ранней рецензии на первую часть очерка Мамина «У теплого моря»: «Чувствуется местами, что перед автором в данную минуту не рисовался ярко образ или картина; но г. Мамин-Сибиряк — личность настолько крупная, что там, где у него не хватит настоящего художественного настроения, он всегда сумеет воспользоваться своим умом и опытностью» (*Чубаров И. <Бунин И.А.> Литературный дневник: <Рец. на: Русское богатство. 1898. № 10> // Южное обозрение. 1898. № 636. 7 ноября. С. 2*).

В. Вересаев в своих «Невыдуманных рассказах» так передает реакцию Бунина на смерть Мамина: «Было это, мне кажется, в конце 1912 или в начале 1913 года. Заседали мы как-то вечером в правлении “Книгоиздательства писателей”. Иван Бунин скусающе просматривал вечернюю газету. Вдруг он с сожалением воскликнул:

— Умер Мамин-Сибиряк!.. А мы как раз собирались избрать его в почетные академики. Эх, жалко, не успели! Тяжелая его жизнь была в последние годы. Утешили бы старика» (*Вересаев В.В.* Невыдуманные рассказы. М., 1968. С. 472).

¹ О журнале «Мир божий» (СПб., 1892—1906) см.: *Скворцова Л.А.* «Мир божий» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX—начала XX века (1890—1904): Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981. С. 136—197.

Бунин, неизменный сотрудник «Мира божьего», переименованного после закрытия в 1906 г. в «Современный мир» (СПб., 1906—1918), дебютировал на страницах журнала стихотворением «Жизнь увлекает пошлостью дневной...» (Мир божий. 1892. № 7. Отд. I. С. 115).

² О журнале «Новое слово» (СПб., 1894—1897) см.: *Максимова В.А.* «Новое слово» и «Начало» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX—начала XX века (1890—1904): Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981. С. 198—230.

Бунин и Мамин-Сибиряк сотрудничали в «Новом слове» в 1895—1897 гг., когда издателем его была О.Н. Попова и журнал придерживался народнического направления. Бунин опубликовал в «Новом слове» три рассказа: «На край света: Из записной книжки» // Новое слово. 1895. № 1 (октябрь). Отд. I. С. 148—155 «с посвящением Д.И. Звереву»; «Тарантелла: Из жизни деревенской интеллигенции» // Новое слово. 1896. № 7 (апрель). Отд. I. С. 45—93; «Байбаки: Из быта мелкопоместных» // Новое слово. 1896. № 3 (декабрь). Отд. I. С. 193—209. Кроме того, Бунин выступал в «Новом слове» и рецензентом (см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 328—330). Ошибочно приписанная в этом издании Бунину рецензия на стихотворный сборник А. Плещеева (Там же. С. 325—327) принадлежит тогдашнему редактору «Нового слова» И.А. Баталину (см.: *Аксельрод В.И.* Это не Бунин! // Русская литература. 1974. № 3. С. 220).

³ Скорее всего, неточно цитируется один из многочисленных газетных некрологов на смерть Д. Н. Мамина-Сибиряка, в которых описывалось празднование сорокалетия литературной деятельности писателя, происходившее за неделю до его смерти. Одновременно в Москве отмечалось 25-летие литературной деятельности Бунина (см. примеч. 12 к № 11). Эти два юбилея иногда и прямо сопоставлялись (см.: *Скиталец <Блотерманц О.Я.>* Вне шаблона: (С берегов Невы) // Раннее утро. 1912. № 251 (7855). 31 октября. С. 2).

Чествование проходило на квартире у Мамина-Сибиряка в Петербурге, поздравления писатель принимал в полубабыти: «Отмеченный ровно неделю назад юбилей Д.Н. Мамина-Сибиряка был репетицией похорон. Кто знал действительное положение его, тот знал, что этим юбилейным статьям суждено сыграть роль некролога. <...> Не могло быть юбилея печальнее. Мы расхворались с него, как расхворятся с похорон. <...> Боже мой, и это был юбилей! На постели с приподнятой головой лежал Мамин — тень прежнего Мамина — большой старик с большой головой на тонкой, детской шее, на которой жалко обрисовывались мускулы, судорожно и напряженно двигающий брови, точно он хотел что-то вспомнить и понять и не мог» (*Измайлов А.А.* Д.Н. Мамин-Сибиряк (†) // Русское слово. 1912. № 254. 3 ноября. С. 3). О похоронах Мамина см.: *Белюсов И.* Ушедшая Москва. С. 229—230; *Телешов Н.* Записки писателя. С. 168—169.

Вскоре после кончины Мамина А.В. Амфитеатров посвятил ему очередной газетный фельетон, в котором с чужих слов — Амфитеатров жил в это время в Италии — нарисована следующая картина чествования Мамина 26 октября 1912 г.: «Полумертвыми ушами выслушивал Мамин привет себе, полумертвыми губами пролепетал, как литературное завещание, свой привет Бунину...» (*Амфитеатров А.В.* Этюды: VII // День. 1912. № 41. 12 ноября. С. 3); ср. поздравительную телеграмму Мамина Бунину по поводу 25-летия литературной деятельности: «Мамин-Сибиряк приветствует милейшего Ивана Алексеевича, с горячими пожеланиями счастья, дальнейших успехов на литературном поприще» (цит. по: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 482).

Распространяться о заслугах Художественного театра излишне, так как он давно доказал свое совершенство в области театрального искусства. Что же касается возникших в печати толков о некотором уклонении этого театра от своего первоначального пути¹, то я не только не разделяю такого взгляда, но нахожу, что такое заявление слишком смело. Художественный театр никогда не останавливался в своем развитии и все время гигантскими шагами шел вперед, завоевывая все более и более непрístupные твердыни, стоявшие на его пути, чего до него никто не делал. Художественники все время находятся в постоянных исканиях, стремясь воплотить задуманное. Большей частью им это удается, и они достигают порой того, что кажется на первый взгляд совершенно недостижимым. Как же они не ищут новых форм, когда постановкой «Гамлета» они совершенно перевернули все понятия, буквально ошеломив нас созданным шедевром искусства². Говорят также о том, что Художественный театр не ищет новых пьес³, как будто новые пьесы, талантливые или хотя бы стоящие воплощения на сцене, рождаются как блины. На самом деле, мы знаем, что хороших пьес в последнее время было очень мало или совсем не было. Но, помимо всего, забывают, что Художественный театр не может каждый раз давать новую пьесу, ибо тогда он перестал бы быть «Художественным». Все же, поскольку это возможно, он ставит новинки: напр<имер>, «Живой труп»⁴, «Пер Гюнт»⁵, или старые пьесы ставит так, как они до сих пор нигде не ставились (Мольер⁶, Островский⁷).

Напомню еще, что много талантливых пьес, которые вначале не могли добиться признания публики, все же ставились Художественным театром, и всегда с блестящим успехом. Например, этим театром были поставлены все новые пьесы Чехова, при почти общем недоверии или предвзятом отношении к ним⁸. В этом одном, по-моему, его громадная заслуга перед искусством. Затем все первые пьесы Горького, возбуждавшие всеобщий интерес, шли там же⁹. Словом, просмотрев <репертуар>¹⁰ Художественного театра¹¹ и пр<оследив>¹² этапы его развития, я не могу найти ничего кроме положительного, дающего мне право утверждать, что Художественный театр вполне заслужил свое название художественного и единственного¹³. Можно, конечно, спорить о некоторых деталях постановки, можно не соглашаться с трактованием той или другой роли, но в целом Художественный театр составляет громадное историческое явление. Пожелаю же, чтобы одесситы почаще могли видеть и наслаждаться работой и игрой художественников, торжеством настоящего искусства.

Печатается по: Не «прошайте», а «до свидания»: (Наша анкета к сегодняшнему последнему спектаклю московского Художественного театра) // Южная мысль. 1913. № 528. 31 мая. С. 2.

Кроме Бунина, на анкету ответили Е. Щепкин, П. Пильский, А. Федоров, С. Юшкевич и присяжный поверенный А. Богомолец.

Ответам участников анкеты было предпослано следующее редакционное вступление: «Великое и значительное всегда поднимает вокруг себя кипение умов и страстей. Не волнует и не интригует лишь будничное и привычное, что изо дня в день повторяется, на чем почивут рутина и тоска, скука и бездарность. И разумеется, московский “Художественный театр” должен был всколыхнуть театральную Одессу. Уж давно она не проявляла такого жгучего интереса к театру, как в эти дни спектаклей “художественников”. Нам казалось, что для театра, для подлинного драматического театра, она умерла, отданная на растерзание закройщикам “хорошо сшитых фраков” и кинозрелищам. Но приехал театр-художник, вдохновенный искатель преобразенной красоты — и все вокруг него ожило и засветилось праздничными огнями. Не спорим, не всех обратил он в свою веру и не все сразу прониклись величавостью и красотой его искусства. Одни были подготовлены, чтобы принять его восторженно; другие — чтобы признать его с оговорками. Но огромное большинство с каждым спектаклем все более вовлекалось в круг красных чарований этого театра, пленялось его фантазией и достижениями, влюблялось в его актеров и режиссеров, словом, почувствовало и оценило всю силу его и все величие его созданий. Что “художественники” покорили Одессу — это надо признать. Но, покорив ее, они в то же время заставили ее разобраться в той массе новых и захватывающих впечатлений, какую они оставили нам рядом выдающихся постановок».

Ср. также предисловие к настоящей публикации, примеч. 2 на с. 440.

¹ См., например: *Юрьев М.* О Художественном театре // Рампа и жизнь. 1911. № 16. 17 апреля. С. 3–4; № 17. 24 апреля. С. 3.

Наиболее последовательно эта точка зрения была высказана позднее С. Мамонтовым в лекции по поводу постановки «Мысли» Л. Андреева Художественным театром: «Ведь театр Немировича и Станиславского бесспорно сыграл громадную, решающую роль в истории русской сцены. Он уловил и облек в плоть и кровь неуловимые полутона чеховской поэзии. В трилогии Алексея Толстого он смело отверг общепринятый боярский трафарет — внес новое толкование и вдохнул живую душу в наших тяжело-весных предков, одетых в парчовые ферязи и шитые мурмолки. С творческим провидением он перенес к нам живые души героев скандинавского великана Ибсена.

При создании всех этих постановок работники театра еще горели священным огнем, еще стремились вложить в пьесу свою индивидуальную творческую окраску, еще не умели учитывать с холодным рассудком, что и на 169-м представлении той же вещи верно заученная интонация произведет на загнипнотизированную толпу достодолжное действие.

Натуралистические мелочи в виде запечных сверчков, коптящих ламп, скрипящих блоков существовали и тогда, но служили только вспомогательными аксессуарами, а не центральными трюками целой картины.

Загробные видения на фоне черного бархата, ядовитые кобры в стеклянных ящиках, монументальные клетки с издыхающими обезьянами появились уже гораздо позднее, когда температура творческого горения понизилась и стала завоевывать права гражданства система битья по нервам.

Перемену в физиономии Художественного театра можно объяснить очень просто. В силу чисто материальных условий театру приходится больше зарабатывать, чем творить. Ведь при большом численном составе сценических работников и только двух или трех новых постановках в год, на долю каждого из них достается очень мало минут настоящего художественного творчества и переживаний. Приходится им довольствоваться чисто механической работой: изображать в сотый и двухсотый раз одно и то же лицо и одно и то же настроение.

От такой деятельности даже на нервах могут образоваться мозоли. Поневоле потянет к ужасающим эффектам, чтобы встряхнуть монотонность такой творческой работы.

Как это ни грустно, а в душу невольно закрадывается подозрение, что творческие силы Художественного театра иссякают, что вдохновлявшая его прежде живая художественная душа перенесла свои заботы в другое место, что театр медленно склоняется к закату; склоняется потому, что мало любил красоту. Ту самодовлеющую красоту, которая породила вечное искусство, без которой не стоило бы дорожить нашей серой повседневной жизнью» (*Мамонтов С. С. Л. Андреев и Художественный театр*: (Реферат, прочитанный в Москве 18-го апреля) // Театральная газета. 1914. № 17. 27 апреля. С. 4). Бунин присутствовал на этой лекции, как, между прочим, и В. Маяковский, и принял участие в прениях (см.: Диспут в Политехническом музее // Русские ведомости. 1914. № 90. 19 апреля. С. 5; На диспуте о Леониде Андрееве и Художественном театре: (Наброски) // Вечерние известия. 1914. № 447. 19 апреля. С. 3).

² Имеется в виду постановка «Гамлета», осуществленная англичанином Гордоном Крэггом (премьера состоялась 23 декабря 1911 г.). Ср.: «Театром сметено, и навсегда, все то, что до сих пор было нагромождено на “Гамлета” <...> В исполнении “Гамлета” были недостатки.

В его *истолковании* театр сделал могучий, верный шаг вперед.

Вчера мы узнали правду о “Гамлете”» (*Архелай <Нелидов В. А.> Исполнение “Гамлета”* // Русское слово. 1911. № 296. 24 декабря. С. 3; см. также: *Брюсов В. Я.* Гамлет в Московском Художественном театре // Ежегодник Императорских театров. 1912. Вып. 2. С. 43–59).

³ Одним из самых последовательных и непримиримых критиков Художественного театра выступал А. Кугель: «Деятельность Художественного театра, после Чехова, заключается в том, что руководители его протягивают руку к книжному шкафу и извлекают оттуда безошибочно хорошую пьесу, которую обыкновенно нехорошо играют. На примере этого, в высокой степени бесплодного театра, со времен чеховских пьес не нашедшего ни одного автора, ни одного молодого дарования не напавшего и совершенно не имеющего своей литературы, можно убедиться, что брать по рекомендации веков и десятилетий хорошие старые пьесы — очень выгодно. Театр этот, якобы являющийся центром художественной жизни, может похвалиться 68 вагонами декораций, но ни одной пьесой, которую он бы родил, как эти пьесы должен рожать всякий истинно живой театр. Где те идеи — литературные и общественные — то направление искусства, которых светочем он является? Это подлинно монтировка для монтировки, мизансцена для мизансцены, режиссура для режиссуры...» (*Ното новус <Кугель А. П.> Заметки* // Театр и искусство. 1912. № 38. 16 сентября. С. 728; см. также: *Кугель А. П.* Театральные заметки // Театр и искусство. 1912. № 1. 1 января. С. 17–19).

⁴ Наследники Толстого передали право первой постановки «Живого трупа» Художественному театру; премьера состоялась 23 сентября 1911 г.

⁵ Речь идет о произведении Г. Ибсена «Пер Гюнт», премьера которого в Художественном театре состоялась 9 октября 1912 г.

⁶ Весной 1913 г. Художественный театр ставил «Мнимого больного» Мольера вместе с его одноактной комедией «Брак поневоле».

⁷ Из пьес Островского Художественный театр ставил «Позднюю любовь» (1898), «Снегурочку» (1900) и «На всякого мудреца довольно простоты» (1910).

⁸ Как известно, после провала «Чайки» в 1896 г. в Александринском театре в Петербурге Художественным театром с огромным успехом были поставлены все пьесы Чехова: «Чайка» (1898), «Дядя Ваня» (1899), «Три сестры» (1901) и «Вишневый сад» (1904). Премьера «Иванова» в Художественном театре состоялась уже после смерти Чехова, 19 октября 1904 г. Ср. также предисловие к настоящей публикации, примеч. 2 на с. 424.

⁹ Говоря о «всех первых пьесах» Горького, Бунин имеет в виду постановки «Мещан» (см. примеч. 15 к № 1) и «На дне» (см. примеч. 16 к № 1) в 1902 г. Позднее в Художественном театре были поставлены еще «Дети солнца» (1905).

¹⁰ Типографский брак.

¹¹ Ср. также письмо Бунина Нилусу от 12 августа 1912 г., в котором он выражает сомнения, что пьеса Нилуса будет принята Художественным театром для поста-

новки: «Много прелестного, но, думается, такого, что не для сцены. А сценичное не того веса, какой требует Художеств<енный> театр. Думаю — не возьмут — сочтут, что это для них легковато. Да и подумай: Худож<ественный> театр или на макароны задается (Шекспир, Мольер), или ищет имен, вещей, задевающих публику» (РАЛ. MS.1066/4106; Русская литература. 1979. № 2. С. 150).

¹² Типографский брак.

¹³ Ср.: «Кстати, почему свой театр Станиславский и Немирович назвали “художественным” — как бы в отличие от всех прочих театров? Разве художественность не должна быть во всяком театре — как и всяком искусстве? Разве не претендовал и не претендует каждый актер в каждом театре быть художником и разве мало было в России и во всех прочих странах актеров-художников?» (Бунин И.А. О Чехове: Незаконченная рукопись. Нью-Йорк, 1955. С. 218).

17

Совсем недавно некоторые газеты оповестили о предстоящем скором возвращении Максима Горького на родину. Сообщалось, что писатель дал согласие на редактирование выходящего в Петербурге марксистского журнала «Просвещение»¹. Даже указывалось на факт получения писателем паспорта от нашего неаполитанского консула для беспрепятственного въезда на русскую территорию².

В московских литературных кругах к известию о скором возвращении Максима Горького в Россию отнеслись весьма скептически.

— Что Алексей Максимович страшно стосковался по родине и был бы счастлив снова жить под родным небом, ясно для каждого, но...

Так говорили в Москве лица, близко знающие Максима Горького и отношение его к современным условиям русской жизни. Это же подтверждается еще тем, что в Москве не имелось решительно никаких сведений о приезде Максима Горького, которые исходили бы непосредственно от него.

Единственным представителем литературной Москвы, с которым Максима Горького связывает многолетняя дружба и переписка, является И.А. Бунин, сейчас отдыхающий на черноморском побережье³. К нему и обратился наш сотрудник с просьбой сообщить, когда именно Максим Горький приезжает в Россию.

В ответ на это вчера от академика И.А. Бунина получено письмо, в котором он, между прочим, заявляет:

— К сожалению, не могу исполнить Вашу просьбу, Вы уже знаете, конечно, ответ Алексея Максимовича на запрос «К<иевской> м<ысли>»: «*Как всегда, лично мне ничего не известно*»⁴. Да и в своих последних письмах ко мне Алексей Максимович ничего не говорит о своем приезде в Россию⁵.

Печатается по: Возвращается ли М. Горький в Россию? // Утро России. 1913. № 154. 5 июля. С. 4.

В феврале 1913 г., в связи с объявленной по поводу 300-летия дома Романовых амнистией лицам, привлекавшимся за «преступные деяния, учиненные посред-

ством печати», Горький задумался о возможности вернуться в Россию, как ему это советовал и В. Ленин (см.: ЛЖТ. Вып. 2. С. 342–343).

Возникавшие слухи о возможном возвращении Горького в Россию сразу же попадали в печать. Бунин высказывался по этому вопросу в газетном интервью после возвращения с острова Капри, где он провел зиму 1912/13 г.: «А<лексей> М<аксимо-вич> очень нервничал в этом году. Причиной его волнения была амнистия. Она ведь много вызвала толков за границей. Надеялись и мечтали... Горький так рвется в Россию.

После ознакомления ко всему еще примешалось разочарование — амнистия ведь мало кого коснулась.

Вначале А<лексей> М<аксимо-вич> хотел было ехать на родину, но потом раздумал. Останавливает его то, что он не утерпит, вырвется крик боли, а знаете, с чем это связано в матушке-России — опять беги» (*Влад. К. Да здравствует жизнь!* (Беседа с И. А. Буниным) // *Вечерние известия*. 1913. № 172. 4 мая. С. 3; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 545; см. также: *Л. Фл. <Флауменбаум Л. З.>* На литературные темы: (Беседа с И. Буниным) // *Южная мысль*. 1913. № 491. 17 апреля. С. 2; *Литературное наследство*. Т. 84. Кн. 1. С. 376).

Приняв решение вернуться на родину, Горький сообщал о своем намерении в частных письмах лишь близким лицам, не будучи заинтересованным в преждевременной огласке своих планов и неизбежном ажиотаже вокруг своей персоны. В-первых, у Горького, вероятно, все же оставались сомнения принципиального характера в возможности воспользоваться амнистией или, по крайней мере, опасения, что его возвращение может быть истолковано неправильно; во-вторых, уголовное дело, возбужденное против него за напечатание романа «Мать», не попало под амнистию; а в-третьих, ухудшение здоровья и денежные затруднения не позволяли писателю сразу же осуществить свое намерение. Уехал Горький в Россию лишь в самом конце 1913 г.

Поэтому появление в газете «Русские ведомости», дававшей, как правило, только тщательно проверенную информацию (ср.: «"Русские ведомости" считались в Москве верхом солидности. Если там появилось, значит, правда»; *Зайцев Б.* Собр. соч. Т. 6. С. 54–55), неподписанного сообщения из Рима было для Горького, скорее всего, неприятной неожиданностью: «*Рим*. Максим Горький в скором времени уезжает в Россию. На днях писатель подал прошение неаполитанскому консулу о выдаче пропуска через русскую границу. Как нам известно, пропуск будет дан Горькому не на основании амнистии, а путем простой условной надписи на просроченном заграничном паспорте на основании министерского циркуляра, изданного в январе прошлого года. Этим циркуляром воспользовалось уже много эмигрантов. Литературные дела Горького прекращены по амнистии» (*Наш корр.* Отъезд Горького в Россию // *Русские ведомости*. 1913. № 145. 25 июня. С. 3).

С высокой долей вероятности можно предположить, что автором сообщения является М. А. Осоргин <Ильин>, неизменный штатный корреспондент «Русских ведомостей» в Италии с 1908 г. В конце февраля 1913 г. Осоргин специально приехал к Горькому на Капри в качестве корреспондента газеты с целью начать с него опрос выдающихся эмигрантов об их отношении к объявленной амнистии. Горький беседовал с журналистом на эту тему, впоследствии, однако, письменно передал Осоргину убедительную просьбу не упоминать его имени в печати. Осоргин ответил 5 марта 1913 г., излагая собственную точку зрения на затронутый вопрос и обещая Горькому, что, несмотря на свое сожаление об этом, он все же будет уважать его просьбу. Горький, судя по сохранившемуся черновику, отреагировал довольно раздраженно, и не в последнюю очередь потому, что ему не понравился пренебрежительный тон Осоргина по отношению к Бунину, невольно прервавшего беседу Горького с Осоргиным на Капри (подробнее см.: *Бочарова И. А.* М. Горький и М. А. Осоргин: Переписка // *С двух берегов*. С. 387–539).

В большой статье для «Вестника Европы» Осоргин, излагая свой разговор с Горьким на Капри, еще не называл его имени, хотя у читателей и так вряд ли остава-

лись сомнения, о ком идет речь: «Недавно мне пришлось иметь на тему о “тоске по родине” разговор, продолжившийся потом перепиской, с одним очень известным русским писателем-эмигрантом, имени которого я назвать, к сожалению, не вправе. В своем роскошном уединении он уверял меня, что тоска по родине вообще не свойственна русским, что он лично совсем не понимает этого чувства, считая его просто “тоской по привычному месту, свойственной и животным”. Он приводил мне в доказательство духоборов и своих земляков-крестьян и мешан, сделавших подлинными французами и говорящих: “А ну ее, вашу Россию!” Думается мне, что мало убедительны эти примеры переселенцев, если даже ссылка на них правильна. Тоска по родине дает себя остро чувствовать именно тогда, когда возврат на родину решительно прегражден, когда она является недостижимой или, во всяком случае, недостижимыми являются легальный возврат и легальная деятельность на ее почве. И я не понимаю, почему нужно отмахиваться от этого чувства, лучшего из чувств, — хотя понимаю, что под влиянием его опускать руки уже совсем не позволительно» (*Осоргин М.А.* Русские эмигранты и римский съезд // *Вестник Европы.* 1913. № 7. С. 297–298).

После получения Горьким российской визы Осоргин, наверное, уже не считал себя обязанным молчать о намерении писателя вернуться в Россию и объявил об этом в «Русских ведомостях». Появление этой заметки, перепечатанной почти во всех российских газетах, вызвало настоящий переполох, и Горький был вынужден отвечать на многочисленные вопросы своих корреспондентов о достоверности сообщенных сведений (см., например: *Литературное наследство.* Т. 95. С. 433, 1018; *Горький М.* Собр. соч. Т. 29. С. 310–312, 314–315).

Письмо Бунина к Горькому от 2 июля 1913 г. с подобными же вопросами, вполне возможно, не в последнюю очередь было вызвано обращением к нему газеты «Утро России»: «Правда ли, что едете в Россию? Правда ли, что Вы — редактор “Просвещения”? <...> Меня осаждают расспросами о Вас» (Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 74).

Таким образом, помещенный в настоящей заметке ответ Бунина на запрос московской газеты был правдив и лукав одновременно, так как сам писатель, очевидно, до конца не доверял процитированной им же телеграмме Горького, опубликованной в «Киевской мысли».

¹ См., например: Возвращение М. Горького в Петербург // *Петербургская газета.* 1913. № 173. 27 июня. С. 13.

В феврале 1913 г. Горький взял на себя редактирование беллетристического отдела марксистского журнала «Просвещение», издававшегося легально в Петербурге до июля 1914 г. (см.: ЛЖТ. Вып. 2. С. 338, 448; *Ревякина И.А.* Горький — редактор журнала «Просвещение» // *Литературное наследство.* Т. 95. С. 622–659).

² 22 июня 1913 г. Горький получил от Российского генерального консульства в Неаполе визу на въезд в Россию (см.: ЛЖТ. Вып. 2. С. 364). 24 июня Горький сообщил И. Ладъжникову, что получил «надпись консула на своем паспорте, предупрежден им, что меня эта надпись не гарантирует от прогулки по этапу с границы до Питера. “Они сделают это просто для того, чтоб показать свою власть”. Думаю — не сделают» (Архив А.М. Горького. Т. 7: Письма к писателям и И.П. Ладъжникову. М., 1959. С. 225).

³ С мая по сентябрь 1913 г. Бунин снимал дачу под Одессой. В июне они с братом Юлием совершили путешествие вдоль берегов Черного моря по маршруту: Одесса, Батум, Константинополь, Констанца, Бухарест, Яссы, Кишинев (см.: *Бабореко.* С. 208–214; *Литературное наследство.* Т. 84. Кн. 1. С. 647).

⁴ Имеется в виду газетная заметка «Телеграмма М. Горького»: «По поводу сообщения газет о предстоящем будто бы в скором времени возвращении Максима Горького в Россию редакцией “Киевской мысли” был послан писателю запрос о достоверности этих сообщений».

Вчера по телеграфу мы получили от Максима Горького с Капри следующий ответ:

“Как всегда, мне лично ничего не известно. Пешков”» (Киевская мысль. 1913. № 176. 28 июня. С. 3).

⁵ Письма Горького к Бунину за 1913 г. не сохранились. В письме А. С. Черемнову от 2 июля 1913 г. Бунин писал: «А Горький что-то примолк. Уже с месяц нет писем. В последнем извещал меня о своем полном разрыве с “Современником”» (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 647). Цитированное выше письмо Горькому от 2 июля подтверждает, что Бунину действительно ничего не было известно о намерении Горького вернуться в Россию, хотя он, конечно, строил собственные предположения на этот счет; ср. его письмо Клестову от 23 июля 1913 г.: «Конечно, у Горького тоже есть материал для новых томов, и издать их было бы особенно важно теперь — думаю, что он-таки приедет осенью в Россию» (Вопросы литературы. 1969. № 7. С. 186).

18

Одесса в последнее время стала любимым уголком чающих летнего отдыха писателей.

На берегу моря, почти у скал, где неустанно kloкочут бурые волны, устраивают свои далекие от мира «обители» художники слова.

И избирая прибрежный уголок, они как бы стараются перешеголять друг друга в отыскании все более интересного и поэтического жилища.

А.М. Федоров, как известно, живет на своей очаровательной по архитектуре даче¹.

Близко подле него живет И.А. Бунин со своим братом — «старшиной московских литераторов».

Широкая, просторная терраса бунинской дачи² вся утопает в цветах.

Неподалеку примостился в маленьком, уединенном домике Г.А. Яблочков³.

А там дальше, ближе к середине Б<ольшого> Фонтана, почти над водой живет в голубом барском доме акад<емик> Д.Н. Овсяннико-Куликовский⁴.

Больше всех, по-видимому, тянет к морю И.А. Бунина, которому нужно тепло юга, но которому так не хочется расставаться с Россией⁵.

— Здесь, в Одессе, я все-таки в России, — сказал нам с улыбкой И.А. Бунин, когда мы на днях у него побывали. — Мне надоела заграница. Я даже думаю и зиму провести в России⁶. Ведь я целый ряд зим живу все за границей⁷. А при всех иностранных прелестях культуры меня все-таки тянет домой.

Вспоминаю свое пребывание на Капри⁸.

Сидишь среди очаровательной природы, которая дает все, что только может создать природа; но вот подберется что-то к сердцу, начнет тихо, украдкой щемить — и тебя вдруг потянет в какой-нибудь русский Муром или Козлов... Мы, русские — неисправимые «патриоты»...

В Одессе И.А. Бунин массу работает⁹.

Сейчас писатель спешит закончить вещь для сборника, издаваемого группой русских писателей¹⁰.

— Много времени отнимает у меня и чисто техническая работа, — сказал нам, между прочим, писатель. — Сейчас я редактирую полное собрание своих сочинений, которое дает в виде приложения «Нива»¹¹.

Также необходимо мне просмотреть и новую свою книжку¹².

Это для меня — очень большая работа.

Так внимательно нужно проследить всякую деталь, всякую мелочь.

Ведь когда книжка вышла уже в свет, тогда каждый промах больно режет глаз...

Свободное время И.А. Бунин проводит в беседах с Г.А. Яблочковым.

— Очаровательный, интересный человек Георгий Алексеевич, — отзывался о Яблочкове И.А. Бунин. — Вот настоящий, чуткий, глубокий, наблюдательный и умный писатель. Как настоящий талант, он тихий, ушедший в себя...

Может быть, потому его мало знает широкая публика.

И.А. Бунин выразил желание непременно познакомить нас с Яблочковым.

Легкой, почти юной, походкой быстро направился он к домику Яблочкова, расположенному ближе к берегу.

Когда мы подошли к домику, он оказался закрытым, словно заколоченным.

Г.А. Яблочков оказался на берегу, где он по целым дням лежит под дачей Федорова и разговаривает... с морем... <...>¹³

Иногда Д<митрий> Н<иколаевич> <Овсяннико-Куликовский. — Д.Р.> уходит в гости к И.А. Бунину, А.М. Федорову или Г.А. Яблочкову.

Когда собирается эта «писательская колония», слышатся горячие споры на литературные и общественные темы.

Печатается по: А.Ард. <Ходоровский А.С.> Писатели на отдыхе // Южная мысль. 1913. № 571. 21 июля. С. 3.

Подобная газетная заметка, посвященная И. Бунину, А. Федорову и С. Юшкевичу, появилась под тем же заголовком в «Южной мысли» уже в начале июня. Приведем тот отрывок, в котором говорится о Буине: «Гостящий в Одессе академик И.А. Бунин на некоторое время устроился с семьей своей в укромном уголке дачи Ковалевского. И<ван> А<лексеевич> очень доволен избранным им местом, т<ак> к<ак> там одновременно имеется и морской, и степной воздух, что благотворно действует на его здоровье. На даче И<ван> А<лексеевич> много работает и в час отдыха он с семьей и часто посещающими его знакомыми спускается вниз к морю и долго бродит по берегу.

Сейчас И<ван> А<лексеевич> занят черновой работой по изданию Полного собрания своих сочинений, приобретенных у него журналом “Нива”.

Через некоторое время талантливый писатель отправится в большое путешествие и по возвращении приступит к ряду новых работ и, между прочим, к печатанию тома новых рассказов, написанных им за зиму.

И.А. Бунина часто навещает А.М. Федоров, живущий с ним по соседству на собственной даче» (Писатели на отдыхе // Южная мысль. 1913. № 530. 2 июня. С. 5).

¹ Ср.: «Отрада — дачное место, хотя уже и слившееся с городом. Федоровы летом, когда цены в Отраде делаются сезонными, переезжали на дачу за Большим

Фонтаном. Там квартира их состояла из трех больших комнат, выходящих окнами на море» (*Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина*. С. 299).

² См. примеч. 3 к № 17.

³ Ср. одесские воспоминания К. Чуковского: «Доктор Георгий Алексеевич Яблочков, тоже приезжий, в пенсне, с остроконечной бородкой, прекраснейший, скромнейший человек, бывший политический ссыльный, приятель Куприна, Бунина и других литераторов, автор нескольких рассказов и очерков» (*Чуковский К. Собр. соч.* Т. 4. С. 529).

⁴ Ср.: «В Одессе гостит в настоящее время и проживает на 13-й станции трамвая прибывший из Петербурга академик Д. Н. Овсяннико-Куликовский» (*Одесский листок*. 1913. № 160. 10 июля. С. 2).

⁵ См. также письмо Бунина Горькому от 14 апреля 1913 г. (Переписка А. М. Горького и И. А. Бунина. С. 71–72).

⁶ Планы Бунина на зиму впоследствии изменились: 20 декабря 1913 г. Бунин с женой и племянником отправились через Германию и Италию на Капри, откуда они весной 1914 г. вернулись через Рим, Загреб, Будапешт и Бухарест в Одессу (см.: *Бабореко*. С. 220–222; *Устами Буниных*. Т. 1. С. 134–136).

⁷ Начиная с 1910–1911 г. Бунин проводил за границей все зимы вплоть до начала Первой мировой войны (см. также примеч. 3 к № 6, примеч. 27 к № 12 и примеч. 8).

⁸ На Капри Бунин был до этого четырежды: в марте–апреле 1909 г. (см.: *Устами Буниных*. Т. 1. С. 79–81; *Бабореко*. С. 131–135; *Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина*. С. 430–443), в апреле–мае 1910 г. (см.: *Устами Буниных*. Т. 1. С. 91; *Бабореко*. С. 150), с ноября 1911 по февраль 1912 г. (см. примеч. 20 к № 6) и с ноября 1912 по март 1913 г. (см.: *Устами Буниных*. Т. 1. С. 132–133; *Бабореко*. С. 202–207; *Нинев А. М. Горький и Ив. Бунин*. С. 443–447).

⁹ Ср. письмо Бунина Белоусову от 29 июля 1913 г.: «Строчу и читаю я — больше, конечно, чем строчу, и все далеко не пустяковое, не просто для времяпрепровождения — буквально с утра до вечера, а отдыхаю и гуляю с обалделой головой» (цит. по: *Бабореко*. С. 213).

¹⁰ Имеется в виду рассказ «При дороге», предназначенный для первого сборника «Слово». Ср. письмо Бунина Клестову от 15 сентября 1913 г.: «"При дороге", конечно, не так остро, как "Ночной разговор". Но все весьма хвалят. Конечно, лучше бы "боевую" вещь. Но ведь не готовился я к 1-му сборнику специально» (*Вопросы литературы*. 1969. № 7. С. 186). Ср. также примеч. 54 к № 12.

¹¹ См. примеч. 13 к № 9.

¹² Речь идет о книге «Иоанн Рыдалец: Рассказы и стихи 1912–1913 г.», вышедшей в декабре 1913 г. в «Книгоиздательстве писателей в Москве». Бунин долго обдумывал заглавие и состав сборника. Так, 18 мая 1913 г. он писал Клестову: «Подумываю озаглавить новую книгу по первому рассказу: "Преступление". Что Вы, многоопытный, на это скажете? Будут в этой книге и иного рода рассказы — любовные, "дворянские" и даже, если хотите, "философские". Но мужик опять будет на первом месте — или, вернее, не мужик в узком смысле этого слова, а душа мужицкая — русская, славянская. Я с великим удовольствием поставил бы эпиграфом к этой книге один из последних заветов Гл. Успенского: "Смотрите на мужика... Все-таки надо... Надо смотреть на мужика!.." Да боюсь, дам повод суживать мои задачи» (На родной земле: Литературно-художественный сборник. Орел, 1958. С. 308). Впоследствии Бунин взял эпиграф из Ивана Аксакова «Не прошла еще древняя Русь...». Ср. также другие письма Бунина Клестову 1913 (*Вопросы литературы*. 1969. № 7. С. 185–187; *Проблемы реализма и художественной правды*. Вып. 1. Львов, 1961. С. 172–173).

¹³ Дальше журналист описывает визиты к А. Федорову и Д. Овсяннико-Куликовскому.

— Вопрос этот — старый, наболевший. Нового — ничего сказать нельзя.

Что санатория нужна — всякий знает.

Что пора перейти от слов к делу и создать что-либо — тоже всякому известно.

Относительно места — то это вопрос специальный. Конечно, Крым имеет все преимущества. Но если там невозможно, то что же тут сказать?

Печатается по: *Вл. С.* Где быть санатории для журналистов? (Наша анкета) // Южная мысль. 1913. № 607. 4 сентября. С. 3.

Кроме Бунина, на анкету ответили А. Федоров, Д. Овсяннико-Куликовский, Е. Шепкин, С. Юшкевич, Д. Айзман и Н. Геккер.

Екатеринославский общественный деятель Григорий Леонтьевич (Герш Левинович) Геккер (о нем см. подробнее: Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Т. 3: 80-е годы. Вып. 2. М., 1934. Стлб. 759) решил на свои средства приобрести участок земли с целью создания санатория для больных газетных работников. Когда расстроились планы купить землю в Алуште, вопрос о месте будущего санатория стал обсуждаться в Литературном фонде.

Осуществил ли свое намерение Г.Л. Геккер в Одессе или в другом месте, выяснить не удалось.

Ответам участников анкеты было предпослано следующее вступление: «Обо всех пишут журналисты. Вся жизнь их уходит на освещение ненормальностей человеческой жизни во всех областях и сферах, но себя, свою жизнь, они не любят выставить напоказ, и как бы с большой осторожностью относятся они к своим нуждам.

И обыкновенно, если мы и узнаем о жизни журналистов и писателей, то только после их смерти. Узнаем, что масса даже весьма популярных писателей — умирает чуть ли не в нищете.

Что же касается журнальных, а главное — газетных тружеников, то они почти сплошь да рядом совершенно необеспечены.

Вся жизнь их проходит в неустанном, скудно оплачиваемом труде.

Для этих тружеников — уголок, в котором они могли бы спокойно отдохнуть, встретить „братскую помощь“ в минуту отчаяния, когда силы слабеют, был бы единственным местом, куда они охотно устремились бы и где приняли бы эту товарищескую услугу.

Были некоторые попытки в этой области, но большей частью они облекались в форму подачек и приютов. И несомненно, такого рода попытки успеха не могли иметь.

Затеваемое же сейчас предприятие, как нам удалось выяснить, единственное в своем роде и имеет в виду щадить „чуткость“ пишущей братии.

Григорий Леонтьевич Геккер — брат известного литературного критика Наума Леонтьевича — с большим вниманием относится к тому делу, которое он хочет создать, ассигнуывая из своих собственных средств на оборудование уголка-санатории около 40 тыс. руб., причем будут еще значительные дополнительные расходы по благоустройству и по оказанию необходимой помощи.

Воспользовавшись пребыванием в Одессе известных и популярных писателей, мы обратились к ним с просьбой высказать свои мнения по этому вопросу».

В некоторых газетах появилось сообщение, что «во время банкета в честь „Русских ведомостей“, в ночь с 6-го на 7-е октября, в ресторане „Славянский Базар“ составлен протокол об оскорблении действием представителя полиции почетным академиком Ив.А. Буниным» и что «протокол уже препровожден в суд»¹. Ввиду того, что такое краткое сообщение может возбудить нежелательные для меня толки в обществе, позвольте мне при посредстве вашей уважаемой газеты изложить это дело несколько подробнее. Было оно так. После того как пристав Строев² запретил сперва произнесение речей, а затем и чтение приветственных депеш и потребовал, чтобы публика очистила залу ресторана³, я, находившийся поблизости от места председателя банкета кн. П.Д. Долгорукова⁴, сказал, обращаясь к приставу: «Но позвольте мне допить кофе», — и пристав резким и властным тоном, оскорбительным для всякого ни в чем не повинного человека, крикнул, кто я такой. Я назвал себя, подал свою визитную карточку, но пристав почему-то не удовольствовался этим и, потребовав, чтобы я следовал за ним, двинулся вперед среди густой толпы, нас окружавшей. Я вослед ему спросил, почему и куда должен я идти, причем, желая обратить внимание на свои слова, машинально коснулся его рукава. И тут-то произошло то, что обычно происходит в подобных случаях: пристав крикнул, что я не умею держать себя, что я *хватаю* его за рукав и что он усматривает в этом оскорбление. «Если так, виноват», — сказал я, но пристав и этим не удовольствовался и, возвратившись с несколькими другими полицейскими в залу ресторана, — где уже приказано было, несмотря на огромную и взволнованную толпу, ее переполнявшую, тушить электричество, снова потребовал, чтобы я следовал за ним в отдельную комнату. В этой комнате — я, конечно, принужден был на этот раз подчиниться — пристав и продержал меня приблизительно от двух до четырех часов ночи, между тем как большое количество присутствовавших на банкете и слышавших мой разговор с приставом стояло за дверями, выражая желание быть в качестве свидетелей. По окончании протокола несколько человек из них — могу указать на почетного академика Д.Н. Овсяннико-Куликовского, художника А.М. Васнецова⁵, мирового судью г. Москвы Д.Н. Муромцева⁶ и многих других — заявили это свое желание. Но пристав и на мою, и на их просьбу занести их имена в протокол ответил отказом и заявил мне: «Теперь вы свободны».

Протокол я, конечно, не подписал — и ввиду его многих неточностей, и ввиду того, что и в нем было утверждение, что я «дернул» пристава за рукав, что я грозил криком и «взглядами» и что я «не пожелал» назвать своего постоянного места жительства, хотя я несколько раз повторил пристава, что живу я то в деревне, то в Москве, то на Юге, то за границей, а в настоящее время — в «Лоскутной» гостинице⁷.

Теперь, после всего этого, я вовлекаюсь еще и в судебное дело⁸.

Примите и пр.

Ив. Бунин.

P.S. Прошу другие газеты перепечатать это мое письмо⁹.

Печатается по: Бунин И.А. Письмо в редакцию // Русские ведомости. 1913. № 233. 10 октября. С. 2.

6 октября 1913 г. торжественно отмечался пятидесятилетний юбилей старейшей русской либеральной газеты «Русские ведомости». Чествование началось в помещении редакции в 11 часов утра, в два часа состоялось торжественное заседание в Литературно-художественном кружке, где Бунин произнес свою нашумевшую речь (см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 316–322; подробнее см. предисловие к настоящей публикации), а на одиннадцать часов вечера был назначен банкет в «Славянском базаре», где и произошли описываемые Буниным в письме в редакцию события.

Это письмо Бунин послал также в Академию наук с просьбой огласить его на заседании разряда изящной словесности (см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 513), что и было исполнено: «В субботу, 12-го октября, в комиссии по разряду изящной словесности во время заседания прочитано письмо И.А. Бунина, извещающего о столкновении его с подполковником Строевым на банкете “Русских Ведомостей”. Собрание благодарило И.А. Бунина за извещение, но пока не предпринимает никаких шагов в ожидании судебного разбирательства. Академики Н.А. Котляревский и А.А. Шахматов уверены, что судебное преследование будет прекращено за неимением наличности оскорбления со стороны академика И.А. Бунина» (Русские ведомости. 1913. № 237. 15 октября. С. 5). См. также: Белоусов И. Ушедшая Москва. С. 305–306; *Бабореко*. С. 215.

Инцидент с приставом Строевым вызвал множество откликов в периодической печати, в том числе и на страницах «Нового Сатирикона»:

I

Пристава Строева взяв за рукав,
Бунин устроил полемику.
Пристав, глазами в упор засверкав,
Отповедь дал академику.
И, обнаружив чиновничий такт,
В «сферы» потек за содействием,
Квалифицируя названный факт,
Как оскорбление действием.
Что же тут странного? Бунин — поэт,
Имя, талант, эрудиция...
Ну, а у пристава «имени» нет, —
Только: мундир да амбиция!
О, Россиянин! Твой жребий лукав;
Жить на Руси нужно истоиво.
Ведай: поэту нельзя за рукав
Трогать казенного пристава.

II

Меру воздействия вмиг изыскав, —
Гордость должна быть приструнена, —
Пристав поспешно повлек за рукав
«В часть» академика Бунина.
И погрузился печальный поэт

В недра российской полиции,
Ибо — «мундира» на Бунине нет,
Стало быть, нет и «амбиции».
Умер в печати подавленный звук, —
Тихо застыл, как чахоточный...
Ибо — писателя взять за сюртук
Может любой околоточный.
Да, Россиянин! Твой жребий лукав,
Жить на Руси нужно истово...
Целятся розно — поэта рукав
И такой же у пристава! (цит. по: Подъем. 1979. № 5. С. 149).

¹ См., например: «На юбилейном банкете “Русских ведомостей” произошел следующий инцидент с академиком И.А. Буниным.

После того как банкет был закрыт, пристав Строев предложил публике немедленно покинуть зал. Сидевший за столиком с женой и еще несколькими лицами И.А. Бунин заявил приставу, что здесь ресторан и они заказали ужин и не успели еще его докончить. Пристав попросил Бунина пойти в контору для удостоверения личности. Бунин, взволнованно жестикулируя, подал приставу свою визитную карточку, сообщил приставу, что он почетный академик И.А. Бунин, и предложил ему обратиться на него с жалобой к августейшему президенту Академии наук. Возможно, что во время этого объяснения И.А. Бунин случайно задел за руку пристава. Пристав же заявил, что Бунин умышленно схватил его за руку, и потому он приглашает его в контору для составления протокола об оскорблении действием его, пристава. Ряд бывших при этой сцене очевидцев, во главе с академиком Овсянко-Куликовским, вызвались быть свидетелями, что никакого оскорбления действием пристава не было и, если Бунин и коснулся его руки, то совершенно произвольно.

Сегодня стало известно, что дело Бунина будет передано судебному следователю на предмет привлечения академика к уголовной ответственности за оскорбление действием чина полиции при исполнении им служебных обязанностей. Если следователь найдет достаточно данных для привлечения, то дело будет слушаться в окружном суде с участием присяжных заседателей» (День. 1913. № 272 (360). 8 октября. С. 4).

² О приставе Строеве см., например, воспоминания Л. Никулина: «В первом ряду сидел знакомый москвичам полицейский пристав Строев, на его мундире красовался университетский значок — редкостное украшение у полицейского чина. Как-никак человек с университетским образованием, окончивший курс по юридическому факультету, рассчитывал быть адвокатом или, в худшем случае, судейским чиновником, и вдруг — полицейский пристав. Впрочем, наружность Строев имел обыкновенную полицейскую, с лихо закрученными черными усами; его посылали на открытия съездов, на собрания, где можно было ожидать политических выпадов против правительства, и на публичные литературные вечера» (*Никулин <Ольгоницкий> Л.В. Годы нашей жизни: Воспоминания и портреты. М., 1966. С. 116–117*). Ср. также: Символ // Речь. 1913. № 275 (2587). 8 октября. С. 2.

³ Строев несколько раз вмешивался в ход чествования газеты: днем на заседании в Литературно-художественном кружке он запретил чтение адреса от Центрального комитета партии прогрессистов и ее парламентской фракции и закрыл заседание. Вечером на банкете в «Славянском базаре» он прервал речь П. Долгокурова, который связался по этому поводу с градоначальником. Запрет на произнесение речей был подтвержден, однако чтение поздравительных телеграмм все же было разрешено. После оглашения телеграммы писателя Д. Айзмана («Если бы было побольше таких газет, как “Русские ведомости”, то не было бы дела Бейлиса»; цит. по: Пятидесятилетний юбилей газеты «Русские ведомости»: (1863–1913). М., 1915. С. 72; о деле Бейлиса см. № 21 настоящей публикации) Строев объявил,

что он не может допустить дальнейшее чтение телеграмм. Тогда Долгоруков сложил с себя полномочия председателя банкета, а Строев попросил присутствующих разойтись (см.: Русские ведомости. 1913. № 231. 8 октября. С. 3—6).

Действия Строева имели и политические последствия: в Государственной думе либеральные партии сделали запрос о законности стеснения свободы собраний полицейским приставом (см.: Речь. 1913. № 282 (2894). 15 октября. С. 4; № 286 (2898). 19 октября. С. 6; № 291 (2903). 24 октября. С. 5—6).

⁴ Долгоруков Павел Дмитриевич (1866—1927) — общественный и политический деятель; о нем см.: Русские ведомости 1863—1913: Сборник статей. М., 1913. С. 63—64.

⁵ С братьями Васнецовыми Аполлинарием и Виктором Михайловичами, впоследствии ставшими членами «Молодой Среды» (см. примеч. 10 к № 11), Бунин познакомился еще на рубеже веков в Москве (см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 449).

⁶ Муромцев Дмитрий Николаевич — родной брат Веры Муромцевой, переписку с которой она поддерживала и в эмиграции до его смерти в 1937 г.

⁷ В некоторых газетных отчетах диалог между Строевым и Буниным излагается несколько иначе: на вопрос пристава, где Бунин живет, тот ответил: «В Лоскутной гостинице»; а когда Строев уточнил, что он желает узнать постоянное место жительства, академик сказал: «Я живу, где моей душе хочется: то в Италии, то в Индии...» Ответ Бунина был прокомментирован Овсяннико-Куликовским: «Он у нас путешественник» (см.: Речь. 1913. № 275 (2587). 8 октября. С. 5).

⁸ Судебному делу действительно был дан ход: «Московским градоначальником передано прокурору окружного суда дело о почетном академике И.А. Бунине по обвинению его в оскорблении действием представителя полиции на банкете в честь «Русских Ведомостей» в ресторане «Славянского Базара». В числе свидетелей со стороны обвиняемого является почетный академик Д.Н. Овсяннико-Куликовский, не подтверждающий, как и другие свидетели, факта оскорбления представителя полиции» (Русские ведомости. 1913. № 233. 10 октября. С. 5).

Газеты помешали даже мнения юристов о том, чем может быть чревато для Бунина судебное разбирательство: «Вероятно, его поступок постараются подвести под 285 ст<атью>. Эта статья карает тюремным заключением от 8 месяцев до 2 лет с лишением некоторых особенных прав и преимуществ.

По ней обвиняются лица, оскорбившие чиновника действием во время исполнения служебных обязанностей.

К данному случаю такая теория не применима, и мне кажется, что дело будет прекращено» (Что грозит И.А. Бунину?: (Из бесед) // Вечерние известия. 1913. № 297. 8 октября. С. 3). Юрист оказался прав; см. примеч. 31 к № 22.

⁹ Письмо Бунина было перепечатано многими газетами; см., например: Вечерние известия. 1913. № 299. 10 октября. С. 4; Южная мысль. 1913. № 642. 13 октября. С. 1; Одесский листок. 1913. № 241. 13 октября. С. 6 и др.

21

— Не стал бы я говорить о деле Бейлиса, потому что двух мнений о нем в той среде, к которой я принадлежу, не может быть.

Но говорить надо. Было бы весьма полезно, чтобы возможно большее число людей высказалось об этом деле, тем более, что приговор суда вылился в такую все же двойственную формулу¹. Полагаю, что, к сожалению, возникновение этого средневекового дела возможно было только в России, но все же не русский народ затеял его.

Говорю так потому, что, насколько это в моих силах, знаю русский и южно-русский народ, знаю и еврейский, и те взгляды русского народа на еврейский, которые — каковы бы они ни были — все же исключают реальную возможность обвинения в изуверстве.

Всем известно, что не с добрым умыслом было затеяно это нелепое обвинение.

Но вдохновители обвинения не рассчитали, что настроение общества с момента возникновения дела Бейлиса все же изменилось и что в глубинах сердца русского народа нет и не было убежденности в этом изуверстве.

Однако полное отступление было невозможно, и вот пришлось прибегнуть к той странной формуле.

Теперь получилась двойственность приговора. Бейлис оправдан, а ритуал как бы признан «под сурдинку».

Но удастся ли этой «сурдинкой» воздействовать на широкую массу русского народа — еще большой вопрос.

Можно, в конце концов, очень радоваться исходу этого дела, ибо конкретное обвинение, обвинение живого лица, все же пало и остались одни темные намеки. А ведь известно, как важен для воздействия на сердце человеческое живой образ, представление о живом лице.

Печатается по: Отзывы о приговоре // Русское слово. 1913. № 250. 30 октября. С. 4. Дело Бейлиса — сфабрикованный под воздействием черносотенцев процесс против еврея Менделя Бейлиса (1874—1934), приказчика кирпичного завода в Киеве, обвинявшегося в совершении в 1911 г. ритуального убийства православного мальчика Андрея Ющинского. Сам «кровавый навет», предвзятое направление расследования дела, активное вмешательство либеральной прессы, предлагавшей свои версии случившегося, и судебный процесс, закончившийся 28 октября 1913 г. оправдательным приговором обвиняемого, больше двух лет приковывали к себе внимание российской и мировой общественности. Подробнее см.: *Тагер А. С.* Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1933; *Степанов С. А.* Черная сотня в России: (1905—1914 гг.). М., 1992; Дело Бейлиса: Исследования и материалы. М.; Иерусалим, 1995; Дело Менделя Бейлиса: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб., 1999.

Ответ Бунина — часть большой анкеты по поводу оправдания Бейлиса, которую московская газета «Русское слово» проводила в нескольких номерах, начиная с 29 октября 1913 г. Из писателей, кроме Бунина, на страницах газеты высказывались Д. Мережковский, А. Куприн, В. Вересаев, И. Потапенко, А. Волынский, М. Горький, А. Амфитеатров, Г. Зудерман, А. Франс, К. Гамсун, Г. д'Аннунцио, М. Метерлинк и др.

¹ По ходатайству гражданских истцов суду присяжных было предложено ответить на два вопроса: «1) Доказано ли, что 12-го марта 1911 года в Киеве, на Лукьяновке, по Верхне-Юрковской улице, в одном из помещений кирпичного завода, принадлежащего еврейской хирургической больнице, находящегося в заведывании у купца Марка Юнова Зайцева, 13-летнему мальчику Андрею Ющинскому, при зажатом рте, были нанесены колющим орудием на теменной, затылочной и височной областях, а также на шее раны, сопровождавшиеся поранениями мозговой вены, артерии левого виска и шейных вен, давшие вследствие этого обильное

кровотечение. Затем, когда у Юшинского вытекла кровь, в количестве до 5-ти стаканов, ему вновь были причинены таким же орудием раны в туловище, сопровождавшиеся поранениями легких, печени, правой почки и сердца, в область которого были направлены последние удары, каковые ранения, в своей совокупности числом 47, вызвав мучительные страдания Юшинского, повлекли за собой почти полное обескровление тела и смерть его.

2) Если это доказано, то виновен ли подсудимый, мещанин г. Василькова, Киевской губернии, Менахиль-Мендель Тевиев Бейлис, 39-ти лет, в том, что, заранее задумав и согласившись с другими, не обнаруженными следствием лицами, из побуждений религиозного изуверства лишить жизни мальчика Андрея Юшинского, 13-ти лет, 12-го марта 1911 года в Киеве, на Лукьяновке, по Верхне-Юрковской улице, на кирпичном заводе, принадлежащем еврейской хирургической больнице и находящемся в заведывании у купца Марка Юнова Зайцева, он, подсудимый, для осуществления этого своего намерения, схватил находившегося там Юшинского и увлек его в одно из помещений завода, где затем сговорившись заранее с ним на лишение жизни Юшинского, не обнаруженные следствием лица, с ведома его, Бейлиса, и с согласия, зажали Юшинскому рот и нанесли колющим орудием в теменной, затылочной и височной областях, а также на шею раны, сопровождавшиеся поранением мозговой вены и артерии левого виска и шейных вен, давшие вследствие этого обильное кровотечение. Затем, когда из Юшинского вытекла кровь, в количестве до 5-ти стаканов, ему вновь были причинены таким же орудием раны в туловище, сопровождавшиеся поранениями легких, печени, правой почки и сердца, в область которого были направлены последние удары. Ранения, по своей совокупности числом 47, вызвав мучительные страдания Юшинского, повлекли за собой почти полное обескровление тела и смерть его» (цит. по: Бейлис оправдан: (Срочные телеграммы от наших специальных корреспондентов) // Русское слово. 1913. № 248. 28 октября. С. 1 (Второе приложение)).

На первый вопрос суд присяжных дал положительный ответ, на второй — отрицательный.

22

Почти ежегодно, к Пасхе¹, возвращаясь с поездки по Европе, прибывает в Одессу Иван Алексеевич Бунин².

Вот и на этот раз — по пути из Германии, Франции³, Италии, Румынии (поэт побывал и здесь)⁴, прежде чем укатить с Запада в Москву⁵, а там и на Север⁶ — Бунин заглянул в Одессу⁷, в которой протекли первые годы литературной работы нашего поэта⁸. Побывал Иван Алексеевич и на Капри — впрочем, Максима Горького тогда уж там не было⁹.

— Опустело Капри, — замечает Ив<ан> Ал<ексеевич>, — в пути же, по обыкновению, писал. Писал много — особенно во время морских переездов, когда работается свободно и легко.

Подготовил большую вещь. Роман...¹⁰ А между делом — несколько небольших вещиц — для разных сборников¹¹.

— А как заглавие?..

— Нет, не скажу... Я так суеверен! Да и зачем говорить о своем?

Заговорили о чужом — о современной поэзии. Между прочим — о футуристах, отечественных и итальянских, об «эго» и «кубо». Ох, и честит же их Иван Алексеевич!

— Вы не были ль в Москве во время тамошних гастролей Маринетти?...¹²

— Нет. Был я в то время уже в Италии. Ну, а о Маринетти я кое-что слышал. Знаю, что он очень богатый человек¹³. Вот и развлекается... Как вообще эти богатые молодые люди: одни — увлекаются всякими видами спорта, ломают головы на автомобилях, и проч. Другие — футуризм выдумывают... Вот как я смотрю на это. Вы знаете, в Италии о футуристах никто не говорит, ими совершенно не интересуются. Они не существуют для широкого общества и печати¹⁴. Ведь это ж нельзя сравнить даже с отношениями в России. Итальянцы, право, руками развели бы, если б открыли наши русские газеты да прочитали бы эти обстоятельные статьи, эту уйму серьезных рассуждений о футуристах¹⁵. А там — никакого внимания. Это в Италии-то — на родине «футуризма»¹⁶. Ну, а русские футуристы эти...

Ив<ан> Ал<ексеевич> останавливается и, презрительно махнувши рукой, после некоторого раздумья продолжает:

— Эти уж совсем жалости достойны... «Эго-футуристы», как знаете, уж вовсе не существуют¹⁷. Кто там? Игорь Северянин. Но он сам уж заявляет, что он — не футурист...¹⁸ Ну а «кубо-футуристы» Маяковские, Бурлюки... Что о них скажешь?.. Безобразники они, и больше, право, ничего... Меня изумило даже, что о них пишут длинные критические рассуждения, как это о них говорят в серьезном тоне¹⁹. До такой степени все это плоско, до такой это степени глупо... А вот смотрите же: собирают публику...¹⁰ Вы говорите: интерес скандала. Но, как хотите, это дурной показатель для русского общества. Значит, оно не *живет* разумно, значит оно так себе просто *глазет*. Ведь у кого есть серьезные интересы, того не привлекают скандалы... И особенно такого дурного тона.

— А как вы думаете об Игоре Северянине? Частью критики отмечен в нем талант...²¹

— Да что вы? Талант?.. Как же можно так говорить? Стихотворный пшют он, и не больше. Разве это поэт? Дешевый стихотворец... У него стихотворческие способности — вот и все тут. И это — талант? Читал я об этих его «поэзо-концертах»...²²

И Ив<ан> Ал<ексеевич> снова возвращается к лекционному турне футуристов, очень живо интересуясь их успехами, их аудиторией и тем, как реагировала публика на футуризм...

— Был у нас еще Бальмонт²³.

— Вот тоже! Читал! Читал я об одной его лекции: переполненный зал, только публика какая-то растерянная, не знала, что ей надлежит делать. И часть аплодировала, в то время как другая... гоготала²⁴. Оно и понятно: пустые, ничем не связанные слова. Не знаю, как это определить — эту игру словами — иначе, как пустословие. Вот вслушайтесь.

Ив<ан> Ал<ексеевич> процитировал:

«Кристалл мгновенья в оправе вечности»...²⁵

Ну, что это может означать, этот «кристалл мгновенья в оправе вечности»? Ничего не понимаю!.. Нет, очень, очень меня огорчает это пустословие в русской литературе...²⁶

Как-то совершенно неожиданным образом, под влиянием какой-то странной ассоциации свершив неизмеримо резкий поворот от уродства современности к милому образу прошлого, вспомнил вдруг Ив<ан> Ал<ексеевич> о безвременно угасшем Чехове.

Скоро, скоро, — в июне <так!> — десятилетие со дня его смерти²⁷.

Ив<ан> Ал<ексеевич> сразу преобразился, заволновался:

— Вот уж десять лет прошло. Целых десять лет, десять лет.

Ив<ан> Ал<ексеевич>, как известно, видел Антона Павловича незадолго до его кончины²⁸. Воспоминания И.А. Бунина о последних днях Чехова были напечатаны в одном из сборников «Знания»²⁹. Но теперь И<ван> А<лексеевич> подготовит к печати еще ряд живых впечатлений³⁰.

Прощаясь, Ив<ан> Ал<ексеевич> вспомнил о неопубликованном, кажется, факте ликвидации нашумевшего столкновения Ив<ана> Ал<ексеевича> с небезызвестным московским полицейским приставом Строевым³¹. История эта, разыгравшаяся на банкете по случаю 50-летия «Русских ведомостей», теперь окончилась самым благополучным образом. Поэт И.А. Бунин не украсит собою скамьи подсудимых по обвинению в оскорблении действием должностного лица во время исполнения им служебных обязанностей... Фактически «действие» сводилось к какой-то полемике Ив<ана> Ал<ексеевича> с наложившим на что-то свое «veto»³² приставом... А оскорбленное начальство для большего эффекта прибавило от себя впоследствии:

«Он (т.е. И.А. Бунин) меня тащил за рукав!»...

Очевидцы совершенно опровергли это «действие», и следователи направили к прекращению тяжбу разобиженного пристава с поэтом...

Печатается по: Ш. <Шиф И.И. ?> У Ив.Ал. Бунина // Одесские новости. 1914. № 9320. 10 апреля. С. 3.

¹ В 1914 г. православная Пасха пала на 6 апреля.

² Бунин, как правило, заканчивал свои зимние заграничные путешествия (см. примеч. 7 к № 18) в Одессе.

³ Неточность журналиста: зимой 1913/14 г. Бунин во Франции не был.

⁴ См. примеч. 6 к № 18.

⁵ Бунин задержался в Одессе недолго. Уже 15 апреля московская газета уведомила читателей, что «на днях» писатель вернулся в Москву (Утро России. 1914. № 86. 15 апреля. С. 4).

⁶ Скорее всего, речь идет о планах Бунина отправиться летом 1914 г. на Белое море и Ледовитый океан, от которых он впоследствии отказался из-за опасений относительно здоровья (см.: *Бабореко*. С. 223; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 651–652).

⁷ Ср.: «Третьего дня в Одессу приехал из-за границы известный поэт, академик И. Бунин» (Одесский листок. 1914. № 92. 9 апреля. С. 4).

Датировка письма Бунина А. Розинеру, предложенная И. Газер: «15 марта 1914 г. Большой Фонтан, Херсонск<ой> губ<ернии>, дача Ковалевского» (Вопросы ли-

тературы. 1969. № 7. С. 187), таким образом, явно не соответствует действительности.

⁸ См. примеч. 23 к № 12.

⁹ Бунин и Горький разминувшись всего на три дня: Горький покинул Капри 27 декабря 1913 г. (см.: ЛЖТ. Вып. 2. С. 393), а Бунин прибыл туда 30 декабря. Ср. дневниковую запись Бунина от 1 января 1914 г.: «Позавчера с Верой и с Колей приехали на Капри. Как всегда, отель “Квисисана”».

Горький и Кат<ерина> Павл<овна> с Максимом уехали в Россию, он на Берлин, она в Вену» (Устами Буниных. Т. 1. С. 134–135).

¹⁰ Затруднительно сказать, о каком произведении, названном Буниным в другом газетном интервью того же времени «большой повестью» (см. № 23 настоящей публикации), идет речь. Рассказ «Братья», самое большое по объему законченное произведение Бунина этого периода, автор вряд ли мог определить как роман или повесть. Не исключено, что здесь снова упоминается замысел романа или повести из жизни интеллигенции (см. примеч. 13 к № 11). В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что журнальный вариант рассказа «Пыль», появившегося впервые в феврале 1914 г., имел подзаголовок «Глава из повести» (Заря. 1914. № 5. 2 февраля. С. 2–3) и являлся, очевидно, частью задуманной Буниным повести или романа. Ср. также письмо Черемнова Бунину от 12 июля 1914 г.: «Жаль, что Вы не приехали к нам в июне. <...> Все это Вам не мешало бы посмотреть и записать как эскиз к вашему роману “Русь”, над которым вы работаете в настоящее время в Одессе» (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 652).

¹¹ Во время пребывания за границей зимой 1913/14 г. Буниным были написаны целиком или завершены следующие прозаические произведения: «Братья» (Слово. Сборник 3-й. М., 1914), «Святые» (Вестник Европы. 1914. № 4), «Первый шаг» (более позднее название — «Клаша»; Русское слово. 1914. № 108. 11 мая) и «Весенний вечер» (Слово. Сборник 4-й. М., 1915; ср. также примеч. 7 к № 23). К тому же, Бунин приступил тогда к написанию целого ряда произведений, часть которых была им завершена лишь позднее; см. примеч. 20 к № 24.

¹² О пребывании Маринетти в России в январе–феврале 1914 г. см., например: *Харджиев Н. И.* «Веселый год» Маяковского // Харджиев Н. И. Статьи об авангарде: В 2 т. Т. 2. М., 1997. (Архив русского авангарда). С. 6–36; *Марков В. Ф.* История русского футуризма. СПб., 2000. С. 129–138; *Лившиц В. К.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л., 1989. С. 470–507.

¹³ Сведения о Маринетти Бунин мог почерпнуть, например, из следующих статей, содержащих, кстати сказать, и информацию о том, что лидер итальянских футуристов был весьма состоятельным человеком: *Осоргин М. А.* Футуристы // Осоргин М. А. Очерки современной Италии. М., 1913. С. 221–230; *Осоргин М. А.* Итальянский футуризм: Письмо из Рима // Вестник Европы. 1914. № 2. С. 339–358; *Первухин М. К.* Псевдофутуризм: Письмо из Рима // Современный мир. 1914. № 3. Отд. II. С. 122–174.

¹⁴ Русские наблюдатели по-разному оценивали успех футуристов у итальянской публики. Так, М. Осоргин писал в 1914 г., что футуризм «поняли, изучили, он успел наскучить и перестал вызывать не только удивление, но и негодование (по крайней мере, на его родине, в Италии)» (*Осоргин М. А.* Итальянский футуризм: Письмо из Рима // Вестник Европы. 1914. № 2. С. 357; см. также: *Осоргин М. А.* Закат футуризма // Русские ведомости. 1913. № 291. 18 декабря. С. 6). М. Первухин в то же время, наоборот, извещал русскую публику, что итальянская «печать, долгое время замалчивавшая все футуристическое движение или отзывавшаяся о нем, как о веселой и забавной дерзости кучки молодых людей, жаждущих известности, — теперь вынуждена уделять место всем новинкам футуризма и возбуждаемой движением полемике» (*Первухин М. К.* Псевдо-футуризм: Письмо из Рима // Современный мир. 1914. № 3. Отд. II. С. 126; см. также: *Алерамо С.* Футуризм в Италии // Русская мысль. 1913. № 12. Отд. II. С. 16–19).

¹⁵ Для газет футуризм служил, как правило, только мишенью для поверхностных издевательств и насмешек. Серьезные газетные статьи, посвященные футуризму,

были редким исключением и в большинстве своем все же отрицательно оценивали художественную практику футуристов; см., например: *Игнатов И. Н.* Литературные отклики: Новые поэты: «Акмеисты», «адамысты», «эго-футуристы» // Русские ведомости. 1913. № 78. 4 апреля. С. 3; № 80. 6 апреля. С. 2–3; *Патрашкин <Григорьев> С. Т.* «Баяка будетляне» // Литература, искусство, наука. 1913. 9 декабря. С. 2 (Приложение к № 334 (422) газеты «День»); *Ярцев П. М.* Театральные очерки: Театр футуристов // Речь. 1913. № 335 (2647). 7 декабря. С. 5.

¹⁶ Бунин, как большинство русских современников, да и сами итальянские футуристы, считал русский футуризм простым подражанием итальянскому образцу, тогда как кубофутуристы всячески подчеркивали и отстаивали самостоятельность возникновения русского футуризма (см. подробнее: *Харджиев Н. И.* Указ соч. С. 14–16).

¹⁷ После самоубийства И. В. Игнатьева <Казанского> 21 января 1914 эго-футуризм как организованное движение распался и перестал существовать (см.: *Марков В. Ф.* Указ. соч. С. 80).

¹⁸ В конце 1912 г. произошел разрыв Игоря Северянина с эго-футуристами, о чем поэт сам публично заявил в печати: «Я вышел из кружка “Эго” и в газете “Петербургский глашатай” больше не сотрудничаю, так как многими лицами мне приписывается положение мэтра в упомянутом издании, чего в действительности нет. Если бы я *единолично* ведал литературным отделом этой газеты и ее альманахов, то рядом со стихами Валерия Брюсова, Ф. Сологуба и друг. не помешались бы произведения гг. Пруссак, Вадимова, Олимпина и т. д.» (*Северянин И.* <*Лотарев И. В.*> Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. 1912. № 13260. 21 ноября. С. 4 (Вечерний выпуск)). Несмотря на это, Северянин продолжал называть себя эго-футуристом, одновременно отмежевываясь от других футуристических группировок. В газетном интервью 1914 г. он утверждал: «Я эго-футурист <...> С футуризмом я не имею ничего общего <...> Относительно же ваших московских кубо-футуристов я скажу, что это шарлатаны и совершенно бездарные люди» (У поэта // Московская газета. 1914. № 307. 31 марта. С. 5).

Бунину, возможно, попадалась на глаза и «Поэза истребления» Северянина, опубликованная в газете «Утро России» с примечанием редакции, что ее «следует считать манифестом короля русских футуристов, которым он, с одной стороны, сметает с Парнаса своих лже-последователей, а с другой — утверждает свое родство с русской литературой» (Утро России. 1914. № 56. 8 марта. С. 6).

¹⁹ Сходным образом Бунин высказывался уже годом раньше в газетном интервью: «Да и что, в самом деле, можно сказать об акмеистах, адамистах, модернистах, символистах, которые указывают скорее на известный упадок русской литературы, нежели на ее расцвет. Что можно говорить о литературных течениях, которые постепенно сходят со сцены и которые не оставят никакого следа в русской литературе. И меня лично крайне удивляет, что как ежедневная пресса, так и “толстые” журналы уделяют очень много внимания этому, на мой взгляд, совершенно незначительному явлению».

Я даже считаю унижительным для себя говорить о так называемых “новых течениях” в русской литературе. Повременная же печать, уделяющая им столько внимания, бессознательно рекламирует это беспочвенное, наносное и вредное явление в нашей литературе. Точно так же странным и непонятным для меня являются серьезные статьи об Игоре Северяnine — об этой слишком мелкой величине в литературе. Зачем рассуждают о них так глубоко и серьезно, точно это действительно знамение нашего времени? К чему говорить о людях, которые несут вздор или по недостатку ума, или по лукавым соображениям? К чему это?» (*Л. Фл.* <*Флауменбаум Л. З.*> На литературные темы: Беседа с И. Буниным // Южная мысль. 1913. № 491. 17 апреля. С. 2; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 376).

Первым influentialным литературным критиком, обратившим серьезное внимание на русских футуристов, был Валерий Брюсов (см.: *Брюсов В. Я.* Новые течения в русской поэзии: Футуристы // Русская мысль. 1913. № 3. Отд. II. С. 124–133; Брю-

сов В. Я. Новые течения в русской поэзии: III. Эклектики // Русская мысль. 1913. № 8. Отд. II. С. 71–80), что, конечно, не прошло незамеченным для современников (см., например: *Мережковский Д. С.* Еще шаг грядущего хама // Русское слово. 1914. № 149. 29 июня. С. 3).

Вполне вероятно, что внимание Бунина привлек и тот факт, что литературный критик журнала «Русское богатство» (см. также примеч. 19 к № 12), придерживавшегося консервативных эстетических воззрений, счел нужным выступить со специальным заявлением по поводу реакции, вызванной его взвешенным отзывом о футуризме: «Автору пришлось встретиться с упреками, что он напрасно посвятил много внимания “несерьезным” явлениям, о которых шла речь в июльской книге “Русского богатства” (акмеизм и футуризм). В особенности это относилось к футуризму, который является — по сделанному автору замечаниям — результатом *только* славолубия известной группы лиц, пожелавших выдвинуть себя в общественном внимании» (*Редько А. М.* Среди «устремлений» к непостижимому // Русское богатство. 1914. № 3. С. 217).

²⁰ Бунин, несомненно, намекает на лекционное турне футуристов в 1913/14 г. (выступления в Одессе происходили 16 и 19 января 1914 г.; см. подробнее: *Харджиев Н. И.* Турне кубо-футуристов 1913–1914 гг. // В. В. Маяковский: Материалы и исследования. М., 1940. С. 401–427; *Харджиев Н. И.* «Веселый год» Маяковского // Харджиев Н. И. Статьи об авангарде: В 2 т. Т. 2. М., 1997. (Архив русского авангарда). С. 6–36; *Харджиев Н. И.* Маяковский и Игорь Северянин // Там же. С. 37–71; *Катанян В. А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. 5-е изд., доп. М., 1985. С. 80–91; *Марков В. Ф.* Указ соч. С. 85, 119–122.

²¹ См., например: «Среди них <футуристов. — Д. Р.> оказался поэт с дарованием, бесспорно, выдающимся: Игорь Северянин» (*Брюсов В. Я.* Новые течения в русской поэзии: Футуристы // Русская мысль. 1913. № 3. Отд. II. С. 126; см. также: *Брюсов В. Я.* Сегодняшний день русской поэзии: (50 сборников стихов 1911–1912 г.) // Русская мысль. 1912. № 7. Отд. II. С. 17–28; *Иванов-Разумник <Иванов Р. В.>* «Мороженое из сирени» // Заветы. 1913. № 3. Отд. II. С. 217–222; *Ожигов А.* <Аешешов Н. П.> Литературные мотивы // Современное слово. 1913. № 1893. 17 апреля. С. 2–3; *Кранихфельд В. П.* Литературные отклики: «80 тысяч верст вокруг себя» // Современный мир. 1913. № 4. Отд. II. С. 96–112; *Шмидт В.* Игорь Северянин // Северные записки. 1913. № 12. С. 137–143; *Гумилев Н. С.* Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1914. № 1/2. С. 122–130; *Кречетов С.* <Соколов С. А.> Finita la comedia / Утро России. 1914. № 68. 22 марта. С. 6 и др.

²² Незадолго до появления публикуемого интервью, 30 марта 1914 г., состоялось первое публичное выступление Игоря Северянина в Москве на литературном вечере в Политехническом музее, с чтением реферата о футуризме В. Ходасевичем. Возможно, Бунин имеет в виду газетные отчеты об этом вечере; см., например: Игорь Северянин // Утро России. 1914. № 75. 1 апреля. С. 5; «Поэзо-концерт» // Русское слово. 1914. № 75. 1 апреля. С. 8; Вечер Игоря Северянина // Московская газета. 1914. № 307. 31 марта. С. 5; *Эн.* На поэзоконцерте // Русские ведомости. 1914. № 75. 1 апреля. С. 6.

²³ Бальмонт выступил в Одессе с лекцией «Поэзия как волшебство» 27 марта 1914 г. (см.: *Н. П.* <*Пересветов Н. А.*> «Поэзия как волшебство»: (Лекция К. Д. Бальмонта) // Одесский листок. 1914. № 82. 28 марта. С. 2; *Ис. Ш.* <*Шиф И. И. ?*> «Поэзия как волшебство»: Лекция К. Д. Бальмонта // Одесские новости. 1914. № 9309. 28 марта. С. 2; *Ал. Б.* <*Биск А. А. ?*> «Поэзия как волшебство»: Лекция К. Д. Бальмонта // Южная мысль. 1914. № 800. 28 марта. С. 2.

²⁴ Возможно, Бунин имеет в виду газетный отчет о лекции Бальмонта «Поэзия как волшебство» в «Московском листке», по тону и манере освещения сильно выделявшийся среди других, в основном, скорее сочувственных газетных откликов: «Завитый барашком лектор, сидя среди заваленного красными маками стола, плаксивым тенорком читал витиеватые заклинания всех времен и народов, заключенные в стихотворную форму собственного производства, а публика слушала и постепенно раз-

делялась на два лагеря. Одни придвигались ближе, рассаживаясь по-турецки вокруг трибуны, другие как-то стыдливо исчезали. Многие уносили с собою даже красные цветы, очевидно, первоначально предназначавшиеся для лектора.

Лектор читал, публика таяла. <...> Хохот уходящих звучал и в самой аудитории» (Волшебство поэзии // Московский листок. 1914. № 58. 11 марта. С. 2).

Не исключено, однако, что Бунин намекает на инцидент, имевший место 7 марта 1914 г. в Петербурге, когда Бальмонт явился на свою лекцию в Тенишевское училище явно не в кондиции: «Вчерашняя лекция К.Д. Бальмонта в зале Тенишевского училища “Поэзия как волшебство” ознаменовалась небывалым скандалом. Вместо 8 часов, как значилось на афише, К.Д. Бальмонт появился на эстраде в начале десятого. С трудом дойдя до кафедры, он тщетно пытался прочесть начальные строки лежавшей перед ним тетрадки — ничего не выходило. Поднялся невероятный шум, свист, раздалось выражения, оскорбительные для лектора. Вышедший на эстраду С.М. Городецкий уговорил лектора покинуть кафедру. После перерыва стало известным, что лекция отложена на один из ближайших дней» (Неудавшаяся лекция // Новое время. 1914. № 13645. 8 марта. С. 15); «Попытка Бальмонта начать лекцию успеха не имела. Он был встречен с одной стороны аплодисментами, а с другой — громкими криками возмущения» (Несостоявшаяся лекция Бальмонта // Петербургский курьер. 1914. № 47. 8 марта. С. 4).

²⁵ Подобную цитату в стихотворениях Бальмонта обнаружить не удалось. Бунин, скорее всего, цитирует объявление о лекции Бальмонта «Океания»: «Океан — лик вечности и неистощимой жизни. <...> Новая Гвинея — последний оплот красоты первобытности. Кристалл мгновения в оправе вечности» (Речь. 1915. № 286 (3309). 17 октября. С. 2; полный текст объявления воспроизведен в издании: *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба.* Иваново, 2001. С. 269).

²⁶ Ср. в этой связи и заключительные строфы стихотворения Бунина 1915 г., первоначально озаглавленного «Дача на севере»:

<...>

А над обрывом все тот же гамак
С томной, капризной девицей,
Стул полотняный и с книжкой чудак,
Гнутый, в пенсне, бледнолицый.

Дремлет, качается в сетке она,
Он ей читает Бальмонта...
Запад темнеет и свищет сосна,
Тучи плывут с горизонта... (Бунин И. Собр. соч. Т. 1. С. 374).

Отметим мимоходом, что убийственная ирония бунинского стихотворения достигается не в последнюю очередь обильной цитацией из Лермонтова, в приведенных строфах — из лермонтовского «На севере диком стоит одиноко...».

²⁷ А.П. Чехов умер 2 июля 1904 г. в Баденвейлере, на юге Германии.

²⁸ А. Бабореко указывает, без ссылки на источник информации, что Бунин виделся с Чеховым в последний раз 11 февраля 1904 г. в Москве (см.: *Бабореко.* С. 93). Это явно не соответствует действительности, так как Бунин тогда еще находился за границей; 12 февраля (25 февраля 1904 г. по новому стилю) Бунин послал Горькому открытку из Флоренции (см.: *Бунин И. Письма 1885–1904.* С. 441).

Сам Бунин записал, что его «последние встречи с Чеховым» происходили в декабре 1903 г. в Москве (Устами Буниных. Т. 1. С. 44).

²⁹ Мемуарный очерк Бунина «Памяти Чехова» впервые появился в третьем сборнике товарищества «Знание» за 1904 г., вышедшем в январе 1905 г.

³⁰ Воспоминания Бунина были напечатаны в годовщину смерти Чехова (*Бунин И.А. О Чехове: Из записной книжки* // Русское слово. 1914. № 151. 2 июля. С. 2–3).

³¹ Подробнее о столкновении Бунина с приставом Строевым см. № 20 настоящей публикации.

Краткие сообщения о прекращении «дела» появились в середине марта 1914 г. почти во всех российских газетах; см., например: «Дело академика Бунина, возбужденное приставом Строевым в связи с инцидентом, который произошел между ним и академиком на банкете “Русских ведомостей”», в настоящее время прекращено, так как судом не найдено состава преступления» (Биржевые ведомости. 1914. № 14051. 13 марта. С. 4 (Вечерний выпуск); см. также: Утро России. 1914. № 60. 13 марта. С. 6; Русское слово. 1914. № 60. 13 марта. С. 6 и др.).

Отметим в этой связи, что не только по этому делу Строев потерпел поражение: «Вчера в окружном суде слушалось дело, являющееся отголоском истории с закрытием полицией банкета в день 50-летнего юбилея “Русских Ведомостей”».

Пристав тверской части подполковник Строев возбудил против редактора “Русского Слова” Ф.И. Благова обвинение в злословии по адресу его, как должностного лица.

Ф.И. Благову инкриминировалось помещение в № 241 “Русского Слова”, в отчете о заседании Г<осударственной> Думы 19 октября прошлого года, речи депутата Шепкина.

Обвинение сначала было сформулировано по 1535 ст<атье> улож<ения> о нак<азаниях>, как клевета, затем по 1039, как диффамация, и, наконец, оставлено и предъявлено Благову по 1040 ст<атье>, как злословие.

После непродолжительного совещания окружной суд вынес Ф.И. Благову оправдательный приговор» (Голос Москвы. 1914. № 151. 2 июля. С. 6).

³² запрет (*лат.*).

23

В Москве в настоящее время гостит писатель И.А. Бунин¹.

Бунин только что возвратился из Капри². Эта местность очень ему понравилась своей тишиной и весьма удобными условиями для творческой работы.

— Капри, — рассказывает писатель, — дивная итальянская провинция. Самый климат здесь великолепный. Между прочим, Капри по справедливости гордится своей достопримечательностью — «лазурным гротом», который считается чудом света.

Под скалами имеется большой грот, куда ведет маленький вход. На лодке едва можно проникнуть через этот вход. Благодаря преломлению света через морскую воду внутри грота получается изумительное освещение.

Буквально грот залит голубым сиянием, что производит необычайный эффект³.

Кроме того, там замечательны развалины дворца императора Тиверия⁴.

На Капри я все время много работал.

Часть вещей уже напечатана⁵, а часть еще будет напечатана⁶.

Между прочим, в «Северных записках» пойдет мой рассказ «Весенний вечер»⁷.

В числе других произведений мною написана одна большая повесть⁸.

В Москве писатель предполагает пробыть недолго⁹. На лето он поселится близ Одессы, где уже снята им дача¹⁰.

Это уже второе лето писатель проводит около Одессы¹¹.

Там же обыкновенно образуется целая литературная колония. Кроме Бунина, живут художник Нилус, академик Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Семен Юшкевич и А.М. Федоров¹².

К осени И.А. Бунин намерен написать лекцию о русских писателях последних дней и выступить с этой лекцией перед публикой¹³.

И.А. Бунин намерен здесь показать на примерах, действительно ли литература нового периода дала нам какие-нибудь новые приобретения.

По его мнению, весьма спорны утверждения, будто бы новейшая литература сделала завоевания в области техники, формы и языка.

— Я постараюсь доказать, — говорит Бунин, — на основании литературных примеров, что в действительности и это далеко не так, что литература последних годов — не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях.

Печатается по: У И.А. Бунина: Беседа // Московская газета. 1914. № 310. 21 апреля. С. 6.

¹ См. примеч. 5 к № 22.

² См. примеч. 6 к № 18.

³ О «лазурном гроте» см. также очерк Бунина эмигрантского периода «Остров сирен», первоначально озаглавленный «Капри» (Бунин И. Собр. соч. Т. 7. С. 281–287).

⁴ К образу римского императора Тиверия на Капри Бунин возвращался, помимо вышеупомянутого очерка «Остров сирен» (см. примеч. 3), и в «Господине из Сан-Франциско».

⁵ К этому времени, помимо стихотворений, в печати уже появился рассказ «Святы» (см. примеч. 11 к № 22).

⁶ См. примеч. 11 к № 22.

⁷ Рассказ «Весенний вечер» появился в четвертом сборнике «Слово» (М., 1915. С. 3–16); в «Северных записках» Бунин опубликовал в 1914 г. только шесть стихотворений (№ 2. С. 5–8).

⁸ См. примеч. 10 к № 22.

⁹ Ср. письмо Бунина Нилусу в Одессу от 29 апреля 1914: «Приедем 2-го или 3-го <мая. — Д. Р.>» (РАЛ. MS.1066/4119).

¹⁰ Как и в 1913 г., на лето Бунин поселился на даче Ковалевского под Одессой. Вместе с братом Юлием в июне 1914 г. они отправились в путешествие по городам Волги от Саратова до Ярославля (см.: *Бабореко*. С. 222–226; Устами Буниных. Т. 1. С. 137–139; Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 652).

¹¹ См. примеч. 3 к № 17.

¹² Ср. № 18 настоящей публикации.

¹³ Замысел этот не был осуществлен. Летом 1913 г. газеты сообщали, что Академия наук организует цикл публичных лекций о русской литературе, в рамках которого будут читать академики Д. Овсяннико-Куликовский, А. Веселовский, Н. Котляревский и И. Бунин (см.: *Киевская мысль*. 1913. № 230. 21 августа. С. 2; Биржевые ведомости. 1914. № 14031. 1 марта. С. 4. (Вечерний выпуск)). По-видимому, позже Бунин решил вместо публичной лекции написать статью о современной литерату-

ре, которую обещал в 1915 г. Горькому для публикации в журнале «Современник» (см.: Переписка А. М. Горького и И. А. Бунина. С. 78, 79).

К этой идее Бунин возвращался и позднее: в Музее И.С. Тургенева в Орле сохранились подготовительные материалы к задуманной им лекции или статье о современной литературе, и в частности о творчестве Брюсова. См. краткий план, озаглавленный «Лекция»: «Оторванность от жизни, незнание ее, книжность, литературщина — гибель от нее: Бальмонт, Брюсов, Иванов, Горький, Андреев. И это “новая” литература, “добыча золотого руна”! Кописты, архивариусы! Подражание друг другу. Да что же! Так легче писать! А древность! Неужели древние только и делали, что богами занимались?!» (ОГЛМТ. Ф. 14. № 971 оф. Л. 5; см. также № 984 оф., № 8764 оф., № 8765 оф.). См. также предисловие, примеч. 4 на с. 415.

24

В Одессе гостит в настоящее время И.А. Бунин¹.

В беседе с нашим сотрудником писатель остановился, в частности, на влиянии текущих мировых событий на современную литературу.

— В начале войны, — сказал наш собеседник, — многие из современных писателей кинулись творить на тему о войне, ее ужасах и переживаниях ее участников. Но из этого почти ничего не вышло. Получилась одна лирика, и то барабанная². Да это и понятно. Писать же в тиши кабинета, далеко от поля брани, в глубоком тылу, и трудно, и, главное, не представляется возможным отразить те исключительные переживания, которые выпадают на долю участников нынешней титанической борьбы... Наиболее чуткие писатели-беллетристы поняли, что разыгравшиеся события, подавляющие своими чудовищными размерами, являются сейчас не совсем подходящими для обычного творчества, и вовремя бросили неблагодарный труд³. Новое, сильное слово в этой плоскости сказать невозможно, гораздо удобнее, до поры до времени, воздержаться писать на темы о войне. Этого не хотят понять лишь немногие беллетристы, продолжающие чисто ремесленным путем «твердить» на темы о великой борьбе народов. Но с этими представителями современной литературы особенно считаться не приходится. Эти мастеровые от литературы в действительности далеки от истинного творчества⁴.

Беседа коснулась вопроса о нынешних течениях в литературе.

Писатель характеризует этот вопрос кратко, но выразительно...

— В современной литературе, слава Богу, меньше течений...

Академик И.А. Бунин почти все последнее время проводил в средней России и преимущественно в деревне...⁵

— Каковы настроения нашей деревни?

— В деревне настроение ровное, но безлюдно, пустынно...⁶

Мы поинтересовались узнать у писателя наиболее интересные злобы в области литературы.

— Особых злоб в литературе, — заметил И<ван> А<лексеевич>, — не заметно. Все как-то затихло, заглохло.

— А последние выступления М. Горького?

— Вы говорите о выступлении М. Горького в «Двух душах»⁷. Оно действительно служило одно время центром внимания литературных кругов⁸. Но все это выступление лишь литературный эпизод. Выступление М. Горького надо рассматривать скорее как выступление социальное, общественное, публицистическое⁹. По существу этого выступления должен вам сказать, что у меня не осталось впечатления о враждебности, резкости или даже оскорбительности в отношении русского народа, как в этом выступлении хотели усмотреть некоторые¹⁰. Центр тяжести выступления Горького был в призыве к активности, к деятельности...¹¹ Положительно ничего не вижу во всем этом, дающего повода к тем возражениям, с которыми сочли почему-либо нужным выступить гг. Андреев¹² и Чириков. Особенно непонятны возражения Чирикова, написавшего много, но и многое не относящееся вовсе к тому, о чем говорил и к чему призывал М. Горький...¹³

— Кстати, как здоровье М. Горького? В последнее время в газетах промелькнули известия о возобновившемся болезненном процессе у писателя?¹⁴

— Нет, это не совсем верно. М. Горького я видел лишь на днях¹⁵. Писатель в добром здоровье, в хорошем рабочем, бодром настроении¹⁶. Увлечен своей «Летописью»¹⁷, очевидно, завоевавшей прочные симпатии в широких читательских массах¹⁸.

В заключение мы поинтересовались еще узнать у писателя о его личных работах в последнее время.

— Нельзя сказать, чтобы я очень-то много работал, — заметил И<ван> А<лексеевич>. — Написал ряд мелких рассказов¹⁹ и одну лишь крупную вещь для «Летописи»²⁰. Война подавляет, как-то работает меньше. Живем от утра до утра, от газеты до газеты. Тяжело в такой обстановке заниматься широким творчеством. Нет необходимой бодрости, нет нужного вдохновения...²¹

Печатается по: *Аз <Зелюк О.Г.> У академика Бунина // Одесский листок. 1916. № 112. 26 апреля. С. 2.*

Об О. Зелюке см. № 12 настоящей публикации. Данное интервью во многом повторяет беседу, помещенную в тот же день на страницах «Одесских новостей» (см.: *Аргус. У И.А. Бунина // Одесские новости. 1916. № 11046. 26 апреля. С. 3; Бунин И. Собр. соч. Т. 9. С. 547–548*), и, скорее всего, отражает один и тот же разговор Бунина с разными журналистами.

¹ Ср.: «Вчера в Одессу прибыл академик И.А. Бунин» (Одесские новости. 1916. № 10045. 25 апреля. С. 2).

² Вступление России в Первую мировую войну было встречено в литературных кругах с почти единодушным восторгом. Рассказы, очерки и стихотворения на военные темы буквально хлынули на страницы газет и журналов. Лишь немногие современники отмечали и художественное, и идеологическое неблагополучие этой квасной литературы: «Взрыв первого “патриотизма” объединил всех. Толкнул и

писателей на воинственные клики, на “гром победы”. Так понятно по человечеству; однако ни из первого “грома”, ни из последующих, более умеренных “фронтных” писательских попыток, никакой литературы не вышло. Серьезный поэт, редактируя будущее собрание своих сочинений, вряд ли включит туда свои “военные” стихи» (*Крайний А. <Гиппиус З.Н.>* Литературное «сегодня» // Утро России. 1916. № 93. 2 апреля. С. 5; см. также: *Беренштам В.В.* Война и поэты: Письмо из Петрограда // Русские ведомости. 1915. № 1. 1 января. С. 2; *Ожигов А. <Ашешов Н.П.>* На бранной лире: Война и современная поэзия // Современный мир. 1915. № 2. С. 291–302; *Неведомский М. <Миклашевский М.П.>* Что случилось с нашей литературой?: О поэзии и прозе наших дней // Современник. 1915. № 5. С. 253–279; *Ожигов А. <Ашешов Н.П.>* О беллетристической мобилизации // Современный мир. 1915. № 9. Отд. II. С. 155–170; *Цехновицер О.В.* Литература и мировая война 1914–1918. М., 1938; *Hellman B.* Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution (1914–1918). Helsinki, 1995.

Говоря о «барabanной лирике», Бунин, помимо «обычно подозреваемых» Ф. Сокологуба, В. Брюсова, К. Бальмонта, С. Городецкого, И. Северянина и др., мог иметь в виду и поэтессу Любовь Столицу, выступавшую в военное время с «Песнями девицы-кавалериста»; ср. бунинский приговор поэтессе, записанный Дон-Аминадо: «А столица та была/Недалеко от села...» (*Дон-Аминадо.* Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М., 1994. С. 613).

³ Как это ни парадоксально, но дневники, письма и публичные выступления Бунина этого времени позволяют сделать вывод, что писатель здесь, скорее всего, имел в виду Л. Андреева, точнее говоря, его пьесу «Младость», далекую от всякой военной тематики. Парадоксальность ситуации заключается в том, что позиция Андреева по отношению к происходящим событиям была прямо противоположна бунинской: с начала войны Андреев выступал с пламенными патриотическими статьями, считая прямой обязанностью русских писателей высказываться и творить на тему войны (см. статью Андреева 1915 г. «Пусть не молчат поэты»), и вовсе не собирався бросить «неблагодарный труд», а, наоборот, как раз приступал к публикации повести «Иго войны».

Бунин, однако, записывал в дневнике 21 марта 1916 г.: «Говорили об Андрееве. Все-таки это единств<енный> из совр<еменных> писателей, к кому меня влечет, чью всякую новую вещь я тотчас же читаю. В жизни бывает порой очень приятен. Когда прост, не мудрит, шутит, в глазах светится острый природный ум. Все схватывает с полслова, ловит малейшую шутку — полная противоположность Горькому. Шарлатанит, ошарашивает публику, но талант. Впрочем, м<ожет> б<ыть>, и хуже — м<ожет> б<ыть>, и самому кажется, что он пишет что-то великое, высокое. А пишет лучше тогда, когда пишет о своей молодости, о том, что было пережито» (Устами Буниных. Т. 1. С. 149–150). А 23 марта 1916 г. в письме Телешову Бунин прямо называет произведение Андреева, вызвавшее его одобрение: «“Младость” Андреева *очаровательна*» (Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 620). См. также интервью, данное Буниным сотруднику петроградских «Биржевых ведомостей»: «Разговор наш переходит на тему о литературе, Бунин останавливает свое внимание на напечатанной, но не шедшей на сцене пьесе Леонида Андреева “Младость”».

— Я считаю, что в этом произведении у Андреева замечаются новые шаги, вещь написана очень жизненно, свежо, с большой сдержанностью» (*Фрид С.Б.* И.А. Бунин о новой литературе // Биржевые ведомости. 1916. № 15498. 14 апреля. С. 3 (Вечерний выпуск); Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 379).

⁴ Бунин намекает здесь, скорее всего, на военные корреспонденции и очерки таких писателей, как В.В. Муйжель и Н.Ф. Олигер; последний, например, был причислен А. Измайловым к «кабинетным баталистам» (цит. по: Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М–П. М., 1999. С. 427).

⁵ Начиная с весны 1915 г. Бунин жил в основном в деревне (см.: *Бабореко. С.* 231–237; Устами Буниных. Т. 1. С. 145–155).

⁶ Ср. письмо Горькому от 28 июня 1915 г.: «По деревням вокруг все очень буднично и просто. Необычно ударяет в сердце только отсутствие ребят и людей среднего возраста — все только мальчишки да старики» (Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 78).

⁷ Имеется в виду статья Горького «Две души», опубликованная в первом, декабрьском, номере журнала «Летопись» (1915. № 1 (декабрь). С. 123–134).

⁸ Статья Горького вызвала острую полемику, захватившую почти все периодические издания; см., например: *Бердяев Н.А.* Азиатская и европейская душа // Утро России. 1916. № 8. 8 января. С. 2; *Чеботаревская А.Н.* «Две души» // Утро России. 1916. № 9. 9 января. С. 5; *Ардов Т.* <*Тардов В.Г.*> В защиту «интеллигента» // Утро России. 1916. № 10. 10 января. С. 2; *Кондурушкин С.С.* Чужой ум // Речь. 1916. № 120 (3503). 3 мая. С. 3; *Чириков Е.Н.* «Неразбериха»: Письмо в редакцию // Современный мир. 1916. № 1. Отд. II. С. 113–132; *Игнатов И.Н.* Литературные отголоски: Журнальная беллетристика последних месяцев // Русские ведомости. 1916. № 15. 20 января. С. 2–3; *Львов-Рогачевский В.Л.* Великое ожидание: Обзор современной русской литературы // Ежемесячный журнал. 1916. № 1. Стлб. 155–180; *Лобанов С.Д.* Максим Горький // Ежемесячный журнал. 1916. № 3. Стлб. 215–219. Горький отреагировал на критику «Письмом к читателям» (Летопись. 1916. № 3. С. 171–178).

⁹ Ср. письмо Горького Брюсову от 9 марта 1916 г.: «Радует меня и то, что Вас интересует вопрос, задетый мною в статье “Две души”, — я считаю вопрос этот глубоко важным, и не считаю, а — вернее — чувствую. Я знаю, что статья написана неумело и что вообще публицистика — не моя работа. Я чувствую лучше, чем говорю и делаю, — несчастье многих» (*Горький М.* Собр. соч. Т. 29. С. 354).

¹⁰ См., например: *Иванов-Разумник <Иванов Р.В.>* Земля и железо: (Литературные отклики) // Русские ведомости. 1916. № 79. 6 апреля. С. 2.

¹¹ Ср.: «Нам нужно бороться с азиатскими наслоениями в нашей психике, нам нужно лечиться от пессимизма — он постыден для молодой нации, его основа в том, что натуры пассивные, созерцательные склонны отмечать в жизни преимущественно ее дурные, злые, унижающие человека явления. Они отмечают эти явления не только по болезненной склонности к ним, но и потому, что за ними удобно скрыть свое слабование, обилием их можно оправдать свою бездеятельность. Натуры действенные, активные обращают свое внимание главным образом в сторону положительных явлений, на те ростки доброго, которые, развиваясь при помощи нашей воли, должны будут изменить к лучшему нашу трудную, обидную жизнь» (*Горький М.* Две души // Летопись. 1915. № 1. С. 133).

¹² Имеется в виду статья Л. Андреева «О “Двух душах” М. Горького», опубликованная в первом номере журнала «Современный мир» за 1916 г. (Отд. II. С. 108–112).

¹³ Речь идет о статье Е. Чирикова «При свете здравого смысла» (Современный мир. 1916. № 2. Отд. II. С. 85–111).

Бунин не был, как это могло бы показаться из настоящего интервью, только сторонним наблюдателем журнальной полемики, наоборот, косвенным образом он стоял даже у самых ее истоков. Ибо статья Чирикова являлась не столько откликом на «Две души» Горького — на горьковское выступление Чириков реагировал уже до этого (см. примеч. 8) — сколько на статью Д. Тальникова <Шпитальникова> «При свете культуры: (Чехов, Бунин, С. Подъячев, Ив. Вольный)» (Летопись. 1916. № 1. С. 275–299), которая послужила Чирикову поводом для нападок на Горького.

Бунин был лично знаком с одесским врачом Давидом Лазаревичем Шпитальниковым, выступавшим в печати под псевдонимом «Тальников» (треть сохранившихся писем Бунина к Тальникову была опубликована А. Бабореко: Русская литература. 1974. № 1. С. 170–179). Тальников, критические работы которого характеризуются марксистской методологией и порой довольно прямолинейным социологическим подходом к литературе, посвятил творчеству Бунина, начиная с 1910 г., ряд статей

апологетического характера: «Мне хочется поговорить о замечательной книге, вышедшей в свет на этих днях <“Суходол”. — Д.Р.>, — книге писателя очень серьезного и очень большого, сейчас в нашей литературе самого большого по силе изобразительного таланта, самого замечательного, которого, очевидно, по всем этим причинам очень мало знают, мало читают, о котором мало говорят. Назовите мне десяток своих знакомых, кто хорошо — не шапочным знакомством только, не по имени и не по случайной прочитанной в толстом журнале статье о нем, — знал бы Ивана Бунина, чеканные, простые и прекрасные стихи его, которые навсегда останутся в нашей литературе — после того как умрут и покроются забвением все прославленные поэты наших дней, — превосходную и оригинальную прозу его, которая займет одно из самых видных мест в истории русской словесности послечеховского периода» (*Тальников <Шпитальников> Д.Л. Об И.А. Бунине // Одесские новости. 1913. № 8922. 15 января. С. 3*).

Как видно из писем Бунина, писатель не только всячески способствовал переходу Тальникова из одесских газет в толстые столичные журналы, но и заметно влиял на характер и содержание его критических статей. Так, целые куски из пространного письма Бунина Тальникову о переводах Бальмонта (см.: *Мастерство перевода: 1966. М., 1968. С. 368–374*) критик впоследствии вставил в свои «Литературные заметки» (*Современный мир. 1915. № 9. Отд. II. С. 124–142*). А когда статья Тальникова «При свете культуры», судьба которой и «по корысти, и по другим причинам» (*Русская литература. 1974. № 1. С. 172*) Бунина весьма занимала, была отвергнута журналом «Современный мир», писатель советовал Тальникову или издать ее отдельной брошюрой (Там же. С. 174), или послать Горькому для печатания (Там же. С. 172, 175).

В своей статье Тальников примерами из произведений Чехова, Бунина, Подъячева и Вольного иллюстрирует главный свой тезис, выдвинутый им в газетных выступлениях уже после появления бунинской «Деревни»: «Деревня <...> осталась за штатом культуры. Жизнь шла, развивалась по своим законам, совершались в человечестве великие перевороты, а деревня осталась в снегах своих, грязи, тьме непролазной и безнадежной, такую, какая была при “Рюрикe”. На фоне современной цивилизации она еще более страшна, чем деревня подлиповцев. В ней одичание, мерзость запустения, смерть; люди отданы во власть неограниченную того мрачного дьявола, который из века сделал их тупыми, пьяными, жадными, суровыми и темными. Деревня в изображении новейшей литературы — это обвинительный акт не только против политической и культурной закрепощенности деревни, но и против самих хозяйственных основ ее бытия. Это бытие создало “лицо” крестьянина и сохранило его почти нетронутым и до наших дней в сфере атавистических признаков» (*Летопись. 1916. № 1. С. 295; ср. также примеч. 5 к № 6*).

Чириков в своем отклике обрушивался не столько на сомнительную методологию Тальникова («делать обобщения социального содержания на основании только художественных произведений, особенно только избранных исследователем авторов, без всякого участия в этих выводах бесстрастных показателей научных данных и без соблюдения известной исторической перспективы — значит заранее обречь себя на грубые непоправимые ошибки»; *Современный мир. 1916. № 2. Отд. II. С. 86*), сколько на общее направление горьковского журнала: Тальников только «перестарался, желая угодить “Двум душам” Горького» (Там же. С. 110), но от «всех этих “фокусов” самобытных социал-демократов из “Летописи” отдает немецкой милитаристской, “социальной антропологией”, которая доказывает, что мы — низшая раса и потому должны смириться пред торжественным шествием “единой немецкой культуры”, спасительницы Европы от дикого варварства...» (Там же. С. 108).

Особенно возмутило Бунина, по-видимому, то место, где Чириков прямо говорил о нем и его творчестве: «Г. Тальникову следовало бы принять во внимание, что Г. Бунин — потомок дворянства, занимавшего определенную позицию в рабовладельческой России, имевшего отличное от рабов сознание, определявшее бытие обеих сторон. Г. Тальникову следовало бы сказать, что в этом бытии было слиш-

ком много данных, чтобы сделаться по отношению друг друга пессимистами; следовало бы вспомнить, что и ныне г. Бунин живет в своей родовой усадьбе на положении помещика-барина, и здесь он делает свои наблюдения над деревней и мужиками. <...> Мы допускаем, что большой художник, каким несомненно нужно признать г. Бунина, способен встать выше классово-эстетической точки зрения. Бунин — художник ярких красочных пятен жизни. Всякому “русскому европейцу”, проводящему полжизни в западной Европе и попадающему затем в свою родовую усадьбу, в нашу убогую, забытую всеми деревню, конечно, прежде всего бросаются в глаза контрасты, дурные и хорошие. Как впечатлительному и наблюдательному художнику, Бунину лезут в глаза именно эти красочные пятна-контрасты, и на них он останавливается. Пятна отрицательного характера, конечно, сильнее режут глаза, поэтому и на полотне художника их больше. Отсюда все эти Иоанны Рыдальцы, бессмысленные убийцы, Шаши, Ермилы, все эти монстры деревни. Но немало у Бунина и положительных ярких пятен. Но зачем г. Тальникову что-нибудь положительное! Г. Тальников не придает им никакого значения, упоминает мимоходом и не приводит никаких выдержек. Суть, по его словам, не в этих отдельных хороших мужиках и бабах, а в ином. Все, что положительно — случайно, это отдельные экземпляры, единичные явления, а суть именно в тех экземплярах, в Рыдальцах, Шашах, убийцах, идолопоклонниках, вырожденцах и пьяницах, хотя ведь и они тоже на полотне Бунина — отдельные экземпляры, красочные пятна. А “суть”, которую отыскал у Бунина г. Тальников, та самая, которая требуется ему для оплевания не только деревни, а всей Руси... Что, как не оплевание всей Руси, можно усмотреть в таком “фокусе” критика» (Там же. С. 108–109).

Бунин записал в дневнике по прочтении статьи Чирикова 21 марта 1916 г.: «Задирчивая статья Чирикова о Тальникове — Чириков “верит в рус<ский> народ!” В газетах та же ложь — восхваление доблестей рус<ского> народа, его способностей к организации. Все это оч<ень> взволновало. “Народ, народ!” А сами понятия не имеют (да и не хотят иметь) о нем. И что они сделали для него, этого действительного несчастного народа?» (Устами Буниных. Т. 1. С. 150; более подробную запись племянника, описывающую реакцию Бунина на статью Чирикова, писатель собственноручно вклеил в свой дневник; см. там же. С. 150–151).

Замечательнее всего во всей этой истории то обстоятельство, что критики воспринимали выступление Тальникова как тщательно спланированный Горьким шаг в проведении единой идеологической линии «Летописи», продолжающий его же «Две души». На самом деле, сам Горький, в отличие от Бунина, не был в восхищении от статьи Тальникова и отказал ему в публикации ответа на критику Чирикова (см.: Русская литература. 1974. № 1. С. 170–171), предпочтя сам выступить с «Письмом к читателям» (см. примеч. 8).

¹⁴ Ср.: «У Горького возобновился прежний процесс в легких. Доктор И.И. Манухин, который лечил Максима Горького во время его пребывания за границей, посетил своего пациента и после продолжительного исследования признал состояние больного удовлетворительным, но нашел, что наш климат для него вреден. Для выяснения вопроса о том, где Максим Горький будет продолжать свое лечение, на Юге или в Финляндии, в ближайшие дни, быть может, даже сегодня, состоится консилиум из наиболее выдающихся специалистов» (Биржевые ведомости. 1916. № 15461. 24 марта. С. 3 (Вечерний выпуск)).

¹⁵ Бунин виделся с Горьким во время пребывания в Петрограде, где 13 апреля 1916 г. в Александровском зале Городской думы он читал свои произведения на вечере в пользу русских военнопленных (см.: Вечер И.А. Бунина // Биржевые ведомости. 1916. № 15498. 14 апреля. С. 3–4 (Вечерний выпуск)).

¹⁶ Ср. письмо Горького К. Тимирязеву от 23 марта 1916 г.: «На днях я немножко заболел — было воспаление легких, теперь прошло уже» (Горький М. Собр. соч. Т. 29. С. 355).

¹⁷ О журнале «Летопись» (Пг., 1915–1917) см. подробнее: Дубинская Т.И. «Летопись» // Русская литература и журналистика начала XX века (1905–1917): Больше-

вистские и общедемократические издания. М., 1984. С. 202–227; *Нинов А.А.* М. Горький и «Летопись» // Нева. 1966. № 1. С. 176–181.

В письме к К. Тимирязеву от 16 октября 1915 г. Горький так характеризовал облик будущего журнала: «Цель журнала — может быть, несколько утопическая — попытаться внести в хаос эмоций отрезвляющие начала интеллектуализма. Кровавые события наших дней возбудили и возбуждают слишком много темных чувств, и мне кажется, что уже пора попытаться внести в эту мрачную бурю умеряющее начало разумного и критического отношения к действительности. Люди живут страхом, от страха — ненависть друг к другу, растет одичание, все ниже падает уважение к человеку, внимание <к> идеям западноевропейской культуры, на Руси все чаще раздаются возгласы, призывающие людей на Восток, в Азию, от деяния — к созерцанию, от изучения — к фантазии, от науки — к религии и мистике.

Лицам, которые становятся во главе журнала, хотелось бы восстановить в памяти запуганных событиями людей планетарное значение основ западноевропейской культуры и особенно — главной основы ее — науки» (*Горький М.* Собр. соч. Т. 29. С. 341–342).

¹⁸ Горький писал М. Покровскому 2 апреля 1916 г., что у «Летописи» 10 тысяч читателей (см.: Архив А.М. Горького. Т. 14: М. Горький. Неизданная переписка. М., 1976. С. 139), а К. Тимирязеву он сообщил уже 22 февраля, что «нужно бы печатать 12 т. книг журнала, но мы не могли сделать этого» из-за нехватки бумаги (*Горький М.* Собр. соч. Т. 29. С. 352).

¹⁹ Имеются в виду рассказы «Сын», «Песня о гоце», «Легкое дыхание», «Казимир Станиславович» и, возможно, «Старуха» и «Аглая»; над последними Бунин, однако, впоследствии еще работал. Ср. также примеч. 20.

²⁰ «Крупной вещи» Бунина в «Летописи» так и не появилось. В 1916 г., кроме нескольких стихотворений (стихотворение «Архистратиг» не появилось в журнале «по независящим от редакции обстоятельствам» (Летопись. 1916. № 9. С. 3), т.е. было запрещено цензурой), в журнале были напечатаны рассказы «Казимир Станиславович» (№ 5) и «Аглая» (№ 10), оба определяемые самим писателем в письмах к Горькому как «небольшие» (см.: Переписка А.М. Горького и И.А. Бунина. С. 86, 87).

В других интервью этого времени Бунин также говорит о большой вещи, которая «по тону имеет отдаленное сходство с “Господином из Сан-Франциско”» (*Фрид С.Б.* И.А. Бунин о новой литературе // Биржевые ведомости. 1916. № 15498. 14 апреля. С. 3 (Вечерний выпуск); Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 380; *Аргус.* У И.А. Бунина // Одесские новости. 1916. № 11046. 26 апреля. С. 3; *Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 548), что побудило комментаторов девятого тома Собрания сочинений предположить, что имеются в виду, «очевидно, “Сны Чанга”» (*Бунин И.* Собр. соч. Т. 9. С. 615). Это утверждение вызывает сомнения, так как черновые автографы рассказа датированы Буниным ноябрем 1916 г. (подробнее, в том числе и описание рукописей, см.: *Крутикова Л.В.* В мире художественных исканий Бунина: Как создавались рассказы 1911–1916 гг. // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 90–120).

Более вероятным кажется, что Бунин здесь говорит о неосуществленном замысле повести о морской поездке европейца на Цейлон с рабочим названием «Жизнь», из которого впоследствии выкристаллизовались рассказы «Отто Штейн» и «Соотечественник» (это же предположение высказано в комментариях к вышеупомянутому интервью в томе Литературного наследства; см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 380). Замысел этот возник у Бунина зимой 1913/14 г. на Капри: «Начал “Человек” (цейлонский рассказ)» (Устами Буниных. Т. 1. С. 136; по-видимому, эта черновая рукопись, озаглавленная «Человек» и датированная «Капри, 13 г.», сохранилась; см.: РАЛ. MS.1066/219. Черновая рукопись будущего рассказа «Соотечественник» озаглавлена «Трифон Чуев» и также датирована «Капри. Зима 1913–1914 г.»). Бунин тогда оставил этот замысел, зато дотписал рассказ «Братья» (см. примеч. 11 к № 22), но уже 7 августа 1915 г. он записывал в дневнике: «Пытаюсь

сесть за писание. Сердце и голова тихи, пусты, безжизненны. Порою полное отчаяние. Неужели конец мне как писателю? Только о Цейлоне хочется написать» (Устами Буниных. Т. 1. С. 146).

Именно в это время создавались бунинские стихотворения о Цейлоне (см. примеч. 16 к № 11), и тогда же, очевидно, Бунин вернулся к своему замыслу написать повесть о Цейлоне под заглавием «Жизнь». Отрывок этой ненаписанной повести, который писатель впоследствии использовал в рассказе «Отто Штейн», Бунин опубликовал 1 апреля 1916 г. в газете «Русское слово» под заглавием «Из повести».

²¹ Сходные эмоции отражены и в дневнике Бунина этого времени: «Душевная и умственная тупость, слабость, литературное бесплодие все продолжается. Уж как давно я великий мученик, нечто вроде человека, сходящего с ума от импотенции. Смертельно устал, — опять-таки уж очень давно, — и все не сдаюсь. Должно быть, большую роль сыграла тут война, — какое великое душевное разочарование принесла она мне!» (Устами Буниных. Т. 1. С. 157).

25

Само собою разумеется, что *последнего* вывода, *последнего* итога быть не может. Человеческих сил для этого мало, а быть Иеремией¹ нашего времени и пророчествовать невозможно.

Подсказанные жизнью и личным художественным опытом выводы в достаточной степени пессимистичны. Но не правы те из критиков и публицистов, которые хотят увидеть в этом нарочитую зарисовку темных отрицательных сторон народного быта и облика.

Художник не может не видеть отрицательных и положительных черт народного духовного склада, а также ту стихийную силу воли и духа, которая часто находит себе кошмарное и мучительное проявление.

Так есть. И цель художника не оправдание какого-либо принципиального задания, а углубленное и сущностное отражение жизни.

Что возможно для публициста, исходящего из канона, из принятых платформ, то невозможно для художника, источник идей и выводов которого один — сама живая, сложная действительность.

Сущность этих пессимистичных выводов основывается на всем том конкретно-бытовом и психологическом материале, который дает русская жизнь.

В ней очень мало элементов той практической строительной крепкой воли, которая созидает внешнюю мощь. Глубокие почвенные начала национальной психологии резко противоречат практическому, трезвому, строительному укладу западного человека, дельца, устроителя «дома», устойчивого и крепкого внешнего благополучия.

Если указывают на то обстоятельство, что русская внутренняя и внешняя мощь еще не организована и не проявлена в полной мере, что наша художественная литература определяет размеры духовных и вообще жизненных сил страны, то достаточно вспомнить и провести параллель между общим направлением русской творческой мысли и западной, как она сказалась в отдельных характерных представителях.

Наши Гоголь, Толстой, в конце концов, склонялись к идеалам вне-национальной, всеобщей правды, враждебной всем зачаткам внешнего могущества.

Проведите параллель между такими представителями русской и германской гениальности, как Толстой и Гете.

Один на склоне лет создал при Веймарском дворе благополучие, почет и крепкий внешний базис; другой подложил мину и взорвал все налаженное благополучие и проклял именно это благополучие, как величайший грех и тюрьму духа.

Очень трудно свести все это к какому-либо непререкаемому и окончательному выводу по отношению к будущему русскому общегосударственному строительству при современных принципах борьбы народов за выживание.

Художник должен исходить не из внешних жизненных данных, а из глубины, из почвы жизни, прислушиваясь не к шуму партийных положений и споров, а к внутренним голосам живой жизни, говорящим о пластах и наслоениях в ней, созданных вопреки всем хотениям, по непреложным законам самой жизни.

Надо ли говорить, что интуитивные художественные постижения дороже и ценнее, чем все торжественные вещания, подсказанные публицистикой того или иного лагеря?!

Печатается по: Новая жизнь. 1917. № 1. С. 73—74.

Первый номер журнала «Новая жизнь» за 1917 г. вышел 18 апреля (см.: Русская литература конца XIX—начала XX в.: 1908—1917. М., 1972. С. 673).

Ответ Бунина — часть анкеты, в которой приняли участие, помимо Бунина, М. Арцыбашев, А. Белый, С. Венгеров, Л. Лопатин и И. Новиков.

Ответам участников анкеты было предпослано следующее вступление Н. Абрамовича: «В эпохи катастрофические, когда поднимается “тяжкий млат”, дробящий судьбы человеческих единиц и целых народностей, естественно становится жгучим вопрос о новом переучете национальных сил. Цель переучета — выяснение: что мы такое — стекло, которое под ударами тяжкого млата должно раздробиться вдребезги, или же булат, который “куется” под громоносными ударами “млата”, выковывается к новой жизни и новому расцвету сил и всяческого могущества — внутреннего и внешнего?!

О настроениях народных масс можно судить по общему жизненному подъему в стране и пробуждению *волевого самосознания*, которое явственно дает себя знать. Встряска и раскачка были слишком колоссальны, чтобы не отразиться на гражданине всего мира, в особенности же, на любом сыне воюющих стран, проливающих кровь, прислушивающихся к особенной музыке войны. Само собою разумеется, что и русский горожанин, русский рабочий, русский крестьянин за эту трехгодичную эпоху войны стал иным, получил практическое незаменимое воспитание в смысле явных, непосредственных уроков жизни, а также невидимые, но могучие толчки, понуждающие волю к новым решениям и актам жизни.

Прислушиваясь к попыткам, делаемым на Западе, отгадать русскую национальную психологию в смысле точного учета ее строительных, ее созидательных сил, находим целый ряд взаимно противоположных решений. Здесь и презрительное третирирование германца, видящего в современных неурядицах русской жизни проявление коренных свойств духовно пассивного народа и пропагандирую-

щего с этой целью те из классических произведений русской литературы, в которых обнажается язва русского обывательского обнищавшего духа (“Ревизор”, сатирические страницы Щедрина и пр.). Здесь и серьезное внимание Англии и Америки к мощным толчкам религиозно-творческого бунтарства в России Толстого и Достоевского. И необозримое количество догадок и предположений, созданных созерцанием колоссальной страны с “птичьего полета”.

Что мы такое?.. “Этнографический навоз”, на котором взойдут семена иноземной культуры?.. Народ-богоносец, несущий правду нового всеобщего, внационального сознания?.. Будущий народ-строитель, формирующийся медленно и трудно в несокрушимую силу, созидающий твердыню “Великой России”, укрепленной на подлинном фундаменте народных творческих сил?..

Пусть талантливые “вслушиватели”, какими являются беллетристы, художники, приносят нам вести о том, что совершается в толщах народного сознания, как оно перестраивается под влиянием совершающихся тяжелых событий, в какие формы отливается и чем дышит новое волевое народное самосознание. В этом отношении нам остается принять те документы эпохи, какие дают нам имеющиеся налицо более или менее крупные художники: Бунин, Андреев, Горький, Вересаев, Шмелев, Ценский, а также несколько других молодых писателей. Мы можем только одно сказать с несомненностью, что эти документы не исчерпывают и в малой доле нашу действительность, что здесь Россия не вся и далеко не во всей своей глубине и сложности.

Пусть талантливые и владеющие драгоценным даром меткого идейного обобщения теоретики и публицисты строят на основании общественной интуиции свои выводы и догадки, дают свой прогноз сил и духовно-волевого брожения в стране.

Национальное пробуждение, результат всколыхнувшейся внутренне массы, дает себя знать; завершение войны обещает нам эту эпоху повысившейся, бодрой, подвигнутой энергией жизни. Но в преддверии этого неизвестного будущего любопытно прислушиваться к раздающимся жизненным голосам и узнать, что в них, какие мотивы: силы или уныния, радостных ожиданий или скептицизма» (*Абрамович Н.Я.* Всемирная война и созидательные силы России // Новая жизнь. 1917. № 1. С. 69–70).

¹ Ветхозаветный пророк. Начиная с Первой мировой войны Бунин для осмысления происходящих событий стал все чаще обращаться к библейским текстам и образам, притом преимущественно Ветхого Завета (подробнее см.: *Риникер Д.* «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина // И.А. Бунин: pro et contra. С. 625–650; ср. также предисловие к настоящей публикации, примеч. 1 на с. 421).

Именной указатель

- Абрамович Н. 562, 563
Абызов Ю.И. 256, 513
Аввакум, протопоп 420
Аверин Б.В. 3, 6
Агеев М. (Леви М.Л.) 211
Агрелл (Agrell) С. 222, 286, 306
Адамова Н.К. 184
Адамович Б.В. 14, 28
Адамович В.М. 14
Адамович Г.В. 3–5, 8–11, 13–164, 170, 174, 175, 177, 178, 189, 198, 233, 263, 264, 300, 316, 354, 358, 360–363, 395
Адамович (урожд. Вейнберг) Е.С. 26
Адамович (в замужестве Высоцкая) О.В. 18
Ажаев В.Н. 110
Айзман Д.Я. 539, 542
Айхенвальд Ю.И. 198, 233, 492
Аксаков И.С. 538
Аксаков С.Т. 108
Аксаковы 524
Аксельрод В.И. 487, 529
Алданов (Ландау) М.А. 5, 11, 41, 42, 74, 83, 86, 92, 98, 112, 114–116, 118–122, 125, 128, 132, 133, 136, 138, 140–143, 146, 147, 150, 167, 168, 171, 183, 184, 188, 190, 191, 200, 202, 205, 206, 242, 257, 259, 260, 306, 307, 310, 314, 341, 344, 345, 347, 361, 367–370, 372–377, 379, 380, 382, 383, 385–388, 391–393, 395–401
Алдановы 187, 204, 205, 368, 374, 376, 379, 380, 385
Александр, сербский король 200
Александр I 188
Александр II 85
Александров В. 271
Александрова В.А. 118, 119
Александровский И.В. 481, 487, 511, 527
Алексеев М.Н. 110
Алексей Михайлович, царь 243
Алексий I, патриарх 384
Алексий, митрополит Ленинградский 384
Алерамо С. 548
Алехины, братья 519
Аллен Л. 145
Альбертини (урожд. Сухотина) Т.М. 159, 160
Альперин А.С. 78
Аля — см. Бахрах А.В.
Аминадо — см. Дон-Аминадо
Амфитеатров А.В. 181, 182, 233, 237, 253, 254, 337, 410, 424, 435, 438, 474, 479, 506, 507, 529, 544
Ананьин-Чарский Е.А. 160
Андерс В. 139
Андреев В.Л. 91, 92, 400

- Андреев Л. Н. 6, 40, 90–92, 108, 146, 363, 407, 415, 421, 431–433, 442–444, 447, 457–463, 465, 466, 470, 475, 481, 486, 502, 506–509, 531, 532, 554–557, 563
 Андреев Н. Е. 113, 132, 148, 233
 Андреева М. Ф. 474
 Анненский И. Ф. 8, 69–73, 95
 Анненский Н. Ф. 477
 Антонов В. 140, 141
 Антюхин Г. В. 489
 Арабидзе В. О. 432
 Аргус 491, 555, 560
 Аренберг А. А. 433, 438, 481, 482, 485, 491, 492, 494, 496, 497, 502, 505, 509, 510, 511
 Арнольд М. 397
 Аронсон Г. Я. 162, 163
 Аронсон Л. А. 52
 Арсеньев К. К. 477, 520
 Арсеньев Н. С. 157, 383, 384
 Архангельский Г. В. 375
 Арцыбашев М. П. 421, 447, 472, 475, 476, 477, 478, 562
 Атран С. С. 391
 Ауслендер С. А. 519
 Афанасьев В. А. 354, 497, 499
 Афонин Л. Н. 3
 Ахад-Гаам (Гинцберг У. И.) 370
 Ахматова (Горенко) А. А. 50, 80, 81, 363, 417
 Ашкинази З. -И. Г. 327–329

 Бабореко А. К. 3, 6, 9, 20, 141, 156, 168, 184, 256, 300, 354, 356, 400, 402, 416, 423, 429, 439, 448, 459, 467, 468, 481, 485, 486, 488–492, 494, 496, 499, 503, 511, 513–515, 518–520, 523, 525, 535, 538, 541, 547, 551, 553, 556, 557
 Багмаков Я. 379
 Бажанов Б. Г. 185, 186
 Бажинов И. Д. 468
 Байрон Д. Н. Г. 466, 467, 504, 513, 519, 521, 523
 Балиев Н. Ф. (Балян М. А.) 149
 Балтрушайтис Ю. К. 431, 459
 Бальзак О., де 387, 388
 Бальмонт К. Д. 17, 78, 180–182, 185, 186, 365, 366, 383, 430, 431, 447, 452, 453, 460, 497, 546, 551, 554, 556, 558
 Барац Л. Г. — см. Добрая Л. Г.
 Барковская О. М. 497, 499
 Басманов Д. И. 463, 494
 Баталин И. А. 487, 529
 Баторий Стефан 236, 242, 249
 Батюшков К. Н. 524
 Бахрах А. В. 10, 11, 55, 56, 58, 70, 75, 77, 98, 99, 108, 109, 112, 114, 115, 118, 119, 121, 122, 140, 141, 146, 147, 150, 160, 187, 233, 300, 361, 362, 437, 455, 488
 Бахтин М. М. 350
 Бахтин Н. М. 350
 Бахтины 350
 Бедовый (Рабинович А. Х.) 419, 477, 480, 483
 Безобразов П. В. 486
 Бейлис М. 542–545
 Белей В. С. 42, 43
 Белей (Беллей) Н. Н. 43
 Белин Д. 312
 Белинский В. Г. 56, 65, 221, 473, 505, 506, 521
 Белич А. 180–182
 Белобровцева И. З. 4, 5, 12, 232, 237, 368
 Белоусов И. А. 6, 432, 448, 459, 460, 501–503, 511, 517, 529, 538, 541
 Белоцветов Н. А. 248, 249
 Белый А. (Бугаев Б. Н.) 130, 221, 222, 264, 355, 459, 482, 562
 Беляев (Щербинский) Б. Н. 82
 Белявина В. П. 119
 Бенедиктов В. Г. 77, 78
 Бенау А. А. 133
 Берберов Л. 177
 Берберова Н. Н. 5, 41, 76, 165, 169, 171–176, 179–186, 190–195, 197, 198, 200, 209, 211, 212, 215, 217, 232, 311, 385, 386
 Берберовы 187
 Бердяев Н. А. 72, 73, 76, 77, 365, 366, 383, 384, 557
 Беренштам В. В. 556
 Бетеа (Bethea) Д. 232, 311

- Бетховен Л., ван 45
 Бехгофер-Робертс (Bechhofer Roberts) К.-Э. 335
 Бирюков П.И. 320, 321
 Биск А.А. 550
 Бисноватый М. 395
 Бицилли П.М. 88, 89
 Благов Ф.И. 552
 Бланки 387, 388
 Блок А.А. 8, 66, 67, 70–72, 90–95, 116, 134, 183–185, 361, 363, 366, 417, 482
 Блох А.М. 202, 286
 Блох А.С. 37, 38, 173
 Блох Я.Н. 210–212
 Боборыкин П.Д. 68, 69, 435
 Боборыкина С.А. 69
 Богданович А.И. 428, 470
 Боголепов А.А. 390, 391
 Боголюбов С.П. 470
 Богомолец А. 531
 Богомолов А.Е. 44, 311, 381, 382
 Богомолов Н.А. 12, 18, 22, 405
 Бодлер Ш. 95
 Бойто А. 461
 Бонами Т. 354
 Бонч-Бруевич В.Д. 321, 417
 Боньер (Bonnier) К.-О. 308, 312
 Боньер (Bonnier) Т. 308
 Боратынский Е.А. 307
 Боски 499
 Бочарова И.А. 178, 409, 456, 534
 Брандес Г. 4, 220–231, 435, 500
 Бредов Г. 413
 Бриннер Ю. 293
 Бродский Б. 52
 Бройтман С.Н. 422
 Брусянин В.В. 520
 Брэдли Дж. 128
 Брэдли (Bradley) У. 340, 343, 347–353
 Брэм А.М. 71
 Брюсов В.Я. 55, 72, 73, 157, 165, 185, 186, 201, 307, 415, 416, 421, 427–432, 434, 459, 460, 468, 493, 497, 532, 549, 554, 556, 557
 Бубеннов М.С. 86
 Будницкий О.В. 311
 Буковецкий Е.И. 491, 494, 496, 497, 499
 Булатов И.Ф. 458, 462
 Булгаков В.Ф. 479
 Булгакова Е.С. 359
 Бунин А.Н. 512, 514
 Бунин В.А. 521
 Бунин Х.И. 511
 Бунин Ю.А. 356, 414, 415, 424, 427, 430, 451, 459, 460, 468, 501, 502, 510, 511, 514, 515, 518, 519, 535
 Бунина А.П. 426, 427, 512, 514
 Бунина В.Н. 4–7, 9–11, 14–16, 19, 23, 24, 26, 27, 30, 31, 34–37, 40, 41, 45, 46, 49, 52, 55, 58, 72, 74, 77–79, 88, 92, 93, 96–98, 101, 102, 104, 105, 108–163, 165, 168, 169, 172, 173, 175–177, 179–181, 183, 186–190, 192–196, 198, 200–204, 206–209, 212, 213, 232, 233, 235, 237, 238, 242, 245, 246, 248, 250, 252, 255, 256, 258–261, 267, 270, 271, 275, 276, 278–280, 284, 294–297, 299, 308, 310, 311, 313, 319, 322, 323, 326, 328, 331, 332, 342–344, 347, 354, 356, 361, 367–371, 373–377, 379, 380, 382–400, 416, 435, 437, 446, 459, 460, 466–468, 477, 478, 481, 489, 494, 496, 499, 511, 513–515, 518–523, 525, 526, 538, 543
 Бунина М.А. 466
 Бунины 4, 5, 8, 10, 11, 15, 39, 71, 74, 92, 103, 105, 110, 128, 132, 165, 168, 172, 174, 176, 179, 181, 187, 190, 194, 200, 205, 208, 219, 230–233, 237, 238, 244, 247, 256, 261, 270, 275, 285, 306, 314, 319, 322, 326, 344, 358, 367, 368, 372, 375, 376, 378, 379, 382, 385, 386, 388, 391, 392, 395, 401, 466, 468, 485, 493, 494, 497, 509, 511, 513, 514, 518–521, 524, 538, 548, 551, 553, 556, 559–561
 Буренин В.П. 414
 Бурже П. 221
 Бурлюки 546
 Бурнакин А.А. 487
 Буров (Бурд-Восходов) А.П. 79, 80, 96, 97, 117

- Бурцев В.Л. 201, 202, 327
 Буткевич Б.В. 175, 176
 Бюффон Ж. 56
- Вадимов 549
 Вайль Б. 220
 Вальд П. 123
 Варшавский В.С. 38, 58, 89, 98, 101, 233, 238
 Василевская О.Б. 3
 Василевский Л.М. 471, 474
 Василий, иконописец 249
 Васильев Ю. 486
 Васнецов А.М. 540, 543
 Васнецов В.М. 543
 Вацек Й. 318
 Вейдле В.В.: 73, 77, 98, 124, 173, 177, 181, 184, 187–190
 Вейдле Л. 38
 Вейнбаум М.Е. 117, 146, 147, 150, 153, 162, 230
 Вейнберг П.И. 391, 519
 Величко В.Л. 425
 Величковская Т.А. 110
 Вельмин А.П. 58
 Венгеров С.А. 203, 221, 415, 477, 520, 562
 Веневитинов Д.В. 521
 Вербицкая А.А. 444, 473, 479
 Вересаев В.В. 6, 108, 109, 213, 450, 451, 459, 472, 478, 502, 504, 505, 508, 510, 513, 528, 529, 544, 563
 Вересаев (Смидович) В.В. 501
 Верлен П. 416
 Верни Д. 142
 Верхоустинский Б.А. 503
 Веселовский А.Н. 553
 Вечор Н.Н. 382
 Викандер (Wicander) К.-А. 293, 295
 Вильямс Х. 338
 Винавер М.М. 165, 170
 Виноградская 412
 Виноградский 412, 414
 Винокур Н. 213, 232, 385
 Виротайнен М.Н. 3, 6
 Витольд М. 73
 Вишняк М.А. 184
 Вишняк М.В. 5, 75, 145, 165, 166, 173, 184, 387, 388
- Вишняки 183, 184, 194, 376, 379
 Водов С.А. 134, 135, 149, 152
 Войтоловский Л.Н. 490
 Волков А. 354
 Волкова 414
 Вольный И.И. 425, 452, 507, 557, 558
 Вольтер 62, 64
 Вольфсон М.К. 184, 376
 Вольфсон Э.С. 184, 376
 Вольфсоны 183, 184
 Воынский А.Л. (Флексер Х.Л.) 447, 516, 544
 Воровский В.В. 490
 Воронцов В.П. 425
 Врангель П.Н. 324–328
 Вреден Н.Р. 388, 389, 395
 Врхлицкий Я. (наст. имя Эмиль Фрида) 180–182
 Вулф В. 341, 343, 353
 Вулф (Woolf) Л. 334, 335, 338–340, 342, 346–348, 350, 351
 Вулфы 343, 345, 348, 353
 Вырубов А.А. 122, 123
 Вырубов В.В. 44, 147, 148, 150, 161
 Вышинский А.Я. 75
 Вяземский П.А. 183, 184
 Вяткин Г.А. 486, 510
- Газданов Г.И. 58, 98
 Газер И.С. 402, 421, 486, 488, 547
 Гайдебуров П.А. 356, 512, 515, 516
 Галина Николаевна — см. Кузнецова Г.Н.
 Галушкин А.Ю. 5
 Гамсун К. 479, 544
 Гандшин Я.Я. 297
 Гандшина А.Н. 297
 Гарнетт К. 349
 Гарнетт (Garnett) Э. 349
 Гару Р.-М., дю 361
 Гаршин В.М. 93
 Гауптман Г. 460
 Гебер (Geber) Н. 288, 290, 292
 Геберс Х. 309
 Геккер Н.Л. 487, 539
 Гербель 514, 521
 Герни (Guerney) Б. 352
 Герра Р. 359

- Гершун-Колин (Гершун) А.И. 111–113, 118–120, 146
 Гессен И.В. 324, 326, 328, 475–477
 Гете И.-В. 480, 483, 505, 506, 513, 520, 523, 562
 Гефтер А.А. 45
 Гиллерсон А.И. 328, 329
 Гиляровский В.А. 500
 Гингер А.С. 86
 Гинцбург И.Я. 499
 Гиппиус З.Н. 11, 18, 21, 22, 62, 64, 75, 93, 138, 139, 154, 166, 170, 173–178, 181, 182, 185, 186, 193, 201, 270, 336, 358, 381, 382, 447, 509, 556
 Гитин В.Е. 169
 Гладкова Т. 223, 238
 Гликберг Д.Л. 391
 Гоголь Н.В. 108, 109, 145, 352, 479, 513, 521, 524, 562
 Голенищев-Кутузов А.А. 519
 Голенищев-Кутузов И.Н. 206
 Голованов М.К. 175, 176, 184
 Головенченко Ф. 307
 Голубев Д.Я. 501
 Голубева Л.Г. 4, 6, 232
 Голубева О.Д. 503–505, 510
 Гольденвейзер А.А. 157
 Гольдин С.Л. 356
 Гомер 514, 522
 Гончаров И.А. 344, 524
 Гончаров Ю.Д. 513, 514
 Гораций 56, 513, 520
 Городецкая Н.Д. 251
 Городецкий С.М. 417, 419, 471, 482, 551, 556
 Горький М. 6, 7, 40, 54–56, 59–64, 146, 177, 178, 186, 208, 209, 211, 217, 218, 228, 317, 326, 331, 332, 352, 363, 409, 410, 415, 417, 420–422, 424, 425, 429–442, 447–453, 457–462, 467, 468, 470, 474, 484, 485, 487, 490–492, 494, 496, 502, 504–511, 513, 517, 523, 524, 528, 530, 532–536, 538, 544, 545, 548, 551, 554–560, 563
 Гославский Е.П. 460
 Гофман М.А. 70–73, 75, 76, 83
 Гофман М.Л. 187
 Гофмансталь Г., фон 527
 Грабовская (урожд. Бучинская) В. 105
 Градовский Г.К. 474, 477
 Гребенщиков Г.Д. 164
 Гренье Р. 72, 73
 Греч В.М. 123
 Гржебин З.И. 51
 Гржебина Е.З. 51
 Гржебина И.З. 51
 Гржебина Л.З. 51
 Гржебины, сестры 51, 69
 Грибоедов А.С. 75, 380, 381
 Грин М.Э. 3, 4, 7, 110, 132, 136, 142, 147, 168, 200, 232, 233, 235, 367, 368, 391
 Гриневская И.А. 471
 Гронский П.П. 376
 Груздев И.А. 492
 Грэм И. 54
 Грэм Т. 54
 Гудзий Н.К. 159, 160
 Гуль Р.Б. 38, 75–77, 400
 Гумилев Н.С. 9, 55, 56, 93
 Гурьянова Н.М. 417
 Гусев Н.Н. 90, 139
 Гусев-Оренбургский С.И. 476
 Гуссерль Э. 266
 Гутнер 386
 Гэзкель — см. Хаскелл А.
 Давыдов С. 97
 Давыдова А.А. 426
 Даманская А.Ф. 133, 370, 416
 Данилов А.Д. 235
 Данте 513, 523
 Двинятина Т.М. 3, 5, 6, 403
 Делакур А. 362
 Деметриус Л. 355
 Демидова О.Р. 6
 Деникин А.И. 58, 140, 319, 326, 331
 Державин Г.Р. 187, 188, 192, 194, 415, 524
 Дерман А.Б. 486
 Десницкий В.А. 63
 Джурич О. 182, 329
 Дидрихс Э. 293
 Дижур Р.Г. 160
 Диккенс Ч. 524

- Динесман Т.Г. 520
 Дмитрий Сергеевич — см. Мережковский Д.С.
 Добрая (урожд. Барац) Л.Г. 98, 99, 147–149, 159
 Добролюбов Н.А. 186, 221, 473, 479, 517
 Добужинский М.В. 149, 187
 Дойнаш Ш.-А. 355
 Долгополов Н.С. 140, 382
 Долгоруков П.Д. 540, 542, 543
 Долежал Я. 323
 Доморацкая С.И. 7
 Дон-Аминадо (Шполянский А.П.) 191–193, 237, 372, 376, 398, 409, 416, 421, 455, 556
 Донзель (Donzel) М. (псевд. Парижанин) 327, 346
 Дория (урожд. Погребенская) В.М. 97, 98
 Достоевский Ф.М. 8, 18, 60, 61, 64, 66–68, 75, 77, 94–96, 121, 122, 134, 202, 228, 264, 266, 336, 355, 360, 362, 383, 384, 404, 422, 446, 447, 479, 513, 517. 522, 524, 563
 Доценко С.Н. 237
 Дрейер В.Н., фон 331, 332
 Дубинская Т.И. 559
 Дубовиков А.Н. 4, 74, 385
 Дубровский 412
 Дункан А. 266
 Дэвис Д. — см. Уайт Д.
 Дэвис Е. 103
 Дэвис Р. — см. Davies R.
 Дюма А. 479
 Дягилев С.П. 142

 Елина Н.Г. 370
 Емельянов-Коханский А.Н. 186
 Ермилов В.В. 159, 160
 Ермолова М.Н. 380
 Есенин С.А. 439
 Ефимовский Е.А. 157

 Жалу Э. 362
 Жемчужников А.М. 516
 Женжурист Л.А. 519
 Жид (Gide) А. 299, 300, 360–362
 Жиров А.М. 378, 395
 Жирова Е.Н. 157, 378, 379
 Жирова (в замужестве Колар) О.А. 156, 157, 391
 Житов 412, 414
 Жуковский В.А. 85, 391, 512, 514, 520, 521, 524

 Заболоцкий Пафнутий 246
 Завалишин В.К. 103
 Зайцев Б.К. 6, 11, 30, 31, 57, 74, 85, 111, 112, 117, 125, 126, 128, 130, 131, 140–143, 152, 161, 163–165, 180, 181, 184, 188, 190, 191, 200, 202, 213, 215, 241, 357, 358, 364–366, 371, 372, 380, 383, 385, 399, 459, 460, 501, 502, 504, 505, 508, 513, 523, 534
 Зайцев К.И. (в монашестве Константин) 30–32, 127, 144, 198, 205, 237, 252, 253, 254, 272–278, 280–283
 Зайцев М.В. 322
 Зайцев М.И. 374
 Зайцев М.Ю. 544, 545
 Зайцева А.Г. 396
 Зайцева (урожд. Орешникова) В.А. 140–143, 184, 371, 372, 385, 398, 399
 Зайцева-Соллогуб (Соллогуб) Н.Б. 5, 141, 142, 354, 357, 358, 364, 380, 384, 399
 Зайцева С.И. 374
 Зайцевы (Б.К. и В.А.) 5, 183, 184, 187, 190, 213, 270, 374, 375, 378, 384, 385, 398, 399
 Замятин Е.И. 353, 358
 Засодимский П.В. 186, 506, 524
 Заузе В.Х. 498
 Звеерс А. 3, 11, 12, 367
 Зверев Д.И. 529
 Зеелер В.Ф. 57, 58, 272–275, 277, 278, 280–283, 383, 385
 Зелинский Н.Д. 394, 395
 Зелцер (Seltzer) Т. 339
 Зелюк О.Г. 83, 438, 502, 509, 513, 555
 Зензинов В.М. 361, 362, 379
 Зернов В.М. 389, 393, 394
 Зернова Р. (Зевино Р.А.) 344
 Зиновьева-Аннибал Л.Д. 527

- Златовратский Н.Н. 186, 427, 483, 488, 519, 520, 524
 Злобин В.А. 75, 138, 139, 156, 174, 381, 382
 Золя Э. 479
 Зудерман Г. 544
 Зуров Л.Ф. 3, 4, 15, 16, 24, 26, 27, 58, 103–105, 109–111, 115, 117–121, 123–128, 130–153, 155, 157–161, 163, 164, 193, 194, 208, 211, 218, 219, 232–284, 291, 295, 296, 357, 358, 361, 367, 376, 378, 380, 388, 390, 392–401, 437
 Зуров Ф.М. 242
 Ибсен Г. 531, 532
 Иван Грозный 246
 Иванов В.И. 482, 527, 554
 Иванов Г.В. 12, 16, 21, 38, 39, 72–74, 93, 94, 97, 125, 140, 151, 173, 186
 Иванов С.А. 173
 Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) 550, 557
 Иванова Е.В. 405, 409, 481, 482, 516
 Ивановы 44, 74, 140, 142
 Иваск Ю.П. 135, 390, 391
 Игнатов И.Н. 486, 549, 557
 Игнатъев И.Б. 549
 Изгоев (Ланде А.С.) 447, 449
 Издебский В.А. 498
 Измайлов А.А. 421, 428, 519, 520, 529, 556
 Икар (Ивинский Б.И.) 486
 Ильин В.Н. 106, 117
 Иоль-де-Монклар А.Г. 328, 329
 Иорданский Н.И. 472, 474, 475, 476, 477
 Иоффе А.А. 321
 Иоффе Ф.М. 7
 Исаев М.К. 235
 Истман (Eastman) М.-Ф. 345–347
 Йоханнисон Н. 304
 К.Р.(Романов К.К.) 519
 Казакова Н.А. 465, 467
 Казнина О.А. 333–338, 344, 346, 416
 Кайе (Caille) П. 305
 Каллаш (урожд. Новикова, псевдоним Курдюмов) М.А. 104, 105, 130
 Калинин М.И. 56
 Камышников Л.М. 498, 499
 Камю А. 73
 Кантор В.К. 238
 Кантор М.Л. 17, 34, 35, 40, 41, 94, 96, 112, 122, 130–132, 134, 140, 145, 161
 Каплан М.С. 30, 31
 Каплун С.Г. 173
 Кара-Мурза С. 431, 447
 Карамзин Н.М. 524
 Карамзина (урожд. Максимова) М.В. 33, 168
 Карзинкин А.А. 462, 501
 Карзинкина Е.А. 462
 Карзинкины 458
 Карлфельд Э.-А. 197
 Карпович М.М. 38, 122, 123, 173, 178, 393, 400
 Карский С. 73
 Карташев А.В. 327, 332
 Каспрович (Kasprowicz) Я. 204
 Касторский С.М. 442
 Катаев В.П. 20, 363
 Катанян В.А. 550
 Качалов (Шверубович) В.И. 528
 Кегульский С.Л. 500
 Кеда А.А. 468
 Кедров К.Н. 381
 Кедров М.А. 44
 Кедров Н.Н. 381, 382
 Кедрова Е.Н. 122, 123, 380–382
 Кедрова Н.Н. 382
 Келдыш В.А. 4, 7, 524
 Кельберин Л.И. 46
 Кельнер В.Е. 45
 Керенский А.Ф. 285, 370
 Киреевские 524
 Кирсанов С.И. 33
 Кишиневский 499
 Клебанова Е.М. 65, 66
 Клестов Н. 419, 450, 451, 485, 486, 493, 503, 504, 510, 520, 536, 538
 Климова М. 238, 318
 Клоц Я. 5
 Ключевский В.О. 138, 139, 524

- Книппер-Чехова О.Л. 393, 462, 468
 Кнут Д. (Фиксман Д.М.) 130
 Ковалева Г.Н. 437
 Ковалевский 537, 553
 Коварский И.Н. 400
 Коварская Л.А. (урожд. Налон-Дом-
 бровская) 400
 Кодрянская Н.В. 388
 Кодрянские 395
 Кодрянский И.В. 388
 Козловский О.А. 188
 Койранский А.А. 213
 Коковцов В.Н. 206
 Колар О.А. 378
 Колин — см. Гершун-Колин
 Колтоновская Е.А. 486
 Колчак А.В. 326
 Кольцов А.В. 307
 Компанец Я.В. 78
 Кондратенко А.И. 415
 Кондурушкин С.С. 557
 Коневской И. (Ореус И.И.) 186
 Кони А.Ф. 436, 520
 Констанди К. 499
 Конюс Б.Ю. 136
 Конюс (урожд. Рахманинова) Т.С.
 136, 401
 Кораблев В.Н. 430
 Корвин-Пиотровский В.Л. 58, 71
 Коринфский А.А. 356, 430, 514
 Корнель П. 62, 64
 Корнилий, игумен 246, 248
 Коробка Н.И. 20, 21, 470, 486
 Короленко В.Г. 186, 408, 421, 422,
 435, 478, 517, 524
 Коростелев О.А. 4, 5, 8, 22, 35, 74, 97,
 140, 151, 169, 285, 367
 Корсаков С.С. 375
 Корш, семья 217
 Корш Ф.Д. 466, 467
 Костомарова И.А. 4, 6
 Котелянский С.С. 334–336, 338–
 340, 342
 Котляревский Н.А. 518, 520, 541, 553
 Котомкин Д.И. 271
 Кочетов В.П. 404
 Коцюбинский М.М. 451
 Крайний А. — см. Гиппиус З.Н.
 Крамарж К. 322, 323, 325, 331
 Кранихфельд В.П. 438, 449, 475, 476,
 477, 478, 550
 Краснов П.Н. 15
 Крашенинников Н.А. 503
 Крейд В. (Крейденов В.П.) 16, 39,
 78, 109, 114, 151
 Крейд Вера 39, 109, 114
 Кречетов С. (Соколов С.А.) 213, 550
 Кривенко С.Н. 425
 Крутикова Л.В. 560
 Крылов И.А. 415
 Крымов В.П. 108, 109, 164
 Крэг Г. 532
 Крюкова А.М. 322
 Крюкова Н.Г. 514
 Куванова Л.К. 356
 Кугель А.Р. 406, 532
 Куденис (Coudenys) В. 5, 317, 318,
 434
 Кузмин М.А. 72, 73, 405, 527
 Кузнецова (в браке Петрова) Г.Н. 4,
 5, 14–16, 19, 24–27, 34, 174,
 175, 177, 180, 181, 183–188, 190,
 192–194, 196–198, 210, 232,
 237, 238, 240, 243–247, 249–
 252, 255–273, 275, 276, 278–
 280, 284, 289, 358, 359, 362, 372,
 373, 376, 379, 400, 437
 Кузьмин-Караваев В.Д. 477
 Кульман Н.И. 200, 379
 Кульман Н.К. 20, 21, 199, 200, 202,
 205, 206, 378, 379
 Кулябко Е.С. 482, 519, 520
 Куприн А.И. 40, 181, 182, 235, 242,
 250, 252, 254, 322, 327, 328, 336,
 352, 357, 410–412, 415, 421, 424,
 433, 475–479, 506–508, 519–
 521, 538, 544
 Куприна-Иорданская М.К. 410, 411,
 478, 489
 Куприяновский П.В. 551
 Курбский А. 248
 Куриленко Е.Н. 104, 105
 Курнос (Cournos) Дж. 350
 Куровский В.П. 499
 Кусиков (Кусикян) А.Б. 186
 Кускова Е.Д. (урожд. Есипова; в за-
 мужестве Прокопович) 122,
 123, 295, 297

- Кучеровский Н.М. 489, 518
 Кушнерев И.Н. 320, 332
 Кюнтцель Х. 290, 300, 307–309
 Лавров А.В. 169, 221, 429, 497
 Ладинский А.П. 33, 58, 69, 70, 177, 178
 Ладыженский В.Н. 252–254
 Ладыжников И.П. 450, 451, 504, 535
 Лазаревский В.А. 152
 Ламартин (Lamartine) А., де 344
 Ландау Г.А. 138
 Ландау (Алданова; урожд. Зайцева) Т.М. 5, 150, 205, 367–377, 380, 382, 383, 385–389, 391, 392, 394–401
 Лapidус А.Я. 3, 6, 403
 Лапинский М.Н. 375
 Ларденуа Г. 353
 Ларский И. 475
 Лаухин Д.П. 414
 Лебедев В.П. 425
 Левин С.Я. 41
 Левинсон А.Я. 173
 Левинтон Г.А. 237
 Левитов А.И. 494
 Ледницкий А.Р. 205
 Ледницкий (Lednicki) В.А. 204, 205
 Леманн (Lehmann) Дж. 343, 345–348, 353
 Леметр Ф.-Э.-Ж. 221
 Ленин (Ульянов) В.И. 59, 60, 65, 75, 347, 534
 Леонид Федорович — см. Зуров Л.Ф.
 Лермонтов М.Ю. 43, 62, 64, 92, 95, 187, 188, 416, 513, 520–522, 551
 Лернер Н.О. 438
 Леско Д.М. 119
 Лесков Н.С. 56, 93, 515, 524
 Лианозов С.Г. 241
 Ливак (Livak) Л. 38, 173, 238
 Ливен А.П. 235, 257, 259, 260, 269, 270
 Лившиц В.К. 548
 Линдстром М. 306
 Литвинова Л.С. 465
 Литовцев С. (Поляков-Литовцев; наст. имя: Поляков С.Л.) 198
 Лихошерстов А.А. 379
 Лишина М.К. 391
 Лобанов С.Д. 557
 Логинова-Муравьева Т. 4, 110
 Ломоносов М.В. 56, 487
 Лонгинов М.Н. 100
 Лонгфелло Г. 458, 519, 521
 Лопатин Л.М. 562
 Лосский Б.Н. 382, 384
 Лосский В.Н. 384
 Лосский Н.О. 383, 384
 Лотман Ю.М. 404, 522
 Лоуренс (Lawrence) Д.-Г. 334, 335
 Лохвицкая М.А. 186
 Лукаш И.С. 245, 246, 253
 Лукка И. 238
 Лунц Г.М. 387, 388
 Лурье А.С. 54
 Лухманова (урожд. Байкова) Н.А. 14
 Лучицкая М.В. 228
 Лучицкий И.В. 457, 459
 Львов Г.Е., князь 148, 273
 Львов Л.И. 159, 160, 210
 Львов-Рогачевский В.Л. 486, 557
 Льдов К. (Розенблюм В.-К.Н.) 471
 Любимов Л.Д. 144
 Лютер М. 266
 Мавич И. 481, 491
 Магеровский Л.Ф. 327–329
 Магомедова Д.М. 422
 Майков А.Н. 419, 524
 Майлз (Miles) Х. 341–345, 347, 348
 Макашин С.А. 4
 Макеев Н.В. 370, 373
 Маклаков В.А. 44, 116, 122, 124, 150, 151, 157, 187, 206, 275, 282, 283, 311, 324, 325, 526
 Маковицкий Д.П. 139
 Маковский С.К. 69, 70, 78, 79, 152, 214, 220, 221
 Маколей 521
 Максимова В.А. 529
 Малер (Mahler) Э.Э. 297, 299
 Малларме С. 416
 Малмстад (Malmstad) Дж. 4, 5, 165, 173, 206
 Мальцев Ю.В. 430
 Малюшин, поручик 259
 Малянтович В. 58

- Мамин-Сибиряк Д.Н. 475, 528, 529
 Мамонтов С.И. 531, 532
 Мамченко В.А. 60, 61, 138, 139
 Мандельштам О.Э. 50
 Манн Т. 222
 Мансфилд (Mansfield) К. 334–336
 Манухин И.И. 336, 559
 Марголина О.Б. (Ольга Борисовна) 200, 207, 208, 212
 Мариенгоф А.Б. 166
 Маринетти Ф.Т. 546, 548
 Маринкович А.П. 412–414
 Марков В.Ф. 38, 390, 391, 548–550
 Мартынова В.Р. 78, 104, 105, 136, 395
 Марченко Т.В. 202, 286
 Масловский Е.В. 143
 Масарик Т.Г. 197
 Матушевский И. 205
 Маяковский В.В. 307, 532, 546, 548, 550
 Мелуа А.И. 202, 286
 Менделеев Д.И. 89
 Мережковские 22, 33, 139, 170, 173–176, 185, 186, 270, 336, 382, 446
 Мережковский Д.С. (Дмитрий Сергеевич) 33, 60, 68, 75, 94, 139, 154, 173, 174, 181, 182, 186, 200, 201, 221, 266, 270, 306, 352, 447, 464, 468, 544, 550
 Метерлинк М. 544
 Миддлтон Марри (Middleton Murry) Д. 334–336
 Милицына Е.М. 424, 435
 Милль С. 221
 Милюков П.Н. 172, 173, 186, 309, 323, 324, 383, 384, 474
 Миролюбов В.С. 64, 427, 433, 438, 468, 488, 496
 Мирский Д.С. — см. Святополк-Мирский Д.П.
 Мистраль Ф. 316
 Михайлов О.Н. 3, 4, 6, 184, 354, 356, 403, 404, 487
 Михайлов П.А. 395
 Михайлова Э. 395
 Михайловский Н.К. 408, 449, 465, 469, 470, 488, 517
 Михайловы 190, 250, 395
 Михеев В.М. 425
 Михельсон Н.И. 378–380
 Мнухин Л.А. 7, 12, 238, 368
 Молот (Павчинский Э.И.) 422
 Молчанов Н.А. 551
 Мольер 530, 532, 533
 Мопассан Г., де 188, 290, 361, 362, 521, 524
 Мореншильдт Д. 157
 Мориак Ф. 361, 362
 Мормонэ И.И. 495, 497–500
 Морозов С.Н. 3–6. 403, 449
 Морозов С.Т. 460
 Морозовы 458, 462
 Мортимер (Mortimer) Р. 344, 350
 Моруа А. 341
 Москвич Н.Н. 498, 499
 Моцарт В.-А. 75, 77
 Мочульский К.В. 30, 131, 358, 383, 384
 Муйжель В.В. 450, 453, 454, 507, 508, 556
 Мунейхин М. 243
 Муни (Киссин С.В.) 213
 Муратов П.П. 173, 184, 190
 Муромцев Васиан, старец 245, 246, 248
 Муромцев Д.Н. 540, 543
 Муромцев Н.А. 246
 Муромцева-Бунина В.Н. — см. Бунина В.Н.
 Муромцевы 424
 Мюссе А., де 332
 Мясников А.С. 3, 6
 Набоков В.В. (псевд. Сирин) 97, 167, 178, 200, 208, 346, 361
 Набоков В.Д. 327
 Набоков Н.Д. 141, 142
 Надсон С.Я. 185, 186, 416, 515, 521, 524
 Наживин И.Ф. (псевдоним Ив. Булановский) 5, 317–332, 434
 Наживина А.Е. (урожд. Зусман) 319
 Наживины 322, 326
 Найденов (Алексеев) С.А. 188, 189, 443, 444, 463, 465–467, 470, 501, 508, 513
 Нансен (Nansen) Ф. 41, 42, 277

- Наполеон 94, 96, 182
 Неведомский М. (Миклашевский М. П.) 556
 Некрасов Н. А. 75, 91, 92, 94, 95, 136, 153, 162, 215, 321, 416, 419, 505, 507
 Нелидов В. А. 532
 Немирович-Данченко В. И. 186, 210, 432, 449, 466, 467, 469, 531, 533
 Нечкина М. В. 75
 Нидермиллер Е. Ф. 202
 Никитина М. А. 516
 Николаев Д. Д. 3, 6
 Николаевский Б. И. 286
 Николай Николаевич, вел. кн. 17
 Николеску Т. Н. 5, 354, 360, 362, 364, 365
 Николюкин А. Н. 317
 Никулин Л. В. 110, 542
 Нилус Б. С. (урожд. Липовская) 377, 378, 395
 Нилус П. А. 5, 173, 378, 426, 464, 468, 469, 480, 492, 494, 496, 498–500, 504, 511, 526, 532, 553
 Нина Дмитриевна, няня 398, 401
 Нинов А. А. 3, 7, 402, 436, 437, 460, 467, 468, 490, 491, 560
 Ницше Ф. 419
 Нобель А. 306
 Нобель Г. Л. 305, 306, 309
 Нобель Л. Э. 291, 306
 Нобель Э. Л. 217, 291
 Новиков И. А. 505, 562
 Носик Б. 52
- Оболенская Н. В. 46
 Овсянко-Куликовский Д. Н. 420, 486, 520, 536–540, 542, 543, 553
 Одесская М. М. 286, 343
 Одинец Д. М. 43, 44
 Одоевцева И. В. (Гейнике И. Г.) 10, 74, 97, 125, 140, 151, 152, 173
 Ожигов А. (Ашешов Н. П.) 550, 556
 Олейников Г. П. 291
 Олеша Ю. К. 20
 Олигер Н. Ф. 556
 Олимпов К. (Фофанов К. К.) 549
 Ольхин А. А. 425
 Омар Хайям 184, 185
- Омулевский (Федоров) Н. В. 186, 524
 Осоргин М. А. 178, 291, 292, 366, 370, 371, 390, 409, 534, 535, 548
 Осоргина Р. Г. 369–371, 373, 375, 378, 379, 381, 392, 393, 397
 Осоргина-Бакунина Т. А. 5, 354, 357, 365, 366
 Осоргины 215
 Островский А. Н. 466, 524, 530, 532
 Оцуп Н. А. 20, 83, 84, 87, 97, 134
 Ошар К. 5
- Павловские 400, 401
 Павловский М. Н. 401
 Пальмин О. И., священник 104, 105
 Пантелеймонов Б. Г. 5, 73, 83–86, 88–90, 105
 Пантелеймонова (урожд. Кристин) Т. И. 104, 105
 Парменид 266
 Пархомовский М. А. 74, 334, 385
 Парэн Б. — см. Pagain В.
 Пастернак Б. Л. 153–155, 362, 363, 399
 Патрашкин (Григорьев С. Т.) 549
 Паустовский К. Г. 363, 513
 Пашенко В. В. 221, 423, 427
 Первухин М. К. 548
 Пергамент А. М. 79
 Перельман Н. 370
 Пересветов Н. А. 485, 550
 Перрон, доктор 110, 394
 Перфильев А. М. 255–258
 Перцов П. П. 221
 Петр Великий 420
 Петров Д. М. 244, 248, 441
 Петрункевич И. И. 323, 324
 Пешехонов А. В. 474
 Пешков А. М. — см. Горький М.
 Пешкова Е. П. 215, 451
 Пильский П. М. 428, 442, 480, 481, 531
 Пيرانделло Л. 285
 Писарев Д. И. 221, 449
 Писемский А. Ф. 414, 487, 524
 Питоев (Pitoëff) Г. И. 73
 Питоева Л. Я. 72, 73
 Плеханов Г. В. 95, 96
 Плещеев А. 529

- Плотин 23, 266
 Поволоцкий Я.Е. 328, 329
 Подъячев С. 452, 557, 558
 Познер В. 45
 Познер С.В. 45
 Покровский М.Н. 560
 Поленц В., де 240, 418, 419
 Полнер Т.И. 322, 329, 330
 Полонская (урожд. Ландау) Л.А. 112, 115, 116, 129, 145, 370, 379, 390, 395, 396, 399
 Полонские 143, 381, 388
 Полонский А.Я. 157, 419
 Полонский Я.Б. 370, 379, 390, 391, 488
 Поляков А.А. 390, 391
 Поляков С.А. 428
 Поляков-Литовцев — см. Литовцев С.
 Полякова С.Г. 317
 Пономарев Е.Р. 5, 238
 Понятовский А.И. 356
 Поплавский Б.Ю. 176
 Попова О.Н. 425, 427, 529
 Поповский, доктор 38
 Постгейт (Postgate)Р.-У. 348
 Постовский В.И. 45, 48, 49
 Потапенко И.Н. 430, 476
 Потемкин Г.А. 188
 Похилевич 413, 414
 Прегель С.Ю. 16, 69, 70, 113, 121, 122, 146, 147, 149, 151, 156, 399
 Примочкина Н.Н. 317, 332, 437
 Присманова А. (Присман А.С.) 85, 86, 455
 Пришвин М.М. 70, 71
 Приэль Ж. (Тремель Ш.) 71
 Прокопов Т.Ф. 6
 Протопопов В. 406
 Пруссак В.В. 549
 Пруст М. 267, 361, 362
 Прыткина Т. 456
 Пульман Ж. 20, 21
 Пушешников Н.А. 433, 437, 494, 496, 523
 Пушкин А.С. 43, 44, 50, 57, 62, 64, 66, 75, 78, 83, 89, 91–96, 106, 121, 154, 155, 182, 183, 186–188, 202, 205, 206, 209, 215, 243–244, 405, 415, 416, 418, 424, 446, 506, 520, 522, 524
 Пшибышевский С. 479
 Пятницкий К.П. 431, 460
 Рабинович А. 482
 Равдин Б.А. 238, 513
 Радович 413
 Раевский Г. (Оцуп Г.А.) 82, 83
 Разумовский С.Д. 501
 Расин Ж. 62, 64
 Ратгауз Д.М. 471
 Рахманинов С.В. 136, 401
 Рачинский А. 5
 Ревякина И.А. 437, 535
 Редько А.М. 21, 486, 550
 Редько А.Е. 20, 21
 Редько Е.И. 21
 Реезе Х. 5, 513
 Рейзини Н.Г. 251
 Рейнгардт М. 527
 Рейтблат А.И. 405
 Рембо А. 416
 Рембрандт 95
 Ремизов А.М. 12, 59, 72, 73, 80, 88, 89, 98, 103, 125, 126, 143, 181, 182, 200, 242, 264, 365, 366, 527
 Ренан Э. 221
 Ренников А. (Селитренников А.М.) 149, 477
 Решетников Ф.М. 490
 Риви (Reavey) Дж. 154, 155
 Ривкин (Riwkin) И. 292
 Ривкина (Riwkin) Е. 292
 Риникер Д. — см. Riniker D.
 Риникер Н. 238
 Рогачевская Е. 5, 223, 353, 367
 Рогачевский А.Б. 5, 237, 224, 368
 Рогнедов А.П. 117, 119, 120, 145
 Роговский Е.Ф. 41–46, 48, 55
 Родионов И.А. 424, 435, 453, 507, 508
 Розанов В.В. 135, 266, 420, 468
 Розанов И.Н. 405
 Розенберг В.А. 409
 Розенблюм К.Н. 471
 Розинер А. 547
 Рокита Я. 181
 Романов К.К. 519
 Романовы 409, 533

- Ромашков Н.О. 514
 Рославлев А.С. 486
 Ротштейн (Rothstein)Р.-В. 286, 343
 Рошин М.М. 423, 481
 Рошин Н. (Федоров Н.Я.) 180, 181, 245, 247, 279, 284, 378, 379
 Рубакин Н.А. 320, 321
 Рубакины 425
 Рубинштейн А.М. 78
 Руманов А.В. 79, 80, 96, 117
 Русанов Г.А. 489
 Руссо Ж.-Ж. 62, 64
 Руставели Ш. 56
 Рыбакова Л.И. 214
 Рыбаковы 460
 Рылеев К.Ф. 307
 Рюриков Б.С. 3, 6
- Саакянц А.А. 402
 Сабанеев Л.Л. 143, 149
 Сабанеева Т.Г. 45
 Савельев А. (Шерман С.Г.) 196, 198
 Савицкий С. 223
 Сагайдачный (Конашевич-Сагайдачный) П.К. 62, 64
 Садовяну В. 355
 Сазонов С.Д. 325, 326
 Сазонова (урожд. Слонимская) Ю.Л. 103, 105, 108, 393
 Салтыков-Щедрин М.Е. 421, 515
 Сахаров И.Н. 435
 Сахновский Ю.С. 442, 443, 445
 Сачков В.Н. 514
 Сватиков С.Г. 434
 Святополк-Мирский Д.П. 66, 343, 344
 Северянин И. (Лотарев И.В.) 77, 182, 447, 546, 549, 550, 556
 Седой (Соколовский И.Л.) 477
 Седых А. (Цвибак Я.М.) 5, 114, 157, 314, 386, 434
 Селдес (Seldes) Г. 339
 Семенов Ю.Ф. 175, 521
 Серафимович А. (Попов А.С.) 504
 Сергеев А. 417
 Сергеев-Ценский С.Н. 475, 504, 563
 Сергеенко А.П. 161
 Сергеенко П.А. 161, 497
 Сергей Анатольевич — см. Цион С.А.
- Сергий (Страгородский), патриарх 383, 384
 Серов С.М. 187, 377, 379
 Сирин, Сирин-Набоков — см. Набоков В.В.
 Скабичевский А.М. 95, 425, 428
 Скворцова Л.А. 529
 Скиталец (Петров С.Г.) 7, 185, 186, 330, 415, 431, 432, 439—446, 457, 459, 461, 462, 465, 466, 470, 524, 529
 Скотт В. 524
 Скрыбина В. 352
 Слоним М.Л. 65, 66, 121—133, 134, 154, 155, 159, 262, 297, 350, 351, 352
 Смирнов С.Г. 249
 Смоленский В.А. 82, 83, 122
 Соболев Ю.С. 527, 528
 Солженицын А.И. 139, 235
 Соллогуб Н.Б. — см. Зайцева-Соллогуб Н.Б.
 Соллогуб А.В. 364
 Соловцов (Федоров) Н.Н. 63, 64
 Соловьев В.С. 93
 Соловьев С.М. 429, 482
 Солугуб Ф. (Тетерников Ф.К.) 201, 213, 266, 527, 549, 556
 Соломонов М.И. 495, 498—500
 Сперанский В.Н. 133
 Сполайкович 179
 Ст. Иванович — см. Талин В.И.
 Ставров П.С. 44, 49, 77, 117, 130
 Ставрова М.И. 49, 59
 Ставровский Л.Я. 517
 Ставровы 50
 Сталин (Джугашвили) И.В. 100, 186, 354
 Станиславский К.С. 440, 460, 522, 523, 531, 533
 Старк И. 70—73
 Степанов К.В. 3, 6
 Степанов С.А. 544
 Степун М.А. 358, 359, 378, 379, 400
 Степун Ф.А. 66, 67, 110, 115, 122, 138, 139, 185, 196, 198, 238, 257, 259, 270, 285, 361, 370, 379, 425
 Столица Л. (урожд. Ершова Л.Н.) 556

- Столыпин П.А. 324
 Строев, пристав 540–543, 552
 Струве Г.П. 3, 17, 35, 134, 135, 148,
 153, 159–161, 166, 182, 311, 332,
 335, 336, 341–343, 345–353
 Струве П.А. 394, 395
 Струве П.Б. 325–327
 Ступницкий А.Ф. 44, 48, 49, 53, 395
 Суворин А.С. 406, 426
 Суворин М.А. 149
 Суперфин Г.Г. 238
 Сураварди 187
 Сурат И.З. 206
 Сургучев И.Д. 504
 Сухово-Кобылин А.В. 90
 Сушкова Е. (Хвостова Е.А.) 266
- Тагер А.С. 544
 Тагор Р. 70, 71
 Талин В.И. (Португейс С.О., псев-
 доним Ст. Иванович) 20–22,
 173, 177, 178, 441
 Тальников Д. (Шпитальников Д.Л.)
 416, 487, 557, 558, 559
 Тамарин А.А. 438, 502, 509
 Тан (Богораз В.Г.) 472, 476, 478
 Тардов В.Г. 487, 557
 Татаринов В.Е. 44, 157
 Твардовский А.Т. 3, 6, 354, 363, 402
 Тейер (Thayer) С. 339
 Телешов Н.Д. 7, 308, 356, 439, 443,
 444, 451, 459, 461, 462, 466, 468,
 469, 497, 499, 501–505, 508, 510,
 511, 513, 526, 528, 529, 556
 Терапиано Ю.К. 58, 98, 117, 122,
 123, 133, 173, 233
 Терехов 459
 Терешкович К.А. 187
 Тернавцев В.А. 468
 Тиверий 552, 553
 Тикстон П.А. 270
 Тименчик Р.Д. 256
 Тимирязев К.А. 559, 560
 Тимирязевы 425
 Тимковский Н.И. 465, 470, 504
 Титов А.А. 116
 Тиханов Г. 350
 Толстая С.А. 154, 155, 159, 161, 162
 Толстая-Сухотина Т.Л. 160
- Толстой А.К. 100, 419, 524
 Толстой А.Н. 20, 215, 321, 322, 328,
 363, 504, 531
 Толстой А.С. 271, 295, 296
 Толстой Л.Н. 8–10, 19, 24, 27, 43–
 46, 59–65, 67, 68, 79, 83, 89, 90,
 91, 93, 94, 102, 108, 116, 123,
 125, 126, 128, 136, 138, 139, 150,
 154, 155, 160–162, 188, 202,
 209, 221, 228, 239, 240, 266, 296,
 297, 299, 300, 321, 331, 332, 355,
 356, 360, 362, 363, 418–422,
 424, 436, 452, 459, 473, 478, 479,
 484, 486, 489, 493, 495–497,
 513, 515, 517, 521–524, 532,
 562, 563
 Толстой Н.Л. 159, 160
 Толстой С.М. 159–161
 Трамбицкий Ю.А. 14
 Тренев К.А. 209, 504
 Трепов Ф.Ф. 462
 Трепов Д.Ф. 462
 Трофимов В.К. 253
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 65, 345–
 347
 Трубилова Е.М. 3, 6
 Трумэн Г. 12, 75
 Грущенко Е.Ф. 317
 Тувим Ю. 205
 Тумаркин А.С. 145
 Туманян О. 212
 Тургенев И.С. 24, 67–69, 188, 228,
 332, 344, 352, 402, 446, 465, 479,
 483, 489, 490, 493, 521, 523, 524,
 554
 Туринцев А.А., священник 104, 105
 Турчанинов Е.Д. 514
 Тхоржевский И.И. 185
 Тыркова-Вильямс А.В. 337–339,
 344, 346, 416
 Тэн И. 221, 524
 Тэффи (Бучинская Н.А., урожд.
 Лохвицкая) 55, 71, 73, 74, 83,
 86, 90, 103–105, 168, 179, 182,
 242, 270, 384, 378, 383, 384, 403
 Тюрин А.Н. 285
 Тютчев Ф.И. 67, 91, 92, 106, 161, 162,
 307, 524
 Тютчева А.Ф. 266

- Уайт (White, урожд. Дэвис) Д. 103, 152, 158
 Уайт (White) М.-Т. 103, 152
 Уиллетс Г. 127
 Ульпе 177
 Ульянов Н. 241
 Урусов, кн. 235
 Успенский Г.И. 421, 484, 486, 488, 489, 515, 538
 Успенский Н.В. 483, 487, 488, 494
 Устинов А.Б. 12
 Уэст (West) М. 340, 348, 350–352
- Файнерман И.Б. 519
 Федин К.А. 141
 Федоров А.М. 425, 459, 463–466, 468, 469, 498, 525, 526, 531, 536–539, 553
 Федотов А.Ф. 466
 Фельзен Ю. (Фрейденштейн Н.Б.) 37, 38, 211, 233
 Фет А.А. 93
 Фетцер Л. — см. Fetzer L.
 Фидели Н.И. 431
 Философов Д.В. 468
 Флауменбаум Л.З. 491, 534, 549
 Флейшман Л.С. 513
 Флит Б.Д. 526
 Флобер Г. 361, 362, 495, 513, 523, 524, 526, 527
 Фондаминский (Фундаминский, псевд. Бунаков) И.И. 174, 175, 188, 190, 192, 200, 250, 262, 264, 265, 379
 Фонвизин Д.И. 307
 Фондан Б. 221
 Фофанов К. 471
 Фоxt В.Б. 173
 Фош М.Ф. 258, 259
 Фрид С.Б. 491, 528, 556, 560
- Харджиев Н.И. 548–550
 Хаскелл А. 371, 372
 Хаскелл В.М. (урожд. Зайцева) 371
 Хаскелл Ф. 372
 Хейбер Э. 55, 71, 74, 403
 Хмара Г.М. 87
 Хмелев Н.П. 210
 Хмельницкий Н.И. 381
- Хововно Д. 13
 Ходасевич В.Ф. 4, 6, 91, 92, 94, 95, 106, 123, 145, 165–219, 232, 237, 242, 266
 Ходасевичи 376, 550
 Ходоровский А.С. 485, 496, 500, 537
 Холмянская О.А. 469
 Хуфен К. 285
 Хьюз Р. — см. Hughes R.
 Хэггстрем Й. 309
- Цакни А.Н. 423
 Цветаева М.И. 123
 Цвибак Я.М. — см. Седых А.
 Ценский — см. Сергеев-Ценский С.Н.
 Церетели И., протоиерей 104, 105
 Церетели Т.Ф. 520
 Цетлин М.О. 183, 184, 188, 190, 191, 194, 200, 321, 322, 348
 Цетлина (урожд. Тумаркина) М.С. 74, 75, 156, 199, 200, 213, 299, 322, 382, 383, 385, 386
 Цетлины 168, 187, 191, 323
 Цехновицер О.В. 556
 Цивьян Т. 237
 Цион С.А. 5, 285–316
- Чайковский П.И. 211, 212, 499
 Чапыгин А.П. 452
 Чеботарева Т. 12
 Чеботаревская А.Н. 557
 Чельшев Е.П. 317
 Червинская Л.Д. 35, 37, 38, 41, 46, 114, 121, 122
 Черемнов А.С. 450, 451, 494, 506, 510, 536
 Черниковский С. 210
 Чернов В.М. 491
 Чернышев А.А. 367
 Чернышевский Н.Г. 186, 330, 421, 517, 524
 Чертков В.Г. 496
 Чертков Г.В. 489
 Черчилль У. 12, 75
 Чеснокова Т.А. 286, 343
 Чехов А.П. 7, 11, 27, 59–64, 84–86, 90, 93, 130, 133–135, 186, 188, 266, 334, 336, 346, 351, 352, 363,

- 388–390, 393, 409–411, 417,
420–422, 424, 428, 431, 435, 436,
457, 462, 464–470, 523, 530, 532,
533, 547, 551, 557, 558
- Чехова М.П. 464, 466, 468
- Чеховы 417
- Чиннов И.В. 98
- Чириков Е.Н. 181, 182, 461, 467, 502,
555, 557–559
- Чубаров И. 481, 516, 517, 528
- Чубарова Л.А. 512, 513
- Чубаровы 514
- Чуковская Е.Ц. 463, 465
- Чуковский К.И. 7, 409, 433, 434, 436,
440, 461, 463, 465, 467, 470–472,
474, 475–482, 491, 521, 522, 538
- Чулков Г.И. 214, 527
- Шакуров В.А. 460
- Шаляпин Ф.И. 40, 432, 433, 437,
457–459, 461–464, 467, 468
- Шамо (Chamot) А.-Э. 346
- Шампень Ф., де 105
- Шарк (Charque) Р.-Д. 349, 351
- Шаршун С.И. 141, 142
- Шарыпкин Д.М. 228
- Шахматов А.А. 541
- Шаховская З.А. 87
- Шаховской Д.А. (Иоанн, архиепис-
коп; псевдоним Странник) 93
- Шаховской Д.М. 317
- Шварц С. (Моносзон С.М.) 119
- Шебуев В. 481
- Шевченко Т.Г. 330
- Шекспир У. 221, 266, 513, 521–523,
533
- Шелохаев В.В. 317
- Шенбаум (Szenbaum) Г. 127, 129,
130, 132, 135, 136, 138, 139, 144
- Шенье А. 523
- Шернстедт М. — см. Stiernstedt М.
- Шерон (Cheron) Ж. 5, 38, 285
- Шестов Л. 23, 130, 168, 221, 265, 266,
336, 361, 365, 366
- Шехтель Ф.О. 460
- Шик А.А. 41
- Шик И.Я. 200
- Шиллер Ф. 62–64, 412, 513, 520, 521,
523
- Шиф И.И. 547, 550
- Шифрин С. 78
- Шлезингер Т. 397
- Шлезингер Ф.С. 379
- Шлецер Б.Ф. 73, 77
- Шмелев И.С. 5, 145, 152, 182, 200,
252, 253, 269, 271, 501–505, 508,
513, 563
- Шмидт В. 550
- Шпажинский И.В. 413
- Шпильгаген Ф. 479
- Шпитальников Д.Л. — см. Тальни-
ков Д.
- Шполянская Н.М. 397, 398
- Шполянский А.П. — см. Дон-Ами-
надо
- Шраер М.Д. 5, 167
- Штейгер А.С. 43, 44
- Штемберг Н.К. 257
- Штернфельд 390
- Шумаков Ю.Д. 3
- Шуф В.А. 425
- Щеголев П.Е. 187
- Щепкин Е. 531, 539
- Щепкин М.С. 487
- Щепкин Н.Н. 552
- Щепкина-Куперник Т.Л. 471
- Эдди М.-Б. 111
- Элст М. 5
- Элькан (урожд. Абельман) А.М. 78,
98
- Элькан Б.В. 78
- Элькин Б.И. 103
- Эммануель (Emmanuel) П. (наст.
имя Ноэль Матье) 81, 82
- Эренбург И.Г. 12, 34
- Эртель А.И. 186, 483, 486, 488
- Эткинд А.М. 468
- Эткинд Е.Г. 41, 488
- Юденич Н.Н. 234, 241
- Юнггрен М. 285, 343, 353
- Юрьев М. 531
- Юшкевич С.С. 172, 173, 175, 433,
472, 473, 475–478, 498, 500, 513,
531, 537, 539, 553
- Ющинский А. 544, 545

- Яблочков Г.А. 503, 536–538
Якобсен 417
Яконовский Е.М. 136
Янгиоров Р.М. 3, 205, 338, 339
Яновский В.С. 20, 38, 41, 108, 148, 211
Яновский Е.Я. 399
Ясинский И.И. 108, 109
- Agrell S. — см. Агрелл С.
Alexander T. 339
- Baranoff N. 366
Barmache N. 366
Bechhofer Roberts C.E. — см. Бехгофер-Робертс К.Э.
Belleil J. 223
Beskow N. 309
Bethea D. — см. Бетеа Д.
Bevan Vaughan 339
Bonnier K.-O. — см. Боньер К.-О.
Bonnier T. — см. Боньер Т.
Bowles J. 223
Bradley W. — см. Брэдли У.
- Caille P. — см. Кайе П.
Campbell B. 334
Carswell J. 334
Chamot A.E. — см. Шамо А.-Э.
Chancellor R. 388
Charque R.D. — см. Шарк Р.-Д.
Cheron G. — см. Шерон Ж.
Conroy L.A. 334
Coudenys W. — см. Куденис В.
Cournos J. — см. Курнос Дж.
Crosland 119
- Davies (Дэвис) R. 4, 5, 7, 8, 55, 71, 74, 127, 167, 169, 220, 232, 233, 285, 317, 353, 368, 393, 403
Davies D. — см. Уайт Д.
Deriugin M. 333
Dickinson J.W. 336, 337
Donzel M. — см. Донзель М.
- Eastman M. — см. Истман М.
Ehrenwirth F. 316
- Elbel A. 404
Emmanuel P. — см. Эммануэль П.
Evans R. 119
- Fedoulova R. 366
Ferrus M. 15
Fetzer L. 333–335, 339
Fiene D.M. 366
Foster E.M. 334
Fry R. 334
- Garnett E. — см. Гарнетт Э.
Geber N. — см. Жебер Н.
Gide A. — см. Жид А.
Giroud V. 169
Grenier R. — см. Гренье Р.
Guerney B.G. — см. Герни Б.
- Hare R. 312
Harrison J. 343
Haskell A. — см. Хаскелл А.
Haskell F.-J.-H. — см. Хаскелл Ф.
Hastings B. 334
Hearn N. 223
Hellman B. 556
Heywood A. J. 4, 233, 393
Hughes (Хьюз) R. 169, 173, 187
- Janik W. 238
Jaugelis G. 343
Kamkin V. 15, 238
Kasprowicz J. — см. Каспрович Я.
Keynes J.M. 334
Klepinine T. 366
- Lamartine A., de — см. Ламартин А.
Lawrence D.H. — см. Лоуренс Д.Г.
Lednicki W. — см. Ледницкий В.
Lehmann J.F. — см. Леманн Дж.
Lewanski L.G. 333
Lewanski R.G. 333
Libor B. 233
Lindbom O. 309, 310
Livak L. — см. Ливак Л.
Lyon Fitz 119
- Mahler E. — см. Малер Э.Э.
Malcolm J.A. 337
Malmstad J. — см. Малмстад Дж.

- Mansfield K. — см. Мансфилд К.
Mantz Ruth Elvish 334
Marullo Th.G. 402, 481
Mauriac F. 38
Michelson S. 381
Middleton Murry J. — см. Миддлтон
Марри Дж.
Miles H. — см. Майлз Х.
Mirrlees H. 343
Mortimer R. — см. Мортимер Р.
Moussalli U. 105
- Nansen F. — см. Нансен Ф.
- Orage A.R. 334
Ossorguine T. — см. Осоргина-Баку-
нина Т.А.
Oston Stanley B. 333, 337
- Pachmuss T. 22, 175
Parrain B. 81–83
Pascal P. 366
Pilenko A. 337
Pitman L. 456
Pitoëff J. — см. Питоев Г.И.
Postgate R.W. — см. Постгейт Р.-У.
Pring S.W. 337
Pullman G. 21
- Reavey G. — см. Риви Д.
Reese H. — см. Реезе Х.
Reyes R. 328
- Riniker (Риникер) D. 3–6, 220, 223,
233, 238, 393, 402, 423, 563
Riwoin E. — см. Ривкин И.
Riwoin I. — см. Ривкина Е.
Rothstein Wedin R. — см. Ротш-
тейн Р.-В.
- Sager V. 293
Sager L. 293
Sarton M. 334
Seldes G. — см. Селдес Г.
Seltzer T. — см. Зелцер Т.
Sinany H. 366
Smith G.S. 350
Stead C.K. 335
Stiernstedt M. 288–290, 295, 300
Sullivan H. 238
Szenbaum H. — см. Шенбаум Г.
- Thayer S. — см. Тейер С.
Traill V. 389
- Wachtel M. 169, 404
West M. — см. Уэст М.
Willets H. 139
Willis J.H. 333, 344, 339
White D. — см. Уайт Д.
White M.T. — см. Уайт М.Т.
Wicander V. 291–293, 296, 303
Wicander C.-A. — см. Викандер К.-А.
Woolf L. — см. Вулф Л.
Woolmer J.H. 334
- Zytaruk G.J. 334

RESUME

Ivan Bunin: New Materials

This is the first volume in a new series of preparatory materials for a future critical (or at least complete) edition of the works and letters of Ivan Bunin (1870-1953), the first Russian to be awarded the Nobel Prize for Literature (1933).

The publications it contains reveal new or little known aspects of Bunin's life and works. They draw on the holdings of British and American repositories, such as the Leeds Russian Archive, the Hoover Institution, the Bakhmeteff Archive, the British Library, as well as the libraries of Edinburgh, Reading, Sussex and Yale Universities. Major bodies of Bunin correspondence are published here in their entirety for the first time, including that between Ivan and Vera Bunina and Georgii Adamovich (edited by Oleg Korostelev and Richard Davies), the Bunins and Vladislav Khodasevich (edited by John Malmstad), Bunin and Galina Kuznetsova and Leonid Zurov in 1928-1929 (edited by Irina Belobrovtsseva and Richard Davies) and Bunin and Georg Brandes (edited by Daniel Riniker). Also included are Bunin's letters to Sergei Tsiou during World War II (edited by George Cheron), Ivan Nazhivin's 1919-1920 letters to Bunin (edited by Wim Coudenys and Richard Davies), the correspondence of Vera Bunina with Tat'iana Aldanova (edited by Ekaterina Rogachevskaia), and letters about Bunin written by Georgii Adamovich, Tat'iana Osorgina and Natal'ia Sollogub to the Romanian Bunin scholar, Tat'iana Nicolescu. Andrei Rogachevskii offers a detailed analysis, based on previously untapped archival sources, of Bunin's dealings with the Hogarth Press in London. Finally, Daniel Riniker presents and extensively annotates 25 newspaper interviews with Bunin and similar items published in the Russian press between 1902 and 1917 and never since reprinted.

The volume is illustrated by a large number of photographs of Bunin and people associated with him, selected from the holdings of the Leeds Russian Archive and for the most part never previously published.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Основные сокращения	6
Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) / Публикация Олега Коростелева и Ричарда Дэвиса	8
Переписка И.А. и В.Н. Буниных с В.Ф. Ходасевичем (1926–1939) / Публикация Джона Малмстада	165
Переписка И.А. Бунина с Г. Брандесом (1922–1925) / Публикация Даниэля Риникера с участием Бориса Вайля и Ричарда Дэвиса. Вступительная заметка и примечания Даниэля Риникера	220
«Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»: Переписка И.А. Бунина и Г.Н. Кузнецовой с Л.Ф. Зуровым (1928–1929) / Публикация Ирины Белобровцевой и Ричарда Дэвиса. Вступительная статья Ирины Белобровцевой	232
Письма И.А. Бунина к С.А. Циону (1940–1947) / Публикация Жоржа Шерона. Подготовка текста Александра Тюрина и Ричарда Дэвиса. Комментарии Олега Коростелева и Магнуса Юнггрена	285
Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920) / Публикация Вима Кудениса и Ричарда Дэвиса	317
Андрей Рогачевский. И.А. Бунин и «Хогарт Пресс»	333
По следам парижской командировки: Из писем Г.В. Адамовича, Т.А. Осоргиной-Бакуниной и Н.Б. Зайцевой-Соллогуб / Публикация Татьяны Николеску	354
«Жаль, что так рано кончились наши бабьи вечера»: Из переписки В.Н. Буниной и Т.М. Ландау / Публикация Екатерины Рогачевской	367
«Литература последних годов — не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917) / Предисловие, подготовка текста и примечания Даниэля Риникера	402
Указатель имен	564
Resume	582

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

Новые материалы

Выпуск I

Составление, редакция *О. Коростелева, Р. Дэвиса*

Корректор *А. Лазуткина*

Верстка *Л. Фирсовой*

Подписано в печать 15.11.2004.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.

Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ № 3335.

ЗАО «Издательство «Русский путь»»

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

Тел.: (095) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru.

Сайт в Интернете: www.rp-net.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ОАО «Типография «Новости»»

105005, Москва, ул. Ф.Энгельса, д.46

ISBN 5-85887-176-3

9 785858 871767 >

